

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2024. 19(4)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- А. А. Черкасов (г. Вашингтон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
- П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
- В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
- С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
- М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.12.2024 г.

Заказ № 82.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н.А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2024. 19(4)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. A. CHERKASOV (WASHINGTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 12/01/2024

Order № 82.

Editor, Proofreader
editor-translator
V.S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N.A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

CONTENTS

ARTICLES

Records of Steppe Rulers Steppe of the Period XV-XVIII centuries: Clerical Practices and Epistolary Heritage Z.K. Kartova, N.A. Abuov, G.S. Ilyassova	1503
Kazakh Shibaniids (XVIII-XIX cc.) in Pre-Revolutionary Sources A. Kiyat, Zh.M. Sabitov	1513
The Evolution of the Military Oath in Russia in the XVIII century T.A. Volodina	1523
Influence of Russian National and Economic Culture on Kalmyk Society in the 18th century: Fishing and Otkhodnichestvo M.M. Batmaev	1533
The Russian Academy of Sciences in the Pre-Revolutionary Period (on the 300th Anniversary of Its Creation) S.B. Zinkovskii, E.V. Krasnenkova, M.G. Smirnov, Gordeev I.A.	1542
Sociocultural Environment of the Orthodox Parish of Small Town in the Russian Empire, late XVIII – early XXth centuries (on the example, the Town of Tsarevosanchursk, Yaransky District, Vyatka Province) E.V. Bykova, K.I. Odegova	1550
On the 250th Anniversary of the Birth of Georg Heinrich Langsdorf (1774–1852): Some Pages of Biography G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	1560
To the 200th Anniversary of the First Russian Expedition to Brazil: Pages of History N.A. Shevchenko, Yu.V. Kapitanets, G.M. Zinchuk, N.L. Krasnyukova	1568
The Procedure for the Administration of Civil Justice in the Grand Duchy of Finland A.V. Gurko, M.Sh. Shamilov	1578
Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem A.Yu. Peretyatko	1586
Historiosophic Foundations of the Polish National Movement in the Russian Empire A. Lebid, A. Palchyk, O. Diadia	1598
Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements N.A. Zhirov	1605
To the 200th Anniversary of the Birth of Russian Historian Vladimir Vasilyevich Stasov (1824–1906) V.V. Bogdan, V.S. Nikitina, V.Yu. Malakhova, S.N. Rozhnov	1615
To the Issue of the Institution of Sultans in Kazakh Society in 1824–1869 A.M. Yespenbetova, Zh.A. Ganibaeva, A.B. Aman, A.Zh. Abdenov	1624
Salt Industry and Supply of salt to the Population of Eastern Siberia in the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Yenisei Province) O.M. Dolidovich, I.Y. Makarchuk, E.N. Starovoitov	1635
Land Use of Rural Clergy in Rural Parishes of Siberian Dioceses in the second half of the XIX – early XX centuries D.N. Belyanin, V.N. Razgon, A.V. Razgon	1644

A.M. Evreinova on the Importance of National Law (To Mark the 180th Anniversary of the Birth of the First Russian Woman Jurist) E.V. Safronova, N.A. Safronov, D.V. Alontseva, A.V. Akopyan	1657
Imperial Policy of Including of the North Caucasus Peoples into the Russian Cultural and Linguistic Space in the second half of the 19th century E.A. Avdeev, A.M. Erokhin, S.M. Vorobev, S.N. Bredikhin	1663
Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University A. Cherkas	1674
Vice Admiral S.O. Makarov Contribution (1849–1904) to the Russia Consolidation in the Arctic Territories A.V. Kistova, A.A. Sitnikova, A.A. Shpak, N. N. Seredkina	1683
Sailing Barges built in Votkinsk as Part of the Caspian Flotilla in the 1850s and 1860s N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, I.Yu. Cherkasova	1694
Lifestyle as a Reflection of the Mentality of the Siberian Intelligentsia of the 19th century T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, S.V. Kozhevnikov, T.V. Schastlivaya	1706
The Northwestern Outskirts of Russia in the Policies of the Russian Authorities and Social Thought of the Late Imperial Period: A Historiographical Aspect M.N. Krot, O.O. Zavyalova	1718
The Stages of Formation of the Institution of Jurors and Its Impact on the Justice System in the Russian Empire from the Time of Catherine II to the Reforms of Alexander II I.S. Denisov, B.S. Batyrbaev	1728
Organization, Management and Specifics of Zemstvo Psychiatric Health Care in the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries A.V. Reshetnikov, N.V. Prisyazhnaya, O.N. Bobrovskaya, A.N. Lazarenko	1736
Orthodox Monasteries and Churches as centers of Regional Identity Formation (on the example of the Penza Diocese) O.V. Kolpakova, A.R. Mere, O.A. Filenkova	1751
The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries M.A. Sosnina, T.V. Vorotilina, N.I. Besedkina, A.A. Avanesova	1759
The Uprising of Kenesara Kasimov in the Historical Discourse of the Russian Military and Researchers of the XIX – early XX centuries A.K. Kapyshev, I.R. Prokhorov, A.I. Svinarchuk	1766
The Primary Education System in the Komi Region in the late 19th – early 20th centuries O.A. Plotskaya, K.K. Atabekov, E.N. Lotorev, I.V. Shiryova	1776
Clergy-Educators of Siberia in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries N.M. Leshchinskaia, N.N. Pimenova, Yu.N. Menzurenko, N.A. Sergeev	1785
Practices of Social Asceticism in the Russian Province in the end of 19th – early 20 th centuries (Using the Example of Penza Department of the Society for the Care of the Wounded and Sick Soldiers and the Sisters of Charity Community) N.A. Koblova	1795
Features of Toponymic Bindings in the Dating of Entries in the Diaries of Grand Duke Michael Alexandrovich and His Immediate Family D.M. Sofjin, M.V. Sofjina	1805

On the Development of Aeronautics in the Russian Empire in the 1880s N. Koptseva, K. Degtyarenko, I. Makarchuk, T. Ermakov	1817
Gendarmerie Supervision of Tomsk Students at the turn of the XIX–XX centuries P.P. Rumyantsev	1829
Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan S.K. Uderbayeva, Zh.A. Akimbek	1839
Political and Legal Ideology of Siberian Regionalism in the late 19th – early 20th centuries: Interpretations of Modern Irkutsk Historiography A.V. Golovinov, A. Adilbayeva, A.V. Chichulin	1847
The Level of Education of the Yakutsk Regional Administration in the late XIX – early XX centuries T.G. Karchaeva, G.M. Lushchayeva, O.I. Savin, O.G. Alekseev	1855
Penetration of Russian and Foreign Capital into Turkestan in the late XIX – early XX centuries and Its Impact on Industrial Production N.U. Musayev, R.B. Siddikov, A.V. Narbekov, Sh.E. Ernazarov	1864
Practices of Adapting the Russian model of Administrative Management on the Territory of the Kazakh Steppe in the second half of the 19th century (based on materials from the Turgai Region) A. Bimoldanova, M. Bekmagambetova, R. Bekmagambetov, E. Nauryzbayev	1877
Dynamics of Religiosity in the Yenisei Province in the 19th century M.A. Kolesnik, N.N. Pimenova, Y.N. Menzhurenko, N.M. Leshchinskai	1887
A Meeting Chaired by Nicholas II on the Revision of the Fundamental State Laws: Formation and Composition (March–April 1906) S.V. Kulikov	1898
Reflection of the Topic of Public Education on the Pages of the Newspaper “Terskiye Vedomosti” in 1907–1912 L.R. Gaunova, Yu.M. Azikova, P.A. Kuzminov, Z.H. Soblirova	1910
On the Issue of the Participation of the Simbirsk Nobility in the Development of the Public Charity System in the Russian Empire at the beginning of the XXth century O.R. Khasyanov	1920
The Issue of the Scale of the Russian Tea Market at the beginning of the 20th century M.B. Mamatova, O.P. Kobzeva, N.S. Uroкова, N.A. Vaisova	1931
The Formation of Civic Identity in the “Poteshnie” Movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 1 I.A. Bulatov, D.N. Kovaleva	1946
Features of the Conversion Plan of the Public Steamship Company on the Yenisey River in 1914 E.A. Akhtamov, D.N. Gergilev, T.V. Izluchenko, D.N. Nesterenko	1958
Charity Activities of the Kazakh Population during the First World War M.M. Kozybayeva, S.R. Sarmanova, Kh.B. Maslov, A.S. Zhuniskhanov	1967
Charitable and Volunteer Practices in the Conditions of the First World War (based on the Materials of the Southern Rear Provinces – Rostov-on-Don, Astrakhan, Tsaritsyn, Kuban Volosts) I.N. Litvinova, O.A. Karagodina	1975
The Quality of Life of the Lower Ranks as a Factor in the Combat Readiness of the Russian Army during the First World War P.S. Seleznev	1987

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1503-1512
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1503

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Records of Steppe Rulers Steppe of the Period XV-XVIII centuries: Clerical Practices and Epistolary Heritage

Zaure K. Kartova ^a, Nurbolat A. Abuov ^{b, *}, Gaukhar S. Ilyassova ^a

^a Manash Kozybayev North Kazakhstan university, Petropavlosk, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article considers the evolution of clerical traditions and clerical practices in the post-Horde states, one of which is the Kazakh Khanate. The study of creation, distribution and functioning of act sources, documents of epistolary nature is an important link in the historical reconstruction of the past of the states and peoples of Central Asia. The studied complex of historical materials consists of act sources (labels, diplomas, orders, treaties, batiks, diplomatic correspondence) and documents of epistolary character (diplomatic letters, praise odes, epic tales, letters of khans and sultans to the rulers of neighbouring states). Recently they have been actively identified in archives and manuscript repositories of different countries and introduced into the scientific turnover, becoming a unique layer of historical sources. The analysis of these documents shows the necessity and importance of their wide use, as they convey little-known historical facts, detail and reveal “white spots” and lacunas of a number of aspects of the historical past. The importance of these authentic sources in the study of macro and microhistory is quite enormous.

As a result of analysing the records management of steppe rulers, it was concluded that there was a change and evolution in the part of procedural clerical practices, one of the reasons for which were changing geopolitical realities, specificity of nomadic lifestyle, universalism and lack of need for excessive bureaucracy. The building of more intensive diplomatic relations and the growth of correspondence between neighbouring countries demonstrates the transformation of templates and the content of the texts of clerical documents themselves, the loss of their stencil-like nature towards simplification and their acquisition of epistolary character. The specificity of the identified unique narrative documents demonstrates the need for a comprehensive, interdisciplinary approach of researchers in studying and introducing these documents into a wide scientific circulation.

Keywords: act documents, letters, narrative documents, oral historiology, steppe rulers, epistolary genre, chancellery.

1. Введение

Эпистолярное наследие как источник реконструкции прошлого государств и народов приобретает важное значение в исторической науке. Междисциплинарные исследования на стыке тюркологии, востоковедения, филологии и медиевистики формируют необходимость в синтезировании общих методологических позиций. Изучение письменного и устного наследия Улуг

* Corresponding author

E-mail addresses: abuovnur@mail.ru (N.A. Abuov), kartov_m@mail.ru (Z.K. Kartova), gauhartas81@mail.ru (G.S. Ilyassova)

Улуса (Золотой Орды), а позднее постордынских государств, позволяет получить новые концептуальные переосмысления в исторической науке.

Источниковедческая практика истории Казахстана демонстрирует, что существует определенный дефицит письменных памятников «степного происхождения», т. е. автохтонных и аутентичных источников, в которых зафиксированы непосредственные факты, свидетельства и впечатления самих участников и очевидцев данных событий. Период постордынский, как и время до присоединения Казахского ханства в состав Российской империи, остается малоизученным с позиции познания эпистолярного наследия правителей, и задача ученых – изучить содержание источников для объективной реконструкции исторических процессов.

В отечественной науке растет интерес к письменному нарративу, а именно к письменным и устным источникам, принадлежавшим ханам, султанам, представителям казахской знати, поскольку они редко анализировались исследователями. Данные документы имеют непреходящую источниковедческую ценность, так как они могут точно интерпретировать малоизвестные исторические факты и события. За счет этого исследуемая эпоха проецируется более детально, выявленные новые грани находят подтверждение в стилистических и терминологических особенностях этих источников.

Введение в научный оборот новых документов «степного происхождения», определение специфики их появления и распространения, авторство и последующая классификация – все это представляет интерес для научного исследования.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются документы, которые хранятся в архивах и рукописных фондах разных стран. Наибольшее количество делопроизводственных документов, дипломатических писем и актовых источников, принадлежащих казахским правителям и аристократии, сохранено в Архиве внешней политики Российской империи (г. Москва, Российская Федерация), Российском государственном архиве древних актов (г. Москва, Российская Федерация), Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Определенная доля источников размещена в Центральном государственном архиве, а также в Национальном центре рукописей и редких книг Комитета архивов, документации и книжного дела Республики Казахстан. Ханские письма и документы найдены в архивах таких стран, как Китай, Турция и Узбекистан. Ценными являются литературные источники, авторами которых можно считать правящую элиту степи. Данные источники хранятся в архивных фондах отдела Востоковедения научной библиотеки Санкт-Петербургского университета в РФ, в Центре письменного и музыкального наследия Института языка и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан – Мирасханэ, а также в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном архиве древних актов.

Материалами для научного изучения являются делопроизводственные документы, издававшиеся правителями с целью претворения социально-экономической, судебной и дипломатической функций. В средневековых среднеазиатских государствах к делопроизводственной канцелярской документации относились ярлыки (в значении «грамота», «высочайший приказ»), нишан (в значении «грамота», «акт»), битик («дипломатическое письмо», битим «письменный договор» (Omonov, 2015: 71).

Параллельно формировался комплекс эпистолярного наследия казахских правителей, который представляет собой многочисленные письма, историко-литературные произведения представителей правящей элиты или членов их семей, являвшихся непосредственными свидетелями политических событий прошлого. Их авторы передали нам не только жанры и особенности литературного наследия Великой Степи, но и другую не менее важную историческую информацию. В силу их специфики к ним широко применяются методы лингвистического анализа для уточнения общих понятий, имен, хронологии. Нарративный анализ как метод герменевтики и метод качественного анализа материала используется для выявления субъективных явных и неявных представлений о событиях. При всей неполноте и лакунарности данных каждого вида источников в своей совокупности они создают вполне определенное информационное поле, позволяющее осветить ключевые вопросы исторической науки (Титце, 1985: 245).

Таким образом, для полноты и объективности в статье рассматривается эволюция широкого комплекса аутентичных источников, которые условно необходимо разделить на две группы: делопроизводственные документы, с одной стороны, и эпистолярные письма и литературные источники тех же адресантов, – с другой. Изучение автохтонных и аутентичных источников базируется на современных теоретико-методологических подходах исторической науки с применением системно-структурного анализа, принципов этнокультурного метода изучения исторического прошлого с широким использованием междисциплинарных и трансдисциплинарных стратегий. Данные методы широко применимы для изучения особенностей делопроизводства, эволюции эпистолярного наследия и канцелярских практик.

3. Обсуждение

Делопроизводство, эпистолярное наследие и канцелярские практики были предметом изучения ряда советских, зарубежных и отечественных ученых. В период советской историографии появились исследования, в которых дается характеристика основных делопроизводственных документов, их описание, одновременно поднимаются вопросы подлинности, атрибуции и датировки источников. Этот период характеризуется постановкой ряда проблем, связанных с всесторонним изучением жалованных актовых источников, с привлечением новых методов и концептуальных подходов. Изучение средневековых ярлыков в дипломатическом контексте представлено в работах А.К. Боровкова, А.П. Григорьева, С.М. Каштанова, С.М. Малова, Т.И. Султанова. В трудах известных историков С.Г. Вахидова, М.А. Усманова, Л.Ю. Тутушевой были введены в научный оборот важные акты и делопроизводственные документы, связанные с историей Казанского, Крымского ханств и Уйгурского княжества.

В трудах японского ученого Такао Мориясу проводится анализ уйгурских текстов, выполненных в форме писем. Он дает определение понятиям «документ» и «письмо» и приводит классификацию уйгурских документов, написанных в период VIII – XIV вв. Большую роль в изучении данного вопроса сыграли издания В. Радлова, Анны Марии фон Габен, С. Тезджана, П. Циме (Moriyasu Takao, 2008: 131). Проанализировав встречающиеся в текстах уйгурские термины со значением «письмо», Мориясу относит к ним yarligh, otug, asangu, soz, используемые часто в притяжательной форме, первые три еще и со словом bitig. Изучив около двухсот уйгурских писем, Такао Мориясу выделил пять типов писем, классифицируя их по признаку иерархии отношений. Например, простое письмо вышестоящему лицу или письмо нижестоящего вышестоящему по должности лицу, заслуживающему особого отношения и др. Таким образом, четко прослеживается связь делопроизводственных писем уйгурских князей с золотоордынскими актовыми документами (Moriyasu, 2011: 38).

Первоначальное археографическое и текстологическое изучение ярлыков, основных письменных документов Золотой Орды, проведено в трудах И.Н. Березина, Н.Н. Мурзакевич, Усманова М.А. Они отмечают, что во всех ярлыках, содержащих в интитуляциях термин «слово мое», в корроборации соответствовала формула типа «дан ярлык с такой-то тамгой» (Мурзакевич, 1840: 147). Все изученные и введенные в научный оборот данными авторами ярлыки содержат эту статью в формуляре, следовательно, используются в значении «указ», «приказ», «повеление». М.А. Усманов указывал, что иногда в корроборации основной части указывались термины «мульк-наме», «берат», «мааф», скорее, как видовой принадлежность документа к ярлыкам (Усманов, 1979: 275). Т.И. Султанов выделяет среди делопроизводственной документации дипломатические послания, к которым применялись термины «намэ», «хат», «жазу», «битик». В значении «послания» битик встречается в письмах Улуг-Мухаммеда и других ханов. Позднее их стали отличать от ярлыков, называя «битик», «шарт-наме», «жазу» и т.д., но начальный протокол, частично и корроборацию, оформляя по прежним образцам (Султанов, 1975: 56-57). М.А. Усманов подвергает изучению тюркские оригиналы 61-го жалованного ярлыка крымских ханов, обнаруженных в архивах, рукописных хранилищах и музеях Москвы, Ленинграда, Казани, Киева, Одессы и Симферополя. Автор приходит к выводу о том, что в русском делопроизводстве применительно к подобным документам использовалось выражение «шертный ярлык», но более распространенным было признано «шарт-наме» – «договор» «как относительно доминантный термин (при употреблении термина «ярлык» подразумевалась неравноправность контрагентов)» (Усманов, 1979: 102).

Ученый-тюрколог К.Ш. Омонов, изучая типы деловых документов в истории старотюркского литературного языка, указывает, что термин «Yarlıg» использовался как в узком значении («тип делового документа»), так и в расширенном (под этим термином понимались все официальные тексты и документы, имеющие отношение к правителю), термином «Bitim» обозначали «письменный договор», «примирение в письменной форме», «дипломатическое соглашение» (Omonov, 2015: 72).

Интересен научный опыт ученых ближнего и дальнего зарубежья, которые занимаются интерпретацией различных видов делопроизводственных документов. И.В. Зайцев, используя рукописные тексты Крымского ханства, размещенные в архивах Российской Федерации, Турции, Франции, Египта, Ирана и ряда европейских стран, показывает истоки крымской исторической традиции позднего средневековья и нового времени, представляет эволюцию и изменения канцелярской практики, проводит всесторонний источниковедческий анализ крымских исторических сочинений и письменного арабографического наследия Крымского полуострова (Зайцев, 2009: 111).

Исследованию истоков и специфики функционирования старотатарской деловой письменности XVI-XVII вв., описанию документов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Махачкалы и других городов посвящены труды Ф.М. Хисамовой. В работах проводится реконструкция основных структурных особенностей старотатарского языка делопроизводственной документации (Хисамова, 1990: 111).

Система делопроизводства и форма издания актовых документов в ставках казахских ханов начиная с XVI века идентична с делопроизводством послезолотоордынских ханств Средней Азии. С точки зрения У.А. Султонова, изучавшего комплекс делопроизводственных документов, принадлежавших мечети Хожа Ахмета Ясави, «из-за малочисленности фактов, из каких либо

письменных источников нам не известно о состоянии придворной канцелярии первых казахских ханов, например, Керей хана, Бурундук хана и др. Если же говорить о конце XVI–XVII вв., то можно сказать, что, по всей вероятности, имеются очень похожие и даже почти одинаковые традиции и оформления законодательных актов между Шайбанидами (именно двора Ташкентского удела) и Казахским ханством» (Султонов, 2016: 92). Этот факт говорит о том, что ханы Средней Азии выдавали ярлыки для правления главам городов Сыгнак, Сайрам и Туркестан, что свидетельствует о зависимом положении присырдарьинских городов среднеазиатским ханствам. К этим источникам можно отнести четыре жалованные грамоты, которые в научной среде описаны В.В. Бартольдом и В.П. Юдиным как «Грамоты из Сыгнака», вакуфная грамота Тимур Амира и пять грамот казахских правителей Тәуке и Түрсун Мұхаммеда, пожалованных в период с 1598 по 1625 гг. (Муминов и др., 2017: 129).

Одним из первых советских историков, обративших внимание на значение эпистолярной переписки правителей как на особый исторический источник, был М.П. Вяткин, который писал: «Познавательная значимость этих документов тем более ценна, что письма охватывают весьма широкий круг феодалов» (Вяткин, 1948: 25).

Изучение писем казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX вв. позволяет утверждать, что происходили существенные изменения в оформлении документов официального и личного происхождения указанного периода (Ерофеева, 2014: 15). И.В. Ерофеева делит их на частные письма (источники личного происхождения и содержания) и официальные письма (делопроизводственная документация) и объединяет в самостоятельный вид письменных источников – эпистолярное наследие (Ерофеева, 2014: 36). И.В. Ерофеева относит к эпистолярному наследию «комплекс сходных по внешней форме и условному формуляру документов официального и личного происхождения, которые выполняли функцию установления определенных правовых, политических, деловых или иных взаимоотношений между конкретными официальными, либо частными лицами» (Ерофеева, 2014: 15).

В историографической науке Казахстана детальное изучение дипломатических писем ханов, направленных китайским правителям, началось с выявления в Первом историческом архиве Китая и Центральном государственном архиве Республики Казахстан письменных источников автохтонного происхождения. Одним из важных результатов проделанной в этом направлении археографической работы стало издание сотрудниками Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК многотомного издания документов по истории дореволюционного Казахстана, выявленных в государственных архивах Китая (КТКД, 2006). Это были дипломатические послания правителей Казахского ханства чиновникам Синьцзяна, составленных на чагатайском, ойратском и маньчжурском языках. Они были успешно изучены и введены в научный оборот К.А. Хафизовой, Б. Еженханулы, Н. Базылханом, С. Сунгатаем и другими историками под руководством М.Х. Абусейтовой (Жинак, 2006).

Публикация, перевод и интерпретация дипломатических писем казахских ханов Циньским правителям проведена японскими учеными Т. Онума и Дж. Нода. Т. Онума опубликовал аутентичную копию первого письма Абылай хана циньскому императору Цяньлуну от 1757 г., написанного ойратским письмом (тодо бичиг) (Noda, Onuma, 2010: 112).

В целом опыт историографического изучения делопроизводственной документации подтверждает, что письменное наследие правителей Казахского ханства XV–XVIII веков, продолжая традиции канцелярской культуры Золотой Орды, значительно изменило структуру и содержание источников, разнообразило виды документов.

4. Результаты

Делопроизводственные документы, эпистолярное наследие казахских правителей XV–XVIII вв. является продуктом традиций государственности, делопроизводства, литературного достояния Золотой Орды. В то же время казахские правители унифицировали многие стороны организации делопроизводства, учитывая новые требования и возможности. Так, например, в канцелярии и в аппарате хана Золотой Орды приводятся названия разных должностей чиновников. Главенствующую роль в государственном аппарате играл беклербек, который обладал властью и особыми полномочиями, а также отвечал за дипломатические взаимоотношения, соответственно, формировал письменный этикет и структуру письменных документов. Возникающая необходимость знаний культуры, языка и традиций народов завоеванных территорий сделало востребованным наличие у них развитого чиновничьего аппарата и делопроизводства в рамках такого органа, как диван.

В Казахском ханстве использовалось письмо с разной графикой. Среди наиболее распространенных документов были письма на арабской графике, чагатайское письмо, маньчжурское письмо, а также персидский и уйгурский языки. Для написания этих писем у казахских правителей на службе были писцы татарского, башкирского, бухарского происхождения, хранители традиций золотоордынского делопроизводства. Грамотность делопроизводителей пользовалась особым почетом, муллы, знавшие разные языки, имели высокий статус в казахском обществе. Официальных писем, написанных лично самими ханами, очень мало. Сохранились лишь очень короткие

собственноручные записки Абылай хана сугубо практического плана (Хафизова, 2019: 19). Но ханы стремились овладеть знанием ряда языков, молодые султаны с раннего возраста должны были учиться письму и дипломатическим премудростям.

Казахское ханство в XV-XVIII вв. развивалось уже в других геополитических реалиях, чем Золотая Орда, и их дипломатические отношения с соседями и содержание обращений через письма правителей все больше отражают необходимость сохранения баланса защиты интересов государственности, их личных привилегий и защиты подданного им народа. Казахские правители в течение веков, живя в условиях перманентной войны, вынужденно сокращали свой управленческий аппарат, штат канцелярии, изменяли делопроизводственную практику, трансформировали и адаптировали властные полномочия доверенных лиц, их функциональные права и обязанности.

В Казахском ханстве, как и во всех постордынских государствах, основные внешнеполитические функции исторически исполняли представители степной элиты – ак сүйек (белая кость), которые по необходимости писали как к нижестоящим по степной иерархии подданным, так и правителям других государств с целью решения важных внутри- и межгосударственных вопросов, защиты интересов подвластного им населения, а также в интересах внешней безопасности (Ерофеева, 2014: 17).

В отличие от Золотой Орды, в Казахском ханстве не прослеживается функционирование специального ведомства, которое отвечало за конкретный спектр внешних отношений. «Глава Казахского ханства, будучи высшим представителем своего государства в международных отношениях, представлял свое государство как субъект международного права, но сам субъектом международного права не являлся. Это правило было и продолжает являться одинаковым для всех глав государств и правительств. Главы казахского государства выполняли функции внутригосударственного органа внешних сношений» (Сарсембаев, 2015: 287).

В процессе организации дипломатических отношений активную роль стали играть представители степной элиты казахских родов, а ведение делопроизводства поручалось грамотным, компетентным писарям и переводчикам. Следует отметить, что функции послов, посланников от хана или султана могли исполнять бии, батыры, старшины, что находит подтверждение в дипломатических письмах, где определены их компетенции и полномочия. Казахская правящая элита из числа кара сүйек (черная кость) с учетом сложной иерархической системы управления, актуальности остроты принимаемых решений вносила свои коррективы в формирование и содержание писем, несмотря на отсутствие их в числе адресантов данных документов. Вместе с тем авторитетные и влиятельные батыры, бии зачастую самостоятельно выступали авторами писем. В частности, обнаруженные в архивах письма Алтай батыра и Ажибай бия, датированные 1724 годом (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 935–93506.), письмо биев Младшего жуза Кожамшукир бия, Жазык бия и Ажибай бия от 1725 года (Исмурзин, 2023: 432, 433), письмо Ханкоджа султана хэбей-амбаню (советнику военного губернатора, думному вельможе) Тарбагатая Юнбо от 1788 года (Әбділәшімұлы, 2016: 28) являются тому подтверждением.

Их компетентность как акторов политического процесса в Казахском ханстве подтверждается и тем, что батыры и бии выполняли дипломатические миссии. Выбор послов из числа батыров был не случаен, так как это была большая ответственность, которая требовала как харизматического характера на переговорах, так и отваги в пути следования посольства. Сейткул, Кутлымбет, Суюндык, Татлымбет, Еныбек, Елантуш, Мерген, Кутур (Кутырь), Сатай и многие другие – это лишь небольшой перечень имен батыров, которые упоминаются в письмах казахских правителей. В условиях ограниченности штата канцелярии, секретности и деликатности поручений казахские ханы и султаны в основном полагались на своих посланцев, которые могли устно передать их распоряжение, соблюсти правильную тональность в ходе переговорного процесса, выполнить секретные поручения. Абулхаир хан в письме Тайному советнику И.И. Неплюеву писал: «А донести вам ни о чем не имею, токмо по приказу вашему приехал Кутырь-батырь и обо всем словесно объявил. И я, Абулхаир, обо всем словесно же чрез оных Кутыря-батыря и Карачуру донести вам приказал. И о всех моих речах изволите спросить у оного Кутырь-батыря, которой, что вам доносить будет, изволите оному верить» (Ерофеева, 2014: 176).

В официальных документах соседних с Казахским ханством государств отмечается, что послы были достаточно осведомлены об обычаях, культуре, маршрутах и системе передвижения по стране. Они были грамотны, с детства обучены таким языкам, как чагатайский, арабский и другие. В направленных посольствах их сопровождали писари-переводчики. Сами руководители посольств, являясь доверенными лицами степных правителей, строго выполняли указания, доводили информацию в устной форме, что неоднократно прописывалось в содержании писем.

При дворе казахских правителей были лица, обладающие необходимыми компетенциями для ведения делопроизводства. В их функции входили прием входящей документации, перевод писем, резюмирование содержания писем, договоров, а также составление ответов на данные документы для правителей других стран. Документы хана помещались в один сундук, который он возил с собой при перекочевках (Хафизова, 2019: 14). Почекаев Ю.В., изучавший ханские ярлыки тюрко-монгольских государств XV-XIX вв., пишет, что в настоящее время найдено мало актов документов казахских

правителей, так как они не сохранились и лишь известны по сообщениям переводчиков Оренбургской и Омской приграничных канцелярий (Почекаев, 2010).

Одной из причин отсутствия большого количества актов документов во внутреннем обращении является сложность иерархической системы управления в Казахском ханстве, функциональная универсальность полномочий правящей степной элиты, нестабильность и изменчивость ситуации в Степи. Наиболее важные решения социально-экономической, политической жизни принимались в Казахском ханстве на Курултае (всеобщем съезде) и озвучивались там же подвластному народу, далее устная традиция передачи информации эти решения распространяла на все роды и жузы. Таким образом, во внутренней жизни степная элита в большинстве важных проблем государства регулировала их локально, не прибегая к излишней бюрократии в использовании делопроизводства и канцелярских практик.

В целом ведение канцелярской практики у казахских правителей упростилось после налаживания дипломатических отношений между Казахским ханством и Российской империей. Например, в середине XIX века российский чиновник Н. Любимов докладывал в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел: «вся канцелярия у султанов–правителей состоит из одного письмоводителя, из какого-нибудь писца или наемного толмача» (Хафизова, 2019: 14). Особенностью ведения канцелярских практик в степи было то, что функции писарей, толмачей и воспитателей наследников правителей Казахского ханства не были разграничены. К примеру, по словам К.Ш. Хафизовой, «у хана Кенесары писарь, он же мулла, был учителем ханских детей. Ему также вменялись функции управляющего, считающего наличие сарбазов-воинов, скота, вооружения и прочего имущества» (Хафизова, 2019: 15).

Таким образом, послы (султаны, бии и батыры, толмачи, переводчики и писари, курьеры-туленгуты) становились исполнителями политической воли казахских правителей. При дворе ханов и султанов они исполняли свою миссию под руководством казахских правителей, создавали письменные документы, закладывая в их содержание желаемый настрой, дружеский характер, враждебную или иную эмоциональную составляющую, что придает этим источникам нарративный характер.

Делопроизводственные акты, распространенные в канцелярской практике государств Центральной Азии в XIV-XVI вв., по внешнему и внутреннему содержанию и форме были очень схожи между собой. Эти акты создавались в соответствии с определенным шаблоном, имели общий абстрактный формуляр. Им свойственна лаконичность стиля, соответствие установленному образцу и наличие всех статей условного формуляра. Источниковедческий анализ клаузул, статей, абстрактного формуляра источника показывает, что они относятся к одному виду источников. В постордынских государствах большой поток письменного нарратива пополняется юридическими документами различного содержания, оформленными по единому образцу и заверенными печатями одного или нескольких официальных лиц (ривайатами, васика, ариза, дауа и т.д.). Но при этом в канцеляриях Центральной Азии «инайат-нама», «фарман», «йарлыг» служили для наименования документов и часто употреблялись безотносительно к их оформлению и содержанию (Муминов и др., 2017: 129).

В XVI-XVIII вв. происходит эволюция разновидностей актов документов: они превращаются в официальную делопроизводственную документацию. В канцелярской практике отмечаются значительные изменения в форме, типе и разновидности документов. Актовые источники становятся эпистолярной перепиской, из текста документов безвозвратно исчезают эпитеты и клаузулы, указывающие на неравноправность контрагентов и неукоснительное исполнение решений. Дипломатическая переписка окончательно приобретает форму эпистолярного жанра, приобретая более свободный стиль изложения, эмоциональный фон, лексические нормы устной речи. Согласимся с утверждениями И.В. Ерофеевой о том, что документы позднего средневековья занимают «маргинальное положение по отношению к актовым материалам (дипломатике) и некоторым другим разновидностям делопроизводственной документации – с одной стороны, и к частной переписке – с другой, так как в условном формуляре и содержании подавляющего большинства степных писем присутствуют характерные черты обоих этих видов исторических источников» (Ерофеева, 2014: 16). Существующие традиции не могли не отразиться на содержании текстов документов, права и обязанности вытекали из самой сути формы жизнеобеспечения государства, будь то перечень налогов, привилегий или же форма землевладения.

Таким образом, начиная с XVIII века делопроизводственные акты утрачивают свое первоначальное значение, лишаются своего указного характера и превращаются в документы равноправной межгосударственной переписки. Связано это, в первую очередь, с усложнением механизмов управления и необходимостью регулирования приграничных проблем, возникающих в период протектората, а позднее – в колониальный период; во-вторых, – стремлением к поиску компромиссных решений, что, в свою очередь, приводит к тому, что официальный язык документов все больше приобретает эпистолярный характер и становится языком письма-диалога; в третьих, условный формуляр источников претерпевает изменения в части устойчивых статей (инвокация и наррация).

В целом и акты, и документы нарративного характера могут иметь свое пересечение в дипломатической переписке, порождая их взаимозависимость и неразрывность.

Нельзя не отметить, что после установления прочной переписки появляются своеобразные дипломатические письма «степного происхождения». В их содержании демонстрируются частные просьбы, появляются новые акторы, которые привносят свою лепту в формирование эпистолярного жанра. Так, после установления в XVIII веке отношений протектората хана Абулхайра и российской администрации появляются письма его супруги Бопай ханым, которая вела достаточно активную переписку, увеличившуюся после гибели ее супруга. Например, в письме императрице Елизавете Петровне от 5 октября 1748 года Бопай ханым просила об утверждении сына Нуралы главным ханом Казахского ханства (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1748-1749 гг. Д. 8. Л. 90б.), а в письме тайному советнику И.И. Неплюеву от 22 июля 1749 года благодарит за то, что «по всемилостивейшему е.и. в указу сын мой Нурали чрез ваше высокопр-во торжественно возведен на ханство и.е.и.в. з золотыми гербами всемилостивейшим патентом и протчими ея величества высочайшей милости знаками снабден» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 гг. Д. 4. Л. 2550б.). Эти письма являются ярким дополнением к реконструкции исторических событий середины XVIII века, раскрывающих историю Младшего жуза и взаимоотношений с российской администрацией.

Установление прочных и постоянных дипломатических контактов приводит к многократному увеличению писем от казахских правителей, увеличению самих акторов дипломатической переписки. Авторами дипломатических писем стали ханы, султаны, а также влиятельные родовые старшины, имевшие возможность в приграничных территориях проводить регулярное взаимодействие с администрацией Российской империи. В исследуемый период такую переписку на регулярной основе вели правители и ханы Эбілқайыр (1710–1748), Нуралы (1748–1786), Абылай (1771–1780), Бопай ханым (1680–1780), Жолбарыс хан (1690–1739), которые оставили после себя обширное эпистолярное наследие (Ерофеева, 2014: 22-23).

Необходимость разрешать различные вопросы между Казахским ханством и приграничной российской администрацией по поводу обмена пленными, кражи скота, нарушений прав местного населения в крепостях также не могли не влиять на содержание писем. В этих письмах можно отследить ужесточение тональности в требованиях, обнаружить дополнительную детализацию ономастических данных, использование широкого круга антропонимов, паитру топонимов, экзоэтнонимов и т.д. Таким образом, письма позволяли устанавливать определенные гарантии оперативных взаимоотношений, решать срочные проблемы, выявлять видение сторон по тому или иному вопросу, обмениваться важной информацией (Кабульдинов и др., 2023).

Для писем казахских правителей к российским чиновникам XVIII века характерна определенная дуальность. Стремление установить доверительные связи, найти общие грани взаимовыгодных отношений не могли не отразиться на содержании казахско-российских писем. Официальный язык и пиетет в этикетной части письма иногда завершался совершенно неофициальным стилем пожеланий здоровья и просьбами частного характера (отправка лекарств, тканей, пряностей, беспокойство о здравии сыновей-аманатов, отправка строителей, стройматериалов и т.д.). Например, дуальность содержания писем об аманатах объяснима следующими причинами: во-первых, система аманатства (заложничества) сыновей казахских правителей была официальным условием договоренностей о подданстве, во-вторых, она глубоко затрагивала частные права и интересы самих ханов.

Таким образом, исследование истории делопроизводства и эволюции делопроизводственной документации, документов правителей государств Центральной Азии расширяет наше представление об исторических процессах и событиях в истории Казахстана и сопредельных стран.

5. Заключение

Казахское ханство и его правители, отчасти сохранив традиции дипломатического делопроизводства Золотой Орды, создавали свой новый интересный пласт письменных источников, которые обнаружены в архивах и рукописных фондах стран ближнего зарубежья. Своеобразие уникальных источников заключается в том, что дипломатические письма степных правителей содержат особую историческую информацию и ценность, отобразившись в литературных жанрах.

Неповторимый сплав письменных традиций и устной историологии требует научного переосмысления в части систематизации и классификации согласно их типовой принадлежности. На начальном этапе к данному комплексу документов можно применить термин «нарративные документы» с дальнейшей целью выявить весь комплекс имеющихся документов степных правителей с последующей систематизацией их на виды и подвиды. При изучении необходимо применять к ним методы междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований на стыке истории и филологии, тюркологии и востоковедения, просопографии.

Понятие «нарративные документы» следует трактовать многозначно. С одной стороны, под ним подразумеваются документы, предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав, деловые и служебные записи, дипломатическая переписка и т.д. С другой стороны, к ним следует отнести все источники эпистолярного жанра в виде историко-литературных источников (письма, оды, эпические былины, теологические сочинения, хроники, сказания, мемуары, памфлеты), несущих информацию о том или ином событии. Следует отметить, что для тюркских кочевых племен XV-XVIII вв., проживавших также в Крыму, на территории Центральной

Азии, было характерно наличие устной историологии. Представители устной историологии, степные певцы (акыны) и сказители (жырау; сыншы) передавали не только дух исторической эпохи, но и через свое творчество распространяли судьбоносные политические решения правителей. Многие меж-государственные решения казахских правителей облекались распространителями устной историологии в литературную форму, которая характерна была для их творчества, становясь историческим источником (например, Свод законов – «Жеті жарғы», песня-плач «Елім-ай», ода Аллайар султану, эпическая песнь «Адилъ султан» и т.д.). Необходимы различные подходы к изучению нарративных источников, позволяющих объективно раскрыть их внутреннее содержание.

При отборе документов важно учитывать принадлежность их казахским правителям, членам их семей, представителям кочевой аристократии. Это вполне коррелируется с тем фактом, что адресантами средневековых источников были представители степной знати, традиционно выполнявшие все коммуникативные общественно-политические функции. Изучение новых источников эпистолярного характера позволяет раскрыть особенности канцелярских практик и дополнить исторические события в ретроспективе отношений между странами, городами и правителями средневекового периода.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Текстологическое изучение и источниковедческий анализ нарративных документов правителей Казахского ханства периода XV-XVIII веков» (ИРН AP19676930).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Вяткин, 1948** – Вяткин М.П. Археографическое введение / Материалы по истории Казахской ССР. Ч. 2. Москва-Ленинград. 1948. С. 22-26.
- ГАОРО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Ерофеева, 2014** – Ерофеева И.В. Том I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Алматы: «АБДИ Компани». 2014. 692 с.
- Әбділәшімұлы, 2016** – Әбділәшімұлы Д. Жұнго бірінші тарихи мұрағатында сақталған казахша құжаттар. Алматы: «Елтаным баспасы», 2016. 216 б.
- Жинақ, 2006** – Қытайдың бірінші тарихи мұрағаты мен ҚР Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты (құрастырған) «Қытай–Қазақстан қарым–қатынастарына байланысты Цин дәуіріндегі мұрағат құжаттарының жиынтығы» Т. I. Бейжің: Чжунго Дан–ань (Қытай мұрағаты) баспасы. 2006. 672 б.
- Зайцев, 2009** – Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники / Ин–т востоковедения РАН. Москва: Вост лит., 2009. 304 с.
- Исмурзин, 2023** – Исмурзин Ж.А. Алтай батыр және оның заманы. Ақтөбе: «Хабар–Сервис», 2023. 504 б.
- Кабульдинов и др., 2023** – Кабульдинов З.Е., Сирик В.А., Қуанбай О.Б. Казахская степь в архивных документах (третья четверть XVIII в.). Сборник документов. Алматы: ИП «Мадияр», 2023. 432 с.
- ҚТҚД, 2006** – Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. III том. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы: Дайк–Пресс, 2006. 154 с. + факсимиле 140 с.
- Муминов и др., 2017** – Муминов А.К., Кумеков Б.Е., Султонов У.А., Шуховцов В.К. и др. Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмада Йасаи. Астана: Мастер. 2017. 216 с.
- Мурзакевич, 1840** – Мурзакевич Н. Письменные памятники Токтамыш–хана // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 27, отд. II. Санкт-Петербург. 1840. С. 141-148.
- Омонов, 2015** – Omonov Sh. Types of business documents in the history types of business documents in the history of old–turkish literature language of old–turkish literature language // *Paradigms of knowledge*. 2015. № 3. Pp. 71-75.
- Почекаев, 2020** – Почекаев Ю.В. Ханские ярлыки в тюрко–монгольских государствах XV–XIX вв. // *Средневековые тюрко–татарские государства*. 2010. № 2. С. 65-70.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Сарсембаев, 2015** – Сарсембаев М.А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2015. 342 с.
- Султанов, 1975** – Султанов Т.М. Письмо золотордынского хана Улуг–Мухаммеда турецкому султану Мураду II / *Тюркологический сборник*. 1973. Москва, 1975. С. 53-64.
- Султонов, 2016** – Султонов У.А. К вопросу о жалованных грамотах казахских ханов, выданных мазару Ахмада Йасаи (конец XVI–XVII вв.) / *Материалы международной научной конференции, посвященной празднованию Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева*

«Исламская духовность, рациональность и этнокультурные традиции как факторы противодействия религиозному экстремизму». Астана. 2016. С. 90–97.

Титце, 1985 – *Титце А.* Османские нарративные источники по истории Балканских стран // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия Института востоковедения Академии наук СССР. Ленинградское отделение (доклады и сообщения). Москва, 1985. С. 242–250.

Усманов, 1979 – *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. Казань, 1979. 318 с.

Хафизова, 2019 – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур–Султан, 2019. 480 с.

Хисамова, 1990 – *Хисамова Ф.М.* Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI–XVII вв.). Казань: Издательство Казанского университета, 1990. 152 с.

Moriyasu, 2008 – *Moriyasu T.* Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from Central Asia. Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo. 2008. Pp. 127–153.

Moriyasu, 2011 – *Moriyasu T.* Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from the Eastern Silk Road (Part 1). Memoirs of the Graduate School of Letters Osaka University, 51/3. Osaka. 2011. Pp. 32–86.

Noda, Onuma, 2010 – *Noda I., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty / Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities The University of Tokyo, 2010. 176 p.

References

AVPRI – Архив внешней политики Российской империи [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

Erofeeva, 2014 – *Erofeeva, I.V.* (2014). Tom I. Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite in 1675–1821 godov. [Letters of Kazakh rulers. 1675–1780 Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite in 1675–1821]. Almaty. «ABDI Kompani». 692 p. [in Russian]

GAORo – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archives of the Orenburg Region].

Ismurzin, 2023 – *Ismurzin, Zh.A.* (2023). Altai batyr zhәne оnyң zamany. [Altai batyr and his time]. Ақтобе. «Khabar– Servis». 504 p. [in Kazakh]

Kabul'dinov i dr., 2023 – *Kabul'dinov, Z.E., Sirik, V.A., Kuanbai, O.B.* (2023). Kazakhskaya step' v arkhivnykh dokumentakh (tret'ya chetvert' XVIII v.). [Kazakh steppe in archival documents (third quarter of the XVIII century)]. Sbornik dokumentov. Almaty: IP «Madiyar». 432 p. [in Russian]

Khafizova, 2019 – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh. [Steppe rulers and their diplomacy in the 18th–19th centuries]. Nur–Sultan. 480 p. [in Russian]

Khisamova, 1990 – *Khisamova, F.M.* (1990). Funktsionirovanie i razvitie starotatarskoi delovoi pis'mennosti (XVI–XVII vv.). [Functioning and development of Old Tatar business writing (XVI–XVII centuries)]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 152 p. [in Russian]

Moriyasu, 2008 – *Moriyasu, T.* (2008). Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from Central Asia. Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Tokyo. Pp. 127–153.

Moriyasu, 2011 – *Moriyasu, T.* (2011). Epistolary Formulae of the Old Uighur Letters from the Eastern Silk Road (Part 1). Memoirs of the Graduate School of Letters Osaka University, 51/3. Osaka. Pp. 32–86.

Muminov i dr., 2017 – *Muminov, A.K., Kumekov, B.E., Sultonov, U.A., Shukhovtsov, V.K. i dr.* (2017). Istoricheskie dokumenty mavzoleya Khodzha Akhmada Iasavi. [Historical Documents of the Mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi]. Астана. Master. 216 p. [in Russian]

Murzakevich, 1840 – *Murzakevich, N.* (1840). Pis'mennye pamyatniki Toktamysh–khana [Written monuments of Toktamysh Khan]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Ch. 27, otd. II. Sankt-Peterburg. 1840. Pp. 141–148. [in Russian]

Noda, Onuma, 2010 – *Noda, I., Onuma, T.* (2010). A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities The University of Tokyo, 176 p.

Omonov, 2015 – *Omonov, Sh.* (2015). Types of business documents in the history types of business documents in the history of old–turkish literature language of old–turkish literature language. Paradigms of knowledge. 3: 71–75.

Pochekaev, 2020 – *Pochekaev, Yu.V.* (2020). Khanskie yarlyki v tyurko–mongol'skikh gosudarstvakh XV–XIX vv. [Khan's labels in the Turkic–Mongol states of the XV–XIX cc.]. Srednevekovye tyurko–tatarskie gosudarstva. 2: 65–70. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Sarsembaev, 2015 – *Sarsembaev, M.A.* (2015). Kazakhskoe khanstvo kak suverennoe gosudarstvo srednevekovoi epokhi. [Kazakh Khanate as a sovereign state of the medieval era]. Астана: GU «Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan». 342 p. [in Russian]

Sultanov, 1975 – *Sultanov, T.M.* (1975). Pis'mo zolotordynskogo khana Ulug–Mukhammeda turetskomu sultanu Muradu II. [Letter from the Zolotordyn Khan Ulug–Muhammed to the Turkish Sultan Murad II]. Tyurkologicheskii sbornik. Moskva. Pp. 53–64. [in Russian]

Sultonov, 2016 – *Sultonov, U.A.* (2016). K voprosu o zhalovannykh gramotakh kazakhskikh khанov, vydannykh mazaru Akhmada Iasavi (konets XVI–XVII vv.). [To the question about the grants of the Kazakh

khans issued to the mazar of Akhmad Yasawi (late XVI-XVII centuries)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi prazdnovaniyu Evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva «Islamskaya dukhovnost', ratsional'nost' i etnokul'turnye traditsii kak faktory protivodeistviya religioznomu ekstremizmu»*. Astana. Pp. 90-97. [in Russian]

Tittse, 1985 – Tittse, A. (1985). Osmanskije narrativnye istochniki po istorii Balkanskikh stran [Ottoman narrative sources on the history of the Balkan countries]. Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XIX godichnaya nauchnaya sessiya Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie (doklady i soobshcheniya). Moskva. Pp. 242-250. [in Russian]

Usmanov, 1979 – Usmanov, M.A. (1979). Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XV vv. [Grievance acts of the Juchiye ulus of the XIV–XV cc.]. Kazan'. 318 p. [in Russian]

Vyatkin, 1948 – Vyatkin, M.P. (1948). Arkheograficheskoe vvedenie [Archaeographical introduction]. Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. Ch.2. Moskva-Leningrad. Pp. 22-26. [in Russian]

Zaitsev, 2009 – Zaitsev, I.V. (2009). Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki [Crimean historiographical tradition of the XV–XIX centuries: ways of development: manuscripts, texts and sources]. In–t vostokovedeniya RAN. Moskva: Vost lit., 304 p. [in Russian]

Zhinak, 2006 – Qytaidyń birinshi tarikhi mұraǵaty men QR R.B. Syleimenov atyndaǵy Shyǵystanu instituty (qyrastyran) «Qytai–Qazaqstan qarym–qatynastaryna bailanysty Tsin dǵuirindegi mұraǵat qzhattarynyń zhiyntyǵy» [The first historical archive of China and the R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of the Republic of Kazakhstan (compiled) «A collection of archival documents of the Qing era related to China–Kazakhstan relations»]. T I. Beizhiń: Chzhungo Dan–an' (Qytai mұraǵaty) baspasy. 2006. 672 p. [in Kazakh]

Əbdiləshimly, 2016 – Əbdiləshimly, D. (2016). Zhŋgo birinshi tarikhi mұraǵatynda saqtalǵan qazaqsha qzhattar [Kazakh documents stored in the first historical archive of zhungo]. Almaty: «Eltanym baspasy». 216 p. [in Kazakh]

КТКД, 2006 – Qazaqstan tarikhy turaly qytai derektemeleri. III tom. Tsin patshalyk dǵuiriniń mұraǵat qzhattary [Details of China on the history of Kazakhstan. Volume III. Archival documents of the Qing Kingdom era]. Almaty. Daik–Press. 154 p. + faksimile 140 p. [in Kazakh]

Делопроизводство степных правителей XV–XVIII веков: канцелярские практики и эпистолярное наследие

Зауре Кенесовна Картова ^a, Нурболат Аскерович Абуов ^{b, *}, Гаухар Сапорбековна Ильясова ^a

^a Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Петропавловск, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция делопроизводственных традиций и канцелярских практик в постордынских государствах, одним из которых является Казахское ханство. Изучение создания, распространения и функционирования актовых источников, документов эпистолярного характера является важным звеном в исторической реконструкции прошлого государств и народов Центральной Азии. Изучаемый комплекс исторических материалов состоит из актовых источников (ярлыки, грамоты, приказы, договора, битики, дипломатическая переписка) и документов эпистолярного характера (дипломатические письма, хвалебные оды, эпические сказания, письма ханов и султанов правителям сопредельных государств). В последнее время они активно выявляются в архивах и рукописных хранилищах разных стран и вводятся в научный оборот, став уникальным пластом исторических источников. Анализ данных документов показывает необходимость и важность их широкого использования, так как они передают малоизвестные исторические факты, детализируют и раскрывают «белые пятна» и лакуны ряда аспектов исторического прошлого. Значимость этих аутентичных источников при изучении макро- и микроисторических процессов достаточно огромна.

В результате анализа делопроизводства степных правителей был сделан вывод об эволюции процедурных канцелярских практик, одной из причин которых были изменяющиеся геополитические реалии, специфика кочевого образа жизни, универсализм и отсутствие потребности в излишней бюрократии. Вместе с тем выстраивание более интенсивных дипломатических отношений, рост переписки между странами-соседями демонстрирует трансформацию шаблонов. Специфичность выявленных уникальных нарративных документов демонстрирует необходимость комплексного междисциплинарного подхода в изучении и введении этих документов в широкий научный оборот.

Ключевые слова: актовые документы, письма, нарративные документы, устная историология, степные правители, эпистолярный жанр, канцелярия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abuovnur@mail.ru (Н.А. Абуов), kartov_m@mail.ru (З.К. Картова), gauhartas81@mail.ru (Г.С. Ильясова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1513-1522
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1513

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakh Shibaniids (XVIII-XIX cc.) in Pre-Revolutionary Sources

Arman Kiyat ^a, Zhaxylyk M. Sabitov ^{a, *}

^a Research Institute for Jochi Ulus Studies, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with the history of the Kazakh Shibaniid dynasty (descendants of Shiban, son of Juchi, son of Genghis Khan), who played an important role in the formation of the system of political contacts of the post-Dynastic states of Central Asia and Siberia and their relations with the Russian Empire.

The study is based on genealogical data from medieval and pre-revolutionary sources, including: manuscripts, chronicles, documents from Russian and Kazakh archives, materials on Kyrgyz land use, censuses, oral sources, etc. The study is based on the genealogical data of medieval and pre-revolutionary sources.

The discussion analyzes in chronological order the works on the genealogy of the Chingizids by the leading scientists-historians of the Russian Imperial Scientific Institutions V.V. Veliaminov-Zernov, G.F. Miller, Ch. Veliaminov-Zernov, G.F. Miller, Ch. Valikhanov and others.

Some information is given about the most famous representatives of the Shibaniid dynasty who made an important contribution to the development of the processes of formation of the system of interrelations and ambassadorial contacts between the rulers of the Chingizid steppe states in Eurasia with the Russian Empire. The personalities of the ruler of Khiva Ilbars Khan, Siberian khans Ishim and Kuchum, Aral ruler Satemir Khan and others are considered.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Empire, Northern Kazakhstan in XVIII-XIX centuries, Shibaniids, History of Kazakhstan, Russian archives, pre-revolutionary historiography.

1. Введение

Как известно, после распада улуса Джучи хана на несколько ханств, потомки Урус хана стали во главе Казахского ханства, которое со второй трети XVIII века стало находиться в зоне геополитических интересов Российского государства. После прихода к власти Касым хана (ум. 1521), по источникам мы не наблюдаем других чингизидов, кроме линии Жанибек хана. Соответственно, далее по всем видам шежире все казахские ханы и султаны являются потомками Жанибек хана. В исторической науке ученые разделились на два лагеря относительно происхождения Урус хана, ссылаясь на разные источники. Одни считают, что казахские торе – потомки Орда Ежена, старшего сына Джучи хана, другие утверждают, что они происходят от его тринадцатого сына, Тука-Тимура (Сабитов и др., 2022). В источниках обнаруживаем, что не только Тука-Тимуриды, династия Жанибек хана правили казахским ханством, но и были потомки от пятого сына Джучи хана Шибана, которые признавались как торе-чингизиды казахским обществом. Данное исследование посвящено именно казахским шибанидам, впоследствии имевшим тесные связи с российскими правителями из династии Романовых.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования состоит из нескольких групп:

* Corresponding author

E-mail addresses: babasan@yandex.kz (Zh.M. Sabitov)

1) документы из российских архивов, к которым относятся Государственный архив Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), Российский государственный архив древних актов (Москва, Российская Федерация);

2) документы из архивов Казахстана – Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан);

3) опубликованные сборники документов. К ним относятся: «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках» ([Казахско-русские..., 1961](#)), «Материалы по киргизскому землепользованию» ([Материалы..., 1903](#)), «Материалы по истории каракалпаков» ([Материалы..., 1935](#)) и т.д.

Среди методов, которые были использованы в данной статье, стоит отметить историко-сравнительный, контент-анализ и синтез. Также используются методы генеалогии и внутренней критики источников, позволяющие определить как «случайные ошибки», так и «ангажированные свидетельства», которые появлялись у авторов различных первоисточников.

Методология заключалась в работе как с уже изданными первоисточниками из различных казахстанских и российских архивов, так и с неизданными документами. Помимо этого, к работе привлекались сведения из восточных рукописей.

Путем сравнения новых сведений из различных источников мы пришли к выводу о научном консенсусе относительно тех или иных аспектов генеалогий представителей династии Шибанидов.

3. Обсуждение

Если брать историографию вопроса, то она не очень большая. Еще до революции известный философ и исследователь генеалогии казахов Шакарим Кудайбердиев отмечал, что казахский правитель Турсун-Мухаммед был по происхождению Хорезмским Шибанидом ([Сабитов, 2008: 95](#)). Его полная генеалогия звучала следующим образом: Сын Баяндемахмуда, сына Дин-Мухаммеда, сына Уаныша, сына Амека, сына Ядигар-хана (золотоордынский хан во второй половине XV века). Эта версия является недостаточно обоснованной и критиковалась одним из соавторов ([Сабитов, 2008: 95-96](#)).

Наибольший вклад в исследование изучаемого вопроса внесла И.В. Ерофеева, опубликовавшая в 2003 году генеалогию Шибанидов на основе материалов XVIII-XIX веков, которые хранятся в российских и казахстанских архивах ([Ерофеева, 2003](#)).

Далее некоторые авторы высказывали свои идеи относительно Шибанидов в истории Казахского ханства.

Обозначим несколько пунктов.

1. Казахский хан Батыр (Бахадур), правивший в 1650-х годах между Джангир-ханом и Тауке-ханом, был из династии Шибанидов и имел следующую генеалогию: Бахадур-хан, сын Узар-хана, сына Шамай-хана, сына Тулак-ходжа-хана, сына Ибрахим-хана (Сибирский хан Ибак, правивший в 1470–1490-х годах), сына Махмудак-хана, сына Хаджи Мухаммед-хана (Золотоордынский хан, правивший в 1420-х годах) ([Сабитов, 2008: 96-97](#)).

2. Каракалпакские Чингизиды, бывшие одними из последних ханов Хивинского ханства Абдулла и Ядигер, были потомками сибирского Кучум-хана из династии Шибанидов ([Сабитов, 2014](#)).

3. Казахские ханы являлись потомками сибирского Кучум-хана ([Калыков, 2017](#)). Данный тезис не верен, и ему противоречат многочисленные источники, согласно которым казахские ханы происходят от Тука-Тимура, а не Шибана.

4. Казахский хан Старшего жуза Урас (Урус, Ораз) – это Рысмухамбет-султан, сын Бошай-султана, внук Кучук-хана, потомка сибирского Кучум-хана из династии Шибанидов ([Темиргалиев, 2023: 57](#)).

Касааясь истории Шибанидов, можно отметить, что часть их потомков во главе с Мухаммедом Шейбани ханом была вытеснена казахскими правителями в начале XVI века и обосновалась в Мавераннахре, т. е. на территории современного Узбекистана ([Ахмедов, 1965: 17](#)).

Другая ветвь Шибанидов (потомки Ядигер-хана) в начале XVI века смогла завоевать Хорезм, где основала Хивинское ханство.

Потомки третьей ветви (потомки золотоордынского хана Хаджи-Мухаммеда) этой династии стали правителями Сибирского ханства. Последние имели настолько тесные контакты с казахскими чингизидами, что даже называли Кучум хана (сына Муртаза хана) выходцем из «казахской земли» ([Миллер, 1750: 50](#)). К примеру, автор «Кара тавариха» в начале XVII века пишет: «... И Чайлу султан также является сыном Муртаза хана. До сих пор в казахских юртах (землях) у него говорят есть сын» ([Утемиш-хаджи, 2017: 84](#)). По версии одного из авторов статьи (Кият А.), данный Чайлу может быть отождествлен с известным Джалим-султаном, отцом Ташкентского правителя Турсун-Мухаммеда.

Есть интересные факты относительно персон XVIII века и их связей с Шибанидами. Известный казахский правитель Абылай хан (1711–1780) в письме себя причислял к потомкам Жанибек хана ([Кият, 2017: 91](#)). Однако авторы XIX века, собирая генеалогию ханов из уст потомков, давали и другие версии его происхождения. По одним источникам, он относился не к потомкам Жанибек хана, а к другой линии того же Тука-Тимура, а именно к Аштарханидам. Согласно другому источнику, он был потомком шибанида Ишим-хана, сына Кучум-хана ([Абылай, 1993: 82-90](#); [Ерофеева, 2003: 158-160](#)). Имеется в виду Сибирский правитель Ишим хан. Здесь нужно помнить, что казахский Ишим хан и

сибирский Ишим хан были современниками. Интересно, что об Абылай хане его внук Кенесары хан писал: «Мой дед Абылай родился в Сибири...» (Бекмаханов, 1994: 214). Известно, что постоянная ставка Абылая находилась на севере Казахстана.

Согласно информации самого султана Карабая (сына Батыр хана из Младшего жуза), которая была записана в 1803 году, он называет в числе своих предков Шибани хана (Ерофеева, 2003: 84). Правда, он перечислил своих предков в очень короткой форме и настолько беспорядочно, что Чингис хан аж стал 12-м его предком. Наше внимание привлек еще один архивный документ 1830 года, где записаны предки того же султана Карабая. В нем после Турсун султана в скобках есть надпись «сибирские султаны» (Ерофеева, 2003: 93).

Вышеприведенные факты дают нам понимание о наличии давних тесных отношений казахских и сибирских правителей. Можем предполагать, что кто-то из сибирских Шибанидов примкнул к казахским торе-чингизидам. Поэтому посредством такого родства они уже считали себя принадлежащими к дому Жанибек хана. Стоит отметить, что о близком генеалогическом родстве казахских и сибирских чингизидов исследователям приходится только строить догадки. Данные же о связях казахов с южными соседними ханствами, где правили Шибаниды, в архивных документах частично отражены. Эти документы относятся к XVIII веку.

Подводя итоги, стоит отметить, что Шибаниды участвовали в политической жизни Казахского ханства. Потомки этих Шибанидов фиксируются как по восточным источникам, так и по российским архивам.

4. Результаты

Согласно данным российских архивов и казахских шежире (Өзкенди, 2020: 60; Қазақ..., 2015: 65-67; Көпейұлы, 2008: 75; Валиханов, 1985: 162), можно выделить следующих потомков Шибана (Шибанидов), сыгравших важную роль в истории региона в XVIII-XIX веках.

Первая личность – хивинский правитель Ильбарс хан (1728–1740), имевший родственные отношения с правителем Младшего жуза, который был инициатором вхождения Казахского ханства (1731 г.) в состав Российской империи. По данным 1730 года, бухарский посланник Ядигер в Москве докладывал, что хивинский Чолбарс хан – из казахских степей. А в 1731 году Абулхаир хан писал российскому послу А.И. Тевкелеву, что хивинский Албас хан (Елбарс хан, Жолбарс хан – Авт.) приходится ему братом. Из доклада 1747 года сакмарского татарина Кубека можно узнать об их родстве в третьем поколении (Казахско-русские..., 1961: 36, 45, 170). На основе всех этих фактов И.В. Ерофеева с уверенностью утверждала о казахских корнях Ильбарс хана (Ерофеева, 2003: 52). Стоит отметить, что есть также и другие данные о том, что в 1732 году 4-го марта при встрече с А.И. Тевкелевым каракалпакский старшина Оразак батыр рассказал детальную историю прихода к власти и Ильбарс хана, и аральского владельца Сатемир хана. Он объявил: «Эльбарс хан Абулхаир хану не в родстве, а в сватовстве» (Казахско-русские..., 1961: 68). Авторы «Фирдаус ал-Икбаль» (XIX в.) называют отца Ильбарс (в книге Ел-Барс хан) хана Шахнияз ханом и относят его к потомкам Шибана. При этом делают замечание: «Некоторые считают его выходцем из казахских султанов» (Қазақстан тарихы..., 2006: 274).

В 2015 году была издана рукопись «Хандар шежіресі» (Генеалогия ханов) неизвестного автора, написанная во второй половине XIX – начале XX вв. (Қазақ..., 2015).

Данный источник перечисляет предков Ильбарс хана в таком порядке: отец Ильбарс хана (Жолбарыс хан – в рукописи) Ядигер хан, его отец Темиршайых хан, его отец Бажига хан (хотя здесь перечисляются несколько персон, непонятно братья или отцы и дети), его отец Хажы-Мухаммед хан, его отец Менгу-Темур хан, его отец Шибан хан, его отец Джучи хан (Ана тілі, 1997). По сравнению с другими, указанный источник имеет недостатки в порядке перечисления предков. Но когда автор называет имена не только сыновей, но и правнуков, становится ясно: у него был хороший источник информации по генеалогии потомков Ильбарс-хана. Таким образом, можно сделать выводы о том, что потомки Ильбарс хана считали себя шибанидами.

Теперь рассмотрим вопрос о том, как Шибаниды попали на территорию Казахского ханства. Абулхаир хан, принявший в 1731 году Российское подданство, после смерти младшего брата Булхаир султана выдал его жену за хивинского Ильбарс хана в 1732 году. Несовершеннолетний сын покойного Булхаир султана, Досалы султан, вместе с матерью попадает в хивинский ханский дворец. В том же году Абулхаир хан выдает замуж единственную дочь Булхаира, султана Ханышу, за аральского правителя Сатемир хана. Но в 1737 году Сатемир хан (Сатемир) погибает от рук эмиров, а его детям Ильбарс хан, остерегаясь врагов, помог выехать в казахскую степь. Но несколько лет спустя, в 1740 году, Ильбарс хан сам был убит персидским Надир шахом. Его семья попала в руки Надир шаха. Досалы султану удалось убежать (Ахметов, 2015: 32-34). Таким образом, из шибанидов в Среднюю Азию попадают дети Сатемир хана. Отец Сатемир хана, Муса хан, владел и Хивой, и Аралом, однако был убит в 1712 году (Казахско-русские..., 1961: 68). Согласно «Фирдаус ал-Икбал», отцом Муса хана был Джучи хан, а он был из потомков Хаджим хана, последний был сыном Акатай хана, его отец – Аминек хан, его отец – Йадгар хан, его отец – Темир-Шайх, его отец – Хажы-Тола, его отец – Араб-шах, его отец – Фулат, его отец – Менгу-Темур, его отец – Бадакул, его отец – Джочи-

Бука, его отец – Бахадур хан, его отец – Шайбан хан, его отец – Джучи хан, его отец – Чингиз хан. Этот же автор указывает, что Муса хан был младшим братом Шахнияз хана, а он же – отец Хивинского Ел-Барс хана (Ильбарс хан – Авт.) (*Қазақстан тарихы...*, 2006: 244-246, 253-255, 267-268, 274). Получается, аральский Сатемир хан и хивинский Ильбарс хан были двоюродными братьями, хотя такая версия нигде больше не освещается. Как видим, версия неизвестного автора рукописи «Генеалогия ханов» относительно шежиры Ильбарс хана в общей картинке совпадает с данными рассмотренного труда.

Следует отметить, что первыми в казахскую степь прибыли дети Сатемир хана. Российский ученый-востоковед, почетный член Императорской академии наук, В.В. Вельяминов-Зернов, пишет: «Ильбарс хан по смерти ее мужа отдал ее с двумя сыновьями и дочерью Серки. И они жили в улусе Серке батыра среди семиродцов» (*Букеевской Орде...*, 2001: 107). Здесь непонятно, жену Сатемир хана выдали замуж или отдали на попечительство Серке батыру. Видимо, они прибыли туда сразу после смерти Ильбарс хана в 1737 году.

В шежире, которое было составлено правителем Средней части султаном Арсланом Джантюриным в 1847 году, можно увидеть и потомков Сатемира. Хотя эту информацию опубликовала И.В. Ерофеева, мы будем ссылаться именно на оригинал документа. Здесь отцом Сатемир хана также указан Муса хан. Но обнаруживаем не двух, а трех сыновей Сатемир хана: Алауша, Казый и Габайдулла. Теперь по списку перечислим проживавших в то время потомков Сатемир-хана. Из дома Алауша султана всего 30 мужчин – Уса Алаушин и его сыновья Сарджан, Дарджан, Султангали, Рысджан Абулгазыев (внук Алаушы) и его сыновья Мухамед-Баки, Хукимсултан, Мурадым, Кантемир Абулгазыев и его сыновья Кангали и Бик-Аймен, Ильджан Абулгазыев и его сын Махмуд, Тингали Абулгазыев и его сын Арслан-Гали, Умургали Абулгазыев, Бердалы Абулгазыев, Исгали Абулгазыев и его сын Мухамеджан. Ахмед-Гали Ильджанов (внук Абулгазыя) и его сын Сыбгат, Амиргали Мендияров (внук Абулгазыя) и сыновья: Мухамед-Мариф (?) (И.В. Ерофеева читала как Мухаммед-Шариф, хотя первая буква точно не «ш» а «м») и Давлетгирей, Ишмухамед Мендияров, Якуп Мендияров, Амир Мендияров, Джанали Мендияров, Шангирей Мендияров и Ваис Балданов (внук Алаушы). Потомства Казый султана – всего восемь человек: Ирсаи Чингазыев (внук Казыя) и его дети Пирмухамед и Нурмухамед, Ишмухамед Чингазыев, Сейтгали Исалин (внук Чингазыя), Джанбек Искендилов и Джанали Искендилов (внуки Казыя), Ирмухамед Ирсаин (внук Чингазыя). Потомства Габайдулла султана всего 11 человек: Исмагил Данияров (внук Губайдуллы) и его сыновья Хансултан и Чинсултан, Асфендияр Данияров, Бабин Данияров и его сын Аскар, Искенди Данияров и его дети Джангазы и Амиргазы, Караджан Данияров, Якуп Данияров (*ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2122. Л. 570б.–58*). Всего потомков Сатемира мужского пола – 49 человек, т. е. это результат роста числа потомков от трех султанов за сто лет, к 1847 году.

Из документа следует, что третий сын Сатемир хана, Губайдулла султан, прибыл в казахскую степь позже. Джанбек и Джанали Искендиловы в середине XIX века оказались районе нынешней Кызылординской области (*ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6751. Л. 19*).

Согласно данным переписи 1899 года, в ауле №2 (Актюбинский уезд, Теректинская волость) в местности Коктогай, на левом берегу реки Урала проживали остальные члены (21 мужчина и 21 женщина) из дома Алауша султана. Аксакалом аула был султан Амир Мендияров. Недалеко от них, выше по реке Урал, на урочище Тугускен (район пересечения рек Урала и Ор – Авт.), в ауле №8 той же волости проживали 29 мужчин и 32 женщин из дома Казый султана. Там аксакалом был султан Тажмухамед Рысалиев (Ирсаин – Авт.). Потомки Губайдуллы султана жили вместе с потомками Каип хана (сын Батыр хана) на Уйсылкаринской волости в ауле №7, на берегу реки Чиили. Они жили, разделившись на две группы, т. е. на два аула. На одном (16 мужчин, 13 женщин) – старший Сулеймен Аскар (внук Бабин султана – Авт.), на другом (13 мужчин, 17 женщин) – старший Жангерей Маймаков (внук Асфендияр султана – Авт.) (*Материалы...*, 1903: 34-35, 46-47, 58-59). Получается, тогда в начале XX века потомки Сатемир хана составили (не считая переселившихся на юг) 79 мужчин и 83 женщины. А если добавит южных, то мы получим примерно общее количество: 90 мужчин чингизидов и около 100 чингизидок из дома Сатемир хана.

Из другого источника 1917 года узнаем, что все потомками Алауша султана жили там же, во №2 ауле, принадлежавшем Алимбетовской волости. А потомки Казы султана жили в своем ауле, но уже под №7 (с 1912 года) Теректинской волости (*Ахметов, 2015: 183, 186*).

Теперь вернемся к династии Ильбарс хана. Детям его удается уехать из пределов Хивы вслед за родичами в казахские просторы только в 1751 году. Шесть сыновей Ильбарс хана, Газиз-Мухаммед, Мухаммед-Рахим, Сафар, Джангир, Шахгазы, Абулгазы, с матерью добрались к брату, Достали султану. Перечисляя имена этих султанов, В.В. Вельяминов-Зернов не знал, что Абулгазы был убит в 1747 году, а Шахгазы султан не брат ему, а сын. Выходит, в Казахские степи приехали не шесть сыновей Ильбарс хана, а четыре сына и один внук (*Ахметов, 2015: 46*).

По данным правителя Западной части султана Мухамедгали Таукина, в 1847 году у него под ведомством жили потомки от трех сыновей Йулбарс хана (Ильбарс хан – Авт.), а именно от Сафарджан, Мамбеткули, Шахгазы. Здесь опять выпадает имя отца Шахгазы султана, Абулгазы султана. Благодаря архивным документам нам удается определить, сколько потомств проживало

спустя 96 лет после их приезда. Однако стоит отметить, что сохранился только подлинник на тюрки и был переведен на русский язык нашим современником, покойным Т.К. Бисембиевым. Запись была сделана в качестве шежире, схематично с кружками. Поэтому, чтобы определить живых людей на момент составления шежире, пришлось сравнивать с другими подобными записями и надеяться на свое знание того периода. Итак, от Сафарджан султана родились Артык султан и Сайидгази султан. В тот момент были живы Искандар Артыков и его сын Амирхан, Мирхайдар Артыков и его сын Аранджан, Исфандияр Артыков и его сын Темиралы, Келдур Сайидгазиев и его сын Ахмадали. Из дома Мамбеткули султана в живых тогда был его сын Ширгази султан, а Козыджан султана не было. Возможно, не все были живы из детей Ширгази султана: Иса, Муса, Умиртай. Внуки Ширгази султана – Каблан Исаев, Нурмухаммад Исаев и его сын Жумагали, Шукуралы Исаев и его сын Мухаметджан, Ишмухаммад Мусаев, Бегали Мусаев, Исали Мусаев и его сын Джаналы, Тилеу Умиртаев со своими сыновьями Батыргали и Нугман. Козыжан султан имел детей: Сугали султан и Кучак султан. Внуки Козыжан султана: Чингази Сугалин с сыном Мухаммад, Утеп Сугалин, Идилгали Кучаков, Чингали Кучаков с детьми: Меймангали, Ажыгали, Сафаргали. Из дома Шахгазы султана здравствовали его дети: Ишмухаммад, Турмухаммад, Кара, Табылди. У Кара султана дети: Утепкалы и Мендигали. Дети Табылди султана: Акаидул и Адил со своим сыном Султан-Жумагали (Ерофеева, 2003: 126-128). По нашим подсчетам, приблизительно были живы из дома Ильбарс хана приблизительно 37-38 султанов в 1847 году.

И это еще не все. Под ведомством султана Арслана Джантюрина в Средней части проживала одна семья от линий Сафарджан султана: Джангазы султан (его отец Ескендир, его отец Артык, его отец Сафаргали) и его дети: Ишмухаммед, Нурмухаммед, Уразгали (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2122. Л. 57).

Недалеко от них жила рядом с потомками Каип хана еще одна династия из дома Ильбарс хана. Там в списке имя «Юлбарс» повторяется три раза: Юлбарс Каипханов, Юлбарс Аблезов и Юлбарс без указания отца, но сына зовут Мухамедгали. И.В. Ерофеева решила, что второй Юлбарс – сын Абулгазы с искаженным именем «Аблез», а Юлбарс, у которого сын Мухамедгали, – это то же, что Юлбарс Кайыпханов. Если это так, то одновременно живут сын Юлбарса, Апий султан, и правнуки с праправнуками. А это невозможно. И.В. Ерофеева не понимала, что отдельно стоящий Юлбарс с сыном Мухамедгали – это и есть хивинский Ильбарс хан с сыном Мухамедгали. Здесь проживали отпрыски от двух других сыновей Мухамедгали султана, именно от Алгазы и Хангазы султанов, точно так же, как у вышеуказанного Сафаргали султана. Бекторе Алгазыев (внук Мухамедгалия) и его дети: Жанторе и Кунторе, Шыгай Алгазыев с сыном Каипгали, Сердалы Хангазин (внук Мухамедгалия) с сыном Мендали, Сугур Хангазин и его сыновья Акыл, Джиенгали, Кенджегали, Дербес Бердалин (внук Хангазыя), Асан Джанторин (внук Алгазыя), Бексултан Джанторин, Дусангали Джанторин, Кенджегазы Джанторин, Кыдыр Хангазин (внук Мухамедгалия) и его дети Кадралы, Батыргали, Чукбут (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2122. Л. 570б.-58). Итого от Алгазы султана – 9 человек, а от Хангазы султана – 11 человек. Итого 20 султанов.

В сумме всех потомков мужского пола Ильбарс хана к 1847 году насчитывалось 60 человек. К сожалению, к концу XIX века на вопрос «кто где находился?» ответить трудно. Из статистических сборников могли выявить только тех, кто жил в Средней части, уже относившейся к Актюбинскому уезду Теректинской волости, к аулу №8. В 1899 году здесь жили из семьи Жиенгазы султана Искендинова 16 мужчин и 11 женщин во главе с султаном Усеном Имшухаммедовым на урочище Каракульбасы, на берегу реки Урал, ближе к Ори. В том же ауле, на урочище Кызыл джар, на берегу Урала, зимовали потомки Шахгазы султана, состоящие из 18 мужчин и 17 женщин во главе с Тлеумухаммед султаном Арыстангазиевым (Материалы..., 1903: 58-59). А то, что Тлеумухаммед султан был из этой семьи, определили из архивных документов через его отца Арыстангазы султана Шахгазина (ОГАОО. Ф.6. Оп. 10. Д. 3547. Л. 1-3).

На сегодняшний день поиск потомков Ильбарс хана пока не дал результатов. Мы сумели найти только несколько семей из дома Сафаргали султана в Актюбинской области.

Как известно, чингизиды были и в каракалпакском народе. К сожалению, на сегодняшний день до сих пор не восстановлена их полная генеалогия. Одно ясно, что каракалпакские и башкирские торе являлись общей династией, шежире которых восходит к шибанидам. Например, башкирско-каракалпакский Кучук хан, упоминаемый во второй половине XVII века, является как раз такой общей персоной и относится к династии сибирского Кучум хана (правнук Кучум-хана). Кучук хан имел сына Мурат султана. Одновременно вместе с Кучук ханом правил Табурчак султан. После смерти Кучук хана правителем стал его родственник Ишим. В начале XVIII века были такие правители, как Каиб султан (Сын Табурчак султана), Ирис-Мухаммед (сын Башай султана). Власть казахских правителей Абулхаир хана и Семеке хана (Семеке хан – Авт.) также признавала каракалпаки. В 1740 году мы наблюдаем двух ханов каракалпаков – Каип хана (сын Эшим хана) и Рыскул султана (отец не указан). Еще значительную роль играл брат Каип хана, Убейдолла султан (Габайдулла) (Материалы..., 1935: 57-58).

Зачем мы перечисляем каракалпакских правителей-шибанидов? Каким-то образом из этой ветви тоже кое-кто оказался среди казахов. Из источника 1847 года, составленного ранее с помощью покойного Джангер хана Внутренней Орды, можно увидеть под заголовком «Потомство султана из

каракалпак Абдуллы Расвалиева» список, где указаны два сына султана Абдуллы: Сирали и Ишбулат. У султана Сирали два сына – Вали и Талдубай, а у султана Ишбулата три сына – Бердали, Мендали, Исали (Ерофеева, 2003: 141). При наборе имен И.В. Ерофеева пропустила имя Джаманка, который был сыном Талдубай султана (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 945. Л. 6).

Мы нашли в архиве еще другой список 1853 года – «Потомство султана каракалпак Абдуллы Рыскулова». Он составлен через несколько лет рассмотренного списка. В списке указаны имена шести человек: Вали Сералин, Ишбулат Аблаев, Чалабай и Миндали Ишбулатовы, Куль Ахмедов, Кудан Тандубаев (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5603. Л. 510б.). Здесь переводчик, видимо, неправильно читал имя «Абдулла» и написал «Аблай». Таким образом, архивные данные указывают на перекочевку каракалпакского торе Абдуллы Рыскулова (Расвалиев) в казахскую степь.

К сожалению, мы не смогли найти потомков Абдуллы султана среди казахов. Поисково-полевые работы продолжаются. Однако в 2005 году в Уральске, в доме Мухамедхана Жакыбалиева (6-е колено Карабай султана), его невестка, бабушка Назипа (жена тогда уже умершего Елтая Мухамедхановича), рассказала, что жена того Мухамедхана, Нуржамал, была родной дочерью Ишангали Мендиханова (1872–1919). А Нуржамал Мендиханова рассказала своей невестке, что ее отец был из «каракалпак торе». Родина Ишангали Мендиханова совпадает с территорией, где проживали потомки султана Абдуллы Рыскулова – Букеевкая Орда.

Есть еще одна линия, которая тоже происходит из каракалпакских торе – это Жадигер султан, сын Тинекей султана (Тінекей), чьи потомки проживают на территории Кызылординской области Казахстана. Называют себя «жадигер торе» – от имени первого предка, который, как мы замечаем, прибыл на территорию Казахстана. Из материалов каракалпакского народа нам известен чингизид Ядгар султан, несколько раз владевший тронем Хивы и оставивший ханство в 1789–1790 годах. Однако, по «Фирдауси-аль-Икбаль», он был убит во время Аvez бий инака (1804 году умер) своими же каракалпаками. Он был родственником Абдуллы султана (Абдулла Рыскулов), который до него владел хивинским тронем (Материалы..., 1935: 93-94).

Жадигер султан в архивных документах указан как «Ядгер Тянкаев». В начале XIX века он кочевал с детьми по берегу Сырдарьи.

Жадигер имел родственные связи с домом Каип хана (сын Батыр хана), а именно с майором Шергазы султан Каипхановым. У Ядгер султан дети – Кутлубай, Турсун, Султанмурат. Кутлубай султан в 1801 году погиб от руки султана Нурки Карабаева, а в 1812 году весной на стычке с детьми Карабай султана погибли Турсун султан Ядгеров и сыновья Кутлубай султана, Кожатай султан и Артык султан. В том же году, не сумев вынести потерю сына и двух внуков, от горя умер Ядгер султан (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1732. Л. 1-2). Хотя история смерти из нашего архивного документа не совпадает с версией «Фирдауси-аль-Икбаль», они очень близки по времени. В семье за старшего остался Султанмурат султан. У него были сыновья Контек и Бошай, а у последнего – сын Даулет. Имена из этой династии (Ядгар, Султанмурат, Бошай) напоминают прошлых каракалпакских правителей. Потом местные торе-чингизиды до сих пор жадигеровцов считают чужими, т. е. есть пришлыми. На сегодня мы имеем шежире всех потомков султана Жадигера. Сегодня среди нас живут около 230 потомков мужского пола из дома Жадигер султана.

Как нам известно, Ногайская орда иногда имела марионеточных правителей-чингизидов, но там правила династия Едиге бия. Так как они не из чингизидов, они не имели права называться ханами или султанами. Их в основном в источниках называют биями или мирзами (Трепавлов, 2016: 211). Из правящей династии ногайского народа кое-кто оказался среди казахов. В архиве, где обнаружили список каракалпакских султанов, выше, под заголовком «Султаны неизвестного потомства из Ногайских мурз», записаны имена 10 человек: Бикмурза Майлин, Кусали и Биркали Бикмурзины, Бегали, Досали, Жиенали Джанмурзины, Султангерей Бегалин, Султанали Абубакиров, Унгар Калмурзин, Мусагали Унгаров (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5603. Л. 51). Видно, это семейства Майлы султана (мурзы). Если вспомним историю, большинство казахов Младшего жуза под названием «алшын» являются выходцами Ногайского юрта (Заки Валиди, 1998: 302). Кроме того, среди них в подгруппе байулы есть род ногай-казах. Они происходят из Кубанских ногайцев, одного происхождения с Кундраускими ногайцами. В XVIII веке часть этих ногайцев бежала в казахскую степь, где им Нуралы хан дал разрешение остаться. С тех пор они стали частью казахского народа (История..., 2002: 264-265). Нам еще известно, что один из кундрауских ногайских родоправителей, Акмырза, приходился сватом Нуралы хану. В 1775 году он выдал одну из своих дочерей за старшего сына Нуралы хана, Есим султана, наследника престола, а другую выдал за брата Нуралы хана, Айшуак султана (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 151. Л. 164). Так что ногайские султаны или мурзы оказались не в чужих, а в окружении близких им людей.

Разобрав все вышесказанное, отметим, что нам еще приходится выявлять шежире других султанов, потомки которых живут среди казахов и не могут рассказать, от кого они произошли. Например, предстоит выяснить генеалогию султанов Жанибека Таукина, Баба султана, Клыч Кара султана (по документу его отца зовут Апак султан – Авт.), Байчуры Данасылова (ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5603. Л. 490б.-510б.; РГАДА. Ф. 248. Книга 1164. Л. 720-8090б.), Абогай султана (из Большого жуза), Шайбак султан Ишим султанов сын (в некоторых источниках – сын Ишим хана, предполагаем из

каракалпакских чингизидов – Авт.) (*Казахско-русские...*, 1961: 69-70, 516). Кусеп султан в Старшем жузе (РГАДА. Ф. 248. Книга 1535. Л. 180-270) и другие.

Интересно, что казахские чингизиды, будучи тука-тимуридами, иногда называли среди своих предков Шибана и выдавали себя за шибанидов. Нам следует подчеркнуть, что все пришлые султаны проживали на территории казахов Младшего жуза. Когда Л. Мейер писал о казахах Оренбургского ведомства, в основном это были племена Младшего жуза: «Семейства эти известны в степи под названием «белой кости» и считают себя потомками внука Чингизова Шибани...» (Мейер, 2007: 23).

5. Заключение

Среди чингизидов казахского народа мы отмечаем не только тука-тимуридскую (13-й сын Джучи) династию, а именно потомков Жанибек хана, но и шибанидскую (5-й сын Джучи) линию. Если опираться на все вышеописанные шежире султанов, в Казахстане оказались разными судьбами чингизиды из домов Сибирского, Казанского, Хивинского ханств, Аральского и Каракалпакского владений, Ногайского юрта. Потомки всех этих султанов на данный момент проживают в Казахстане. К середине XVI века у Шибанидов сохранилось три ветви: потомки золотоордынского хана Абулхайра (правители Бухарского ханства), потомки золотоордынского хана Ядигера (правители Хивинского ханства), потомки золотоордынского хана Хаджи-Мухаммеда (правители Сибирского ханства, а также ханы башкир и каракалпаков). Из этих трех ветвей две (Ядигеровичи и Хаджи-Мухаммедовичи) оказались по разным причинам в Казахском ханстве в XVIII-XIX веках, что зафиксировано в документах российских и казахстанских архивов.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования (ИРН BR24992878).

Литература

- Абуев, Жапекова, 2019 – Абуев К.К., Жапекова Г.К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность: монография. Алматы: Лантар Трейд, 2019. 169 с.
- Абылай хан, 1993 – Абылай хан. Тарихи жырлар / Құраст. С.Дәуіт. казахстан республикасы Қылым академиясы М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты. Алматы: Жазушы. 1993. 416 б.
- Адамов и др., 2018 – Адамов А.А., Беляков А.В., Бобров Л.А. и др. Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Ответственные редакторы: Д.Н. Маслюженко и др. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 558 с.
- Ана тілі, 1997 – Ана тілі № 52 (403) Желтоқсан. Сыйр жылы. 1997. Хандар шежіресі. С. 1-8.
- Ахмедов, 1965 – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. Москва, 1965. 194 с.
- Ахметов, 2015 – Ахметов А.К. Досалы сұлтан Бұлқайырұлы: монография. Алматы, 2015. 248 б.
- Бекмаханов, 1994 – Бекмаханов Е. Қазақстан ХІХ ғасырдың 20-40-жылдарында (Оқу құралы). Алматы, «Санат», 1994. 416 б.
- Букеевской Орде..., 2001 – Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Книга 1. Алматы: Издательство «Өлке». 2001 г. 320 с.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии: Том II. 1985. 416 с.
- Ерофеева, 2003 – Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники). Алматы: ТОО «Print-S», 2003. 178 с.
- Заки Валиди, 1998 – Заки Валиди Тоган. Воспоминания: Книга-2. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1998. 368 с.
- История..., 2002 – История Букеевского ханства. 1801-1852 гг.: Сб. Документов и материалов. / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А.Иночкин, С.Х.Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
- Қазақ..., 2015 – Қазақ жазбаларындағы хандар шежіресі / кіріспе, түркі-шағатай тілінен қазіргі әріптерге түсірген, факсимилесін, көрсеткіштерін дайындағандар М.Шафиғи, С.Саттарұлы, Г.М.Абикова; бас ред. Ә.Қ. Муминов; ред. Қ.Е.Қаймақбаева. – Алматы: Ғылым ордасы, 2015. 310 б.
- Қазақстан тарихы..., 2006 – Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. V том. XV-XIX ғасырлар шығармаларынан үзінділер. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 440 бет.
- Казахско-русские..., 1961 – Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. (Сборник документов и материалов). Издательство Академии Наук Казахской ССР. Алма-Ата. 1961. 740 с.
- Калыков, Постников, 2017 – Калыков Д.Д., Постников С.В. К вопросу о происхождении Ч. Валиханова // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2017. Т. 11. №. 1. С. 143-146.
- Қият, 2017 – Қият А. (Ахметов Арман Қиятович). Қазақ сұлтандары (зерттеу). Алматы, «Полиграфкомбинат» баспасы, 2017. 372 б.
- Көпейұлы, 2008 – Көпейұлы М.Ж. Шығармалары. Алматы: «Ел-Шежіре», 2008. Т.8. 312 б.

Материалы..., 1903 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. 7. Актюбинский уезд. Том VII-й. Воронеж, 1903. 573 с.

Материалы..., 1935 – Материалы по истории каракалпаков. Сборник. Труды института Востоковедения. Том VII. Издательство Академии Наук СССР. Москва – Ленинград, 1935. 299 с.

Мейер, 2007 – Мейер Л. Орынбор ведомствосындағы қазақ даласы. 2-ші бас. толық. Астана: «Алтын кітап». 2007. 193 б.

Миллер, 1750 – Миллер Г.Ф. Описание Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дель, отъ начала а особливо отъ покоренія его Россійской державъ по сіи времена. Книга первая. Санктпетербургъ при Императорской Академіи Наукъ. 1750 год. 490 с.

ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургский области.

Өзкенди, 2020 – Өзкенди Ә. Қисса-дастан Қисса-дастан Шыңғыс хан: Қолжазба фиксимилесі/ауд.: Жандарбек З., Муминова З. Баспаға дайындаған: Байсариева Г. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 182 б.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сабитов, 2008 – Сабитов Ж.М. Генеалогия «Торе». Астана, 2008. 326 с.

Сабитов, 2014 – Сабитов Ж.М. Кучумовичи в Восточном Дешти-Кипчаке в середине XVII - начале XIX веков / *История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири. Материалы Второй Международной Конференции* (Курган, 17-18 апреля 2014 г.). Курган. 2014. С. 88-91.

Сабитов и др., 2022 – Сабитов Ж.М., Маргулан А.С., Камбарбекова Г.А. Сравнительный анализ генеалогий Джучидов по данным пяти списков «Муизз ал-Ансаб» // *Золотоордынское обозрение*. 2022. Т. 10. № 4. С. 799-818. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.799-818 EDN: HSLHVQ

Темиргалиев, 2023 – Темиргалиев Р.Д. К предыстории казахского родоплеменного союза жетыру / *История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских государств Западной Сибири. Материалы Пятой Международной Конференции* (Курган – Челябинск, 12-14 октября 2023 г.). Курган. 2023. С. 53-59.

Трепавлов, 2016 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.

Утемиш-хаджи, 2017 – Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Abylai khan, 1993 – *Abylai khan* (1993). *Tarikhi zhyrlar* [Abylai khan. *Tarikhi zhyrlar*]. Kurast. S.Dauit. Almaty: Zhazushy. 416 b. [in Kazakh]

Abuev, Zhapekova, 2019 – Abuev, K.K., Zhapekova, G.K. (2019). Gubaidulla Ualikhanov: zhizn' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost': [Gubaidulla Ualikhanov: life and socio-political activity] monograph. Almaty: Lantar Treid, 169 p. [in Russian]

Adamov i dr., 2018 – Adamov, A.A., Belyakov, A.V., Bobrov, L.A. i dr. (2018). Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva [Tyumen and Siberian khanates]: kollektivnaya monografiya. Otvetstvennyye redaktory: D.N. Maslyuzhenko i dr. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 558 p. [in Russian]

Ana tili, 1997 – Ana tili № 52 (403) Zheltoksan. Siyr zhyly. 1997. Khandar shezhiresi. [Ana tili № 52 (403) December. Siyr zhyly. 1997. Khandar shezhiresi]. Pp. 1-8. [in Kazakh]

Akhmedov, 1965 – Akhmedov, B.A. (1965). Gosudarstvo kochevykh uzbekov [The State of Nomadic Uzbeks]. Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. Moskva, 194 p. [in Russian]

Akhmetov, 2015 – Akhmetov, A.K. (2015). Dosaly sultan Bulkaiyruly [Dosaly sultan Bulkaiyruly]: monograph. Almaty, 248 p. [in Kazakh]

Bekmakhanov, 1994 – Bekmakhanov, E. (1994). Kazakstan XIX gasyrdyn 20-40-zhyldarynda (Oku kuraly) [Kazakstan of the XIX century (20-40-years). (textbook)]. Almaty, «Sanat», 416 p. [in Kazakh]

Bukeevskoi Orde..., 2001 – Bukeevskoi Orde 200 let [Bukeevskaya Orda 200 years]. E Izdanie iz 6 knig. Kniga 1. Almaty: Izdatel'stvo «Өлке». 2001. 320 p. [in Russian]

Erofeeva, 2003 – Erofeeva, I.V. (2003). Rodoslovnye kazakhskikh khanov i kozha XVIII-XIX vv. (istoriya, istoriografiya, istochniki) [Genealogies of Kazakh khans and leather of XVIII-XIX centuries (history, historiography, sources)]. Almaty: TOO «Print-S», 178 p. [in Russian]

Istoriya..., 2002 – Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801-1852 gg. [History of Bukey Khanate. 1801-1852]: Sb. Dokumentov i materialov. Sost. B.T. Zhanaev, V.A. Inochkin, S.Kh. Sagnaeva. Almaty: Daik-Press, 2002. 1120 p. [in Russian]

Kazak..., 2015 – Kazak zhazbalyryndary khandar shezhiresi [Genealogy of khans in Kazakh records]. Almaty: Gylym ordasy, 2015. 310 p. [in Kazakh]

- Kazakstan tarikhy..., 2006** – Kazakstan tarikhy turaly tyrki derektemeleri. V tom. XV-XIX gasyrlar shygarmalarynan yzindiler. [Turkish sources about the history of Kazakhstan. Volume V. Excerpts from works of the XV-XIX centuries]. Almaty: «Daik-Press», 440 p. [in Kazakh]
- Kazakhsko-russkiye otnosheniya..., 1961** – Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI-XVIII vekakh: (sbornik dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: (collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]
- Kalykov, 2017** – *Kalykov, D.D., Postnikov, S.V.* (2017). K voprosu o proiskhozhdenii Ch. Valikhanova [To the question of Ch. Valikhanov's origin]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. 11(1): 143-146. [in Russian]
- Kiyat, 2017** – *Kiyat A. (Akhmetov Arman Kiyatovich)* (2017). Kazak sultandary (zertteu) [Kazakh sultans (research)]. Almaty, «Poligrafkombinat» baspasy, 372 p. [in Kazakh]
- Kopeiuly, 2008** – *Kopeiuly, M.Zh.* (2008). Shygarmalary [Essays] Almaty: «El-Shezhire». T. 8. 312 p. [in Russian]
- Materialy..., 1903** – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei. Turgaiskaya oblast'. 7. Aktyubinskii uезд [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition for the study of steppe areas. Turgai region. 7. Aktobe uyezd]. T. VII. Voronezh, 1903. 573 p. [in Russian]
- Materialy..., 1935** – Materialy po istorii karakalpakov [Materials on the history of the Karakalpak]. Sbornik. Trudy instituta Vostokovedeniya. Tom VII. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Moskva – Leningrad. 299 p. [in Russian]
- Meier, 2007** – *Meier, L.* (2007). Orynbor vedomstvovosyudagy kazak dalasy. [Kazakh steppe in the Orynbor department.]. 2nd head. complete. Astana: «Altyn kitap». 193 p. [in Kazakh]
- Miller, 1750** – *Miller, G.F.* (1750). Opisanie Sibirskago tsarstva i vsekh proizshedshikh v nem del, ot nachala a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiiskoi derzhavy po sii vremena [Description of the Siberian kingdom and all the affairs that took place in it, from the beginning and especially from its conquest by the Russian power to these times]. The Book first. St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences. 1750. 490 p. [in Russian]
- OGA00** – Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- Ozkendi, 2020** – *Ozkendi, A.* (2020). Kissa-dastan Kissa-dastan Shyngys khan: Kolzhazba fiksimiteli [Tale of Tale Tale of Chinggis Khan: Manuscript facsimile]. Almaty: Kazak universiteti, 182 p. [in Kazakh]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Sabitov, 2008** – *Sabitov, Zh.M.* (2008). Genealogiya «Tore» [Genealogy “Tore”]. Astana, 326 p. [in Russian]
- Sabitov, 2014** – *Sabitov, Zh.M.* (2014). Kuchumovichi v Vostochnom Deshti-Kipchake v seredine XVII – nachale XIX vekov [Kuchumovichi in Eastern Deshti-Kipchak in the middle of the XVII - early XIX centuries]. History, Economy and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Proceedings of the Second International Conference (Kurgan, 17-18 April 2014). Kurgan. 2014. P. 88-91 [in Russian]
- Sabitov i dr., 2022** – *Sabitov Zh.M., Margulan A.S., Kambarkbekova G.A.* Sravnitel'nyi analiz genealogii Dzhuchidov po dannym pyati spiskov «Muizz al-Ansab» [A comparative analysis of juchid genealogies according to five lists in the “Muizz Al-Ansab”]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. T. 10. 4: 799-818. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.799-818 EDN: HSLHVQ [in Russian]
- Temirgaliev, 2023** – *Temirgaliev, R.D.* (2023). K predystorii kazakhskogo rodoplemennogo soyuza zhetyru [To the prehistory of the Kazakh tribal union Jetyru]. Istoriya, Ekonomika i Kul'tura Srednevekovykh Tyurko-Tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri. Materialy Pyatoi Mezhdunarodnoi Konferentsii (Kurgan – Chelyabinsk, 12-14 oktyabrya 2023 g.). Kurgan. Pp. 53-59. [in Russian]
- Trepavlov, 2016** – *Trepavlov, V.V.* (2016). Istoriya Nogaikoi Ordy [History of the Nogai Horde]. Kazan': Izd. dom «Kazanskaya nedvizhimost'», 764 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Utemish-khadzhi, 2017** – *Utemish-khadzhi*. Kara tavarikh [Utemish-haji. Kara tavarikh]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 312 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomakh. [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia: Volume II. 416 p. [in Russian]
- Zaki Validi, 1998** – *Zaki Validi Togan* (1998). Vospominaniya [Memories]: Kniga-2. Ufa: Bashkirkoe izdatel'stvo «Kitap», 368 p.

Казахские Шибаниды (XVIII–XIX вв.) в дореволюционных источникахАрман Кият ^а, Жаксылык Муратович Сабитов ^{а,*}^а Научный институт изучения Улуса Джучи, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история династии казахских Шибанидов (потомки Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана), сыгравших важную роль в формировании системы политических контактов постордынских государств Средней Азии и Сибири и в их взаимоотношениях с Российской империей. Отдельные ханы и политические деятели из династии Шибанидов имели длительные контакты с правителями, принадлежавшими к династии Романовых.

Исследование проводится на основе генеалогических сведений средневековых и дореволюционных источников, в числе которых выступают рукописи, летописи, документы из российских и казахстанских архивов, материалы по киргизскому землепользованию, переписи, устные источники и пр. Особое внимание уделяется критическому анализу используемых источников, версиям о происхождении Шибанидских правителей и их связям с казахскими торе-чингизидами.

В хронологическом порядке анализируются труды по генеалогии чингизидов ведущих ученых-историков, работавших в научных учреждениях Российской империи, – В.В. Вельяминова-Зернова, Г.Ф. Миллера, Ч.Ч. Валиханова и др.

Приводятся отдельные сведения о наиболее известных представителях династии Шибанидов, внесших важный вклад в развитие процессов формирования системы взаимосвязей и посольских контактов между правителями чингизидских степных государств на территории Евразии с Российской империей. В частности, рассматриваются личности правителя Хивы Ильбарс хана, Сибирских ханов Ишима и Кучума, аральского владетеля Сатемир-хана и др. Изучаются также судьбы их отдельных потомков, приводятся данные об их численности.

Ключевые слова: Казахское ханство, Российская империя, Северный Казахстан в XVIII–XIX вв., Шибаниды, История Казахстана, российские архивы, дореволюционная историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: babasan@yandex.kz (Ж.М. Сабитов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1523-1532
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1523

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of the Military Oath in Russia in the XVIII century

Tatiana A. Volodina ^{a,*}

^aTula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the change in the textual content of the military oath in Russia in the XVIII century, as well as the evolution of meanings, practices and rituals of taking this oath. Considerable attention is also paid to identifying the factors that influenced the military oath in pre-Petrine times. The main sources for the study are normative legal acts that defined the text and procedure for taking the oath; as well as archival documents reflecting the realities of the phenomenon of the oath in the life of the army. The author traces the influence on institutionalizing the military oath of the “Landsknecht factor” – foreigners recruited for military service who were hired by “capitulations”. The article emphasizes that the institutionalization and consolidation of the corporate character of the military oath under Peter the Great were dictated by the realities of the regular army, which is actively fighting. The author concludes that the zigzags in the evolution of the military oath during the XVIII century were due to two factors: firstly, the political upheavals of the era of palace coups, and secondly, the general “russification” of the army, the process of such russification was imperial in nature and led to a change in the position of foreigners in the Russian army.

Keywords: Russian army, state oath, military oath, military corporation.

1. Введение

Современные исследователи в области лингвистики и культурологии проявляют глубокий интерес к анализу перформативов (Остин, 1986: 22-129). Под этим ученым термином понимается такое высказывание, которое «переделывает» человека, произносящего некие утвержденные слова в соответствующей обстановке. Перформатив сам по себе имеет характер действия, ибо изменяет статус говорящего и включает его в систему новых социальных связей. Клятва, благословение, присяга, ответ «да» из уст лица, вступающего в брак, – все это можно отнести к перформативам. Итальянский историк Паоло Проди в 1990-е гг. обратился к историческому анализу присяги как важнейшего политико-религиозного феномена. Интерес этот был связан с острым беспокойством о судьбе современного мира. Отмечая необратимый упадок присяги и превращение ее в некий декоративный артефакт прошлого, Проди предупреждал о «кризисе, в котором на карту поставлено само существование человека как политического существа». «Сейчас мы переживаем переход, – писал Проди, – от «смерти за Родину» (последняя метаморфоза клятвы тех поколений, что пережили и приняли коллективные жертвы двух последних мировых войн) к новым способам политической ассоциации, которые больше похожи на отношения кондоминиума (обусловленные только уважением индивидуального благополучия и правилами использования общих услуг)» [перевод наш – Авт.] (Prodi, 1992: 11).

2. Материалы и методы

Темой данной статьи является анализ практик, смыслов и процессов формирования воинской присяги в русской армии имперского периода XVIII в. Методологическая база работы основана на

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A. Volodina)

применении историко-антропологического подхода. Присяга рассматривается как когнитивно-коммуникативный феномен. Главный коммуникативный смысл присяги — доверие адресата (того, кому присяга приносится) к присягающему. Присяга предполагает искренность со стороны адресанта (того, кто присягает) в его помыслах, словах и делах относительно того круга обязательств, которые сформулированы в тексте присяги. Доверие со стороны адресата обеспечивается тем фактом, что адресант готов к каре, проклятию и наказанию в случае лживой присяги или ее нарушения.

Исследование основано на нескольких группах источников. В первую очередь, это нормативные акты, которые устанавливали определенный формуляр присяги. Анализ текста позволяет выявить и проанализировать эволюцию того круга обязательств, который власть устанавливала между адресатом и адресантом присяги. Вторую группу источников составляют архивные документы, раскрывающие практику принятия присяги военными (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648). В них содержатся материалы о приглашении иностранцев на военную службу в России, присяжные листы различных воинских частей, розыскные дела о случаях отказа от присяги. Анализ этих источников дает возможность выявить соотношение норм, установленных законодательством, и реалий применения этих норм в жизни армии. Третья группа источников представлена источниками личного происхождения. Мемуары, дневники и письма позволяют увидеть восприятие присяги непосредственными акторами процесса.

Глубокое изучение источников и архивных материалов позволяет уточнить наши представления о развитии смыслового наполнения присяги в жизни армии в XVIII столетии.

3. Обсуждение

До недавнего времени отечественные исследователи практически не обращались к изучению присяги как феномена государства нового времени. Лишь в последние годы появились статьи лингвистов, культурологов и историков, посвященные этому явлению. Однако их интерес направлен, в первую очередь, на смысл и содержание государственной присяги, а значит, на превращение присяги в политический институт государства (Королева, 2020; Воронин, Козинцев, 2024; Савченко, 2013). Что касается военной присяги, то в большинстве работ она рассматривается как инструмент патриотического воспитания войск. При этом общим местом являются повторяющиеся утверждения, что воинская присяга как традиция уже существовала при Алексее Михайловиче, но институционально и текстуально она была сформулирована при Петре I и с тех пор употреблялась в армии вплоть до 1917 года, блестяще справляясь с задачей поддержания высокого морального духа. Во всем этом как бы не видится научной проблематики. Гораздо больше исследователей интересуют изменения в смыслах и содержании военной присяги в связи с политическими потрясениями XX века (Бенда, 2009; Гагкуев, Шилова, 2016; Кормина, 2004; Чесноков, 2019).

4. Результаты

Если исходить из когнитивно-коммуникативного понимания сущности присяги, то мы должны логически выделить специфику именно воинской присяги. Присяга, которая проходила процесс институционализации на протяжении XVII в., формировалась, в первую очередь, как государственная присяга. В главных своих смыслах это была присяга в верности всех подданных (а не только военных) своему государю. Приоритетами были лояльность и послушание действующему государю: «служить и прямить во всем, и всякого добра хотети без всякой хитрости, и быть в нашем повелении» (ПСЗРИ I. №69, 619, 932; Три чина, 1654: 16). Конечно, в некоторых текстах мы можем найти военную компоненту, но она, составляя небольшой фрагмент, как бы «пристегивается» к основной части текста. По смыслу этот фрагмент может быть применим лишь к служилым людям, от подданных вообще воевать не требуется. Традиционно эта часть текста выглядит как устойчивая формула: на тех, кто был в «государевой службе», возлагалось обязательство «с крымскими, с нагайскими, с литовскими и с немецкими людьми битися, не щадя головы своей, до смерти» и рядом — требование не дезертировать («из полков без государева указу не съезать, и города не сдать, и в полках воевод не покинуть») (Древняя российская вивлиофика, 1789: 61–62, 69–70; ПСЗРИ I. №69). Даже при верстании новиков в службу в присяге превалировала «государственно-династическая часть» — «и на Московского царства... иного государя из иных государств и из русских родов никого не хотети» (Козляков, 1991: 221).

В случае ратных действий присяга как будто «приспосабливается» к реальности, не завывая планку боевых требований до небес. Реакция Алексея Михайловича в 1657 г. на известие о том, что псковский воевода разбит и попал в плен, лучше всего демонстрирует этот сдержанный подход к «битися до смерти». Царь писал: «У Матвея Шереметева был бой с немецкими людьми, и дворяне издрогали и побежали все;...а людей наших всяких чинов побито пятьдесят один человек, да ранено тридцать пять человек; и то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали» (Собрание писем..., 1856: 54–55).

По всей стране к присяге приводили все население вместе, без различия сословий и профессионального статуса («разных чинов людей»), ритуал совершался в соборных церквях, осуществляли эту процедуру священники вместе с местной администрацией, и списки присягнувших фиксировались в специальных книгах (Воронин, Козинцев, 2024). Поправки в текст присяги вносились

в виде добавлений («приписей») только для тех, кто реально был близок ко двору; и поправки эти были связаны с должностными обязанностями. Стольники клялись «никакого зелья и коренья в яства не подбрасывати», а конюшие – в гриву коням и в их упряжь никаких «лихих кореньев не класть и злого волшебства не чинить» (*Древняя российская вивлиофика, 1789: 60-67*). Таким образом, в присягах XVII в. превалировало государственное начало. Главное, что обещали подданные под угрозой кары небесной, – не соблазняться самозванцами, не делать лиха и повиноваться воле государя.

Впрочем, в этом столетии мы встречаем уже и образец чисто воинской присяги, однако к ней приводили не подданных. Уже при Михаиле Федоровиче начался процесс найма на военную службу иностранцев, при его сыне он продолжился, а при Петре I расцвел пышным цветом. До нас дошел образец присяги 1631 г., к которой было положено приводить этих нанятых за границей полковников, капитанов и сержантов (*СГГД, 1822: 328-329*). Они клялись отбивать обратно захваченные противником города (в российском варианте присяги, как помним, требование для служилых людей поскромнее – «не сдавать города»), мужественно сражаться «в боях, в приступах, в ратных промыслах» в любое время и в любом месте, «водяным и сухим путем», выполнять приказы начальников, всюду следовать за знаменем своей части. Наемники клялись служить «государю и всему российскому государству» так, чтобы можно было перед Богом, государем и «всеми добрыми людьми» ответ дать. В случае измены (сон в карауле, бегство с поля боя, грабеж подданных государя и т.п.) предусматривалось вполне земное наказание – «меня за то казнить смертной казнью по сей моей клятве». Здесь обращают на себя внимание несколько деталей. Это действительно чисто воинская присяга, ибо все обязательства клятвы четко конкретизированы. Касаются они поведения офицеров и солдат – в боях или в перерывах между боями. Эта присяга содержала требования, предъявляемые к военным профессионалам, которые не были связаны с государем узами подданства.

Данный текст явно несет отпечаток европейского военного права и военной этики XVI-XVII вв. Именно в это время основу вооруженных сил составляли профессиональные солдаты, уроженцы германских княжеств, швейцарцы, шотландцы, которые предлагали свои услуги любому, кто мог их оплатить и которые кочевали от одного правителя к другому. Закаленные в многочисленных боях, эти полки смело сражались, однако прочной связи ни с одним сувереном и ни с одним государством не чувствовали (*Александров, 2002; Avant, 2000; Miller, 2013; Swart, 2006*). Взаимоотношения, которые связывали их с королями, напоминали контрактно-договорные, и наемники стремились честно выполнять взятые на себя обязательства, в противном случае полк с подмоченной репутацией рисковал остаться без работы. Но обязательства эти выполнялись только в течение определенного срока и до тех пор, пока вторая сторона выполняла свою часть договора. Присягу ландскнехты приносили своим командирам, осуществлявшим набор, но значимые моральные обязательства связывали их и с братьями по оружию. Примечательно, что наряду с Богом и государем в тексте 1631 г. в качестве одного из адресатов появляются «все добрые люди». Наивно было бы полагать, что в этом проявлялась ответственность солдат перед «народом». Подобные формулировки отражают как раз мировоззрение ландскнехтов, которые в число «добрых людей» включали, прежде всего, представителей военной корпорации: «добросовестный честный военный люд» (“redliche ehrliche Kriegesleut”) (*Александров, 2002: 85-86*).

Необходимо подчеркнуть эту специфику воинской присяги. Среди ее адресатов наряду с Богом и командиром/государем с неизбежностью возникают братья по оружию. В отличие от государственной присяги для всех подданных, которая делала акцент на лояльности («лиха не делать»), воинская как раз требовала «делать лиха», но на поле брани и противнику. Она заставляла храбро сражаться и достигать победы, а в крайности – даже погибать. В одиночку идти на такое немисливо, солдату необходимо доверие со стороны тех, кто рядом с ним идет в бой. Именно поэтому во времена Петра перед текстом присяги появляется пояснение: «Сия присяга бывает генералитету в воинской консилиии, а штаб-, обер- и унтер-офицерам и солдатам при полку или роте, при распушенном знамени» (*Памятники..., 1961: 320*).

Некоторые пассажи присяги 1631 г. напрямую перекликаются с текстом воинской присяги петровского времени, которая появилась только в 1715 г. в «Артикуле воинском»: врагам «телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах, и штурмах, и в прочих воинских случаях... храброе и сильное чинить противление»; от своей роты и знамени никуда не отлучаться, но следовать за этим знаменем, пока жив, «непременно, добровольно и верно так, как мне приятна честь моя» (*Памятники..., 1961: 320-321*). Схожие формулировки присяги содержались и в более раннем документе петровского времени – «Уставе прежних лет» (*Мышлаевский, 1894: 1-2*). Объяснить эту схожесть можно единственным образом: тексты присяг и Михаила Федоровича, и Петра I складывались под влиянием европейских образцов, у них был некий «общий предок». Таким предком, вероятно, была присяга из воинских артикулов шведского короля Густава Адольфа (1620-е гг.). Во всяком случае, именно к такому выводу приходил глубокий исследователь военного права П.О. Бобровский (*Бобровский, 1882: 124-129*). Да и в служебной переписке генералы из Главного комитета по устройству и образованию войск в 1880-е гг. признавали: «Формула узаконенной со времени императора Петра I присяги, практикуемой у нас по настоящее время, ... заимствована нами из шведских законов» (*РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 681. Л. 4-4об.*).

Шотландец Патрик Гордон был типичным образчиком наемного военного люда. Приехав на службу в Россию в 1661 г., он тоже проходил процедуру присяги: «Нас вызвали в приказ, дабы взять клятву верности царю. Приводить к присяге предстояло голландскому священнику, который держал речь первым. Когда он сказал, что мы должны поклясться служить Его Величеству верой и правдою по все дни нашей жизни [как мы понимаем, это означало на практике переход в подданство], я возразил и не стал продолжать, ссылаясь на условия моего договора. Сие не было дозволено, я же оставался непреклонен, и меня задержали в приказе, пока не нашли выход: я был вынужден поклясться, что буду служить, доколе продлится война с Польшей» (Гордон, 2003: 111). Этот поток «контрактников» на протяжении XVII в. все нарастал и достиг максимума в период Северной войны. В 1701 г. в полевой армии около трети офицеров составляли иноземцы и «новокрещены» (т. е. иностранцы, недавно принявшие православие) (Волков, 2003: 85).

В фондах РГВИА содержится коллекция документов XVII-XVIII в. о приеме иностранцев на русскую службу (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1). Архивные документы свидетельствуют, что все они при приеме на службу давали присягу именно как военные профессионалы на иностранном языке (русским большинство не владело) и в присутствии своего священника. Эмиссары Петра I отправлялись в Европу с широчайшими полномочиями, снабженные деньгами и «плакатами» с изложением манифеста 1702 г. о призыве иностранцев на службу (ПСЗРИ-1. №1910). В Европе с кандидатами, готовыми ехать в Россию, они составляли «капитуляцию» — письменный договор об условиях, на которых этот военный будет служить в русской армии. В петровское время это слово, помимо привычного нам значения, как раз и означало договор об условиях службы (ПСЗРИ-1. №4765, 17526). Как писал сам Петр, «которых особ оный наш полковник в службу нашу призовет и капитуляцию о чине и жалованье его с ним сочинит, то все по тому от нас, великого государя, содержится» (Письма и бумаги..., 1948: 349). Помимо чина и размера жалованья, капитуляция могла содержать и дополнительные условия, например, после двух лет службы полковником — получение генеральского звания, после каждого года службы — возможность по своему желанию разорвать контракт или продолжить службу. Один иноземец требовал от военного ведомства: «При полку моем чтобы два места капитана, два поручика и два прапорщика для меня оставлены были, чтобы я мог по своему соизволению оные места офицерам раздавать» (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 100. Л. 5). Поразительно читать эти пункты капитуляций в архивных документах; хотя сами статьи обозначены цифирью, но за ними чувствуется уверенный торг в духе европейских наемников. В капитуляции Бранденбургского артиллерийского подполковника фон Стернфельдта за подписью генерала Лефорта (1697 г.) было прописано все: ежемесячное жалованье в 90 ефимков, выплата жалованья за полгода вперед, оплата дорожных расходов, предоставление в России удобного жилища, обеспечение «добрым толмачем», выделение 24-х лошадей и выдача на этих лошадях овса и сена, а после окончания оговоренного срока службы — свободное возвращение в Бранденбург (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 62). При этом все эти «контрактники» принимали в России присягу, и подписанные ими присяжные листы хранились в их личных делах. Без этого просто невозможно представить себе основания, почему государство могло бы испытывать к ним то самое доверие, которое составляет когнитивно-коммуникативную сущность всякой присяги. В списке чужестранцев, приехавших для поступления в военную службу, мы видим пометки: «По приговору военной коллегии велено послать его в Астраханский гарнизон, а в тот гарнизон не послан, что присяги он не дал и в коллегию не явился» (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 114. Л. 4). Самое позднее упоминание «капитуляции» в данном специфическом значении слова относится к 1807 г. (ПСЗРИ-1. №22491).

Первые корпоративные представления о присяге формируются достаточно быстро и у русских офицеров. В РГВИА сохранилось дело поручика Баландина, который в 1725 г. «не пожелал присягать Екатерине I» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1. Л. 419-453). Со своей ротой стоял он на «вечных квартирах» в Яренске, в глухом углу Устюжской провинции. В результате цепочки донесений (фискал, Яренский земский комиссар, Устюжский воевода) в Петербург полетела страшная весть: поручик, мол, говорил, что к присяге не пойдет и подписывать ее не будет. Сенат и Военная коллегия вступили в переписку, начался розыск. В своих показаниях Баландин заявил, что не пошел к присяге, потому что «оный комиссар ему, поручику, не командир..., а ожидал он указа от генерал-майора Федора Гавриловича Чекина». Получив этот указ, он поехал в Вологду и там «в соборной апостольской церкви с прочими офицерами у присяги был и под присягою подписался» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1. Л. 432). Когда выяснилось, что все так и было, поручика с миром отпустили. Да, в данном случае речь шла о государственной (не воинской) присяге, но офицер уже отвергает право «штатских» что-то ему диктовать, он желает принимать присягу со «своими», и власть относится к такому поведению с пониманием.

Итак, в течение петровского царствования действительно формируется институт воинской присяги в ее сакральных и институциональных формах. Текст, сфера обязательств, место присяги, адресаты, ритуал — все это становится специфически-воинским, обнимающим тех, кто включен в военную корпорацию. Язык и конфессиональная принадлежность отступают перед этим корпоративным духом на второй план. Недаром Военный устав Петра печатался на двух языках — русском и немецком. Присягу тоже можно было приносить на иностранном языке. В 1722 г.,

например, Гаврила Баскаков, командир Ингерманландского полка, рапортовал о получении отпечатанных немецкими литерерами устава и присяг (10 экз.), которые присланы были к нему для иноземцев (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 80. Л. 4, 50-51). Впрочем, уже при Петре проявляются первые всполохи снижения сакрального смысла воинской присяги. Во-первых, в 1721 г. была введена законодательная норма, что присягу следует повторять при каждом получении чина, и лишь солдаты приносили ее при вступлении в службу однократно (ПСЗРИ-1. №3846). Трудно до конца понять смысл этого указа. Возможно, здесь прослеживается желание подчеркнуть иной круг ответственности и компетенции при получении следующего чина. Может быть, Петр надеялся, что при многократном повторении присяга будет крепче усвоена, но сакральность присяги как перформатива это, безусловно, размывало.

Кроме того, напряженная ситуация вокруг престолонаследия вновь, как после потрясений Смуты в XVII в., актуализировала для власти проблему общей лояльности подданных, а особенно лояльности военных. Именно поэтому так важны были для императора присяга наследнику престола царевичу Петру Петровичу (1718 г.), а после смерти наследника — присяга Уставу о престолонаследии (1722 г.), к которым в обязательном порядке приводились воинские части и генералитет (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 125. Л. 252; Ф. 140. Оп. 1; ПСЗРИ-1. №3893).

Последующие десятилетия демонстрируют нам, что в присягах лояльность государю/государству вновь выходит на первый план по отношению к армейско-воинской компоненте. В РГВИА сохранилось несколько дел с подшитыми клятвенными обещаниями за достаточно длительный промежуток времени: журнал Преображенского полка за 1741-1762 гг. и такой же журнал I-го кадетского корпуса — за 1735 гг. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268; Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648). Они представляют собою присяжные листы с текстом присяги, датой и подписью того, кто приносит присягу. Иногда это одна подпись, иногда — несколько, а подчас (как в полку) — несколько десятков. Присяжных листов этих так много именно потому, что к присяге приводились все, вступившие в службу, все, получившие повышение в чине, вообще все при смене монарха. В деле кадетского корпуса сохранились присяги 64 человек: именно столько раз приводили здесь к присяге в течение года. Майор Де-Бодан рапортовал: «По присланному ко мне ордеру велено пожалованных поручика Ульриха в капитан-поручики, и подпоручика Аленина - в поручики в верности по указам привести к присяге» (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648. Л. 1). Обращает на себя внимание и цифра — 64 человека только в кадетском корпусе за год были приведены к присяге. Много это или мало? Количество штаб- и обер-офицеров, служивших в корпусе за период 1732-1760 гг., можно подсчитать: их было 189 человек (Именной список..., 1761: II-XXIII). Вряд ли в 1735 г. одновременно их было более 50 человек, скорее всего, меньше. Конечно, эта цифра не учитывает тех, кто служил в корпусе в унтер-офицерских чинах, но даже с учетом всех сержантов и фельдфебелей количество военных в корпусе не могло превышать 120-150 человек.

Получается, что за один год, в течение которого не случилось ни дворцового переворота, ни смерти монарха, процентов сорок от штата должны были пройти процедуру присяги. Если экстраполировать этот тренд, то нужно признать, что в среднем военный (не беря в расчет солдат) каждые 3-4 года приносил присягу заново. Неизбежным следствием такого порядка становилась рутинизация присяги, размывание ее сакрального смысла. Нельзя венчаться каждые три года, это уж не «союз, освященный Богом», а «роспись в сельсовете». Князь Иван Долгоруков вспоминал о том, как он в юности впервые принимал присягу на офицерский чин: «Я еще, по счастью мирной совести моей, не знал, что между людьми сия гражданская присяга не есть та свободная клятва пред Богом, которой нарушение подвергает нас анафеме общей и гневу небесному, а только условный обряд политический, которого никто уже не ценит, не боится и не уважает» (Долгоруков, 2004: 54).

Присяжные листы в архивном деле кадетского корпуса тоже преподносят нам ряд сюрпризов. Во-первых, все тексты присяг на них рукописные, типографски отпечатанных присяг еще нет. Во-вторых, нет и единого текста присяги. Половина присягнувших ставила свою подпись под текстом привычной петровской присяги, а остальные подписывались под присягой на верность подданства. Форма этой присяги была утверждена в 1730 г. при восторжении Анны Иоанновны на престол, и ее квинтэссенцией являлось обещание быть «верным, добрым и послушным рабом и подданным» (ПСЗРИ-1. №5509). Ни о каких «штурмах, осадах, баталиях и знаменах» здесь речь уже не шла, ведь изначально текст этой присяги предназначался для всех подданных империи. Необходимо отметить еще одно обстоятельство: текст от лица «послушного раба и подданного» встречается в двух редакциях — «краткой» и «пространной». Краткая присяга точно соответствует тому тексту, что указан в ПСЗРИ. А вот пространная редакция слово в слово повторяет текст присяги из Генерального регламента (1722 г.) (ПСЗРИ-1. №3534. Гл. 1). Именно здесь мы видим обязательство от лица «верного, доброго и послушного раба и подданного» доносить обо всем, что может нести «ущерб, вред и убыток интересам Его Величества», хранить государственную тайну и исполнять все инструкции, регламенты и указы, уже существующие, или те, что будут определены в будущем. Беда была в одном: Генеральный регламент прямо в заголовке сообщал, что этими правилами должны руководствоваться «в отправлении своего чина государственные коллегии, тако ж и все оных

принадлежащих к ним канцелярий и контор служители». Получалось, что поручик приравнялся к канцелярскому служителю.

Возникает трудный вопрос: как это офицеры в одном и том же корпусе, в одно и то же время принимают присягу, как Бог на душу положит? Кто вообще определял, по какому тексту присягать? Они сами? Или писарь в канцелярии доставал из «шкапчика» (где лежали разные образцы присяги) любой текст и переписывал его при надобности? Возникает сильнейший соблазн увидеть в этом феномене скрытую фронтонду. Может быть, природные русские помнили о временах Петра Алексеевича, о военной корпоративной чести и, пользуясь рыхлостью законодательства (ведь формально присягу Петра никто не отменял), подобным образом демонстрировали свое несогласие с новыми веяниями? А вот «проклятая немчура» психологически комфортно чувствовала себя под сенью Бирона? Действительно, около 80 % присягнувших в 1735 г. носили немецкие фамилии и подписывали присяги по-немецки, а у трех человек даже сам текст был на немецком языке (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648. Л. 40-420б.). Однако документы неумолимы, они не позволяют притянуть такое «патриотическое» объяснение. Никакой русско-немецкой контроверзы и национальной закономерности в текстах присяг не прослеживается. Наравне с фурьером Иваном Дегтяревым и штабс-писарем Алексеем Патрикеевым подпоручики Филипп Мумм и Карл Фабер, секунд-лейтенант Фон-Бандемир и фельдфебель Пален по-петровски клянутся «телом и кровью храброе и сильное чинить противление». Впрочем, некоторую логику мы можем раскрыть, если сравнить имена присягавших с краткими биографическими сведениями о них, которые приводятся в книге П.Ф. Лузанова (Лузанов, 1907: 170-188). Автор указывает, кто из служащих и учителей был выписан из-за границы и служил по капитуляции. В этом случае мы можем с уверенностью предполагать, что он являлся иностранным подданным. С учетом этих сведений представляется возможным выстроить логику в выборе текста присяги.

1. Военный российский подданный (неважно, русский или немец) – присяга Петра I.

2. Иностраный подданный (неважно, военный или штатский) – присяга Анны Иоанновны в краткой или в пространной редакции (т. е. в варианте Генерального регламента).

3. Штатский (неважно, российский или иностранный подданный: танцмейстер или учитель французского) – присяга Анны Иоанновны, опять-таки в краткой или в пространной редакции.

Как бы там ни было, мы можем констатировать одно: начали действовать какие-то факторы, которые способствовали «забыванию» петровской присяги и вытеснению ее на периферию армейской ментальности.

Это подтверждается материалами другого архивного дела, в котором отложились присяжные листы Преображенского полка (почти двести листов) за 1741–1762 гг. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268). Здесь уже нет ни одного случая присяги по тексту петровского времени. Присягу Петра I «забыли», что кажется, на первый взгляд, очень странным, ведь Елизавета позиционировала себя именно как «дочь Петра» и на этом выстраивала политический нарратив своего царствования. В этом деле все присяжные листы уже представляют собой типографски отпечатанный текст. Ниже текста клятвенного обещания идут подписи присягавших, продолжаясь и на обороте. В полку людей было достаточно много, поэтому подписи растягивались на несколько присяжных листов. Самые ранние присяжные листы датированы ноябрем 1741 г. (причем «ноября ____ дня» отпечатано типографским способом). Учитывая, что государственный переворот произошел 25 ноября, понятно, в какой спешке шла печать этих листов, и в какой суматохе происходило приведение к присяге. Очевидно, этим объясняется отсутствие строгого порядка в иерархии подписей. Под самым текстом могли идти подписи какого-нибудь извозчика или гобойского ученика, а гораздо ниже – подписи прапорщиков и поручиков. Более того, иногда среди преображенцев мелькает подпись какого-нибудь солдата Измайловского или Семеновского полка (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268. Л. 6-8). В спокойной обстановке подписи выстраивались в порядке военной иерархии: от полковника – через майора и поручиков – к капралам и солдатам (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268. Л. 158-1600б.).

При Елизавете отпечатанный текст во всех случаях предстает только в двух вариантах: кратком и пространном. Краткий текст дословно совпадает с присягой 1730 г. Анне Иоанновне. Пространная версия была утверждена в 1743 г. как «присяга на верность службы», и она точно повторяла текст из Генерального регламента (ПСЗРИ-1. №8780). Таким образом, по части воинской присяги тенденции, намечившиеся в 1730-е гг., только усилились и укрепились при Елизавете Петровне.

Резкий перелом в этом тренде произошел в 1762 г. В феврале этого года Петр III подписал указ, чтобы «все, находящиеся на воинской службе», как офицеры, так и солдаты, присягу чинили «так, как при жизни государя императора Петра Великого было» (ПСЗРИ-1. 11452). После переворота и прихода к власти Екатерины II в ее манифесте о восшествии на престол от 28 июня 1762 г. содержался и текст клятвенного обещания для верноподданных (ПСЗРИ-1. 11582). Спустя несколько дней указом императрицы была утверждена «Генеральная присяга на чины», т. е. присяга для всех штатских чиновников (ПСЗРИ-1. 11601). Обе эти присяги совпадают дословно, повторяя петровский текст из Генерального регламента. Формулировка про «доброе и верное раба и подданного» там традиционно присутствует. Но преобразенцы в эти летние дни присягали по-другому. Если исключить титулатуру императрицы и наследника, то эта присяга поражает своим лаконизмом и

экспрессивностью: «Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови» (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268. Л. 191-195).

Именно с екатерининского времени российская армия возвращается к каноническому тексту присяги «Воинских артикулов». Возникает вопрос: почему Екатерина не потребовала от гвардейцев присягать так же, как присягали коллежские регистраторы и статские советники? И почему она не отменила указ свергнутого мужа? Думается, как тонкий политик, она ощущала скрытое недовольство военных тем, что их ставят на одну доску с гражданскими чиновниками. Петровская присяга требовала воинской доблести, а «Генеральный регламент» ждал только лояльности и честного выполнения должностных обязанностей. Образцы воинской присяги екатерининского времени настолько четко следовали Воинскому уставу Петра, что даже учитывали его пометку: «Понеже сия присяга вообще всякому чину положена, того ради надлежит тому, кто к присяге приводит, выписывать, которому чину что принадлежит, а унтер-офицерам и солдатам все» (Памятники..., 1961: 321). Листы с образцами присяг при Екатерине так и были подписаны: присяга на чин прапорщика, подпоручика, поручика и капитана; подполковника, премьер- и секунд-майора; унтер-офицеров и солдат; полковника. Впрочем, единственная разница заключалась в одном абзаце. Нижние чины и обер-офицеры клялись «от роты и знамя, где надлежу...никогда не отлучаться», штаб-офицеры – «от полку команды, где надлежу...», а полковник – «от поверенному мне от Ее Величества полку команды... никогда не отлучаться» (РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 1249. Л. 83-89). Но все одинаково обещали «так поступать, как честному, верному и храброму солдату надлежит».

Рыцарские увлечения Павла I еще больше усиливали корпоративный дух воинской присяги. Принятие ее стало приобретать черты торжественного и сакрального ритуала, присягу принимали под распущенными знаменами, при построении полка, присягавший должен был одну руку держать распостертой вверх, а другой – держаться за знамя (ПСЗРИ-1. №17942). Такой сценарий, несомненно, усиливал персонифицированный характер присяги. Раньше индивидуальной была подпись в присяжном листе, а теперь каждый, произнося слова присяги, лично держался за боевое знамя. Невозможно представить себе, чтобы для ускорения процедуры сразу десять солдат вцепились в одно знамя.

5. Заключение

Подводя итоги, следует указать те обстоятельства, которые оказывали влияние на эволюцию текста и смысла военной присяги в XVIII столетии. Думается, здесь сыграли роль два фактора. Во-первых, это общая неустойчивость династии и политические пертурбации эпохи дворцовых переворотов. Слишком часто легитимность власти оказывалась под вопросом, подвергалась испытанию и проверке на прочность. Многократно в эти десятилетия возникал вопрос: кого считать законной властью? Кому следует присягать, а потом переприсягать, а потом – уничтожить уже подписанные присяги? Что делать с уклоняющимися от присяги? В этих условиях гораздо важнее было обеспечить лояльность военных именно как подданных по отношению к текущей власти. Такой подход, впрочем, с неизбежностью размывал сакральность присяги как нерушимой клятвы и подтачивал специфику воинской присяги, фундаментальные основания которой были заложены при Петре.

Второй фактор, который в значительной степени способствовал возвращению в армию петровской присяги в период правления Екатерины II, был связан с изменением положения иностранцев в русской армии. Когда при Петре и его предшественниках приток иностранных офицеров нарастал, то основная их часть воспринимала службу как контракт. Их требовалось «привязать» к этой службе дополнительными обязательствами, которые как раз и формулировались в присяге. Поначалу это была присяга именно военного специалиста, которая обязывала его сражаться «в боях, штурмах и всяких военных промыслах». Однако «капитуляции» с их характером контракта и договора о найме постепенно уходили в прошлое. В течение нескольких десятилетий после Петра мы видим целенаправленные усилия власти, направленные на «обрусение» армии: от требований научиться писать по-русски до права на пенсию при отставке в случае перехода в российское подданство. Впрочем, обрусение это было имперским по духу. Военные могли быть немцами или французами по родному языку, лютеранами или католиками – по вероисповеданию, но переходом в подданство они привязывали себя к российской империи гораздо теснее, нежели любые пункты «капитуляции». Особая присяга для чужестранца становилась излишней, ибо все подданные и так при смене монарха на престоле присягали ему на верность. А вот «вспомнить» об особой военной присяге, осененной славой Петра Великого, казалось необходимым. В глазах самих военных это усиливало чувство корпоративной общности, ибо проводило грань между армией и сонмом штатских чиновников. А при активизации внешней политики воспитание военно-корпоративного духа становилось необходимым и приоритетным, ведь именно петровская присяга говорила о «боях, штурмах и всяких военных промыслах».

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325 «Российская армия XVIII – начала XX вв. как социокультурный феномен», <https://rscf.ru/project/23-28-00325>

Литература

- Александров, 2002** – Александров С.Е. Немецкий наемник XV – середины XVII вв.: грани ментальности // *Военно-историческая антропология*. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С.83-112.
- Бенда, 2009** – Бенда В.Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII в. // *Вестник Челябинского государственного университета*. История. 2009. № 12. С.56-62.
- Бобровский, 1882** – Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Ч.II. Вып. 1. СПб., 1882. 397 с.
- Волков, 2003** – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. 414 с.
- Воронин, Козинцев, 2024** – Воронин И.К., Козинцев А.Я. Царь и его подданные: регистрация статуса личности в царской России в координатах «личность–государство». Хабаровск, 2024. 151 с.
- Гагкуев, Шилова, 2016** – Гагкуев Р. Г., Шилова С. Г. «Клянусь Всемогущим Богом...» Присяги гражданской войны // *Новейшая история России*. 2016. № 1 (15). С. 257–274.
- Гордон, 2003** – Гордон П. Дневник 1659-1887. /Под ред. Д.Г. Федосова. М., 2003. 315 с.
- Долгоруков, 2004** – Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб, 2004. 816 с.
- Древняя российская вивлиофика, 1789** – Древняя российская вивлиофика. Ч. 8. М.,1789. 475 с.
- Именной список..., 1761** – Именной список всем бывшим и ныне находящимся в сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-ober-офицерам и кадетам. СПб., 1761. 274 с.
- Козляков, 1991** – Козляков В.Н. Источники о новичном верстании в первой половине XVII века // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М. АН СССР. 1991. С. 89-104.
- Кормина, 2004** – Кормина Ж.В. Воинская присяга: К истории одного перформатива. // *Неприкосновенный запас*. 2004. №1. С. 97-104.
- Королева, 2020** – Королева М.В. Процедура государственной присяги в России XVII в.// *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020. №4. С.73-82.
- Лузанов, 1907** – Лузанов П.Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Исторический очерк. Период графа Миниха (С 1732 по 1741). СПб., 1907. 188 с.
- Мышлаевский, 1894** – Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 г. СПб., 1894. 122 с.
- Остин, 1986** – Остин Дж. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. М., 1986. С. 22-129.
- Памятники..., 1961** – Памятники русского права. Вып.8. М., 1961. 667 с.
- Письма и бумаги...,1948** – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб., 1900. 519 с
- ПСЗРИ I** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Савченко, 2013** – Савченко Д. А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 8. С. 940-946.
- СГГД, 1822** – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в коллегии иностранных дел. Ч.3. М., 1822. 540 с.
- Собрание писем..., 1856** – Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. 248 с.
- Три чина, 1654** – Три чина присяги. М.: Печатный двор, 1654. С. 16 (ŠI). (экземпляр Музея книги РГБ).
- Чесноков, 2019** – Чесноков И.И. Военная присяга: Историко-культурная динамика формы объективации // *Филологические науки*. 2019. №3. С.45-52;
- Avant, 2000** – Avant D. From Mercenary to Citizen Armies: Explaining Change in the Practice of War//*International Organization*. Winter, 2000. Vol. 54. No. 1, Pp. 41-72
- Miller, 2013** – Miller J. The Scottish mercenary as a migrant labourer in Europe, 1550-1650 // *Fighting for a Living. A Comparative History of Military Labour 1500-2000*. / Ed. Erik-Jan Zürcher. Amsterdam University Press, Amsterdam 2013. Pp. 169-200;
- Prodi, 1992** – Prodi P. Il sacramento del potere. Il giuramento politico della storia costituzionale dell'Occidente. Bologna, 1992. 602 p. [in Italian]
- Swart, 2006** – Swart E. From "Landsknecht" to "Soldier": The Low German Foot Soldiers of the Low Countries in the Second Half of the Sixteenth Century // *International Review of Social History*. Vol. 51. No. 1 (April 2006). Pp. 75-92.

References

- Aleksandrov, 2002** – Aleksandrov, S.E. (2002). Nemetskii naemnik XV – serediny XVII vv.: grani mental'nosti [German mercenary of the 15th – mid-17th centuries: facets of mentality]. *Voенно-istoricheskaya antropologiya*. Ezhegodnik. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya. M. Pp. 83-112. [in Russian]

- Avant, 2000** – *Avant, D.* (2000). From Mercenary to Citizen Armies: Explaining Change in the Practice of War. *International Organization*. Winter. 54(1): 41-72.
- Benda, 2009** – *Benda, V.N.* (2009). «Prisyaga na vernost'...» kak odno iz sredstv formirovaniya traditsii russkoi armii i patriotizma v Rossii XVIII v. [“The Oath of Allegiance” as one of the means of forming the traditions of the Russian army and patriotism in Russia in the 18th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 12: 56-62. [in Russian]
- Bobrovskii, 1882** – *Bobrovskii, P.O.* (1882). Voennoe pravo v Rossii pri Petre Velikom [Military law in Russia under Peter the Great]. Ch.II. Vyp. 1. SPb., 397 p. [in Russian]
- Chesnokov, 2019** – *Chesnokov, I.I.* (2019). Voennaya prislyaga: Istoriko-kul'turnaya dinamika formy ob'ektivatsii [Military oath: Historical and cultural dynamics of the objectification form]. *Filologicheskie nauki*. 3: 45-52. [in Russian]
- Dolgorukov, 2004** – *Dolgorukov, I.M.* (2004). Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni [The story of my birth, origin and whole life]. T.1. SPb., 816 p. [in Russian]
- Drevnyaya vivliofika, 1789** – *Drevnyaya rossiiskaya vivliofika* [Ancient Russian Atheneum]. Ch. 8. M., 1789. 475 p. [in Russian]
- Gagkuev, Shilova, 2016** – *Gagkuev, R. G., Shilova, S.G.* (2016). «Klyanus' Vsemogushchim Bogom...» Prisyagi grazhdanskoi voyny [“I swear by Almighty God...” Civil War Oaths]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 1(15): 257-274. [in Russian]
- Gordon, 2003** – *Gordon, P.* (2003). Dnevnik 1659-1887 [Diary 1659-1887]. Pod red. D.G. Fedosova. M., 315 p. [in Russian]
- Imennoi spisok..., 1761** – *Imennoi spisok vsem byvshim i nyne nakhodyashchimsya v sukhoputnom shlyakhetnom kadetskom korpuse shtab-ober-ofitseram i kadetam* [A list of names of all former and current staff officers and cadets in the land noble cadet corps]. SPb., 1761. 274 p. [in Russian]
- Kormina, 2004** – *Kormina, Zh.V.* (2004). Voinskaya prislyaga: K istorii odnogo performative [Military Oath: On the History of One Performative]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1: 97-104. [in Russian]
- Koroleva, 2020** – *Koroleva, M.V.* (2020). Protседura gosudarstvennoi prislyagi v Rossii XVII v. [The procedure of the state oath in Russia in the 17th century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 4: 73-82. [in Russian]
- Kozlyakov, 1991** – *Kozlyakov, V.N.* (1991). Istochniki o novichnom verstanii v pervoi polovine XVII veka [Sources about the rookie recruitment in the first half of the 17th century]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda. M. Pp. 89-104. [in Russian]
- Luzanov, 1907** – *Luzanov, P.F.* (1907). Sukhoputnyi shlyakhetnyi kadetskii korpus. Istoricheskiy ocherk. Period grafa Minikha (S 1732 po 1741) [Noble Cadet Corps. Historical Essay. The Period of Count Minich (From 1732 to 1741)]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2013** – *Miller, J.* (2013). The Scottish mercenary as a migrant labourer in Europe, 1550-1650. Fighting for a Living. A Comparative History of Military Labour 1500-2000. Ed. Erik-Jan Zürcher. Amsterdam University Press, Amsterdam. Pp. 169-200.
- Myshlaevskii, 1894** – *Myshlaevskii, A.Z.* (1894). Petr Velikii. Voennye zakony i instruksii, izdannye do 1715 g. [Peter the Great. Military laws and instructions issued before 1715] SPb., 122 p. [in Russian]
- Ostin, 1986** – *Ostin, D.* (1986). Slovo kak deistvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. XVII. M. Pp. 22-129. [in Russian]
- Pamyatniki..., 1961** – *Pamyatniki russkogo prava* [Statutes of Russian law]. Vyp.8. M., 1961. 667 p. [in Russian]
- Pis'ma i bumagi, 1948** – *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. T. 4. SPb., 1900. 406 p. [in Russian]
- Prodi, 1992** – *Prodi, P.* (1992). Il sacramento del potere. Il giuramento politico della storia costituzionale dell'Occidente [The mystery of power. A Political Oath in the Constitutional History of the West]. Bologna, 602 p. [in Italian]
- PSZRI I** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1-e. SPb., 1830. [in Russian]
- RGADA** – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGVIA** – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military-Historical Archive].
- Savchenko, 2013** – *Savchenko, D.A.* (2013). «Gosudaryu khoteti dobra vo vsem»: prislyaga poddannyykh moskovskomu tsaryu (nachalo XVII v.) [“To wish the sovereign all the best”: the oath of subjects to the Moscow tsar (early XVII century)] *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 8: 940-946. [in Russian]
- SGGD, 1822** – *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraryashchikhsya v kollegii inostrannykh del* [Collection of state charters and contracts kept in the College of Foreign Affairs]. Ch.3. M., 1822. 540 p. [in Russian]
- Sobranie pisem..., 1856** – *Sobranie pisem tsarya Alekseya Mikhailovicha* [Collection of letters of Tsar Alexei Mikhailovich]. M., 1856. 248 p. [in Russian]

Swart, 2006 – Swart, E. (2006). From "Landsknecht" to "Soldier": The Low German Foot Soldiers of the Low Countries in the Second Half of the Sixteenth Century. *International Review of Social History*. 51(1): 75-92.

Tri china, 1654 – Tri china prisnyagi [Three ranks of the oath]. M.: Pechatnyi dvor, 1654. S. 16 (ŠI). (ekzempliar Muzeya knigi RGB). [in Russian]

Volkov, 2003 – Volkov, S.V. (2003). Russkii ofiterskii korpus [Russian officer corps]. M., 414 p. [in Russian]

Voronin, Kodintsev, 2024 – Voronin, I.K., Kodintsev, A.Ya. (2024). Tsar' i ego poddannye: registratsiya statusa lichnosti v tsarskoi Rossii v koordinatakh «lichnost'–gosudarstvo» [The Tsar and His Subjects: Definition of the Status of an Individual in Tsarist Russia in the Coordinates "Individual–State"]. Khabarovsk, 151 p. [in Russian]

Эволюция военной присяги в России в XVIII в.

Татьяна Андреевна Володина ^{a, *}

^a Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется изменение текстуального содержания воинской присяги в России в XVIII в., а также эволюция смыслов, практик и ритуалов принятия этой присяги. Уделено также значительное внимание выявлению факторов, влиявших на военную присягу в допетровское время. Главными источниками для исследования служат нормативно-правовые акты, определявшие текст и процедуру принятия присяги, а также архивные документы, отражающие реалии феномена присяги в жизни армии. Автор прослеживает влияние на оформление института воинской присяги «фактора ландскнехтов» – принятых на военную службу иностранцев, нанимавшихся по «капитуляциям». В статье подчеркивается, что институционализация и упрочение корпоративного характера воинской присяги при Петре I были продиктованы реалиями регулярной армии, ведущей активные боевые действия. Автор приходит к выводу, что зигзаги в эволюции воинской присяги на протяжении XVIII в. были обусловлены двумя факторами: во-первых, политическими пертурбациями эпохи дворцовых переворотов, а во-вторых – общим «обрусением» армии, которое носило имперский характер и приводило к изменению положения иностранцев в русской армии.

Ключевые слова: российская армия, государственная присяга, воинская присяга, военная корпорация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1533-1541
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1533

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Influence of Russian National and Economic Culture on Kalmyk Society in the 18th century: Fishing and Otkhodnichestvo

Maksim M. Batmaev ^{a, *}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Acculturation as a process of mutual influence of cultures, the perception by one people of all or part of the culture of another people needs further study. It is especially interesting to study the 18th century, when the Kalmyks had to change their territorial, national and surrounding ethnic environment at times. The Kalmyks, having started to become part of Russia, inevitably had to begin the gradual perception of Russian culture in all its manifestations: economic, political, social, cultural and everyday life. This perception was generally spontaneous, caused by the specific historical and political situation. The process of Kalmyk acculturation was slow, especially in the seventeenth century, so one may wonder whether there was acculturation in this period. If we answer in the affirmative, we can say that it was most of all through negative experience. The aim of the article is to show that acculturation was, and it is the same age as in the XVIII century. Comparative, systemic and functional methods were used in analysing and interpreting the material. Although the Kalmyks began to enter into some relations with the Russian population from the beginning of the XVII century, and the mentioning of them in Russian archival documents dates back even to the last third of the XVI century, the actual, physical, if we can put it this way, contact between the Russian and Kalmyk peoples falls on the XVIII century.

Keywords: Russian history, history of Kalmykia, Astrakhan province, Kalmyk life and economy, acculturation, fishery, otkhodnichestvo.

1. Введение

В связи с перестроечными явлениями в отечественной исторической науке примерно с конца 80-х гг. XX века повысился интерес к истории повседневности. В 2010 г. в России была опубликована в русском переводе работа известного германского историка Альфа Людтке «История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти» (Людтке, 2010). Общий редактор и автор предисловия С.В. Журавлев, осветив вкратце развитие нового направления в отечественной историографии, посетовал: «Основная проблема видится в том, что... в российской историографии сохраняется своеобразная «подмена понятий»: не только обыватели, но и немалая часть ученых продолжают понимать «историю повседневности» как разновидность «истории быта», а не как *новую исследовательскую программу*» (выделено С. Журавлевым – Людтке, 2010: 6).

Далее С. Журавлев отмечал, что Людтке своими работами призывает «не спрямлять углы», а обращать внимание на многовекторность реального исторического процесса. По его мнению, отследить эти крайне сложные и порою разнонаправленные факторы (или векторы) взаимного влияния в рамках связки «человек – общество – власть» возможно только через *реконструкцию повседневных практик* (Людтке, 2010: 22).

В советской историографии негласно было принято «спрямлять углы», то есть не упоминать о тех событиях, которые по тем или иным причинам считались «неудобными». Такая практика

* Corresponding author

E-mail addresses: batmaev44@mail.ru (M.M. Batmaev)

неминуемо приводила к искажению исторической правды. Историк, приступая к освещению событий прошлого, должен помнить советы Люттке.

В нашем случае, не изучая аккумулярацию или процессы взаимовлияния культур и обмена культурными особенностями русских и калмыков, мы не можем в максимально доступной полноте раскрыть взаимоотношения калмыков, в первую очередь, с русским народом, а также и с другими народами, с которыми они контактировали, заимствуя что-то у них или же отвергая. В свете сказанного становится понятным, почему мы должны серьезно изучать калмыцкую аккумулярацию.

В настоящей статье аккумулярация калмыков в XVIII в. исследуется на примере рыболовства и отходничества.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы настоящего исследования были использованы фонды Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), а также исторические документы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (Элиста, Российская Федерация) и содержащие сведения о социально-политических отношениях, быте, культуре кочевых народов. Эти документы являются интересными и важными источниками по аккумулярации калмыков в XVIII в. и включают в себя описание хозяйств калмыцких владельцев, сведения о развитии скотоводства, земледелия, торговли, ремесел, а также рыболовстве и отходничестве.

При анализе и интерпретации материала использованы традиционные исторические методы. Историко-сравнительный метод позволил выявить общее и частное в аккумулярации кочевников, описательный анализ исторических источников дал возможность раскрыть ранее неизвестные данные о повседневности и реконструировать повседневные практики у калмыков. Использование системного метода способствовало рассмотрению культуры кочевников как самостоятельной системы, вступившей во взаимодействие с окружающим пространством и другими народами. Нарративный или описательно-повествовательный метод выступил как вспомогательный и позволил собрать в единое полотно разрозненные архивные данные.

3. Обсуждение

Некоторые сведения в дореволюционное время сообщали Ф.А. Бюлер (Бюлер, 1846), К.Н. Костенков (Костенков, 1870), М.Г. Новолетов (Новолетов, 1884). В советское время сведения о рыболовстве отмечены в «Очерках истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период» (Очерки истории..., 1967), в монографии У.Э. Эрдниева (Эрдниева, 1980). Охота и рыболовство в XVII-XVIII вв. у калмыков исследуются также в работах М.М. Батмаева (Батмаев, 2002; Батмаев, 2022). В постсоветское время нужно отметить статьи В.В. Ишина и В.Е. Калгина (Ишин, Калгин, 2004), И.С. Панченко (Панченко, 2006; Панченко, 2007) и А.К. Манджиева (Манджиев, 2020). Работы В.В. Батырова также исследуют указанные вопросы, но в них больше рассматривается XIX – начало XX вв. (Батыров, 2009; Батыров, 2010).

С.В. Джунджузовым изучены имперские механизмы аккумулярации на примере калмыков Среднего Поволжья и Южного Урала, начиная с 30-х гг. XVIII в. (Джунджузов, 2014). Вместе с тем в настоящей статье аккумулярация рассматривается не с позиций механизмов государства, а с позиции повседневности.

4. Результаты

Для возникновения и существования аккумулярации необходимо, во-первых, сравнительно тесное проживание охваченных ею двух народов (или нескольких). Во-вторых, желательность, а порой и необходимость для одного из народов заимствовать знания и достижения другого. В нашем случае заимствующими чаще становились калмыки. На это были свои причины.

В рассматриваемую эпоху калмыки являлись преимущественно кочевым народом, хотя уже шло выделение особых групп, тяготевших к оседлости. До прихода на территорию России недостающие, то есть не производимые самими, в их быту предметы и товары калмыки заимствовали у соседей — китайцев, народов Средней Азии. По мере продвижения и поселения в Нижнем Поволжье и Северном Кавказе калмыки теряли связь со своими бывшими соседями. Теперь основным рынком сбыта скотоводческой продукции и приобретения промышленных товаров для них становилась Россия.

Калмыцкая аккумулярация в России является ровесницей XVIII века. В XVII веке основная масса калмыцкого народа еще мало контактировала с русскими напрямую. В XVII веке, особенно в первой его половине, на юге европейской России были еще сравнительно свободные степные земли, поэтому калмыки продолжали полновесное кочевание. В XVII веке свободные земли быстро сокращались, поневоле сокращались и кочевья. Калмыки стали переходить к другим хозяйственным занятиям: рыболовству, найму на различные сезонные или разовые работы, а кое-где и к земледелию, но к последнему — в минимальных размерах. Разумеется, процесс этот был длительным. Рассмотреть его по возможности полнее — задача данной работы.

Для калмыков стала хорошо знакомой постоянная работа на рыболовных учугах, ватагах и станах. Они успешно применяли свои расширенные познания в этих рыболовных промыслах и

фактически стали буквально незаменимыми работниками. Калмыки познали механику работы в этих промыслах от русских и иных рыболовов, и для их нанимателей немалым преимуществом калмыцких ловцов перед другими было то, что оплата их труда обходилась рыбопромышленникам дешевле, а если к этому прибавить обчеты и прямые обманы, то картина была еще более удручающей. Давайте познакомимся поближе с реальной ситуацией для калмыков того времени в области рыболовства.

Имеющийся архивный материал убедительно показывает, что с конца XVII века в экономике калмыков стали нарастать существенные изменения. Стихийно и, на первый взгляд, незаметно в Калмыцком ханстве появился, если так можно выразиться, новый социально-хозяйственный слой людей, основным занятием которых стало рыболовство. В Джунгарии калмыки, судя по всему, занимались ловлей рыбы в минимальных размерах, да и озерно-речные водные ресурсы не располагали к этому хозяйственному занятию. Все изменилось после поселения их на новой родине. Достаточно назвать территории, занятые ими: Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, междуречье Урала и Волги, частично — Придонье. Все реки и Каспийское море буквально в то время полнились рыбой, в том числе и осетровых пород. В такой ситуации, как говорится, сам бог велел заниматься рыболовством.

Однако калмыцкое рыболовство по мере своего роста вызвало недовольство соседнего российского населения, в первую очередь, русского. Дело осложнилось после того, как правительство довольно прозрачно поддержало недовольных. В ответ в 1705 г. хан Аюка заявил, что раньше по Волге и Яику калмыки ловили свободно рыбу, а теперь это запрещено, «то де по всему знатно, что около Яику и около Волги и кочевать нам отказывают» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). Летом 1727 г. наместник Церен-Дондук писал генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну, которому тогда подчинялись Калмыцкие дела, что с самого прихода «под российскую протекцию» калмыки «невозбранно волжской водой и травой, и рыбой питались». Однако в последнее время от Самары до Астрахани рыбу ловить и траву выкармливать калмыкам запрещают, а людей бьют и умерщвляют, скот отнимают (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. л. 80б.). Между тем из рапортов управляющего Калмыцкими делами полковника В.П. Беклемишева было известно, что рыбные ловли у калмыков «невеликие» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 28. Л. 130б.).

Преемник Церен-Дондука на посту наместника ханства Дондук-Омбо в такой же тональности писал 5 сентября 1739 г. царицынскому коменданту П.Ф. Кольцову. По его свидетельству, «скудным и убогим людям нашим от Астрахани вверх даже до Царицына по Волге, Ахтубе и по прочим рекам рыбу ловить и в лодках с неводами ездить запрещают. Также и близ рек по берегам сидящих кибитками людей наших русские люди много побили» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 115. Л. 22).

Кстати о лодках: из-за них также возникали споры между русской администрацией и калмыцкими управителями. В ходе их улаживания астраханскому губернатору И.А. Брылкину был послан указ из Государственной коллегии иностранных дел от 17 марта 1748 г. В нем говорилось, что наместник Дондук-Даши просил И.А. Брылкина и управляющего Калмыцкими делами полковника Н.Г. Спицына определить размеры лодок, которыми будут пользоваться калмыки. При этом наместник жаловался, что разъездные по Волге казаки колют у находящихся при рыбных ватагах калмыков лодки длиной в три и в две с половиной сажени.

Калмыки же берут лодки в долг у русских рыбаков, а последние требуют оплатить стоимость разбитых лодок. В конечном счете, это приводит к разорению арендаторов лодок. Поэтому Н.Г. Спицын и наместник постановили пользоваться калмыцким рыбакам лодками «по борту без четверти трехсаженными», а сверх этой меры лодки калмыкам ни на какие потребности не давать и продавать. Однако позже по указу И.А. Брылкина Н.Г. Спицын воздержался от назначения лодкам определенной меры (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. Л. 94).

Указом 17 марта 1748 г. «повелевалось»: 1) по совету с наместником постановить небольшую меру, то есть размер лодок, в которых бедные калмыки будут ловить рыбу для собственного пропитания, а также переезжать с кибитками с места на место; 2) установленный размер лодок был такой, чтоб их на четыре и на шесть весел нельзя было расшивать, и в них многолюдством нельзя было ездить на разбой; если после указа явятся лодки большего размера, то их отбирать и употреблять на казенные нужды; 3) публиковать по городам Астраханской губернии и по рыбным ватагам, чтоб под опасением тяжкого штрафа калмыкам без ведома российской администрации лодок не продавали и в долг не давали. Пункт четвертый регулировал порядок продажи лодок калмыкам (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 231. Л. 95–96).

Завершая, остается отметить, что местная администрация в определенной мере ущемляла интересы калмыков: им разрешалось иметь только двухвесельные лодки, а не четырех-, шести- и т. д. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 207. Л. 421). В это же время Дондук-Даши считал, что лодок у калмыков около 5-6 тысяч, не уточняя количество их весел (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 211. Л. 106). В дальнейшем вплоть до конца XVIII века, несмотря на некоторые дополнительные меры, положение в области калмыцкого рыболовства существенно не менялось.

Значение рыболовства для калмыков постоянно возрастало, и они все чаще вступали в конфликты с местным населением. Вместе с тем часть калмыков, в первую очередь, обедневших, находили на рыбных промыслах и работу, и питание, и приют. Эти люди были двух категорий: первые индивидуально ловили рыбу для собственного пропитания, а излишнюю продавали; вторые

нанимались индивидуально или артелью для работы на частных (в основном у нижеволжских купцов) учугах, ватагах и промыслах. К началу XVIII в. среди калмыков появились люди, которые с малолетства были связаны с рыболовством. Например, один из таковых, пожелавший креститься, в допросе объявил, что ему 35 лет, а живет «с самого малолетства при протчих калмыках близ моря, астраханского Спасова монастыря при учуге, имянуемом Чурке, по найму у астраханского купца Василья Варварова» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 363. Л. 44). Некто Болот показывал, что он «за скудостью своей жил на Волге на Долгом острове на одной рыбной ватаге при русских людях для пропитания своего лет с восьми»; дело происходило в 1732 г. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Л. 250).

По мере возрастания значения рыболовства и для калмыков, и для русских возникали различные споры и столкновения между заинтересованными сторонами, а также поиски путей выхода из сложившихся ситуаций. В частности, калмыкам разрешалось ловить только в определенных местах на пропитание, а продавать излишнюю рыбу только своим, а в города для продажи не возить. На этом Дондук-Даши ответил, что ныне калмыки (в 1742 г.) весьма оскудели и если «бесконным» рыбу продавать запретить, то они на хлеб и одежду нигде кроме того достать деньги не смогут, а будут «с великим вредом продавать за границу детей или заниматься грабежом» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 33а).

На предложение В.Н. Татищева, чтобы калмыки нанимались на различные работы к россиянам и тем поправляли себе положение, наместник ответил, что «скудных» (то есть обедневших) так много (только около Астрахани бескотных — около 10 000 кибиток), что всем наняться негде (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 33а). Наместник, недовольный правилами В.Н. Татищева о ловле рыбы, которые ограничивались мелкими и сомовыми удочками, сетями и неводами до 40, эмоционально заявил: «Когда по Волге земля, вода, трава и лес к русским принадлежит, то подданными ея императорского величества нашим калмыкам чрез какой способ поправиться, я не знаю» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 37).

Несмотря на меры, принимаемые российской администрацией, продолжали поступать сведения, что калмыки самовольно ловят рыбу в казенных протоках и морских горловинах, «отчего чинится немалое помешательство». В марте 1741 г. была послана грамота с запрещением калмыкам кочевать у казенных проток и морских горловин и ловить там рыбу (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 8, 18). Можно было ловить лишь в свободных водах, что же касается отвода калмыкам особых мест для ловли, как предлагала Камер-коллегия, то в указе Государственной Коллегии иностранных дел говорилось, что этого делать нельзя. Дело в том, что калмыки кочуют от устья Волги до Самары, и если во всех местах отводить им специальные водные пространства, то российским рыбакам в ловле рыбы будет большое утеснение.

Может быть, только для таких калмыцких групп, которые всегда кочуют поблизости Астрахани, «по усмотрению вашему можно будет назначить «особливые воды», да и те от времени до времени другими переменять, дабы чрез долгое время не пришло им во обычей тех одних вод своими называть, и в том по их легкомыслию докучные запросы чинить». Тут же, то есть в указе, астраханскому губернатору М.М. Голицыну «накрепко подтверждается», чтобы в свободных водах калмыки всегда, «а паче при нынешней их скудости», рыбу ловили и от русских людей без причины «возбраяемы не были» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 107. Л. 19–20).

Постепенно в XVIII веке все больше стала проявляться тенденция к сближению интересов отдельных групп и представителей русского и калмыцкого населения. Порою возникали ситуации, когда негативное развитие определенного процесса у русских било по интересам калмыков, а это и было проявлением аккультурационных явлений.

Так, например, Н.Г. Спицын письменно объявлял Дондук-Даши 10 июня 1750 г.: оповещает астраханская рыбная контора, что кочевавший при Камызякском учуге зайсанг Бату откочевал со своим аймаком тайно «вверх», то есть на север, а оставшиеся зайсанги Бирба и Шарап с небольшим числом кибиток, хотя там (на прежнем месте) кочевать и желают, но опасаются контролирующих бодокчеев, а если от своих главных владельцев разрешение получают, то кочевать при учуге будут и «противу силы своей (по силе возможности — М.Б.) в работу людей давать будут». В ловле снастями рыбы «вящая остановка последовала», поэтому контора требовала калмыков от казенных учугов не отлучать и Бату с аймаком к учугу возвратит (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 244. Л. 95).

Эркетеневский зайсанг Бааранг по данному еще от Дондук-Даши письму по бедности его аймака имел разрешение быть в летнее время на нагорной стороне Волги. Аймачные его люди, которые могли кочевать со скотом, перешли на луговую сторону, а зайсанг с бедняками остался на нагорной стороне. Сам он болел, а почти все его люди находились в подряде рыбной ловли у ватажных промышленников и имели немалые задаточные суммы. Поэтому их нельзя было отрывать от нынешнего местопребывания, чтобы те деньги не могли пропасть напрасно, и из того «ватажные промышленники» не могли понести большие убытки. А. Бехтеев, управитель Калмыцких дел, просил Убаши оставить его и ныне, в 1756 г., на нагорной стороне. Убаши, в пику А. Бехтееву, приказал своему посланцу Намки Ракбе гнать на левобережье Волги и тех людей, которые находятся при пастьбе русского скота пастухами, но А. Бехтеев это запретил, так как «скот у русских без пастухов может распродать» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 221).

При кочующих на рыбных станах и ватагах калмыках был определен для контроля за ними зайсанг, без ведома которого русским нельзя было нанимать калмыков. Это правило нарушалось. По этому поводу зайсанг Бааранг обратился с жалобой к Калмыцким делам. Н. Спицын объявил всем приказчикам и ловцам ватаг и станом, чтобы без ведома зайсанга калмыков в работу не нанимали (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 326. Л. 237–238). Или, например, обнаружилось у калмыков, живущих при рыбных ватагах, множество неучтенных больших лодок. Приказчики тех ватаг говорили, что те лодки — ловецкие и даны им для ловли рыбы, поэтому их колоть нельзя. Чтобы знать точно принадлежность лодки, указано «на всех рыбных станах и ватагах у русских людей ловецкие лодки клеймить» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 219. Л. 100).

Уже после ухода большей части калмыков в Джунгарию нойон Замьян, по свидетельству астраханской купеческой рыбной конторы, из вошедших к нему в опись после беглых владельцев людей, состоящих в подряде у той конторы и у астраханских купцов, принуждает, оставя рыбные промыслы, от ватаг и учугов выкочевать в степь. Между тем эти калмыки находятся в подряде по письменным договорам, и за ними числится много забранных в задаток денег. К тому же наступает удобное время для лова, и если его пропустить, то «в промыслах всего здешнего купечества последует великой подрыв и крайнее как купцам, так и самим калмыкам во взыскании с них недоловных денег разорение». Губернатор Н.А. Бекетов приказал писать к Замьяну, Яндыку и А. Дондукову, чтобы таких должников с тех мест не выгоняли, а оставили до тех пор, пока они не расплатятся с взятыми в долг под лов рыбы деньгами (НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23. Л. 321).

Между тем приближались грозные события, имевшие судьбоносный характер. Как бы преддверием их явилась незаметная особая встреча наместника Убаши с руководителем Калмыцких дел И.А. Кишенским. Наместник выразил крайнее неудовольствие решением возникающих вопросов и проблем. Раньше дела между русскими и калмыками разбирались определенными при Калмыцких делах управителями. Теперь же принуждают его и прочих владельцев по разным их просьбам разбираться в городских канцеляриях, для чего и направлять в эти канцелярии истцов-калмыков. Наместник категорически отказался так делать, представив две причины. Первую — наивную: раньше так не было. Вторую — серьезную и аргументированную: посланные до этого по истцовым делам в Саратов, Царицын, Дмитриевск никакого удовлетворения не получили и, немало пробыв там, с крайним разорением возвратились.

Кишенской в рапорте в Коллегию иностранных дел от 19 октября 1767 г. заметил: «и в самом деле истцы калмыки ни по одному своему своему удовольствия получить не могут, а единственно делается время от времени одна проволочка, как то в Дмитриевской комендантской канцелярии ныне тому другой год по двум делам, ... и по другим многим калмыцким жалобам поныне еще следствия не окончены» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 388. Л. 152–153). До массового ухода оставалось три с небольшим года.

В XVIII веке, особенно во второй его половине, расширились со стороны калмыков работы по найму. Нанимались по одному и целыми семьями. Ниже дается большая сводка архивных материалов о найме калмыков на различные работы за определенный период времени. К сводке не нужно давать много комментариев: материал говорит сам за себя.

1 октября 1750 г. калмык Лекшит подал Н.Г. Спицыну жалобу, что в 1748 г. астраханский купец Курочкин нанял в работу 600 человек до Нижнего Новгорода и до Макарьевской ярмарки, которым недодано 443 рубля 60 копеек. В том же году астраханский купец Д. Деянов нанял в работу до Казани 150 человек, которым не отдал 15 кож коровьих, которых коров покупали работники на собственные деньги. В 1749 г. тот же Курочкин нанял в работу к неводу на год 9 человек, недодал 18 рублей. Купец астраханский Самарцов нанял к неводу на год 17 человек, не отдает им 68 рублей. Некий Я. Анофриев нанял для рыбной ловли 18 человек на 13 месяцев, не отдает им 93 рубля 35 копеек. Надо напомнить, что везде речь идет о калмыках. Он же, Лекшит, 12 октября объявил Н. Спицыну, что с него требуют долги астраханские купцы: Л. Иванов — 30 рублей и И. Лошкарев — 40 рублей. Ему же, Лекшиту, должен астраханский посадский человек И.Ф. Арчаков 64 рубля 80 копеек. Лекшит просил, чтобы Арчаков расплатился за него с купцами, а остальные 5 рублей 20 копеек он отдаст от себя. Остается сказать, что Лекшит был «при астраханских калмыках бодокчей». Иски были справедливы, и калмыки были «удовольствованы» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 243. Л. 81–83, 85).

13 октября 1750 г. Н. Спицыну жаловался Шабинерова улуса Зууши, что они, 18 калмыков, нанялись для рыбной ловли к купцу А. Курочкину и получили в задаток каждый по 5 рублей. Однако судья, поручик Григорьев, у Курочкина их отнял, объявив, что им «без его и бодокчеева ведома наниматься не положено». Курочкин попросил наместника возвратить нанявшихся, на что тот дал согласие. Однако из них вернулись к работе у Курочкина 9 человек, из которых двое крестились, а третий умер. Курочкин же за них деньги задаточные требовал с оставшихся калмыков, в залог возврата денег отнял у Зууши жену и трехлетнюю девочку и не отдал заработанные ими 18 рублей (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 243. Л. 84).

Из письма астраханского губернатора И.А. Брылкина к Дондук-Даши от 5 января 1751 г. узнаем, что тот же Курочкин нанял в работу до Нижнего Новгорода и до Макарьевской ярмарки 600 человек и не додал при расчете 443 рубля 60 копеек, а старшине их — 5 рублей. Приказчики же Курочкина утверждали, что все выдали сполна. Во время разборки дела выяснилось, что по пути вместо больных

и умерших нанимались другие работники. Разницу ушлые приказчики клали в свой карман (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 258. Л. 19).

Некто Даржа аймака зайсанга Ибана владения наместника Убаши имел кочевье с прочими калмыками ниже Енотаевска на Пещанском острове, с которого по его бедности, приходя на Митинскую ватагу, нанимался у ее жителей пасти «рогатую скотину помесячно» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 337. Л. 14). Н. Спицын оповещал Дондук-Даши 23 июня 1751 г., что работающие в Енотаевске калмыки (около 200 человек) получают по 60 копеек с каждой сажени вырытой земли, и «работают вольным наймом, не по подряду» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 254. Л. 111–112).

Н. Спицын писал 2 августа 1756 г. купцу Ф.И. Кобякову: «знатный наместников зайсанг Доржи-Гецюль жаловался, что его аймака 45 человек нанялись у вас на 3-х судах для рубки дров и поставки их на Селитренный Ахтубинский завод. По окончании работ вы не отдали за работу 120 рублей, придравшись к тому, что с судов были потеряны 3 якоря, хотя в договоре утверждено, что если с тех судов что-то пропадет, то с них не взыскивать. Кроме того, поставленные ими дрова принимаете вы у них по сажени против договорной меры и настоящей казенной сажени со излишеством» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 288. Л. 319).

Попадают в материалах и не совсем привычные сведения. Так, в одном документе зафиксировано, что Жакба Абданов имеет кочевье около Красного Яра в степи «своею кибиткою, и находится в пастьбе скотского табуна у красноярского купца Я. Вакурова лет уже с тридцать без всякой платы». Свидетельство относится к 1763 г. (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 351. Л. 46). Встречаются упоминания о калмыках, достигших для того времени почетного положения. Так, например, в июле 1755 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступило прошение красноярского посадского человека Алексея Андриановича Ганюшкина. В нем говорилось следующее: «Имеюсь я, именованы, в красноярском купечестве из калмыцкой природы, и по той моей природе» умеет говорить по-калмыцки, переводить «и несколько калмыцкую грамоту (то есть письменность — М. Б.) знает». Просит назначить толмачом в Красном Яру (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 174).

Из живущих при Царицыне калмыков 100 человек были наняты для доставления волоком судна с солью в Дмитриевск. Дондук-Даши с возмущением оповещал российские власти, что приказчик недодал им заработанные деньги, не нанял дополнительное количество обещанных русских людей, отчего работа сверх меры была тяжелой. Не кормил их, как договаривались при найме, поэтому питались дополнительно на свои деньги. Например, кормил тухлыми осетрами. В Дмитриевске при выгрузке соли кормил «только одними штыями (щами — М. Б.) пустыми». Калмыки жаловались в Дмитриевске коменданту, в Дубовке — атаману волжских казаков. Те велели приказчику сделать как нужно, но тот не реагировал и поступал по-своему (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 194. Л. 41).

22 июня черноморскому посадскому человеку В. Пасторову дано охранное письмо от А. Бехтеева, руководителя Калмыцких дел в том, что имеет он свой рыбный промысел и для частичковой рыбы садок (типа бассейна) ниже Черного Яра на Мартыновском острове. Лов рыбы производят для него живущие на том острове Икицохурова улуса калмыки в двадцати кибитках. Для своих лошадей косит Пасторов наемными рабочими на том острове до 15 стогов сена. Поэтому всякого звания калмыкам «накрепчайше» подтверждалось не наносить Пасторову в его промысле «никакого помешательства», накошенное сено не травить скотом и ловящим ему рыбу рыбакам никаких обид не причинять (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 356. Л. 432–433).

Четыре калмыка нанялись в астраханские казенные сады разнорабочими: грузить расшивы (вид грузового судна) рыбой и идти с ней вверх по городам. Нанялись с 14 февраля 1761 г. по то время, как лед станет, а если лед не станет, то до Николина дня. Поручкой за них — бодокчей Генден Раши. Составили договор на калмыцком и русском языках. Нанялись три калмыка к астраханскому купцу А. Скорнякову на всякую домовую, огородную и ватажную работу, что будет указывать купец (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 1–2).

Двенадцать калмыков нанялись к астраханскому разночинцу И.М. Портнову тянуть невод на Калпачинской ватаге, а также исполнять всякую дворовую работу на срок от первого июня по день Николя Чудотворца за 14 рублей. В задаток взято ими по семь рублей. Если кто из них заболит и через семь дней не выздоровеет, тому сделать расчет и освободить, а хозяину нанять другого. Также поступать в случае смерти нанявшегося. Хлеб и другие продукты употреблять им хозяйский. Если кто из бежит до срока, то оставшиеся обязуются во время расчета заплатить за того беглеца, что за ним причтется. Обязуются не пить хмельного, не воровать, воров не подзывать, в карты и в зернь не играть. Четверо поручаются друг за друга, плюс поручается бодокчей (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 3).

«19 калмыков нанялись к астраханскому купцу, шелковой и бумажной фабрик содержателю, П. Иванову, чтоб ловить им в его откупных водах 20-ю лодками белугу, осетра, шевригу, сома и сазана, и сколько будет в улове рыбу, всю ее отдавать Иванову или его приказчикам. Рыбу сдавать свежую, не гнилую и не подпухлую с тешами и нутрами. Белугу осеннего и весеннего залава покупать по 16 копеек за каждую рыбу; осетра по 14 рублей за сотню; за сто севрюг — три рубля. За матерую белугу платить как за две мерные рыбы; сома отдавать на меру в семь четвертей с половиной, кроме башки, по 5 рублей за сотню; сазана отдавать в 12 вершков, а ниже до 10 два за один по 6 рублей 50 копеек за тысячу штук. Начать ловить с осени 1761 г. как плавня начнется, а в 1762 г. с начала

весны до Ильина дня. Взяли наперед у хозяина на каждую лодку по 15 рублей, а всего 300 рублей. Отдавать всю рыбу без утайки, а если с улова кто-нибудь из них будет рыбу на сторону продавать или по дружбе без денег отдавать, то хозяину со всех ловцов взять за каждую рыбу по 5 рублей без всяких отговорок. Если кто, будучи в той работе, учинит какую-нибудь продерзость, вольно ему, хозяину или приказчику его наказывать, смотря по вине. Если кто умрет или сбежит, то им вместо тех всем нанять из артели то же число и ловить согласно этого договора всеми лодками неотменно. Все обязались круговой порукой плюс бодокчей» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 4–5).

Некоторые калмыки нанимались ловить рыбу на своих собственных лодках и своими снастями в откупных водах астраханской компанейской рыбной конторы. Иногда вошедшие под начало этой конторы калмыки разделялись на артели, во главе которых были атаманы. Несколько артелей остались должны с прошлых годов по 200 и более рублей. Потому они обязуются в 1761 и 1762 гг. ловить рыбу в счет задатка и прошлого долга, и если все погасят, тогда уже начать брать деньги с уловной рыбы (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 335. Л. 10, 13, 17–19).

Практиковался у калмыков в XVIII в. отпуск из улусов «для прокормления». Вот, например, дает показания ведомства хана Дондук-Омбы улуса Малых цохуров Чиодыр Тумиров: «вышел я из того улусу тому ныне четвертой год с позволения одного хана с калмыком же Ганлопом, с письмом от одного хана в тринадцати кибитках для прокормления в российские города» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 166). Могли выходить и с позволения своих зайсангов (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 225). Вместе с тем чрезмерный рост отходников и увеличение времени их отсутствия вызывали беспокойство владельцев и самого наместника.

Об этом он прямо высказался в письме к И. Брылкину от 14 августа 1752 г. «Как для искоренения воровства (т. е. преступлений — М.Б.), так и потому, что владельцам и зайсангам для сбора податей и выполнения других потребностей, удобнее своих людей держать при себе. Поэтому я велел всех живущих при городах, ватагах и учугах наших людей вернуть в улусы. Однако ваши русские таких людей моим посланцам не отдают, якобы потому, что они в работе. Чтобы владельцы своих людей не могли забрать, да еще и докладывать, для чего они их требуют — где у каких народов бывает? Для работы погодно и помесечно с запискою быть дозволено, но чтоб жен и детей, удерживая, не отдавать, и кого такое обыкновение есть? Прикажите людей отдать, а кто пожелает быть в работе в год или в месяц, таковых чтоб нанимали с запискою, а чтоб, не отработав, не убежали, брать за них поруки у бодокчеев» (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 265. Л. 17).

Иногда такие люди группировались в большие артели. К сожалению, необходимо отметить, что такие наймы и работы оканчивались приводимым ниже финалом. Люди зайсанга Махали в 60-х гг. ловили по подряду рыбу на ватаге купца Скворцова 10 лет на восьми лодках, но на них были недоловные деньги (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 339. Л. 522).

5. Заключение

Подведем некоторые итоги. В XVIII веке калмыки уже хорошо освоили степные просторы Нижнего Поволжья и Предкавказья. Они продолжали оставаться в основной своей массе кочевыми скотоводами. В политико-культурном отношении они пережили процесс аккультурации. Успешному освоению методов хозяйствования способствовало их проживание по соседству с русскими. Последние заимствовали у степняков некоторые специальные способы ухода за скотом. Вместе с тем необходимо сказать, что калмыки в рассматриваемое время еще крепко держались за привычный и хорошо освоенный образ жизни.

Одними из видов экономической деятельности, где аккультурация происходила быстрыми темпами, были рыболовство и отходничество (работы по найму, заработка). Рыболовство стало развиваться у калмыков исходя из природных условий, прежде всего, реки Волги и Каспийского моря. Появляется новый социальный слой людей, для которых рыболовство становится основным занятием. Экономическое значение рыболовства постоянно возрастало, это нередко приводило к конфликтам с русским населением. Также сказывалась на первых этапах ограничительная политика местных властей. Часть обедневших калмыков находила в данном занятии основной вид пропитания и заработка, что способствовало развитию отходничества, найма на работы на частных промыслах индивидуально или артелью.

Одна из важных особенностей XVIII в. в истории калмыцкого народа заключается в том, что в это время происходит разделение калмыков в хозяйственно-бытовом отношении на три части: 1) продолжающие чисто кочевую жизнь; 2) перешедшие на полукочевую жизнь; 3) оседлые. Аккультурация происходила во всех трех названных частях, но шла довольно медленно. Она была односторонней — от русских к калмыкам, захватывая преимущественно производственно-бытовые сферы.

Зато большие успехи в XVIII в. выпадали на долю привлечения калмыков к выполнению различных работ. Особенно впечатляет широкое развитие в среде недавних кочевых скотоводов отходничества. Обнищание больших масс простолюдинов заставляло их в одиночку или даже целыми семьями искать заработка на стороне.

Таким образом, именно в XVIII в. аккультурационные процессы начинают влиять на калмыцкое население. Зачастую данный опыт был негативным с социально-экономической точки зрения. Однако в плане культурного влияния он представлял собой и положительный аспект взаимодействия с другими народами.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

- Батмаев, 2002** — *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Батмаев, 2022** — *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: События, люди, быт. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2022. 440 с.
- Батыров, 2009** — *Батыров В.В.* Хозяйственные занятия калмыков и торговля в калмыцких улусах / История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Элиста: Герел, 2009. Т. 1. С. 559–571.
- Батыров, 2010** — *Батыров В.В.* Рыболовный промысел. Отходничество. Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 105–111.
- Бюлер, 1846** — *Бюлер Ф.А.* Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // *Отечественные записки*. СПб., 1846. Т. 47. № 7–8; 10–11.
- Джунджужов, 2014** — *Джунджужов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII - первая четверть XX века). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 434 с.
- Ишин, Калгин, 2004** — *Ишин В.В., Калгин В.Е.* Рыбный промысел в Астраханском крае в конце XVII — первой половине XVIII вв. / *Исторические судьбы России в научном наследии В.Н. Татищева*. Материалы международной конференции, Астрахань, 14–16 октября 2004 г. / Под ред. В.В. Ишина, И.В. Торопицына. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. С. 80–84.
- Костенков, 1870** — *Костенков К.И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. С-Пб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Людтке, 2010** — *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.
- Манджиев, 2010** — *Манджиев А.К.* К вопросу о развитии рыболовства у калмыков в дореволюционный период // *Монголоведение*. 2020. Т. 12. № 2. С. 232–243.
- НА РК** — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Новолетов, 1884** — *Новолетов М.Г.* Калмыки. Исторический очерк. С-Пб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. 79 с.
- Очерки истории..., 1967** — *Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период*. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Панченко, 2006** — *Панченко И.С.* Развитие калмыцкого рыболовства в 40-е гг. XVIII в. // *Востоковедные исследования в Калмыкии*. Вып. 1. Элиста: КалмГУ, 2006. С. 35–40.
- Панченко, 2007** — *Панченко И.С.* Политика России и экономическое развитие Калмыкии в первой половине XVIII в. // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2007. № 4–3 (56). С. 253–256.
- РГАДА** — Российский государственный архив древних актов.
- Эрдниева, 1980** — *Эрдниева У.Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 284 с.

References

- Batmaev, 2002** — *Batmaev, M.M.* (2002). *Sotsial'no-politicheskiy stroy i khozyaystvo kalmykov v XVII-XVIII vv.* [Socio-political system and economy of the Kalmyks in the XVII-XVIII centuries]. Elista: APP "Dzhangar", 400 p. [in Russian]
- Batmaev, 2022** — *Batmaev, M.M.* (2022). *Kalmyki v XVII-XVIII vv.: Sobytiya, lyudi, byt* [Kalmyks in the XVII-XVIII centuries: Events, people, life]. Elista: Kalmytskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. 440 p. [in Russian]
- Batyrov, 2009** — *Batyrov, V.V.* (2009). *Khozyaystvennyye zanyatiya kalmykov i trgovlya v kalmytskikh ulusakh* [Economic occupations of Kalmyks and trade in Kalmyk uluses]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. V 3 t. Elista: Gerel, 2009. T. 1. Pp. 559–571. [in Russian]
- Batyrov, 2010** — *Batyrov, V.V.* (2010). *Rybolovnyy promysel. Otkhodничество* [Fishery. Otkhodничество]. Kalmyks. M.: Nauka. Pp. 105–111. [in Russian]
- Byuler, 1846** — *Byuler, F.A.* (1846). *Kochuyushchiye i osedlo zhivushchiye v Astrakhanskoy gubernii inorodtsy* [Nomadic and settled foreigners living in Astrakhan province]. *Otechestvennyye zapiski*. SPb. T. 47. № 7–8; 10–11. [in Russian]

- Dzhunzhuzov, 2014** — *Dzhunzhuzov, S.V.* (2014). Kalmyki v Srednem Povolzh'ye i na Yuzhnom Urale: imperskiye mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoy identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII - pervaya chetvert' XX veka) [Kalmyks in the Middle Volga region and the Southern Urals: imperial mechanisms of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-30s of the XVIII - the first quarter of the XX century)]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 434 p. [in Russian]
- Erdniev, 1980** — *Erdniev, U.E.* (1980). Kalmyki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [Kalmyks. Historical and ethnographic sketches]. Izd. 2-e. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 284 p. [in Russian]
- Ocherki istorii..., 1967** — Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period [Essays of the History of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. M.: Nauka, 1967. 480 p. [in Russian]
- Ishin, Kalgin, 2004** — *Ishin, V.V., Kalgin, V.E.* (2004). Rybnyy promysel v Astrakhanskom kraye v kontse XVII — pervoy polovine XVIII vv. [Fish fishery in the Astrakhan region at the end of the XVII - first half of the XVIII centuries]. *Istoricheskie sud'by Rossii v nauchnom nasledii V.N. Tatishcheva. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Astrakhan', 14–16 oktyabrya 2004 g.* Pp. 80-84. [in Russian]
- Kostenkov, 1870** — *Kostenkov, K.I.* (1870). Istoricheskiye i statisticheskiye svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoj gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks, nomadic in Astrakhan province]. SPb.: Ministry of State Property, 171 p. [in Russian]
- Lüdtke, 2010** — *Lüdtke, A.* (2010). Istoriya povsednevnykh v Germanii: novyye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti [History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labour, war and power]. M., ROSSPAN, 268 p. [in Russian]
- Mandzhiev, 2020** — *Mandzhiev, A.K.* (2020). K voprosu o razvitii rybolovstva u kalmykov v dorevolyutsionnyy period [To the question of the development of fishing among the Kalmyks in the pre-revolutionary period]. *Mongolovedenie*. 12(2): 232-243. [in Russian]
- NA RK** — Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Novoletov, 1884** — *Novoletov, M.G.* (1884). Kalmyki. Istoricheskiy ocherk [Kalmyks. Historical sketch]. St. Petersburg: Izd. of the owner of Maloderbetovskiy ulus noyon Tseren-David Tundutov, 79 p. [in Russian]
- Panchenko, 2006** — *Panchenko, I.S.* (2006). Razvitiye kalmytskogo rybolovstva v 40-ye gg. XVIII v. [Development of Kalmyk fishery in the 40s of the XVIII century]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii*. Vyp. 1. Elista: Kalmyk State University. Pp. 35-40. [in Russian]
- Panchenko, 2007** — *Panchenko, I.S.* (2007). Politika Rossii i ekonomicheskoye razvitiye Kalmykii v pervoy polovine XVIII v. [Russian policy and economic development of Kalmykia in the first half of the XVIII century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo un-sta*. 4-3 (56): 253-256. [in Russian]
- RGADA** — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Влияние русской бытовой и экономической культуры на калмыцкое общество в XVIII веке: рыболовство и отходничество

Максим Манчиевич Батмаев ^{a,*}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. Аккультурация, как процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа, нуждается в дальнейшем изучении. Особенно интересно изучение XVIII века, когда калмыкам приходилось временами менять территориально-бытовую и окружающую этническую обстановку. Калмыки, начав вхождение в состав России, неминуемо должны были начать также и постепенное восприятие русской культуры во всех ее проявлениях: экономических, политических, социальных, собственно культурных и бытовых. Восприятие это в целом носило стихийный характер, вызываемый конкретной историко-политической обстановкой. Процесс калмыцкой аккультурации шел медленно, особенно это касается XVII века. Так что можно задаться вопросом: а была ли она в этот период? Если и ответить утвердительно, то можно сказать, что шла она более всего через негативный опыт. Цель статьи — показать, что аккультурация была, и она — ровесница XVIII века. При анализе и интерпретации материала использованы сравнительный, системный и функциональный методы. Хотя калмыки начали входить в те или иные отношения с российским населением с начала XVII в., а упоминание о них в русских архивных документах относится даже к последней трети XVI в., действительное, физическое, если можно так выразиться, соприкосновение русского и калмыцкого народов приходится на XVIII в.

Ключевые слова: история России, история Калмыкии, Астраханская губерния, быт и хозяйство калмыков, аккультурация, рыболовство, отходничество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: batmaev44@mail.ru (М.М. Батмаев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1542-1549
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1542

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian Academy of Sciences in the Pre-Revolutionary Period (on the 300th Anniversary of Its Creation)

Sergei B. Zinkovskii ^{a,*}, Elena V. Krasnenkova ^{b,c}, Mikhail G. Smirnov ^d, Igor A. Gordeev ^e

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation

^c The State University of Management, Moscow, Russian Federation

^d Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^e Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

This historical essay is dedicated to the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences. The chronological period of the study is from 1724 to 1917. The materials were monographs and scientific articles on the history of this institution. The methodological basis consists of content analysis, the method of historical periodization and the method of synthesis.

The Academy of Sciences in Russia was established by Peter I, who understood the role of the development of science for the development of the state, since scientific knowledge was based on new technologies involved primarily in military affairs. At the time of its creation, the Academy consisted of three departments: mathematics, physics and humanities. Their tasks included not only conducting research, but also teaching and scientific publishing. The first academics were invited from abroad.

From the moment of its foundation until the end of the XVIII century, the Academy developed quite rapidly. One of its main directions was expeditionary activity, namely the creation of the Northern Expeditionary Force and the Academic Expedition. This made it possible to create the first accurate maps of the northern territories of Russia. Publishing activities occupy a significant place among other areas of the Academy (in particular, the release of a multi-volume publication "Comments of the St. Petersburg Academy of Sciences").

The 19th century was a time of reforms in the Academy: a new charter was adopted, which provided for the creation of new departments and the expansion of research areas. During this period, such famous scientists as N. Lobachevsky, D. Mendeleev, I. Pavlov and others worked at the Academy.

By the beginning of 1917, thanks to the activities of the Imperial Academy of Sciences, Russia had become one of the leaders in such sciences as mathematics, chemistry, biology, geology, physics and astronomy.

Keywords: Russian Academy of Sciences (RAS), St. Petersburg Academy of Sciences, Imperial Academy of Sciences, Imperial St. Petersburg Academy of Sciences.

1. Введение

Российская академия наук (РАН) является одним из наиболее известных научных учреждений в мире, имеет богатую историю, начинающуюся еще с Петра I. Основанная в конце его правления, она сыграла важнейшую роль в развитии науки и культуры Российской империи, внося значительный вклад и в мировую науку. Хронологический период данной статьи включает так называемый дореволюционный этап в деятельности Академии, а именно период с 1724 по 1917 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: zinkovskiy-sb@rudn.ru (S.B. Zinkovskii)

В данном исследовании, посвященном 300-летию юбилею Академии, попробуем осветить основные вехи ее истории.

2. Материалы и методы

Материалом послужили исследования, опубликованные в научных и периодических изданиях, касающиеся деятельности Российской академии наук с момента ее основания до настоящего времени. Авторы: Е.Ю. Басаргина (Басаргина, 2024a; Басаргина, 2024b; Басаргина, 2024c; Басаргина, 2024d; Басаргина, 2024e; Басаргина, 2024f; Басаргина, 2024g; Басаргина, 2008; Басаргина, 2013), Л.Д. Бондарь (Бондарь, 2024a; Бондарь, 2024b; Бондарь, Кирикова, 2024), Е.Н. Груздева, Е.Г. Застрожнова, Б.Б. Дьяков (Груздева, 2024a; Груздева, 2024b; Груздева, 2024c; Груздева, Застрожнова, 2024a; Груздева, Застрожнова, 2024b; Дьяков и др., 2024; Дьяков, Груздева, 2024a; Дьяков, Груздева, 2024b), О.А. Кирикова (Кирикова, 2024a; Кирикова, 2024b; Кирикова, 2024c), О.Е. Ломакин, Е.Е. Можаяев (Ломакин, Можаяев, 2022), Ю.В. Наточин (Наточин, 2022), Е.Г. Пивоваров (Пивоваров, 2018), М.В. Поникаровская (Поникаровская, 2024), И.В. Походенько, С.Д. Жукова, А.Х.М. Таха (Походенько и др., 2024), А.В. Степанов, И.В. Тункина, И.П. Медведев (Степанов, Тункина, 2024; Тункина, 2024; Тункина, 2024a; Тункина, 2024b; Тункина, Медведев, 2024) и др.

Методологическую основу составляют такие методы исторического исследования, как контент-анализ (исследование содержания трудов по истории Российской академии наук), метод исторической периодизации (для отграничения на основе хронологического принципа различных периодов в истории Академии наук), а также метод синтеза (для резюмирования результатов и выводов исследования).

3. Обсуждение

Историографию вопроса представляет комплекс современных исследований по проблемам функционирования Российской академии наук на различных этапах истории. Как правило, это статьи в периодических научных изданиях, тематических сборниках, на Интернет-ресурсах и пр.

Прежде всего, следует отметить фундаментальные труды Е.Ю. Басаргиной, считающейся одним из наиболее крупных специалистов в области истории РАН. В частности, в монографиях «Императорская академия наук на рубеже XIX – XX веков: очерки истории» (Басаргина, 2008) и «Проекты академической реформы 1855–1917 гг.» (Басаргина, 2013) она весьма глубоко анализирует отдельные этапы деятельности Академии наук.

Также нельзя не отметить двухтомный сборник научных трудов «Российская академия наук: 300 лет истории», в котором сделана антология деятельности данного ведомства (РАН, 2024). Первый 789-страничный том посвящен периоду с 1724 по 1934 гг. Как указывает аннотация, «основная идея книги – совместить в одном издании изложение истории Академии как научного учреждения, обзор результатов ее научной деятельности на различных этапах, а также исторические портреты выдающихся членов Академии разных эпох – ее руководителей и ученых, с именами которых связаны яркие достижения российской науки» (РАН, 2024: 3). Также данный сборник представляет собой «первый опыт создания истории Российской академии наук с широким привлечением документальных материалов, находящихся в фондах Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала» (РАН, 2024: 3).

В данном издании имеются разделы, отграниченные на основе принципа хронологии, а также важных вех и персоналий, оказавших влияние на работу академии наук. В частности, опубликованы научные статьи, касающиеся деятельности академии с момента основания до конца XVIII века, поднимающие вопросы замысла создания учреждения и появления «профессиональных» ученых эпохи Петра I (Кирикова, 2024a), функционирование академии в период дворцовых переворотов (Кирикова, 2024b) и превращение ее в национальный научный центр (Кирикова, 2024c), а также некоторые аспекты ее экспедиционной деятельности (Бондарь, Кирикова, 2024).

Второй раздел сборника исследует работу академии в XIX веке, в частности, в период правления Александра I, Николая I (Басаргина, 2024a), Александра II, Николая II (Басаргина, 2024b), вопросы финансирования (Басаргина, 2024c) и институционализации (Басаргина, 2024e) учреждения в обозначенный период, а также антропологические элементы в ее деятельности (Басаргина, 2024d).

Третий раздел посвящен XX веку, когда произошло превращение академии в социалистическое научное учреждение по результатам революций 1917-го года (Басаргина, 2024f), научным достижениям и проблемам репрессий ученых РАН СССР (Басаргина, 2024g), академической проектной (Груздева, Застрожнова, 2024a) и экспедиционной (Груздева, Застрожнова, 2024b) деятельности.

Часть вторая посвящена проблемам становления науки в масштабах Академии наук (Груздева, 2024a; Бондарь, 2024b), личностям, оказавшим влияние на процесс развития учреждения, в частности, В.Я. Струве (Степанов, Тункина, 2024), Э.Х. Ленц (Дьяков, Груздева, 2024a), Б.С. Якоби (Дьяков, Груздева, 2024b), Б.Б. Голицын (Дьяков и др., 2024), Я.К. Грот (Груздева, 2024b), И.В. Ягич (Бондарь, 2024a), А.А. Шахматов (Поникаровская, 2024), В.Г. Васильевский (Тункина, Медведев, 2024) и др. (Тункина, 2024a; Груздева, 2024c; Тункина, 2024b).

Из других современных исследований отметим статьи, касающиеся непосредственно истории создания Академии наук (Ломакин, Можяев, 2022; Пивоваров, 2018), отдельным историческим аспектам ее деятельности (Наточин, 2022), а также 300-летию учреждения (Походенько и др., 2024).

Разумеется, трудов по истории Российской академии наук достаточно много, но, учитывая задачи данной рукописи, а именно освещение отдельных аспектов деятельности академии в рамках ее трехвекового юбилея, считаем указанную историографическую базу вполне достаточной для нашего исследования.

4. Результаты

1. Создание и ранние годы Академии.

Академия была создана 22 января 1724 года¹ указом императора Петра I под названием «Академия наук и художеств». Так как указ был объявлен Сенатом 28 января 1724 года и стал, таким образом, законом, именно дата 28 января 1724 г. считается датой основания Академии. Петр I понимал важность развития науки для укрепления государства и видел в Академии инструмент для продвижения знаний и технологий. Первоначально в состав Академии входили три отделения: математическое, физическое и гуманитарное. В задачи Академии входило проведение исследований, преподавание и издание научных трудов.

Екатерина I дальнейшими своими указами, в частности, документом от 23 февраля 1725 года, распорядилась «О приглашении ученых людей в Российскую Академию Наук и о выдачи, желающим ехать в Россию, нужных пособий». 7 декабря 1725 года был издан указ «О заведении Академии Наук и о назначении оной президентом лейб-медика Блюментроста» (объявлен Сенатом 21 декабря 1725 г.). Первым руководителем (президентом) Академии стал Лаврентий Блюментрост, лейб-медик Петра I и его доверенное лицо.

Первые академики были приглашены из-за границы, так как в России тогда не было достаточного количества ученых. Среди них были такие выдающиеся ученые, как Леонард Эйлер, Даниил Бернулли и Христиан Гольдбах (Кирикова, 2024a: 23-25). Они внесли огромный вклад в развитие математики, физики и других наук.

До 1747 года в Академии не было Устава, и она действовала лишь на основании нескольких указов Петра I, Екатерины I и Анны I Иоанновны. Данные указы имели лишь самый общий характер.

2. Развитие Академии в XVIII веке.

В течение XVIII века Академия продолжала развиваться и расширять свои исследования. Одним из самых известных проектов того времени был Великий Северный Экспедиционный отряд, который исследовал арктические регионы России. Это исследование позволило картографам создать первые точные карты северных территорий страны. В целом на протяжении своего существования Академия уделяла экспедиционной деятельности весьма значительное внимание (Бондарь, Кирикова, 2024: 57). Силами учреждения были исследованы территории от Белого до Каспийского морей, Камчатка. Особые результаты были достигнуты в Северных (1733–1742) и академических (1760–1770) экспедициях, а результаты трудов их участников, в частности, И.Г. и С.Г. Гмелиных, А.П. Горланова, С.П. Крашенинникова, П.С. Палласа и др., вошли в аллею славы выдающихся фундаментальных трудов российских ученых.

Также в этот период Академия начала активно заниматься изданием научных трудов. Первым крупным проектом стал выпуск многотомного издания «Комментарии Петербургской Академии наук». Оно включало статьи по различным научным дисциплинам. В этот период были опубликованы исследования таких ученых, как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин и др.

Важной вехой стал 1747 год, когда 24 июля императрица Елизавета I утвердила «Регламент Императорской Академии Наук и художеств в Санкт-Петербурге» и «Штат Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук и художеств». Таким образом, академия и университет были разделены на два независимых учреждения, а официальные названия Петербургской Академии наук зафиксировались непосредственно в уставе (Кирикова, 2024b: 35-38).

3. Деятельность Императорской академии наук в XIX веке.

XIX век стал временем значительных изменений и реформ в Императорской академии наук. В 1803 году был принят новый Устав, который предусматривал создание новых отделений и расширение исследовательских направлений (Басаргина, 2024a: 147-149). В 20-х годах XIX века было построено специальное здание, которое функционирует до сегодняшнего дня, в то время как Кунсткамера была преобразована в музейный комплекс.

В этот период в Академии работали и состояли в ее действительных членах такие известные ученые, как В.М. Головнин, Н.И. Греч, В.И. Даль, Н.М. Карамзин, Н.И. Пирогов, Н.А. Полевой,

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

О.И. Сенковский, Х.Х. Стевен, А.-М. Ампер, Ж.-Л. Гей-Люссак, Т.Г. Гексли, И.В. фон Гете, А. фон Гумбольдт, Ч.Р. Дарвин, Ж. Кювье, Ж.-Б.-Ж. Фурье и мн. др.

Достижения отечественных ученых включали разработку Н.И. Лобачевским теории неевклидовой геометрии, которая стала важным шагом вперед в математике. Д.И. Менделеев создал периодическую таблицу химических элементов, которая до сих пор используется в науке. И.П. Павлов получил Нобелевскую премию за свои работы в области физиологии пищеварения (Басаргина, 2024b).

И вновь нельзя не отметить широкую экспедиционную деятельность Императорской академии наук, а именно под ее эгидой было совершено первое российское кругосветное путешествие под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806), в котором участвовали члены академии Г.И. Лангсдорф и В. Тилезиус фон Тиленау; были осуществлены первая российская антарктическая экспедиция под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821) и первая российская экспедиция в Бразилию под руководством Г.И. Лангсдорфа (1824–1827).

Россия к началу 1917 года являлась лидером в математической науке. Благодаря исследованиям академика Д. Менделеева российская наука стала лидировать в области химии. Также важно отметить работы Н.Е. Жуковского, С.А. Чаплыгина, В.Я. Струве, Ф.А. Бредихина, А.А. Белопольского – в физике и астрономии; К.М. Бэра, А.О. Ковалевского, И.И. Мечникова, И.П. Павлова – в биологии; В.И. Вернадского – в геологии и т.д.

4. Руководители (президенты) Академии в дореволюционный период.

Несмотря на должностное название «президент», руководители назначались императорским указом, а не выбирались научным кворумом. Главными принципами назначения на должность были организаторские способности и личная преданность монарху, а ученые звания и знания отходили на второй план. Первые президенты Академии: Л.Л. Блюментрост, И.Д. Шумахер (который официально никогда не был президентом, но по факту руководил Академией), Г.К. фон Кейзерлинг, барон И.А. фон Корф и К. фон Бреверн (были этническими немцами, не обладали значительными научными регалиями и научными достижениями, зато отличались лидерскими качествами, интриганством, усердием и работоспособностью, исполнительностью и полным отсутствием вольнодумства). Личная преданность временами работала против них самих в период дворцовых переворотов; в частности, лейб-медик Пета Лаврентий Блюментрост, будучи лично предан семье Петра I (Екатерине I, Петру II, Елизавете I Петровне), попал в опалу к Анне I Иоанновне, несмотря на то что сохранял теплые отношения с родной сестрой последней, Екатериной Иоанновной Мекленбургской, и в период опалы даже жил в ее поместье. Его преемник на посту президента Академии, Иоганн Шумахер, в прошлом библиотекарь, нанятый на службу Петром I, был доверенным лицом Блюментроста. Он отличался крайним авторитаризмом и вынудил уволиться из Академии многих видных зарубежных ученых (Д. Бернулли, Г. Миллера, Я. Германа и др.).

С приходом Елизаветы Петровны на должность был поставлен этнически русский президент, 18-летний К. Разумовский, который, будучи президентом Академии лишь по совместительству, был в постоянных командировках. Управление было сосредоточено в руках академического асессора Г.Н. Теплова (точно так же когда-то передал Шумахеру организационные дела заведения и Блюментрост; Бреверн, Корф и Кайзерлинг, будучи задействованы на дипломатической службе самого высокого ранга, также лично мало занимались делами Академии).

В период президентства Разумовского в Академии был создан институт директорства. Директор занимался всеми организационными делами ведомства, тогда как формально главенство принадлежало президенту. Кирилл Разумовский был президентом дольше всех ее руководителей, а именно 52 года (1746–1798 гг.). Граф С.С. Уваров президентствовал 37 лет (1818–1855 гг.). Вплоть до революций 1917 года руководили Академией не ученые, а чиновники, приоритетной деятельностью для которых была именно служба, а не наука. Некоторые из президентов (в частности, Ф.П. Литке) умело совмещали научную и организационную работу. Последним президентом Академии стал великий князь Константин Константинович (годы президентства – 1889–1915), генерал от инфантерии и главный инспектор военных учебных заведений, в свободное время увлекавшийся поэзией и драматургией.

5. Заключение

1. Академия наук в России создана Петром I. Он понимал роль науки для развития государства, так как за научными знаниями стояли новые технологии. Вначале Академия состояла из трех отделений: математическое, физическое и гуманитарное. В их задачи входило не только проведение исследований, но и преподавание и научно-издательская деятельность. Первые академики были приглашены из-за границы.

2. С момента основания до конца XVIII века Академия достаточно быстро развивалась. Одним из главных ее направлений стала экспедиционная деятельность, а именно создание Северного экспедиционного отряда и Академической экспедиции. Это позволило создать первые точные карты северных территорий России. Значительное место среди прочих направлений Академии занимает

издательская деятельность (в частности, выпуск многотомного издания «Комментарии Петербургской Академии наук»).

3. XIX век стал временем реформ в Академии: был принят новый устав, который предусматривал создание новых отделений и расширение исследовательских направлений. В этот период в Академии работали такие известные ученые, как Н. Лобачевский, Д. Менделеев, И. Павлов и др.

К началу 1917 года благодаря деятельности Императорской академии наук Россия стала лидировать в таких науках, как математика, химия, биология, геология, физика и астрономия.

Литература

[Басаргина, 2008](#) – Басаргина Е.Ю. Императорская академия наук на рубеже XIX – XX веков: очерки истории. М.: Индрик, 2008.

[Басаргина, 2013](#) – Басаргина Е.Ю. Проекты академической реформы 1855-1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2013.

[Басаргина, 2024a](#) – Басаргина Е.Ю. От Александра I до Николая I / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 147-158.

[Басаргина, 2024b](#) – Басаргина Е.Ю. От Александра II до Николая II / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 159-168.

[Басаргина, 2024c](#) – Басаргина Е.Ю. Финансирование Академии наук / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 169-175.

[Басаргина, 2024d](#) – Басаргина Е.Ю. Академическая история XIX века в человеческом измерении / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 176-193.

[Басаргина, 2024e](#) – Басаргина Е.Ю. Век институционализации академической науки / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 194-287.

[Басаргина, 2024f](#) – Басаргина Е.Ю. От Российской академии наук до академии наук СССР / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 288-294.

[Бондарь, 2024a](#) – Бондарь Л.Д. Игнатий Викентьевич Ягич (1838-1923) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 629-645.

[Бондарь, 2024b](#) – Бондарь Л.Д. Российская славистика в XIX – первой трети XX века / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 598-614.

[Бондарь, Кирикова, 2024](#) – Бондарь Л.Д., Кирикова О.А. Экспедиционная деятельность академии наук / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 57-146.

[Груздева, 2024a](#) – Груздева Е.Н. Физика в академии наук за первые 200 лет // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 436-443.

[Груздева, 2024b](#) – Груздева Е.Н. Яков Карлович Грот (1812-1893) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 615-628.

[Груздева, 2024c](#) – Груздева Е.Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863-1919) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 700-714.

[Груздева, Застрожнова, 2024a](#) – Груздева Е.Н., Застрожнова Е.Г. Рождение институтов и крупных научных проектов / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 309-343.

[Груздева, Застрожнова, 2024b](#) – Груздева Е.Н., Застрожнова Е.Г. Экспедиционная деятельность академии наук // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 344-352.

[Дьяков и др., 2024](#) – Дьяков Б.Б., Басаргина Е.Ю., Груздева Е.Н. Борис Борисович Голицын (1862-1916) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 459-469.

[Дьяков, Груздева, 2024a](#) – Дьяков Б.Б., Груздева Е.Н. Эмилий Христианович Ленц (1804-1865) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 444-449.

[Дьяков, Груздева, 2024b](#) – Дьяков Б.Б., Груздева Е.Н. Борис Семенович Якоби (1801-1874) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 450-458.

[Кирикова, 2024a](#) – Кирикова О.А. От замысла до появления первого «ученого социетата» России / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 17-25.

[Кирикова, 2024b](#) – Кирикова О.А. Деятельность академии наук в послепетровский период // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 26-47.

[Кирикова, 2024c](#) – Кирикова О.А. Превращение петербургской академии в национальный научный центр / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 48-56.

[Ломакин, Можжев, 2022](#) – Ломакин О.Е., Можжев Е.Е. Из истории создания Российской академии наук (к дню российской науки) // Гидрометеорология и образование. 2022. № 4. С. 38-56.

[Наточин, 2022](#) – Наточин Ю.В. Три века в истории физиологии в Российской академии наук // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 1. С. 82-100.

[Пивоваров, 2018](#) – Пивоваров Е.Г. К истории создания Российского собрания академии наук // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 4. С. 7-20.

[Поникаровская, 2024](#) – Поникаровская М.В. Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 646-655.

Походенько и др., 2024 – Походенько И.В., Жукова С.Д., Таха А.Х.М. Юбилей Российской академии наук и ее выдающиеся руководители за 3-вековую историю / *Актуальные вопросы истории медицины и современные проблемы развития здравоохранения. Сборник статей (онлайн) II научно-практической конференции с международным участием.* Киров, 2024. С. 82-86.

РАН, 2024 – Российская академия наук: 300 лет истории. В 2-х томах. Том 1: Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724-1934 / Отв. ред.: Г.Я. Красников, Н.А. Макаров. М.: Наука, 2024. 789 с.

Степанов, Тункина, 2024 – Степанов А.В., Тункина И.В. Василий Яковлевич Струве (1793-1864) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 429-435.

Тункина, 2024 – Тункина И.В. Историческая наука в Академии наук: этапы формирования и развития (XVIII – первая треть XX века) / *Российская академия наук: 300 лет истории.* Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 656-678.

Тункина, 2024a – Тункина И.В. Никодим Павлович Кондаков (1844-1925) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 689-699.

Тункина, 2024b – Тункина И.В. Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 715-725.

Тункина, Медведев, 2024 – Тункина И.В., Медведев И.П. Василий Григорьевич Васильевский (1838-1899) / Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. М.: Наука, 2024. С. 679-688.

References

Basargina, 2024a – Basargina, E.Yu. (2024). Ot Aleksandra I do Nikolaya I [From Alexander I to Nicholas I]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 147-158. [in Russian]

Basargina, 2024b – Basargina, E.Yu. (2024). Ot Aleksandra II do Nikolaya II [From Alexander II to Nicholas II]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 159-168. [in Russian]

Basargina, 2024c – Basargina, E.Yu. (2024). Finansirovanie Akademii nauk [Funding of the Academy of Sciences]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 169-175. [in Russian]

Basargina, 2024d – Basargina, E.Yu. (2024). Akademicheskaya istoriya XIX veka v chelovecheskom izmerenii [Academic history of the 19th century in the human dimension]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T.1. M.: Nauka. Pp. 176-193. [in Russian]

Basargina, 2024e – Basargina, E.Yu. (2024). Vek institutsionalizatsii akademicheskoi nauki [A century of institutionalization of academic science]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 194-287. [in Russian]

Basargina, 2024f – Basargina, E.Yu. (2024). Ot Rossiiskoi akademii nauk do akademii nauk SSSR [From the Russian Academy of Sciences to the USSR Academy of Sciences]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T.1. M.: Nauka. Pp. 288-294. [in Russian]

Basargina, 2008 – Basargina, E.Yu. (2008). Imperatorskaya akademiya nauk na rubezhe XIX – XX vekov: ocherki istorii [Imperial Academy of Sciences at the turn of the XIX – XX centuries: essays on history]. M.: Indrik. [in Russian]

Basargina, 2013 – Basargina, E.Yu. (2013). Proekty akademicheskoi reformy 1855-1917 gg. [Projects of academic reform of 1855-1917]. SPb.: Nestor-Istoriya. [in Russian]

Bondar', 2024a – Bondar', L.D. (2024). Ignatii Vikent'evich Yagich (1838-1923) [Ignatij Vikentyevich Yagich (1838-1923)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 629-645. [in Russian]

Bondar', 2024b – Bondar', L.D. (2024). Rossiiskaya slavistika v XIX – pervoi treti XX veka [Russian Slavic studies in the 19th – first third of the 20th century]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 598-614. [in Russian]

Bondar', Kirikova, 2024 – Bondar', L.D., Kirikova, O.A. (2024). Ekspeditsionnaya deyatelnost' akademii nauk [Expeditionary activities of the Academy of Sciences]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 57-146. [in Russian]

Gruzdeva, 2024a – Gruzdeva, E.N. (2024). Fizika v akademii nauk za pervye 200 let [Physics in the Academy of Sciences for the First 200 Years]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 436-443. [in Russian]

Gruzdeva, 2024b – Gruzdeva, E.N. (2024). Yakov Karlovich Grot (1812-1893) [Yakov Karlovich Grot (1812-1893)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 615-628. [in Russian]

Gruzdeva, 2024c – Gruzdeva, E.N. (2024). Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii (1863-1919) [Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (1863-1919)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 700-714. [in Russian]

Gruzdeva, Zastrozhnova, 2024a – Gruzdeva, E.N., Zastrozhnova, E.G. (2024). Rozhdenie institutov i krupnykh nauchnykh proektov [The birth of institutes and large scientific projects]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 309-343. [in Russian]

Gruzdeva, Zastrozhnova, 2024b – Gruzdeva, E.N., Zastrozhnova, E.G. (2024). Ekspeditsionnaya deyatelnost' akademii nauk [Expeditionary activities of the Academy of Sciences]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 344-352. [in Russian]

[D'yakov i dr., 2024](#) – *D'yakov, B.B., Basargina, E.Yu., Gruzdeva, E.N.* (2024). Boris Borisovich Golitsyn (1862-1916) [Boris Borisovich Golitsyn (1862-1916)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 459-469. [in Russian]

[D'yakov, Gruzdeva, 2024a](#) – *D'yakov, B.B., Gruzdeva, E.N.* (2024). Emilii Khristianovich Lents (1804-1865) [Emilius Christianovich Lenz (1804-1865)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 444-449. [in Russian]

[D'yakov, Gruzdeva, 2024b](#) – *D'yakov, B.B., Gruzdeva, E.N.* (2024). Boris Semenovich Yakobi (1801-1874) [Boris Semenovich Jacobi (1801-1874)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 450-458. [in Russian]

[Kirikova, 2024a](#) – *Kirikova, O.A.* (2024). Ot zamysla do poyavleniya pervogo «uchenogo sotsietata» Rossii [From conception to the emergence of the first “scientific society” of Russia]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 17-25. [in Russian]

[Kirikova, 2024b](#) – *Kirikova, O.A.* (2024). Deyatel'nost' akademii nauk v poslepetrovskii period [Activities of the Academy of Sciences in the Post-Petrine Period]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 26-47. [in Russian]

[Kirikova, 2024c](#) – *Kirikova, O.A.* (2024). Prevrashchenie peterburgskoi akademii v natsional'nyi nauchnyi tsentr [Transformation of the St. Petersburg academy into a national scientific center]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 48-56. [in Russian]

[Lomakin, Mozhaev, 2022](#) – *Lomakin, O.E., Mozhaev, E.E.* (2022). Iz istorii sozdaniya Rossiiskoi akademii nauk (k dnyu rossiiskoi nauki) [From the history of the creation of the Russian Academy of Sciences (to day of Russian science)]. *Gidrometeorologiya i obrazovanie*. 4: 38-56. [in Russian]

[Natochin, 2022](#) – *Natochin, Yu.V.* (2022). Tri veka v istorii fiziologii v Rossiiskoi akademii nauk [Three centuries in the history of physiology in the Russian Academy of Sciences]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 43(1): 82-100. [in Russian]

[Pivovarov, 2018](#) – *Pivovarov, E.G.* (2018). K istorii sozdaniya Rossiiskogo sobraniya akademii nauk [To the history of the creation of the Russian Assembly of the Academy of Sciences]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 9(4): 7-20. [in Russian]

[Ponikarovskaya, 2024](#) – *Ponikarovskaya, M.V.* (2024). Aleksei Aleksandrovich Shakhmatov (1864-1920) [Alexey Alexandrovich Shakhmatov (1864-1920)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 646-655. [in Russian]

[Pokhoden'ko i dr., 2024](#) – *Pokhoden'ko, I.V., Zhukova, S.D., Takha, A.Kh.M.* (2024). Yubilei Rossiiskoi akademii nauk i ee vydayushchiesya rukovoditeli za 3-vekovuyu istoriyu [Anniversary of the Russian Academy of Sciences and its outstanding leaders over 3 centuries of history]. *Aktual'nye voprosy istorii meditsiny i sovremennye problemy razvitiya zdruvookhraneniya. Sbornik statei (onlain) II nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Kirov. Pp. 82-86. [in Russian]

[RAN, 2024](#) – Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. V 2-kh tomakh. Tom 1: Imperatorskaya akademiya nauk – Akademiya nauk SSSR. 1724-1934 [Russian Academy of Sciences: 300 years of history. In 2 volumes. Volume 1: Imperial Academy of Sciences – USSR Academy of Sciences. 1724-1934]. Otv. red.: G.Ya. Krasnikov, N.A. Makarov. M.: Nauka, 2024. 789 p. [in Russian]

[Stepanov, Tunkina, 2024](#) – *Stepanov, A.V., Tunkina, I.V.* (2024). Vasilii Yakovlevich Struve (1793-1864) [Vasily Yakovlevich Struve (1793-1864)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 429-435. [in Russian]

[Tunkina, 2024](#) – *Tunkina, I.V.* (2024). Istoricheskaya nauka v Akademii nauk: etapy formirovaniya i razvitiya (XVIII – pervaya tret' XX veka) [Historical science in the Academy of Sciences: stages of formation and development (XVIII – the first third of the XX century)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 656-678. [in Russian]

[Tunkina, 2024a](#) – *Tunkina, I.V.* (2024). Nikodim Pavlovich Kondakov (1844-1925) [Nikodim Pavlovich Kondakov (1844-1925)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 689-699.

[Tunkina, 2024b](#) – *Tunkina, I.V.* (2024). Mikhail Ivanovich Rostovtsev (1870-1952) [Mikhail Ivanovich Rostovtsev (1870-1952)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 715-725. [in Russian]

[Tunkina, Medvedev, 2024](#) – *Tunkina, I.V., Medvedev, I.P.* (2024). Vasilii Grigor'evich Vasil'evskii (1838-1899) [Vasily Grigoryevich Vasilyevsky (1838-1899)]. Rossiiskaya akademiya nauk: 300 let istorii. T. 1. M.: Nauka. Pp. 679-688. [in Russian]

Российская академия наук в дореволюционный период (к 300-летию со дня создания)

Сергей Борисович Зинковский ^{a, *}, Елена Валерьевна Красненкова ^{b, c}, Михаил Гурамович Смирнов ^d, Игорь Анатольевич Гордеев ^e

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zinkovskiy-sb@rudn.ru (С.Б. Зинковский)

- ^a Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
^b Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
^c Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация
^d Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация
^e Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Данный исторический очерк посвящается 300-летию со дня основания Российской академии наук. Хронологический период исследования – с 1724 по 1917 гг. Материалами послужили монографии и научные статьи по истории данного учреждения. Методологическую основу составляют контент-анализ, метод исторической периодизации и метод синтеза.

Академия наук в России создана Петром I, который понимал роль развития науки для развития государства, так как за научными знаниями стояли новые технологии, задействованные, прежде всего, в военном деле. В момент создания Академия состояла из трех отделений: математическое, физическое и гуманитарное. В их задачи входило не только проведение исследований, но также преподавание и научно-издательская деятельность. Первые академики были приглашены из-за границы.

С момента основания до конца XVIII века Академия достаточно быстро развивалась. Одним из главных ее направлений стала экспедиционная деятельность, а именно создание Северного экспедиционного отряда и Академической экспедиции. Это позволило создать первые точные карты северных территорий России. Значительное место среди прочих направлений Академии занимает издательская деятельность (в частности, выпуск многотомного издания «Комментарии Петербургской Академии наук»).

XIX век стал временем реформ в Академии: был принят новый устав, который предусматривал создание новых отделений и расширение исследовательских направлений. В этот период в Академии работали такие известные ученые, как Н. Лобачевский, Д. Менделеев, И. Павлов и др.

К началу 1917-го года благодаря деятельности Императорской академии наук Россия стала одним из лидеров в таких науках, как математика, химия, биология, геология, физика и астрономия.

Ключевые слова: Российская академия наук (РАН), Петербургская академия наук, Императорская академия наук, Императорская Санкт-Петербургская академия наук.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1550-1559
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1550

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sociocultural Environment of the Orthodox Parish of Small Town in the Russian Empire, late XVIII – early XXth centuries (on the example, the Town of Tsarevosanchursk, Yaransky District, Vyatka Province)

Ekaterina V. Bykova ^{a,*}, Kseniya I. Odegova ^a

^a Vyatka State University, Russian Federation

Abstract

Using the example of the church of the Vladimir Icon of the Mother of God in the peripheral town of Tsarevosanchursk, Yaransky district, Vyatka province the life of the Russian Orthodox Parish (XVIII – early XXth centuries) is shown from different sides, both cultural and social. In the 18th and 19th centuries, Tsarevosanchursk served as the center of spiritual and everyday life for the Mari and Russian people who lived in the Vyatka Province. The authors focus on issues of interaction between the clergy and parishioners from the point of view of everyday life: prayers, services, religious processions, and the work of church schools, the formation of the calendar, taking into account the patronal holidays and especially revered icons. It was found that the parish's integration into socio-political processes at the local level was particularly high. The long tenure of parish priests allowed them to be real spiritual fathers of their flock, knowing the needs and aspirations of their parishioners. Despite various manifestations of abnormal behavior of parishioners and serious social changes in the post-reform period, the parish, as a whole, performed consolidating, moral, educational, and enlightenment functions. The authors deduce that the emergence of an Orthodox society in a provincial town had an impact on the socio-cultural life of the population and influenced the formation of spiritual and moral values that determine everyday life and morality. For the first time, the Chronicle of the Tsarevosanchursk Vladimir Church from the funds of the Historical Museum of Sanchursk is introduced in to scientific circulation.

Keywords: church parish, missionary work, everyday life, Vyatka province, provincial town, Tsarevosanchursk, Vyatka diocese.

1. Введение

Изучение локальной истории, ограниченной рамками конкретного провинциального прихода, продолжает оставаться динамично развивающимся направлением российской историографии. Комплексный анализ социокультурной сферы провинциального города позволяет определить рамки научного исследования в контексте изучения истории городов, деревень и церковных приходов России. Это дает представление о внутренней динамике исторических процессов, социальных характеристиках и моделях поведения людей.

Царевосанчурский уезд Вятской губернии отличался смешанным марийско-русским составом, в котором доля русского населения по мере возрастания становилась преобладающей (Козлова, 1978). Русские активно переселялись на эти земли с XVI в. Русское население состояло из выходцев северной и среднерусской территорий России, сформировалось после присоединения Марийского края (Попова, 2005: 128). Специфика города в отдаленности от административных центров, а также полиэтничный и поликонфессиональный состав населения приходов заштатного города

* Corresponding author

E-mail addresses: ev2_74@mail.ru (E.V. Bykova)

Царевосанчурска, сформировали свой микросоциум, особенности которого представляют интерес и актуальность в реконструкции повседневности быта российской провинции.

Объектом представленного исследования выступают духовные аспекты повседневной жизни российского православного прихода в российской провинции конца XVIII – начала XX вв. Предмет исследования – процессы взаимодействия приходского духовенства и прихожан на уровне обыденных практик церковной жизни в заштатном городе и деревне в полиэтнической среде.

Центром духовной жизни и организации повседневной жизни в заштатном городе Царевосанчурск Яранского уезда Вятской губернии являлись церкви. В городе были построены Тихвинская церковь, (1761 г.), Покровский собор, (1770 г.), Троицкая церковь, кладбищенская (1817 г.) и Церковь Владимирской иконы Божьей Матери, (1776 г.) (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74-2. Д. 940). Все они были закрыты и разрушены в 20–50-е гг. XX в.

В религиозном отношении население заштатного города Царевосанчурска делилось на православных и приверженцев традиционных верований – язычников марийцев. На этой территории проживали старообрядцы-беспоповцы, бежавшие из Нижегородской губернии подальше от административных центров. В конце XIX в. стали появляться представители страннического согласия (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74-2. Д. 2526). В рамках исследования рассматривается повседневная жизнь церковного прихода российской провинции, при этом анализируются разные сферы духовной жизни (религиозная деятельность, деятельность в сфере образования населения, торговые связи и коммуникации, строительство православных храмов и церквей).

Нижняя хронологическая рамка – 1797 г., когда г. Царевосанчурск потерял статус уездного центра и стал «заштатным» городом (официальный термин). Верхняя хронологическая рамка – начало XX в. (1903–1906 гг.). Это время, связанное с радикальной модернизацией конфессионального законодательства Российской империи. Территориальные рамки исследования определяются городом Царевосанчурск и близлежащими деревнями, где были построены часовни, которые входили в церковный приход. Санчурский уезд находился на юго-западе Вятской губернии, граничил с Казанской и Нижегородской губерниями.

Заштатный город – официальный статус города Российской империи, который пользовался правами города, но не был административным центром уезда или губернии. Научная новизна работы заключается в проведенном комплексном анализе духовной жизни церковного прихода в российском провинциальном заштатном городе Царевосанчурске и деревнях, где проживали русские и марийцы, принявшие православие. Исследование позволяет расширить представление о взаимодействии города и деревни в контексте православной культуры и проникновения ее в повседневную культуру народа, проживающего в полиэтническом и поликонфессиональном районе на примере русских и марийских поселений. Данное исследование способствует формированию целостного представления о религиозной и этнической характеристиках и социально-культурной деятельности в контексте церковных приходов провинциальных городов центральных губерний Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает анализ документальных материалов: архивные материалы Центрального государственного архива Кировской области (Киров, Российская Федерация); фонда 237 Вятской Духовной консистории, куда поступали сведения о церквях и их церковнослужителях, приходе и расходе церковных денег, благоустройстве церквей и их территорий, клировые ведомости; фонд 282 Покровского собора г. Царевосанчурска Яранского уезда Вятской губернии 1809-1895 гг.; фонд 296 Владимирской церкви г. Царевосанчурска Яранского уезда 1805–1922 гг.; фонд 245 Яранского духовного правления; фонд 583 Вятского губернского правления; фонд 618 Яранской уездной земской управы. Уникальный источник реконструкции повседневной жизни заштатного города Царевосанчурска – церковная летопись прихода Владимирской церкви заштатного города Царевосанчурска Яранского уезда Вятской губернии – хранится в Историческом музее города Санчурска (Летопись..., 1934). Поступила в фонды Исторического музея города Санчурска Кировской области в 1968 г. от А.М. Мышкина, внука священника Авенира. Записи в книге начали делать в середине XIX века, и хроника летописи заканчивается 1934 г. В научный оборот документальные источники вводятся впервые. Используются материалы периодической печати до 1917 года: «Вятские епархиальные ведомости» и «Вятские губернские ведомости».

Реконструкция духовной жизни заштатного города представлена через истории приходов, что требовало историко-системного метода в исследовании. При изучении документальных материалов истории города Царевосанчурск применялись системный и междисциплинарный подходы.

Историко-сравнительный метод позволил сравнить численность церковного прихода, конфессиональный и этнический состав в течение 100 лет. Сравнительный анализ количественного состава городского населения в хронологии показывает процесс трансформации деятельности приходов в рамках взаимодействия и влияния на различные категории людей. Так, если в первой половине XIX в. роль церковного прихода в духовной жизни города сводилась к повседневным религиозным практикам (богослужениям), то во второй половине XIX в. происходит смещение в

сторону активной социальной деятельности. Особую роль в этом играло духовенство, например, священник И.Ф. Беневоленский.

Метод количественного анализа позволяет проследить динамику прироста и снижение численности населения церковного прихода, а также его конфессиональный и этнический состав.

Проблемно-хронологический метод раскрывает особенности религиозной жизни в стране в контексте конфессиональной политики государства (церковные реформы Николая I, Александра II и контрреформы Александра III) по отношению к православному приходу, а также и к последователям таких конфессий, как старообрядчество и язычество. Для этого метода актуальны труды дореволюционного историка церкви А.В. Карташева ([Карташев, 1992](#)). Просопографический метод применен для изучения биографий священнослужителей Вятской Епархии, служивших в церковном приходе или посещавших город, а также местных прихожан купеческого и мещанского сословий.

Метод источниковедческого анализа применялся при реконструкции духовной жизни прихода. Дополнительные сведения о памятниках архитектуры Санчурского района были получены из архивных документов и материалов периодической печати.

3. Обсуждение

В исторической науке в XIX – начале XX вв. возрастает интерес к изучению истории церкви и повседневности в регионах Российской империи. Появляются комиссии по сбору исторических данных по церковным приходам, разрабатываются инструкции и правила ведения летописей церковных приходов. С конца XIX в. летописи церковных приходов объявлены уникальными историческими источниками, по которым можно сделать реконструкцию социально-экономического состояния, духовной и повседневной жизни, особенно в провинциях ([Шмидт, 1974](#)). В результате появляются научные исследования по данной тематике в отдельных регионах: по Сибири ([Зольникова, 1990](#); [Адаменко, 2004](#)), на Урале ([Глухих, Миронова, 2008](#); [Мангилева, 2015](#); [Фот, 2015](#)), на Русском Севере, в Карелии ([Пулькин, 2009](#); [Суслова, 2016](#)). Анализ социально-экономического развития православных приходов Санкт-Петербургской епархии на основе российского законодательства представлен в монографии «Православный приход во второй половине XIX в.» ([Ропаква, 2016](#)). Локальные истории о повседневной жизни церковных приходов являются предметом изучения и введения в научный оборот комплекса архивных документов ([Самойлова, 2007: 300-304](#); [Perevozchikova et al., 2017](#)). Методы изучения и систематизации материалов на уровне обобщения в контексте формирования общероссийской крестьянской ментальности представлены в работах М.М. Громько ([Громько, 1986](#)), А.Г. Щербатова ([Щербатов, 2010](#)).

Развитие пореформенного города, менталитет сословий городского населения как фактор социальной динамики рассматриваются в трудах Б.Н. Миронова ([Миронов, 1990](#)). Фундаментальное исследование социальных и культурных аспектов городской жизни XIX в. Л.В. Кошмана обращается к истории мещанского сословия, «основного коренного слоя горожан, второго по численности после крестьянства» ([Кошман, 2008: 186](#)). При этом в исследованиях о городе и городской жизни XVIII–XIX вв. роль церковного прихода не обозначена. В труде Л.В. Кошмана отмечается, что «религиозность горожан не была глубокой» ([Кошман, 2008: 271](#)). Интеграция сельского населения в город XIX в., процесс урбанизации и модернизации отмечается зарубежными учеными как своеобразие русской национальной идентичности, в которой подчеркивается административный фактор ([Blumin, 1983](#); [Brower, 1990](#)).

Для исследования жизни провинциального прихода особый интерес представили труды по истории Вятской епархии и организации миссионерской деятельности в Вятской губернии ([Очерки истории..., 2007](#); [Немчанинова, Половникова, 2020: 401-419](#)). Стоит отметить, что монографического исследования по истории г. Царевосанчурск периода конца XVIII – начала XX вв. не проводилось. Попытка системного изложения материалов была осуществлена в статье «Санчурск» Д.А. Наумова ([Наумов, 1994](#)) в Энциклопедии земли Вятской.

Исторические исследования носят региональный характер, создают репрезентативную картину приходской жизни Российской империи. В рамках темы возникает перед исследователями широкий круг проблем: от законодательства и экономического состояния прихода до формирования социокультурной среды и культурного ландшафта территории, где религиозная составляющая русской православной церкви была доминирующей в контексте церковно-государственных отношений.

4. Результаты

В XVIII – начале XX вв. Царевосанчурск – типичный заштатный город Российской империи, в котором формировалась живая провинциальная культура, это определяло специфику развития местного сообщества. Первое упоминание об укрепленном поселении Царевосанчурск появляется в 1584 г. и связано с походами на Казань и Черемисскими войнами. Город появился на месте марийского поселения на берегу реки Большая Кокшага, одного из небольших притоков р. Волги. Укрепленное поселение находилось на Галицком тракте (старой Казанской дороги), который соединял Казань с Галичем (Костромская губерния) и выходил на Сибирский тракт. До 1797 г.

Царевосанчурск являлся центром Санчурского уезда, но уезд был устранен. В статусе заштатного города Царевосанчурск вошел в состав Яранского уезда Вятской губернии. В начале XIX в. экономика города пришла в упадок (Наумов, 1994: 269-278).

Царевосанчурский уезд, а позже – заштатный город и его округа, был аграрным, в нем были развиты торговля, лесные промыслы и рыболовство. Промышленные предприятия здесь появились только в середине XIX в. В конце XVIII в. в городе были построены Тихвинская церковь (1761 г.), Покровский собор (1770 г.) и Церковь Владимирской иконы Божьей Матери (1776 г.), позже, в 1817 г., – кладбищенская Троицкая церковь (ЦГАКО, Ф. 583. Оп. 600. Д. 28. Л. 238-240). До наших дней частично сохранилась только Тихвинская церковь.

К началу XIX в. в заштатном городе Царевосанчурск сложилось особое социокультурное пространство с типичными признаками, характерными для малого города. Вятская губерния по структуре населения была крестьянской, городских жителей было всего 2 %. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Царевосанчурске насчитывалось 1 256 жителей (Вятская губерния, 1897: 19). Город располагался среди деревень, внешне сохраняя облик сельского поселения. Взаимоотношения городского населения с сельской округой органически связаны с повседневной и праздничной культурой заштатного города.

Приход Царевосанчурской церкви Владимирской Божьей Матери, называемый до 1802 г. «Никольским», образовался в 1766 г. Достаточно интересным является тот факт, что приход возник не по распоряжению церковного руководства, а по ходатайству самих граждан и помещиков – Демидовых, Шубина, Замятина. Приход был малочислен: на 1791 г. – 136 душ мужского пола. Состоял он из дворян, чиновников, канцеляристов, купцов, мещан и крепостных крестьян (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74-1. Д. 940). К 1903 г. численность значительно увеличилась: мужчин – 1071, женщин – 1163 (Летопись..., 1934: 101). В состав прихода входили такие селения, как Кубешево (исключена в 1840 г.), Весенькино, Яринцево, Торасово, Пичугино, Чермышево, Павлово, починок Зеленый, Шунурово, Шум, Кэлемары – малый и большой, дер. Пословино-вражская и Грязнуха (до 1820 г.), дер. Агапитово, дер. Поломки (до 1847 г.), починки Чермышево, Яранцево и Пакутин (последние два исключены в 1883 г.), Павловский, дер. Терхины (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74-1. Д. 956).

История застройки православного прихода началась в XVIII в. До появления каменного храма была деревянная церковь, но информации о месте ее расположения не сохранилось. Появление же каменного храма во имя Святого и Чудотворца Николая (теплый) и в честь Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова (холодный) благословил член Святейшего Синода, Митрополит Казанский и Свияжский Вениамин в 1777 г. Строительство длилось с 1779 по 1783 гг. В 1784 г. храм был освящен Царевосанчурским протоиереем Иоанном Шестаковым с благословения Архиепископа Казанского Антония во имя Святого и Чудотворца Николая, а спустя 9 лет в 1793 г. освятили придел Иоанна Богослова. Из-за городского пожара 1796 г. пострадал храм, но внутреннее оформление было быстро восстановлено, а престолы вновь освящены (ЦГАКО. Ф. 282 Оп. 1 Д. 2). Параллельно шло строительство холодного храма во имя Владимирской Божией Матери, завершившееся в 1800 г. Жители города активно принимали участие в благоустройстве храма: по ходатайству граждан и благословию Амвросия в 1820 г. началось строительство колокольни и расширение храма во имя Николая Чудотворца. В 1822 г. сооружение колокольни завершилось поднятием на нее креста, а 1823 г. был окончательно расширен храм (ЦГАКО. Ф. 296 Оп. 1. Д. 1-6).

Торговля и благотворительность купечества Вятской губернии отмечаются в научных трудах историков, изучавших историю предпринимательства Вятского края (Судовиков, 2015). Этот факт находит подтверждения в деятельности санчурских купцов, которые принимали активное участие в строительстве и обустройстве храмов города Царевосанчурска. Один из примеров благотворительности – строительство купцом Иваном Григорьевичем Хлебниковым каменного домика для бесприютных, в котором до 1861 г. жили старые девы, называемые «келейницы». На средства купца Федорова Соколова в храм Владимирской Божией Матери была приобретена на Макарьевской ярмарке в 1804 г. серебряная риза на икону Владимирской Божией Матери стоимостью 660 рублей. В холодный храм также была пожертвована серебряная позолоченная риза на образ Воскресения Христова мещанкой, вдовой Марьей Ивановной Лещевой, в 1888 г. стоимостью 950 рублей. Сведения о приобретениях для благоустройства церковью свидетельствуют о тесной связи купцов Царевосанчурска с Макарьевской ярмаркой в Нижнем Новгороде. Занимаясь торговлей, они думали и о благоустройстве своего приходского храма. Иконостас в приделе Иоанна Богослова во Владимирской церкви был сделан также на средства купца Ивана Григорьевича Хлебникова в 1875–1889 гг. Столярная работа и резьба были выполнены популярным в те времена мастером из Кундышской волости села Александровского, крестьянином Федором Александровичем Макаровым. Резьба была раскрашена в натуральный цвет растительного царства царевосанчурским мещанином Мухачевым, а колонны, пилястры и кронштейны позолотил полиментом крестьянин Орловского уезда Николай Семенович Опарин. Иконы писал царевосанчурский мещанин и художник-самоучка Иван Ефремович Серебряков. Летопись прихода церкви Владимирской иконы Божьей Матери позволила выявить новые имена иконописца и позолотчика Вятской губернии (Летопись..., 1934: 7-11).

Сохранились различные церковные предания о городе и его жителях, тесно связанные с явленными иконами и чудесами. О них подробно повествует Летопись прихода церкви Владимирской иконы Божьей Матери (*Летопись...*, 1934: 8). Одна из легенд связана с образом Божией Матери «Утоли мои печали», приобретенного на Афоне на средства нищей Александры Масленниковой. Образ прибыл в город в 1869 г. Также Александра заказала серебряную позолоченную ризу стоимостью 100 рублей. Предание гласит, что лавочники увидели в храме необыкновенный свет и подумали, что там что-то горит. Зайдя в храм, они увидели, что там только теплится у иконы елейная лампадка, которую раньше никогда не зажигали. С тех пор перед иконой горит неугасимая лампадка. Икона стала почитаться в городе. Согласно другому преданию, образ Казанской Божией Матери был найден помещицей, которая увидела свет на колокольне и решила проверить источник свечения. Так, на сводах притвора храма она нашла икону в пыли и голубином помете. Дома помещица очистила находку и обнаружила образ Казанской Божией Матери. В Казани помещица обновила роспись, сделала серебряную с жемчугом ризу и пожертвовала в Царевосанчурский Владимирский храм. Еще одна легенда связана с образом Божией Матери Благовещения. Образ был написан в Москве в 1805 г. и был отправлен в один из губернских городов через Царевосанчурск. Лошади остановились близ церкви Владимирской иконы Божией Матери и не захотели идти дальше. Их хозяин принял это как предзнаменование и подарил икону в храм. Данный образ также очень почитаем местными. 25 марта ежегодно совершается молебен и поется акафист Божией Матери. Таким образом, в результате преданий о чудесах формировался свой местный православный календарь, связанный с почитанием икон и престольных праздников церковью города.

В 1843 году Царевосанчурск получил разрешение на проведение ежегодных ярмарок. В календарь заштатного города Царевосанчурск входило проведение ярмарок в престольные праздники. В июне проводили Тихвинскую ярмарку, в октябре – Покровскую. Каждая ярмарка длилась три дня (*ВГВ, 1843: 115*). На Покровскую ярмарку продавали скот. Лен, «северный шелк», был самым ходовым товаром, скупался текстильными фабриками в России и за границей. Рожь в большом количестве закупают жители Ветлуги. Крестьяне и ремесленники со всей округи съезжались и продавали свой товар. Также была распространена форма товарообмена. На ярмарки съезжались купцы из Казанской, Нижегородской и Костромской губерний, уездных городов Вятской губернии: Котельнича, Яранска, Кукарки, Уржума и губернского города Вятки (*Календарь...*, 1883: 136-137, 170; *Памятная книжка...*, 1900: 159).

Первые промышленные предприятия в городе были построены только в 1868 г. предпринимателем В.Ф. Булыгиным. Они так же были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции – это маслобойка и спиртоводочный завод (*ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 918*). Активному развитию промышленности мешали удаленность от главных трактовых дорог и административно-хозяйственных центров Вятской губернии.

На социокультурную жизнь города заметное влияние оказывали священнослужители. Городская жизнь Царевосанчурска оживилась с приходом в 1861 г. нового священника Ильи Федоровича Беневоленского. Не найдя целесообразным проживание в домике при церкви старых дев Масленниковой и Селивановой, священник попросил их освободить территорию, а в самом домике открыл церковную школу для детей прихожан. Это была первая школа в городе, так как до этого было только частное обучение за деньги (обучали священник Григорий Котлецов, диакон Димитрий Решетов, мещанская девица Екатерина Кузминишна Антропова). В школе преподавали чтение, письмо, арифметику и Закон Божий. Дети обучались все вместе, преподавал сам Беневоленский, помогала священнику его жена. В 1862 г. школу посетил Преосвященный Агафангел, который остался доволен ответами учеников (*ВВВ, 1911: 822-835*).

По ходатайству священника Беневоленского и с одобрения Епархиального училищного Совета в сентябре 1884 г. была открыта в починке Чернышевом церковно-приходская школа Царевосанчурско-Владимирская. Школа существовала на средства от родителей учащихся и от приходского попечительства. Учительницей стала Анна Ильинична Тронина, заведующим и законоучителем был сам о. Илья Беневоленский, оплачивающий квартиру, освещение и прислугу для школы (*ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74-1. Д. 2346*).

В приходе, как и в любом другом сообществе людей, не обходилось без конфликтов. В июне 1862 г. священник И.Ф. Беневоленский в праздники пошел по городу со святым крестом, но не стал соблюдать традицию посещения прихожан, начиная со знатных и богатых, а пошел по улицам, как располагались дома. В итоге к почитаемому церковному старосте пришли после обеда, когда семья отдыхала. Старики обвинили молодого священника в неуважении к ним: «Молод еще обижать нас, стариков». Беневоленский ответил им, что в образе святого креста посещает их сам Спаситель. Через день с женой старосты случился удар, ее парализовало, и она скончалась. Местные жители этот случай объясняли как наказание Божие за оскорбление пастыря при службе (*Летопись...*, 1934: 302).

В практику духовенства вошло проведение внебогослужебных беседований, сопровождавшихся показом «туманных картинок», церковными песнопениями и исполнением «Боже, Царя храни». В Царевосанчурске не было свободных помещений для проведения таких чтений, духовенство города обращалось к городской думе за разрешением предоставить думский зал.

Не всегда городская дума шла навстречу и в 1896 г. решила отпустить средства на устройство читального зала при Владимирской церкви. Освящение зала состоялось 12 февраля 1898 года. Основным назначением зала стали ведение устных внебогослужебных пастырских собеседований и чтение литературных статей религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания. Читальня была открыта для посетителей ежедневно с 10 до 13 и с 16 до 19 часов, раз в неделю книги выдавались на дом. Для горожан в вечернее время проводились литературные чтения с участием хора певчих и показом световых картин. Для крестьян в базарные дни до позднего вечера близ церковной паперти устраивалась подвижная библиотека из наклеенных на картон листков религиозно-нравственного содержания. В посетителях, как отмечал И.Ф. Беневоленский, недостатка не было: собиралось от 150 до 200 человек (ВЕВ, 1898: 283-286).

В Яранском уезде и марийских деревнях активно занимались миссионерской деятельностью (Немчанинова, Половникова, 2020: 401-419). Православное духовенство стремилось укрепить позиции своей религии. В 1830 г. оно выступило с инициативой переселения в марийские деревни от одной до трех русских семей. Для изучения отношений марийцев к идее переселения русских в Царевосанчурск была направлена специальная комиссия во главе с протоиереем Сергеем Кулыгинским (ЦГАКО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 85. Л. 3-30б.). Она должна была проверить результаты деятельности миссионеров, наличие в приходах некрещеных, так называемых «оглашенных», или подлинно обратившихся в православную веру марийцев. Ей вменялось в обязанность внушать марийцам, что поселение русских семейств в марийские принесет им пользу. Собранные комиссией материалы показывают, что марийские и русские крестьяне жили между собой дружно, не испытывали особых проблем по поводу различий в языках, исповедуемых религий (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 136. Д. 1450).

Связь города и деревни, а также миссионерская деятельность священников в поселениях, где проживали черемисы, осуществлялась через строительство часовен. Так, в приходе церкви Владимирской Божией Матери были построены часовни в разных деревнях. Например, часовня в дер. Тарасовой и Макарьевой существует со времен, когда марийцы крестились. Особенность этих деревень заключается в праздновании престольных праздников в Троицын день и 26 октября (день Великомученика Дмитрия Солунского) в связи с тем, что раньше жители деревень принадлежали приходу Троицкой церкви, сгоревшей в пожаре в 1797 г., приделы которой были посвящены Святой Троице и Великомученику Дмитрию Солунскому. В дер. Шум и Кэлемары часовни использовались в качестве усыпальницы и места отпевания умерших до 1853 г., когда вышел запрет погребать умерших при часовнях. Праздник при часовне в первой деревне установлен на Ильин день, а во второй – на день Святителя и Чудотворца Николая (6 декабря). В деревне Тарасовой часовня являлась местом крещения и оглашения язычников (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1572. Л. 41-53).

У прихода существовало два кладбища, первое из которых находилось недалеко от села Сметанино и было заброшено, а второе – вблизи дер. Заозерье. На этом кладбище благодаря инициативе купца Федора Соколова в 1814-1818 гг. был построен каменный Троицкий храм. Стоит отметить, что у храма не было своего прихода, он принадлежал Собору, но по просьбам прихожан в нем совершались службы, например, на дни поминовений (Троицу, Радоницу и т.д.). Рядом с православным кладбищем находилось старообрядческое (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 121. Д. 91).

В конце июля 1877 г. Царевосанчурск посетил Преосвященный Аполлос, прибывший из Яранска и встреченный в соборе городским духовенством. Ему не понравилось пение певчих-любителей, поэтому он сделал им публичное резкое замечание, но литургию отслужил. На другой день при посещении Владимирской церкви настоятель приветствовал Владыку речью о столетнем юбилее существования церкви и прихода и о прогрессе грамотности. Владыка сделал акцент на том, что грамотность без воспитания в духе веры и благочестия может принести вред. На службе тихо и стройно пели ученицы двуклассного училища под управлением псаломщика Молчанова, чем Владыка остался доволен. Затем благословил семейство настоятеля и всех прихожан. Владыка сделал строгий выговор за то, что комиссия по ведению публичных бесед с раскольниками допустила в собрание Судебного следователя и позволила ему сказать речь. Это недовольство касалось дела о сектантах. В 1880-1890-е гг. в районе деревень Шум и Кэлемары стал жить раскольник, крестьянин Соборного прихода деревни Осиновки, Чернобровкин. Он являлся последователем секты странников и вместе с семьей из пяти человек был крещен вне церкви по раскольническому обряду. Местное население поддавалось его влиянию, поэтому к ним отправился о. Илья Беневоленский. В итоге пастырю удалось удалить раскольника из деревни. Он отправил его на Урал (Летопись..., 1934: 314).

Исследование повседневной культуры церковного прихода конца XVIII – начала XX вв. как историко-культурного феномена показало влияние церкви и духовенства на социокультурные процессы внутри общины. Документальные источники позволили выявить особенности коммуникации местного населения внутри общины, между православными, старообрядцами и некрещеными черемисами, проживающими на территории прихода. Синтез народной веры и обыденных практик с доктринальной православной церковью наиболее ярко раскрывается в анализе деятельности церковных приходов провинциальных городов и деревень.

5. Заключение

Обращение к документальным источникам в изучении повседневной жизни заштатного города позволяет сделать вывод о том, что церковный приход в течение XVIII – начала XX вв. оставался центром социально-культурной деятельности города и его округа. Интересный процесс интеграции элементов повседневности города и деревни происходил в провинции, что находит отражение в быту и праздниках, ведении хозяйства. Заштатный город Царевосанчурск возник на месте проживания марийцев, которые приняли христианство. В городе и его окрестностях была организована миссионерская работа среди марийского населения и раскольников. Церковь сыграла значительную роль в становлении образования, в организации церковно-приходских школ и училища. Анализ деятельности церковного прихода показал, что интегрированность в социально-политические процессы на локальном уровне была особенно высокой. Отмечается особая роль священника церкви, который хорошо знает нужды и чаяния своих прихожан, а также быт и нравы местного населения. Несмотря на различные проявления девиантного поведения паствы и серьезные общественные трансформации в пореформенное время, приход выполнял консолидирующую, нравственно-воспитательную, образовательную, просветительскую функции. С одной стороны, церковный приход сохранял культурные духовные традиции православия, с другой, – адаптировался к новым условиям модернизации пореформенной России. Жители заштатного города активно занимались его благоустройством, духовная жизнь регламентировалась местными церквями. Церковный приход – неотъемлемая часть организации социокультурной среды провинциального города. Заштатный город Царевосанчурск, как и многие другие города Российской империи, создавал определенное социокультурное пространство, являясь полифункциональным организмом. Он был центром культурного притяжения.

6. Благодарности

Исследование выполняется в рамках реализации гранта РНФ № 23-28-00908 «Визуальный контент в современных конфессиональных общинах России».

Литература

- Адаменко, 2004 – Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 192 с.
- ВГВ – *Вятские губернские ведомости*.
- ВЕВ – *Вятские епархиальные ведомости*.
- Вятская губерния, 1904 – Вятская губерния. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. 1904. 287 с.
- Глухих, Миронова, 2008 – Глухих Н.В., Миронова А.А. Церковные летописи XX века как хроника жизни уральского города // *Русская речь*. 2008. №1. С. 74-78.
- Громыко, 1986 – Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Наука, 1986. 274 с.
- Зольникова, 1990 – Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, Сиб.отд-ние, 1990. 288 с.
- Календарь..., 1883 – Календарь Вятской губернии на 1883 год / Сост. Н.А. Спасский. Вятка: Типография Губернского Правления, 1883. 308 с.
- Карташев, 1992 – Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Москва: Терра, 1992. Т. 1. 569 с.
- Козлова, 1978 – Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ. 1978. 344 с.
- Кошман, 2008 – Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия. 2008. 448 с.
- Летопись..., 1934 – Летопись Царевосанчурской Владимирской церкви заштатного города Царевосанчурска. Санчурск. 1934. Рукопись. Санчурский исторический музей. Оф. 1.
- Мангилева, 2015 – Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX– начале XX века. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2015. 477с.
- Миронов, 1990 – Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. 271 с.
- Наумов, 1994 – Наумов Д.А. Санчурск. Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города. Киров, 1994. С. 269-284.
- Немчанинова, Половникова, 2020 – Немчанинова Е.Н., Половникова М.Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вятской губернии) // *Научный диалог*. 2020. №4 С. 401-419.
- Очерки истории..., 2007 – Очерки истории Вятской епархии (1657-2007). 350-лет Вятской епархии. Вятка: «Буквица», 2007. 640 с.
- Памятная книжка..., 1900 – Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год / Сост. Н.А. Спасский. Вятка: Губернская типография, 1900. 806 с.

Попова, 2005 – Попова Н.С. Межконфессиональные отношения и этнокультурные процессы в марийских приходах Яранского уезда Вятской губернии в XVII – первой половине XIX века // *Вопросы этносоциальной истории марийского народа*. Вып. 26. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 126-152.

Пулькин, 2009 – Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Российская академия наук, КНЦ ИЯЛИ. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2009. 422 с.

Ропаква, 2016 – Ропаква Е.Н. Православный приход во второй половине XIX в. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия. СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. 352 с.

Самойлова, 2007 – Самойлова О.А. Будни сельского прихода конца XIX – начала XX вв.: история возникновения, традиции, люди (с. Кариан-Воронцовка Кариановской волости Тамбовского уезда) // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. № 11 (55). С. 300-304.

Судовиков, 2015 – Судовиков М.С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года. Киров: ИД «Герценка», 2015. 448 с.

Суслова, 2016 – Суслова Е.Д. Церковный приход: средоточие социальной и духовной жизни крестьянского сообщества в Карелии раннего нового времени // *CARELiCA*. 2016. № 2 (16). С. 50-63.

Фот, 2015 – Фот А.Г. Семья приходского священника Оренбургской епархии в контексте реалий бытовой повседневности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 14 (369). С. 144-152.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

Шмидт, 1974 – Шмидт С.О. Церковноприходские летописи как источник по истории русской деревни // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. Вильнюс, 1974. С. 397-404.

Щербатов, 2010 – Щербатов А.Г. Православный приход – твердыня русской народности. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 488с.

Blumin, 1983 – Blumin S.M. When Villages Become Towns. The Historical Context of Town Formation // *The Pursuit of Urban History*. London, 1983. Pp. 54-68.

Brower, 1990 – Brower D.R. The Russian City between Tradition and Modernity. 1850-1900. University of California Press. 1990. 253 p.

Perevozchikova et al., 2017 – Perevozchikova L.S. Ershov B.A., Ashmarov I.A., Volkova E.A. Role of Russian Orthodox Church in Life of Peasants in Russia in XIX – the beginning of the XXth centuries // *Bylye Gody*. 2017. T. 43. №1. Pp. 121-128.

References

Adamenko, 2004 – Adamenko, A.M. (2004). Prihody Russkoj pravoslavnoj cerkvi na yuge Zapadnoj Sibiri v XVII – nachale XX veka [Parishes of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 192 p. [in Russian]

Blumin, 1983 – Blumin, S.M. (1983). When Villages Become Towns. The Historical Context of Town Formation. The Pursuit of Urban History. London. Pp. 54-68.

Brower, 1990 – Brower, D.R. (1990). The Russian City between Tradition and Modernity. 1850-1900. University of California Press. 253 p.

Kalendar'..., 1883 – Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1883 god (1883) [Calendar of the Vyatka Province for 1883]. Sost. N.A. Spasskii. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1883. 308 p. [in Russian]

ЦГАКО – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti [Central State Archives of the Kirov Region].

Druzhinkina, 2023 – Druzhinkina, N.G. (2023). K istorii povsednevnoj zhizni severnyh pravoslavnyh prihodov v Rossii v XIX v. [To the history of everyday life of northern Orthodox parishes in Russia in the 19th century]. *Rusistika bez granic*. 7(3): 40-54. [in Russian]

Gromyko, 1986 – Gromyko, M.M. (1986). Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krestian XIX veka [Traditional standards of behaviour and forms of communication of the Russian peasants of the 19th century]. М.: Nauka. 274 p. [in Russian]

Gluhih, Mironova, 2008 – Gluhih, N.V., Mironova, A.A. (2008). Tserkovnye letopisi XIX veka kak hronika zhizni ural'skogo goroda [Church Chronicles of the 19th Century as a Chronicle of Life in a Ural City]. *Russkayarech'*. 1: 74-78. [in Russian]

Fot, 2015 – Fot, A.G. (2015). Sem'ya prihodskogo svyashchennika Orenburgskoj eparhii v kontekste realij bytovoj povsednevnosti [The family of a parish priest of the Orenburg diocese in twenty realities of everyday life]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14(369): 144-152. [in Russian]

Kartashev, 1992 – Kartashev, A.V. (1992). Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi [Essays on the history of the Russian Church]: v 2 t. Moscow: Terra. Vol. 1. 569 p. [in Russian]

Koshman, 2008 – Koshman, L.V. (2008). Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: Social'nye i kul'turnye aspekty. [The city and urban life in Russia of the XIX century Social and cultural aspect]: Moscow: Russian Political Encyclopedia. 448 p. [in Russian]

Kozlova, 1978 – Kozlova, K.I. (1978) Ocherki etnicheskoj istorii marijskogo naroda [Essays on the Ethnic History of the Mari People]. М.: Izd-vo MGU. 344 p. [in Russian]

- Letopis..., 1934** – Letopis Carevosanchurska Vladimirskoj cerkvi (1934) [Church chronicle of the St. Vladimir's Mother of God Church of Tsarevosanchursk]. Sanchursk. 1893. Rukopis'. [Manuscript] Sanchurskij istoricheskij muzej. Of. 1. [in Russian]
- Mangileva, 2015** – *Mangileva, A.V.* (2015). Sociokul'turnyj oblik prihodskogo duhovenstva Permskoj gubernii v XIX – nachale XX veka [Sociocultural appearance of the parish clergy of the Perm province in the 19th – early 20th centuries]. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogoun-ta. 477 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1900** – Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii i kalendar' na 1901 god [Memorial book of Vyatka province and calendar for 1901]. Sost. N.A. Spasskii. Vyatka: Gubernskaya tipografiya. 806 p. [in Russian]
- Mironov, 1990** – *Mironov, B.N.* (1990). Russkij gorod v 1740-1860-e gody: demograficheskoe, social'noe i ekonomicheskoe razvitie [Russian city in the 1740-1860s: demographic socio-economic development]. L. 271 p. [in Russian]
- Naumov, 1994** – *Naumov, D.A.* (1994). Sanchursk [Sanchursk]. *Enciklopediya zemli Vyatskoj*. Vol. 1. Goroda. Kirov. Pp. 269-284. [in Russian]
- Nemchaninova, Polovnikova, 2020** – *Nemchaninova, E.N., Polovnikova, M.Yu.* (2020). Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Vyatskoj gubernii) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th century (based on materials from the Vyatka province)]. *Nauchnyj dialog*. 4: 401-419. [in Russian]
- Ocherkii storii..., 2007** – Ocherki istorii Vyatskoj eparhii (1657-2007). 350-let Vyatskojeparhii [Essays on the history of the Vyatka diocese (1657-2007): 350th anniversary of the Vyatka diocese]. Vyatka: «Bukvica», 2007. 640 p. [in Russian]
- Perevozchikova et al., 2017** – *Perevozchikova, L.S., Ershov, B.A., Ashmarov, I.A., Volkova, E.A.* (2017). Role of Russian Orthodox Church in Life of Peasants in Russia in XIX – the beginning of the XXth centuries. *Bylye Gody*. 43(1): 121-128.
- Popova, 2005** – *Popova, N.S.* (2005). Mezhekonsfessional'nye otnosheniya i etnokul'turnye processy v marijskih prihodah Yaranskogo uezda Vyatskoj gubernii v XVII – pervoj polovine XIX veka [Interfaith relations and ethnocultural processes in the Mari parishes of the Yaransky district of the Vyatka province in the 17th – early 19th centuries]. *Voprosy etnosocial'noj istorii marijsko gonaroda*. №26. Ioshkar-Ola: MarNIIYaLI. Pp. 126-152. [in Russian]
- Pul'kin, 2009** – *Pul'kin, M.V.* (2009). Pravoslavnyj prihod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v. (po materialam Oloneckoj eparhii) [Orthodox parish and power in the mid-18th – early 20th centuries (based on materials from the Olonetskiy diocese)]. Rossijskaya akademiya nauk, KNC IYaLI. Petrozavodsk: Izd-vo KNC RAN. 422 p. [in Russian]
- Ropakova, 2016** – *Ropakova, E.N.* (2016). Pravoslavnyj prihod vo vtoroj polovine XIX v. Rossijskaya imperiya, Sankt-Peterburgskaya eparhiya [Orthodox parish in the second half of the 19th century. Russian Empire, St. Petersburg diocese.]. SPb.:Izd-voSpbDA, 352 p. [in Russian]
- Samojlova, 2007** – *Samojlova, O.A.* (2007). Budni sel'skogo prihoda konca XIX – nachala XX vv.: istoriya vozniknoveniya, tradicii, lyudi (s. Karian-Voroncovka Karianovskoj volosti Tambovskogo uezda) [Everyday life of an economic parish in the late 19th – early 20th centuries: history of origin, traditions, people (Karian-Vorontsovka village, Karianovskaya volost, Tambov district)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 11 (55): 300-304. [in Russian]
- Shcherbatov, 2010** – *Shcherbatov, A.G.* (2010). Pravoslavnyj prihod – tverdinya russkoj narodnosti [The Orthodox parish is a stronghold of the Russian people]. M.: Institut russkoj civilizacii, 488 p. [in Russian]
- Shmidt, 1974** – *Shmidt, S.O.* (1974). Tserkovnoprihodskie letopisi kak istochnik po istorii russkoj derevni.[Parish chronicles as a source on the history of the Russian village]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Vilnius.Pp. 397-404. [in Russian]
- Sudovikov, 2015** – *Sudovikov, M.S.* (2015). Kupechestvo Vyatskogo kraja: ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka Region: from the Origins to 1917]. Kirov: ID «Gercenka». 448 p. [in Russian]
- Suslova, 2016** – *Suslova, E.D.* (2016). Tserkovnyj prihod: sredotochie social'noj i duhovnoj zhizni krest'yanskogo soobshchestva v Karelii rannego novogo vremeni [The Church Parish: The Centre of Social and Spiritual Life of the Peasant Community in Early Modern Karelia]. *CARELiCA*. 2(16): 50-63. [in Russian]
- VGv** – Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka provincial Gazette].
- VEv** – Vyatskie eparhial'nye vedomosti [Vyatka diocesan news]. [in Russian]
- Vyatskaya guberniya, 1904** – Vyatskaya guberniya. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. (1904). [Vyatka province. The First General Population Census of the Russian Empire in 1897]. 287 p. [in Russian]
- Zol'nikova, 1990** – *Zol'nikova, N.D.* (1990). Sibirskaya prihodskaya obshchina v XVIII v. [Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka, Sib.otd-nie. 288 p. [in Russian]

Социокультурная среда православного прихода заштатного города Российской империи: конец XVIII – начало XX вв. (на примере города Царевосанчурска Яранского уезда Вятской губернии)

Екатерина Васильевна Быкова ^{а, *}, Ксения Игоревна Одегова ^а

^а Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследуются различные аспекты духовной жизни православного прихода в российской провинции конца XVIII – начала XX вв. на примере Церкви Владимирской иконы Божией Матери заштатного города Царевосанчурск Яранского уезда Вятской губернии. В XVIII–XIX вв. город Царевосанчурск являлся средоточием духовной и повседневной жизни марийцев и русских, которые проживали на территории Вятской губернии. В центре внимания авторов находятся вопросы взаимодействия духовенства и прихожан, они рассмотрены с точки зрения обыденных практик: частные и общественные молитвы, богослужение, крестные ходы, организация работы церковных школ, формирование календаря с учетом престольных праздников и особо почитаемых икон. Установлено, что интегрированность прихода в социально-политические процессы на локальном уровне была особенно высокой. Долгая несменяемость приходских священников позволяла им быть настоящими духовными отцами своей паствы, знающими нужды и чаяния своих прихожан. Несмотря на различные проявления девиантного поведения паствы и серьезные общественные трансформации в пореформенное время, приход выполнял консолидирующую, нравственно-воспитательную, образовательную, просветительскую функции. Авторы приходят к выводу о том, что православный приход в провинциальном городе оказывал значительное влияние на социокультурную деятельность населения и формировал духовно-нравственные ценности, определяющие быт и нравы людей. Впервые в научный оборот вводятся Летопись Царевосанчурской Владимирской церкви из фондов Исторического музея г. Санчурска Кировской области и архивные документы церковных приходов Царевосанчурска.

Ключевые слова: церковный приход, миссионерство, повседневность, Вятская губерния, Царевосанчурск, Вятская епархия.

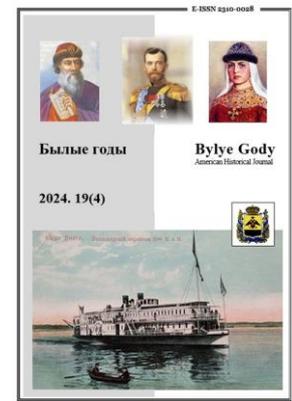
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ev2_74@mail.ru (Е.В. Быкова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1560-1567
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1560

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the 250th Anniversary of the Birth of Georg Heinrich Langsdorf (1774–1852): Some Pages of Biography

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the 250th anniversary of the Russian academician Georg Heinrich Langsdorff. The material was the work of Langsdorf himself, as well as biographical works about him. There were used as research methods – historical-biographical, historiographical and synthesis.

Langsdorf, first of all, became famous for being a part of the first Russian expedition to Brazil, organized on the instructions of the Russian government. He became not only its organizer, but also its leader, as he had relevant experience in I.F. Kruzenshtern's world tour. The purpose of this expedition was to study the geography, flora and fauna of Brazil, as well as to collect scientific data that could be useful for other researchers.

The academician and his team conducted extensive research in different regions of Brazil, collecting collections of plants and animals. He worked in fields such as botany, zoology and ethnography, establishing contacts with local people and studying their culture.

Langsdorf became famous for his works in which he described species of plants and animals unknown to European scientists. He was also the first to introduce taxonomy for many species of South American flora and fauna. His works have been published in various scientific publications and have influenced the development of natural sciences in Russia. After returning from Brazil in 1823, Langsdorf continued his scientific activities, taught at universities and actively collaborated with various scientific institutions. He is considered the founder of many areas in botany and zoology in Russia, and his work became the basis for future research.

Langsdorf left a significant legacy in the field of science, and his research on Brazil continues to be valuable for understanding the biodiversity of this unique country. His contribution to the development of ethnographic knowledge, namely the study of South American aboriginal tribes, is also invaluable.

Keywords: First Russian expedition to Brazil, Russian science of the 19th century, geography, Langsdorff, 1774–1852, German nobles in Russian service.

1. Введение

Григорий Иванович Лангсдорф (1774–1852) – выдающийся русский натуралист, академик, путешественник и исследователь, известный своими путешествиями по Южной Америке, особенно по Бразилии. Он сыграл значительную роль в развитии российской науки и внес весомый вклад в ботанику и зоологию.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

Лангсдорф, прежде всего, прославился тем, что стал идейным вдохновителем, организатором, руководителем и действующим участником первой русской экспедиции в Бразилию в 20-х годах XIX века.

Данная рукопись посвящается 250-летию юбилею со дня рождения Георга Лангсдорфа и освещает некоторые примечательные страницы его биографии.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы труды самого Г. Лангсдорфа. В частности, помимо работ по результатам экспедиции в Бразилию, большую известность получил труд «Langsdorff, Georg Heinrich von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807» («Заметки о кругосветном путешествии в 1803–1807 гг.») (Langsdorff, 1812), изданный во Франкфурте и Мюнхене и описывающий некоторые организационные и экспедиционные моменты, проблемы и особенности первого российского кругосветного путешествия под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна на шлюпе «Надежда». В монографии в числе прочего описываются чрезвычайно суровые бытовые условия на корабле, подчеркивается роль этой экспедиции в закаливании собственного характера. Другим известным трудом Лангсдорфа, переизданном в Лейпциге в 1952 году, является «Eine Reise um die Welt» («Кругосветное путешествие») (Langsdorff, 1952).

Главной историографической базой для данной работы послужили биографические исследования жизнедеятельности Г. Лангсдорфа таких авторов, как Б.Н. Комиссаров (Комиссаров, 1967; Комиссаров, 1975; Комиссаров, 2002), Г.Г. Манизер (Манизер, 1948), О.Н. Хван (Хван, 2018), Т.Ю. Феклова (Феклова, 2017), О.В. Иодко (Иодко, 2014) и др.

Методология:

- Историко-биографический метод применялся для анализа жизненного пути Г. Лангсдорфа;
- Историографический метод (метод контент-анализа) использовался для исследования материалов и биографических трудов о Г. Лангсдорфе;
- Метод синтеза применен для формулирования авторских результатов и выводов.

3. Обсуждение

Для лучшей визуализации анализа научной литературы по проблеме исследования историографию и личности Лангсдорфа разделим на три части, взяв за основу период издания труда, а именно:

- Работы периода Российской империи (до 1917 года);
- Исторические исследования советской эпохи (1917–1991 гг.);
- Труды периода Российской Федерации (после 1991 года).

Из дореволюционных работ, посвященных Г.Г. Лангсдорфу, прежде всего, отметим энциклопедические издания. К ним относятся соответствующие статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Брокгауз, Ефрон, 1890) и в Русском биографическом словаре (Русский биографический словарь, 1896). В них авторы кратко, но содержательно освещают основные биографические вехи ученого.

Наиболее глубоко личность Лангсдорфа исследована советскими учеными, например, Б.Н. Комиссаровым. Следует указать монографию «Григорий Иванович Лангсдорф, 1774–1852», в которой на основе источников делается глубокий биографический анализ черт характера, его научных достижений и деятельности на дипломатическом поприще (Комиссаров, 1975). Также некоторые биографические данные о жизни академика есть в работе «Архив экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1829)» (Комиссаров, 1967) и в статье «Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821–1829 гг. Научное описание», выполненной Б.Н. Комиссаровым в соавторстве с Б.В. Левшиным, Д.Е. Бертельсом и Т.И. Лысенко (Левшин и др., 1973).

Из современных работ знаменитого историка выделим статьи (порой весьма обширные) в периодических изданиях и сборниках научных трудов. В частности, нами были использованы статьи «Лангсдорф и Русская Америка» (Комиссаров, 2002), «"Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского..."». К 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро (1811–2011)» (Комиссаров, 2011), «Российские исследователи в Бразилии в 10-30-х гг. XIX века и международный культурно-экологический проект Лангсдорф – XXI век» (Комиссаров, 2012), «Лангсдорф в Японии в 1804–1805 гг.» (Комиссаров, 2013а), «Проект "Лангсдорф – XXI век" – поле междисциплинарного синтеза» (Комиссаров, 2013б).

До Б.Н. Комиссарова значительный вклад в изучение личности Лангсдорфа внес Г.Г. Манизер в своем фундаментальном труде «Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)» (Манизер, 1948), где, помимо описания самой экспедиции, много внимания уделяется и личности ее руководителя.

Современные работы о Лангсдорфе нечасто носят фундаментальный характер. Обычно это статьи, опубликованные в периодических изданиях, тематических сборниках, посвященных первой русской экспедиции в Бразилию и/или личности Г.Г. Лангсдорфа, а также в сборниках научных

статей. В частности, при написании данной рукописи мы пользовались работами таких исследователей личности Лангсдорфа, как Е.Ю. Басаргина, Е.Н. Груздева (Басаргина, Груздева, 2016), О.В. Иодко (Иодко, 2014), А.И. Сизоненко (Сизоненко, 2015), Б.А. Старостин (Старостин, 1995), Т.Ю. Феклова (Феклова, 2017), О.Н. Хван (Хван, 2018), А.Б. Шешин (Шешин, 2006) и др.

Указанный список научных трудов не является исчерпывающим, но нам представляется достаточным для работы, посвященной к 250-летию юбилею Георга Генриха фон Лангсдорфа (Рисунок 1).

4. Результаты

«Георг Генрих фон Лангсдорф (1774–1852) (в русской и единственной его биографии – Григорий Иванович) – деятель эпохи Просвещения, член Петербургской Академии наук, участник первого русского кругосветного плавания, российский генеральный консул и поверенный в делах при португальском дворе в Рио-де-Жанейро, естествоиспытатель, этнограф и страновед, был единственным в мире путешественником, который в 1807–1829 гг. пересек с научными целями Евразию (от Охотска до Санкт-Петербурга) и во главе комплексной российской экспедиции – Южную Америку (от Рио-де-Жанейро до Белена в устье Амазонки)» (Комиссаров, 2013b: 95). Родился 18 апреля 1774 года в г. Вельштайн на юго-западе Германии в семье польского дворянина, но этнического немца. С раннего возраста он проявлял интерес к естественным наукам, что привело его к обучению в медицинском институте: Лангсдорф получил образование в Геттингенском университете, в 1797 году защитив докторскую диссертацию по медицине (проблемы акушерства). Однако вскоре его внимание переключилось на исследования природы.

Сразу отметим, что в историографии сложилась непростая ситуация с употреблением имени академика.

Будучи этническим немцем и дворянином, при рождении Лангсдорф (Langsdorff) получил имя «Георг Генрих» (Georg Heinrich) с соответствующей приставкой «фон» (von), обозначающей дворянское происхождение. Однако большую часть жизни он провел на службе в Российской империи и получил мировое признание как представитель российской науки, поэтому в России его имя трансформировали в «Григорий¹ Иванович», как его называли сослуживцы и подчиненные. В силу этого дореволюционные (в частности, Брокгауз, Ефрон, 1890) и многие советские исследователи (см, напр., Комиссаров, 1967; Комиссаров, 1975; Комиссаров, 2002; Манизер, 1948; Левшин и др., 1973), а также некоторые современные (см., в частности, Российский..., 2016; Хван, 2018; Феклова, 2017 и др.) используют в своих трудах имя «Григорий Иванович».

Вместе с тем тенденция назвать в русской транскрипции немецкое имя академика появилась еще в XIX веке, где его именуют как «Георг Генрихович» (см., напр., Русский биографический словарь, 1896). Так же его предпочитают именовать и некоторые современные исследователи (см., напр., Иодко, 2014).

Считаем уместным называть ученого его именем при рождении – «Георг Генрих», поэтому в данной работе будет использовано имя «Георг Генрих Лангсдорф».

Рис. 1. Георг Генрих фон Лангсдорф (1774–1852)

¹ Иногда употребляется и имя «Георгий»; согласно древнерусской традиции, имена «Георгий», «Юрий» и «Григорий» были тождественны.

После получения диплома доктора наук по медицине молодому ученому захотелось посмотреть мир, лучше изучить все необъятные и малоисследованные уголки Земли. С этой целью он записывается в экспедицию Ивана Федоровича Крузенштерна¹. Ее целью было посещение заморских стран с возможностью налаживания дипломатических и торговых отношений, а также исследование Тихого океана и пр.

Экспедиция в плане бытовых условий оказалась очень суровой. На возглавлявшем экспедицию и протекающем по всем щелям шлюпе «Надежда» (длиной по ватерлинии в 29 метров, шириной чуть менее 9 метров, рассчитан на 58 человек) находился 81 член экипажа, включая посла Резанова со свитой и всем необходимым имуществом (Ивашинцев, 1872: 10). Провизия постоянно промокала и требовала не только ухода, но и постоянного пополнения и обновления, так как в силу особенностей хранения постоянно выбраковывалась баталерами.

Весьма тяжелыми были и условия обитания в состоянии крайней стесненности жилого пространства. На судне находилось множество товаров и предметов, которые занимали достаточно много места. Такая стесненность, а также наличие людей из разных социальных групп (сословий), приводила к постоянным стычкам, ссорам и пр. (Ивашинцев, 1872: 12-14).

Как указывает сам Лангсдорф, столь суровые условия закалили его характер и здоровье, а также подготовили к дальнейшей экспедиционной работе, в том числе и в экстремальных условиях (Langsdorff, 1952: 30-32). Во время экспедиции увлечение медициной сменилось страстью к биологии, а также путешествиям.

В экспедиции проявилась также широта научных взглядов Лангсдорфа – от этнографии до ихтиологии. Б.Н. Комиссаров пишет: «Примечательно, что на «Надежде» были доставлены в Нагасаки пять японских моряков, которые еще в 1789 г. потерпели кораблекрушение, оказались в России и прожили там пятнадцать лет. Один из них, в частности, писал: «Все, что попадалось русским на глаза, наш национальный костюм всяких званий, дома, хижины, птицы, животные, растения суда и пр., они рисовали и записывали наши названия. Особенно много старался об этом доктор Лангендорф (имеется в виду Лангсдорф. – Б.К.); он был не только хороший рисовальщик, но и знаток многих языков» (Комиссаров, 2013а: 39).

Лангсдорф вплотную занимался и ихтиологией. «В Японии Лангсдорф решил не оставлять свои ихтиологические штудии. Ученый попросил японца, доставлявшего в резиденцию провизию, принести больше разнообразных рыб и позднее в письме своему геттингенскому коллеге доктору Нохдену сообщал, что в течение последних трех месяцев пребывания в Мегасаки (совр. г. Нагасаки – Авт.) получил таким образом около 400 экземпляров, принадлежащих к 150 различным родам. Лангсдорф рисовал и описывал этих рыб, что очень скрашивало для него дни вынужденного затворничества. Благодаря тайной договоренности с переводчиками ученому удалось также приобрести несколько рисунков местных животных» (Комиссаров, 2013а: 39).

Прибыв в Санкт-Петербург сухопутным путем из Охотска через Сибирь, Урал и среднюю полосу Российской империи в 1807 году и, таким образом, совершив кругосветное путешествие, Лангсдорф со следующего года посвящает себя научно-преподавательской деятельности в Санкт-Петербургской Академии наук, занимаясь вначале ботаникой, потом зоологией.

Однако любовь к экзотическим странам взяла верх, и в 1812 году он с радостью принимает назначение русским консулом в Бразилию. Бразилия, будучи колонией Португалии, в те времена переживает непростые времена. Португальский король Жуан VI вместе с сыном Педро сбежал в Южную Америку от Наполеона и после разгрома последнего русскими войсками вернулся в метрополию. Однако Педро решил сам стать бразильским королем и начал вести борьбу с отцом (до провозглашения независимости 7 сентября 1822 года – скрытную) за независимость, которая увенчалась успехом лишь в 1825 году после подписания мирного договора, в котором метрополия признала независимость бывшей колонии. Безусловно, в таких условиях от русского консула требовались не только значительный дипломатический талант, но и выдающиеся организаторские способности, которые позволили наладить взаимовыгодное сотрудничество между государствами.

Находясь несколько лет в Бразилии, Лангсдорф в полной мере понял необходимость сотрудничества двух государств и с этой целью убедил вице-канцлера, графа К.В. Несельроде², в необходимости организации экспедиции. Тот, в свою очередь, убедил императора Александра I Благословенного финансировать кампанию. «Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского...»³, – именно так словами неизвестного автора Б.Н. Комиссаров характеризует подход

¹ Как и Лангсдорф, Крузенштерн был этническим немцем на русской службе, относился к числу остзейских дворян, прославивших русское оружие как до, так и после XIX века, и имел при рождении немецкое имя «Адам Иоганн фон Крузенштерн» (Adam Johann von Krusenstern), которое впоследствии трансформировалось в русское «Иван Федорович».

² Выдающийся министр иностранных дел в истории России и также этнический немец на русской службе: полное имя – Карл Роберт фон Нессельроде-Эрехшовен (Karl Robert Reichsgraf von Nesselrode-Ehreshoven).

³ Слова не принадлежат Лангсдорфу.

Лангсдорфа к русско-бразильским отношениям (Комиссаров, 2011: 60). Безусловно, одной из негласных целей экспедиции была возможность лучше узнать промышленный, сырьевой и торговый потенциал обретшего независимость государства для выстраивания экономических отношений на новом уровне. Так как описанию экспедиции посвящено весьма много исследований (см., в частности, Комиссаров, 2002; Левшин и др., 1973; Манизер, 1948; Старостин, 1995 и мн. др.), подробно останавливаться на участии в ней Г.Г. Лангсдорфа мы не будем. Она увековечена не только в научных исследованиях, но и в филателии (см. Рисунок 2). Экспедиция требовала еще и выносливости, энергии и здоровья: «...только по территории Мато-Гроссо два экспедиционных отряда преодолели не менее 7,5 тыс. км.» (Комиссаров, 2011: 70).

Рис. 2. Марка, выпущенная в честь первой русской экспедиции в Бразилию (Россия, 1992)

Перейдем к краткому освещению научных достижений Лангсдорфа. Как указывает Б.Н. Комиссаров, «...В 1828 г. он в результате тропической лихорадки, полученной в джунглях Амазонии, [Лангсдорф – Авт.] потерял память, лишился возможности заниматься научной работой, а его рукописный архив считался до 1930 г. утраченным» (Комиссаров, 2013b: 95). Следовательно, только после открытия и введения в научный оборот его рукописных архивов можно в полной мере говорить об истинных масштабах его научной деятельности.

1. Фундаментальный труд «Замечания о путешествии вокруг света в 1803-1807 гг.» (Langsdorff, 1812). Лангсдорф подробно описывает маршруты, которые были пройдены во время кругосветного путешествия, и предоставляет информацию о различных странах и культурах, с которыми экспедиция столкнулась. В монографии содержатся значительные научные наблюдения, в том числе о флоре и фауне исследуемых регионов, что обогатило российскую ботанику и зоологию. Автор использует критический подход к сбору информации, подчеркивая важность систематического наблюдения и точности в научной работе. Также Лангсдорф делится личными впечатлениями от путешествия, что делает текст не только научным, но и литературным. Изложенные идеи способствовали дальнейшим исследованиям географии и ресурсов Земли. Данный труд позволил Лангсдорфу получить должность профессора Санкт-Петербургской Академии наук и, соответственно, звание академика.

2. Результаты экспедиций 1822–1828 гг. Впервые проведено комплексное исследование Бразильского нагорья и установлена его связь с исследовательскими целями относительно речных систем верхней Параны, верхнего Парагвая и Тапажоса. Это стало научным достижением Лангсдорфа и его команды. Материалы, собранные российскими путешественниками, составили основу южноамериканских коллекций академических музеев России.

Среди собранных материалов были обширные коллекции: энтомологические, герпетологические, ихтиологические, орнитологические и др. Был собран гербарий, насчитывающий почти 100 тыс. экземпляров (один из самых полных тропических гербариев в мире); собрана карпологическая коллекция из пяти тыс. экземпляров (включая образцы древесины, семена и плоды); собраны минералы; сделано несколько сотен рисунков; созданы десятки карт, являющихся результатом первой детальной съемки глубинных районов Южной Америки, а также архив, содержащий более 4 тыс. страниц рукописей (дневников, описаний, трудов, статистических таблиц, словарей индейских языков и писем). Данный архив включает ценные сведения по географии, ботанике, зоологии, медицине, экономике, статистике, истории, этнографии и лингвистике (Комиссаров, 2011: 70-71).

В экспедиции Лангсдорф заболел лихорадкой, результатом которой стала полная потеря памяти. Экспедицию в срочном порядке свернули, а сам ученый был возвращен в Европу. Разумеется,

ни о каких занятиях наукой речи уже не шло. Тем не менее академик, обладая крепким здоровьем, смог прожить еще четверть века и умер в 1852 году на родине в Фрайбурге.

5. Заключение

В результате проделанной работы мы можем сделать следующие выводы.

1. В 1817 году Лангсдорф стал частью первой русской экспедиции в Бразилию, организованной по указанию русского правительства. Он стал не только ее организатором, но и руководителем, так как имел соответствующий опыт в кругосветном путешествии И.Ф. Крузенштерна. Целью этой экспедиции было изучение географии, флоры и фауны Бразилии, а также сбор научных данных, которые могли бы быть полезны для других исследователей.

2. Лангсдорф и его команда проводили обширные исследования в разных регионах Бразилии, собирая коллекции растений и животных. Он работал в таких областях, как ботаника, зоология и этнография, устанавливая контакты с местными жителями и изучая их культуру.

3. Лангсдорф прославился своими работами, в которых он описывал виды растений и животных, неизвестные европейским ученым. Он также стал первым, кто ввел систематику для многих видов южноамериканской флоры и фауны. Его работы были опубликованы в различных научных изданиях и оказали влияние на развитие естественных наук в России.

4. После возвращения из Бразилии в 1823 году Лангсдорф продолжил заниматься научной деятельностью: преподавал в университетах и активно сотрудничал с различными научными учреждениями. Он считается основоположником многих направлений в ботанике и зоологии в России, его работы стали основой для будущих исследований.

5. Григорий Иванович Лангсдорф оставил значительное наследие в области науки. Его исследования по Бразилии продолжают быть ценными для понимания биоразнообразия этой уникальной страны. Также неопределим его вклад в развитие этнографических знаний, а именно в изучение южноамериканских аборигенных племен апиака, коропо, короадо, пури и др.

Литература

Басаргина, Груздева, 2016 – Басаргина Е.Ю., Груздева Е.Н. Три встречи Г.И. Лангсдорфа с Бразилией / Российский академик Г. И. Лангсдорф и его путешествия в Бразилию (1803-1829) / Басаргина Е.Ю., Груздева Е.Н., Щедрова И.М., Тункина И.В. Сер. "Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки" Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Санкт-Петербург, 2016. С. 21-124.

Брукгауз, Ефрон, 1890 – Лангсдорф, Григорий Иванович / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

Ивашинцев, 1872 – Ивашинцев Н.А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб.: Тип. Морского министерства в главном Адмиралтействе, 1872.

Иодко, 2014 – Иодко О.В. Петербургский след Г.Г. Лангсдорфа / Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект XVIII-XX в. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. Санкт-Петербург, 2014. С. 132-148.

Комиссаров, 1967 – Комиссаров Б.Н. Архив экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821-1829) / От Аляски до Огненной земли: История и этнография стран Америки. М.: Наука, 1967.

Комиссаров, 1975 – Комиссаров Б.Н. Григорий Иванович Лангсдорф, 1774-1852. Л.: Наука, 1975.

Комиссаров, 2002 – Комиссаров Б.Н. Г.И. Лангсдорф и Русская Америка / Русское открытие Америки. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.

Комиссаров, 2011 – Комиссаров Б.Н. "Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского...". К 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро (1811-2011) // Латинская Америка. 2011. № 12. С. 60-80.

Комиссаров, 2012 – Комиссаров Б.Н. Российские исследователи в Бразилии в 10-30-х гг. XIX века и международный культурно-экологический проект Лангсдорф – XXI век // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2012. № 1. С. 106-116.

Комиссаров, 2013а – Комиссаров Б.Н. Г.И. Лангсдорф в Японии в 1804-1805 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (16). С. 38-42.

Комиссаров, 2013б – Комиссаров Б.Н. Проект "Лангсдорф – XXI век" – поле междисциплинарного синтеза // Информация-Коммуникация-Общество. 2013. Т. 1. С. 94-96.

Левшин и др., 1973 – Левшин Б.В., Бертельс Д.Е., Комиссаров Б.Н., Лысенко Т.И. Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821-1829 гг. // Научное описание. Сер. Труды. Том Выпуск 25. Ленинград, 1973.

Манизер, 1948 – Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821-1828) / Под ред., со вступ. ст. и коммент. Н.Г. Шпринцин. М.: Географгиз, 1948.

Российский..., 2016 – Российский академик Г.И. Лангсдорф и его путешествия в Бразилию (1803-1829) / Под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2016.

Русский биографический словарь, 1896 – Лангсдорф, Георг Генрихович // Русский биографический словарь. В 25 томах. СПб.-М., 1896-1918.

Сизоненко, 2015 – Сизоненко А.И. О персонажах второго, но отнюдь не второстепенного плана (из истории российско-латиноамериканских отношений) // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2015. № 15. С. 137-144.

Старостин, 1995 – Старостин Б.А. Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824-1826 гг. под началом академика Г.И. Лангсдорфа. Сборник документов. М., 1995.

Феклова, 2017 – Феклова Т.Ю. Лангсдорф Г.И. и его путешествия в Бразилию // *Историко-биологические исследования*. 2017. Т. 9. № 3. С. 130-133.

Хван, 2018 – Хван О.Н. Григорий Лангсдорф – дипломат, ученый, путешественник // *Иностранцы на службе России*. М., 2018. С. 58-65.

Шешин, 2006 – Шешин А.Б. Первые русские мореплаватели в Бразилии // *Латинская Америка*. 2006. № 4. С. 51-78.

Langsdorff, 1812 – *Langsdorff Georg Heinrich von*. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807, Bd 1-2. Fr./M., 1812.

Langsdorff, 1952 – *Langsdorff Gg. H. von*. Eine Reise um die Welt / Hrsg. von H. Damm. Lpz., 1952.

References

Basargina, Gruzdeva, 2016 – Basargina, E.Yu., Gruzdeva, E.N. (2016). Tri vstrechi G.I. Langsdorfa s Braziliie / Rossiiskii akademik G. I. Langsdorf i ego puteshestviya v Braziliyu (1803-1829) [Three meetings of G.I. Langsdorf with Brazil]. Basargina E.Yu., Gruzdeva E.N., Shchedrova I.M., Tunkina I.V. Ser. "Ad fontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki" Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. Sankt-Peterburg. Pp. 21-124. [in Russian]

Brokgauz, Efron, 1890 – Langsdorf, Grigorii Ivanovich [Langsdorf, Grigory Ivanovich]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. [in Russian]

Ivashintsev, 1872 – *Ivashintsev, N.A.* (1872). Russkie krugosvetnye puteshestviya s 1803 po 1849 god [Russian round-the-world voyages from 1803 to 1849]. SPb.: Tip. Morskogo ministerstva v glavnom Admiralteistve. [in Russian]

Iodko, 2014 – *Iodko, O.V.* (2014). Peterburgskii sled G.G. Langsdorfa [Petersburg trace of G.G. Langsdorf]. Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt XVIII-XX v. Otv. red. T.A. Shrader. Sankt-Peterburg. Pp. 132-148. [in Russian]

Komissarov, 1967 – *Komissarov, B.N.* (1967). Arkhiv ekspeditsii G.I. Langsdorfa v Braziliyu (1821-1829) [Archive of the expedition of G.I. Langsdorf to Brazil (1821-1829)]. Ot Alyaski do Ognennoi zemli: Istoriya i etnografiya stran Ameriki. M.: Nauka. [in Russian]

Komissarov, 1975 – *Komissarov, B.N.* (1975). Grigorii Ivanovich Langsdorf, 1774-1852 [Grigory Ivanovich Langsdorf, 1774-1852]. L.: Nauka. [in Russian]

Komissarov, 2002 – *Komissarov, B.N.* (2002). G.I. Langsdorf i Russkaya Amerika [Langsdorf and Russian America]. Russkoe otkrytie Ameriki. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. [in Russian]

Komissarov, 2011 – *Komissarov, B.N.* (2011). "Net torgu, kotoryi byl by skhodnee i vygodnee brazil'skogo...". K 200-letiyu osnovaniya rossiiskogo general'nogo konsul'stva v Rio-de-Zhaneiro (1811-2011) ["There is no trade that would be more similar and more profitable than the Brazilian one...". On the 200th anniversary of the founding of the Russian consulate general in Rio de Janeiro (1811-2011)]. *Latinskaya Amerika*. 12: 60-80. [in Russian]

Komissarov, 2012 – *Komissarov, B.N.* (2012). Rossiiskie issledovateli v Brazili v 10-30-kh gg. XIX veka i mezhdunarodnyi kul'turno-ekologicheskii proekt Langsdorf – XXI vek [Russian researchers in Brazil in the 10-30s of the XIX century and the international cultural and ecological project Langsdorf – XXI century]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 1: 106-116. [in Russian]

Komissarov, 2013a – *Komissarov, B.N.* (2013). G.I. Langsdorf v Yaponii v 1804-1805 gg. [G.I. Langsdorf in Japan in 1804-1805]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3(16): 38-42. [in Russian]

Komissarov, 2013b – *Komissarov, B.N.* (2013). Proekt "Langsdorf – XXI vek" – pole mezhdistsiplinarnogo sinteza [The project "Langsdorf – XXI century" – a field of interdisciplinary synthesis]. *Informatsiya-Kommunikatsiya-Obshchestvo*. T. 1. Pp. 94-96. [in Russian]

Levshin i dr., 1973 – *Levshin, B.V., Bertel's, D.E., Komissarov, B.N., Lysenko, T.I.* (1973). Materialy ekspeditsii akademika Grigoriya Ivanovicha Langsdorfa v Braziliyu v 1821-1829 gg. [Materials of the expedition of academician Grigory Ivanovich Langsdorf to Brazil in 1821-1829]. *Nauchnoe opisaniye. Ser. Trudy*. Tom Vypusk 25. Leningrad. [in Russian]

Manizer, 1948 – *Manizer, G.G.* (1948). Ekspeditsiya akademika G.I. Langsdorfa v Braziliyu (1821-1828) [Expedition of academician G.I. Langsdorf to Brazil (1821-1828)]. Pod red., so vstup. st. i komment. N.G. Shprintsin. M.: Geografiz. [in Russian]

Rossiiskii..., 2016 – Rossiiskii akademik G.I. Langsdorf i ego puteshestviya v Braziliyu (1803-1829) [Russian academician G.I. Langsdorff and his travels to Brazil (1803-1829)]. Pod obshch. red. E.Yu. Basarginoi. SPb.: Nestor-Istoriya. [in Russian]

Russkii biograficheskii slovar', 1896 – Langsdorf, Georg Genrikhovich [Langsdorff, Georg Genrikhovich]. *Russkii biograficheskii slovar'*. V 25 tomakh. SPb.-M., 1896-1918. [in Russian]

Sizonenko, 2015 – Sizonenko, A.I. (2015). O personazhakh vtorigo, no otnyud' ne vtorstepennoogo plana (iz istorii rossiisko-latinoamerikanskikh otnoshenii) [About characters of the second, but by no means secondary plan (from the history of Russian-Latin American relations)]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*. 15: 137-144. [in Russian]

Starostin, 1995 – Starostin, B.A. (1995). Dnevnik russkoi kompleksnoi akademicheskoi ekspeditsii v Braziliyu v 1824-1826 gg. pod nachalom akademika G.I. Langsdorfa. Sbornik dokumentov [Diary of the Russian complex academic expedition to Brazil in 1824-1826. under the supervision of academician G.I. Langsdorf. Collection of documents]. M. [in Russian]

Feklova, 2017 – Feklova, T.Yu. (2017). Langsdorf G.I. i ego puteshestviya v Braziliyu [Langsdorf G.I. and his travels to Brazil]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. T. 9. 3: 130-133. [in Russian]

Khvan, 2018 – Khvan, O.N. (2018). Grigoriy Langsdorf – diplomat, uchenyi, puteshestvennik [Grigory Langsdorf – diplomat, scientist, traveler]. *Inostrantsy na sluzhbe Rossii*. M. Pp. 58-65. [in Russian]

Sheshin, 2006 – Sheshin, A.B. (2006). Pervye russkie moreplavately v Braziliu [The first Russian navigators in Brazil]. *Latinskaya Amerika*. 4: 51-78. [in Russian]

Langsdorff, 1812 – Langsdorff Georg Heinrich von. (1812). Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807, Bd 1-2. Fr./M.

Langsdorff, 1952 – Langsdorff Gg. H. von. (1952). Eine Reise um die Welt / Hrsg. von H. Damm. Lpz.

К 250-летию со дня рождения Георга Генриха Лангсдорфа (1774–1852): некоторые страницы биографии

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Епифанов ^d,
Иван Николаевич Куксин ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается 250-летию юбилею российского академика Георга Генриха Лангсдорфа. Материалом послужили как работы самого Лангсдорфа, так и биографические работы о нем. В качестве методов исследования применялись историко-биографический, историографический методы и метод синтеза.

Лангсдорф, прежде всего, прославился тем, что стал частью первой русской экспедиции в Бразилию, организованной по указанию русского правительства. Он стал не только ее организатором, но и руководителем, так как имел соответствующий опыт в кругосветном путешествии И.Ф. Крузенштерна. Целью этой экспедиции было изучение географии, флоры и фауны Бразилии, а также сбор научных данных, которые могли бы быть полезны для других исследователей.

Академик и его команда проводили обширные исследования в разных регионах Бразилии, собирая коллекции растений и животных. Он работал в таких областях, как ботаника, зоология и этнография, устанавливая контакты с местными жителями и изучая их культуру.

Лангсдорф прославился своими работами, в которых он описывал виды растений и животных, неизвестные европейским ученым. Он также стал первым, кто ввел систематику для многих видов южноамериканской флоры и фауны. Его работы были опубликованы в различных научных изданиях и оказали влияние на развитие естественных наук в России. После возвращения из Бразилии в 1823 году Лангсдорф продолжил заниматься научной деятельностью, преподавал в университетах и активно сотрудничал с различными научными учреждениями. Он считается основоположником многих направлений в ботанике и зоологии в России, его работы стали основой для будущих исследований.

Лангсдорф оставил значительное наследие в области науки, и его исследования по Бразилии продолжают быть ценными для понимания биоразнообразия этой уникальной страны. Также неопределим его вклад в развитие этнографических знаний, а именно в изучение южноамериканских аборигенных племен.

Ключевые слова: Первая русская экспедиция в Бразилию, российская наука XIX века, география, Лангсдорф, 1774–1852 гг., немецкие дворяне на русской службе.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1568-1577
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1568

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the 200th Anniversary of the First Russian Expedition to Brazil: Pages of History

Natal'ya A. Shevchenko ^{a, b}, Yulia V. Kapitanets ^{c, *}, Galina M. Zinchuk ^c, Natalia L. Krasnyukova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the 200th anniversary of the first Russian expedition to Brazil. There were used as materials the works on this topic, as well as biographical descriptions of the expedition participants. Methods such as content analysis, historical-system method, synthesis method, classification method, etc. were applied.

The objectives of the expedition were to study the geographical and climatic conditions of Brazil, to conduct naturalistic observations of the local flora and fauna, to establish scientific and cultural ties with the local population and representatives of European countries located in this region. The expedition set off from Russia via Europe, then visited several Western European countries before heading to Brazil. After arriving in Brazil, the team split into small groups to study the various regions of the country more thoroughly. Each group collected plant and animal samples, explored local ecosystems and interacted with local tribes, which allowed them to create unique data on the culture and life of indigenous peoples. The results of the expedition were significant. Scientists have collected thousands of plant and animal samples, many of which were first described for science. Research in the field of ecology also marked the beginning of new directions in biology. The expedition has discovered new names in science. Russian expedition to Brazil was a turning point in the history of Russian science. This event was preceded by long preparatory work, and the results of the expedition had a profound impact on the development of science in Russia, as well as contributed to the dissemination of knowledge about Brazil. The names of its participants, such as Langsdorf, Florence, Rugendas, Rigel, Menetrier, Drez, etc., became the property of the world scientific gallery of fame.

Keywords: the first Russian expedition to Brazil, Russian science of the XIX century, geography, Langsdorf, Lawrence, Rugendas, Rigel, Menetrier, Drez.

1. Введение

В начале XIX века Россия, стремясь расширить свои географические и научные горизонты, организовала первую экспедицию в Бразилию. На тот момент Бразилия лишь недавно была независимым государством, и интерес русских ученых к этой стране был обусловлен как ее уникальной природой, так и многообразием ее флоры и фауны. Экспедиция в Бразилию стала одной из славных страниц российской науки, в ходе которой было собрано огромное количество экспонатов и более подробно изучена жизнь коренных народов Южной Америки. Экспедиция собрала под своим началом интернациональный коллектив знаменитых исследователей – это этнограф Г. Лангсдорф, инженер-изобретатель К. Дрез, художники-натуралисты Э. Флоранс, А. Тоней и Й-М. Ругендас,

* Corresponding author

E-mail addresses: kapitanetc@yandex.ru (Yu.V. Kapitanets)

энтомолог Э. Менитрие, картограф Н.Г. Рубцов, ботаник Л. Ридель и др. Многие из них прославились после данной экспедиции.

В статье, посвященной 200-летию первой российской экспедиции в Бразилию, мы осветим некоторые примечательные страницы ее истории, а также биографические моменты ее участников.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы труды, освещающие данную экспедицию и биографические описания ее участников, в частности, работы Б.Н. Комиссарова и его соавторов (Комиссаров, 1977; Комиссаров, 1975; Комиссаров, 1967; Комиссаров, 2002; Левшин и др., 1973 и др.), Г.Г. Манизера (Манизер, 1948), Н.Н. Аделунга (Брокгауз, Ефрон, 1890), Н. Вехова (Вехов, 2016), Д. Иванова (Иванов, 2002а; Иванов, 2002b) и др. (Русский биографический словарь, 1896; Дневник русской ..., 1995; Российский академик..., 2016; 225. Geburtstag..., 2010; Langsdorff, 1812; Riedel, 2024; Феклова, 2017; Иодко, 2014; Хван, 2018; Груздева, 2015; Щедрова, 2013; Басаргина, 2016) и др.).

В данном исследовании были применены следующие методы: историко-системный (применялся для освещения этапов экспедиции Лангсдорфа в Бразилию), метод контент-анализа (применялся для исследования научной литературы об указанной экспедиции), метод синтеза (использован для формирования результатов и выводов данной статьи), метод классификации (применен для четкого определения и классификации целей и задач экспедиции с учетом ее изначальной мультинаучности, классификации ее этапов).

3. Обсуждение

Историографию вопроса целесообразно распределить по рубрикам: а) современная отечественная; б) советская; в) дореволюционного периода; г) зарубежная.

В дореволюционной историографии отметим биографическую работу Н.Н. Аделунга «Менетриэ, Эдуард», размещенную в известном русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Брокгауз, Ефрон, 1890), а также статью «Лангсдорф, Георг Генрихович» в «Русском биографическом словаре» (Русский биографический словарь, 1896). Данные работы посвящены отдельным участникам экспедиции.

Наибольший вклад в исследование первой русской экспедиции в Бразилию внесли советские историки и, прежде всего, Б.Н. Комиссаров. Глубочайший анализ многих аспектов экспедиции сделан в монографиях «Первая русская экспедиция в Бразилию» (Комиссаров, 1977) и «Григорий Иванович Лангсдорф, 1774–1852» (Комиссаров, 1975). Отдельные аспекты освещены в статьях «Архив экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1829)» (Комиссаров, 1967), «Г.И. Лангсдорф и Русская Америка» (Комиссаров, 2002) и др. (Левшин и др., 1973). Труды Б.Н. Комиссарова апеллируют к фундаментальному труду Г.Г. Манизера «Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821–1828)» (Манизер, 1948), в котором также весьма глубоко и масштабно исследована бразильская кампания.

Современная историография представлена работами Н.Вехова (Вехов, 2016), Д. Иванова (Иванов, 2002а; Иванов, 2002b), а также статьями в тематических сборниках трудов (см., напр., Дневник русской..., 1995; Российский академик..., 2016), Т.Ю. Фекловой (Феклова, 2017), О.В. Иодко (Иодко, 2014), О.Н. Хван (Хван, 2018), Е.Н. Груздевой (Груздева, 2015), И.М. Щедровой (Щедрова, 2013), Е.Ю. Басаргиной (Басаргина, 2016) и др.

В зарубежной историографии больше внимания уделяют биографическим исследованиям участников экспедиции, в частности, К. Дреза (225. Geburtstag..., 2010), Г. Лангсдорфа (Langsdorff, 1812), Л. Риделя (Riedel, 2024) и др.

Разумеется, это далеко не полный перечень трудов, посвященных бразильской экспедиции Лангсдорфа и ее участникам, однако считаем указанную историографию достаточной для задач, поставленных в нашей работе.

4. Результаты

Первая русская экспедиция в Бразилию была организована Георгом Генрихом фон Лангсдорфом (1774–1852) (в русской историографии – Григорий Иванович Лангсдорф), немецким дворянином на русской службе. Экспедиция, которую возглавил сам Лангсдорф, состояла из группы ученых, исследователей и натуралистов, среди которых были известные ботаники, зоологи и географы (Феклова, 2017: 130).

Основными целями экспедиции были (Вехов, 2016: 87–88):

- Изучение географических и климатических условий Бразилии;
- Проведение натуралистических наблюдений за местной флорой и фауной;
- Налаживание научных и культурных связей с местным населением и представителями европейских стран, находившихся в этом регионе.

Рис. 1. Георг Генрих (Георгий/Григорий Генрихович) фон Лангсдорф (1774–1852): идейный вдохновитель, организатор и руководитель первой русской экспедиции в Бразилию

Г. Лангсдорф имел богатый опыт в проведении научных исследований, в том числе в тропических условиях. Выдающийся русский этнограф, ботаник, натуралист и путешественник родился в Санкт-Петербурге в семье немецкого дворянина из Польши и получил отличное медицинское образование. Имел весьма широкий круг научных интересов – от ботаники и зоологии до этнологии. Экспедиционный опыт получил в знаменитом первом российском кругосветном путешествии 1803–1806 гг. под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна (Иодко, 2014: 132-133).

Лангсдорф в 1812 году был направлен консулом в получившую независимость Бразилию. Узнав страну глубже, он обосновал научную необходимость экспедиции окружению Александра I – вице-канцлеру графу К.В. Несельроде, который был близким и доверенным лицом императора. Несельроде уговорил Александра спонсировать кампанию, он согласился выделить значительную сумму денег на ее финансирование, а именно 40 тыс. рублей на организацию и снаряжение, а также по 10 тыс. рублей на ее ежегодное содержание, причем последняя сумма впоследствии была увеличена до 30 тысяч (Вехов, 2016: 97).

Лангсдорф скрупулезно подошел к формированию научного состава экспедиции, одним из основополагающих принципов которого стала его полиэтничность.

Экспертом отряда по навигации и картографии стал полковник Нестор Гаврилович Рубцов (1799–1874). Результатом его деятельности в составе бразильской кампании стало создание генеральной карты и 27-ми локальных карт отдельных маршрутов экспедиции (Груздева, 2015: 525-526), на которых подробно квадрировано около 16-ти тыс. км территории Бразилии и зарисовано восемь населенных пунктов в плановой проекции (Комиссаров, 1977: 198-201) (см., напр., Рисунок 2).

Рис. 2. Фрагмент карты порта Сантуш, выполненный Н.Г. Рубцовым в период русской экспедиции в Бразилию

Экспедиционным инженером стал Карл Фридрих Кристиан Людвиг фрайхерр Драйз фон Зауэрброн (1785–1851), в русской историографии известный как барон Карл Дрез (см. [Рисунок 3](#)). Он прославился изобретением велосипеда,¹ пишущей печатной машинки и мясорубки ([225. Geburtstag..., 2010](#)).

Рис. 3. Инженер и изобретатель К. Дрез (1785–1851)

Ботанические и зоологические описания были одними из приоритетов экспедиции, поэтому состав ее включал видных ученых в данных сферах науки.

В состав экспедиции вошел известный немецкий ботаник Людвиг Ридель (1790–1861) ([Рисунок 4](#)), которому Бразилия настолько понравилась, что после экспедиции он остался там жить до самой смерти. Известность Риделю принесли результаты экспедиции в Бразилии, где он открыл и описал множество растений, уделив особое внимание семенным экземплярам бразильской флоры. В его честь названы несколько родов растений *Riedelia* ([Riedel, 2024](#)).

Рис. 4. Ботаник Л. Ридель (1790–1861)

¹ В том виде, в котором его изобрел К. Дрез – без педалей и привода на колесо – его изобретение называется «беговел». В честь него в русском языке называется и движущийся железнодорожный аппарат с ручным приводом – дрезина.

Зоологию представлял Христиан Гассе, прославившийся своими исследованиями в области систематики зоологии и этологии. Не будет преувеличением тезис о том, что Гассе прославился именно по результатам экспедиции в Бразилию. Он описал новые виды животных и их поведение. Он был одним из первых ученых, который в своих публикациях акцентировал внимание на важности сохранения окружающей среды и защиты исчезающих видов, предостерегая от последствий антропогенного воздействия (по [Комиссаров, 1977](#)).

В состав экспедиции входил также первый в России профессиональный энтомолог Эдуард Менетрие (1802–1861) ([Рисунок 5](#)), также прославившийся после научных достижений по результатам экспедиции в Бразилию ([Вехов, 2016: 93](#)). Познакомившись в российской наукой, Менетрие после экспедиции переехал в Санкт-Петербург, где и проживал до конца жизни. Отличавшийся недюжинной силой, энергичностью и здоровьем, Менетрие активно занимался полевой работой, путешествиями и экспедициями на Кавказ. Блестяще наладил работу зоологического отдела Кунсткамеры, трудился в столичной академии наук, стал автором более 30 фундаментальных трудов по энтомологии и зоологии. Истинной страстью Минитрие стало изучение бабочек ([Комиссаров, 2002: 366](#)). Несколько видов бабочек и жуков названы в его честь.

Рис. 5. Русско-французский энтомолог Эдуард Менетрие (1802–1861)

Состав экспедиции предполагал обязательное наличие нескольких профессиональных художников-натуралистов для запечатления природы, населенных пунктов, флоры, фауны, абorigенов и пр.

Выбор пал на художников Йоганна Морица Ругендаса и присоединившихся позднее в г. Сан-Паулу Эркюля Флоранса и Адриана Тонея ([Басаргина, 2016: 15-16](#)).

Йоганн Мориц Ругендас (1802–1858) ([Рисунок 6](#)) был потомственным художником и правнуком баталиста Г.Ф. Ругендаса. Прославился по результатам бразильской экспедиции, в которую отправился в 19 лет. Вместе с тем непростые характеры Лангсдорфа и Ругендаса привели к его увольнению из состава экспедиции. Однако накопленный багаж репродукций позволил выпустить книгу «Живописное путешествие в Бразилию», содержащую более ста экспедиционных репродукций. Она и принесла художнику мировую славу. Однако любовь к Южной Америке и постоянные последующие экспедиции на этот континент (в том числе и за собственный счет) стали страстью Ругендаса вплоть до его смерти в 1858 году. Отличался исключительной плодотворностью, оставил после себя несколько тысяч картин, зарисовок, акварелей и эскизов ([Басаргина, 2016: 18](#)).

После конфликта с Ругендасом экспедиционными художниками стали Эркюль Флоранс и Адриан Тоней.

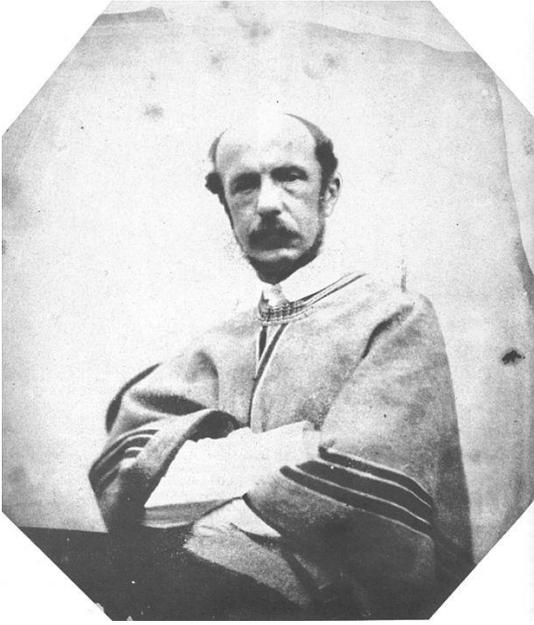

Рис. 6. Художник первого этапа экспедиции Йоганн Мориц Ругендас (1802–1858)

Молодой французский художник Э. Флоранс ([Рисунок 7](#)) (как и Тоней) присоединился к экспедиции в Сан-Паулу перед началом второго ее этапа и был еще моложе Ругендаса ([Иванов, 2002а](#)). И ему всемирную славу принесла бразильская кампания. Как и многие члены экспедиции, Флоранс искренне полюбил природу Бразилии и остался там до конца жизни. Помимо художественного творчества, он известен еще и как изобретатель, в частности, фотографического метода, который изобрел за три года до того, как его запатентует Л. Дагер.

Рис. 7. Экспедиционный художник Эркуль Флоранс (1804–1879)

Дополняли состав экспедиции охотник Г. Фрейрес, который обеспечивал безопасность, а также добычу дичи и образцов фауны, и несколько бразильских проводников и носильщиков, выполнявших вспомогательные функции ([Вехов, 2016: 87](#)).

По ходу кампании состав экспедиции неоднократно менялся, основной отряд разбивался на мелкие группы для более широкого охвата изучаемой местности.

Целесообразным считаем разделить экспедицию на несколько этапов.

1. Путешествие по Минас-Жерайс (1824–1825 гг.).

Включало стартовый состав участников экспедиции. Из Рио-де-Жанейро отряд направился в Минас-Жерайс (так называемую «алмазную провинцию», где добывались драгоценные камни), а именно в г. Барбасена, Сан-Жуан-дел-Рей, Сан-Жозе, Марианна, Оуро-Прето, Барра-де-Жекитиба. Были составлены описания и изображения аборигенных племен короадо, пури, коропо. В Барра-де-Жекитиба был уволен художник Ругендас. Далее экспедиция направилась к алмазным приискам в Тежуку и Паган, после вернулась в Рио-де-Жанейро (а именно в г. Мандиока, неподалеку от Рио-де-Жанейро) (Басаргина, 2016: 17-18). Результатами экспедиции стали 29 коробок с минералами, 15 коробок с гербарием (в нем собраны 1 400 видов растений) и богатый зоологический и этнографический материал, который был отправлено в Санкт-Петербург (Комиссаров, 1977).

2. Речное путешествие от Сан-Паулу до Куябы (1825–1827 гг.).

От Сан-Паулу путешественники направилась в Сантуш и Кубатан и через месяц вернулись назад. В следующем походе были посещены города Жундиаи, Иту, Сорокаба, Ипанеме, Порту-Фелис, Парана и др. Было преодолено более 6-ти тысяч километров (Груздева, 2015: 505-507). Исследовались не только флора, фауна и аборигенные племена, но и промышленное производство (в частности, железное производство в г. Ипанема). Был собран обширный этнографический материал, а также образцы растений, семян и пр. Результаты также были отправлены в русскую столицу (Иванов, 2002а).

3. Путешествие по реке Амазонке (1827–1829 гг.).

В целях оптимизации экспедиции и с целью более широкого охвата исследуемой территории отряд был разделен на две группы.

1) Группа Л. Риделя и А. Тоней направилась по реке Гуапоре. При очередной переправе через нее Тоней утонул. Ридель продолжил путешествие в одиночку (мы не считаем персонал, сопровождавший членов экспедиции). Дойдя до реки Маморе, он дошел до Мадейры и подробно описал образ жизни индейцев карипуна. Конечным пунктом был г. Пара, куда Ридель вернулся в начале января 1829 года (Иванов, 2002а).

2) Группа Г. Лангсдорфа в составе Э. Флоранса, Н. Рубцова и др. (всего 34 человека) ушла к Диамантину, совершив исследование алмазных приисков. Далее пошли по рекам Риу-Петру и Аринос (Груздева, 2015: 498-502). Весной все трое заболели тропической лихорадкой, однако продолжили путь и описали жизнь племени апиака. Конечным пунктом также стал г. Пара, куда прибыли в сентябре 1829 года и, подлечившись, морским путем отправились до Рио-де-Жанейро. Результатом этого похода стали более 80 тысяч листов гербария Риделя (8 тысяч растений и 5 тысяч плодов), а также описание и зарисовки местной флоры, фауны и аборигенных племен (Груздева, 2015: 525-526).

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы.

1. К началу XIX века Бразилия лишь недавно стала независимой, и интерес ученого сообщества, в том числе и российского, к этой стране был обусловлен как ее уникальной природой, так и многообразием флоры и фауны.

2. Целями экспедиции были изучение географических и климатических условий Бразилии, проведение натуралистических наблюдений за местной флорой и фауной, налаживание научных и культурных связей с местным населением и представителями европейских стран, находившимися в этом регионе.

3. Экспедиция отправилась из России через Европу, затем посетила несколько стран Западной Европы, прежде чем направиться в Бразилию. После прибытия в Бразилию, команда разделилась на мелкие группы для более тщательного изучения различных регионов страны.

Каждая группа собирала образцы растений и животных, исследовала местные экосистемы и взаимодействовала с местными племенами, что позволило создать уникальные данные о культуре и жизни коренных народов.

4. Результаты экспедиции были значительными. Ученые собрали тысячи образцов растений и животных, многие из которых были впервые описаны для науки. Исследования в области экологии также положили начало новым направлениям в биологии, а собранные данные сделали вклад в современные экологические теории. Экспедиция открыла новые имена в науке. Именно после нее прославились художники Флоранс и Ругендас, энтомолог Менетрие, ботаник Ригель и др.

5. Не будет преувеличением тезис о том, что первая русская экспедиция в Бразилию стала поворотным моментом в истории русской науки и географических исследований. Этому событию предшествовали долгие подготовительные работы, и результаты экспедиции оказали глубокое влияние на развитие науки в России, а также способствовали распространению знаний о Бразилии. Имена участников (Лангсдорф, Флоранс, Ругендас, Ригель, Менетрие, Дрез и др.) стали достоянием мировой научной мысли.

Литература

Басаргина, 2016 – Басаргина Е.Ю. Первые научные исследования в Бразилии: из предыстории путешествий Г.И. Лангсдорфа / Российский академик Г. И. Лангсдорф и его путешествия в Бразилию

(1803-1829). Басаргина Е.Ю., Груздева Е.Н., Щедрова И.М., Тункина И.В. Сер. "Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки" Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Санкт-Петербург, 2016. С. 15-20.

Брокгауз, Ефрон, 1890 – Аделунг Н.Н. Менетриэ, Эдуард / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

Вехов, 2016 – Вехов Н. «Воспроизвести природу во всех деталях». Первая русская научная экспедиция в Бразилию // *Наука и жизнь*. 2016. № 4. С. 86-97.

Груздева, 2015 – Груздева Е.Н. Записки Нестора Гавриловича Рубцова о путешествии экспедиции Лангсдорфа в Южную Америку / Архив истории науки и техники. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Москва, 2015. С. 493-528.

Дневник русской..., 1995 – Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824-1826 гг. под началом академика Г. И. Лангсдорфа / Отв. ред. С.Р. Микулинский. М.: Наука, 1995.

Иванов, 2002a – Иванов Д. Забытая экспедиция // *Вокруг света*. 2002. № 8.

Иванов, 2002b – Иванов Д. Лихорадка джунглей // *Вокруг света*. 2002. № 9.

Иодко, 2014 – Иодко О.В. Петербургский след Г.Г. Лангсдорфа / Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект XVIII-XX в. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. Санкт-Петербург, 2014. С. 132-148.

Комиссаров, 1967 – Комиссаров Б.Н. Архив экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821-1829) / От Аляски до Огненной земли: История и этнография стран Америки. М.: Наука, 1967.

Комиссаров, 1975 – Комиссаров Б.Н. Григорий Иванович Лангсдорф, 1774-1852. Л.: Наука, 1975.

Комиссаров, 1977 – Комиссаров Б.Н. Первая русская экспедиция в Бразилию. Л.: Наука, 1977.

Комиссаров, 2002 – Комиссаров Б.Н. Г.И. Лангсдорф и Русская Америка / Русское открытие Америки. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.

Левшин и др., 1973 – Левшин Б.В., Бертельс Д.Е., Комиссаров Б.Н., Лысенко Т.И. Материалы экспедиции академика Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821-1829 гг. *Научное описание. Сер. Труды*. Выпуск 25. Ленинград, 1973.

Манизер, 1948 – Манизер Г.Г. Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821-1828) / Под ред., со вступ. ст. и коммент. Н.Г. Шпринцин. М.: Географгиз, 1948.

Российский академик..., 2016 – Российский академик Г.И. Лангсдорф и его путешествия в Бразилию (1803-1829) / Под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2016.

Русский биографический словарь, 1896 – Лангсдорф, Георг Генрихович / Русский биографический словарь. В 25 томах. СПб.-М., 1896-1918.

Феклова, 2017 – Феклова Т.Ю. Лангсдорф Г.И. и его путешествия в Бразилию // *Историко-биологические исследования*. 2017. Т. 9. № 3. С. 130-133.

Хван, 2018 – Хван О.Н. Григорий Лангсдорф – дипломат, ученый, путешественник / Иностранцы на службе России. М., 2018. С. 58-65.

Щедрова, 2013 – Щедрова И.М. Новые изобразительные материалы экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию (1821-1829 гг.) / *Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук*. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. Сер. "Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки" Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН / Отв. ред. И.В. Тункина. 2013. С. 177-178.

225. Geburtstag..., 2010 – 225. Geburtstag des Fahrrad-Erfinders Karl Drais / *Stern*. 29.04.2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.stern.de/panorama/wissen/mensch/google-doodle-225-geburtstag-des-fahrrad-erfinders-karl-drais-3093742.html> (дата обращения: 11.10.2024).

Langsdorff, 1812 – Langsdorff, Georg Heinrich von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807, Bd 1-2. Fr./M., 1812.

Riedel, 2024 – Riedel, Ludwig (1790-1861). [Electronic resource]. URL: <https://www.ipni.org/a/8384-1> (дата обращения: 09.10.2024).

References

225. Geburtstag..., 2010 – 225. Geburtstag des Fahrrad-Erfinders Karl Drais / *Stern*. 29.04.2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.stern.de/panorama/wissen/mensch/google-doodle-225-geburtstag-des-fahrrad-erfinders-karl-drais-3093742.html> (date of access: 11.10.2024).

Basargina, 2016 – Basargina, E.Yu. (2016). Pervye nauchnye issledovaniya v Brazilii: iz predystorii puteshestvii G.I. Langsdorfa [The first scientific research in Brazil: from the background of G.I.'s travels Langsdorff]. Rossiiskii akademik G. I. Langsdorf i ego puteshestviya v Braziliyu (1803-1829). Basargina E.Yu., Gruzdeva E.N., Shchedrova I.M., Tunkina I.V. Ser. "Ad fontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki" Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN. Sankt-Peterburg. Pp. 15-20. [in Russian]

Брокгауз, Ефрон, 1890 – Аделунг, Н.Н. (1890). Менетриэ, Эдуард [Menetrie, Edward]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. [in Russian]

Дневник русской..., 1995 – Дневник русской комплексной академической экспедиции в Бразилию в 1824-1826 гг. под началом академика Г. И. Лангсдорфа [Diary of the Russian comprehensive academic

expedition to Brazil in 1824-1826 under the leadership of academician G.I. Langsdorf]. *Otv. red. S.R. Mikulinskii*. M.: Nauka, 1995. [in Russian]

Feklova, 2017 – *Feklova, T.Yu.* (2017). Langsdorf G.I. i ego puteshestviya v Braziliyu [Langsdorf G.I. and his travels to Brazil]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. T. 9. 3: 130-133. [in Russian]

Gruzdeva, 2015 – *Gruzdeva, E.N.* (2015). Zapiski Nestora Gavrilovicha Rubtsova o puteshestvii ekspeditsii Langsdorfa v Yuzhnyu Ameriku [Notes of Nestor Gavrilovich Rubtsov on the Journey of the Langsdorf Expedition to South America]. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki. Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN*. Moskva. Pp. 493-528. [in Russian]

Iodko, 2014 – *Iodko, O.V.* (2014). Peterburgskii sled G.G. Langsdorfa / Nemtsy v Sankt-Peterburge. Biograficheskii aspekt XVIII-XX v. [Petersburg trace of G.G. Langsdorf]. *Otv. red. T.A. Shrader*. Sankt-Peterburg. Pp. 132-148. [in Russian]

Ivanov, 2002a – *Ivanov D.* (2002). Zabytaya ekspeditsiya [Forgotten expedition]. *Vokrug sveta*. № 8. [in Russian]

Ivanov, 2002b – *Ivanov, D.* (2002). Likhoradka dzhunglei [Jungle Fever]. *Vokrug sveta*. № 9. [in Russian]

Khvan, 2018 – *Khvan, O.N.* (2018). Grigorii Langsdorf – diplomat, uchenyi, puteshestvennik [Grigory Langsdorf – diplomat, scientist, traveler]. *Inostrantsy na sluzhbe Rossii*. M. Pp. 58-65. [in Russian]

Komissarov, 1967 – *Komissarov, B.N.* (1967). Arkhiv ekspeditsii G.I. Langsdorfa v Braziliyu (1821-1829) [Archive of the expedition of G.I. Langsdorf to Brazil (1821-1829)]. *Ot Alyaski do Ognennoi zemli: Istoriya i etnografiya stran Ameriki*. M.: Nauka. [in Russian]

Komissarov, 1975 – *Komissarov, B.N.* (1975). Grigorii Ivanovich Langsdorf, 1774-1852 [Grigory Ivanovich Langsdorf, 1774-1852]. L.: Nauka. [in Russian]

Komissarov, 1977 – *Komissarov, B.N.* (1977). Pervaya russkaya ekspeditsiya v Braziliyu [The First Russian Expedition to Brazil]. L.: Nauka. [in Russian]

Komissarov, 2002 – *Komissarov, B.N.* (2002). G.I. Langsdorf i Russkaya Amerika [Langsdorf and Russian America]. *Russkoe otkrytie Ameriki*. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. [in Russian]

Langsdorff, 1812 – Langsdorff, Georg Heinrich von. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807, Bd 1-2. Fr./M., 1812.

Levshin i dr., 1973 – *Levshin, B.V., Bertel's, D.E., Komissarov, B.N., Lysenko, T.I.* (1973). Materialy ekspeditsii akademika Grigoriya Ivanovicha Langsdorfa v Braziliyu v 1821-1829 gg. [Materials of the Expedition of Academician Grigory Ivanovich Langsdorf to Brazil in 1821-1829]. *Nauchnoe opisanie. Ser. Trudy*. Vypusk 25. Leningrad. [in Russian]

Manizer, 1948 – *Manizer, G.G.* (1948). Ekspeditsiya akademika G.I. Langsdorfa v Braziliyu (1821-1828) [Expedition of Academician G.I. Langsdorf to Brazil (1821-1828)]. *Pod red., so vstup. st. i komment. N.G. Shprintsin*. M.: Geografiz. [in Russian]

Riedel, 2024 – Riedel, Ludwig (1790-1861). [Electronic resource]. URL: <https://www.ipni.org/a/8384-1> (date of access: 09.10.2024).

Rossiiskii akademik..., 2016 – Rossiiskii akademik G.I. Langsdorf i ego puteshestviya v Braziliyu (1803-1829) [Russian Academician G.I. Langsdorf and His Travels to Brazil (1803-1829)]. *Pod obshch. red. E.Yu. Basarginoi*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. [in Russian]

Russkii biograficheskii slovar', 1896 – Langsdorf, Georg Genrikhovich [Langsdorf, Georg Genrikhovich]. *Russkii biograficheskii slovar'*. V 25 tomakh. SPb.-M., 1896-1918. [in Russian]

Shchedrova, 2013 – *Shchedrova, I.M.* (2013). Novye izobrazitel'nye materialy ekspeditsii G.I. Langsdorfa v Braziliyu (1821-1829 gg.) [New visual materials of the expedition of G.I. Langsdorf to Brazil (1821-1829)]. *Millerovskie chteniya: K 285-letiyu Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk. Sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ser. "Ad fontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki" Sankt-Peterburgskii nauchnyi tsentr RAN, Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN*. *Otv. red. I.V. Tunkina*. Pp. 177-178. [in Russian]

Vekhov, 2016 – *Vekhov, N.* (2016). «Vosproizvesti prirodu vo vseh detalyakh». Pervaya russkaya nauchnaya ekspeditsiya v Braziliyu [“Reproducing Nature in All Details”. The First Russian Scientific Expedition to Brazil]. *Nauka i zhizn'*. 4: 86-97. [in Russian]

К 200-летию первой русской экспедиции в Бразилию: страницы истории

Наталья Александровна Шевченко ^{a, b}, Юлия Владимировна Капитанец ^{c, *},
Галина Михайловна Зинчук ^c, Наталья Львовна Красюкова ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kapitanetc@yandex.ru (Ю.В. Капитанец)

с РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается 200-летию юбилею первой русской экспедиции в Бразилию. В качестве материалов были использованы труды по данной тематике, а также биографические описания участников экспедиции. Были применены такие методы, как контент-анализ, историко-системный метод, метод синтеза, метод классификации и др.

Целями экспедиции стали изучение географических и климатических условий Бразилии, проведение натуралистических наблюдений за местной флорой и фауной, налаживание научных и культурных связей с местным населением и представителями европейских стран, находившихся в этом регионе. Экспедиция отправилась из России через Европу, затем посетила несколько стран Западной Европы, прежде чем направиться в Бразилию. После прибытия в Бразилию команда разделилась на мелкие группы для более тщательного изучения различных регионов страны. Каждая группа собирала образцы растений и животных, исследовала местные экосистемы и взаимодействовала с местными племенами, что позволило создать уникальные данные о культуре и жизни коренных народов.

Результаты экспедиции были значительными. Ученые собрали тысячи образцов растений и животных, многие из которых были впервые описаны для науки. Исследования в области экологии также положили начало новым направлениям в биологии. Экспедиция открыла новые имена в науке.

Первая русская экспедиция в Бразилию стала поворотным моментом в истории русской науки. Этому событию предшествовали долгие подготовительные работы, и результаты экспедиции оказали глубокое влияние на развитие науки в России, а также способствовали распространению знаний о Бразилии. Имена ее участников, таких как Лангсдорф, Флоранс, Ругендас, Ригель, Менетрие, Дрез и др., стали достоянием мировой научной галереи славы.

Ключевые слова: первая русская экспедиция в Бразилию, российская наука XIX века, география, Лангсдорф, Флоранс, Ругендас, Ригель, Менетрие, Дрез.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1578-1585
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1578

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Procedure for the Administration of Civil Justice in the Grand Duchy of Finland

Anton V. Gurko ^{a,*}, Maksat Sh. Shamilov ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This article is devoted to the study of the specifics of the procedure for the administration of civil justice in the Grand Duchy of Finland. The research is based on such topics as: consideration of issues related to the stage of the Finnish lands becoming part of the Russian Empire, the position and status of the Grand Duchy of Finland within the Empire, the specifics of the local legislation of the region in the field of regulating the judicial system of the region, as well as key parameters of the administration of civil proceedings in the Grand Duchy. The authors pay sufficient attention to the issues of substantiating the reasons for the special autonomous status of the Finnish lands within the Russian state and the formation of local Finnish legislation in this regard. The authors have studied in detail the key normative legal acts of the Grand Duchy of Finland. The researchers are particularly interested in the legislation regulating the judicial system of this region. The central issue of the study is the organization of the judicial system and the procedure for the administration of civil proceedings in the Grand Duchy of Finland. The multi-stage system of Finnish courts and the issues of competence and jurisdiction of civil cases to the courts were studied in detail. In addition, the requirements for persons applying for judicial positions were considered. As a result, special characteristic features of the civil process carried out on the territory of Finland during its entry into the Russian Empire, its basic principles and key features were highlighted. The article draws conclusions regarding the comparison of the level of development of judicial proceedings in the Grand Duchy of Finland and the main part of the Russian Empire, as well as the level of accessibility of judicial protection of the rights and interests of citizens of the studied region.

Keywords: The Grand Duchy of Finland, the civil procedure of the Russian Empire, the Diet in Borgo, Emperor Alexander I, the judicial system of Finland, the local legislation of Finland, the General Code of Finland of 1734.

1. Введение

До 1809 года Финляндия в течение более шести веков представляла собой лишь провинцию Королевства Швеция. На протяжении столетий Швеция нередко становилась противником России в военных конфликтах, где финские территории выступали в качестве объекта соперничества двух государств. В данном контексте можно упомянуть и военные столкновения с Новгородской республикой в период шведских крестовых походов XII – XIV вв., и регулярные русско-шведские войны в период с конца XV по начало XIX вв.

За многовековую историю территория Финляндии в составе Швеции нередко становилась предметом территориальных споров между указанными государствами. Русско-шведская война 1808–1809 гг. стала заключительной в серии русско-шведских вооруженных конфликтов. Стоит отметить, что изначально финское население в данном конфликте не поддерживало русскую армию. Государственный переворот в Швеции 1809 года во многом мог бы поспособствовать усугублению

* Corresponding author

E-mail addresses: gurkoantonwork@gmail.com (A.V. Gurko)

прошведских настроений среди финского народа. В пользу данного мнения говорит также новый политический курс Швеции в пользу ограничения самодержавия и укрепления значения рикстага (шведского парламента). В сложившейся ситуации для финнов, стремящихся к обретению больших гражданских свобод и самоуправлению, абсолютная монархия Российской империи не выглядела предпочтительнее.

Однако переломным моментом в вопросе вхождения финских территорий в состав Российской империи стал Сейм в Борго 1809 года, который произошел еще до окончания Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Собрание парламента произошло после службы в лютеранском храме, на которой присутствовал лично сам император Александр I. В ходе Сейма император Российской империи выступил перед выборными представителями от земских собраний финского народа с убедительной речью на тему своих стремлений, связанных с дарованием Финляндии своей государственности и сохранением финских коренных законов (*Журнал путешествия..., 1809*). В результате значительным итогом победной для России войны со Швецией стало вхождение территории Финляндии в состав Российской империи.

2. Материалы и методы

В ходе разработки данного исследования авторами были использованы и проанализированы архивные материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), материалы периодической печати, исторические нормативно-правовые акты – Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского (*Сборник постановлений..., 1918*), материалы личных источников, в частности, Записка П.А. Столыпина Николаю II (*Записка П.А. Столыпина..., 1908*), а также ряд статистических данных.

В качестве материалов периодической печати были изучены статьи газет: «Финляндия» (*Финляндия..., 1909*), «Санкт-Петербургские ведомости» (*Журнал путешествия..., 1809*), а также газеты «Голос Москвы» (*Голос Москвы, 1911*).

К источникам статистических сведений стоит отнести Статистический ежегодник Финляндии (*Статистический ежегодник..., 1904*).

Обобщая комплекс теоретических и эмпирических научных методов, использованных при работе над данной статьей, выделим гипотетико-дедуктивный метод, а также метод сравнения.

Применяя метод сравнения, авторы статьи в процессе изучения специфики отправления гражданского судопроизводства в Великом княжестве Финляндском выявили его ключевые отличительные особенности в сравнении с порядком судопроизводства в основной части Российской империи.

С помощью гипотетико-дедуктивного метода научного познания авторам удалось сопоставить выявленные отличительные особенности порядка отправления гражданского судопроизводства с характеристиками особого автономного статуса региона и сделать заключения относительно их обоснования.

3. Обсуждение

Историографию национальной истории Финляндии в составе Российской империи нельзя назвать весьма обширной. Еще сложнее обстоят дела с исследованиями судебной сферы данного региона в этот исторический период. Тем не менее, стоит выделить несколько наиболее весомых и заслуживающих внимания работ, посвященных данной теме.

Среди исследований дореволюционного периода непременно стоит назвать исследования М.М. Бородкина, в одном из которых автором было уделено значительное внимание рассмотрению вопроса об отмене сословных городских судов в Великом княжестве Финляндском (*Бородкин, 1908: 273*).

Из числа исследователей вопросов судопроизводства Великого княжества Финляндского стоит выделить Р.Н. Дусаева, который в качестве отличительных черт подхода к управлению регионом подчеркивал гибкость и динамичность. Кроме этого, по мнению автора, суды занимали одну из главнейших мест в государственном механизме княжества (*Дусаев, 1982: 87*).

Из числа работ, проделанных на современном этапе, интересным выглядит исследование С.В. Кодана и С.А. Февралева, которые проследили динамику развития местного законодательства Великого княжества Финляндского, уделив внимание в том числе и нормативным актам, регулирующим деятельность судебных органов (*Кодан, Февралёв, 2013*).

4. Результаты

Судить о степени интереса императора Александра I в присоединении финских земель можно в связи с подписанием 5 июня 1808 года (более чем за год до подписания Фридрихсгамского мирного договора со Швецией) Высочайшего манифеста о присоединении Великого княжества Финляндского к России (*РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42579. Л. 8*). Тем не менее официально данные территории были присоединены после окончания войны и подписания вышеназванного Фридрихсгамского трактата 5 сентября 1809 года. Однако за полгода до официального провозглашения Великого княжества Финляндского, 15 марта 1809 года, императором был подписан Манифест о сохранении шведских

основных законов (Шиловский, 1903: 10). Данный документ стал чрезвычайно важным основанием для приобретения княжеством особого автономного статуса. В результате Финляндия в некотором роде наследовала ряд шведских законов, которые были интегрированы в правовую систему Великого княжества. В качестве одного из сборников таких документов можно назвать Общее Уложение Финляндии от 1734 года (РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12541. Л. 662). Таким образом, в Великом княжестве Финляндском сформировалось собственное местное законодательство, которое имело силу только на территории данного региона внутри Российской империи.

В княжестве был учрежден особый порядок внутреннего управления (Общее уложение..., 1891: 15). 6 августа 1809 года был принят и подписан документ об учреждении Правительствующего Совета в Великом княжестве Финляндии. Благодаря особому статусу Великого княжества Финляндского внутри Российской империи данная провинция получила ряд привилегий и преимуществ в сравнении с иными губерниями страны. Многие исследователи подчеркивают значение приобретения Финляндией своей государственности с некоторыми ограничениями (Филонов, 2019: 61).

Финский историк Осмо Юссила отмечает, что в Российской империи были и иные привилегированные регионы, однако привилегии Финляндии были более масштабными и значительными (Юссила, 2009: 18). Тем не менее, стоит отметить, что впоследствии данный особый статус автономии княжества постепенно ограничивался и урезался. Вопросы о наличии и об ограничении автономии вызывали немало споров. В частности, председатель Совета министров П.А. Столыпин в 1908 году в своей записке, адресованной Николаю II, выражал мнение о нецелесообразности роспуска Финского сейма (Записка П.А. Столыпина..., 1908).

За весь период пребывания Финляндии в составе империи в газетной периодике нередко высказывались порой противоречивые мнения в отношении особого статуса княжества. В качестве примера можно привести статьи ежедневной газеты «Голос Москвы». Отметим, что данное общественно-политическое издание выступало в качестве органа партии «Союз 17 октября». Публикации данной газеты нередко содержали критику в адрес наделяния Финляндии автономными правами, мотивируя это преждевременностью данного политического решения (Голос Москвы, 1911: 2, 07 фев.).

Среди публикаций газеты «Финляндия», напротив, можно найти немало критики в адрес введения каких-либо ограничений финской автономии. В качестве одного из подтверждений данного тезиса можно привести выдержки из статьи «Правила 20 мая 1908 г. «О порядке направления финляндских дел», автором которой является правовед Ф. Ф. Кокошкин. Основу данной статьи составляет авторская оценка документа, утвержденного Советом министров «О передаче на пересмотр Особой комиссии Положения Совета министров» от 20 мая 1908 года – «О новом порядке направления финляндских дел» от 30 октября 1908 года (РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 8. Л. 1). В данной статье, Федор Федорович дает негативные оценки в адрес новой редакции Сеймового устава и новой имперской политики в целом, которая была направлена на «ограничения установленной финляндской конституцией внутренней автономии края» (Финляндия..., 1909. 10 мая).

Тем не менее, несмотря на введение со временем некоторых ограничений в адрес автономии финского региона, можно сделать неоспоримый вывод об особом положении Великого княжества Финляндского. Доказательством этого является местное законодательство, что, в свою очередь, вызывает бесспорный исследовательский интерес.

Местное законодательство Великого княжества Финляндского носило довольно широкий характер, однако в контексте данного исследования авторам хотелось бы подробнее рассмотреть тему порядка осуществления гражданского правосудия на данной территории в период ее вхождения в состав Российской империи. Местное законодательство Финляндии некоторое время носило разрозненный характер и требовало систематизации. Позднее, в 1910 году, появился сборник нормативно-правовых актов – Установления Великого Княжества Финляндского (РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12546. Л. 4).

Исследуя тему отправления гражданского судопроизводства в Финляндии в период ее нахождения в составе Российской империи, в первую очередь, рассмотрим систему судов Великого княжества Финляндского. Система судостройства Великого княжества Финляндского состояла из трех основных ступеней.

Роль вышестоящей, третьей, ступени судебной системы (Верховного суда Финляндии) исполнял судебный департамент или департамент юстиции, который входил в состав органа исполнительной власти – финского Сената (Denisov, 2021: 1730). В качестве суда последней инстанции департамент юстиции рассматривал дела в сфере административной юстиции. Также в его компетенцию в качестве судебного органа входило рассмотрение следующих категорий дел: об отмене решений судебных актов; об отмене некоторых установленных законом положений семейного права; о помиловании; о восстановлении пропущенных судебных сроков. (Губченко, 1910: 58). Стоит отметить, что большинство вынесенных решений департамента юстиции (кроме тех дел, которые могли зависеть от волеизъявления главы государства) не могли быть обжалованы или изменены (Сборник постановлений..., 1918, №30, с. 19 (§ 83)). С течением времени полномочия департамента

юстиции постепенно расширялись. Департамент не только играл роль высшего апелляционного суда, но и был наделен функциями организации высшего судебного управления (ПСЗ РИ, 1884).

В контексте данной статьи необходимо упомянуть и об одном из наиболее значительных событий в судебной сфере Российской империи в XIX-XX вв. – о Судебной реформе 1864 года, которая изменила судебную систему государства, упростив ее до двух ветвей: мировых и общих судов (Denisov et al., 2022: 1783). В то же время судебная система Великого княжества Финляндского развивалась по своему собственному пути, причем несколько опережая Российскую империю, в особенности в дореформенный период.

В качестве институтов, осуществляющих судебную власть в первой инстанции, выступали городские и уездные суды. До 1868 года в городах Великого княжества судами второй инстанции являлись ратгаузские суды, а в уездах – лагманские. После 1868 года ратгаузские суды стали судами первой инстанции, в то время как лагманские были упразднены. А функции судов второй инстанции стали исполнять гофгерихты – высшие суды в судебных округах княжества.

В качестве нормативных основ для вынесения справедливого правового судебного решения следуют такие законодательные акты, как Уголовное уложение Великого княжества Финляндского 1892 года, а также Устав о взысканиях гражданских 1895 года.

Гражданские дела были отнесены к подсудности герадских и ратгаузских судов в качестве судов первой инстанции. Кроме того, в соответствии с Общим Уложением Финляндии от 1734 года (РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12541. Л. 662), до 4 ноября 1867 года некоторые категории дел, участниками которых выступали члены дворянского сословия, рассматривались гофгерихтами. Речь идет о таких делах, как наследственные споры, раздел имущества супругов, а также дела об опекунстве.

Также существовали правила территориальной подсудности, согласно которым гражданские иски могли быть предъявлены в суд по адресу постоянного места жительства ответчика. В случае отсутствия постоянного места жительства ответчика иски могли быть предъявлены в соответствии с последним местом его пребывания. В то же время встречные иски в случае наличия прямой связи с первоначальным иском должны были рассматриваться в суде, где осуществляется производство по первоначальному иску. При подаче иска о долговых требованиях в адрес сразу нескольких ответчиков истец был вправе выбрать суд, относящийся к территориальной подсудности одного из ответчиков.

Также законодательство Великого княжества устанавливало и иные критерии подсудности. В случае если объектом гражданского спора выступает недвижимое имущество, то данное дело подсудно суду по месту нахождения данной недвижимости. Еще одним критерием территориальной подсудности могло быть место заключения оспариваемой сделки. Также стоит подчеркнуть, что определенная законом подсудность дела могла быть изменена по соглашению сторон.

Исследуя вопросы отправления гражданского правосудия в Великом княжестве Финляндском, авторы выделили ряд его характерных черт и особенностей. В первую очередь, стоит сказать об отсутствии отдельных процессуальных законодательных актов, причем как гражданского, так и уголовного.

В качестве одной из характерных черт судопроизводства Великого княжества Финляндского стоит назвать отделение судебной власти от административной. Однако стоит подчеркнуть, что вместе с этим говорить о полной независимости судебной системы от администрации на период первой половины XIX века несколько преждевременно, так как в обязанности губернаторов входил контроль за отправлением правосудия, который включал в себя право требования выписок из судебных протоколов и других материалов дел.

Кроме того, независимость судебной системы ущемляли и некоторые функции прокурора, находящегося в подчинении у генерал-губернатора. В полномочия прокурора входило не только участие в ряде категорий дел, но и контроль над законностью приговоров, а также контроль за движением дел в департаменте юстиции Сената (Дусаев, 1982: 88).

Среди основных требований к кандидатам на должности судей стоит назвать следующие критерии: возраст от 21 года, профессиональный стаж от полугода на иных должностях в судах княжества, а также образовательный ценз. Кроме того, важным критерием являлась репутация кандидата, которая выражалась в отсутствии судимостей и какого-либо негативного участия в скандальных или порочащих честь и достоинство эпизодах.

В качестве одного из принципов гражданского правосудия можно назвать несменяемость судей. Стоит отметить, что данный принцип не распространял свое действие на судей департамента юстиции.

В целях обеспечения принципа справедливости вынесенного судебного решения был принят запрет на участие в судебных заседаниях кровных родственников, а также членов семей.

Первостепенной отличительной чертой судебного процесса Великого княжества Финляндского от порядка отправления правосудия Российской империи, безусловно, стоит назвать язык (до 1883 г. – шведский, а позднее – финский).

Рассмотрение доказательств сторон выступало важным элементом судебного разбирательства. Порядок обеспечения доказательств представлен в Общем Уложении Финляндии 1734 года (РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12541. Л. 662).

В целях обеспечения исковых требований высшие судебные инстанции могли принять следующие меры: наложение ареста на движимое имущество, запрет продажи и растраты движимого и недвижимого имущества, наложение ареста на доходы, поступающие с реализации имущества, запрет выезда и выселение ([Судоустройство..., 1901: 12](#)).

В качестве отличительной особенности законодательства Великого княжества Финляндского от законов Российской империи можно назвать положения о наложении судами штрафов за нарушение права собственности. Причем стоит отметить, что штрафы в Финляндии налагались независимо от того, был ли доказан факт причинения убытков. Таким образом, можно сделать вывод о действовавшем в княжестве приоритете охраны частной собственности. В законодательстве Российской империи подобные положения о штрафах отсутствовали и судами не применялись ([Серегин, 2019: 72](#)).

Статистический ежегодник Финляндии содержит сведения о количестве рассматриваемых судебных дел (как гражданских, так и уголовных) в судах Великого княжества Финляндского за период с 1881 по 1902 гг., что говорит о немалой накопившейся судебной практике гражданского правосудия Финляндии за период ее вхождения в состав Российской империи. Для более наглядного представления информации статистические данные о состоянии судопроизводства Великого княжества Финляндского были оформлены с помощью таблиц ([Таблица 1, 2](#)).

Таблица 1. Количество возбужденных гражданских дел в Великом княжестве Финляндском за период с 1881 по 1902 гг. Детализация по губерниям ([Статистический ежегодник..., 1904: 328](#)).

Губернии	Города		Сельские общины	
	Общее количество	На 100 тыс. жителей	Общее количество	На 100 тыс. жителей
Нюландская	2554	2239	1851	963
Або-Бьернеборгская	1678	2512	3239	833
Тавастгусская	1125	2569	2254	854
Выборгская	2601	5330	19391	5037
С. Михельская	574	7162	3147	1731
Куопиоская	1390	7874	6065	2033
Вазаская	978	3238	3299	754
Улеборгская	573	2332	2551	980
Общее количество	11473	3251	41797	1736

Исходя из приведенных сведений, можно судить о довольно существенной разнице развития доступности судопроизводства для граждан различных губерний Великого княжества Финляндского. Максимальные количественные показатели рассмотренных гражданских дел на 100 тысяч жителей были зафиксированы в Куопиоской и Выборгской губерниях ([Таблица 1](#)).

Далее авторы статьи приводят статистические данные о количестве возбужденных гражданских дел по годам, в период с 1881 по 1901 гг. ([Таблица 2](#)).

Таблица 2. Количество возбужденных гражданских дел в Великом княжестве Финляндском за период с 1881 по 1902 гг. Детализация по годам ([Статистический ежегодник..., 1904: 329](#)).

Года	Города		Сельские общины	
	Общее количество	На 100 тыс. жителей	Общее количество	На 100 тыс. жителей
1901	11738	3408	40272	1689
1900	11081	3305	36924	1563
1899	9762	3033	30801	1315
1898	6470	2100	25913	1120
1897	5650	1911	27714	1213
1896	6212	2182	33228	1471
1896–1900 (ср. значения)	7835	2535	30916	1337
1891–1895 (ср. значения)	9032	3502	45971	2098
1886–1890 (ср. значения)	8515	3940	47448	2283
1881–1885 (ср. значения)	8362	4517	57687	2964

Кроме того, анализируя вышеприведенные сведения о количественных показателях о возбужденных гражданских делах в Великом княжестве Финляндском на 100 тысяч жителей, можно судить о довольно высоком уровне доступности судебной защиты прав и интересов граждан в исследуемом авторами регионе, который показывал планомерный ежегодный рост (Таблица 2).

5. Заключение

Финские земли на протяжении нескольких веков представляли собой объект соперничества двух государств – России и Швеции. Благодаря победе в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. территории Финляндии вошли в состав Российской империи. Было образовано Великое княжество Финляндское, отличительным знаком которого стало особенное, привилегированное положение автономии по сравнению с другими губерниями. Данный статус стал основой для формирования местного законодательства, которое выступало в качестве регулятора ряда сфер жизни княжества, в том числе и судебной системы. На протяжении длительного периода времени в качестве одного из основных законов региона выступало Общее Уложение Финляндии от 1734 года.

Анализируя и сопоставляя организацию судебной деятельности в Великом княжестве Финляндском и в основной части Российской империи, можно прийти к выводу о том, что до судебной реформы 1864 года организация судебной системы Российской империи находилась в несколько отстающем положении по сравнению с более прогрессивной системой судоустройства Великого княжества, основанного на шведской модели. Если в Российской империи полноценная равноуровневая система судов появилась только после реформы Александра II, то в Великом княжестве Финляндском она была сформирована изначально.

В заключение данной статьи авторам хотелось бы подвести итоги относительно отличительных черт гражданского процесса в Великом княжестве Финляндском, к которым стоит отнести отсутствие отдельных законодательных процессуальных актов, язык судопроизводства, а также соблюдение принципов охраны частной собственности путем наложения штрафов даже при отсутствии факта причинения убытков.

Литература

- Бородкин, 1908** – Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. СПб.: Гос. тип., 1908. XVIII, 571 с.
- Голос Москвы, 1911** – «Голос Москвы» — ежедневная политическая газета, орган партии октябристов. 1906–1915. Москва. 1911. № 30. С. 2.
- Губченко, 1910** – Губченко М.А. Обзор административных и судебных установлений, законодательства и финансового строя Великого Княжества Финляндского. Санкт-Петербург: тип. Имп. Уч[-ща] глухонемых (М. Алленовой), 1910. 162 с.
- Дусаев, 1982** – Дусаев Р.Н. Судоустройство Великого Княжества Финляндского, 1809 - 1917 гг. // *Правоведение*. 1982. № 4. С. 87-91.
- Журнал путешествия..., 1809** – Журнал путешествия Его Императорского Величества. Або, 20-го и 22-го марта 1809 г. // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1809. 26 марта.
- Записка П.А. Столыпина..., 1908** – Записка П. А. Столыпина Николаю II с препровождением копии письма редактора "Финляндской газеты" Баженова к Сыромятникову о нецелесообразности роспуска Финского сейма и оставлении сената [Дело]: 25 марта 1908 г. 1908.
- Кодан, Февралёв, 2013** – Кодан С.В., Февралёв С.А. Местное право великого княжества финляндского в правовой системе российской империи: интеграция, источники, трансформации (1808-1917 г.) // *Юридические исследования*. 2013. № 3. С. 258-317.
- Общее уложение..., 1891** – Общее уложение и дополнительные к нему узаконения Финляндии: Новое изд. на основании офиц. швед.-финлянд. источников Крониды Малышева. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1891. XX, 1004 с.
- ПСЗ РИ, 1884** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 г., 2 собр., т. 1, № 431.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
- Сборник постановлений..., 1918** – Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского = Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma, Keisarillisen Suomen Senaatin julkaisema = Storfurstendomet Finlands Forfattningssamling, utgifven af Kejsarliga Senaten for Finland. Гельсингфорс: [Б. и.], 1860-1917. 1918.
- Серегин, 2019** – Серегин К.В. Сопоставление положений гражданского права Российской империи и гражданского права княжества Финляндского в сфере защиты вещных прав / // *Юридические исследования*. 2019. № 4. С. 68-75.
- Статистический ежегодник..., 1904** – Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия.... 1904: Год 2-й / 24. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1903-1917, 1904. XXII, 412 с.
- Судоустройство..., 1901** – Судоустройство и судопроизводство в Финляндии : очерк действующих в Великом Княжестве Финляндском местных законов. [Б. м.]: Государственная типография, 1901. 66 с.

- [Филонов, 2019](#) – Филонов А.В. Особенности правового статуса Великого княжества Финляндского в составе Российской империи // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2019. № 4. С. 60–64.
- [Финляндия..., 1909](#) – Финляндия: Литературный популярный журнал о политической и общественной жизни Финляндии. 1908–1910. Санкт-Петербург. 1909. № 5.
- [Шиловский, 1903](#) – Шиловский П.П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1903. IV, 145 с.
- [Юссилла, 2009](#) – Юссилла О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. 860 с.
- [Denisov, 2021](#) – Denisov I.S. Economic and Political Development of the Grand Duchy of Finland (1809–1917) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): Pp. 1728–1736.
- [Denisov et al., 2022](#) – Denisov I.S., Allalyev R.M., Smirnov M.G., Katsarskiy M.I. Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(4). Pp. 1780–1787.

References

- [Borodkin, 1908](#) – Borodkin, M.M. (1908). Istoriya Finlyandii. Vremya imperatora Aleksandra II [History of Finland. Time of Emperor Alexander II]. SPb., 571 p. [in Russian]
- [Denisov, 2021](#) – Denisov, I.S. (2021). Economic and Political Development of the Grand Duchy of Finland (1809–1917). *Bylye Gody*. 16(4): 1728–1736.
- [Denisov et al., 2022](#) – Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Smirnov, M.G., Katsarskiy, M.I. (2022). Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2. *Bylye Gody*. 17(4): 1780–1787.
- [Dusaev, 1982](#) – Dusaev, R.N. (1982). Sudoustrojstvo Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo, 1809 - 1917 gg. [The judicial system of the Grand Duchy of Finland, 1809–1917]. *Pravovedenie*. 4: 87–91. [in Russian]
- [Filonov, 2019](#) – Filonov, A.V. (2019). Osobennosti pravovogo statusa Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v sostave Rossijskoj imperii [Features of the legal status of the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 4: 60–64. [in Russian]
- [Finlyandiya..., 1909](#) – Finlyandiya : Literaturnyj populyarnyj zhurnal o politicheskoy i obshchestvennoj zhizni Finlyandii. 1908–1910. Sankt-Peterburg. 1909. № 5.
- [Golos Moskvy, 1911](#) – «Golos Moskvy» – ezhednevnyaya politicheskaya gazeta, organ partii oktyabristov. 1906–1915. Moskva. 1911. № 30. P. 2.
- [Gubchenko, 1910](#) – Gubchenko, M.A. (1910). Obzor administrativnyh i sudebnyh ustanovlenij, zakonodatel'stva i finansovogo stroya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo [Review of administrative and judicial regulations, legislation and financial system of the Grand Duchy of Finland]. Sankt-Peterburg: tip. Imp. Uch[-shcha] глухонемых (M. Alenevoj), 162 p. [in Russian]
- [Kodan, Fevralyov, 2013](#) – Kodan, S.V., Fevralyov, S.A. (2013). Mestnoe pravo velikogo knyazhestva finlyandskogo v pravovoj sisteme rossijskoj imperii: integraciya, istochniki, transformacii (1808–1917 g.) [The local law of the Grand Duchy of Finland in the legal system of the Russian Empire: integration, sources, transformations (1808–1917)]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 3: 258–317. [in Russian]
- [Obshchee ulozhenie..., 1891](#) – Obshchee ulozhenie i dopolnitel'nye k nemu uzakoneniya Finlyandii : Novoe izd. na osnovanii ofic. shved.-finlyand. istochnikov Kronida Malysheva [The General Code and the additional laws of Finland: New edition. based on the official data. Swedish. Finnish. sources of Kronid Malyshev]. Sankt-Peterburg : Gos. tip., 1891. XX, 1004 p. [in Russian]
- [PSZ RI, 1884](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. 12 dekabrya 1825 – 28 fevralya 1881 gg., 2 sobr. [The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting. December 12, 1825 – February 28, 1881] V. 1, № 431. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Sbornik postanovlenij..., 1918](#) – Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo [Collection of resolutions of the Grand Duchy of Finland] = Suomen Suuriruhtinaanmaan Asetuskokoelma, Keisarillisen Suomen Senaatin julkaisema = Storfurstendomet Finlands Forfattningssamling, utgifven af Kejsarliga Senaten for Finland. Gel'singfors : [B. i.], 1860–1917. 1918. [in Russian]
- [Seregin, 2019](#) – Seregin, K.V. (2019). Sopostavlenie polozhenij grazhdanskogo prava Rossijskoj imperii i grazhdanskogo prava knyazhestva Finlyandskogo v sfere zashchity veshchnyh prav [Comparison of the provisions of the civil law of the Russian Empire and the civil law of the Principality of Finland in the field of protection of property rights]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 4: 68–75. [in Russian]
- [Shilovskij, 1903](#) – Shilovskij, P.P. (1903). Akty, odnosyashchiesya k politicheskomu polozheniyu Finlyandii [Acts related to the political situation of Finland]. Sankt-Peterburg: tip. M.M. Stasyulevicha. IV, 145 p. [in Russian]
- [Statisticheskij ezhegodnik..., 1904](#) – Statisticheskij ezhegodnik Finlyandii : [Statistical Yearbook of Finland]. Novaya seriya.... 1904: God 2-j. 24. Gel'singfors : Centr. stat. byuro, 1903–1917, 1904. XXII, 412 p. [in Russian]
- [Sudoustrojstvo..., 1901](#) – Sudoustrojstvo i sudoproizvodstvo v Finlyandii : ocherk dejstvuyushchih v Velikom Knyazhestve Finlyandskom mestnyh zakonov [The judicial system and legal proceedings in Finland:

an outline of the local laws in force in the Grand Duchy of Finland]. [B. m.]: Gosudarstvennaya tipografiya, 1901. 66 p. [in Russian]

[Yussila, 2009](#) – *Yussila, O.* (2009). Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1809–1917 [Grand Duchy of Finland, 1809–1917]. Helsinki, 860 p. [in Russian]

[Zapiska P.A. Stolypina..., 1908](#) – Zapiska P.A. Stolypina Nikolayu II s preprovozhdeniem kopii pis'ma redaktora "Finlyandskoj gazety" Bazhenova k Syromyatnikovu o neceleobraznosti rospuska Finskogo sejma i ostavlenii senata [P.A. Stolypin's note to Nicholas II transmitting a copy of the letter from the editor of the Finlandskaya Gazeta Bazhenov to Syromyatnikov about the impracticability of the dissolution of the Finnish Seimas and the abandonment of the Senate] [Delo]: March 25 1908 g. 1908. [in Russian]

[Zhurnal puteshestviya..., 1809](#) – Zhurnal puteshestviya Ego Imperatorskogo Velichestva. Abo, 20-go i 22-go marta 1809 g. [The journal of His Imperial Majesty's travels. Abo, March 20th and 22nd, 1809]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1809. March 26th. [in Russian].

Порядок отправления гражданского правосудия в Великом княжестве Финляндском

Антон Владимирович Гурко ^{a, *}, Шамилов Максат Шамилович ^b

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию специфики порядка отправления гражданского правосудия в Великом княжестве Финляндском. Основу исследования составляют такие темы как, рассмотрение вопросов, связанных с этапом вхождения финских земель в состав Российской империи, положение и статус Великого княжества Финляндского внутри империи, специфика местного законодательства края в сфере регулирования судебной системы региона, а также ключевые параметры отправления гражданского судопроизводства в Великом княжестве. Авторы уделяют достаточное внимание вопросам обоснования причин особого автономного статуса финских земель в составе Российского государства и формированию местного финского законодательства. Авторами были подробно исследованы ключевые нормативно-правовые акты Великого княжества Финляндского. Особый интерес исследователей вызван законодательством, регулирующим судебную систему данного региона. Центральным вопросом исследования является организация судебной системы и порядок отправления гражданского судопроизводства в Великом княжестве Финляндском. Были подробно изучены многоступенчатая система судов Финляндии и вопросы компетенции и подсудности гражданских дел судам. Кроме того, были рассмотрены требования к лицам, претендующим на должности судей. В результате были выделены особые характерные черты гражданского процесса, осуществляемого на территории Финляндии в период ее вхождения в состав Российской империи, его основные принципы и ключевые особенности. В статье сформулированы выводы относительно сопоставления уровня развития судопроизводства в Великом княжестве Финляндском и в основной части Российской империи.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, гражданский процесс Российской империи, сейм в Борго, император Александр I, судебная система Финляндии, местное законодательство Финляндии, Общее Уложение Финляндии 1734 года.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gurkoantonwork@gmail.com (А.В. Гурко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1586-1597
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1586

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem

Artyom Yu. Peretyatko ^{a,*}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to slaves who had no ties to the Russian Empire, but were coming into its territory from Central Asia in the first half of the 19th century. Based on the documents of the Orenburg Military Governor we make a conclusion that the number of such slaves was quite large. Although information for only 6 years, 1813, 1823 and 1846–1849 was analyzed (in the last case – only for a single border fort), we found more than 20 “Persians”, “Uzbeks”, and “Kazylbash” etc. who ran from enslavement in the Steppe to the border of the Russian Empire.

The analysis of the preserved information about these people, including personal testimonies of some of them, allows to speak that among them members of Iranian world were prevalent. They were likely forced to flee to Russia, because escape to their homeland was too risky for them (at least, one of them mentioned it himself). The vast majority of such slaves, having made it to Russian Empire, expressed a desire to return back home, although 2 people (who grew in captivity) preferred to remain in Astrakhan.

For Russian officials, liberation of such slaves wasn't a priority until 1851. This is why, it seems, summary statistics about them wasn't maintained, and in public the attention was much more drawn to “Russian captives”. Russian officials did not undertake any special actions to liberate such slaves at that time, even in the part of the Steppe they formally controlled. Nevertheless, foreign fugitive slaves were sent to Astrakhan at state expense, and some were even bought new clothes. Only in 1851 the situation changed: Orenburg and Samara General-Governor V.A. Perovsky issued a decree that forbade under strict sanctions (up to exile to Siberia) possession of captives for the nomads loyal to Russia.

Keywords: slavery, captivity, Central Asia, Orenburg Governorate, Iran, liberation from slavery.

1. Введение

В данной статье мы бы хотели коснуться истории группы людей, которая до настоящего времени почти не привлекала внимания историков. В ходе территориальной экспансии Российской империи в Центральную Азию региональные российские чиновники столкнулись со специфической проблемой. На территории местных государств и кочевых племен находилось достаточно много рабов, в том числе и не имевших к Российской империи никакого отношения (в частности, по некоторым сведениям, после завоевания Хивинского ханства российские власти освободили до 27 тыс. рабов иранского происхождения) (Tadjieva, 2023: 58-59). При этом на территории самой Российской империи рабство формально было запрещено, и в рамках официального дискурса подчеркивалось, что крепостное право рабством не является. Например, в 1842 г. молодой чиновник И.С. Тургенев, будущий знаменитый писатель и критик крепостничества, подготовил служебную записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в которой утверждал,

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

что будто бы «рабство есть нехристианское понятие, и потому в христианском государстве существовать не может и никогда не существовало» (Тургенев, 1978: 427).

Часть людей, находившихся в рабстве на территории государственных и племенных образований Центральной Азии, позиционировалась в российских источниках как «русские пленники»/«русские пленные», причем, как мы показали в одной из своих прошлых статей, в данном случае эпитет «русский» обозначал не этничность и даже не реальное подданство, но претензию Российской империи на то, что она считает человека своим подданным и желает освободить его (т. е. к «русским пленникам» относили и людей, самостоятельно бежавших из России, и рожденных у «русских пленников» в Центральной Азии детей) (Peretyatko, 2023: 619-632). Их судьба в случае возвращения в Россию определялась исключительно российскими законами, причем «Свод законов Российской империи» требовал освобождать вышедших из рабства российских подданных и от крепостной зависимости: «Крепостной человек, захваченный в плен, по освобождении из оно, не возвращается в крепостное владение, а получает вместе с женой и детьми, если они у него есть, право избрать род жизни. Само собой разумеется, что правило сие не распространяется на крепостных людей, бывших вне государства в бегах» (Свод..., 1835: 221). Впрочем, в большинстве случаев власти приграничья сначала отправляли спасенного «русского пленника» по месту жительства, чтобы окончательное решение о его судьбе принималось уже там. Например, когда в 1837 г. из Хивы было отправлено в Оренбург 25 «русских пленников», их дальнейшая судьба сложилась так: бывших военных отправили в штаб Отдельного Оренбургского корпуса, крестьян и мещан – в правления соответствующих губерний (в одном случае – в канцелярию соответствующего казачьего войска), оренбургского казака – в оренбургскую войсковую канцелярию, а человека, не помнившего родства, – в местную полицию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 73–75об.).

Однако в случае с бежавшими из Центральной Азии на территорию Российской империи рабами, которых никак нельзя было признать «русскими пленниками», перед местными чиновниками вставала более сложная задача. С одной стороны, формально речь шла о подданных других государств, отношения с которыми находились в ведении не региональных органов власти, но имперского министерства иностранных дел. С другой стороны, по понятным причинам подавляющее большинство рабов в Центральной Азии составляли местные жители и жители окрестных регионов, т. е. подданные шахской Персии/Ирана, Бухарского эмирата, Хивинского ханства и т. д. Между тем, как резонно отмечает британский исследователь А. Моррисон, в XIX в. «степные кочевники и ханства, лежавшие за ними» («steppe nomads and the khanates that lay beyond them»), рассматривались Российской империей как территории, которым предстояло признать «как превосходство русской цивилизации, так и реальность русской мощи» («the superiority of Russian civilisation and the reality of Russian power») (Morrison, 2021: 55-56). В первом законченном энциклопедическом словаре на русском языке, вышедшем в 1847-1855 гг., в «Справочном энциклопедическом словаре», в статье «Персия, Персидский Иран, иногда Фарсистан» рассказывается о том, что в 1830 г. персидский шах Мухаммед «отдал себя под покровительство России», хотя в дальнейшем это покровительство и перестало быть актуальным из-за действий Великобритании (Справочный энциклопедический словарь, 1854: 214). Таким образом, в случае с бежавшими из Центральной Азии рабами, которых нельзя было отнести к «русским пленникам» (далее мы будем для краткости называть их иностранными рабами), российские чиновники действительно имели дело с подданными других государств, но государств, которые никак не рассматривались ими в качестве равных Российской империи.

В результате, как мы увидим далее, для оренбургских региональных властей стало типичным разрешение ситуаций с подобными рабами без обращений к имперскому правительству. И в своей статье мы попытаемся понять, почему рабы, никак не связанные с Российской империей, в первой половине XIX в. бежали на ее территорию, и что с ними происходило дальше.

2. Материалы и методы

Основой для нашего исследования станут дела об иностранных рабах, бежавших на территории, подконтрольные оренбургскому военному губернатору. К сожалению, нам удалось выявить всего несколько подобных дел, к тому же относящихся к хронологически ограниченному периоду: к 1813 г., к 1823 г. и к 1846-1849 гг. Тем не менее, информация, содержащаяся в этих делах, имеет много общего.

И это позволяет нам, пользуясь микроисторическими методами, проследить судьбы отдельных рабов и на этом основании реконструировать особенности, типичные для иностранных рабов, бежавших на территорию Российской империи в первой половине XIX в.

3. Обсуждение

Если тема русского «степного пленника» активно освещалась не только в науке, но и в русской литературе с XIX в. (о чем писала, в частности, Е.К. Созина (Созина, 2016: 6-15)), то о других рабах в Центральной Азии известно намного меньше. Тем не менее документы о рабах-мусульманах в Бухаре публиковались в советское время (Исмаилова, 1973: 20-30). Исследования рабства в целом в центральноазиатских государствах проводят и современные ученые этого региона (Tadjieva, 2023:

53-62; Tojjeva, 2020: 211-214). Однако проблематика иностранных рабов, бежавших в Российскую империю из Центральной Азии, до сих пор специально не изучалась.

4. Результаты

1813 г.

Наиболее раннее упоминание об иностранных беглых рабах нам удалось обнаружить в материалах оренбургских властей за 1813 г. Интересно, что соответствующие дела посвящены сразу двум лицам, почти одновременно вышедшим из степи. И вскоре после этого, в этом же году, стало известно и о третьем подобном лице.

Первого из них звали Азимом Берххурдаровым (обратим внимание, что азиатские имена записывались российскими властями крайне неточно, вероятно, на слух, и в одном деле данный человек именовался также Берх-хурдаровым и Берх Хурдаровым) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–30б.). В отличие от многих рабов нерусского происхождения, у А. Берххурдарова через переводчика взяли показания, позволяющие понять его историю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 2–30б.). Еще не старый (28 лет) «авганец» из «Города Ирата» (т. е., вероятно, современного Герата), он около 6 лет назад сам отправился в Центральную Азию с торговым караваном и попал в целый ряд неприятных приключений (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 2). Сперва на караван напали «трухменцы», причем те самые, с которыми караван шел торговать: часть караванщиков была убита, остальные ограблены, сам А. Берххурдаров попал в рабство и успел сменить нескольких хозяев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 2–20б.). Затем молодой человек оказался в Бухаре, где его выкупил на свободу другой «авганец», Гульмаммет бий (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 20б.). Однако, прожив всего год на свободе, по совету одного из бывших хозяев и по приглашению неких «киргизцов» («каргизцами»/«киргизами» в русских документах того времени обычно называли казахов), А. Берххурдаров снова отправился в степь торговать, и снова был захвачен кочевниками, с которыми рассчитывал вести торг (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 20б–3). Если о жестокости прошлых хозяев бывший раб не сообщал и, как мы видели, даже доверился советам одного из них, то новый хозяин, Арал Базаров, наносил несчастному «несносные побои» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 3). Тогда А. Берххурдаров бежал и вышел к российской границе, причем не ясно, сделал ли он это намеренно, зная, что здесь его освободят, или случайно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 3). Летом 1813 г. бывший раб прибыл в Кизильскую крепость и в июле был отправлен в Оренбург, в Оренбургскую пограничную комиссию, управляющую подконтрольной России степью (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–30б.).

История Аляберды Ахметова (Алла Берду Ахметова), тоже известная по его собственному показанию, взятому через переводчика, была проще (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5). Он позиционировался как «житель персидского города Маура», захваченный в рабство еще ребенком при разорении этого города бухарцами (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5). Почти всю свою жизнь, а ему было 26 лет, он провел в рабстве в Бухаре у некоего «муллы Рафика», который, однако, в итоге продал его в степь «Киргизцу Таниью» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5). После полутора лет в рабстве у последнего А. Ахметов смог бежать и выйти к Уртазымской крепости тем же летом 1813 г., а в августе он оказался в Оренбургской пограничной комиссии, как и А. Берххурдаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 5).

Наконец, летом 1813 г. к Таналыцкой крепости вышло сразу двое беглых рабов – русский и человек, описанный российскими чиновниками как «казылбаш»/«казылбашенин» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 1). Русский, Михайло Гвозков, оказался личностью с очень яркой биографией: преступник, сосланный в Оренбург за убийство, он был 26 лет назад похищен «киргизцами» и продан в Бухару, откуда, однако, через 12 лет сумел бежать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2). Ему не повезло: после побега он снова попал к «киргизцам» и оказался в рабстве уже у них (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2). М. Гвозков несколько раз снова пытался бежать, но неудачно, а увенчавшуюся успехом попытку предпринял, точно зная, что его хозяин с сородичами «кочевье имеют близ российских границ», и осознанно пойдя к этим границам вместе «с казылбашенином» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2). «Казылбаш» Аманьюл Нагынов также дал показания через переводчика, из которых следовало, что ему 50 лет, 14 лет назад он был захвачен «трухменцами» и продан в Бухару, откуда его перепродали «киргизцу Чулдыгу Акчулину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б–30б.). Хозяин обращался с ним плохо: раб «состоял без пропитания и <был> бит бесчеловечно без всякой причины неоднократно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б.). А. Нагынов – первый известный нам раб из Центральной Азии, никак не связанный с Российской империей, который однозначно сказал в своих показаниях, что «намерился учинить побег в Россию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б.). Интересно, что первоначально А. Нагынов даже утверждал, будто бы бежал с желанием принять российское подданство и «веру греческого исповедания» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 20б.). Вероятно, он лукавил и в действительности хотел только сбежать от злого хозяина куда угодно. Позднее, когда стало ясно, что обратно его не выдадут, бывший раб передумал и вместо смены веры и подданства просил вернуть его «в отечество Свое персидского владения в город Астрабат (современный Горган – А.П.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 30б.). По каким-то причинам с

М. Гвозкова и А. Нагынова показания в Оренбургской пограничной комиссии сняли только в ноябре 1813 г., хотя отправлены в нее они были еще в июле (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 1, 3).

При всем различии историй этих трех рабов между ними наблюдается и определенное сходство. Все трое были выходцами с территории не степного, а иранского мира (мы используем этот термин, поскольку, с нашей точки зрения, более точно установить их реальную идентичность по российским документам затруднительно, да и политическая география современных Ирана и Афганистана в первой половине XIX в. только формировалась). Место происхождения крайне усложняло для них побег в родные земли из «киргизских» племен, кочующих около границ Российской империи. Чтобы вернуться в Герат/Горган, этим людям требовалось полностью пересечь с севера на юг центральноазиатские степи.

Кстати, аналогичные побегу непосредственно в Российскую империю русских рабов с противоположного края центральноазиатской степи из Хивинского ханства были крайне редки (подобных случаев побегов из Кокандского ханства и Бухарского эмирата нами не выявлено вообще). Нам известен всего один подобный случай. В 1839 г. четыре русских раба смогли бежать из Хивы в Ново-Александровское укрепление (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 1–10б.). Однако в этом случае русским помог бежать киргиз-проводник, Бурангул Каркынов, причем пеший переход занял 25 суток, а взятая ими еда кончилась через 12 суток (далее зарезали лошадь Б. Каркынова и ели ее) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 110б.). Между тем, например, М. Гвозков и А. Нагынов в документах российских властей позиционировались как «одержим болезнью и ни к какой работе не способен» и «к работе не способен» соответственно. Следовательно, А. Нагынов едва ли пережил бы переход от российской границы до персидских/иранских владений, даже если бы ему представилась такая возможность.

Далее мы увидим, что большинство вышедших в пределы Российской империи из Центральной Азии иностранных рабов позиционировались в документах в качестве «персиан» и «казылбашей». Таким образом, и для них побег на территорию Российской империи с российско-степного приграничья был значительно проще, чем побег на родину. Коренные же жители степи, «киргизцы», «хивинцы» или «бухарцы», фиксируются среди выбежавших из степи рабов в документообороте российских властей первой половины XIX в. значительно реже, скорее всего, как раз потому, что они могли бежать непосредственно на родину, а не в Россию.

Подобная ситуация с иранскими рабами и их степными хозяевами означала, что просто отпустить А. Берххурдарова, А. Ахметова и А. Нагынова обратно в степь означало бы де-факто вернуть их хозяевам, кочевавшим около границы. К чести российских чиновников, подобный вариант ими даже не рассматривался. 20 августа 1813 г. Оренбургская пограничная комиссия сообщила оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому, что А. Берххурдаров и А. Ахметов просят разрешения отправиться в Бухару с уходящим туда караваном (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–10б.; 4–40б.). Интересно, что А. Берххурдаров первоначально просил отправить его в Астрахань, чтобы морским путем вернуться «в Отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–10б.). Далее мы увидим, что именно такая практика в отношении рабов иранского происхождения была нормативной для оренбургских властей, и, возможно, аналогичные случаи были и до 1813 г., однако в известность о них не ставились не только имперские власти, но и оренбургский военный губернатор. В данном случае Оренбургская пограничная комиссия обратилась к нему именно в связи с тем, что беглые рабы хотели отправиться в Бухару, а не в Астрахань. В связи же с более ранним желанием А. Берххурдарова отправиться на родину морским путем никаких запросов губернатору не делалось.

Г.С. Волконский, узнав о сложившейся ситуации, выступил категорически против отправки беглых рабов не только в Бухару, но и в принципе за пределы Российской империи. Суть возражений губернатора, изложенных письменно 10 сентября 1813 г., сводилась к тому, что прошлое А. Берххурдарова и А. Ахметова установлено недостаточно точно, преимущественно по их собственным показаниям, а потому, как дословно писал губернатор, «я не могу согласиться на отправку сих магометан с караваном за границу, не вызвав совершенного удостоверения о том, что они не есть подданные России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 7–70б.). Более того, Г.С. Волконский указывал Оренбургской пограничной комиссии, что практика отправки на родину беглых рабов иностранного происхождения чревата тем, что «хитрые побродяги» «через посредство комиссии сопровождаемы быть могут за границу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 70б.). В качестве альтернативы губернатор предлагал разрешить сбежавшим в Российскую империю из Центральной Азии рабам иностранного происхождения оставаться в России, причем он даже прямо предлагал записывать их на военную службу (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 8). Интересно, что первое архивное дело о А. Берххурдарове и А. Ахметове здесь и заканчивается, т. е. в канцелярии губернатора сочли, что на этом вопрос о будущей судьбе беглых рабов разрешен.

Однако Оренбургская пограничная комиссия не согласилась с таким решением. Для нас важнее всего то, что в своем ответе от 2 октября 1813 г. она ссылалась на конкретный законодательный акт, предписывающий отправлять беглых рабов иностранного происхождения в Астрахань: «Комиссия, руководствуясь Указом от 26 февраля 1752 года за № 97, последовавшим из Коллегии иностранных дел, не приступила к исполнению предписания вашего сиятельства. <...>. Означенным Указом 1752 года предписывается “выбегающих от Киргизцов персиан, хивинцов, трухменцов и других им

подобных народов, исключительно тех, кои пожелают креститься, отпускать в их отечество чрез Астрахань» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 1–10б.). Таким образом, судя по всему, до 1813 г. Оренбургская пограничная комиссия поступала с интересующей нас категорией беглых рабов в соответствии с данным указом, отправляя их в Астрахань без переписки с вышестоящими властями (возможно, именно поэтому мы пока не обнаружили документации о подобных лицах). В российское же подданство, согласно данному законодательному акту, допускалось принимать только тех иностранных беглых рабов, которые бы выразили желание креститься.

Правда, оставалась проблема с подтверждением того факта, что А. Берххурдаров и А. Ахметов точно не были подданными Российской империи. Однако и здесь Оренбургская пограничная комиссия нашла, как нам представляется, элегантный способ решения проблемы. Для Г.С. Волконского было подготовлено свидетельство, которое подписали не только бухарские купцы, но и некий «бухарского владения чиновник диван-беги Ишмухамет Банкшиев». Данное свидетельство удостоверяло следующее: «вышедшие из киргизской степи персианин Азимберх Хударов (очередная версия написания имени Азима Берххурдарова – А.П.) и бухарец Аллаберда Ахметов действительно из того происхождения, как они показываются» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 3–3об.). После этого Г.С. Волконский не стал настаивать на своем мнении и ограничился крайне лаконичным разрешением, последовавшим 18 октября 1813 г., «возвратить их (А. Берххурдарова и А. Ахметова – А.П.) в объявленные ими места», (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1022. Л. 4–4об.).

Вероятно, после этого Оренбургская пограничная комиссия решила и в дальнейшем на всякий случай получать разрешение у губернатора на принятие того или иного решения о судьбе иностранных беглых рабов. 28 января 1814 г. последовала просьба «отослать в астраханское губернское правление» А. Нагынова «для отправления персидского правления в город Астрабат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 1–10б.). На этот раз Г.С. Волконский изъявил согласие сразу же разрешением от 6 февраля 1814 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 5–5об.).

Таким образом, рассмотренное нами дело послужило значимым прецедентом, ставшим в дальнейшем образцом для действий с другими иностранными рабами, бежавшими из Центральной Азии на территории, подотчетные оренбургскому военному губернатору. Как мы увидим далее, стандартной практикой в отношении подобных беглецов до 1850 гг. оставалось предложение им или принять подданство Российской империи, или отправиться через Астрахань в «персидские владения». При этом решение о судьбе бывшего раба принимала Оренбургская пограничная комиссия, в известность обычно ставился оренбургский губернатор, но имперские власти о происходящем не информировались.

В заключение обратим внимание на любопытный сюжет. В 1810 г. терминология оренбургских чиновников для обозначения центральноазиатских рабов еще формировалась. Тем не менее положение рабов-подданных Российской империи уже часто описывалось ими через использование слова «пленник». Например, когда в 1807 г. при набеge «киргизцов» ими была захвачена женщина, Г.С. Волконский обозначил ее как «плененную крестьянскую женку Пономареву» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 341. Л. 7). В 1814 г. Г.С. Волконский позиционировал захваченную много лет назад женщину-калмычку как «вышедшую из Киргизского плена иноверческую женку Имрен» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1194. Л. 3). В 1809 г. оренбургские власти рассматривали прошение самостоятельно выкупившегося из Бухары Борковского. В его деле слово «плен» и однокоренные с ним фиксируются постоянно. Сам он звал себя «находившимся в Бухарии в плену» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 1). Г.С. Волконский называл его «бывшим в плену у бухарцев 2-го гарнизонного батальона рядовым Борковским» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 2). Оренбургская пограничная комиссия предпочла формулировку «пленный рядовой Барковский» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 563. Л. 3).

Поэтому нам кажется крайне показательным, что по отношению к А. Берххурдарову и А. Ахметову российские чиновники в принципе не употребляли слова «плен» и однокоренных с ним лексем. Так, А. Берххурдарова Оренбургская пограничная комиссия предпочитала называть «вышедшим из киргизской Орды», а при описании его пленения кочевниками говорить о «порабощении» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1–10б.). А. Ахметов позиционировался «пришедшим из киргизской Степи Магометанином», а его пленение именовалось просто «захватом» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 4–4об.). Напротив, М. Гвозков и А. Нагынов именовались в совокупности «пленными», а А. Нагынова не только расспрашивали о том, не видел ли он в плену «русских пленных», но и о нем самом писали, что он был «пленен трухменцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1184. Л. 2–3).

Следовательно, принципиальный для российских чиновников в случае с «русскими пленниками» факт их пленения оказывался гораздо менее важным для тех же чиновников, когда они имели дело с иностранными рабами. Подобные рабы в 1810 гг. могли вообще позиционироваться не как беглые пленники, но просто как выходцы из степи. И этому есть логичное объяснение: указ коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. за №97, в соответствии с которым подобных рабов отправляли в Астрахань, дословно говорил не о пленниках или рабах, но о «выбегающих от Киргизцов персианах, хивинцах, трухменцах и других им подобных народах». Соответственно, для российских чиновников принципиальны были не обстоятельства захвата раба или его жизни в

степи, но только его принадлежность к определенным народам. В Астрахань следовало отправлять любых их представителей, выбежавших из степи, даже если бы вдруг они не были рабами.

1823 г.

Следующее дело об иностранных беглых рабах, которое нам удалось выявить, относится к 1823 г. В нем упоминается целых 10 подобных рабов, перешедших российскую границу в этом году. Из этого следует либо то, что этот год по каким-то причинам имел аномальный характер, и именно тогда произошло массовое бегство невольников, либо то, что и в другие годы границу Российской империи и Центральной Азии переходило сравнимое число невольников иранского и степного происхождения.

21 марта 1823 г. казачий патруль около Гурьева наткнулся на «вышедшего из киргизского плена персидского жителя Алия Магметова» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). 24 июля на Угольный форпост самостоятельно вышел «казылбашенин Матюля Пачтан» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 2) (оказывавшийся, по более точным сведениям Оренбургской пограничной комиссии, «Персианином Города Машата Аллахметом Патыевым» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 6)). В том же июле комендант Красногорской крепости майор Калчицкий отправил в Оренбург «выбежавших на линию из Киргизской Степи, персидского гласюния Города Машати Худайбарду Госупаева и Города Ланьгар-Зияма Госуна Исмаилова, бывших в неволе у Киргизцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 15). Уральская войсковая канцелярия в том же месяце сообщала, что на нижнеуральскую линию вышел «Персианин Города Астрабата Мухамет Сеит-Мухамет Ваисов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24). 8 августа около Озерного форпоста утренний разъезд обнаружил «казылбашинина Худайберда Ачербаева» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 18). Его случай особенно интересен в том отношении, что принятый русскими солдатами и офицерами за «казылбашинина», то есть очередного представителя иранского мира, беглый раб при более тщательном изучении в Оренбургской пограничной комиссии оказался «не Казылбаш, а Бухарского Владения местечка Шамитентак из узбеков» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 19). В этом же месяце Оренбургская пограничная комиссия докладывала о доставлении в Оренбург «выбежавшего из Киргизской Степи Персидской Нации Япишлыка Давлет Нильдиева» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25), а комендант Таналышской крепости майор Артемьев – об отправленных им в Оренбург «двух выходцах азиатцах, явившихся на границе бежавшими из степи азиатской, которые при допросах показали, что из них первый казылбашского, а другой оргонического родов, бывшезахваченные в плен в степи трухменцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 28). Из других документов явствует, что последних двух беглых рабов звали Тюлькар Дюдыуизбаев и Кудаяц Анулов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 29–29об.). Оренбургская пограничная комиссия пришла к выводу, что Т. Дюдыуизбаев (в ее транскрипции – Тяркалий Дюльнанабаев) является «Персидского владения Города Текали казылбашенином», а К. Анулов (в ее транскрипции – Кудайкул) – «ургенчского владения, взятый в плен во младенчестве» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25). Примерно в это же время комендант Орской крепости майор Исаев доставил в Оренбургскую пограничную комиссию Гилия Галиагумина, заявившего, что он «персианин Города Боегона, пленен туземцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 30–31).

Таким образом, в случае с происхождением иностранных рабов, выбежавших в 1823 г. на территории, подконтрольные оренбургскому военному губернатору, мы наблюдаем предельно простую картину. Восемь из десяти маркировались в российской документации как относящиеся к иранскому миру через определения «персианин», «казылбашенин» или «персидского города». Один беглый раб был захвачен младенцем, т. е. фактически никак не был связан с родиной. И только один раб по происхождению четко относился к степному миру, будучи узбеком, но и его первоначально приняли за «казылбашинина». Таким образом, мы наблюдаем именно ту ситуацию, о которой говорили в предыдущем разделе статьи: в пределы Российской империи из степей Центральной Азии, помимо «русских пленников», бежали преимущественно рабы иранского (в широком смысле слова) происхождения.

Что касается биографий интересующих нас 10 рабов, то, хотя у большинства из них были взяты показания, восстановить по ним образ сколько-либо типичного иранского невольника, сбежавшего в Российскую империю, не представляется возможным. Слишком разными были эти люди. Так, А. Магметов оказался очень богатым персидским купцом, ехавшим торговать в Хиву с товарами на 6 тыс. руб., но по пути захваченным «киргисцами», от которых, однако, ему удалось сбежать уже через два года (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). М. Сеит-Мухамет Ваисов был захвачен на охоте, когда стрелял сайгаков, и сумел сбежать еще быстрее, всего через год, еще и на угнанной лошади (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24–24об.). Зато Д. Нильдиев родился в семье невольников иранского происхождения и смог сбежать только в 39 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25–25об.). Таким образом, в пределы Российской империи могли бежать как сравнительно недавно порабощенные люди, занимавшие прежде достаточно высокое положение на родине, так и лица, прожившие в рабстве всю жизнь.

Невозможно установить и то, насколько осознанно большинство из этих десяти рабов бежали в пределы Российской империи. Т. Дюдыуизбаев в своих показаниях совершенно прямо заявил:

«Намерение мое было уйти в свою орду, но, по препятствию некоторых хищников, после сего решения, наличие <имею> для крещения в грекороссийскую веру» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 29). В дальнейшем Т. Дюдыуизбаев предсказуемо не крестился, а попросил отправить его в Астрахань и оттуда – на родину (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 30–33об.). Таким образом, из показаний Т. Дюдыуизбаева совершенно однозначно следует, что, во-первых, он хотел бежать не в Россию, а в свои родные края, но ему помешала как раз сложность пересечения центральноазиатских степей, где его могли поработить повторно, а во-вторых, он не знал, что российское правительство предоставляет беглым рабам иностранного происхождения возможность вернуться на родину, но был готов принять православие и остаться в России, чтобы выйти из рабства. С другой стороны, Х. Ачербаев, совершая побег, совершенно осознанно «желал пробраться в Оренбург, где и явиться к Начальству» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 18). Все это рисует перед нами достаточно сложную картину. Судя по всему, к 1820 гг. как минимум некоторые центральноазиатские рабы, которые не были похищенными подданными Российской империи, понимали, что успешный побег в Россию будет означать для них освобождение, но при этом не все из них знали, что им еще и дадут возможность вернуться на родину.

Какая же их часть в реальности выбрала такую судьбу? Этот вопрос был отражен в делопроизводственной документации российских властей наиболее подробно. А. Магметов был отправлен «в город Астрахань для препровождения его во свое жительство» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). М. Пачтан сперва выразил желание, «дабы ему не быть праздным», «определить его на службу в здешний либо Самарский Кантон», однако затем заявил, что «желание определиться на службу в Башкирцы он оставил, а просит убедительнейше отправить его в отечество чрез город Астрахань» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 5–6об.). М.Х. Госупаев и Г. Исмаилов «объявили желание отправиться в свое отечество, где они имеют свои дома, жен и маленьких детей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 15–15об.). М. Сеит-Мухамет Ваисов желал «в Астрахань для отправления в свое отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24об.). Некоторое разнообразие внес узбек Х. Ачербаев, просивший «отправить его в Бухарию с первоотходящим отсель туда Караваном» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 19об.). Зато Т. Дюдыуизбаев и Г. Галиагумин оба захотели «отправиться чрез Город Астрахань в Свое отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 31).

Таким образом, в первой половине XIX в. в большинстве случаев Российская империя выступала для сбежавшего в ее пределы из Центральной Азии иностранного раба не конечной целью, но только промежуточной остановкой на пути на родину. Как видно из рассматриваемых документов, к 1820 гг. процесс возвращения освободившихся рабов в Персию/Иран был вполне налажен, причем российские чиновники еще и оплачивали им путевые расходы. Так, М. Пачтана оренбургский губернатор П.К. Эссен распорядился отправить «с выдачей ему десяти рублей из пленничей суммы на путевое содержание» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 7). М.Х. Госупаева и Г. Исмаилова «пограничная комиссия снабдила <...> нужной одеждой и деньгами на дорожное содержание из Пленничей суммы каждого на 10 рублей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 15). М. Сеит-Мухамет Ваисову денег, по-видимому, не дали, но продали в его пользу лошадь, на которой он вышел из степи (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 24об.). Т. Дюдыуизбаеву и Г. Галиагумину тоже было выделено «на одежду и на дорожное содержание из пленничей суммы по 10 рублей на каждого» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 31). Только в случае с Х. Ачербаевым сохранилась документация об отправке его на родину, и при этом в ней нет информации о предоставлении ему денег, вероятно, потому, что он направлялся не в Астрахань, как предписывалось законом, а в Бухару (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 19–20).

Только двое беглых рабов выразили желание принести присягу на подданство Российской империи. Это были К. Анулов (напомним, «взятый в плен во младенчестве») и Д. Нильдиев (родившийся в семье невольников). К. Анулов «пожелал остаться в России, в заселенной в Астрахани азиатцами слободе» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 31). Д. Нильдиев просил «отправить его в Астрахань для совместного жительства с Заселенными там Персианами в подданстве России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25об.). Таким образом, судя по данным случаям, желание остаться в Российской империи могли выражать те беглые рабы иностранного происхождения, которым было просто некуда возвращаться. Интересно, что при этом в архивной документации нет никаких сведений о принятии ими крещения, т. е. в этом отношении пресловутый указ коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. за №97 уже не действовал, и для того, чтобы остаться в Российской империи, беглому рабу было достаточно выразить подобное желание без смены веры.

Наконец, нам кажется важным указать еще и на то, что в рассмотренном нами документообороте 1820 гг. положение беглых рабов иностранного происхождения все чаще именуют «пленом». Так, А. Магметов позиционируется как «вышедший из киргизского плена персидской нации» и просто называется «пленником» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 1а–1аоб.). М.Х. Госупаев первоначально позиционируется «пленным некого рода и нищим», снять показания с которого не удалось «по неизвестности здесь никому его языка» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 14). Д. Нильдиев описывается как родившийся у людей, «находившихся в Киргизском плену» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2863. Л. 25).

Но при этом рассмотренные нами документы написаны сухо, без особенного сочувствия к беглым рабам. Неизвестно нам и случаев, чтобы информация о беглых рабах иностранного происхождения озвучивалась и в публичном поле Российской империи. Напротив, о «русских пленниках» и их освобождении оренбургские власти пытались сообщать в публичном поле. Так, в 1839 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский отправит в министерство иностранных дел целую статью о спасении им «русских пленников» с такими, например, словами: «В 1837-м году возвращены были Хивою, в первый раз со времени существования ее, 25 челов<ек> русских пленников. <...>. Весь город встретил выходцев наших за меновым двором; Священство вышло с пристани, окропило возвращенных пастве своей сынов св<ятой> водою и отпустило молебн. Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в нашей черте, что здесь делятся что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света, эту несметную толпу с лицами на какое возвращается участие, радость, сострадание, благодарность – все то мы видели, но видели словно во сне, в минутной живой картине» (Ermachkov, 2021: 31).

Таким образом, в представлениях оренбургских чиновников спасение «русских пленников» было делом важным, а для некоторых из них, по-видимому, даже святым. Спасение же прочих рабов, почти исключительно мусульман, подобного ореола было лишено. Поэтому, как мы увидим далее, российские власти не торопились освобождать иностранных рабов даже в той части территории степи, которую формально контролировали. Тем не менее они не только защищали подобных рабов, бежавших на территорию Российской империи от их хозяев, но и оказывали этим рабам организационную и материальную помощь при возвращении на родину. Однако именно потому, что подобная деятельность рассматривалась как рутинная и не слишком важная, особенного внимания к ней не привлекалось.

1846–1849 гг.

Следующий любопытный документ, характеризующий как бежавших в Российскую империю из Центральной Азии иностранных рабов, так и отношение к ним российских чиновников, был создан в 1849 г. Как мы видели выше, помощь беглым рабам требовала определенных финансовых затрат. И 9 июля 1849 г. продовольственный отдел штаба Оренбургского корпуса обратился к начальству с запросом о том, «из каких источников должны быть пополняемы расходы на содержание в Ново-Петровском Укреплении и других степных укреплениях выходящих из плена от кочующих в средней Азии племен Русских подданных Гражданского сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 1–10б.). Таким образом, на первый взгляд, нашей темы этот запрос не касался, будучи посвященным «русским пленникам». Однако министр внутренних дел Российской империи Л.А. Перовский прежде чем выносить решение, 29 августа 1849 г. потребовал указать, «какая именно сумма израсходована была ежегодно в течение последних трех лет на содержание в Ново-Петровском Укреплении русских пленных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 7).

В результате осенью 1849 г. исправляющий должность коменданта Ново-Петровского укрепления подполковник Маевский составил ведомость расходов, сделанных в этом укреплении с момента его основания на «содержание русских пленных, выходящих из степи» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 13). Однако фактически подполковник Маевский учел в своей ведомости не только «русских пленных», но и вообще всех беглых рабов, содержащихся в Ново-Петровском укреплении в 1846–1849 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–16об.). Это мог быть вполне сознательный подлог. Дело в том, что большинство беглых рабов, искавших спасения в Ново-Петровском укреплении, оказалось уже знакомыми нам «персианами», которые к тому же еще и дольше пребывали в укреплении, видимо, ожидая удобного случая для отправки на родину.

Первыми пленниками, выбежавшими в укреплении в 1846 г. и прожившими там почти год, были «персианин Хусейн Касымов и жена <его> Бурсулие» (время нахождения в укреплении – с 22 октября 1846 г. по 18 сентября 1847 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15). В 1847 г. к ним присоединился «персианин Абрахман Исмаилов» (время нахождения в укреплении – с 22 апреля по 18 сентября 1847 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–15об.). Следующим бежал в укреплении еще один «персианин Арсан Мурчангучов» (время нахождения в укреплении – с 13 февраля по 26 апреля 1848 г.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15об.). Правда, затем в Ново-Петровское укреплении выбралось подряд целых четверо «русских пленников». Все – астраханские мещане, однако они жили там не более месяца. Так, «астраханский мещанин Александр Алексеев» пробыл в укреплении со 2 по 26 апреля 1848 г., Николай Зенчин и Евграф Ширяев – с 25 февраля по 21 марта 1848 г., а Иван Шаманин – с 13 мая по 1 июля 1848 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15об.–16). Однако следующими четырьмя беглыми рабами, укрывшимися в Ново-Петровском, опять стали «персиане»: «Рахман Нур-Мухаметов, Мухамет Нур-Мухаметов и жена его Батыма Мухаметова» пробыли там с 21 сентября по 5 октября 1849 г., а Алимердан Джаферов – с 21 по 25 сентября 1849 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 16). Наконец, с 21 по 26 сентября 1849 г. в укреплении находился беглый раб «киргизец Казын

Бакиев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 16). Итак, в 1846–1849 гг. в Ново-Петровское укрепление вышло четыре «русских пленника», восемь «персиан» и один «киргизец».

Мы сталкиваемся с крайне любопытной источниковедческой проблемой. Во всех текстах разбираемого нами дела о содержании беглых рабов в Ново-Петровском укрепении российские чиновники пишут именно о «русских пленниках». Особенно показательное отношение оренбургского военного губернатора В.А. Обручева к министру внутренних дел Л.А. Перовскому. Дело в том, что оно писалось достаточно тщательно. Сохранился его проект, но и в нем, и в окончательном варианте говорится о «выходящих из плена от кочующих в Средней Азии племен Русских подданных Гражданского сословия» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 20б., 30б.). При этом В.А. Обручев своего начальника в заблуждение вводить не собирался: получив ведомость от подполковника Маевского, он на ее основании сообщал Л.А. Перовскому о «4 выходцах из Туркменского плена», т. е. только об астраханских мещанах (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 22–23, 250б.). Таким образом, большая часть рабов, бежавших в Ново-Петровское укрепление, его действительно не интересовала именно потому, что они не были «русскими пленниками».

Следовательно, даже в Ново-Петровское укрепление, которое оренбургские власти выделяли в качестве места, куда «русские пленники» бежали «в особенности» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 2), в 1846–1849 гг. бежали преимущественно рабы-«персиане». Но при этом, если о вышедших туда «русских пленниках» информация была доведена до имперского министра внутренних дел, то остальные беглые рабы оставались внутренним делом местной администрации. И это служит еще одним подтверждением тому, что в пределы Российской империи в первой половине XIX в. могли выходить десятки иностранных беглых рабов из Центральной Азии, привлекая минимум внимания и фиксируясь только в делопроизводственном документообороте, в отличие от вызывавших интерес широкой публики «русских пленников», о которых неоднократно писал в столичных изданиях даже один из классиков русской литературы, В.И. Даль (Даль, 1838а: 188-211; Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). Разумеется, собранных нами сведений слишком мало. Нам удалось выявить более 20 подобных «персиан» и «казылбашей».

В заключение данного сюжета укажем, какие траты производились на «персиан» и «киргиза» в Ново-Петровском укрепении. Это позволит хотя бы косвенно понять, насколько хорошо обращались с этими людьми.

Кормили беглых рабов плохо, причем, по-видимому, одинаково, независимо от подданства, происхождения и религии. Из ведомости подполковника Маевского следует, что почти всем указанным в ней лицам выделялись только крупы и мука (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15–16). Исключение составляли «персиане», вышедшие в укрепление первыми, Х. Касымов и Б. Касимова. Их кормили также солодом, горохом, уксусом, мясом, маслом, капустой и даже горчицей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 15). Возможно, паек беглым рабам урезали по ходу длительного пребывания в Ново-Петровском этих двух лиц. Некоторым беглым рабам, тоже независимо от их происхождения, покупалась одежда: «персианину» А. Исмаилову за 2 руб. купили два полушубка, астраханскому мещанину А. Алексею приобрели две пары сапог и два армяка за 4 руб. 57,25 коп., а «персианину» А. Мурчангучову один полный комплект одежды: рубаху, шаровары, халат, шапку и сапоги за 4 руб. 18,5 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6151. Л. 150б.). Таким образом, можно констатировать, что российские власти обеспечивали беглым рабам только самое необходимое, но при этом «русские пленники», «персиане» и «киргизцы» были в равных условиях.

А через несколько лет после создания разобранного нами документа оренбургское начальство, наконец, озаботилось освобождением всех рабов на подконтрольной ему территории Центральной Азии. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В.А. Перовский 31 декабря 1851 г. издал указ, запрещающий лояльным России «киргизам» «держат у себя пленников» под угрозой серьезных санкций, от штрафа в 150 руб. до ссылки в Сибирь (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7400. Л. 13). Это коренным образом изменило ситуацию с выходом в Россию иностранных рабов из Центральной Азии. Если прежде подобные выходы были личным и достаточно рискованным делом самого раба, то теперь российские власти оказывали ему поддержку и могли наказывать его хозяина. В результате число уже не беглых, но осознанно освобождаемых российскими чиновниками рабов резко возросло, однако они, судя по всему, снова оказались парадоксальным образом почти не замеченными не только российским обществом, но и освобождавшими их чиновниками. Хотя частных документов о подобных освобождениях нами обнаружено несколько десятков, каких-либо обобщающих источников на этот счет чиновниками не создавалось.

Дело доходило почти до смешного. В 1870 г. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский запросил у военного губернатора Уральской области «сведения за последние три года о числе азиатских выходцев, явившихся в Русские пределы из средне-азиатских владений, о количестве издержек, употребленных на содержание их и отправление на родину и вообще о размере по средней сложности суммы, потребной на этот предмет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8286. Л. 11). Внятного ответа он не получил: руководство Уральской области просто не прислало данных, «не имея у себя сведений об этом и за невозможностью в скором времени истребовать таковые от начальника Мангышлакского Приставства, где более всего являются случаи перебежчиков из плена»

(ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8286. Л. 11). Зато выяснилось, что «в 50-х годах, когда наплыв пленных из Оренбургской степи был большой, то по распоряжению Министерства Иностранных Дел, объясненному в предложении главного начальника края от 11-го Января 1850 г. за № 60, указано было все расходы по содержанию и отправлению на родину выходцев из Средне-азиатских владений удовлетворять из суммы на чрезвычайные издержки, и расход на этот предмет не превышал в то время более 200 р. в год, а именно: на заготовление необходимой для них одежды и обуви, а также выдавались им из этой суммы и кормовые деньги по 7 коп. в сутки каждому» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8286. Л. 11об.–12).

Таким образом, когда с 1851 г. российские власти пограничных с Центральной Азией территорий начали активно освобождать «пленных из Оренбургской степи» независимо от их происхождения, в Россию из степи хлынул настоящий «наплыв пленных». И поэтому нам представляется логичным ограничить хронологические рамки нашей статьи первой половиной XIX в. С 1851 г. ситуация вокруг выходивших в Российскую империю из Центральной Азии иностранных рабов фундаментальным образом изменилась, и закономерности, выявленные для более раннего периода, могли больше не действовать. Выявление же новых закономерностей, сложившихся в принципиально иных условиях, требует отдельного исследования.

5. Заключение

Итак, мы пришли к некоторым интересным выводам.

1) В первой половине XIX в. на российские границы из Центральной Азии выходило некоторое количество иностранных беглых рабов (т. е. беглых рабов, не имевших никакого отношения к Российской империи). Их число точно установить едва ли возможно, однако нам удалось выявить порядка 20 конкретных персоналий подобных рабов только за 1813 г. (когда их было три), 1823 г. (когда их было десять) и 1846–1849 г. (когда на одно российское укрепление их вышло девять). Таким образом, речь идет о десятках, если не о сотнях людей.

2) Что касается самих этих беглых рабов, то большинство из них принадлежало к иранскому миру, и российские чиновники позиционировали их в качестве «персиан» и «казылбашей». Как минимум один из подобных беглых рабов прямо указывал в показаниях, что изначально хотел бежать на родину, но был вынужден отказаться от этого намерения из-за опасности «хищников», т. е. степных кочевников. Другой осознанно шел в Россию, хотя не уточнял своей мотивации. Соответственно, можно предполагать, что большинство беглых рабов знало, что на территории Российской империи их освободят, и бежало именно ради этого освобождения, а не потому, что Россия представлялась им привлекательной в каких-либо иных отношениях (например, религиозном или экономическом).

3) Для российских чиновников большое значение имели «русские пленники», а вот их отношение к иностранным рабам было крайне спокойным, если не равнодушным. Даже в 1860 гг. их статистика не велась. Собственно, поэтому до нас и дошло так мало информации об этой группе людей. Специально освобождать иностранных рабов даже на подконтрольной Российской империи территории степи местные чиновники начали только в 1851 г.

4) Тем не менее подобному рабу, выбежавшему на территорию, подконтрольную оренбургскому военному губернатору (позднее – оренбургскому генерал-губернатору), безусловно, предоставлялась не только свобода, но и право вернуться на родину. Единственный случай, когда в таком праве возникли сомнения, произошел в 1813 г.: оренбургский губернатор Г.С. Волконский предложил оставить беглых рабов в Российской империи за отсутствием безусловных доказательств того, что они не являются ее подданными. Однако в итоге и эти рабы были отправлены на родину.

5) Что касается собственно форм отправки, то, как правило, бывшие рабы возвращались через Астрахань, причем им обычно оплачивался проезд, а иногда даже покупалась одежда. В отдельных случаях вместо этого освобожденного отправляли с караваном в Бухару, причем, по-видимому, проезд не оплачивался. Последний вариант практиковался, только если о нем просил сам бывший раб.

6) Наконец, два выявленных нами беглых раба пожелали принять подданство Российской империи. Оба они были рабами с самого детства и не имели родины, на которую могли бы вернуться для свободной жизни. Они также были отправлены в Астрахань, но не для дальнейшего выезда за границу, а для поселения там.

7) Подобная ситуация с иностранными рабами, бежавшими в Российскую империю из Центральной Азии, продолжалась до 1851 г. То, что российские чиновники начали освобождать рабов в подконтрольной им степи, резко увеличило приток освобожденных иностранцев. В результате некоторые закономерности, выявленные нами (прежде всего, преобладание среди выходящих на территорию Российской империи рабов иранского происхождения и их почти поголовное желание затем вернуться на родину), могли измениться. Уяснение масштаба и характера этих изменений представляет собой предмет отдельного исследования.

Литература

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

- [Даль, 1838a](#) – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 / Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- [Даль, 1838b](#) – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- [Даль, 1839](#) – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74-92.
- [Исмаилова, 1973](#) – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1973. № 2 (72). С. 20-30.
- [Свод..., 1835](#) – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9. Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1835. 407 с.
- [Созина, 2016](#) – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 6-15.
- [Справочный энциклопедический словарь, 1854](#) – Справочный энциклопедический словарь. Т. 9, ч. 1: О и П. СПб., 1854. 364 с.
- [Тургенев, 1978](#) – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. I. М., 1978. 574 с.
- [Ermachkov, 2021](#) – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.
- [Morrison, 2021](#) – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814-1914. Cambridge, 2021. 641 p.
- [Peretyatko, 2023](#) – Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.
- [Tadjieva, 2023](#) – Tadjieva F.J. Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1). Pp. 53-62.
- [Tojjeva, 2020](#) – Tojjeva F. Slavery relations and its sources in Khiva khanate // *Journal of Critical Reviews*. 2020. 7(12). Pp. 211-214.

References

- [OGA00](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- [Dal, 1838a](#) – Dal, V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andreya Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]
- [Dal, 1838b](#) – Dal, V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]
- [Dal, 1839](#) – Dal, V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]
- [Ismailova, 1973](#) – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX - nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]
- [Svod..., 1835](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlenniy. T. 9. Svod zakonov o sostoyanii lyudei v gosudarstve [Digest of Laws of the Russian Empire, on behest of Sovereign Emperor Nikolai Pavlovich composed. Vol. 9. Digest of laws on the status of people in the state]. Saint-Petersburg, 1835. 407 p. [in Russian]
- [Sozina, 2016](#) – Sozina, E.K. (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe prisoners” discourse in the Russian literature of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]
- [Slovar'..., 1854](#) – Spravochnyi entsiklopedicheskii slovar'. T. 9, ch. 1: O i P [Referential Encyclopedic Dictionary. Vol. 9, pt. 1: O and P.]. Saint-Petersburg, 364 p. [in Russian]
- [Turgenev, 1978](#) – Turgenev, I.S. (1978). Polnoe sobranie sochinenii i pisem. T. I [Complete collection of works and letters. Vol. I.]. Moscow, 574 p. [in Russian]
- [Ermachkov, 2021](#) – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- [Morrison, 2021](#) – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814-1914. Cambridge, 641 p.
- [Peretyatko, 2023](#) – Peretyatko, A.Yu. (2023). Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.
- [Tadjieva, 2023](#) – Tadjieva, F.J. (2023). Slavery in the Khiva Khanate: the Use of Slave Power. Abolition of Slavery and Its Socio-Economic Consequences. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 53-62.
- [Tojjeva, 2020](#) – Tojjeva, F. (2020). Slavery relations and its sources in Khiva khanate. *Journal of Critical Review*. 7(12): 211-214.

Иностранные беглые рабы из Центральной Азии, вышедшие в пределы Российской империи в первой половине XIX в.: к постановке проблемы

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рабам, никак не связанным с Российской империей, но вышедшим в первой половине XIX в. из Центральной Азии на ее территорию. На основании документов оренбургского военного губернатора сделан вывод о том, что число подобных рабов было достаточно велико. Хотя анализировалась информация только за 6 лет, 1813 г., 1823 г. и 1846–1849 гг. (в последнем случае – только для одного приграничного укрепления), удалось выявить более 20 «персиан», «узбеков», «казылбашей» и т. д., бежавших из рабства в степи на границу Российской империи.

Анализ сохранившейся информации об этих людях, включая личные показания некоторых из них, позволяет говорить о том, что среди них преобладали представители иранского мира. Вероятно, они были вынуждены бежать в Россию, поскольку побег на родину оказывался для них слишком рискованным (во всяком случае, один из них в своих показаниях прямо говорил об этом). Подавляющее большинство подобных рабов, оказавшись в Российской империи, выражало желание вернуться на родину, хотя два человека, выросшие в неволе, предпочли остаться в Астрахани.

Для российских чиновников освобождение подобных иностранных рабов до 1851 г. не было сколько-либо приоритетной задачей. Поэтому сводная статистика о них, видимо, не велась, а в публичном поле внимание куда больше привлекали «русские пленники». Российские чиновники в это время не принимали специальных мер к освобождению подобных рабов даже в той части степи, которую формально контролировали. Тем не менее иностранные беглые рабы за государственный счет отправлялись в Астрахань, а некоторым из них даже покупалась новая одежда. Только в 1851 г. ситуация изменилась: оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А. Перовский издал указ, под строгими санкциями (вплоть до ссылки в Сибирь) запрещающий лояльным России кочевникам держать любых невольников.

Ключевые слова: рабство, плен, Центральная Азия, Оренбургское губернаторство, Иран, освобождение из рабства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1598-1604
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1598

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historiosophic Foundations of the Polish National Movement in the Russian Empire

Andrii Lebid ^{a, b, *}, Andrii Palchyk ^c, Oleksandr Diadia ^b

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

^c Institute of Theological Sciences of the Immaculate Virgin Mary, Kamianets-Podilskyi, Ukraine

Abstract

This article explores the historiosophic foundations of the Polish national movement in the Russian Empire in the concept of the Polish thinker August Czeszkowski (1814–1894), a representative of the Polish “national philosophy” and one of the creators of the “philosophy of action”. Having witnessed the suppression of the Polish national movement by the Russian monarchy, Czeszkowski was one of those Polish philosophers who sought to awaken in his people the desire for active social and political action.

Czeszkowski's historiosophic thought synthesized a modified Hegelian philosophy of history with the author's “philosophy of action”. In the Polish thinker's conception, religion fulfills such functions as metaphysical (as the third stage in the development of history), epistemological (as a condition for comprehending the logic of the historical process) and praxiological. The last of them is considered in more detail, because it reflects the fundamental historiosophic idea: religion calls for action aimed at the transformation of the world and the establishment of the kingdom of God.

At the same time, Czeszkowski's historiosophic concept departs significantly from the Hegelian system: Spirit, as the principle of historical development, has a material element, which, in turn, is the basis for the “rehabilitation” of matter and the religious justification of earthly, “worldly” human activity. Thus, Czeszkowski's panentheism, synthesizing classical theism with pantheism, makes possible the joint action of a personal God and a free man capable of taking responsibility for the fate of the world.

Keywords: August Czeszkowski, religion, historiosophy, methodology of historiosophy, Polish national movement, Russian Empire.

1. Введение

Миновало 130 лет со дня смерти выдающегося польского философа, графа Августа Чешковского (1814–1894), ранний период мысли и деятельности которого проходил в Царстве Польском, находившимся в то время в составе Российской империи. Вследствие преследований со стороны царской власти он в 1842 г. переезжает в Великое княжество Познанское, где продолжает свою научную и общественную деятельность. Чешковского можно по праву назвать религиозным философом: «Prolegomena zur Historiosophie» і «Gott und Palingenesie» (Cieszkowski, 1972) и «Ojciec nasz» (Cieszkowski, 1922; Cieszkowski, 1923a; Cieszkowski, 1923b) – одни из важнейших трудов автора, наполненные глубокими размышлениями на тему религии, которая понималась им как одна из форм *действия*, гармонично вливающегося в общую программу социально-политических преобразований.

Специфику историософской мысли Чешковского невозможно постичь вне исторического контекста, в котором развивалась польская мысль того времени. В Польше, разделенной в 1795 г. между Российской империей, Австрией и Пруссией, тлел огонь национального-освободительного движения. Царство Польское, входящее в состав Российской империи, в 1830 г. фактически утратило

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

свою конституцию, дарованную Александром I пятнадцатью годами ранее. Как этот факт, так и ряд других мер, принятых Николаем I с целью подавления деятельности польской либеральной оппозиции и патриотических организаций, привел к Ноябрьскому восстанию (1830–1831), закончившемуся поражением национальных сил.

Итог восстания радикально сказался на интеллектуальных процессах в разделенной Польше. «Первые года после поражения ноябрьского восстания, – пишет А. Валицкий, – не содействовали заинтересованностью немецкой спекулятивной философией», так популярной в предыдущее время. Но уже с сер. 30-х гг. XIX в. вновь возвращается интерес к Гегелю, а 1838–1848 гг. становятся «настоящей философской эпохой», в течение которой польские мыслители взяли на себя роль духовных вождей народа. Они видели в философии инструмент «модернизации народа и духовной победы, без которой невозможно возвращение независимости политической» (Walicki, 1983: 59). Но если одни «национальные философы» не интересовались религиозным вопросом, то другие пытались соорудить мосты между философией и религией. К последним относился А. Чешковский, поставивший религию во главу угла своей историософской мысли.

2. Материалы и методы

В данном исследовании были задействованы вышеназванные тексты А. Чешковского, отражающие историософские и религиозные убеждения этого автора и позволяющие открыть в логике исторического процесса действие религиозного фактора.

Углубление в изучаемую проблематику показало необходимость использования генетического метода, благодаря которому проясняется генезис историософской мысли Чешковского и эволюция его взглядов на роль религии в постижении исторического процесса. При этом генезис философской мысли польского автора выразительно отражает исторический контекст эпохи, в которой он живет, что, в свою очередь, обуславливает необходимость применения биографического метода.

Компаративный метод, использованный в данном исследовании, позволяет сопоставить мысль Чешковского не только с его предшественниками и современниками, но и со схожими идеями, появившимися десятилетия спустя и представленными в католическом вероучении.

3. Обсуждение

Оценка историософского (религиозного по своему характеру) наследия А. Чешковского главным образом касалась причастности польского философа к абсолютно-идеалистической системе Гегеля. Марксистские авторы середины прошлого века (Kroński, 1960) рассматривают постепенное дистанцирование Чешковского от чисто философского принятия системы Гегеля в пользу религиозного фактора как регресс и проявление «мессианского, народно-католического обскурантизма» (Pawlaczyk, 2019: 96). Иначе к проблеме подходят А. Валицкий и Я. Гаревич (Walicki, 1983; Garewicz, 1966; Garewicz, 1982). Наличие двух интеллектуальных векторов в творчестве польского мыслителя (гегелевского и чисто религиозного) они объясняют спецификой адресатов, на которых были рассчитаны те или иные тексты: для групп, связанных с гегельянством, Чешковский писал немецкоязычные труды, где акцентировал роль философской системы Гегеля, а для своих соотечественников он писал насыщенные религиозной тематикой тексты на польском языке. К. Павлячик же объясняет эволюцию взглядов Чешковского постепенным разочарованием в гегелевской философии в поисках «новой синтетической формы рефлексии» (Pawlaczyk, 2019: 107). Вопрос о критичном подходе к гегелевскому тезису о «конце истории» представителями польской «философии действия» отдельно рассматривается М.Н. Якубовским (Jakubowski, 1993).

Особенный интерес представляет статья М. Шулякевича, в которой автор акцентирует религиозный характер историософской мысли Чешковского (Szulakiewicz, 2015), а также работы П. Литки и Л. Ковалика, труды В. Сайдек, где рассматриваются мессианистические воззрения польского философа (Litka, Kowalik, 2018: 80-82; Sajdek, 2018), исследования Г. Кубского (Kubski, 2020), монография П. Бартули (Bartula, 2006) и др. работы.

4. Результаты

Как пишет А. Валицкий, «свою историю философии Чешковский определил как «историософию», понимая под этим «абсолютное знание истории, то есть мудрость всемирной истории (dziejów)». Польский мыслитель критично настроен по отношению к своим предшественникам, в том числе и к великому Гегелю, видя в их историко-философских трудах лишь «любовь к мудрости истории» или «предчувствие хода истории», но никак не «абсолютное, спекулятивное знание об истории». Но все же в осмыслении исторического процесса Чешковский пользуется гегелевской канвой: первая стадия развития духа сводится к *сущему в себе* (стадия «натуральной непосредственности»), а вторая – к *сущему для себя* (стадия «мысли», на которой дух возносится над тем, что общее).

Однако польский философ идет дальше, предвещая третью «стадию действия», предполагающую диалектический возврат к стадии «натуральной непосредственности», но уже на новом уровне (Cieszkowski, 1972: 31, 84; Walicki, 1983: 65-66). Как и другие «философы действия»

(Э. Дембовский, К. Либельт) ввиду особенности исторической ситуации Польши (как и всего европейского континента) того времени, Чешковский не соглашался с тезисом Гегеля о «конце истории». Их интеллектуальный девиз мог бы звучать, скорее, так: «Конец философии – да; конец истории – нет!» (Jakubowski, 1993: 44).

Религию Чешковский считал динамичной реальностью: будучи вечной по своей природе, она постоянно переживает трансформацию и преобразование, «не может быть недвижимой» (Cieszkowski, 1923a: 453). В историософии Чешковского религия исполняет ряд функций.

1. *Метафизическая.* Религия играет роль «метафизического основания логики истории». Она также выступает «третьей исторической эпохой» (Cieszkowski, 1923a: 131), историческим принципом, согласно которому могло реализоваться грядущее Божье Царство. Религия также преобразует «время в вечность, убывание в – длительность, человека – в «свободного Духа».

2. *Эпистемологическая.* По Чешковскому, история настолько «насыщена» религией, что понять мир «изнутри» можно лишь «благодаря религии и будучи религиозным». В данном случае религия выступает гарантом рационального и оптимистического мировоззрения. Благодаря религиозному опыту можно открывать определенный порядок и мудрость в истории мира.

3. *Праксиологическая.* Из религии, согласно Чешковскому, для человека исходит задание, призывающее к действию.

Последняя функция религии в историософской рефлексии мыслителя требует особенно тщательного рассмотрения, поскольку вытекает из «философии действия», им разработанной. «Действие» (*czyn*) выступает в философской рефлексии Чешковского принципом, изменяющим «мир и судьбу человека», а также «синтезом бытия и мысли» (Cieszkowski, 1972: 14).

Как замечает А. Валицкий, здесь автор «Пролегомены к историософии» отказывается от чисто созерцательного подхода к истории Гегеля (теоретическое объяснение *ex post*) и акцентирует значение воли, обращенной в сферу социальной практики. Именно категория воли должна доминировать в философии, которую Чешковский называет «славянской», в отличие от классической немецкой «философии Разума». При этом важно учесть, что в проекте «славянской философии» он нисколько не провозглашает иррационализм, но лишь говорит о «преодолении» рационализма; действие же как выражение воли должно обуславливаться знанием, сознательной мыслью (Walicki, 1983: 66; Jakubowski, 1993: 46; Bartula, 2006: 42-44).

Понимание важности категории действия становится возможным лишь вследствие постижения «религиозных судеб мира». В этом месте метафизическая и эпистемологическая функции религии как бы подводят к третьей, праксиологической: религиозное осознание условности, зависимости мира от действия Бога заставляют переосмыслить саму категорию действия именно в религиозном ключе. Мир обусловлен действием Творца, а человек, уподобляясь своему Создателю, призван «учиться, планировать и воплощать» то, чего еще нет, но что с необходимостью «религиозного развития» должно «появиться». Не должен также ждать, что ему принесет судьба, но сам определять, что должна ему принести» (Szulakiewicz, 2015: 195).

Историософская интуиция Чешковского предугадывала католическое учение о «знаках времени» (*signa temporum*), закрепившееся в церковной доктрине и пастырском богословии благодаря папе Иоанну XXIII и отцам II Ватиканского Собора (1960–1965). В учении о «знаках времени», как пишет С.Ц. Напюрковский, речь идет о таких знаках, «которые в «священной истории» выявляют Божий замысел, трансцендентную экономию ... в ходе событий». Задачей же Божьего народа (прежде всего, духовенства и богословов) является «вслушивание, различение и объяснение разнообразных голосов нашей эпохи» с целью адекватного (т. е. христианского) реагирования на них (Напюрковский, 2010: 38-39).

Согласно Чешковскому, призывание человека к действию должно сопровождаться своего рода религиозным чувством времени, пониманием, что пришло время для свершений. Осознание необходимости благих перемен подталкивает человека к участию в преобразовании мира, делая его активным и ответственным соучастником реализации «божественного плана Провидения» (Szulakiewicz, 2015: 195).

В связи с этим открывается перспектива переосмысления «земных» ценностей, особенно в контексте отхода как самого Чешковского, так и других интеллектуалов его времени от «абсолютного идеализма» Гегеля. Признание ценности именно этого, земного мира, по мнению Чешковского, делает возможным всякое действие по его преобразованию, оправдывает его. Вопреки Гегелю, в философской системе которого ход мира основывается на эволюции абсолютного Духа, польский мыслитель старается «реабилитировать» материальный мир природы, утверждая, что «без природы нет духа» (Cieszkowski, 1972: 294).

Можно согласиться с М. Хеллером в том, что необходимость такой реабилитации обусловлена дуалистической метафизикой, с которой связало себя христианство с первых веков своего существования. Чуждое христианскому благовестию как таковому, разделение реальности на материальный и духовный элементы с течением времени все же стало нормой церковной проповеди. Однако, по мнению Геллера, христианская религия не принуждает к исповеданию метафизического

дуализма и, таким образом, не может делать его критерием ортодоксальности для тех или иных концепций (Heller, 2023: 143-144).

Одним из проявлений религиозной динамики выступает трансформация роли человека по отношению к окружающему его миру. Если во времена Христа, как часто пишет Чешковский, было достаточно лишь принять веру и жить в любви, то в нынешнюю эпоху этого недостаточно: пришло время действия, труда, направленного на «преобразование материи и мира». При этом следует пересмотреть диалектику материального и духовного: материя не должна трактоваться в оппозиции к духу (и Богу), но следует ее рассматривать в единстве с Богом.

Итак, в духе своего времени Чешковский реабилитирует материю и даже пытается найти в сфере духа материальное начало. Гегелевский концепт *Духа* польский философ видит лишь как «идею, мертвую и оторванную от конкретного существования», подкрепляя свою аргументацию ссылкой на изначальное понимание духовного начала в европейской культуре (Pawlaczyk, 2019: 100-101; Cieszkowski, 1972: 134). Дух, по его убеждению, не должен выступать в оппозиции к материальному началу, а, напротив, – творить из него свой «внутренний момент».

Из такого рода онтологии вытекает следствие для антропологии: именно по *религиозным* мотивам следует заботиться о телесных нуждах человека (Cieszkowski, 1923b: 258). В «Пролегоменах к историософии» автор предвещает наступление «третьей, постхристианской эпохи истории, эпохи действий, радикально реабилитирующей земную жизнь, которой гнушалась христианская аскетика». Чешковский не был одинок в своих устремлениях. Другой представитель польской национальной философии, Карл Либельт, также считал необходимым преодоление одностороннего спиритуализма, подавляющего материальный прогресс во имя «потустороннего спасения», что также предусматривает критический взгляд на авторитарный образ радикально трансцендентного Бога, «освящающего авторитарные человеческие отношения» (Walicki, 2011: 148-149).

В то же время следует учитывать, что Чешковский под христианством понимает не только одну из стадий развития истории, но и всю историю называет «христианской», таким образом, различая его историческую (как преходящую историко-культурную формацию) и абсолютную формы. Универсальная значимость второй из них выражена в труде «Отче наш» (Bartula, 2006: 17).

Также и в этом вопросе польский мыслитель выступает предшественником ряда христианских богословов сер. XX в., разрабатывающих «теологию земных ценностей (реалий)». Начиная с «Théologie des réalités terrestres» (1947) авторства Густава Тилса, появляется ряд богословских работ, в которых предметом исследования становятся если не несущественные, то второстепенные (с точки зрения традиционной христианской теологии) проблемы: «светская» история, работа, политика, экономика, материя, наука, техника и т. п. Интерес к таким вопросам, несомненно, был обусловлен переосмыслением категорий сакрального и профанного и открытием в «профанных» сферах человеческой жизни духовной глубины.

Еще при жизни Чешковского зарождается социальная доктрина Католической церкви, и он с живым интересом знакомится с энцикликой папы Льва XIII «*Regum novarum*» (1893). Через несколько десятилетий после смерти польского национального философа появятся такие богословские дисциплины «родового падежа», как «теология материи», «теология тела», «теология труда» и т. п. в исследованиях Х.У. фон Бальтазара, Шеню, О. Кульмана и др. (Lubik, 1961). «Философия действия» Чешковского, как указывает А. Валицкий, также была антиципацией латиноамериканской теологии освобождения. Вопреки классической теории секуляризации, подразумевающей вытеснение религии из разных сфер жизни, а в финале – ее вымирание, Чешковский не просто «реабilitирует» материю, но пытается придать земной реальности священный характер.

Он ссылается на сен-симонистов, доктрина которых имеет ярко выраженный пантеистический характер. Сент-Симон (1760–1825), как пишет в своем «Апологетическом словаре» Ж.Б. Жоги, стремился нивелировать в массовом сознании христианские догматы, насаждая вместо них «наиболее формальный пантеизм». Бог Сен-Симона является бесконечным Сущим, обьявляющимся через два свои атрибута – дух и материю, а также разум и силу, мудрость и красоту. Соответственно, человеку как образу и подобию Бога свойственны те же самые атрибуты, прежде всего, душа и тело. Таким образом, поскольку материя и дух суть проявления того самого Бога, нет смысла говорить о какой-либо иерархии между ними (Cieszkowski, 1923b: 215-216; Jaugey, 1896: 12). Польский мыслитель отвергает пантеизм и придерживается *панантеистической* концепции. Объяснение этому можно искать, вероятно, в желании Чешковского (как и других представителей «национальной философии») оставить за человеком возможность выступать (наряду с Богом как личностным Сущим) полноправным субъектом исторического процесса, что в случае избрания пантеизма становится практически нереальным.

Таким образом, польский философ призывает созидать Божье Царство не в потустороннем, а земном мире, что, в свою очередь, предусматривает необходимость радикального отказа от дуалистического мировоззрения: «До тех пор, пока будем как вкопанные стоять при этом немощном и неуместном для Духа дуализме реального мира и идеального потустороннего, до тех же пор будем

находиться в противоречии абсолютного раздвоения и до тех же пор всякую реальность будем считать тщетою, тем самым сплачивая дань каким-то иллюзиям (абстракциям)» (Cieszkowski, 1923b: 258).

Ссылаясь на иллюстрацию А. Валицкого, характеризующего отношение Чешковского к противоборствующим силам среди польской интеллигенции, можно сказать, что и в отношении между духом и материей философ старается объединить различные стихии «в реализации позитивной цели», подобно как вода и огонь объединены паровой машиной. Понятая таким образом «философия действия», согласно убеждению Чешковского, предлагает оптимальное решение проблемы единства теории и практики, альтернативное марксистскому (Walicki, 2011: 135; Jakubowski, 1993: 50).

Рассматривая историю как целостный процесс, Чешковский старался открыть в ней рациональное начало, определенную логику. Среди различных факторов (психологических, политических и «случайных») религия в его историософии выступала как имманентный фактор, отвечающий за перемены, происходящие на протяжении истории, и реализующийся в том, что не только Бог влияет на исторический процесс, но и человек оказывает влияние на Бога (Cieszkowski, 1923a: 506).

Таким образом, «Чешковский создавал историософию, которая была как бы аналогом его философии Бога: путем соединения трансцендентности с имманентностью, синтезом религиозной концепции, гласящей, что смысл истории является трансцендентным по отношению к ней, с концепцией, видящей этот смысл в имманентном разуме истории, понимающая историю как процесс высвобождения человечества» (Walicki, 1970: 61).

Этот фундаментальный историософский принцип Чешковского, подразумевающий взаимодействие Бога (Творца) и человека (творения), является ключевым тезисом панентеизма, в котором, вопреки классическим теистическим системам, утверждается влияние мира на Бога (Culp, 2023). Термин «панентеизм», подразумевающий *существование «всего в Боге»*, был введен в философско-религиозный лексикон немецким мыслителем Карлом Христианом Фридрихом Краузе (1781–1832). Как Краузе, так и Чешковский, свою панентеистическую мысль питают идеями немецкой классической философии. Но если Краузе «удачно сочетает платоновскую метафизику с кантовской трансцендентальной философией», а также идеями Фихте и Шеллинга (Göcke, 2018: 13-14), то Чешковский прежде всего отталкивается от системы Гегеля.

В немецкоязычном труде «Gott und Palingenesie» (1842) Чешковский выражает свои философские идеи, касающиеся проблематики Бога. Ее написанию предшествовал курс лекций Карла Людвига Михелета (1801–1893), учителя и друга Чешковского, на тему личности Бога и бессмертия души. Как истинный гегельянец, Михелет, по мнению его ученика, в своей философии Бога был склонен к абсолютизации общего, что позволяет определить его концепцию как идеалистический пантеизм, преодолевший предыдущую христианскую теистическую доктрину о трансцендентном Боге. Образ Бога, представленный Михелетом, непоследователен, представляет собой «безличностную личность» (Cieszkowski, 1972: 171-173). Однако здесь Чешковский, вооруженный диалектическим методом Гегеля, идет дальше: он видит необходимость синтеза идеалистического теизма с идеалистическим пантеизмом (в границах «христианской эпохи»), приводя их далее к синтезу с древним натурализмом как этапом пребывания духа «в себе».

Таким образом, Бог для Чешковского уже «не есть ни «сущим в себе», ни «сущим для себя», но «сущим из себя», то есть личностью; не является лишь субстанцией или только мыслью, но духом, а дух Чешковский понимал как синтез материальности с идеальностью. Материя, доказывал он, является неотъемлемой составляющей Бога (Walicki, 1983: 68-69).

Следует отметить, что сам автор свою концепцию Бога называл «монопантеизмом», то есть «синтезом монотеизма и пантеизма. «Проще говоря, это панентеизм, хоть и подчиненный радикально представленной тринитарной позиции» (Kubski, 2020: 319). В панентеизме Чешковского избирались оптимальные характеристики как классического теизма (прежде всего, ярко выраженная божественная трансцендентность), так и пантеизма (соответственно, радикальная имманентность Бога миру) с той целью, «чтобы мир не был безбожным, а Бог безмирным». Таким образом снимается вопрос о имманентности/трансцендентности Бога («о том, является ли он «внутримирным сущим» (ens intramundanum) или же «потусторонним сущим» (ens extramundanum)). Чешковский сжато выражает эту мысль в формуле, согласно которой Бог «есть над всем, через все и во всем». Как замечает Б. Трентовский, такая концепция является «par excellence панентеистической» и больше склоняется к пантеизму, чем к теизму (в его классическом варианте) (Walicki, 2011: 148-149).

Замечание Трентовского о пантеистическом «крене» концепции Бога Чешковского достойно внимания. Эта концепция была довольно смелой и даже опасной с точки зрения католического вероучения. Согласно конституции Ватиканского Собора «Dei Filius» (1870), церковью осуждались идеи об одинаковой субстанции/сущности Бога и мира, убеждения о процессе развития Бога, Его неличностной сущности и т. п. (Dei Filius), под этим подразумевалось пантеистическое мировоззрение. Если в этом документе отцы Собора не уделяют внимание конкретным представителям, указывая лишь их ошибки, то в апологетической литературе прямо говорится о концепциях.

Так, помимо уже упомянутого «мистического пантеизма социалистов» (Сен-Симон), в словаре Жоги «диалектический пантеизм» Гегеля представляется как глубокое заблуждение (Jaugey, 1896: 14-15). Чешковский в своей диалектике развития Духа во многом сходен с Гегелем, и это не могло не вызвать критических замечаний со стороны представителей католической церкви. В то же время его религиозный синтез все же стремится удержаться на орбите христианской ортодоксии, провозглашая личностного Бога вершителем истории. Именно эта особенность религиозной историософии Чешковского и позволяет человеку обращаться к Нему «Отче наш».

5. Заключение

Таким образом, можно констатировать, что историософская мысль Чешковского не просто имеет религиозный характер, а обусловлена методологической базой, в которой религия занимает ключевое место. В своей историософской методологии польский философ отталкивается от гегелевской философии истории, однако существенно модифицирует ее. Во-первых, благодаря «философии действия» Чешковский вводит в исторический процесс новый этап – «этап действия», связывая его с созиданием царства Божьего. Во-вторых, понимание Духа польским автором существенно отличается от гегелевского: согласно Чешковскому, в Духе необходим материальный элемент как его существенная составляющая. Вследствие этого можно уверенно говорить о «реабилитации» материи, а также светского, «земного» измерения жизни человечества. Таким образом, в результате нивелирования жесткой границы между потусторонним Богом и посюсторонним миром сфера религиозного расширяется, охватывая собой все сферы деятельности человека, а сам человек предстает активным и ответственным за судьбы мира субъектом.

Становится понятным выбор Чешковским именно панентеистической модели отношения между Богом и миром. Она также подразумевает синтез, стараясь примерить в себе такие противоположные концепции, как классический теизм и пантеизм, отвергая тем самым дуализм Духа и материи в пользу монистической картины реальности. Исторический же процесс, соответственно, предстает как совместное действие личностного Бога и человека.

Литература

- Bartula, 2006 – Bartula, P. (2006). Jako w niebie tak i na ziemi. August Cieszkowski redivivus. Kraków: Księgarnia Akademicka, 113 p. [in Polish]
- Cieszkowski, 1922 – Cieszkowski, A. (1922). Ojciec Nasz. Vol. 1. Poznań: Fiszer i Majewski, 224 p. [in Polish]
- Cieszkowski, 1923a – Cieszkowski, A. (1923). Ojciec Nasz. Vol. 2. Poznań: Fiszer i Majewski, 518 p. [in Polish]
- Cieszkowski, 1923b – Cieszkowski, A. (1923). Ojciec Nasz. Vol. 3. Poznań: Fiszer i Majewski, 296 p. [in Polish]
- Cieszkowski, 1972 – Cieszkowski, A. (1972). Prolegomena do historiozofii; Bóg i palingeneza oraz mniejsze pisma filozoficzne z lat 1838-1842. Warszawa: PWN, LIV+437 p. [in Polish]
- Culp, 2023 – Culp, J. (2023). Panentheism, The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/panentheism/>
- Dei Filius, 1870 – Dei Filius (24 m. Aprilis, A.D. 1870). [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/i-vatican-council/documents/vat_i_const_18700424_dei-filius_la.html
- Garewicz, 1966 – Garewicz, J. (1966). August Cieszkowski w oczach Niemców w latach trzydziestych-czterdziestych XIX wieku. *Polskie spory o Hegla 1830-1860*. Warszawa: PWN. Pp. 205-241. [in Polish]
- Garewicz, 1982 – Garewicz, J. (1982). Niedokończony dzieło Augusta Cieszkowskiego. *Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej*. 27: 49-76. [in Polish]
- Göcke, 2018 – Göcke, B.P. (2018). The Panentheism of Karl Christian Friedrich Krause (1781-1832): From Transcendental Philosophy to Metaphysics. New York: Peter Lang, 258 p.
- Heller, 2023 – Heller, M. (2023). Sens życia i sens wszechświata. Kraków: Copernicus Center Press, 262 p. [in Polish]
- Jakubowski, 1993 – Jakubowski, M.N. (1993). Hegel i «koniec historii»: kontekst polskiej «filozofii czynu». *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filozofia*. 15(264): 43-56. [in Polish]
- Jaugey, 1896 – Jaugey, J. (1896). Słownik apologetyczny wiary katolickiej. Oprac. Wł. Szcześniak i in. Warszawa: Drukarnia St. Niemiery. T. 3. 935 p. [in Polish]
- Kroński, 1957 – Kroński, T. (1957). Koncepcje filozoficzne mesjanistów polskich w połowie XIX wieku. *Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej*. 2: 81-123. [in Polish]
- Kubski, 2020 – Kubski, G. (2020). O wyobraźni autora traktatu Ojciec nasz. *Wrocławski Przegląd Teologiczny*. 28(2): 313-340. [in Polish]
- Litka, Kowalik, 2018 – Litka, P., Kowalik, Ł. (2018). Polski mesjanizm romantyczny. *Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria*. R. 27. 1: 67-91. [in Polish]
- Lubik, 1961 – Lubik, A.M. (1961). Teologia rzeczywistości ziemskich. *Roczniki Teologiczno-Kanoniczne*. T. IX. 3: 32-33.

- Napiurkovskiy, 2010 – Napiurkovskiy, S. (2010). Yak zaimatysia teolohiiu. Kyiv, 240 p. [in Ukrainian]
- Pawlaczyk, 2019 – Pawlaczyk, K. (2019). Rola Boga i palingenezy w kształtowaniu się poglądów filozoficznych Augusta Cieszkowskiego. *Przegląd Religioznawczy*. 3(273): 95-109. [in Polish]
- Sajdek, 2018 – Sajdek, W. (2018). Mesjanizm w filozofii Augusta Cieszkowskiego. *Polonia Journal*. 8: 187-204. [in Polish]
- Szulakiewicz, 2015 – Szulakiewicz, M. (2015). Oblicza religii Augusta Cieszkowskiego. Temporalny i dziejowy wymiar doświadczenia religijnego. *Scientia et Fides*. 1(3): 187-212. [in Polish]
- Walicki, 1970 – Walicki, A. (1970). Filozofia a mesjanizm. *Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego*. Warszawa: PIW, 315 p. [in Polish]
- Walicki, 1983 – Walicki, A. (1983). Lata 1815-1863. *Zarys dziejów filozofii polskiej*. Red. A. Walicki. Warszawa: PWN. Pp. 9-133. [in Polish]
- Walicki, 2011 – Walicki, A. (2011). Ruch filozoficzny lat czterdziestych XIX wieku jako program reedukacji i modernizacji narodu. *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. T. XLVIII: 129-154. [in Polish]

Историософские основания польского национального движения в Российской империи

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Андрей Александрович Пальчик ^c, Александр Павлович Дядя ^b

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^c Институт богословских наук Непорочной Девы Марии, Каменец-Подольский, Украина

Аннотация. В данной статье исследуется роль религии в методологии историософской концепции польского мыслителя Августа Чешковского (1814–1894) – представителя польской «национальной философии», одного из творцов «философии действия». Будучи свидетелем подавления польского национального движения со стороны российской монархии, Чешковский был одним из тех польских философов, которые стремились пробудить в своем народе стремление к активным действиям социально-политического характера.

Историософская мысль Чешковского синтезировала модифицированную гегелевскую философию истории с авторской «философией действия». При этом религия в концепции польского мыслителя исполняет такие функции, как метафизическая (в качестве третьего этапа развития истории), эпистемологическая (как условие постижения логики исторического процесса) и праксиологическая. Последняя из них рассматривается более подробно, поскольку в ней отражена фундаментальная историософская идея: религия призывает к действию, направленному на преобразование мира и утверждение царства Божьего.

При этом историософская концепция Чешковского существенно отходит от гегелевской системы: Духу как принципу исторического развития присущ материальный элемент, что, в свою очередь, является основанием для «реабилитации» материи. Таким образом, панентеизм Чешковского, синтезирующий классический теизм с пантеизмом, делает возможным совместное действие личностного Бога и свободного человека, способного взять ответственность за судьбы мира.

Ключевые слова: Август Чешковский, религия, историософия, методология историософии, польское национальное движение, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1605-1614
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1605

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements

Nikolay A. Zhirov ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the economic and demographic evolution of rural settlements in the Black Earth Center of Russia in the 19th and early 20th centuries using the example of Orthodox parishes in the village of Dankovo in the Voronezh Region and the villages of Navesnoye and Panikovets in the Oryol Provinces. Particular emphasis is placed on their historical path from an insufficiently developed and sparsely populated region to a fully developed territory with signs of agrarian overpopulation and a crisis in agriculture (demoecological crisis). The main methodology of the work consists in a comprehensive study of the material of the main archives of the Russian Federation: (RGADA, Moscow) and St. Petersburg (RGIA), as well as in the regional archives of Voronezh (GAVO), Orel (GAOO) and Lipetsk (GALO). Traditional scientific methods (comparative-historical, system analysis, structural approach, etc.) were used in the study of archival documents. Thanks to the use of mathematical and statistical methods, a wide layer of historical information was processed, expressed in tables, diagrams, etc. The main conclusion put forward is that in the second half of the 19th century the area under study was transformed into a developed agrarian region, but the preservation of old farming methods and agricultural technology with limited natural resources, combined with high population growth rates, resulted in a demographic and ecological crisis. An attempt to overcome the negative trends of the turn of the 19th and 20th centuries through agrarian reforms turned out to be of little use. This occurred for a number of objective reasons, for example, the rapid natural increase in the village population with limited quotas for peasant resettlement, i.e., it was physically impossible to satisfy the villagers' needs for land. In addition, external factors played a role, primarily the First World War, when agrarian reforms came to naught and did not allow solving problems in an evolutionary peaceful way. And the events of 1917 and the subsequent Civil War finally changed the usual course of life in the black earth village.

Keywords: peasantry, historical settlements, Chernozem region, demographic factors, socio-economic development.

1. Введение

Первоначальное заселение и хозяйственное освоение Центрального Черноземья началось на рубеже XVI-XVII вв., и до XVIII в. эти процессы были осложнены приграничным характером данной территории. Даже после строительства Белгородской Черты и смещения границ государства далеко на Юг продолжали сохраняться фронтальные особенности развития региона, например, неравномерное размещение населения и острая нехватка рабочих рук, в первую очередь, крестьян.

В течение XVIII в. произошли существенные изменения в социально-экономическом развитии Черноземья. Вследствие нескольких волн колонизации края со стороны крупных и средних землевладельцев-дворян, владевших десятками и сотнями крепостных крестьян, меняется социальный состав в сторону снижения доли первопоселенцев из числа служилых категорий населения, будущих

* Corresponding author

E-mail addresses: zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

одногодворцев и увеличения доли владельческих крестьян. Благодаря естественному приросту и внешней миграции шел динамичный рост численности жителей, расширялась сеть населенных пунктов, увеличивались площади под сельскохозяйственными угодьями.

К началу XIX в. Черноземье представляло собой хорошо освоенный регион Центральной России с растущим населением и динамично развивающейся местной экономикой, в основе которой лежало сельское хозяйство, а земледелие продолжало играть ключевую роль.

В течение XIX – начала XX вв. шло постепенное увеличение населения, но ресурсная база и хозяйственные методы продолжали оставаться неизменными, что неминуемо вело к аграрному перенаселению и кризису местной экономики, в основе которой лежало сельское хозяйство и переработка его продукции.

Динамика развития этих процессов имела общие принципы во всем регионе, но использование усредненных статистических данных не позволяет увидеть все нюансы и особенности, протекавшие на «низовом уровне» в рамках отдельных поселений и локальных исторических территорий. Микроисторические исследования глобальных процессов, реализуемые через призму демографической и социально-экономической составляющих, позволяют не просто зафиксировать изменения статистических данных, но и понять условия, в которых жили и действовали люди в прошлом.

Детальный анализ демографической истории трех сельских поселений и их исторической окружности в контексте модернизации аграрного общества в XIX – начале XX вв. позволило получить ценный опыт совмещения методов масштабной исторической демографии с приемами новой локальной истории.

2. Материалы и методы

Исторические методики, которые были использованы в исследовании, обусловлены поставленными задачами и направлены на получение важных информационных данных историко-демографического плана, необходимых для осмысления социально-поведенческой, хозяйственной и материальной истории черноземной деревни XIX – начала XX вв.

Основная методика работы заключена в комплексном изучении материала основных российских архивов: Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Также были использованы материалы региональных архивов: Государственного архива Воронежской области (Воронеж, Российская Федерация), Государственного архива Орловской области (Орел, Российская Федерация) и Государственного архива Липецкой области (Липецк, Российская Федерация). Основными источниками данной работы стали материалы экономической статистики Российской империи – «Экономические примечания к планам Генерального межевания» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 245, 971, 972, 975, 976, 994), демографическая статистика империи (РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 309; Оп. 11. Д. 1551), статистика и делопроизводственная документация по местному землевладению и землепользованию, переселенческому движению и т.д. Особое место в работе занимает пласт материалов церковного учета населения исследуемых приходов, который позволил изучить социальную структуру местного социума и протекавшие в нем демографические процессы.

В исследовании архивных документов были использованы традиционные научные методы (сравнительно-исторический, системный анализ, структурный подход и проч.). Благодаря использованию математических и статистических методов был обработан широкий пласт исторической информации, выразившейся в таблицах, диаграммах и т. д.

Статистика и методика работы с этим историческим источником позволила проследить динамику развития исследуемых сельских поселений в демографическом и социально-экономическом ракурсах. Методы, присущие социальной истории (анализ и синтез, обобщение), были обусловлены необходимостью изучения социальных институтов русской деревни исследуемого периода.

Сравнительный метод также имеет важнейшее значение для анализа процесса эволюции структуры социальной организации населения исследуемого региона. Очевидно, что жизнь людей в разные эпохи отличалась, а значит, отличались и формы их социального поведения. Представленные методы и подходы хорошо зарекомендовали себя в предыдущих исследованиях архивного материала XVII – начала XX вв., поэтому широко использовались и в данном случае.

Используемая методология новой локальной истории позволила выйти за условные рамки административных границ изучаемых поселений к пониманию их истории как части изменений, происходящих в окружающем их пространстве, не только ландшафтно-географическом, но и социокультурном, связанном с изменением исторических условий и среды.

3. Обсуждение

Вопросы социально-экономического и демографического развития черноземной деревни, в том числе судьба однодворческого населения, а впоследствии и государственного крестьянства Российской империи, неоднократно поднимались как дореволюционными, так и советскими исследователями. Наиболее обширен список работ советских историков, посвященных, в первую очередь, крестьянскому хозяйству империи (Анфимов, 1980: 146-211; Дружинин, 1946: 54-127),

а также демографическим процессам на общегосударственном и региональном уровнях (Водарский, 173: 48-85; Кабузан, 1963: 25-68; Кабузан, 1989: 54-63; Рашин, 1956: 33-59). Однако в этих монументальных трудах не освещались региональные особенности, история локальных территорий, не использовался микроисторический подход в изучении повседневности.

В постсоветский период стали появляться исследования, посвященные региональной тематике, в области демографического развития отдельных территорий Российской империи, в том числе и Черноземья (Есиков, Канищев, 2001: 16-23; Чернова, 2016: 32-35; Hoch et al., 1996: 89-91). При этом продолжают появляться монументальные работы как по социально-экономическому развитию российской деревни, так и по демографическим процессам в среде сельского населения (Жуков и др., 2011: 13-178; Милов, 1998: 24-187; Миронов, 2016: 58-406; Нефедов, 2005: 31-458).

К теме социальной организации однодворческой деревни Центрального Черноземья обращались и зарубежные исследователи. Например, американский историк Б. Девис отмечал, что однодворцы жили большими коллективными хозяйствами вследствие необходимости организации ввода и обработки целинных земель в условиях обороны от постоянных набегов степняков (Davies, 2004: 118-119). В исследовании Джона Бушнелла (Бушнелл, 2020) был широко применен опыт изучения локальной истории, что становится новым трендом в современной историографии, все больше применяемым зарубежными и отечественными исследователями.

4. Результаты

Демографическое и социально-экономическое развитие Центрально-черноземного региона России на примере трех исторических поселений – Воронежской (с. Данково) и Орловской (с. Навесное, с. Паниковец) – в XVII-XVIII вв. было подробно рассмотрено в предыдущих исследованиях автора и коллег (Жиров, Ляпин, 2023: 432-450). И, прежде чем приступить к изложению дальнейшего исторического пути этих сел в XIX – начале XX вв., остановимся на основных моментах ранней истории населенных пунктов.

Все исследуемые поселения появились в XVII в., и первоначальная их судьба была связана с колонизацией лесостепного пространства Юга России в рамках расширения границ государства и освоения «Дикого поля», сопряженного с борьбой против степняков, постоянно вторгавшихся в пределы России и разорявших окраины страны. После строительства Белгородской черты в середине XVII в. наступает период относительно спокойной жизни для местного населения, изначально представленного служилыми людьми с незначительной долей крестьян и иных групп населения.

В первой половине XVIII в. произошли радикальные изменения в социальной структуре местного общества. Большая часть служилого населения превратилась в однодворцев, незначительная группа стала помещиками, преимущественно мелкопоместными. Доля крестьян была незначительной. Во второй половине XVIII в. начался процесс раздачи земли дворянам из всей Российской империи, которые, в свою очередь, стали заселять свои земли крестьянами.

В ходе изучения массовой документации фискального характера, в том числе демографической, по Воронежскому, Елецкому и Ливенскому уездам (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 245, 971, 972, 975, 976, 994) были получены ценные сведения о социальной структуре местного сообщества, об экономическом развитии данных территорий, о характере освоения региона и т.д. Более детально итоги развития территории за два столетия рассмотрим на примере Елецкого уезда.

К началу XIX в. в Елецком уезде (без городских владений) земельный фонд выглядел следующим образом: пашенные угодья составляли 273 238 десятин (далее по тексту дес.), сенокосы и выгонная пастбищная земля – 74 441 дес., леса – 57 814, всей земли – 426 295 дес. (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972. Л. 670б.).

По материалам V ревизии 1795 г., численность населения уезда составила 92 925 человек, из них 36 335 однодворцев, 811 однодворческих и помещичьих крестьян – 52 463 человека мужского и женского пола. По сравнению с предыдущей ревизией 1782 г. население уезда увеличилось на 40 %, а средняя людность двора выросла с 7-8 до 9-10 человек (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 971).

Согласно подсчетам, распределение основных земельных угодий на один сельский двор было следующим: пашня – 26,25 десятин (на одного человека – 2,93 дес.), сенокос – 7,15 дес. (на одного человека – 0,8 дес.), лесные пространства – 5,55 дес. земли (на одного человека – 0,62 дес.).

На уровне отдельных сельских поселений ситуация была не везде однозначной, и в качестве примера приведем данные по даче с. Паниковец, в которую, кроме самого села, входили две владельческие деревни, Красная и Маланьино, возникшие во второй половине XVIII в.

Всей земли в данной даче значилось 2 105 дес., из них пашни – 885, сенокос – 61, лес – 1 088 дес. Однодворцев обоего пола – 414 человек, проживавших в 54 дворах (7,6 человек на один двор), владельческих крестьян – 353 в 34 дворах (10,4 человека на один двор) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972. Л. 270б-28). К сожалению, источник не дает информации о площади владений однодворцев и частных владельцев, но, исходя из общих цифр, на один двор приходилось: пашня – 10 дес. (на одного человека – 1 дес.), сенокос – 0,7 дес. (на одного человека – 0,07 дес.), леса – 12,4 дес. земли (на одного человека – 1,3 дес.). В соседней деревне Локтево, входившей в приход с. Паниковец и составлявшей его историческую округу с начала XVII в., ситуация была немного иной: однодворцев в

14 дворах – 101 человек (7,2 человек на один двор), владельческих крестьян – 186 в 14 дворах (13,3 человека на один двор) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972. Л. 260б.-27).

На один сельский двор приходилось: пашня – 9 дес. (на одного человека – 0,9 дес.), сенокос – 1,5 дес. (на одного человека – 0,14 дес.), леса – 4 дес. земли (на одного человека – 1,2 дес.). Все угодья в данной даче были в дефиците, кроме лесов, принадлежащих казенному ведомству, его вырубка была ограничена.

Соотношение крестьянского и однодворческого населения Елецкого уезда к началу XIX в. изменилось по сравнению с рубежом XVII-XVIII вв. и стало 60 % на 40 %. Эти изменения в структуре местного социума являлись следствием покупки усадеб крупными землевладельцами в течение XVIII в., они были заселены владельческими крестьянами.

В первой четверти XIX в., согласно «Экономическому камеральному описанию Елецкого уезда 1832 г.», рост населения в уезде продолжался и, по ревизии 1816 г., без учета городского населения составил 115 913 человек. Таким образом, по сравнению с V ревизией численность жителей увеличилась на 20 % с темпами роста 1 % в год. Основной фонд земель оставался прежним с незначительными изменениями (ГАОО. Ф. 592. Оп. 2. Д. 69. Л. 88).

Исходя из материалов источника, видно, что и на уровне отдельных сел шел процесс роста жителей, и увеличивалась нагрузка на земельные ресурсы. В с. Паниковец с деревнями Красная и Маланыно по данным 7 ревизии числилось: однодворцев в 72 дворах – 459 человек (6,4 человек на один двор), владельческих крестьян – 486 в 59 дворах (8,2 человека на один двор) (ГАОО. Ф. 592. Оп. 2. Д. 69. Л. 510б.-52). Однодворческое население выросло почти на 10 %, а владельческое – более чем на 27 %, что указывает на возможный механический прирост крепостных крестьян у местных помещиков, но для более точного ответа требуется привлечение более широкого круга источников.

Фиксировалось уменьшение пашенных угодий по сравнению с концом XVIII в. с 885 до 785 дес. (возможно, это неточности подсчетов делопроизводителей или иные причины). В любом случае вследствие роста населения усугублялась ситуация с земельными угодьями. Пашня приходилась – 5,6 дес. на двор, сенокос – 0,06 дес., леса – 1,1 дес. земли.

Подобная ситуация возникала и в других поселениях исследуемого региона. Дача с. Навесное Ливенского уезда представляла собой значительную территорию, не разделенную к началу XIX в. на отдельные участки и не совсем ясно, каким количеством угодий владели частные лица и однодворцы, а также как выглядела эта ситуация в каждом конкретном населенном пункте. С другой стороны, этот факт дает представления об исторической округе с. Навесного, формировавшейся со второй половины XVII в. В течение второй половины XVIII в. из Навесного в рамках этой дачи выделились и образовали самостоятельные приходы села Гатище и Казинка, четыре деревни и пять владельческих сел. Во всех поселках в 289 дворах числилось 2 226 однодворцев и их крестьян 41 человек всех полов, а также 824 владельческих крестьянина в 94 дворах.

В даче значилось: пашни 16 125 дес., сенокоса 427 дес., лесов 622 дес., всей земли – 17 558 дес. (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 994. Л. 350б.-38). На один двор (однодворцев и помещичьих крестьян): пашня – 41 дес. (на одного человека – 5 дес.), сенокос – 1,1 дес. (на одного человека – 0,13 дес.), леса – 1,6 дес. земли (на одного человека – 0,2 дес.). Несмотря на то что пашня имелась в достатке, сенокосы и лесные пространства в данной даче имелись в дефиците, кроме того, нам неизвестна конкретная ситуация по отдельным поселкам и категориям населения.

Таким образом, к концу первой трети XIX в. в Паниковце сложилась негативная ситуация для дальнейшего развития хозяйства. Демографическая нагрузка на природные ресурсы существенно выросла, что неизбежно влекло обострение отношений как внутри общины, так и в отношении с местными землевладельцами в борьбе за землю и иные ресурсы. В округе с. Навесное ситуация была немного лучше, особенно с обеспечением пашней, но сенокосы и леса уже были в дефиците.

Освоенность Воронежского уезда в конце XVIII в. была недостаточной: из 406 256 дес. только 131 690 были под пашней или 32 %, под лесами – 22,4 %, а целинные земли составляли чуть менее половины площади уезда (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 246). Обилие неосвоенных пространств делало перспективным развитие земледелия и дальнейший рост населения уезда. Это наглядно демонстрировало с. Данково, в котором с 1770 по 1775 гг. произошел стремительный рост числа крестьянских дворов и жителей в них (с 106 до 149 дворов, с 399 до 667 человек (Мокшин, 2019: 31), что, возможно, было следствием миграции.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. начался период осложнения отношений между местными корпорациями однодворцев и помещиками-дворянами в вопросе землепользования некогда общими владениями в рамках исторически сложившихся земельных дач, формировавшихся на протяжении XVII-XVIII вв. (Нечаев, 2021: 38-46). Земельные конфликты часто сопровождались судебными разбирательствами, иногда затягивавшимися на десятилетия. На примере с. Навесное Ливенского уезда и его исторической округи был обнаружен ряд судебных материалов, где однодворцы, вступая в тяжбы с местными помещиками, выступали коллективно, единым обществом (Жиров, 2023: 32-39). Практика самозахвата помещиками однодворческих земель в Черноземье не была обыденностью, что подтверждают материалы по Курской губернии. При этом однодворцы, как правило, выступали «единым фронтом» против произвола местных властей в решении поземельных

конфликтов, ощущая себя особой группой потомков служилых людей, за которых может заступиться только «царь», поэтому обращения в Сенат не были редкостью (Кулданов, 2024: 89-101). Конфликты стали учащаться по мере нехватки фонда наличной земли, на это указывают материалы судебных разбирательств (ГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 576; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 34; РГИА. Ф. 383. Оп. 11. Д. 12653). В них отмечалось, что на момент Генерального межевания (1777 г.) претензий со стороны однодворцев дачи с. Навесное к итогам размежевания земли не было, возникли они значительно позже, в основном после покупки земли дворянами в конце XVIII в.

В подавляющем большинстве конфликты шли в рамках бывшей единой служилой группы населения, которая со временем превратилась в однодворцев и частично выделилась в мелкопоместных дворян. Если пашенные угодья в основном были разделены еще в пору Генерального межевания земли, то сенокосы, лесные массивы продолжали использоваться совместно, и это порождало споры и прения. Специфика самоорганизации социума на локальном уровне шла в двух плоскостях – чисто экономическом, в виде отстаивания своих интересов в борьбе за землю, и в плане сплочения отдельных сословных и внутрисословных подгрупп, формировавшихся в рамках локальных исторических поселений на протяжении столетий.

Подтверждением этого тезиса является демографическое поведение местного социума на протяжении XIX в. Важным аспектом формирования общины являлись брачные традиции населения, и одним из главных критериев оценки выступал круг брачных отношений в рамках приходов исследуемых сел. Однодворцы в подавляющем большинстве женились в дореформенный период (первая половина XIX в.) на представителях своей группы точно так же, как и владельческое крестьянство. В рамках одного прихода эти сословия фактически не смешивались и были обособленными, на что указывают сведения из ревизских и метрических документов.

В ревизских сказках IV ревизии у однодворцев исследуемых поселков фиксировались место прежнего проживания и сословный статус вышедших замуж девушек. Например, в д. Пикалово, жители которой были выходцами из с. Навесное, был зафиксирован приток невест исключительно из однодворческой среды: «из с. Навесное пришли 11 девушек, 3 из с. Покровское, 3 из д. Круглой и 2 из д. Борки. Также в д. Пикалово переселялись из таких населенных пунктов, как г. Ливны, с. Волово и т.д.» (Мельникова, 2023: 119-121). Стоит заметить, что брачный «рынок невест» территориально был широким, и часть девушек проживала изначально на удалении от своего места замужества на 30 и более верст. Схожая ситуация наблюдалась в соседних поселках не только Ливенского уезда, но и Елецкого, в частности, в с. Паниковец (ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 122). Не было отмечено ни одного случая, когда однодворцы брали бы в жены крестьянок.

Согласно метрическим материалам первой половины XIX в. прихода с. Навесное, количество браков между однодворцами и крестьянами ничтожно мало. За период 1830–1845 гг. было совершено более 200 однодворческих браков, и только в четырех случаях были взяты в жены владельческие крестьянки. В приходе с. Гатище за период 1812–1825 гг. из 213 однодворческих браков только два раза были взяты замуж вольноотпущенные крестьянки (ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1752, 1780, 1802, 1804, 1805, 1806, 1807). Подобная ситуация изначально была характерна и для Богоявленского прихода с. Паниковец Елецкого уезда. Однако к концу 1840-х гг. браки между однодворцами и крестьянами становятся нередким явлением (ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 440, 441).

Если в целом оценивать демографические процессы в исследуемых селах, то естественный прирост населения был везде положительным за счет высокой рождаемости. В приходе с. Паниковец за период с 1800 по 1861 гг. общий естественный прирост составил более 2 250 человек (ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 440, 441). В приходе с. Навесное с 1835 по 1845 гг. прирост составил 349 человек. К сожалению, у нас нет подобных сведений по с. Данково, метрики сохранились только за начало XX в.

Важной вехой дальнейшего развития исследуемых поселений сначала стала реформа государственной деревни Киселева, а затем отмена крепостного права и последовавшие за ней преобразования российского села.

Процесс этот был сложным, на что указывают материалы по размежеванию дач с. Навесное (РГИА. Ф. 383. Оп. 12 Д. 12964) и Паниковец (ГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 594).

В с. Навесное во время генерального межевания было отмежевано в дачу 17 578 дес. земли, а по указу 1804 г. была отмежевана однодворцам на число душ пять ревизии в 15 дес. пропорционально. Всего во владение будущих государственных крестьян было отведено 9 922 дес., то есть менее количества оказавшегося в действительном их владении и назначаемого им по полюбовной сказке на 1 718 дес. (РГИА. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12964. Л. 14-140б.).

В ходе нового размежевания 1849-1850 гг. государственные крестьяне не соглашались на полюбовное межевание дачи по наличному владению и требовали по крепостям. Кроме того, жаловались на стеснение со стороны помещиков, которым земля досталась вдвойне на души и на крепости согласно решению уездного суда в 1809 г. В полюбовной сказке было назначено удобной и неудобной помещикам 6 169 дес. 1 128 саж гос. крестьянам 11 640 дес. Согласно последним измерениям, у помещиков и в личной собственности государственных крестьян было удобной 6 030 дес., у гос. крестьян – 11 481 дес. и неудобной – 159 дес. Всего в даче удобной – 17 657 дес., а в неудобной – 17 917 дес. земли (РГИА. Ф. 383 Оп. 12 Д. 12964. Л. 14-140б.).

Так как нарезки во всей даче сделаны к поселениям и в тех местах, где было прежнее владение, то Чертежная палата решила для удобства государственных крестьян незначительно изменить некоторые нарезки только у частных владельцев.

В даче с. Паниковец полюбовное размежевание земли было предпринято в 1844 г. и продлилось до 1851 г. Инициатива исходила от частных владельцев, которые желали «размежеваться в этой даче из через полостного владения к одним местам с принятием ко владению нашему удобной земли с угодьями того самого количества какое находится в действительном нашем владении или же следует по крепостям» (ГАОО. Ф. 82. Оп.1. Д. 594. Л. 2).

Не вдаваясь в подробности, так как документ очень большой (210 листов), и это тема для отдельного исследования, стоит обратить внимание на ряд проблем, которые не позволили провести быстрое размежевание. Во-первых, большая часть помещиков происходила из корпорации местных однодворцев, что подтверждается их крепостями на владение землей. В этих крепостях указывается на совместное владение лугами, лесами, выгонами и иными категориями земли. За более чем 250 лет существования поселения (на момент начала процедуры в 1844 г.) земли продавались, дарились, обменивались и т.д. Часть однодворцев владела землей по четвертному праву, например, государственные крестьяне Алексеевы из д. Алексеевки (ГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 594. Л. 2), а другая часть владела на общинных основаниях и делилась на число наличных душ. Количество земли, принадлежащей владельцам по документам, не соответствовало фактической как у помещиков, так и у однодворцев. В итоге размежевание почти зашло в тупик, помещики начали судебные разбирательства, появились конфликты с крестьянами.

Размежевание территории Паниковской дачи пришлось завершить, так и не решив некоторых вопросов, но по итогам государственные крестьяне с. Паниковец и его исторической округи лишились части принадлежавших им земель и по степени обеспеченности пашней и иными категориями земель не отличались от владельческого крестьянства. Возможно, поэтому во второй половине XIX в. наблюдался рост числа браков между владельческими крестьянами, помещичьими дворовыми и местными государственными крестьянами. Доля таких браков достигла к 1870-м гг. 1/3 и не менялась до конца регистрации таких групп населения вплоть до конца 1880-х гг. При исчезновении экономического фактора все остальные не играли важной роли, что позволяло формировать местный социум из разных слоев общества, исходя из объективной ситуации.

В середине XIX в. в Орловской губернии сохранялся экологический баланс между освоенными и не введенными в сельскохозяйственный оборот землями. Пашня составляла более 2,2 млн дес. земли или около 60 % площади. Такая же доля пашни была и в соседних черноземных губерниях, например, в Воронежской, но это значительно ниже, чем в старопашенных и освоенных ранее регионах Центральной России. В соседней Тульской губернии запашка превышала 70 % ее территории, и экологический баланс находился на грани допустимой нормы (Жиров, 2018: 52-57). На одного жителя Орловщины в среднем приходилось около 1,4 дес. пахотных угодий, что свидетельствовало о будущей нехватке земли при условии роста населения губернии.

В ходе отмены крепостного права повсеместно стали проводиться новые переделы земли между помещиками и их бывшими крестьянами, переходившими в статус временно обязанных. В округе с. Навесного располагалось сельцо Топское, фактически примыкавшее к селу. Согласно уставной грамоте местные крестьяне помещика Давыдова до обнародования положения пользовались примерно 580 десятинами земли или 4 дес. на одну мужскую душу. По закону размер тягла составлял три десятины. Земельный надел обязаны были получить 145 крестьян, таким образом, крестьянам причиталось 435 дес., а лишние 145 дес. должны были перейти в пользование владельца или выкуплены крестьянами в течение 20 лет (ГАОО. Ф. 36. Оп. 3. Д. 366. Л.20б.). То есть бывшие крепостные крестьяне были поставлены в более сложные экономические условия.

По итогам ревизии 1858 г. в с. Навесное было зарегистрировано 727 государственных крестьян мужского пола и по записи 1866 г. их надел составлял 3 228,5 дес. удобной и 120,1 дес. неудобной земли. То есть на одну мужскую душу приходилось в среднем 4,4 десятины удобной земли, что было немного больше, чем у бывших владельческих до отмены крепостного права. Кроме того, под лесом, находящимся у крестьян при селении, – 99,3 дес., но собственниками была лишь половина членов сообщества, а на семью в среднем приходилось не более одной десятины (ГАОО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 426).

Рост демографической нагрузки в пореформенный период на природные ресурсы только увеличивался благодаря высокому естественному приросту населения. Согласно циркуляру МВД от 24 мая 1884 г. были собраны сведения о населенных местах и народонаселении по уездам Орловской губернии, в том числе по с. Навесное (РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 309. Л. 9610). Всего в селе числилось по семейным спискам мужского пола 1 286 человек и 1 245 женского. Количество удобной земли на одну мужскую душу сократилось до 2,5 десятины. По материалам всероссийской переписи 1897 г. численность жителей с. Навесное не изменилась, что указывало на миграционный отток населения, вызванный нехваткой земли. В сельце Топском произошел небольшой прирост по сравнению с серединой XIX в. Мужчин числилось 160 (РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1551. Л. 649). В среднем на одного человека приходилось 2,7 десятины удобной и неудобной земли, то есть примерно одинаково, как и у государственных крестьян.

В начале XX в. в черноземных уездах Орловской губернии пахотные угодья составили 85 % их территории, леса и сенокосы не превышали 4-5 %. Только 1/3 крестьянских хозяйств имела необходимое количество земли для сохранения правильного севооборота и не испытывали нужды.

Столыпинская реформа и аграрное переселение в Сибирь были нацелены на изменение ситуации в лучшую сторону. В аграрной миграции приняли участие более 130 тыс. селян, но около 1/3 не сумели закрепиться на новых местах и были вынуждены возвращаться домой, пополняя ряды сельских бедняков (Жиров, 2021: 147).

Аграрное перенаселение Черноземья к началу XX в. стало объективной реальностью, обусловленной естественными причинами. Естественный прирост жителей во второй половине XIX – начале XX вв. продолжал оставаться высоким во всех исследуемых поселениях. Например, в приходе с. Паниковец ежегодно в среднем число новорожденных превышало умерших на 50 человек, в приходе с. Навесное – более 80 человек, а в приходе с. Данково – более 70 человек (ГАВО. Ф. И 331. Оп. 4. Д. 288, 289). Столыпинская реформа должна была исправить ситуацию, но, к сожалению, не могла удовлетворить потребности всех желающих переехать (Жиров, 2021: 140-149). Крестьяне, как государственные, так и бывшие владельческие, заняли активную позицию по выходу из общины в отруба и хутора (ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5, 35, 87, 88, 89), что отмечено в поселках Навесненской и Паниковской округи, в том числе приобретали землю в собственность через Крестьянский поземельный банк (ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 39).

К 1915 г. население Орловской губернии увеличилось по сравнению с 1900 г. на 15 % и составляло 2,3 млн человек. Это произошло из-за высокого естественного прироста населения, и даже аграрная миграция не смогла существенно снизить эти темпы. Итоговым следствием роста населения стало увеличение демографической нагрузки в сельской местности, так как урбанизация шла медленно и не могла поглотить лишние рабочие руки из аграрного сектора.

Начавшаяся Первая мировая война изменила привычный ход жизни в черноземной деревне. Создание отрубных и хуторских хозяйств заметно снизило темпы, а переселение в Сибирь было фактически остановлено, что могло принести негативные последствия.

5. Заключение

Современное Черноземье представляет собой развитый хозяйственный регион, состоящий из пяти областей Центральной России. До начала XVII в. эти территории не были введены в хозяйственную деятельность. Только после строительства Белгородской Черты стало возможно заселение и освоение этих пространств, продолжавшееся в течение XVIII в. В этот период произошли позитивные изменения в социально-экономическом развитии Черноземья благодаря колонизации края со стороны крупных и средних землевладельцев-дворян, владевших десятками и сотнями крепостных крестьян. Вследствие этого меняется социальный состав в сторону снижения доли первопоселенцев из числа служилых и увеличения доли владельческих крестьян. Благодаря естественному приросту и внешней миграции шел динамичный рост численности жителей, расширялась сеть населенных пунктов, увеличивались площади под сельскохозяйственными угодьями.

В начале XIX в. территории Центрального Черноземья продолжали активно осваиваться, и хозяйственное освоение еще не приблизилось к логическому завершению. Экономика региона сохраняла аграрный характер с небольшой долей промышленного производства, преимущественно переработкой продукции местного сельского хозяйства. Остатки целинной лесостепи были окончательно введены в хозяйственный оборот к середине XIX в.

В пореформенный период происходит резкое сокращение лесных пространств, сенокосных и выгонных угодий пропорционально росту пашни. Это было связано с существенным естественным приростом населения. Соотношение доли однодворцев, а впоследствии будущих государственных крестьян и владельческих крестьян, к середине XIX в. в исследуемых уездах Черноземья достигло пропорциональных значений – 40 % на 60 % – и сохранялось без существенных изменений вплоть до конца существования Российской империи.

Высокие темпы прироста населения позволили еще в дореформенный период освоить в хозяйственном отношении эти пространства, и во второй половине XIX в. черноземные губернии превратились в хлебную житницу Российской империи, густонаселенную, с полностью распаханым фондом некогда целинных лесостепных пространств.

В начале XX в. стали проявляться признаки аграрного перенаселения региона, в том числе в рамках исследуемых исторических поселений. Столыпинские аграрные преобразования, особенно переселение крестьян за Урал в Сибирь и на Дальний Восток, затронули местных жителей. Значительная часть обедневших крестьян хотела переселиться на новые территории, но продолжавшийся естественный прирост населения и недостаток выделяемых квот на переселение не позволяли удовлетворить потребности жителей.

В итоге во второй половине XIX в. происходит превращение исследуемой местности в развитый аграрный регион. К сожалению, сохранение старых методов ведения хозяйства при ограниченных природных ресурсах в сочетании с высокими темпами прироста населения вылились в демоэкологический кризис. Эту негативную тенденцию, возможно, можно было бы преодолеть путем

начавшихся аграрных преобразований, но внешние факторы, в первую очередь, Первая мировая война, изменили привычный ход жизни в черноземной деревне, не позволив решить проблему эволюционным мирным путем.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Литература

- Анфимов, 1980** – *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. Москва: Наука, 1980. 239 с.
- Бушнелл, 2020** – *Бушнелл Дж.* Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок с. Спасовки в XVIII–XIX веках. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 416 с.
- Водарский, 1973** – *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. Москва: Просвещение, 1973. 161 с.
- ГАВО** – Государственный архив Воронежской области.
- ГАЛО** – Государственный архив Липецкой области.
- ГАОО** – Государственный архив Орловской области.
- Дружинин, 1946** – *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Москва: Изд-во Акад. Наук СССР. 633 с.
- Есиков, Канищев, 2001** – *Есиков С.А., Канищев В.В.* Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) / *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Мат-лы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда: Русь, 2001. С. 16-23.
- Жиров, 2021** – *Жиров Н.А.* Аграрная миграция крестьянства губерний Центральной России в конце XIX – начале XX вв. по документам Государственного архива Орловской области // *Вестник архивиста.* 2021. № 2. С. 440-449.
- Жиров, 2023** – *Жиров Н.А.* Конфликты и тяжбы между однодворцами и помещиками Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *История: факты и символы.* 2023. № 4 (37). С. 32-41.
- Жиров, 2018** – *Жиров Н.А.* Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2018. №2. С.52-57.
- Жиров, Ляпин, 2023** – *Жиров Н.А., Ляпин Д.А.* Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках // *Научный диалог.* 2023. Т.12. № 4. С. 432-450.
- Кабузан, 1963** – *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в.: По материалам ревизий. Москва: Наука, 1963. 157 с.
- Кабузан, 1989** – *Кабузан В.М.* Население Центрально-земледельческого района в конце XVIII – 50-х гг. XIX в. / *Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период).* Воронеж, 1989. С. 54-63.
- Кудланов, 2024** – *Кудланов К.Б.* Влияние судебной-жалобной инициативы однодворцев на наказания чиновников Центрального Черноземья с начала XVIII по середину XIX века // *История: факты и символы.* 2024. № 1 (38). С. 89-101.
- Мельникова, 2023** – *Мельникова А.Р.* Динамика социально-демографического развития сельских поселений региона Центрального Черноземья в XVIII – первой четверти XIX вв. // *История: факты и символы.* 2023. № 3 (36). С. 115-126. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126>
- Милов, 1998** – *Милов Л.В.* Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва: РОССПЭН, 1998. 573 с.
- Миронов, 2010** – *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. Москва: Новый хронограф, 2010. 911 с.
- Мокшин, 2019** – *Мокшин Г.Н.* Из истории Хворостанского края. Село Данково в документах и материалах. Воронеж: издательство «Истоки». 492 с.
- Нечаев, 2022** – *Нечаев В.В.* Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // *История: факты и символы.* 2022. № 2 (31). С. 92-107.
- Нечаев, 2021** – *Нечаев В.В.* Поземельные отношения однодворцев и их потомков с государством в Козловском уезде в XVIII-XIX веках // *Filo Ariadne.* 3. С. 38-57.
- Нефедов, 2005** – *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. 543 с.
- Рашин, 1956** – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1814-1913 гг.). Статистические очерки / Под ред. С.Г. Струмилина. Москва: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Чернова, 2016** – *Чернова В.И.* О семье однодворцев-переселенцев XIX в. по архивным материалам // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2016. № 1 (9). С. 32-35.

- Davies, 2004** – *Davies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.
- Hoch et al., 1996** – *Hoch S.L., Kashchenko S., Mizis Yu.* Project in Russian population history, 1700-1917: Preliminary results / *Data Modelling, Modelling history*. Moskow, 1996. Pp. 89-91.

References

- Anfimov, 1980** – *Anfimov, A.M.* (1980). Krest'yanskoe hozyajstvo Evropejskoj Rossii 1881–1904 [Peasant Economy of European Russia 1881–1904]. M.: Nauka. 239 p. [in Russian]
- Bushnell, 2020** – *Bushnell, Dzh.* (2020). Epidemija bezbrachiya sredi ruskikh krest'yanok s. Spasovki v XVIII–XIX vekah [Celibacy epidemic among Russian peasant women of the village of Spasovka in the 18th-19th centuries]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 416 p. [in Russian]
- Chernova, 2016** – *Chernova, V.I.* (2016). O sem'e odnodvorcev-pereselencev XIX v. po arhivnym materialam [About the family of single-household settlers of the 19th century based on archival materials] *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 1(9): 32-35. [in Russian]
- Devies, 2004** – *Devies, L.B.* (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York, Palgrave Macmillan, 308 p.
- Druzhinin, 1946** – *Druzhinin, N.M.* (1946). Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Moskva: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 633 p. [in Russian]
- Esikov, Kanishchev, 2001** – *Esikov, S.A., Kanishchev, V.V.* (2001). Estestvennye kriterii opredeleniya zashchitnosti krest'yanstva na mezo- i mikrosocial'nom urovnyah (Tambovskaya guberniya, 1860-e – 1920-e gg.). In *Zashchitnoe krest'yanstvo Rossii v istoricheskoj retrospektive. Mat-ly XXVII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Natural criteria for determining the prosperity of the peasantry at the meso- and microsocial levels (Tambov province, 1860s – 1920s)]. *Zashchitnoe krest'yanstvo Rossii v istoricheskoj retrospektive. Mat-ly XXVII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Vologda: Rus. Pp. 16-23. [in Russian]
- GALO** – Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti [State Archives of the Lipetsk Region].
- GAOO** – State archive of the Oryol region. [The Russian state historical archive].
- GAVO** – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [State Archives of the Voronezh Region].
- Hoch et al., 1996** – *Hoch, S.L., Kashchenko, S., Mizis, Yu.* (1996). Project in Russian population history, 1700-1917: Preliminary results. *Data Modelling, Modelling history*. Moskow. Pp. 89-91.
- Kabuzan, 1963** – *Kabuzan, V.M.* *Narodonaseleniye Rossii v XVIII - pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow: Nauka. 157 p. [in Russian]
- Kabuzan, 1989** – *Kabuzan, V.M.* (1989). Naselenie Central'no-zemledel'cheskogo rajona v konce XVIII – 50-h gg. XIX v. [Population of the Central Agricultural Region in the Late 18th – 1850s]. *Istoricheskaya geografiya Chernozemnogo tsentra Rossii (dooktyabr'skij period)*. Voronezh. Pp. 54-63. [in Russian]
- Kudlanov, 2024** – *Kudlanov, K.B.* (2024). Vliyanie sudebno-zhalobnoj iniciativy odnodvorcev na nakazaniya chinovnikov Central'nogo Chernozem'ya s nachala XVIII po seredinu XIX veka [The influence of the judicial complaint initiative of one-courtyard people on the punishment of officials of the Central Chernozem region from the beginning of the XVIII-th to the middle of the XIX-th century]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(38): 89-101. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101> [in Russian]
- Mel'nikova, 2023** – *Mel'nikova, A.R.* (2023). Dinamika social'no-demograficheskogo razvitiya sel'skikh poselenij regiona Central'nogo Chernozem'ya v XVIII – pervoj chetverti XIX vv. [Dynamics of social and demographic development of rural settlements of the Central Black earth region in the 18th – first quarter of the 19th centuries]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 3(36): 115-126. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126> [in Russian]
- Milov, 1998** – *Milov, L.V.* (1998). Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. M.: ROSSPEN. 573 p. [in Russian]
- Mironov, 2010** – *Mironov, B.N.* (2010). Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii. XVIII – nachalo XX veka [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia. XVIII – early XX centuries]. M.: Novyi khronograf. 911 p. [in Russian]
- Mokshin, 2019** – *Mokshin, G.N.* (2019). Iz istorii Hovorostanskogo kraja. Selo Dankovo v dokumentah i materialah [From the history of the Khvorostan region. The village of Dankovo in documents and materials]. Voronezh: Istok publishing house. 492 p. [in Russian]
- Nechaev, 2021** – *Nechaev, V.V.* (2021). Pozemel'nye otnosheniya odnodvorcev i ih potomkov s gosudarstvom v Kozlovskom uezde v XVIII-XIX vekah [Land relations of single-householders and their descendants with the state in Kozlovsky district in the 18th-19th centuries]. *Filo Ariadne*. 3: 38-57. [in Russian]
- Nechaev, 2022** – *Nechaev, V.V.* (2022). Nepriznannoe soslovie (odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII – nachale XIX vv.) [Unrecognized class (odnodvortsy Central Chernozem region in the XVIII – early XIX centuries)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2(31): 92-107. [in Russian]

- Nefedov, 2005 – Nefedov, S.A. (2005). Demograficheski-strukturnyj analiz social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia]. Ekaterinburg, 543 p. [in Russian]
- Rashin, 1956 – Rashin, A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1814-1913 gg.) [Population of Russia for 100 years (1814-1913)]. Statisticheskie ocherki. Ed. S.G. Strumilin. Moscow: Gosstatizdat. 352 p. [in Russian]
- RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA – Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].
- Vodarskiy, 1988 – Vodarskiy, Ya.E. (1988). Dvoryanskoe zemlevladienie v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX v. [Noble landownership in Russia in the 17th – the first half of the 19th centuries]. M., Nauka, 300 p. [in Russian]
- Zhirov, 2018 – Zhirov, N.A. (2018). Osobennosti istoriko-geograficheskogo polozheniya Verhneokskogo rajona v seredine XIX v. (po materialam Orlovskoy gubernii) [Features of the historical and geographical position of the Verkhneoksky region in the middle of the 19th century (based on materials from the Oryol province)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2: 52-57. [in Russian]
- Zhirov, 2021 – Zhirov, N.A. (2021). Agrarnaya migratsiya krest'yanstva gubernii Tsentral'noi Rossii v kontse XIX – nachale XX veka po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Orlovskoi oblasti [Agrarian Migration of Peasantry from Central Russia Gubernias in the late 19th – early 20th Century in Documents from the State Archive of the Oryol Region]. *Vestnik arkhivista*. 2: 440-449. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-440-449> [in Russian]
- Zhirov, 2023 – Zhirov, N.A. (2023). Konflikty i tyazhby mezhdru odnodvorcami i pomeschikami Orlovskoy gubernii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [Conflicts and litigation between odnodvortsy and landowners of the Oryol province at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 4(37):32-41. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-41> [in Russian]
- Zhirov, Lyapin, 2023 – Zhirov, N.A., Lyapin, D.A. (2023). Evolyutsiya social'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Central'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekah [Evolution of social behavior of rural society of the Central Black Earth Region in the 17th-18th centuries]. *Nauchnyi dialog*. 12(4): 432-450. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450> [in Russian]

Социально-экономическое развитие черноземной деревни в XIX – начале XX вв.: от процветающей житницы дореформенной России к демоэкологическому кризису сельских поселений

Николай Анатольевич Жиров ^{a, *}

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается хозяйственная и демографическая эволюция сельских населенных пунктов Черноземного центра России в XIX – начале XX вв. на примере православных приходов с. Данково Воронежской и с. Навесное и с. Паниковец Орловской губерний. Особый акцент сделан на их историческом пути от недостаточно освоенного и слабозаселенного региона к полностью освоенной территории с признаками аграрного перенаселения и кризисом в земледелии (демоэкологический кризис). Методика работы заключается в комплексном изучении материала основных архивов Российской Федерации: (РГАДА, Москва) и Санкт-Петербурга (РГИА), а также региональных архивов Воронежа (ГАВО), Орла (ГАОО) и Липецка (ГАЛО). В исследовании архивных документов были использованы традиционные научные методы (сравнительно-исторический, системный анализ, структурный подход и проч.). Благодаря использованию математических и статистических методов был обработан широкий пласт исторической информации, выразившейся в таблицах, диаграммах и т. д. В качестве основного вывода выдвинут тезис о том, что во второй половине XIX в. происходит превращение исследуемой местности в развитый аграрный регион, но сохранение старых методов ведения хозяйства и агротехники при ограниченных природных ресурсах в сочетании с высокими темпами прироста населения вылились в демоэкологический кризис. Попытка преодоления негативных тенденций рубежа XIX-XX вв. путем аграрных преобразований оказалась малорезультативной. Это происходило по ряду объективных причин, например, стремительный естественный прирост жителей села при ограниченности квот на крестьянское переселение, то есть удовлетворить потребности селян в земле было физически невозможно. Кроме того, свою роль сыграли и внешние факторы, в первую очередь, Первая мировая война, когда аграрные преобразования сошли на нет и не позволили решить проблемы эволюционным мирным путем. А события 1917 г. и последовавшей Гражданской войны окончательно изменили привычный ход жизни в черноземной деревне.

Ключевые слова: крестьянство, исторические поселения, Черноземье, демографические факторы, социально-экономическое развитие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1615-1623
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1615

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the 200th Anniversary of the Birth of Russian Historian Vladimir Vasilyevich Stasov (1824–1906)

Varvara V. Bogdan ^{a,*}, Valentina S. Nikitina ^b, Veronika Yu. Malakhova ^c, Sergey N. Rozhnov ^d

^a Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^b Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation

^d Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the 200th anniversary of the birth of Vladimir Vasilyevich Stasov (1824–1906), a famous Russian historian, lawyer, critic, and statesman, under whose authoritative opinion many ideas of art and science of the Silver Age of Russian culture were formed. The materials used are biographical and art history works about Stasov's personality, as well as some of his own critical works. The methodological basis is the historiographic method, classification, and synthesis methods.

Having received a good legal education and achieved success in the field of legal science, Stasov was also interested in art from his youth. He did not succeed as a composer, but he found application for his talents in the field of criticism, music, literature, painting, and history.

In addition to his scientific work, Stasov was an active public and government figure, rose to the rank of privy councilor, was one of the leading employees of the Imperial Public Library, a member of the Imperial Academy of Arts, an honorary academician of the St. Petersburg Academy of Sciences, and an ideologist of the Itinerants movement and the “Mighty handful”.

Stasov's scientific legacy includes many publications on the history of law, art history, and public life in Russia. His works continue to be relevant and in demand in modern science, and his unconventional view of the obvious and ability to think outside the box have earned him an honorable place among the great Russian scientists and thinkers.

Keywords: V.V. Stasov, 1824–1906, Russian history, art history, archival work, music criticism.

1. Введение

Владимир Васильевич Стасов (1824-1906) – выдающийся дореволюционный историк, критик, юрист, общественный и государственный деятель. Имел весьма разносторонний научный тип мышления, прекрасно разбирался в различных сферах культуры, обладал незаурядной эрудицией. Его труды по искусствоведению и юриспруденции до сих пор актуальны в сфере истории права и культуры Российской империи XIX века.

Рукопись посвящена 200-летию юбилею со дня рождения Владимира Стасова. В данной работе осветим некоторые примечательные биографические моменты жизни.

2. Материалы и методы

Материалом для данной рукописи послужили критические статьи В.В. Стасова (см., напр., Стасов, 1883; Стасов, 1883а; Стасов, 1884; Стасов, 1884а; Стасов, 1885; Стасов, 1885а; Стасов, 1885b; Стасов, 1886; Стасов, 1886а; Стасов, 1887; Стасов, 1887а; Стасов, 1888; Стасов, 1888а; Стасов, 1889;

* Corresponding author

E-mail addresses: kurskpravo@yandex.ru (V.V. Bogdan)

Стасов, 1889a), а также научные труды в научных периодических, электронных и прочих изданиях советских и современных исследователей, а именно работы В. Каренина (Каренин, 1927), В.Н. Стефановича (Стефанович, 1956), Ю.В. Келдыш (Келдыш, 1981), О.Д. Голубевой (Голубева, 1995a; Голубева, 1995b), Т.Г. Ивановой (Иванова, 2020), Е.Г. Мещериной (Мещерина, 2019), Д.Р. Тушишвили (Тушишвили, 2014), Е.А. Бабак (Бабак, 2020), В.Б. Вальковой (Валькова, 2005), В.В. Смирнова (Смирнов, 2020), И.П. Шеховцовой (Шеховцова, 2017), О.В. Васильевой (Васильева, 2013), А.В. Лихоманова (Лихоманов, 2024), А.А. Гуцалова (Гуцалов, 2016), М.Ю. Евсевьева, Т.Е. Сохор (Евсевьев, Сохор, 2020), Т.К. Ермакова, А.В. Кистовой, Н.А. Сергеевой, А.А. Омелик (Ермаков и др., 2023), О.В. Калугиной (Калугина, 2018), Б.С. Сафаралиева (Сафаралиев, 2019), А.Д. Хохловой (Хохлова, 2018), Л.В. Ильиной (Ильина, 2004), И.М. Фатеевой (Фатеева, 2009) и др.

Комплекс методов исследования составляют:

- Метод историографического анализа, подразумевающий исследование биографических материалов по личности и жизнедеятельности В.В. Стасова;
- Метод классификации, который был применен для разделения по группам историографических материалов по личности В.В. Стасова. Принципом разделения на группы, помимо чисто биографических исследований, стала творческая деятельность Стасова, а именно чиновничья, музыковедческая, искусствоведческая;
- Метод синтеза был использован для формулирования результатов и выводов исследования о личности В.В. Стасова.

3. Обсуждение

Биографическая историография по личности В.В. Стасова весьма обширна. Стасов был одним из немногих дореволюционных чиновников, который смог оказаться вне политики, в связи с чем к нему комплементарно относились как в царский, так и в советский и современный периоды. Поэтому ему посвящено достаточно много исследований в дореволюционный, советский и современный периоды. Указанный ниже историографический обзор является лишь малой частью трудов, посвященных Стасову, однако в масштабах данной статьи его объем представляется нам вполне достаточным.

Из советских работ отметим фундаментальные труды, а именно монографии В. Каренина и В.Н. Стефановича. В своей работе «Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности» (Каренин, 1927) В. Каренин делает анализ жизненного и творческого пути Владимира Васильевича, его взаимоотношений с властью, с известными ему современниками, такими как М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, И.Е. Репин и др. В.Н. Стефанович в монографии «Стасов (1824–1906): очерк библиотечной деятельности» (Стефанович, 1956) исследует библиотечную работу Стасова как надежного и усердного сотрудника Императорской Публичной библиотеки с большим стажем.

Из советских энциклопедических изданий выделим статью в Большой советской энциклопедии (БСЭ, 1969), в которой кратко, но содержательно освещены основные биографические этапы жизни В. Стасова. Соответствующая статья под авторством Ю.В. Келдыш содержится и в «Музыкальной энциклопедии» (Келдыш, 1981).

Из современных фундаментальных исследований отметим 168-страничную монографию О.Д. Голубевой «В.В. Стасов» (Голубева, 1995), в которой делается биографический анализ личности Стасова как высокопоставленного чиновника.

Научных современных статей, в которых затрагивается личность В. Стасова, весьма много, поэтому считаем возможным указать лишь те работы, которые так или иначе были задействованы в нашем исследовании.

Учитывая весьма широкий круг творческих интересов Владимира Васильевича, считаем целесообразным классифицировать историографию по группам: а) труды, затрагивающие его библиоведческую, музыковедческую и искусствоведческую деятельность; б) непосредственно биографические труды.

К биографическим исследованиям относятся работы О.Д. Голубевой (Голубева, 1995), Т.Г. Ивановой (Иванова, 2020), Е.Г. Мещериной (Мещерина, 2019), Д.Р. Тушишвили (Тушишвили, 2014) и др.

Музыковедение Стасова исследуют Е.А. Бабак (вопросы музыкального просвещения) (Бабак, 2020), В.Б. Валькова (анализ трех моделей музыкальной критики в России) (Валькова, 2005), В.В. Смирнов (о влиянии личности Стасова на творчество М. Балакирева) (Смирнов, 2020), И.П. Шеховцова (изучение влияния творчества Стасова на русскую византистку в музыке) (Шеховцова, 2017) и др.

Библиоведческая деятельность Стасова исследована в работах О.В. Васильевой (вопросы изучения им орнамента восточных рукописей Российской национальной библиотеки) (Васильева, 2013), А.В. Лихоманова (посвященная 200-летию юбилею статья анализирует библиотечную деятельность Стасова) (Лихоманов, 2024) и др.

Художественно-искусствоведческая деятельность исследуется такими авторами, как А.А. Гуцалов (анализ влияния Стасова на становление таланта и личности художника Н.К. Рериха) (Гуцалов, 2016), М.Ю. Евсевьев, Т.Е. Сохор (о влиянии Стасова и других деятелей Серебряного века русской культуры на появление энтимем петербургского университетского искусствознания в 1870–

1880-е годы) (Евсеев, Сохор, 2020), Т.К. Ермаков, А.В. Кистова, Н.А. Сергеева, А.А. Омелик (изучение деятельности Стасова и журнала «Вестник изящных искусств» 1880-х гг. как источник по истории искусств) (Ермаков и др., 2023), О.В. Калугина (восприятие личности Стасова русской художественной критикой второй половины XIX – начала XX вв.) (Калугина, 2018), Б.С. Сафаралиев (исследование роли Стасова в изучение и развитие народно-художественного творчества в Средней Азии) (Сафаралиев, 2019), А.Д. Хохлова (изучение критики Стасова в адрес художников-реалистов) (Хохлова, 2018) и др.

Творчеству Стасова посвящен и ряд диссертационных исследований, в частности, Л.В. Ильиной (анализ проблемы национальной самобытности искусства в эстетике В.В. Стасова) (Ильина, 2004), И.М. Фатеевой (исследование эстетических основ художественно-критической деятельности В.В. Стасова) (Фатеева, 2009) и др.

Сделав историографический анализ, перейдем к описанию результатов нашего исследования.

4. Результаты

Представляется целесообразным разделить биографический контент нашего исследования на несколько разделов, обозначенных цифрами.

1. Ранние годы.

В.В. Стасов (см. [Рисунок 1](#)) родился 2 января 1824 года¹ в Санкт-Петербурге в семье академика Василия Петровича Стасова, известного в городе архитектора, сыгравшего значительную роль в формировании архитектурного облика столицы. Мать, Мария Федоровна, происходила из дворянского сословия. По настоянию родителей, Владимир получил юридическое образование, хотя душой тяготел к искусству, особенно к музыке.

В 1840 году, окончив Училище правоведения, поступает на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, где учился у известных профессоров К. Арсеньева и Н. Калачева. Первую свою статью написал в 1842 году в возрасте 18 лет о композиторе Ф. Листе. Также активно участвовал в университетской жизни, дополнительно посещал занятия по философии, истории, филологии, что значительно расширило его кругозор ([Мещерина, 2019: 48](#)).

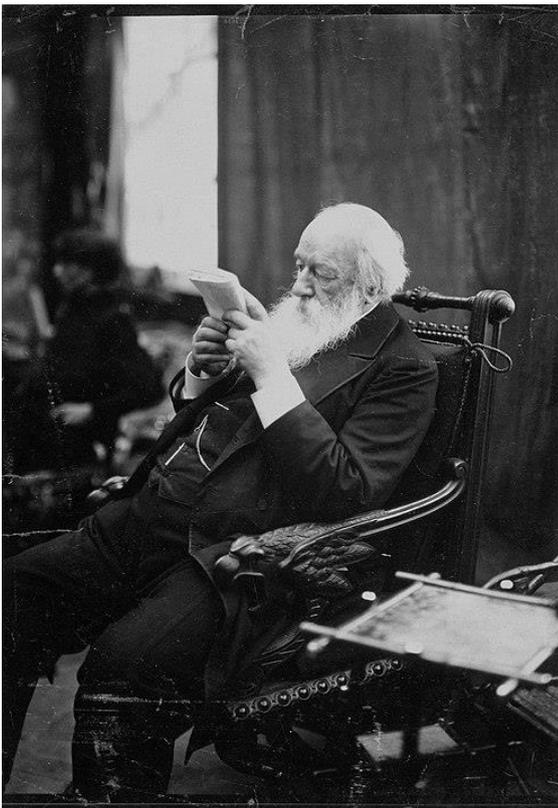

Рис. 1. Владимир Васильевич Стасов (1824–1906)

Стасов отличался значительной творческой активностью, опубликовав менее чем за два года (1847–1848) более двух десятков трудов ([Голубева, 1995b: 500](#)).

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

Вместе с тем на раннем этапе имел, с точки зрения режима, «темные пятна»: в 1848 году был арестован и заключен в Петропавловскую крепость за связь с членами революционного движения М. Буташевича-Петрашевского. Этот биографический момент всячески подчеркивается советскими исследователями (см., напр., Каренин, 1927; Стефанович, 1956; БСЭ, 1969 и др.), всецело поддерживавших петрашевцев и революционные движения в истории России.

2. Начало научной деятельности.

После окончания университета в 1844 году Стасов начал работать в Министерстве юстиции, занимаясь вопросами уголовного и гражданского права. Уже тогда его интересы выходили за рамки чисто юридической практики: он увлекся историей русского права периода Петра I и Екатерины II, что привело к написанию первых научных статей по правоведению.

В середине 50-х годов XIX века Стасов публикует несколько работ, посвященных правовым реформам XVIII-XIX вв. Они получили высокую оценку в российском научном сообществе. Одной из значимых работ стала монография «Очерки истории русского законодательства», изданная в 1857 году. В ней он анализировал эволюцию российского законодательства от древнейших времен до начала XIX века. Работа была отмечена Академией наук и принесла автору известность среди коллег-историков и правоведов.

После короткой поездки за границу, куда Стасов направился после ареста, в 1854 году он возвращается в столицу и принимает участие в систематизации фонда «Россика», занимавшегося изучением зарубежной историографии о России (Голубева, 1995а: 73-75).

Одновременно принимает участие и в работе Отделения изящных искусств и технологий, впоследствии публикуясь в «Вестнике изящных искусств» (Ермаков и др., 2023).

Освещая научную и публицистическую деятельность Стасова, нельзя не согласиться с тезисом современных исследователей о том, что «...строгий научный подход В.В. Стасова к рассматриваемому материалу проявляется, прежде всего, в структурах его статей. В начале следует вступление с обозначением актуальности обращения к выбранной теме и постановкой задачи. Затем идет изложение основного материала с разделением на логические части, внутри которых материал представляется максимально подробный, с опорой на источники и свидетельства очевидцев. При этом строгость научного подхода легко соседствует с выразительным художественным стилем изложения автора и четким обозначением собственной авторской позиции и авторского мнения относительно фактов, явлений, событий, высказываний и суждений других исследователей. Можно сказать, что Владимир Васильевич Стасов представляет собой образец интеграции качеств знатока и исследователя истории искусства с качествами художественного критика, решающего задачу быть посредником между миром художественной культуры и обычного человека – зрителя и читателя» (Ермаков и др., 2023: 1918).

3. Помимо научной работы, В. Стасов активно участвовал в общественной и государственной жизни. Дослужился до звания тайного советника (1884 г.) – по Табели о рангах это третий по счету чин гражданского служащего, на военной службе тождественен званиям вице-адмирала на флоте и генерал-лейтенанта в армии. Являлся многолетним сотрудником Императорской Публичной библиотеки; почетный вольный общник Императорской Академии художеств; почетный академик по разряду изящной словесности Петербургской академии наук; идеолог Товарищества передвижников и «Могучей кучки». Считался мастером ведения дискуссий и острословом.

Именно Стасов был автором названия «Могучая кучка» – клуба пяти прославленных российских композиторов во главе с Милием Балакиревым (Бабак, 2020). Более того, по мнению исследователей, Владимир Васильевич является идеологом и идейным вдохновителем «Могучей кучки», возвращая ее с 1860-х годов (Смирнов, 2020: 113). Интерес Стасова к музыке, которая совершенно не коррелирует с его образованием и сферой деятельности, появился, по мнению И. Шеховцовой, в результате общения (и последующей дружбы) с М. Глинкой (Шеховцова, 2017: 19). Вместе с тем высокий патриотизм Стасова и его тяготение к исконно русским корням в музыке во многом предопределили и творчество композиторов «Серебряного века русской культуры»: «...Стасов, обсуждая с Глинкой законы устройства западной культовой музыки, придет к выводу о необходимости изучить т.н. средневековые «церковные тоны», легшие в «основание и наших церковных мелодий», для того, чтобы их правильно гармонизировать. Решение этой задачи станет по сути ключевым: для Глинки – с художественно-практической стороны, для Одоевского – с музыкально-теоретической, а для Стасова – с преемственно-исторической, важной как для понимания музыки древнейшей, так и для оценки современной» (цит. по Шеховцова, 2017: 19-20).

Другой сферой научных и творческих интересов Стасова была живопись. Он активно занимался не только критикой живописи в своих статьях, но и реальной помощью современным ему художникам, многие из которых стали его друзьями. Стасов стал одним из главных вдохновителей движения «передвижничества» в Российской империи, принимал активное участие в организации выставок художников (Хохлова, 2018: 9).

Поддерживал близкие дружеские отношения с широким кругом деятелей искусства, которые прославились на весь мир, в частности, с И. Репиным, М. Мусоргским, А. Бородиным, М. Балакиревым, В. Верещагиным, В. Васнецовым, А. Серовым, Л. Толстым и мн. др.

С 1856 года трудился в Императорской Публичной библиотеке, занимаясь регистрацией и составлением библиофонда, проявляя и на этой работе творческий подход и немалое усердие (Лихоманов, 2024: 150). С 1872 года был принят в штат на руководящую должность заведующего Художественным отделом, в должности которого работал до самой смерти. Библиотеке Владимир Васильевич отдал ровно полвека своей жизни. Будучи широко эрудированным человеком, Стасов никогда не отказывал посетителям в консультациях, оказывая их на весьма высоком профессиональном уровне.

4. Личная жизнь.

Личная жизнь Стасова связана с несколькими женщинами, однако официально женат он никогда не был. Дореволюционные историки, а вслед за ними и советские (см., например, Каренин, 1927), и современные исследователи (в частности, Голубева, 1995а) указывают, что Владимир Васильевич был влюблен в Софью, сестру своего друга Александра Серова. Софья вышла замуж за другого человека, Петра Дютура, однако одна из дочерей, Надежда Петровна, была биологической дочерью Стасова, хотя Дютур всегда признавал ее своей. Такое положение дел привело к ссоре Серова и Стасова (Кудря, 2008: 10).

5. Память.

Последние годы жизни Стасов провел в уединении, работая над очередными проектами и трудами. Скончался в конце октября 1906 года в Санкт-Петербурге, похоронен в Александро-Невской лавре в Некрополе мастеров искусств. Архитектор И. Ропет и скульптор И. Гинцбург сваяли бронзовое надгробие, сохранившееся до наших дней.

Память увековечена несколькими мемориалами. В частности, в Санкт-Петербурге на фасаде Российской национальной библиотеки, в которой он является многолетним и доверенным сотрудником, установлена мемориальная доска, а также в доме, где он проживал. Именем ученого названы улицы в Краснодаре, Минске, Пензе, Липецке, Владимире. Детская музыкальная школа №36 в Москве также носит его имя.

5. Заключение

Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) – известный русский историк, юрист, критик, государственный деятель, под авторитетным мнением которого сформировались многие идеи искусства и науки эпохи Серебряного века русской культуры.

Получив хорошее юридическое образование и достигнув успехов на поприще правоведаческой науки, Стасов с молодости увлекался и искусством. Как композитор он не состоялся, зато нашел применение своим талантам в сфере критики, музыки, литературы, живописи, истории.

Помимо научной работы, Стасов был активным общественным и государственным деятелем, дослужился до звания тайного советника, был одним из ведущих сотрудников Императорской Публичной библиотеки, членом общества Императорской Академии художеств, почетным академиком Петербургской академии наук, идеологом движения передвижников и «Могучей кучки».

Научное наследие Стасова включает в себя много публикаций по истории права, искусствоведению и общественной жизни России. Труды его продолжают оставаться актуальными и востребованными в современной науке, а нестандартный взгляд на очевидное и способность мыслить нетривиально позволили занять его имени почетное место в ряду великих русских ученых и мыслителей.

Литература

Бабак, 2020 – Бабак Е.А. В.В. Стасов, А.Н. Серов: исторические вехи на пути к музыкальному просвещению // *Музыкальное искусство и образование*. 2020. № 1. С. 149-163.

БСЭ, 1969 – Стасов Владимир Васильевич / Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Валькова, 2005 – Валькова В.Б. Стасов и три модели музыкальной критики в России // *Музыкальная академия*. 2005. № 2. С. 152-159.

Васильева, 2013 – Васильева О.В. Владимир Васильевич Стасов и история изучения орнамента восточных рукописей Российской национальной библиотеки / *Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов*. Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, член-корреспондента Афинской Академии Б.Л. Фонкича. Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Отдел «Специальные исторические дисциплины», Центр «Палеография, кодикология, дипломатика». 2013. С. 43-49.

Голубева, 1995а – Голубева О.Д. В.В. Стасов. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1995. 168 с.

- Голубева, 1995b – Голубева О.Д. Стасов Владимир Васильевич / Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1995. С. 496-502.
- Гуцалов, 2016 – Гуцалов А.А. Становление художника. Переписка молодого Н.К. Рериха с профессором В.В. Стасовым и Л.М. Антокольским // *Наследие веков*. 2016. № 4 (8). С. 57-70.
- Евсеев, Сохор, 2020 – Евсеев М.Ю., Сохор Т.Е. Эптимемы петербургского университетского искусствознания. 1870-е – 1880-е годы // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. 2020. № 10. С. 388-399.
- Иванова, 2020 – Иванова Т.Г. Стасов Владимир Васильевич / Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII-XIX вв.: в 5 томах / Под ред. Т.Г. Ивановой. Санкт-Петербург, 2020. С. 43-57.
- Ильина, 2004 – Ильина Л.В. Проблема национальной самобытности искусства в эстетике В.В. Стасова. Дисс. канд. филос. наук. М.: МГУ, 2004.
- Калугина, 2018 – Калугина О.В. В.В. Стасов в восприятии русской художественной критики второй половины XIX – начала XX века // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2018. № 4 (14). С. 51-60.
- Каренин, 1927 – Каренин В. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л.: Мысль, 1927.
- Келдыш, 1981 – Келдыш Ю.В. Стасов Владимир Васильевич / Музыкальная энциклопедия. Москва, 1981. С. 260-264.
- Кудря, 2008 – Кудря А.И. Валентин Серов. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Лихоманов, 2024 – Лихоманов А.В. «Библиотекарь по призванию»: 200 лет со дня рождения В.В. Стасова // *Библиография и книговедение*. 2024. № 1 (450). С. 149-155.
- Мещерина, 2019 – Мещерина Е.Г. Стасов Владимир Васильевич / Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь / Гл. ред. Б. Ф. Егоров. М.: Большая российская энциклопедия, 2019. Т. 6. С. 48-51.
- Сафаралиев, 2019 – Сафаралиев Б.С. Вклад В.В. Стасова в изучение и развитие народно-художественного творчества в Средней Азии / *Россия – Узбекистан. Международные образовательные и социально-культурные технологии: векторы развития. Сборник материалов международной научной конференции* / Под общ. ред. В.Я. Рушанина. 2019. С. 87-94.
- Смирнов, 2020 – Смирнов В.В. Не будь Балакирева, судьбы русской музыки были бы совершенно другие... // *Opera Musicologica*. 2020. Т. 12. № 4. С. 113-125.
- Стасов, 1883 – Стасов В.В. Василий Васильевич Верещагин // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1. Вып. 1. С. 98-128.
- Стасов, 1883a – Стасов В.В. Василий Васильевич Верещагин (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1883a. Т. 1. Вып. 2. С. 238-278.
- Стасов, 1884 – Стасов В.В. Вячеслав Григорьевич Шварц // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т. 2. Вып. 1. С. 25-63.
- Стасов, 1884a – Стасов В.В. Вячеслав Григорьевич Шварц (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1884a. Т. 2. Вып. 2. С. 112-142.
- Стасов, 1885 – Стасов В.В. Новые иностранные книги о русском искусстве // *Вестник изящных искусств*. 1885. Т. 3. Вып. 2. С. 163-191.
- Стасов, 1885a – Стасов В.В. Василий Александрович Прохоров // *Вестник изящных искусств*. 1885. Т. 3. Вып. 4. С. 320-360.
- Стасов, 1885b – Стасов В.В. Коптская и эфиопская архитектура // *Вестник изящных искусств*. 1885. Т. 3. Вып. 6. С. 427-472.
- Стасов, 1886 – Стасов В.В. Русская деревянная архитектура в Галиции // *Вестник изящных искусств*. 1886. Т. 4. Вып. 4. С. 322-343.
- Стасов, 1886a – Стасов В.В. Трон хивинских ханов // *Вестник изящных искусств*. 1886. Т. 4. Вып. 6. С. 405-417.
- Стасов, 1887 – Стасов В.В. Иван Семенович Богомолов. Биографический очерк // *Вестник изящных искусств*. 1887. Т. 5. Вып. 1. С. 67-85.
- Стасов, 1887a – Стасов В.В. Живопись Штернберга // *Вестник изящных искусств*. 1887. Т. 5. Вып. 5. С. 365-432.
- Стасов, 1888 – Стасов В.В. Художественные произведения, исчезнувшие из Императорского Эрмитажа // *Вестник изящных искусств*. 1888. Т. 6. Вып. 3. С. 227-256.
- Стасов, 1888a – Стасов В.В. А.М. Горностаев // *Вестник изящных искусств*. 1888. Т. 6. Вып. 6. С. 439-480.
- Стасов, 1889 – Стасов В.В. Паоло Веронезе на допросе у Инквизиции // *Вестник изящных искусств*. 1889. Т. 7. Вып. 4. С. 381-391.
- Стасов, 1889a – Стасов В.В. Новые сведения о «Пляске смерти» Гольбейна в России // *Вестник изящных искусств*. 1889. Т. 7. Вып. 5. С. 476-485.
- Стефанович, 1956 – Стефанович В.Н. В.В. Стасов (1824-1906): очерк библиотечной деятельности. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1956. 132 с.

- Тушишвили, 2014** – *Тушишвили Д.Р.* Юбилей ДМШ им. В.В. Стасова. ДМШ им. В.В. Стасова – лауреат конкурса «100 лучших школ России» // *Музыкант-Классик*. 2014. № 3-4. С. 2-4.
- Фатеева, 2009** – *Фатеева И.М.* Эстетические основы художественно-критической деятельности В.В. Стасова. Автореферат дисс. канд. филос. наук. М.: МГУ, 2009.
- Хохлова, 2018** – *Хохлова А.Д.* Русские художники реалисты в критических статьях Владимира Васильевича Стасова // *Science in a Megapolis*. 2018. № 3 (7). С. 9.
- Шеховцова, 2017** – *Шеховцова И.П.* Владимир Васильевич Стасов и начало русской музыкальной византистики // *Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных*. 2017. № 2 (21). С. 19-30.
- Ermakov et al., 2023** – *Ermakov T.K., Kistova A.V., Sergeeva N.A., Omelik A.A.* “Vestnik Izyashchnykh Iskusstv” of 1880s as a Source on Art History (Art Critic Model) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1909-1924.

References

- Babak, 2020** – *Babak, E.A.* (2020). V.V. Stasov, A.N. Serov: istoricheskie vekhi na puti k muzykal'nomu prosveshcheniyu [V.V. Stasov, A.N. Serov: historical milestones on the path to musical education]. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie*. 1: 149-163. [in Russian]
- BSE, 1969** – Stasov Vladimir Vasil'evich [Stasov Vladimir Vasilievich]. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: [v 30 t.]. Pod red. A. M. Prokhorova. 3-e izd. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. [in Russian]
- Ermakov et al., 2023** – *Ermakov, T.K., Kistova, A.V., Sergeeva, N.A., Omelik, A.A.* (2023). “Vestnik Izyashchnykh Iskusstv” of 1880s as a Source on Art History (Art Critic Model). *Bylye Gody*. 18(4): 1909-1924.
- Evsev'ev, Sokhor, 2020** – *Evsev'ev, M.Yu., Sokhor, T.E.* (2020). Entimemy peterburgskogo universitetskogo iskusstvovedeniya. 1870-e – 1880-e gody [Entimemes of St. Petersburg university art history. 1870s – 1880s]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*. 10: 388-399. [in Russian]
- Fateeva, 2009** – *Fateeva, I.M.* (2009). Esteticheskie osnovy khudozhestvenno-kriticheskoi deyatel'nosti V.V. Stasova [Aesthetic foundations of artistic and critical activity of V.V. Stasov]. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. M.: MGU. [in Russian]
- Golubeva, 1995a** – *Golubeva, O.D.* (1995). V.V. Stasov [V.V. Stasov]. SPb.: Izd-vo Rossiiskoi natsional'noi biblioteki, 168 p. [in Russian]
- Golubeva, 1995b** – *Golubeva, O.D.* (1995). Stasov Vladimir Vasil'evich [Stasov Vladimir Vasilievich]. Sotrudniki Rossiiskoi natsional'noi biblioteki – deyateli nauki i kul'tury. Biograficheskii slovar'. SPb. Pp. 496-502. [in Russian]
- Gutsalov, 2016** – *Gutsalov, A.A.* (2016). Stanovlenie khudozhnika. Perepiska molodogo N.K. Rerikha s professorom V.V. Stasovym i L.M. Antokol'skim [Formation of an artist. Correspondence of the young N.K. Roerich with professor V.V. Stasov and L.M. Antokolsky]. *Nasledie vekov*. 4(8): 57-70. [in Russian]
- Il'ina, 2004** – *Il'ina, L.V.* (2004). Problema natsional'noi samobytnosti iskusstva v estetike V.V. Stasova [The Problem of National Identity of Art in the Aesthetics of V.V. Stasov]. Diss. kand. filol. nauk. M.: MGU. [in Russian]
- Ivanova, 2020** – *Ivanova, T.G.* (2002). Stasov Vladimir Vasil'evich [Stasov Vladimir Vasilievich]. Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar'. XVIII-XIX vv.: v 5 tomakh. Pod red. T.G. Ivanovoi. Sankt-Peterburg. Pp. 43-57. [in Russian]
- Kalugina, 2018** – *Kalugina, O.B.* (2018). V.V. Stasov v vospriyatii russkoi khudozhestvennoi kritiki vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [V.V. Stasov in the perception of Russian art criticism of the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 4(14): 51-60. [in Russian]
- Karenin, 1927** – *Karenin, V.* (1927). Vladimir Stasov. Ocherk ego zhizni i deyatel'nosti [Vladimir Stasov. Essay on his life and work]. L.: Mysl'. [in Russian]
- Keldysh, 1981** – *Keldysh, Yu.V.* (1981). Stasov Vladimir Vasil'evich [Stasov Vladimir Vasilievich]. Muzykal'naya entsiklopediya. Moskva. Pp. 260-264. [in Russian]
- Khokhlova, 2018** – *Khokhlova, A.D.* (2018). Russkie khudozhniki realisty v kriticheskikh stat'yakh Vladimira Vasil'evicha Stasova [Russian realist artists in critical articles by Vladimir Vasilyevich Stasov]. *Science in a Megapolis*. 3(7): 9. [in Russian]
- Kudrya, 2008** – *Kudrya, A.I.* (2008). Valentin Serov [Valentin Serov]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- Likhomanov, 2024** – *Likhomanov, A.V.* (2024). «Bibliotekar' po prizvaniyu»: 200 let so dnya rozhdeniya V.V. Stasova [“Librarian by vocation”: 200 years since the birth of V.V. Stasov]. *Bibliografiya i knigovedenie*. 1(450): 149-155. [in Russian]
- Meshcherina, 2019** – *Meshcherina, E.G.* (2019). Stasov Vladimir Vasil'evich [Stasov Vladimir Vasilievich]. Russkie pisateli, 1800-1917: Biograficheskii slovar' [Stasov Vladimir Vasilievich]. Gl. red. B.F. Egorov. M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. 6: 48-51. [in Russian]
- Safaraliev, 2019** – *Safaraliev, B.S.* (2019). Vklad V.V. Stasova v izuchenie i razvitie narodno-khudozhestvennogo tvorchestva v Srednei Azii [V.V. Stasov's contribution to the study and development of folk art in Central Asia]. *Rossiya – Uzbekistan. Mezhdunarodnye obrazovatel'nye i sotsial'no-kul'turnye*

tekhnologii: vektory razvitiya. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Pod obshch. red. V.Ya. Rushanina. Pp. 87-94. [in Russian]

Shekhovtsova, 2017 – *Shekhovtsova, I.P.* (2017). Vladimir Vasil'evich Stasov i nachalo russkoi muzykal'noi vizantinistiki [Vladimir Vasilyevich Stasov and the beginning of Russian musical Byzantinistics]. *Uchenye zapiski Rossiiskoi akademii muzyki im. Gnesinykh*. 2(21): 19-30. [in Russian]

Smirnov, 2020 – *Smirnov, V.V.* (2020). Ne bud' Balakireva, sud'by russkoi muzyki byli by sovershenno drugie... [If it weren't for Balakirev, the fate of Russian music would have been completely different...]. *Opera Musicologica*. 12(4): 113-125. [in Russian]

Stasov, 1883 – *Stasov, V.V.* (1883). Vasilii Vasil'evich Vereshchagin [Vasily Vasilyevich Vereshchagin]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(1): 98-128. [in Russian]

Stasov, 1883a – *Stasov, V.V.* (1883). Vasilii Vasil'evich Vereshchagin (okonchanie) [Vasily Vasilyevich Vereshchagin (end)]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(2): 238-278. [in Russian]

Stasov, 1884 – *Stasov, V.V.* (1884). Vyacheslav Grigor'evich Shvarts [Vyacheslav Grigorievich Schwartz]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 2(1): 25-63. [in Russian]

Stasov, 1884a – *Stasov, V.V.* (1884). Vyacheslav Grigor'evich Shvarts (okonchanie) [Vyacheslav Grigorievich Schwartz (end)]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 2(2): 112-142. [in Russian]

Stasov, 1885 – *Stasov, V.V.* (1885). Novye inostrannye knigi o russkom iskusstve [New foreign books about Russian art]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 3(2): 163-191. [in Russian]

Stasov, 1885a – *Stasov, V.V.* (1885). Vasilii Aleksandrovich Prokhorov [Vasily Aleksandrovich Prokhorov]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 3(4): 320-360. [in Russian]

Stasov, 1885b – *Stasov, V.V.* (1885). Koptskaya i efiopskaya arkhitektura [Coptic and Ethiopian architecture]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 3(6): 427-472. [in Russian]

Stasov, 1886 – *Stasov, V.V.* (1886). Russkaya derevyannaya arkhitektura v Galitsii [Russian wooden architecture in Galicia]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 4(4): 322-343. [in Russian]

Stasov, 1886a – *Stasov, V.V.* (1886). Tron khivinskikh khanov [Throne of the Khiva Khans]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 4(6): 405-417. [in Russian]

Stasov, 1887 – *Stasov, V.V.* (1887). Ivan Semenovich Bogomolov. Biograficheskii ocherk [Ivan Semenovich Bogomolov. Biographical essay]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 5(1): 67-85. [in Russian]

Stasov, 1887a – *Stasov, V.V.* (1887). Zhivopis' Shternberga [Sternberg's Painting]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 5(5): 365-432. [in Russian]

Stasov, 1888 – *Stasov, V.V.* (1888). Khudozhestvennye proizvedeniya, ischeznuvshie iz Imperatorskogo Ermitazha [Artworks that disappeared from the Imperial Hermitage]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 6(3): 227-256. [in Russian]

Stasov, 1888a – *Stasov, V.V.* (1888). A.M. Gornostaev [Gornostaev]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 6(6): 439-480. [in Russian]

Stasov, 1889 – *Stasov, V.V.* (1889). Paolo Veroneze na doprose u Inkvizitsii [Paolo Veronese under interrogation by the Inquisition]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 7(4): 381-391. [in Russian]

Stasov, 1889a – *Stasov, V.V.* (1889). Novye svedeniya o «Plyaske smerti» Gol'beina v Rossii [New information about Holbein's "Dance of Death" in Russia]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 7(5): 476-485. [in Russian]

Stefanovich, 1956 – *Stefanovich, V.N.* (1956). V.V. Stasov (1824-1906): ocherk bibliotechnoi deyatel'nosti [V.V. Stasov (1824-1906): an essay on library activity]. M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty, 132 p. [in Russian]

Tushishvili, 2014 – *Tushishvili, D.R.* (2014). Yubilei DMSH im. V.V. Stasova. DMSH im. V.V. Stasova – laureat konkursa «100 luchshikh shkol Rossii» [Anniversary of the V.V. Stasov Medical School. DMSH named after V.V. Stasov – winner of the competition "100 best schools of Russia"]. *Muzykant-Klassik*. 3-4: 2-4. [in Russian]

Val'kova, 2005 – *Val'kova, V.B.* (2005). Stasov i tri modeli muzykal'noi kritiki v Rossii [Stasov and three models of musical criticism in Russia]. *Muzykal'naya akademiya*. 2: 152-159. [in Russian]

Vasil'eva, 2013 – *Vasil'eva, O.V.* (2013). Vladimir Vasil'evich Stasov i istoriya izucheniya ornamenta vostochnykh rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Vladimir Vasilyevich Stasov and the history of the study of the ornamentation of oriental manuscripts of the Russian National Library]. Paleografiya, kodikologiya, diplomatika: Sovremenniy opyt issledovaniya grecheskikh, latinskikh i slavyanskikh rukopisei i dokumentov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v chest' 75-letiya doktora istoricheskikh nauk, chlen-korrespondenta Afinskoi Akademii B.L. Fonkicha. Rossiiskaya akademiya nauk, Institut vseobshchei istorii, Otdel «Spetsial'nye istoricheskie distsipliny», Tsentr «Paleografiya, kodikologiya, diplomatika». Pp. 43-49. [in Russian]

200-летию со дня рождения русского историка Владимира Васильевича Стасова (1824–1906)

Варвара Владимировна Богдан ^{a,*}, Валентина Сергеевна Никитина ^b, Вероника Юрьевна Малахова ^c, Сергей Николаевич Рожнов ^d

^a Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается 200-летию юбилею со дня рождения Владимира Васильевича Стасова (1824–1906), известного русского историка, юриста, критика, государственного деятеля, под авторитетным мнением которого сформировались многие идеи искусства и науки эпохи Серебряного века русской культуры. В качестве материалов использованы биографические и искусствоведческие работы о личности Стасова, а также некоторые из его собственных критических трудов. Методологическую основу составляют историографический метод, методы классификации и синтеза.

Получив хорошее юридическое образование и достигнув успехов на поприще правоведческой науки, Стасов с молодости увлекался и искусством. Как композитор он не состоялся, зато нашел применение своим талантам в сфере критики, музыки, литературы, живописи, истории.

Помимо научной работы, Стасов был активным общественным и государственным деятелем, дослужился до звания тайного советника, был одним из ведущих сотрудников Императорской Публичной библиотеки, членом общества Императорской Академии художеств, почетным академиком Петербургской академии наук, идеологом движения передвижников и «Могучей кучки».

Научное наследие Стасова включает в себя много публикаций по истории права, искусствоведению и общественной жизни России. Труды его продолжают оставаться актуальными и востребованными в современной науке, а нестандартный взгляд на очевидное и способность мыслить нетривиально позволили занять его имени почетное место в ряду великих русских ученых и мыслителей.

Ключевые слова: В.В. Стасов, 1824–1906, российская история, история искусств, архивное дело, музыкальная критика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kurskpravo@yandex.ru (В.В. Богдан)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1624-1634
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1624

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Institution of Sultans in Kazakh Society in 1824–1869

Ainagul M. Yespenbetova ^{a,*}, Zhaidarman A. Ganibaeva ^a, Alibek B. Aman ^a, Aidyn Zh. Abdenov ^a

^a Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the nature of social changes and the social status of the institute of sultans in the Steppe in the context of the administrative and social policy of the Russian government. In preparing the article, archival documents from collection № 6 of the Chancellery of the Orenburg Governor-General (Orenburg, Russian Federation), collection № 4 of the Regional Government of the Orenburg Kirghiz (Almaty, Kazakhstan), collection № 27 of the Director of Public Schools of the Turgai Region of the Orenburg Educational District (Almaty, Kazakhstan) and collections of published documents were used. The documentary materials used for analysis contain important information that makes it possible to fully assess the state of Kazakh society in the imperial period, the level of their development, and will allow tracing the genesis and characterizing typological features.

Using the example of legislative acts, the authors analyze various legal and social advantages of sultans in traditional Kazakh society and during the period of Russian rule in the XIX century. To solve the problem posed in the article, general scientific principles were used – objectivity, historicism and consistency.

The authors note that as a result of the administrative-territorial measures carried out by the Russian government, new administrative institutions and state organizations were created in the Kazakh nomadic society, which contributed to the change in the socio-class structure of Kazakh society. The authors come to the conclusion that the spread of secular education in the territory of Kazakhstan was an important factor in the establishment of the sultans in the administrative apparatus - having received an education in the educational institutions of the Russian Empire, the sultans played an important role in the development of society, performing official functions in the civil and military bureaucratic structure.

Keywords: politics, sultan, the tsarist government, social structure, kazakh society, tradition, official, traditionalism, management, law, nomadic society.

1. Введение

История эволюционного развития института султанов в разные периоды требуют всестороннего изучения. Султаны как особое социальное сословие играли огромную роль в общественно-политической и военной жизни казахов. Известно, что в этот исторический период казахский народ находился в составе России, и данный этап оставил след в процессе исторического развития казахского народа. Можно выделить несколько причин актуальности проблемы эволюции развития социальных институтов казахского общества. Основная причина – это недостаточное изучение проблемы. Представители социальных групп, имеющие высокий общественный статус в казахском обществе, не являлись предметом изучения в отечественной и зарубежной историографии. Также в советское время не была дана объективная оценка общественной роли социальных структур и групп. Проблема социальных групп и сословий не рассматривалась отдельно, а изучалась косвенно при раскрытии общих вопросов. Это тормозило не только изучение истории казахского народа, но и

* Corresponding author

E-mail addresses: aikami@mail.ru (A.M. Yespenbetova), sangar98@mail.ru (Zh.A. Ganibayeva), e_alibek@mail.ru (A.B. Aman), aidyn_617@mail.ru (A.Zh. Abdenov)

получение полноценного представления об истории России, отдельных исторических событиях, которые были тесно связаны с казахским народом.

2. Материалы и методы

Материалами, использованными в научной работе, являются следующие источники.

1. *Архивные документы* государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург, Российская Федерация) фондов №6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора»; №4 «Областное правительство Оренбургскими киргизами» (г. Алматы, Казахстан); Центрального государственного архива Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан) фонд №27 «Директор народного училища Тургайской области Оренбургского учебного округа». Важную группу документов составляют рапорты, донесения, письма местных органов различных сословий казахского общества, направляемые к представителям правительства. Кроме того, сохранились ответные письма царской администрации казахским правителям, письма, врученные им за заслуги, а также награды, ордена и медали. Необходимо отметить, что некоторые представители Оренбургских казахов получили награды от правительства за государственную службу. В сведениях представлены документы, которые являются важными источниками, отражающими социальную структуру казахского общества в XIX – начале XX вв. Собраны сведения, касающиеся распространения светского образования в Оренбургском крае.

2. Важное место в раскрытии содержания реформ, проводимых в казахской степи, занимают *законодательные акты*, вошедшие в «Полный свод законов Российской империи» (ПСЗ РИ, 1830), Свод законов Российской империи (Свод законов Российской империи, 1892). В Положениях упоминаются права казахской правящей элиты, например, султан в согласии с Уставом «О сибирских киргизах» 1822 г. выбирался на должность старшего султана. В период службы ему присваивалось звание майора, затем султана. Далее, прослужив три срока, он имел право на присвоение ему потомственного дворянства. Таким образом, институт султанов относится к социально-политической части российского общества, участвовавшей в управлении страной. Были использованы *сборники опубликованных документов* (Материалы по истории..., 1960; Казахско-русские..., 1964). Данные источники описывают основные этапы развития социальной структуры казахского общества, организацию центрального и местного аппарата управления краем, функции и право органов власти, взаимоотношения царских чиновников с местной знатью.

Для решения поставленной проблемы применялись общенаучные принципы: объективность, историзм и системность. Влияние административно-территориальных мер на изменение социальной структуры казахского общества рассматривалось и анализировалось во взаимосвязи с политикой русской администрации. Кроме того, в работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, что позволило упорядочить и сравнить информацию из различных источников, четко сформулировать логику развития института султанов в контексте административно-территориальной политики Российской империи.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии истории Казахстана структура социального сословия в казахском обществе XIX века и история развития отдельных социальных институтов не были предметом специальных исследовательских работ. В трудах, изданных в дореволюционный период, лишь косвенно рассказывалось об административно-территориальных мерах Российской империи. Среди авторов можно отметить А.И. Левшина, И.Ф. Бларамберга, Л. Мейера, М. Красовского, К. Гейнса, Л.Ф. Баллюзека, А.И. Добросмыслова. Данные авторы являлись свидетелями этих исторических событий, поэтому их труды имеют большое значение. В труде А.И. Добросмыслова рассказывается о становлении местного административно-чиновничьего аппарата после упразднения ханской власти, то есть описывается деятельность султанов-правителей, волостных управителей, сельских управляющих (Добросмыслов, 1902). Выделяется труд военного чиновника И.И. Крафа, в котором впервые рассматриваются правовые особенности социальных институтов в казахском обществе – султанов, бийев и других почетных граждан (Крафт, 1898).

В XIX в. были изданы труды А.В. Васильева, А.Е. Алекторова, рассказывающие историю распространения и развития светского образования как важного фактора в осуществлении султанами государственной деятельности в казахском обществе (Алекторов, 1883). А.В. Васильев в своей работе рассказывает о 28-ми казахских детях, окончивших военный корпус Неплюева в 1825–1866 гг., показывает, что они по окончании обучения получают воинские чины, служат в армии или работают на гражданской службе (Васильев, 1896).

В 1940–1950 гг. были опубликованы труды М.П. Вяткина, Е.Б. Бекмаханова, В.Ф. Шахматова, С. Зиманова. Они касаются политико-социальной структуры традиционного казахского общества. Хотя в труде Е.Б. Бекмаханова (Бекмаханов, 1994) приводятся фрагменты законов о том, что старшие султаны, управляющие казахским обществом, и султаны-правители удостаивались дворянского статуса России. В работах С.З. Зиманова (Зиманов, 1960) проанализировано состояние политического

устройства, а также его трансформация, структура организаций местного самоуправления, классификация социальных групп казахского общества в конце XVIII – в первой половине XIX вв.

Отдельные социальные группы стали активно изучаться после обретения Казахстаном независимости. Структура аппарата управления, созданного по российскому образцу в результате внесения царским правительством административных территориальных изменений, рассматривается в труде И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 2003: 178). Создание системы чиновничьего управления в казахском обществе анализируется в исследованиях Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2015).

В зарубежной историографии особое внимание уделялось чиновникам, казахским дворянам Российской империи. Привлечение представителей нерусского населения к государственной службе в контексте национальной политики Российской империи освещается в исследованиях немецкого ученого Андреаса Каппелера (Каппелер, 2000), сведения о численности чиновников приведены в исследованиях польского историка Стивена Величенко (Величенко, 2005: 696). В работе американского историка Г. Фриза исследуется проблема формирования новых социальных групп, сумевших приспособиться к существующему порядку (Фриз, 1992). В работе Ч. Стейнведеля (Стейнведель, 2014: 79-106) анализируется изменение национальной идентичности и социальной структуры тюркоязычных народов, существовавших на территории Российской империи.

В последнее время в научных журналах публикуются статьи о положении социальных групп казахского общества после присоединения к Российской империи. Изменение социального статуса рассматривается в коллективной научной статье К.А. Енсенова и других (Yensnov et al., 2024: 1179-1187). Роль Оренбургских учебных заведений в формировании чиновников Тургайской области российской административной системы анализируется в статье М. Бекмаганбетова и других (Bekmaganbetov et al., 2024: 1294-1302).

4. Результаты

При анализе социальной структуры казахского общества в XIX веке большое значение имеет определение сущности отдельных групп в общественных отношениях, претерпевших структурные изменения.

В традиционном казахском обществе выделяют две социальные группы – «аксуйек» («белая кость») и «карасуйек» («черная кость»). Основу знати составляли торе (султаны) и кожа (арисократический род казахов, который вел свое происхождение от потомков исламских миссионеров). Основу же «черной кости» – бий, батыры, простые члены общества. Изменения общественного положения султанов в период их перехода в состав Российской империи требуют всестороннего изучения социальных структур, составляющих традиционное казахское общество.

До вхождения казахских жузов в состав Российской империи представители «белой кости» – ханы и султаны – главенствовали в политической жизни общества. Известный путешественник И.П. Фальк так описывал модель социального устройства казахского общества: «Каждая орда подразделялась на несколько волостей (по-кирг, аймак), а волость в свою очередь распадалась на более мелкие подразделения – улусы или колена. Все они имеют свою знать, родовитые семейства «белой кости». Из родовой знати выделялись фамилии особо знатные и, наконец, князья, которых по-киргизский называли салтанами» (Фальк, 1940: 106-108). Данное описание показывает особое положение рода султанов в обществе.

Ханом избирался только представитель «белой кости». С момента основания казахского ханства во второй половине XV в. турецкий термин «торе» означал потомков Чингисхана от сына Джучи. Чингизиды как ядро социальной группы «белая кость» считались целым неделимым сословием. Знатное происхождение «торе» признавалось не только в Казахском ханстве, но и в соседних полукочевых и оседло-земледельческих регионах Евразии, на территории Башкортостана и Средней Азии, где их неоднократно приглашали на ханский престол в XVIII веке (Ерофеева, 2003: 27). Представители «белой кости» создали отдельную феодальную касту и не вошли в состав казахской родовой общины.

Правовая особенность торе отражалась во многих нормах традиционного права казахов (адат). Письменные источники и устные предания казахов до Октябрьской революции свидетельствуют о том, что каждый султан имел право управлять какой-либо группой племенных подразделений кочевников (страной, улусом) и иметь в своем распоряжении определенную пастбищную территорию (Зиманов, 1960: 180). За оскорбление султана была назначена уплата в размере 27 голов мелких животных и одного верблюда. Если был убит султан, за него платили в 7 раз больше, чем за простого человека (Материалы по обычному праву, 1998: 20).

В кочевом казахском обществе вплоть до первой четверти XIX в. власть в основном была сосредоточена в руках султанов. Например, в среднем Жузе в 1817 г. 7 ветвей рода аргын возглавлял султан Жума Кудаймендин, 10 ветвей рода найман – султан Баба Кайыпов, 12 ветвей рода кыпчак – Жанторе Жангиров, 4 ветви рода Бакытгерей – султан Шотай Бактыгереев. Только один род возглавлял Жапшас, который не являлся султаном. Такая ситуация имела место и в Младшем жузе. 12-ю ветвями Алимуды руководил хан Шергазы Айшуаков, 38-ю ветвями – Байулы-султан Каратай

Нуралиев, 18-ю ветвями Жетиру – 4 сына Айшуака, а султан Медеткали Турдалиев и Жантуре Ералиев управляли 11-ю ветвями рода Жагалбайлы (Зиманов, 1960: 185).

Сословные особенности казахских султанов также можно было отличить по их одежде и по бытовым условиям. Они носили бархатный или суконный кафтан красного цвета, конусообразный головной убор из лисьей шкуры по краям. Султаны использовали в управленческих делах отдельные печати, подтверждающие их подлинность, на которых в виде надписи изображались тамга – клич их рода. Об этом подробно рассказывает в своей работе исследователь И.В. Ерофеева (Ерофеева, 1999: 24).

В соответствии со структурой управления, введенной российским правительством, на выборах во властных организациях султанам было предоставлено право на полную свободу действий. Например, решающий голос на выборах старшего султана получали все совершеннолетние султаны. Те, кто получил подарки от царской власти, был удостоен офицерского чина, почетных медалей. На должность волостного управляющего могли быть избраны султаны, аульные старшины и почетные бийи (Зиманов, 1960: 184). Многочисленные данные, характеризующие имущественное и социальное положение казахских султанов, свидетельствуют о том, что привилегированные права торе различаются по их происхождению, а вовсе не по экономическому благополучию личности, т.е. известность фамилии стала источником политического доминирования и признания общественного значения султанов среди кочевников. Их социальный статус в иерархии казахского общества был высок.

При проведении колониальной политики в Казахской степи царская власть опиралась на поддержку со стороны правящих султанов. Доказательством этого является то, что в Правительствующем Сенате от 14 марта 1776 г. рассматривался вопрос о личном статусе султанов, и было указано, что «дети и родственники турецкого султана, казахских ханов, а также хивинских, бухарских ханов на языке этого народа называются «султанами» и приравниваются к князю» (Крафт, 1900: 81). Здесь приравнивание султанов к княжескому статусу происходит из-за их особого социального превосходства. В циркулярном предписании Оренбургской пограничной комиссии должностным лицам от 2 октября 1852 г. было указано, что султаны казахского кочевого общества были освобождены от налога, называемого «кибиточным сбором»: «...избавить от изыскания кибиточного сбора: султанов правителей за 4 кибитки, управляющих родами и дистанционных начальников за 3, местных киргизских начальников за 2, фельдшеров и рассыльных из киргиз за 1 кибитку каждого в год; равномерно избавить от сей повинности семейства, т.е. жен хана Ширгазы Айшуакова, умерших султанов–правителей Баймухаммеда Айчуакова и Ахмета Джантюрина за 5 кибиток каждое семейство, семейство убитых и раненных в 1844 г. в отряде полк. Дуниковского, действовавшем в степи против мятежного султана К. Касымова и всех ордынцев, получающих от казны пожизненное пособие: султанского происхождения – за 3, а за простого – за 1 кибитку» (Казахско-русские..., 1964: 394).

В «Уставе о Сибирских киргизах (казахах)» 1822 года старшим султанам были присвоены огромные правовые привилегии. Под их руководством на собраниях, проводимых в окружном приказе, при них должны были присутствовать два заседателя, назначаемых областным начальством, и два казаха «из почетных киргизов» по выбору (параграф 20). В составе приказа были назначены старшие султаны от казахов, прошедших процедуру выборов, а также два заместителя. Вскоре в затяжном противостоянии на пути избрания своих представителей на высшую должность в округе часть степной аристократии придерживалась двустороннего подхода, стремясь наладить отношения с Омскими чиновниками с целью свержения своих противников. Внешне они демонстрировали свою солидарность с политикой правительства, а внутренне не теряли надежды на восстановление прежней ханской власти (Материалы по истории..., 1960: 94).

Согласно «Положению об управлении Оренбургских киргизов (казахов)» 1824 года основными обязанностями султанов-правителей были полицейский надзор за порядком, спокойствием кочующих казахов на территории округа; сбор налогов; решение спорных вопросов низкого значения через старейшин общины традиционным правом. Каждый султан-правитель имел при себе добровольного наемного русского представителя, которому из средств хозяйственного капитала региона (части) выплачивалась заработная плата в размере 142 рублей 85 копеек в год, а добровольному наемному татарскому «писарю» – 114 рублей в год, посыльному – 84 рубля в год. Документы свидетельствуют о том, что в регионе (части) служили и другие подобные чиновники (Казахско-русские..., 1964: 275).

Суть «Положения об управлении Оренбургских киргизов» заключается в том, что в Младшем жузе была упразднена ханская власть, и земли казахов, находящиеся в ведении Оренбургского ведомства, были разделены на три части – западную, среднюю и восточную. Была установлена новая форма правления – султанат – правящая власть. Авторитетные султаны того времени были назначены править этими тремя частями. Должность султана-правителя сохранялась с 1824 по 1869 гг. Западную часть возглавлял Каратай Нуралиев, сын Нурали-хана, среднюю часть – Темир Ералиев, восточную часть – султан Жума Кудаймендиев (Добросмыслов, 1902: 274).

Основные ставки султана-правителя располагались в казачьих станицах и крепостях вдоль пограничных рубежей. Западная часть располагалась в Затонском форпосте, средняя часть –

в станице Изобильной, восточная – в Уст-уй. Ниже приведены сведения о султанах-правителях каждого региона (Таблица 1).

Таблица 1. Султаны-правители трех частей в 1824–1869 гг. (Добросмыслов, 1902: 274)

Западная часть		Средняя часть		Восточная часть	
Султаны-правители	Годы правления	Султаны-правители	Годы правления	Султаны-правители	Годы правления
Каратай Нуралиев	1824–1825	Темир Ералиев	1824–1825	Жума Кудаймендин	1824–1830
Шынгали Орманов	1826–1830	Медеткали Турдалиев	1826–1828	Жанторе Жангиров	1830–1835
Баймухамбет Айшуаков	1830–1847	Маты Мухамбеткалиев	1828–1830	Шоты Бактыгереев	1835–1841
Мухамбеткали и Таукин	1847–1867	Жусип Нуралиев	1828–1841	Ахмет Жанторин	1841–1851
		Арыстан Жанторин	1841–1855	Мухамбет Жанторин	1851–1869
		Мухамбетжан Айшуаков	1855–1869		

Для управления местностью по предложению султана-правителя Каратая в качестве помощников были назначены Шынгали Орманов – в западную часть, Медеткали Турдалиев – в среднюю часть, Жаншуак Кудаймендиев – в восточную часть (Добросмыслов, 1902: 273).

Администрация Оренбургской пограничной комиссии издавала указания султанам-правителям с целью уточнения их обязанностей и прав. В обязанности каждого султана-правителя также входило управление частью округа, состоящего из родов, а также контроль над управлением биями. Для повышения социального статуса каждому султану-правителю вручались мечи, флаги, грамоты с указанием степени их должности. Кроме того, Азиатский комитет, стремившийся сделать звание старших султанов полезным и привлекательным в понятии казахских агаманов (старшин), назначил старшим султанам-правителям по 100 рублей серебряных денег каждый месяц, по 60 мешков пшеничной муки в год (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5774. Л. 28). В документах Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора хранятся данные о султанах-правителях средней и западной частей, Арыстане и Ахмете Жантуриных, о вручении им мечей и грамот, а также о назначении им заработной платы (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6333. Л. 24).

При изменении структуры института власти царское правительство создало чиновническо-административный аппарат. Местные чиновники выполняли функции управляющего инструмента царского правительства в казахской степи, тем самым проводились меры сословно-правового характера, направленные на обеспечение социального превосходства вновь растущей элитной группы. Данные мероприятия осуществлялись в соответствии с «Табелем о рангах» Петра I. Здесь были предусмотрены этапы постепенного карьерного роста чиновников.

Одним из главных принципов организации государственной службы был тот факт, что государственный служащий своим честным трудом должен был пройти все ранги, то есть все классы, от низших до высших. Это требование возникло из-за необходимости накопления жизненного опыта и освоения профессии. В каждом классном чине обязательным было прохождение определенного срока службы, и этот срок мог быть сокращен только за исключительную заслугу. Переход к следующему классу считался переходом к новой службе. При этом учитывался и уровень образования служащего.

К одной из социально-экономических мер, направленных на обеспечение особого социального превосходства должностных лиц казахов, относятся меры, направленные на создание лучших условий за особые заслуги казахских чиновникам. К ним относятся материальные подарки (подарок от имени Его Превосходительства – награда в виде позолоченного или серебряного оружия) и денежное вознаграждение; похвала (вручение новых медалей и орденов или повышение до нового звания); освобождение от уплаты налогов и т.д. В архивных источниках встречается список влиятельнейших ордынцев, составленный губернским секретарем Житковым, где содержатся обширные сведения о казахах, должностных лицах, получивших премии и награды (ЦГАРК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 29-33).

Как отмечалось выше, в параграфе 51-м «Устава о Сибирских киргизах», старший султан был удостоен звания майора и впоследствии мог подняться по служебной иерархической лестнице до высшего чина. После трех лет службы у них было право просить «достоинство русского дворянина», а 52-й параграф устава гласил, что старший султан будет в числе почетных султанов, даже если он

будет отстранен от должности по чрезвычайному положению. По параграфу 53-му, казахские заседатели имели соответствующий чин IX класса, хотя и не имели такого же звания, как русские заседатели (ПСЗ РИ, 1830: 418). По параграфу 54-му, волостные правящие султаны занимали чины XII класса. Как указывалось в 55-м параграфе Положения, старшины и бии приравнялись к сельским начальникам России, хотя и не имели четкого чина (Свод законов Российской империи, 1892: 130).

Присвоение гражданских и военных чинов и должностей происходило на основании «Табеля о рангах». В Табеле широко освещались социальное положение дворянского сословия, специфика, порядок присвоения чинов и др.

Таким образом, в российском законодательстве начала XIX века защищались права султанов. Это делалось с целью привлечения на государственную службу определенной группы султанов. Старшие султаны, пользуясь своей властью, совершали различные злоупотребления по отношению к обществу, и, по мнению Н.И. Красовского, перед народом виноватой за все считали российскую администрацию (Красовский, 1868: 71).

Отмена ханской власти, которая была политической опорой султанов, повлияла на положение представителей «белой кости». Историк Е.Б. Бекмаханов отмечает: «несмотря на поддержку со стороны России, некоторые султаны-правители не имели должного авторитета среди казахов. Недовольные казахи не уважали власть султанов и даже убивали их, как это случилось, например, с султаном Джантюрином» (Бекмаханов, 1994: 126).

Появление народного протеста против казахских султанов – историческая реальность. Так, есть жалоба 316-ти человек из рода аргын и кыпчак, отправленная в Оренбургскую пограничную комиссию на султана Арыстана Жантурина с просьбой отстранить его от занимаемой должности. После полугодового следственного дела Арыстан Жантурин был оправдан. Но ордынцы, не согласившись с решением местных властей, громят ставку султана и убивают Арыстана (Добросмыслов, 1902: 304).

К середине XIX в. в связи с переходом Казахской степи под власть России социальное положение султанов начало меняться. Оно в основном зависело от поддержки царского правительства. А.И. Добросмыслов в своей статье отмечает начало снижения роли султанов, подчеркивая, что султаны, сыгравшие в свое время видную роль, утратили все прежние преимущества в современных условиях доступа к государственной службе любого образованного казаха (Добросмыслов, 1904: 304). Теперь, в отличие от прежней традиции, роль любого человека в обществе определялась не его генеалогической, сословной спецификой, а его «преданностью царю и империи», «верной службой перед российским государством», его личными способностями, его способностью привлекать к деятельности империи свой род, племя, землю. Убедившись, что султаны не могут играть отведенную им роль в системе централизации власти, создаваемой в Казахской степи, правительство постепенно стало переходить к отмене обязанностей султанов по правлению. Так, 19 мая 1854 года в «Положении о порядке избрания старших султанов в казахской степи» было официально признано, что не все те, кто служит «старшим султаном», были выходцами из сословия султана. Этот факт отображается в труде Красовского: «...допустить в число избираемых по киргизской степи в старшие султаны лиц не только султанского происхождения, но и всемиловнейше пожалованных офицерскими чинами, прослуживших при том не менее трех лет заседателями окружных приказов или волостными управителями; в число же избирателей, сверх лиц султанского происхождения – всех вообще, имеющих офицерские чины, а равно и тех и почетных киргизов, кои прослужили в классных должностях по выборам девять лет, хотя бы и не имели офицерских чинов» (Красовский, 1898: 188).

Таким образом, на выборы старших султанов и советников вместе с представителями знати были допущены лица, имеющие законодательные чины и медали, а также «имеющие заслуги» казахи. Согласно положениям закона, принятым во внешних округах, кандидаты на пост старшего султана теперь не избираются, а назначаются администрацией. Такие усилия по искоренению общественного ранга султанов часто можно встретить в законодательных актах 1855, 1861, 1862, 1865 годов (Материалы по истории..., 1960: 186).

В постановлениях Государственного Совета 1866 года о правовых преимуществах волостных управлений в сибирских казахских областях высказаны следующие мнения: волостные управители избираются сроком на 3 года, и это осуществляется назначением военного губернатора; волостные управители могут быть избраны на последующие годы по истечении 3 лет; волостные управители могут получить звание сотника по истечении трехлетней службы (Казахско-русские отношения..., 1964: 200).

В связи с введением Временного Положения 1868 года правящие султаны остаются в штате, чтобы участвовать в реализации нового закона, и им были присуждены награды. Султан-правитель восточной части Мухамбет Жантурин был удостоен звания полковника. Он получил пожизненную пенсию в размере 1,2 тыс. руб. Султан-правитель средней части Мухамбет Баймухамбетов получил звание генерал-майора и пожизненную пенсию в размере 1,2 тыс. руб., а султан-правитель западной части ротмистр Альмухамбет Сейдалин был назначен на должность уездного судьи Николаевского

уезда Турайской области (Султангалиева, 2001: 123). Назначение генерал-губернатором на должность судьи Сейдалина учитывало наличие у него среднего специального образования и большого опыта в решении спорных вопросов между казахами. Таким образом, через это назначение хотели показать возможность для других, что они могут быть назначены на такие должности, если их образование и служение будут соответствовать необходимым требованиям.

Одним из важных факторов, способствовавших социально-сословным изменениям султанов в казахском обществе в XIX веке, наряду с политическими административно-территориальными изменениями на Казахской земле, можно назвать развитие системы народного просвещения. В этот период казахские дети начали поступать в Неплюевское военное училище в Оренбурге (с 1825 г.). В этом учебном заведении учились преимущественно дети из областей, граничащих с Россией. Для обучения детей нерусских народов был открыт Азиатский отдел. Военное училище Неплюева в Оренбурге было одним из первых учебных заведений, где обучались казахские дети. Училище было открыто в 1825 г. по приказу царя Александра I и на средства первого оренбургского губернатора, сенатора И.И. Неплюева. Кроме русских детей, в школе учились башкирские, казахские и татарские дети. По имеющимся сведениям первыми выпускниками военного училища были Мухамбет Таукин, Кушак Шыгаев, Копболсын Караулов, Досмухамбет Шукеев, Нуржан Габдолгалымов, Достан Айшуаков и Таубаев (Васильев, 1986: 14).

Училище возглавил полковник Г.Ф. Генс, который совмещал должности директора военного училища и председателя Оренбургской пограничной комиссии (Матвиевская, 2016: 15).

Время открытия Неплюевского военного училища совпало с периодом, когда ханская власть в Младшем жузе была упразднена (осталась только в Букейской Орде) и разделена на три части – западную, среднюю, восточную. Хан Букейской Орды Жангир предусмотрел возможность получения родственниками русского образования. В результате подавляющее большинство первых выпускников военного училища было букейцами, а затем дети и из других местностей начали получать образование.

В Положении 1844 г. при Оренбургской пограничной комиссии предусматривается открытие школы для казахских детей с целью подготовки делопроизводителей при начальниках дистанций. Ведь в это время усилилась управленческая работа начальников дистанции, и многие из них не знали русского языка. Поэтому такие школы, готовящие переводчиков и делопроизводителей, были очень своевременны. Эта ситуация породила повышение стремления казахских детей к получению светского образования на русском языке. Школа была открыта в 1850 году в зданиях Оренбургской пограничной комиссии и имела 4 класса с семилетним курсом обучения.

Кроме того, открытие русских школ в Казахской степи было вызвано административными потребностями российского правительства. Управление страной через местных казахских правителей обходилось российской администрации дешевле, а если привезти чиновника из внутренних губерний России, то на это пришлось бы потратить немало денег и пользоваться услугами татарских переводчиков. При таких обстоятельствах русская администрация стремилась решить проблемы языкового вопроса, открыв школу при Оренбургской пограничной комиссии в 1844 году.

Основная цель школы – распространение светской модели образования, русской грамотности среди казахов и подготовка специалистов, способных вести делопроизводство в пограничном управлении при султано-правителе, дистанционных начальниках. В первой школе обучались 30 казахских детей (Васильев, 1896: 26). В 1857 году школу окончили первые выпускники. Среди них – М. Колубеков, Т. Косуаков, Н. Мунсызбаев, И. Алтынсарин, Ш. Кошербаев. Они окончили учебу с высокими оценками, а М. Колубеков, Т. Косуаков, Н. Мунсызбаев, И. Алтынсарин с разрешения генерал-губернатора остались на должностях при пограничной комиссии. В 1858 году за хорошую службу все получили звание зауряд-хорунжего. И. Алтынсарин в 1860 году работал учителем в русско-казахской школе Оренбургского управления. Помимо этого, выпускники этой школы, А. Дербисов, Х. Кунанов, М. Бахтияров, М. Байдосов, С. Аксатов, К. Каржасов, Х. Байтаков, А. Кусепгалиев, Т. Саматов, Е. Айтокин, О. Бердалин, К. Копбергенов, С. Мухамбеткалиев, У. Байжанов, были устроены на должность делопроизводителей при начальниках дистанций. А. Кусепгалиев и С. Мухамбеткалиев через год получают звание зауряд-хорунжего (Султангалиева, Койшигарина. 2006: 51).

В 1844 г. Неплюевское военное училище было реорганизовано в Неплюевский кадетский корпус. Помимо кадетского корпуса, в 1847 году в Оренбурге открылась фельдшерская школа, просуществовавшая до 1871 года. В новом учебном заведении также обучался определенный процент казахских детей. Получивший образование в Оренбургской фельдшерской школе в 1857–1865 гг. Хамза Каржасов из восточного округа Кустанайского уезда в последующем приступил на должность делопроизводителя в Кустанайское уездное управление (ЦГАРК. Ф. 27. Оп 3. Д. 17. Л. 31). Турмуканбет Избаканов учился в период с 1866 по 1871 годы (западный округ, Актюбинский уезд) и приступил к работе по специальности на фельдшерскую службу в г. Торгай. Мусабай Тотаев (из восточного округа Костанайского уезда) получил образование с 1867 по 1871 гг. и устроился переводчиком в Форт Александров (Васильев, 1896: 33).

Данную школу в 1864 году окончили 14 казахских детей. Б. Наурызбаев из восточного округа впоследствии изъявил желание служить рядом со своим отцом – начальником дистанции. Б. Орынбаев, С. Нурмухамбетов, С. Асфендияров были оставлены на работу при областном

управлении, и в 1866 году они получили звание зауряд-хорунжего. Остальные 10 казахов, А. Тулькибаев, И. Джаксыбаев, А. Бескалиев, Ш. Корсынбаев, Д. Сутиралин, О. Кутепов, А. Досов, Ж. Жаукин, Б. Бердалин, Ш. Альжанов, направляются на должности делопроизводителей при начальниках дистанции (Васильев, 1986: 40).

Таким образом, за 40 лет существования русско-казахской школы, открывшейся при Оренбургской пограничной комиссии, ее окончили 48 казахских детей (Султангалиева, Койшигарина, 2006: 55). Многие из них, как видно из приведенных данных, занимали должности местных управленцев в казахском обществе.

Резюмируя, отметим, что русская администрация стремилась подготовить необходимые кадры из местных жителей для управления Казахской степью. В связи с этим при некоторых султанах-правителях были открыты школы с трехлетним сроком обучения. Они готовили писарей для родовых управителей, дистанционных и местных начальников. Учебными предметами в школе были русский язык, чистописание, арифметика, татарский язык, магометанское вероучение и составление деловых бумаг на русском языке (Васильев, 1896: 41). Часть детей после окончания школы получила направление на курсы при Оренбургской пограничной комиссии. Особенно проверенные и хорошо окончившие курс были направлены в училище Неплюева в Оренбурге. В этом учебном заведении в основном учились дети соплеменников султана. Например, сын султана-правителя Ахмета Жантурина Сейтхан, его младший брат Махмут, его внук Омар, младшие братья султана Сейдалина Альмуханбет и Тлеу, султан Хамза Каратаев и другие (Васильев, 1896: 28).

5. Заключение

Таким образом, султаны, которые составляли аристократическую группу в традиционном обществе, входили в состав группы с высоким социальным статусом. После перехода Казахской степи в состав России ситуация изменилась. Социальное положение султанов, обладающих высоким правовым преимуществом в традиционном кочевом обществе, претерпевает некоторые изменения в XIX в. Административно-территориальная реформа Российской империи в Казахской степи охватила все сферы общественной жизни и способствовала изменению традиционной социальной структуры казахского кочевого общества. Российское правительство сначала упразднило ханскую власть, вместо этого установив власть султанов, которая подчинялась русской администрации. Институт султанов был введен как временная мера по унификации территорий по русскому образцу.

В процессе социальной трансформации местные чиновники служили правящим инструментом царского правительства в казахской степи. Через них проводились меры сословного правового характера, направленные на обеспечение социального превосходства вновь растущей элитной группы. Это осуществлялось в соответствии с «Табелем о рангах» Петра I. Здесь были предусмотрены все этапы постепенного карьерного роста чиновников. «Табель о рангах», введенный Петром I, сыграл важную роль в формировании административно-чиновничьего аппарата в Казахской степи.

Интеграция казахов в социально-сословную систему Российской империи также имела свое влияние на распространение светского и военного образования в Казахской степи. Казахи после получения соответствующего образования в учебных заведениях Российской империи, занимая должности на местах, постепенно продвигались по служебной лестнице, тем самым были вовлечены в чиновническую систему империи, что, в свою очередь, открывало им путь к приобретению дворянского достоинства и почетного гражданства.

В казахском обществе дворянство (в большинстве случаев личное) присваивалось в основном старшим султанам, султанам, султанам-правителям, бийам, служившим в аппарате управления. Вместе с тем часть султанов объединялась в группу высшего ранга правителей родов, а другая часть продолжала жить в родоплеменном кочевом строе, соблюдая ценности своего общества.

Литература

Султангалиева, 2001 – Султангалиев Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки, 2001. 260 с.

Султангалиева, 2015 – Султангалиева Г.С. Казахские чиновники на службе Российской империи. Сборник документов и материалов. Составители: Султангалиева Г.С. (отв.ред), Далаева Т.Т., Удербаяева С. К. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 435 с.

Султангалиева, Койшигарина, 2006 – Султангалиева Г.С., Койшигарина Г.М. Формирование казахского чиновничества в первой половине XIX века. На материалах Неплюевского кадетского корпуса // Вестник Карагандинского университета. Серия. История, Философия, Право. 2006. №3. С. 78-86.

Ерофеева, 1999 – Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: Полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 334 с.

Ерофеева, 2003 – Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. Алматы: ТОО PRINT-S, 2003. 178 с.

Алекторов, 1883 – Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1883. 128 с.

- Бекмаханов, 1994** – Бекмаханов Е.Б. Қазақстан ХІХ ғ. 20-30 жылдарында. Алматы: Санат, 1994. 413 б.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное ее состояние. Оренбург, 1896. 226 с.
- Величенко, 2005** – Величенко Стивен. Российская империя в зарубежной историографии. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительном перспективе. Москва, 2005. 696 с.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Добросмыслов, 1902** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // *Известия ОИРГО*. Тверь. Т. 1. Вып. 2. 1902. 524 с.
- Зиманов, 1960** – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX вв. Алма-ата: Издательство АН Каз ССР, 1960. 296 с.
- Казахско-русские..., 1964** – Казахско-русские отношения XVIII-XIX веках (1771-1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 573 с.
- Красовский, 1868** – Красовский А.И. Область Сибирских Киргизов / Материалы для географии и статистики России. Санкт-Петербург: Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. Том 8. Ч. 2. 427 с.
- Крафт, 1898** – Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 530 с.
- Каппелер, 2000** – Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. Перевод с нем. Светлана Червонная. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
- Материалы по обычному праву, 1998** – Материалы по обычному праву. Алматы, 1998. 464 с.
- Материалы по обычному праву, 1998** – Материалы по обычному праву. Алматы, 1998. 464 с.
- Матвиевская, 2016** – Матвиевская Г.Ф. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: монография. Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 174 с.
- Материалы по истории..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата: Издательство. АН Каз ССР, 1960. Т. 1. 221 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.38. 1355 с.
- Свод законов..., 1892** – Свод законов Российской империи. СПб, 1892. Т. 39. 692 с.
- Стейнведел, 2014** – Стейнведел Ч.Р. Башкирия в XVI-XIX вв.: Как Башкирия стала частью Европейской России? Санкт-Петербург, 2014. С. 79-106.
- Фальк, 1940** – Экспедиция И.П. Фалька: Астраханьский и Оренбургский край, Западная Сибирь, Южный Урал (1769-1773) / Материалы для экспедиции Академии наук в XVIII-XIX вв. М-Л., 1940. С. 106-108.
- Фриз, 1992** – Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима. Б-М., 1992.
- ЦГАРК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Bekmaganbetov et al., 2024** – Bekmaganbetov M., Aytmukhanbetov A., Bekmaganbetov R., Nurusheva G. Orenburg educational institutions in training personnel for administrative and managerial institutions of the Turgai region in the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19 (3): 1294-1302.
- Yensnov et al., 2024** – Yensnov K.A., Karassayev G.M., Aktailak B.B., Shurshitbay B.Sh. The Development of Kazakh Elders and Biys Rolrs in Russian Empire Administration structure (XIX century) // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1179-1187.

Reverences

- Alektorov, 1883** – Alektorov, A.Ye. (1883). Istoriya Orenburgskoy gubernii. [History of the Orenburg province]. Orenburg: Printing house of B. Breslin, 128 p. [in Russian]
- Bekmaganbetov, 1994** – Bekmaganbetov, E.B. (1994). Қазақстан 19 ғ. 20-30 жылдарында [Kazakhstan 20-40 years in the 19 th century]. Almaty: Canat, 413 p. [in Kazakh]
- Bekmaganbetov et al., 2024** – Bekmaganbetov, M., Aytmukhanbetov, A., Bekmaganbetov, R., Nurusheva, G. (2024). Orenburg educational institutions in training personnel for administrative and managerial institutions of the Turgai region in the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1294-1302.
- TsGARK** – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- Dobromyslov, 1902** – Dobromyslov, A.I. (1902). Turgaiskaya oblast'. Istoricheskii ocherk [Turgai region. Historical sketch]. *Izvestiya OIPGO*. Tver'. 1(2). 524 p. [in Russian]
- Epofeeva, 1999** – Epofeeva I.V. Khan Abulhire: Polkobodets, pravitel i politik. [Khan Abulhire: A chief executive, ruler and politician. Almaty. Sanat, 1999. 334 p. [in Russian]
- Epofeeva, 2003** – Epofeeva, I.V. (2003). Rodoclovnye kazaxckix hanov i kozha 18-19 vv. [Common Kazakh khans and leather of the 18-19 th centuries]. Almaty: TOO PRINT-S, 178 p. [in Russian]
- Yensnov et al., 2024** – Yensnov, K.A., Karassayev, G.M., Aktailak, B.B., Shurshitbay, B.Sh. (2024). The Development of Kazakh Elders and Biys Rolrs in Russian Empire Administration structure (XIX century). *Bylye Gody*. 19(3): 1179-1187.

Fal'k, 1940 – Ekspeditsiya I.P. Fal'ka: Actpaxan'ckii i Openbyggekkii kpai, Zapadniy Cibip', Yuzhnyi Ural (1769-1773). Materialy dlya ekspeditsii Akademii nayk v 18-19 vv. [Astraxan and Orenburgsky edge, Western Siberia, South Ural (1769-1773). Materials for the expedition of the Academy of Sciences in the 18-19 centuries]. M.-L., 1940. pp. 106-108. [in Russian]

Friz, 1992 – Friz, G. (1992). Tserkov', religiya i politicheskaya kul'tura na zakate starogo rezhima [Church, religion and political culture at the end of the old regime]. B.-M.

Kappeler, 2000 – Kappeler, A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie, istoriya, raspad. Perevod s nem. Svetlana Chervonnaya. [Russia – a multinational empire: emergence, history, disintegration. Translation from German Svetlana Chervonnaya]. M.: Progress-Traditsiya. 342 p.

Kazakhsko-russkie otnosheniya..., 1964 – Kazakhsko-russkie otnosheniya 18-19 vekax (1771-1867). Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations of the 18-19 centuries (1771-1867). Collection of documents and materials]. Alma-Ata: Nayka, 1964. 573 p. [in Russian]

Krasovskii, 1868 – Krasovskii, A. I. (1868). Oblast' Sibirskikh kirgizov [The area of the Siberian Kirgiz]. Materialy dlya geografiy i statistiki Rossii. Sankt-Peterburg: Transhelya, Retgera i Shneidera. Vol. 8. Part 2. 427 p. [in Russian]

Kpaft, 1898 – Kpaft, I.I. (1898). Sbornik uzakonenii o kirgizakh stepnykh oblastei [Collection of notes on the Kyrgyz steppe areas]. Orenburg, 530 p. [in Russian]

Materialy po istorii..., 1960 – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatel'stvo. AN Kaz SSR, 1960. vol. 1. 221 p. [in Russian]

Matviyevskaya, 2016 – Matviyevskaya, G.F. (2016). The Orenburgsky Neptyuevsky cadet corps. ocherk istorii: monografiya [Orenburg Neptyuevsky Cadet Corps. Essay on History: a monograph]. Ocherk istorii: monografiya. Moskva: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniy. 174 p. [in Russian]

PSZ RI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete assembly of laws of the Russian Empire. SPb., 1830. vol. 38. 1355 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [State Archives of the Orenburg Region].

Svod zakonov Rossiskii imperii, 1892 – Svod zakonov Rossiskii imperii [Summary of the laws of the Russian Empire]. SPb, 1892. Vol. 39. 692 p. [in Russian]

Steinvedel, 2014 – Steinvedel, Ch.R. (2014). Bashkiriya v 14-19 vv.: Kak Bashkiriya stala chast'yu Evropeiskoi Rossii? [Bashkiriya in the 14-19 centuries: How did Bashkiriya become a part of European Russia?]. Sankt-Peterburg. Pp. 79-106. [in Russian]

Sultangalieva, 2001 – Sultangalieva, G.S. (2001). Zapadniy Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (18 – nachalo 20 vv.). [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (18 – early 20 centuries)]. Ufa: RIO RUNMTS Goskomnauki, 260 p. [in Russian]

Sultangalieva, 2015 – Sultangalieva, G.C. (2015). Kazakhskie chinovniki na clyzhbe Poccyyckoy impepii. Chopnik dokyumentov i matepialov [Kazakh officials in the service of the Russian Empire. Collection of documents and materials]. Compilers: Sultangalieva G.C. (ed.), Dalaeva T.T., Uderbaeva C. K. Almaty: Kazakh University, 435 p. [in Russian]

Sultangalieva, Koishigarina, 2006 – Sultangalieva, G.S., Koishigarina, G.M. (2006). Formirovanie kazakhskogo chinovnichestva v pervoi polovine 19 veka. Na materialap Neptyuevskogo kadetskogo korpusa. [Formation of the Kazakh bureaucracy in the first half of the 19 century. On the material of Neptyuev cadet corps]. Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya. Istoriya, Filosofiya, Pravo. 3: 78-87. [in Russian]

Vacil'ev, 1896 – Vacil'ev, A.V. (1896). Ictopicheckii ochepk pyeckogo obpazovaniya v Typgaickoi oblacti i covpemennoe ee coctoyanie. [An historical overview of the Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg, 226 p. [in Russian]

Velichenko, 2005 – Velichenko, S. (2005). Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Chisslennost' byurokratii i armii v Rossiiskoi imperii v sravnitel'nom perspektive. [The Russian Empire in Foreign Historiography. The size of the bureaucracy and the army in the Russian Empire in a comparative perspective. Moscow, 696 p. [in Russian]

Zimanov, 1958 – Zimanov, C.Z. (1958). Obshchectvennyi ctpoi Kazaxctana v kontse 18-i pepvoi polovine 19 vv. [The public order of Kazakhstan at the end of the 18th and the first half of the 19th centuries]. Alma-ata: Izd-vo AN Kaz SSP, 296 p. [in Russian]

К вопросу об институте султанов в казахском обществе в 1824–1869 гг.

Айнагул Мейрамбеккызы Еспенбетова^{а, *}, Жайдарман Ануаровна Ганибаева^а,
Алибек Бакытжанулы Аман^а, Айдын Жаксанович Абденов^а

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aikami@mail.ru (А.М. Еспенбетова), sangar98@mail.ru (Ж.А. Ганибаева), e_alibek@mail.ru (А.Б. Аман), aidyn_617@mail.ru (А.Ж. Абденов)

^a Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актобе, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье исследуется характер социальных изменений и общественное положение института султанов в Степи в контексте административной политики российского правительства. При подготовке статьи были использованы архивные документы фонда №6 Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (Оренбург, Российская Федерация), фонда №4 Областного правительства Оренбургскими киргизами (Алматы, Казахстан), фонда №27 Директора народных училищ Тургайской области Оренбургского учебного округа (Алматы, Казахстан) и сборники опубликованных документов. Привлекаемые для анализа документальные материалы содержат важную информацию, которая дает возможность в полной мере оценить состояние казахского общества в имперский период, уровень его развития, проследить его генезис и охарактеризовать его типологические особенности. На примере законодательных актов авторами анализируются различные правовые и социальные преимущества султанов в традиционном казахском обществе и в период Российского правления в XIX веке.

Для решения поставленной в статье проблемы применялись общенаучные принципы: объективность, историзм и системность. Авторы отмечают, что в результате проведения Российским правительством административно-территориальных мероприятий в казахском кочевом обществе были созданы новые административные институты и государственные организации, что способствовало изменению социально-классовой структуры казахского общества. Авторы приходят к выводу о том, что распространение светского образования на территории Казахстана явилось важным фактором утверждения султанов в административном аппарате. Получив образование в учебных заведениях Российской империи, султаны сыграли важную роль в развитии общества. Они выполняли служебные функции в гражданской и военной чиновничьей структуре.

Ключевые слова: политика, султан, царское правительство, социальная структура, казахское общество, традиция, чиновник, традиционализм, управление, право, кочевое общество.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1635-1643
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1635

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Salt Industry and Supply of salt to the Population of Eastern Siberia in the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Yenisei Province)

Olesya M. Dolidovich ^{a,*}, Ivan Y. Makarchuk ^a, Evgeniya N. Starovoitova ^b

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the historical experience of developing the salt industry and supplying salt to the population of Eastern Siberia in the 19th – early 20th centuries using materials from the Yenisei province. It is shown that the state kept these issues under control, since they actually had strategic importance in the context of the ongoing development of the region. Populated areas could become depopulated due to a shortage or excessive cost of such a vital consumer item as salt. The government assumed high costs for the delivery and sale of salt in remote stores and stands to avoid this. Attempts by the treasury to relieve itself of the burden of these costs, as well as to carry out technical modernization of the industry through private capital investment were unsuccessful. Siberian entrepreneurs sought to extract quick profits; they were not attracted by the obligations to ensure the constant availability of salt reserves and sell it at a fixed price. Local deposits of rock salt were not explored until the 20th century, despite the fact that salt was a scarce commodity. The weakness of the salt industry did not contribute to the development of other industries (for example, cattle breeding, tannery, fishing, etc.) in turn. The local salt industry was in its infancy in the pre-reform period and could not compete with products from suppliers in European Russia in the post-reform period. Prices for consumers for this vital product were always higher here than in other regions of the country.

Keywords: Eastern Siberia, Yenisei province, state salt warehouses, salt, salt industry, salt excise tax.

1. Введение

Формирование устойчивой продовольственной системы страны невозможно без анализа опыта решения этой задачи в различные исторические эпохи. В Российской империи обеспечение основными продуктами питания населения отдаленных окраинных областей на этапе их заселения и хозяйственного освоения имело особое стратегическое значение. Физическая и экономическая доступность такого жизненно необходимого продукта, как соль, в числе прочих факторов оказывала влияние на успешность закрепления за Россией новых территорий. Изучение организации соляного дела и снабжения солью населения Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. на материалах Енисейской губернии отражает как общие тенденции развития соляной отрасли, так и особенности интеграции региона в состав страны, его социально-экономического развития в этот период, а также продовольственную политику государства.

2. Материалы и методы

Источниковую базу настоящей статьи составляют законодательные акты, делопроизводственные материалы и периодическая печать. На протяжении рассматриваемого периода вопросы, связанные с соледобычей и торговлей солью, регулировались Уставами о соли

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), imakarchuk@sfu-kras.ru (I.Y. Makarchuk), jane_star78@mail.ru (E.N. Starovoitova)

1781 г., 1857 г. и 1887 г. Они содержат общие положения об управлении соляным делом, условиях аренды и разработки соляных источников, хранения и доставки соли, взысканиях за нарушения и т.д. В отдельных параграфах приведены правила, действовавшие в Сибири ([Устав о соли, 1781](#); [Устав о соли, 1857](#); [Свод действующих..., 1893](#)). К числу делопроизводственных источников можно отнести опубликованные научные отчеты и труды по географии и геологии Восточной Сибири и Енисейской губернии. Изучение природы, климата, ландшафта, природных богатств региона происходило одновременно с его хозяйственным освоением. В публикациях, выходящих по результатам исследовательских экспедиций, значительное внимание уделялось описанию минеральных полезных ископаемых, в числе прочего их авторы осуществляли сбор и систематизацию сведений о соляных источниках ([Костров, 1852](#); [Клеменц, 1896](#); [Адрианов, 1904](#)). Использован также такой вид статистических и справочных изданий, как памятные книжки. Помимо информации о численности и занятиях жителей, а также об экономике и культуре Енисейской губернии, в них приведены данные о солеваренных заводах (дата основания, производительность, арендаторы, стоимость и условия реализации соли) ([Памятная книжка..., 1863](#)). Периодическая печать представлена материалами «Горного журнала», издававшегося Горным департаментом Министерства финансов с 1825 г. В обзорах и отчетах геологов, окружных инженеров ведомства зафиксированы сведения о геологическом и горнопромышленном развитии, организации соляного дела в Восточной Сибири и Енисейской губернии ([Першке, 1879](#); [Стемпневский, 1889](#); [Боголюбский, 1911](#)).

В процессе анализа материалов применялись историко-генетический и историко-системный методы. Историко-системный метод позволил показать контекст и совокупность общероссийских и региональных факторов, определявших развитие соляных промыслов и торговли в регионе на протяжении изучаемого периода, а историко-генетический метод – выявить закономерности и особенности этого развития.

3. Обсуждение

Работы дореволюционного периода посвящены, как правило, характеристике финансовой стороны соляного дела ([Свирщевский, 1908](#)), а также описанию его истории и экономических перспектив ([Денисов, 1912](#)). В немногочисленных исследованиях, выполненных на материалах Восточной Сибири, показано, что Министерством торговли и промышленности в начале XX в. серьезная разведка соляных источников только намечалась в связи с тем, что после проведения Транссибирской магистрали, а также после осуществления Столыпинской аграрной реформы быстро увеличивалось население и, соответственно, спрос на соль ([Шредер, 1911](#)).

После Гражданской войны соляной промысел по всей стране пришел в упадок, его возрождение происходило в 1920-е гг. В связи с курсом на индустриализацию в начале 1930-х гг. развернулась разведка и связанные с ней исследования по выявлению и перспективной оценке соляных месторождений. Советские ученые обнаружили крупные запасы Кембрийского соленосного бассейна, простирающегося от Енисея до Лены. Для снабжения населения Красноярского края и Туруханска, рабочих золотых приисков, рыбных промыслов в низовья Енисея предполагалось увеличить мощности Троицкого завода. По заданию Восточно-Сибирского геологоразведочного треста было исследовано Тасеевское месторождение ([Франк-Каменецкий, 1934](#); [Хоментовский, 1935](#)).

В поздний советский период в работах по истории соляного дела длительное существование казенных соляных магазинов на восточных окраинах Российской империи рассматривалось как своеобразный компромисс между властью и местным населением: казна «смирилась» со значительными дополнительными расходами по доставке соли, крестьяне – с высокой стоимостью соли ([Ковальский, 1983](#); [Введенский, 1986](#)).

На современном этапе анализируется эволюция государственного подхода в сфере управления соляным промыслом ([Ларина, 2008](#)). Рассматриваются вопросы организации соляного дела в различных губерниях и областях Российской империи (условия разработки, рынки сбыта, стоимость, положение рабочих и др.) ([Махрова, 2015](#); [Мударисов, 2015](#); [Хайрлапова, 2019](#)). На материалах Сибири и Дальневосточного региона сравнивается роль государства и частного предпринимательства в обеспечении солью населения ([Волчек, 2006](#); [Васьков, 2020](#); [Устюгова, 2022](#)).

Дефицит работ, выполненных на материалах Восточной Сибири, пока не позволяет составить целостную картину развития соляных промыслов и снабжения солью населения региона. В целом проблему можно отнести к числу малоисследованных: нет системных статистических данных об уровне добычи соли, не освещены способы перевозки (водным путем, по железной дороге), особенности торговли, условия жизни и труда рабочих на соляных заводах и озерах, роль местных властей и частного капитала в организации соляного промысла и др.

4. Результаты

4.1 Общие условия развития соляного дела в Российской империи

На протяжении XVIII вв. происходила частая реорганизация соляного дела. Так, в 1705 г. Петр I ввел государственную монополию на торговлю солью, при Петре II в 1728 г. она была отменена. В 1731 г. Анна Иоанновна вернула государству монопольное право на оптовую продажу соли. В 1762 г.

указом Петра III соляная монополия отменялась, и вновь вводилась в 1781 г. согласно принятому Екатериной II «Уставу о соли». Колебания курса были обусловлены тем, что монополия обычно вводилась с целью повышения дохода казны, однако одновременно возрастали и расходы по доставке соли в регионы и содержанию соляного ведомства. В случае же ее отмены купечество быстро поднимало цены на соль, население сокращало ее потребление, вследствие этого падал и государственный доход. Вместе с тем даже при введении свободной торговли правительство сохраняло контролирующие функции. Прежде всего, регулировалась рыночные цены на соль за счет выпуска в продажу запасов из казенных складов.

Главная соляная контора, подотчетная Сенату, ежегодно составляла ведомость на год вперед с указанием, в каком количестве, по какой стоимости и откуда в каждую губернию должна была поставляться соль. Вопросы снабжения населения на местах регулировали губернаторы и местные казенные палаты, они же ведали казенными соляными промыслами, отданными в управление частным лицам. Региональные власти должны были обеспечивать постоянное наличие двухгодичного запаса соли (часть для потребления и некоторое количество в качестве резерва). К соляным магазинам определялись приставы, которые следили за исполнением договоров с подрядчиками. В 1783 г. главную соляную контору упразднили, а ее функции передали губернским казенным палатам. Однако вскоре центральное управление было восстановлено: при Сенате учреждалась Экспедиция государственного хозяйства, к ведению которой в числе прочего относилось управление соляным делом. В 1802 г. Экспедиция перешла в подчинение Департамента внутренних дел Министерства внутренних дел (Введенский, 1986).

В начале XIX в. торговля солью становилась для казны все более убыточной вследствие того, что ее потребление в целом по стране увеличивалось, соответственно, росли и издержки по транспортировке и хранению. Новый «Устав о соли» от 1818 г. разрешал торговлю «людям всякого состояния» при условии оплаты пошлины. В каждой губернии цены устанавливались отдельно исходя из себестоимости соли и накладных расходов. Правительство продолжало содержание казенных магазинов, чтобы предотвратить захват контроля над соляными рынками со стороны богатых купеческих семей (Мударисов, 2015: 35).

С середины XIX в. общее управление отраслью осуществлял Департамент горных и соляных дел Министерства финансов. В преддверии календарного года Департамент составлял план доставки соли по регионам. Казенные палаты по-прежнему контролировали добычу соли на местах, ее хранение в запасных магазинах, учет, транспортировку, поступление соляного налога с продажи казенной соли и акциза с частных солеваренных заводов. Поощрялись открытие и разработка новых соляных озер, ключей и месторождений, особенно в тех местностях, куда доставка была сопряжена с трудностями. Такого рода источники отдавали в частную разработку, чтобы сократить правительственные затраты (Устав о соли, 1857).

Во второй половине XIX в. в совокупных налоговых поступлениях государства увеличивалась доля косвенных налогов. Среди подакцизных товаров оказались алкогольные напитки, табак, сахар, нефтепродукты и др. Акциз на соль был введен в 1862 г. Казна прекращала добычу соли, оптовую и розничную продажу, передавала соляные источники в частные руки (в собственность или в оброчное содержание на продолжительные сроки). Надзор за добычей осуществляли чиновники губернского акцизного управления. После 1871 г. реформа распространялась на Сибирь, затем на Царство Польское и Закавказский край.

В этот же период в печати началось обсуждение вопроса об отмене налога на соль. Сельскохозяйственные общества и земства в своих ходатайствах отмечали, что высокий соляной акциз делал соль недоступной для бедных категорий населения, ее дефицит являлся причиной падежа скота. В дешевой соли нуждались многие отрасли промышленности. Когда в 1881 г. акциз был отменен, стоимость соли стала снижаться, ее выработка и потребление увеличивались. К примеру, если в 1879-1880 гг. производство соли составляло 48 000 000 пуд., продажа за границу – 27 000 пуд., потребление на человека – 24,2 фунта, то в 1889–1890 гг. – 85 000 000 пуд., 482 000 пуд. и 30,2 фунта соответственно (Широкова, 2005; Хайрлапова, 2019).

Отмена акциза сопровождалась передачей Горного департамента Министерству государственных имуществ. Добыча соли производилась из источников, находившихся на казенных землях и на землях частных владельцев (только с разрешения и под строгим контролем властей). Принадлежавшие казне месторождения каменной соли, соляные озера и другие источники не могли быть отчуждаемыми в собственность, но передавались для разработки в частные руки. Плата за разработку устанавливалась для каждого источника отдельно, срок договора не мог превышать 25 лет. Торговля разрешалась гражданам всех состояний и даже иностранцам при условии оплаты пошлины (размер ее определялся гильдейским свидетельством). Для заведования казенными соляными источниками назначались старшие и младшие смотрители (Свод действующих..., 1893: 9, 17, 43).

На рубеже XIX–XX вв. на съездах солепромышленников и в печати обсуждался вопрос о таможенном обложении соли и железнодорожных тарифах на ее перевозку. Вопрос о необходимости повышения и без того высокой таможенной пошлины на иностранную соль (в 1860-е гг. порядка 75 % стоимости) поднимали владельцы соляных предприятий. Соляные месторождения России были

сосредоточены в основном на южных, восточных и северо-восточных окраинах, поэтому соль приходилось перевозить на значительные расстояния. При высоких железнодорожных тарифах доставка морем из некоторых зарубежных стран (например, Англии и Португалии) обходилась дешевле, чем из внутренних губерний. К тому же российская соль не выдерживала конкуренции из-за более низкого качества. В свою очередь, рыбопромышленники и засольщики рыбы предпочитали соль заграничную и просили полной отмены пошлины на иностранную соль. Правительство же не спешило повышать пошлины, поскольку при отсутствии конкуренции русские предприниматели могли монополизировать рынки и устанавливать цены произвольно. Ввоз иностранной соли постепенно сокращался вследствие быстрого развития отечественной солепромышленности, а также после введения в 1892 г. дифференцированного железнодорожного тарифа, который удешевил перевозку даже в самые отдаленные районы. С этого времени на внутреннем рынке конкурировали солепромышленники из разных районов страны (Шлевкова, 2016).

4.2 Соляной промысел и снабжение солью населения Восточной Сибири

Добыча поваренной соли в Приенисейском крае развивалась по мере продвижения русских. К середине XIX в. здесь функционировало несколько солеваренных заводов. В южной части Иркутской губернии соляные ключи разрабатывались заводом близ Усолья и Иркутским заводом. Последний, будучи самым крупным в регионе (нет сведений о дате основания, производительность составляла в среднем 400 тыс. пудов ежегодно), снабжал солью Иркутский, Верхнеудинский и Нижнеудинский округа, частично Верхоленский, Заяблоневою часть Забайкалья. Самосадочные озера в Забайкальской области разрабатывали два завода в Троицкосавском уезде: Кирановский (18 тыс. – 25 тыс. пудов) и завод на озере Борзинское (садка соли происходила раз в три года – по 20 тыс. – 100 тыс. пудов). В Ленском бассейне действовал Усть-Кутский завод (основан в 1641 г., 75 тыс. пудов), продукция которого сплавлялась по Лене до Киренска, Олекминска, Витима и Якутска. Богатые залежи каменной соли располагались в районе Виллойска Якутской области, но малонаселенность этого края и отсутствие дорог имели следствием ничтожную разработку. Илимский завод близ Ангары (20 тыс. пудов) располагался в глухой местности, где не было даже грунтовых дорог.

Существовало значительное количество соляных источников, однако в связи с недостаточной освоенностью самого региона большинство месторождений не разрабатывалось: «Природа как будто подшутила над этой страной, наделивши ее самыми богатыми залежами каменной соли и лучшими источниками в местах малонаселенных, коренные обитатели которых в большинстве случаев до сих пор вовсе не употребляют этого продукта, так как вывоз последнего на рынки сбыта по недостатку даже сносных путей сообщения и отсутствию перевозных средств сопряжен с громадными затруднениями, имеющими прямое соотношение с увеличением его стоимости» (Стемпневский, 1889: 216).

В результате примерно две трети необходимого для местного населения объема соли поступало из других регионов. Так, в Иркутскую губернию она ввозилась с Пермских солеваренных заводов, в Забайкальскую область – с Монгольских озер. С увеличением протяженности перевозки увеличивалась и стоимость, доставка становилась убыточной. По этой причине в такие отдаленные регионы, как Приамурье и Приморскую область, соль привозили из-за границы – Японии, Китая, Германии, Америки (Шредер, 1911; Устюгова, 2022).

Переход к акцизной системе начался в 1875 г. С передачей промыслов в частные руки правительство рассчитывало также улучшить техническую постановку дела. В связи с этим летом и осенью того же года горный инженер Л. Першке провел обследование промыслов. Проверка показала, что оснащение заводов было устаревшим, остро стоял вопрос обеспечения топливом. Даже на лучшем из них (Иркутском) вместо печи использовалась простая яма, где в виде крупных круглых колод сжигались дрова. При таком способе происходил огромный перерасход дров. Варка соли обходилась дорого, несмотря на то что применялся труд ссыльнокаторжных. Производство на соляных озерах находилось в еще более примитивном состоянии. Л. Першке предложил частным арендаторам строить новые образцовые варницы по чертежам, утвержденным Министерством финансов (Першке, 1879).

Упования чиновников на то, что солепромышленники постепенно произведут переоборудование заводов, не оправдались. Арендаторы находились в своем статусе временно, их главной целью являлось получение максимума прибыли в короткие сроки, они не планировали инвестиций в производство: «Сибирский предприниматель слишком консервативен; он свято хранит память отцов, достигших путем благоприятного стечения обстоятельств громадных состояний; если дело приносит хорошие проценты, он этим доволен даже при полном сознании, что могло бы быть и лучше, а затем, если ошибается в расчете, то скорее бросит дело, чем прибегнет к изысканию средств к улучшению» (Стемпневский, 1889: 220). Если правительство прописывало в контракте условие о введении какого-либо инженерного усовершенствования, арендаторы прибегали к всевозможным ухищрениям, чтобы доказать его нецелесообразность.

С передачей соляных промыслов в частные руки казна оставляла за собой обязательство снабжать солью отдаленные местности Восточной Сибири (Туруханск, Забайкалье, Якутскую область). Однако теперь она была вынуждена закупать соль по повышенной стоимости, поскольку

обычно торговцы вступали в сговор и контролировали цены на местных рынках. Таким образом, если до реформы снабжение этих территорий обходилось в 17 тыс. руб. ежегодно, то после нее – 111 тыс. руб. В Забайкалье даже пришлось снять таможенную пошлину на ввоз низкокачественной соли из Монголии, что позволило снизить расходы по снабжению соляных магазинов в Чите, Нерчинске, Нерчинском заводе и Сретенске.

Результаты реформы в регионе были неутешительными: соляная торговля в Восточной Сибири в течение десяти лет, с 1857 по 1866 гг., принесла казне доход в размере 965 434 руб. 29 коп. После реформы за пятилетие с 1881 г. по 1885 г. казна ежегодно получала убытки в размере 59 368 руб. 65 коп. Современники признавали: «Все надежды на расширение и улучшение соляного хозяйства путем передачи таковых частным лицам не оправдались даже в слабой степени, между тем частные предприниматели получили возможность без всяких хлопот и забот класть в свои карманы многие сотни тысяч рублей» (Стемпневский, 1889: 218).

В середине XIX в. все дела, связанные с оборотом соли, были сосредоточены в Сибирском комитете. С 1881 г. заведование солеваренными источниками и заводами в Енисейской губернии и Степном генерал-губернаторстве поручалось Томскому горному управлению, в Иркутской губернии и Якутской области, Приамурском генерал-губернаторстве – Иркутскому горному управлению. Цены устанавливались Министерством государственных имуществ по соглашению с генерал-губернаторами. Для хранения и продажи соли к магазинам (запасным, оптовым и местного продовольствия) определялись приставы и вахтеры. Отдельно прописывались условия арендного содержания Иркутского солеваренного завода как самого крупного в регионе (Свод действующих..., 1893: 6–7, 19).

На рубеже XIX – XX вв. в связи с началом широкого крестьянского переселенческого движения спрос на соль значительно вырос. Правительство поощряло развитие солепромышленности в Сибири такими мерами, как предоставление безвозмездного пользования лесами из казенных дач или освобождение от взноса в казну платы за первые годы аренды соляных источников. После проведения Транссибирской железнодорожной магистрали увеличивались объемы поставок из Западной Сибири и Европейской России. Однако обеспечение солью населения отдаленных районов и населенных пунктов по-прежнему было делом убыточным или малоприбыльным, поэтому торговцы закрывали частные склады, ссылались на конкуренцию, сокращение спроса, воровство и недобросовестность приказчиков, огромные риски и т.п. Фактически правительство было вынуждено содержать казенные соляные стойки вплоть до начала XX в. (Свод действующих..., 1893: 48, 52, 54).

4.3 Соляное дело в Енисейской губернии

Длительное время ключевую роль в снабжении населения губернии солью играл казенный Троицкий завод в Канском округе. Завод был основан в 1641 г. в 200 верстах от Канска на правом берегу реки Усолки, впадающей в Тасеевку (левый приток Ангары). Первоначально варка соли производилась только в зимнее время, и годовая производительность не превышала 2,5–3 тыс. пудов. В начале XIX в. действовали три варницы, которые обслуживали 230–250 работников из ссыльнокаторжных. Ежегодно 45–80 тыс. пудов соли вывозилась в Канск, Красноярск, Енисейск, Туруханск. С течением времени выработка соли на заводе обходилась все дороже: например, в 1805 г. – 6 ½ коп., а в 1825 г. – уже 45 ¾ коп. (Пестов, 1833: 62-104; Памятная книжка..., 1863: 157-159).

В южной части губернии с древнейших времен население пользовалось солью самосадочных озер. После появления здесь русских добыча перешла в ведение казны. Соль поступала в Минусинский, Абаканский, Курагинский магазины, где ее продажей занимались вахмистры. Магазины заведовали соляные приставы, которые вели отчетную документацию и отправляли ее в казенную палату, а вырученные деньги – в окружное казначейство. Садка соли происходила только во время летних засух с большими многолетними перерывами. Например, на Минусинском озере не было садки с 1877 г. по 1909 г. К тому же озера, окруженные горными склонами, весной наполнялись талой пресной водой, вследствие этого и качество соли было низким. Многие из них и вовсе осаждали не чистую поваренную соль, а смесь из хлористого натрия и глауберовой соли (так называемый «бузун» или «гуджир»).

В результате даже жители близлежащих Минусинского и Ачинского уездов испытывали дефицит соли. Так, в минусинский магазин соль обычно поступала осенью и зимой, ее усыпка и утечка превосходила законодательно утвержденные нормы. Об этом соляной пристав, окружной начальник и стряпчий доносили начальству. В 1829 г. жители потребовали закрытия соляной стойки, потому что ее содержание было «тягостным». По предписанию томской казенной экспедиции стойку закрыли, после чего соль стали доставлять торговцы с Бурлинских озер Томской губернии. Однако ввиду удаленности уезда происходило это нечасто, от случая к случаю.

К середине XIX в. месторождения соли все еще были разведаны слабо. Отсутствие интереса к поиску новых месторождений со стороны частных лиц объяснялась дороговизной их разработки. К тому же долгое время господствовало всеобщее убеждение в том, что «Енисейская губерния, заключающая в своей обширной площади огромные богатства минерального царства вообще, в частности не только не богата солью, но даже можно сказать, бедна» (Костров, 1852: 1-2).

Делами по соляной части в губернии ведал чиновник Винного отделения Казенной палаты. Ему подчинялись пристав, смотрители, помощники и вахтеры запасных магазинов. Транспортировку соли контролировали комиссионер и его помощники. Лесничий ведомства обеспечивал снабжение солеваренных заводов топливом. Казенная продажа соли осуществлялась из магазинов «оптовых» и «местного продовольствия» (не более 5 пудов на человека), а также специальных стоек. Цены устанавливались отдельно для каждого магазина, этот вопрос находился на контроле генерал-губернатора ([Устав о соли, 1857](#)).

Озера Минусинского уезда давали 120 000–170 000 пудов соли в год. Выработка велась на Бейском (с 1874 г.) и Абаканском заводах (с 1884 г.), варницах на озерах Тагарском (1873 г.), Кызыкуль, Красном (с 1897 г.). Временами добывалась и самосадочная соль на озерах Шунет и Тагарское. Все заводы арендовались частниками от казны. На них было занято около 100 человек рабочих, получавших жалование от 12 до 30 руб. в месяц. Население уезда потребляло порядка 120 000 пудов, остальное количество вывозилось в Красноярск и Енисейск, где соль продавалась по цене 55 коп. за пуд, бузун – 11 коп. (для сравнения: в Европейской России цена на варочную и каменную соль колебалась в пределах 2 ½ – 9 коп. за пуд и 10–40 коп.). Производственные затраты на местную соль были высокими (порядка 30 коп. с пуда) вследствие дороговизны дров, слабости соляного раствора, значительной стоимости перевозки ([Адрианов, 1904: 17–18](#)).

На рубеже XIX–XX в. в Енисейской губернии добыча соли ежегодно составляла порядка 350 тыс. пудов и лишь в отдельные годы (когда происходила садка соли на озерах) достигала 1 млн пудов (например, в 1909 г. – 1 099 944 пуда). Реальная потребность населения губернии в соли достигала 700–750 тыс. пудов. Примерно половина необходимого объема поступала из других регионов. Частично соль ввозилась с озер Семипалатинской области (Коряковского, Большого Таволжанского, Биш-туз, Темир-туз и др.), расположенных по обеим сторонам реки Иртыш, служившей дешевым и удобным транспортным путем. В основном соль была низкого качества, потому что хранилась прямо на берегах в буграх или штабелях под открытым небом, загрязнялась атмосферными осадками, песком. Для получения качественного продукта требовалось строительство помещений хозяйственного и технического характера. Однако предприниматели арендовали участки по берегам озер на короткие сроки (в среднем три года) и не были в этом заинтересованы. Лишь в 1911 г. вышло распоряжение министра торговли и промышленности, согласно которому участки отдавались в аренду не менее чем на 10 лет. Предпринимателей обязали ежегодно увеличивать объемы добычи, обновлять оборудование.

Относительно высокое качество имела соль Коряковского озера, ее предпочитали закупать засольщики промысловой рыбы в Туруханском крае. Ежегодно для этого ввозилось от 12 500 до 20 тыс. пудов по Енисею. Население края могло приобретать соль у частных торговцев (по цене 64–73 коп. за пуд) или из трех казенных соляных стоек и магазина (1 руб. 20 коп.). Казенную соль покупали неохотно из-за высокой стоимости, однако, несмотря на незначительный сбыт, само ее наличие препятствовало чрезмерному взвинчиванию цен со стороны частников.

В начале XX в. благодаря дифференцированному тарифу на Сибирской железной дороге в Красноярск и далее на восток стала распространяться высокосортная Пермская и Илецкая соль, которая успешно конкурировала с солью местных источников. Соль из Прииртышских озер крестьяне теперь покупали преимущественно для корма скота ([Шредер, 1911](#)).

Наиболее высокие цены для потребителей устанавливались в тех местностях, где не было складов соли. Оптовые торговцы, за немногими исключениями, предпочитали не содержать собственные склады (долгое хранение соли являлось убыточным вследствие утечки, усыпки и т.д.) и перепродавали соль более мелким торговцам сразу после доставки. По этой причине в городах цены всегда были ниже, чем в прилегающих к ним уездах. По мере удаления от города стоимость возрастала. В деревнях торговцы прибегали к обману и разного рода ухищрениям, самым распространенным из которых была продажа не по весу, а мерой по объему, когда емкость какой-либо посуды (например, чайной чашки) выдавалась произвольно за определенный вес. Зачастую соль обменивали на продукты крестьянского хозяйства (яйца, масло и т.д.).

Владельцы пароходов произвольно устанавливали стоимость перевозки соли по рекам и, таким образом, торговлю в прибрежных населенных пунктах прибирали в свои руки. Кроме того, количество перевезенной соли зависело от условий навигации: перевозки сокращались в случае маловодья, в урожайные годы пароходным предприятиям было выгоднее перевозить хлебные грузы. Проведение железной дороги привело к значительному удешевлению соли. Так, в городах и уездах Енисейской губернии с 1880-х гг. к началу 1900-х гг. стоимость соли упала в два раза ([Боголюбский, 1911](#)).

5. Заключение

Соляные промыслы Восточной Сибири делились на две категории: заводы на крепких рассолах, которые могли осуществлять выварку соли в любое время года, и заводы, действовавшие на самосадочных озерах с непостоянной садкой, вследствие чего часто возникали перебои в выпуске продукции. Становление местного соляного производства сдерживалось рядом факторов. Во-первых, были слабо разведаны месторождения каменной соли. Во-вторых, стоимость перевозки этого

продукта в условиях громадных расстояний и слабого развития транспортной сети была высокой. В-третьих, в зачаточном состоянии находились отрасли промышленности, которые обычно являются наиболее крупными потребителями соли (легкая, мясная, молочная и др.). В-четвертых, соляное дело не привлекало инвесторов, поскольку требовало серьезных вложений, тогда как сибиряки направляли свои капиталы преимущественно в золотодобычу.

Примитивные технологии определяли низкую производительность предприятий, в то время как спрос на соль непрерывно увеличивался в связи с ростом численности населения. Соль требовалась также для снабжения населения севера и золотых приисков, скотоводства, развития рыбного промысла и др. Дефицит компенсировался ввозом вначале из Западной Сибири, после проведения железной дороги – из Европейской России. Государство обеспечивало население отдаленных местностей солью и регулировало ее стоимость через систему казенных стоек и магазинов, хотя ее значение с течением времени снижалось.

Литература

- Адрианов, 1904** – Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1904. 61 с.
- Боголюбский, 1911** – Боголюбский Н.С. Записка о соляных промыслах в Томской горной области // *Горный журнал*. 1911. Т. 1. С. 52–117.
- Васьков, 2020** – Васьков Д.А. Соледобыча в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. / *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения: материалы XIV всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 75–87.
- Введенский, 1986** – Введенский Р.М. Соляная регалия и учреждение вольной продажи соли в России // *История СССР*. 1986. № 1. С. 171–181.
- Волчек, 2006** – Волчек В.А. Кризис политики правительства в соляной отрасли и попытки его преодоления в начале второй половины XIX в. // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2006. № 3. С. 155–159.
- Денисов, 1912** – Денисов В.И. Русская солепромышленность. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1912. 93 с.
- Клеменц, 1896** – Клеменц Д. Соляные озера Минусинского и Ачинского округов. СПб.: б. и., 1896. 56 с.
- Ковальский, 1983** – Ковальский М.Ф. Соль жизни. М.: Недра, 1983. 44 с.
- Костров, 1852** – Костров Н.А. Заметки о бассейне реки Уса. Красноярск: б. и., 1852. 16 с.
- Ларина, 2008** – Ларина О.Г. Соляная и горная регалии как один из источников доходов бюджета в России XIX в.: правовое регулирование, управление и контроль // *Актуальные проблемы российского права*. 2008. № 4. С. 42–49.
- Махрова, 2015** – Махрова Т.К. Государственное регулирование соляного промысла на Урале в конце XVIII – первой половине XIX веков // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2015. № 3 (6). С. 87–92.
- Мударисов, 2015** – Мударисов Р.З. Зарождение рыночных отношений в соляной промышленности Башкирии в дореформенный период // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2015. № 5 (127). С. 33–37.
- Памятная книжка..., 1863** – Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб.: Типография И. Огризко, 1863. 350 с.
- Першке, 1879** – Першке Л. Проект образцовой варницы на Иркутском солеваренном заводе и основания для разработки на поваренную соль горьких озер Восточной Сибири // *Горный журнал*. 1879. Т. 4. С. 1–44.
- Пестов, 1833** – Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. М.: Университетская типография, 1833. 298 с.
- Свирщевский, 1908** – Свирщевский А.Р. Материалы к истории обложения соли в России // *Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеум*. Ярославль, 1908. Вып. I. С. 167–212.
- Свод действующих..., 1893** – Свод действующих узаконений и правил о соляном промысле в России. С разъяснениями и распоряжениями правительственных учреждений, извлеченными из официальных документов. СПб.: Типография и литография Бермана и Рабинович, 1893. 193 с.
- Стемпневский, 1889** – Стемпневский Г. Соляные промыслы Восточной Сибири // *Горный журнал*. 1889. № 5–6. С. 216–290.
- Устав о соли, 1781** – Устав о соли. Утвержден в Царском Селе июня 16 дня 1781 года. Без тит. л.
- Устав о соли, 1857** – Устав о соли / Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Том 7: Уставы монетный, горный, и о соли. СПб.: Типография 2-го отделения собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1857.
- Устюгова, 2022** – Устюгова О.А. Роль частного предпринимательства в снабжении Дальнего Востока России солью (1860-е–1890-е гг.) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2022. № 2. С. 50–61.

Франк-Каменецкий, 1934 – Франк-Каменецкий А.Г. Соляные (гуджирные) озера Восточной Сибири. М.; Иркутск: ОГИЗ, 1934. 60 с.

Хайрлапова, 2019 – Хайрлапова М.М. Отмена акциза на соль в контексте социально-экономического развития Астраханской губернии во второй половине XIX в. / *Астраханские Петровские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2019. С. 107–109.

Хоментовский, 1935 – Хоментовский А.С. Соль центральной части Красноярского края / *Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири*. Вып. 6. Материалы по солености Восточной Сибири Новосибирск: Издание «Кузбассугля», 1935. 116 с.- С. 5–32.

Широкова, 2005 – Широкова В.И. Соляные промыслы России // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2005. № 3. С. 47–57.

Шлевкова, 2016 – Шлевкова Т.В. Роль отраслевых съездов предпринимателей в промышленном развитии дореволюционной России (на примере I съезда солепромышленников) // *ЭКО*. 2016. № 6 (504). С. 182–189.

Шредер, 1911 – Шредер И.Ф. Соль в Восточной Сибири. СПб.: Якорь, 1911. 79 с.

References

Adrianov, 1904 – Adrianov, A.V. (1904). Ocherki Minusinskogo kraya [Essays on the Minusinsk Region]. Tomsk. [in Russian]

Bogolyubskii, 1911 – Bogolyubskii, N.S. (1911). Zapiska o solyanykh promyslakh v Tomskoi gornoi oblasti [Note on salt mines in the Tomsk mountain region]. *Gornyi zhurnal*. 1: 52-117. [in Russian]

Denisov, 1912 – Denisov, V.I. (1912). Russkaya solepromyshlennost' [Russian salt industry]. SPb. [in Russian]

Frank-Kamenetskii, 1934 – Frank-Kamenetskii, A.G. (1934). Solyanye (gudzhirnye) ozera Vostochnoi Sibiri [Salt (gudzhir) lakes of Eastern Siberia]. M. [in Russian]

Khairlapova, 2019 – Khairlapova, M.M. (2019). Otmena aktsiza na sol' v kontekste sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Astrakhanskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v. [The abolition of excise tax on salt in the context of the socio-economic development of the Astrakhan province in the second half of the 19th century]. *Astrakhanskie Petrovskie chteniya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Astrakhan'. Pp. 107-109. [in Russian]

Khomentovskii, 1935 – Khomentovskii, A.S. (1935). Sol' tsentral'noi chasti Krasnoyarskogo kraia [Salt of the central part of Krasnoyarsk Krai]. Materialy po geologii i poleznym iskopaemym Vostochnoi Sibiri. Vyp. 6. Materialy po solenosnosti Vostochnoi Sibiri Novosibirsk. Pp. 5-32. [in Russian]

Klements, 1896 – Klements, D. (1896). Solyanye ozera Minusinskogo i Achinskogo okrugov [Salt lakes of Minusinsk and Achinsk districts]. SPb. [in Russian]

Kostrov, 1852 – Kostrov, N.A. (1852). Zametki o basseine reki Usa [Notes on the Usa River Basin]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Koval'skii, 1983 – Koval'skii, M.F. (1983). Sol' zhizni [Salt of life]. M. [in Russian]

Larina, 2008 – Larina, O.G. (2008). Solyanaya i gornaya regalii kak odin iz istochnikov dokhodov byudzheta v Rossii XIX v.: pravovoe regulirovanie, upravlenie i kontrol' [Salt and Mining Regalia as One of the Sources of Budget Income in Russia in the 19th Century: Legal Regulation, Management and Control]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 4: 42-49. [in Russian]

Makhrova, 2015 – Makhrova, T.K. (2015). Gosudarstvennoe regulirovanie solyanogo promysla na Urale v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vekov [State regulation of the salt industry in the Urals in the late 18th – first half of the 19th centuries]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 3 (6): 87-92. [in Russian]

Mudarisov, 2015 – Mudarisov, R.Z. (2015). Zarozhdenie rynochnykh otnoshenii v solyanoi promyshlennosti Bashkirii v doreformennyi period [The emergence of market relations in the salt industry of Bashkiria in the pre-reform period]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*. 5 (127): 33-37. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1863 – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1863 god [Commemorative book of Yenisei province for 1863]. SPb., 1863. [in Russian]

Pershke, 1879 – Pershke, L. (1879). Proekt obratstsovoi varnitsy na Irkutskom solevarennom zavode i osnovaniya dlya razrabotki na povarennyuyu sol' gor'kikh ozer Vostochnoi Sibiri [Project of a model saltworks at the Irkutsk saltworks and the basis for the development of table salt from the bitter lakes of Eastern Siberia]. *Gornyi zhurnal*. 4: 1-44. [in Russian]

Pestov, 1833 – Pestov, I.S. (1833). Zapiski ob Eniseiskoi gubernii Vostochnoi Sibiri, 1831 goda [Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia, 1831]. M. [in Russian]

Shirokova, 2005 – Shirokova, V.I. (2005). Solyanye promysly Rossii [Salt mines of Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3: 47-57. [in Russian]

Shlevkova, 2016 – Shlevkova, T.V. (2016). Rol' otraslevykh s"ezdov predprinimatelei v promyshlennom razviti dorevolutsionnoi Rossii (na primere I s"ezda solepromyshlennikov) [The role of sectoral congresses of entrepreneurs in the industrial development of pre-revolutionary Russia (on the example of the First Congress of Salt Producers)]. *EKO*. 6 (504): 182-189. [in Russian]

- Shreder, 1911 – *Shreder, I.F.* (1911). Sol' v Vostochnoi Sibiri [Salt in Eastern Siberia]. SPb. [in Russian]
- Stempnevskii, 1889 – *Stempnevskii, G.* (1889). Solyanye promysly Vostochnoi Sibiri [Salt mines of Eastern Siberia]. *Gornyi zhurnal*. 5–6: 216–290. [in Russian]
- Svirshchevskii, 1908 – *Svirshchevskii, A.R.* (1908). Materialy k istorii oblozheniya soli v Rossii [Materials for the history of salt taxation in Russia]. *Yuridicheskie zapiski, izdavaemye Demidovskim Yuridicheskim Litseem*. 1: 167–212. [in Russian]
- Svod deistvuyushchikh..., 1893 – Svod deistvuyushchikh uzakonenii i pravil o solyanom promysle v Rossii. S raz'yasneniyami i rasporyazheniyami pravitel'stvennykh uchrezhdenii, izvlechennymi iz ofitsial'nykh dokumentov [A set of current laws and regulations on the salt industry in Russia. With explanations and orders of government agencies, extracted from official documents] (1893). SPb. [in Russian]
- Ustav o soli, 1781 – Ustav o soli [The Salt Statute]. Utverzhden v Tsarskom Sele iyunya 16 dnya 1781 goda. 1781. [in Russian]
- Ustav o soli, 1857 – Ustav o soli [The Salt Statute]. Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyi. Tom 7: Ustavy monetnyi, gornyi, i o soli. SPb. [in Russian]
- Ustyugova, 2022 – *Ustyugova, O.A.* (2022). Rol' chastnogo predprinimatel'stva v snabzhenii Dal'nego Vostoka Rossii sol'yu (1860-e–1890-e gg.) [The Role of Private Enterprise in Providing the Russian Far East with Salt (1860s–1890s)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2: 50–61. [in Russian]
- Vas'kov, 2020 – *Vas'kov, D.A.* (2020). Soledobycha v Zapadnoi Sibiri v XVII–XVIII vv. [Salt mining in Western Siberia in the 17th–18th centuries]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: materialy XIV vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg. Pp. 75–87. [in Russian]
- Volchek, 2006 – *Volchek, V.A.* (2006) Krizis politiki pravitel'stva v solyanoi otrasli i popytki ego preodoleniya v nachale vtoroi poloviny XIX v. [The crisis of government policy in the salt industry and attempts to overcome it at the beginning of the second half of the 19th century]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3: 155–159. [in Russian]
- Vvedenskii, 1986 – *Vvedenskii, R.M.* (1986). Solyanaya regaliya i uchrezhdenie vol'noi prodazhi soli v Rossii [The state's monopoly on salt and the establishment of free sale of salt in Russia]. *Istoriya SSSR*. 1: 171–181. [in Russian]

Соляной промысел и снабжение солью населения Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. (на материалах Енисейской губернии)

Олеся Михайловна Долидович ^{a, *}, Иван Юрьевич Макаrchук ^a, Евгения Николаевна Старовойтова ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирован исторический опыт развития соляного промысла и снабжения солью населения Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. на материалах Енисейской губернии. Показано, что государство держало на контроле эти вопросы, поскольку фактически они имели стратегическое значение в условиях продолжавшегося освоения региона. При дефиците или чрезмерной дороговизне соли могли обезлюдеть уже заселенные местности. Во избежание этого правительство брало на себя высокие расходы по доставке соли в отдаленные магазины и стойки. Попытки казны переложить эти расходы на солепромышленников, а также осуществить техническую модернизацию отрасли за счет инвестиций частного капитала, не увенчались успехом. Сибирские предприниматели стремились к извлечению быстрой прибыли, их не привлекали обязательства обеспечивать постоянное наличие запасов соли и продавать ее по фиксированной стоимости. Соль являлась дефицитным товаром. Местные залежи каменной соли не были разведаны вплоть до начала XX в. В свою очередь, это не способствовало развитию и других отраслей (например, скотоводства, кожевенного дела, рыбного промысла и др.). В дореформенный период местная соляная промышленность находилась в зачаточном состоянии, а в пореформенное время не выдерживала конкуренции с продукцией поставщиков из Европейской России. В результате цены для потребителей на этот жизненно необходимый продукт здесь всегда были выше, чем в других областях страны.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Енисейская губерния, казенные соляные стойки, соль, соляная промышленность, соляной акциз.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович), imakarchuk@sfu-kras.ru (И.Ю. Макаrchук), jane_star78@mail.ru (Е.Н. Старовойтова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1644-1656
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1644

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Land Use of Rural Clergy in Rural Parishes of Siberian Dioceses in the second half of the XIX – early XX centuries

Dmitry N. Belyanin ^{a,*}, Viktor N. Razgon ^b, Anton V. Razgon ^c

^aT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^bAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article studies the problem of providing rural clergy with land plots in the Yenisei, Omsk, Tobolsk and Tomsk dioceses in the second half of the XIX – early XX centuries. The main sources of land allocation to rural volosts in the XIX century are revealed. Rural clergy could receive land plots from the Siberian administration, Cossack section, by the verdicts of village societies, and church lands could be allocated in preparation of resettlement plots. The land plots transferred to the churches became the property of the church. However, by the beginning of the 20th century, a large part of parishes did not receive land plots. Such landless parishes could sometimes receive land by voluntary decision of the parishioners, but in this situation the land was given to the parishioners only for use, sometimes for a certain period of time, and could not firmly provide income for the village clergy. The land reform in Siberia at the turn of the 19–20th centuries had a significant impact on the land use in rural clergy. In the course of this reform landless churches received land plots, and churches with small land plots received additional land additions. As a result, by the beginning of World War I, 90 % of rural parishes in the Yenisei, Omsk, Tobolsk and Tomsk dioceses had land plots. Even though the land reform in Siberia was not completed before the February Revolution of 1917, by 1913–1915 the proportion of landless parishes was only slightly above 4 %. At the same time, almost 2/3 of the parishes were provided with land according to the maximum norm of 99 dessiatinas or even more.

Keywords: the peasantry, Russian Orthodox Church, Church land, Old-timers, Resettlers, Rural clergy, Rural parishes, Siberia, Siberian village, Siberian dioceses, Siberian parishes.

1. Введение

Русская Православная церковь (РПЦ) в конце XIX – начале XX вв. была важнейшим социальным институтом российского общества. Она не только выполняла значимые для большинства населения Российской империи религиозные обряды (крещение, венчание, отпевание и т.п.), но и обеспечивала сохранение в общественном сознании традиционных духовных ценностей. Через преподавание Закона Божьего в школах, через проповеди и внебогослужебные собеседования в сознание прихожан вкладывались основы традиционных духовных устоев русской цивилизации, нравственные ориентиры, семейные ценности, а также уважительное или даже сакральное отношение к таким понятиям, как «Бог», «вера», «Отечество», «царь», «монархия» и т.п. Непосредственным проводником духовно-нравственных ценностей в народные массы являлось приходское духовенство, а так как самым многочисленным социальным слоем российского общества в начале XX в. было крестьянство, центральная роль в нравственно-патриотическом воспитании населения отводилась сельским священникам.

* Corresponding author

E-mail addresses: bdn73@list.ru (D.N. Belyanin)

Вполне естественно, что государство не могло остаться равнодушным к вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства, и в XIX – начале XX вв. неоднократно принимало меры по улучшению материального положения приходского духовенства, в том числе за счет обеспечения причтов земельными участками.

В нашей статье исследуется вопрос о земельном обеспечении сельских причтов в сибирских епархиях в начале XX в., помимо которых нами были учтены также приходы с казачьими станицами, сельские миссионерские станы или миссионерские приходы. Это обусловлено тем, что многие приходы имели в составе как крестьянские, так и казачьи селения. Такой же смешанный состав имели и многие миссионерские станы, обслуживавшие не только селения с инородцами, но и старожильческие деревни, и переселенческие участки. Например, в состав Черноярского стана Павлодарского уезда входил пос. Березовский, населенный переселенцами-малороссами ([Справочная книга по Омской..., 1914: 870](#)). Причем в составе миссионерских приходов крестьянское население часто составляло значительную часть прихожан, а то и большинство. Так, в Улалинском приходе Алтайской Духовной миссии в 1915 г. состояло 1072 души крестьян и 917 человек инородцев, в Паспаульском крестьян насчитывалось 1739 человек, инородцев – 1205 (подсчитано по: [ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4623. Л. 15, 59](#)). Также нами были взяты в расчет данные по приходам с походными церквями. Такие церкви обслуживали сельское население и наделялись землей. Например, в приходе с. Александровского Тарского уезда была походная церковь, причту которой было отведено 102 дес. ([Справочная книга Тобольской..., 1913: 223-224](#)).

В соответствии с выбранной темой нами не были взяты в расчет данные по землепользованию городских церквей и соборов, монастырских церквей, приходов церквей рудников, каменноугольных копей, а также железнодорожных станций, кроме тех случаев, когда эти станции располагались в селах. Например, в благочинии железнодорожных церквей Томской епархии нами были взяты в расчет данные по приходам церквей только на станции Тутальской, в селах Александровском (при ст. Кожурла), Болотинском и Романовском (при ст. Чулымской).

2. Материалы и методы

В качестве источников был использован массив опубликованных и архивных материалов. Опубликованные источники представлены справочными книгами по Томской, Омской, Тобольской и Енисейской епархиям, архивные источники представлены клировыми ведомостями приходов Томской епархии, извлеченными из государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация). Справочные книги имеют свои особенности. Например, в «Справочной книге по Омской епархии» по некоторым приходам приводятся общие данные по причтовым участкам и церковно-школьным – 120 дес. (см., напр., [Справочная книга по Омской..., 1914: 238, 243, 245, 247](#) и др.). Состав этих участков четко определялся предписаниями для топографов: 15 дес. были предназначены для нужд школы, 6 дес. — для разных церковных нужд и 99 дес. — для обеспечения материального благосостояния причта ([Вошинин, 1915: 93](#)). Поэтому в случаях, когда в источниках были представлены общие данные по причтовым и церковно-школьным землям, собственно причтовые участки нами определялись по норме в 99 дес.

«Справочная книга по Томской епархии» по некоторым приходам содержит неточности, которые были выявлены при сопоставлении с данными клировых ведомостей. Например, в клировой ведомости церкви с. Сергеевского Томского уезда за 1914 г. отмечено, что причт еще не имел прав на пользование этой землей ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4550. Л. 920б.](#)), а в справочной книге эта важная деталь отсутствует ([Справочная книга по Томской..., 1914: 138](#)). Клировые ведомости содержат значительно больше информации о причтовых земельных наделах. Например, в книге по Томской епархии, как правило, представлена лишь общая информация о площади причтового земельного надела, часто даже без уточнения, сколько отдельно пахотной земли и сколько сенокосной. Тогда как в клировых ведомостях часто содержатся важные данные о количестве конкретных угодий (сколько десятин пахотной земли, усадебной, лесной и т.п.), иногда есть информация о том, когда был отведен земельный надел, кем был отведен — землеустроительной партией, прихожанами и т.п.

Однако и клировые ведомости тоже не всегда дают полную информацию. Так, в справочнике по Томской епархии в благочинии №3 значатся Наумовский и Некрасовский приходы ([Справочная книга по Томской..., 1914: 132-133](#)), а клировых ведомостей по этим приходам за 1913–1915 гг. в госархиве Томской области нам обнаружить не удалось. Не исключено, что ведомости по этим приходам за указанные годы не сохранились. Поэтому для получения объективной картины нами использовались совокупные данные и клировых ведомостей, и справочных изданий. Данные этих источников нами сопоставлялись и при необходимости дополнялись. Однако весь комплекс использованных источников не позволил получить информацию по абсолютно всем сельским приходам, так как по некоторым из них данные о причтовом землепользовании в источниках отсутствуют. Это объяснимо тем, что многие приходы на момент составления источников еще только сформировались, и актуальных данных по ним не было. Например, о. Иван Голошубин при составлении «Справочной книги по Омской епархии» отметил, что в Кокчетавском уезде недавно было открыто 8 приходов, о которых у него нет никакой информации ([Справочная книга по](#)

Омской..., 1914: 307). Клировые ведомости тоже не дают полной информации по всем приходам, так как некоторые священники просто не присылали епархиальному руководству данные по своим приходам. Так, в перечне церквей благочиния №11 Томской епархии за 1915 г. было отмечено, что не получена ведомость по церкви с. Ермаковского (ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4607. Л. 1). За 1913–1914 гг. ведомость по этому приходу в архиве обнаружить не удалось, и в справочной книге информация о причтовом землепользовании прихода церкви с. Ермаковского тоже отсутствует (Справочная книга по Томской..., 1914: 213-214).

Несмотря на отмеченные особенности, в источниках имеются данные о церковном землепользовании в абсолютном большинстве сельских приходов. Комплекс использованных нами источников в целом позволяет в достаточно полной степени воссоздать объективную картину о земельном обеспечении сельского духовенства сибирских епархий.

В процессе подготовки статьи нами использовался комплекс специально-научных и общенаучных методов. Для обработки количественных данных по земельным наделам сельского духовенства были использованы методы статистического анализа. Использование историко-типологического метода позволило обобщить и сгруппировать извлеченные из источников данные по причтовому землепользованию в сибирских епархиях, представить их в виде сводных таблиц. Использование историко-сравнительного метода позволило сопоставить данные по землепользованию приходов отдельных епархий и сделать вывод, что абсолютное большинство сельских приходов к началу Первой мировой войны получили земельные наделы по максимальной норме. Также использование историко-сравнительного метода в совокупности с проблемно-хронологическим и ретроспективным методами позволило на примере Томской епархии сопоставить степень обеспеченности земельными наделами сельских приходов в период землеустроительной реформы и до нее. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что за 1900–1914 гг. степень обеспеченности сельских приходов землей значительно выросла.

3. Обсуждение

Проблема земельного обеспечения сельского духовенства в начале XX в. не раз привлекала внимание отечественных исследователей. Многими историками проблема причтового землепользования рассматривалась в контексте более масштабной темы о материальном положении сельского духовенства. Именно в таком ключе эта проблема была затронута в монографиях А.И. Конюченко (Конюченко, 2006: 84-86), А.В. Дулова и А.П. Санникова (Дулов, Санников, 2006: 186-187), а также в научных публикациях Г.В. Андреева (Андреев, 2019: 92-99), С.А. Иконникова (Ikonnikov, 2019: 240-257) и Б.Н. Миронова (Миронов, 2015: 65-80). Практически во всех перечисленных работах причтовое землепользование не было самостоятельным объектом исследования и рассматривалось авторами лишь как один из источников дохода сельского духовенства, поэтому вопрос о причтовом землепользовании был рассмотрен очень лапидарно.

Как самостоятельный объект исследования церковное землепользование исследовалось в трудах некоторых современных отечественных историков. Правда, отличительной чертой этих трудов является их локальный характер: В.В. Морозан исследовал вопрос о церковных земельных наделах на материалах Кишиневской епархии (Морозан, 2016: 55-68), С.А. Иконников — на материалах центрального Черноземья (Иконников, 2018: 24-35), а Ю.И. Белоногова ограничила рамки исследования лишь одним Волоколамским благочинием Московской епархии (Белоногова, 2017: 46-54).

Отдельно следует остановиться на нескольких работах современных историков, где проблема причтового землепользования была раскрыта относительно широко. В научной публикации С.В. Першина и Т.В. Шитовой на материалах Мордовского края был исследован вопрос о земельном обеспечении церквей, проанализирована степень доходности земельных угодий. Хотя основной задачей работы было изучение вопроса о доходности причтовых земель, авторы на основе клировых ведомостей достаточно подробно исследовали вопрос о земельном обеспечении причтов (Першин, Шитова, 2021: 49-57). Большой вклад в изучение вопроса о причтовом землепользовании внес кузбасский историк А.М. Адаменко. Он систематизировал и обобщил сведения по доходам в приходах Томской епархии накануне Первой мировой войны, представив данные по землепользованию каждого причта. Научная значимость работы А.М. Адаменко очень высока: он собрал и систематизировал данные по церковным земельным наделам в каждом приходе по состоянию на 1914 г. Однако автор при этом учел лишь земельные участки, которые были отведены при центральной церкви прихода, тогда как многие приходы имели приписные церкви или молитвенные дома, при которых тоже иногда имелись земельные участки. Такой подход, на наш взгляд, не позволяет в полной мере представить объективную картину землепользования сельского духовенства в начале XX в. Например, землепользование прихода церкви с. Сосновый острог Томского уезда в монографии А.М. Адаменко показано в размере 99 дес. (Адаменко, 2004: 134), тогда как в этом же приходе при д. Пашковой был молитвенный дом во имя муч. Флора и Лавра с земельным наделом тоже в 99 дес. (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4548. Л. 47-470б.). Поэтому общий размер причтового землепользования в Сосновоострогском приходе должен быть равен не 99 дес., а 198 дес.

В целом при заметном исследовательском интересе вопрос о земельных наделах сельского духовенства разработан не полностью. Актуальность нашего исследования определяется недостаточной степенью изученности этого вопроса.

4. Результаты

В середине XIX в. государством предпринимались меры по обеспечению благосостояния сельского духовенства за счет отвода земельных участков. Так, по положению 1842 г. к церквям, не имевшим земли или имевшим менее нормы, следовало отвести землю или дополнить ее (Александров, 1860: 61). Нормы земельного обеспечения причтов устанавливались следующие: в селениях, где на душу муж. пола (д.м.п.) было земли более 15 дес., причту полагалось 99 дес.; а там, где на д.м.п. приходилось от 12 до 15 дес., в пользу духовенства – 66 дес. Если у крестьян на д.м.п. приходилось от 8 до 12 дес., то для причта в этих селениях должно было отводиться 49,5 дес., а если средняя обеспеченность крестьян была менее 8 дес. на д.м.п., то предполагалось в пользу церкви отделить надел, какой будет возможно по усмотрению министра госимуществ. Минимальным земельным наделом для причта считался участок в 33 дес. Эти нормы земельного обеспечения были положены на один причт (священник-псаломщик или священник-дьякон-псаломщик). Если же при церквях находилось два или три причта, то на каждый из них по возможности нарезался особый надел (Чижевский, 1898: 293, 298).

Во второй половине XIX в. сибирские церкви могли получать земельные наделы из нескольких источников. Во-первых, отвод наделов из казенных земель мог осуществляться по решениям сибирской администрации. Так, в приходе церкви с. Красноярского Змеиногорского уезда земля причту была нарезана решением Совета Главного управления Западной Сибири (Справочная книга по Омской..., 1914: 477). Во-вторых, приходы, находившиеся на ведомственных землях, могли получать землю от соответствующих ведомств. Причты, обслуживавшие приходы с казачьими станицами, получали земельные наделы от ведомства Сибирского казачьего войска. Так, в приходе станицы Батинской Усть-Каменогорского уезда причту земля отводилась по приказу Наказного атамана казачьего войска. На землю, как правило, причты получали необходимые документы, подтверждавшие юридическое право на пользование отведенной землей. Например, так было в 1893 г. в приходе церкви станицы Зерендинской Кокчетавского уезда (Справочная книга по Омской..., 1914: 257, 429). В-третьих, причтовые наделы могли отводиться крестьянами по решениям сельских обществ. Нередко крестьяне добровольно брали на себя обязательство содержать причт. Это было необходимым условием для открытия самостоятельного прихода (Александров, 1860: 61). Имеется немало примеров, когда крестьяне подавали прошения об открытии отдельных приходов, обещая при этом выделить для будущего причта земельные наделы. Например, жители дер. Колмаковой Енисейской епархии, желая организовать отдельный приход, уже на момент составления своего ходатайства выделили на содержание будущего причта 96 дес. земли (ГАКК. 1911. Ф. 674. Оп. 7. Д. 4904. Л. 756-757). В подобных случаях земельные наделы причтам выделялись по общественным приговорам. Так, в приходе церкви с. Угловского прихожане «по приговору» выделили в пользу священника и псаломщика 99 дес. (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4512. Л. 520б.). Иногда на такие отведенные крестьянскими обществами земли для причтов составлялись соответствующие акты или плановый материал, что юридически узаконивало право причта на надел. Так, в приходе церкви с. Прапорщикова Змеиногорского уезда в 1898 г. крестьяне отвели причту надел, о чем был составлен акт (Справочная книга по Омской..., 1914: 480). В-четвертых, причтовые наделы отводились при проектировании переселенческих участков. Топографам предписывалось отводить отдельный надел в 99 дес. для обеспечения причта (Вошинин, 1915: 93).

Отведенная для церквей земля признавалась неприкосновенной церковной собственностью, которая ограждалась от возможных посягательств тем же порядком, какой был установлен для защиты неприкосновенности государственных имуществ (Александров, 1860: 62-63).

В результате к началу XX в. значительная часть сибирских приходов имела земельные наделы, отведенные в XIX в. или раньше. Например, в приходе церкви с. Бирикульского Мариинского уезда 99 дес. пашни было отведено в 1845 г. (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4537. Л. 1490б.), в приходе с. Меньшиковского Каинского уезда причт землю получил в 1855 г. (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4526. Л. 1130б.) и т.п. Однако отнюдь не везде сельское духовенство оказалось обеспечено землей. Так, в Забайкальской епархии не было земли в приходах Бохтинской, Шарагольджинской (ИЕВ, 1898a: 31-32), Туркинской, Урюмской и Шундуинской церквей (ИЕВ, 1898b: 194). В Томской епархии из 458 сельских приходов и миссионерских станций не имели причтовых земель 232 (подсчитано по: Справочная книга по Томской..., 1900: 54-73, 118, 120-458). Это объясняется несколькими причинами.

1) По российскому законодательству, в губерниях, где генеральное межевание еще не начиналось (сибирские епархии как раз находились именно в таких губерниях), предписывалось наделять церкви землей постепенно силами уездных землемеров, «не отвлекая их от других важнейших занятий» (Чижевский, 1898: 298). Последнее дополнение объясняет, почему к концу XIX в. не все сибирские церкви имели земельные наделы: землемеры в сибирских губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. были в основном сосредоточены на отводе участков для прибывавших из Европейской

России переселенцев, на отмежевании от крестьянских наделов казенных лесных дач, оброчных статей и т.п. Времени на нарезку причтовых наделов у них почти не оставалось.

2) Многие переселенческие участки в Сибири отводились без причтового надела. Церковные земли полагалось отводить лишь на участках, где площадь удобной земли была свыше 2 000 дес. (*Сборник..., 1907: 88*). В результате в Томской губернии в 1885–1905 гг. из числа отведенных на казенных землях переселенческих участков поселенного типа около 68,4% имели запроектированные причтовые полевые наделы, а примерно треть участков наделы для церквей не получили (подсчитано по: *Книга..., 1913: 2-159*).

3) Далеко не все крестьянские общества выполняли свои обещания обеспечить причты землей. Например, в приходе церкви с. Красноярского Змеиногорского уезда крестьяне обязались выделить причту земельный участок, но обещание не выполнили, и к началу Первой мировой войны причт не имел ни пахотной, ни сенокосной земли (*Справочная книга по Омской..., 1914: 492*).

4) Часть причтов по соглашениям с крестьянами вместо земли получала ругу. Так, при открытии самостоятельного прихода при церкви в с. Ново-Гутовском Каинского уезда земельный надел для причта ни от прихожан, ни от казны отведен не был, но прихожане уплачивали причту жалованье и ругу. Вопрос об отводе земли причту был поднят прихожанами лишь в 1905 г., когда они отказались далее платить причту ругу и жалованье (*ГАТО. 1905. Ф. 170. Оп. 2. Д. 4283. Л. 1*). Нередко причты сами проявляли инициативу об обмене земельных угодий на обязательство крестьян ежегодно платить ругу. Например, по признанию Томского епархиального начальства, сельские причты в епархии часто пахотной церковной землей не пользовались из-за невыгодности занятия хлебопашеством, а землю отдавали своим прихожанам за ругу (*ТЕВ, 1899: 7*).

Заметим, что в приходах, где причты не имели земли, крестьяне иногда могли пойти навстречу нуждам причта, выделив ему частным порядком некоторый надел. Так, в приходе церкви с. Больше-Владимирского Семипалатинского уезда причтовой земли отведено не было, и причт по соглашению с крестьянами пользовался сенокосными паями. Эти пай выделялись ежегодно при очередном переделе покосов. В приходе церкви пос. Боголюбовского Петропавловского уезда прихожане отвели для причта 200 дес. удобных пахотных и сенокосных земель (*Справочная книга по Омской..., 1914: 126, 363*).

Однако ситуация, когда обеспечение причта землей зависело от прихожан, была по нескольким причинам не очень удобна для сельского духовенства.

Во-первых, причт мог получить от прихожан землю, совершенно непригодную для сельскохозяйственного использования, как было в пос. Кабаньевском Петропавловского уезда, где общество отвело причту 300 дес., на которых сенокосы были очень плохими и болотистыми (*Справочная книга по Омской..., 1914: 143*). Аналогичная картина была в Горновском приходе Кузнецкого уезда: прихожане отвели из своих дач причту около 101 дес., но почти половина из них были негодными (*ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4509. Л. 1090б.*).

Во-вторых, для причтов пользование землей, полученной от прихожан, имело неустойчивый характер. В некоторых случаях эта непрочность обуславливалась тем, что прихожане выделяли причту землю только во временное пользование. Например, в с. Алексеевском Кокчетавского уезда земля для причта по землеустройству еще не была нарезана, и общество предложило выделить причту 99 дес. сроком на год. Также временно, до землеустройства, выделили своим причтам землю крестьяне Топольного и Бородулихинского обществ Змеиногорского уезда (*Справочная книга по Омской..., 1914: 236, 481, 485*). Получаемые во временное пользование от крестьян земли юридически за причтами не закреплялись, а иногда даже не отмежевывались должным образом. Так, в пос. Ачаирском прихожане по приговору выделили причту землю, но при этом она не была отмежевана от крестьянских земель. Похожая ситуация была в приходе церкви с. Ново-Казанского Ишимского уезда, где причт не имел отдельно отведенного участка, а пользовался лесом, сенокосом и пахотной землей в составе общего крестьянского надела. Такое землепользование самим сельским духовенством признавалось непрочным и неудобным (*Справочная книга по Омской..., 1914: 60, 757*).

В-третьих, прихожане могли отводить для духовенства очень маленькие наделы. Например, в приходе церкви с. Медведского Змеиногорского уезда прихожане выделили причту всего 15 дес. сенокосной земли, а в Черновинском приходе этого же уезда — 10 дес. (*Справочная книга по Омской..., 1914: 461, 466*). В некоторых приходах крестьяне отводили причтам вообще лишь усадебную землю без полевого надела. Так было в приходе церкви с. Биазинского Каинского уезда, где по приговору общества причт получил только 6 дес. и 600 кв. сажен усадебной земли (*ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4526. Л. 130б.*).

Следует учесть, что и возможности крестьян наделять причт землей могли быть ограничены. Так, в Сергеевском приходе Судженской волости в 1905 г. был поднят вопрос о наделинии причта сенокосной землей, однако сергеевцы сами страдали от недостатка земли и были вынуждены арендовать ее у казны (*ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 7. Д. 11. Л. 88–880б.*). Заметим также, что не во всех приходах крестьяне вообще хотели выделять причтам наделы. Например, в с. Новоудинском Балаганского уезда в 1899 г. крестьяне отказались предоставлять второму псаломщику сенокосы.

Даже после оказанного административного давления землю ему крестьяне так и не дали ([Горюшкин и др., 1985: 180](#)).

Таким образом, к концу XIX в. лишь часть причтов в сибирских епархиях была обеспечена земельными наделами в соответствие с законодательством, а многие причты земли не имели вовсе или имели наделы менее положенной нормы. Надо сказать, что и само сельское духовенство отнюдь не считало себя обеспеченным землей. Священник прихода церкви с. Мало-Песчанского Мариинского уезда М. Коронатов в начале XX в. на страницах «Томских епархиальных ведомостей», рассуждая о потребностях духовенства в епархии, писал о необходимости отвести для церквей по 30 дес. сенокосной земли из казенных дач и до 3 дес. рядом с церковью — под причтовые дома, усадьбы и т.п. ([Адаменко, 2004: 75](#)).

В конце XIX в. в Сибири начинается землеустроительная реформа, одной из задач которой был отвод причтам земельных участков, в том числе лесных наделов (где это представлялось возможным). В селениях, где потом могли быть открыты новые церкви, предполагалось отводить запасные церковные участки ([ПСЗРИ, 1899: 504-505](#)).

Перед открытием землеустроительных работ в конкретном районе представитель Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) направлял в местную духовную консисторию запрос, в каких селениях необходимо отвести причтовую землю, в каких приходах причты не имеют земли совсем или имеют ее в недостаточном количестве. Духовная консистория через благочинных собирала информацию о количестве приходов, имевших землю, и приходах, которые нуждались в отводе причтовых и церковно-школьных участков, в том числе запасных ([ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 7. Д. 374. Л. 1, 15-16](#)). Такой порядок должен был способствовать обеспечению земельными наделами всех нуждающихся приходов.

Процесс отмежевания причтовой земли и оформления документов на нее занимал несколько лет. Так, в приходе церкви с. Сергеевского в 1912 г. причтовый земельный надел был отведен в 1912 г., но и в 1914 г. причт не вступил в право пользования этим наделом ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4550. Л. 920б.](#)). В с. Мало-Песчанском Мариинского уезда нарезка земли для причта была произведена в 1913 г., но межевые чины объявили, что окончательно земля будет отведена не ранее 1917 г. ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4537. Л. 1030б.](#)). Правда, встречались исключения, когда формальный отвод земли еще не был завершен, а причт уже землей фактически пользовался. Например, в приходе церкви с. Ново-Подзоринского Мариинского уезда в 1914 г. причтовая земля еще не была утверждена землеустроительной комиссией, планового материала не было, а причт уже с этой земли получал доход в 40 руб. ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4542. Л. 1370б.](#)). В приходе церкви с. Усть-Луковского Барнаульского уезда в 1913 г. причт еще не получил отводных записей, но часть земли уже обрабатывал ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369. Л. 1400б.](#)).

Землеустроительная реформа до Февральской революции не была завершена. По данным И.А. Асалханова, из числа подлежащих землеустройству земель не были охвачены землеустроительными работами 37 % — в Тобольской губернии, 45,92 % — в Томской, 22,29 % — в Енисейской, 23,20 % — в Иркутской губерниях. Лишь на кабинетских землях в Томской губернии степень завершенности работ составила 100 %, а по остальным районам Сибири завершение землеустроительных работ варьировалось от 27,4 % в Забайкальской области до 64,7 % в Иркутской губернии ([Асалханов, 1975: 71](#)). Поэтому отнюдь не все сельские приходы сибирских епархий до революции получили землю. И все же в деле обеспечения сельского духовенства землей землеустройство сыграло важную роль по следующим причинам.

В-первых, многие причты до землеустройства имели в своем распоряжении землю, но без каких-либо документов на нее. Иногда причтовый участок не был даже обозначен границами. Такая ситуация была в приходе церкви с. Александровского Тюкалинского уезда: причту до землеустройства отвели земли в неизвестном количестве, плановых документов не было ([Справочная книга по Омской..., 1914: 543](#)). В ходе землеустройства причтовые наделы получали четкие границы, а сами причты — необходимые документы. Так, при землеустройстве с. Лазаревского Мариинского уезда вся земля была обойдена в своих границах двумя бороздами в два следа, отграничена ямами по граням и столбами, на которых было выжжено «Ц» и «З» (*церковная земля — прим. авт.*) ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4542. Л. 1610б.](#)). Участки усадебной земли для причта тоже отмечались столбами, как было при землеустройстве в с. Крутихинском Барнаульского уезда ([ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4370. Л. 180б.](#)).

Во-вторых, приходы, не имевшие к началу XX в. полевых наделов, по итогам землеустройства были обеспечены землей. Например, к началу XX в. в Томском уезде совсем не имел земли причт Зелеевского прихода, а в приходе церкви с. Сосновый острог у причта была лишь усадебная земля ([Справочная книга по Томской..., 1900: 126-127](#)), а после землеустроительных работ в первом приходе земельный надел составил 99 дес., во втором — 198 дес. ([ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4448. Л. 350б., 450б.](#)).

В-третьих, многие приходы имели небольшие земельные наделы, иногда ниже минимальной нормы, а в ходе землеустройства эти наделы были дополнены прирезками. Так, в приходе церкви с. Салаирский рудник Кузнецкого уезда к началу XX в. причт имел в пользовании 24 дес. сенокоса,

а в приходе церкви с. Проскоковского — всего 5 дес. (Справочная книга по Томской..., 1900: 125, 234). После землеустройства надел в Салаирском руднике был доведен почти до 90 дес. (ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4334. Л. 90б.), а в Проскоковском — до 99 дес. (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4448. Л. 750б.). Иногда до землеустройства причты могли не иметь некоторых видов угодий, а в ходе землеустроительных работ эти угодья отводились в виде прирезок. Например, в Беллыкском приходе Минусинского уезда до землеустройства причт имел 52 дес. усадебной и сенокосной земли, в дополнение к которым «по новой нарезке» должен был получить еще пахотную землю и лесной участок (Краткое..., 1916: 138). В с. Белоглазовском Змеиногорского уезда причт имел 198 дес. по плану 1864 г., однако усадебных земель у причта не было, а в 1910 г. землемерная комиссия отвела для причта усадебный участок (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4485. Л. 30б.).

В-четвертых, иногда в ходе землеустройства часть прежних земель (а то и весь надел) у причта могла быть изъята и заменена другой землей. Так, в с. Ново-Иушинском Кузнецкого уезда имевшийся в пользовании причта земельный надел в 52 дес. полевой земли был передан крестьянам упомянутого села, взамен землеустроительная комиссия в 1914 г. отвела для причта другой участок площадью 49 дес. (ГАТО. 1914. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4534. Л. 180б.). Так было и в приходе церкви с. Ушковского Каинского уезда, где причт до землеустройства пользовался 35 дес. земли, которые потом были переданы ближайшему переселенческому поселку, а взамен для причта запроектировали другой участок размером 99 дес. (ГАТО. 1913. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4425. Л. 1540б.). Поэтому землеустройство коснулось не только приходов, где причтовой земли не было, но и тех, где причты имели земельные наделы.

Данные о степени обеспеченности земель сельских причтов в сибирских губерниях накануне Первой мировой войны представлены в [Таблице 1](#). Группа приходов, по которым отсутствуют данные о землепользовании причтов, относительно невелика — менее 2% (подсчитано по: [Таблица 1](#)), поэтому представленные в [Таблице 1](#) данные можно признать близкими к объективным.

Группировка приходов в [Таблице 1](#) нами была сделана по следующим критериям:

1) в расчет не были взяты приходы самых северных районов: Березовского и Сургутского уездов, а также Туруханского края, где заниматься сельским хозяйством из-за сурового климата было сложно, ввиду чего причты земель не наделялись;

2) в группе приходов, где причт пользовался полевой землей, нами учтены и такие, где землеустройство формально не было закончено, но причт землей фактически уже пользовался. Также в эту группу включены приходы, где причтовой земли не было, но сельское духовенство пользовалось землей от прихожан;

3) причты, где имелась только усадебная земля, нами отнесены к числу не имевших полевой земли;

4) к группе приходов, где наделы находились в процессе отвода, нами отнесены следующие:

– Где земля только планировалась к отведению или где только была подана заявка на отвод причтового надела;

– Где земля была нарезана, но не утверждена;

– Где земля была отмежевана, но причты не вступили в право пользования землей по разным причинам; в том числе, когда духовенство отведенный надел не приняло или опротестовало.

Таблица 1. Землепользование сельских приходов в сибирских епархиях в 1913–1915 гг. (подсчитано по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369-4396, 4399-4442, 4449-4469, 4471-4498, 4500-4542, 4548-4560, 4562-4583, 4585-4608, 4613, 4617-4426; Краткое..., 1916: 16-126, 131-197, 205-226; Справочная книга по Омской..., 1914: 35-87, 98-167, 175-215, 223-306, 313-336, 359-370, 377-407, 413-414, 421-440, 447-449, 454-494, 497-521, 523-527, 536-705, 717-759, 770-855; Справочная книга по Тобольской..., 1913: 9-31, 39-76, 79-121, 125-138, 142-162, 167-183, 186-227; Справочная книга по Томской..., 1914: 78, 148, 212, 452, 465, 479-480, 515, 554-555, 571)

Епархии	Общее количество сельских приходов в	Количество сельских приходов, в которых				% сельских приходов, обеспеченных причтовой землей
		нет данных о причтовых наделах	причты полевой земли имели	причтовые наделы находились в процессе отвода	причт пользовался полевой землей	
Тобольская	345	21	11	-	313	90,7 %
Омская	461	18	25	8	410	88,9 %
Томская	839	2	32	38	767	91,4 %
Енисейская	276	4	15	18	239	86,6 %
Итого	1920	37	79	59	1728	90,0 %

По результатам землеустроительных работ к 1913–1915 гг. доля приходов без полевой земли составила всего около 4 %, тогда как 90 % приходов уже имели в своем распоряжении земельные

наделы, а еще около 3 % причтов готовились участки получить (подсчитано по: [Таблица 1](#)). Таким образом, к началу Первой мировой войны сельские приходы в основной своей массе были обеспечены земельными наделами.

Во время землеустройства едва ли не ключевым был вопрос о размерах наделов, которые должны были получать причты. Епархиальное руководство настаивало, чтобы при землеустройстве причты обеспечивались землей по максимальной норме. Так, Томская Духовная консистория в 1898 г. просила Управление государственных имуществ и Алтайское Горное правление сделать распоряжение об отводе земельных участков в количестве 99 дес. тем церквям, которые не имели земли и при которых состоял одноштатный причт. Тем же церквям, где причт был двухштатный, — отводить земельные наделы в двойной пропорции. Также руководство Томской епархии просило отводить всем церквям епархии сверх 99 дес. еще и усадебную землю ([ТЕВ, 1899: 6](#)). Инструкция чинам землеустроительных партий от 24 июля 1899 г. тоже рекомендовала в случаях, когда средний надел селения, при котором отводится церковный участок, был менее 15 дес. на д.м.п., церковную землю все-таки доводить до 99 дес. за счет ближайших казенных земель ([Воциннин, 1915: 350](#)). Данные о размерах причтовых наделов сельских приходов представлены в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Размеры причтовых участков в сельских приходах сибирских епархий в 1913–1915 гг. (подсчитано по: [ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369-4396, 4399-4442, 4449-4469, 4471-4498, 4500-4542, 4548-4560, 4562-4583, 4585-4608, 4613, 4617-4426; Краткое..., 1916: 16-126, 131-197, 205-226; Справочная книга по Омской..., 1914: 35-87, 98-167, 175-215, 223-306, 313-336, 359-370, 377-407, 413-414, 421-440, 447-449, 454-494, 497-521, 523-527, 536-705, 717-759, 770-855; Справочная книга по Тобольской..., 1913: 9-31, 39-76, 79-121, 125-138, 142-162, 167-183, 186-227; Справочная книга по Томской..., 1914: 78, 148, 212, 452, 465, 479-480, 515, 555, 571](#))

Епархии	Приходы, где причты имели полевой надел	Число приходов, в которых причты пользовались полевой землей в количестве дес. (в скобках представлены процентные показатели от числа приходов епархии, имевших полевой надел)					% приходов с наделом 99 дес. и более от числа всех приходов епархии
		Неизвестном	менее 33	33–65	66–98	99 и более	
Тобольская	313	1 (0,3%)	13 (4,2%)	23 (7,4%)	42 (13,4%)	234 (74,7%)	67,8 %
Омская	410	27 (6,6%)	6 (1,5%)	5 (1,2%)	19 (4,6%)	353 (86,1%)	76,8 %
Томская	767	5 (0,6%)	2 (0,3%)	112 (14,6%)	126 (16,4%)	522 (68,1%)	62,2 %
Енисейская	239	21 (8,8%)	11 (4,6)	88 (36,8%)	30 (12,6%)	89 (37,2%)	32,2 %
Итого	1735	54 (3,1%)	38 (2,2%)	229 (13,2%)	216 (12,4%)	1198 (69,1%)	62,4 %

По результатам землеустроительных работ к началу Первой мировой войны в Енисейской, Омской, Тобольской и Томской епархиях доля сельских приходов, имевших землю ниже минимальной нормы, оказалась около 2,2 %. Еще по 3,1 % приходам данные о земельных наделах в источниках отсутствуют, есть лишь упоминание, что причты землей пользовались, но без конкретной информации. А в подавляющем большинстве приходов размер церковного надела соответствовал установленным нормам — от 33 дес. и выше. При этом в абсолютном большинстве приходов в итоге причты имели надел в 99 дес. и более. Эти данные свидетельствуют, что топографы выполняли предписание о доведении землепользования церквей в сельских приходах до максимальной нормы.

При этом нельзя не заметить, что доля приходов с максимальным и выше наделом земли была относительно сопоставима в Омской, Тобольской и Томской епархиях и почти в два раза ниже в Енисейской ([Таблица 2](#)). Одной из причин этого явления, на наш взгляд, следует считать значительно более низкую степень интенсивности землеустроительных работ в Енисейской губернии, чем в Западной Сибири. По данным И.А. Асалханова, к 1916 г. землеустроители окончательно отграничили в Тобольской губернии 53,56% подлежавшей землеустройству площади, в Томской — 80,65%, тогда как в Енисейской — лишь 33,80%, и это без учета Енисейского уезда, в котором землеустроительные работы даже не начинались ([Асалханов, 1975: 66, 71](#)).

Причем многие приходы сибирских епархий к 1915 г. имели надел даже выше установленного максимума — в 99 дес. Так, в Красноярском уезде из 40 сельских приходов в 12 (30%) надел был выше 99 дес. (подсчитано по: [Краткое..., 1916: 16-41](#)). Конечно, часто такие наделы нарезались в приходах,

имевший двойной штат причта. Так, в благочиниях Ишимского уезда Тобольской епархии насчитывалось 11 приходов с наделами 159–315 дес., в восьми из которых был двойной штат (два священника и два псаломщика или два священника, дьякон и два псаломщика) (подсчитано по: [Справочная книга Тобольской..., 1913: 42–53, 46, 48–50, 57–58, 62, 67, 72–73, 75](#)). Однако немало было приходов с одинарным штатом и наделами выше максимума. В 1915 г. в благочинии №6 Томской епархии при одноштатных составах причта участки больше 99 дес. были в Васьюганском, Каргасокском, Кетном, Ново-Ильинском, Парабельском, Тогурском и Тымском приходах. Средняя площадь причтового надела в этих приходах составила 137,3 дес. (подсчитано по: [ГАТО. 1915. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4619. Л. 190б., 440б., 540б., 620б., 710б., 810б., 1050б.](#)).

Для сравнения степени обеспеченности земель до и после землеустройства рассмотрим данные по приходам Томской епархии, представленные в [Таблице 3](#).

Таблица 3. Обеспеченность земельными наделами сельских приходов Томской епархии до и после землеустройства (подсчитано по: [ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4369-4396, 4399-4442, 4449-4469, 4471-4498, 4500-4542, 4548-4560, 4562-4583, 4585-4608, 4613, 4617-4426](#); [Справочная книга по Томской..., 1900: 54–73, 118, 120–458](#); [Справочная книга по Томской..., 1914: 78, 148, 212, 452, 465, 479-480, 515, 555, 571](#))

Годы	Количество сельских приходов и миссионерских станом Томской епархии (%)			
	всего	не имевших полевого надела	имевших полевой земли менее 33 дес.	имевших полевой надел 99 дес. и больше
1898–1899 гг.	458	232 (50,7 %)	24 (5,2 %)	163 (35,6 %)
1913–1915 гг.	839	38 (4,5 %)	2 (0,2 %)	522 (62,2 %)

При анализе данных [Таблицы 3](#) следует учесть, что за 1899–1913 гг. число приходов в Томской епархии увеличилось, поэтому для корректного сравнения нами представлены и абсолютные, и процентные показатели. Эти показатели дают представление, насколько улучшилась обеспеченность сельских приходов Томской епархии по результатам землеустройства. По абсолютным показателям положительная динамика очевидна: количество приходов без полевого надела и с наделом ниже минимального уменьшилось почти в 10 раз, а количество приходов с наделом в 99 дес. и выше выросло более чем в 3 раза.

Процентные показатели иллюстрируют, что доля приходов, не имевших земли или имевших меньше положенного минимума, к 1913–1915 гг. сократилась до минимальных значений, доля приходов с максимальным и выше наделом, напротив, выросла почти в 2 раза (подсчитано по: [Таблица 3](#)). При этом следует учесть, что в числе приходов, не имевших земли в 1913–1915 гг., нами были учтены и такие, где землеустройство еще не было завершено или причты не получили возможность пользоваться землей. Поэтому потенциально доля безземельных приходов в Томской епархии должна была сократиться до более низких показателей.

Конечно, было бы ошибкой считать, что абсолютно все причты сибирских епархий лишь выиграли от землеустройства. Это не верно, так как землеустройство проводилось, в первую очередь, для определения границ крестьянских селений, и интересы причтов могли сталкиваться с интересами крестьян. Были случаи, когда крестьяне процесс землеустройства пытались использовать в своих интересах, в ущерб землепользованию причтов. Например, в Иркутской епархии отмечались случаи, когда крестьяне в процессе землеустроительных работ давали духовенству почти непригодные для хозяйственного использования земли и даже пытались отнимать покосы, которыми причт пользовался уже в течение 40 лет, угрожая в противном случае отнять ругу ([ИЕВ, 1902: 385-386](#)). Однако не подлежит сомнению, что землеустроительная реформа в Сибири сыграла огромную роль в вопросе обеспечения сельского духовенства земельными наделами.

5. Заключение

На основе анализа данных по землепользованию сельских приходов Енисейской, Омской, Тобольской и Томской епархий в начале XX в. можно сделать следующие выводы.

Во второй половине XIX в. правительство принимало меры по обеспечению сельского духовенства в сибирских епархиях земельными наделами. Наделение сельских причтов землей осуществлялось по нескольким каналам: земля нарезалась казенными землемерами, в том числе при образовании переселенческих участков; земля отводилась прихожанами, которые брали на себя обязательство содержать причт; земля для сельского духовенства могла отводиться казачьим ведомством. Несмотря на это, далеко не во всех сельских приходах причты к началу XX в. имели в пользовании земельные участки. Немалая часть приходов либо не имела земли совсем, либо пользовалась наделами ниже минимально положенной нормы или имела в своем пользовании лишь усадебную землю.

Значительную роль в вопросе обеспечения сибирских сельских причтов землей сыграла землеустроительная реформа, начавшая реализовываться с 1896 г. Хотя основной целью реформы было

отграничение крестьянских земель от казенных и кабинетских, тем не менее одновременно с обозначением границ крестьянского землепользования отводилась земля для сельского духовенства. Статистика показывает, что благодаря землеустройству абсолютное большинство (90%) сельских приходов к началу Первой мировой войны имело в пользовании земельные наделы. Также в ходе землеустройства ликвидировалась всякая неопределенность в правах на церковные земли: границы причтовых наделов обозначались межевыми знаками, а церкви получали документы на земельные участки.

Сотрудникам землеотводных партий рекомендовалось отводить для причтов наделы по максимальной норме — 99 дес., поэтому многие приходы, в том числе имевшие к началу XX в. наделы меньше минимальной нормы, в ходе землеустройства получали прирезки к своим наделам. В результате к началу Первой мировой войны доля приходов с максимальным размером надела по Енисейской, Омской, Тобольской и Томской епархиям составила 62,4%.

Землеустроительная реформа не была завершена до 1917 г., поэтому она не смогла полностью решить вопрос о земельном обеспечении сельских причтов. В некоторых приходах накануне Февральской революции земельные наделы еще не были переданы в пользование сельского духовенства, в других причтовые наделы еще находились на стадии формирования, а в некоторых топографы даже не приступили к работам по формированию таких наделов. Тем не менее, можно отметить, что благодаря землеустройству значительно сократилась доля безземельных приходов и снизилась доля приходов с наделом меньше минимальной нормы. Доля приходов с максимальным и выше наделом, наоборот, значительно выросла. Таким образом, землеустроительная реформа в Сибири в начале XX в. значительно улучшила обеспеченность сельского духовенства земельными наделами.

Литература

Адаменко, 2004 – Адаменко А.М. Приходы Русской Православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 192 с.

Александров, 1860 – Александров Н.И. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб.: тип. Глав. штаба его имп. величества по воен.-учеб. заведениям, 1860. 232, VIII с.

Андреев, 2019 – Андреев Г.В. Проблема материального обеспечения и регулирование имущественного положения приходского духовенства Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // *Университетский научный журнал*. 2019. № 50. С. 92-99. DOI: <https://doi.org/10.25807/PVN.22225064.2019.50.92-99>

Асалханов, 1975 – Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 267 с.

Белоногова, 2017 – Белоногова Ю.И. Материальное обеспечение церквей в XIX – начале XX в. на примере храмов Волоколамского благочиния Московской епархии // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 2017. № 79. С. 46-54.

Воцинин, 1915 – Воцинин В.П. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. Пг.: тип. Петроградской тюрьмы, 1915. XIV, 509 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Горюшкин и др., 1985 – Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1985. 327 с.

Дулов, Санников, 2006 – Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: ООО «СибПолиграфСервис», 2006. Ч. II. 324 с.

Иконников, 2018 – Иконников С.А. «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной церкви*. 2018. Т. 81. С. 24-35.

ИЕВ, 1898a – *Иркутские епархиальные ведомости*. 1898. № 2.

ИЕВ, 1898b – *Иркутские епархиальные ведомости*. 1898. № 11.

ИЕВ, 1902 – *Иркутские епархиальные ведомости (приложение к Иркутским епархиальным ведомостям)*. 1902. № 17.

Книга..., 1913 – Книга образования переселенческих участков. 1885–1912. Томск: тип. Детского приюта и Дома трудолюбия, 1913. XVI, 955, 120 с.

Конюченко, 2006 – Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века): Монография. Челябинск: ЦНТИ, 2006. 200 с.

Краткое..., 1916 – Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск: Эл.-тип. Епарх. Братства, 1916. 243 с.

Миронов, 2015 – Миронов Б.Н. Жизненный уровень российского приходского духовенства в имперской России // *Исторический журнал: научные исследования*. 2015. №. 1. С. 65-80. DOI: [10.7256/2222-1972.2015.1.15674](https://doi.org/10.7256/2222-1972.2015.1.15674)

Морозан, 2016 – Морозан В. В. Экономическое положение Кишиневской епархии в XIX – начале XX в. // *Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной церкви*. 2016. №. 6(73). С. 55-68.

Першин, Шитова, 2021 – Першин С. В., Шитова Т. В. К вопросу о доходности земельных участков православных причтов в начале XX в. (по материалам Мордовского края) // *Экономическая история*. 2021. Т. 17. № 1(52). С. 49-57. DOI: 10.15507/2409-630X.052.017.202101.049-057.

ПСЗРИ, 1899 – ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 16. 1896 г. Отд. 1. СПб.: Гос. тип., 1899.

Сборник..., 1907 – Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. XII, 181 с.

Справочная книга по Омской..., 1914 – Справочная книга Омской епархии. Омск: тип. «Иртыш», 1914. [2], IV, 1250 с.

Справочная книга Тобольской..., 1913 – Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск: тип. епарх. братства, 1913. [2], 46, 227, 89, 66 с.

Справочная книга по Томской..., 1900 – Справочная книга по Томской епархии за 1898-99 год. Томск: тип. епарх. братства, 1900. 458, LIII, [2] с.

Справочная книга по Томской..., 1914 – Справочная книга по Томской епархии. Томск: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914. VIII, 592, 25, XXI с.

ТЕВ, 1899 – Томские епархиальные ведомости (отд. офиц.). 1899. № 2.

Чижевский, 1898 – Чижевский И. Л. Устройство православной российской церкви: Ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению. Неофиц. изд. Харьков: тип. Губ. правл., 1898. [2], XVIII, 443 с.

Ikonnikov, 2019 – *Ikonnikov S.A.* (2019). Parish Clergy of Central Chernozem Governorates of Russia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Assessment of Living Standards // *Nauchnyi dialog*. 7: 240-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-240-257

References

Adamenko, 2004 – *Adamenko, A.M.* (2004). Prihody Russkoj Pravoslavnoj cerkvi na yuge Zapadnoj Sibiri v XVII – nachale XX veka [Parishes of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in the 17th – early 20th centuries.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 192 p. [in Russian]

Aleksandrov, 1860 – *Aleksandrov, N.I.* (1860). Sbornik cerkovno-grazhdanskih postanovlenij v Rossii, odnosyashchihся do lic pravoslavnogo duhovenstva [Collection of church and civil regulations in Russia, relating to persons of the Orthodox clergy]. SPb.: tip. Glav. shtaba ego imp. velichestva po voen.-uчеб. zavedeniyam. 232, VIII p. [in Russian]

Andreev, 2019 – *Andreev G. V.* (2019). Problema material'nogo obespecheniya i regu-lirovanie imushchestvennogo polozheniya prihodskogo duhovenstva Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [The problem of material support and regulation of the property status of the parish clergy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Universitetskij nauchnyj zhurnal*. 50: 92-99. DOI: 10.25807/PBH.22225064.2019.50.92.99 [in Russian]

Asalhanov, 1975 – *Asalhanov I.A.* (1975). Sel'skoe hozyajstvo Sibiri konca XIX – nachala XX v. [Agriculture of Siberia late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Nauka. 267 p. [in Russian]

Belonogova, 2017 – *Belonogova, Yu.I.* (2017). Materialnoe obespechenie tserkvej v XIX – nachale XX v. na primere khramov Volokolamskogo blagochiniya Moskovskoj eparkhii [Material support of churches in the 19th – early 20th centuries on the example of churches of the Volokolamsk deanery of the Moscow diocese]. *Vestnik PSTGU. Serija II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi*. 79: 46-54. [in Russian]

Chizhevskij, 1898 – *Chizhevskij, I.L.* (1898). Ustrojstvo pravoslavnoj rossijskoj cerkvi: Ее uchrezhdeniya i dejstvuyushchie uzakoneniya po ee upravleniyu [The structure of the Russian Orthodox Church: Its institutions and current laws for its management]. Neofits. izd. Khar'kov: tip. Gub. pravl. [2], XVIII, 443 p. [in Russian]

Dulov, Sannikov, 2006 – *Dulov, A.V., Sannikov, A.P.* (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries]. Irkutsk: ООО «SibPoligrafServis». Ch. II. 323 p. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archives of Krasnoyarsk Krai].

ГАТО – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archives of Tomsk Region].

Goryushkin i dr., 1985 – *Goryushkin, L.M., Kucher, V.V., Nozdrin, G.A., Sagajdachnyj, A.N., Shustov, K.B.* (1985). Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri. 1861–1907 gg. Hronika i istoriografiya [Peasant movement in Siberia. 1861–1907. Chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka. 327 p. [in Russian]

IEV, 1898a – *Irkutskie eparhial'nye vedomosti*. 1898. № 2. [in Russian]

IEV, 1898b – *Irkutskie eparhial'nye vedomosti*. 1898. № 11. [in Russian]

IEV, 1902 – *Irkutskie eparhial'nye vedomosti (prilozhenie k Irkutskim eparhial'nym vedomostyam)*. 1902. № 17. [in Russian]

Ikonnikov, 2018 – *Ikonnikov, S.A.* (2018). «Eto dobroe vovse ne k rukam»: tserkovnaja zemlja kak istochnik material'nogo obespecheniya prikhodskogo dukhovenstva tsentralnogo Chernozemja vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [«This good thing is not at all in the hands»: church land as a source of

material support for the parish clergy of the central Black Earth Region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik PSTGU. Serija 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj tserkvi*. 81: 24-35. [in Russian]

[Ikonnikov, 2019](#) – *Ikonnikov, S.A.* (2019). Parish Clergy of Central Chernozem Governorates of Russia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries: Assessment of Living Standards. *Nauchnyi dialog*. 7: 240-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-240-257

[Kniga..., 1913](#) – *Kniga obrazovaniya pereselencheskih uchastkov* [Book of formation of resettlement areas]. 1885–1912. Tomsk: Printing house of the Children's shelter and the House of Industry, 1913. XVI, 955, 120 p. [in Russian]

[Konyuchenko, 2006](#) – *Konyuchenko, A.I.* (2006). Tona i polutona pravoslavnogo belogo duhovenstva Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Tones and semitones of the Orthodox white clergy of Russia (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. Chelyabinsk: CNTI. 200 p. [in Russian]

[Kratkoe..., 1916](#) – *Kratkoe opisanie prihodov Enisejskoj eparhii* [Brief description of the parishes of the Yenisei diocese]. Krasnoyarsk: El.-tip. Eparkh. Bratstva, 1916. 243 p. [in Russian]

[Mironov, 2015](#) – *Mironov, B.N.* (2015). Zhiznennyj uroven' rossijskogo pri-hodskogo duhovenstva v imperskoj Rossii [The standard of living of the Russian parish clergy in imperial Russia]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 1: 65-80. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.1.15674 [in Russian]

[Morozan, 2016](#) – *Morozan, V.V.* (2016). Ekonomicheskoe polozhenie Kishinevskoj eparkhii v XIX – nachale XX v. [Economic situation of the Chisinau diocese in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik PSTGU. Serija 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj tserkvi*. 6(73): 55-68. [in Russian]

[Pershin, Shitova, 2021](#) – *Pershin, S.V., Shitova, T.V.* (2021). K voprosu o do-hodnosti zemel'nyh uchastkov pravoslavnyh prichtov v nachale XX v. (po ma-terialam Mordovskogo kraja) [On the issue of profitability of land plots of Orthodox clergy at the beginning of the 20th century (based on materials from the Mordovian region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*. T. 17. 1(52): 49-57. [in Russian]

[PSZRI, 1899](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. T. 16. 1896 g. Otd. 1. SPb.: Gos. tip., 1899. [in Russian]

[Sbornik..., 1907](#) – *Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij o vodvorenii pereselencev i obrazovanii pereselencheskih uchastkov* [Collection of laws and regulations on the settlement of settlers and the formation of resettlement areas]. SPb.: tip. F. Vaisberga i P. Gershunina, 1907. XII, 181 p. [in Russian]

[Spravochnaya kniga po Omskoi..., 1914](#) – *Spravochnaya kniga Omskoi eparkhii* [Reference book of the Omsk diocese]. Omsk: tip. «Irtys», 1914. [2], IV, 1250 p. [in Russian]

[Spravochnaya kniga po Tomskoi..., 1900](#) – *Spravochnaya kniga po Tomskoi eparkhii za 1898-99 god* [Reference book on Tomsk diocese for 1898-99]. Tomsk : tip. eparkh. bratstva, 1900. 458, LIII, [2] p. [in Russian]

[Spravochnaya kniga po Tomskoi..., 1914](#) – *Spravochnaya kniga po Tomskoi eparkhii* [Reference book on Tomsk diocese]. Tomsk: T-vo «Pechatnya S. P. Yakovleva», 1914. VIII, 592, 25, XXI p. [in Russian]

[Spravochnaya kniga Tobol'skoi..., 1913](#) – *Spravochnaya kniga Tobol'skoi eparkhii k 1 sentyabrya 1913 goda* [Reference book of the Tobolsk diocese as of September 1, 1913]. Tobol'sk: tip. eparkh. bratstva, 1913. [2], 46, 227, 89, 66 p. [in Russian]

[TEV, 1899](#) – *Tomskie eparhial'nye vedomosti (otdel oficial'nyj)*. 1899. № 2. [in Russian]

[Voshchinin, 1915](#) – *Voshchinin V.P.* (2015). Pereselenie i zemleustrojstvo v Aziatskoj Rossii. Sbornik zakonov i rasporyazhenij [Resettlement and land management in Asian Russia. Collection of laws and regulations]. Pg.: tip. Petrogradskoi tyur'my. XIV, 509 p. [in Russian]

Причтовое землепользование в сельских приходах сибирских епархий во второй половине XIX – начале XX вв.

Дмитрий Николаевич Беянин ^{a,*}, Виктор Николаевич Разгон ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется проблема обеспечения земельными наделами сельского духовенства в Енисейской, Омской, Tobольской и Томской епархиях во второй половине XIX – начале XX вв. Выявлены основные источники наделения сельских приходов землей в XIX в. Сельское духовенство могло получать земельные наделы от сибирской администрации, казачьего ведомства, по приговорам сельских обществ, также церковные наделы могли быть отведены при заготовке

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bdn73@list.ru (Д.Н. Беянин)

переселенческих участков. Передаваемые церквям земельные наделы становились собственностью церкви. Однако к началу XX в. значительная часть приходов земельные наделы не получила. Такие безземельные приходы иногда могли получать землю по добровольному решению от прихожан, но в этом случае земля передавалась причтам лишь в пользование, иногда на определенное время и не могла прочно обеспечивать доход сельских клириков.

Существенное влияние на землепользование сельского духовенства оказала землеустроительная реформа в Сибири на рубеже XIX — XX вв. В ходе этой реформы безземельные церкви получали земельные участки, а церкви с небольшими земельными наделами получали дополнительные прирезки. В результате к началу Первой мировой войны 90 % сельских приходов в Енисейской, Омской, Тобольской и Томской епархиях имели земельные наделы. Хотя землеустроительная реформа в Сибири не была завершена до Февральской революции 1917 г., но уже к 1913–1915 гг. доля безземельных приходов составляла лишь немногим выше 4 %. При этом практически 2/3 приходов были обеспечены землей по максимальной норме в 99 десятин или даже в большем размере.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, церковная земля, крестьянство, старожилы, переселенцы, сельское духовенство, сельские приходы, Сибирь, сибирская деревня, сибирские епархии, сибирские приходы.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1657-1662
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1657

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A.M. Evreinova on the Importance of National Law (To Mark the 180th Anniversary of the Birth of the First Russian Woman Jurist)

Elena V. Safronova ^{a, b, *}, Nikita A. Safronov ^b, Dina V. Alontseva ^c, Arsen V. Akopyan ^c

^a National Research University Belgorod State University, Russian Federation

^b Southwest State University, Russian Federation

^c Bunin Yelets State University, YelSU, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the life and creative path of Anna Mikhailovna Evreinova (1844–1917), the first Russian woman to receive a higher legal education and a Doctor of law degree in the field of jurisprudence. The authors note that the biography of A.M. Evreinova is closely connected with the feminist movement that swept the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century, the most important task of which was the formation of women's education, including higher education.

The authors studied the biography of A.M. Evreinova, identified the main stages of her professional activity, determined her contribution to the development of legal science and the women's movement in Russia. The paper notes that despite Yereinova's high-quality education and high professionalism, the legislation of the Russian Empire did not allow her to fully implement her knowledge in practice. Access to public service for women was closed, so it was in scientific and social activities that her legal ambitions were realized.

The article examines her activities as the founder and the first literary editor of the journal “Severny Vestnik”, which created a platform for discussing topical issues related to women's rights and problems of social justice.

The analysis of A.M. Evreinova's scientific works in the field of customary law of Slavic peoples showed her professional competence as a scientist.

Keywords: Anna Mikhailovna Evreinova, Russian Empire, women's education, female jurist, Doctor of Law, women's movement, women's rights, customary law.

1. Introduction

The biography of A.M. Evreinova is closely connected with the history of the feminist movement in Russia. The women's rights movement originated in the second half of the 19th century in the context of significant social and political transformations that engulfed European states, including the Russian Empire.

A notable breakthrough occurred in the 60s of the XIX century, when women's clubs and societies began to appear in large cities of the Russian Empire, discussing social problems and demanding better working conditions for women, the opportunity to receive higher education and access to certain professions that were previously considered exclusively male. The first Russian woman with higher education was Nadezhda Prokofievna Suslova (1843–1918), who received a Doctor of Medicine degree from the University of Zurich in 1867.

* Corresponding author

E-mail addresses: elena_safronova_2010@mail.ru (E.V. Safronova),
nik.safronov.1992@mail.ru (N.A. Safronov), dina.alontseva@mail.ru (D.V. Alontseva),
mex_arsen@rambler.ru (A.V. Akopyan)

1867 became a landmark year for higher female education in Russia. In December 1867, at the 1st Congress of Naturalists and Doctors in St. Petersburg, the issue of women's education was one of the main ones. As a result of the discussion, a petition was submitted to the Rector of St. Petersburg University, K.F. Kessler, to open higher courses for women in historical, philological and physical-mathematical sciences. However, the petition was rejected, and the first Higher Women's Courses were opened only in 1878 (*Pervyi zhenskii kalendar'*, 1905: 185). The issue of higher legal education for women remained open. In this regard, the biography of Anna Mikhailovna Evreinova, who became the first Russian woman with a higher legal education, is of undoubted interest.

2. Materials and methods

The main source for this research was the writings of Anna Mikhailovna Evreinova, available in the collections of the Russian State Library (*Evreinova, 1878: 599-616; Evreinova, 1883: 42; Evreinova, 1884: 5-18; Evreinova, 1895: 15; Evreinova, 1901: 219-246; Evreinova, 1905: 376-380*). In addition, the work used materials from the Archive of the University of Leipzig (*Kniga o prisvoenii uchenykh stepeni, 1873*), as well as official documents of the Russian Empire (Nominal, announced to the *Senate by the Minister of Justice, 1884: 21*), publications and minutes of meetings of societies (*Protokoly zasedanii..., 1878; Protokoly zasedanii..., 1880: 59; Protokoly zasedanii..., 1878, 1878: 701-705*).

The methodological basis of the research is based on a positivist approach, focusing on objectivity, empirical data and scientific rigor. Historical-genetic and historical-comparative methods were used in the work. The use of the historical and genetic method allowed us to trace the development of the first Russian woman to receive a Doctor of law degree in the field of jurisprudence, Anna Mikhailovna Evreinova, to identify the origins of her life and creative path. The historical-comparative method, in turn, helped to draw a conclusion about the essential role of the works of A.M. Evreinova in the field of Russian legal science.

3. Discussion

The history of the life and creative path of A.M. Evreinova is inextricably linked with the history of the feminist movement and the formation of women's education in Russia. For example, the works of S.G. Aivazova (*Aivazova, 1998*), V. Bryson (*Bryson, 2001*), G.A. Melnikova (*Yelnikova, 2003*) and others are devoted to the origin of feminism. In Russian historiography there are several biographical essays devoted to Evreinova, in particular, G.L. Reshetnikova (*Reshetnikov, 2001; Reshetnikov, 2011*), E.A. Krestyanikova (*Krestyanikov, 2020*), E.V. Safronova (*Safronova, 2023*), V.S. Serua (*Serua, 2020*), etc.

The article by V.S. Serua is of the greatest interest, which not only highlights the main stages of the creative path of A.M. Evreinova, but also defines her scientific interests (*Serua, 2020: 187-192*).

The materials and generalizations presented in this article significantly complement historical and legal science in terms of studying the history of the formation of higher women's education in pre-revolutionary Russia.

4. Results

Anna Mikhailovna Evreinova (1844–1917), the first Russian female lawyer to receive a doctorate in law from the University of Leipzig, a jurist, one of the participants in the women's movement in Russia, the founder and first literary editor of the magazine "Severny Vestnik".

She was born in 1844 in St. Petersburg. She spent her childhood on the estate of her father, Lieutenant General Mikhail Grigoryevich Evreinov (1805–1871), manager of the Peterhof Palaces. She received her secondary education in St. Petersburg, first at an educational institution - the Patriotic Institute, and later at the fashionable private boarding school of E.P. Zalivkina.

The term of stay at the Patriotic Institute lasted seven years. The training included the study of the law of God, Russian, French and German languages, mathematics, physics, geography, natural sciences, history, pedagogy, drawing, music. There was a similar course at the Zalivkina boarding school, which A.M. Evreinova graduated from. The emphasis in these educational institutions was not on the education of pupils, but on the training of good wives.

Anna Mikhailovna was not inspired by the idea of marriage and the life of a secular lady. In a biographical sketch written during Evreinova's lifetime, it says: "balls, outings, outfits, the performance of public duties in the size and form of visits, all this emptiness and vulgarity very soon became unbearably burdensome to Anna Mikhailovna" (*Evreinova, 1905: 376-380*). She liked to study, she dreamed of higher education, active social activities, and serving the people. Her youth coincided with the spread of ideas of nihilism and populism, female emancipation, which fascinated her. She communicated in the circles of radical St. Petersburg youth, was friends with the daughters of General V.V. Korvin-Krukovsky – Anna (married Jacqueland), a future famous writer and revolutionary, and Sofia (married Kovalevskaya), an outstanding mathematician, the world's first female professor of mathematics; the daughter of General V.N. Lermontov – Julia, who became subsequently, one of the first Russian women chemists, etc. Among the people with whom A.M. Evreinova "maintained friendly relations were F.M. Dostoevsky and the revolutionary narodnik P.N. Tkachev" (*Reshetnikov, 2001: 14-16*).

Talented Russian girls, obsessed with the idea of studying, were barred from Russian universities. Under public pressure, since the early 60s of the XIX century, the problem of women's admission to higher education began to be discussed at the government level. Already during the preparation of the university charter of 1863, the Ministry of Public Education, headed by A.V. Golovnin, made a request to the university councils for solutions to the problem. Opinions of Russian universities are divided. Moscow and Dorpat – opposed the admission of women to higher education; St. Petersburg, Kazan, Kharkov and Kiev – considered it possible, but on different grounds. The Ministry of Public Education has not made a positive decision. The University Charter of June 18 (30), 1863, did not provide women with access to Russian universities, giving rise to a wave of female educational migration to foreign universities. Dozens of Russian girls rushed to European universities.

The first of them was Nadezhda Prokofievna Suslova, who received her Doctor of Medicine degree from the University of Zurich in 1867 and became the first Russian female doctor. The example of N.P. Suslova inspired many girls, including A.M. Evreinova. She persistently engaged in self-education, and mostly at night, studied languages, secretly, against her father's will, received books. She was most impressed by the works of the English jurist Jeremy Bentham (1748–1832), which determined her interest in law.

In 1866, Anna Mikhailovna first applied to her father for permission to study abroad. The father, hoping that his daughter would come to her senses and get married, promised to return to the conversation in three years.

In August 1869, after three years of intensive theoretical and language training, having established a number of underground connections, Anna turned to her father again. Having received a categorical refusal, she decided to take a desperate step. Without a passport and her father's permission, she fled abroad, bypassing border posts, as she later recalled, practically barefoot "in pruned shoes." Assistance in organizing the escape of A.M. Evreinova was provided by the Kovalevsky couple, who were in Heidelberg, where Sofia studied at the university. A friend of O.V. Kovalevsky, V.Ya. Evdokimov, one of the leaders of the St. Petersburg revolutionary underground in the 1860s, helped Anna organize her escape. As the investigation later established, she received money and instructions from him. "In a letter to Evdokimov from Berlin, A.M. Evreinova shared her impressions of the meeting of German workers, while speaking sharply about the Russian order. The letter was subjected to perustration, and Evdokimov's participation in Evreinova's escape was revealed. On November 24, 1869, V.Ya. Evdokimov and Cherkesov's store were searched. On November 27, Evdokimov was arrested. December 3 (15), 1869 The Golos newspaper responded to these events: "It must be assumed that the search and arrest were carried out on suspicion of participation not in any general crime, but in an important political one". (Evdokimov, 2023).

On November 10, 1869, A.M. Evreinova crossed the border with Prussia through a swamp. Soon she found herself in Heidelberg, where she was met by friends S.V. Kovalevskaya, Yu.V. Lermontova, A.V. Taklar, and in a telegram dated November 14 she informed her parents, who had already applied to the III Department, that she was studying Latin in Heidelberg.

The University of Heidelberg, where Evreinova planned to study, was known at that time primarily as a law school. Prominent representatives of the university were professors Carl Philipp Adolf von Wangerov (1808–1870), Levin Goldschmidt (1829–1897), Karl Knis (1821–1898), Wilhelm Zimmermann (1807–1878), Georg Gottfried Gervinus (1805–1871), and others. The issue of the legal status of A.M. Evreinova was not raised at the University of Heidelberg. For about three years, she studied privately, attending lectures by famous professors with their consent.

A.M. Evreinova decided to graduate from the university course at the University of Leipzig. In 1872, she applied to the Academic Senate of the University of Leipzig for permission to take the final verbal exam. It received Senate approval only after the intervention of King Johann of Saxony (1801–1873, king since 1854), a major educator, translator of Dante, one of the authors of the Saxon Constitution of 1831. In the lifetime published biography of A.M. Evreinova it says: "He visited the university and after the lecture, which he attended with Minister Herbant, he went to the A.M. and after listening to her claim, he offered her to be her lawyer in the academic senate. Needless to say, the issue was resolved in her favor, but with the requirement to submit a dissertation ahead. Thus, in February 1873, her verbal examination and at the same time her oath took place" (Evreinova, 1905: 376-380).

The "Book on awarding academic degrees" of the Faculty of Law, preserved in the archive of the University of Leipzig, contains information that on February 21, A. Evreinova passed a verbal exam, according to the results of which she was awarded the title Dr. Jur (Kniga o prisvoenii uchenykh stepenei, 1873). According to available information, her dissertation was carried out on international law and was called "Duties of neutral parties in relation to participants in the war" (Twellmann, 1972). Unfortunately, the text of the dissertation could not be found.

After returning to Russia, A.M. Evreinova became engaged in scientific and socio-political activities. Russian law prohibited a female lawyer from practicing. Access to the public service was closed. By the decree of January 7, 1876 "On the non-application of the Rules on Private attorneys to women on May 25, 1874", advocacy was also prohibited (Nominal, announced to the Senate by the Minister of Justice, 1884: 21).

The main area of scientific interests of A.M. Evreinova was the customary law of the Slavs and the problem of the legal status of women. In order to study Slavic languages and legal customs, she spent several years on scientific trips to Poland, the Czech Republic, and Dalmatia.

A.M. Evreinova's interest in customary law is not accidental. Since the 19th century, the issue of studying folk legal customs began to be raised in legal circles. The intensification of interest was associated with the preparation of the Great Reforms of the 60-70 years of the XIX century. The peasant reform gave the problem of customary law practical significance. In the "General Regulation on peasants who came out of serfdom" on February 19, 1861, a number of articles (21, 38, 107) spoke about the possibility of applying "local customs and rules adopted in peasant life" (*Vysochaishe utverzhdennoe...*, 1863: 141-169). The resolution of the First Congress of Russian Lawyers, held at Moscow University in June 1875, noted "the desirability of establishing a special commission in Moscow and St. Petersburg to direct the collection of customary law" (*Protokoly zasedanii...*, 1878: 701-705). After collecting interesting material, Anna Mikhailovna returned to Russia, settling in Moscow. The education she received allowed her to join the professional community only through participation in the activities of the Moscow Law Society first, and later the Law Society at St. Petersburg University.

The basis of the law societies, which, following the Moscow one, were consistently opened at all Russian universities, were made up of full members. The main condition for membership was higher legal education, the availability of scientific publications or fame in practice. Full members were elected at the general meeting on the recommendation of already elected members (full or honorary), informing the meeting about the merits of the candidate. The members of the society prepared reports on topical legal issues, discussed them, created commissions for legislative activities, and published in the printed publications of the societies.

The first speech by A.M. Evreinova and the acquaintance of the Russian legal community with the first woman jurist took place at a meeting of the Moscow Law Society on March 13, 1878, where her essay on South Slavic law was heard without debate: "On friendly life" (*Protokoly zasedanii...*, 1878: 701-705). In the same year, the text of the abstract was published in the journal "Legal Bulletin" (*Evreinova, 1878:599-615*).

On November 19, 1879, Anna Mikhailovna presented a new report on the topic: "On the customary law of the Russian people and on the importance of the special commission formed at the Moscow Law Society", which aroused considerable interest and positive feedback. The minutes of the meeting reported that A.M. Evreinova's essay called for "applause from those present" (*Protokol zasedaniya...*, 1880:59).

In his speech, A.M. Evreinov analyzed the legislation of the Russian Empire for its relation to the legal customs of the Russian people. Evreinova noted that the customs born of the life of the Russian people are not taken into account by law. At the same time, the legislation recognizes the customs of "foreigners" – Russian subjects of non-Slavic origin. In this she saw the infringement of the rights of the Russian people in comparison with ethnic groups that occupied a special administrative and legal position.

According to Evreinova, when defining a legal custom, it is necessary to distinguish between legal and ethnographic approaches. Legal science should be interested only in customs that express the "legal view of the people" (*Protokoly zasedanii...*, 1880: 59).

Evreinova traced the genesis of law, expressed in symbols, rituals and customs, the formation of which is influenced by the geographical, economic and cultural development of the nation. She suggested considering stability, constancy and mandatory application as signs of the established legal custom.

Evreinova saw the formation of legal customs in the Russian community in the sphere of transactions and obligations, marital and family relations and the regulation of "communal and secular life". At the same time, it is "secular law" that acts, she believed, as the criterion that gives "the opportunity to find popular law in the variety of legal customs of our people" (*Protokol zasedaniya...*, 1880: 60). In her opinion, the formation of civil and administrative legislation should be based on the established legal customs of communal and secular life.

The reviewers of the report were full members, mainly teachers of Moscow University: V.A. Goltsev, A.M. Smirnov, A.N. Filippov, as well as an honorary member – a well-known lawyer (Moscow sworn attorney) and scientist A.M. Falkovsky. All of them confirmed the relevance of the topic chosen by the speaker, its discussion and the originality of the author's conclusions. The meeting supported the idea of A.M. Evreinova to activate the work of the commission of the Moscow Law Society "in order to develop customary law." According to G.L. Reshetnikov, "in 1979 She was elected chairman of the Special Commission on Customary Law at the Moscow Law Society" (*Reshetnikov, 2001: 14-16*).

Starting in 1882, Anna Mikhailovna began to make presentations at meetings of the Law Society at St. Petersburg University. By the end of the 19th century, the controversy surrounding the problem of customary law developed in a practical plane around the possibility of their application and codification. On February 12, 1883, A.M. Evreinova presented a report "On the meaning and limits of customary law in the development of individual institutions of the Civil Code" (*Evreinova, 1883: 42*). In it, she proposed that, when developing the Civil Code, the principles of "Russian customary law, for example, the beginning of: a) equality in the family, b) communal land ownership, c) artels" (*Evreinova, 1883: 42*).

In 1897, a Department of Customary Law was established in St. Petersburg within the framework of the Law Society in order to collect, study and generalize the norms of customary law and use the developed codes in the codification of civil law. A.M. Evreinova became a member of the editorial committee of this

department, and in 1904 she was elected a member of the "commission for consideration of drafts of the editorial commission on the revision of the law on peasants" (Serua, 2020: 190).

Publishing and socio-political activities were an important component of A.M. Evreinova's life. In 1885–1890 she was the editor and, since 1889, the publisher of a monthly literary, scientific and political magazine. Under Evreinova, the *Severny Vestnik* sought to continue the democratic traditions of the journal *Otechestvennye Zapiski*, which was closed in 1884 by order of the head of the Main Department for Press Affairs, E.M. Feoktistov. Anna Mikhailovna invited his former employees N.M. Pleshcheyev, S.N. Yuzhakov, N.K. Mikhailovsky to cooperate.

Over the years of A.M. Evreinova's editorial activity, the journal *Severny Vestnik* has become one of the most authoritative publications in Russia, the mouthpiece of liberal populism. It published scientific articles of a socio-economic and legal nature, literary works, and journalistic works. K.D. Balmont, V.M. Garshin, V.G. Korolenko, D.N. Mamin-Sibiriyak, D.I. Mendeleev, D.S. Merezhkovsky, S.Ya. have been published in the journal over the years. Nadson, V.I. Nemirovich-Danchenko, V.V. Stasov, G.I. Uspensky, A.P. Chekhov, etc.

With the departure of A.M. Evreinova, the magazine loses its socio-political significance, begins to be published without prior censorship, it publishes mainly works by decadents and symbolists.

In addition to the journal *Severny Vestnik*, A.M. Evreinova was one of the employees of the *Journal of Civil and Criminal Law*, published by the St. Petersburg Law Society. In 1884, in Nos. 3 and 7, her work "On Equalizing the right of women in inheritance" was published, which she presented at one of the meetings of the Law Society.

The struggle for women's rights was the most important component of her socio-political activities. She has repeatedly published in the feminist publication "Friend of Women". In 1908, she was a delegate to the First All-Russian Women's Congress, held in St. Petersburg. The congress was organized by the first Russian female doctor A.N. Shabanova, the leader of the Russian women's movement A. P. Filosofova, the writer O.A. Shapir. The participants of the congress were Ariadna Tyrkova, a member of the Central Committee of the Cadet Party, a member of the RSDLP, a future diplomat A.M. Kollontai, one of the leaders of the left Socialist Revolutionary party M.A. Spiridonova and other famous Russian feminists.

At the beginning of the 20th century, she repeatedly traveled abroad to France and the United States, where she gave lectures on the women's issue and problems of international law.

Practically nothing is known about the last years of A.M. Evreinova's life. Anna Mikhailovna died at the age of 73 in February 1917. On February 20, 1917, an announcement was published in the newspaper *Novoye Vremya* that "on February 21, on the tenth day of her death, a memorial service will be served at the Church of the Sign in Petrograd" (Traurnoe ob'yavlenie..., 1917: 1).

5. Conclusion

Summing up, we note that in the second half of the XIX century in Russia and in other countries there was an increase in the women's movement aimed at achieving equality and improving conditions for women. The creation of legal societies based on the principles of democracy and creative freedom played a key role in this process. Such organizations have provided women with the opportunity not only to participate in scientific discussions, but also to actively influence the development of legal science. This was made possible by changes in public consciousness and legislation, which began to open doors for women in educational and professional fields. Anna Mikhailovna Evreinova, became the first woman in Russia to receive a Doctor of law degree, and is a vivid example of how women began to occupy significant positions in scientific and professional life.

6. Acknowledgments

The publication was prepared as part of the implementation of the development program of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Southwestern State University" of the project "Priority 2030".

The team of authors expresses gratitude to the Rector of I. A. Bunin Yelets State University for the financial support of this research.

References

- Aivazova, 1998 – Aivazova, S.G. (1998). *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya* [Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya]. M., 405 p. [in Russian]
- Braison, 2001 – Braison, V. (2001). *Politicheskaya teoriya feminizma* [Politicheskaya teoriya feminizma]. M., 304 p. [in Russian]
- El'nikova, 2003 – El'nikova, G.A. (2003). *Stanovlenie i razvitie feminizma v Rossii: k istorii voprosa* [Stanovlenie i razvitie feminizma v Rossii: k istorii voprosa]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region obshchestvennye nauki. Prilozhenie*. 12: 2-15. [in Russian]
- Entsiklopedicheskii slovar'..., 2019 – *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. V 86 t. SPb., 1890–1907 [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary]. [Electronic resource]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10152/#page/412/mode/1up> (date of access: 24.12.2019).
- Evdokimov, 2023 – Evdokimov, V.Y. (2023). Portal Tsentra peterburgovedeniya TsGPB im. V.V. Mayakovskogo [Portal of the Center for St. Petersburg Studies of the V.V. Mayakovsky Central City]

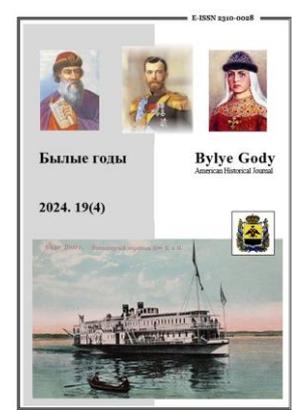
- Public Hospital]. [Electronic resource]. URL: <http://mirpeterburga.ru/info/evdokimov.php> (date of access: 05.12.2023). [in Russian]
- Evreinova, 1878** – *Evreinova, A.M.* (1878). Referat po yuzhno-slavyanskomu pravu [Summary on South Slavic law]. *Yuridicheskii vestnik*. 5: 599-616. [in Russian]
- Evreinova, 1883** – *Evreinova, A.M.* (1883). O znachenii i predelakh obychnogo prava pri razrabotke otdel'nykh institutov Grazhdanskogo ulozheniya [On the meaning and limits of customary law in the development of individual institutions of the Civil Code]. Sankt-Peterburg: tip. M-va put. soobshch. (A. Benke), 42 p. [in Russian]
- Evreinova, 1884** – *Evreinova, A.M.* (1884). Ob uravnenii prava zhenshchiny pri nasledovanii [On the equalization of women's rights in inheritance]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoogo prava*. 3: 5-18. [in Russian]
- Evreinova, 1895** – *Evreinova, A.M.* (1895). Dogovornaya zemledel'cheskaya artel', ee rol' i znachenie v ekonomicheskoi zhizni naroda: stat'ya doktora prav Anny Mikhailovny Evreinovoi [Contractual agricultural artel, its role and significance in the economic life of the people: article by Doctor of Law Anna Mikhailovna Evreinova]. Odessa: Tipografiya «Odesskikh novostei», 15 p. [in Russian]
- Evreinova, 1901** – *Evreinova, A.M.* (1901). Zadachi zakonodatel'stva po otnosheniyu k trudovym artelyam [Zadachi zakonodatel'stva po otnosheniyu k trudovym artelyam]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 7: 219-246. [in Russian]
- Evreinova, 1905** – *Evreinova, A.M.* (1905). Pervyi zhenskii kalendar' na 1905 god. P.N. Ariyan. Pri uchastii V.I. Pokrovskogo, A.M. Evreinovoi, M.A. Kozhevnikovoi [Pervyi zhenskii kalendar' na 1905 god. P.N. Ariyan. Pri uchastii V.I. Pokrovskogo, A.M. Evreinovoi, M.A. Kozhevnikovoi]. SPb.: Tovarishchestvo Pechatnogo i Izdatel'skogo dela «Narodnaya pol'za», 1905. Pp. 376-380. [in Russian]
- Imennoi, ob"yavlenniy..., 1884** – Imennoi, ob"yavlenniy senatu Ministrom Yustitsii «O neprimenenii k litsam zhenskogo pola Pravil 25 maya 1874 g. o chastnykh poverennykh» ot 7 yanvarya 1876 g. [Personal, announced to the Senate by the Minister of Justice “On the non-application to persons of the female sex of the Rules of May 25, 1874 on private attorneys” dated January 7, 1876]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi: Sobranie 2-e. T.50. Sankt-Peterburg: Tip. II Otdeleniya Sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1830-1884. 55455. P. 21.* [in Russian]
- Kniga o prisvoenii uchenykh stepenei, 1873** – Kniga o prisvoenii uchenykh stepenei (Promotionsbuch) yuridicheskogo fakul'teta za 1873 g. [Book on Awarding Academic Degrees (Promotionsbuch) of the Faculty of Law, 1873]. Arkhiv Leiptsigskogo universiteta (UAL). Juristenfakultät. B I 02. Bd. 2.
- Krest'yannikov, 2020** – *Krest'yannikov, E.A.* (2020). Zhenskaya advokatura v dorevolyutsionnoi Rossii: sibirskii «sled» [Women's Advocacy in Pre-Revolutionary Russia: Siberian “Trace”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 63: 38-46. [in Russian]
- Pervyi zhenskii kalendar', 1905** – Pervyi zhenskii kalendar' na 1905 god [The first women's calendar for 1905]. P.N. Ariyan. Pri uchastii V.I. Pokrovskogo, A.M. Evreinovoi, M.A. Kozhevnikovoi. SPb.: Tovarishchestvo Pechatnogo i Izdatel'skogo dela «Narodnaya pol'za», 1905. P. 185. [in Russian]
- Protokol zasedaniya..., 1880** – Protokol zasedaniya Moskovskogo yuridicheskogo obshchestva [Minutes of the meeting of the Moscow Law Society]. *Yuridicheskii vestnik*. M., 1880. № 1. Pp. 59-63. [in Russian]
- Protokoly zasedanii..., 1878** – Protokoly zasedanii Moskovskogo Yuridicheskogo Obshchestva [Minutes of meetings of the Moscow Law Society]. M. *Yuridicheskii vestnik. Izdanie Moskovskogo Yuridicheskogo Obshchestva*. 5: 701-705. [in Russian]
- Reshetnikov, 2001** – *Reshetnikov, G.L.* (2001). Pervaya russkaya zhenshchina – doktor prava [The first Russian woman – Doctor of Law]. *Advokat*. 3: 14-16. [in Russian]
- Reshetnikov, 2011** – *Reshetnikov, G.L.* (2011). Pervye shagi russkikh zhenshchin k yuridicheskomu obrazovaniyu [The first steps of Russian women to legal education]. *Pravo i obrazovanie*. 6: 129-136. [in Russian]
- Safronova, 2023** – *Safronova, E.V.* (2023). Evreinova Anna Mikhailovna. Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [Evreinova Anna Mikhailovna. Great Russian encyclopedia]. [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/evreinova-anna-mikhailovna-c94aab> (date of access: 24.11.2023). [in Russian]
- Serua, 2020** – *Serua, V.S.* (2020). Pervaya zhenshchina v rossiiskoi yuridicheskoi nauke: obychnoe pravo russkogo naroda v issledovaniyakh Anny Mikhailovny Evreinovoi [The first woman in Russian legal science: customary law of the Russian people in the research of Anna Mikhailovna Evreinova]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2: 187-190. [in Russian]
- Traurnoe ob"yavlenie o panikhide, 1917** – Traurnoe ob"yavlenie o panikhide 21 fevralya 1917 goda v tserkvi Znameniya v Petrograde v devyatyi den' konchiny [Funeral announcement about the memorial service on February 21, 1917 in the Church of the Sign in Petrograd on the ninth day of death]. *Novoe vremya*. 1917. 20 fevralya (5 marta). № 14713. P. 1. [in Russian]
- Twellmann, 1972** – *Twellmann, M.* (1972). Die deutsche Frauenbewegung: ihre Anfänge und erste Entwicklung, 1843–1889. Meisenheim am Glan : Anton Hain, 1972. P. 117. (Marburger Abhandlungen zur Politischen Wissenschaft ; Bd. 17/1).
- Vysochaishe utverzhdennoe..., 1863** – Vysochaishe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoi zavisimosti ot 19 fevralya 1861 g. [The Supremely approved General Regulation on peasants released from serfdom of February 19, 1861]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1863. T. 36, otd. 1. № 36657. Pp. 141-169.* [in Russian]

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1663-1673
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1663

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Imperial Policy of Including of the North Caucasus Peoples into the Russian Cultural and Linguistic Space in the second half of the 19th century

Evgenii A. Avdeev^{a,*}, Aleksey M. Erokhin^a, Sergej M. Vorobev^a, Sergej N. Bredikhin^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The imperial policy of the 2nd half of the 19th century, aimed at integrating the Caucasus into the sociocultural space of Russia, was based on the spread of the Russian language and the Orthodox faith, which served as the ideological basis of statehood. During this period, the Russian cultural and linguistic space expanded in the North Caucasus, the educational system was formalized and developed, the first theaters and public libraries were opened. The spread of the Russian language and culture was facilitated by the development of the primary and secondary education system, the creation of schools accessible to the mountain population. The educational process was conducted mainly in Russian. Local languages received limited use in it. Along with a fairly tough line on the integration and Russification of the Caucasus, a policy was pursued that implied non-interference in the life of mountain communities. Management decisions were made based on respect for the religion, language and cultural traditions of indigenous peoples. Studying the Russian language increased the status of the highlander in local communities, opened up new prospects for personal growth, expanded the space for interethnic dialogue and made it possible to go beyond local tradition. All this formed the interest of the peoples of the North Caucasus to receive education in Russian. In general, the imperial policy of this period contributed to the inclusion of mountain elites in the system of public administration, the involvement of their children in education in the educational institutions being formed, and the modernization of all spheres of life, culture and everyday life. Integration and modernization took place most actively in cities and frontier zones, where there was active interaction between Russian and local peoples. However, the majority of the mountain population still existed within closed patriarchal communities and was to a small extent affected by these processes.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, Russification, Russian language, Russian culture, education, school, mountain peoples, Orthodoxy.

1. Введение

После завершения Кавказской войны перед Российской империей актуализировались задачи интеграции народов Северного Кавказа в российское социокультурное пространство. В полиэтничном и поликонфессиональном регионе одной из объединяющих основ должен был стать русский язык, распространение которого было невозможно без достижения определенного уровня культурно-языковой общности. Формирование российского культурно-языкового единства на Кавказе осуществлялось путем переселения крестьян и казаков, основания казачьих станиц, становившихся форпостами российской государственности. Большую роль в распространении русского языка и культуры среди горцев наряду с начальным и средним образованием играло православное миссионерство. В основу политики Российской империи были положены два основных фактора: русский язык как один из символов государственности и православие как его духовно-нравственная основа. Русификация и поддержка православной веры становятся ее целями и ориентирами.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

При этом имперская администрация проявляла уважение к религиозным чувствам, культуре и традициям коренных неправославных народов.

Естественным образом формировались условия, стимулирующие горское население со своей стороны предпринимать определенные шаги, направленные на включение в российское культурно-языковое пространство. Образование на русском языке стало не только ресурсом наднациональной консолидации, но и средством подчеркнуть свою статусность, интегрироваться в российское цивилизационное пространство, выйти за узкие рамки традиционной повседневности, иметь значительные преференции среди соплеменников. Владение русской речью и грамотой улучшало социальные и экономические перспективы, повышало положение в обществе. В связи с этим среди горцев формировался запрос на начальное образование. Они зачастую просили пригласить именно русских учителей, чтобы дети быстрее овладели русским языком. Изучению русского языка способствовало также то, что он в пестрой полиэтничной среде объективно становился языком межэтнического общения. Русский язык в полиэтничной среде стал инструментом межкультурного общения. Горцы через общение с русскими и казаками активно заимствовали новые формы хозяйственной жизни и быта, перенимали некоторые модернистские ценности, значительно расширяли круг своих социальных и экономических связей в иной для них культурно-языковой среде. Владение русским языком позволяло успешнее адаптироваться к новой общественной, политической и экономической реальности, более эффективно взаимодействовать с государственной администрацией. Имперская политика по широкому распространению русского языка посредством внедрения его в систему образования и управления, сферу торговли, культуры и быта способствовало включению народов Северного Кавказа в государственное и социокультурное пространство России. В целом непростая история вхождения региона в Российскую империю, сопровождавшаяся как насильственными переселениями, так и формированием системы образования и учреждений культуры, искренним желанием оказать помощь и содействовать просвещению коренных народов, приобретает большую историческую значимость. Статья направлена на исторический анализ имперской политики включения горских народов в социокультурное пространство России второй половины XIX в., а также раскрытие ряда основных государственных решений, направленных на развитие на Кавказе русскоязычного образования и культуры.

2. Материалы и методы

В статье раскрываются основные государственные решения, способствующие интеграции горских народов Северного Кавказа в российское культурно-языковое пространство в течение второй половины XIX в., роль русского языка как государственного и языка межнационального общения в процессе вхождения горских народов в российскую государственную и социокультурную общность. В этой связи проводится анализ формирования системы начального и среднего образования, способствовавшей возрастанию роли русского языка в регионе. Исследование основывается на ряде дореволюционных и современных исторических исследований, а также публицистических материалов. Источниковую базу составили Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (Владикавказ, Российская Федерация); Российский государственный военно-исторический архив (Москва, Российская Федерация); Центральный государственный архив РСО-Алания (Владикавказ, Российская Федерация); Центральный государственный архив Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация); Российский государственный исторический архив (Москва, Российская Федерация). Также приведем сборники опубликованных документов: «Сборник сведений о кавказских горцах»; «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»; «Материалы по истории осетинского народа»; «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения». Материалы дореволюционной периодической печати: «Журнал Министерства народного просвещения»; «Исторический вестник: историко-литературный журнал».

В основу исследования был положен историко-политический анализ, предполагающий рассмотрение официальных документов, законов и распоряжений имперской администрации в широком историческом контексте. Была проведена реконструкция становления институтов, формировавших русскоязычное социокультурное пространство на Северном Кавказе и способствующих аккультурации и имплементации горцев в российскую цивилизационную общность. Комплексный подход к исследованию позволил использовать не только историко-описательный, но и историко-архивный метод с опорой на ряд исторических документов и архивных материалов. Анализировались дореволюционные и современные источники, раскрывающие специфику распространения русского языка на национальных окраинах империи. Были рассмотрены основные направления, механизмы и последовательность действий по формированию и развитию системы начального и среднего образования, роль Русской православной церкви в просветительской и образовательной деятельности на Кавказе. Исследовалось социокультурное взаимодействие русского и горских народов во фронтальной зоне, обеспечивающее хозяйственную деятельность, обмен ценностями и образцами культуры. Теоретико-методологической основой стала проведенная А.И. Миллером реконструкция имперской политики русификации, включавшей несколько этапов и

направлений, влиявших на интенсивность процессов аккультурации на национальных окраинах Российской империи (Миллер, 2006). Изучение горцами русского языка и получение ими русского образования открывали новые личностные перспективы, способствовали модернизации социально-экономической жизни. Русский язык естественным образом становится основным инструментом переноса элементов российской государственности и русской культуры в многоязычные и поликультурные сообщества северокавказских народов.

3. Обсуждение

Значительный вклад в исследование культурно-языковой политики Российской империи на национальных окраинах был внесен Миллером. Им был проведен исторический анализ формирования имперской идентичности посредством политики, направленной на внедрение русского языка в жизнь и быт коренных народов. В своих исследованиях Миллер опирался на российские и зарубежные научные труды, дающие разносторонний взгляд на российскую историю, особенно на политику государства по отношению к национальным окраинам (Миллер, 2006). Методологически значимым является исследование формирования российской государственной идентичности, процессов ассимиляции и аккультурации народов Поволжья американского историка Р. Джераси. Этот регион является таким же многонациональным, как и Северный Кавказ. Джераси изучался и анализировался сложный процесс формирования русских школ среди мусульманского населения региона (Geraci, 2001). Вызывает интерес авторская позиция А. Павленко, которая на основе современных исторических исследований заключает, что имперская культурно-языковая политика по интеграции коренных народов посредством русского языка и культуры не имела единых подходов. Ее направленность менялась исходя из исторического и географического положения региона, была подвержена влиянию как политических, так и этнических, а также религиозных факторов. Утверждение русского языка как государственного языка и языка культуры было основной задачей имперской политики русификации национальных окраин (Pavlenko, 2011).

Наряду с административной русификацией действия имперских властей во многом определялись стремлением к просвещению, приобщению к гражданственности и российской культуре, что позволяло горскому населению увидеть реальные преимущества нового государственного и общественного устройства, централизованного управления и модернизации, значительно ускорившей к концу XIX в. социально-экономическое развитие региона. Имперские власти шли путем стандартизации, определенной унификации и административной русификации (Миллер, 2006; Миллер, 2002; Haltzel et al., 1981; Weeks, 2004). При этом ими учитывались особенности образа жизни и культуры горских народов, предполагалась и некоторая их автономия. Здесь был полезен опыт ряда форм крестьянского самоуправления, существовавшего в других регионах империи. Российские административно-правовые институты распространялись в регионе неравномерно. Центрами развития становятся города и ряд равнинных фронтальных зон. Горные районы по большей части остаются слабо затронутыми этими процессами. При этом к концу XIX в. многие российские социокультурные институты и практики прочно вошли в жизнь и быт местных народов. Новые социально-экономические и хозяйственные модели также способствовали рецепции русского языка и российской культуры.

В ходе изучения роли русского языка в формировании национального образования рядом исследователей отмечалось и его значение в процессе развития языков северокавказских народов (Албогачиева, 2014). Проблема межкультурного взаимодействия русских и народов Северного Кавказа, формирование системы образования на русском языке и его распространение среди горских народов рассматривались в ряде исследований современных региональных ученых (Денисова, Уланов, 2003; Erokhin et al., 2023). Ряд исследований посвящен истории развития системы народного образования на территории Кавказского учебного округа во второй половине XIX в., анализу данных, опубликованных Министерством народного просвещения и рядом других ведомств (Malyuga, Tomalin, 2021; Natolochnaya et al., 2021; Molchanova et al., 2019). Деятельность кавказской администрации по внедрению и распространению русского языка среди горцев и его в социокультурном развитии Северного Кавказа рассматривались Е.И. Кобахидзе и Б.В. Туаевой (Кобахидзе, Туаева, 2020; Кобахидзе, Туаева, 2023). Раскрытие интегративного потенциала русского языка как государственного на Центральном Кавказе, укрепление русской составляющей в составе населения края предполагало проведение комплексной политики со стороны имперских властей (Кобахидзе, 2017: 118).

4. Результаты

Имперская политика включения народов Северного Кавказа в российское культурно-языковое пространство во второй половине XIX в. проводилась в рамках установки на русификацию и включала в себя несколько основных направлений. Большое значение придавалось инкорпорации горской элиты через принятие российского подданства, строительство административной системы и развитие русскоязычного образования. Не менее важным направлением стало широкое внедрение русского языка в быт и повседневные практики горцев. Русский язык становится основой российской

государственности и языком российской культуры, значимым фактором и символом утверждения России на Северном Кавказе. Русская речь естественным образом становится основой межнационального общения, значительно усиливает его консолидирующую роль. Русский язык распространялся не только благодаря социально-экономическому взаимодействию русских и горцев в регионе, но и путем школьного образования и православного миссионерства. Деятельность Русской православной церкви направлялась и активно поддерживалась государством, стремящимся к усилению позиций православия в регионе как наднациональной основы имперской идентичности и духовно-нравственного государствообразующего начала. В исследуемый период реализуется ряд политических решений и управленческих подходов, направленных на русификацию «инородцев». При этом, как отмечает А. Каппелер, она так и не получила окончательного концептуального и институционального оформления (Каппелер, 1997: 138), а ее проведение зачастую отличалось сиюминутностью и непоследовательностью (Pavlenko, 2011: 331).

Система образования на русском языке, носящая религиозный и светский характер, начинает играть ведущую роль в просвещении края, русификации и интеграции горцев. Русскоязычное образование получает более широкое распространение, охватывая новые слои населения. Формируется прослойка национальной интеллигенции – учителей, чиновников, писателей и просветителей, внесших большой вклад в развитие языков и культур своих народов. Происходит постепенная интеграция молодых поколений горцев в российскую культурно-языковую среду. Образование становится эффективным средством аккультурации горских народов, не вызывающим неприязненного отторжения и не приводящим к активному сопротивлению. Справедливо отмечалось, что «покорение образованием есть глубокое и прочное покорение...» (НА СОИГСИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 29. Л. 8). Просвещение края понималось российским обществом и властями как помощь «нашим новым согражданам выбраться из темного угла их полудикой жизни и приобщить их к свету и простору, открытых для европейской семьи народов» (Сборник сведений..., 1868: 5). Считалось, что наиболее эффективное воздействие на горцев происходит посредством просвещения. Образование виделось тем искомым действенным средством, дающим возможность прочно соединить горские народы с Россией. Успешной интеграции и аккультурации горцев способствовало отсутствие религиозной нетерпимости, которая выступала серьезным препятствием развитию образования и просвещению Кавказа. Кабардинцы и ряд других мусульманских народов, не входивших в имамат Шамиля, не были привержены религиозному фанатизму и в большей степени ориентировались на Россию (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115). Их включение в российское социокультурное пространство проходило быстрее и было более прочным.

Основным средством просвещения и русификации на Северном Кавказе становится система русскоязычных начальных и средних образовательных учреждений, носящих светский и религиозный характер. При поддержке кавказского наместника М.С. Воронцова в 1846 г. создается семинария в Ставрополе. Она должна была стать центром по подготовке православных церковнослужителей для Кавказского края, знавших местные языки, обычаи и традиции. К обучению в ней допускались и дети горцев, а образовательная программа предполагала изучение местных языков (Ставропольская православная..., 2011: 6).

Значительным шагом на пути унификации и дальнейшего развития стало объединение всех существующих к тому времени в регионе учебных заведений в рамках учрежденного в 1847 г. единого Кавказского учебного округа. Он не был передан в ведение Министерства народного просвещения и контролировался администрацией кавказского наместника. Сам Воронцов обращал внимание на необходимость не только широкого распространения русскоязычного образования, но и применения в ходе обучения русскому языку местных языков. По его мнению, изучения русскими учениками местных языков станет надежной основой межнационального общения и формируемой многонациональной общности. Воронцов видел, что образование «даст нам хороших и способных чиновников из туземцев» и позволит связать «между собой разные сословия местных жителей» (АКАК, 1885: 126). В учебных заведениях, подведомственных Кавказскому учебному округу, наряду с русским языком и грамматикой преподавался и местный язык. Мусульманам вместо закона божьего православного и армяно-григорианского вероисповедания разъяснялись основы их веры. Управление учебного округа было разделено на четыре дирекции: Тифлисскую, Кутаисскую, Ставропольскую и Земли Войска Черноморского. В подчинение двум последним вошли две гимназии (в Ставрополе и Екатеринодаре), 10 окружных, уездных и первоначальных училищ (О новых Положении и Штате, 1853). Формирование Кавказского учебного округа и практика двуязычного образования стали большим шагом к интеграции горской элиты в социокультурное пространство империи и взаимному культурному сближению как горцев и русских, так и различных горских народов между собой. Значимым вкладом в развитие образования стало подготовленное под руководством Воронцова и утвержденное 11 июня 1849 г. «Положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев на счет казны в высших и специальных заведениях империи». Предполагалось, что по окончании образования «кавказские воспитанники», опираясь на полученные знания, проявят себя на государственной службе в качестве лояльных и знающих чиновников, поспособствуют развитию в крае торговли и промышленности (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 24. Отд. 1. № 23307).

Наряду с образовательными учреждениями распространению русского языка и идей просвещения способствовали публичные учреждения культуры — театры и библиотеки. Первая Ставропольская общедоступная библиотека учреждается в 1852 г. и открывает свои двери для всех сословий. В 1862 г. учреждается Владикавказская, а в 1878 г. — Моздокская библиотека (Дзалаева, 2019). Наряду с библиотеками важное значение по имплементации горской элиты в российскую социокультурную среду имели и театры. В 1845 г. открывается Ставропольский, а в 1871 г. — Владикавказский театр. Спектакли проводились на русском языке, что виделось «вернейшим средством к скорейшему ассимилированию инородцев» (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 908. Л. 3), что способствовало «обрусению края и приобщению к русской культуре некогда враждебных горских племен» (НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 21. П. 11. Л. 1).

В период наместничества А.И. Барятинского начиная с 1859 г. учреждаются специальные школы для «образования детей горских племен Кавказа». В горских школах должны были обучаться дети местных народов. В обязательном порядке преподавались русский язык и грамматика, для православных читался закон божий, а мусульман знакомили с основами исламского вероучения. В школах имели возможность совместно обучаться дети горской элиты и мальчики из семей российских чиновников и офицеров, служивших на Кавказе. Школы содержались за государственный счет, их основной задачей стало распространение гражданственности и образования среди «покорившихся мирных горцев» (Об учреждении школ..., 1859: 23-29; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 34. Отд. 2. № 34982). К концу 1860-х гг. за казенный счет содержится семь горских школ с пансионатами, в которых наряду с горцами содержались и русские дети. Развитие образования в среде горцев становится одной из первоочередной мер, способствующих интеграции северокавказских народов в Российскую империю. Сами школы повышают культурное и социально-экономическое значение городов, крепостей и поселений, способствуют привлечению в край учителей и просветителей. При этом наместником кавказским, великим князем Михаилом Николаевичем указывается на необходимость усиления финансового обеспечения «начального народного образования» и интенсификацию мер по распространению просвещения среди местного населения с целью его дальнейшего «цивилизации» (Всеподданнейший отчет..., 1870: 98, 100-101).

В 1867 г. начинается следующий этап в развитии образования на Северном Кавказе. Утверждается Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. В данном положении предписывается средним учебным заведениям строить свою работу на основе Общего устава гимназий и прогимназий. При этом положение указывало только «способ применения его к училищам кавказского края» и определяло «те отступления, которые вызываются местными потребностями». При ставропольской гимназии для горцев предусматривался мусульманский законоучитель, который обучал желающих и татарскому языку. В начальных училищах мусульманский законоучитель также вел чтение и письмо на местном языке. В целом, за исключением ряда случаев, обозначенных в Положении, училища должны были руководствоваться общими для империи правилами (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. Отд. 1. № 44748). Русский язык как основной в процессе обучения в народных училищах был закреплен Положением о начальных народных училищах 1874 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 49. Отд. 1. № 53574). В этих учебных заведениях допускалось применение местных языков как вспомогательного средства при обучении русскому языку. В 1873 г. были утверждены правила для учебных заведений Кавказского учебного округа, предписывавшие проводить обучение горских детей на русском языке уже с первого году. На втором году на все обучение все обучение проходит только на нем (НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70. Л. 5).

В период правления Александра III усиливается роль православной церкви как организатора и координатора народного просвещения. Образовательная политика на Кавказе меняется в сторону полного исключения из образования местных языков и усиления значения православия как духовно-нравственной основы народной жизни. Начиная с 1884 г. начальные приходские школы становятся церковно-приходскими, в них усиливается роль духовенства. Согласно разработанным Святейшим Правительствующим Синодом правилам о церковно-приходских школах основной их целью стало прежде всего утверждение в народе православного учения, «веры и нравственности христианской», затем следовало «сообщать первоначально полезные знания». Обучение производили местные священники либо особо назначаемые учителя и учительницы под наблюдением священника (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 4. № 2318). Церковно-приходские школы, в отличие от мусульманских, субсидируются из казны. При этом официального запрета на открытие мектебе и медресе не устанавливается (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7). Работа русской православной церкви, как и во всей стране, так и на Кавказе, подлежала контролю со стороны государства. В 1860 г. образовательная деятельность церкви в регионе, учреждение школ при церквях для православно-христианского образования детей горцев переходит под начало Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1. № 35897). Основной его задачей стало приобщение детей горских народов к обучению в церковно-приходских школах. Деятельность Общества изначально контролировалась кавказским наместником, но затем в 1885 г. произошло его переподчинение Святейшему Синоду (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 5. № 32726). В его ведомство переходила и существующая при Кавказском учебном округе должность инспектора училищ Общества (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 6. № 3686).

Священнослужители, в том числе горского происхождения, были обязаны, кроме обучения детей, осуществлять миссионерскую деятельность, распространять идеи российской государственности и законопослушания. Церковные учреждения под контролем властей наряду с обучением в церковно-приходских школах занимались просвещением и миссионерством среди горского населения. Церковно-приходские школы внесли значительный вклад в эту деятельность среди горских народов, исповедующих православное христианство. Например, они «сделали русский язык и грамоту среди осетин Владикавказского округа родными» (ЦГА РСФСР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 131. Л. 9).

Результатом усиления роли русского языка в обучении стало сокращение и без того ограниченного применения в нем местных языков. Применение языков горских народов в начальной школе было крайне ограниченным и не получило широкого распространения. В отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1903 г. отмечалось, что более чем в абсолютном большинстве школ (более 90% от общего числа) преподавание ведется на русском языке. В остальных родной язык применялся как вспомогательный. Следствием этого было «неудовольствие как в учениках, так особенно в их родителях... обида своему национальному чувству» (Мироппиев, 1905: 225-226). Подход, согласно которому местные языки должны были применяться в целях лучшего и скорейшего овладения русским языком и другими знаниями, не получил серьезного развития, что воспринималось рядом современников как серьезное упущение. Историк и этнограф И.Н. Смирнов в качестве одного из основных инструментов русификации указывает на школу, преподающую как на русском, так и на местных языках. В круг задач школьного образования детей «инородцев», по его мнению, должно входить распространение русского языка и грамоты, что будет способствовать появлению интереса к русской культуре и станет основой формирования гражданственности и чувства лояльности России. При этом подчеркивается, что «обрусению инородцев» наряду с «колонизацией» способствует и «школа со смешанным языком преподавания» (Смирнов, 1892: 765).

Несмотря на ряд сложностей, административных просчетов и упущений, русский язык в исследуемый период играет все большую роль в мирной интеграции Кавказа, способствует просвещению и социокультурному развитию народов. Роль русского языка в культурно-языковой интеграции и русификации отмечалась учеными, публицистами и руководителями кавказской администрации. Кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков подчеркивал: «правильно поставленная русская народная школа... является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением» (Всепопданнейший отчет..., 1913: 17-18).

Жесткое администрирование образования в регионе и доминирование в нем русского языка не вызывало активных протестов среди горского населения. Более высокое социальное положение образованного человека обеспечивало уважение со стороны соплеменников, превращало образование в социальную ценность, формировало запрос на овладение русским языком и грамотой. Многие горцы рассматривали учебу детей как возможность обеспечить им новые жизненные стратегии и продвижение по карьерной лестнице. Знание русского языка и получение даже начального образования давало возможность занять низшие административные должности, расширяло возможности этнокультурного и экономического взаимодействия с существующими недалеко станицами и городами, людьми иной культуры и традиции. Владение русской грамотой значительно усиливало значимость горца в глазах сельской общины, делало доступнее для него, например, должности писаря, учителя, дьяка и, возможно, священника (Материалы по истории..., 1942: 139). В целом к началу XX в. на Кавказе значительно увеличивается число средних и низших учебных заведений. Например, в Терской области в 1900 г. насчитывалось три средних и 362 начальных учебных заведения (Всепопданнейший отчет..., 1901: 51-52). При этом большинство обучающихся были русскими. Не была решена проблема массового обучения детей горцев, особенно из бедных семей.

Государственная политика внедрения русского языка как государственного в систему административного управления и образования привела к практически полному исключению местных языков из школьного образования. Эти процессы способствовали формированию среди образованных горцев устремлений, направленных на защиту родного языка, культуры, традиций и образа жизни. Деятельность горских образованных слоев по защите родного языка и национальной культуры способствовала тому, что в 1905 г. изменились подходы к организации преподавания в начальных школах. И.И. Воронцов-Дашков обращал внимание на необходимость изменений в школе, направленных на проведение «первоначального обучения на родном его языке»; внедрение образовательных практик, существовавших в период второго Наместничества, предполагавших обучение наряду с русским и «родному языку не только в низших, но и средних школах» (Всепопданнейшая записка..., 1907: 106-107).

Преобразования в образовательной системе, вопросы о необходимости пересмотра и обновления общих узаконений в этой области стали предметом обсуждения в Государственном совете лишь в первой половине 1900-х гг. (Исторический обзор..., 1902: 721-728). В начале XX в. постепенно меняется и отношение к роли и значению религиозного фактора в обществе, оформляется тенденция к большей веротерпимости и формированию нерелигиозных оснований лояльности государству и стране. Так П.А. Столыпин, будучи министром внутренних дел, отмечал: «высшим государственным интересом России» должны стать не только православие, но и другие вероисповедания (ЦГА РД.

Ф. 13. Оп. 1. Д. 322. Л. 20). В 1904–1905 гг. в ряде высочайших указов пересматривались законоположения, определяющие религиозный быт мусульман, наметилась тенденция поиска гражданских основ солидарного общества, способного интегрировать подданных различных конфессий (РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 9–10).

Северный Кавказ являлся регионом, где естественным образом формировались полиэтничные сообщества, объединявшие русских и горцев, православных и мусульман на принципах веротерпимости, уважения к иным культурам, образу жизни и языкам. Ограниченность применения местных языков в системе российского образования на Северном Кавказе было связано как с издержками русификаторской политики, так и с трудностями, связанными с отсутствием условий и механизмов повышения их статуса, нехваткой учебников и квалифицированных педагогов. Государственная администрация в большинстве случаев допускала применение местных языков в системе начального и среднего образования в качестве вспомогательного средства, способствующего обучению русскому языку, принятию православия и формированию гражданской ответственности. Однако ее основные усилия были направлены на внедрение и распространение русского языка в иноязычной и инокультурной среде. По словам И.И. Воронцова-Дашкова, «русская речь... без сомнения является главнейшим фактором объединения разноплеменного коренного населения края с Империей» (Всеподданнейшая записка..., 1907: 103–104).

5. Заключение

Во второй половине XIX в. имперская политика включения народов Северного Кавказа в российское культурно-языковое пространство проводилась по нескольким направлениям. Определяющей была административная русификация, предполагавшая распространение русского языка среди горских народов. Русификация предполагала формирование русскоязычной системы государственного управления и образования, поддержку и распространение православной веры. Наряду с государством Русской православной церкви предписывалось заниматься просвещением и образованием северокавказских народов. На Северном Кавказе, где сравнительно компактно проживали разные народы, говорившие на разных языках, русский язык быстро начинает играть роль языка межнационального общения. Его применение было удобным и не вызывало большого отторжения. Знание русской грамоты было маркером образованности и подчеркивало более высокий общественный статус. Результатом межкультурного взаимодействия во фронтальных зонах стало освоение горцами новых ценностей и приобщение к русской культуре, переход к иным формам хозяйственной деятельности и организации быта, что расширяло возможности торгово-экономических связей и способствовало модернизации региона.

Образовательные и культурные учреждения играли ведущую роль в процессе русификации, привития горцам основ гражданственности и чувства сопричастности России. При этом местные языки недостаточно использовались в системе начального и среднего образования. Подход, предполагавший применение местных языков в процессе обучения, не получил существенного развития. Владение русским языком и грамотой повышало социальный статус горца, открывало новые перспективы личностного роста, позволяло выйти за пределы локальной традиционности и успешно интегрироваться в российское цивилизационное пространство. Наряду с достаточно жесткой линией на интеграцию и русификацию Кавказа российская власть проводила политику, предполагавшую незначительную административную и этнокультурную автономию горских народов. В целом имперская политика способствовала интеграции горских элит в систему государственного управления, привлечению их детей к обучению в формируемых образовательных учреждениях, модернизации всех сфер жизни, культуры и быта. Открытие ряда образовательных и культурных учреждений повышало роль и значение городов и поселений, способствовало формированию в них прослойки образованных людей различных национальностей. Однако большинство горского населения по-прежнему существовало в рамках замкнутых патриархальных общин. Процессы русификации и модернизации в этот период затрагивали их в незначительной степени.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Civilizational foundations of the Russian identity of youth of the North Caucasus: national unity and ethno-confessional specificity” (FSRN-2024-0019).

Литература

АКАК, 1885 – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. 10. Тифлис, 1885. 936 с.

- Албогачиева, 2014 – Албогачиева М.С.-Г. Язык как атрибут власти в контексте ингушско-русского билингвизма // *Символы, атрибуты и образы власти*. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 182-201.
- Всеподданнейшая записка, 1907 – Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. 164 с.
- Всеподданнейший отчет..., 1870 – Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870. 120 с.
- Всеподданнейший отчет..., 1901 – Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г. Владикавказ, 1901. 100 с.
- Всеподданнейший отчет..., 1913 – Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом графа И.И. Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. 36 с.
- Денисова, Уланов, 2003 – Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. 352 с.
- Дзалаева, 2019 – Дзалаева К.Р. Русификация Северного Кавказа в контексте интеграционной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2019. № 33(72). С. 38-50.
- Исторический обзор..., 1902 – Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902 гг. / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902. 840 с.
- Каппелер, 1997 – Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М., 1997. С. 125-144.
- Кобахидзе, 2017 – Кобахидзе Е.И. Интегративные практики Российской империи на Центральном Кавказе в контексте политики «русификации» // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2017. № 4. С. 116-133.
- Кобахидзе, Туаева, 2020 – Кобахидзе Е.И., Туаева Б.В. Язык и политика как проблема современного исторического кавказоведения: историографический аспект // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2020. № 3. С. 36-44.
- Кобахидзе, Туаева, 2023 – Кобахидзе Е.И., Туаева Б.В. Русский язык в социокультурных трансформациях на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2023. 312 с.
- Материалы по истории..., 1942 – Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии / Сост. А.Я. Габеев. Орджоникидзе, 1942. 296 с.
- Миллер, 2002 – Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133-148.
- Миллер, 2006 – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. 248 с.
- Мироппиев, 1905 – Мироппиев М. О применении школьной системы Н. И. Ильминского на Кавказе // *Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев*. СПб., 1905. С. 221-231.
- НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева.
- О новых Положении и Штате, 1853 – О новых Положении и Штате Кавказского учебного округа // *Журнал Министерства народного просвещения*. Часть LXXX. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1853. Отделение I. Действия правительства. С. 29-72.
- Об учреждении школ..., 1859 – Об учреждении школ для образования детей горских племен Кавказа // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1859. Часть CIV. СПб. С. 23-42.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сборник сведений..., 1868 – Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск 1. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1868. 413 с.
- Смирнов, 1892 – Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // *Исторический вестник: историко-литературный журнал*. 1892. Т. 47. С. 752-765.
- Ставропольская православная..., 2011 – Ставропольская православная духовная семинария. Очерк истории старейшей на Кавказе духовной школы. 1846-2011 гг. Ставрополь, 2011. 32 с.
- ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив РСО-Алания.
- Erokhin et al., 2023 – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 821-829.
- Geraci, 2001 – Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia. Ithaca and London, 2001. 408 p.
- Haltzel and al., 1981 – Haltzel M.H., Lundin C.L., Plakans A., Raun T.U. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914. Princeton University Press, 1981. 512 p.

[Malyuga, Tomalin, 2021](#) – Malyuga E.N., Tomalin B. “Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya” as a Source on the History of Public Education in the Caucasus // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1751-1761.

[Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I.* The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2 // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1524-1536.

[Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.V.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1789-1799.

[Pavlenko, 2011](#) – *Pavlenko A.* Linguistic russification in the Russian Empire: peasants into Russians? Russian Linguistics // *International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages*. 2011. Vol. 35(3). Pp. 331-350.

[Weeks, 2004](#) – *Weeks Th.R.* Russification: Word and Practice. 1863-1914 // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2004. Vol. 148(4). Pp. 471-489.

References

[AKAK, 1885](#) – Akty, sobrannyye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissiej (1885). [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 10. Tiflis. 936 p. [in Russian]

[Albogachieva, 2014](#) – *Albogachieva, M.S.-G.* (2014). Yazyk kak atribut vlasti v kontekste ingushsko-russkogo bilingvizma [Language as an attribute of power in the context of Ingush-Russian bilingualism]. Simvoly, atributy i obrazy vlasti. SPb., pp. 182-201. [in Russian]

[Denisova, Ulanov, 2003](#) – *Denisova, G.S., Ulanov, V.P.* (2003). Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokul'turnogo statusa [Russians in the North Caucasus: analysis of the transformation of sociocultural status]. Rostov-on-Don. 352 p. [in Russian]

[Dzalaeva, 2019](#) – *Dzalaeva, K.R.* (2019). Rusifikaciya Severnogo Kavkaza v kontekste integracionnoj politiki Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Russification of the North Caucasus in the context of the integration policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya SOIGSI*. 33(72): 38-50. [in Russian]

[Erokhin et al., 2023](#) – *Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M.* (2023). Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 18(2): 821-829.

[Geraci, 2001](#) – *Geraci, R.P.* (2001). Window on the East: National and Imperial Identities in Late Russia. Ithaca and London. 408 p.

[Haltzel et al., 1981](#) – *Haltzel M.H., Lundin C.L., Plakans A., Raun T.U.* (1981). Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914. Princeton University Press. 512 p.

[Istoricheskij obzor..., 1902](#) – *Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802-1902 gg.* (1902). [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902]. Saint Petersburg. 840 p. [in Russian]

[Kappeler, 1997](#) – *Kappeler, A.* (1997). Mazepincy, malorossy, hohly: ukraincy v etnicheskoj ierarhii Rossijskoj imperii [Mazepas, Little Russians, crests: Ukrainians in the ethnic hierarchy of the Russian Empire]. *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnoshenii*. M., pp. 125-144. [in Russian]

[Kobahidze, 2017](#) – *Kobahidze E.I.* (2017). Integrativnye praktiki Rossijskoj imperii na Central'nom Kavkaze v kontekste politiki «rusifikacii» [Integrative practices of the Russian Empire in the Central Caucasus in the context of the policy of “Russification”]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 4: 116-133. [in Russian]

[Kobahidze, Tuaeva, 2020](#) – *Kobahidze, E.I., Tuaeva, B.V.* (2020). Yazyk i politika kak problema sovremennogo istoricheskogo kavkazovedeniya: istoriograficheskij aspekt [Language and politics as a problem of modern historical Caucasian studies: historiographical aspect]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova*. 3: 36-44. [in Russian]

[Kobahidze, Tuaeva, 2023](#) – *Kobahidze, E.I., Tuaeva, B.V.* (2023). Russkij yazyk v sociokul'turnyh transformacijah na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Russian language in sociocultural transformations in the North Caucasus (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Vladikavkaz. 312 p. [in Russian]

[Malyuga, Tomalin, 2021](#) – *Malyuga, E.N., Tomalin, B.* (2021). “Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya” as a Source on the History of Public Education in the Caucasus. *Bylye Gody*. 16(4): 1751-1761.

[Materialy po istorii..., 1942](#) – *Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii narodnogo obrazovaniya v Osetii* (1942). [Materials on the history of the Ossetian people: Collection of documents on the history of public education in Ossetia]. Ordzhonikidze. 296 p. [in Russian]

[Miller, 2002](#) – *Miller, A.* (2002). Rusifikacii: klassificirovat' i ponyat' [Russification: classify and understand]. *Ab Imperio*. 2: 133-148. [in Russian]

[Miller, 2006](#) – *Miller, A.I.* (2006). Imperiya Romanovyh i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya (2006). [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. M. 248 p. [in Russian]

[Miropiev, 1905](#) – *Miropiev, M.* (1905). O primenenii shkol'noj sistemy N. I. Il'minskogo na Kavkaze [On the application of N. I. Ilminsky's school system in the Caucasus]. *Trudy osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev*. SPb, pp. 221-231. [in Russian]

[Molchanova et al., 2019](#) – *Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I.* (2019). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 2. *Bylye Gody*. 54(4): 1524-1536.

[NA SOIGSI](#) – Nauchnyj arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij im. V.I. Abaeva [Scientific archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaeva]. [in Russian]

[Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.V.* (2021). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 16(4): 1789-1799.

[O novyh Polozhenii i Shtate, 1853](#) – O novyh Polozhenii i Shtate Kavkazskogo uchebnogo okruga (1853). [On the new Regulations and Staff of the Caucasian Educational District]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' LXXX*. SPb: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1853. Otdelenie I. Deistviya pravitel'stva. SPb, pp. 29-72. [in Russian]

[Ob uchrezhdenii shkol..., 1859](#) – Ob uchrezhdenii shkol dlya obrazovaniya detej gorskih plemen Kavkaza (1859). [On the establishment of schools for the education of children of the mountain tribes of the Caucasus]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CIV. Saint Petersburg, pp. 23-42. [in Russian]

[Pavlenko, 2011](#) – *Pavlenko, A.* (2011). Linguistic russification in the Russian Empire: peasants into Russians? *Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages*. 35(3): 331-350.

[PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

[Sbornik svedenij..., 1868](#) – Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (1868). [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Issue 1. Tiflis. 413 p. [in Russian]

[Smirnov, 1892](#) – *Smirnov, I.N.* (1892). Obrusenie inorodcev i zadachi obrusitel'noj politiki [Russification of foreigners and the objectives of Russification policy]. *Istoricheskii vestnik: istoriko-literaturnyi zhurnal*. 47: 752-765. [in Russian]

[Stavropol'skaya pravoslavnaya..., 2011](#) – Stavropol'skaya pravoslavnaya duhovnaya seminariya. Ocherk istorii starejshej na Kavkaze duhovnoj shkoly. 1846-2011 gg. (2011). [Stavropol Orthodox Theological Seminary. Essay on the history of the oldest theological school in the Caucasus. 1846-2011]. Stavropol. 32 p. [in Russian]

[TGA RD](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan].

[TGA RSO-A](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv RSO-Alaniya [Central State Archives of North Ossetia-Alania]. [in Russian]

[Vsepoddannejšhaya zapiska..., 1907](#) – Vsepoddannejšhaya zapiska ob upravlenii Kavkazskim kraem general-ad'yutanta grafa Voroncova-Dashkova (1907). [The most humble note on the administration of the Caucasus region by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. SPb. 164 p. [in Russian]

[Vsepoddannejšhij otchet..., 1901](#) – Vsepoddannejšhij otchet nachal'nika Terskoj oblasti i nakaznogo atamana Terskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti i vojska za 1900 g. (1901). [The most loyal report of the head of the Terek region and the ataman of the Terek Cossack army on the state of the region and troops for 1900]. Vladikavkaz. 100 p. [in Russian]

[Vsepoddannejšhij otchet..., 1913](#) – Vsepoddannejšhij otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom grafa I.I. Voroncova-Dashkova (1913). [The most humble report on the eight years of governance of the Caucasus by Count I.I. Vorontsov-Dashkov]. Saint Petersburg. 36 p. [in Russian]

[Vsepoddannejšhij otchet..., 1870](#) – Vsepoddannejšhij otchet glavnokomanduyushchego Kavkazskoyu Armiej po voenno-narodnomu upravleniyu za 1863-1869 gg. (1870). [The most humble report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on military-people's administration for 1863-1869]. SPb. 120 p. [in Russian]

[Weeks, 2004](#) – *Weeks, Th.R.* (2004). Russification: Word and Practice. 1863-1914. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 148(4): 471-489.

Имперская политика включения народов Северного Кавказа в российское культурно-языковое пространство во второй половине XIX в.

Евгений Александрович Авдеев ^{а, *}, Алексей Михайлович Ерохин ^а,
Сергей Михайлович Воробьев ^а, Сергей Николаевич Бредихин ^а

^а Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Имперская политика второй половины XIX в., направленная на интеграцию Кавказа в социокультурное пространство России, основывалась на распространении русского языка и православной веры, выступавшей идеологической основой государственности. В этот период на Северном Кавказе расширяется российское культурно-языковое пространство, оформляется и развивается образовательная система, открываются первые театры и публичные библиотеки. Распространению русского языка и культуры способствовало развитие системы начального и среднего образования, создание школ, доступных для горского населения. Учебный процесс проводился в основном на русском языке. Местные языки получили в нем ограниченное применение. Наряду с достаточно жесткой линией на интеграцию и русификацию Кавказа проводилась политика, предполагавшая невмешательство в жизнь горских общин. Принимались управленческие решения, исходившие из уважения к религии, языку и культурным традициям коренных народов. Изучение русского языка повышало статус горца в местных сообществах, открывало новые перспективы личностного роста, расширяло пространство межнационального диалога и позволяло выйти за пределы локальной традиционности. Все это формировало заинтересованность народов Северного Кавказа получать образование на русском языке, осваивать русский язык и культуру. Русский язык естественным образом становится основным инструментом переноса элементов российской государственности и русской культуры в многоязычные и поликультурные сообщества северокавказских народов. В целом имперская политика этого периода способствовала включению горских элит в систему государственного управления, привлечению их детей к обучению в формируемых образовательных учреждениях, модернизации всех сфер жизни, культуры и быта. Наиболее активно интеграция и модернизация проходила в городах и фронтальных зонах, где шло активное взаимодействие русского и местных народов. Однако большинство горского населения по-прежнему существовало в рамках замкнутых патриархальных общин и было в незначительной степени затронуто этими процессами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, русификация, русский язык, российская культура, образование, школа, горские народы, православие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1674-1682
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1674

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University

Alexander Cherkas (Aleksandr A. Cherkasov) ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

This work is focused on the representation of Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the museum collection of Cherkas Global University. The materials for this study included the items of material culture (a sword and badges) of the Masonic Order of the Knights Templar which are in Cherkas Global University's collection. Methodologically, use was made of the biographical method, to create a general biographical sketch of the life of F.S. Rogers, and of the historical reconstruction method, to produce a detailed portraiture of the outfit of an officer of Monroe Commandery No. 12 as of 1900.

The study's findings revealed that one of the items of material culture left behind by F.S. Rogers (1847–1908) is the sword (individual No. 007/KT005) currently housed in the museum collection of Cherkas Global University. This sword was manufactured circa the 1880s in his city of residence – Rochester, New York. The study established that the sword's owner was a member of Monroe Commandery No. 12, Knights Templar, stationed at Rochester, New York, and was a Knight at the time of the sword's manufacture. In 1899, F.S. Rogers was elected to the post of Eminent Commander of Monroe Commandery No. 12. He was appointed to the post of Past Eminent Commander in 1900.

Keywords: Frederick Stiles Rogers (1847–1908), biography, Monroe Commandery No. 12, sources of private origin, museum, Cherkas Global University.

1. Introduction

Historians can often get hold of various items of material culture – from materials of private origin (e.g., letters and personal effects) to interior items. All such items of material culture require attribution and conducting a search to produce the most complete picture of the emergence of the source. In other words, additional details and supporting information may be needed for something that is seemingly nondescript to qualify as an object with a rich historical past. This paper considers a ceremonial Masonic sword from the Order of the Knights Templar that used to belong to Frederick S. Rogers, an item of material culture that is currently in the museum collection of Global Cherkas University (individual No. 007/KT005).

2. Materials and methods

In September 2024, the museum collection of Global Cherkas University was enriched by a sword that used to belong to a man named Frederick S. Rogers (individual No. 007/KT005) (Figure 1).

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A. Cherkas)

Fig. 1. F.S. Rogers's sword in the museum collection of Global Cherkas University (individual No. 007/KT005)

The sword has a length of 36 inches. Its blade is 28 inches long. It weighs 2.21 pounds. It belonged to a person of medium height. It is metal throughout, and its handle is made of ivory. The sword's color indicates that its owner was a Knight, inasmuch as the Officers had gilt swords. The initials on the handle match the full name on the scabbard and on the blade, which is testimony to the sword's completeness as a unit (Figure 2).

Fig. 2. Inscriptions on the sword's handle, blade, and scabbard

The piece has all the makings of a ceremonial sword. It is monogrammed, complete with traditional ornamentation and symbology – that of the Masonic Order of the Knights Templar (Figure 3).

Fig. 3. Knights Templar ornamentation, symbology, and monogramming on the sword

These particularities combine to offer testimony to the fact that the sword belonged to a Knight Templar. What is more, the reverse of its ivory handle bears a fairly rare emblem of the Commandery ([Figure 4](#)), whereas most swords of this kind would have just a cross on the reverse.

Fig. 4. Emblem of Monroe Commandery No. 12

The emblem linked the sword to Monroe Commandery No. 12, with ‘KT’ standing for ‘Knights Templar’. Inscribed on the band at the bottom of the emblem is information as to where the Commandery was stationed – Rochester, New York. What is more, the name of that city also appears on the mark of the sword’s manufacturer ([Figure 5](#)).

Fig. 5. Mark of the sword’s manufacturer – Loder MFG Co., Rochester, N.Y.

In other words, it was established where the Commandery was stationed and the sword’s owner resided – the city of Rochester in the state of New York.

This work, written in a narrative genre, relied on the biographical method, which was employed for the purpose of creating a general biographical sketch of the life of F.S. Rogers. Use was also made of the historical reconstruction method to produce a detailed portrait of the outfit of an officer of Monroe Commandery No. 12 as of 1900.

3. Literature review

The historiography on this subject consists of specialized works on the history of Masonic weapons. Of particular note is ‘The American Fraternal Sword’ by Hamilton and colleagues ([Hamilton et al., 2008](#)),

which covers a large number of swords used by various American Masonic orders, giving the reader an initial acquaintance with ceremonial weaponry. Of interest also is J.D. Hamilton's 'Swords of the Masonic Orders' (Hamilton, 1979), which provides data regarding the number of members in the Order of the Knights Templar as of 1897. Another work worthy of mention is M. L. Cummings's 'The Vintage Ceremonial Sword, Knights of Columbus Fourth Degree' (Cummings, 2005).

Mention should also be made of the publication 'Fraternal Swords from the Collections of Jim Kaplan and Joe Marino: An Appreciation', which appeared in *Man at Arms* magazine (Fraternal Swords..., 2005).

Most valuable to this study was M. C. MacDonald's 'Fraternal Regalia I: Knights Templar' (MacDonald, 2008), which is devoted to the actual Order of the Knights Templar and has, among other things, a large section on ceremonial swords.

4. Results

A further search, conducted in the Library of Congress, yielded several books mentioning F.S. Rogers (Masonic Fair..., 1902; Rochester..., 1906; Notable men..., 1902; Peck, 1908; Hakes, Aldrich, 1896). The books contained the full name of the sword's owner – Fred. S. Rogers, born in 1847, with the 'Fred.' being short for Frederick (Peck, 1908: 761). The book on the city of Rochester's most famous residents contained the second name of the sword's owner as well – Stiles (Notable men..., 1902: 321). Thus, the search helped establish the full name of the sword's owner – Frederick Stiles Rogers. A search of the books helped retrieve three photographs (Figures 6–8) and a biography of him.

Fig. 6. Photo of F.S. Rogers (Masonic Fair..., 1902: 17)

Fig. 7. Photo of F.S. Rogers (Notable men..., 1902: 321)

Fig. 8. Photo of F.S. Rogers (Peck, 1908: 761)

The biography of F.S. Rogers from W.F. Peck's 'History of Rochester and Monroe County, New York' is provided below, unabridged:

"FREDERICK S. ROGERS.

Frederick S. Rogers, secretary and treasurer of The John Siddons Company, conducting a roofing and sheet metal business of large proportions in Rochester, was born May 21, 1847, in the city which is yet his place of residence. He is of English lineage, his father, Henry T. Rogers, having been born in London. Emigrating to the United States in his youth, he came direct to Rochester and in his manhood attained considerable distinction as a prominent contractor and builder and as a man active and influential in the affairs of the city. He served as alderman of the third ward for many years and his official labor was of a character that promoted general progress and development, the city benefiting by his co-operation and his practical methods. He died in 1878, while his wife, who bore the maiden name of Eliza Stiles, and was also a native of England, passed away when her son Frederick was but four years of age.

As a student in a private school Frederick S. Rogers acquired his early education, which he continued in Myron G. Peck's school. When his textbooks were put aside he entered the employ of the Evening Express of Rochester, taking charge of the mailing department, where he continued for six years. He next became connected with Pollock & Weaver, hardware merchants, as bookkeeper, and after some years entered the employ of John Siddons as confidential clerk and bookkeeper in 1878. His business worth and capacity being proven, he was admitted to the firm and has since been active in the management of a business which has had a continuous existence in Rochester since 1852. It was established in that year by John Siddons and is the representative house in roofing and sheet metal work, including all kinds of cornice work, ventilating systems and the manufacture of metallic burial caskets, together with the manufacture of boiler breeching and smoke stacks. In 1878 Mr. Siddons was joined by Charles and John O. Vogel. In 1889 the business was incorporated under the name of The John Siddons Company, with Mr. Siddons as president and treasurer; Charles Vogel, vice president; Frederick S. Rogers, secretary; and John O. Vogel, superintendent. The founder of the business, John Siddons, died in August, 1890, after a most active, successful and

honorable career. At this time the following officers were chosen: Charles Vogel, president; John O. Vogel, vice president and superintendent; and Frederick S. Rogers, secretary and treasurer. At the death of John O. Vogel, in December, 1894, Mr. Rogers was elected vice president, secretary and treasurer. The last change in officers was made in 1903, when Charles Vogel was elected president; Frederick S. Rogers, secretary and treasurer; and Theodore J. Vogel, vice president and superintendent. The trustees are Charles Vogel, Frederick S. Rogers, Theodore J. Vogel and Louis C. Vogel, who own all the stock — fifty thousand dollars paid in full. The enterprise was at first located on Main street and removed to the present location in 1890, occupying a large building, which the company owns, at Nos. 61, 63 and 63 North Water street. Both steam and water power is used and employment is furnished to fifty men.

In 1872 Mr. Rogers was married to Miss Emma L. Bennett, a daughter of Stephen D.N. Bennett, for many years owner of the Bennett foundry. Unto Mr. and Mrs. Rogers were born three children, but one is now deceased and Mrs. Rogers died in 1899. The living son, Louis Charles, is now with his father in business. He was born June 16, 1875, and was educated in the public schools and is regarded as an enterprising young business man. He belongs to Valley lodge, No. 109, F. & A. M., and of all branches of Masonry. The daughter, Mrs. Edmund M. Ailing, is also a resident of Rochester.

Mr. Rogers has attained high rank in Masonry, being a member of Valley lodge, No. 109, F. & A. M.; Hamilton chapter. No. 62, R. A. M., in which he has served as high priest and treasurer; Doric council, No. 19, R. & S. M.; Monroe commandery, No. 12, K. T., in which he has served as eminent commander; Rochester consistory, S. P. R. S.; Damascus Temple, A. A. O. N. M. S.; and Lalla Rookh Grotto Veiled Prophets. He has also served as treasurer of the Masonic Club and belongs to the Order of Exempt Firemen (Peck, 1908: 760). In politics he is a republican, giving support to the party on state and national questions, but often casts an independent ballot. He resides at No. 200 Adams street, where he is pleasantly situated in life. He has made a splendid record in Masonic circles, as a citizen and as a business man. Quiet and unassuming in manner, he nevertheless has a host of staunch friends who recognize and appreciate his genuine worth and admire him for what he has accomplished in the business world (Peck, 1908: 763)."

As evidenced by the above text, Frederick S. Rogers, born on May 12, 1847, held in the last quarter of the 19th century an executive position with a firm engaged in a profitable business – roofing (Figure 9).

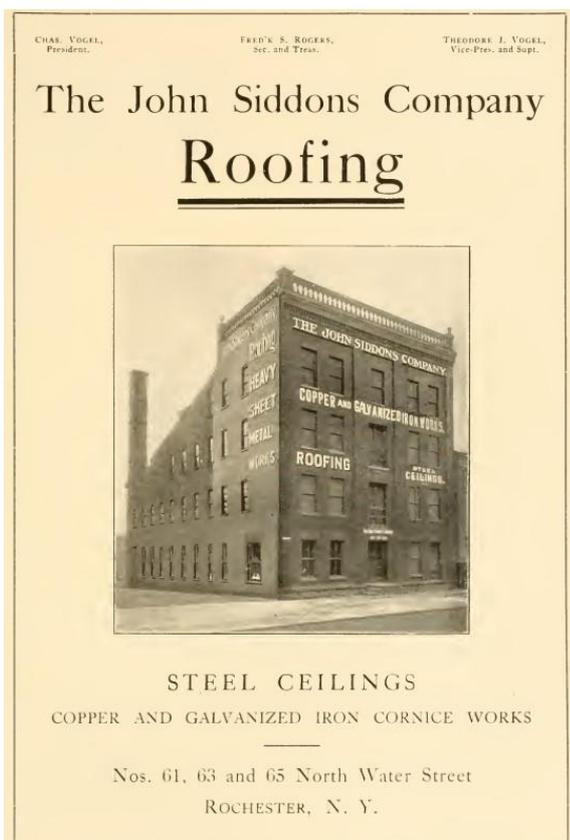

Fig. 9. Advertisement poster for The John Siddons Company, which F.S. Rogers worked for (Rochester..., 1906: 159)

Monroe Commandery No. 12, Knights Templar, stationed at Rochester, New York, was one of the oldest commanderies in that state. It was formed back on June 14, 1826 (Masonic Fair..., 1902: 16). The anti-Masonic sentiment at the time led to the temporary closure of Monroe Commandery in 1839. It resumed

operation on January 28, 1848 ([Masonic Fair..., 1902: 16](#)). The museum collection of Global Cherkas University houses a ribbon from Monroe Commandery No. 12 ([Figure 10](#)).

Fig. 10. Ribbon from Monroe Commandery No. 12 in the Collection of Masonic Knights' Badges at Cherkas Global University. Exhibit No. 006

As far as Sir Frederick S. Rogers's service in Monroe Commandery No. 12, the above biographical sketch just mentions his stint there as Eminent Commander. Additional research helped establish that F.S. Rogers was appointed to the post of Eminent Commander at Monroe Commandery No. 12 in 1899 and that he took on the position of Past Commander there in 1900 ([Masonic Fair..., 1902: 18](#)). Incidentally, based on data from J. D. Hamilton, by 1897 the Knights Templar numbered around 115,000 "swords", as they used to be referred to at the time ([Hamilton, 1979: 25](#)).

Members of the Order of the Knights Templar often included not only adult males but their wives and children as well. For instance, Miss Alice H. Rogers, the wife of Sir Frederick S. Rogers, is known to have served on one of Monroe Commandery's Committees in 1902 ([Masonic Fair..., 1902: 61](#)), and his son, Louis C. Rogers, was one of its three Guards Officers ([Figure 11](#)) ([Masonic Fair..., 1902: 61](#)).

We are jumping ahead for a moment here, but it is worth noting that F.S. Rogers passed away in his 61st year on November 26, 1908. He was buried in Rochester, Monroe County, New York. This was reported in a piece published in the *Rochester Democrat and Chronicle* newspaper on November 28, 1908 ([Death of Frederick S. Rogers, 1908: 17](#)). In 1909, the same newspaper carried a piece entitled 'Degrees Conferred at Masonic Reunion', in which F.S. Rogers, a 32nd-degree Mason, did appear on the list of deceased Masons ([Degrees Conferred..., 1909: 13](#)).

Fig. 11. Knights Templar Guard Officer Jewel in the Collection of Masonic Knights' Badges at Cherkas Global University. Exhibit No. 005

In 1902, the *Masonic Fair Souvenir* booklet carried a photograph of the Officers of Monroe Commandery No. 12 in 1901 (Figure 12).

Fig. 12. Officers of Monroe Commandery No. 12, Knights Templar, in 1901

No members of the Rogers family (neither the father nor the son) appear in it, inasmuch as the Commandery elected its officers on an annual basis. Nevertheless, Figure 12 can give one an idea of what kind of uniform was worn in Monroe Commandery No. 12 at the time. The use of the historical reconstruction method helped provide the necessary source material for producing a portrait of Sir Frederick

S. Rogers, with one eventually painted by artist Lyudmila N. Bogutskaya (born 1979) between September and October 2024 (Figure 13).

Fig. 13. 2024 oil painting of Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) by Lyudmila N. Bogutskaya (born 1979)

The materials collected by Cherkas Global University were used to set up a stand for Sir Frederick S. Rogers in the museum (Figure 14). The stand can also be viewed online on the organization’s Facebook page.

Fig. 14. Stand for Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the museum at Cherkas Global University

5. Conclusion

One of the items of material culture left behind by F.S. Rogers (1847–1908) is the sword (individual No. 007/KT005) currently housed in the museum collection of Cherkas Global University. This sword was manufactured circa the 1880s in his city of residence – Rochester, New York. The study established that the sword's owner was a member of Monroe Commandery No. 12, Knights Templar, stationed at Rochester, New York, and was a Knight at the time of the sword's manufacture. In 1899, F.S. Rogers was elected to the post of Eminent Commander of Monroe Commandery No. 12. He was appointed to the post of Past Eminent Commander in 1900.

References

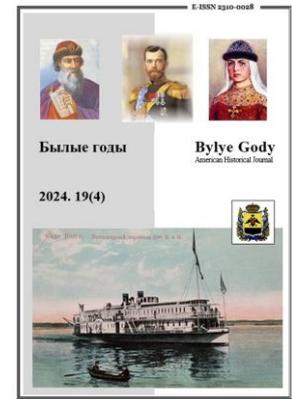
- [Cummings, 2005](#) – *Cummings, M.L.* (2005). The Vintage Ceremonial Sword, Knights of Columbus Fourth Degree. New Haven.
- [Death of Frederick S. Rogers, 1908](#) – Death of Frederick S. Rogers. *Rochester Democrat and Chronicle*. 1908. November 28.
- [Degrees Conferred..., 1909](#) – Degrees Conferred at Masonic Reunion. *Rochester Democrat and Chronicle*. 1909. April 21.
- [Fraternal Swords..., 2005](#) – Fraternal Swords from the Collections of Jim Kaplan and Joe Marino, an Appreciation. *Man at Arms Magazine*. 2005. 27(4).
- [Hakes, Aldrich, 1896](#) – *Hakes, H., Aldrich, L.C.* (1896). Landmarks of Steuben County, New York. Syracuse, N.Y., D. Mason & company.
- [Hamilton et al., 2008](#) – *Hamilton, J.D., Marino, J., Kaplan, J.* (2008). The American Fraternal Sword. Woonsocket.
- [Hamilton, 1979](#) – *Hamilton, J.D.* (1979). Swords of the Masonic Orders. *Man at Arms Magazine*. 1(3): 24-30.
- [MacDonald, 2008](#) – *MacDonald, M.C.* (2008). Fraternal Regalia I: Knights Templar. Boulder Creek.
- [Masonic Fair..., 1902](#) – Masonic Fair Souvenir. Rochester, 1902.
- [Notable men..., 1902](#) – Notable men of Rochester and Vicinity. XIX and XX centuries. 1902.
- [Peck, 1908](#) – *Peck, W.F.* (1908). History of Rochester and Monroe County New York. New York and Chicago.
- [Rochester..., 1906](#) – Rochester chamber of Commerce Publishers. Rochester, 1906.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1683-1693
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1683

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Vice Admiral S.O. Makarov Contribution (1849–1904) to the Russia Consolidation in the Arctic Territories

Anastasia V. Kistova ^a, Aleksandra A. Sitnikova ^a, Anna A. Shpak ^b, Natalya N. Seredkina ^{b,*}

^a Institute of the North and the Arctic, Siberian Federal University, Russian Federation

^b Humanitarian Institute, Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Sergei Osipovich Makarov – shipbuilder, oceanographer, geographer, vice admiral and naval leader of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX centuries. Activities of S.O. Makarova is multifaceted and has high significance from the position of the intellectual Russian Empire in posing and solving problems in the field of domestic northern studies. The article analyzes the fundamental and applied research and educational activities of Vice Admiral S.O. Makarov, associated with the effective development of the Arctic and strengthening the position of the Russian state in this region. Based on the analysis of historical sources using an evidence-based approach, based on the lectures of S.O. Makarov, archival documents (1897–1903), as well as books by S.O. Makarov’s “Analysis of the elements that make up the combat power of ships” (1894) and “Reflections on issues of naval tactics” (1897), the intellectual (fundamental and applied) factors in the development of the Arctic territories, science, technology, and the formation of the Russian Empire are identified. S.O. Makarov’s innovative approaches to the development of domestic shipbuilding and naval tactics are emphasized, which laid the foundation for the further development of Arctic research and the icebreaker fleet for the next centuries. The importance of technical developments is due to the specifics of the Russian North, its complex and severe climatic and natural conditions. The importance of developing new approaches to conducting polar research is assessed, both from the point of view of technical equipment and from the educational and methodological standpoint, including for the training of qualified personnel for naval military affairs. The applied aspects of the northern studies of Vice Admiral S.O. Makarov related to the organization of polar expeditions on the Russian icebreaker Ermak, their results and impact on world and domestic science are considered. The main points of intellectual history in the field of Russian northern studies related to the activities of S. O. Makarov, through studying the history of Russian scientific and technical achievements in shipbuilding, navigation, academic works in the field of oceanography, technology and naval affairs. The discovery in his research of new principles for the development of the harsh Northern and Arctic territories of the Russian Empire is noted.

Keywords: Vice Admiral S.O. Makarov, northern studies, intellectual history, development of the North, the Arctic, the Arctic Ocean, polar research, icebreaker “Ermak”.

1. Введение

Значение трудов и деятельности вице-адмирала Тихоокеанской эскадры Степана Осиповича Макарова трудно переоценить для строительства российского императорского флота. Бесспорно, его личность является одной из самых значительных в этой сфере государственной деятельности. Однако практические проекты вице-адмирала Макарова не должны заслонять его не менее великую роль, которую он сыграл в интеллектуальной истории России своего времени. Предварительный анализ

* Corresponding author

E-mail addresses: nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), kistochka7@mail.ru (A.V. Kistova), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), annahey@gmail.com (A.A. Shpak)

показывает, что С.О. Макаров обладал уникальным стратегическим мышлением, которое он проявил в своих теоретических работах. Интерес к его статьям, запискам и докладам не угасает на протяжении всего XX столетия и возобновляется в нынешнем веке, доказательством чему служат многократные переиздания его работ. В разные периоды истории России его вклад в развитие морской тактики и кораблестроения был оценен в полной мере, а также стала ясной историческая значимость его трудов, так как многие вопросы, ставшие достоянием флотов мира в последующие периоды, впервые ставились и разрабатывались С.О. Макаровым и его последователями. В исследовательской литературе его называют талантливым и всесторонне образованным представителем русского флота последней четверти XIX – начала XX вв. (Макаров, 1942: 3). В 1896 г. ему было присвоено звание вице-адмирала Российского Императорского флота, что является свидетельством признания его выдающихся военно-морских заслуг.

К теоретико-военным достижениям можно отнести тот факт, что Степан Осипович впервые в истории кораблестроения вводит термины «живучесть» и «непотопляемость», разрабатывая эти вопросы и проверяя свои теоретические рассуждения на моделях. Позднее область российского кораблестроения достигнет своего расцвета, во многом опираясь на его разработки.

Под непосредственным руководством вице-адмирала С.О. Макарова был создан первый в мире арктический ледокол «Ермак», построенный на верфи в г. Ньюкасл (Англия) по его проекту и под его личным наблюдением. Ледокол «Ермак» был спущен на воду в октябре 1898 г. Его технические возможности позволяли форсировать тяжелые льды до 2 м. толщиной и впоследствии обеспечивать безопасную проводку судов в Балтийском море во время Великой Отечественной войны. Это судно сегодня называют «дедушкой отечественных ледоколов» (Макаров, 1942: 4).

Среди других значимых достижений в области техники стоит назвать изобретенный С.О. Макаровым наконецник к снаряду, увеличивающий пронизывающую способность. Данная разработка в дальнейшем привела к появлению бронебойного снаряда.

Достойной подражания была и сама личность Степана Осиповича Макарова. Отважный моряк, требовательный и справедливый офицер, постоянно ищущий возможности совершенствования боеспособности судов и морской тактики, проявляющий заботу обо всех членах экипажа, досконально знающий морское дело, он стал примером для многих поколений матросов и офицеров флота. Изучение его деятельности является ценным и значимым для истории развития российской науки.

2. Материалы и методы

2.1 Цель данного исследования состоит в обобщении и систематизации результатов научно-исследовательской и методической деятельности вице-адмирала С.О. Макарова, посвященной изучению Арктики, морской тактике и кораблестроению. В качестве источниковедческих материалов использованы лекции барона Фердинанда Фердинандовича Врангеля и Степана Осиповича Макарова, прочитанные и опубликованные ими в 1897 г., а также архивные документы С.О. Макарова за период 1897-1903 гг., касающиеся арктической тематики, книги С.О. Макарова «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов» (1894 г.) и «Рассуждения по вопросам морской тактики» (1897 г.) в варианте издания 1942 г. Среди архивных документов были изучены письма, отчеты, дневниковые записи С.О. Макарова, письма барона Ф.Ф. Врангеля, Д.И. Менделеева, М.А. Рыкачева, М.П. Васильева, А.Н. Крылова, Д.Н. Анучина, П.П. Семенова. Данные письма были направлены в адрес вице-адмирала в контексте обсуждения вопросов, связанных с североведением, изучением Арктики и освоением этих территорий.

2.2 Ключевым методом исследования выступил историко-описательный метод. Обобщая данные исторических источников и анализируя научно-исследовательскую и методическую деятельность С.О. Макарова, связанную с его полярными исследованиями, авторы данной статьи обосновывают вклад С.О. Макарова в изучение способов и форм закрепления России на арктических территориях в конце XIX – начале XX вв. Данный метод позволяет детально изучить экспедиции под руководством вице-адмирала С.О. Макарова и их результаты. Анализ морской тактики вице-адмирала Степана Осиповича Макарова и его личной переписки обусловлен необходимостью реконструирования его собственной концепции развития арктических территорий Российской империи как стратегически важных для российского государства на геополитической арене и для решения собственных внутривосточных насущных задач.

3. Обсуждение

Неоценимый вклад вице-адмирала Степана Осиповича Макарова заключается в его практической и теоретической деятельности для освоения и закрепления арктических территорий Российской империи. Изучением данной темы в работах С.О. Макарова историки занимаются с позиций экономики, территориального освоения, военной стратегии, естественных и технических наук. Научные труды вице-адмирала публикуются во время его жизни с 1873 по 1904 гг., в том числе официальные отчеты северных экспедиций (Макаров, 1898), таким образом, формируется интеллектуальная история России в аспекте североведения. Изначально интерес вице-адмирала С.О. Макарова как ученого направлен на изучение кораблестроения и океанографии, включая

специфику функционирования течения, проведения гидрологических работ, определение состава и измерения объема воды. Позднее С.О. Макаров исследует военную и военно-морскую тактику, в частности, боевую силу, ее дальность и особенности формирования в условиях военно-морских сражений, создавая ценные методические указания по формированию и обучению служащих военно-морского флота. В контексте его военно-теоретических и североведческих работ следует оценивать отчеты об арктических исследованиях, включая Северный морской путь, Карский морской путь, транспортные пути к Северному Ледовитому океану по рекам Обь и Енисей, и обоснование внедрения систем радиосвязи для освоения Севера и Арктики. С 1904 г. (после героической гибели вице-адмирала) публикуются его биографии, делается оценка деятельности Степана Осиповича в контексте развития военно-морского флота (Врангель, 1913).

На основе данных документов позднее, в середине XX в., теоретическая деятельность вице-адмирала изучалась для систематизации полученных им данных в ходе экспедиций, военно-морских операций, океанографических исследований (Островский, 1954; Болховитинов и др., 1950; Осипов, 1943; Семанов, 1971; Дубравин, 1977). В этих работах историки в основном делают акцент на биографии и военной карьере вице-адмирала. В то же время появляются аналитические исследования его трудов, поскольку в это время продолжается развитие Северного морского пути. Разработки вице-адмирала С.О. Макарова учитываются, расширяются и дорабатываются, на основе его трудов создается новая навигация по северным морям и рекам. Его идеи и стратегические планы используются в качестве основы для дальнейшего изучения северных территорий России.

Начиная с конца XX – начала XXI вв. значение трудов вице-адмирала С.О. Макарова оценивается как фундаментальное для развития военных, географических, океанографических, североведческих наук. Весьма значимым является его вклад в развитие таких областей, как кораблестроение, военная стратегия, навигация, климат, естественные и технические науки (океанография, география, химия, техника и ряд других) (Иванов, 2016; Алехин, Иванов, 2016).

Военные действия вице-адмирала С.О. Макарова в Русско-турецкой (1877–1878 гг.) и Русско-японской (1904–1905 гг.) войнах изучаются с позиций стратегии, тактики и военного оснащения кораблей (Зубов, 2016; Воробьев, Швец, 2021). Участие в морских военных действиях, а также успешное их завершение, позволило позднее обосновать внедрение новых тактических приемов для повышения эффективности боевых операций.

Экономическая составляющая его трудов изучалась в контексте развития Северного морского пути. Разносторонние интересы вице-адмирала историки изучали в аспекте его вклада в исследования природно-климатических условий, ресурсного освоения территорий, например, добычи и транспортировки леса (Гончаров, 2020).

Чаще всего указывается на историческое значение деятельности вице-адмирала С.О. Макарова для российского освоения Арктики, описываются конкретные события, связанные с его участием в северных экспедициях, океанографических исследованиях (Король, 2019; Павлов, 1998; Докучаев и др., 2022). Историками отмечается, что успешное освоение Арктики Российской империей в начале XX в. во многом было обусловлено созданием в 1899 г. и последующей эксплуатацией ледокола «Ермак», а также организацией северных и арктических экспедиций, где Степан Осипович Макаров лично контролировал процесс строительства и способствовал внедрению таких инноваций, как усиление носовой части судна, техническое совершенствование его корпуса. Исследователи указывают, что вместе с новыми технологиями под руководством вице-адмирала Макарова были внедрены новые методы работы в условиях сурового северного климата, основанные на расчете прочности льда, систематизации данных, полученных с помощью организованных наблюдений, в том числе, новых технологий – документирования с применением фотосъемки. Первая экспедиция на ледоколе «Ермак» 1899 г. включала исследование таких отдаленных северных территорий Российской империи, как архипелаг Новая Земля, тем самым закрепляя эти стратегически значимые территории за российским государством.

Таким образом, обсуждение существующих исторических исследований показывает, что интерес к личности вице-адмирала С.О. Макарова и к его трудам на благо Отечества не угасает. Его деятельность относится ко времени бурного развития и возрастающего интереса к освоению северных и арктических территорий Российской империи, включая организацию и проведение ряда арктических и северных экспедиций, разработку навигационных систем, океанографические исследования, спасательные операции. Укрепление позиций Российской империи на мировой арене происходило, в том числе, и за счет достижений российской науки и техники в конце XIX в., эпохальным достижением которых были строительство и использование в стратегических целях ледокола «Ермак» (Христенко, 2023а; Христенко, 2023б).

Идеи и концептуальные разработки вице-адмирала Макарова послужили основой для создания современного ледокольного флота России и оказали значительное влияние на развитие арктического судоходства. Его труды в области отечественного североведения стали важными источниками для последующих ученых и исследователей, работающих в этой области, и заложили основы для комплексного изучения арктических регионов.

Однако исследований обширных и глубоких теоретических трудов вице-адмирала Степана Осиповича Макарова в контексте интеллектуальной истории России, в том числе, в области североведения, недостаточно. В полной мере его роль в данном контексте остается не до конца изученной. Именно этим обстоятельством определяется необходимость дальнейшего изучения научного творчества С.О. Макарова не только в контексте военной науки, но и в контексте северных и арктических исследований в целом.

4. Результаты

4.1. Сочинения С.О. Макарова «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов» и «Рассуждения по вопросам морской тактики» как методический источник для повышения эффективности сражений российского военно-морского флота

Одним из наиболее известных трудов С.О. Макарова является его книга «Рассуждения по вопросам морской тактики», впервые изданная в 1897 г. В ней вице-адмирал подробно излагает принципы и основы подготовки и ведения морских боев в различных условиях: одиночный бой, эскадренное сражение, ночная минная атака. Книга эта была встречена современниками с большим интересом. Издание было повторно выполнено в 1904 г.

С началом Русско-японской войны вице-адмирал С.О. Макаров был назначен командующим флотом 1 февраля 1904 г. Выехав на Дальний Восток, он отправил прошение в министерство с просьбой издать его книги, желая ознакомить личный состав эскадры с принципами новой боевой тактики. Сам автор считал «Рассуждения по вопросам морской тактики» продолжением своей прежней работы «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов». Вместе они составляли единое целостное учебное и методическое пособие по повышению эффективности российского военно-морского флота в условиях боевых действий.

Главную задачу своих трудов автор сформулировал следующим образом: «Необходимо от времени до времени вспоминать о главной задаче, которую должны преследовать все чины, служащие на военном флоте, а именно, приготовить корабли к войне, и при решении вопросов иметь в виду, что мир не вечен, что не для мирного плавания делаются все расходы, сопряженные с содержанием флота, и что если на корабле забывают о войне и плавают исключительно при условиях мирных, то этим самым не исполняется та цель, для коей корабли отправляются в море» (Макаров, 1942: 9).

В книге «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов» вице-адмирал С.О. Макаров определяет требования, которым должен соответствовать каждый боевой корабль: а) быстро и благополучно плавать при всяком состоянии моря и погоды – морские качества; б) наносить неприятелю всеми средствами наибольший вред – наступательные средства; в) выдерживать удары неприятеля с наименьшим для себя ущербом – оборонительные средства (Макаров, 1942: 11-12). Для данного исследования наибольшее значение имеют его разработки по поводу первого требования, так как, опираясь на них, вице-адмирал разработает и воплотит в жизнь концепцию первого в мире арктического ледокола, применение которого позволило Российской империи закрепиться на ее северных территориях.

Среди важных морских качеств судов вице-адмирал С.О. Макаров выделял следующие: ход, проходимое со своим запасом топлива расстояние; поворотливость; остойчивость; способность сохранять ход на большом волнении; способность иметь малую качку.

Для усиления каждого из этих качеств автор дает подробные рекомендации с опорой на практику их применения и с предложением собственных усовершенствований: «Такие приспособления, по моему мнению, следует ввести на всех судах, начиная от корабля и кончая миноносцем, ко всем машинам – будет ли их одна, две или три. Для этого необходимо выработать удобное сочленение гребного вала со вспомогательной машиной и сделать приспособление, чтобы и главная и вспомогательная машины могли удобно сообщаться с гребным валом и разобщаться» (Макаров, 1942: 17).

Данные и другие рекомендации Степан Осипович сопровождает собственными чертежами и рисунками, а также приводит результаты своих опытов с моделями судов. Он разрабатывает подробные методические рекомендации по испытанию судов: «Я также предлагаю, чтобы одновременно с проектированием корабля строилась модель в размере $\frac{1}{4} = 1$ футу, и чтобы на модели этой были практически проделаны различные комбинации наполненных через пробойну отделений» (Макаров, 1942: 65). Подобные предложения вице-адмирал С. О. Макаров вводит не только для кораблестроения, но и для экипажей кораблей: «Третье мое предложение заключается в том, чтобы приучить экипажи кораблей к управлению ими во время аварии» (Макаров, 1942: 66).

Данные и другие инновационные предложения, подробное описание по их практической реализации превратило труд Степана Осиповича в важнейшее учебное и методическое пособие по инженерной и кораблестроительной теории и практике, востребованное в России и за ее пределами (Jones, 1994; Luntinen, Menning, 2005 и др.).

Вторая часть анализируемого сочинения, посвященная морской тактике, стала реальным и востребованным учебником по воспитанию командного состава, управлению командой морских

судов, по теории морского и военно-морского дела в целом. Данная работа обобщает опыт не только самого вице-адмирала Макарова, но и других военно-морских теоретиков.

Морскую тактику вице-адмирал С.О. Макаров понимал как «науку о морском бое» (Макаров, 1942: 97) и в этом ключе он выстроил свой труд «Рассуждения по вопросам морской тактики». Первая глава посвящена рассуждению о предмете морской тактики и различным взглядам на нее. Далее в следующих трех главах Степан Осипович разбирает проблемы образования в сфере морской тактики. Отдельная глава посвящена военно-морской педагогике в целом, еще одна глава – самообразованию и самовоспитанию морских офицеров, отдельная глава – обучению личного состава в плавании. Следующие девять глав рассматривают отдельные элементы, этапы и условия морских боев. Последняя 14-я глава представляет собой рекомендации для дальнейшего развития морских наук, занимающихся проблемами совершенствования морского дела во всех аспектах.

Представленные два труда вице-адмирала С.О. Макарова имели основополагающее значение не только для совершенствования отечественного флота в боевых условиях, но и для развития морской науки и северного мореплавания в целом, так как, проектируя суда для северных морей и экспедиций, вице-адмирал опирался именно на те принципы, которые сформулированы в этих двух книгах.

Для интеллектуальной истории Российской империи конца XIX – начала XX вв. эти исследования имели значение не только в контексте военно-морской науки, но и в контексте репрезентации важнейших принципов науки в целом, связанных с неразрывностью теории и практики. Концептуальные и идейные формулировки, связанные с достижением победы в военно-морских сражениях, преобразуются в ряд практических рекомендаций, основанных на собственных опытах С.О. Макарова, и в дальнейшем – в формулировку новых стратегических задач, решение которых должно усиливать позиции России на Севере и в Арктике. Эти же принципы были применены и для полярных исследований Степана Осиповича, внесших существенный вклад в развитие отечественного североведения.

4.2. Полярные исследования вице-адмирала С.О. Макарова в конце XIX – начале XX вв.

Одно из ведущих направлений деятельности вице-адмирала Степана Осиповича Макарова было связано с научными исследованиями Северного Ледовитого океана, а также с изучением примыкающих к нему акваторий и территорий. Данная тематика североведческих исследований соответствовала общемировым тенденциям и являлась актуальной и значимой как для науки в целом, так и для реального закрепления Российской империи на ее арктических территориях. Как отмечал вице-председатель Императорского Русского географического общества Петр Петрович Семенов в письме к С.О. Макарову от 1903 г., «...изучение Севера и в частности Ледовитого океана за последнее время привлекает внимание ученых всего мира, и России в этом стремлении удовлетворить пытливість человеческого ума принадлежит видная роль» (С.О. Макаров: документы, 1960: 446).

Особенно значимым для истории арктических исследований в России стал период 1897–1903 гг., когда под руководством С.О. Макарова впервые была осуществлена успешная попытка преодоления полярных льдов с помощью специально разработанного для плавания в Северном Ледовитом океане ледокола «Ермак». В результате совершенных под руководством вице-адмирала С.О. Макарова полярных экспедиций в 1899 и 1901 гг. по акватории Северного Ледовитого океана были получены уникальные комплексные научные данные об арктических регионах Империи.

С 1892 г. Степан Осипович Макаров начинает заниматься вопросом возможности прохождения полярных льдов с помощью ледокола (С.О. Макаров: документы, 1960). С 1893 г. он подробно изучает экспедиции к Северному полюсу и обнаруживает, что технология их проведения устарела по отношению к существующим на тот момент достижениям прикладной науки и техники, которые позволяют организовывать подобные экспедиции на более высоком уровне и получать иные результаты. Большая роль в этом отводилась такому типу судна, как ледокол, применение которого было уже известно в конце XIX в. как за рубежом, так и в России. Несмотря на достаточно широкую практику применения ледоколов в практических целях, до конца XIX в. ледоколы не рассматривались и не применялись для освоения Арктики. Вице-адмирал С.О. Макаров в этом отношении является бесспорным новатором, предложившим постройку ледокола специально для изучения еще не описанных наукой регионов, связанных с Северным Ледовитым океаном. Помимо сугубо научной ценности, идея С.О. Макарова имела беспрецедентно высокое стратегическое значение для Российской империи в конце XIX – начале XX вв., предопределив геополитическое лидерство России в этих регионах в последующие столетия (С.О. Макаров: документы, 1960).

С 1897 г. С.О. Макаров начинает активно изучать все материалы, касающиеся вопросов строительства ледоколов, их эксплуатации, а также физических свойств льда. Одновременно он участвует в обсуждении данного вопроса с представителями Морского министерства, Императорского Русского географического общества и с членами Императорской Академии наук, выступая с лекциями по истории исследования Арктики и обсуждая новые технологические возможности ее освоения. Лекции были опубликованы в ежемесячном журнале «Морской сборник» (1897) и вышли отдельной брошюрой под названием «Об исследовании Северного Ледовитого океана» (1897). Помимо лекции С.О. Макарова, в брошюре опубликован текст лекции барона Ф.Ф. Врангеля, который

активно поддерживал вице-адмирала на всех этапах реализации его замысла по новому освоению Арктики (Врангель, Макаров, 1897). В своей лекции барон Ф.Ф. Врангель подробно описал историю развития полярных исследований и особенности Северного Ледовитого океана. Лекция С.О. Макарова была посвящена обобщению технических достижений в области пароходного дела. Ученый-северовед С.О. Макаров отмечает, что строительство и использование ледоколов – это не только новое направление в области техники, но и то великое дело, которое зародилось именно в России. Он обращается к истории использования ледоколов, указывая, что первым, кто осуществил попытку борьбы со льдом в 1864 г., был кронштадтский купец и судовладелец Михаил Осипович Бритнев (1822–1899) (Врангель, Макаров, 1897: 20). В России ледокол был впервые построен в 1891 г. в г. Николаеве. В 1892 г. был построен ледокол для Владивостокского порта. Впоследствии ледоколы были построены для акваторий Саратовской губернии и о. Байкал. Благодаря этому во Владивостоке и в Николаеве открыто пароходное сообщение круглый год, а перевозки через о. Байкал стали возможны как летом, так и зимой.

Особенно значимым, по мысли С.О. Макарова, стал ледокол, построенный для Байкала, который был сделан «согласно последнему слову науки...» (Врангель, Макаров, 1897: 23). В своей лекции С.О. Макаров обосновывает свою концепцию о возможности применения ледоколов к проходу по Северному Ледовитому океану. Рассматривая существующие и известные науке особенности ледяного покрова и торосов, С.О. Макаров приходит к выводу, что торосы вполне могут быть преодолимы, равно как и сам ледяной покров. Для этого ученый-северовед называет несколько факторов, которые могут влиять на успешность прохождения судна через льды: время года и фактор растрескивания. Проход суден по Северному Ледовитому океану, по мысли С.О. Макарова, обоснован потребностями науки о Севере и практическими задачами государственного строительства Российской империи и ее эффективного социально-экономического развития, что должно положительно повлиять на развитие сибирского макрорегиона и его промышленности. Среди причин государственной необходимости строительства ледоколов была названа также закрытость в зимнее время портов Санкт-Петербурга для пароходного сообщения. С.О. Макаров пишет: «при посредстве ледоколов можно было бы установить еженедельные зимние рейсы грузовых пароходов в Петербург и обратно и таким образом дать Петербургу правильное зимнее пароходное сообщение, в котором он сильно нуждается, как многолюдный город и ближайший морской порт к Москве и ко всему нашему богатому мануфактурному району» (Врангель, Макаров, 1897: 39-40).

В завершении своей лекции С.О. Макаров формулирует целостное североведческое обоснование необходимости постройки ледокола по трем направлениям: «1) научное исследование всего Ледовитого океана, на котором огромная область 2 т. верст длиною и 1,5 т. шириною ни разу не была посещена ни одни путешественником; 2) открытие правильного грузового пароходного сообщения с Обью и Енисеем в летнее время; 3) открытие правильного грузового пароходного сообщения с Петербургом в зимнее время» (Врангель, Макаров, 1897: 40). В совокупности данные направления, которые С.О. Макаров назвал «крупными делами», имели важнейшее значение как для России в ее решении общегосударственных задач, так и для мирового научного североведческого сообщества в целом.

Для самого С.О. Макарова большое значение в деле освоения Арктики имела научная североведческая составляющая. Понимая всю важность создания ледокола для улучшения условий прохождения через Карское море, С.О. Макаров научно обосновывает возможность проведения исследований Северного Ледовитого океана с помощью ледоколов (Макаров, 1898). Поэтому большое значение сам С.О. Макаров придавал научным североведческим аспектам при подготовке полярных экспедиций, осуществленных под его руководством. В обязательном порядке в комиссию по обсуждению типа ледокола входили известные российские ученые. Особую поддержку при проведении полярных исследований С.О. Макарову оказали всемирно известные русские исследователи и академики Дмитрий Иванович Менделеев, Александр Николаевич Крылов и Василий Васильевич Докучаев.

Основываясь на подробном анализе ледяного покрова, а также опираясь на мнения специалистов-североведов, в частности, знаменитого шведского исследователя Арктики Н.А.Э. Норденшильда, норвежских путешественников и исследователей О. Свердрупа и С. Скотт-Гансена, С.О. Макаров был убежден, что ледяной покров не представлял «более непреодолимого препятствия к судоходству» (Врангель, Макаров, 1897: 40). С.О. Макаров впервые предложил использовать для прохождения через полярные льды стальные корабли. Данная идея была поддержана министром финансов Российской империи Сергеем Юльевичем Витте, что в значительной степени повлияло на реализацию проекта постройки ледокола в кратчайшие сроки.

Ввиду того, что полярные исследования С.О. Макарова отличались своим новаторским характером, они решали также и глобальные по своей значимости задачи. Во-первых, главнейшей задачей признавалось исследование «самого ледокола применительно к полярным льдам...» (С.О. Макаров: документы, 1960: 371). Во-вторых, подчеркивалась необходимость изучения полярных льдов Карского моря и части Северного Ледовитого океана, «льды которого при стечении некоторых метеорологических условий надвигаются в Карское море и в особенности к выдающимся мысам сибирского побережья» (С.О. Макаров: документы, 1960: 371). Данные задачи предопределили

программу научных североведческих наблюдений С.О. Макарова во время экспедиции на ледоколе «Ермак». В записке С.О. Макарова и Д.И. Менделеева на имя С.Ю. Витте об исследовании Северного Ледовитого океана доказывалась необходимость следующих видов североведческих исследований:

1. Астрономические наблюдения, определение широт и долгот различных точек.
2. Магнитные наблюдения, определение в различных местах всех элементов земного магнетизма.
3. Метеорологические ежечасные наблюдения.
4. Определение силы тяжести посредством наблюдения над качаниями маятника в различных точках как на твердой земле, так и на больших ледяных полях.
5. Гидрологические наблюдения будут состоять в определении глубин и свойств воды на различных глубинах. <...> будут делаться всесторонние исследования над механическими и химическими свойствами льда и над размещением льда в торогах. <...>
6. Биологические наблюдения будут заключаться в исследовании предметов, добываемых морскими тралями.
7. Химические исследования будут заключаться в исследовании состава воды с разных глубин, льда в разных его состояниях и пород, извлекаемых со дна и собираемых на берегах, к которым будут приставать» (С.О. Макаров: документы, 1960: 371-372).

В результате пробного рейса ледокола «Ермак» в 1899 г., когда судно дошло до Кронштадта, уже были получены важные результаты, имеющие отношение как к расширению существующих научных знаний в области североведения, так и в области технического усовершенствования конструкции ледокола.

Полярная экспедиция под руководством вице-адмирала С.О. Макарова позволила собрать «большой материал по ледоведению, глубоководным и магнитным исследованиям...составлена карта Новой Земли от Сухового Носа до Адмиралтейства» (С.О. Макаров: документы, 1960: 435). Кроме этого, российская североведческая наука получила новые уникальные данные об особенностях полярного льда в Северном Ледовитом океане и его физико-химических свойствах. В частности, была отмечена зависимость льдов от их расположения относительно моря. Близость льдов к морю наделяла их большей подвижностью и хрупкостью при столкновении с ледоколом. В свою очередь, «действие льда на корпус оказалось значительно сильнее, чем в Балтийском море... Была измерена глубина, определены температура и удельные веса на разных глубинах, обмерена толщина льда в разных местах и произведено исследование физических свойств льда» (С.О. Макаров: документы, 1960: 383).

Подробное описание наблюдаемых состояний полярного льда, его толщины представлено в отчете С.О. Макарова на имя С.Ю. Витте о первом пробном плавании ледокола «Ермак» в Арктике. В данном отчете отмечается наличие в Северном Ледовитом океане разных по времени образования льдов, а именно как однолетних, так и многолетних, фиксируется неоднородность покрытия их снегом. Наблюдения поверхности льда, согласно отчету, были зафиксированы в глазомерной карте инженером Константином Алексеевичем Цветковым (С.О. Макаров: документы, 1960: 383; Шендереф, 2014).

В положениях, сформулированных С.О. Макаровым, даны рекомендации для последующих экспедиций в акватории Северного Ледовитого океана, согласно которым отмечается необходимость постоянного мониторинга состояния льда, включая его физико-химические свойства. Так, при условии, когда лед не находится в состоянии сжатия, согласно С.О. Макарову, движение ледокола через льды возможно. Таким образом, североведческие исследования вице-адмирала С.О. Макарова всегда имеют комплексный характер, объединяя данные, полученные с помощью фундаментального естествознания. Без такой принципиальной комплексности достижение высоких позиций в мировой североведческой науке, скорее всего, было бы труднодостижимым.

С.О. Макаровым было сделано значительное количество фотографических и кинематографических изображений различных состояний льда и идущего сквозь полярные льды судна «Ермак», что имело большую ценность для истории российской науки и техники и служило доказательством ее первенства в сложнейших географических исследованиях.

Два пробных плавания ледокола в Северный Ледовитый океан позволили С.О. Макарову существенно скорректировать конструкцию ледокола в соответствии с особенностями полярных льдов и траектории их ломки ледоколом. В частности, С.О. Макаров предложил новые технические решения для переделки носовой части судна, чтобы удлинить и укрепить добавочными креплениями корпус ледокола с целью более эффективного его прохождения через льды (С.О. Макаров: документы, 1960: 391). Кроме того, им были сделаны практически значимые рекомендации по постройке второго ледокола, касающиеся степени крепости и наклона бортов.

Наконец, полярные исследования под руководством вице-адмирала С.О. Макарова изменили сам подход в принципе к их организации и проведению (С.О. Макаров: документы, 1960). Помимо того, что полярные исследования могли проводиться непосредственно с самого борта ледокола, появилась также возможность осуществлять доставку исследователей на только что открытые земли со всем необходимым оборудованием. Благодаря этому сформировалась возможность осуществлять

североведческие исследования на ранее недоступных территориях островов архипелагов Новой Земли, Семи островов, лежащих к северу от архипелага Шпицберген.

Полученные в ходе полярных исследований результаты имели большую научную ценность не только для российского, но и для мирового североведения. Доказательством этому служит приглашение вице-адмирала для чтения лекций по результатам исследований в Манчестер, Ливерпуль и Эдинбург.

Результаты исследований акватории Северного Ледовитого океана были озвучены С.О. Макаровым в ходе лекции, прочитанной им перед членами Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также перед представителями Императорского русского географического общества в Москве. Проведение подобных мероприятий свидетельствует о значимости научных результатов и желании их распространять и популяризировать. Полученные научные результаты должны быть обязательно доведены до всех, кто заинтересован в развитии данной науки.

Помимо собственно академических результатов, ценен инженерный опыт Степана Осиповича и в проектировании конструкции ледокола, о чем свидетельствуют поступающие к нему просьбы зарубежных ученых составить им проект ледокола для их будущих арктических исследований. Как заметил президент Французского географического общества принц Ролан Бонапарт в письме к С.О. Макарову, «полярные исследования будут иметь отныне в своем распоряжении новое средство проникновения вглубь льдов, а морские сообщения России получают новый толчок, открыв торговле пути, до сих пор закрытые в течение почти года. Вы сослужили службу сразу и делу науки, и делу экономического развития Вашей родины» (С.О. Макаров: документы, 1960: 415).

5. Заключение

Труды и деятельность вице-адмирала Степана Осиповича Макарова внесли весомый вклад в развитие морской науки и тактики, кораблестроения и военно-морского образования в России, оказав значительное влияние на мировую практику и теорию в области североведения. Наиболее важен и общепризнан научно-исследовательский и методический вклад С.О. Макарова в развитие русского ледокольного флота, особенно для освоения и исследования арктических территорий и акваторий.

Проведенное исследование расширяет оценку деятельности вице-адмирала Степана Осиповича Макарова и показывает ее значимость для интеллектуальной истории России конца XIX – начала XX вв. Научные труды С.О. Макарова являются основой отечественного североведения, сочетающего как фундаментальные принципы, так и практическую направленность. Результатом научного североведения является укрепление российской государственности на труднодоступных северных территориях.

Результаты полярных исследований С.О. Макарова способствовали развитию отечественного североведения по широкому спектру направлений: от экономико-географических до физико-химических и инженерно-технических. Большую роль в развитии арктического направления в науке сыграла практика развития и модернизации ледоколов, осуществленная непосредственно С.О. Макаровым в к. XIX – нач. XX вв.

Полученные данные позволили закрепить за Российской империей первенство в изучении приполярной Арктики, а также ее лидерство в освоении арктических территорий.

Благодаря исследовательской деятельности С.О. Макарова в к. XIX – нач. XX вв. российская североведческая наука достигла значительных успехов и утвердилась на самом высоком мировом уровне, создав базу для североведения в последующие периоды российской интеллектуальной истории.

Литература

Алехин, Иванов, 2016 – Алехин И.А., Иванов В.П. Нравственный элемент в руках адмирала С.О. Макарова // *Мир образования – образование в мире*. 2016. № 4(64). С. 14-18.

Болховитинов и др., 1950 – Болховитинов В., Буянов А., Захарченко В., Остроумов Г. Рассказы о русском первенстве / Под общей редакцией В. Орлова. М.: Молодая гвардия. 1950. 421 с.

Врангель, 1913 – Врангель Ф. Отрывки из биографии Степана Осиповича Макарова // *Морской сборник*. Т. 377, № 8 / и. д. редактора – лейтенант К. Житков. М.: Типография Морского министерства, в Главном Адмиралтействе. 1913. 322 с.

Врангель, Макаров, 1897 – Врангель Ф.П., Макаров С.О. Об исследовании Северного Ледовитого океана: лекции. Санкт-Петербург: тип. Морского Министерства. 1897. 40 с.

Гончаров, 2020 – Гончаров А.Е. Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесозэкспорт с Енисея // *Исторический курьер*. 2022. № 3(23). С. 62-76. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-5

Докучаев и др., 2022 – Докучаев А.Я., Лобанов К.В., Гурбанов А.Г., Кулаков Ф.В., Курдюков Е.Б., Чичеров М.В., Мясников А.В. Полярные исследования в условиях климатических изменений (Часть 1. XVI век – начало XX века) // *Вестник Владикавказского научного центра*. 2022. Т. 22. № 2. С. 56-73. DOI: 10.46698/VNC.2022.55.23.001

[Дубравин, Шломин, 1977](#) – Дубравин А.И., Шломин В.С. Деятельность вице-адмирала С.О. Макарова в судостроении / Под общ. ред. А.И. Дубравина; науч. ред. В.С. Шломин. Ленинград: Судостроение, 1977. 252 с.

[Зубов, 2016](#) – Зубов А.Ю. Факторы поражения российского императорского флота в русско-японской войне 1904-1905 гг.: вице-адмирал С.О. Макаров и Тихоокеанская эскадра // *Успехи современной науки и образования*. 2016. № 7. Т. 3. С. 143-146.

[Иванов, 2016](#) – Иванов А.В. Адмирал С. О. Макаров о нравственных основах подготовки защитников Отечества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2016. № 2. С. 92-97.

[Король, Стефашов, 2019](#) – Король В.В., Стефашов А.Е. Вице-адмирал С. О. Макаров об освоении Северного морского пути // *Вестник Тюменского индустриального университета*. 2019. № 12. С. 225-227.

[Макаров, 1898](#) – Макаров С.О. Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению Министра финансов С. Ю. Витте, морского пути на реки Обь и Енисей. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1898. 81 с.

[Макаров, 1942](#) – Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. Москва, 1942. 332 с.

[Осипов, 1943](#) – Осипов К. Адмирал Макаров. [Москва]: ОГИЗ Госполитиздат, 1943. 109 с.

[Островский, 1954](#) – Островский Б.Г. Адмирал Макаров. Москва: Воениздат, 1954. 320 с.

[Павлов, 1998](#) – Павлов Н.И. Адмирал Степан Осипович Макаров и исследование Тихого океана // *Журнал*. 1998. № 28. С. 128-130.

[Русско-Японская война, 1910](#) – Русско-Японская война 1904-1905 гг. Том I. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1910. 878 с.

[С.О. Макаров: документы, 1960](#) – С.О. Макаров: документы. Т. 2. Ред. В.С. Шломин. М.: Военное издательство министерства обороны союза ССР, 1960. 781 с.

[Семанов, 1972](#) – Семанов С.Н. Макаров: [флотоводец]. М.: Молодая гвардия, 1972. 287 с.

[Христенко, 2023a](#) – Христенко В. Н. Вице-адмирал С. О. Макаров. Т. 1. М.: Русский путь, 2023. 600 с.

[Христенко, 2023b](#) – Христенко В. Н. Вице-адмирал С. О. Макаров. Т. 2. М.: Русский путь, 2023. 380 с.

[Шендерей, 2014](#) – Шендерей Е.А. Дневник К.А. Цветкова, участника 1-го плавания ледокола «Ермак» в полярные льды // *Полярные чтения на ледоколе «Красин»*. 2014. Т. 1. С. 121-130.

[Jones, 1994](#) – Jones D.R. Admiral S.O. Makarov and Naval Theory // *Naval War College Review*. 1994. № 47 (1). P. 68-86.

[Luntinen, Menning, 2005](#) – Luntinen P., Menning B.W. The Russian Navy at War, 1904-05 // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*. 2005. № 1. Pp. 229-259.

References

[Alehin, Ivanov, 2016](#) – Alehin, I.A., Ivanov, V.P. (2016). Nравstvenny element v rukakh admirala S.O. Makarova [The moral element in the hands of Admiral S.O. Makarov]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 4(64): 14-18. [in Russian]

[Bolkhovitinov i dr., 1950](#) – Bolkhovitinov, V., Buyanov, A., Zakharchenko, V., Ostroumov, G. (1950). Rasskazy o russkom pervenstve [Stories about Russian Primacy]. Pod obshchei redaktsiei V. Orlova. M.: Molodaya gvardiya. 421 p. [in Russian]

[Dokuchaev i dr., 2022](#) – Dokuchaev, A.Y., Lobanov, K.V., Gurbanov, A.G., Kulakov, F.V., Kurdjukov, E.B., Chicherov, M.V., Myasnikov, A.V. (2022). Polyarnye issledovaniya v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy (Chast' 1. XVI vek – nachalo XX veka) [Polar Research in the Context of Climate Change (Part 1. XVI Century – Early XX Century)]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. 22(2): 56-73. DOI: 10.46698/VNC.2022.55.23.001 [in Russian]

[Dubravin, Shlomin, 1977](#) – Dubravin, A.I., Shlomin, V.S. (1977). Deyatel'nost' vitse-admirala S.O. Makarova v sudostroenii [Activities of Vice-Admiral S.O. Makarov in Shipbuilding]. Pod obshch. red. A.I. Dubravina; nauch. red. V.S. Shlomin. Leningrad: Sudostroenie. 252 p. [in Russian]

[Goncharov, 2020](#) – Goncharov, A.E. (2022). Admiral S.O. Makarov i karskiy morskoy put': pervaya popytka organizovat' lesoeksport s Eniseya [Admiral S.O. Makarov and the Kara Sea Route: The first attempt to organize wood export from the Yenisei]. *Istoricheskiy kur'er*. 3(23): 62-76. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-3-5 [in Russian]

[Hristenko, 2023a](#) – Hristenko, V.N. (2023). Vice-admiral S.O. Makarov [Vice Admiral S.O. Makarov]. Т. 1. М.: Russkij put', 600 p. [in Russian]

[Hristenko, 2023b](#) – Hristenko, V. N. (2023). Vice-admiral S.O. Makarov [Vice Admiral S.O. Makarov]. Т. 2. М.: Russkij put', 380 p. [in Russian]

[Ivanov, 2016](#) – Ivanov, A.V. (2016). Admiral S.O. Makarov o нравstvennykh osnovakh podgotovki zashchitnikov Otechestva [Admiral S.O. Makarov on the moral foundations of preparing the defenders of the

- Fatherland]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2: 92-97. [in Russian]
- Jones, 1994 – Jones, D.R. (1994). Admiral S.O. Makarov and Naval Theory. *Naval War College Review*. 47 (1): 68-86.
- Korol, Stefashov, 2019 – Korol, V.V., Stefashov, A.E. (2019). Vitse-admiral S.O. Makarov ob osvoenii Severnogo morskogo puti [Vice-Admiral S.O. Makarov on the development of the Northern Sea Route]. *Vestnik Tyumenskogo industrial'nogo universiteta*. 12: 225-227. [in Russian]
- Luntinen, Menning, 2005 – Luntinen, P., Menning, B.W. (2005). The Russian Navy at War, 1904-05. The Russo-Japanese War in Global Perspective. *World War Zero*. 1: 229-259.
- Makarov, 1898 – Makarov, S.O. (1898). Otchet vitse-admirala Makarova ob osmotre im letom 1897 goda, po porucheniyu Ministra finansov S.Yu. Vitte, morskogo puti na reki Ob' i Enisey [Report of Vice-Admiral Makarov on his inspection in the summer of 1897, on the instructions of the Minister of Finance S.Yu. Witte, of the sea route to the Ob and Yenisei rivers]. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma. 81 p. [in Russian]
- Makarov, 1942 – Makarov, S.O. (1942). Rassuzhdeniya po voprosam morskoy taktiki [Reflections on Naval Tactics]. M. 332 p. [in Russian]
- Osipov, 1943 – Osipov, K. (1943). Admiral Makarov. [Moscow]: OGIz Gospolitizdat. 109 p. [in Russian]
- Ostrovsky, 1954 – Ostrovsky, B.G. (1954). Admiral Makarov. Moscow: Voenizdat. 320 p. [in Russian]
- Pavlov, 1998 – Pavlov, N.I. (1998). Admiral Stepan Osipovich Makarov i issledovanie Tikhogo okeana [Admiral Stepan Osipovich Makarov and the exploration of the Pacific Ocean]. *Zhurnal*. 28. Pp. 128-130. [in Russian]
- Russko-Yaponskaya voyna, 1910 – Russko-Yaponskaya voyna 1904-1905 gg. Tom I. Sobytiya na Dal'nem Vostoke, predshestvovavshie voyne, i podgotovka k etoy voyne [Russo-Japanese War 1904-1905. Volume I. Events in the Far East preceding the war and preparation for this war]. Sankt-Peterburg: tip. A.S. Suvorina. 878 p. [in Russian]
- S.O. Makarov: dokumenty, 1960 – S.O. Makarov: dokumenty [S.O. Makarov: documents]. T. 2. Red. V.S. Shlomin. M.: Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony soyuza SSR, 781 p. [in Russian]
- Semanov, 1972 – Semanov, S.N. (1972). Makarov: [flotovodets] [Makarov: [admiral]]. M.: Molodaya gvardiya. 287 p. [in Russian]
- Shenderej, 2014 – Shenderej, E.A. (2014). Dnevnik K.A. Cvetkova, uchastnika 1-go plavaniya ledokola «Ermak» v polyarnye l'dy [The diary of K.A. Tsvetkov, a participant in the 1st voyage of the icebreaker Ermak to the polar ice]. *Polyarnye chteniya na ledokole «Krasin»*. 1: 121-130. [in Russian]
- Vrangel, 1913 – Vrangel, F. (1913). Otryvki iz biografii Stepana Osipovicha Makarova [Excerpts from the Biography of Stepan Osipovich Makarov]. *Morskoy sbornik*. 377(8). Ed. by Lieutenant K. Zhitkov. M.: Tipografiya Morskogo ministerstva. 322 p. [in Russian]
- Vrangel, Makarov, 1897 – Vrangel, F.P., Makarov, S.O. (1897). Ob issledovanii Severnogo Ledovitogo okeana: lektsii [On the study of the Arctic Ocean: lectures]. Sankt-Peterburg: tip. Morskogo ministerstva. 40 p. [in Russian]
- Zubov, 2016 – Zubov, A.Yu. (2016). Faktory porazheniya rossiyskogo imperatorskogo flota v russko-yaponskoy voyne 1904-1905 gg.: vitse-admiral S.O. Makarov i Tikhookeanskaya eskadra [Factors in the defeat of the Russian Imperial Fleet in the Russo-Japanese War of 1904-1905: Vice-Admiral S.O. Makarov and the Pacific Squadron]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 7(3): 143-146. [in Russian]

Вклад вице-адмирала С.О. Макарова (1849–1904) в закрепление России на арктических территориях

Анастасия Викторовна Кистова ^a, Александра Александровна Ситникова ^a, Анна Андреевна Шпак ^b, Наталья Николаевна Середкина ^{b,*}

^a Институт Севера и Арктики, Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Сергей Осипович Макаров – кораблестроитель, океанограф, географ, вице-адмирал и военно-морской деятель Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. Деятельность С.О. Макарова многогранна и имеет высокую значимость. В статье анализируется фундаментальная и прикладная научно-исследовательская и учебно-методическая деятельность вице-адмирала С.О. Макарова, связанная с эффективным освоением Арктики и укреплением позиций

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина), kistochka7@mail.ru (А.В. Кистова), sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова), annahey@gmail.com (А.А. Шпак)

российского государства в этом регионе. В настоящем исследовании подчеркиваются новаторские подходы С.О. Макарова к развитию отечественного кораблестроения и морской тактики, которые заложили фундамент для дальнейшего развития арктических исследований и ледокольного флота на последующие столетия. Важность технических разработок обусловлена спецификой Российского Севера, его сложными и тяжелыми климатическими условиями. Оценивается важность разработки новых подходов к проведению полярных исследований с позиции технического оснащения. Рассматриваются прикладные аспекты североведческих исследований вице-адмирала С.О. Макарова, связанные с организацией полярных экспедиций на российском ледоколе «Ермак», их результаты и влияние на мировую и отечественную науку. Отмечается открытие в его исследованиях новых принципов освоения суровых северных и арктических территорий Российской империи.

Ключевые слова: вице-адмирал С.О. Макаров, североведение, интеллектуальная история, освоение Севера, Арктика, Северный Ледовитый океан, полярные исследования, ледокол «Ермак».

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1694-1705
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1694

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sailing Barges built in Votkinsk as Part of the Caspian Flotilla in the 1850s and 1860s

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}, Anatoly N. Loshkarev ^b, Irina Yu. Cherkasova ^{c,d}

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

^c Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The Caspian flotilla played an important role in the events in Central Asia in the second half of the 19th century. First of all, in the Khiva and Akhal-Teke campaigns of General Skobelev, where it provided the rear for Russian troops. And in military transportation across the Caspian Sea of this period, the sailing barges built in Votkinsk played a significant role. However, four barges were decommissioned almost immediately after construction, which does not fit with the information about their high demand. In order to identify the causes, a reconstruction of the biographies of the Votkinsk sailing barges of the 1850–1860s is carried out. The previously proposed author's method for reconstructing the biographies of ships based on the movement of personnel has successfully passed verification based on the materials of the renaming of the Caspian flotilla ships. The idea of ordering a series of reduced 120-foot sailing sea barges from the Votkinsk plant by the Naval Ministry should be recognized as unsuccessful. Testing of the barges in sea conditions showed their complete unsuitability for these purposes. As a result, all four barges were used as cargo barges in the Volga delta, but due to the adoption of fairly successful pontoon rafts, they were forced to be decommissioned just a few years after the start of their service. As a result, they did not work out their intended resource at all and were practically not reflected in naval literature.

Keywords: Caspian flotilla, reform period, Votkinsk plant, shipbuilding, sailing seagoing barge.

1. Введение

Каспийская флотилия сыграла важную роль в событиях в Средней Азии во второй половине XIX в. В первую очередь, в Хивинском и Ахалтекинском походах генерала Скобелева, где она обеспечивала тыл российским войскам. А в военных перевозках по Каспийскому морю этого периода значительную роль сыграли парусные баржи воткинской постройки: шесть 88-футовых (120 тонных) барж типа «Цапля» («Чайка», «Цапля», «Мартышка», «Баклан», «Нырок» и «Гагара») и две 120-футовых (360 тонных) баржи (транспорты) «Аист» и «Колпик». Но при сравнении количества построенных на заводе судов со сведениями о службе и эксплуатации получается, что четыре 120-футовые (100-тонные) баржи оказались списанными практически сразу после укомплектования, что не стыкуется с информацией об их высокой ценности. Для выявления причин этого парадокса представляется актуальной реконструкция биографий парусных барж воткинской постройки периода 1850–1860-х гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

2. Материалы и методы

В качестве основных материалов для исследования послужили документы из фонда Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Фонд 870 – вахтенные и шканечные журналы для судов, служивших в Каспийской флотилии, а также фонд 256 – управление Астраханского порта.

Основным методом работы стал хронологический, в соответствии с которым факты, расставленные в строгой хронологической последовательности, дают возможность на основе их анализа провести реконструкцию биографий судов. Кроме того, документация РГА ВМФ дала возможность провести верификацию ранее разработанной методики. В предыдущих работах было сформулировано предположение, что документация по личному составу может частично заменить документацию по основной деятельности. Суть методики заключается в том, что каждое судно кодируется по именам экипажа. Документация Каспийской флотилии дает хорошую возможность верификации. Поскольку в РГА ВМФ имеется фонд «Вахтенные и шканечные журналы судов и маяков» (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 6889–13971), сами заголовки дел однозначно связывают командира судна и его наименование, так как название – типовое: «Рапорт командира (такого-то) судна (такого-то)». В 1863 г. баржи Каспийской флотилии переименовали и, таким образом, по фамилии командиров представляется возможность реконструировать схему этого переименования. А поскольку в этом году вышел приказ, отразившийся в документации Астраханского порта, можно сравнить точность методики и выявить ее возможные слабые места.

3. Обсуждение

В последнее время в связи с военными событиями на Кавказе и со Специальной военной операцией возрос интерес к Каспийской военной флотилии. Кроме геополитического, военного, экономического и других аспектов, значительное внимание авторов уделяется истории флотилии как таковой и ее влиянию на судьбы региона. При этом вполне закономерно, что наибольший интерес исследователей представляют периоды, когда Каспий стал ареной активных боевых действий, например, годы гражданской войны (1918–1920 гг.). В этом случае спектр исследований довольно широк – от анализа боевых действий (Лобанов, 2012) до проблем историографии вопроса (Алымов, 2024).

Данный вопрос рассматривается в тезисном плане. Например, об этом упоминается в исследованиях, посвященных истории самой Каспийской флотилии (Кирокосьян, 2022), (Жаднова, 2012). Интересна также монография М.А. Кирокосьяна, рассмотревшего историю Каспийской флотилии через призму борьбы с пиратством в регионе (Кирокосьян, 2013). В работе А.Ш. Кадырбаева (Кадырбаев, 2015), написанной на основе документов, хранящихся в РГА ВМФ, достаточно подробно рассмотрены вызовы времени середины XIX в. и реагирование на них руководства империи и флотилии. Каким образом это сказалось на судовом и корабельном составе, к сожалению, осталось за кадром повествования данной работы.

В двухтомной монографии, посвященной судам научно-промыслового и навигационного обеспечения ВМФ России, имеются упоминания о парусных баржах Каспийской флотилии, поскольку те достаточно активно привлекались для обеспечения гидрографических работ, а баржа «Цапля» также долгое время использовалась в качестве плавучего маяка (Левашов, 2021). Однако системного описания биографий всех парусных барж в этой работе также не содержится.

Таким образом, следует отметить, что, кроме общих фраз о том, что суда Каспийской флотилии использовались для доставки войск, перевозки военного снаряжения, лошадей и других грузов во время Хивинского и Ахалтекинских походов, иной информации в современной литературе не содержится. Из дореволюционной литературы наибольший интерес представляют «Судовые списки», точно фиксировавшие состав флотилии на рассматриваемый год. Они достаточно полно отображают изменения судового состава в 1870-е гг. и позднее. Однако насыщение «Судовыми списками» периода 1860-х гг. явно недостаточное: известны лишь два издания 1864 и 1868 гг. (Митюков и др., 2023). В 1850-е гг. этот справочник не издавался.

И, таким образом, получается довольно парадоксальная картина службы парусных барж воткинской постройки в Каспийской флотилии. Если шесть барж типа «Цапля» и два транспорта типа «Аист», построенные заводом в дореформенный период, достаточно хорошо отобразились в эксплуатационной документации начиная с 1860-х гг. (например, в «Судовых списках») (Митюков, 2020), то информация об их ранней службе довольно эклектична. Что касается информации по четырем 120-футовым баржам реформенного периода, построенных заводом (по две в 1860 и 1862 гг.) (Митюков, 2021), то она полностью отсутствует. Завод их точно строил и точно сдал Морскому ведомству, но они сразу же пропадают, как будто вскоре после вступления в строй списываются, и потому отсутствуют даже в «Судовом списке» 1864 г. Кроме того, на начало 1860-х гг. приходится реформа судового и корабельного состава Каспийской флотилии, в результате чего все баржи были переименованы. Этот факт также не отразился в имеющейся литературе, и схему переименования лишь предстоит определить.

4. Результаты

4.1. Анализ статистических изданий Морского ведомства середины XIX в.

Наибольшую ценность в вопросе эволюции корабельного и судового состава Каспийской флотилии 1850-60-х гг. имеют статистические издания Морского ведомства, в первую очередь, ежегодники «Памятные книжки Морского ведомства». Но относительно парусных барж сведения в них крайне поверхностны, хотя и дают возможность идентифицировать командиров судов. Однако провести реконструкцию по именам командиров самих судов, как это было сделано нами в ранних работах применительно для других периодов и других регионов, практически не получается.

Первые парусные баржи воткинской постройки начали вводиться в строй в 1853 г. В Памятной книжке за 1853 г. говорится, что в Каспийской флотилии в этом году числится две железные баржи и семь деревянных, а также одно перегрузное судно (ПКМВ, 1853: 7). На Астрабадской станции в этом году числилась баржа №2, на Бакинской – баржа №1 (ПКМВ, 1853: 33). К этому году Воткинский завод как раз сдал две парусные баржи, третья была готова летом 1853 г. и по понятным причинам в список еще не вошла. И, скорее всего, это не баржи №1 и №2, находящиеся на станциях.

Сведения о количестве барж также без указания их командиров повторяются в 1854 г. (ПКМВ, 1854: 7), как и сведения по станциям (ПКМВ, 1854: 41). Возможно, третью парусную баржу на момент составления сборника еще не укомплектовали, из-за чего она снова отсутствует.

В выпуске 1855 г. впервые указаны командиры барж. Это подпоручик Рылов (баржа №1), лейтенант Апыхтин (№2), подпоручик Федоров (№3), лейтенант Бибииков (№4), лейтенант князь Ухтомский (№5), штабс-капитан Комаров (№7), поручик Курилов (№8), прапорщик Романов (баржа лит. А), прапорщик Берсенев (баржа лит. Б) (ПКМВ, 1855: 7) (Таблица 1). Перегрузные баржи в списке отсутствуют. На Астрабадской станции в этом году снова числилась баржа №2, на Бакинской – баржа №1 (ПКМВ, 1855: 46). Видно, что в списке имеются две баржи, приведенные под литерами А и Б. Они повторяются на будущий год, после чего пропадают. В «Судовых списках» и «Памятных книжках» имела распространённую практику: заложенные или заказанные, но еще не получившие наименования суда маркировать литерами. Можно предположить, что речь идет о шхунах «Казак» и «Туркмен», одно время числившихся баржами. Их заложили в 1856 г., построили в 1857 г. (Левашов, 2021: 245-246), поэтому в «Памятной книжке» 1855 г. они вполне могли быть включены как заказанные, а с 1857 г. уже числятся в списке судов под своим наименованием.

Таблица 1. Списки командиров морских парусных барж по «Памятной книжке»

Баржа	1855 г.	1856 г.	1857 г.
№ 1	Рылов	–	–
№ 2	Апыхтин	Рылов	Некрасов
№ 3	Федоров	Апыхтин	Нет
№ 4	Бибииков	Федоров	Рылов / Курилов
№ 5	Кн. Ухтомский	Платонов	Платонов / Рылов
№ 6	–	Нет	Романов
№ 7	Комаров	Комаров	Комаров
№ 8	Курилов	Курилов	Курилов / Платонов
№ 9	–	–	Федоров

В 1856 г. судами командовали подпоручик Рылов (№2), лейтенант Апыхтин (№3), подпоручик Федоров (№4), прапорщик Платонов (№5), командир баржи №6 не указан, штабс-капитан Комаров (№7), поручик Курилов (№8), прапорщик Берсенев (баржа лит. А), подпоручик Романов (баржа лит. Б) (ПКМВ, 1856: 25). Что касается численности судов, то в 1856 г. во флотилии числятся 8 барж, из которых баржа №9 – в Астрабадской станции и №5, 6, 8 – в Бакинской (ПКМВ, 1856: 42). Как видно, в разделе Судов, приписанных к Каспийской флотилии, баржи №9 нет, она появляется лишь в 1857 г. И также очевидно, что суда, отсутствующие в этих станциях, находятся в Астраханском порту. Для барж с №2 по №4 «передвинулись» номера относительно их командиров. Это выглядит очень странно. Самое простое логическое объяснение видится в возможной перенумерации судов в этом году (Таблица 1).

В 1857 г. командирами барж указаны подпоручик Некрасов (№2), на барже №3 командир отсутствует, подпоручик Рылов (№4), прапорщик Платонов (№5), подпоручик Романов (№6), штабс-капитан Комаров (№7), поручик Курилов (№8), подпоручик Федоров (№9) (ПКМВ, 1857: 12). В 1857 г. при Астрабадской станции числятся баржи №2 и 6, при Астрабадской – №4 (поручик Курилов), №5 (подпоручик Рылов), №8 (прапорщик Платонов 2-й) (ПКМВ, 1857: 31). Как видно, командиры барж Бакинской станции не совпадают с указанными в разделе Судов, приписанных Каспийской флотилии, но общий список барж и список командиров совпадают. Поэтому можно предположить, что в каком-то из них командиры перепутаны. Скорее всего, в списке Астрабадской станции,

поскольку на баржах №7 и №8 за все три года командиры фигурируют одни и те же (Таблица 1). По-видимому, остальные баржи, отсутствующие на станциях, снова числятся в Астраханском порту. Факт несовпадения списков командиров судов в разных частях справочника заставляет усомниться в аккуратности его составителя.

В 1858 г. командиры судов не указаны, зато появилось разделение на флотские экипажи. В этом году указаны следующие баржи в 4-м ранге судов.

44-й флотский экипаж: баржи №8 и №9;

45-й – №5, №6, №7 и в 46-м – №2, №4.

По всем баржам относительно степени готовности указано, что они готовы, а численность команды – по 2 строевых унтер-офицера, 15 матросов, а также по одному нестроевому унтер-офицеру и матросу (ПКМВ, 1858: 16).

«Памятные книжки» за 1858–1861 гг., по-видимому, не издавались, и следующий выпуск идет уже за 1862 г. В этом году в составе 44-го флотского экипажа числились парусные баржи №1, 2, 3 и 5, а также шесть неуказанных речных барж. В 45-м экипаже – №4, 6, 8, 9. Кроме того, в числе портовых судов указаны шесть догрузных судов (ПКМВ, 1862: 19). Из документа непонятно, являются ли догрузные суда речными баржами или это разные суда.

В 1863 г. в составе 44-го флотского экипажа в III ранге судов значатся баржи «Чайка» (лейтенант Канин), «Мартышка» (лейтенант Ладыжинский), «Баклан» (капитан-лейтенант Годзевич 1-й) и «Нырок» (капитан-лейтенант Тверитинов). В этом же экипаже имеются шесть речных барж с неуказанным рангом. В 45-м экипаже также в III ранге судов – «Гагара» (лейтенант Никонов 4-й), «Аист» (без командира), «Цапля» (капитан-лейтенант Жеребцов) и «Колпик» (без командира). Кроме того, в портовых средствах имеются две деревянные и четыре железные догрузные баржи (ПКМВ, 1863: 20-21). Из сравнения списка барж этого и предыдущего года можно заключить, что в 1863 г. появился приказ о переименовании судов – они получили собственные имена.

В 1864 г. в составе 1-го каспийского флотского экипажа в III ранге судов числятся баржи: «Чайка» (лейтенант Канин 1-й), «Мартышка» (лейтенант Борисов), «Баклан» (лейтенант Рогол-Левицкий), «Нырок» (капитан-лейтенант Тверитинов), «Гагара» (лейтенант Никонов 4-й), «Цапля» (капитан-лейтенант Жеребцов). В этом же экипаже в III ранге судов числятся транспорты «Аист» и «Колпик», командиры которых не указаны. Кроме того, среди портовых средств имеются 14 судов разных наименований, детализации по которым нет (ПКМВ, 1864: 20-21). В дальнейших выпусках «Памятной книжки» и «Судовых списков» какая-либо информация о догрузных баржах пропадает, а биографии барж типа «Чайка» и транспортов типа «Аист» достаточно хорошо прослеживаются. Командиры в 1864 г. не включены в Таблицу 1, так как прошел слишком длительный период, за который они должны были полностью поменяться.

Исходя из данных «Памятной книжки» можно однозначно утверждать, что в 1863 г. все морские парусные баржи получили собственные имена, а также, возможно, в 1856 г. баржи перенумеровали. Поскольку детализация по перегрузным или догрузным баржам отсутствует, провести их идентификацию в рамках данного источника не представляется возможным.

Однако в списках «Русского торгового флота» в 1895 г. в числе парусных судов имеются два судна, местом постройки которых указан Воткинский завод. Это «Осетр» (№360 списка), числящийся как товарная баржа у общества «Кавказ и Меркурий». Она – 1862 г. постройки, дата последнего капитального ремонта значится 1895 г. в Астрахани на заводе общества «Кавказ и Меркурий». Судно имеет одну палубу и две мачты. Длина корпуса – 121,65' (37,10 м), ширина – 23,10' (7,04 м), углубление – 7,90' (2,41 м). Вместимость полная – 143,09 рег. т., чистая – 110,01 рег. т. Команда 6 чел. (РТФ, 1895: 250-251). «Стерлядь» (№446 списка) отличается тем, что имеет длину корпуса 123,2' (37,58 м), ширину – 23,26' (7,09 м), углубление – 7,85' (2,39 м). Вместимость полная – 148,55 рег. т., чистая – 118,74 рег. т. (РТФ, 1895: 256-257). В дальнейших изданиях этого справочника упоминаний о данных судах нет, но получается, что даже на 1895 г. оба судна использовались обществом как парусные баржи, что однозначно указывает на анализируемые суда.

4.2. Обзор заголовков дел вахтенных и шканечных журналов парусных барж Каспийской флотилии

В 1852–1858 гг. Камско-Воткинский железодельный завод по заказу Морского ведомства построил для Каспийской флотилии шесть барж. Поскольку они строились двумя партиями по три единицы, в заводской документации обе партии дважды идут как баржи №1, №2 и №3. С 1863 г. все суда получили имена и стали «типа Птицы» («Нырок», «Цапля» и т.д.), под которыми и вошли в историю. До этой даты все баржи во флотилии были номерными, и номера явно не совпадали с заводской нумерацией.

Помочь отыскать соответствие между наименованиями и номерами барж может информация о кадровых назначениях (конкретно о командирах), нашедшая отражение в заголовках вахтенных журналов. Само содержание журналов в данном случае безразлично, и интерес представляет лишь пара «судно – командир». Далее дается список командиров морских барж (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3).

1853 г.: №7 – поручик Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7008); №6 – прапорщик Романов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7009); №4 – лейтенант Бибииков (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7010); №2 – лейтенант Леонтьев (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7011); №8 – подпоручик Курилов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7012); №3 – прапорщик Федоров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7013); №5 – мичман князь Ухтомский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7014) (Таблица 2).

1854 г.: №1 – подпоручик Рылов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7057); №2 – лейтенант Апыхтин (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7058); №3 – подпоручик Федоров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7059); №4 – лейтенант Бибииков (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7060); №5 – лейтенант князь Ухтомский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7061); №6 – прапорщик Романов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7062); №7 – штабс-капитан Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7063); №8 – поручик Курилов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7064); №9 – прапорщик Баранов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7065) (Таблица 2).

1855 г.: №3 – прапорщик Горнефер (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7318); №4 – подпоручик Рылов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7319); №7 – штабс-капитан Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7320); №2 – поручик Ерошевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7371); №5 – прапорщик Платонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7372); №8 – поручик Курилов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7373); №9 – поручик Федоров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7374); №6 – подпоручик Романов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7375) (Таблица 2).

1856 г.: №2 – поручик Ерошевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7574); №4 – подпоручик Рылов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7575); №5 – прапорщик Платонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7576); №6 – подпоручик Романов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7577); №7 – штабс-капитан Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7578); №9 – поручик Федоров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7579) (Таблица 2).

1857 г.: №4 – подпоручик Рылов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7718); №5 – прапорщик Платонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7719); №2 – поручик Горнефер (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7720); №7 – штабс-капитан Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7721); №9 – подпоручик Федоров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7722); №6 – подпоручик Романов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7723) (Таблица 2).

1858 г.: №1 – капитан-лейтенант Савич, лейтенант князь Кекуатов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7861); №4 – лейтенант Рогал-Левицкий, подпоручик Платонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7862); №5 – прапорщик Платонов, лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7863); №7 – капитан Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7864); №9 – лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7865); №2 – подпоручик Горнефер (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 7866) (Таблица 3).

1859 г.: №1 – лейтенант князь Кекуатов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8041); №2 – лейтенант Ладыженский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8042); №3 – лейтенант Андросов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8043); №4 – лейтенант Рогал-Левицкий (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8044); №5 – лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8045); №6 – штабс-капитан Курилов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8046); №7 – капитан Комаров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8047); №8 – подпоручик Романов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8048); №9 – лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8049); №10 – капитан-лейтенант Цемутали (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8050) (Таблица 3).

1860 г.: №1 – лейтенанты Кекуатов и Канин (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8189); №2 – лейтенант Ладыженский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8191); №3 – лейтенанты Андросов и Годзевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8192); №4 – лейтенант Рогал-Левицкий (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8193); №5 – капитан-лейтенант Цемутали и штабс-капитан Ерошевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8194); №6 – штабс-капитан Курилов и лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8195); №9 – лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8196); №10 – лейтенанты Тверитинов и Борисов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8197) (Таблица 3).

1861 г.: №1 – лейтенант Канин (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8381); №2 – лейтенант Ладыженский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8382); №3 – лейтенант Годзевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8383); №4 – лейтенант Рогал-Левицкий (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8384); №6 – лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8385); №9 – лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8386); №10 – лейтенанты Борисов, Кондагури, Андреев (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8387) (Таблица 3).

1862 г.: №1 – лейтенант Канин (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8536); №2 – лейтенант Ладыженский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8537); №3 – капитан-лейтенант Годзевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8538); №4 – лейтенанты Андреев и Никонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8539); №5 – капитан-лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8540); №6 – лейтенант Ясмонт (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8541); №7 – капитан Комаров и лейтенант Федцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8542); №8 – капитан 2 ранга Рыдалев (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8543); №9 – лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8544) (Таблица 3).

Таблица 2. Списки командиров морских барж по заголовкам вахтенных журналов (1853–1857 гг.)

Баржа	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.	1857 г.
№ 1	–	Рылов	–	–	–
№ 2	Леонтьев	Апыхтин	Ерошевич	Ерошевич	Горнефер
№ 3	Федоров	Федоров	Горнефер	–	–
№ 4	Бибиков	Бибиков	Рылов	Рылов	Рылов
№ 5	Кн. Ухтомский	Кн. Ухтомский	Платонов	Платонов	Платонов
№ 6	Романов	Романов	Романов	Романов	Романов
№ 7	Комаров	Комаров	Комаров	Комаров	Комаров
№ 8	Курилов	Курилов	Курилов	–	–
№ 9	–	Баранов	Федоров	Федоров	Федоров

Таблица 3. Списки командиров морских барж по заголовкам вахтенных журналов (1858–1862 гг.)

Баржа	1858 г.	1859 г.	1860 г.	1861 г.	1862 г.
№ 1	Савич/ Кекуатов	Кекуатов	Кекуатов/ Канин	Канин	Канин
№ 2	Горнефер	Ладыженский	Ладыженский	Ладыженский	Ладыженский
№ 3	–	Андросов	Андросов/ Годзевич	Годзевич	Годзевич
№ 4	Рогал- Левицкий/ Платонов	Рогал- Левицкий	Рогал- Левицкий	Рогал-Левицкий	Андреев/ Никонов
№ 5	Платонов/ Тверитинов	Тверитинов	Цемутали/ Ерошевич		Тверитинов
№ 6	–	Курилов	Курилов/ Тверитинов	Тверитинов	Ясмонт
№ 7	Комаров	Комаров	–		Комаров/ Федцов
№ 8	–	Романов	–		Рыдалев
№ 9	Жеребцов	Жеребцов	Жеребцов	Жеребцов	Жеребцов
№ 10	–	Цемутали	Тверитинов/ Борисов	Борисов/Кондагури /Андреев	–

1863 г.: «Цапля» – капитан-лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8714); «Мартышка» – лейтенант Ладыженский (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8715); №4 «Гагара» – лейтенант Никонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8716); №5 «Нырок» – капитан-лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8717); «Чайка» – лейтенант Канин (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8718); «Баклан» – капитан-лейтенант Годзевич (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8719).

1864 г.: «Чайка» – лейтенант Канин (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8870); «Мартышка» – лейтенант Шмидт (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8871); «Гагара» – лейтенант Никонов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8872); «Нырок» – капитан-лейтенант Тверитинов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8873); «Цапля» – капитан-лейтенант Жеребцов (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8874); «Баклан» – лейтенант Рогал-Левицкий (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3. Д. 8875).

По двум баржам в 1863 г. в заголовке журнала прямо указано, что №4 – это «Гагара», а №5 – «Нырок». Очевидно, переименование состоялось, когда суда уже были в кампании, что и нашло отражение в их вахтенных журналах. Все остальные суда начали кампанию 1863 г. уже переименованными. По всей видимости, в период с 1853 по 1863 гг. баржи более не перенумеровывались. По крайней мере, перестановки в командах происходят плавно, без больших скачков.

Используя фамилию командира, можно четко дополнить прерванную цепочку в названиях-номерах каспийских барж (Таблица 2, 3).

Баржа №5 сдана Воткинским заводом в апреле 1853 г. Ее первым командиром стал лейтенант, князь Ухтомский. С 1855 г. командир, прапорщик Платонов, которого в ходе кампании 1858 г. заменил лейтенант Тверитинов. По всей вероятности, баржа выполняет какое-то специальное задание, т.к. в 1860 г. у нее сменилось два командира, а на следующий год ее не было в кампании, но в 1862 г. ее командир – снова Тверитинов, к этому времени продвинутый до капитан-лейтенанта. Под его командой баржа стала «Нырком».

Вместе с ней в апреле 1853 г. Морскому ведомству была сдана еще одна баржа – №9. Но она начала кампанию лишь на следующий год под командой прапорщика Баранова, в 1855 г. замененного на поручика Федорова. С 1858 г. командир баржи – лейтенант Жеребцов. После переименования в 1863 г. и в 1864 г. он числится командиром «Цапли», поэтому нет сомнений, что баржа №9 стала «Цаплей».

Третья баржа постройки 1853 г. – это «Мартышка», бывшая №2. Она начала кампанию этого года под командой лейтенанта Леонтьева, с 1855 г. ее возглавил поручик Ерошевич, с 1857 г. – поручик Горнефер. С кампании 1859 г. она – под командованием лейтенанта Ладыженского, до тех пор, пока не стала «Мартышкой».

Еще три баржи завод сдал Морскому ведомству в конце 1858 г.

Первая баржа №4 в ходе кампании 1863 г. стала «Гагарой» (об этом прямо говорится в журнале 1863 г.). В связи с этим можно сделать вывод о том, что она сменила более старую баржу того же номера. Интересна еще одна закономерность: до 1858 г. судном (старой баржей) командовали офицеры сухопутной армии (поручики и подпоручики). С 1858 г. новую баржу №4 принял морской офицер, лейтенант Рогол-Левицкий. С 1862 г. командиром баржи был лейтенант Никонов, под его командой она стала «Гагарой».

Вторая баржа этой серии, №3, начала кампанию 1859 г. под командой лейтенанта Андросова, на следующий год прямо во время кампании замененного на лейтенанта Годзевича. Под его командой судно стало «Бакланом».

Сомнений в том, что это судно построили в 1859 г., нет, т.к. до этой даты баржа с таким номером в кампаниях не числится, как и еще одной – №1. Эту баржу приняли в 1858 г., и первым ее командиром числится капитан-лейтенант Савич, в этом же году сдавший судно лейтенанту, князю Кекуатову. Тот, в свою очередь, в 1860 г. сдал командование лейтенанту Канину, который числится командиром «Чайки» в 1863-64 гг.

Приказом главного командира Астраханского порта №59 от 28 января 1863 г., составленного в соответствии с приказом Управляющего Морским министерством №4 от 5 января 1863 г., баржа №1 стала «Чайкой», №2 – «Мартышкой», №3 – «Бакланом», №4 – «Гагарой», №5 – «Ныркком», №6 – транспортом «Казак», №7 – «Аистом», №8 – транспортом «Туркмен», №9 – «Цаплей», №10 – «Колпиком» (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 585. Л. 370б.–38). Этот же приказ Управляющего цитируется в приказе Капитана над портом №6 от 31 января 1863 г. с дополнением, что инспектору кораблестроительных работ надлежало сделать надписи с новыми наименованиями на бортах белой краской (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 2. Д. 514. Л. 3).

Таким образом, все наименования в ходе переименования реконструированы корректно. В связи с чем можно рекомендовать следующую методику, как использовать информацию о кадровых назначениях для реконструкции биографий судов.

1. Расположить информацию о кадровых назначениях в хронологическом порядке. В периодах между назначениями по фамилии командира (капитана) можно практически однозначно идентифицировать судно, даже если оно при этом переименовывалось.

2. Можно допустить, что командир с командой перешли на какое-то другое судно, но вероятность этого крайне низка. Наверняка подобный инцидент стал следствием какого-то форс-мажора, который не мог не найти отражения в других источниках.

3. Если в навигации (кампании) какого-то года на судно имелись назначения или кадровые перестановки, это является однозначным свидетельством, что судно находилось в строю.

Вместе с тем методика имеет вполне естественный недостаток, отобразившийся в приказе. Дело в том, что баржи «Аист» и «Колпик» (б. №7 и №10) на момент переименования не были укомплектованы, потому не имели командиров. Их уже зачислили в списки судов, и они получили необходимые для этого номера. Кроме того, в приказе нашли отражение транспорты «Казак» и «Туркмен», которые нами не рассматривались, поскольку они не являлись судами воткинской постройки. Факт, что транспорты вполне могли числиться баржами, доказывает приказом командующего Астраханского порта №11 от 5 февраля 1864 г., составленного в соответствии с приказом Управляющего Морским министерством №3 от 4 января 1864 г., в соответствии с которым баржи «Аист» и «Колпик» «переименовывались в транспорты с сохранением прежних наименований» (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 2. Д. 515. Л. 5).

На указанный период эти суда все еще не укомплектовали. Так, 3 октября 1863 г. для приемки прибывших в Астрахань новых построенных в Воткинске барж создавалась специальная портовая комиссия (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 9. Д. 58. Л. 8). 15 октября в своем рапорте она доложила, что прибывшие суда, а также два 14-весельных баркаса и два 6-весельных яла, находятся в исправности и полностью соответствуют спецификации (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1517. Л. 145). Так что очевидно, что в 1864 г. суда, скорее всего, все еще достраиваются.

4.3. Документация Астраханского порта о догрузных баржах

Судя по документации Астраханского порта, 16 июля 1860 г. в Астрахань пришли две баржи, построенные на Воткинском заводе, с частями машины и котлом для парохода «Кура» (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 1). 19 июля приказом Главного Командира над Астраханским портом была назначена приемочная комиссия под председательством капитана 1 ранга Давыдова (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 2). Через несколько дней начальник артиллерийской части обратился в штаб Главного командира с запросом. Дело в том, что в соответствии с его приказом №49 от 13 января 1860 г. все морские баржи должны были вооружаться четырьмя трехфунтовыми пушками на станках.

В связи с этим он рапортом от 21 июля 1860 г. запрашивал, распространяется ли действие приказа на вновь поступившие суда или нет (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 4). Резолюция начальника была однозначной: «конечно ставить» (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 5). 29 июля 1860 г. на баржи подписали приемный акт (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 6), и 30 июля 1860 г. они зачислялись в списки флота как №5 и №7, а их личный состав записывался в 45-й флотский экипаж (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 7). 2 августа контора Астраханского порта доложила в штаб Главного командира Астраханского порта, что по результатам швартовых испытаний баржи имеют длину 123' (37,51 м), ширину – 22'2½" (6,77 м), углубление – 7" (0,18 м), а прочность корпуса – вполне достаточную для установки четырех- и трехфунтовых орудий (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 10).

По-видимому, в сентябре новые баржи были испытаны на ходу. Изначально, как и более крупные 120-тонные (впоследствии типа «Цапля»), они получили парусный рангоут, что давало им возможность автономного плавания. Результатом этих испытаний стал рапорт конторы Астраханского порта Главному командиру от 22 сентября 1860 г., в котором указывалось, что баржи №5 и 7 – фактически речного типа и к плаванию в море непригодны. В связи с чем приказывалось назначить их в догрузные (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 11).

До открытия Волго-Каспийского канала для плавания в море речные суда должны были преодолевать мелководную дельту Волги. В связи с чем имела необходимость в догрузных судах, которые частично разгружали шедшие по дельте суда до необходимой осадки, а после прохождения снова догружали. В Астраханском порту на сентябрь 1860 г. для этой цели уже использовалось пять барж, в том числе №5-й и 7-й. Во избежание путаницы с одинаковыми номерами морских и догрузных барж 22 сентября 1860 г. в штаб Главного командира поступило предложение о перенумерации. В него также вошла баржа №2, использовавшаяся в качестве брандвахты, которую предлагалось сделать №1-й. №3 стала 2-й, №4 – 3-й; №5 – 4-й; №7 – 5-й; №8 – 6-й. Воткинские баржи стали соответственно №5 – 7-й; №7 – 8-й (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 11). Приказом капитана над портом от 18 октября 1860 г. новая нумерация вступила в силу (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 15).

29 сентября 1860 г. в соответствии с предписанием штаба Главного командира Астраханского порта №1600 от 30 июля 1860 г. провели повторные швартовые испытания барж. Длина корпуса по ватерлинии у них составила 120' (36,60 м), ширина – 22'6" (6,86 м), грузоподъемность при углублении – 4' (1,22 м) 200 т. Водоизмещение порожним без учета обшивки составила 13713,624 пуда (224,6 т.) (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 14). Наконец, приказ от 28 октября 1860 г. отменял вышедший ранее приказ №688 от 30 июля 1860 г., и личный состав барж из 45 флотского экипажа переводился в портовые суда (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 477. Л. 16). Этот же приказ означал разоружение пока еще не вооруженных судов, поскольку пушки по штату должны были нести лишь морские баржи, совершающие самостоятельное плавание.

11 августа 1862 г. Главному командиру поступил рапорт о прибытии из Воткинского завода еще двух барж, которые были осмотрены без обнаружения видимых дефектов. Отмечалось, что суда построены прочно и соответствуют своему назначению (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 9. Д. 68. Л. 115). Приказом портового управления от 16 августа новые баржи надлежало вооружить по типу №7-й и №8-й (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 9. Д. 68. Л. 117).

Однако интерес к новым баржам упал после испытания плотов, произведенного в сентябре 1862 г. Вопрос о постройке плотов (по современной терминологии – понтонов), заведением которых под судно можно было уменьшить осадку, обсуждался с 1860 г. 15 сентября 1862 г. состоялось первое испытание с баржей №6-й. Перед заведением плотов она сидела на 5'6" (1,68 м), два плота смогли уменьшить осадку носом на 1'6" (0,46 м), кормой – на 1'4" (0,41 м). Испытания признали успешными, отметив, что для более крупных судов количество плотов следовало увеличить (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 2. Д. 338. Л. 70). Заведение плотов представляло собой менее трудоемкую операцию, чем перегрузка в открытом море, исходя из чего с постройкой требуемого количества плотов необходимость в догрузных баржах отпадала. Вероятно, этим можно объяснить существенную заминку в комплектации принятых в 1862 г. судов, которые после приемки, по-видимому, сразу перевели в зимний отстой. И лишь приказом Главного командира Астраханского порта №116 от 14 марта 1863 г. они получали номера – №I-й и №II-й. Этим же приказом бывшие №7-й и №8-й (построенные в Воткинске в 1860 г.) стали №III-й и №IV-й соответственно. Построенная в 1844 г. и капитально исправленная в 1853 г. бывшая баржа №5-й сохранила свой номер, став №V-й №4-й, построенная в 1843 г. стала №VI-й. Деревянная баржа №3-й постройки 1856 г. стала №VII-й, а №2-й 1855 года постройки – №VIII-й (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 583. Л. 100 об). Очевидно, что переход на нумерацию римскими цифрами был сделан во избежание путаницы в одноименных судах. Хотя, судя по документации, в некоторых случаях суда все равно указывались арабскими цифрами.

Интересен документ, составленный 28 ноября 1864 г., в котором сообщается о текущем состоянии судов Каспийской флотилии. В соответствии с ним трюмы «Аиста» и «Колпика» прочны и вместительны, но в морских условиях суда еще не испробованы. Оба они пока числятся при Астраханском порте, предполагаемый срок службы – 13 лет (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 9. Д. 30. Л. 9).

Это доказывает ранее высказанное предположение о том, что в 1864 г. указанные суда еще только доукомплектовываются.

Все шесть морских барж полностью удовлетворяют своему назначению. Предполагаемый срок службы «Нырка» и «Цапль» составлял три года, первый служил в описной экспедиции, вторая – на Астрабадской станции. У остальных четырех барж срок службы оценивался в 13 лет, при этом «Чайка», «Мартышка» и «Гагара» служили в Астрахани, а «Баклан» – на Астрабадской станции (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 9. Д. 30. Л. 9).

Состояние догрузных барж с №1-й до №6-й оценивалось следующим образом: «корпуса прочны, трюмы вместительны, для перевозки тяжестей по малой осадке весьма удобны». Срок службы №1-й и №2-й оценивался в 13 лет, остальных – в девять. И лишь баржи №7-й и 8-й были «за худостью неблагонадежны для дальнейшей службы», и их предполагалось списать (в графе предполагаемого срока службы стоял прочерк) (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 9. Д. 30. Л. 9 об).

Между тем в Отчете о действиях по кораблестроительной части, представленном Главному командиру за 1865 г., отмечалось, что обществу «Кавказ и Меркурий» переданы 10 барж вместе с якорями, за которые было уплачено в ноябре 1864 г. Все восемь догрузных барж из этого списка на момент составления документа в 1865 г. все еще находились среди портовых средств (РГА ВМФ. Ф. 256. Оп. 2. Д. 471. Л. 94). По-видимому, суда передали зимой 1865/66 г., поскольку на следующий год в аналогичном отчете догрузные баржи уже не упоминаются. В связи с этим понятно и отсутствие сведений о них в Судовом списке 1868 г.

Эта информация полностью стыкуется с данными общества «Кавказ и Меркурий». Судя по отчету правления, в 1868 г. у него числятся четыре железных парусных судна, построенных на Воткинском заводе. Все они грузоподъемностью 6000 пуд. (98,2 т.), длиной – 120' (36,6 м), шириной – 22'1" (6,74 м), углублением – 4' (1,22 м). «Осетр» и «Стерлядь» – 1862 г. постройки, а «Северюга» и «Сом» – 1860 г. Первоначальная стоимость всех четырех судов оценивалась в 14 тыс. руб., но стоимость на 1 ноября 1867 г. составляла соответственно 7074 руб. 24 коп., 6990 руб. 40 коп., 5234 руб. 93 коп. и 5375 руб. 95 коп. (КиМ, 1868: 42-43). Таким образом, 120-футовые парусные баржи активно эксплуатировались в течение положенного им срока службы, но не в составе военно-морского флота, а в обществе «Кавказ и Меркурий».

Следует отметить, что морское ведомство поступило осмотрительно, забрав серию уменьшенных 120-футовых барж и признав ее неудачной. Две из четырех барж в итоге погибли. Так в отчете директора Гидрографического департамента за 1870 г. говорится: «Принадлежавшая обществу “Кавказ и Меркурий” баржа “Северюга”, следуя от Шандруковской пристани в Астрахань с грузом виноградного вина в количестве 220 бочек, 3 июня за противным ветром стала на якорь на 4-х саженой глубине, прошедши остров Тюлений, противу Дарги, где на другой день сильным штормом была залита волнами и затонула со всем грузом. Находившиеся на этой барже судорабочие из татар, 4 человека, потонули, а управлявший ею, лоцман, спасен шедшею из Петровска с грузом кусовою лодкою “Каспий”» (Отчет директора..., 1871: 154). Описывая ураган 12-13 ноября 1910 г. в северной части Каспия, журнал «Русское судоходство» отметил: «Долго перед тем дувший О[st]-й ветер стал крепчать в ночь на 13-е ноября, перейдя к рассвету в шторм от О[st]N[ord]O[st] <...> баржи, обдаваемые волнами, сейчас же настолько обмерзли при 12° стуже, что либо тонули (как н[а]п[р]имер, железные баржи: “Кама”, “Осетр”, “Петровск” и “Терек”), или переворачивались вверх дном (деревянная баржа № 115) и на бок (деревянная баржа № 10). С утра 13-го ноября ураган заревел еще сильнее и все видимое пространство моря “буквально превратилось в кипящую пучину”» (Русское судоходство, 1911: 141).

Потерю двух барж подтверждают Отчеты правления общества «Кавказ и Меркурий». Так отчет 1870 г. говорит об убытке в размере 3834 руб. 93 коп. за счет потери баржи «Северюга», которая потонула (Отчет правления..., 1871: 28). Отчет за 1910 г. в этом отношении менее категоричен. В соответствии с ним у баржи «Осетр» в течение года отсутствует «Потеря стоимости от употребления», в результате чего и на начало и на конец года ее стоимость составляет 700 руб. (Отчет правления..., 1911: 67). Эта же цифра повторяется в последующих отчетах, вплоть до 1915 г., когда в графе «К ней прибавляется стоимость переделок и капитальных исправлений» относительно «Осетра» появляется сумма 19270 руб. В результате с учетом суммы в 999 руб., которая «Исключается потеря стоимости от употребления», на конец года стоимость судна составила 18980 руб. (Отчет правления..., 1916: 32). Сумма 19270 руб. по барже «Осетр» также числится в дебете общества в графе «Капитальные работы на судах» в 1915 г. (Отчет правления..., 1916: 10). Таким образом, «Осетра» подняли в том же году и в 1915 г. капитально отремонтировали.

5. Заключение

1. Предлагаемая методика реконструкции биографий судов на основе передвижения личного состава успешно прошла верификацию на основе материалов переименования судов Каспийской флотилии. Исключение составили неотраженные в кадровых назначениях и находящиеся в достройке на момент переименования баржи «Аист» и «Колпик» (впоследствии – транспорты).

2. Информацию о командирах судов, приводящуюся в «Памятной книжке Морского ведомства», необходимо использовать только после серьезного анализа (Таблица 1 и Таблица 2). Составители данной работы, по-видимому, не очень аккуратны. Данные книжки имеют явное запаздывание – в 1855 г. они проводят фактические данные за 1854 г. Кроме того, там даются сведения о назначениях, не подтверждающиеся рапортами их командиров (РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Т. 3).

3. Идею заказать Морским министерством на Воткинском заводе серию уменьшенных 120-футовых парусных морских барж следует признать неудачной. Тестирование барж в морских условиях показало их полную непригодность для этих целей. Впоследствии баржи более трех десятков лет эксплуатировались по этому назначению обществом «Кавказ и Меркурий», что частично умаляет заслуги судостроителей. Но следует отметить, что эксплуатация военных судов проходит обычно в более жестких условиях, в связи с чем перестраховка руководства Каспийской флотилии может выглядеть вполне обоснованной. В итоге все четыре парусные баржи использовались как догрузные в дельте Волги, но из-за принятия на вооружение достаточно удачных плотов-понтонных вынужденно были списаны спустя всего несколько лет после начала их службы. В результате они не выработали заложенный в них ресурс (как минимум 9-13 лет) и практически не отразились в военно-морской литературе.

Литература

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

Альмов, 2024 – Альмов А.Н. Каспийская флотилия в период гражданской войны в отечественной историографии // *Исторический бюллетень*. 2024. Т. 7. № 3. С. 108-113.

Жаднова, 2012 – Жаднова Т.И. Каспийской флотилии – 290 лет // *Морской сборник*. 2012. № 12 (1989). С. 32-38.

Кадырбаев, 2015 – Кадырбаев А.Ш. Россия на Каспийском море, в Персии и Средней Азии. 1857-1911 гг. // *Восточный архив*. 2015. № 1 (31). С. 4-11.

КиМ, 1868 – Отчет правления общества «Кавказ и Меркурий» за 1868 год. О распоряжениях и хозяйственных делах. СПб.: Печатня В. Головина, 1869. 48 с.

Кирокосьян, 2013 – Кирокосьян М.А. Русский флаг на Каспии: два столетия Каспийской флотилии, сер. XVII – сер. XIX вв. М.: Кучково поле, 2013. 416 с.

Кирокосьян, 2022 – Кирокосьян М.А. Каспийская флотилия: 300 лет на службе отечеству // *Морской сборник*. 2022. № 11 (2108). С. 50-53.

Левашов, 2021 – Левашов Д.Е. и др. Суда научно-промыслового и навигационного обеспечения флота России (1856-1918 гг.). В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во ВНИРО, 2021. 518 с.

Лобанов, 2012 – Лобанов В.Б. Каспийская военная флотилия в составе вооруженных сил на юге России (1919-1920 гг.) // *Клио*. 2012. № 5 (65). С. 91-97.

Отчет директора..., 1871 – Отчет директора Гидрографического департамента Морского министерства, вице-адмирала Зеленого за 1870 год. СПб.: Типография Морского министерства, 1871. 228 с.

Отчет правления..., 1871 – Отчет Правления Общества "Кавказ и Меркурий" за 1870 год. СПб., 1871. 36 с.

Отчет правления..., 1911 – Отчет Правления Общества "Кавказ и Меркурий" за 1910 год. СПб., 1911. 73 с.

Отчет правления..., 1916 – Отчет Правления Общества "Кавказ и Меркурий" за 1915 год. СПб., 1916. 35 с.

ПКМВ, 1853 – Памятная книжка. Исправлено по 10 июня [1853 г.]. Секретно. СПб.: Литография Морского Министерства, 1853. 118 с.

ПКМВ, 1854 – Памятная книжка Морского ведомства на 1854 г. Исправлено по 1 января [1854 г.]. Секретно. СПб.: Морская типография, 1854. 126 с.

ПКМВ, 1855 – Памятная книжка Морского ведомства на 1855. Исправлено по 1 февраля [1855 г.]. Секретно. СПб.: Морская типография, 1855. 178 с.

ПКМВ, 1856 – Памятная книжка морского ведомства на 1856. Исправлено по 18 февраля [1856 г.]. Секретно. СПб.: Литография Морского Министерства, 1856. 367 с.

ПКМВ, 1857 – Памятная книжка морского ведомства на 1857. Исправлено по 18 марта [1857 г.]. Секретно. СПб.: Литография Морского Министерства, 1857. 394 с.

ПКМВ, 1858 – Памятная книжка морского ведомства на 1858. Исправлено по 17 марта [1858 г.]. Секретно. СПб.: Литография Морского Министерства, 1858. 288 с.

ПКМВ, 1862 – Памятная книжка морского ведомства на 1862 год. Исправлено по 1 мая [1862 г.]. СПб.: Типография Морского Министерства, 1862. 278 с.

ПКМВ, 1863 – Памятная книжка морского ведомства на 1863 год. Исправлено по 12 июня [1863 г.]. СПб.: Типография Морского Министерства, 1863. 276 с.

ПКМВ, 1864 – Памятная книжка морского ведомства на 1864 год. Исправлено по 27 июля [1864 г.]. СПб.: Типография Морского Министерства, 1864. 292 с.

- [РТФ, 1895](#) – Русский торговый флот. Список судов к 1 января 1896 г. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1896. 274 с.
- [Русское судоходство, 1911](#) – *Русское судоходство*. 1911. № 1. 166 с.
- [Mitiukov et al., 2021](#) – *Mitiukov N.V., Loshkarev A.N., Makarov Yu.N.* Reconstruction of Shipbuilding Order Numbers of the Votkinsk Shipyard of the Reform Period // *Bylye gody*. 2021. 16(1): 222-230. DOI: 10.13187/bg.2021.1.222
- [Mitiukov et al., 2023](#) – *Mitiukov N.V., Faizullin R.V., Cherkasova I.Yu.* “Ship List” as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies // *Bylye gody*. 2023. 18(3): 1333-1340. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333
- [Mitiukov, 2020](#) – *Mitiukov N.V.* Shipbuilding at the Votkinsk Shipyard in the Pre-Reform Period of 1846–1861 // *Bylye gody*. 2020. 55(1): 130-141. DOI: 10.13187/bg.2020.1.130

References

- [Alymov, 2024](#) – *Alymov, A.N.* (2024). Kaspiiskaya flotiliya v period grazhdanskoi voyny v otechestvennoi istoriografii [Caspian Flotilla during the Civil War in Russian Historiography]. *Istoricheskii byulleten'*. 7(3): 108-113. [in Russian].
- [Kadyrbaev, 2015](#) – *Kadyrbaev, A.Sh.* (2015). Rossiya na Kaspiiskom more, v Persii i Srednei Azii. 1857-1911 gg. [Russia on the Caspian Sea, in Persia and Central Asia. 1857-1911]. *Vostochnyi arkhiv*. 1: 4-11. [in Russian]
- [KiM, 1868](#) – Otchet pravleniya obshchestva «Kavkaz i Merkurii» za 1868 god. O rasporyazheniyakh i khozyaistvennykh delakh [Report of the board of the Caucasus and Mercury society for 1868. On orders and business affairs]. St. Petersburg, 48 p. [in Russian]
- [Kirokos'yan, 2013](#) – *Kirokos'yan, M.A.* (2013). Russkii flag na Kaspii: dva stoletiya Kaspiiskoi flotilii, ser. XVII - ser. XIX vv. [Russian flag on the Caspian: two centuries of the Caspian flotilla, mid-17th - mid-19th centuries]. Moscow, 416 p. [in Russian]
- [Kirokos'yan, 2022](#) – *Kirokos'yan, M.A.* (2022). Kaspiiskaya flotiliya: 300 let na sluzhbe otechestvu [Caspian flotilla: 300 years in the service of the fatherland]. *Morskoi sbornik*. 11: 50-53. [in Russian].
- [Levashov, et al. 2021](#) – *Levashov, D.E. et al.* (2021). Suda nauchno-promyslovogo i navigatsionnogo obespecheniya flota Rossii (1856-1918 gg.) [Scientific, commercial and navigation support vessels of the Russian fleet (1856-1918)]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 518 p. [in Russian].
- [Lobanov, 2012](#) – *Lobanov, V.B.* (2012) Kaspiiskaya voennaya flotiliya v sostave vooruzhennykh sil na yuge Rossii (1919-1920 gg.) [Caspian military flotilla as part of the armed forces in the south of Russia (1919-1920)]. *Klio*. 5: 91-97. [in Russian]
- [Mitiukov et al., 2021](#) – *Mitiukov, N.V., Loshkarev, A.N., Makarov, Yu.N.* (2021). Reconstruction of Shipbuilding Order Numbers of the Votkinsk Shipyard of the Reform Period. *Bylye gody*. 16(1): 222-230. DOI: 10.13187/bg.2021.1.222
- [Mitiukov et al., 2023](#) – *Mitiukov, N.V., Faizullin, R.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). “Ship List” as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies. *Bylye gody*. 18(3): 1333-1340. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333
- [Mitiukov, 2020](#) – *Mitiukov, N.V.* (2020). Shipbuilding at the Votkinsk Shipyard in the Pre-Reform Period of 1846–1861. *Bylye gody*. 55(1): 130-141. DOI: 10.13187/bg.2020.1.130
- [Otchet direktora..., 1871](#) – Otchet direktora Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva, vitse-admirala Zelenogo za 1870 god. [Report of the Director of the Hydrographic Department of the Naval Ministry, Vice-Admiral Zeleny for 1870]. St. Petersburg, 228 p. [in Russian].
- [Otchet pravleniya..., 1871](#) – Otchet Pravleniya Obshchestva "Kavkaz i Merkurii" za 1870 god. [Report of the Board of the Society “Caucasus and Mercury” for 1870]. St. Petersburg, 36 p. [in Russian]
- [Otchet pravleniya..., 1911](#) – Otchet Pravleniya Obshchestva "Kavkaz i Merkurii" za 1910 god. [Report of the Board of the Society “Caucasus and Mercury” for 1910]. St. Petersburg, 73 p. [in Russian]
- [Otchet pravleniya..., 1916](#) – Otchet Pravleniya Obshchestva "Kavkaz i Merkurii" za 1915 god. [Report of the Board of the Society “Caucasus and Mercury” for 1915]. St. Petersburg, 35 p. [in Russian]
- [PKMV, 1853](#) – Pamyatnaya knizhka. Ispravleno po 10 iyunya [1853 g.] [Commemorative book. Corrected as of June 10 [1853]]. St. Petersburg, 118 p. [in Russian]
- [PKMV, 1854](#) – Pamyatnaya knizhka Morskogo vedomstva na 1854 g. Ispravleno po 1 yanvarya [1854 g.] [Commemorative book of the Naval Department for 1854. Corrected as of January 1 [1854]]. St. Petersburg, 126 p. [in Russian]
- [PKMV, 1855](#) – Pamyatnaya knizhka Morskogo vedomstva na 1855. Ispravleno po 1 fevralya [1855 g.] [Commemorative book of the Naval Department for 1855. Corrected as of February 1 [1855]]. St. Petersburg, 178 p. [in Russian]
- [PKMV, 1856](#) – Pamyatnaya knizhka morskogo vedomstva na 1856. Ispravleno po 18 fevralya [1856 g.] [Commemorative book of the naval department for 1856. Corrected as of February 18 [1856]]. St. Petersburg, 367 p. [in Russian]
- [PKMV, 1857](#) – Pamyatnaya knizhka morskogo vedomstva na 1857. Ispravleno po 18 marta [1857 g.] [Commemorative book of the naval department for 1857. Corrected as of March 18 [1857]]. St. Petersburg, 394 p. [in Russian]

PKMV, 1858 – Pamyatnaya knizhka morskogo vedomstva na 1858. Ispravleno po 17 marta [1858 g.] [Commemorative book of the naval department for 1858. Corrected as of March 17 [1858]]. St. Petersburg, 288 p. [in Russian]

PKMV, 1862 – Pamyatnaya knizhka morskogo vedomstva na 1862 god. Ispravleno po 1 maya [1862 g.] [Commemorative book of the naval department for 1862. Corrected as of May 1 [1862]]. St. Petersburg, 278 p. [in Russian]

PKMV, 1863 – Pamyatnaya knizhka morskogo vedomstva na 1863 god. Ispravleno po 12 iyunya [1863 g.] [Commemorative book of the naval department for 1863. Corrected as of June 12 [1863]]. St. Petersburg, 276 p. [in Russian]

PKMV, 1864 – Pamyatnaya knizhka morskogo vedomstva na 1864 god. Ispravleno po 27 iyulya [1864 g.] [Commemorative book of the naval department for 1864. Corrected as of July 27 [1864]]. St. Petersburg, 292 p. [in Russian]

RGAVM – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian State Archives of the Navy].

RTF, 1895 – Russkii torgovyi flot. Spisok sudov k 1 yanvarya 1896 g. [Russian merchant fleet. List of ships as of January 1, 1896]. St. Petersburg, 274 p. [in Russian]

Russkoe sudokhodstvo, 1911 – *Russkoe sudokhodstvo*. 1. 166 p. [in Russian]

Zhadnova, 2012 – *Zhadnova, T.I.* (2012). Kaspiiskoi flotilii – 290 let [Caspian Flotilla – 290 Years]. *Morskoi sbornik*. 12: 32-38. [in Russian]

Парусные баржи воткинской постройки в составе Каспийской флотилии 1850–1860-х гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^b, Ирина Юрьевна Черкасова ^{c, d}

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Российская Федерация

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Каспийская флотилия сыграла важную роль в событиях в Средней Азии во второй половине XIX в. В первую очередь, в Хивинском и Ахалтекинском походах генерала Скобелева, где она обеспечивала тыл российским войскам. А в военных перевозках по Каспийскому морю этого периода значительную роль сыграли парусные баржи воткинской постройки. Однако четыре баржи были списаны практически сразу после постройки, что не стыкуется с информацией об их высокой востребованности. Для выявления причин проводится реконструкция биографий парусных барж воткинской постройки периода 1850–1860-х гг. Ранее предложенная авторская методика реконструкции биографий судов на основе передвижения личного состава успешно прошла верификацию на материалах переименования судов Каспийской флотилии. Идея заказать Морским министерством на Воткинском заводе серию уменьшенных 120-футовых парусных морских барж следует признать неудачной. Тестирование барж в морских условиях показало их полную непригодность для этих целей. В итоге все четыре баржи использовались как догрузные в дельте Волги, но из-за принятия на вооружение достаточно удачных плотов-понтонов вынужденно были списаны спустя всего несколько лет после начала их службы. В результате они не выработали заложенный в них ресурс и практически не отразились в военно-морской литературе.

Ключевые слова: Каспийская флотилия, реформенный период, Воткинский завод, судостроение, парусная мореходная баржа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(4): 1706-1716
DOI: 10.13187/bg.2024.4.1706

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Lifestyle as a Reflection of the Mentality of the Siberian Intelligentsia of the 19th century

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Semen V. Kozhevnikov ^a, Tatyana V. Schastlivaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

Questions of the relationship between the mentality of the Siberian intelligentsia of the 19th century and its way of life, in which it found its direct manifestation, are discussed in this article. The specifics of the economic, cultural and social development of Siberia determined the peculiarities of the mentality of the local intelligentsia, whose lifestyle was formed in accordance with their understanding of their sense of duty. The intelligentsia saw their duty in creating a general educational space in Siberia, which, in turn, was supposed to ensure the cultural progressive development of the region. Understanding the impossibility of ensuring the prosperity of Siberia without the presence of the local intelligentsia contributed to its concentration of its efforts on educational activities, which were designed to cover the widest possible segments of the population. The forms of educational activity were the unification of the intelligentsia in various societies, circles, theater, collection, and exhibition activities, which were an essential part of their way of life. To solve their material problems, the intelligentsia was forced to engage in labor activity, but devoted their leisure time to hobbies, which most often developed and were considered within the framework of public service. The selfless, ascetic activity of the Siberian intelligentsia was determined by its intellectual abilities and moral qualities, which, influencing its way of life, also expressed its mentality.

Keywords: Siberia of the 19th century, intelligentsia, mentality, lifestyle, education, culture, leisure.

1. Введение

Определение ментальности как выражение самосознания, которое обусловлено социально-политическими, экономическими и культурными отношениями, характерными для каждой исторической эпохи, дает возможность при исследовании образа жизни определенной социальной группы составить о ней весьма объективное представление. Само понятие «образ жизни» включает в себя осуществление трудовой, бытовой, образовательной, культурной, социально-политической деятельности. Все эти виды деятельности обусловлены существующими социально-экономическими условиями, исследование которых и позволяет составить представление об общественном сознании. Существенное влияние на образ жизни оказывали традиции и обычаи, господствующие в данном обществе. Таким образом, исследование образа жизни и быта дает возможность понять механизм реального воздействия отдельных людей на ход исторического процесса. История повседневной жизни неотделимо связана с историей частной жизни, ознакомиться с которой дает возможность биографический жанр, позволяющий судить о ценностях и мировоззрении людей исследуемой эпохи, поскольку природа общественных отношений, преломляясь через индивида, находила свое отражение в истории быта и досуга.

Региональное социокультурное пространство формируется различными категориями населения. В Сибири XIX века оно во многом определялось интеллигенцией, хотя в количественном соотношении она значительно уступала представителям других социальных слоев. Ведущая роль

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), [tag-kras@mail.ru](mailto>tag-kras@mail.ru) (T. V. Gryaznukhina), repetitor1972@gmail.com (T.V. Schastlivaya)

интеллигенции обусловлена ее интеллектуальными способностями и наличием свободного времени для создания культурных ценностей, которые, в свою очередь, способствовали формированию общественного сознания. Изучая образ жизни интеллигенции, можно судить о правовой, экономической, нравственной составляющей ее жизнедеятельности. Модель поведения интеллигенции определяла ее потребности и ценности, на специфику которых оказало влияние отдаленное географическое положение региона, специфические климатические условия, социально-экономические особенности. Все это, в свою очередь, нашло отражение в социально-психологическом портрете сибирской интеллигенции. Организуя свой досуг, интеллигенция объединялась в общества, которые позволяли ей самореализовываться, способствовали ее духовному росту, формировали сознание собственной значимости. Общества чаще всего носили научно-просветительский характер, занимались благотворительной деятельностью, коллекционированием. Вхождение в Общества, состав которых был сословно разнородным, способствовало более быстрому распространению просветительских ценностей как среди его членов, так и в социуме в целом. Долг свой интеллигенция видела в повышении культурного уровня и политического сознания сибиряков. Самопознание и самоусовершенствование рассматривались ею как основные условия для выполнения поставленных перед собой задач, которые заключались в реализации возможности получения образования непосредственно в Сибири и рассматривались в качестве основы, необходимой для формирования местной интеллигенции.

2. Материалы и методы

Анализ комплекса исторических источников, представленных опубликованными и неопубликованными материалами архивов, мемуарами современников эпохи, научными и публицистическими произведениями интеллигенции исследуемого периода, явился базовой основой исследования. В работе использованы документы Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация), государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация), государственного архива Омской области (Омск, Российская Федерация), государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация). Воспоминания сибирских интеллигентов XIX века, являясь репрезентативными источниками, дали возможность осветить вопрос корреляции образа жизни и ментальности авторов мемуаров. Исследованы воспоминания А. Яворского (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 34), А. Шебалиной (Шебалина, 1994), воспоминания о В. Шишкове (Вячеслав Шишков., 1987), труды Г. Потанина (Потанин, 2014), Н. Ядринцева (РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 3), письма П. Макушина (ГАТО. Р. 1582. Оп. 1. Д. 27), путевые записки А. Чехова (Чехов, 1987).

Теоретико-методологической базой исследования явился симбиоз общенаучных и специально-исторических методов. Принцип историзма дал возможность проследить эволюцию взаимовлияния образа жизни сибирской интеллигенции и ее ментальности. Проблемно-хронологический метод позволил выявить степень влияния политических ссыльных на формирование самосознания местной интеллигенции. Историко-генетический подход помог определить детерминированность развития просветительской деятельности и формирования ментальности местной сибирской интеллигенции.

3. Обсуждение

Образ жизни сибирской интеллигенции XIX – начала XX вв., ее культурно-просветительскую, социально-политическую деятельность анализировал в своих трудах ряд исследователей.

Достаточно полное представление об образе жизни научной интеллигенции, ее профессиональной, общественной деятельности, ее увлечениях помогает составить биографический словарь профессоров Томского университета (ПТУ, 1996). Сборник «История Земли Иркутской» содержит сведения об образе жизни иркутской интеллигенции (ИЗИ, 2002). Истории становления и развития интеллигенции Красноярска посвящена монография сибирских исследователей Г. Быкони, В. Федоровой, Л. Бердникова (Быконя и др., 1990). Общественным мероприятиям, в которых принимала участие интеллигенция, уделено внимание в монографии Ю. Гончарова (Гончаров, 2004). Анализ различных аспектов образа жизни сибиряков дан в монографии Е. Дегальцевой (Дегальцева, 2005). Репрессированным этнографам, которые внесли значительный вклад в развитие сибирской науки и позже были подвергнуты репрессиям, посвящена монография М. Дэвлета (Дэвлет, 2002).

Значительно расширить представление об исследуемой проблеме помогают статьи, опубликованные в научных журналах. Вопросы истории повседневной жизни населения Сибири были рассмотрены в материалах Всероссийской конференции, проходившей в 2018 г. в Бийске (История повседневности..., 2018). Организации культурного досуга горожан, вопросам, связанным с их повседневной жизнью, посвящены статьи Ю. Гончарова (Гончаров, 2020), Н. Бутаковой (Бутакова, 2004), А. Литягиной (Литягина, 2014; Литягина, 2017), Т. Кискидосовой (Кискидосова, 2015). Образ жизни городской интеллигенции рассматривается в статье О. Калашниковой (Калашникова, 2008), участие интеллигенции в любительских обществах – в статье Т. Ботниковой (Ботникова, 1995). Е. Самойлова в своем исследовании касается вопросов духовно-нравственных исканий сибирской

интеллигенции (Самойлова, 2006). О. Харусь рассматривает просветительскую деятельность интеллигенции в контексте ее либеральных убеждений (Харусь, 2020). Исследование С. Шаламовой касается вопросов взаимоотношения культурно-просветительских обществ и власти (Шаламова, 2011). Подвижнической деятельности Н. Наумова посвящены статьи Е. Макаровой (Макарова, 2010), Н. Рогачевой, Е. Эртнер (Рогачева, Эртнер, 2019). Авторы данной статьи анализировали в своих исследованиях проблемы формирования российской и сибирской интеллигенции, ее влияние на менталитет российского общества, вопросы общественной и культурной деятельности представителей интеллигенции (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021).

4. Результаты

Особенности социально-экономического развития Сибири, ее отдаленность от центральных районов, неразвитость инфраструктуры, отсутствие дворянского сословия как одного из источников формирования местной интеллигенции, неразвитость образовательной системы позволяют рассматривать ее как особый социокультурный регион. Центрами культурной жизни региона являлись крупные губернские города: Иркутск, Красноярск, Томск, Омск. В них проживала основная часть сибирской интеллигенции. Характеризуя жизненный уклад сибирских городов, Потанин утверждал, что в Иркутске сосредоточена вся умственная жизнь региона, в Томске – в основном торговля, поэтому «Иркутск – город аристократический, Томск – «плебейский». В Тобольске «проявлялось хоть какое-нибудь влечение к просвещению и науке». Тюмень – в большей степени промышленный город, в котором «выразился буржуазный характер» (Потанин, 2014: 69-70, 78). Первыми представителями прибывшей в Сибирь интеллигенции были декабристы. В быт и повседневную жизнь региона они внесли новые элементы культуры, характерные для европейской дворянской интеллигенции. Местом поселения после отбытия наказания С. Трубецкому и С. Волконскому был назначен Иркутск, где в своих домах они устраивали салоны для просвещенной публики. Губернатор Н. Муравьев посещал эти салоны, поощряя проведение досуга подобным образом (Потанин, 2014: 71). В Красноярске местная интеллигенция и ссыльные собирались в доме декабриста М. Фонвизина. Их привлекала богатейшая библиотека хозяина, а разговоры на политические темы способствовали формированию их гражданской позиции. 16 лет в городе прожил декабрист В. Давыдов. Музыкай, чтением стихов, театральными постановками были наполнены вечера интеллигенции, прогрессивного чиновничества и купечества, собиравшегося в доме декабриста (Быконя и др., 1990: 131). Немногочисленная местная интеллигенция, руководствуясь чувством долга и состраданием к народу, ощущала потребность в общении с декабристами, сам образ жизни которых способствовал пробуждению ее сознания.

Декабристы представляли собой приезжую интеллигенцию. «Первым сибирским патриотом», являющимся коренным сибиряком, по мнению Г. Потанина, можно считать П. Словцова, который, служа инспектором училищ в Сибири, свое свободное время отдавал созданию труда «Историческое обозрение Сибири». Книга эта, освещающая историю региона, способствовала формированию местного патриотизма. Уроженец Тобольска Ершов в юности мечтал служить Сибири, положить начало сибирской литературе, создать сибирскую интеллигенцию. Но жизнь сложилась так, что он вынужден был заниматься педагогической деятельностью, и ничего более достойного, чем его знаменитая сказка «Конек-горбунок» не создал (Потанин, 2014: 127-128). Не отделяя свою жизнь от Сибири, служение интересам которой они считали своим долгом, первые сибирские интеллигенты, занимаясь профессиональной деятельностью, свой досуг отдавали занятиям наукой и творчеством.

Общественно-политические процессы, проходившие в Сибири XIX в., имели свою экономическую обусловленность. Развитие региона требовало квалифицированных кадров как в сфере материального производства, так и в сфере науки и образования. Пробуждающееся общественное самосознание местной интеллигенции способствовало выдвиганию вопросов просвещения на передний план, делая их наиболее актуальными. Рассматривая просвещение как залог развития гражданского общества, интеллигенция посвящала свой досуг организации образовательного пространства в регионе. Таким образом, нравственная составляющая самым непосредственным образом определяла досуг сибирской интеллигенции. Н. Ядринцев считал, что «роль провинции будет получать большее значение», «если провинция будет доступна интеллектуальная жизнь». «Самосознание провинции поэтому становится лозунгом будущего» (РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-2). Для того чтобы преодолеть экономическую и интеллектуальную зависимость региона от центра, патриотически настроенная интеллигенция фактически не разделяла трудовую деятельность и досуг, посвятив всю свою жизнь идее служения народу. Крупнейший книгоиздатель Сибири П. Макушин в одном из своих писем писал: «С самого раннего детства, почти повседневно, я был свидетелем нужды и бесправия мужика...» Далее он пишет, что именно поэтому у него «определилась и созрела мысль помогать ему (мужику) путем учительства, путем внедрения знания в окружающую темную массу...» (ГАТО. Ф.Р. 1582. Оп. 1. Д. 27. Л. 1). Выполняя свой долг, в Томске П. Макушин организовал публичную библиотеку, педагогический музей, открыл первый в Сибири книжный магазин, был инициатором создания Общества попечения о начальном образовании, которое проработало 20 лет. Его лозунгом был девиз «Ни одного неграмотного».

Интеллигенция, входившая в общество, устраивала спектакли для народа, народные чтения, музыкальные утра, лекции. Общество содержало две бесплатные библиотеки. Подобная деятельность, по мнению Потанина, воспитывала интеллигенцию в духе служения народу (Потанин, 2014: 81). При участии Макушина были основаны Дом науки и народный университет, на содержание которых он жертвовал личные средства. Потанин высоко оценивал его деятельность. Разрешение, полученное Макушиным от губернатора на открытие в Томске книжной торговли, делало книгу более доступной для населения (ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 522. Л. 3). Широкое распространение книги способствовало ее популярности, что позволяло интеллигенции сделать чтение частью своего досуга.

С середины XIX в. значительную роль в жизни грамотных сибиряков стала играть пресса. Газеты стали неотъемлемой частью их жизни. Сибиряки читали популярные «Губернские ведомости», издававшиеся в Томске, Тобольске, Омске, «Сибирскую газету», «Восточное обозрение». Газета «Сибирь», пытаясь объединить регион, привлекала внимание населения к общерегиональным проблемам. В газетах печаталась различная информация, объявления, литературные произведения местных писателей, материалы по краеведению. Редакторами газет были видные представители местной интеллигенции: Д. Кузнецов, Г. Потанин, Н. Ядринцев, Е. Корш. В конце века наблюдался подъем издательского дела. Первая частная газета «Амур» появилась в Иркутске. В 1879 г. в Тюмени учитель К. Высоцкий издавал местную газету «Сибирский листок», выходившую раз в неделю (Дегальцева, 2005: 80). В 1889 г. красноярскому учителю Е. Кудрявцеву было разрешено издавать газету «Справочный листок Енисейской губернии». Несмотря на жесткие цензурные ограничения, сплотившейся вокруг газеты интеллигенции удалось преодолеть их и придать газете либеральную направленность (Быконя и др., 1990: 246). В. Воложанину губернатор разрешил издавать в Томске ежедневную газету «Утро Сибири», которая была предназначена для широкого круга читателей (ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 2101. Л. 5В). Адвокат Е. Флорианов профессиональную деятельность сочетал с увлечением литературой. Однако стихи его не пользовались успехом у читателей, а газетные заметки, фельетоны и статьи, напротив, находили отклик у читающей публики (ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 1). Периодическая печать, в развитии которой огромную роль сыграла интеллигенция, являясь в то же время основным ее потребителем, способствовала формированию сибирской идентичности. Став неотъемлемой частью жизни интеллигенции и заполняя ее досуг, периодическая печать формировала общественное мнение, способствуя развитию гражданского общества в регионе.

Примером проявления местной инициативы со стороны интеллигенции может служить ее объединение в различные общества. В исследуемый период в Томске насчитывалось 88 различных обществ, в Омске – 68, в Тобольске – 60 (Дегальцева, 2002: 255-285). Томское Общество попечения о начальном образовании содержало бесплатную народную библиотеку, которая была призвана обеспечить доступ к книге всем слоям городского населения. За 16 лет своего существования Общество на содержание библиотеки потратило свыше 18 тыс. рублей (ГАТО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 2. Л. 11). Императорское Русское географическое общество было самым многочисленным. Оно приглашало к сотрудничеству всех желающих заняться краеведением, внести свой вклад в изучение края, принимая участие в экспедициях. Предпочтение при этом уделялось учителям и преподавателям, которые были наиболее подготовлены к подобной деятельности и имели для ее осуществления свободное время (ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. Л. 63). Открытое в Иркутске в 1900 г. Общество распространения народного образования и народных развлечений организовывало библиотеки-читальни, где читались лекции по истории, химии, астрономии, географии. В 1910 г. общество организовало свою собственную оперную труппу, в которую вошли как профессиональные певцы, так и любители. Местом встреч иркутской интеллигенции был клуб Общества приказчиков, где устраивались танцевальные семейные вечера, утренники, концерты, спектакли. Здесь имелась возможность посещать библиотеку, курсы иностранных языков. При обществе были любительский драмкружок, хор, оркестр балалаечников. Общество также занималось благотворительностью (Шаламова, 2011: 268). Клуб для интеллигенции являлся местом интеллектуального и профессионального общения. Особой популярностью пользовались лекции профессоров Томского университета, которые являлись членами различных обществ. Профессор юридического факультета И. Малиновский являлся членом совета юридического общества, руководил Сибирским кружком томских студентов, выступал с лекциями по праву и истории русской литературы. Профессор М. Соболев был председателем дирекции Томского отделения Императорского Русского музыкального общества, товарищем председателя Общества попечения о начальном образовании, членом совета юридического общества. Профессор медицины Н. Александров, являясь членом Общества естествоиспытателей и врачей, совмещал работу в Русском физико-химическом обществе, читал лекции по истории музыки в Народном университете. Д. Беликов, являясь профессором богословия, заведовал Археологическим и Этнографическим музеем, постоянно выступал с лекциями перед населением по истории края, преподавал на общественных началах на вечерних курсах для взрослых, в Университетской церкви, где он вел богослужение, организовал хор студентов, написал ряд трудов по истории раскола. Заведующий кафедрой госпитальной хирургической клиники и директор Госпитальных хирургических клиник П. Тихов являлся председателем Общества попечения о бедных больных, сам их выхаживал, не считаясь со временем, был редактором университетской

газеты. Профессор обладал литературным талантом, написал роман и около 20 рассказов, занимался пением и музыкой (ПТУ, 1996: 22, 35, 162, 238, 258). Решая поставленные перед собой просветительские задачи, интеллигенция, читая лекции, обращалась не только к своим профессиональным знаниям, но и предлагала слушателям лекции по темам своих увлечений, которым посвящала досуг. Нет возможности остановиться на всех биографиях томских профессоров. Но и факты из проанализированных биографий свидетельствуют об их подвижнической деятельности, направленной на общественное служение.

Художественные силы Томска объединились в общество любителей художеств (ТОЛХ). На вечерах общества заслушивались доклады, писались портреты с натуры, устраивались выставки местных художников. Аналогично художественным создавались музыкальные и театральные общества. Любительские общества по интересам также заполняли досуг интеллигенции. В 1880-х годах были организованы любительские драматические общества в Тобольске и Омске, где каждый месяц создавался новый спектакль (Калашникова, 2008: 28). В Омске юрист А. Хлебников, будучи музыкантом-любителем, являлся активным членом Общества при филармонии. Он играл на фортепиано и скрипке, сочинял музыку и выступал с любительскими концертами. В семье царили патриархальные традиции, и местная интеллигенция часто проводила вечера в этом гостеприимном доме (Ботникова, 1995: 145). В Томске учитель гимназии Р. Сирен в 1876 г. организовал хор, бесплатно давал уроки игры на скрипке. На квартире у себя он раз в неделю устраивал вечера (Адрианов, 1890: 121). Учитель математики Я. Шебалин хорошо пел, рисовал, страстно любил музыку. На его квартире собирались любители музыки, учителя Омской гимназии. Они пели, играли на музыкальных инструментах. Неслучайно, видимо, его сын Виссарион стал известным композитором (Шебалина, 1994: 216). Интеллигенция Омска собиралась на подобные вечера в доме советника Главного управления Западной Сибири Я. Капустина. Учитель томской гимназии Д. Кузнецов также указывал на то, что домашние кружки и вечера были популярны среди интеллигенции города (Калашникова, 2008: 26). На квартире Красноярского художника Д. Каратанова собирались единомышленники, художники, музыканты, артисты-любители. Сестра его вышла замуж за присяжного поверенного и поэта Ф. Филимонова. Чаепитие и разговоры об искусстве были содержанием вечеров, проводимых у Каратанова. К сбору интеллигенции на квартирах власти относились настороженно. Собрания обычно проходили поздно, с 23 часов до 3 часов ночи. На них обсуждались литературные произведения, политические проблемы, устраивались коллективные чтения. Часто участниками таких вечеров были политические ссыльные, как, например, в кружке студента Н. Щукина, приехавшего из Петербурга (Дегальцева, 2005: 76). В 1860-х гг. в Иркутске коренной сибиряк Юрьев организовал кружок, секретарем которого был М. Загоскин, будущий редактор либеральной газеты «Сибирь». На заседаниях кружка обсуждали вопросы как литературы, так и политики. Кружок носил подпольный характер (Потанин, 2004: 75). Нина, героиня романа «Угрюм-река» знатока сибирской жизни В. Шишкова, в письме к Прохору писала: «... образовали литературный кружок, кой-чему учимся, пишем рефераты, руководит учитель словесности Долгов» (Шишков, 1982: 148). Подобный образ жизни свидетельствовал о самоорганизации общества. Вечера, проводимые интеллигенцией на частных квартирах, становятся неотъемлемой частью ее образа жизни. Кружки по интересам и увлечениям, в которые она объединялась, сплачивали ее силы, способствовали ее интеллектуальному развитию.

Бескорыстное служение идее просвещения народа становилось для большинства сибирской интеллигенции сверхзадачей и маркером принадлежности к корпорации. Томские учителя работали в свой выходной в бесплатных воскресных школах, устраивали публичные чтения. Томская учительница В. Воложанина, проработавшая в женском училище 25 лет, организовала сбор средств на покупку учебников, книг, одежды, завтраков (Дегальцева, 2005: 44). В школах представители интеллигенции проводили литературные и музыкальные вечера, организовывали утренники, спектакли, нацеленные на развитие личности. В 1899 г. было отмечено столетие со дня рождения А. Пушкина. В 1902 г. отмечалось 50-летие со дня кончины Н. Гоголя. В 1910 г. прошли вечера памяти Л. Толстого. Интеллигенция живо откликнулась на запросы времени, посвящая свой досуг просвещению городского населения, уделяя при этом особое внимание молодежи. Просветительскую деятельность интеллигенции строго контролировали власти. Никакая критика общественного порядка в публичных выступлениях не допускалась. Так, в 1912 г. были запрещены лекции врача А. Серебренникова на тему «О роли страха в истории человечества» как «крайне вредные для прочтения» (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 154. Л. 118). Самой интеллигенцией деятельность правительства по отношению к обществам оценивалась негативно, она рассматривала ее как разрушительную.

В рамках просветительской деятельности можно рассматривать и такую досуговую составляющую жизни интеллигенции, как коллекционирование и организация выставок. Состоятельные просвещенные сибиряки коллекционировали художественные произведения. У этнографа А. Адрианова была хорошая археологическая коллекция, которую он передал Минусинскому музею. В Красноярске в 1916 г. открылась первая передвижная выставка сибирских художников и скульпторов, экспонаты которой были представлены на Алтае, в Иркутске, Красноярске, Томске (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342). Выставки укрепляли культурные региональные связи, формировали общие тенденции в развитии искусства Сибири, развивали эстетические вкусы населения.

В качестве средства, влияющего на общественную жизнь и способного пробудить у населения стремление к нравственному усовершенствованию, интеллигенция рассматривала театр. Только во второй половине XIX в. происходит становление профессионального театра в Сибири. Поэтому местная интеллигенция (учителя, врачи, служащие) объединялась в драматические кружки, которые своей деятельностью должны были компенсировать отсутствие профессионального театра. Потребности горожан в организации своего досуга отчасти удовлетворяли сезонные антрепризы. Проблемы, связанные с театральной деятельностью у всех сибирских городов, были одинаковы: отсутствие помещений, средств и, как следствие этого, отсутствие профессиональных трупп. Только в 1873 г. в Красноярске было построено первое деревянное здание театра. Однако в городе был свой драматург. Адвокат Ф. Филимонов написал пьесу «В краях сибирских». Главными героями пьесы были ссыльные. Местная администрация сочла, что постановка подобной пьесы недопустима, и автора предупредили об этом (ГАИО. Ф. 25. Оп. 1 Д. 5. Л. 82). Репертуар сибирских театров часто повторялся. Пьесы были рассчитаны на невзыскательную публику, так и на думающих и образованных зрителей, для которых ставили пьесы Шекспира, Шиллера, Островского, Грибоедова. Накануне Первой русской революции особой популярностью пользовались пьесы Горького. Для просвещенной интеллигенции театр являлся частью ее образа жизни. Директор Красноярской учительской семинарии И. Савенков был прекрасным актером и разносторонним человеком, он увлекался шахматами и археологией. В разработанной им системе педагогического обучения лежал призыв: «не трудиться только из-за жалованья» (Быконя и др., 1990: 259). Усилия интеллигенции на театральном поприще были направлены на то, чтобы придать театру народный характер. Свою деятельность при этом она рассматривала как часть просветительской работы, которой посвящала свое свободное время. Образ жизни, организованный подобным способом, без сомнения можно рассматривать как бескорыстное служение идее просвещения, выражающее ментальность сибирской интеллигенции.

Еще одной формой досуга интеллигенции были семейные праздники – празднование Нового года, Рождества. В общественном собрании проводились вечера и маскарады. В интеллигентских семьях было принято торжественно открывать шампанское, которое в то время стоило достаточно дорого (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Пикники, выезды на природу, прогулки на лодках также пользовались популярностью. А. Яворский вспоминал, как он с родителями ездил в заповедник «Столбы» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 34. Л. 7). На семейных вечерах читали и обсуждали книги, стихи любимых поэтов, последние новости. Каждый мог высказать свое мнение. Популярны были журналы для детей и книги Ж. Верна, Л. Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Купера, В. Скотта (Кискидосова, 2015: 111). Особой популярностью среди губернской интеллигенции пользовались балы. Конкурсы, проводимые на этих вечерах, способствовали популярности школ бальных танцев, куда интеллигенция отдавала своих детей для обучения (ИЗИ, 2002: 130).

В провинциальных городах досуг был развит слабо. Это было связано с низким уровнем жизни общества, неразвитостью услуг, малочисленностью и бедностью самой интеллигенции. А. Яворский отмечал однообразие и монотонность жизни в Енисейске в 1890-х гг. Жители хотели хоть каких-либо развлечений. «Единственным постоянным просветительским учреждением были библиотека и музей. Но грамотных было мало. В музей ходили мало, хотя был он на базарной площади. Его основатель – Александр Игнатьевич Кытманов, ботаник, историк и пароходчик, делал все, чтобы популяризовать знания о крае» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 1). Но, видимо, его старания не приносили желаемого результата.

Более полное представление об образе жизни сибирской интеллигенции помогает составить анализ биографий ее выдающихся представителей. Археолог и краевед А. Адрианов происходил из семьи потомственных интеллигентов. Родился он в Тобольской губернии в семье священника. Его отец преподавал в мужской и женской школах, занимался краеведением. Мальчика определили учиться в Тобольскую классическую гимназию, где директором был П. Ершов, автор «Конька-Горбунка». Интересы подростка были разносторонними. Он брал уроки игры на скрипке, изучал иностранные языки. Поступив в Петербургский университет, сблизился с Потаниным и Ядринцевым. Вернувшись на родину, сотрудничал в различных сибирских газетах: «Восточном обозрении», «Сибирской газете», «Сибири». А. Адрианов занимался организацией выставок, читал лекции, популяризируя этнографические знания. В 1887 г. в Томске при его участии состоялась первая в Сибири этнографическая выставка, на которой были представлены подлинные экспонаты (Дэвлет, 2002: 10-12, 22). Постоянная нужда заставляет его в 1887 г. принять назначение на должность чиновника по особым поручениям Томского общего губернского управления. Кроме служебных дел, которые были ему в тягость, Адрианов принимал участие в экспедициях, организованных политическим ссыльным Д. Клеменцем на средства И. Сибирякова в Якутию, занимался общественными делами, в частности являлся председателем Общества попечения о начальном образовании. Тесные отношения Адрианова с политическими ссыльными свидетельствуют о либеральном характере его убеждений. Дочери Марии преподавал ссыльный поляк Ф. Кон, который помогал ему в организации экспедиций. Сыну Александру преподавал Г. Кржижановский, в доме которого мальчик играл в шахматы с В. Лениным во время пребывания его в Шушенской ссылке (Дэвлет, 2002: 31). В Томске в 1909 г. при помощи Потанина Адрианов организовал «Сибирский

вечер», весь сбор которого пошел на помощь сибирякам, обучавшимся в Москве и Петербурге. Цель вечера, на котором выступали представители коренных народностей в национальных костюмах, была в пробуждении у интеллигенции интереса к истории народов края. Встретив восторженно Февральскую революцию, ученый вскоре разочаровался в установившейся власти. За смелость высказывать свои мысли и суждения в печати ему пришлось заплатить своей жизнью в марте 1920 г.

Другой представитель сибирской интеллигенции, жизнь которого также была посвящена служению интересам края, Н. Наумов, родился в Тобольске. С 1859 г. он начал печататься в местных изданиях, в круг его общения входили Г. Потанин, Н. Ядринцев, И. Худяков. Литературная деятельность привлекала будущего писателя, но окончить Петербургский университет он не смог из-за участия в студенческих волнениях. Основной темой его литературных произведений была судьба сибирского крестьянства после реформ. Тему эту Н. Наумов трактовал в контексте интеллигентских представлений о народе. Так как литературный труд не давал возможности безбедного существования, он вынужден был поступить на службу земским чиновником. Эта служба ввела его в состояние нравственного конфликта. Дело в том, что по долгу службы он должен был назначать телесные наказания, определять штрафы, передавать дела для тюремного заключения при взыскании податей и повинностей. Для русского интеллигента это было неприемлемо и вызывало его нравственные страдания (Рогачева, Эртнер, 2019: 139). Адрианов и Наумов являются одними из многочисленных представителей сибирской интеллигенции, жизнь и судьба которых тесно была связана с регионом и всецело посвящена ему. Не все, однако, выдерживали суровые испытания сибирской жизни. Нередко бывало так, что чиновники, врачи, учителя, священники за мизерную плату в 200-300 рублей в год, уезжая работать в глухие места, где отсутствовала какая-либо цивилизация, спивались, заканчивали жизнь самоубийством. А. Чехов, проехавший во время своей поездки на Сахалин через всю Сибирь, не оставил ни одного лестного отзыва о сибирской интеллигенции, которую разделял на местную и ссыльную, относясь к последней с большим сочувствием. «Интеллигентные ссыльные – это все бывшие офицеры, чиновники, нотариусы, бухгалтера, представители золотой молодежи, присланные сюда за подлоги, растраты, мошенничества и т. п., – ведут жизнь замкнутую и скромную» (Чехов, 1987: 26). Сибирской интеллигенции Чехов давал такую оценку: «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея, после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж вам задает вопрос: «А не выпить ли нам водки?» И от скуки пьет с ним ссыльный, сначала морщится, потом привыкает и, в конце концов, конечно, спивается» (Чехов, 1987: 27). Не хочется упрекать писателя в необъективности, но, видимо, встречался он с далеко не лучшими представителями сибирской интеллигенции. Ссыльный Шапошников, герой романа Шишкова «Угрюм-река», рассказывал об образе жизни ссыльных так: «батрачат у крестьян, стойко переносят все тяготы жизни, не порывают с революционной работой, следят за событиями в стране, организуют кружки самообразования, иные даже бегут на волю» (Шишков, 1982: 263). Но сам герой Шишкова не смог адаптироваться к сибирским условиям и деградировал, постепенно спиваясь. Сам В. Шишков приехал в Томск на работу фактически в одно время с А. Чеховым, в начале 1890-х годов. По-другому пишет он о людях, с которыми ему приходилось общаться. В Томске он попал в студенческую среду, которая способствовала его быстрой адаптации. «Политика меня мало интересовала. Но жизнь молодежи была мне по душе, я с рвением собирал деньги по запретным подписным листам на нужды революции. Много читал» (Шишков, 1987: 18), – вспоминал писатель. Предреволюционная романтика кружила ему голову. Семь лет он прожил в доме поэта Г. Вяткина, по вечерам у которого собиралась интеллигенция, велись беседы на литературные темы. Под руководством Вяткина был основан журнал «Молодая Сибирь», на страницах которого печатались стихи, очерки, рассказы местных литераторов, но из-за нехватки средств журнал просуществовал недолго. Как видим, досуг местной интеллигенции был занят далеко не пьянством. В Томске Шишков познакомился с инженером Петровым, который работал под его началом и участвовал в экспедициях, близко сошелся с политическим ссыльным студентом Казанского университета Полозовым, с Шевцовым, сосланным за революционную деятельность и занимавшимся исследованием Сибири (Вячеслав Шишков., 1987: 306). Особое значение для В. Шишкова имело знакомство с Г. Потаниным. Параллельно со своими профессиональными обязанностями писатель занимался просветительской деятельностью, участвовал в публичных чтениях и вечерах, обучал грамоте взрослых в воскресной школе (Вячеслав Шишков., 1987: 25).

Отдельные негативные моменты, которые имели место в истории становления сибирской интеллигенции, ни в какой мере не умаляют ее значения в культурном развитии региона. Именно ее деятельность, носившая подвижнический характер и отражавшая ее менталитет, во многом определила дальнейшее поступательное развитие Сибири.

5. Заключение

Содержание образа жизни какой-либо социальной группы определяется, прежде всего, ее экономическими возможностями, интеллектуальным развитием и нравственными качествами. Декабристы, являясь первыми представителями дворянской интеллигенции в Сибири, заложили

традиции бескорыстного общественного служения. Большую роль в формировании самосознания местной интеллигенции сыграли политические ссыльные, самоотверженный вклад которых в развитие культурной среды региона неocenim. Благодаря заложенным ими традициям в образе жизни интеллигенции Сибири превалировал серьезный досуг, который был обусловлен чувством долга и заключался в ее просветительской деятельности. Понимая, что развитие Сибири напрямую связано с наличием местной интеллигенции, представители ее прилагали большие усилия для пополнения своих рядов, развивая систему образования непосредственно в регионе. Просветительская деятельность имела в Сибири особое значение, так как подавляющее большинство населения было безграмотным. Отсутствие земств ставило задачу просвещения народа непосредственно перед каждым представителем интеллигенции. Просветительство рассматривалось ею как долг, которому интеллигенция посвящала свой образ жизни, и одной из форм которого являлось ее объединение в различные общества. Общества носили как научный, так и любительский характер. Деятельность их направлена была на организацию досуга. Члены обществ, участвуя в спектаклях, утренниках, вечерах, не рассчитывали на вознаграждение, их привлекала сама идея бескорыстного служения. Своей деятельностью общества создавали традицию, формировали определенный тип мировоззрения, направленный на служение общественным интересам. Неотъемлемой частью образа жизни интеллигенции являлось ее объединение в кружки, которые собирались на частных квартирах. Популярностью пользовались литературно-музыкальные, вокальные вечера, на которых обсуждались новинки литературы. Усилия интеллигенции, направленные на повышение культурного уровня общества в целом, находили отклик среди населения.

Театральная, коллекционная, выставочная, литературная деятельность являлись частью образа жизни интеллигенции, характер которой во многом определялся ее представлениями об ответственности за культурное развитие региона. Наряду с серьезным досугом интеллигенции не были чужды и развлечения. Общественные и семейные праздники, пикники, катание на лодках, выезды на природу также являлись составляющей ее образа жизни. Трудные жизненные условия сибирской интеллигенции, вызванные тяжелым материальным положением, вынуждали ее поступать на службу, что лишало ее возможности отдавать все свое время исполнению долга так, как она это понимала. Способность поступиться личными интересами во имя общественного служения являлась характерной чертой интеллигенции, выражающей ее ментальность.

К концу XIX века сибирская интеллигенция уже имела достаточно сил, чтобы влиять на общественную жизнь региона, формируя мировоззрение, нравственные ценности, эстетические вкусы общества. Анализ различных составляющих образа жизни сибирской интеллигенции показал, что просветительская деятельность отражала ее внутренние потребности, выражая ее сущностные качества. Общественная деятельность сибирской интеллигенции, которой она посвящала свой досуг, была мотивирована осознанием ею своей личной ответственности за культурное развитие региона, пониманием своего гражданского долга, который, в свою очередь, проявился в ее ментальности.

Литература

- Адрианов, 1890** – Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. 433 с.
- Ботникова, 1995** – Ботникова Т.Ф. Быт и вкусы городской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. / *Урбанизация и культурная жизнь Сибири: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф.* Омск., 1995. С. 144-147.
- Бутакова, 2004** – Бутакова Н.В. Организация культурного досуга широких слоев горожан Томской губернии в конце XIX – начале XX в. / *Города Сибири XVII - начала XX в.:* сб. науч. ст. Барнаул, 2004. 229 с. С. 200-214.
- Быконя и др., 1990** – Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII-XIX века). Красноярск, 1990. 304 с.
- Вячеслав Шишков., 1987** – Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. 389 с.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Гончаров, 2004** – Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. 358 с.
- Гончаров, 2020** – Гончаров Ю.М. Жилищные условия горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2020. № 1 (48). С.127-136.
- Дегальцева, 2002** – Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861-1917 гг.). Барнаул, 2002. 228 с.
- Дегальцева, 2005** – Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2005.188 с.

- Дэвлет, 2002** – Дэвлет М.А. А. В. Адрианов как этнограф // *Репрессированные этнографы*. Вып. 1. М., 2002. 343 с.
- ИЗИ, 2002** – История Земли Иркутской. Иркутск, 2002. 368 с.
- История повседневности..., 2018** – История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: *мат-лы всерос. с междунар. участием науч. конф.* Бийск, 2018. 152 с.
- Калашникова, 2008** – Калашникова О.В. Досуговая составляющая повседневной жизни городской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX в. // *Омский научный вестник*. 2008. № 2 (66). С. 26-30.
- Кискидосова, 2015** – Кискидосова Т.А. Семейные традиции горожан Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60). В 3 ч. Ч. 1. С. 109-112.
- Литягина, 2014** – Литягина А.В. Разрушение сословности в повседневной жизни горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начала XX века): сб. мат-лов всерос. науч. конф.* Новосибирск, 2014. С.75-83.
- Литягина, 2017** – Литягина А.В. История повседневности сибирских городов второй половины XIX – начала XX в. в трудах отечественных историков // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2017. № 12 (86). В 5 ч. Ч. 3. С. 11-114.
- Макарова, 2010** – Макарова Е.А. «Я каждый день вижу эти сцены...» (Служебная и творческая деятельность Н. И. Наумова в свете переселенческого дискурса) // *Сибирский филологический журнал*. 2010. № 2. С. 19-28.
- Потанин, 2014** – Потанин Г.Н. Избранное. Томск, 2014. 400 с.
- ПТУ, 1996** – Профессора Томского университета: биографический словарь. Вып. 1. (1888 – 1917). 288 с.
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Рогачева, Эртнер, 2019** – Рогачева Н.А., Эртнер Е.Н. Ссылнокааторжная Сибирь как «территория памяти» в «Сибирских очерках» Н.И. Наумова // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 2 (63). С. 137-142.
- Самойлова, 2006** – Самойлова Е.В. Проблема изменения мотивации общественного служения в Сибири в духовно-нравственных исканиях и деятельности сибиряков-интеллигентов в конце XIX в. // *Омский научный вестник*. 2006. № 4 (38). С. 56-58.
- Харусь, 2020** – Харусь О.А. Либеральная субкультура и культурно-просветительские организации в Сибири на рубеже XIX-XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 67. С.62-67.
- Чехов, 1987** – Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. М., 1987. Т. 14-15. 926 с.
- Шаламова, 2011** – Шаламова С.А. Роль власти и культурно-просветительских обществ губернских и областных центров Восточной Сибири в организации досуга молодежи в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник ИрГТУ*. 2011. № 9 (56). С. 293-299
- Шебалина, 1994** – Шебалина А. М. В Омске // *Иртыш*. 1994. № 1. С. 216-231.
- Шишков, 1982** – Шишков В. Я. Угрюм-река. М., 1982.
- Gryaznukhin et al., 2020** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V. Maljutina L.F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1132-1141.
- Gryaznukhin et al., 2021** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45 (3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021** – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Maljutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

References

- Adrianov, 1890** – Adrianov, A.V. (1890). Gorod Tomsk v proshlom i nastoyashchem [The city of Tomsk in the past and present]. Tomsk. 433 p. [in Russian]
- Botnikova, 1995** – Botnikova, T. F. (1995). Byt i vkusy gorodskoi intelligentsii kontsa XIX – nachala XX vv. [Life and tastes of the urban intelligentsia of the late XIX – early XX centuries]. *Urbanizatsiya i kul'turnaya zhizn' Sibiri: mat-ly Vseross. nauch.-prakt. konf.* Omsk, pp. 144-147. [in Russian]

- [Butakova, 2004](#) – *Butakova, N.V.* (2004). Organizatsiya kul'turnogo dosuga shirokikh sloev gorozhan Tomskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Organization of cultural leisure for broad layers of citizens of the Tomsk province at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries] *Goroda Sibiri XXVII – nachala XIX v.*: sb. nauch. st. Barnaul, pp. 200-214. [in Russian]
- [Bykonya i dr., 1990](#) – *Bykonya, G.F., Fedorova, V.I., Berdnikov, L.P.* (1990). Krasnoyarsk v dorevolutsionnom proshlom (XVII-XIX veka) [Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past (XVII-XIX centuries)]. Krasnoyarsk. 304 p. [in Russian]
- [Chekhov, 1987](#) – *Chekhov, A.P.* (1987). Poln. sobr. soch. i pisem v 30-ti tt. [Full collection Op. and letters in 30 volumes]. M. T. 14-15. 926 p. [in Russian]
- [Degal'tseva, 2002](#) – *Degal'tseva, E.A.* (2002). Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoi Sibiri (1861-1917 gg.) [Public non-political organizations of Western Siberia (1861-1917)]. Barnaul. 228 p. [in Russian]
- [Degal'tseva, 2005](#) – *Degal'tseva, E.A.* (2005). Obraz zhizni sibiryakov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Lifestyle of Siberians in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul. 188 p. [in Russian]
- [Dehvlet, 2002](#) – *Dehvlet, M.A.* (2002). A. V. Adrianov kak ehtnograf [A. V. Adrianov as an ethnographer]. *Repressirovannyye ehtnografy*. Vyp. 1. Moscow. 343 p. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- [GAOO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State Archive of the Omsk Region].
- [GATO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archives of the Tomsk Region].
- [Goncharov, 2004](#) – *Goncharov, Yu.M.* (2004). Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolutsionnoi Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.) [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk. 358 p. [in Russian]
- [Goncharov, 2020](#) – *Goncharov, Yu.M.* (2020). Zhilishchnye usloviya gorozhan Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Housing conditions of Western Siberian townspeople in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii*. 1(48): 127-136. [in Russian]
- [Gryaznukhin et al., 2020](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. Malyutina, L.F.* (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57 (3): 1132-1141.
- [Gryaznukhin et al., 2021](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16 (3): 1299-1307.
- [Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38 (4): 972-981.
- [Gryaznukhina et al., 2017](#) – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T., Reut, G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 45 (3): 811-820.
- [Gryaznukhina et al., 2021](#) – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F., Akhtamov, E.A.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16 (2): 652-660.
- [Istoriya povsednevnosti, 2018](#) – *Istoriya povsednevnosti naseleniya Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov kak forma tsivilizatsionnoi identichnosti Evrazii: mat-ly vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf.* [History of everyday life of the population of Western Siberia and adjacent regions as a form of civilizational identity of Eurasia: All-Russian materials. with international participation of scientific conf.]. Biisk, 2018. 152 p. [in Russian]
- [IZI, 2002](#) – *Istoriya Zemli Irkutskoi* [History of the Irkutsk Land]. Irkutsk, 2002. 368 p. [in Russian]
- [Kalashnikova, 2008](#) – *Kalashnikova, O. V.* (2008). Dosugovaya sostavlyayushchaya povsednevnoi zhizni gorodskoi intelligentsii Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX v. [Leisure component of everyday life of the urban intelligentsia of Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2(66): 26-30. [in Russian]
- [Kharus', 2020](#) – *Kharus', O.A.* (2020). Liberal'naya subkul'tura i kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii v Sibiri na rubezhe XIX-XX vv. [Liberal subculture and cultural and educational organizations in Siberia at the turn of the 19th-20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 67: 62-67. [in Russian]
- [Kiskidosova, 2015](#) – *Kiskidosova, T.A.* (2005). Semeinye traditsii gorozhan Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Family traditions of the townspeople of Eastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. No 10 (60). V 3 ch. Ch. 1, pp. 109-112. [in Russian]
- [Lityagina, 2014](#) – *Lityagina, A.V.* (2014). Razrushenie soslovnosti v povsednevnoi zhizni gorozhan Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The destruction of class in the everyday life of Western Siberian townspeople in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. *Soslovyne i*

sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachala XX veka): sb. mat-lov useros. nauch. konf. Novosibirsk, pp.75-83. [in Russian]

Lityagina, 2017 – *Lityagina, A.V.* (2017). Istoriya povsednevnosti sibirskikh gorodov vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. v trudakh otechestvennykh istorikov [The history of everyday life in Siberian cities in the second half of the 19th – early 20th centuries. in the works of domestic historians]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov. No 12 (86). V 5 ch. Ch. 3. Pp. 111-114. [in Russian]

Makarova, 2010 – *Makarova, E.A.* (2010). «Ya kazhdyi den' vizhu ehti stsenY...» (Sluzhebnyaya i tvorcheskaya deyatelnost' N. I. Naumova v svete pereselencheskogo diskursa) [“I see these scenes every day...” (Service and creative activities of N. I. Naumov in the light of resettlement discourse)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal.* 2: 19-28. [in Russian]

Potantin, 2014 – *Potantin, G.N.* (2014). Izbrannoe [Favorites]. Tomsk. 400 p. [in Russian]

PTU, 1996 – Professora Tomskogo universiteta: biograficheskii slovar' [Professors of Tomsk University: biographical dictionary]. Vyp. 1. (1888 – 1917). 288 p.

RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].

Rogacheva, Ehrtnner, 2019 – *Rogacheva, N.A., Ehrtnner, E.N.* (2019). Ssyl'nokatorzhnaya Sibir' kak «territoriya pamyatI» v «Sibirskikh ocherkakh» N.I. Naumova [Exiled convict Siberia as a “territory of memory” in “Siberian Sketches” by N.I. Naumov]. *Ural'skii istoricheskii vestnik.* 2(63): 137-142. [in Russian]

Samoilova, 2006 – *Samoilova, E.V.* (2006). Problema izmeneniya motivatsii obshchestvennogo sluzheniya v Sibiri v dukhovno-nravstvennykh iskaniiakh i deyatelnosti sibiryakov-intelligentov v kontse XIX v. [The problem of changing the motivation for public service in Siberia in the spiritual and moral quest and activities of Siberian intellectuals at the end of the 19th century]. *Omskii nauchnyi vestnik.* 4(38): 56-58. [in Russian]

Shalamova, 2011 – *Shalamova, S.A.* (2011). Rol' vlasti i kul'turno-prosvetitel'skikh obshchestv gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoi Sibiri v organizatsii dosuga molodezhi v kontse XIX – nachale XX vv. [The role of the authorities and cultural and educational societies of provincial and regional centers of Eastern Siberia in organizing youth leisure in the late 19th – early 20th centuries.]. *Vestnik IRGTU.* 9(56): 293-299. [in Russian]

Shebalina, 1994 – *Shebalina, A. M.* (1994). V Omske [In Omsk]. *Irtysk.* 1: 216-231. [in Russian]

Shishkov, 1982 – *Shishkov, V.Ya.* (1982). Ugryum-reka [Gloomy river]. M. 892 p. [in Russian]

Vyacheslav Shishkov..., 1987 – Vyacheslav Shishkov v vospominaniyakh sovremennikov [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of contemporaries]. Novosibirsk, 1987. 389 p. [in Russian]

Образ жизни как отражение ментальности сибирской интеллигенции XIX века

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Семен Валерьевич Кожевников ^a, Татьяна Валерьевна Счастливая ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Вопросы взаимосвязи ментальности сибирской интеллигенции XIX века с ее образом жизни, в котором она нашла свое непосредственное проявление, рассмотрены в данной статье. Специфика экономического, культурно-социального развития Сибири определила особенности менталитета местной интеллигенции, образ жизни которой складывался согласно пониманию ею своего чувства долга. Долг свой интеллигенция видела в создании общеобразовательного пространства Сибири, которое, в свою очередь, должно было обеспечить культурное поступательное развитие региона. Понимание невозможности обеспечить процветание Сибири без наличия местной интеллигенции способствовало сосредоточению ею своих усилий на просветительской деятельности, которая была призвана охватить как можно более широкие слои населения. Формами просветительской деятельности являлось объединение интеллигенции в различные общества и кружки, которые являлись существенной частью ее образа жизни. Для решения своих материальных проблем интеллигенция вынуждена была заниматься трудовой деятельностью, однако свой досуг посвящала увлечениям, которые чаще всего развивались и рассматривались ею в рамках общественного служения. Самоотверженная подвижническая деятельность сибирской интеллигенции определялась ее интеллектуальными способностями, нравственными качествами, которые, влияя на ее образ жизни, выражали и ее менталитет.

Ключевые слова: Сибирь XIX в., интеллигенция, менталитет, образ жизни, просвещение, культура, досуг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), repetitor1972@gmail.com (Т.В. Счастливая)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1717-1727
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1717

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Northwestern Outskirts of Russia in the Policies of the Russian Authorities and Social Thought of the Late Imperial Period: A Historiographical Aspect

Maxim N. Krot ^{a, *}, Oksana O. Zavyalova ^a

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article undertakes a comprehensive analysis of the latest domestic historiography devoted to the study of government policy and social thought in relation to the North-Western Territory and the Baltic provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries. New trends and research approaches in the study of this issue have been identified, presented in the current format of journal scientific publications. It is noted that modern research retains echoes of discussions of previous decades about the role of the imperial center in the development of national outskirts, attempts continue to determine the reasons for the turn in the national policy of the Russian Empire in the late imperial period, new subjects are being developed related to identifying the degree of public influence on the process of making management decisions in relation to the northwestern marginal regions.

It is concluded that in the latest scientific literature there is a noticeable tendency to identify the unification aspirations of the Russian authorities, aimed at erasing the legal and administrative differences between the western outskirts and the central provinces of Russia. At the same time, the focus of research attention is increasingly focused on the efforts of the Russian administration aimed at supporting and developing local non-dominant ethnic groups, as well as representatives of the titular nation who find themselves on the outskirts in the position of a national minority.

The approach proposed in this historiographical review, which assumes the northwestern outlying regions of the Russian Empire as an object of intellectual consideration and scientific understanding, as a single space, the integrity of which was determined by the use of common integrative practices, as well as the integrity of its perception in Russian social thought, opens up for researchers new opportunities for the use of comparative methods in the study of this region.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, Baltic provinces, domestic historiography, unification, national policy, social thought.

1. Введение

Северо-западные окраинные регионы Российской империи в XIX – начале XX вв. представляли собой зону активной социокультурной диффузии европейских и российских цивилизационных начал, столкновение которых вело к различным ситуативным проявлениям, носившим, в том числе, и конфликтный характер. Управление ими требовало от имперских властей особой гибкости и высокой административной квалификации, которые становились предметом обсуждения, и зачастую критики со стороны общественных кругов выступали активными участниками формирования политического курса. Анализ роли и взаимосвязи данных акторов окраинной политики в контексте общих процессов нациостроительства и формирования новых идентичностей, происходящих в российском имперском пространстве во второй половине XIX – начале XX вв., является в настоящее время актуальной исследовательской проблемой.

* Corresponding author

E-mail addresses: mnkrot@sfedu.ru (M.N. Krot), zavyalova@sfedu.ru (O.O. Zavyalova)

Данные обстоятельства обусловили высокую степень внимания, уделяемого в современной научной литературе особенностям управления данным регионом. В новейшей историографии сохраняются отголоски дискуссий предыдущих десятилетий о роли имперского центра в развитии национальных окраин, продолжается полемика между подходами, предлагаемыми представителями активно развивающихся национальных историографий, видевших в России однозначную «империю зла», которая подавляла самобытное развитие населявших ее народов, и их оппонентами, акцентировавшими свое внимание на позитивных сторонах имперского воздействия на окраины. Одновременно с этим предлагаются новые подходы и сюжеты, позволяющие дополнить сложившуюся картину политики имперских властей в отношении северо-западных окраин и роли общественности, чье значение в выработке управленческих решений в отношении региона до настоящего времени было недостаточно исследованным.

2. Материалы и методы

Выступающие в качестве объекта интеллектуального рассмотрения и научного осмысления северо-западные окраинные регионы Российской империи, включающие в себя территории Виленского генерал-губернаторства (с примыкавшими к нему белорусскими губерниями) и Остзейского края, обладают общими чертами и свойствами, являясь особым регионом, представлявшим собой область цивилизационного противостояния между Россией и альтернативными ассимиляционными проектами.

Представляется целесообразным выявить новые тенденции и подходы в изучении правительственной политики и общественной мысли в отношении Северо-Западного края и Прибалтийских губерний. Данные подходы изложены в формате журнальных статей в ведущих отечественных научных изданиях, являющихся наиболее оперативным и актуальным средством представления результатов научного поиска и отражающих современное состояние данного исследовательского сюжета.

3. Обсуждение и результаты

Имперская проблематика всегда испытывала значительное влияние политической конъюнктуры, что отражалось на характере оценок ее роли в жизни многонационального российского народа. Уже в дореволюционную эпоху сложилось две диаметрально противоположные точки зрения на характер российской имперской государственности и на ее историческое и цивилизационное значение. Часть мыслителей, среди которых значительное место занимали представители правящих кругов, указывали на безальтернативность имперской модели государственности в России, подчеркивая цивилизаторскую и созидательную роль имперского начала в жизни многих народов, входящих в ее состав. Отдельные мыслители признавали и сохранение этой модели даже после 1917 года (Medovarov, 2022: 60).

Другая часть российской общественности видела в имперской государственности исключительно механизм подавления и насилия, препятствовавший свободному социально-политическому и культурному развитию народов. Концепт «Российская империя – тюрьма народов», сложившийся еще в дореволюционный период среди части российской интеллигенции, оказался весьма востребован радикальными националистическими кругами и получил значительное развитие в рамках новой идеологической парадигмы, восторжествовавшей в нашей стране после 1917 года. Только в 1930-е гг. стал постепенно утверждаться исследовательский подход, в соответствии с которым присоединение новых территорий и народов к Российской империи рассматривалось как проявление «объективной прогрессивности» (Миллер, 2024: 340).

В настоящее время оценки характера политики российских имперских властей в отношении национальных окраин и всего связанного с ней национально-имперского дискурса становятся более взвешенными. Крайне упрощенный взгляд на политику Российской империи в отношении национальных окраин современной историографией вполне обоснованно ставится под сомнение. Ему на смену приходит представление о более сложном и неоднородном характере российского общественно-политического имперского дискурса, в котором стали выделяться различные направления и оттенки, представлявшие собой особые модели политики в отношении национальных окраин (Авилов, 2022; Дудин, 2022; Rudnik, 2022; Янченко, 2023; Гринев, 2023). Активно изучается современными исследователями и влияние на эту политику объективных экономических и демографических процессов (Перетяшко, 2021; Рязанцев, Смирнов, 2024). В последнее время признается, что имперский центр, представленный как бюрократическими, так и общественными кругами, отвечая на вызов национализма, на протяжении «долгого» XIX века был поставлен перед необходимостью не только выработать общие принципы национальной и культурно-религиозной политики, но и приспособить их под особенности развития конкретных регионов (Миллер, 2021: 251; Центр и регионы, 2021: 7).

В настоящее время одним из актуальных исследовательских направлений, связанных с рассматриваемой проблематикой, является изучение процесса формирования национально-государственного нарратива как особой формы социально ориентированного историописания, лежавшего в основе конструирования собственной национальной идентичности (Banaszkiewicz, 2021; Леонтьева, 2021; Дворниченко, 2023). Включение в данные границы определенных окраинных территорий (таких

как Северо-Западный край и Прибалтика) обуславливало создание соответствующих исторических исследований, научно обосновавших право политического субъекта на обладание ими.

Одной из центральных тем общественно-политических дискуссий «окраинной» направленности в российском обществе XIX – начала XX вв., привлекающих к себе повышенное внимание исследователей, являлся «роковой» польский вопрос. Для русской общественности польский вопрос выступал «жизненным вопросом», посвященным не столько обоснованию «владения Польшей», сколько проблеме территориального и социокультурного разграничения польского и русского, что неизбежно связывало его с дискуссией о западнорусских губерниях и «западнорусском народе». В этом контексте пресловутый польский вопрос являлся точкой притяжения различных сюжетов имперской и национальной политики, включавшей в себя проблему формирования национальных идентичностей, перспектив развития имперской государственности, создания национальных нарративов (*Забывтые страницы...*, 2022: 6-8).

Актуализация польского вопроса, связанная с повстанческим экстремумом 1863–1864 гг., способствовала его осмыслению и обсуждению в публичном пространстве русскими литераторами, чье обращение к польской проблематике до настоящего времени остается недостаточно изученным. Одним из таких деятелей является Н.С. Лесков, «польская тема» в литературных и публицистических сочинениях которого анализируется А.А. Теслей. Исследователь отмечает, что, в отличие от других деятелей русской культуры, отображавших в своих сочинениях «русский взгляд» на Польшу и поляков, Лесков стремится провести антропологическую фиксацию поляка как другого, выявив его ключевые отличия от русских. Данные отличия лежат в основе взаимного непонимания, порождающего конфликтные ситуации (*Тесля, 2023*). Данный сюжет дополняет представления об эволюции взглядов русского образованного общества, которое через призму осмысления польского вопроса осознавало себя как часть национального сообщества. Связанные с этим осознанием многообразные интеллектуальные процессы, проходившие на протяжении второй половины XIX – начала XX вв., являются значимой перспективой для дальнейших исследований, направленных на изучение литературных процессов в регионах (*Егорова, 2023*).

Актуализация польского вопроса в политическом дискурсе переломной эпохи русской истории, связанной с Первой мировой войной и революцией 1917 года, отражена в ряде исследований, авторы которых не только встраивают данный сюжет в общий анализ происходящих в России социально-политических трансформаций (*Рачковский, Федоров, 2019*), но и рассматривают его как предмет напряженных парламентских дебатов, посвященных будущему Польши в контексте общих перспектив развития российской государственности (*Дмитриева, 2023*).

В отдельную группу могут быть выделены исследования, посвященные рассмотрению различных аспектов политики имперских властей в отношении западных окраин, в которых особое внимание уделяется мерам по обеспечению лояльности национальных меньшинств, налаживанию взаимодействия между центром и местными элитами, модернизации устаревших правовых норм, не соответствовавших новым политическим и социально-экономическим реалиям. Значимой в современной научной литературе выступает проблема формирования правительственной политики по «перекодировке» национальной и религиозной идентичности населения Северо-Западного края. Роль офицеров Генерального штаба в формировании представлений об этноконфессиональном составе населения Северо-Западного края в контексте определения его «русскости» была проанализирована в работе А.А. Комзоловой (*Комзолова, 2020a*).

Повышенный исследовательский интерес к образовательной политике российских властей, реализуемой на северо-западных окраинах России, обусловлен признанием ее огромной роли в деле аккультурации окраинных сообществ и их приобщения к русским историко-культурным ценностям. Исследователи признают большую роль русской националистической общественности в деле деполонизации образовательной сферы региона (*Котов, Федоров, 2023; Крот, 2023a*). Особое внимание уделяется также анализу конкретных правительственных мероприятий в образовательной сфере, направленных на формирование гражданской идентичности среди крестьян северо-западных губерний (*Комзолова, 2021*). Первостепенное значение в этом контексте традиционно уделяется таким знаковым для политики русификации Северо-Западного края фигурам, как генерал-губернатор М.Н. Муравьев и митрополит Иосиф (Семашко) (*Бендин, 2018; Комзолова, 2020b*). Острые общественные дискуссии, разворачивавшиеся как в общероссийском научно-педагогическом сообществе, так и среди региональных общественных деятелей и педагогов по разнообразным вопросам, связанным с выбором преобладающей формы образовательных учреждений, также привлекают повышенное внимание исследователей (*Каштанова, 2020*). Анализ данных дискуссий, являвшихся составной частью актуальной общественно-политической повестки, позволяет выйти на новый уровень понимания процессов, происходивших в интеллектуальной сфере пореформенной России.

В настоящее время в отечественной историографии происходит перенос фокуса исследовательского внимания с одностороннего изучения репрессивно-силовых управленческих методов на перманентно присутствовавшие в управленческой деятельности имперской администрации позитивные практики формирования социокультурного ландшафта в рамках полиэтнического многообразия населения западных регионов империи. Выявляемая исследователями стратегия неконфликтной интеграции

западных окраинных регионов, по их мнению, реализовалась в форме отказа от наиболее одиозных дискриминационных мер в отношении национальных и конфессиональных сообществ западных окраинных регионов. Это выразилось в применении культурно-просветительской и образовательной политики, направленной на формирование позитивного символического капитала имперского начала в сознании местного населения, и государственной мемориальной политики, реализуемой с целью создания единого пространства памяти (Крот, Завьялова, 2023; Завьялова, 2023а). В рамках указанного исследовательского направления рассматриваются частные проявления данной стратегии, одним из которых стало возникновение Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» (Крот, 2022).

Если кадровая политика российского правительства в Северо-Западном крае в настоящее время традиционно привлекает достаточно большое внимание исследователей, рассматривающих особенности служебной деятельности имперской бюрократии в регионе (Киселев, 2018; Кузьмин, 2018), то общественные дискуссии о путях совершенствования регионального административного аппарата длительного времени не являлись объектом специального изучения. Данный пробел, не позволяющий адекватно оценить участие общественных сил в выработке проектов административного переустройства управления окраинными регионами, открывает перед учеными новое исследовательское поле, значимым сегментом которого является освещение дискуссии о судьбе института генерал-губернаторства на западных окраинах.

Один из первых всплесков общественного интереса к данному вопросу, отраженному на страницах консервативной периодической печати, проанализирован исследователем А.Э. Котовым, сосредоточившим свое внимание на газетной дискуссии 1888 года, развернувшейся между сторонниками и противниками сохранения данного «чрезвычайного» института. Рассматриваемая полемика трактуется ученым как частное проявление глобального противостояния национального и сословного направлений в русском консерватизме, дискутировавших о степени умиротворенности края и социальной опоре российских властей в нем (Котов, 2023). Обращение к данным сюжетам позволяет составить более полное представление о вопросах, волновавших русское общество в период спада общественной активности и видимого торжества национальных начал в последние десятилетия XIX века, когда закладывались новые тенденции в осмыслении путей развития Северо-Западного края в составе Российской империи.

В современном исследовательском дискурсе общественность наряду с имперской администрацией предстает в качестве значимого актора процесса выработки идейных основ интегративного курса, реализуемого российскими властями в отношении Северо-Западного края. Происходит переосмысление творческого наследия общественных деятелей, чей интеллектуальный образ перестает быть односторонним, выступая во всей сложности и рельефности их общественной деятельности и творчества (Игнатов, 2019; Герасимчик, 2020; Завьялова, 2024).

Общественно-публицистическая деятельность и идейные представления широкого круга интеллектуалов «русского направления» анализируется в многочисленных публикациях А.Э. Котова (Котов, 2018; Котов, 2021; Наследие Речи Посполитой..., 2022). Значимость данных публикаций состоит в том, что они позволяют составить более полное представление о региональном уровне отечественного национально-консервативного дискурса, включающего в себя большое количество разноформатных текстов, посвященных интеграции региона в российское государственное пространство.

Наблюдаемая персонификация прошлого Северо-Западного края выступает в настоящее время значимой исследовательской тенденцией и закладывает основы для написания полноценной интеллектуальной истории этого региона, создание которой является делом будущего.

Среди всех направлений русской общественной мысли наибольшее внимание современных исследователей вполне закономерно сосредотачивается на анализе воззрений представителей национально-консервативного или «русского» направления по вопросу русификации национальных окраин. Это обусловлено не только повышенным интересом к изучению русского консерватизма в современных политических условиях, но и высокой степенью влияния отечественных консерваторов на управление империей во второй половине XIX – начале XX вв.

Одно из важнейших идейных противостояний в рамках данного направления было связано со столкновением двух ключевых принципов консервативного мировоззрения – сословности и народности (Котов, 2019; Нарезный, Урушадзе, 2021). Дальнейшее изучение данных проблем, обсуждавшихся в рамках национально-консервативного дискурса, позволит выявить и проанализировать ряд концептуальных и мировоззренческих аспектов данного идейного противостояния, являвшегося интеллектуальным отражением социокультурных трансформаций, происходивших в модернизирующемся русском обществе, что, в свою очередь, существенно дополнит и расширит представления о проблемном поле общественных дискуссий, происходивших в среде русской консервативной общественности.

Общность проблем и процессов, происходивших в Северо-Западном крае и в Прибалтийских губерниях, обуславливает необходимость сопоставления основных тенденций, характерных для современных исследований, посвященных данной проблематике. В настоящее время фокус исследовательского внимания все больше сосредотачивается на усилиях российской администрации, направленных на поддержку местных недоминирующих этнических групп, а также представителей

титульной нации, оказавшихся на окраинах в положении национального меньшинства. Данная ситуация, характерная, в первую очередь, для Прибалтийских губерний, находит свое отражение в ряде публикаций, посвященных характеристике позиции русских прибалтийцев, отстаивавших свои права еще до начала широких правительственных преобразований в крае в эпоху Александра III (Седова, 2022; Крот, 2023b).

Традиционно значительное внимание современные исследователи уделяют изучению правительственной политики в отношении Прибалтийских губерний, сосредотачиваясь преимущественно на ее интеграционных аспектах, которые были направлены на усиление русских государственных и культурных начал, чьим важнейшим символическим маркером выступал государственный язык. Как и в Северо-Западном крае, решающую роль в этом процессе играла образовательная сфера, что обуславливает достаточно высокое внимание, уделяемое данной проблематике в современных исследованиях. Отмечается, что ее развитие было направлено на формирование открытого пространства русско-балтийского культурного диалога, однако прямолинейность и непродуманность практической реализации образовательной политики препятствовали этому, способствуя росту антирусских настроений (Киселева, 2018). Российские ученые отнюдь не идеализируют методы, используемые имперскими властями, указывая на то, что распространение русского образования среди коренного населения имело двойные последствия. Оно не только приобщало латышей и эстонцев к русским культурным ценностям, выводя их из-под немецкого влияния, но и способствовало распространению среди них радикальных левых и националистических идей (Богов, 2017), отдаленные последствия которых ощущаются в настоящее время.

Исследователи, как и многие современники той эпохи, пытаются разобраться в условиях столь долгого сохранения «остзейского феномена» в структуре Российской империи и определить причины откровенной нерешительности и неэффективности любых попыток российского правительства изменить сложившуюся в крае ситуацию (Назарова, 2017). В частности, анализируя мероприятия по внедрению русского языка в официальное делопроизводство, долгое время не приводившие к положительному результату, ученые приходят к выводу о том, что неудача многих административных начинаний зависела не столько от безынициативности конкретных чиновников, сколько от общей непродуманности и бессистемности в принятии ряда управленческих решений в отношении края (Нарежный, Дмитриева, 2023: 81).

Особое внимание в исследованиях уделяется таким символическим актам, как православное церковное строительство. Изучение механизмов взаимодействия между представителями региональной администрации и центральными ведомствами позволяет определить роль, которая отводилась господствующей религии в процессе репрезентации империи в символическом пространстве окраинной территории (Берташ, 2021; Дмитриева, 2022: 923). Однако Гр. Фриз, который провел глубокое и всестороннее исследование религиозной политики Российской империи в Прибалтике, пришел к выводу, что она служила, скорее, не интеграции, а отчуждению лютеран и православных, а содержащаяся в ней конфессионализация являлась основным фактором, способствовавшим дестабилизации режима (Фриз, 2017, 804-805).

На примере нередко возникавших конфликтов между представителями имперской бюрократии и местным остзейским дворянством исследователи стремятся выявить причины затруднений, с которыми сталкивалась администрация при малейших попытках слома сложившегося в регионе традиционного уклада. Отмечается, что решительному изменению данного положения долгое время препятствовала сословная детерминированность самодержавного строя, вынужденного защищать своего агента и одновременно опасавшегося вызвать недовольство местной аристократии (Могилевский, 2022: 78).

Рассматривая влияние общественности на трансформацию правительственной политики в Прибалтике, исследователи указывают, что ее роль состояла в формировании необходимого информационного фона (Пирожкова, 2017; Фурсова, 2021). Расхождения в предлагаемых путях реализации данной цели были обусловлены уже упомянутым столкновением в общественном дискурсе сословной и национальной моделей развития российской государственности, противостояние между которыми наиболее рельефно проявлялось в отношении видения перспектив развития национальных окраин (Лебедева, 2018; Центр и регионы..., 2021: 595-596).

Рассмотрение проблем, связанных с особенностями российской имперской государственности и выработкой моделей управления различными окраинными территориями, предпринято в рамках коллективной монографии, подготовленной группой ростовских исследователей Южного научного центра РАН (Национальные окраины..., 2020). Исследовательский приоритет в ней переносится с господствующего в научной литературе центр-периферийного подхода, согласно которому управление окраинами Российской империи состояло в усилиях центральной администрации по их подчинению и модернизации практик имперского доминирования, на рассмотрение преобразующей роли самих окраин (Янченко, 2021: 1381).

4. Заключение

Проведенный историографический обзор позволяет сделать выводы, выявляющие формирование новых исследовательских траекторий в изучении данной проблематики.

Анализ политики Российской империи в отношении северо-западных окраин и ее осмысление русской общественной мыслью во второй половине XIX – начале XX вв. выводит исследователей на новый уровень понимания общественно-властных взаимодействий в рассматриваемый период, характер и особенности которых определялись ситуативными обстоятельствами и зависели как от персонального состава взаимодействующих акторов, так и от взаимного несоответствия отстаиваемых и реализуемых моделей развития окраинных регионов, что позволяет рассматривать их как особую форму субъект-субъектных отношений.

Обнаруживается, что отклонения правительственного курса от предлагаемых моделей окраинной политики вызывали резкую критику со стороны ее представителей.

Предложенный в настоящем историографическом обзоре подход, состоящий в комплексном анализе исследований, посвященных управлению и общественному осмыслению Северо-Западного края и Прибалтики, открывает перед учеными новые возможности для применения компаративных методов при изучении данного региона.

Литература

Авилов, 2022 – Авилов Р.С. Город Дальний глазами русского военного министра Алексея Куропаткина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1118-1133.

Бендин, 2018 – Бендин А.Ю. М.Н. Муравьев и митрополит Литовский Иосиф (Семашко): опыт государственно-церковного сотрудничества // *Аспект.* 2018. № 2 (6). С. 45-67.

Берташ, 2021 – Берташ А.В. Губернатор князь Сергей Шаховской – выразитель политики императора Александра III в Эстляндии и мемориальная Сергиевская церковь в Пюхтицком монастыре // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии.* 2021. № 3 (8). С. 93-105.

Богов, 2017 – Богов В.А. Межэтнические противоречия и правительственная политика по вопросам образования в Лифляндии XIX в. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2017. № 3 (10). С. 6-20.

Герасимчик, 2020 – Герасимчик В.В. Проблема идентичности белорусов в научной дискуссии 1863–1864 годов о народонаселении «западной России» // *Белорусский исторический обзор.* 2020. № 4(1). С. 55-106.

Гринева, 2019 – Гринева А.В. Русская Америка и ее проблемы на страницах трудов современных отечественных экономистов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 277-300.

Дворниченко, 2023 – Дворниченко А.Ю. Новые книги и старые тренды в изучении Средневековья России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 793-806.

Дмитриева, 2022 – Дмитриева Н.В. Сакральная новостройка: Александро-Невский собор в Ревеле и проблема распространения православия в Эстляндской губернии в конце XIX – начале XX в. // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 4. С. 906-924.

Дмитриева, 2023 – Дмитриева Н.В. Интерпретация кадетами исторической составляющей польского вопроса в начале Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 906-919.

Дудин, 2022 – Дудин П.Н. Кто и как сегодня изучает русское присутствие на Южно-Маньчжурской железной дороге // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1329-1349.

Егорова, 2023 – Егорова К.Б. Компаративный подход к белорусской этничности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 920-926.

Забывшие страницы..., 2022 – Забывшие страницы польского вопроса: Антология / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022. 402 с.

Завьялова, 2023 – Завьялова О.О. Интеллектуальные истоки «мягкой силы» Российской империи: публицистическая деятельность А.Г. Киркора // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 18-28.

Игнатов, 2019 – Игнатов В.К. Гомоновцы и М.О. Коялович. Pro и Contra // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки.* 2019. № 15. С. 77-87.

Каштанова, 2020 – Каштанова О.С. Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России и Царстве Польском в XIX в. // *Центральноевропейские исследования.* 2020. Т. 2019. № 2. С. 180-208.

Киселев, 2018 – Киселев А.А. Особенности прохождения государственной службы в губерниях Северо-Западного края (1863–1917 гг.) // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана.* 2018. № 2 (11). С. 36-49.

Киселева, 2018 – Киселева Л.Н. Проблемы конструирования и изучения эстонско-русского культурного пространства // *Имагология и компаративистика.* 2018. № 9. С. 5-16.

- Комзолова, 2020a** – Комзолова А.А. Национальная идентичность в статистических исследованиях Северо-Западного края Российской империи (1860-е годы) // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2020. № 3–2. С. 496–501.
- Комзолова, 2020b** – Комзолова А.А. Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // *Российская история*. 2020. № 2. С. 159–173.
- Комзолова, 2021** – Комзолова А.А. Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // *Российская история*. 2021. № 6. С. 127–137.
- Котов, 2018** – Котов А.Э. «Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова // *Российская история*. 2018. № 5. С. 46–59.
- Котов, 2019** – Котов А.Э. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб: Владимир Даль, 2019. 285 с.
- Котов, 2021** – Котов А.Э. «Заветные принципы» Ивана Кулжинского // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2021. № 1. С. 3–24.
- Котов, 2023** – Котов А.Э. Газетная полемика об институте генерал-губернаторства на западнорусских окраинах // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 858–874.
- Котов, Федоров, 2023** – Котов А.Э., Федоров Д.А. Киевские консервативные публицисты о проблемах образования в позднеимперской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 875–889.
- Крот, 2022** – Крот М.Н. «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения...»: деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13. № 2 (112).
- Крот, 2023a** – Крот М.Н. «Русское образование сильнее русского штыка...»: образовательная политика как элемент стратегии «мягкой силы» в западных окраинных регионах Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // *Научная мысль Кавказа*. 2023. № 3 (115). С. 59–69.
- Крот, 2023b** – Крот М.Н. «Держаться крепко против напора неметчины...»: письмо Е.В. Чешихина Н.П. Гилярову-Платонову о ситуации в Прибалтийском крае в конце 1870-х гг. // *Новое прошлое*. 2023. № 3. С. 283–296.
- Крот, Завьялова, 2023** – Крот М.Н., Завьялова О.О. Неконфликтные формы интеграции западных регионов России в позднеимперский период // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 890–905.
- Кузьмин, 2018** – Кузьмин А.Д. Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А «Гуманитарные науки»*. 2018. № 1. С. 81–88.
- Лебедева, 2018** – Лебедева Г.Н. Остзейский вопрос в публицистике М.Н. Каткова // *Тетради по консерватизму*. 2018. № 3. С. 274–286.
- Леонтьева, 2021** – Леонтьева О.Б. Историографическая рефлексия и становление национальной идентичности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 314–322.
- Миллер, 2021** – Миллер А.И. Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. – методологические проблемы // *Российская империя между реформами и революциями, 1906 – 1916 / Под ред. А.И. Миллера, К.А. Соловьева*. М.: Квадрига, 2021. С. 249–271.
- Миллер, 2024** – Миллер А.И. Российская империя и Советский Союз – диалектика разрыва и преемственности // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 1. С. 339–352.
- Могилевский, 2022** – Могилевский Н.А. Губернская администрация и местное дворянство в Курляндии в середине XIX в. // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. № 15 (4). С. 60–80.
- Назарова, 2017** – Назарова Е.Л. Из истории имперской языковой политики в Прибалтийском крае 60–70-х гг. XIX в. // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2017. № 2. С. 26–40.
- Нарежный, Дмитриева, 2023** – Нарежный А.И., Дмитриева Н.В. О введении русского делового языка в Прибалтийском крае в 60–70-х годах XIX в. // *Научная мысль Кавказа*. 2023. № 1. С. 74–82.
- Наследие Речи Посполитой..., 2022** – Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб: Владимир Даль, 2022. 476 с.
- Национальные окраины..., 2020** – Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / Под ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.
- Перетяцько, 2021** – Перетяцько А.Ю. Эволюция демографических исследований Войска Донского позднеимперского периода // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1063–1083.
- Пирожкова, 2017** – Пирожкова Т.Ф. «Страшная книга» Ю.Ф. Самарина. («Окраины России» в восприятии современников) // *Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика*. 2017. № 3. С. 130–150.

Рачковский, Федоров, 2019 – Рачковский В.А., Федоров М.В. Февральская революция в России и польский вопрос // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 874-889.

Рязанцев, Смирнов, 2024 – Рязанцев С.В., Смирнов А.В. Демография пандемий в Лифляндской губернии в позднейимперский период // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 431-456.

Седова, 2022 – Седова Г.В. Образование русских женщин в Лифляндской губернии и в Латвии в конце XIX – первой половине XX вв. // *На пути к гражданскому обществу.* 2022. № 4 (48). С. 39-47.

Тесля, 2023 – Тесля А.А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843-857.

Фриз, 2017 – Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2017. Том 62. Вып. 4. С. 777-806.

Фурсова, 2021 – Фурсова Е.Б. Славянофильский взгляд на Прибалтийский край // *Вестник Университета мировых цивилизаций.* 2021. Т. 12. № 2 (31). С. 51-57.

Центр и регионы..., 2021 – Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Отв. ред. Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 660 с.

Янченко, 2021 – Янченко Д.Г. Дискуссии о национальных окраинах в позднейимперской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1379-1391.

Янченко, 2023 – Янченко Д.Г. Пограничье России и Китая позднейимперского периода в контексте пересмотра торгово-экономических отношений // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 317-333.

Banaszkiewicz, 2021 – Banaszkiwicz, M. Ladislaus Jagiello in Modern Polish Culture // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 828-844.

Medovarov, 2022 – Medovarov M.V. Social and Political Views of Alexey Filippov and Russian National Democrats // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 44-61.

Narezhny, Urushadze, 2021 – Narezhny A.I., Urushadze A.T. Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19th century // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 231-243.

Rudnik, 2022 – Rudnik S.N. All-Estate Military Draft and the Caucasus in the Russian Government Policy // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 23-43.

Zavyalova, 2024 – Zavyalova O.O. The Pro-Russian Oriented Public of the North-Western Territory about Current Problems of Our Time on the Pages of the “Vilna Bulletin” in the second half of the 1860s // *Bylye Gody.* 2024. 19(1): 219-231.

References

Avilov, 2022 – Avilov, R.S. (2022). Gorod Dal'nii glazami russkogo voennogo ministra Alekseya Kuropatkina [The Russian City Dalnii through the Eyes of the Minister of War Aleksei Kuropatkin]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 67(4): 1118-1133. [in Russian]

Banaszkiewicz, 2021 – Banaszkiwicz, M. (2021). Ladislaus Jagiello in Modern Polish Culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 66(3): 828-844.

Bendin, 2018 – Bendin, A.Yu. (2018). M.N. Murav'ev i mitropolit Litovskii Iosif (Semashko): opyt gosudarstvenno-tserkovnogo sotrudnichestva [M.N. Muravyov and Metropolitan Joseph (Semashko) of Lithuania: experience of state-church cooperation]. *Aspekt.* 2(6): 45-67. [in Russian]

Bertash, 2021 – Bertash, A.V. (2021). Gubernator knyaz' Sergii Shakhovskoi – vyrazitel' politiki imperatora Aleksandra III v Estlyandii i memorial'naya Sergievskaya tserkov' v Pyukhtitskom monastyre [Governor Prince Sergius Shakhovskoy – spokesman for the policy of Emperor Alexander III in Estland and the memorial St. Sergius Church in the Pukhtitsky Monastery]. *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii.* 3(8): 93-105. [in Russian]

Bogov, 2017 – Bogov, V.A. (2017). Mezhetnicheskie protivorechiya i pravitel'stvennaya politika po voprosam obrazovaniya v Lifyandii XIX v. [Interethnic contradictions and government policy on education in Livonia in the 19th century]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovanii.* 3(10): 6-20. [in Russian]

Dmitrieva, 2022 – Dmitrieva, N.V. (2022). Sakral'naya novostroika: Aleksandro-Nevskii sobor v Revele i problema rasprostraneniya pravoslaviya v Estlyandskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Sacred new building: Alexander Nevsky Cathedral in Reval and the problem of the spread of Orthodoxy in the Estonian province at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Noveishaya istoriya Rossii.* Nr 4, vol. 12, pp. 906–924. [in Russian]

Dmitrieva, 2023 – Dmitrieva, N.V. (2023). Interpretatsiya kadetami istoricheskoi sostavlyayushchei pol'skogo voprosa v nachale Pervoi mirovoi voiny [Interpretation by cadets of the historical component of the Polish question at the beginning of the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(4): 906-919. [in Russian]

- Dudin, 2022** – *Dudin, P.N.* (2022). Kto i kak segodnya izuchaet russkoe prisutstvie na Yuzhno-Man'chzhurskoi zheleznoi doroge [Who and How is Studying the Russian Presence on the South Manchurian Railway]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 67(4): 1329-1349. [in Russian]
- Dvornichenko, 2023** – *Dvornichenko, A.Yu.* (2023). Novye knigi i starye trendy v izuchenii Srednevekov'ya Rossii [New Books and Old Trends in the Study of the Russian Middle Ages]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(3): 793-806. [in Russian]
- Egorova, 2023** – *Egorova, K.B.* (2023) Komparativnyi podkhod k belorusskoi etnichnosti [A Comparative Approach to Belarusian Ethnicity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(4): 920-926. [in Russian]
- Friz, 2017** – *Friz, Gr.* (2017) Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v Pribaltike [Religious policy of the Russian Empire in the Baltics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 62(4): 777-806. [in Russian]
- Fursova, 2021** – *Fursova, E.B.* (2021) Slavyanofil'skii vzglyad na Pribaltiiskii kraj [Slavophile view of the Baltic region]. *Vestnik Universiteta mirovykh tsvivilizatsii.* T. 12. 2(31): 51-57. [in Russian]
- Gerasimchik, 2020** – *Gerasimchik, V.V.* (2020). Problema identichnosti belorusov v nauchnoi diskussii 1863–1864 godov o narodonaselenii “zapadnoi Rossii” [The problem of the identity of Belarusians in the scientific discussion of 1863–1864 about the population of “Western Russia”]. *Belorusskii istoricheskii obzor.* 4(1): 55-106. [in Russian]
- Grinev, 2023** – *Grinev, A.V.* (2023). Russkaya Amerika i ee problemy na stranitsakh trudov sovremennykh otechestvennykh ekonomistov [Russian America and its Problems in Contemporary National Works of Economists]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(1): 277-300. [in Russian]
- Ignatov, 2019** – *Ignatov, V.K.* (2019). Gomonovtsy i M.O. Koyalovich. Pro i Contra [Gomonovtsy and M.O. Koyalovich. Pro and Contra]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki.* 15: 77-87. [in Russian]
- Kashtanova, 2020** – *Kashtanova, O.S.* (2020). Yazykovaya politika v sfere obrazovaniya v zapadnykh guberniyakh Rossii i Tsarstve Pol'skom v XIX v. [Language policy in the field of education in the western provinces of Russia and the Kingdom of Poland in the 19th century]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya.* T. 2019. 2: 180-208. [in Russian]
- Kiselev, 2018** – *Kiselev, A.A.* (2018). Osobennosti prokhozheniya gosudarstvennoi sluzhby v guberniyakh Severo-Zapadnogo kraja (1863–1917 gg.) [Features of public service in the provinces of the North-Western Territory (1863–1917)]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana.* 2(11): 36-49. [in Russian]
- Kiseleva, 2018** – *Kiseleva, L.N.* (2018). Problemy konstruirovaniya i izucheniya estonsko-russkogo kul'turnogo prostranstva [Problems of designing and studying the Estonian-Russian cultural space]. *Imagologiya i komparativistika.* 9: 5-16. [in Russian]
- Komzolova, 2020a** – *Komzolova, A.A.* (2020). Natsional'naya identichnost' v statisticheskikh issledovaniyakh Severo-Zapadnogo kraja Rossiiskoi imperii (1860-e gody) [National identity in statistical studies of the North-Western region of the Russian Empire (1860s)]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo.* 3–2: 496-501. [in Russian]
- Komzolova, 2020b** – *Komzolova, A.A.* (2020). Mitropolit Iosif (Semashko) i reformy narodnoi shkoly v Severo-Zapadnom krae [Metropolitan Joseph (Semashko) and public school reforms in the North-Western Territory]. *Rossiiskaya istoriya.* 2: 159-173. [in Russian]
- Komzolova, 2021** – *Komzolova, A.A.* (2021). Uchebniki dlya narodnoi shkoly v Vilenskom uchebnom okruge v 1860-kh gg. [Textbooks for public schools in the Vilna educational district in the 1860s]. *Rossiiskaya istoriya.* 6: 127-137. [in Russian]
- Kotov, 2018** – *Kotov, A.E.* (2018). “Nravstvennyi Kavkaz” I.P. Kornilova [“The Moral Caucasus” by I.P. Kornilova]. *Rossiiskaya istoriya.* 5: 46-59. [in Russian]
- Kotov, 2019** – *Kotov, A.E.* (2019). Russkii politicheskiĭ predmodern: zabytye “konservatory” vtoroi poloviny XIX veka [Russian political pre-modernity: forgotten “conservatives” of the second half of the 19th century]. SPb: Vladimir Dal', 285 p. [in Russian]
- Kotov, 2021** – *Kotov, A.E.* (2021). “Zavetnye printsipy” Ivana Kulzhinskogo [“Treasured principles” by Ivan Kulzhinsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya.* 1: 3-24. [in Russian]
- Kotov, 2023** – *Kotov, A.E.* (2023). Gazetnaya polemika ob institute general-gubernatorstva na zapadnorusskikh okrainakh [Newspaper controversy about the institution of the General Government in the Western Russian outskirts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(4): 858-874. [in Russian]
- Kotov, Fedorov, 2023** – *Kotov, A.E., Fedorov, D.A.* (2023). Kievskie konservativnye publitsisty o problemakh obrazovaniya v pozdneimperskoi Rossii [Kyiv conservative publicists on the problems of education in late imperial Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* 68(4): 875-889. [in Russian]
- Krot, 2022** – *Krot, M.N.* (2022). “Mirnoe zavoevanie umov i serdets siloyu prosveshcheniya...”: deyatelnost' Vilenskogo otdela “Obshchestva revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat' imperatora Aleksandra III” [“The peaceful conquest of minds and hearts through the power of

enlightenment...”: the activities of the Vilna department of the “Society of Devotees of Russian Historical Enlightenment in Memory of Emperor Alexander III”. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. T. 13. 2(112). [in Russian]

Krot, 2023a – Krot, M.N. (2023). “Russkoe obrazovanie sil'nee russkogo shtyka...”: obrazovatel'naya politika kak element strategii “myagkoi sily” v zapadnykh okrainnykh regionakh Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [“Russian education is stronger than the Russian bayonet...”: educational policy as an element of the “soft power” strategy in the western outlying regions of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 3(115): 59-69. [in Russian]

Krot, 2023b – Krot, M.N. (2023). “Derzhat'sya krepko protiv napora nemetchiny...”: pis'mo E.V. Cheshikhina N.P. Gilyarovu-Platonovu o situatsii v Pribaltiiskom krae v kontse 1870-kh gg. [“Hold tight against the pressure of the enemy...”: letter from E.V. Cheshikhina N.P. Gilyarov-Platonov about the situation in the Baltic region at the end of the 1870s]. *Novoe proshloe*. 3: 283-296. [in Russian]

Krot, Zav'yalova, 2023 – Krot, M.N., Zav'yalova, O.O. (2023). Nekonfliktnye formy integratsii zapadnykh regionov Rossii v pozdneimperskii period [Non-conflict forms of integration of the western regions of Russia in the late imperial period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68(4): 890-905. [in Russian]

Kuz'min, 2018 – Kuz'min, A.D. (2018). Konfessional'nyi i natsional'nyi sostav chinovnichestva belorusskikh gubernii v 1864–1914 gg. [Confessional and national composition of the bureaucrats of the Belarusian provinces in 1864–1914]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A «Gumanitarnye nauki»*. 1: 81-88. [in Russian]

Lebedeva, 2018 – Lebedeva, G.N. (2018). Ostzeiskii vopros v publitsistike M.N. Katkova [The Baltic question in the journalism of M.N. Katkova]. *Tetradi po konservatizmu*. 3: 274-286. [in Russian]

Leont'eva, 2021 – Leont'eva, O.B. (2021). Istoriograficheskaya refleksiya i stanovlenie natsional'noi identichnosti [Historiographic Reflection and Formation of National Identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 66(1): 314-322. [in Russian]

Medovarov, 2022 – Medovarov, M.V. (2022). Social and Political Views of Alexey Filippov and Russian National Democrats. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 67(1): 44-61.

Miller, 2021 – Miller, A.I. ((2021). Natsional'nyi vopros v imperii Romanovykh posle 1905 g. – metodologicheskie problem [The national question in the Romanov Empire after 1905 – methodological problems]. Rossiiskaya imperiya mezhdou reformami i revolyutsiyami, 1906 – 1916 [Russian Empire between reforms and revolutions, 1906 – 1916]. Pod red. A.I. Millera, K.A. Solov'eva. M.: Kvadriga, pp. 249-271. [in Russian]

Miller, 2024 – Miller, A.I. (2024). Rossiiskaya imperiya i Sovetskii Soyuz – dialektika razryva i preemstvennosti [The Russian Empire and the Soviet Union – the dialectic of rupture and continuity]. *Quaestio Rossica*, 12(1): 339-352. [in Russian]

Mogilevskii, 2022 – Mogilevskii, N.A. (2022). Gubernskaya administratsiya i mestnoe dvoryanstvo v Kurlyandii v seredine XIX v. [Provincial administration and local nobility in Courland in the middle of the 19th century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 15(4): 60-80. [in Russian]

Narezhny, Urushadze, 2021 – Narezhny, A.I., Urushadze, A.T. (2021). Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19th century. *Bylye Gody*. 16(1): 231-243.

Narezhnyi, Dmitrieva, 2023 – Narezhnyi, A.I., Dmitrieva, N.V. (2023). O vvedenii russkogo delovogo yazyka v Pribaltiiskom krae v 60–70-kh godakh XIX v. [On the introduction of the Russian business language in the Baltic region in the 60–70s of the 19th century]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1: 74-82. [in Russian]

Nasledie Rechi Pospolitoi..., 2022 – Nasledie Rechi Pospolitoi v imperskom intellektual'nom prostranstve [The legacy of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the imperial intellectual space]. Otv. red. A.Yu. Dvornichenko. SPb: Vladimir Dal', 2022. 476 p. [in Russian]

Natsional'nye okrainy..., 2020 – Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli [National outskirts in the politics of the Russian Empire and Russian social thought]. Pod red. A.T. Urushadze. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2020. 608 p. [in Russian]

Nazarova, 2017 – Nazarova, E.L. (2017). Iz istorii imperskoi yazykovoi politiki v Pribaltiiskom krae 60–70-kh gg. XIX v. [Several episodes of the imperial language policy in the Baltic provinces in 1860 – 1870s]. *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovanii*. 2: 26-40. [in Russian]

Peretyat'ko, 2021 – Peretyat'ko, A.Yu. (2021). Evolyutsiya demograficheskikh issledovanii Voiska Donskogo pozdneimperskogo perioda [Evolution of Demographic Studies of the Don Host in the Late Imperial Period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 66(4): 1063-1083. [in Russian]

Pirozhkova, 2017 – Pirozhkova, T.F. (2017). “Strashnaya kniga” Yu.F. Samarina. (“Okrainy Rossii” v vospriyatii sovremennikov) [“Scary book” by Yu.F. Samarina. (“Outskirts of Russia” in the perception of contemporaries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 3: 130-150. [in Russian]

Rachkovskii, Fedorov, 2019 – Rachkovskii, V.A., Fedorov, M.V. (2019). Fevral'skaya revolyutsiya v Rossii i pol'skii vopros [The February Revolution in Russia and the Polish Question]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 64(3): 874-889. [in Russian]

Rudnik, 2022 – Rudnik, S.N. (2022). All-Estate Military Draft and the Caucasus in the Russian Government Policy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 67(1): 23-43.

Ryazantsev, Smirnov, 2024 – Ryazantsev, S.V., Smirnov, A.V. (2024). Demografiya pandemii v Lifyandskoi gubernii v pozdneimperskii period [Demography of Pandemics in Governorate of Livonia during Late Imperial Period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 69(2): 431-456. [in Russian]

Sedova, 2022 – Sedova, G.V. (2022) Obrazovanie russkikh zhenshchin v Lifyandskoi gubernii i v Latvii v kontse XIX – pervoi polovine XX vv. [Education of Russian women in the Livonia province and in Latvia at the end of the 19 th – first half of the 20th centuries]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 4(48): 39-47. [in Russian]

Teslya, 2023 – Teslya, A.A. (2023) Pol'skaya tema v publitsistike Nikolaya Leskova [Polish theme in the journalism of Nikolai Leskov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68(4): 843-857. [in Russian]

Tsentr i regiony..., 2021 – Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917) [Center and regions: economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)]. Otv. red. D.G. Yanchenko, M.V. Khodyakov. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 660 p. [in Russian]

Yanchenko, 2021 – Yanchenko, D.G. (2021). Diskussii o natsional'nykh okrainakh v pozdneimperskoi Rossii [Discussions about national outskirts in late imperial Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 66(4): 1379-1391. [in Russian]

Yanchenko, 2023 – Yanchenko, D.G. (2023). Pogranich'e Rossii i Kitaya pozdneimperskogo perioda v kontekste peresmotra torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii [The Russian-Chinese Borderland in the Late Imperial Period in the Revision of Trade and Economic Relations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68, Issue 2, pp. 317–333. [in Russian]

Zabytye stranitsy..., 2022 – Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa: Antologiya [Forgotten Pages of the Polish Question: An Anthology]. Otv. red. A.Yu. Dvornichenko. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 402 p. [in Russian]

Zav'yalova, 2024 – Zav'yalova O.O. (2024). The Pro-Russian Oriented Public of the North-Western Territory about Current Problems of Our Time on the Pages of the “Vilna Bulletin” in the second half of the 1860s. *Bylye Gody*. 19(1): 219-231.

Zav'yalova, 2023 – Zav'yalova, O.O. (2023). Intellektual'nye istoki «myagkoi sily» Rossiiskoi imperii: publitsisticheskaya deyatelnost' A.G. Kirkora [Intellectual origins of the “soft power” of the Russian Empire: journalistic activity of A.G. Kirkora]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. T. 10. 1(37): 18-28. [in Russian]

Северо-западные окраины России в политике российских властей и общественной мысли позднеимперского периода: историографический аспект

Максим Николаевич Крот ^{a, *}, Оксана Олеговна Завьялова ^a

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринят комплексный анализ новейшей отечественной историографии, посвященной изучению правительственной политики и общественной мысли в отношении Северо-Западного края и Прибалтийских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. Выявлены новые тенденции и исследовательские подходы в изучении данной проблематики. Отмечается, что в современных исследованиях сохраняются отголоски предыдущих десятилетий о роли имперского центра в развитии национальных окраин, продолжают попытки определения причин поворота в национальной политике Российской империи в позднеимперский период, разрабатываются новые сюжеты, связанные с выявлением степени влияния общественности на процесс выработки управленческих решений в отношении северо-западных окраинных регионов.

Делается вывод о том, что в новейшей научной литературе заметна тенденция к выявлению унификационных стремлений российских властей, направленных на стирание правовых и административных различий между западными окраинами и центральными губерниями России. Вместе с тем фокус исследовательского внимания все больше сосредотачивается на усилиях российской администрации, направленных на поддержку и развитие местных недоминирующих этнических групп, а также представителей титульной нации, оказавшихся на окраинах в положении национального меньшинства.

Подход, предложенный в настоящем историографическом обзоре, открывает перед исследователями новые возможности для применения компаративных методов при изучении рассматриваемого региона.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, Прибалтийские губернии, отечественная историография, унификация, национальная политика, общественная мысль.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mnkrot@sfedu.ru (М.Н. Крот), zavyalova@sfedu.ru (О.О. Завьялова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1728-1735
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1728

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Stages of Formation of the Institution of Jurors and Its Impact on the Justice System in the Russian Empire from the Time of Catherine II to the Reforms of Alexander II

Ivan S. Denisov ^{a,*}, Baktybek S. Batyrbaev ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This article is devoted to the study of the issue of the gradual formation of the institution of jurors in the Russian Empire. The authors considered the influence of the Renaissance on the development of the criminal justice system both in Western European countries and in the Russian Empire, in particular. In the course of the work, the writings of the leading philosophers of the Enlightenment were studied, as well as a document that was, among other things, compiled on the basis of these writings, namely the “Mandate” of Catherine II, in which the Empress reflected a number of paramount theses aimed at establishing a new path of development of the Russian Empire. The authors of the article also consistently analyzed the ideas of reforming the judicial system of the Russian Empire in terms of introducing jurors as participants in criminal proceedings, starting from the reign of Empress Catherine II. Special attention was paid to the topic of the organization of the institute of jurors and the analysis of their activities as participants in criminal proceedings after the judicial reform of 1864, in particular the regulatory regulation of their activities. The authors formulated the key stages of the process of formation of the institution of jurors within the judicial system of the Russian Empire. In the course of this study, the authors also analyzed a number of high-profile trials considered with the participation of jurors, such as the trial of Vera Zasulich and the case of Cronenberg et al. When analyzing these trials, the authors clearly illustrated their influence and importance in the sphere of the level of development of the legal consciousness of the population of the Russian Empire, citizens who were contemporaries of these events, on the basis of which some conclusions were formulated regarding the organization of the institute of jurors in the Russian Empire, as well as its strong and weak characteristics.

Keywords: The Russian Empire, the judicial reform of 1864, criminal proceedings, jurors, Order of Catherine II, the Age of Enlightenment, Alexander II.

1. Введение

В качестве одной из первостепенных демократических основ отправления правосудия исследователи нередко называют организацию правосудия при участии присяжных заседателей (Батырбаев, 2016: 123). Судебная реформа 1864 г. стала основанием для появления новых участников в системе судопроизводства, а именно присяжных заседателей. Однако первые идеи о необходимости формирования суда присяжных заседателей в Российской империи были сформулированы несколько ранее, еще в XVIII веке, в период правления императрицы Екатерины II.

В качестве основной предпосылки данной идеи следует назвать стремительное развитие эпохи Просвещения в Европе. Ренессанс стал логичным следствием трансформации западного общества, которое выражалось в стремлении европейцев к развитию культуры, образования и духовно-нравственных ценностей.

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

Современники периода правления Екатерины Великой, характеризуя императрицу, нередко отмечали ее сильные личностные характеристики как главы государства. В частности, Н.М. Карамзин отмечал сильные волевые качества императрицы, именуя ее преемницей деятельности Петра Великого, которая была направлена на курс стремительного развития Российской империи (Карамзин, 1991: 40). Являясь по происхождению немецкой принцессой, императрица Екатерина II не могла проигнорировать новые веяния европейской культуры, которые выражались в утверждении идей и ценностей гуманизма.

Строительство правового государства представляет собой одну из основополагающих идей эпохи Ренессанса. Одним из прародителей теории правового государства по праву считается немецкий философ, современник эпохи Екатерины II, Иммануил Кант, который в своих сочинениях высказывал мысли, в том числе, и о целесообразности применения суда присяжных заседателей в целях укрепления демократических принципов справедливого правосудия. На его взгляд, судебное разбирательство при участии именно незаинтересованных лиц из числа непрофессиональных юристов способно обеспечить максимальную независимость и справедливость судебного процесса (Кант, 1964: 441-442).

Ярким представителем эпохи Просвещения является также Франсуа Мари Аруэ, более известный под псевдонимом Вольтер. Труды Вольтера также затрагивали темы справедливого правосудия. Философ уделял особое внимание высокому значению применения принципа презумпции невиновности. По его мнению, суд присяжных мог выступать в качестве эффективного инструмента реализации данного основополагающего принципа уголовного процесса (Вольтер, 1956: 185). Задача отправления справедливого правосудия в целом выглядела для мыслителей XVIII в. довольно трудновыполнимой, однако суд присяжных заседателей мог создать условия для более детального рассмотрения уголовных дел и, соответственно, вынесения более справедливого решения.

2. Материалы и методы

В качестве источников, использованных при разработке данного исследования, были взяты архивные материалы, материалы периодической печати, источники нормативно-правового характера, а также источники личного происхождения: сочинения, личные дневники, письма и записки.

Среди архивных источников были использованы материалы Государственного архива Пензенской области (Пенза, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Материалы периодической печати, использованные в данном исследовании, включают в себя статью Н.И. Цуханова «Упрощение судебного устройства в суде с присяжными заседателями» в еженедельном журнале «Вестник права» (Цуханов, 1901), а также материалы ежедневной общественно-политической газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» (Санкт-Петербургские Ведомости, 1876).

Также были использованы источники нормативно-правового характера, а именно Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 12 декабря 1825 года (ПСЗ РИ, 1830) и Полное собрание законов Российской империи с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года (ПСЗ РИ, 1862).

Среди источников личного происхождения стоит назвать Записку М.М. Сперанского об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (Сперанский, 1961), сочинение М.А. Балугьянского «Рассуждение об учреждении губерний» (Балугьянский, 1894), работу С.И. Зарудного «Общие соображения по вопросу о составе уголовного суда» (Зарудный, 1879), сочинение Д.А. Ровинского «Устройство уголовного суда» (Ровинский, 1857–1866), материалы из личных писем императрицы Екатерины II, адресованных философу Ж.Л. Д'Аламберу (Екатерина II, 1872), а также дневники писателя Ф.М. Достоевского (Достоевский, 1981).

При разработке методологии исследования авторы избрали такие ключевые методы научного познания, как хронологический метод и метод анализа и индукции. Хронологический метод позволил воссоздать хронологическую последовательность идей о внедрении суда присяжных заседателей в Российской империи. Метод анализа в качестве одной из форм методологии данной научной работы был применен при исследовании ряда наиболее ярких и значительных уголовных дел, рассматриваемых в период середины XIX – начала XX века, которые составили своего рода хрестоматию уголовного процесса Российской империи в заданный период времени.

При помощи метода индукции авторы выделили ключевые этапы процесса становления института присяжных заседателей внутри судебной системы Российской империи, а также сформулировали выводы относительно сильных и слабых сторон процесса рассмотрения уголовных дел при участии присяжных заседателей в Российской империи исходя из ряда характеристик упомянутых выше судебных разбирательств.

3. Обсуждение

Историография вопроса становления института присяжных заседателей и его влияния на систему правосудия в Российской империи включает в себя сочинения, которые были разработаны как дореволюционными, так и советскими и современными исследователями на основе изучения

материалов судебных дел Российской империи, которые были рассмотрены при участии присяжных заседателей.

Большинство дореволюционных ученых-правоведов, современников судебной реформы 1864 года, выражали одобрительные оценки в адрес введения института присяжных заседателей, часто занимая сторону его защиты. В частности, Г.А. Джаншиев нередко выступал с критикой в адрес противников введения института присяжных заседателей, называя вражду с данным институтом «политическим невежеством» (Джаншиев, 1896: 5).

Советские авторы, в том числе М.Г. Коротких, также довольно часто положительно высказывались в отношении суда присяжных, подчеркивая заслуги присяжных заседателей в укреплении принципов независимости, открытости и гласности судебной системы (Коротких, 1989: 111).

В свою очередь, современные ученые нередко выступают с критическими замечаниями в адрес организации уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей в Российской империи. В частности, Шукюров А.Т. выражает распространенную точку зрения относительно такого недостатка института присяжных заседателей в Российской империи – это недостаточная проработанность решения вопроса о его социальном составе (Шукюров, 2012: 16-17).

4. Результаты

Одни из первых идей о введении в судебную систему Российской империи института присяжных заседателей были изложены императрицей Екатериной II в Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения от 30 июля 1767 года (ПСЗ РИ, 1830). «Наказ» Екатерины вызывает у авторов данной статьи, являющихся, в свою очередь, исследователями вопросов формирования и развития уголовного процесса в Российской империи, особый интерес.

Важным замечанием является то, что Наказ Екатерины во многом отражал политические и правовые идеи Ш.Л. Монтескье, который высказывал положительные отзывы в адрес идеи суда присяжных. По его мнению, он должен состоять из числа граждан, не являющихся профессиональными юристами (Монтескье, 1999: 148). В заимствовании политических идей Монтескье Екатерина лично признавалась в своей частной переписке с иным, не менее известным деятелем философской мысли, Ж.Л. Д'Аламбером (Екатерина II, 1872: 31).

Девятая глава «Наказа» посвящена организации судопроизводства. С учетом исследуемой темы данной статьи стоит процитировать пункт 126 данного документа, в котором говорится о целесообразности рассмотрения уголовных дел при участии присяжных заседателей: «Надлежит, чтоб судимые в великих чинах с согласия законов избирали себе судей или, по крайней мере, могли бы отрешить из них толикое число, чтоб оставшиеся казались быть в суде по выбору судимых преступников» (ПСЗ РИ, 1830).

Важным замечанием является то, что «Наказ» Екатерины II так и не приобрел законодательную силу. Несмотря на это, вопрос о реформировании системы уголовного судопроизводства Российской империи на протяжении длительного периода времени оставался открытым.

В 1768 году ученым-правоведом С.Е. Десницким было составлено и направлено в адрес Екатерины II сочинение под названием «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (Десницкий, 1905). Данный труд включает в себя ряд умозаключений и идей автора по ряду вопросов, касающихся реорганизации законодательной и судебной власти государства. Особый интерес вызывает пункт 5 второй части работы С.Е. Десницкого, где автор высказывает мысли относительно потребности государства в формировании суда присяжных заседателей, которые в указанной работе именуется как «свидетели». В качестве основной задачи введения новых участников уголовного судебного процесса С.Е. Десницкий называл снижение количества несправедливо осужденных лиц (Десницкий, 1905: 10). В целом период правления Екатерины II можно обозначить как этап инициации вопроса о введении суда присяжных заседателей в Российской империи.

Попытки реформирования судебной системы государства предпринимались также при императоре Николае I. В качестве одного из наиболее значительных проектов судебной реформы данного периода стоит назвать проект статс-секретаря М.А. Балугьянского (Балугьянский, 1894), который, кроме прочего, предлагал ввести принцип несменяемости судей и вносил предложения по сокращению сроков судопроизводства. Данная эпоха характеризуется этапом проработки вопроса о целесообразности введения присяжных заседателей в качестве участников судебного процесса.

Таким образом, можно прийти к выводу, что идеи о реорганизации системы судопроизводства в Российской империи неоднократно освещались задолго до эпохи реформ Александра II, однако внешние и внутривнутриполитические условия не позволяли в должной мере реализовать их. К середине XIX века реформирование государства в целом и судебной системы в частности стало не просто востребованным, а, скорее, необходимым шагом в целях сохранения Российской империи. Таким образом, Александр II начал последовательное преобразование различных сфер жизни государства. Важной ступенью великих реформ стало реформирование судебной системы.

29 сентября 1862 года императором Александром II были утверждены «Основные положения преобразования судебной части в России» (ПСЗ РИ, 1862). Данный документ играл роль плана-

проекта последующих мероприятий, направленных на организацию и осуществление судебной реформы. В целях организации деятельности по подготовке судебной реформы была организована специальная комиссия при Государственной канцелярии, которую возглавил тайный советник, правовед С.И. Зарудный. Перед специальной комиссией была поставлена задача, заключающаяся в подготовке законопроектов, которые составили бы нормативную основу будущих судебных уставов. В качестве срока, к которому было необходимо подготовить решение поставленной задачи, была установлена дата – 15 января 1863 года. (РГИА. Ф. 1190. Оп. XVI-I. Д. 1. Л. 106.–2).

При разработке судебной реформы С. И. Зарудный опирался на передовой опыт западноевропейских государств, выделяя как сильные, так и слабые стороны организации зарубежных судебных систем (Зарудный, 1879). К числу разработчиков судебной реформы 1864 года стоит также отнести московского губернского прокурора Д.А. Ровинского, который в своих работах делал акцент на недостаточном развитии гражданского общества среди соотечественников, подчеркивал необходимость развития чувств морали, справедливости и верховенства закона у населения Российской империи. Кроме этого, Д.А. Ровинский выступал в качестве апологета введения института присяжных заседателей в России. По его мнению, именно суд присяжных заседателей способен обеспечить справедливость и открытость судебного разбирательства, гарантируя при этом соблюдения принципа гласности судебной системы (Ровинский, 1857-1866: 18).

В результате проделанной работы на базе предложенных законодательных положений 20-го ноября 1864 года были приняты и утверждены судебные уставы, которые составили нормативный фундамент судебной реформы 1864 года (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864).

Именно принятие судебной реформы 1864 года стало началом нового этапа легализации института присяжных заседателей как участников судебного процесса. Категории дел, подведомственных суду присяжных заседателей, определила ст. 201 Устава уголовного судопроизводства. Ими стали дела, связанные с совершением преступлений, за которые предусмотрены наказания в виде лишения свободы.

Порядок формирования коллегии присяжных заседателей устанавливала глава вторая раздела четвертого Устава уголовного судопроизводства, согласно которому коллегия присяжных должна была состоять из тридцати заседателей. Предварительно (за три недели до начала судебного рассмотрения дела) они должны были быть избраны посредством жребия из числа кандидатов на осуществление полномочий присяжных заседателей. Применение жеребьевки при выборе конкретных лиц в качестве присяжных говорит о стремлении к соблюдению принципа независимости. В вопросе о назначении и целесообразности введения суда присяжных нередко высказывались мнения, в частности М.М. Сперанским, об обеспечении охраны разделения и независимости законодательной, исполнительной и судебных властей при помощи организации суда присяжных заседателей (Сперанский, 1961: 107).

С критикой в адрес нововведенного суда присяжных нередко выступал юрист, правовед Н.И. Цуханов. В своей статье «Упрощение судебного устройства в суде с присяжными заседателями», опубликованной в еженедельном журнале «Вестник права» №4/5 (апрель-май), Цуханов указывал на такой недостаток законодательства, как отсутствие грамотного и четкого определения подсудности дел, которые могут быть рассмотрены судом присяжных (Цуханов, 1901: 66).

Согласно сохранным данным, большую часть дел, которые рассматривались при участии присяжных заседателей, составляли дела против публичной и частной собственности. В частности, в Пензенской губернии процентное соотношение указанной категории дел составляло от 65-70 % за период с 1881 по 1914 гг. В качестве одного из примеров подобных дел можно привести дело против крестьян Н.П. Николаева и А.С. Николаева, в отношении которых присяжными заседателями 15 декабря 1906 года был утвержден обвинительный приговор в преступлениях, связанных с рядом умышленных поджогов чужого имущества (ГАПО. Ф. 42. Оп. 9. Д. 7).

Однако наибольшую долю критики институт присяжных заседателей получил в связи с вынесением некоторых довольно спорных вердиктов. Речь идет о ряде некоторых громких и известных дел. В частности, особого внимания заслуживает дело Веры Засулич (Процесс Веры Засулич, 1906: 3). Суть дела заключается в том, что гражданка В.И. Засулич из огнестрельного оружия ранила градоначальника Ф.Ф. Трепова. Покушение на убийство Трепова носило умышленный, заранее спланированный характер. Сторона обвинения настаивала на тюремном заключении, однако Вера Засулич была оправдана присяжными заседателями. Анализируя обстоятельства дела, можно прийти к выводу, что комплекс причин оправдательного приговора базируется на эмоциональном состоянии присяжных заседателей, которые, очевидно, прониклись симпатией по отношению к обвиняемой В.И. Засулич на основании мотива совершенного ею преступления, блистательно выстроенной адвокатской защитой, а также внутрисполитической ситуацией в России. Мотив преступления заключался в желании осуществления мести по отношению к Ф.Ф. Трепову в связи с применением им одной из форм телесных наказаний по отношению к члену революционного движения А.С. Боголюбову.

Можно предположить, что, по мнению присяжных заседателей, рассматривавших данное дело, совершение справедливого правосудия заключалось, скорее, не в признании виновности Засулич,

а в признании вины Трепова, получившего заслуженное, с их точки зрения, наказание. Все вышесказанное говорит о неготовности населения Российской империи середины XIX века к исполнению таких ответственных полномочий, как участие в судебных разбирательствах и вынесение обвинительных или оправдательных вердиктов. Низкий уровень образования населения страны, еще несформированное гражданское общество в совокупности со свойственной русскому народу эмоциональной лабильностью порождали ряд порой абсурдных решений, принятых присяжными заседателями.

В качестве еще одного из примеров громкого дела, рассмотренного при участии присяжных заседателей, можно назвать дело Кроненберга, подробности материалов которого активно публиковались в рубрике «Судебная хроника» газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» ([Санкт-Петербургские Ведомости, 1876](#)). Фабула дела: по свидетельствам гражданок А. Титовой и У. Билибиной, финансист С.Л. Кроненберг нанес тяжкие телесные повреждения своей семилетней дочери. Итоги данного судебного разбирательства приобрели широкий резонанс. Защита С.Л. Кроненберга в лице адвоката В.Д. Спасовича в ходе судебного разбирательства настаивала на том, что С.Л. Кроненберг своими действиями осуществил справедливое наказание по отношению к ребенку, систематически проявлявшему непослушание, нарушавшему порядок и дисциплину. Присяжными заседателями был вынесен оправдательный приговор. Свои личные переживания относительно оправдательного вердикта в адрес Кроненберга, вынесенного присяжными заседателями, в своих дневниках отразил известный писатель Ф.М. Достоевский, который указывал на недопустимость применения подобных жестоких телесных наказаний в адрес ребенка ([Достоевский, 1981: 76](#)).

5. Заключение

Зарождение первых идей о необходимости становления института присяжных заседателей в Российской империи относится к периоду правления Екатерины II. Основанием для появления данных стремлений стало широкое распространение просвещенческих идей в Европе XVIII столетия. Среди наиболее ярких представителей западноевропейской философской мысли эпохи Просвещения, поддерживающих идеи развития правового государства и внедрения суда присяжных заседателей в качестве инструмента справедливого правосудия, можно назвать Канта, Вольтера и Монтескье.

Взяв за основу идеи французских и немецких философов, Екатерина II подготовила документ, получивший название «Наказ Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения». Концепция данного документа включала в себя, в том числе, и намерение проведения реформы системы уголовного судопроизводства путем организации участия присяжных заседателей, которые могли бы выступить в качестве инструмента становления новой системы судопроизводства. Данная мера должна была способствовать развитию гуманистических ценностей, которые были весьма востребованы и актуальны в период эпохи Просвещения.

Тем не менее идеи Екатерины II не были реализованы своевременно по причинам внешних и внутривнутриполитических условий того времени. Попытки реформирования судебной системы предпринимались также и при императоре Николае I. Однако на основе идей и проектов, которые были разработаны в периоды царствования Екатерины II и Николая I, была организована Судебная реформа Александра II 1864 года, где одним из положений данной реформы стало введение присяжных заседателей в качестве участников судебного процесса.

Авторы данного исследования выделили ключевые этапы процесса становления института присяжных заседателей внутри судебной системы Российской империи, а именно: инициация, проработка и легализация. Этап инициации характеризуется периодом правления Екатерины II и в полной мере отражен в «Наказе» императрицы. Этап проработки свойственен периоду правления Николая I, в то время как период легализации напрямую относится к судебной реформе Александра II, проведенной в 1864 году.

В целом в функционировании института присяжных заседателей в Российской империи можно отметить ряд как положительных, так и отрицательных сторон. Среди положительных черт можно отметить начало формирования гражданского общества, борьбу с коррупцией, а также поддержание независимости судебной власти от власти исполнительной.

С точки зрения отрицательных черт участия присяжных заседателей в уголовном судебном процессе, стоит отметить изначальную недоработку закона. Данный недостаток наглядно проиллюстрирован рядом судебных процессов, суть которых имеет политический оттенок, например, дело Веры Засулич, где при вынесении вердикта присяжные заседатели, которые не являлись профессиональными юристами, руководствовались не принципом верховенства закона, а собственными понятиями о морали и справедливости.

Еще одним недостатком законодательства 1864 года можно назвать имевшие место быть сложности апелляционного обжалования приговора, вынесенного судом присяжных, так как вердикт присяжных заседателей не подлежал оспариванию.

Литература

Балугьянский, 1894 – *Балугьянский М.А.* Сочинение «Рассуждение об учреждении губерний» с тремя приложениями под заглавием: 1) «Черты губернского правления». 2) «Черты казённого управления». 3) «Черты судебного устройства» / Бумаги комитета, учрежденного Высочайшим Рескриптом. С.-Петербург.: 1894, С. 214-374.

Батырбаев, 2016 – *Батырбаев Б.С.* Институт присяжных заседателей в судах Кыргызской Республики в контексте конституционной и судебной-правовой реформы // *Международный научный журнал «Символ науки»*. 2016. № 1. (Юридические науки). С. 123-125.

Вольтер, 1956 – *Вольтер Ф.М.* Избранные произведения по уголовному праву и процессу [Текст] : пер. с фр. Ред. пер., авт. предисл. А. Герцензон, пер. Н. Лапшина. М.: Госюриздат, 1956. 340 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Десницкий, 1905 – *Десницкий С.Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи : С 4 апр. : (Доложено в заседании Ист.-филол. отделения 14 апр. 1904 г.) / Соч. С.Е. Десницкого; Сообщ. Александр Успенский. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1905. [2], II, 45 с.

Джаншиев, 1896 – *Джаншиев Г.А.* Суд над судом присяжных: (по поводу статей г. Дейтриха и "Гражданина"). М.: типография "Рассвет", 1896. XVI, 181 с.

Достоевский, 1981 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя / Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 22. Л., 1981.

Екатерина II, 1872 – *Екатерина II.* Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Д'Аламберу с похвалами сочинения Монтескье и уверением, что сочинения Д'Аламбера послужат на благо человечеству // Сборник Русского Исторического Общества. Т. X. СПб., 1872. С. 29-31.

Зарудный, 1879 – *Зарудный С.И.* Общие соображения по вопросу о составе уголовного суда / Материалы по судебной реформе в России 1864 г. 1879. Т. 17. Оп. 13.

Кант, 1964 – *Кант И.* Сочинения: в 6 т. / Академия наук СССР, Институт философии. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Карамзин, 1991 – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 127 с.

Коротких, 1989 – *Коротких М. Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 183 с.

Монтескье, 1999 – *Монтескье Ш. Л.* О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [Сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. М.: Мысль, 1999. 672 с.

ПСЗ РИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XVIII. № 12949.

ПСЗ РИ, 1862 – Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 2-е. С 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1862. Т. XXXVII. № 38761.

Процесс Веры Засулич, 1906 – *Процесс Веры Засулич: (Суд и после суда): [Сборник].* СПб.: Современник, [1906]. 125, [2] с. 18.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ровинский, 1857–1866 – *Ровинский Д.А.* Устройство уголовного суда / Материалы по судебной реформе в России 1864 года. Т. 1–76. СПб., 1857–1866. Т. 17. Оп. 11.

Санкт-Петербургские Ведомости, 1876 – *Санкт-Петербургские Ведомости* // Ежедневная общественно-политическая газета. 1876. 24 янв. № 24.

Сперанский, 1961 – *Сперанский М.М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России / Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 86-139.

Цуханов, 1901 – *Цуханов Н.И.* Упрощение судебного устройства в суде с присяжными заседателями // *Вестник Права*. СПб., 1901. № 4–5 (Апрель–май). С. 65-93.

Шукюров, 2012 – *Шукюров А.Т.* Генезис института присяжных заседателей в Российской империи // *Ярославский педагогический вестник*. 2012. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 16-18.

References

Balug'yanskij, 1827 – *Balug'yanskij, M.A.* (1894). Sochinenie «Rassuzhdenie ob uchrezhdenii gubernij» s tremya prilozheniyami pod zaglavijem: 1) «Cherty gubernskogo pravleniya». 2) «Cherty kazyonnogo upravleniya». 3) «Cherty sudebnogo ustrojstva» [The essay "Reasoning on the establishment of provinces" with three appendices under the title: 1) "Features of the provincial government". 2) "Features of government management". 3) "Features of the judicial system"]. Bumagi komiteta, uchrezhdenno go Vysochajshim Reskriptom. S.-Peterburg. Pp. 214-374. [in Russian]

Batyrbaev, 2016 – *Batyrbaev, B.S.* (2016). Institut prisyazhnyh zasedatelej v sudah Kyrgyzskoj Respubliki v kontekste konstitucionnoj i sudebno-pravovoj reformy [The institution of jurors in the courts of the Kyrgyz Republic in the context of constitutional and judicial reform]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Simvol nauki»*. 1 (Yuridicheskie nauki): 123-125. [in Russian]

Desnickij, 1905 – *Desnickij, S.E.* (1905). Predstavlenie o uchrezhdenii zakonodatel'noj, suditel'noj i nakazatel'noj vlasti v Rossijskoj Imperii [The idea of the establishment of legislative, judicial and punitive authorities in the Russian Empire]: S 4 pril. : (Dolozheno v zasedanii Ist.-filol. otd-niya 14 apr. 1904 g.). Soch. S.E. Desnickogo; Soobshch. Aleksandr Uspenskij. Sankt-Peterburg : tip. Imp. Akad. nauk, [2], II, 45 p. [in Russian]

Dostoevskij, 1981 – *Dostoevskij, F.M.* (1981). Dnevnik pisatelya [The writer's Diary]. M. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. T. 22. L. [in Russian]

Dzhanshiev, 1896 – *Dzhanshiev, G.A.* (1896). Sud nad sudom prisjazhnyh : (po povodu statej g. Dejtriha i "Grazhdanina") [Trial by jury : (regarding the articles by G. Deutrich and "Citizen")]. M.: tipografiya "Rassvet"-XVI, 181 p. [in Russian]

Ekaterina II, 1872 – *Ekaterina II* (1872). Sobstvennoruchnoe chernovoe pis'mo Ekateriny II k D'Alamberu s pohvalami sochineniya Montesk'e i uvereniem, chto sochineniya D'Alamberta poslužat na blago chelovechestvu [Catherine II's handwritten draft letter to D'Alembert praising Montesquieu's writings and assuring that D'Alembert's writings will serve for the benefit of mankind]. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva*. T. X. SPb. Pp. 29-31. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti [The State Archive of the Penza region].

Kant, 1964 – *Kant, I.* (1964). Sochineniya: v 6 t. [Essays: in 6 vol.]. Akademiya nauk SSSR, Institut filosofii. M.: Mysl'. T. 3. 799 p. [in Russian]

Karamzin, 1991 – *Karamzin, H.M.* (1991). Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury. 127 p. [in Russian]

Korotkih, 1989 – *Korotkih, M.G.* (1989). Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii [Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta. 183 p. [in Russian]

Montesk'e, 1999 – *Montesk'e, Sh.L.* (1999). O duhe zakonov [On the spirit of the laws]. [Sost., per. i komment. primech. avt. A. V. Mateshuk]. Moskva: Mysl'. 672 p. [in Russian]

Process Very Zasluch, 1906 – Process Very Zasluch: (Sud i posle suda) [Vera Zasluch Trial: (Trial and after trial)]: [Sbornik]. Sankt-Peterburg: Sovremennik. 1906. 125, [2] p. 18. [in Russian].

PSZ RI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]. [The complete collection of laws of the Russian Empire [Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825]. SPb. : Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1830. T. XVIII. № 12949. [in Russian]

PSZ RI, 1862 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Sobranie 2-e. S 12 dekabrya 1825 g. po 28 fevralya 1881 g.]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1862. T. XXXVII. № 38761. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [State Archive of the Russian Federation].

Rovinskij, 1857–1866 – *Rovinskij, D.A.* (1857–1866). Ustrojstvo ugolovnogogo suda [The structure of the criminal court]. Materialy po sudebnoj reforme v Rossii 1864 goda. T. 1–76. SPb., T. 17. Op. 11. [in Russian]

Sankt-Peterburgskie Vedomosti, 1876 – *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. Ezhednevnyaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta. 1876. January, 24. № 24. [in Russian]

Shukyurov, 2012 – *Shukyurov, A.T.* (2012). Genezis instituta prisjazhnyh zasedatelej v Rossijskoj imperii [The genesis of the Institute of jurors in the Russian Empire]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. № 4. T. I (Gumanitarnye nauki). Pp. 16-18. [in Russian]

Speranskij, 1961 – *Speranskij, M.M.* (1961). Zapiska ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stvennyh uchrezhdenij v Rossii [A note on the structure of judicial and government institutions in Russia]. Proekty i zapiski. M.-L. Pp. 86-139. [in Russian]

Tsukhanov, 1901 – *Tsukhanov, N.I.* (1901). Uproshchenie sudebnogo ustrojstva v sude s prisjazhnyimi zasedatelyami [Simplification of the judicial system in court with jurors]. *Vestnik Prava*. 4–5: 65-93. [in Russian]

Vol'ter, 1956 – *Vol'ter, F.M.* (1956). Izbrannye proizvedeniya po ugolovnomu pravu i processu [Selected works on criminal law and procedure: per.s fr. F. M. Vol'ter ; red. per., avt. predisl. A. Gercenzon, per. N. Lapshina. M.: Gosyurizdat. 340 p. [in Russian]

Zarudnyj, 1879 – *Zarudnyj, S.I.* (1879). Obshchie soobrazheniya po voprosu o sostave ugolovnogogo suda [General considerations on the composition of the criminal court]. Materialy po sudebnoj reforme v Rossii 1864 g. T. 17. Op. 13. [in Russian]

Этапы становления института присяжных заседателей и его влияние на систему правосудия в Российской империи от времен Екатерины II к реформам Александра II

Иван Сергеевич Денисов^{a,*}, Бактыбек Сулайманович Батырбаев^b

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Кыргызский Национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек,
Кыргызская Республика

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию вопроса поэтапного становления института присяжных заседателей в Российской империи. Авторами был рассмотрен вопрос влияния Ренессанса на развитие системы уголовного судопроизводства в западноевропейских странах и в Российской империи. В ходе работы были исследованы сочинения ведущих философов эпохи Просвещения, а также документ, который был составлен на основе указанных сочинений, а именно «Наказ» Екатерины II, в котором императрица отразила ряд первостепенных тезисов, направленных на становление нового пути развития Российской империи. Авторами статьи также были последовательно проанализированы идеи о реформировании системы судопроизводства Российской империи в части введения присяжных заседателей в качестве участников уголовного процесса. Особое внимание было уделено рассмотрению темы организации института присяжных заседателей и анализу их деятельности в качестве участников уголовного процесса после судебной реформы 1864 года. Авторами были сформулированы ключевые этапы процесса становления института присяжных заседателей внутри судебной системы Российской империи. В ходе данного исследования авторы также проанализировали ряд громких судебных разбирательств, рассмотренных при участии присяжных заседателей (судебный процесс Веры Засулич, дело Кроненберга и др.). При анализе указанных судебных процессов авторы наглядно проиллюстрировали их значение в сфере развития правосознания населения Российской империи. Были сформулированы некоторые выводы относительно организации деятельности института присяжных заседателей в Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, судебная реформа 1864 года, уголовное судопроизводство, присяжные заседатели, Наказ Екатерины II, эпоха Просвещения, Александр II.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1736-1750
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1736

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Organization, Management and Specifics of Zemstvo Psychiatric Health Care in the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries

Andrey V. Reshetnikov^a, Nadezhda V. Prisyazhnaya^{a, *}, Olga N. Bobrovskaya^a, Anna N. Lazarenko^a

^a I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The emergence of the foundations of district psychiatric health care in the late 80s of the XIX century affects many important elements of building a new system: from organization and administration, training of specialists to treatment methods and the treatment specifics of mentally ill patients. At each stage in the development of the system, zemstvo/district institutions overcome significant difficulties associated with limited funding, lack of specialists, and shortcomings in organizational and managerial mechanisms of work. Referring to documentary sources and written testimonies of direct participants in the organizational and therapeutic processes allows us to consider in detail the development dynamics of each system element, defining key tasks such as expanding the base of psychiatric care through the construction of new hospitals, creating agricultural colonies of family-based care and promotion towards family-based patronage as optimal ways of rehabilitation and socialization of mentally ill patients.

It seems that addressing the topic of the organization and management of zemstvo/district psychiatric hospitals creates the entire picture of events in the period under study, identifies gaps in legislative regulation and the specific reaction of the psychiatric community to the actual change in the tasks of medical activity towards administrative supervision and protection of public order.

The psychiatric health care development in the period after the reform of provincial assemblies (the zemstvo period) affects important aspects of providing assistance that are related to ensuring the tasks of its accessibility, ideas of humanistic treatment, excluding violence and prolonged isolation, as well as opportunities for gradual socialization through involvement in feasible work and free living of patients.

The humanistic mission of psychiatric doctors in the zemstvo period becomes a link between all elements of the system, contributing to the actualization of issues of medical care at the local level.

Keywords: district/zemstvo psychiatric health care, family-based care of the mentally ill, occupational therapy in colonies, maintenance of the insane.

1. Введение

Система психиатрической помощи в период проведения Земской реформы 1864 г. претерпела значительные изменения, направленные на гармонизацию организационного и управленческого аспектов профессиональной деятельности на основе моделирования законодательной базы, что позволяет обратиться к актуальной теме исследования истоков и тенденций в организации и управлении психиатрической помощью населению земствами, изучению опыта децентрализации психиатрической службы как перспективного направления деятельности земств, а также выявлению наиболее общих закономерностей практической деятельности психиатрических земских лечебниц как базы для проведения лечения.

* Corresponding author

E-mail addresses: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (N.V. Prisyazhnaya), bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru (O.N. Bobrovskaya), theannlazarenko@gmail.com (A.N. Lazarenko) reshetnikov_a_v@staff.sechenov.ru (A.V. Reshetnikov)

2. Материалы и методы

1. Для полноты и объемности реалистичной картины исследования проблемных аспектов выстраивания земствами системы психиатрической помощи населению авторским коллективом использовались преимущественно две группы источников. К первой группе относятся архивные документы. В Центральном государственном архиве Кировской области (Вятка, Российская Федерация) и Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация) хранятся документы, позволяющие проследить этапы формирования земского здравоохранения. Вторую группу источников составляют сборники опубликованных документов: законодательные акты, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи; материалы губернских съездов земских врачей и врачебных организаций, в которых отразились дискуссии о текущем состоянии медицины на местах (VIII Пироговский съезд. Вып. 3..., 1901; VIII Пироговский съезд. Вып. 7..., 1901).

2. Работа основана на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Источниковедческий и сравнительный анализ указанных источников позволяют выявить закономерности становления и динамики развития земской психиатрии, установить управленческие и организационные особенности оказания психиатрической помощи. Кроме того, можно установить взаимосвязь развития психиатрической науки с земскими практиками в конце XIX – начале XX вв. Сравнительный анализ позволит соотнести медицинские стратегии земств и государственных институций, выявить наличие общих интересов и расхождений в подходах к оказанию психиатрической помощи. Кроме того, ввиду использования в работе законодательной базы пореформенного периода целесообразно обращение к формально-юридическому методу, при помощи которого анализируется состояние законодательного регулирования исследуемых процессов и явлений, выявляются пробелы и существенные недостатки, затрудняющие работу психиатрической помощи на рубеже XIX – XX вв.

3. Обсуждение

Историография земской психиатрии включает себя три этапа осмысления темы.

Первый (с 1860-х гг. по 1917 г.) связан с непосредственным существованием земств в пореформенной России (Положение о губернских..., 2002; Свод законов Российской..., 1915; Шульц, 1865; Реформатский, 1907; Веселовский, 1909). Его характерной чертой является ориентированность на практику, поскольку многие авторы трудов были причастны врачебной профессии и не смотрели на предмет своих исследований как на «историю». Напротив, история «вершилась» при их активном участии, отсюда – этос врача-гражданина, пронизывающий труды данного периода. Для специализированной литературы характерна критика «пережитков дореформенного, приказного строя» (Качкачев, 1912), обильное привлечение статистического материала, апелляция к европейскому опыту устройства психиатрических учреждений (Говсеев, 1897; Капустин, 1889; Микульский, 1904; Качкачев, 1912; Френкель, 1913). Несмотря на врачебный профессиональный статус авторов этих исследований, они должны быть включены в историографию темы, а не только привлечены в качестве источников. Наряду с такими достоинствами начального этапа историографии земской психиатрии, как глубокое знание авторами материала, погружение в контекст и детальная проработка отдельных тем, в числе недостатков надо упомянуть описательность этих работ, субъективизм, нехватку обобщений.

Второй этап наступает после Октябрьской революции (с 1917 г.). С одной стороны, ранняя советская психиатрия наследует традиции дореволюционной благодаря сохранившемуся кадровому составу; с другой, – происходит переосмысление задач психиатрии с позиций марксистско-ленинского учения. На данный этап приходится ряд специальных исследований о взаимосвязи народного здравоохранения и земского самоуправления (Страшун, 1964; Карпов, 1964; Левит, 1974). Налаженный земствами присмотр за душевнобольными встраивается советскими историками медицины в общий ландшафт становления психиатрической науки в Российской империи. Земская медицина XIX – начала XX вв. мыслится как пройденный этап, «прошлое», которое с успехом преодолено «прогрессивной» советской наукой. В историю земской медицины вплетались мотивы классовой борьбы. Так, Т.И. Юдин связывает становление психиатрии в сельской местности с обезземеливанием крестьянства, отходничеством в город и неспособностью членов общины заботиться о душевнобольных, ввиду чего «помещики-земцы и кулацкая часть деревни, боясь пожаров и другого имущественного ущерба, который могли бы причинить безнадзорные душевнобольные, сами начали требовать государственного или земского их призрения» (Юдин, 1951: 164). В этом ракурсе земская психиатрия представляется воплощением «полицейских взглядов на психиатрию», выражением интересов господствующего класса, готового ради прибыли согласиться на элементарный медицинский надзор за крестьянами с целью отсеивания наиболее нетрудоспособных. Вместе с тем тот же Юдин отмечает альтернативную точку зрения, отстаиваемую «прогрессивной» частью буржуазии, зачисляя в их ряды П.Я. Якобия. Для них главной задачей было «оздоровление населения», а не защита «помещичьего» и «кулацкого» хозяйства от психически больных (Юдин, 1951: 164).

На третьем этапе (с 1991 г. по настоящее время) наряду с отходом из перегибов «классового мышления» историческая наука начинает применять новые методологические подходы в изучении земской психиатрии. Медицина Российской империи начинает исследоваться институционально, учитываются запросы различных заинтересованных групп: имперской бюрократии, либеральной интеллигенции, наконец, самого крестьянства. Данный этап отмечен появлением обобщающих трудов по истории земства, включая медицинский аспект (Герасименко, 1990; Лаптева, 1993). Появляются микроисторические исследования, посвященные фигуре земца-врача на селе, его взаимодействию с пациентами из крестьянства, в т. ч. психически больными (Миронова, 2020). Впервые говорится о необходимости обращения к опыту дореволюционной медицины в деле реорганизации психиатрической помощи современной Российской Федерации. В ряде исследований выявляется региональная специфика развития земской психиатрии (Кузьмин, 1997; Арутюнов, 2000; Третьяк, 2009).

В материалах отражается наличие множества дефицитных состояний в организации и управлении психиатрической земской помощи, от стесненности финансирования, недостаточности коечного фонда до отсутствия профильных специалистов. Вместе с тем движущей силой всех преобразований выступали, в конечном счете, врачи психиатрического профиля, апеллируя к необходимости изменения законодательства.

4. Результаты

1. Законодательная основа, истоки и тенденции в организации и управлении психиатрической помощью населению земствами.

1 января 1864 года Александр II утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (далее Положение), введившее всеобщее выборное местное самоуправление в уездах и губерниях (Положение о губернских..., 1957). Этот документ определил важные направления преобразования государственных и общественных институтов, фактически создав новую модель организации и управления системами жизнеобеспечения общества.

Круг дел, подлежащих ведению земских учреждений, включал в себя управление ресурсами (капиталом, имуществом, денежными доходами) земств и фактически ограничивался хозяйственной сферой, включая попечение о народном здравии и о тюрьмах, которые составляли расходные обязательства земств. Распределение полномочий по организации и управлению оказанию медицинской помощи населению между губернскими и уездными земствами осуществлялось по широко известному принципу. В ведение губернского земства были отнесены сферы, требующие организации и административного надзора: руководство врачебным делом; надзор за санитарно-эпидемиологическим благополучием губернии, за лечебными учреждениями и аптеками; организация и проведение профилактических (противоэпидемических) мероприятий; создание лабораторий для диагностики болезней; организация специализированной медицинской помощи; помощь душевнобольным; приюты для детей, оставшихся без попечения родителей (ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 1. Д. 40. Л. 110).

Уездным земствам в обязанности вменялось следующее: организация и содержание участковых больниц и амбулаторий; финансирование губернских больничных учреждений; развитие аптечного дела; организация санитарного надзора и противоэпидемических мероприятий в уездах; распространение среди населения гигиенических буклетов, организация лекций и выставок, посвященных эпидемиологической тематике; помощь увечным (ЦГИАРБ. Ф. И-135. Оп. 2. Д. 42. Л. 160-161).

При этом на протяжении всего периода своей деятельности, земства сталкивались с дефицитом бюджета, ограниченностью источников доходов, а также строгим административным надзором. Так, в соответствии со ст.1 Врачебного устава 1882 года и ст.808 Устава медицинской полиции 1882 года (Свод законов Российской..., 1912: 176-308) Главное управление медицинской службы подчинялось Министерству внутренних дел, развитие медицины курировалось главным врачебным инспектором Министерства внутренних дел. Надзор за деятельностью земств усилился после вступления в силу 12 июня 1890 г. нового Положения о земских учреждениях. Он установил опеку над земством со стороны губернатора и министра внутренних дел.

Относительно психиатрической помощи населению общая ситуация имела следующий вид. Земские лечебные учреждения, образовавшиеся после передачи больниц Приказов Общественного Призрения, согласно Сенатскому указу от 9 февраля 1867 года, насчитывают ограниченное количество психиатрических коек с наименьшим фондом (6 коек) в Олонецкой губернии и наибольшим (70 коек) – в Полтавской. При этом в Харьковской, Пермской, Костромской и Орловской губерниях среднее количество психиатрических коек едва достигало 60 (Осипов и др., 1899). Мест в психиатрическом отделении для размещения больных категорически не хватает, в связи с чем душевнобольных приходится размещать в соматических отделениях больниц.

Оказание психиатрической помощи населению осуществляется централизованно, посредством сосредоточения больниц в губернских земствах и перераспределения расходов на содержание хронических больных на уездные земства. Дотации уездных земств на развитие системы

здравоохранения составляли 1/3 общего бюджета, что приводило к значительному обременению бюджетов уездных земств при отсутствии в них профильных клиник. Так, Уфимское губернское земское собрание ассигновало на здравоохранение лишь 23,5 копейки на душу населения, а средний объем финансирования медицинской помощи по уездам Уфимской губернии составил 48,95 коп. (Историко-статистическая..., 1915: 102). Вместе с тем такие затраты ежегодно росли и достигали значительных размеров в целом как на соматическую, так и психиатрическую помощь населению. Из документальных источников известно, что по смете 1904 года на вятскую городскую больницу было израсходовано уездным земством 46 287 руб.27 коп., что на 3 550 руб.68 коп. больше, чем в 1903 году. На содержание психиатрической клиники в 1904 году в Вятке на 650 человек уездным земством было выделено 100 240 руб.29 коп., что на 9 012 руб.27 коп. больше, чем в 1903 году (ЦГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 171. Л. 442). При этом управление психиатрической службой Вятской губернии в земский период оставалось неэффективным вследствие зависимости психиатрического отделения в медицинском и хозяйственном отношении от губернской соматической больницы. Такая ситуация наблюдалась вплоть до 1913 года, когда Вятская психиатрическая больница получила самостоятельность (Старкова и др., 2008: 67-69).

Исходя из ситуации, земская администрация заключает арендные сделки, покупает частные дома и арендует койки в городских больницах и приютах для размещения душевнобольных (Егорышева, 2015: 60-64). Такое положение наблюдается практически во всех земствах, создает трудности для работы медицинского персонала и одновременно требует все больших затрат на содержание хронических больных (Старкова и др., 2008: 67-69).

Выражая сомнение в способности каких-либо самостоятельных преобразований в организации и управлении психиатрическими клиниками, земства фактически оставляют клиники в их первоначальном статусе, а именно закрытыми учреждениями тюремного типа с неудовлетворительным состоянием зданий и помещений в них.

Аргументируя такую позицию недостатком денежных средств, земства заявляют о готовности передачи таких клиник под управление правительства. Проблема не решалась ни посредством выделяемых с 1879 года земствам государственных пособий на строительство или преобразование больниц для душевнобольных, поскольку они покрывали только 50 % произведенных затрат, ни строительством окружных психиатрических лечебниц, поскольку это требовало значительного времени на реализацию и не покрывало дефицита коечного фонда (Старкова, Куковякин, 2012: 61-62).

В результате проведенной ревизии Министерством внутренних дел было установлено, что лечебные учреждения для душевнобольных, переданные в управление земств, находятся в непригодном для пребывания и лечения больных состоянии, требуют капитального ремонта, приобретения оборудования для диагностики, имеют недостатки в кадровом обеспечении и по сути являются местами заключения (Шульц, 1865: 15).

Это послужило началом большого этапа планирования и строительства психиатрических клиник, соответствующих современным требованиям медицины.

В 1881 году Министерство внутренних дел инициирует строительство новых зданий психиатрических больниц современного типа на 500 мест во всех земствах, заявляющих такую потребность. При этом предполагается, что корпуса больниц, в соответствии с указаниями профессора психиатрии И.М. Балинского и чертежами профессора архитектуры И.М. Штрома, будут иметь удобное месторасположение и павильонную конструкцию, приспособленную для нужд оказания помощи душевнобольным (Юдин, 1951: 98-99).

По свидетельству психиатра Н.Н. Баженова (Баженов, 1887: 234-251), с момента перехода в управление земств губернских больниц общего профиля с психиатрическими отделениями, имевшими более недостатков, чем достоинств, Тверское, Полтавское, Саратовское, Самарское, Тамбовское, Рязанское земства активно способствуют развитию потребностей современной психиатрии, организуя профильные больницы и приюты для душевнобольных.

Земскими врачами ставится задача обеспечения помощи каждому душевнобольному во всех случаях, когда семья не способна предоставить надлежащего ухода за ним и когда желает интернировать его в больницу¹. Исходя из прямого содержания Сенатского указа от 15 июля 1875 года, земства обязаны принимать и лечить всех умалишенных своей губернии, что ожидаемо приводит к быстрому наполнению больниц лицами, нуждающимися в призрении². Для вновь поступающих по различным основаниям фактически констатируется отсутствие мест и невозможность получения помощи, что противоречит принципу общественной справедливости. При этом возможность избирательного подхода к размещению больных в клинике нивелируется непредсказуемостью оказанного лечебного эффекта в отношении конкретного больного, фактической

¹ Интернировать в больницу – переместить больного с психиатрическим диагнозом в клинику для тщательного наблюдения и лечения по настоянию его родственников, которые не могут обеспечить уход самостоятельно.

² Призрение душевнобольных – организация длительного присмотра, ухода и лечения за лицами с установленным психиатрическим диагнозом в хронической форме.

невозможностью гарантировать безопасность пациента для себя самого и окружающих врачом психиатром. В отдельных случаях для определения спецификации принимаемых в клинику пациентов земствами принимаются облаченные в документальную форму решения по ограничению приема. Так, например, Тамбовское земское собрание в 1884 году оповестило все службы, направляющие больных для наблюдения и лечения о том, что прием пациентов должен быть согласован с администрацией клиники. Параметры – наличие свободных мест, оплата пребывания в клинике на месяц вперед, освидетельствование психиатра о степени опасности больного для окружающих и письменное обязательство родственника (опекуна) о незамедлительном освобождении места по завершении лечения ([Веселовский, 1909](#)).

Возрастающее количество нуждающихся в специфической помощи больных создает ситуацию ограниченности приема в больницы многих земств, что обусловлено малыми средствами земского бюджета и отсутствием врачей-психиатров, имеющих профильную подготовку.

Как отдельное направление подготовки специалистов лечебного дела психиатрия была введена в качестве обязательной дисциплины только к концу 80-х годов XIX века. Это позволило решить проблему кадрового дефицита в отрасли и пригласить в земские больницы ведущих специалистов. Их профессиональная деятельность нашла отражение не только в клинической практике, но и в течениях, отражавших современные методы работы с пациентами. Например, доктором С.С. Корсаковым введен в практику в качестве основополагающего метод «нестеснения» больного, состоящий в полном отказе от применения жестоких и унижающих человеческое достоинство приемов. Доктором Н.Н. Баженовым введен в практику принцип свободного размещения душевнобольных в колонии при больнице, где они могли заниматься посильным трудом и вести жизнь без изоляции в больничных стенах. Профессор П.П. Кащенко выступал за активное внедрение в практику принципа посемейного призрения, который стал популярен не только среди российских, но и иностранных психиатров ([Юдин, 1951: 314-340](#)).

С начала 90-х годов XIX века земские психиатрические больницы были способны решать сложные задачи диагностики и лечения, но недостаток больниц и врачей сопровождает эту службу на протяжении всего рассматриваемого исторического периода.

Описывая положение психиатрического дела в Российской империи, Н.Н. Баженов резюмирует: те земства, которые произвели затраты на строительство психиатрических больниц на 200-500 человек, длительное время не способны обременить свой ежегодный бюджет какими-либо расходами, связанными с предоставлением помощи в превышающем объеме. Средняя русская губерния с населением около двух миллионов человек нуждалась в организации и наблюдении в отношении примерно шести тысяч умалишенных. Такой объем психиатрической помощи превышал все возможные ресурсы, которыми обладали земства.

Вопрос о призрении и лечении остается открытым даже перед теми земствами, которые сделали крупные затраты на устройство психиатрических лечебниц и приютов. Стоимость больницы на 200-500 пациентов составляет порядка 500 тысяч рублей; годичный бюджет – порядка 80 тысяч. В этой связи Н.Н. Баженов заявлял о снижении полезного эффекта от такого дорогостоящего учреждения до нуля и превращении больницы в приют для неизлечимых хронически душевнобольных, приводя в качестве примера Московскую Преображенскую больницу, которая прекратила прием за неимением мест и не возобновляла его в течение многих лет.

Рассуждая о таком нерациональном подходе в приеме и содержании больных, Н.Н. Баженов проводил следующую параллель: хронический больной, страдающий слабоумием, годами находясь под наблюдением без особых перспектив, становится балластом больницы, тогда как пациент в острой стадии заболевания, которому отказано за неимением мест, может совершить преступление и оказаться в больнице по решению суда уже в сверхштатном порядке. При этом своевременное интернирование в клинику пациента в острой стадии заболевания позволяет свидетельствовать о более высоких шансах на выздоровление ([Баженов, 1887: 234-251](#)).

В этой связи психиатр выступал за частую смену больных и открытый доступ к медицинской помощи в земских больницах путем эвакуации хронических больных в психиатрическое учреждение по типу земледельческой колонии. Такие колонии, находящиеся в непосредственной близости от больниц, позволяли хроническим пациентам жить в относительно открытой среде и получать необходимую помощь. Поскольку психиатрические больницы, открываемые в земствах, практически повсеместно находились в некотором отдалении от губернских городов, то и колонии для призрения хронических больных создавались в прилегающих деревнях. Проживающие в них крестьяне при их добровольном согласии, получая вознаграждение, равное половине содержания больного в стационаре, становились патронажной семьей, в которой душевнобольной, не представляющий опасности для окружающих, проживал и разделял быт. Это предложение встречало как одобрение, так и негативную оценку, и часто пессимизм определялся через личный опыт взаимодействия с крестьянством врачей-психиатров. Так, доктор С.И. Штейнберг свидетельствовал о дурном обращении крестьян с душевнобольными, о понуждении их к выполнению тяжелого труда и откровенной эксплуатации без предоставления минимально приемлемых условий содержания. Тогда

как профессор И.А. Сикорский считал данную идею заслуживающей внимания и апробирования (Юдин, 1951: 179-180).

2. Децентрализация психиатрической службы как перспективное направление деятельности земств.

Только в начале XX столетия на VIII Пироговском съезде психиатров (VIII Пироговский съезд. Вып. 3..., 1901: 30-35.) были озвучены задачи развития психиатрической помощи в сторону децентрализации, то есть распределения в застройке психиатрических учреждений на всей территории губернии вместо их размещения в губернском центре. Небольшие больницы на 20 коек в уездных городах для пациентов в острой стадии болезни виделись психиатрам достаточными для удовлетворения потребности в лечении местного населения, а для душевнобольных, нуждающихся в призрании, предполагалось строительство колонии при больнице или семейный патронаж, о котором ранее докладывал Н.Н. Баженов.

Таким образом, децентрализация психиатрической помощи виделась психиатрам не только в строительстве уездных больниц, но и в создании колоний при уездных больницах, в которых душевнобольные с хронической формой заболевания могут получать лечение и заниматься посильным трудом, а также посемейным призранием, связанным с помещением душевнобольного в приемную семью.

Перспектива реализации идеи децентрализации психиатрической помощи, по мнению психиатров В.И. Яковенко и В.И. Колюбакина, состоит в возможности обращения за помощью непосредственно в месте проживания, тогда как в настоящее время отдаленные уезды в силу больших расстояний и сложного транспортного сообщения практически не пользуются услугами губернской психиатрической больницы, которая остается доступной лишь для жителей губернских городов и близлежащих уездов. Кроме того, строительство психиатрических больниц в земских уездах сэкономит скудные ресурсы земств; содержание больных в уездной земской больнице исключит расходы на перевозку и приобретение материалов; близость к месту проживания позволит скорее выявлять острые случаи заболевания и наиболее эффективно оказывать необходимую помощь; посещение больных родственниками станет не привилегией, а обыденностью; хронические больные могут успешнее передаваться на попечение родственников или в патронаж.

Но и такое видение решения проблемы встречало сопротивление других психиатров, которые полагали, что реализация стратегии децентрализации приведет к разрушению сложившейся системы, переклочит внимание квалифицированного персонала больницы на простые случаи, не требующие комплексной экспертизы, а также усложнит процессы управления учреждениями, отработанными земской практикой администрирования (VIII Пироговский съезд. Вып. 7..., 1901: 131-148).

Так, профессор психиатрии В.П. Сербский с прискорбием отмечал, что сама по себе идея децентрализации психиатрической помощи населению, имея правильный посыл, не способна найти воплощение на практике за отсутствием средств и подготовленных специалистов. Такие больницы будут настолько плохи, что, скорее, будут практиковать насильственные способы обращения с душевнобольными пациентами, чем осуществлять надлежащий уход, дискредитируя и психиатрическую больницу, и врачей (VIII Пироговский съезд. Вып. 7..., 1901: 131-148.).

Несмотря на полярность мнений в сообществе психиатров, идея децентрализации нашла применение во многих земствах. И если строительство уездных земских больниц действительно столкнулось с недостатками финансирования и кадрового обеспечения, то создание оптимальных условий для пребывания душевнобольных в специально созданных колониях при больницах, позволявших разместить многих страждущих, было реализовано в Вологодской, Харьковской, Черниговской, Пермской, Полтавской, Вятской губерниях. Именно в колониях для призрания душевнобольных создавались условия для занятий полезной деятельностью, что эффективно совмещалось с лечебным процессом.

Применение терапии труда как метода, направленного на комплексную социализацию и реабилитацию душевнобольных, горячо поддерживалось такими психиатрами, как Н.Н. Баженов и П.П. Кащенко. Предполагалось, что труд в колонии или под патронажем должен быть добровольным, ненасильственным и простым, связанным с земледелием, уходом за домашними животными или изготовлением какой-либо продукции в мастерских. Систематический труд признавался важной составляющей социальной реабилитации душевнобольного (Карасева и др., 2014: 106-109).

Возвращаясь к вопросу строительства колоний, следует отметить, что значительная часть средств на эти цели была ассигнована правительством. В конце 90-х годов XIX века земства получили пособия на сумму около одного миллиона рублей на реорганизацию психиатрической службы. Деньги преимущественно были израсходованы на строительство колоний для призрания душевнобольных. Но даже эти средства были неспособны покрыть имевшийся дефицит бюджета по содержанию психиатрических учреждений земствами, поскольку траты по сметам составляли более двух миллионов (Егорышева, 2015: 62).

Содержание больных в колонии обходилось гораздо дешевле, чем в психиатрическом стационаре. Стоимость содержания больного в условиях московского психиатрического стационара составляла 480 рублей, тогда как содержание в колонии – 247 рублей (Бруханский, 1914: 464-482).

Самым активным радетелем строительства колоний для призрения душевнобольных стал Н.Н. Баженов, который создал такую колонию в Рязанской губернии в 1886 году. Однако через год решением ревизионной комиссии Рязанского земского собрания колония была закрыта как не отвечающая многочисленным требованиям безопасности ее размещения вблизи деревни (Реформатский, 1907: 139).

Документы показывают, что возрождение патронажа в Рязани стало возможным лишь в 1901 г. (Воскресенский, Остапец, 2007: 17-32) путем создания Рязанской колонии посемейного призрения с постепенным возрастанием количественного состава душевнобольных до 210 человек к 1911 году, что концентрировало более 30 % от общего числа призреваемых душевнобольных в Рязанской губернии.

В 1892 г. Н.Н. Баженов основал колонию посемейного призрения под Москвой, в которую переводились хронические больные из Преображенской (Алексеевской) психиатрической больницы. Однако колония была закрыта из-за протестов местных жителей, которые опасались проживать в непосредственной близости с душевнобольными (Реформатский, 1907: 139). По истечении месяца с момента ликвидации колонии вновь была открыта в соседних деревнях (Юдин, 1951: 478).

Каждая следующая инициатива по открытию колонии встречала протест местных жителей, что имело место и в городе Екатеринославле в 1892 году. При этом число призреваемых душевнобольных год от года многократно возрастало от момента открытия (60 больных) и до последней фиксации в 1898 году (140 больных). Пребывание душевнобольного на патронаже составляло 125 рублей, и это принесло реальную выгоду Екатеринославскому земству, которое за годы работы колонии смогло сэкономить около 60 000 рублей (Говсеев, 1897: 149).

В 1899 году Н.Н. Баженовым была создана колония в Воронежской губернии. Она взяла на попечение около 50-ти больных, их подушевое финансирование обходилось Воронежскому земству в 1903 году в 103 рубля 99 копеек (Александровский, 2013: 55-67).

В 1902 году В.С. Яковенко была открыта Херсонская колония посемейного призрения. По свидетельствам психиатров, работавших в колонии, в 1904 г. там находились 150 пациентов, что составляло 10,8 % всех душевнобольных, призреваемых в Херсонском земстве (Отчет по командировке..., 1904). Стоимость пребывания в патронаже составляла 151 рубль в год, тогда как в Херсонской психиатрической лечебнице – 287 рублей (Реформатский, 1907: 139).

Еще более выгодным для земского бюджета, с точки зрения расходов на содержание душевнобольных, считался семейный патронаж, который предусматривал два варианта присмотра за человеком. Первый вариант сопряжен с размещением больного в родственной семье и с выплатой вознаграждения в 10 рублей в месяц (120 рублей в год), что составляло половину стоимости содержания больного в колонии и существенно экономило фонды денежных средств земства. Второй вариант предусматривал размещение больного в приемной (чужой) семье за выплату вознаграждения, включая расходы на питание и обслуживание. И на практике именно второй вариант размещения душевнобольных встретил максимальный энтузиазм среди населения, нежели родственное попечение (Некрасов, 2015: 68-74).

Считая форму семейного патронажа одной из самых эффективных для обращения с хроническими больными, профессор П.П. Кащенко заявлял, что семейный патронаж в оптимальных условиях должен приводить к внутреннему покою, принятию правил в свободной обстановке, разнообразию впечатлений, которых невозможно предложить больному в условиях закрытой больницы (Костригин, 2018: 2). Анализируя положительные и отрицательные стороны размещения больных в патронажной семье, он приходил к выводу о том, что ответственность за отрицательный результат такого размещения всегда лежит на враче и чаще всего он связан с неправильным подбором семей для определенной формы заболевания.

Материалы о внедрении в Российской империи патронажного призрения показали, что процент возврата душевнобольных в психиатрические больницы был выше их ежегодного поступления. По мнению Т.И. Юдина, опрометчиво принятые решения о переводе хронических больных с психиатрических коек под патронаж приводили к обратному эффекту, не достигая желанного результата и обесценивая саму идею патронажа (Юдин, 1951: 478).

3. Психиатрические клиники земств как база для проведения испытаний умственных способностей и освидетельствования лиц, совершивших преступление.

Специфические задачи, решаемые психиатрической службой в отношении лиц, совершивших преступление и направляемых судом или полицией для освидетельствования и (или) испытания умственных способностей (вменяемости) в земские городские больницы, являлись горячо обсуждаемыми среди психиатров.

На протяжении длительного периода, охватывающего несколько десятилетий, известными психиатрами, наблюдавшими больных с расстройствами психики, поднималась тема о целесообразности и полезности для лечебного процесса размещения в земских психиатрических клиниках лиц, совершивших преступление в состоянии душевного расстройства или ставших таковыми после совершения преступления, совместно с душевнобольными, не совершавшими преступлений.

Полярность высказываемых точек зрения приводила к тому, что даже законодательно установленные процедуры экспертной оценки проводились со значительными нарушениями и имели много допущений.

В тех случаях, когда окружные или мировые суды, а также земская администрация направляли больного для прохождения испытания умственных способностей в психиатрическую больницу, врачи заявляли о чрезмерном обременении их дополнительной работой, отвлекавшей от лечения принятых пациентов. Вместе с тем расширение обязанностей земских психиатров, проводивших испытание, считалось нормальным явлением сложившейся практики. Это касалось не только задач определения умственных способностей испытуемого, но также и анализа поступивших данных о предшествующем поведении, о склонностях, характере преступной мотивации, особом надзоре за больными, проявляющими агрессию и беспокойство.

Специалисты, возражавшие против размещения душевнобольных преступников в психиатрические клиники общего профиля, мотивировали свое требование следующими соображениями:

- 1) душевнобольные, которым приходится жить вместе с преступниками, испытывают стресс от вынужденных контактов и сожительства;
- 2) душевнобольные преступники представляют опасный и вредный элемент в психиатрических больницах ввиду своего тлетворного влияния на других, имеют вредные влечения, нарушают дисциплину лечебницы.

Вместе с тем психиатры придерживались мнения, согласно которому между помешанными подсудимыми и преступниками, с одной стороны, и душевнобольными, не совершавшими преступлений, с другой, – различия в клинических признаках не выявляются, поэтому они получают лечение, соответствующее установленному диагнозу. В тех случаях, когда болезненное состояние психики требует особых условий пребывания в клинике, душевнобольного размещают отдельно от остальных больных, вне связи с совершенным им преступлением.

Так, в своем докладе, прозвучавшем на первом съезде отечественных психиатров, В.В. Яковенко (Яковенко, 1887: 202-230) убедительно доказал, что из всего числа лиц с психиатрическим диагнозом (74 человека), направляемых для прохождения испытания умственных способностей разными инстанциями в Бурашевскую колонию за период с 1881–1886 гг., только 5 человек совершали побег и 3 человека проявляли склонность к нарушению дисциплины, при этом 52 человека выполняли поручаемую работу и подчинялись общим порядкам.

Для правильного определения итогов испытания некоторые больные проводили в колонии более 6 лет, тогда как средний период нахождения составлял 1 год 17 дней, а минимальный – 11 дней.

С течением времени происходило постепенное накопление в колонии душевнобольных преступников, большая часть из которых (66% от всего числа) обвинялась в тяжких преступлениях (убийство, покушение на убийство, поджог, грабеж, изнасилование), а основной контингент таких преступников составляли слабоумные пациенты. Вместе с тем психиатры, участвующие в проведении процедур освидетельствования, отмечали, что больницы не тяготятся присутствием в их стенах душевнобольных преступников, однако стеснены необходимостью постоянного участия в таких процессах с постоянной фиксацией нарастания и количества, и сроков пребывания указанных лиц. Нередко отмечались случаи, когда на испытания направлялись больные с диагнозом прирожденного или вторичного слабоумия, который не требовал ни длительного наблюдения, ни опытного эксперта. Однако такие больные направлялись в больницу на два-три месяца без пользы для больного (Якобий, 1900: 557-643). Этот факт, в свою очередь, приводил к израсходованию средств земств и постоянному дефициту ресурсов, требуемых для обеспечения лечебного процесса.

Представляется, что, когда законодатель возложил на земства попечение о народном здравии, он намеренно ограничил круг вопросов, относящихся к его компетенции. Вместе с тем лечебная деятельность по оказанию психиатрической помощи душевнобольным, оставаясь исключительно государственным функционалом, входящим в компетенцию Министерства Внутренних дел, не может сочетаться с обеспечением общественной безопасности в отношении преступников, содержащихся в клинике. В этой связи один из актуальных вопросов, поднимаемых земскими врачами-психиатрами, касался пересмотра всех аспектов освидетельствования лиц, совершивших преступление.

Так, например, доктор С.Н. Данилло (Данилло, 1887: 194-233) заявлял о необходимости создания отделений для испытуемых, представляющих опасность для остальных лиц, с выделением отдельных коек и штата персонала, поскольку сама психиатрическая больница не располагает возможностями обеспечения безопасности нахождения остальных пациентов. К тому же содержание и обслуживание таких пациентов требовалось возложить на казенный счет, поскольку земства не имели по этому вопросу ни средств, ни интереса.

Поскольку земства и земские больницы являются правопреемниками Приказа Общественного Призрения, то, приняв капиталы и недвижимость Приказа, они приняли также и его обязательства, связанные с реализацией ст.101 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее Уложения о наказаниях) (Российское законодательство..., 1988: 193), а именно те, которые возлагают бремя препровождения в клинику безумного от рождения или сумасшедшего,

совершившего преступление, связанное со смертоубийством, или же посягнувшего на жизнь другого, или свою собственную.

Согласно приложению III ст. 101 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, такие лица подвергаются освидетельствованию и испытанию во Врачебных Управах на основании правил, составленных Медицинским Советом и в соответствии с гражданскими законами. В случае признания их безумными они не могут покидать дом умалишенных (больницу) без решения высшего начальства. А в случае значительного улучшения состояния психического здоровья или выздоровления они вправе покинуть лечебницу по истечении двухлетнего срока последнего освидетельствования с отменой опеки ([Приложение III..., 1845: 590](#)).

Такое положение, по мнению директора Орловской земской психиатрической больницы имени Святого Духа П.И. Якобия, фактически приводило к тому, что суд, выносивший приговор по делу в отношении умалишенного преступника, определяя его к пребыванию в больнице не только на время болезни, но и после вероятного выздоровления. Приговоренный больницей превращался в осужденного, больница – в место заключения, а врач – в тюремного надзирателя. Он сетовал на то, что психиатрия из врачебного дела превращалась в полицейское управление, обеспечивающее безопасность общества от действий опасных душевнобольных, а земства, направлявшие средства на их содержание, брали на себя несвойственные функции и лишние расходы ([Якобий, 1900: 557-643](#)). А в качестве иллюстрации приводил пример больного крестьянина 35 лет, имеющего жену и детей, заболевшего душевной болезнью, связанной с непреодолимым влечением к огню и поджигательству. В период обострения он неосторожно спалил сухой валежник, имевший владельца. Дело о поджоге было прекращено по ст. 101 Уложения о наказаниях, больной направлен в больницу, где прошел курс лечения и пришел в душевное равновесие. В больнице был тих, послушен, дисциплинирован, но после освидетельствования ему была установлена легкая степень слабоумия. Просился домой, скучал по детям, его отец безрезультатно пытался хлопотать о пересмотре дела в суде. Поняв, что из больницы ему не выйти, удавился. Риторический вопрос врача, обращенный к суду, заключался в следующем: какая необходимость связывала суд в установлении обязательного психиатрического надзора в течение двух лет в отношении больного, признанного здоровым врачебной комиссией, не опасного для окружающих, за которого ходатайствует семья?

Действительно, с точки зрения организации процессов управления, земства как правопреемник Приказа Общественного Призрения, приняв позитивную часть наследия (капиталы и здания), приняли и обязательства по обеспечению страждущих психиатрической помощью. Однако обеспечение надзора за душевнобольными преступниками, охрана общественного порядка и ограждение душевнобольных от влияния преступных лиц, годами находящихся в лечебнице, никогда не входило в функционал медицинского персонала, а обеспечивалось особым персоналом, подготовленным к непредвиденным ситуациям. Так, в соответствии со ст. 161 Устава Общественного Призрения ([Свод законов Российской..., 1915: 40](#)) (далее Устав) дом для содержания умалишенных снабжался пристойным, добросердечным, твердым и исправным надзирателем, а также потребным числом людей для смотрения за умалишенными. В их число нанимались служители за добровольную плату или отставные солдаты. При этом запрещалось ставить караулы и часовых в комнатах, где содержались умалишенные, или в садах и дворах, где умалишенные совершали прогулки. Представляется, что фиксация специалистов земских психиатрических клиник на практической стороне вопроса процедуры освидетельствования больных была связана с недостатками администрирования. Очевидно, что аспекты проведения процедуры освидетельствования должны были возлагаться на правительственные структуры с отнесением к их иждивению и всех вопросов, касающихся надзора и содержания психически больных преступников.

Кроме того, психиатрами поднимался вопрос и о формальном разделении лиц, направляемых на испытание, на две категории: безумных от рождения и заболевших во время отбывания наказания. Если первая категория требовала от врачей сосредоточения на лечебном процессе, а сами больные нуждались в крове, опеке, внимании и занятости какой-либо деятельностью, которую были способны организовать земледельческие колонии и патронат посемейного призрения, то со второй категорией больных все эти аспекты признавались неактуальными.

Вторая категория больных совершала преступления в здравом уме, а признаки заболевания выявлялись в местах заключения. Такие лица в большинстве случаев нуждались в строгой изоляции, были грубы с персоналом и другими пациентами, портили имущество больницы, провоцировали других и сами участвовали в драках, нарушали больничные режимы, проявляли склонность к побегу и агитировали к массовому побегу других больных. Занять их внимание какой-либо деятельностью было невероятно сложно, поэтому именно здесь требовался особый режим, надзор за порядком и пресечение попыток к мятежу и волнениям. Больные второй категории не могли направляться в земледельческие колонии для вольного проживания и спокойного труда и заполняли больницы, обременяя бюджеты земств.

Постепенно понимание того, что больные второй категории нуждаются в обеспечении особого режима пребывания в больницах, объединило усилия психиатров, в том числе в странах Западной Европы. В своих уставах многие психиатрические больницы установили запрет на прием подобных

больных лиц в стены психиатрических клиник на освидетельствование и переключили внимание властей на организацию таких служб при тюремных заведениях. Кроме того, статьей 355 Устава Уголовного Судопроизводства от 20 ноября 1864 года ([Судебные уставы..., 1864: 144](#)), определялось, что освидетельствование безумных и сумасшедших производится в присутствии Окружного Суда чрез инспектора или члена врачебной управы и двух врачей по назначению сей же управы, а не в стенах психиатрической больницы. В этой связи больницы имели право отказать суду в проведении экспертизы, а у суда не имелось оснований понуждать больницу к такому действию или наказывать за отказ ее производить.

Перенесение производства экспертизы в особые отделения при тюрьмах способствует и совершению правосудия, хотя бы по той причине, что направляемые на освидетельствование в психиатрические лечебницы симулянты во избежание каторги легко перенимают симптомы болезней, и врач вынужден применять различные методики распознавания симуляции или другого психического заболевания испытуемого. Кроме того, П.И. Якобий отмечал, что для достаточно умного и просвещенного симулянта, помещенного в клинику для освидетельствования, не составило бы труда обвинить такую больницу в незаконном лишении свободы на том основании, что освидетельствование проводится вне присутствия Окружного Суда, а в стенах земской больницы ([Якобий, 1900: 637](#)).

Таким образом, общим выводом сообщества психиатров является признание безусловного факта, что порядок содержания умалишенных отличается от содержания умалишенных преступников, и эта специфика должна быть обеспечена исключительно в тюремных больницах, а сами преступники должны находиться в распоряжении тюремного ведомства и за счет средств последнего.

5. Заключение

Обращаясь к исследованию различных аспектов организации и управления земской психиатрической службой, авторский коллектив стремился показать не только собственно административные процедуры реализации задач управления, но и выявить направленность врачебной деятельности в сторону гуманистической миссии, связанной с заботой о душевнобольных.

Взаимодействие между земствами и государственными институциями, с точки зрения реализации стоящих перед земствами задач по обеспечению населения психиатрической помощью, осуществлялось недостаточно эффективно. Постоянный дефицит финансовых средств, помещений для размещения больных, врачебного персонала потребовал от непосредственных участников организационного и лечебного процесса (земств, земских лечебниц, персонала) значительных усилий по внедрению новых механизмов призрения душевнобольных. Эти усилия свидетельствовали о значительных успехах психиатрической медицины и позволяли направлять сэкономленные финансовые ресурсы земств на развитие медицинской помощи населению.

Действующее законодательство налагало на земство обязанности, связанные с содержанием больниц, но не обеспечивало полноты регулирования процедурного порядка освидетельствования душевнобольных преступников.

Важной составляющей деятельности врачей-психиатров стало признание безусловного факта, что порядок содержания умалишенных отличается от содержания умалишенных преступников, и эта специфика должна быть обеспечена исключительно в тюремных больницах под государственным попечением и финансированием, а не перекладываться на земские больницы.

Литература

[Александровский, 2013](#) – Александровский Ю.А. История отечественной психиатрии: в 3 т. Т. 1. Усмирение и призрение. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 55-67 с.

[Арутюнов, 2000](#) – Арутюнов Ю.А. Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX – начале XX вв: дисс. ... канд. истор. наук : 07.00.02. Москва, 2000. 145 с.

[Баженов, 1887](#) – Баженов Н.Н. О призрении и лечении душевнобольных в земствах и в частности о новой Рязанской психиатрической больнице / Материалы первого съезда отечественных психиатров. Москва, 1887. С. 234-251.

[Бруханский, 1914](#) – Бруханский П.П. Итоги 12-летней деятельности Московского городского патронажа / Труды Первого съезда русского союза психиатров и невропатологов, созданного в Москве в память С.С. Корсакова. М.: Типография Штаба Московского Военного Округа, 1914. С. 464-482.

[Веселовский, 1909](#) – Веселовский Б.В. История земства за 40 лет. Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.

[Воскресенский, Остапец, 2007](#) – Воскресенский Б.А., Остапец Е.А. Основатель кафедры психиатрии и медицинской психологии МВЖК-РГМУ профессор Н.Н. Баженов и его преемник В.А. Гиляровский // *Выдающиеся психиатры России* / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ю.А. Александровского. М.: 2007. С. 17-32.

[Герасименко, 1990](#) – Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. Москва: Наука. 262 с.

[Говсеев, 1897](#) – Говсеев А.А. Задачи земства в деле призрения душевнобольных. Екатеринбург: Изд. Л.И. Сатановского, 1897. 149 с.

- Данило, 1887** – Данилло С.Н. О призрении душевнобольных подсудимых, преступников, а равно и лиц, находящихся на испытании умственных способностей / Материалы первого съезда отечественных психиатров. М.: Изд-во С.Петербург, 1887. С. 194-233.
- Егорышева, 2015** – Егорышева И.В. Организация психиатрической помощи в земской медицине (к 150-летию земской реформы) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015. №2. С. 60-64.
- Историко-статистическая..., 1915** – Историко-статистическая таблица деятельности Уфимского земства. К 40-летию существования земства Уфимской губернии. 1875-1914. / Сост. М.П. Красильников. Уфа: Статистическое отделение УГЗУ, 1915. С. 102.
- Капустин, 1889** – Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. Санкт-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1889. 136 с.
- Карасева и др., 2014** – Карасева Л.А., Милютин С.М., Чайка П.А. История развития трудовой реабилитации больных и инвалидов с нервно-психическими заболеваниями (XIX–XX вв.) // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2014. №24. С. 106-109.
- Карпов, 1964** – Карпов Л.Н. Земская санитарная организация в России. Ленинград: Медицина, 1964. 122 с.
- Качкачев, 1912** – Качкачев А.Б. К вопросу о ближайших задачах земской психиатрии. Москва: тип. «Обществ. Польза», 1912. 81 с.
- Костригин, 2018** – Костригин А.А. «Лечебная фаланстера»: научное наследие П.П. Кащенко // *Медицинская психология в России*. 2018. Т. 10. № 1. С. 2.
- Кузьмин, 1997** – Кузьмин В.Ю. Становление и развитие земской медицины во второй половине XIX - начале XX вв.: По материалам Сред. Поволжья: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Самара, 1997. 192 с.
- Кузьмин, 2005** – Кузьмин В.Ю. История земской медицины России и влияние на неё государства и общественности (1864 - февраль 1917 гг.). Автореферат дисс. на соискание уч. ст. доктора ист. наук. Оренбург, 2005. 45 с.
- Лаптева, 1993** – Лаптева Л.Е. Об истории земских учреждений России. Москва: Наука, 1993. 132 с.
- Левит, 1974** – Левит М.М. Становление общественной медицины в России. Москва: Медицина, 1974. 231 с.
- Микульский, 1904** – Микульский А.К. Существенное условие правильной организации земской психиатрии. Киев: лито-тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, Киев. отд-ние, 1904. 32 с.
- Миронова, 2020** – Миронова Е.В. Медицинские работники и служащие лаишевского земства // *Историческая этнология*. 2020. № 5 (1). С. 110-127.
- Некрасов, 2015** – Некрасов М.А. Patronagefamilial – одна из форм организации психиатрической помощи в дореволюционной России. // *Российский психиатрический журнал*. 2015. №6. С. 68-74.
- Осипов и др., 1899** – Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И. Русская земская медицина. М.: Т-во С.П. Яковлева, 1899. 29 с.
- Отчет по командировке..., 1904** – Отчет по командировке старшего врача Колмовской психиатрической больницы доктора М.С. Морозова. О посемейном призрении в России. Новгород, 1904. 44 с.
- Положение о губернских..., 1957** – Положение о губернских и уездных земских учреждениях. По материалам Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864. Москва: Изд-во Моск. ун-та 1957. 264 с.
- Приложение III..., 1845** – Приложение III к ст.101 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // СПб.: Типография второго отделения собственной его императорского величия канцелярии, 1845. 590 с.
- Реформатский, 1907** – Реформатский Н.Н. Семейное призрение душевнобольных в России и за границей // СПб.: Трудовая помощь, 1907. 139 с.
- Российское законодательство..., 1988** – Российское законодательство X–XX вв. под общей редакцией О.И. Чистякова. Т.6. М.: Юридическая литература, 1988. С. 193.
- Свод законов Российской..., 1912** – Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. XIII. 1912 / СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 176-308.
- Старкова и др., 2008** – Старкова Е.В., Куковякин С.А. Земская психиатрия Вятской губернии // *Вятский медицинский вестник*. 2008. №3-4. С. 67-69.
- Старкова, Куковякин, 2012** – Старкова Е.В., Куковякин С.А. Развитие идеи децентрализации психиатрической помощи в конце XIX - начале XX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2012. №3. С. 61-62.
- Страшун, 1964** – Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917 гг. Москва: Медицина, 1964. 206 с.

Судебные уставы..., 1864 – Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 2. Изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. С. Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 144.

Третьяк, 2009 – *Третьяк А.С.* История земской медицины и ветеринарии в Центральном Черноземье: 1865-1914 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Курск, 2009. 186 с.

Френкель, 1913 – *Френкель З.Г.* Очерки земского врачебно-санитарного дела. Санкт-Петербург: тип. АО «Слово», 1913. 228 с.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

ЦГИАРБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Шульц, 1865 – *Шульц А.* Призрение помешанных в России / Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1865. Кн. 1. Разд. III. Б/и. С. 15.

Юдин, 1951 – *Юдин М.* Очерки истории отечественной психиатрии / под ред. Б.Д. Петрова. М.: Медгиз, 1951. 480 с.

Якобий, 1900 – *Якобий П.И.* Основы административной психиатрии. Глава X. Административная психиатрия и русское законодательство. Орел: Типография губернского правления, 1900. С. 557-643.

Яковенко, 1887 – *Яковенко В.В.* Помещать ли душевнобольных преступников вместе с другими душевнобольными, или устраивать для них особые заведения? / *Материалы первого съезда отечественных психиатров.* М.: Изд-во С.Петербург, 1887. С. 202-230.

Свод законов Российской..., 1915 – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1915 года. Т. 13: Устав об общественном призрении // Россия. Законы и постановления. Пг., 1915. С. 39-40.

VIII Пироговский съезд. Вып. 3..., 1901 – VIII Пироговский съезд. М.: 1901. Вып. 3. С. 30-35.

VIII Пироговский съезд. Вып. 7..., 1901 – VIII Пироговский съезд. М.: 1901. Вып. 7. С. 131-148.

References

Aleksandrovskii, 2013 – *Aleksandrovskii, Yu.A.* (2013). Istoriya otechestvennoi psikhiatrii: v 3 t. [History of Russian Psychiatry: in 3 volumes]. T. 1. Usmirenije i prizrenije. M. : GEOTAR-Media. Pp. 55-67. [in Russian]

Arutyunov, 2000 – *Arutyunov, Yu.A.* (2000). Zemskaya medicina v Moskovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Zemstvo Medicine in the Moscow Province in the Second Half of the 19th – early 20th centuries]: dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.02. Moskva, 145 p. [in Russian]

Bazhenov, 1887 – *Bazhenov, N.N.* (1887). O prizrenii i lechenii dushevnobol'nykh v zemstvakh i v chastnosti o novoi Ryazanskoj psikhiatricheskoj bol'nitse [On concern and treatment of the mentally ill in Zemstvos and, in particular, on the new Ryazan psychiatric hospital]. *Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiatrov.* Moskva. Pp. 234-251. [in Russian]

Brukhanskii, 1914 – *Brukhanskii, P.P.* (1914). Itogi 12-letnei deyatel'nosti Moskovskogo gorodskogo patronazha [Results of 12 years of activity of the Moscow city patronage]. *Trudy Pervogo s'ezda russkogo soyuza psikhiatrov i nevropatologov, sozannogo v Moskve v pamyat' S.S. Korsakova.* M.: Tipografiya Shtaba Moskovskogo Voennogo Okruga. Pp. 464-482. [in Russian]

Danilo, 1887 – *Danillo, S.N.* (1887). O prizrenii dushevno-bol'nykh podsudimyykh, prestupnikov, a ravno i lits, nakhodyashchikhsya na ispytanii umstvennykh sposobnostei [On the care of mentally ill defendants, criminals, and also persons undergoing mental testing]. *Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiatrov.* M.: Izd-vo S.Peterburg. Pp. 194-233. [in Russian]

Egorysheva, 2015 – *Egorysheva, I.V.* (2015). Organizatsiya psikhiatricheskoj pomoshchi v zemskoi meditsine (k 150-letiyu zemskoi reformy) [Organization of psychiatric care in zemstvo medicine (on the 150th anniversary of the zemstvo reform)]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravoookhraneniya i istorii meditsiny.* 2: 60-64. [in Russian]

Frenkel', 1913 – *Frenkel', Z.G.* (1913). Ocherki zemskogo vrachebno-sanitarnogo dela [Essays on zemstvo medical and sanitary affairs]. Sankt-Peterburg: tip. AO «Slovo». 228 p. [in Russian]

Gerasimenko, 1990 – *Gerasimenko, G.A.* (1990). Zemskoe samoupravlenie v Rossii [Zemstvo self-government in Russia]. Moskva: Nauka. 262 p. [in Russian]

Govseev, 1897 – *Govseev, A.A.* (1897). Zadachi zemstva v dele prizreniya dushevnobol'nykh [Tasks of the zemstvo in caring for the mentally ill]. *Ekaterinoslav': Izd. L.I. Satanovskogo.* P. 149. [in Russian]

Istoriko-statisticheskaya..., 1915 – Istoriko-statisticheskaya tablitsa deyatel'nosti Ufimskogo zemstva. K 40-letiyu sushchestvovaniya zemstva Ufimskoi gubernii. 1875-1914 [Historical and statistical table of the activities of the Ufa zemstvo. On the 40th anniversary of the existence of the zemstvo of the Ufa province. 1875-1914]. Sost. M.P. Krasil'nikov. Ufa: Statisticheskoe otdelenie UGZU, 1915. P. 102. [in Russian]

Kachkachev, 1912 – *Kachkachev, A.B.* (1912). K voprosu o blizhajshih zadachah zemskoj psihiatrii [To the issue of the immediate tasks of zemstvo psychiatry]. Moskva: tip. «Obshchestv. Pol'za», 81 p. [in Russian]

Kapustin, 1889 – *Kapustin, M.Ya.* (1889). Osnovnye voprosy zemskoj mediciny [Main issues of zemstvo medicine]. Sankt-Peterburg: Izdanie K.L. Rikkera, 136 p. [in Russian]

- Karaseva i dr., 2014 – Karasaeva, L.A., Milyutin S.M., Chaika, P.A. (2014). Istoriya razvitiya trudovoi reabilitatsii bol'nykh i invalidov s nervno-psikhicheskimi zabolevaniyami (XIX–XX vv.) [History of the development of labor rehabilitation of patients and disabled people with neuropsychiatric diseases (19th–20th centuries)]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psixhiatriya*. 24: 106–109. [in Russian]
- Karpov, 1964 – Karpov, L.N. (1964). Zemskaya sanitarnaya organizatsiya v Rossii [Zemstvo sanitary organization in Russia]. Leningrad: Medicina, 122 p. [in Russian]
- Kostrigin, 2018 – Kostrigin, A.A. (2018). «Lechebnaya falanстера»: nauchnoe nasledie P.P. Kashchenko [“Therapeutic phalanstery”: the scientific heritage of P.P. Kashchenko]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*. T. 10. 1: 2. [in Russian]
- Kuz'min, 1997 – Kuz'min, V.Yu. (1997). Stanovlenie i razvitie zemskoj mediciny vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Formation and development of zemstvo medicine in the second half of the 19th - early 20th centuries: Based on materials from the Middle Volga region]: Po materialam Sred. Povolzh'ya : dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.02. Samara. 192 p. [in Russian]
- Kuz'min, 2005 – Kuz'min, V.Yu. (2005). Istoriya zemskoi meditsiny Rossii i vliyanie na nee gosudarstva i obshchestvennosti (1864 – fevral' 1917 gg.) [Formation and development of zemstvo medicine in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Avtoreferat diss. na soiskanie uch. st. doktora ist. nauk. Orenburg, 45 p. [in Russian]
- Lapteva, 1993 – Lapteva, L.E. (1993). Ob istorii zemskikh uchrezhdenij Rossii [On the history of zemstvo institutions in Russia]. Moskva: Nauka, 132 p. [in Russian]
- Levit, 1974 – Levit, M.M. (1974). Stanovlenie obshchestvennoj mediciny v Rossii [Formation of public medicine in Russia]. Moskva: Medicina, 231 p. [in Russian]
- Mikul'skij, 1904 – Mikul'skij, A.K. (1904). Sushchestvennoe uslovie pravil'noj organizatsii zemskoj psixhiatrii [Essential condition for the correct organization of zemstvo psychiatry]. Kiev: lito-tip. t-va I.N. Kushnerev i K^o, Kiev. otd-nie, 32 p. [in Russian]
- Mironova, 2020 – Mironova, E.V. (2020). Medicinskie rabotniki i sluzhashchie laishevskogo zemstva [Medical workers and employees of the Laishevsky zemstvo]. *Istoricheskaya etnologiya*. 5 (1): 110–127. [in Russian]
- Nekrasov, 2015 – Nekrasov, M.A. (2015). Patronage familial – odna iz form organizatsii psixhiatricheskoi pomoshchi v dorevoljutsionnoi Rossii [Patronage familial – one of the forms of organization of psychiatric care in pre-revolutionary Russia]. *Rossiiskii psixhiatricheskii zhurnal*. 6: 68–74. [in Russian]
- Osipov i dr., 1899 – Osipov, E.A., Popov I.V., Kurkin, P.I. (1899). Russkaya zemskaya meditsina [Russian zemstvo medicine]. M.: T-vo S. P. Yakovleva, 29 p. [in Russian]
- Otchet po komandirovke..., 1904 – Otchet po komandirovke starshego vracha Kolmovskoi psixhiatricheskoi bol'nitsy doktora M.S. Morozova [Report on a business trip of the senior physician of the Kolmovskaya Psychiatric Hospital Dr. M.S. Morozov. On family care in Russia]. O posemeinom prizrenii v Rossii. Novgorod, 1904. 44 p. [in Russian]
- Polozhenie o gubernskikh..., 2002 – Polozhenie o gubernskikh i uezdnykh zemskikh uchrezhdeniyakh [Regulation on provincial and district zemstvo institutions]. Po materialam Garmiza V.V. Podgotovka zemskoj reformy 1864. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta 1957. 264 p. [in Russian]
- Prilozhenie III..., 1845 – Prilozhenie III k st.101 Ulozheniya o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g. [Appendix III to Article 101 of the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845]. SPb.: Tipografiya vtorogo otdeleniya sobstvennoi ego imperatorskogo velichiya kantselyarii, 1845. P. 590. [in Russian]
- Reformatskii, 1907 – Reformatskii, N.N. (1907). Semeinoe prizrenie dushevnobol'nykh v Rossii i za granitsej [Family Care for the Mentally Ill in Russia and Abroad]. SPb.: Trudovaya pomoshch'. P. 139. [in Russian]
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo..., 1988 – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [Russian legislation of the 10th – 20th centuries]. Pod obshchei redaktsiei O.I. Chistyakova. T. 6. M.: Yuridicheskaya literatura, 1988. P. 193. [in Russian]
- Shul'ts, 1865 – Shul'ts, A. (1865). Prizrenie pomeshannykh v Rossii [Care for the insane in Russia]. Arkhiv sudebnoi meditsiny i obshchestvennoi gigieny. Kn. 1. Razd. III. P. 15. [in Russian]
- Starkova i dr., 2008 – Starkova, E.V., Kukovyakin, S.A. (2008). Zemskaya psixhiatriya Vyatskoi gubernii [Zemstvo psychiatry of the Vyatka province]. *Vyatskii meditsinskii vestnik*. 3-4: 67–69. [in Russian]
- Starkova, Kukovyakin, 2012 – Starkova, E.V., Kukovyakin, S.A. (2012). Razvitie idei detsentralizatsii psixhiatricheskoi pomoshchi v kontse XIX – nachale XX veka [Development of the idea of decentralization of Psychiatric care in the late 19th – early 20th centuries]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 3: 61–62. [in Russian]
- Strashun, 1964 – Strashun, I.D. (1964). Russkaya obshchestvennaya medicina v period mezhdvu dvumya revolyuciyami 1907–1917 gg. [Russian social medicine in the period between two revolutions of 1907–1917]. Moskva: Medicina, 206 p. [in Russian]

[Sudebnye ustavy..., 1864](#) – Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda : s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany: Ch. 2 [Judicial charters of November 20, 1864: presenting the reasoning on which they are based: Part 2]. Izdannye Gosudarstvennoi kantselyariei. 2-e izdanie, dopolnennoe. S.-Peterburg: v tipografii 2 otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1867. P. 144. [in Russian]

[Svod zakonov Rossiiskoi..., 1912](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas I. Edition of 1915]. Kn. 5. T. XIII. 1912. SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912. Pp. 176-308. [in Russian]

[Svod zakonov Rossiiskoi..., 1915](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Izdanie 1915 goda. T. 13: Ustav ob obshchestvennom prizrenii [Code of Laws of the Russian Empire]. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Pg., 1915. Pp. 39-40. [in Russian]

[Tret'yak, 2009](#) – *Tret'yak, A.S.* (2009). Istoriya zemskoj mediciny i veterinarii v Central'nom Chernozem'e: 1865-1914 gg. [History of zemstvo medicine and veterinary science in the Central Black Earth Region: 1865-1914]: diss. ... kand. istorich. nauk: 07.00.02. Kursk. 186 p. [in Russian]

[TsGAKO](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti [Central state archives of the Kirov Region].

[TsGIARB](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan [Central State Historical Archives of the Republic of Bashkortostan].

[Veselovkii, 1909](#) – *Veselovskii, B.V.* (1909). Istoriya zemstva za 40 let [History of the Zemstvo for 40 years]. Sankt-Peterburg : Izd-vo O. N. Popovoi. T. 1. 724 p. [in Russian]

[VIII Pirogovskii s'ezd. Vyp. 3..., 1901](#) – VIII Pirogovskii s'ezd [VIII Pirogov Congress]. M.: 1901. Vyp. 3. Pp. 30-35. [in Russian]

[VIII Pirogovskii s'ezd. Vyp. 7..., 1901](#) – VIII Pirogovskii s'ezd [VIII Pirogov Congress]. M.: 1901. Vyp. 7. Pp. 131-148. [in Russian]

[Voskresenskii, Ostapets, 2007](#) – *Voskresenskii, B.A., Ostapets, E.A.* (2007). Osnovatel' kafedry psikhiiatrii i meditsinskoi psikhologii MVZhK-RGMU professor N.N. Bazhenov i ego preemnik V.A. Gilyarovskii [The founder of the Department of Psychiatry and Medical Psychology of the Moscow Higher Zhukovsky-Russian State Medical University, Professor N.N. Bazhenov and his successor V.A. Gilyarovskiy]. Vydayushchiesya psikhiiatriya Rossii. Pod red. T.B. Dmitrievoi, Yu.A. Aleksandrovskogo. M. Pp. 17-32. [in Russian]

[Yakobii, 1900](#) – *Yakobii, P.I.* (1900). Osnovy administrativnoi psikhiiatrii. Glava X. Administrativnaya psikhiiatriya i russkoe zakonodatel'stvo [Fundamentals of administrative psychiatry]. Orel: Tipografiya gubernskogo pravleniya. Pp. 557-643. [in Russian]

[Yakovenko, 1887](#) – *Yakovenko, V.V.* (1887). Pomeschat' li dushevno-bol'nykh prestupnikov vmeste s drugimi dushevno-bol'nymi, ili ustraivat' dlya nikh osoby zavedeniya? [Should mentally ill criminals be placed with other mentally ill people, or should special institutions be set up for them?]. Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiiatrov. M. : Izd-vo S.Peterburg. Pp. 202-230. [in Russian]

[Yudin, 1951](#) – *Yudin, M.* (1951). Ocherki istorii otechestvennoi psikhiiatrii [Essays on the history of domestic psychiatry]. Pod red. B.D. Petrova. M.: Medgiz. 480 p. [in Russian]

Организация и специфика земской психиатрической помощи в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Андрей Вениаминович Решетников ^a, Надежда Владимировна Присяжная ^{a,*},
Ольга Николаевна Бобровская ^a, Анна Николаевна Лазаренко ^a

^a Первый МГМУ имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. Зарождение основ земской психиатрической помощи в конце 80-х годов XIX века затрагивает множество важных элементов выстраивания новой системы, начиная от организации, администрирования и подготовки специалистов и заканчивая методами лечения душевнобольных пациентов. На каждом уровне развития системы земские учреждения преодолевают значительные затруднения, связанные с ограниченным финансированием, отсутствием профильных специалистов, недостатком организационных и управленческих механизмов работы. Обращение к документальным источникам и письменным свидетельствам непосредственных участников организационного и лечебного процессов позволяет детально рассмотреть динамику развития каждого элемента системы, определить в ней ключевые задачи: расширение базы психиатрической помощи за счет

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (Н.В. Присяжная), bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru (О.Н. Бобровская), theannlazarenko@gmail.com (А.Н. Лазаренко), reshetnikov_a_v@staff.sechenov.ru (А.В. Решетников)

строительства новых лечебниц, создание земледельческих колоний посемейного призрения и организация посемейного патронажа как оптимальных способов реабилитации и социализации душевнобольных пациентов.

Представляется, что обращение к теме организации и управления земскими психиатрическими больницами создает наиболее полную картину осуществляемых процессов в исследуемом периоде, выявляет пробелы законодательного регулирования и специфической реакции врачебного сообщества психиатров на фактическое смещение задач лечебной деятельности в сторону административного надзора и охраны общественного порядка.

Земский период развития психиатрической помощи населению затрагивает важные аспекты оказания помощи, которые связаны с обеспечением задач ее доступности, с идеями гуманистического обращения с пациентами, исключаящими насилие и длительную изоляцию, а также с возможностями постепенной социализации через приобщение к посильному труду и свободному проживанию пациентов.

Гуманистическая миссия врачей психиатрического профиля в земский период становится связующим звеном всех элементов системы, способствуя актуализации вопросов оказания медицинской помощи на местном уровне.

Ключевые слова: земская психиатрическая помощь, посемейное призрение душевнобольных, трудотерапия в колониях, содержание безумных и сумасшедших.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1751-1758
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1751

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orthodox Monasteries and Churches as centers of Regional Identity Formation (on the example of the Penza Diocese)

Olga V. Kolpakova ^{a,*}, Anastasia R. Mere ^a, Olga A. Filenkova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The authors analyze the importance of Orthodox monasteries and temples of the Penza diocese as centers of regional identity formation.

Orthodox monasteries and temples of the Penza diocese occupied an important place in the symbolic complex forming the structure of the local myth. In addition, they acted as the formation of the external identity of the region, since they were perceived by outside observers as the main attractions of settlements. The Orthodox monasteries of the Penza diocese also played an important role in the process of representing the image of the region beyond its borders, being the center of attraction for worshippers.

Monasteries and temples played a significant role in the formation of cultural and educational space in the Penza province. They not only served as centers of religious practice, but also as educational institutions, cultural heritage centers and places of social assistance. The monasteries of the Penza diocese carried out extensive social and charitable service.

Orthodox monasteries and temples that existed on the territory of the Penza Region contributed to the symbolic design of both internal (self-identification) and external (objective) the sides of regional identity.

Keywords: religious identity, Penza province, Orthodox monasteries, Orthodox churches, local history.

1. Введение

В современном гуманитарном дискурсе возрастает интерес к изучению различных форм конструирования и бытования разнородных типов и уровней идентичностей, одной из сторон которых выступает идентичность религиозная. В данном контексте определенный интерес представляет выявление региональных особенностей религиозности, присущих конкретным локальным сообществам, в связи с чем целесообразно обратиться к изучению присущего им исторического опыта.

На протяжении дореволюционного периода истории России православные храмы и монастыри, оказывавшие непосредственное влияние на процессы формирования как внутренней, так и внешней стороны региональной идентичности, выполняли функцию организационных центров.

Обращение к историческому опыту Пензенского края представляется целесообразным ввиду специфики региона, заключающейся, во-первых, в том, что его территории вошли в состав Российского государства в рамках колонизационного процесса и, как следствие, ощутили на себе влияние христианизации. Второй региональной особенностью выступает полиэтничность социума (на территории Пензенского края проживали представители русских, мордвы, чувашей и татар). В условиях разнородности этнокультурного ландшафта Пензенского края, претерпевшего трансформацию от пограничной, окраинной территории до внутреннего региона Российского

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), anamere@mail.ru (A.R. Mere), filenkova_oa@mail.ru (O.A. Filenkova)

государства, монастыри и храмы, осуществлявшие миссионерскую деятельность, являлись агентами, выполняющими функцию ценностной гомогенизации социума. Процесс христианизации территорий и оформления локальных религиозных сообществ в форме церковных приходов, монастырских обителей сопровождался при этом появлением ряда региональных особенностей, отражающих специфику микросреды: особое почитание конкретных икон, стремление к обретению «местных» святых, особенности церковного календаря, богослужебной традиции и т.д. Данные аспекты являются составляющими внутренней стороны региональной идентичности, понимаемой как совокупность свойств и особенностей региона, осознаваемых и воспроизводимых его населением (Еремина, 2012: 278).

С другой стороны, региональная идентичность проявляется и во внешней (объективной) форме, отражающей образ региона в глазах стороннего наблюдателя, который не является представителем данного сообщества (Еремина, 2012: 279). С этой точки зрения православные монастыри и храмы зачастую были «лицом» конкретных городов и уездов, формируя образ региона среди путешественников и паломников, что играло значительную роль в повышении его туристической привлекательности.

2. Материалы и методы

Эмпирический фундамент исследования составляет обширный комплекс письменных источников: документальные свидетельства Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), материалы историко-статистического описания Пензенской епархии, составленного Пензенским губернским статистическим комитетом, данные периодической печати, а также источники личного происхождения.

Среди документов из фондов РГИА отдельное место занимают отчеты о состоянии Пензенской епархии, в которых обязательно содержались разделы, посвященные функционированию монастырей и храмов. Отчеты содержали информацию об их численности, а также о внешнем состоянии монастырей и общин (РГИА. Ф. 796. Оп. 442).

Периодическая печать представлена материалами газеты «Пензенские епархиальные ведомости», издававшейся с 1866 г. На страницах «Епархиальных ведомостей» зачастую публиковались сведения об истории конкретных храмов и монастырей (Епархиальные ведомости, 1904). В 1896 г. в качестве приложения к газете была опубликована книга «Церкви, причты и приходы Пензенской епархии», содержащая информацию о церквях и приходах, времени их устройства, численности прихожан и т.д. (Попов, 1896).

В связи с необходимостью актуализации данных сведений в 1907 г. Пензенским губернским статистическим комитетом было подготовлено издание «Пензенская епархия. Историко-статистическое описание» (Пензенская епархия, 1907). Компаративный анализ представленных материалов позволяет в динамике рассмотреть специфику функционирования православных монастырей и храмов Пензенской епархии.

Для выявления особенностей репрезентации региона в восприятии «других» привлекались опубликованные свидетельства о посещении Пензенского края. Сочинение Н.Н. Оглоблина «В Мордовском крае (из заметок туриста)» содержит ряд любопытных наблюдений о специфике религиозности среди представителей мордовского народа (Оглоблин, 1899). Отдельную категорию источников личного происхождения, привлекаемых в рамках исследования, составляют воспоминания иностранных военнопленных, в разное время находившихся на территории Пензенской губернии, в частности, мемуары обер-лейтенанта наполеоновской армии Ф. фон Фуртенбаха (Фуртенбах, 2008) и воспоминания полковника британских войск Г.Э. Лейка (Lake, 1856).

Методологическую основу исследования сформировал комплекс методов, характерных для локальной истории и истории повседневности, среди которых особое место занимает идеографический метод, предполагающий анализ и интерпретацию идей, убеждений, ценностей и символов, присутствующих в социокультурном контексте. В рамках данной статьи использование данного метода позволило выявить ряд символов, составляющих в совокупности локальный миф как проявление самопрезентации регионального сообщества. Историко-генетический метод позволил рассмотреть специфику функционирования православных монастырей и храмов Пензенской епархии в динамике, связанной как с изменением положения региона в составе государства, так и с социокультурной трансформацией российского общества.

3. Обсуждение

В современной исторической науке значение православных монастырей и храмов как центров формирования региональной идентичности не находит достаточного освещения. Рассматривая социокультурную деятельность обозначенных религиозных учреждений, исследователи преимущественно акцентируют внимание на присущей ей консолидирующей направленности, в рамках которой христианизация выступает средством ценностной гомогенизации территорий, а монастыри и храмы – ее основными акторами. Так, Л.А. Шуклина отмечает, что, реализуя обозначенную функцию, обители способствовали консолидации разнородного социума на основе

христианских нравственных норм (Шуклина, 2022: 17). Реализуя функции создания, сохранения и распространения культурных норм и ценностей, последние способствовали формированию «единого пространства нормы», закладывающего основы для складывания общегосударственной идентичности, построенной на патерналистских и христианских началах (Лурье, 2012). П.Н. Зырянов высказал мнение, что особое положение в данном контексте занимали монастыри и храмы, основанные на окраинных территориях, поскольку их деятельность и сам факт существования препятствовали «духовному одичанию» переселенцев (Зырянов, 2002).

Рассматривая современный опыт малых городов по использованию православной традиции в конструировании локальной идентичности, Д.М. Семенова указывает на особое место православных монастырей и храмов, выступающих в качестве ключевых символов. В качестве второго варианта символического оформления православной традиции исследователь называет репрезентацию региона как родины того или иного святого. Совокупность символов позволяет создать локальный миф, в равной мере воспроизводимый в рамках внутренней и внешней сторон региональной идентификации (Семенова, 2016: 174-175).

Региональный взгляд на исследуемую проблему представлен в ряде работ пензенских историков и краеведов. В работе «История Пензенской епархии» А.И. Дворжанский логично связывает процессы колонизации и христианизации территорий Пензенского края, отмечая важную роль монастырей и храмов как форпостов культурной и духовной интеграции региона (Дворжанский, 1999). Т.М. Гусева на примере Мордовского края рассматривает монастыри как важный элемент социокультурной среды общества и центр духовной культуры. Анализируя монастыри как часть социокультурной среды общества, автор подчеркивает их важность для формирования и развития духовной и культурной жизни, а также их влияние на социальные процессы (Гусева, 2008).

Таким образом, проведенный анализ научного дискурса позволяет говорить о существовании значительных лакун в рамках рассматриваемой проблематики. Специфика православных монастырей и храмов как центров формирования региональной идентичности до настоящего времени не выступала в качестве отдельного предмета исследования, в том числе и в контексте истории Пензенской епархии.

4. Результаты

В первой половине XVII в. активизировался процесс христианизации восточных окраин Русского государства, сопровождавший осуществление целенаправленной государственной политики по созданию новых оборонительных линий. Жизнь поселенцев в новых городах-крепостях начиналась со строительства церквей и часовен. Так, в крепости Пенза, возведенной в 1663 г., центральное место занимала деревянная соборная церковь, освященная в честь праздника Всемилоственного Спаса. В «Строельной книге города Пензы» перечисляется ее причт: «соборный Спасский поп» Лука Степанов и Гаврила Иванов, дьякон Лаврентий, причетник и дьячок (Строельная книга, 1898: 10).

Если храмы составляли как бы «сердце» крепостей, то монастыри сами являлись духовными твердынями, выступая в качестве форпостов христианизации края. В 1648 г. был основан Казанский Нижнеломовский мужской монастырь – первая обитель на территории современной Пензенской епархии. В первой половине семнадцатого столетия был основан Наровчатский Троицкий Сканов монастырь.

Некоторые обители появились на территории Пензенского края во второй половине XVII в.: Краснослободский Спасо-Преображенский монастырь (1655 г.), Пензенский Спасо-Преображенский (1689 г.), Пензенский Троицкий монастырь (1690 г.), Саранский Петропавловский монастырь (основан в 1695 г.), Вьясская Владимирско-Богородицкая пустынь (к. XVII в.) (Пензенская епархия, 1907: 299-305).

Сведения о пензенских храмах содержатся во множестве заметок, оставленных путешественниками: в 1707 г. де-Бруин пишет о «нескольких деревянных церквях». Академик Паллас, посетивший Пензу в 1768 г., дает следующую характеристику: «Сей город, хотя и умеренно выстроен, однако по своему положению на высоком подле Суры месте и по множеству церквей имеет вид изрядный»). В 1769 г. академик Фальк указывает на «девять каменных и три деревянных церкви, один мужской и один женский монастырь» (Хохряков, 1901: 18-20). Упоминают наличие в населенных пунктах храмов и монастырей и мемуаристы из числа иностранцев, оказывавшихся на территории Пензенского края в периоды войн и военных конфликтов (Белоусов, 2023: 573). Так, обер-лейтенант французской армии эпохи Отечественной войны 1812 г. Ф. фон Фуртенбах, находясь в плену в Краснослободске, отмечал, что в оном «не было недостатка в церквях, и ни одну нельзя было выделить в качестве особенно красивой» (Фуртенбах, 2008: 21). Полковник британской армии Г.Э. Лейк, находившийся в Пензе в период плена зимой-весной 1855 г. и посещавший в познавательных целях богослужения в кафедральном соборе, пишет о том, что «собор – прекрасное здание; интерьер его щедро украшен и содержит немало икон» (Бичинова, Мере, 2021: 163). О Саранске же Лейком была оставлена следующая характеристика: «Мы миновали Саранск –

большой город в 130 верстах от Пензы, примечательный, пожалуй, лишь множеством церквей» (Бичинова, Мере, 2021: 169).

На примере истории учреждения Троицкого женского монастыря можно рассмотреть специфику формирования женских монашеских общин как особого типа локального сообщества. До его основания ближайшие к Пензе женские монастыри находились в Саранске, Верхнем и Нижнем Ломове, однако они, обслуживая достаточно значительное население своих городов и уездов, видимо, неохотно принимали жительниц других городов, требуя от них больших вкладов. Последние же также предпочитали постригаться вблизи своих родных населенных пунктов, поскольку в этом случае могли надеяться на помощь в монастырском содержании со стороны своих близких и знакомых, оставшихся в миру (Ведомости..., 1904: 351). Таким образом, происходило формирование локальной системы «город – монастырь»: обитель удовлетворяла нужды своих городов и уездов, а монастырская община, являясь сама по себе замкнутым сообществом, несла на себе отпечаток локальных ценностей и представлений, присущих конкретной местности.

Пензенская епархия возникла в 1799 г. и стала совпадать с границами Пензенской губернии в 1828 г. (произошло разделение на Пензенскую и Саратовскую епархии). Стоит отметить, что в силу этнической и культурной разнородности Пензенской епархии в монастырях проживали представители как русского народа, так и коренного населения края. К концу XIX в. на территории епархии существовали монастыри, где монахи из числа мордвы преобладали над русскими. Среди подобных «мордовских монастырей», как их в своих туристических заметках называет Н.Н. Оглоблин, находился «Сканский мужской монастырь» близ Наровчата, «наполовину мордовских» – Пайгармский женский монастырь близ станции Рузаевки Казанской железной дороги. Любопытен последний еще и потому, что к ведению обширного хозяйства сестры обители привлекали рабочих, набираемых преимущественно из некрещеных татар соседних сел (Оглоблин, 1899: 891). Таким образом, хозяйственная деятельность монастыря способствовала активизации межконфессиональных контактов между населением конкретной территории, что в конечном итоге выводило локальное сообщество за границы исключительно религиозной идентичности.

Важную роль православные монастыри Пензенской епархии играли в процессе репрезентации образа региона за его пределами, являясь центром притяжения богомольцев. «Своим внешним благоустройством и благолепием храмов, строго установленным богослужением, неспешным и внятными чтением, стройным пением обители всегда привлекали и привлекают окрестное население во множестве, поддерживая в народе дух веры и благочестие» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1405. Л. 1). Особенно значительный наплыв богомольцев наблюдался в дни празднования чтимых в обителях икон: Казанской Божией матери – Ломовской и Мокшанской, Тихвинской – Керенской, Кирилловской и Владимирской, а также в дни нарочито-местных праздников (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1144. Л. 1).

Так, в Нижнеломовском Казанском мужском монастыре находились чудотворные иконы Казанской Божией матери и Иоанна Крестителя. История и святыни монастыря делали его объектом многочисленных паломничеств. Так, по данным отчета о состоянии Пензенской епархии за 1868 г., ежегодно его посещало до десяти тысяч богомольцев, большинство из которых составляли крестьяне. Особенно значительный поток паломников наблюдался в период проведения Нижнеломовской ярмарки, приуроченной к главному празднику обители – дню памяти явления иконы Казанской Божией матери 8 июля (по старому стилю) (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 285. Л. 1). Торги на ярмарке традиционно открывались 5 июля и продолжались вплоть до 10-го числа. 8 июля ежегодно проводился крестный ход, проходивший по следующему маршруту: из Нижнего Ломова до монастырских врат, оттуда – уже вместе с иконой Казанской Божией матери – к святому роднику, где был явлен этот чудотворный образ (Историко-статистическое описание..., 1891: 31).

Почитание местных икон являлось важным маркером идентичности православного сообщества Пензенской епархии, выступая частью локального мифа, транслируемого за пределы региона. Показательна в этом вопросе следующая практика: иконы Казанской Божией матери из Нижнеломовского монастыря и Владимирской – из Вьясской пустыни с разрешения Святейшего Синода приносились в некоторые уезды Саратовской епархии, где они принимались «с превеликим усердием и благоговением» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1405. Л. 2). Существовали при монастырях и свои иконописные мастерские, снабжавшие иконами окрестные церкви и местных жителей (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1405. Л. 1).

Наиболее почитаемой среди местных икон являлась икона Казанской Божией матери, находившаяся в период существования Пензенской епархии в Спасском кафедральном соборе Пензы. История ее обретения представлена в рамках двух легендарных традиций. С точки зрения первой, святыня была передана жителям Черкасского острога в период завоевания Иваном Грозным территорий Казанского ханства, согласно второй – подарена в 1666 г. царем Алексеем Михайловичем крепости Пенза (Первушкин, 2014: 40). Вторая версия на настоящий момент является наиболее распространенной. Почитание иконы связано с ее легендарной ролью в одном из эпизодов истории Пензенского края – Большого кубанского погрома 1717 г., затронувшего территории Пензенского и Саратовского уездов (Белюсов, 2017: 61). Согласно существующему преданию, заступничество

святыни помогло защитникам Пензы выдержать осаду (Попов, 1896: 172). Таким образом, локальный миф, возникший вокруг почитания Казанской иконы Божией матери, тесно связан со специфическим положением пензенских земель, вызвавшим к жизни осознание «пограничности» региона и его особой функции – борьбы с «диким полем» как элемента региональной идентичности жителей Пензенского края.

Патриотическая традиция в формировании пензенской локальной идентичности продолжала воспроизводиться православной церковью уже после утраты Пензой стратегического значения и превращения во внутренний регион Российского государства. Символическую роль в данном контексте играл Спасский кафедральный собор, в котором, помимо уже упомянутой Казанской иконы Божией матери, хранились штандарты пензенских ополчений двух эпох – Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны.

Вторую часть символического комплекса как основы православного локального мифа составляет почитание местных святых. Стоит отметить, что в рассматриваемый период Пензенский край так и не получил своего признанного святого, однако первые шаги в этом вопросе были предприняты самими верующими. В 1915 г. на имя городского головы было направлено заявление, в котором предлагалось возбудить ходатайство перед Святейшим Синодом о причислении к лику святых преосвященного Иннокентия (Илариона Смирнова), бывшего на протяжении семи месяцев до своей кончины в 1819 г. пензенским епископом. В заявлении отмечались всенародная любовь и уважение к почившему пастырю, нетленность останков, захороненных в Спасском кафедральном соборе, а также случаи чудесной помощи. На заседании Пензенской городской думы, собранной для обсуждения этого заявления, было решено удовлетворить общественный запрос и инициировать начало канонизации, однако в связи с дальнейшими революционными событиями данный проект так и не был реализован (Дворжанский, 1999: 47-48).

Таким образом, стоит отметить особое символическое значение Спасского кафедрального собора в структуре региональной идентичности в целом и городской ее составляющей в частности. С одной стороны, данный храм как бы аккумулировал в себе целый ряд составляющих локального мифа (особо почитаемая икона, захоронения пензенских епископов, штандарты ополчений, расположение на месте возведенной одновременно со строительством города соборной церкви). С другой стороны, здание собора как бы венчало собой архитектурный ансамбль центра города, становясь неотъемлемой частью его внешней идентичности.

Монастыри и храмы, выполняли ряд значимых для населения функций, включающих в себя образовательную деятельность, оказание социальной помощи, сохранение культурного наследия, духовное наставничество.

Монастыри Пензенской епархии осуществляли обширное социально-благотворительное служение. Так, в тяжелый для населения голодный 1891 год монастыри открывали бесплатные столовые. По предложению Преосвященного на время до нового урожая принимали детей бедных родителей, сирот духовного звания и других для оказания помощи в содержании. Так, в Пайгармском монастыре была устроена столовая, в которой ежедневно обеспечивались обедом не менее 100 человек. В школе при монастыре более 100 детей получали не только питание, но и приют. В отчете о состоянии Пензенской епархии за 1892 г. сообщается: «Монастыри женские: Пензенский, Ковыляевский и Керенский продолжали содержать в устроенных при них больницах 58 лиц, а на иждивении монастырей Краснослободского успенского и Чуфаровского Троицкого и при Шиханской общине частью на средства княгини Оболенской в последней призрелись в богадельнях 163 лица» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1405. Л. 10-100б.). Мужские монастыри принимали на свое попечение мальчиков. Так, в 1886 г. мужские монастыри давали кров мальчикам-сиротам духовного ведомства, завершивших обучение в духовных училищах и не принятых в духовную семинарию или «уволненных из училищ по малоуспешности в учении или по болезненному состоянию». Они снабжались одеждой и обувью (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1144. Л. 110б.).

Монастыри епархии осуществляли и образовательную деятельность. При женских монастырях в школах для сирот духовного звания обучали в 1892 г. чтению, письму, закону Божию, арифметике и рукоделию 109 девиц (в Пензенском – 15, Мокшанском – 6, Нижнемоловском – 13, Керенском – 7, Краснослободском Успенском – 18, Краснослободском Троицком – 20, Параскево-Вознесенском – 30) (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1405. Л. 10-100б.). В женских монастырях проходили обучение не только девочки-сироты, но и дети из ближайших сел и деревень (Гусева, 2008: 84).

Духовное наставничество монастырей и храмов проявлялось через богослужения, молитвы и ряд религиозных обрядов, что помогало людям находить духовное утешение.

5. Заключение

Таким образом, православные монастыри и храмы на территории Пензенской епархии в силу своей деятельности и культурного влияния играли важную роль в контексте ценностной гомогенизации разнородного социума, обеспечивая устойчивость единого для государства «пространства нормы» и, как следствие, распространяя на местное население религиозный параметр идентичности. Значимость этого параметра заключалась в его наднациональном характере и

возможности использования государством в рамках осуществления целенаправленной политики по конструированию идеологии.

В то же время монастыри и храмы выступали в качестве своеобразного организационного ядра, вокруг которого происходило формирование церковных приходов, братии монастырей и монастырских окрестностей как специфической формы локального религиозного сообщества. Для него в рамках функционирования систем «город – монастырь» или «прихожане – храм» было характерно наличие определенных ценностей и представлений, присущих конкретной местности.

Часто символическая значимость православных храмов и монастырей Пензенской епархии сочеталась с особым почитанием икон, например, Казанской иконы Божией матери в Спасском кафедральном соборе Пензы. Выступая составным элементом локального мифа, транслируемого в том числе вне границ регионального сообщества, храмы и обители воспринимались сторонними наблюдателями как одни из главных достопримечательностей региона или конкретного населенного пункта.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015. <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>. Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Белоусов, 2017 – Белоусов С.В. «Большой Кубанский погром» в Пензенском и Саранском уездах. Восстановление хронологии событий по документам канцелярии саранского ландрата Льва Аристова // *Центр и периферия*. 2017. № 4. С. 61-67.

Белоусов, 2023 – Белоусов С.В. Быт и нравы Пензенского края глазами иностранцев // *История Пензенского края*. Т. 2. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. С. 567-578.

Бичинова, Мере, 2021 – Бичинова А.Я., Мере А.Р. «Карс и русский плен»: воспоминания английского военнопленного Генри Этвилла Лейка // *Вестник военно-исторических исследований: сб. науч. тр.* / Под ред. С.В. Белоусова. Вып. 12. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2021. С. 144-174.

Гусева, 2008 – Гусева Т.М. Женские монастыри как центры духовной культуры Мордовского края // *Центр и периферия: культура российской провинции* / Отв. ред. и сост. Т. М. Гусева; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2008. С. 83-86.

Дворжанский, 1999 – Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Книга первая: Исторический очерк. Пенза: РИО Пензенского епархиального управления, 1999. 512 с.

Епархиальные ведомости, 1904 – Пензенский Троицкий женский монастырь // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1904. № 10. С. 349-372.

Еремина, 2012 – Еремина Е.В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // *Социально-гуманитарные знания*. 2012. № 5. С. 276-287.

Зырянов, 2002 – Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX в. / Монашество и монастыри в России. XI-XX века.: Ист. очерки / Рос. акад. наук. Ин-т рос. Истории. М.: Наука, 2002. 344 с.

Историко-статистическое описание..., 1891 – Историко-статистическое описание Нижне-Ломовского Казанского второклассного мужского монастыря, сочинение бывшего настоятеля оног монастыря архимандрита Евпсихия. Иправленное и дополненное настоящим настоятелем архимандритом Гедеоном. Пенза: Типо-литография Ф.Ф. Памфилова, 1891. 52 с.

Лурье, 2012 – Лурье С.В. Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). Москва: АИРО-XXI, 2012. 272 с.

Оглоблин, 1899 – Оглоблин Н.Н. В Мордовском крае (из заметок туриста) // *Исторический вестник*. Санкт-Петербург, 1899. № 9. С. 880-901.

Пензенская епархия, 1907 – Пензенская епархия. Историко-статистическое описание: с картой Пензенской губернии. Пенза: Издание редакции Пензенских епархиальных ведомостей, 1907. 321 с.

Первушкин, 2014 – Первушкин В.И. Основание г. Пензы / Пензенский край в истории и культуре России: монография / под ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 39-44.

Попов, 1896 – Попов А.Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза: типография Губ. правления, 1896. 272 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Семенова, 2016 – Семенова Д.М. Православные аспекты городской идентичности малых городов России // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2016. № 9 (65). С. 171-182.

Строельная книга..., 1898 – Строельная книга города Пензы. Москва: Унив. тип., 1898. 59 с.

Фуртенбах, 2008 – Фуртенбах Ф. фон. Война против России и русский плен. Заметки оберлейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг. / Подготовка публикации, предисловие и комментарии С.В. Белоусова и С.Н. Хомченко, пер. с нем. А.А. Кузнецова. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, 2008.

Хохряков, 1901 – Хохряков В.Х. Открытие, упразднение и восстановление Пензенской губернии // *Сборник Пензенского губернского статистического комитета*. Вып. 5. Пенза: Типография Губернского правления, 1901. С. 1-24.

Шуклина, 2022 – Шуклина Л.А. Монастыри как очаги духовной культуры и просвещения на рубеже XIX – XX столетий (на примере Курской губернии) // *Журнал исторических исследований*. 2022. № 1. С. 17-24.

Lake, 1856 – Lake H.A. Kars and our captivity in Russia: with letters from Sir W.F. Williams, major Teesdale, and the late captain Thompson. London: R. Bentley, 1856. 367 p.

References

Belousov, 2017 – Belousov, S.V. (2017) «Bol'shoi Kubanskii pogrom» v Penzenskom i Saranskom uezdakh. Vosstanovlenie khronologii sobytii po dokumentam kantselyarii saranskogo landrata L'va Aristova [The “Great Kuban Pogrom” in Penza and Saransk counties. Restoration of the chronology of events according to the documents of the office of the Saransk Landrat Lev Aristo]. *Tsentr i periferiya*. 4: 61-67. [in Russian]

Belousov, 2023 – Belousov, S.V. (2023). Byt i nrawy Penzenskogo kraja glazami inostrantsev [The way of life and customs of the Penza region through the eyes of foreigners]. *Istoriya Penzenskogo kraja*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoi oblasti. 2: 567-578. [in Russian]

Bichinova, Mere, 2021 – Bichinova, A.Ya., Mere, A.R. (2021) «Kars i russkii plen»: vospominaniya angliiskogo voennoplennogo Genri Etvilla Leika [“Kars and Russian Captivity”: memoirs of the English prisoner of war Henry Atville Lake]. *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr.* Penza: Izd-vo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. 12: 144-174. [in Russian]

Dvorzhanskii, 1999 – Dvorzhanskii, A.I. (1999). Istoriya Penzenskoi eparkhii Kniga pervaya: Istoricheskii ocherk [The history of the Penza Diocese. Book One: A historical sketch]. Penza: RIO Penzenskogo eparkhial'nogo upravleniya. 512 p. [in Russian]

Eparkhial'nye vedomosti, 1904 – Penzenskii Troitskii zhenskii monastyr' [Penza Trinity Convent]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 10:349-372. [in Russian]

Eremina, 2012 – Eremina, E.V. (2012) Ponyatie regional'noi identichnosti i spetsifika ee formirovaniya v sovremennoi Rossii [The concept of regional identity and the specifics of its formation in modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5: 276-287. [in Russian]

Furtenbakh, 2008 – Furtenbakh, F. fon. (2008). Voina protiv Rossii i russkii plen. Zametki oberleitenanta Fridrikha fon Furtenbakh 1812-1813 gg. [The war against Russia and Russian captivity. Notes by Oberleutnant Friedrich von Furtenbach 1812-1813]. Podgotovka publikatsii, predislovie i kommentarii S.V. Belousova i S.N. Khomchenko, per. s nem. A.A. Kuznetsova. Penza: Penzenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.G. Belinskogo. [in Russian]

Guseva, 2008 – Guseva, T.M. (2008) Zhenskie monastyri kak tsentry dukhovnoi kul'tury Mordovskogo kraja [Monasteries as centers of spiritual culture of the Mordovian region]. *Tsentr i periferiya: kul'tura rossiiskoi provintsii*. Otv. red. i sost. T. M. Guseva; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve RM. Saransk. Pp. 83-86. [in Russian]

Istoriko-statisticheskoe opisanie..., 1891 – Istoriko-statisticheskoe opisanie Nizhne-Lomovskogo Kazanskogo vtorklassnogo muzhskogo monastyrya, sochinenie byvshego nastoyatelya onogo monastyrya arkhimandrita Evpsikhiya. Ipravlennoe i dopolnennoe nastoyashchim nastoyatelem arkhimandritom Gedeonom [Historical and statistical description of the Nizhny Lomov Kazan second-grade monastery, the work of the former abbot of the monastery Archimandrite Evpsychius. Corrected and supplemented by the present abbot Archimandrite Gideon]. Penza: Tipo-litografiya F.F. Pamfilova, 1891. 52 p. [in Russian]

Khokhryakov, 1901 – Khokhryakov, V.Kh. (1901). Otkrytie, uprazdnenie i vosstanovlenie Penzenskoi gubernii [Opening, abolition and restoration of Penza province]. *Sbornik Penzenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 5: 1-24. [in Russian]

Lur'e, 2012 – Lur'e, S.V. (2012). Imperium (Imperiya – tsennostnyi i etnopsikhologicheskii podkhod) [Imperium (Empire – value and ethno-psychological approach)]. Moskva: AIRO-XXI, 272 p.

Ogloblin, 1899 – Ogloblin, N.N. (1899). V Mordovskom krae (iz zametok turista) [In the Mordovian Region (from the tourist's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. Sankt-Peterburg. 9: 880-901. [in Russian]

Penzenskaya eparkhiya, 1907 – Penzenskaya eparkhiya. Istoriko-statisticheskoe opisanie: s kartoi Penzenskoi gubernii [Penza diocese. Historical and statistical description: with a map of the Penza province] Penza: Izdanie redaktsii Penzenskikh eparkhial'nykh vedomostei, 1907. 321 p. [in Russian]

Pervushkin, 2014 – Pervushkin, V.I. (2014). Osnovanie g. Penzy [The foundation of Penza]. *Penzenskii kraj v istorii i kul'ture Rossii: monografiya*. Pod red. O.A. Sukhvoi. Penza: Izd-vo PGU. Pp. 39-44. [in Russian]

Popov, 1896 – Popov, A.E. (1896). Tserkvi, prichty i prikhody Penzenskoi eparkhii [Churches, parishes and parishes of the Penza Diocese]. Penza: tipografiya Gub. pravleniya, 272 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].

[Semenova, 2016](#) – *Semenova, D.M.* (2016). Pravoslavnye aspekty gorodskoi identichnosti malykh gorodov Rossii [Orthodox aspects of the urban identity of small towns in Russia]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 9 (65): 171-182. [in Russian]

[Shuklina, 2022](#) – *Shuklina, L.A.* (2022). Monastyri kak ochagi dukhovnoi kul'tury i prosveshcheniya na rubezhe XIX – XX stoletii (na primere Kurskoi gubernii) [Monasteries as centers of spiritual culture and enlightenment at the turn of the XIX – XX centuries (on the example of the Kursk province)]. *Zhurnal istoricheskikh issledovanii*. 1: 17-24. [in Russian]

[Stroel'naya kniga..., 1898](#) – Stroel'naya kniga goroda Penzy [The building book of the city of Penza]. Moskva: Univ. tip., 1898. 59 p. [in Russian]

[Zyryanov, 2002](#) – *Zyryanov, P.N.* (2002). Russkie monastyri i monashestvo v XIX – nachale XX v. [Russian monasteries and monasticism in the XIX – early XX centuries]. *Monashestvo i monastyri v Rossii. XI-XX veka. : Ist. ocherki. Ros. akad. nauk. In-t ros. Istorii. M.: Nauka*, 344 p. [in Russian]

[Lake, 1856](#) – *Lake, H.A.* (1856). Kars and our captivity in Russia: with letters from Sir W.F. Williams, major Teesdale, and the late captain Thompson. London: R. Bently, 367 p.

Православные монастыри и храмы как центры формирования региональной идентичности (на примере Пензенской епархии)

Ольга Васильевна Колпакова ^{a, *}, Анастасия Романовна Мере ^a, Ольга Александровна Филенкова ^a
^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Авторы анализируют значение православных монастырей и храмов Пензенской епархии как центров формирования региональной идентичности.

Православные монастыри и храмы Пензенской епархии занимали важное место в символическом комплексе, формирующем структуру локального мифа. Кроме того, они выступали в качестве формирования внешней идентичности региона, поскольку воспринимались сторонними наблюдателями как главные достопримечательности населенных пунктов. Важную роль православные монастыри Пензенской епархии играли и в процессе репрезентации образа региона за его пределами.

Монастыри и храмы играли важную роль в формировании культурного и образовательного пространства на территории Пензенской губернии. Они не только служили центрами религиозной практики, но также являлись образовательными учреждениями, центрами культурного наследия и местами социальной помощи. Монастыри Пензенской епархии осуществляли обширное социально-благотворительное служение.

Православные монастыри и храмы, существовавшие на территории Пензенского края, способствовали символическому оформлению как внутренней (самоидентификации), так и внешней (объективной) стороны региональной идентичности.

Ключевые слова: религиозная идентичность, Пензенская губерния, православные монастыри, православные храмы, локальная история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), anamere@mail.ru (А.П. Мере), filenkova_oa@mail.ru (О.А. Филенкова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1759-1765
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1759

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries

Mariya A. Sosnina ^{a, *}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Natalya I. Besedkina ^c, Anna A. Avanesova ^d

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d North-Caucasus Federal University-NCFU, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The subject of the research is the legal status of sons-in-law-adoptees in a peasant family in the Arkhangelsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries. The unique development of the northern region of Russia, consisting in the absence of serfdom and special communal relations, determined the features of the customary legal regulation of peasant legal relations in general, and, in particular, family relations. The legislative uncertainty of the legal status of members of a peasant family predetermined the spread of customs regulating this area of relations in this territory. The reception of a son-in-law-adoptee by the bride's parents after the wedding or, if necessary, by the widow of the adopter, an adult worker, on the rights of a householder, was formalized by contracts, spiritual wills, various regulations defining the purpose, conditions of reception, rights and obligations of the parties. Unscrupulous performance of duties by members of a peasant family led to disputes and disagreements, for the resolution of which the parties applied to the volost peasant court, which more often resolved such family cases, bringing the parties to a settlement agreement. Based on an understanding of archival documents, as well as pre-revolutionary periodicals, conclusions are substantiated about the economic purpose of accepting a son-in-law-adoptee into the family, his responsibilities for the maintenance of adoptive parents, as well as inheritance rights after their death.

Keywords: adopted son-in-law, adopter, adopters, custom, peasant family, volost court, labor, property, inheritance.

1. Введение

В попытке взглянуть в будущее такого важного социального института, как семья, следует обратиться к изучению истории ее развития, поскольку институт семьи и основы брака являются социально генерированными элементами правовой системы, тонко реагирующими на незначительные изменения во всех сферах жизни. Авторы данного исследования убеждены, что через изучение истории российской семьи формируются такие незыблемые ценности, как историческая память и преемственность поколений, крепкий брак как союз мужчины и женщины, приоритет семейного воспитания детей, забота о достойной жизни старшего поколения.

До революции в России регулированием этих и других вопросов в данной сфере занималось церковное право. Законодательное регулирование семейных правоотношений началось только в

* Corresponding author

E-mail addresses: SosninaAGTU@yandex.ru (M.A. Sosnina),
vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), nbesedkina@fa.ru (N.I. Besedkina),
annavanesova@yandex.ru (A.A. Avanesova)

XIX в. с введением в действие Свода гражданских законов. Однако в случаях «молчания» закона в силу вступали обычаи, которые регулировали большинство крестьянских правоотношений в общине.

Именно таким случаем, законодательно неурегулированным, и стало любопытнейшее явление крестьянской юридической жизни на Русском Севере – прием зятя в семью на правах родного сына. В Архангельской губернии такой прием являлся достаточно распространенным, чему находится немало документальных подтверждений: решений волостных судов, договоров, духовных завещаний. Документы позволяют определить как права и обязанности зятя-приемыша, так и общие условия возникающей при этом совместной жизни между сторонами, а также цели такого приема в семью.

Проблема определения правового статуса зятя-приемыша в крестьянской семье на Русском Севере достаточно сложна, поскольку законодательного урегулирования не получила. Исследовать данный вопрос представляется возможным только благодаря изучению обычаев, базировавшихся на фундаментальных представлениях крестьян о большой неразделенной многопоколенной семье, общей семейной собственности и принципе справедливости, которые базировались на специфике экономического развития региона.

2. Материалы и методы

В настоящее время в круг актуальных проблем современной науки по праву входят междисциплинарные исследования. Таковым является и изучение обычного регулирования крестьянских семейных правоотношений второй половины XIX в. В современной историографии вопроса назрела потребность в изучении юридического быта населения разных регионов страны для сохранения культурной, правовой и исторической идентичности, причем в изучении не по вторичным, описательным, источникам, а по значительно расширяющим предметную базу науки архивным материалам.

Используемыми в настоящей статье материалами являются решения волостных судов Архангельской губернии за период с 1866 года до революции, найденные в фондах Государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация), а также договоры и духовные завещания, записанные в книгах при волостных правлениях. Строго официальный характер вышеперечисленных документов дает основание для достоверных выводов по поднимаемой проблеме.

В основе актуальных на сегодняшний день междисциплинарных исследований в качестве методологической базы положен комплекс систематизированных подходов и методов. Ведущим методом настоящего исследования является конкретно-исторический, который позволяет определить особенности состояния общества и государства не только с точки зрения законодательства, но и в аспекте исторических традиций и обычаев. Системный анализ позволил проанализировать архивные и другие документальные источники с точки зрения выявления в них специфики обычно-правового регулирования правового статуса зятьев-приемышей на Русском Севере в обозначенный период.

3. Обсуждение

Более полутора веков назад началось изучение обычаев крестьян Архангельской губернии. Большой вклад в изучение этого вопроса внес знаменитый ученый-этнограф П.С. Ефименко и его супруга А.Я. Ефименко, под именами которых было издано несколько трудов (Ефименко, 1878; Ефименко, 1884; Ефименко, 1872; Ефименко, 1873; Ефименко, 1900; Ефименко, 2009). И только через сорок лет появляется еще одно издание, связанное с данной проблематикой. Оно относится к неизвестному автору, именуемому себя статистиком (Статистик, 1912). В современной историографии почти нет трудов, посвященных изучению обычаев, которые регулировали правоотношения в крестьянской семье на Русском Севере названного периода, кроме работ М.А. Сосниной (Соснина, 2023а; Соснина, 2023б; Соснина, 2022; Соснина, 2017), О.А. Плоцкой (Плоцкая, 2013; Плоцкая, 2015; Plotskaya et al., 2023а; Plotskaya et al., 2023б; Plotskaya et al., 2022а; Plotskaya et al., 2022б; Plotskaya et al., 2021), А.Н. Халтурина (Халтурин, 2011). Следует отметить работу О.А. Плоцкой «Особенности регулирования обычным правом статуса мужчины у пермских народов в XVIII – XIX вв.» (Плоцкая, 2017), в которой автор поднимает проблему обычно-правового регулирования статуса мужчины у пермских народов обозначенного периода. В статье предпринята попытка выявления правовых обычаев, характеризующих положение «примака» – мужа дочери, который считался в семье усыновленным.

В этих условиях выявление и изучение архивных материалов ГААО имеет огромное значение для такой малоизученной области, как обычное право крестьян Русского Севера.

Впервые публикуемые в настоящей статье протоколы волостных судов, находящиеся на постоянном хранении в ГААО, определили цель настоящего исследования – институционализировать обычно-правовой статус зятьев-приемышей, их обязанности по хозяйству и по отношению к приемателям, имущественные и наследственные права, а также условия их принятия в крестьянскую семью. Авторы настоящей статьи продолжают глубокое и значимое исследование крестьянского обычного права на Русском Севере с целью решения актуальных задач государства в сфере сохранения традиционных культурных ценностей (Соснина, 2017; Соснина, 2022: 367-379; Соснина, 2023; Sosnina et al., 2024а; Sosnina et al., 2024б).

4. Результаты

Статус зятя-приемыша в крестьянской семье на Русском Севере определялся такими документами, как договоры и духовные завещания, записанные в книги при волостных правлениях. Юридически зять приближался к статусу родного сына, если такового у приемателей не было. Еще до революции данное уникальное явление было обнаружено и описано ученым-этнографом П.С. Ефименко в статье «Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии», вошедшей в сборник народных юридических обычаев под редакцией знаменитого исследователя крестьянской жизни С.В. Пахмана (Пахман, 1900). Приведем условия духовного завещания от 1866 года, опубликованного в приложении к статье: «Имеющийся у меня дом и все службы со связями и двором, а также всё имение движимое и недвижимое, как-то: хлеб, скот и посуду и проч., предоставляя в вечное владение зятю моему Павлу Манакову с женою его и моею дочерью Прасковою Васильвою с тем, чтобы никто и ни под каким предлогом не должен вступаться.

По принятии всего хозяйства со дня бракосочетания зять Павел Манаков обязан вести оное в порядке и проживать в моём доме, до смерти моей давать мне пищу, одежду и обувь и оказывать мне должное уважение, как отцу своему» (Пахман, 1900: 234-235).

Правом принять в дом зятя (мужа дочери) обладали домохозяин или вдова, нуждающаяся в помощи по хозяйству. Зять-приемыш принимался в семью на правах домохозяина, получив в полное распоряжение или владение имущество родителей его жены «навсегда» или вступив в его управление с правом распоряжения. Цель приема в семью вполне определена следующим договором: «Одним словом, В. должен распоряжаться, как родной сын, а за это обязан призреть С-ву (тёщу) как следует до смерти, т. е. давать необходимое помещение с отоплением и освещением, пищу, обувь и одежду, а после смерти похоронить по христианскому обычаю» (Кушевская волость, 1903 г.) (Статистик, 1912: 28). Поскольку право на имущество передавалось зятю-приемышу с определенной целью и при соблюдении вполне определенных условий, то и сохранялось оно до тех пор, пока эти условия выполнялись.

Имущественные права, то есть право на наследство или раздел имущества после смерти приемателей, у зятьев-приемышей возникали благодаря добросовестному исполнению обязанностей. Однако они могли быть оспорены при отсутствии прямых наследников со стороны родственников боковых, как в деле от 1 марта 1879 г. крестьянина Михаила Семенова Максимова. Истец жаловался на племянника своих приемных родителей, которых он поил и кормил, а после смерти «упокой». Последний претендовал на все отписанное по духовному завещанию от 8 февраля 1859 г. движимое и недвижимое имущество. В данном случае волостной суд принял решение отобрать у ответчика все земли и вернуть истцу (ГААО. Ф. 945. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 70б.–10). Следовательно, зять-приемыш после смерти своих приемных родителей получал все их имение «в свое полное собственное владение» с оговоркой: «никому из родственников ни во что не вступаться, потому что им не принадлежит» (Статистик, 1912: 30).

В случае неисполнения взятых на себя обязательств и нежелания приемателей совместно проживать с приемышем последний получал так называемые «пожилые деньги», то есть заработок за труд в хозяйстве в течение одного года или часть совместно нажитого имущества по взаимному соглашению (Пахман, 1900: 210). В случае разногласий стороны могли обратиться в волостной суд за разрешением конфликта, как в деле, рассмотренном Долгощельским волостным судом по иску крестьянина Пимена Истомина с жалобой на приглашенного на хозяйство зятя Ивана Степанова Широкова. В течение двух лет совместного труда они купили лошадь и пристроили к усадьбе хлев. Ссоры и разногласия привели приемателя в волостной суд для раздела между истцом и ответчиком совместно нажитого имущества. Суд в данном деле достиг своей цели: примирил стороны (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 197).

Поскольку факт добросовестного исполнения взятых на себя обязательств и передачи имущества зятю-приемышу в «приемных» крестьянских семьях доказать было достаточно трудно (приходилось идти в волостной суд), складывающиеся между приемышами и приемными семьями отношения оформлялись документально. Эти редкие документы были собраны и описаны неизвестным автором, именующим себя Статистиком, а также опубликованы в Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера (Статистик, 1912).

Данный автор впервые ввел в оборот термин «приймак», обозначающий предмет настоящего исследования. Приймаком назывался взрослый работник, совершенно посторонний человек, принимаемый одинокими стариками, не имеющими детей и других родственников, которые могли бы «при старости наших лет поддержать и приютить, пропитывать, одевать и обувать и все нам в жизни нашей вспомоществование до конца жизни нашей делать». В случае разногласий между приймаком и принимающей стороной последний обязывался дать своим приемным родителям помещение и отопление, приютить их, дать отсыпной хлеб, «сколько закон велит» (Статистик, 1912: 29). В свою очередь, приематели обязывались приймаку не прекословить в хозяйстве и без его дозволения ничем не распоряжаться.

Термин «приймак» обнаруживается также в решении Долгощельского волостного суда от октября 1879 г. В деле крестьянской вдовы, покойный муж которой еще при жизни принял в дом приймака, значилось, что последний вдову притеснял, не давал приличного содержания согласно

духовному завещанию и предписанию мирового посредника. Истица просила суд разделить имущество между ней и ответчиком, однако волостной суд предложил примириться, на что стороны и согласились (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 192–193).

Наследственные права зятя-приемыша, по сравнению с родными детьми приемных родителей, характеризовались как неустойчивые и зависели от следующих факторов: наличия или отсутствия прямых или боковых наследников приемателей, наличия детей и степени вложенного в хозяйство «приемной» семьи труда. Зять наследует имущество родителей жены в том случае, если оно было передано ему по духовному завещанию (Пахман, 1900: 215). Наличие детей у зятя-приемыша значительно повышало его правовой статус в приемной семье, наделяя его наследственными правами в отношении имущества тестя и тещи. При дочерях приемных родителей своих имущественных прав зять не терял, однако обязан был содержать и выдать их замуж. Сыновья же значительно ограничивали положение зятя-приемыша.

Так, например, 18 февраля 1883 года в волостной суд была заявлена словесная жалоба крестьянской вдовы Верхнекамской деревни Прасковьи Ивановой Чирцовой, в которой она просила суд отобрать от зятя, живущего в одном с ней семействе, Якова Ушакова, «скотину и одного быка четырех лет для отдачи в приданое выданной мною дочери Авдотьи Васильевой Красиковой, которую я считаю полной наследницей». Зять согласился уплатить за быка 20 рублей, а теща согласилась их принять в счет приданого дочери Авдотьи. В результате дело закончилось мировым соглашением (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 75–77).

Примечательно, что буквально через год, 27 марта 1884 года, между тещей и зятем снова возник спор, только уже на стороне истца оказался Яков Ушаков, зять, а на стороне ответчицы – вдова Прасковья Иванова Чирцова. Зять обвинял тещу в самовольной отдаче выданной замуж дочери семенного ячменя. Волостной суд при разрешении данного спора применил норму Сельского судебного устава (ПСЗРИ. Собр. 2. Т.14. №12166), а не обычая, повелев вдове без согласия своего зятя (полного хозяина) Якова Ушакова ничего своей дочери, Авдотье Красиковой, не давать (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 10406–106).

Следует заметить, что поступали в приймаки не только к бездетным родителям, но и к вдовам с малолетними детьми, которые принимали к себе в дом взрослого работника на правах управляющего или домохозяина. Вознесенский волостной суд дважды рассматривал дело о крестьянской семье, в которой мать, оставшись вдовой после смерти мужа, приняла в дом приймака, за которого впоследствии вышла замуж. Она жаловалась на сына, который гнал ее из дому. Другой усадьбы, кроме оставшейся от первого мужа, у нее не было. Суд обязал сына Ивана жить с матерью в общем доме, мать не притеснять, а в случае отделения от семьи найти для себя помещение. Дом признать общим имуществом всех троих – матери, сына и отчима, который здесь проживал более двадцати лет и имел право на землю. Однако при вторичном рассмотрении данного дела суд признал право на землю под домом за сыном Иваном (Статистик, 1912: 30).

5. Заключение

Выводы, сделанные на основании документальных источников, обоснованно заслуживают внимания современных исследователей данного вопроса. Во-первых, в дореволюционной историографии лицо, принятое в крестьянскую семью на правах домохозяина на определенных договором условиях, получило название «зять-приемыш» или «приймак». Во-вторых, термином «зять-приемыш» обозначался муж дочери, который принимался после заключения брака в дом родителей невесты. Термин «приймак» служил для обозначения взрослого работника, принятого в хозяйство бездетными родителями или вдовой с малолетними детьми. В-третьих, зятем-приемышем или приймаком заключался договор, определяющий условия и цель принятия в семью: в обмен на содержание приемных родителей в старости ему передавалось все движимое и недвижимое имущество в управление с правом распоряжения. В-четвертых, в случае смерти жены, оставившей детей, принятый муж не терял своих прав в приемной семье и оставался полным хозяином и распорядителем имущества. После смерти жены, детей не оставившей, принятый муж сохранял свои имущественные права в приемной семье. В-пятых, если дом и хозяйство оставались на вдову, то, как правило, для поддержания хозяйства она принимала в дом зятя, мужа дочери, который по договору становился полноправным хозяином и распорядителем всего имущества, а в случае, если теще в старости дан кров, одежда и пропитание, после ее смерти зять становился законным наследником. Зять-приемыш при наличии у отца-приемателя родных сыновей после его смерти получал долю из наследственной массы согласно вложенному в хозяйство труду, часто наравне с прямыми наследниками-сыновьями.

Литература

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

Ефименко, 1878 – Ефименко А. Я. Трудовое начало в народном обычном праве // Слово. 1878.

№ 1. С. 147-173.

- Ефименко, 1884** – Ефименко А.Я. Женщина в крестьянской семье // *Исследования народной жизни: Обычное право*. Вып. 1. М.: В. И. Касперов, 1884. 398 с.
- Ефименко, 2009** – Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. 272 с.
- Ефименко, 1872** – Ефименко П. С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб.: Типография Майкова, 1872. 114 с.
- Ефименко, 1873** – Ефименко П. С. Семья архангельского крестьянина по обычному праву // *Судебный журнал*. 1873. Июль - Август; Сентябрь - Октябрь; Ноябрь - Декабрь. С. 32-114.
- Ефименко, 1900** – Ефименко П. С. Наследование зятьёв-приёмшеи по обычаям Архангельской губернии: Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 / Записки Императорского русского географического общества / Под ред. С. В. Пахмана. С.-ПБ.: Тип. А.С. Суворина, 1900. С. 205-242.
- Пахман, 1900** – Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 / Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1900. Т. 18. 440с.
- Плоцкая, 2013** – Плоцкая О.А. Регулирование обычно-правовыми нормами правового статуса женщин в браке у коми (зырян) в XIX – начале XX вв. // *Семейное и жилищное право*. 2013. № 4. С. 7-11.
- Плоцкая, 2015** – Плоцкая О.А. Обычное этническое право пермских народов в эпоху глобализации. Монография. Сыктывкар, 2015. 244 с.
- Плоцкая, 2017** – Плоцкая О.А. Особенности регулирования обычным правом статуса мужчины у пермских народов в XVIII – XIX вв. // *Юридический вестник ДГУ*. Т. 22. 2017. № 2. С. 19-24.
- Плоцкая, Иванова, 2013** – Плоцкая О.А., Иванова Ж.Б. Матримониальные обычно-правовые нормы у коми и других северных промысловых народов России в XIX – начале XX вв. // *Семейное и жилищное право*. 2013. № 2. С. 39-42.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Соснина, 2017** – Соснина М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в семейно-брачных делах (на материалах Архангельской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2017. № 1. С. 195-218.
- Соснина, 2022** – Соснина М.А. Правовая культура северного крестьянства в отражении документов волостных судов / *Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований*: Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции / Сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина; отв.ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2022. 632 с.
- Соснина, 2023a** – Соснина М.А. Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России // *Юридические исследования*. 2023. № 5. С.48-59. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844
- Соснина, 2023b** – Соснина М.А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2023. 218 с.
- Статистик, 1912** – Статистик. Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1912. № 17–24. 83 с.
- Халтурин, 2011** – Халтурин А.Н. Правовой обычай в традиционных обществах Севера Европы / *Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы VII Международной научно-практ. конференции*. 25-26 апреля 2011. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицеро», 2011. С. 92-97.
- Plotskaya et al., 2023a** – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.
- Plotskaya et al., 2023b** – Plotskaya O.A., Osmonalieva N.J., Lotorev E.N., Shiryova I.V. Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1612-1620.
- Plotskaya et al., 2022a** – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2022b** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Sosnina et al., 2024a** – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

Sosnina et al., 2024b – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.

References

- Efimenko, 1872 – Efimenko, P.S. (1872). Pridanoe po obychnomu pravu krest'yan Arhangel'skoj gubernii [Dowry according to the customary law of peasants of the Arkhangelsk province]. SPb.: Tipografiya Majkova, 114 p. [in Russian]
- Efimenko, 1873 – Efimenko, P.S. (1873). Sem'ya arkhangel'skogo krest'yanina po obychnomu pravu [The family of an Arkhangelsk peasant under customary law]. *Sudebnyi zhurnal*. Iyul' - Avgust; Sentyabr' - Oktyabr'; Noyabr' - Dekabr'. Pp. 32-114. [in Russian]
- Efimenko, 1878 – Efimenko, A.Ya. (1878). Trudovoe nachalo v narodnom obychnom prave [The Labor Principle in Folk Customary Law]. *Slovo*. 1: 147-173. [in Russian]
- Efimenko, 1884 – Efimenko, A.Ya. (1884). Zhenshchina v krest'yanskoj sem'e [A woman in a peasant family]. *Issledovaniya narodnoj zhizni: Obychnoe pravo*. Vyp. 1. M.: V. I. Kasperov, 398 p. [in Russian]
- Efimenko, 1900 – Efimenko, P.S. (1900). Nasledovanie zyat'yov-priyomyshej po obyčajam Arhangel'skoj gubernii [Inheritance of sons-in-law-adoptees according to the customs of the Arkhangelsk province]: *Sbornik narodnyh yuridicheskikh obyčajev*. T. 2. Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Pod red. S. V. Pahmana. S.-PB.: Tip. A.S. Suvorina. Pp. 205-242. [in Russian]
- Efimenko, 2009 – Efimenko, P.S. (2009). Narodnye yuridicheskie obyčaji krest'yan Arkhangel'skoj gubernii [Folk legal customs of the peasants of the Arkhangelsk province] M.: OGI, 2009. 272 p. [in Russian]
- GAAO – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoj oblasti [The State Archive of the Arkhangelsk region].
- Halturin, 2011 – Halturin, A.N. (2011). Pravovoj obyčaj v tradicionnyh obshchestvah Severa Evropy [Legal custom in traditional societies of Northern Europe]. *Tradicionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konferencii*. 25-26 aprelya 2011. Chelyabinsk: Izd-vo ZAO «Cicero». Pp. 92-97. [in Russian]
- Pakhman, 1900 – *Sbornik narodnyh yuridicheskikh obyčajev* [Collection of popular legal customs]. T. 2. Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. S.-PB., 1900. T. 18. 440 p. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022a – Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A. (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2022b – Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V. (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2023a – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- Plotskaya et al., 2023b – Plotskaya, O.A., Osmonaliev, N.J., Lotorev, E.N., Shiryova, I.V. (2023). Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1612-1620.
- Plotskaya, 2013 – Plotskaya, O.A. (2013). Regulirovanie obychno-pravovymi normami pravovogo statusa zhenshchin v brake u komi (zyryan) v XIX – nachale XX vv. [Regulation by customary legal norms of the legal status of women in marriage in Komi (Zyryan) in the XIX – early XX centuries]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 4: 7-11. [in Russian]
- Plotskaya, 2015 – Plotskaya, O.A. (2015). Obychnoe etnicheskoe pravo permskikh narodov v epokhu globalizatsii. [The customary ethnic law of the Permian peoples in the era of globalization]. *Monografiya*. Syktyvkar, 244 p. [in Russian]
- Plotskaya, 2017 – Plotskaya, O.A. (2017). Osobennosti regulirovaniya obychnym pravom statusa muzhchiny u permskikh narodov v XVIII – XIX vv. [Peculiarities of regulation of the status of men by customary law among the Perm peoples in the 18th – 19th centuries]. *Yuridicheskij vestnik DGU*. T. 22. 2: 19-24. [in Russian]
- Plotskaya, Ivanova, 2013 – Plotskaya, O.A., Ivanova, Zh.B. (2013). Matrimonial'nye obychno-pravovye normy u komi i drugikh severnykh promyslovykh narodov Rossii v XIX – nachale XX vv. [Matrimonial customary legal norms among the Komi and other northern fishing peoples of Russia in the XIX – early XX centuries]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 2: 39-42. [in Russian]
- PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
- Sosnina et al., 2024a – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.

[Sosnina et al., 2024b](#) – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.

[Sosnina, 2017](#) – Sosnina, M.A. (2017). Obychno-pravovye osnovy krest'yanskoj sem'i: vliyanie zakona i obychnaya na resheniya volostnykh sudov v semejno-brachnykh delakh (na materialah Arhangel'skoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.) [Customary legal foundations of the peasant family: the influence of law and custom on the decisions of volost courts in family and marriage cases (based on materials from the Arkhangelsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs*. 1: 195-218. [in Russian]

[Sosnina, 2022](#) – Sosnina, M.A. (2022). Pravovaya kul'tura severnogo krest'yanstva v otrazhenii dokumentov volostnykh sudov [The legal culture of the Northern peasantry in the reflection of the documents of the volost courts]. *Kenozerskie chteniya. – 2021. Zapovednye zemli Russkogo Severa v kontekste sotsial'no-gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh issledovanii: Sbornik materialov XVserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sost. M.N. Melyutina, S.I. Drovnina; otv.red. E.F. Shatkovskaya; FGBU «Natsional'nyi park «Kenozerskii». Arkhangel'sk, 632 p. [in Russian]

[Sosnina, 2023a](#) – Sosnina, M.A. (2023). Provintsial'naya pravovaya kul'tura severnogo krest'yanstva v kontekste realizatsii burzhuznykh reform vtoroi poloviny XIXv. v Rossii [The provincial legal culture of the Northern peasantry in the context of the implementation of bourgeois reforms of the second half of the nineteenth century in Russia]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 5: 48-59. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844 [in Russian]

[Sosnina, 2023b](#) – Sosnina, M.A. (2023). Sootnoshenie zakona i pravovogo obychnaya v deyatelnosti volostnykh sudov Rossiiskoi imperii v 1861 – 1917 gg.: na primere Arkhangel'skoj gubernii [The correlation of law and legal custom in the activities of the volost courts of the Russian Empire in 1861-1917: on the example of the Arkhangelsk province]. Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, 218p. [in Russian]

[Statistik, 1912](#) – Statistik. Krest'yanskaya sem'ya i semejnaya sobstvennost' v Arhangel'skoj gubernii [Peasant family and family property in Arkhangelsk province]. *Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1912. № 17–24. 83 p. [in Russian]

Обычно-правовой статус зятьев-приемышей в крестьянской семье на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв.

Мария Александровна Соснина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b, Наталья Ивановна Беседкина ^c, Анна Артемовна Аванесова ^d

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Северо Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования является правовой статус зятьев-приемышей в крестьянской семье в Архангельской губернии в период второй половины XIX – начала XX вв. Самобытность развития северного региона России, заключающаяся в отсутствии крепостного права и особых общинных отношениях, определила особенности обычно-правового регулирования крестьянских правоотношений. Законодательная неопределенность правового статуса членов крестьянской семьи предопределила распространение на данной территории обычаев, регулирующих данную сферу отношений. Прием зятя родителями невесты оформлялся договорами, духовными завещаниями, различными предписаниями, определявшими цель, условия приема, права и обязанности сторон. Недобросовестное исполнение обязанностей членами крестьянской семьи приводило к спорам и разногласиям, за разрешением которых стороны обращались в волостной крестьянский суд, который чаще решал подобные семейные дела, приводя стороны к мировому соглашению. На основе осмысления архивных документов, а также дореволюционных периодических материалов, обоснованы выводы о хозяйственной цели принятия зятя в семью, его обязанностях по содержанию приемных родителей, а также о наследственных правах после их смерти.

Ключевые слова: зять-приемыш, приймак, приематели, обычай, крестьянская семья, волостной суд, труд, имущество, наследство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SosninaAGTU@yandex.ru (М.А. Соснина), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), nbesedkina@fa.ru (Н.И. Беседкина), annavanesova@yandex.ru (А.А. Аванесова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1766-1775
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1766

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Uprising of Kenesara Kasimov in the Historical Discourse of the Russian Military and Researchers of the XIX – early XX centuries

Ardak K. Kapyshev ^{a, *}, Igor R. Prokhorov ^b, Anna I. Svinarchuk ^c

^a Kokshetau University named after Sh.Ualikhanov, Republic of Kazakhstan

^b National Archive of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The work is devoted to the study of the documentary heritage created by the Russian military, historians and administrators, as well as by the leader of the uprising Kenesary Kasimov during the national liberation movement in the Kazakh steppe in the 20-40s of the XIX century.

In pre-revolutionary Russian historiography, these events were regarded as the rebellion of the rebellious Sultan Kenesary Kasimov. According to archival documents, the authors trace the course of the uprising, the participation of the main actors in it, the goals and objectives that they set for themselves. The paper raises the actual problem of constructing historical discourse by the Russian administration in relation to the indigenous population of the Kazakh steppe. The deconstruction of discourse is given, that is, the understanding of the text through the destruction of myths, and the discursive analysis of texts.

The central concept of the work is discourse, that is, a set of statements that generate mental images. The authors move from the texts and the situation of the creation of these documents to the reaction and perception by other participants – the central and regional authorities, local Kazakh elites. According to the documents, the desire of the Russian administration to ideologically unite Kazakhs and Russians in the fight against the rebellion of Kenesary Kasymov is traced.

In general, the historical discourse was intended to present the events as joint actions of Russians and Kazakhs against the rebel sultan. The documentary discourse shows that the Russian administration has done everything possible, on the one hand, to legitimize its actions, on the other hand, to shift the burden of the struggle against Kenesary, including military and financial, onto the Kazakhs themselves.

Thus, armed Russian detachments are equipped with funds collected from the local population – from a kibitosh collection. In addition, Kazakh fighters are included in the armed detachments to fight Kenesary. Also, the duty of forming military detachments of Kazakhs is assigned to the sultans themselves, the rulers who became officials of the imperial administration in the Kazakh steppe and received Russian military ranks.

Keywords: discourse, the Russian Empire, Kenesary Kasymov, Border management of Siberian Kyrgyz, Border management of Orenburg Kyrgyz, Vasily Perovsky, Orenburg Governor-Genera, Kazakhs, Khiva.

1. Введение

История борьбы султана Кенесары Касымова против установления российской власти в казахской степи, возведения военных укреплений, административно-политических центров, реализации Уставов «О сибирских киргизах», «Об оренбургских киргизах» нашла отражение в многочисленных исследованиях начиная с середины XIX в. и по наши дни. Интерес к этой теме не остывает. Спектр оценок событий за прошедшие почти 200 лет оказался чрезвычайно широк:

* Corresponding author

E-mail addresses: ardak.kapyshev@mail.ru (A.K. Kapyshev), prokhorov1974@mail.ru (I.R. Prokhorov)

от реакционного феодально-монархического движения, бунта, грабежа, предательства и неблагодарности до национально-освободительной борьбы.

Между тем вся научная литература, отражающая столь обширный спектр мнений, во многом основана на одних и тех же письменных источниках XIX в. Поэтому осмысление исторических источников, целей их создания и условий, при которых они были созданы, нуждается, на наш взгляд, в более глубоком изучении с применением различных методов. К тому же некоторые ценные архивные материалы по этой теме еще не полностью введены в научный оборот. Исходя из этого авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд теоретических наработок, материалов и источников XIX – начала XX вв.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены письма Кенесары российским военным и гражданским администраторам с разъяснением требований восставших. Кроме того, использованы донесения российских разведчиков и руководителей военных отрядов, сражавшихся с Кенесары, а также публикации XIX, начала XX вв., посвященные осмыслению произошедших событий местным казахским населением и российским обществом. Малоисследованные документы по истории противодействия российской администрации планам Кенесары Касымова выявлены авторами этой статьи в Государственном архиве Оренбургской области Российской Федерации (Оренбург, Российская Федерация). Так, в фонде 6 «Канцелярия генерал-губернатора» имеются малоизвестные сведения о военных столкновениях восставших с российской администрацией. Кроме того, в фонде «Оренбургская пограничная комиссия» представлено малоизвестное обращение руководителя этой комиссии, генерала Обручева, к казахам с призывом не поддерживать Кенесары и пояснениями, что российская администрация действует в интересах всех казахов, а казахи и русские вместе борются с мятежником (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 69).

Кроме того, в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва, Российская Федерация) ряд дел, связанных с Казахстаном, до сих пор не был выявлен историками. Эти документы позволяют, к примеру, лучше понять цели и задачи, поставленные перед восставшими Кенесары Касымовым. В частности, в фонде 405 (Оп. 6. Д. 1569) отложились письма Кенесары российским военным, в которых он выдвигает свои условия мира.

Редкие и малоизученные документы по истории восстания и об оценках, которые давали ему современники событий, авторы этой статьи выявили в Государственном архиве города Астаны (Астана, Республика Казахстан), а также в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).

2.2. В работе использованы теоретические наработки по историческому дискурсу и его деконструкции. Методологию деконструкции исторического дискурса разрабатывали Е.М. Мусаева, А.В. Лубский, Д. Тош, Р. Барт, А.П. Миньяр-Белоручева, Н.Д. Арутюнова, Р.Д. Коллинвуд (Мусаева, 1997; Лубский, 2014; Тош, 2000; Барт, 2003; Миньяр-Белоручева, 2015; Арутюнова, 1998; Коллинвуд, 1980). В статье использовали методы дискурс-анализа и деконструкции.

В результате деконструкции удалось установить, что в нарративном историческом дискурсе российской администрации создавались ментальные конструкции, предназначенные для формирования определенных общественных установок среди казахов и русских. Среди них – ментальная конструкция об общей судьбе казахского и русского народов, о получении казахами выгод от вхождения в Российскую империю, о необходимости совместной борьбы русских и казахов с мятежным султаном, управляемым враждебными казахам государствами – Хивой и Кокандом.

Документы российской военной и гражданской администрации в казахской степи имели не только узкопрактическое предназначение как средство передачи информации и разного рода распоряжений, но и конструировали общественные установки, подталкивали исследователей к определенным выводам и оценкам произошедших событий. То есть служили для оправдания политики, проводимой российской администрацией в казахской степи. Документальный дискурс реализуется с помощью убеждающей коммуникации посредством приведения рациональных доводов, подкрепленных ссылками на свидетельства очевидцев, мнения действующих лиц, в том числе влиятельных казахских родоправителей и султанов, а также путем использования выразительно-образных приемов (метафор, фразеологизмов, идиом). Вместе с тем деконструкция дискурса позволяет установить, что зачастую общественные установки, конструируемые документами, и реальные действия администрации в ряде случаев расходились. К примеру, мирные переговоры и уступки, периодически иницилируемые Оренбургской и Сибирской пограничными администрациями, не исключали полного подчинения Кенесары воле правительства, лишения его всякого рода самостоятельного политического значения, а в случае неповиновения – устранения. Для достижения своих целей создатели документов нередко использовали образные устойчивые выражения и приемы речи, которые усиливали эмоциональное звучание текстов. Аналогичным образом поступает Кенесары в своих обращениях. Таким образом, документальный дискурс был призван обеспечить победу в информационном противостоянии.

3. Обсуждение

Широкомасштабное восстание Кенесары Касымова нашло отражение в многочисленных исследованиях российских военных и гражданских специалистов, многие из которых были свидетелями тех событий или общались с их очевидцами. Среди них – Михаил Венюков, Алексей Макшеев, 1869, Михаил Терентьев, Лев Мейер, Сергей Зыков, Иван Крафт, Александр Гейнс (Венюков, 1872; Макшеев, 1869; Терентьев, 1906; Мейер, 1865; Зыков, 1862; Крафт, 1898; Гейнс, 1897).

Все перечисленные исследователи не указывали социально-экономических причин восстания, называя событие бунтом. Большинство историков во главу угла ставили особенности личности Кенесары, приписывая ему непомерные амбиции и тщеславие. Эти доводы исследователи транслировали своим читателям.

Одни из первых собраний сведений и фактических данных о восстании принадлежат историку Николаю Середу, оренбургскому чиновнику, коренному оренбуржцу, много лет прослужившему главой городского самоуправления. Он описывал факты, отстоявшие от него примерно на два десятилетия. Живя в Оренбурге и находясь на государственной службе, исследователь имел доступ ко всем документам, относящимся к описываемым событиям.

Работа Н.А. Середы «Бунт киргизского султана Кенесары Касымова» была опубликована в трех номерах российского журнала «Вестник Европы» в 1870 и 1871 годах (Середу, 1870).

Середу считает, что главной причиной восстания казахов против русской власти была Хива, то есть на первый план выносит внешний фактор, а не внутренние социально-экономические причины (Середу, 1870: 541).

Он убеждает своего читателя, что все зачинщики беспорядков в степи, преследуемые войсками, всегда находили себе там безопасное убежище и радушный прием. Правда, за такое покровительство хивинский владыка посылал своих агентов для сбора с казахов податей, обогащаясь таким образом за счет России. Присваивая себе власть над кочующими близ хивинских пределов подвластными России казаками, хивинцы силою и грабежами вынуждали у них подати (зякет), а эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь с торговыми караванами, под видом мулл возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучали их не только на грабеж караванов, но и в нападениях на пограничную линию для захвата пленников и продажи их на хивинском рынке в тяжкое рабство (Середу, 1870: 542).

Середу, несомненно, опирался на сохранившиеся в архивах записки российских военных.

Вот, к примеру, после нападения Кенесары Касымова на Акмолинское укрепление российские военные сделали вывод и письменно представили его руководству: причиной восстания стали действия правителей Коканда и Хивы. Последние не только снабдили Кенесары порохом и свинцом, но и прислали своих эмиссаров для сбора ясака. Тем самым они заявили претензии на подчинение себе казахов Среднего жуза, кочевавших в Улытау (РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569. Л. 46).

Впрочем, Середу называет причины, которые российские военные не указывали: распри родов джегалбай (жагалбайлы, – авт.), кипчак, япас или джапас (жаппас, – авт.) и дюрт-кара (торткара, – авт.). Между ними происходили схватки и угон скота (баранта); отмежевание в 1835 году для казачьих поселений Новой оренбургской линии земель, из числа принадлежащих казахам; сбор с казахов подати в размере 1 р. 50 коп. серебром с кибитки в 1836 г. (Середу, 1870: 543).

Как отмечает Середу, главный руководитель восставших, Каип Галиев, бежал в Хиву. Но прежде, чем он успел сойти со сцены, в рядах восставших появляются новые предводители – султаны сибирского ведомства – Касым и Кенесары (Середу, 1870: 501).

Середу отмечает, что хитрый и умный политик, Кенесары поступает с оренбургской администрацией сообразно обстоятельствам: то наводит ужас и страх по обе линии поселений и на аулы мирных казахов, то как будто смиряется и желает прощения, когда лишается поддержки в хивинском хане. Так, в 1840 году гибель главного сподвижника и отца Кенесары, султана Касыма Аблаева, заставила его бежать в Хиву, и на некоторое время степь успокоилась (Середу, 1870: 551).

Эстафету изучения восстания Касымовых после Середы подхватил российский историк и чиновник Николай Аристов, участник комиссии по составлению Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.

Он доказывает, что султан Касым и его сыновья стояли во главе партии, сопротивлявшейся устройству в степи русских укреплений. Сибирские отряды три раза громили аулы детей Касима и вынудили их откочевать от Кокчетая к реке Чу и в Каратау с 40 тыс. кибиток родов алтай, тока, кирей, уак (Аристов, 2001: 481).

Российский историк и этнограф Павел Небольсин объясняет причины восстания следующим образом: «время от времени в степи появлялись беспокойные батыры, которые, не довольствуясь скромною долею ограниченного молодечества, задумывали составить себе известность подвигами, основанными на самых широких размерах грабежа и хищничества. Особой известностью пользовались Джоломан в двадцатых годах XIX века, в тридцатом году – старшина Исатай Тайманов, бий Есет Котибаров в сорок седьмом году. Ни один порядочный киргиз [казак] не смотрел на этих людей иначе, как на бешенных хищников. Даже известнейшей из искателей приключений, султан Кенесары Касимов, который, при других обстоятельствах, при другом направлении своих

замечательных, блестящих способностей и дарований, мог бы сделаться героем не одного полезного отечеству подвига — и тот одиноко окончил свое нерадостное поприще, самым несчастным образом: его загнали в глушь, лишили влияния на народ и покрыли совершенным бесславием» (Небольсин, 1854: 301).

Исследователь Николай Балкашин, говоря о причинах восстания, утверждает, что оно связано с неполучением Кенесары российского чиновничьего звания «старший султан внешнего окружного приказа» и русского военного чина «майор». Он пропагандирует идею о том, что «когда старшее султанство не получено было Касымом Аблайхановым, то сыновья его Саржан, Кенесары и другие, подобрав недовольных султанов и родовичей, открыто взбунтовались против русской власти... Кенесары десять лет волновал Среднюю и Малую Орды, пытался силой уничтожить степные приказы [местные административные органы российской власти], понуждал киргизов [казахов] откочевывать от Оренбургской и Сибирской казачьих линий к туркестанским странам; сносился с Бухарой и Хивой; получил высочайшее прощение по ходатайству начальника Оренбургского края графа Перовского, предлагал идти вместе войной против Западно-Сибирского губернатора князя Горчакова. А когда в глубине степей на Иргизе, Тургае, Улытау и Актау возвели укрепления и оренбургские отряды при генерале Обручеве начали преследовать его одновременно с западно-сибирскими отрядами, то он напал на каракиргизов, намереваясь захватить их горные кочевья для киргизов Средней и Малой орды» (Балкашин, 1887: 22-23).

Такова канва событий восстания в изложении российских историков XIX – начала XX вв. Для них Кенесары — мятежник, не обделенный, однако, талантами и харизмой, который может склонить на свою сторону соотечественников. И если большинство историков стараются не указывать причин национально-освободительного движения, то Середа все-таки объективно отмечает одну из них — отмежевание земель в пользу казаков. Однако и для него главная причина восстания — негативное влияние на казахов хивинского государства.

Теперь обратимся непосредственно к источникам, созданным современниками и участниками событий, связанных с восстанием Кенесары. Вот, к примеру, «Дело о формировании отряда под начальством Лебедева для рассеяния скопищ султана Кенесарова, 1844 г.» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 1). В нем — предписание Оренбургского военного губернатора: «Командир Отдельного оренбургского корпуса 14 марта 1844 года дал мне знать, что по Высочайшей воле, сообщённой ему в предписании военного министра от 9 марта за № 2332, разрешается формирование отряда для действий против мятежного султана Кенесары Касымова, и что государь император, вместе с тем, разрешить соизволил исчисленные примерно на снаряжение этой экспедиции 14 тыс. 40 руб. серебром отнести на кибиточный сбор с киргизов» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 1).

Оренбургский военный губернатор пишет: «Наем потребных для поднятия тяжестей отряда 300 верблюдов с седлами, и к ним 4-х возчиков возложить на попечение султанов правителей, назначая за каждого верблюда по 5 руб. серебром в месяц. Сверх этого, озаботиться приисканием 4-х надежных возчиков, коим бы преимущественно были известны места между Тургаем и границей сибирских киргиз» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 2).

Для того чтобы добиться эффекта неожиданного нападения, исправляющему должность правителя Восточной части Орды султану Ахмеду Джантюрину предписывалось «о цели похода никому не объявлять и распусть слух между киргизами, что поход организуется для других целей, а не для действий против Кенесары» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 9-9об.).

Такое же указание от Оренбургской пограничной комиссии поступило исправляющему должность правителя Средней части Орды Араслану Джантюрину и правителю Западной части Орды, полковнику, султану Баймухаммеду Айчувакову (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 11об.).

При изучении документов создается впечатление, что российские власти прилагали серьезные усилия для победы не только в настоящих сражениях, но и в информационной войне. Причем тон задавали самые верхи российской власти в Петербурге.

К примеру, Оренбургский военный губернатор передал в Пограничную комиссию высочайше утвержденную инструкцию для руководства главному начальнику отрядов, назначенных для действий в 1844 году против султана Кенесары Касымова. Во втором ее пункте записано: «стараться всех кайсаков, которые не столь упорно преданы мятежному султану Кенесары, и более были увлечены силою вещей и обстоятельств, привести кроткими мерами к долгу повиновения законному правительству. Им, между прочим, сделаны будут от начальств оренбургского и сибирского надлежащие объяснения с целью привести их в должное послушание и тем отвратить неприятные последствия, могущие для них произойти от дальнейшего упорства в неповиновении» (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 68).

По содержанию этого пункта Оренбургской военный губернатор Владимир Обручев создал специальное письменное обращение к казахам (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 68об.).

Кроме того, Обручев направил в Пограничную комиссию 600 экземпляров этого воззвания к казахам и просил передать по 200 экземпляров каждому султану-правителю для распространения среди подвластных им родов. Обручев также просил Пограничную комиссию сообщать об успехах (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 11. Л. 71об.).

К примеру, чиновник особых поручений и губернский секретарь Сотников сообщал начальнику пограничного управления Сибирских киргиз Вишневному о результатах военных столкновений с Кенесары на озере Кургальджино 24 февраля 1844 года. Он писал, что казах баганалинской волости Наурызбай Чойтасов, возвратясь из отделения ибеске, ведения Бабыра Бокончина, заявил Сотникову, что Кенесары прислал Бабыру на имя Сотникова письмо и в подарок лошадь, что в нем написано, ему неизвестно. Впоследствии выяснилось, что это был ответ на послание Сотникова Кенесары от 18 декабря 1843 года. В нем Кенесары предлагалось покориться правительству, прекратить грабежи и в залог искренности возвратить отогнанные у Чингиза Валиева 500 лошадей. Цель этого письма, как сообщает Сотников, была в том, чтобы убедить Кенесары в возможности нового примирения с русским правительством и усыпить его бдительность (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 233).

Губернский секретарь использовал переговоры с предводителем восстания только лишь для того, чтобы лучше подготовить военный отряд к зимнему походу, собрать верных казахов и лошадей. Делалось это потому, что «строевые лошади казаков были изнурены из-за недостатка кормов на Кургальджино» (Национально-освободительная..., 1996).

Сотников приказал заседателю приказа Добровольскому собрать для казаков лошадей и до 200 вооруженных казахов с тех волостей, родоначальники которых обязались выставить их для отряда по первому требованию. Из сведений, собранных близ Кургальджино от казахов, преданных русскому правительству, губернский секретарь заключил, что большая часть местного населения, некоторая от страха, другая из приверженности к Кенесары, начинает колебаться. И только одно присутствие Кургальджинского военного отряда удерживает многих от совершенного отложения от русских и присоединения к восставшим (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 234).

Видя такую ситуацию, Сотников схитрил. Он объявил старейшинам, что прибыл к отряду для прекращения на время военных действий, и что ему будто бы поручено войти в переговоры с Кенесары. Якобы цель была только в том, чтобы собрать людей и лошадей для отряда, который должен будет выступить к Кургальджино не иначе как с началом весны, и то только в том случае, если переговоры с Кенесары не окончатся совершенным его прощением. Однако не все простые казахи, родовые правители и султаны были готовы сражаться с повстанцами.

«К крайнему сожалению моему, вместо 200 человек верных казахов Акмолинский приказ прислал только 48 человек, которые вместе с 6 кокчетавскими казаками, составили 54 человека. Это беспечность Акмолинского приказа была главнейшей причиной некоторых неудач в совершенном мною походе...», — сокрушался впоследствии губернский секретарь Сотников (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 235).

Однако его хитрость имела успех. Сотникову удалось сначала разбить аул кенесаринских тюленгутов, состоящий из 30-40 кибиток. Для этого он послал им на встречу колонну из 25 казаков, прикрыв их с фронта верными правительству вооруженными казаками. Тюленгуты выехали навстречу, полагая, что это отряд Кенесары, и были разгромлены. Этой участи подверглись еще три аула приверженцев Кенесары. Сотников писал: «Если бы Акмолинский приказ доставил требуемое мною количество казахов к отряду, то захватив табуны Кенесары, на свежих лошадях я смог бы разбить всех его приверженцев, аулы которых были расположены по рекам Джезды-Кенгир, Буланты, Белеуты и по западную сторону Кичитау, и пройти еще своевременно на Улытау... Если совершенный мной поход принес небольшую пользу, то все затем неудачи и упущения, критическое положение отряда и незначительность захваченной мною добычи произошли от бездействия Акмолинского приказа» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1290. Л. 245).

После разгрома аулов на Кургальджино Кенесары пришлось откочевать в оренбургские степи, где он попытался найти понимание председателя Оренбургской пограничной комиссии Михаила Ладьженского. Султан направил ему послание, в котором объяснял свои действия несправедливостью и жестокостью руководства Сибирской пограничной линии. Он напоминал, что в 1839 году в Оренбурге генерал-губернатор Василий Перовский и начальник Оренбургской пограничной комиссии генерал Григорий Генс объявили ему всемирноизвестный манифест государя императора о прощении. «Вполне поверив такой милости, мы остановили стрельбу и действия саблями и спокойно пребывали в пространных владениях Его величества», — указывал руководитель восстания (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 9).

В этом письме Кенесары укоряет в коварстве сначала султанов-правителей Орды Оренбургского ведомства, затем губернского секретаря Сотникова. Он пишет: «25 числа прошедшего шагбана [марта] султаны-правители Баймухаммед Араслан и Ахмед с 3-х сторон делали на нас нападение, но не смогли взять и ушли. Мы этим не оскорбились, не рубили саблями и не стреляли в них, дабы не прогневать царя» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 9об.).

Далее султан сообщает, что 21 наурыза во время отлучки его на охоту была ограблена часть его аулов, убито несколько человек и уведена султанша Кунимджан отрядом Сотникова при старшине алтаева отделения Аккушкар — Судалие Худайбендине и султанине Кунгуре Кулчине. С намерением принести об этом жалобу оренбургскому начальству, пишет Кенесары, он прикочевал на Иргиз, но майор Лебедев с султаном-правителем Ахмедом ограбили находившегося при нем батыра

Байкадама. После чего осталось предположить, что «милость надобно ждать от одного бога, а от русских начальников ее не дождешься» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 11).

Кенесары пишет: на «прежнее оренбургское начальство потерял надежду, но услышав о прибытии вашем [Ладыженского] в Оренбург, решился обратиться к Вам с просьбой. От бывшего до Вас начальства я не видал милости, а от Вашего превосходительства ее ожидаю. Если бы Вы, доведя эту просьбу до нашего государя императора, исходатайствовали свободу нашим людям, то было бы спасение Вашей душе за утертые слезы русских и киргизов. Ежели бы Вы это сделали, то я готов исполнить всякое предложение Ваше» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 110б.).

На этом Кенесары не оставил попыток донести свою позицию до российского руководства. В письме председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу от 7 июня 1841 года он подробно написал о притеснениях и обидах, причиненных казахам казачьими отрядами сибирской линии. Кенесары также указывает, что по примеру предков хана Аблая, принявшего присягу на верноподданство великого государя императора, он расположился кочевать на Есиль-Нуре «уповая на бога и не беспокоясь ни о чем, кроме, как только о спокойствии народа, но вдруг грянул на нас гром следующим образом. В 1825 году назначенный в Каркаралинском приказе заседателем султан Амантай Букеев, питая на нас какую-то злобу и без всякой причины наговорил на нас начальнику того приказа Ивану Семеновичу Карбышеву» (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 8. Л. 1-2).

Карбышев выехал к аулам Кенесары с 300 русскими и 100 казаками, с проводником каракесецкого рода Ябалыком, разбил аулы султана Саржана Касымова с казаками отделений алтай, токы и награбил бесчисленное множество скота и имущества. Он убил 64 человека, остальные же спаслись бегством. «В 1827 году команда из 200 человек, выступившая из Кокчетава под командой Мингряву Метора [так в тексте], разбила аулы отделений Аликен и Чубудь, убила 68 человек, награбила бесчисленное имущество. Это происходило на реке Терис-Аккан. В 1830 году, выступившая из Кара-Уткуля [Акмолы] команда в числе 100 человек под предводительством одного сотника и 600 казахов с султаном Конуркульджой Худаймендиным заманив к себе обманом людей вышеуказанных отделений убила 120 человек, а остальные спасались бегством» (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 8. Л. 3).

Чтобы лучше понять причины восстания Кенесары Касымова, охватившего всю территорию Среднего жуза, на наш взгляд, важно обратиться к письму Кенесары Касымова войсковому старшине Симонову в крепость Актау, отправленному в 1838 г.: «Почтеннейший майор! Извещаю вас, что причина отложения киргиз и ныне существующие военные действия происходят от построения Актауского укрепления; если со мной Хотите быть в мире, то воротитесь обратно и снимите укрепление, мы также находимся в руках Государя, вражды с вами не имеем...» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569. Л. 4).

Далее Кенесары пишет: «не найдя никакого правосудия, прикочевал к Оренбургской линии чтобы искать у великого государя покровительства, приют и убежище и довести до сведения Оренбургского начальства о всех бедствиях, которые претерпел» (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 8. Л. 10).

Однако вскоре Ладыженскому поступили сведения о нападении Кенесары на отряд полковника Дуниковского, который сам готовил нападение на Кенесары, у истоков реки Улкояк (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4371. Л. 5).

Таким образом, документы подтверждают, что и руководство области Оренбургских киргизов, Оренбургской пограничной комиссии не верило в возможность примирения с Кенесары, тайно отправляло вооруженные отряды для его разгрома.

В сентябре 1844 года Ладыженский отправил Кенесары послание. Это достаточно любопытный образец эпистолярного жанра, стиль которого свидетельствует, что создан он не столько для предводителя восставших, сколько для использования в пропагандистских целях.

Чтобы понять предназначение этой переписки, приведем отрывок из него. «Целый округ, дотоле богатый, обнищал, скитаясь по местам бесплодным. Много погибло людей, много утратилось достоинства Ваших соплеменников. Наконец восчувствовав гибель, которую Вы изготовили им, они обратились к своему долгу, а Вы, не находя более средств продолжать там беспорядки, преследуемые по пятам со всех сторон отрядами, обратились в орду Оренбургского ведомства с прошением к бывшему оренбургскому военному губернатору, изъясняя свое раскаяние о содеянном, искали спасения в беспредельной благодати нашего августейшего государя. Достоянейший наместник его в этом крае военный губернатор генерал Перовский, приняв раскаяние ваше за искреннее, решился ходатайствовать всемилостивейшего Вам прощения и государь император снизошел на вашу мольбу. Прощение последовала и объявлено Вам было письмом бывшего военного губернатора 26 мая 1841 года...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347. Л. 26).

Оренбургское начальство продолжает делать вид, что примирение все-таки возможно. В этой связи в 1845 году увидел свет любопытный документ «Отношение Оренбургской пограничной комиссии Кенесары Касымову о круге прав и обязанностей султанов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4379. Л. 315-321).

В нем говорится, что казахи, кроме платежа в казну кибиточного сбора в размере 1 руб.50 коп. серебром в год, избавляются по законам русским от всех посторонних налогов, а потому и сбор зякета

султанами не может быть производим. Поэтому деньги, которые Кенесары собирает с подвластных ему казахов, должны быть переданы пограничному начальству (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4379. Л. 316).

Однако Кенесары продолжал собирать зякет. В этой связи оренбургскому начальству стало известно о выступлении рода жаппас против сбора этого налога кенесаринцами.

Как свидетельствуют записи в архиве, «султан Мухаммед Галиев и бий жаппасского рода карагузеева отделения Джангабыл Тюлегенев, прибыв в свои аулы на реке Тургае в урочище Суджарган-Алкау узнали, что брат Кенесары Наурызбай с вооруженными сторонниками приехал к жаппасцам. Наурызбай взыскал с них зякет и учинил разные большие насильственные поборы с них вещами и скотом, касаясь даже до женщин и девиц, остался у жаппасцев и продолжил насилия. Поэтому бий Джангабыл принял меры к истреблению кенесаринцев. Большая часть отряда кенесаринцев была убита, но Наурызбаю с частью сторонников удалось бежать» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2328. Л. 66).

Естественно, такие донесения соответствовали целям оренбургской администрации и подтверждали дискурс российских военных о совместной борьбе казахов и русских против предателя и мятежника Кенесары.

Затем из донесения разведчиков султана-правителя Восточной части оренбургской орды Ахмеда Джантюрина Пограничной комиссии в марте 1845 г. стало известно, что Кенесары осенью 1844 г. посылал к хивинскому хану с подарками нескольких человек. Посланцев этих хивинское начальство приняло ласково и дало позволение на просьбу Кенесары кочевать свободно на землях хивинских за рекой Сырдарьей, а в знак совершенного своего согласия прислало к нему доверенное лицо по имени Базарбай (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2328. Л. 67).

Такие события подтверждали доводы российских военных о том, что причиной восстания Кенесары была Хива, а ее правители стремятся подчинить казахов своей власти (История Казахстана..., 2013: 61).

Эти сообщения показали также российской администрации, что Кенесары ищет пути отступления в Хиву, то есть число его сторонников сокращается, а политика военного давления на повстанцев имеет успех. Вскоре после получения этих данных последовало секретное предписание оренбургского военного губернатора председателю оренбургской пограничной комиссии о строительстве укреплений на реках Ирғиз и Тургай (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 8-15).

В нем говорилось, что «было бы неосторожно вполне доверять искренности честолюбивого кирзиза [Кенесары], который неоднократно изменял своему слову, и потому его императорское величество признать соизволил необходимым снабдить меня [оренбургского военного губернатора] наставлениями относительно системы действий, как для упрочения спокойствия в степи, если Кенесара изыявит покорность, так и для строгого его наказания, если он отвергнет предложенное прощение» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 10).

Красной нитью в этом документе проходит мысль о необходимости привлекать казахов кочевать сколь возможно ближе к новым укреплениям, обнадеживая, что они, «находясь под верной защитой войск его императорского величества, смогут свободно кочевать и сверх того иметь средства сбывать через эти пункты свои избытки и приобретать все необходимое. Также планировалось пригласить кочевать постоянно близ этих укреплений родоначальников, которые и прежде кочевали около тех мест» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2331. Л. 12).

Кроме того, российские разведчики сообщили: между казахами идут толки, что Кенесары просил разрешения хивинского хана кочевать за Сырдарьей, но едва ли он когда-нибудь перекочет с обширного на малое пространство, где он при малейшем покушении может оставить и жизнь свою. А, с другой стороны, оренбургские казахи все-таки верят, что при крайней необходимости Кенесары перейдет за Сырдарью, только с большим уменьшением числа табунов лошадей и сожалением оставить свое батырство (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2328. Л. 67).

Пограничный начальник сибирских киргизов [казахов], генерал-майор Вишнеvский сообщил командиру отдельного сибирского корпуса, князю Горчакову 2-му в феврале 1845 года о намерении Кенесары с открытием весны вступить в бой с киргизами [в этом случае название народа правильное, — авторы]. В этой связи Вишнеvский сообщает, что написал главным биям Буранбаю и Качике Пирнасарову, чтобы они «не допустили Кенесару себе во вред, а напротив, если будет возможность, то уничтожили самого его с аулами, и чтобы они уведомили по этому поводу есаула Ньюхалова, который окажет им содействие силами военного отряда».

Вследствие этого к Ньюхалову был прислан от киргизских манапов посол Тагиров (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2).

Есаул Ньюхалов действительно помог манапам одолеть Кенесары, направив свой отряд в Старший жуз с тем, чтобы не допустить бывших там сторонников султана примкнуть к нему (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2).

Известие о гибели Кенесары было получено Оренбургской пограничной комиссией от верных правительству султанов Старшего жуза (ГАГА. Ф. 430. Оп. 2. Д. 12. Л. 1-2).

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Тезис о том, что борьба с Кенесары и его разгром выгодны, в первую очередь, самим казахам, в дискурсе российских военных и администраторов приобретает первостепенное значение.
2. В документах российских военных и гражданских администраторов особо подчеркивается мирный характер российской власти в степи, направленность ее деятельности на обеспечение интересов казахов, при этом Кенесары представляется отдельным бунтовщиком, связанным с происками враждебных казахам и России государств – Коканда и Хивы.
3. Вследствие несогласованности между администрациями Омска и Оренбурга восстание Кенесары оказалось продолжительным и массовым.
4. Ведя миролюбивую переписку с Кенесары, русские чиновники прекрасно понимали, что никакого мира с Кенесары не будет, дело идет только к нанесению ему военного поражения.
5. В дискурсе военных прослеживается стремление показать агрессивные действия Кенесары против своего народа причиной для перехода казахов на сторону российского правительства.
6. В документах наблюдается склонность представить руководителя восстания врагом поверивших ему казахов, виновником разгрома их аулов, а русских военных – спасителями казахов.
7. Власти активно использовали в информационном противоборстве сведения о нападениях Кенесары на соплеменников, распространяли среди казахов не только информационные листы, но и рассказы их пострадавших соплеменников о зверствах мятежного султана.
8. Кенесары не только жаловался Сибирской и Оренбургской администрациям на бесчинства казаков, но и посредством переписки с ними пропагандировал свою активную политическую и военную позицию по противодействию установлению российской военной власти в казахской степи.
9. В документальном дискурсе российские власти стараются представить себя защитниками мирных казахов, отделить от восставших сочувствующих России, обещая прощение тем, кто раскается, и, грозя строгим наказанием, упорно сопротивляющимся.
10. Российская администрация отчетливо осознавала (и эта установка проскальзывает в документах), что мира с Кенесары не будет, а борьба будет вестись до его полного уничтожения. Зачастую переговоры о мире с ним были всего лишь военной хитростью.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН АР14871057 «Региональные особенности межэтнических отношений в Северном Казахстане» по программе грантового финансирования Комитет науки МНВО РК (2022–2024 гг.).

Литература

- Аристов, 2001** – Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 582 с.
- Арутюнова, 1998** – Арутюнова Н.Д. Дискурс. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Балкашин, 1887** – Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. С-Петербург. Типография Министерства внутренних дел. 1887. 59 с.
- Барт, 2003** – Барт Р. Дискурс истории / Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- Венюков, 1872** – Венюков М. Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их // *Военный сборник*. 1872. № 2. 144 с.
- ГАГА** – Государственный архив города Астаны.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям. Собрание литературных трудов. Т. 1. С-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
- Зыков, 1862** – Зыков С. Очерк утверждения русского могущества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 годы. // *Морской сборник*. № 6. 1862.
- История Казахстана..., 2013** – История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 3. Караганда: ПК «Экожан», 2013. 496 с.
- Крафт, 1898** – Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург. Типо-литография Н.Н. Жаринова. 1898. 214 с.
- Коллинвуд, 1980** – Коллинвуд Р.Д. Идея истории. Москва: Наука, 1980. 485 с.
- Лубский, 2014** – Лубский А.В. Дискурс исторический / Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Макшеев, 1869** – Макшеев А.М. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1869. 257 с.
- Миньяр-Белоручева, 2015** – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»*. 2015. Т. 2. № 2. С. 8-16.

Мейер, 1865 – *Мейер Л.Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 382 с.

Мусаева, 1997 – *Мусаева Е.М.* Когнитивный анализ способов метафорического представления концепта в историческом нарративном дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1997. 32 с.

Национально-освободительная..., 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под руководством Кенесары Касымова: сб. док. Алматы: Гылым, 1996. 512 с.

Небольсин, 1854 – *Небольсин П.* Рассказы проезжего. Санкт-Петербург: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 345 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Середа, 1870 – *Середа Н.А.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова. Ч. 1 (1838-1847) // *Вестник Европы*. Том IV. Санкт-Петербург. 1870 г. 156 с.

Терентьев, 1906 – *Терентьев А.М.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. 512 с.

Тош, 2000 – *Тош Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. 293 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Aristov, 2001 – *Aristov, N.A.* (2001). Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy. Ocherki istorii i byta naselenija zapadnogo Tjan'-Shanja i issledovanija po ego istoricheskoj geografii [Usuni and Kyrgyz or kara-Kyrgyz. The history of Western civilization and its historical geography]. Bishkek: Ilim, 582 p. [in Russian]

Arutjunova, 1998 – *Arutjunova, N.D.* (1998). Diskurs [Discourse]. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 685 p. [in Russian]

Balkashin, 1887 – *Balkashin, N.N.* (1887). O kirgizah i voobshhe o podvlastnyh Rossii musul'manah [About the Kyrgyz and generally about Muslims subject to Russia]. S. – Peterburg. Tipografija Ministerstva vnutrennih del, 59 p. [in Russian].

Bart, 2003 – *Bart, R.* (2003). Diskurs istorii. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The fashion system. Articles on the semiotics of culture]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 512 p. [in Russian].

CGA RK – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

GAGA – Gosudarstvennyj arhiv goroda Astany [The State Archive of Astana city].

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The State Archive of the Orenburg region].

Gejns 1897 – *Gejns, A.K.* (1897). Dnevnik 1865 goda. Puteshestvie po Kirgizskim stepjam. Sobranie literaturnyh trudov [The diary of 1865. A journey through the Kyrgyz steppes. Collection of literary works]. T. 1. S-Peterburg, Tipografija M.M. Stasjulevicha, 589 p. [in Russian].

Istorija Kazahstana..., 2013 – *Istorija Kazahstana v dokumentah i materialah: Al'manah* [The history of Kazakhstan in documents and materials: Almanac]. Karaganda: PK «Ekozhan», 2013. 496 p. [in Russian]

Kollinvud, 1980 – *Kollingvud, R.D.* (1980). Ideja istorii [The idea of the story]. Moskva: Nauka, 485 p. [in Russian]

Kraft, 1898 – *Kraft, I.I.* (1898). Sudebnaja chast' v Turkestanskom krae i stepnyh oblastjah [The judicial part' in the Turkestan region and steppe regions]. Orenburg. Tipo-litografija N.N. Zharinova, 214 p. [in Russian]

Lubskij, 2014 – *Lubskij, A.V.* (2014). Diskurs istoricheskij [Historical discourse]. Teorija i metodologija istoricheskoj nauki: terminol. slovar'. M.: Akvilon, 576 p. [in Russian]

Maksheev, 1869 – *Maksheev, A.M.* (1869). Puteshestvija po kirgizskim stepjam i Turkestanskomu kraju [Travels through the Kyrgyz steppes and the Turkestan region]. SPb., 257 p. [in Russian]

Mejer, 1865 – *Mejer, L.L.* (1865). Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva [Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. SPb., 382 p. [in Russian]

Min'jar-Beloručeva, 2015 – *Min'jar-Beloručeva, A.P.* (2015). Tipologija istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Elektronnyj zhurnal «Yazyk i tekst langpsy.ru»*. T. 2. 2: 8-16. [in Russian]

Musaeva, 1997 – *Musaeva, E.M.* (1997). Kognitivnyj analiz sposobov metaforicheskogo predstavlenija koncepta v istoricheskom narrativnom diskurse (na materiale anglijskogoazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 [Cognitive analysis of the methods of metaphorical representation of the concept in historical narrative discourse (on materials of English language): dis. ... cand. philol. science: 10.02.04]. SPb., 32 p. [in Russian]

Natsional'no-osvoboditel'naja..., 1996 – *Natsional'no-osvoboditel'naja bor'ba kazahskogo naroda pod rukovodstvom Kenesary Kasymova* (1996). [The national liberation struggle of the Kazakh people under the leadership of Kenesara Kasimov]. Almaty: Gylym, 512 p. [in Russian]

Nebol'sin, 1854 – *Nebol'sin, P.* (1854). Rasskazy proezzhego [Stories of a passer-by]. Sankt-Peterburg: Tip. Shtaba voen.-ucheb. zavedenij, 345 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [The Russian State Historical Archive].

Sereda, 1870 – *Sereda, N.A.* (1870). Bunt kirgizskogo sultana Kenisary Kasymova. Ch. 1 (1838-1847) [The rebellion of the Kyrgyz Sultan Kenesara Kasimov. Ch. 1 (1838-1847)]. *Vestnik Европы*. Том IV. Sankt-Peterburg. 156 p. [in Russian]

- Terent'ev, 1906 – Teren'tev, A.M. (1906). Istorija zavoevanija Srednej Azii [The history of the conquest of Central Asia]. T. 1. SPb., 512 p. [in Russian]
- Tosh, 2000 – Tosh, D. (2000). Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika [The pursuit of truth. How to master the 'skill of a historian']. M.: Ves' mir, 293 p. [in Russian]
- Venjukov, 1872 – Venjukov, M. (1872). Obshhij obzor postepennoho rasshirenija russkih predelov v Azii i sposobov oborony ih [A general overview of the gradual expansion of Russian borders in Asia and ways to defend them]. Voennyj sbornik. № 2. 144 p. [in Russian]
- Zykov, 1862 – Zykov, S. (1862). Ocherk utverzhdenija russkogo mogushhestva na Aral'skom more i reke Syr-Dar'ja s 1847 po 1862 gody [The conquest of Russia's power on the Aral Sea and the Syr-Darya River from 1847 to 1862]. Morskoy sbornik. № 6. 562 p. [in Russian]

Восстание Кенесары Касымова в историческом дискурсе российских военных и исследователей XIX – начала XX вв.

Ардак Каиржанович Капышев ^{a,*}, Игорь Русланович Прохоров ^b, Анна Ивановна Свиначук ^c

^a Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан

^b Национальный архив Республики Казахстан, Республика Казахстан

^c Кокшетауский университет им.А. Мырзахметова, Республика Казахстан

Аннотация. Работа посвящена изучению документального наследия, созданного российскими военными, историками и администраторами, а также самим руководителем восстания Кенесары Касымовым в годы национально-освободительного движения в Казахской степи в 20-40-е годы XIX века.

В дореволюционной российской историографии эти события расценивались как бунт мятежного султана Кенесары Касымова. По архивным документам авторы прослеживают ход восстания, участие в нем главных действующих лиц, цели и задачи, которые они перед собой ставили.

В работе поднимается актуальная проблема конструирования исторического дискурса российской администрацией в отношении коренного населения казахской степи.

Дается деконструкция дискурса, то есть понимание текста посредством разрушения мифов, и дискурсивный анализ текстов. Центральным понятием работы является дискурс, то есть совокупность высказываний, порождающих ментальные образы.

Авторы двигаются от текстов и ситуации создания этих документов к реакции и восприятию другими участниками – центральной и региональной властью, местными казахскими элитами.

По документам прослеживается стремление российской администрации идейно объединить казахов и русских на борьбу с бунтом Кенесары Касымова. В целом же исторический дискурс был предназначен представить происходящие события как совместные действия русских и казахов против мятежника-султана.

Документальный дискурс свидетельствует о том, что российская администрация сделала все возможное, с одной стороны, для легитимизации своих действий, с другой – для перекладывания тяжести борьбы с Кенесары, в том числе и военной, и финансовой, на самих казахов. Так, вооруженные российские отряды снаряжаются на средства, собранные с местного населения – с кибиточного сбора. Кроме того, в вооруженные отряды для борьбы с Кенесары включаются казахские бойцы.

Также обязанность формирования военных отрядов из казахов возлагается на самих же султанов-правителей, ставших чиновниками императорской администрации в казахской степи и получивших российские воинские звания.

Ключевые слова: дискурс, Российская империя, Кенесары Касымов, Пограничное управление сибирскими киргизами, Пограничное управление оренбургскими киргизами, Василий Перовский, Оренбургский генерал-губернатор, казахи, Хива.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ardak.kapyshev@mail.ru (А.К. Капышев),
prohorov1974@mail.ru (И.Р. Прохоров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1776-1784
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1776

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Primary Education System in the Komi Region in the late 19th – early 20th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Kairat K. Atabekov ^b, Evgeny N. Lotorev ^{c,d,e}, Irina V. Shiryova ^{f,g}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Kyrgyz – Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Moscow State University of Management Technologies named after K.G. Razumovsky (PKU), Moscow, Russian Federation

^d Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH), Moscow, Russian Federation

^e Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

^f Financial University, Moscow, Russian Federation

^g MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The potential of modern Russian historical science allows us to carry out an extremely relevant study of the socio-cultural and regional specifics of the functioning of the domestic education system in the past. The development of the education system in Russia, and, in particular, the primary level in the late 19th – early 20th centuries, especially in the northern territories remote from the administrative center, was determined by active state activity in this area. Today, there is an increase in scientific interest not only among representatives of pedagogical science, but also among the historical community in the development and functioning of the pre-revolutionary education system in the northern Komi region from the 1870s to the revolutionary events of the first quarter of the 20th century. The identification and study of historical and ethnic experience accumulated in this area is of great importance, it allows us to determine not only the pre-revolutionary state policy on education in the territories of national outskirts, but also the level of literacy of the population, the peculiarities of the organization of the educational process, the material equipment of educational institutions, the composition and level of education of teaching staff, etc.

Among the types of primary schools common in the Zyryan land were ministerial, zemstvo, parochial and literacy schools.

During the period under review, zemstvo institutions made a significant contribution to the development of primary schools in Komi. The shortcomings in the implementation of primary education include the lack of a unified structure, the heterogeneity of the system of primary educational institutions, the lack of a single governing body for educational structures, different departmental subordination, and, accordingly, a different list of studied academic disciplines, as well as the duration of training.

Keywords: primary education, Zyryans, zemstvos, church parish schools, Komi region, peasants.

1. Введение

Потенциал современной российской исторической науки позволяет осуществить крайне актуальное исследование социокультурной и региональной специфики функционирования отечественной системы образования в прошлом. Развитие системы образования в России и в отдаленных от административного центра северных территориях определялось активной государственной деятельностью в этой сфере.

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya)

Сегодня наблюдается возрастание научного интереса не только у представителей педагогической науки, но и у исторической общественности к развитию и функционированию дореволюционной системы образования в северном крае начиная с 70-х годов XIX века до революционных событий первой четверти XX века. Данный факт объясним современным возрождением традиционных форм образования, забытых в советский период, особенностями подготовки педагогических кадров для обучения детей, увеличением роли учителей в составе интеллигенции. Исследование историко-этнического опыта, накопленного в этой сфере, имеет огромное значение: оно позволяет определить не только дореволюционную государственную политику по вопросам образования на территориях национальных окраин, но и выявить степень грамотности населения, детали организации учебного процесса, материальное обеспечение заведений и др.

2. Материалы и методы

Источниковая основа настоящего труда представлена ценными архивными документами и материалами, хранящимися в Национальном архиве Коми Республики (Сыктывкар, Российская Федерация).

Значимыми историко-правовыми первоисточниками для настоящего исследования являются некоторые нормативные правовые акты, издававшиеся в исследуемый период и отражавшие происходившие на государственном уровне изменения в сфере начальной ступени образования. Они задокументированы в «*Полном собрании законов Российской империи*» (далее – ПСЗ).

Важное значение для настоящего исследования имеют опубликованные примерные программы предметов, которые преподавались в начальном звене (*Примерные программы...*, 1897: 36), статистические данные, характеризующие деятельность и результаты начального образования в различных уездах (*Фальборк, Чарнолуский, 1900: 31*), и др.

В настоящей работе были привлечены опубликованные нормативные и архивные документы, раскрывающие состояние инородческих школ в рассматриваемый период (*Инородческая школа...*, 1916: 78), а также материалы периодической печати, среди которых значимое место занимают журналы «*Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера*», «*Вологодские епархиальные ведомости*».

Методологическая основа исследования представляет собой ряд взаимосвязанных подходов и принципов. В настоящей работе были использованы методы анализа, синтеза, а также историко-правовой метод. В основе также заложены общие методологические принципы объективности исследования и историзма, благодаря которым изучение состояния начального зырянского образования происходит через призму взаимодействия государства и общества. Особое внимание уделено использованию герменевтического метода, позволяющего уяснить и разъяснить смысл нормативных правовых актов, регулировавших систему начального образования в рассматриваемый период. Использование историко-генетического метода позволило последовательно проследить эволюционные изменения, происходившие в начальном образовании на территории северного зырянского края.

3. Обсуждение

Современные ученые проявляют значительный интерес к проблемам развития образования в различных российских губерниях на протяжении XIX – XX вв. (*Koroleva, 2024: 129-136; Rajović, Bratanovskii, 2023: 1643-1651; Rajović, Bratanovskii, 2024: 325-331*).

Среди дореволюционных ученых, в работах которых рассматривались некоторые вопросы образования у зырян, уровень грамотности населения, роль и значение деятельности земств в функционировании образования в Коми крае в к. XIX – н. XX вв., можно назвать Н.Н. Мамадышского (*Мамадышский, 1910*), П.И. Соколова (*Труды экспедиции...*, 1909), В.Ф. Попова (*Попов, 1911*) и др. Их исследования только частично касались вопросов образования. Попутно описывая в своих трудах состояние образования у зырян, дореволюционные авторы имели основным предметом изучения все же иные аспекты (хозяйственно-экономические), а не систему народного зырянского образования.

Значительный вклад в изучение системы образования в Коми крае, в том числе начального образования как его первой ступени, в рассматриваемый хронологический период внесли советские ученые Я.Н. Безносилов (*Безносилов, 1973*), Н.А. Михеев (*Михеев, 1955: 69-106*), В. Мосин (*Мосин, 1927: 3-18*) и др.

Выделим также современных российских ученых-историков, ведущих специалистов в области исследования истории развития народного образования, включая начальное звено у зырян: О.Е. Бондаренко (*Бондаренко, 1998*), С.В. Вайровская (*Вайровская, 1996: 42-46*), О.В. Золотарев (*Золотарев, 2015*) и др.

Однако, несмотря на существование значительного количества научных трудов и предпринятые попытки анализа ряда вопросов, касающихся исторического развития системы образования в Коми крае в дореволюционный период, обозначенная тематика нуждается в систематизации не только государственной политики, направленной на развитие народного дореволюционного образования,

но и основной концепции, раскрывающей структуру системы образования и ее особенности. Поэтому целью данного труда является воссоздание целостной картины развития системы начального образования в Коми крае в к. XIX – н. XX вв.

4. Результаты

Коми край в рассматриваемый период включал в себя три уезда: Яренский, Усть-Сысольский (Вологодская губерния) и Печорский (Архангельская губерния). Постепенное развитие на территории Коми края капиталистических отношений, потребности ведения крестьянского хозяйства, занятие отхожими промыслами, широко распространенными у коми крестьян в этот период, вовлечение зырян в общероссийские рыночные отношения, безусловно, способствовали распространению основ грамотности у местного населения. Коми крестьянам необходимы были простейшие навыки счета, чтения, письма, а также знание русского языка, что объясняет возросший интерес со стороны зырян к получению образования. Об этом свидетельствовали многочисленные письменные приговоры сходов, прошения крестьян (НА РК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 78. Л. 4-5), в которых часто ставился вопрос о необходимости создания и открытия земских школ и даже высших начальных училищ в селе (Бондаренко, 1998: 10). У сельских жителей бытовало общественное мнение, отражавшее уважительное отношение к грамотным, владеющим хотя бы простейшими навыками письма, счета и чтения людям.

В рассматриваемый период значительно изменилось отношение крестьян к получению образования. Так, по мнению В.Ф. Попова, населением Усть-Сысольского уезда «начинают чаще и чаще возбуждаться вопросы о повышенном образовании» (Попов, 1911: 260).

Основной экономически доступной для крестьян формой образования их детей являлась начальная школа. Среди существовавших типов начальной школы необходимо выделить министерские, земские, церковно-приходские школы по обучению грамоте.

Первых два названных типа начальных школ (министерские и земские) курировались Министерством народного просвещения. Синод контролировал деятельность церковно-приходских школ, а также школ грамоты. Внутри министерских школ (училищ) выделялись одноклассные (3 года обучения), а также двухклассные (5 лет обучения) (Бондаренко, 1998: 11). Как правило, при министерских училищах достаточно часто открывались ремесленные классы, что способствовало приобретению учащимися также и навыков профессиональной деятельности, о чем свидетельствуют сохранившиеся материалы об открытии ремесленных классов в Усть-Сысольском уезде с 1910 по 1913 гг. (НА РК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 95. Л. 4, 6).

В 1897 году Министерство народного просвещения утверждает «Примерные программы...» предметов, которые должны были преподавать в начальном звене (Примерные программы..., 1897: 36). Изначально законодатель установил, что подобная программа составлена для школ, в которых обучающиеся получали знания в течение трех лет «и не менее шести месяцев в году» (Примерные программы..., 1897: 5). Также оговаривались случаи увеличения времени обучения, но не сокращения предусмотренной программы. К таким случаям относили большое количество детей-инородцев или значительные пропуски учебных занятий. Предоставлялась возможность расширения курса обучения «некоторыми дополнительными сведениями по предметам» (Примерные программы..., 1897: 5). Указывалось еженедельное количество часов занятий, которое являлось обязательным.

В Таблице 1 перечислены учебные дисциплины, количество часов в неделю и рекомендации по их преподаванию, установленные по итогу исследования «Примерных программ...» (Примерные программы..., 1897: 6).

Таблица 1. Учебные дисциплины, количество часов в неделю и рекомендации по их преподаванию в начальных училищах

Учебные дисциплины	Количество часов в неделю	Рекомендации по преподаванию учебных дисциплин
Закон Божий	6	законоучитель разделяет учебное время поровну между всеми тремя отделениями
Церковно-славянская грамота	3	разрешалось соединить второе и третье отделение
Русский язык	8	рекомендовалось учитель больше времени уделять младшему отделению
Чистописание	2	учителя обязывали посвящать больше учебного времени младшему и среднему отделению
Арифметика	5	разрешалось учебное время распределять равномерно между тремя отделениями
Церковное пение	3	-
Гимнастика	при наличии возможностей	-
Итого:	27	

Необходимо заметить, что законодатель устанавливал 27 часов (при наличии дисциплины «Церковное пение» в учебной программе), что представлено в [Таблице 1](#). Если в программу вводилась дисциплина «Гимнастика», то общее количество еще возрастало. Такого количества учебных часов в неделю для учащихся начальных школ было достаточно. Но в учебной программе ничего не говорилось о возможности изучения таких дисциплин, которые помогали бы познанию истории Российского государства или страноведения, краеведения и др.

Некоторые училища экспериментировали с дополнительным изучением русского языка. Они вводили в программу дополнительные часы для чтения на русском языке «доступных для детского понимания наиболее интересных произведений родных писателей» ([Известия..., 1911: 637](#)). По словам обучающихся такие дополнительные чтения и разъяснения прочитанного имели «благоприятное влияние» ([Известия..., 1911: 637](#)).

В Коми достаточно распространенными были и земские школы, которые являлись более массовыми и признавались общественностью лучшей формой начального образования. В этих школах срок обучения составлял 3-4 года. Здесь работали лучшие педагогические кадры. Нередко открывались классы по специализированному обучению учащихся рукоделию, портняжному мастерству, обувному делу и др. Земства уделяли значительное внимание подготовке учительского состава, его повышению квалификации, бесплатному обеспечению школьников земских школ учебниками ([Бондаренко, 1998: 12](#)).

Важно отметить, что в Печорском уезде, входившем в состав Архангельской губернии, не существовало земских школ ([Бондаренко, 1998: 15](#)). Дело в том, что на Архангельскую губернию не распространялось Положение, вышедшее в свет в 1864 году и регулировавшее статус земских учреждений ([ПСЗ. Т. XXXIX. № 40457](#)). Однако здесь существовали миссионерские школы, основной задачей которых являлось «обрусение народов окраин» ([Бондаренко, 1998: 16](#)). Основное внимание в этих школах уделялось изучению таких предметов, как Закон Божий, церковно-славянская грамматика, русский язык, арифметика.

Согласно утвержденным Правилам о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г. ([ПСЗ. Т. IV. № 2318](#)) это были начальные училища, открывавшиеся представителями православного духовенства ([ПСЗ. Т. IV. № 2318](#)). Они должны были «сообщать первоначальные полезные знания» ([ПСЗ. Т. IV. № 2318](#)) и воспитывать «преданности престолу» ([Бондаренко, 1998: 13](#)).

С 1885 года увеличилось количество денежных средств, выделяемых государством и земствами на содержание этих школ ([Бондаренко, 1998: 14](#)), возросло и число церковно-приходских школ.

В церковно-приходских школах детей знакомили с такими дисциплинами, как «Закон Божий, ... церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения» ([ПСЗ. Т. IV. № 2318](#)). В двухклассных школах также преподавалась дисциплина «История Церкви и Отечества» ([ПСЗ. Т. IV. № 2318](#)).

Уездные земские собрания интересовались состоянием церковно-приходских школ, а также школ грамотности. Например, в постановлении Усть-Сысольского уездного земского собрания от 2 октября 1901 года содержится ходатайство об увеличении выделения субсидий на них на 1903 год. Представители земского собрания мотивируют свое предложение тем, что оплата труда учителей в земских школах увеличилась, поэтому необходимо увеличить заработную плату учителей церковно-приходских школ и школ грамотности ([Сборник постановлений..., 1913: 223-224](#)). Учет денежных средств, направленных на приобретение необходимого оборудования для школ и на содержание учителей, велся в приходно-расходных книгах ([НА РК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 55. Л. 7](#)).

В 1870-е годы создаются «повышенные начальные школы: двухклассные начальные училища (срок обучения – 5 лет) и городские училища (срок обучения – 6 лет)» ([Золотарев, 2015: 37](#)).

Руководство, контроль и надзор за деятельностью начальных народных училищ было возложено на уездные либо губернские училищные советы (ст. 18 Указ Св. Синода) ([Указ Св. Синода..., 1864: 52](#)). Каждый год составлялись отчеты о состоянии училищ, которые оформлялись в виде протоколов ([НА РК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 48. Л. 3-5](#)) и представлялись инспекторами. За состояние учебных заведений, кроме инспекторов, отвечали также и «попечители и попечительницы начальных народных училищ, а равно распорядители и распорядительницы частных и воскресных школ...» ([Положение..., 1874: 261](#)).

Первые два года обучения разрешалось преподавать на родном для этнического населения языке. Последующие годы – на русском, «но родной язык учащихся остается» ([Иногородская школа..., 1916: 78](#)). Однако в школьных библиотеках зачастую неудачно подбирались книги и газеты, стиль изложения которых был сложен для понимания зырянскими детьми. Насколько актуален был вопрос изучения детьми русского языка и как часто он выносился на обсуждение, можно проследить по издававшимся распоряжениям Усть-Сысольского училищного совета по изучению русского языка в народных училищах этого уезда в 1872 году ([НА РК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 4. Л. 5-6](#)).

Количественный состав обучающихся постоянно менялся ([Таблица 2, Таблица 3](#)). Проследим его динамику на примере анализа данных о количестве лиц, получивших начальное образование в Усть-Сысольском уезде с 1874 по 1885 гг. согласно данным, приведенным В.Ф. Поповым в 1911 году ([Таблица 2, Таблица 3](#)) ([Попов, 1911: 82; 94-95](#)).

Таблица 2. Количественный состав обучающихся в начальных училищах Усть-Сысольского уезда в 1874 г.

Земские школы в селениях	Количество обучающихся		Церковно-приходские школы	Городское приходское училище	Количество обучающихся	
	мальчиков	девочек			мальчиков	девочек
Вильгорт	44	17	-	-	-	-
Иб	47	-	-	-	-	-
Визинга	37	1	-	-	-	-
Койгородок	36	-	-	-	-	-
Объячево	42	4	-	-	-	-
Корткеросс	34	3	-	-	-	-
Небдино	25	7	-	-	-	-
Вишера	13	-	-	-	-	-
Усть-Кулом	20	2	-	-	-	-
Усть-Нем	28	-	-	-	-	-
Помоздино	27	-	-	-	-	-
Печера	19	-	-	-	-	-
Всего:	372	34	-	-	80	14
Общее кол-во обучающихся:	406		227	94		

Анализ приведенных данных в [Таблице 2](#) показал, что в 1874 году в Усть-Сысольском уезде преобладающее количество детей (406 человек) училось в земских школах; 227 – в церковно-приходских (без уточнения селений); 94 – в городском училище. Общее количество обучающихся составляло в 1874 году 727 человек. Мальчиков было значительно больше, чем девочек.

К 1885 году положение народно-школьного дела в Усть-Сысольском уезде меняется ([Таблица 3](#)) ([Попов, 1911: 94-95](#)).

Таблица 3. Количественный состав обучающихся в начальных училищах Усть-Сысольского уезда в 1885 г.

Земские школы в селениях	Количество обучающихся		Церковно-приходские («элементарные») школы	Количество обучающихся		Городское приходское училище	Количество обучающихся	
	мальчиков	девочек		мальчиков	девочек		мальчиков	девочек
Вильгорт	83	7		-	-		-	-
Иб	47	4		-	-		-	-
Межадор	36	-		-	-		-	-
Вотчино	43	2		-	-		-	-
Визинга	53	4		-	-		-	-
Койгородок	35	4		-	-		-	-
Лойма	45	3		-	-		-	-
Объячо	62	6		-	-		-	-
Корткеросс	31	5		-	-		-	-
Небдино	38	8		-	-		-	-
Вишера	17	-		-	-		-	-
Усть-Кулом	35	4		-	-		-	-

Усть-Нем	14	3	-	-	-	-	-
Помоздино	27	4	-	-	-	-	-
Печера	27	7	-	-	-	-	-
Керчемье	26	2	-	-	-	-	-
Ношуль (министерское)	77	4	-	-	-	-	-
Кажим	-	-	16	13	-	-	-
Зеленец	-	-	12	-	-	-	-
Киберск	-	-	15	-	-	-	-
Деревянск	-	-	19	1	-	-	-
Всего:	696	67	62	14	-	113	4
Общее кол-во обучающихся:	763		76			117	

Таким образом, по данным на 1885 год, в Усть-Сысольском уезде больше всего детей (763 человека) обучалось в земских школах. Однако количество детей, обучавшихся в церковно-приходских, школах снизилось до 76. Увеличилось количество обучающихся в городском училище. Общее количество детей, получавших начальное образование, возросло. Увеличилось количество селений, в которых были открыты новые школы.

Однако, несмотря на увеличение количества школ и учащихся, в начальном звене существовало много проблем, среди которых были нехватка учебных помещений, соответствовавших требованиям для ведения учебного процесса, ветхость учебных пособий, низкий уровень пополняемости библиотечных фондов, проблемы с посещением и др. (Попов, 1911: 93).

Отметим, что к началу XX века существовало значительное число низших училищ в Коми крае (Таблица 4).

Таблица 4. Число низших училищ в Усть-Сысольском и Яренском уездах в начале XX в.

Уезды	Одноклассные училища				Двуклассные и многокласные училища	
	Всех видов и разряд	Правительственных	Общественных	Ведомства Св. Синода	Правительственные, общественные, частные	Ведомства Св. Синода
Усть-Сысольский	47	1	18	28	-	2
Яренский	35	1	1	33	-	1
Всего:	82					3

Так, на примере Усть-Сысольского и Яренского уездов можно заметить, что в Усть-Сысольском уезде существовало больше одноклассных училищ (47), чем в Яренском (35). В обоих уездах доминировало количество одноклассных училищ – 82 (Фальборк, Чарнолуцкий, 1900: 31). Такое состояние объяснимо желанием крестьян как можно скорее обучить своих детей азам грамотности.

Также отличительной чертой развития начального образования в уездах, населенных зырянами, являлся факт отсутствия частных школ.

5. Заключение

Таким образом, созданная система начального образования в Коми крае конца XIX – начала XX вв. эффективно способствовала распространению основ грамотности у местного зырянского населения. Дети коми крестьян приобретали простейшие навыки счета, чтения и письма.

Среди распространенных на зырянской земле типов начальной школы выделялись министерские, земские, церковно-приходские и школы грамоты. В системе зырянского начального образования можно выделить следующие особенности: мальчиков было значительно больше, чем девочек, общее количество детей, получавших начальное образование, возрастало. Кроме того, значительное число детей обучалось в земских школах.

Недостатками в реализации начального образования можно назвать разнородность системы учебных учреждений начального звена, отсутствие единого органа управления образовательными

структурами, различная ведомственная подчиненность, разный перечень изучаемых учебных дисциплин и сроков обучения, а также отсутствие в учебной программе историко-краеведческих и естественнонаучных дисциплин.

Литература

- Безносиков, 1973** – *Безносиков Я.Н.* Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар, 1973. 175 с.
- Бондаренко, 1998** – *Бондаренко О.Е.* Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков. Сыктывкар, 1998. 190 с.
- Вайровская, 1996** – *Вайровская С.В.* Земская школа в Коми крае последней трети XIX века / *Стефан Пермский и современность.* Сыктывкар, 1996. С. 42-46.
- Золотарев, 2015** – *Золотарев О.В.* Коми учительство. Краткий очерк истории. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 184 с.
- Известия..., 1911** – Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 8-9. С. 613-641.
- Инородческая школа..., 1916** – Инородческая школа. Сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы. Под. общ. ред. Г.Г. Тумима, В.А. Зеленко. Петроград, 1916. 254 с.
- Мамадышский, 1910** – *Мамадышский Н.Н.* Усинский край. Подворно-экономическое исследование поселений р. Уссы Печорского уезда в 1909 г. Архангельск: Губернская типография, 1910. 73 с.
- Михеев, 1955** – *Михеев Н.А.* Из истории коми начальной школы // *Ученые записки Пятигорского пединститута.* Вып. IX. Пятигорск, 1955. С.69-106.
- Мосин, 1927** – *Мосин В.* Начальное образование среди коми народа в прошлом // *Коми просвещенец.* 1927. № 1 (7). С. 3-18.
- НА РК** – Национальный архив Республики Коми.
- Положение..., 1874** – Положение о начальных народных училищах от 25 мая 1874 // *Вологодские епархиальные ведомости.* 1874. № 15. С. 259-266.
- Попов, 1911** – *Попов В.Ф.* История земской школы и первоначального народного образования в Усть-сысольском уезде. Усть-сысольск: Усть-сысол. уезд. земство Вологод. губ., 1911. 306 с.
- Примерные программы..., 1897** – Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения от 7 февраля 1897 г. Вятка: Типография Маишеева, бывшая Куклина и Красовского, 1897. 36 с.
- ПСЗ РИ – XXXIX** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825 – 1881), Т. XXXIX (1864). Ч. I. № 40457.
- ПСЗ РИ – IV** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881 – 1913), Т. IV (1884). № 2318.
- Сборник постановлений..., 1913** – Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет. (1898-1910 гг.). 1913. С. 223-224.
- Труды экспедиции..., 1909** – Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии. под ред. П.И. Соколова. СПб., 1909-1910. Устьсысольский уезд. Район Сысольского и южной части Устьсысольского лесничеств. 1909. 338 с.
- Указ Св. Синода..., 1864** – Указ Св. Синода «О введении в действие положения о начальных народных училищах» от 31 августа 1864 // *Вологодские епархиальные ведомости.* 1864. № 4. С. 47-56.
- Фальборк, Чарнолуцкий, 1900** – *Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И.* Начальное народное образование в России. Санкт-Петербург: Тип. товарищества «Народная польза», Т. 1. 1900-1905. 407 с.
- Koroleva, 2024** – *Koroleva L.A.* The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880 // *Bylye Gody.* 2024. 19(1): 129-136.
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – *Rajović G., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody.* 2023. 18(4): 1643-1651.
- Rajović, Bratanovskii, 2024** – *Rajović G., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody.* 2024. 19(1): 325-331.

References

- Beznosikov, 1973** – *Beznosikov, Ya.N.* (1973). Razvitie narodnogo obrazovaniya v Komi ASSR [Development of public education in the Komi ASSR]. Syktyvkar. [in Russian]
- Bondarenko, 1998** – *Bondarenko, O.E.* (1998). Uchebnye zavedeniya v Komi krae v konce XIX – nachale XX vekov [Educational institutions in the Komi Region in the late XIX – early XX centuries]. Syktyvkar. [in Russian]
- Fal'bork, Charnoluskij, 1900** – *Fal'bork, G.A., Charnoluskij, V.I.* (1900). Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Rossii [Primary public education in Russia]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Izvestija..., 1911** – *Izvestija Arhangel'skogo Obshhestva izuchenija Russkogo Severa* [Proceedings of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North]. 1911. 8-9: 613-641. [in Russian]

- Inorodcheskaja shkola..., 1916** – Inorodcheskaja shkola. Sbornik statej i materialov po voprosam inorodcheskoj shkoly [A foreign school. Collection of articles and materials on the issues of the foreign school]. Pod. obshh. red. G.G. Tumima, V.A. Zelenko. Petrograd, 1916. [in Russian]
- Koroleva, 2024** – *Koroleva, L.A.* (2024). The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880. *Bylye Gody*. 19(1): 129-136.
- Mamadyshskii, 1910** – *Mamadyshskij, N.N.* (1910). Ussinskij kraj. Podvorno-jekonomicheskoe issledovanie poselenij r. Ussy Pechorskogo uezda v 1909 g. [The Usinsk region. Farmstead and economic study of the settlements of the Ussa river of the Pechora district in 1909.]. Arhangel'sk. [in Russian]
- Miheev, 1955** – *Miheev, N.A.* (1955). Iz istorii komi nachal'noj shkoly [From the history of Komi elementary school]. *Uchenye zapiski Pjatilgorskogo pedinstituta*. Vyp. IX. Pjatilgorsk: 69-106. [in Russian]
- Mosin, 1927** – *Mosin, V.* (1927). Nachal'noe obrazovanie sredi komi naroda v proshlom [Primary education among the Komi people in the past]. *Komi prosveshchenets*. 1 (7): 3-18. [in Russian]
- NA RK** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].
- Polozhenie..., 1874** – Polozhenie o nachal'nyh narodnyh uchilishhah ot 25 maja 1874 [Regulations on primary public schools of May 25, 1874]. *Vologodskie eparhial'nye vedomosti*. 15: 259-266. [in Russian]
- Popov, 1911** – *Popov, V.F.* (1911). Istorija zemskoj shkoly i pervonachal'nogo narodnogo obrazovanija v Ust'-sysol'skom uezde [The history of the zemstvo school and primary public education in Ust-Sysolsky district]. Ust'-sysol'sk: Ust'-sysol. uezd. zemstvo Vologod. gub. [in Russian]
- Primernye programmy..., 1897** – Primernye programmy predmetov, prepodavaemyh v nachal'nyh narodnyh uchilishhah vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshhenija ot 7 fevralja 1897 g. [Sample programs of subjects taught in primary public schools of the Department of the Ministry of Public Education dated February 7, 1897]. Vjatka, 1897. [in Russian]
- PSZ RI – XXXIX** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie. (1825 – 1881), T. XXXIX (1864). Ch. I. № 40457. [in Russian]
- PSZ RI – IV** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie. (1881 – 1913), T. IV (1884). № 2318. [in Russian]
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 1643-1651.
- Rajović, Bratanovskii, 2024** – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2024). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 325-331.
- Sbornik postanovlenij..., 1913** – Sbornik postanovlenij Ust'-Sysol'skogo uezdnogo zemskogo sobranija za 13 let. (1898-1910 gg.) [Collection of resolutions of the Ust-Sysolsky district zemstvo assembly for 13 years. (1898-1910).]. 1913. Pp. 223-224. [in Russian]
- Trudy ekspeditsii..., 1909** – Trudy ekspeditsii po issledovaniju zemel' Pechorskogo kraja Vologodskoj gubernii [The works of the expedition to explore the lands of the Pechora region of the Vologda province]. Pod red. P.I. Sokolova. SPb., 1909-1910. Ust'sysol'skij uezd. Rajon Sysol'skogo i juzhnoj chasti Ust'sysol'skogo lesnichestv, 1909. [in Russian]
- Ukaz Sv. Sinoda..., 1864** – Ukaz Sv. Sinoda «O vvedenii v dejstvie polozhenija o nachal'nyh narodnyh uchilishhah» ot 31 avgusta 1864 [Decree of the Holy Synod «On the enactment of the regulations on primary public schools» dated August 31, 1864]. *Vologodskie eparhial'nye vedomosti*. 1864. 4: 47-56. [in Russian]
- Vajrovskaja, 1996** – *Vajrovskaja, S.V.* (1996). Zemskaja shkola v Komi krae poslednej treti XIX veka [Zemstvo school in the Komi region of the last third of the XIX century]. *Stefan Permskij i sovremennost'*. Syktyvkar: 42-46. [in Russian]
- Zolotarev, 2015** – *Zolotarev, O.V.* (2015). Komi uchitel'stvo. Kratkij ocherk istorii [Komi teaching. A brief history outline]. Syktyvkar: IJaLI Komi NC UrO RAN. [in Russian]

Система начального образования в Коми крае в конце XIX – начале XX вв.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Кайрат Кулбакович Атабеков ^b, Евгений Николаевич Лоторев ^{c, d, e}, Ирина Викторовна Ширёва ^{f, g}

^a РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Кыргызско-Российский Славянский Университет, Бишкек, Кыргызская Республика

^c МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Российская Федерация

^d Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Российская Федерация

^e Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

^f Финансовый университет, Москва, Российская Федерация

^g МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая)

Аннотация. Потенциал современной российской исторической науки позволяет осуществить крайне актуальное исследование социокультурной и региональной специфики функционирования отечественной системы образования в прошлом. Развитие системы образования в России, особенно в отдаленных от административного центра северных территориях, определялось активной государственной деятельностью в этой сфере.

Сегодня наблюдается возрастание научного интереса не только представителей педагогической науки, но и исторической общественности к развитию и функционированию дореволюционной системы образования в северном Коми крае начиная с 70-х годов XIX века до революционных событий первой четверти XX века. Исследование историко-этнического опыта, накопленного в этой сфере, имеет огромное значение: оно позволяет определить не только дореволюционную государственную политику по вопросам образования на территориях национальных окраин, но и степень грамотности населения, особенности организации учебного процесса, материальное оснащение учебных заведений, состав и уровень образования педагогических кадров и др.

Среди распространенных на зырянской земле типов начальной школы выделялись министерские, земские, церковно-приходские школы и школы грамоты. В системе зырянского начального образования можно выделить следующие особенности: мальчиков было значительно больше, чем девочек, общее количество детей, получавших начальное образование, возрастало.

Недостатками в реализации начального образования можно назвать разнородность системы учебных учреждений начального звена, отсутствие единого органа управления образовательными структурами, различная ведомственная подчиненность, разный перечень изучаемых учебных дисциплин, а также отсутствие в учебной программе историко-краеведческих и естественнонаучных дисциплин.

Ключевые слова: начальное образование, зыряне, земства, церковно-приходские школы, Коми край, крестьяне.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1785-1794
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1785

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Clergy-Educators of Siberia in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries

Natalia M. Leshchinskaia ^{a,*}, Natalia N. Pimenova ^a, Yulia N. Menzurenko ^a, Natalia A. Sergeeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the issue of the participation of clergy in the education of the population of the Russian Empire on the territory of Siberia during the second half of the 19th – early 20th centuries. Publications from the newspaper “Yenisei Diocesan Gazette” were selected as representative material for this topic. During the study, detailed attention was paid to such representative materials as publications of teacher I.T. Savenkov and a detailed report on the activities of the diocese in the field of public education for 1889. The study confirms the importance of the clergy in education: in addition to missionary activities to disseminate Christian Orthodox teachings in the northern and Siberian territories of the Russian Empire, Orthodox clergy carried out other important forms of social activity. The materials from the publication of the “Yenisei Diocesan Gazette” are considered in the article as a historical source that reveals the features of the educational activities of clergy in the territory of Siberia at the end. XIX – early XX centuries in the context of the history of the development of public education in the Yenisei province. Orthodox clergy not only organized the creation of schools and provided them with literature, but also took on the duties of teachers of even disciplines of secular knowledge, often free of charge, thereby spreading the ideals of Christian charity in their practical affairs.

Keywords: educational activities, Orthodox clergy, education, “Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti”, Russian Empire, Siberia.

1. Введение

В истории Российской империи второй половины XIX – нач. XX вв. происходило множество значимых событий, связанных с освоением новых территорий, с укреплением государственности на территории Сибири. Данные задачи решались не только с помощью устоявшихся в империи политических практик, но и посредством просветительской деятельности, результатом которой становилось включение жителей Сибири в единую систему культуры российского государства. В этих важнейших государственных и социокультурных процессах значимую роль сыграли православные священнослужители. Основным направлением их деятельности на отдаленных северных и сибирских территориях было миссионерство – распространение православия среди представителей коренных народов Сибири. Помимо этого, православные священнослужители выполняли просветительскую деятельность в самом широком смысле этого слова, включая знакомство сибиряков с достижениями цивилизации, что проявлялось зачастую в «простых» вопросах, касающихся гигиены и быта. В их ведении находились вопросы образования и распространения грамотности среди населения.

Актуальность изучения просветительской деятельности священнослужителей состоит и в оценке роли духовенства в широком распространении светского знания.

Большое значение для того времени имеет периодика, например, газета «Енисейские епархиальные ведомости». Печатные издания на рубеже XIX – XX вв. имели комплексное значение

* Corresponding author

E-mail addresses: trogonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia)

для образованных людей России. Газеты и журналы были официальными информационными органами, представляющими ту или иную административно-государственную точку зрения на события и процессы.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для исследования выступили публикации в газете «Енисейские епархиальные ведомости» конца XIX – начала XX вв., позволяющие изучить специфику просветительской деятельности православных священнослужителей на примере Енисейской губернии. Выбор этого издания обусловлен его значимостью в продвижении идей педагогики, просвещения, образования и одновременно тем, что в научной среде просветительский характер данного издания рассматривается в основном в отношении духовно-учебных заведений (Терскова, Кушнарченко, 2023).

2.2. В качестве теоретического основания выбран подход, в рамках которого отдельная публикация в периодических изданиях может быть рассмотрена как исторический документ. В качестве ключевых методов были выбраны источниковедческий анализ и контент-анализ. На первом этапе выбранные для изучения материалы «Енисейских епархиальных ведомостей» были структурированы, отобраны репрезентативные публикации. Далее посредством контент-анализа, в качестве смысловых единиц которого были выбраны темы «миссионерство» и «просвещение», были выявлены особенности деятельности православных священнослужителей.

3. Обсуждение

Вопрос об истории деятельности православных священнослужителей в Сибири является предметным полем исследований ученых с середины XIX века. Работы этого периода носили описательный характер, а собственно научное изучение относится к XX веку. В нем деятельность православного духовенства в Сибири рассматривалась, как правило, в контексте богословских и историко-церковных вопросов. С конца XX века можно отметить определенный рост количества публикаций, базирующихся на материалах региональных исследований и связанных с деятельностью духовной интеллигенции, к которым принадлежали православные священнослужители (Персианов, 2000; Бибикина, 2004; Катцына, 2001). Исследования коснулись также истории Красноярской и Енисейской епархий в период до 1917 года (Болдырев, 2008).

Ряд современных авторов обращается к истории культурно-просветительских организаций и общественных движений в Сибири в конце XIX – нач. XX вв., подчеркивая независимость просветительской деятельности от государственного финансирования и администрирования (Попов, 2018; Ромм, 2004; Чуркина, 2015). Исследователи выделяют наиболее известные формы и направления просветительской деятельности различных сообществ, значимых для развития регионального просвещения, в том числе, для системы образования. Кроме того, историки анализируют значение первых культурно-просветительских учреждений для создания целостной системы просвещения и образования населения сибирских территорий Российской империи (Султанбаева, 2007). В работах современных ученых указываются основные сферы общественного влияния православных священнослужителей через их соучастие в образовательной, просветительской и благотворительной деятельности (Елизарова, 2006; Караваева, 2008; Терскова, 2015; Харченко, 2005 и ряд других).

Наиболее обширный пласт современных исследований на эту тему представляют собой работы, посвященные конкретным православным священнослужителям-просветителям. В исторической науке достаточно полно представлены творчество и деятельность духовных писателей, миссионеров, богословов, церковных историков-краеведов, мемуаристов, публицистов изучаемого периода, что, вероятно, обусловлено расцветом православия в Восточной Сибири XIX – нач. XX вв. (Броднева, 2013; Свечникова, 2017; Мельникова, 2018; 2023; Ткалич, 2019; Домусчи, 2019; Koptseva, 2015; 2022; Шпак, 2021; Сертакова, 2022; Замираева, 2022; Котова, 2023; Sereckina, 2023).

Несмотря на значительное количество научных работ, связанных с историей просветительской миссии православного духовенства в Сибири в кон. XIX – нач. XX вв., ряд исторических источников остается малоизученным с позиции дела просвещения, выполняемого священнослужителями в сибирских территориях Российской империи.

4. Результаты

Одним из значимых направлений, реализуемых православными священнослужителями в деле просвещения жителей Сибири, безусловно, выступает издательская деятельность, связанная с созданием периодических изданий в епархиях Русской православной церкви. Репрезентантом такой просветительской деятельности является газета «Енисейские епархиальные ведомости», издание которой было учреждено по инициативе Енисейского епископа Исаакия (Положенского) и одобрено Синодом, о чем гласил Указ от 23 декабря 1893 года. В издательской деятельности православного духовенства можно выделить ряд значимых направлений просветительского дела.

1) Просвещение широкого круга читателей по кругу насущных вопросов, в том числе, воспитания и образования, с помощью публикаций переводов актуальных зарубежных изданий,

например, «Руководства для первоначального воспитания слепых детей» М. де-ла Сизерана. На тот момент это «Руководство» было наиболее передовой методикой и представляло собой пособие для родителей слепых детей по методам их активного развития ([Де-ла Сизеран, 1888](#)).

2) Публикации материалов о возможностях получения образования, например, «Правила для приема детей в училища слепых ведомства Мариинского Попечительства», которые опубликованы следом за руководством по воспитанию слепых детей Сизерана ([Правила..., 1888](#)).

3) Просвещение образованной части населения Сибири о культурных особенностях сибиряков, в том числе, русского населения; о культурных практиках коренных народов и обнаруженных археологами и историками сибирских древностях. Примером является статья православного священника о. Николая Орфеева «Предания о курганах у инородцев Минусинского округа» ([Орфеев, 1888](#)).

Редактором «Енисейских епархиальных ведомостей» был назначен смотритель Красноярского духовного училища Константин Алексеевич Успенский. Редакция журнала была размещена на базе этого училища, ее деятельность способствовала развитию православного просвещения на территории Енисейской губернии. Издание имело два отдела. Первый – официальный отдел, где размещались документы общецерковного значения, такие как распоряжения высшего правительства, определения Священного Синода, распоряжения епархиальной администрации, новости, объявления. И вторая – неофициальная часть, посвященная миссионерским отчетам, проповедям, поучениям и речам православных иерархов.

Много внимания издание уделяло вопросам народного просвещения. Закономерно, что издание привлекло внимание педагогов, в том числе, такого известного православного педагога, как Иван Тимофеевич Савенков, который сыграл большую роль в образовании и просвещении в Енисейской губернии, пройдя путь от учителя математики Красноярской гимназии до руководителя учительской семинарии в Красноярске. Педагогические тексты И.Т. Савенкова в «Енисейских епархиальных ведомостях» представляют собой наставления для школьных учителей и выпускников семинарии, а также учебно-воспитательные рекомендации ([Савенков, 1891a: 92-100](#); [Савенков, 1891b: 113-121](#); [Савенков, 1893: 1-14](#)).

В статье «Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно-просветительным делом в Епархии» И.Т. Савенков отмечает, что церковь и школа должны тесно взаимодействовать друг с другом, чтобы совершать свой религиозно-просветительский труд во благо веры и благосостояния государства ([Савенков, 1884](#)). В этой публикации он обозначает проблемы религиозно-нравственного воспитания, подкрепляя свои выводы статистическими данными по Енисейской губернии и обзорами возможных решений проблем в других территориях Российской империи. Говоря о просветительской деятельности, автор заключает, что «Енисейские епархиальные ведомости» являются одним из инструментов, который может способствовать сближению православного духовенства и мирян.

Не менее важным для него является вопрос о народном образовании. Он отмечает его безусловное влияние на религиозно-нравственное и патриотическое воспитание народа. По мнению автора, главное в этом деле – организация работы школы. Не столь важно, кто будет иметь решающее влияние на ход учебного дела, учитель или священник, но важно понимать, будут ли народные учителя подготовлены теоретически и практически, будут ли они знакомы с методикой первоначального обучения, на каких именно методах будет основана школьная дисциплина, будут ли входить в школьные дисциплины ремесла и физический труд. По мнению И.Т. Савенкова, в результате общественного внимания к вопросам образования значительно изменилось качество образования: разработаны приемы начального обучения, распространены техники школьного дела, изданы азбуки и методические руководства, книги для чтения. Однако, считает православный педагог-просветитель, этого недостаточно, и на просвещение народа должно повлиять увеличение количества образовательных учреждений ([Савенков, 1884: 58](#)). На основе данных, полученных из текстов официальных училищных отчетов, И.Т. Савенков заключает о том, что процесс этот продвигается медленно, им отмечается тенденция к открытию новых школ. К 1884 г. в Енисейской губернии насчитывалось 50 начальных училищ и 1 500 учащихся ([Савенков, 1884: 60](#)). Тем не менее, проблема не теряет своей остроты. На одного учащегося народной школы приходится около 42 детей школьного возраста, не посещающих школу.

Событием, повлиявшим на развитие просветительской деятельности в Енисейской губернии, И.Т. Савенков называет открытие учительской семинарии в 1873 г., а также открытие Красноярской гимназии и объединение с ней дирекции народных училищ в 1886 г. Наибольшую поддержку, по мнению автора, народное образование и просвещение получает в Енисейской губернии от православного духовенства. Иван Тимофеевич отмечает и слабые стороны училищ епархии: изолированность, отчуждение от церковного прихода, отсутствие связи с общественными деятелями, духовенством и администрацией ([Савенков, 1884: 68](#)). Тем не менее, он полагает, что именно Енисейской епархии по силам при поддержке прихожан открытие новых церковно-приходских школ и школ грамотности, которые приносят значительную пользу в общей работе народного просвещения ([Савенков, 1884: 69](#)). В качестве одной из мер распространения народного образования он называет привлечение к обучению пожилых учителей.

Роль православных священнослужителей в подъеме школьного обучения на северных и сибирских территориях Российской империи

Важнейшую роль, которую играли православные священнослужители Сибири в к. XIX – нач. XX вв. в создании и осуществлении школьного образования детей, сложно переоценить. Опубликованный в 1890 г. отдельной брошюрой «Отчет о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии за 1888–1889 учебный год» (перепечатан со страниц «Енисейских епархиальных ведомостей») позволяет оценить масштаб вложения не только церкви как организации, но и священнослужителей как действительных акторов просвещения. Отчет состоит из 10 частей и описывает деятельность Енисейского епархиального училищного совета через анализ отчетов за 1888–1889 учебный год всех школ, открытых и действующих на территории Енисейской губернии. Училищный совет представлен в отчете как орган, решающий задачу широкого просвещения и продвижения грамотности (Отчет..., 1890: 3). К 1888–1889 учебному году в Енисейской губернии уже созданы три уездных отделения Енисейского епархиального училищного совета: Енисейское, Минусинское и Канское. Цель их создания – осуществление «ближайшего наблюдения и заведования школами...», члены этих отделений – «городское духовенство – благочинные и наблюдатели, а также светские лица под председательством старших в городе протоиереев» (Отчет..., 1890: 4). Текст Отчета свидетельствует, что православные священнослужители – наиболее активные народные просветители в Енисейской губернии конца XIX в.

Просвещение в формате школьного обучения осуществляли именно церковнослужители. Светских учителей было по количеству почти в 2,5 раза меньше, чем преподавателей из духовных лиц (Отчет..., 1890: 10). Главным образом, это приходские священники, диаконы; псаломщики исполняли в основном обязанности учителей-предметников. В разделе «О лицах, служащих в школах» говорится, что 60 школ имели заведующих, среди которых 57 священников и три диакона. В 64 школах законоучителями были 55 священников и три диакона. «В 10 школах священники преподавали и прочие предметы» (Отчет..., 1890: 10), четыре диакона были в должности учителей, еще в 19 школах уроки вели псаломщики. В целом по 64 школам в должности учителей состоял 121 человек, среди которых 85 церковнослужителей, 36 лиц светского звания.

Школьное образование в Сибири в конце XIX в. сталкивалось с существенными проблемами, которые решались в основном благодаря активности православных церковнослужителей, взявших на себя задачу просвещения. Совет указывает, что, несмотря на малочисленность профессионально подготовленных учителей, необходимо беречь и тех, «способных к учительскому делу», кто имелся, поскольку ключевая задача – это способствовать распространению грамоты и образования (Отчет..., 1890: 11). При этом более 40 школ были открыты с обязательством прихожан давать средства на содержание школ, в том числе на жалование учителей. Зачастую школы не имели средств на жалование учителям, и те брали на себя учительские обязанности безвозмездно, большая доля таких учителей, которые работали безвозмездно, – православные священнослужители (Отчет..., 1890: 15).

Школы переживали не самые простые времена как минимум по трем причинам: из-за нехватки профессиональных учителей и учительского состава в целом, из-за нехватки финансирования, а также из-за недостатка учащихся (в том числе из-за крайней бедности деревенского населения, неспособного квартировать детей в селах ради получения ими образования).

В разделе «Учебно-воспитательное дело» детально описано содержание разных предметов, поднимается проблема недостатка методической подготовки учительского состава. Например, в большинстве школ по причине отсутствия у учителей специального образования практиковался способ обучения чтению «буквослагательный», и только в некоторых школах – «звуковой» (Отчет..., 1890: 30).

В 1888–1889 учебном году пять из ранее открытых школ Енисейской губернии закрылись, на них прихожане перестали давать средства. В еще двух школах были прекращены занятия. В Рождественской школе – по причине отсутствия средств на жалование учителю, в Верхне-Инбатской – по причине отсутствия учеников, т.к. в деревне, где расположена школа, детей школьного возраста нет, а семьи из других деревень не могут «содержать детей вне села на квартирах» (Отчет..., 1890: 6).

Верхне-Инбатская школа была открыта в 1886 г. и предназначалась для детей более чем из 20 окрестных деревень, в том числе для «детей инородцев». В 1888–89 учебном году было открыто Советом 18 новых школ в Красноярском, Ачинском, Енисейском, Канском, Минусинском округах Енисейской губернии, одна из которых – «инородческая, с 3-годовалым курсом» (Отчет..., 1890: 8). Несмотря на закрытие пяти школ, цель привлечения к начальному образованию как можно большего числа детей достигалась. К 1889 г. в губернии действовали 93 школы (в том числе, 69 церковно-приходских и 24 школы грамотности), тогда как за год до этого, в 1888 г. – 81 школа. Все эти школы были смешанными, т. е. с совместным обучением девочек и мальчиков. Среди школ существовали две «инородческих» – Божеозерская и Усть-Эсинская, поскольку одной из задач создаваемых школ было просвещение коренного населения.

К концу 1880-х гг. в школах Енисейской губернии обучался 1 371 учащийся. Среди них были дети из числа коренных народов Сибири «41 мальчик: в том числе, 3 тунгуса, 1 зырянин, 1 мордвин, 35 татар, инородцев-девочек – 18, из них 1 тунгуска» (Отчет..., 1890: 17).

Одним из значительных направлений просветительской деятельности православных священнослужителей является снабжение школ книгами, формирование библиотек, т. е. не только обучение грамоте, но и организация доступа учащихся к внеклассной литературе. Методическое обеспечение школ осуществлялось именно священнослужителями Русской православной церкви: новые книги и учебные пособия присылались Хозяйственным управлением при Священном Синоде и приобретались на средства Епархиального училищного совета, далее через Совет они рассылались по церковно-приходским школам и школам грамотности. Сравнительно небольшая часть литературы поступала как пожертвование частных лиц. В 1888–1889 гг. количество таких книг было 333. Это в 20 раз меньше, чем от православных церковных организаций. Из Хозяйственного управления при Священном Синоде по школам Енисейской губернии только за один год было разослано 1 356 книг, и к концу 1889 г. было прислано еще 4 055 книг, из приобретенных Советом разослано 1 177, а к концу года приобретено еще 152 (Отчет..., 1890: 23).

В деле комплектования школ необходимой литературой православные священнослужители лично занимали активную позицию: «Заведующим Большемуртинской школой пожертвовано разных книг для чтения 55 экз., поступали пожертвования от священников – для Енисейской, Червянской, Пировской, Еловской, Подсосенской и Усть-Эсинской школ» (Отчет..., 1890: 25). К этому времени Священный Синод уже определил набор учебников по русскому языку, арифметике, чистописанию, церковнославянскому языку, Закону Божию, чтобы добиться единообразия учебной программы в школах для организации и совершенствования учебно-методического сопровождения народного образования.

Таким образом, дело школьного просвещения в его различных направлениях в Енисейской губернии целиком лежало на священнослужителях Русской православной церкви. Также личной миссией православных священнослужителей-сибиряков, принимавших на себя роль учителей, зачастую безвозмездно, было обеспечение школ книгами и пособиями. Пример Енисейской губернии является репрезентативным для всех сибирских губерний Российской империи к. XIX – нач. XX вв.

5. Заключение

Анализ исторических источников, которыми являются тексты периодического издания «Енисейские епархиальные ведомости», позволил выявить особенности деятельности православных священнослужителей в Сибири на примере Енисейской губернии и Енисейской епархии. Первостепенной задачей для священнослужителей, несомненно, было миссионерство. Но этим не ограничивалась их просветительская деятельность. Значительный вклад священнослужителями Русской православной церкви внесен в дело просвещения, повышения образованности и грамотности жителей сибирских и северных территорий Российской империи. Этот вклад был проявлен в широком спектре практической деятельности. Это участие в организации школ, проведение занятий наравне со светскими учителями (зачастую безвозмездно, из христианского милосердия), работа по подготовке кадров для школ (на базе учительских семинарий), создание и распространение методического сопровождения школьного образования, например, приобретение книг и учебников за счет Енисейской епархии и распространение их по школам.

Таким образом, яркой чертой деятельности священнослужителей в Сибири является стремление распространять не только православное христианское учение, но и знания в широком смысле, развивать народное школьное образование, невзирая на материальный статус семей обучающихся, способствовать просвещению сибиряков и повышению их уровня жизни.

Литература

Аксенова, 2018 – Аксенова Г.В. Сокольников Евгений Владимирович. Жизненный путь и особенности служения преосвященного епископа якутского и Вилюйского Иакова (Домского) // *Вестник РУДН. История России*. 2018. № 2. С. 408-439.

Белянин, 2022 – Белянин Д.Н. Основные мероприятия Русской православной церкви в борьбе за трезвый образ жизни в сибирской деревне в начале XX века (по материалам епархиальных ведомостей) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. №. 75. С. 5-14.

Бибикова, 2004 – Бибикова В.Ф. Роль частной и общественной инициативы в развитии образования в Енисейской губернии в к. XIX – нач. XX вв. Красноярск, 2004. 167 с.

Болдырев, 2008 – Болдырев, Ю.В. История православия на берегах Енисея. Красноярск, 2008. 192 с.

Броднева, 2004 – Броднева А.В. Вклад духовенства в развитие науки и культуры Сибири. Красноярск: Отдел по религиозному образованию и катехизации. 2004. Вып. 5. С. 201-206.

Броднева, 2013 – Броднева А.В. Василий Дмитриевич Касьянов и его летопись нравов сибирского общества (1870-1897). Жить не по лжи // *Язык и социальная динамика*. 2013. № 13-1. С. 167-186.

- Де-ла Сизеран, 1888** – *Де-ла Сизеран М.* Руководство для первоначального воспитания слепых детей // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1888. №11. С. 147-153.
- Домусчи, 2019** – *Домусчи С.* Учение новомученика Иоанна Попова о совести в контексте нравственного богословия XIX века // *Богословский вестник*. 2019. Т. 34. № 3. С. 138-158.
- Елизарова, 2006** – *Елизарова Н.В.* Деятельность православных миссионеров по распространению просвещения среди коренных сибирских народов // *ОНВ*. 2006. №6 (42). С. 13-18.
- Замараева и др., 2022** – *Замараева Ю.С., Лецинская Н.М., Сертакова Е.А.* Анализ особенностей традиционных видов хозяйственной деятельности в Красноярском крае: досоветский, советский, современный периоды // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 3. С. 78-95.
- Караваева, 2008** – *Караваева Е.В.* Деятельность епископов Западной Сибири по формированию санитарно-гигиенической культуры крестьянства в конце XIX начале XX в. (на примере Томской епархии) // *Известия АлтГУ*. 2008. № 4-3. С. 115-118.
- Катцина, 2001** – *Катцина Т.А.* Приходская благотворительность в Енисейской губернии / *Церковь и государство: прошлое и настоящее: Тезисы докладов и сообщений науч. конф.* Красноярск. 2001. С. 18.
- Котова, Сулоцкий, 2023** – *Котова К.И., Сулоцкий А.И.* О христианских просветителях Сибири // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 2 (38). С. 34-41.
- Мельникова, 2023** – *Мельникова С.В.* Путевые дневники и воспоминания протоиерея П.В. Громова: к вопросу о художественности сибирской духовной словесности конца XIX в. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 86. С. 214-229.
- Мирошникова, 2001** – *Мирошникова Т.И.* Миссионерская деятельность православной церкви в Енисейской губернии (вторая половина XIX века). *Церковь и государство: прошлое и настоящее / Тезисы докладов и сообщений науч. конф.* Красноярск: Кларентанум. 2001. С. 33-37.
- Орфеев, 1888** – *Орфеев Н.* Предания о курганах у инородцев Минусинского округа // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1888. №11. С. 145-147.
- Отчет..., 1890** – Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Енисейской епархии за 1888-89 учебный год (Перепеч. из «Енисейских Епархиальных ведомостей»). Красноярск, 1890. 32 с.
- Персианов, 2000** – *Персианов Г.* Из истории Енисейской епархии // *Журнал Красноярской Енисейской епархии*. Красноярск. Вып. 1. 2000. С. 25.
- Персианов, 2003** – *Персианов Г.* Миссионерская работа Красноярско-Енисейской Епархии // *Журнал Красноярской Енисейской епархии*. Красноярск. 2003. С. 28-31.
- Попов, 2018** – *Попов Д.И.* Просветительное движение в Сибири после Первой российской революции: от кризиса к возрождению // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2018. № 4. С. 130-136.
- Правила..., 1888** – Правила для приема детей в училища слепых ведомства Мариинского Попечительства // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1888. №11. С. 153-154.
- Савенков, 1884** – *Савенков И.Т.* Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно просветительным делом в Епархии // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1884. №4. С. 54-71.
- Савенков, 1891a** – *Савенков И.Т.* Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий, и сельским учителям // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1891. №6. С. 92-100.
- Савенков, 1891b** – *Савенков И.Т.* Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий, и сельским учителям // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1891. №7. С. 113-121.
- Савенков, 1893** – *Савенков И.Т.* Сборник вопросов по учебно-воспитательной практике в начальном училище // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1893. №9. С. 1-14.
- Свечникова, 2017** – *Свечникова О.М.* Миссионерская деятельность архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина (Благонравова) и ее критика. Москва: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2017. С. 201-205.
- Сертакова, Ситникова, 2022** – *Сертакова Е.А., Ситникова А.А.* Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веках // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. 6(2). С. 94-106.
- Султанбаева, 2007** – *Султанбаева К.И.* Роль первых культурно-просветительских учреждений в народном образовании на территории современной Хакасии и Минусинского района // *Сибирский педагогический журнал*. 2007. №7. С. 189-202.
- Терскова, 2010** – *Терскова А.А.* Духовное сословие Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX веков // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева*. 2010. №1. С. 236-242.
- Терскова, 2015** – *Терскова А.А.* Общественная деятельность приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Енисейской епархии) // *Эпоха науки*. 2015. № 4. С. 609-614.
- Терскова, Кушнарченко, 2023** – *Терскова А.А., Кушнарченко Е.Е.* Учителя церковно-приходских школ енисейской губернии в конце XIX–начале XX в.: социокультурная характеристика // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2023. №. 3 (29). С. 187-197.

Ткалич, 2019 – Ткалич А.И. Священник Андрей Аргентов - миссионер и ученый (к 200-летию священника, миссионера и ученого А.И. Аргентова) // *Гуманитарное пространство*. 2019. Т. 8. № 5. С. 716-723.

Харченко, 2005 – Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб. 2005. 510 с.

Чуркина, 2015 – Чуркина Н.И. Каналы коммуникации государства и общества в образовательном пространстве Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. №3 (7). С. 89-92.

Шпак, Пчелкина, 2021 – Шпак А.А., Пчелкина Д.С. Формирование сложных идентичностей и процессы этнической самоидентификации (на материале анализа регионов Сибирского федерального округа) // *Сибирский антропологический журнал*. 2021. Т. 5. № 2. С. 86-96.

Kolesnik et al., 2023 – Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Omelik A.A., Ermakov T.K. The art of decorating mass soviet holidays (1918–1923) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(11): 1918-1935.

Koptseva et al., 2022 – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Menzhurenko Y.N., Pchelkina D.S. Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art // *Bylye Gody*. 17(4): 1693-1703.

Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4). Pp. 1028-1038.

Menzhurenko, 2022 – Menzhurenko Y.N. The image of the North in periodical publications of the Russian Empire at the end of the 19th century. *Bylye Gody*. 2022. 17(2). Pp. 867-875.

Seredkina, 2023 – Seredkina N.N. Cultural and educational activities among the indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk territory in the Soviet period: analysis of the materials of the Evenki archive // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(8). Pp. 1382-1395.

References

Aksenova, 2018 – Aksenova, G.V. (2018). Sokol'nikov Evgenii Vladimirovich. Zhiznennyi put' i osobennosti sluzheniia preosviashchennogo episkopa Iakutskogo i Viliuiskogo Iakova (Domskogo) [Sokolnikov Evgenii Vladimirovich. Life path and features of the service of the Most Reverend Bishop of Yakutsk and Vilyuisk Iakov (Domskoi)]. *Vestnik RUDN. Istorii Rossii*. (2): 408-439. [in Russian]

Belyanin, 2022 – Belyanin, D.N. (2022). Osnovnyye meropriyatiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi v bor'be za trezvyi obraz zhizni v sibirskoy derevne v nachale XX veka (po materialam yeparkhial'nykh vedomostey) [The main activities of the Russian Orthodox Church in the struggle for a sober lifestyle in a Siberian village at the beginning of the twentieth century (based on materials from diocesan bulletins)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiya*. 75: 5-14. [in Russian]

Bibikova, 2004 – Bibikova, V.F. (2004). Rol' chastnoi i obshchestvennoi initsiativy v razvitiі obrazovaniia v Eniseiskoi gubernii v kontse XIX nachale XX vekov [The role of private and public initiative in the development of education in the Yenisei province at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries]. Krasnoyarsk, 167 p. [in Russian]

Boldyrev, 2008 – Boldyrev, Yu.V. (2008). Istoriiya pravoslaviia na beregakh Eniseia [The history of Orthodoxy on the banks of the Yenisei]. Krasnoyarsk, 192 p. [in Russian]

Brodneva, 2004 – Brodneva, A.V. (2004). Vklad dukhovenstva v razvitie nauki i kul'tury Sibiri [The contribution of the clergy to the development of science and culture in Siberia]. *Krasnoyarsk: Otdel po religioznomu obrazovaniiu i katekizatsii*. (5): 201-206. [in Russian]

Brodneva, 2013 – Brodneva, A.V. (2013). Vasilii Dmitrievich Kas'ianov i ego letopis' npravov sibirskogo obshchestva (1870-1897). Zhit' ne po lzhi [Vasilii Dmitrievich Kas'ianov and his chronicle of the morals of Siberian society (1870-1897). Live not by lies]. *Iazyk i sotsial'naiа dinamika*. (13-1): 167-186. [in Russian]

Churkina, 2015 – Churkina, N.I. (2015). Kanaly kommunikatsii gosudarstva i obshchestva v obrazovatel'nom prostranstve Zapadnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Channels of communication between the state and society in the educational space of Western Siberia (late 19th - early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*. (3). 7: 89-92. [in Russian]

De-la Sizeran, 1888 – De-la Sizeran, M. (1888). Rukovodstvo dlya pervonachal'nogo vospitaniya slepykh detey [Guidelines for the initial education of blind children]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 11: 147-153. [in Russian]

Domuschi, 2019 – Domuschi, S. (2019). Uchenie novomuchenika Ioanna Popova o sovesti v kontekste npravstvennogo bogosloviia XIX veka [The teaching of the new martyr Ioann Popov on conscience in the context of 19th century moral theology]. *Bogoslovskii vestnik*. 34(3): 138-158. [in Russian]

- Elizarova, 2006** – *Elizarova, N.V.* (2006). Deiatel'nost' pravoslavnykh missionerov po rasprostraneniuiu prosveshcheniia sredi korennykh sibirskikh narodov [The activities of Orthodox missionaries to spread education among the indigenous Siberian peoples]. *ONV*. 6(42): 13-18. [in Russian]
- Karavaeva, 2008** – *Karavaeva, E.V.* (2008). Deiatel'nost' episkopov Zapadnoi Sibiri po formirovaniuiu sanitarnogigienicheskoi kul'tury krest'ianstva v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Tomskoi eparkhii) [The activities of the bishops of Western Siberia in the formation of the sanitary and hygienic culture of the peasantry at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries (on the example of the Tomsk diocese)]. *Izvestiia AltGU*. (4-3): 115-118. [in Russian]
- Katsina, 2001** – *Katsina, T.A.* (2001). Prikhodskaia blagotvoritel'nost' v Eniseiskoi gubernii [Parish charity in the Yenisei province]. *Tserkov' i gosudarstvo: proshloe i nastoiashchee: Tezisy dokladov i soobshchenii nauch. konf. Krasnoarsk*, p. 18. [in Russian]
- Kharchenko, 2005** – *Kharchenko, L.N.* (2005). Pravoslavnaia tserkov' v kul'turnom razvitiu Sibiri (vtoraia polovina XIX – fevral' 1917 g.) [The Orthodox Church in the cultural development of Siberia (second half of the 19th – February 1917)]: ocherk istorii. SPb, 510 p. [in Russian]
- Koptseva et al., 2022** – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Y.N., Pchelkina, D.S.* (2022). Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art. *Bylye Gody*. 17(4): 1693-1703.
- Koptseva, Reznikova, 2015** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* (2015). Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.
- Kotova, Sulotskii, 2023** – *Kotova, K.I., Sulotskii, A.I.* (2023). O khristianskikh prosveshchiteliakh Sibiri [On the Christian educators of Siberia]. *Vestnik OmGU. Serii «Istoricheskie nauki»*. 10(2): 34-41. [in Russian]
- Livanov, 1877** – *Livanov, F.V.* (1877). Zhizn' selskogho sviashchennika. Bytovaia khronika iz zhizni russkogo dukhovenstva [The life of a rural priest. A domestic chronicle from the life of the Russian clergy]. M., 317 p. [in Russian]
- Melnikova, 2018** – *Melnikova, S.V.* (2018). Sibir' kak ob'ekt nauchnogo, filosofskogo i khudozhestvennogo osmysleniia v sochineniiakh arkhiepiskopa Irkutskogo Nila (N. F. Isaakovicha, 1779-1874) i episkopa Iakutskogo Iakova (I.P. Domskego, 1823-1889) [Siberia as an object of scientific, philosophical and artistic comprehension in the writings of Archbishop of Irkutsk Nil (N. F. Isaakovich, 1779-1874) and Bishop of Yakutsk Iakov (I.P. Domskoii)]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya*. 52: 184-200. [in Russian]
- Melnikova, 2023** – *Melnikova, S.V.* (2023). Putevye dnevniki i vospominaniia protoiereia P.V. Gromova: k voprosu o khudozhestvennosti sibirskoi dukhovnoi slovesnosti kontsa XIX v. [Travel diaries and memoirs of Archpriest P. V. Gromov: on the issue of the artistic nature of Siberian spiritual literature of the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 86: 214-229. [in Russian]
- Miroshnikova, 2001** – *Miroshnikova, T. I.* (2001). Missionerskaia deiatel'nost' pravoslavnoi tserkvi v Eniseiskoi gubernii (vtoraia polovina XIX veka) [Missionary activity of the Orthodox Church in the Yenisei province (second half of the 19th century)]. *Tserkov' i gosudarstvo: proshloe i nastoiashchee: Tezisy dokladov i soobshchenii nauch. konf. Krasnoarsk*, pp. 33-37. [in Russian]
- Orfeyev, 1888** – *Orfeyev, N.* (1888). Predaniya o kurganakh u inorodtsev Minusinskogo okruga [Legends about burial mounds among foreigners of the Minusinsk district]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 11: 145-147. [in Russian]
- Otchet..., 1890** – *Otchet o sostoyanii tserkovno-prikhodskikh shkol i shkol gramotnosti Yeniseyskoy yeparkhii za 1888-89 uchebnyy god (Perepech. iz «Yeniseyskikh Yeparkhial'nykh vedomostey»)* [Report on the state of parish schools and literacy schools of the Yenisei diocese for the 1888-89 academic year (Reprint from the Yenisei Diocesan Gazette)]. Krasnoyarsk, 1890. 32 p. [in Russian]
- Persianov, 2000** – *Persianov, G.* (2000). Iz istorii Eniseiskoi eparkhii [From the history of the Yenisei diocese]. *Zhurnal Krasnoarskoi-Eniseiskoi eparkhii*. (1): 25. [in Russian]
- Persianov, 2003** – *Persianov, G.* (2003). Missionerskaia rabota Krasnoarsko-Eniseiskoi Eparkhii [Missionary work of the Krasnoyarsk-Yenisei Diocese]. *Zhurnal Krasnoarskoi-Eniseiskoi eparkhii*. Pp. 28-31. [in Russian]
- Popov, 2018** – *Popov, D.I.* (2018). Prosvetitel'noe dvizhenie v Sibiri posle Pervoi rossiiskoi revoliutsii: ot krizisa k vozrozhdeniiu [The educational movement in Siberia after the First Russian Revolution: from crisis to revival]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serii «Istoricheskie nauki»*. 4: 130-136. [in Russian]
- Pravila..., 1888** – *Pravila dlya priyema detey v uchilishcha slepykh vedomstva Mariinskogo Popezhitel'stva* [Rules for the admission of children to schools for the blind of the Mariinsky Guardianship]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1888. №11. Pp. 153-154. [in Russian]
- Savenkov, 1884** – *Savenkov, I.T.* (1884). Neskol'ko slov o narodnom obrazovanii v svyazi s religiozno prosvetitel'nym delom v Eparhii [A few words about public education in connection with the religious and educational work in the Diocese]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 4: 54-71. [in Russian]

- Savenkov, 1891a – Savenkov, I.T. (1891). Opyt nastavleniya vypusknykh vospitannikam uchitel'skikh seminar'iy, i sel'skim uchitelyam [Experience in mentoring graduate students of teachers' seminaries, and rural teachers]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 6: 92-100. [in Russian]
- Savenkov, 1891b – Savenkov, I.T. (1891). Opyt nastavleniya vypusknykh vospitannikam uchitel'skikh seminar'iy, i sel'skim uchitelyam [Experience in mentoring graduate students of teachers' seminaries, and rural teachers]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 7: 113-121. [in Russian]
- Savenkov, 1893 – Savenkov, I.T. (1884). Sbornik voprosov po uchebno-vospitatel'noj praktike v nachal'nom uchilishche [Collection of questions on educational practice in primary school]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 9: 1-14. [in Russian]
- Seredkina, 2023 – Seredkina, N.N. (2023). Cultural and educational activities among the indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk territory in the Soviet period: analysis of the materials of the Evenki archive. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(8): 1382-1395.
- Sertakova, Sitnikova, 2022 – Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A. (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennii M. M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniiu k korennykh malochislennym narodam Eniseiskoi gubernii v XIX - nachale XX vekov [The charter on the "Management of foreigners", compiled by M. M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous small-numbered peoples of the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 6(2): 94-106. [in Russian]
- Shpak, Pchelkina, 2021 – Shpak, A.A., Pchelkina, D.S. (2021). Formirovanie slozhnykh identichnosti i protsessy etnicheskoi samoidentifikatsii (na materiale analiza regionov Sibirskogo federal'nogo okruga) [Formation of complex identities and processes of ethnic self-identification (based on the analysis of the regions of the Siberian Federal District)]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 5(2): 86-96. [in Russian]
- Sultanbaeva, 2007 – Sultanbaeva, K.I. (2007). Rol' pervykh kul'turno-prosvetitel'skikh uchrezhdenii v narodnom obrazovanii na territorii sovremennoi Khakasii i Minusinskogo raiona [The role of the first cultural and educational institutions in public education in the territory of modern Khakassia and the Minusinsk district]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 7: 189-202. [in Russian]
- Svechnikova, 2017 – Svechnikova, O.M. (2017). Missionerskaia deiatel'nost' arkhiepiskopa Irkutskogo i Nerchinskogo Veniamina (Blagonravova) i ee kritika [Missionary activity of Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk Veniamin (Blagonravov) and its criticism]. M., pp. 201-205. [in Russian]
- Terskova, 2010 – Terskova, A.A. (2010). Dukhovnoe soslovie Eniseiskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov [The clergy of the Yenisei province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva*. 1: 236-242. [in Russian]
- Terskova, 2015 – Terskova, A.A. (2015). Obshchestvennaia deiatel'nost' prikhodskogo dukhovenstva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Eniseiskoi eparkhii) [Public activity of the parish clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of the Yenisei diocese)]. *Epocha nauki*. 4: 609-614. [in Russian]
- Terskova, Kushnarenko, 2023 – Terskova, A.A., Kushnarenko, Ye.Ye. (2023). Uchitelya tserkovno-prikhodskikh shkol yeniseyskoi gubernii v kontse XIX – nachale KHKH v.: sotsiokul'turnaya kharakteristika [Teachers of parochial schools in the Yenisei province at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: sociocultural characteristics]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 3(29): 187-197.
- Tkali, 2019 – Tkali, A.I. (2019). Sviashchennik Andrei Argentin – missioner i uchenyi (k 200-letiiu sviashchennika, missionera i uchenogo A. I. Argentova) [Priest Andrei Argentin – missionary and scientist (to the 200th anniversary of the priest, missionary and scientist A. I. Argentin)]. *Gumanitarnoe prostranstvo*. 8(5): 716-723. [in Russian]
- Zamaraeva et al., 2022 – Zamaraeva Yu. S., Leshchinskaia N. M., Sertakova E. A. (2022). Analiz osobennosti traditsionnykh vidov khoziaistvennoi deiatel'nosti v Krasnoiarskom krae: dosovetskii, sovetskii, sovremennyi periody [Analysis of the features of traditional types of economic activity in the Krasnoyarsk Territory: pre-Soviet, Soviet, modern periods]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(3): 78-95. [in Russian]

Священнослужители-просветители Сибири в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Наталья Михайловна Лещинская^{a, *}, Наталья Николаевна Пименова^a,
Юлия Николаевна Менжуренко^a, Наталья Анатольевна Сергеева^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: trognonulia@gmail.com (Н.М.Лещинская)

Аннотация. Статья посвящена вопросу участия священнослужителей в деле просвещения населения Российской империи на территории Сибири в период второй половины XIX – начала XX вв. В качестве репрезентативного для этой темы материала выбраны публикации газеты «Енисейские епархиальные ведомости». В ходе исследования детальное внимание уделено таким репрезентативным материалам, как публикации педагога И.Т. Савенкова и подробный отчет о деятельности епархии в области народного образования за 1889 год. Исследование подтверждает значение духовенства в деле образования. Помимо миссионерской деятельности по распространению христианского православного учения на северных и сибирских территориях Российской империи, православные священнослужители выполняли и другие важнейшие формы общественной деятельности. Материалы издания «Енисейских епархиальных ведомостей» рассмотрены в статье как исторический источник, раскрывающий особенности просветительской деятельности священнослужителей на территории Сибири в кон. XIX – нач. XX вв. в контексте истории развития народного образования в Енисейской губернии. Православные священнослужители не только организовывали школы, но также брали на себя обязанности учителей даже дисциплин светского знания, зачастую безвозмездно, распространяя тем самым идеалы христианского милосердия в своих практических делах.

Ключевые слова: просветительская деятельность, православные священнослужители, образование, «Енисейские епархиальные ведомости», Российская империя, Сибирь.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1795-1804
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1795

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Practices of Social Asceticism in the Russian Province in the end of 19th – early 20th centuries (Using the Example of Penza Department of the Society for the Care of the Wounded and Sick Soldiers and the Sisters of Charity Community)

Natalia A. Koblova ^{a,*}

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the experience of women's participation in the activities of the Society for the Care of Sick and Wounded Soldiers on the example of its Penza department. Special attention is paid to the social volunteering of women of different classes within the framework of the Penza Community of Sisters of Charity in the name of St. Olga.

The source base of the study was the materials of the paperwork of the Penza department of the Society for the Care of Sick and Wounded Soldiers, regulating the issues of joining the Society as sisters of charity, articles of the provincial periodicals on the activities of the local ladies' club at the Society, as well as a report on the activities of the local Community of Sisters of Charity. The issues of joining the Society, training sisters of charity, the activities of the ladies' club and the local Community of Sisters of Charity are investigated.

The direct participation of Penza noblemen in caring for sick and wounded soldiers was a reference model of behavior that formed new social standards. The willingness of ladies, not burdened with material worries, to serve society and take care of its good contributed to the formation of social responsibility and the spiritual and moral identity of the local community.

The analysis of the petitions of the Penza provincials on the issue of joining the sisters of charity allowed to analyze the motives, social and age structure. It is noted that the possibility of active empathy forms a new image of a woman of the post-reform period and opens up prospects for her social realization.

It has been revealed that the internal and external challenges of the post-reform period provoked a wave of patriotic feelings, which contributed to the consolidation of Russian society and the formation of new models of interaction between the authorities and public.

Keywords: practices of social asceticism, the end of the XIX – early XX centuries, Russian Red Cross Society, sisters of charity, sisters of charity communities, Penza region, charity.

1. Введение

Популярность темы социального волонтерства является не просто показателем интереса к благотворительной деятельности, но и отражением более широкого процесса поиска эффективных моделей взаимодействия между властью и обществом. В условиях глобальных вызовов и стремительного развития социальных технологий возрастает потребность в новых формах сотрудничества и взаимопомощи, что делает изучение исторического опыта функционирования общественных организаций особенно актуальным. Анализ деятельности этих организаций в пореформенной России предоставляет ценные сведения о паттернах поведения различных социальных групп в эпоху ускоренной модернизации, раскрывая механизмы, которые способствовали адаптации общества к новым реалиям и укреплению его сплоченности. Этот опыт может служить

* Corresponding author

E-mail addresses: nata_koblova@mail.ru (N.A. Koblova)

важным ориентиром для современных исследователей, стремящихся понять динамику социального взаимодействия в периоды масштабных социальных и политических перемен. Ярким примером масштабного участия общества в деле социальной взаимопомощи является деятельность Российского Общества Красного Креста (РОКК). Интенсификации деятельности РОКК способствовало военное время, когда Общество «обеспечивало гуманитарную помощь военнослужащим и военнопленным, а также оказывало серьезную поддержку гражданскому населению, пострадавшему в результате военных действий» (Томан, 2002: 13). Однако масштабируемость социальных практик, повлекшая за собой открытие отделений на местах, обеспечила вовлеченность населения Империи в работу РОКК и вне военного времени.

Очевидным трендом пореформенной эпохи становится демократизация благотворительной деятельности: все более широкие массы населения находят свою «нишу» на ниве социальной помощи. Общественная благотворительность постепенно становится частью государственной системы социального обеспечения (Соколов, 2006). По всей стране возникают общины сестер милосердия, сочетавшие в себе традиции русской набожности и европейского гуманизма. Возникающие объединения продолжали традиции духовного подвижничества, исконные в русском обществе (Ковригина, 2000: 397).

Анализ деятельности РОКК позволяет сделать выводы об изменении роли женщин в России в пореформенный период. В этот исторический момент, когда страна переживала значительные социальные и политические изменения, женщины начали активно выходить за рамки традиционных частных ролей, которые ранее ограничивали их возможности. Участие в общественной деятельности, в частности в работе таких организаций, как РОКК, дало женщинам разных сословий новые пути для самореализации, позволив им внести ощутимый вклад в общественную жизнь и развитие страны. Медицинское образование в этом ключе рассматривалось как средство изменения общественного статуса женщины, связанного с распространением гуманистических и либеральных идей (Косегченкова, 2014: 1184). Дело сестер послужило «убедительным примером того, какую важную роль может сыграть женский медицинский персонал в деле облегчения участи раненых на войне» (Соколова, 2013: 42). Тем самым появление профессии «сестра милосердия» дало новый виток развитию российской медицины.

2. Материалы и методы

В качестве источников исследования выступают комплексы документальных свидетельств, представленные в Государственном архиве Пензенской области (Пенза, Российская Федерация) и сформированные в несколько дел фонда Пензенского управления Общества попечения о раненых и больных воинах, а впоследствии – местного управления РОКК. Особый интерес в рамках данного исследования представляют данные о личном составе служащих общества, об учреждении дамского кружка для дежурства в больницах, о пожертвованиях денежных средств, о награждении знаком отличия (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10, 22, 38, 93). Кроме того, используются материалы по истории общин сестер милосердия Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Важные материалы о работе и финансировании местного отделения РОКК содержатся в Отчетах (Отчет..., 1901; Отчет..., 1910). Деятельность Общины сестер милосердия во имя Св. Ольги также анализируется с помощью сохранившейся отчетности (Отчет..., 1912).

Информация о работе дамского кружка предоставлена публикациями в Пензенских губернских ведомостях (Телеграмма..., 1877: 5).

В основе методологии исследования лежит комплекс методов истории повседневности и локальной истории, позволяющих сконструировать модели социального поведения российского общества пореформенного периода. Автор уделяет внимание социально-психологическим и культурно-антропологическим аспектам феномена социального подвижничества. Важной частью методологического инструментария становится исследование «эмоциональной культуры», эмпатии провинциального общества в русле отправления общественной благотворительности. В частности, такие методы позволяют выявить факторы мотивации участия в общественной жизни. Применение биографического метода обусловлено необходимостью презентации индивидуального нравственного подвига провинциального дворянства.

3. Обсуждение

Интерес к деятельности РОКК проявился еще со стороны современников событий XIX столетия. Исторический опыт участия русской женщины в деле попечения о больных и раненых воинах описывается врачом-гигиенистом П.А. Илинским. Автор дает широкую справку о деятельности женщин на фронте, условиях подготовки, отправления и распределения на места боевых действий, а также характеризует бытовые стороны жизни медицинского персонала, описывая их вклад в организацию полевых госпиталей, участие в эвакуации раненых и обеспечение санитарных условий во время русско-турецкого конфликта 1877–1878 гг. (Илинский, 1879). Уже в ранних исследованиях обращается внимание на самые искренние мотивы женской медицинской помощи. Женщины

работали непосредственно в местах сражений и в местных отделениях РОКК за скромные оклады сестер милосердия, «но во многих местах соглашались получать и получали менее этой суммы, а иные и вовсе отказывались от жалования, работая единственно из желания принести пользу своим трудом Отечеству» (Илинский, 1879: 41).

Советское время внесло свои коррективы в отношении к Обществу Красного Креста, выведя его из поля зрения исследователей. Упоминания о РОКК как о «буржуазно-филантропической организации, преданной царизму» представлены в изысканиях Г.А. Митерева (Митерев, 1959: 14).

Актуализация изучения практик социального служения в рамках работы РОКК приходится уже на новое столетие. Исследуются вопросы условий возникновения общин сестер милосердия и их эволюции в начале XX века. Еще одним аспектом исследований выступает мотивационный фактор: «если раньше основной мотивацией в работе сестры считалась любовь к ближнему... то отныне сестра – это патриот, выполняющий свои обязанности ради победы страны или идеи» (Конохова, 2012: 94). Сестра милосердия превращается из исключительно благотворительной идеи в «профессию» (Иванова, 2002: 99).

В современных справочных изданиях общины сестер милосердия характеризуются как одна из форм «институализации женского служения, в России, тесно связанного с христианскими традициями». Тем не менее общины изначально не были подчинены Церкви (за редким исключением), а являлись светскими учреждениями, патронированными, как правило, членами императорского дома и дворянами (Общины..., 2019: 205). Например, интересующая нас Пензенская община во имя Святой Ольги, возникшая в 1894 году, все время своего существования находилась на попечении супруги дворянина Любови Сергеевны Протасьевой (Общины..., 2019: 412).

Внимание пензенской общественности к деятельности Общины отмечается многочисленностью писем «с просьбой о зачислении в сестры милосердия» (Батрова, Семянкова, 2022: 27). Таким образом, очевидна потребность в изучении мотивов вступления женщин в ряды сестер милосердия для понимания опыта социального служения.

4. Результаты

Практика сестринского служения была известна на русской почве еще до утверждения в 1867 году Устава Общества попечения о больных и раненых воинах (далее – Общество). Свято-Троицкая община с отделением сестер милосердия существовала с 1844 года (РГИА. Ф. 203. Оп. 2. Д. 1. Л. 206.). Однако помощь сестер в деле ухода за ранеными воинами стала применяться только в следующем десятилетии. Необходимость частной помощи, живого содействия общества в деле призрения за больными и ранеными воинами стала очевидна во время Крымской войны. Помощь раненым на местах боевых действий стали оказывать сестры Крестовоздвиженской общины, учрежденной 5 ноября 1854 года. Обученные Н.И. Пироговым и впоследствии работавшие под его же руководством в Севастополе сестры милосердия внесли неоценимый вклад в дело заботы о воинах. Этот опыт оказался настолько успешным, что впоследствии данная практика была масштабирована: на территории всей Империи начали учреждаться новые общины сестер милосердия.

Исторический опыт показывает, что общество способно оперативно консолидироваться в кризисные моменты. Реакцией на внешнеполитические вызовы становятся крепнущие патриотические идеи, поиск новых стратегий выживания. Такие идеи в российской провинции XIX столетия охватывают все большую часть населения. Отправной точкой в деле реализации русской женщины на общественном поприще становится конфликт с турками (война 1877–1878 гг.): «Первый раз за все последнее время – русская женщина, тщетно бившаяся в охватывающем ее со всех сторон омуте ничегонеделания, почувствовала под ногами что-то твердое... Вышла на тяжелый путь, но все-таки путь...» (Немирович-Данченко, 1911: 41). Военные события не только подсвечивают негативные аспекты общественной жизни, но и создают условия для глубокого переосмысления моральных ценностей и обращения к нравственным образцам. В такие периоды усиливается потребность в героических поступках, самоотверженности и сострадании, которые становятся важными ориентирами в жизни общества. Рост количества жертв войны привел к всплеску «общественной инициативы по оказанию благотворительной помощи во всех регионах Российской империи и среди всех сословий» (Белова, 2010: 33).

Пензенское отделение Общества открывается в декабре 1876 года. Его председателем стала Лидия Арсеньевна Татищева, супруга пензенского губернатора А.А. Татищева. Лидия Арсеньевна явила собой эталон женской провинциальной благотворительности. Она стала инициатором открытия отделения Русского музыкального общества и классов при нем (1882 г.), общества вспомоществования при женской гимназии (1878 г.), основала женскую ремесленную школу – «школу трудолюбия», способствовала открытию учительской семинарии, нескольких начальных мужских и женских училищ, реального училища, ремесленной школы им. Ф.Е. Швецова (Тюстин, Шишкин, 2012: 199).

У Общества – широкий круг обязанностей, охватывающий разные направления. Оно занималось сбором пожертвований на помощь армии, заготовкой предметов госпитального снабжения, включая медикаменты, перевязочные материалы и прочие необходимые ресурсы для

лечения, снаряжением сестер милосердия для командирования их на места сражений. Например, Общество ведало делом «встречания и довольствования» нижних чинов запаса, возвращавшихся с Дальнего Востока в Сибирь через Пензу в 1900 году. Участие в приеме и довольствовании приняли члены местного Общества, а также попечительница Общины сестер милосердия Л.С. Протасьева, госпожи В.А. Потулова и В.О. Лезина, старшая сестра милосердия Е.Ф. Андреева с другими сестрами (Отчет..., 1901: 7).

Помощь местному отделению РОКК оказало губернское земство, взявшее на себя разрешение ряда проблем. Так, отделением был получен от земства каменный двухэтажный корпус (территория областной больницы им. Н.Н. Бурденко в г. Пензе), который был использован для устройства лазарета. Кроме того, земство открыло лазарет на 120 кроватей. Необходимость ухода за больными обусловила начавшуюся подготовку медицинского персонала.

Пензенские женщины проявили желание деятельного участия в сестринской службе. Об этом свидетельствуют прошения, написанные к председательнице Пензенского отделения Общества Л.А. Татищевой. Анализ обращений позволяет выявить сословный и возрастной состав кандидаток в сестры милосердия, общественное положение, уровень грамотности, профессиональную подготовку, а главное – мотивы, приводившие в социальное движение провинциалок. Всего «заявили желание в сестры Красного Креста» 55 кандидаток в возрасте от 17 до 55 лет (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 59-60).

Исходя из содержания прошений, отметим, что иногда высокая потребность служения ближнему была продиктована вполне мирской потребностью в пище и одежде. Об этом свидетельствуют прямые формулировки в текстах прошений, например, солдатка Марфа Сергеевна Мокшанцева, желавшая поступить в Кавказскую часть армии, просит Председательницу ходатайствовать о ее поступлении в сестры и добавляет: «от Общества Красного Креста желаю получать одежду, пищу и обувь» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 3). Некоторые кандидатки находились в положении, граничащем с нищенским. В этом отношении показательны прошения инсарских мещанок Марии Афанасьевны Вилковой и Елены Осиповны Соколовой от 30 мая 1877 года: «Нахожусь в самом бедном положении, так что не имею средств добыть себе кусок насущного хлеба, а как известно что будто есть вакансии заступать в хожалки для привозимых с поля битвы больных и раненых нижних чинов, почему и осмеливаюсь прибегнуть с покорнейшею просьбой к Вашему Превосходительству не благоугодным ли будет сделать распоряжение о принятии меня на упомянутую вакансию, на что и осмеливаюсь ожидать Вашей милостивой резолюции» (тексты обоих прошений идентичны, поскольку по неграмотности обеих мещанок записаны рядовым Василием Климовым, вероятно, со слов просящих – прим. автора) (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 19-20).

Тем не менее искренние мотивы служения обществу в рядах сестер милосердия находят отражение в большинстве прошений. Это выражается в филантропической готовности безвозмездного служения, о чем пишет Наровчатскому уездному предводителю дворянства вдова, солдатка из г. Нижнего Ломова Раида Александровна Башмачникова: «...имею желание посвятить себя труду бесплатно ухаживать за больными и ранеными воинами, по чему прошу Вас ходатайствовать у кого следовать будет о зачислении меня в число так называемых сестер милосердия» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 15). Возможность реализоваться в обществе путем социального служения – вот идея, которая распространяется среди женского населения империи благодаря деятельности сестер милосердия. Эта идея руководит женщинами при написании прошений. Так, крестьянская девица с. Соболевки Чембарского уезда У.И. Семина свое прошение начала словами: «В виду настоящей войны против турок я при сорокалетнем возрасте и удовлетворительном здоровье желала бы составить некоторую пользу нашего Отечества – поступить в сестры милосердия» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 17). Наполняют свои тексты пензенские просительницы поистине патриотическими формулировками. Например, в письме к Председателю Пензенского Окружного Суда господину Мясоедову дочь умершего Наровчатского соборного дьячка Настасья Миронова Богдановская просит оказать содействие в том, чтобы «принести посильную помощь дорожному для каждого русского сердца Отечеству» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 7).

Основная задача сестер на фронте – оказание медицинской помощи больным и увечным, в связи с чем сестрам было необходимо иметь специальную подготовку. Согласно постановлению Управления обществом от 5 ноября 1877 года на базе упоминаемого госпиталя открывались курсы, слушательницы которых после успешно выдержанных экзаменов получали соответствующие свидетельства, по которым могли именоваться сестрами милосердия. Однако в ряды сестер милосердия поступали и женщины, уже имевшие медицинское образование или опыт работы в медучреждении. Среди анализируемых документов число сестер милосердия хотели пополнить акушерки Серафима Васильевна Попова и Елена Николаевна Никифорова, направившие соответствующие обращения Председательнице (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 29-30).

После получения прошений Управление распорядилось осуществить обучение и испытание кандидаток. За реализацию подготовки сестер милосердия отвечал старший врач В.Д. Владимиров. По окончании курса кандидатки были подвергнуты экзамену и обнаружили вполне удовлетворительное усвоение предметов обучения (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 61-61об.). Из 55 просительниц было отобрано 19 человек, которым было выдано свидетельство сестер Красного

Креста. В отношении остальных были направлены уведомления в соответствующие ведомства, что кандидатки не подходят под условия приема в сестры Красного Креста. Оставшимся местное управление дозволило ухаживать за больными и назначило определенное содержание (по 15 руб. в месяц жалования и по 5 руб. 50 к. столовых). Во время же обучения они получали стипендии от Управления по 10 рублей в месяц каждая. В виду предстоящего устройства нового госпиталя не было признано нужным отправлять некоторых из них в резерв для отправки в действующую армию (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 61об.-62). Успешным слушательницам курсов выдавалось пособие не более 7 руб. в месяц за ноябрь и декабрь 1877 года по удостоверению старшего врача земской больницы В.Д. Владимирова. Это пособие получали шесть женщин, среди них Татьяна Мемнонова, Марья Эпштейн, Ольга Пашкова, Марья Пискунова, Анна Тихомирова и Серафима Попова. А всего было выдано за два месяца обучения 84 рубля (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 83). 22 февраля 1878 года состоялся экзамен, проведенный Комиссией Управления под председательством Н.Н. Мясоедова и членством в составе Уполномоченного К.П. Перцова, губернского врачебного инспектора А.В. Холмского и уже упоминаемого старшего врача больницы В.Д. Владимирова (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 91). Среди обладательниц свидетельств на звание сестер милосердия, выдержавших экзамен, по итогам курсов были представительницы разных сословий: крестьянки, дочери офицеров, священнослужителей, купцов (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 10. Л. 91об.).

Сестринское дело – не единственная форма участия женщин в социальной помощи фронту. Прибытие в губернию увечных обусловило нравственный порыв активисток Пензенского общества. В сентябре 1877 года председательница управления «ввиду заявленного многими дамами Пензенского общества желания принять на себя дежурство в здешних госпиталях» учреждает «ежедневное дежурство из дам» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22 Л. 1-10б.). В новообразованном кружке состояли жена поручика А. Полторацкая и дочь поручика М. Полторацкая, вдова гвардии ротмистра С. Ранцева, вдова коллежского советника Н. Борецкая, жена коллежского асессора М. Васильева, дочь статского советника С. Волкова и другие, а всего подписавшихся 11 человек. Дамы единогласно избрали Л.А. Татищеву «попечительницей своего кружка» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 22 Л. 14-14об.). Вклад Лидии Арсентьевой в дело общественной благотворительности огромен, а потому и кандидатура ее на упомянутый пост не вызвала споров. 21 апреля 1877 г. она пожертвовала 1 тыс. рублей, «из коих 800 рублей предназначены в пособие на устройство временного госпиталя в г. Пензе, а 200 рублей на пособие нуждающимся семействам нижних чинов, призванных на службу» (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1). За благотворительную деятельность 22 июля 1878 г. Л.А. Татищевой был пожалован знак отличия Красного Креста первой степени (ГАПО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 93. Л. 1, 6). Приняла деятельное участие Лидия Арсентьева и в ежедневных дежурствах в городской и земской больницах.

Так называемые «дежурные дамы» находились в больницах посменно: первая – с утра до 3 часов, вторая – с 3 до 8, каждый день, включая воскресенье. Помимо непосредственного наблюдения не отказывались дежурные дамы и от других «добрых услуг» больным и раненым: писали письма родственникам, читали вслух, поддерживали беседу и исполняли разные просьбы. В Пензе дежурства проходили в двух лечебных заведениях: лазарете Общества Красного Креста и Земской больнице (Телеграмма..., 1877: 5).

Подобные дамские кружки создавались и при других отделениях по всей стране, а возникновение их «по примеру Киевского дамского кружка» отмечалось Августейшей покровительницей Общества Красного Креста как «желательное» действие. Однако стоит отметить, что проектированное в Киеве дежурство дам «в Пензе существует уже с самого прибытия к нам раненых только не в виде особого общества или кружка, а просто из тех же дам членов Красного Креста, добровольно принявших на себя легкие обязанности послужить несколько часов в день больным и раненым воинам» (Телеграмма..., 1877: 5).

Война с турками показала необходимость квалифицированной медицинской помощи, поэтому после ее окончания Красный Крест начал больше уделять внимания подготовке женского медицинского персонала. Это приводит к увеличению количества общин сестер милосердия. Если с 1844 (дата возникновения первой общины, Свято-Троицкой) до 1876 года в Российской империи было создано 17 общин, то с момента начала войны 1877–1878 гг. до 1903 года (принятие Нормального устава) возникло уже 93 общины (Общины..., 2019: 79).

Пензенская община сестер милосердия была открыта 17 мая 1894 года председательницей местного управления Красного Креста Варварой Ильиничной Горайновой. В.И. Горайнова своей биографией пополняет ряд выдающихся женских портретов эпохи. Жена пензенского губернатора, Варвара Ильинична была почетным членом Общества, а также почетной попечительницей Женской гимназии в Пензе (Адрес-календарь..., 1893: 12, 35).

Первоначально община располагалась в доме Бауера на Верхне-Пеший улице, а четыре года спустя переехала в двухэтажный каменный дом, купленный у господина Чемесова, с надворными постройками, большим участком земли и садом.

В 1896 году общину под свое покровительство взяла императрица Александра Федоровна, присвоив ей наименование «во имя святой Ольги» в честь небесной покровительницы великой княжны Ольги Николаевны, равноапостольной княгини Ольги, появившейся на свет в год основания Общины.

Бессменной председательницей совета общины с момента ее создания и до момента ликвидации в 1918 году была Любовь Сергеевна Протасьева (урождённая Загоскина), состоявшая почетным членом Общества Красного Креста. Лично встречавшаяся в 1896 году с императрицей Александрой Федоровной, Любовь Сергеевна имела прочное положение среди пензенского дворянства. Л.С. Протасьева являет собой еще один пример социального служения: она состояла членом различных Обществ вспомоществования, ей удалось добиться от Главного управления Российского Красного Креста денег на строительство больницы при Общине сестер милосердия на 40 мест, во время голода в Пензенской губернии в 1891–1892 г. Протасьева открыла в Рамзае общедоступную бесплатную столовую (Тюстин, Шишкин, 2012: 124). Товарищами Председательницы стали действительные члены Общества Красного Креста А.А. Вярвьильская и княжна А.П. Максимова.

На момент основания в общине было пять сестер милосердия, к 1 января 1897 г. число сестер увеличилось до 14, а к началу 1911 года в общине состояло уже 23 сестры милосердия (34 с испытываемыми) (Отчет..., 1912: 4-5, 10, 12). Эти данные не просто указывают на динамичное увеличение численности сестер милосердия, но и демонстрируют значительный рост интереса к сестринскому служению. Кроме того, данный тренд свидетельствует о растущем признании важности и значимости работы сестер в области медицинской помощи и социальной поддержки.

В первые годы сестры Пензенской общины трудились только в губернской земской больнице и в частных домах, что обеспечивало необходимую медицинскую помощь и уход на уровне региона. В дальнейшем сестры перенимали опыт работы в других общинах и осуществляли непосредственную практическую деятельность на местах сражений. Иными словами, наряду со стационарной активностью в своем регионе пензенская община отправляла сестер в командировки. Так, например, в 1897 г. сестры Софронова и Новосильцева проходили обучение массажу в Георгиевской общине в Санкт-Петербурге. 3 августа 1900 г. пять сестер Пензенской общины, в том числе упоминаемая ранее старшая Елена Софронова, были отправлены в Санкт-Петербург для присоединения к отряду Георгиевской общины (Отчет..., 1901: 6). Из столицы отряд уже вместе с пензенскими сестрами направился в Одессу, а затем на пароходе «Царица» – в Порт-Артур для работы в больнице Красного Креста (Общины..., 2019: 413). Финансовую помощь в командировании отряда оказало местное отделение Общества, затратившее на снаряжение и путевое довольствие 765 р. 2 к. (Отчет..., 1901: 6).

Во время Русско-японской войны Пензенская община наряду с другими учреждениями Красного Креста направила свои силы на служение раненым и больным воинам. Так, 24 марта 1904 г. по назначению Главного Управления и под руководством Местного Управления в Нерчинск был отправлен отряд из 15 сестер и четырех волонтеров в развернувшийся госпиталь на 200 кроватей милосердия, а 7 марта 1905 года был отправлен второй отряд из четырех сестер и двух волонтеров (Отчет..., 1912: 11-12).

Волонтерка Екатерина Владимировна Левитская, причисленная к числу сестер Пензенской общины, была послана в Харбин и назначена патроном 20-го сводного госпиталя, состоявшего из шести барачков по 125 человек каждый (Общины..., 2019: 413).

С самого основания общины сестры неоднократно посылались на борьбу с эпидемиями в Пензенскую губернию. Как ни продуктивна деятельность общины, но отсутствие собственной больницы ощущалось всегда остро и являлось существенным пробелом. Обсуждение такой необходимости длилось не один год, но ввиду недостаточности средств вопрос долго не решался.

1911-й год ознаменовался особо значимым событием для Общины – началось строительство собственной больницы, которая дала бы «возможность значительно расширить дело помощи больным и поставить на надлежащую почву подготовку сестер милосердия» (Отчет..., 1912: 7). Оборудование больницы при Общине было, по словам Попечительницы, «заветным желанием Совета», а оказавшему помощь в этом благом начинании Председателю Главного Управления Д.Р. Вилькену «Пензенская Община останется вечно благодарна» (Отчет..., 1912: 12). Больницу планировалось построить на Дворянской улице, а на торжественную закладку прибыли Начальник губернии, городской глава, общественные деятели и много публики.

Подобно тому, как пензенские сестры милосердия командировались в разные уголки мира в соответствии с общественным запросом, Пенза также нуждалась в помощи сестер других общин. Причиной этому служили эпидемии тех или иных болезней, волны которых возникали на фоне голодных, неурожайных лет. Обычно в случае вспышки эпидемии помощь населению оказывали местные комитеты РОКК, но, если ее было недостаточно, они направляли запрос в Главное управление. По просьбе данного органа центральные общины принимали решение об отправке медицинского персонала в пострадавшие регионы. В двух уездах Пензенской губернии в начале 1909 года среди местного населения появилось эпидемическое заболевание сыпным тифом. Ввиду этого по ходатайству Земской управы для организации помощи в борьбе с эпидемией «в феврале месяце были командированы в Пензу два врачебно-санитарных отряда» (Отчет..., 1909: 3). Такие отряды, как правило, состояли из врачей и сестер милосердия, а финансирование на их организацию и снабжение медикаментами выделялось Главным управлением. В составе командированных в Пензу отрядов прибыли врачи Л.А. Ландау и Л.И. Ляховский, а также восемь сестер милосердия

Елизаветинской общины: П.А. Петрова, М.И. Попова, М.Н. Аргатюк, Н.В. Погорецкая, А.М. Назарова, А.Ф. Лебедева, И.Ф. Ляпери и Н.А. Руднева (*Отчет...*, 1909: 4).

Врачи и сестры трудились в лазаретах и временно устроенных бараках под флагом Красного Креста в селах Саранского и Чембарского уездов губернии. Вследствие усиленных заболеваний сестры ухаживали за больными в соседних волостях. Помимо исполнения разных обязанностей (дежурство в лазарете, аптеке, прием амбулаторных больных, ведение хозяйственной части), сестры неоднократно командировались в разные селения для помощи больным на дому.

Медицинский долг и нравственный подвиг санитарных отрядов был сопряжен с большими рисками: во время таких командировок персонал сам заболел и нередко умирал. Из упомянутых отрядов болели тифом врач Ландау и сестра Лебедева (*Отчет...*, 1909: 5). Дело помощи пострадавшим продолжалось вплоть до улучшения эпидемиологической ситуации. Оставшиеся после расформирования отряда предметы снаряжения (медикаменты, припасы, белье и проч.) передавались в Пензенскую Общину сестер милосердия.

С 1912 по 1918 годы Община осуществляла подготовку сестер на специальных курсах, а в 1913 г. при Общине была построена собственная больница на 40 мест. В годы Первой мировой войны 133 сестры, в том числе военного времени и запаса, оказывали помощь в пензенском лазарете Всероссийского земского союза, земской больнице, на железнодорожном эвакуационном пункте. В то же время сестры работали в госпитале общины РОКК имени великого князя Михаила Александровича, Сердобском лазарете, в лазаретах Москвы, Варшавы, Екатеринбургa, Вольского кадетского корпуса в Саратовской губернии, в полевых подвижных госпиталях и военно-санитарных поездах.

17 апреля 1915 года утвержден знак Пензенской общины сестер милосердия. Он носился на муаровой ленте черно-оранжево-белого цвета. Его удостоивались сестры, безусловно прослужившие в общине не менее пяти лет.

5. Заключение

Таким образом, охватившая российское общество волна патриотических настроений способствовала расширению масштаба и демократизации благотворительной деятельности. Усиливающееся в напряженные периоды участия государства в военных столкновениях желание быть полезным другим нашло свое выражение в деятельности РОКК. Особое место в работе РОКК отводится женщине, принявшей на себя роль активной жертвовательницы и квалифицированной сестры милосердия.

Личный пример нравственного служения, демонстрируемый провинциальными дворянками, стал эталонным образцом поведения в период социальной трансформации пореформенной эпохи. Эти женщины, представляющие высшие слои общества, своим благородным и самоотверженным поведением не только продемонстрировали идеалы нравственности, но и закрепили их в качестве примера для подражания. В условиях, когда государственные ресурсы для социального обеспечения были ограничены и часто не справлялись с нарастающими социальными потребностями, их активное участие в благотворительности и волонтерстве стало важным способом восполнения недостатка поддержки со стороны государства.

Провинциальные дворянки, принимая на себя инициативу в организации помощи нуждающимся, активно формировали новую норму духовно-нравственного служения. Их действия способствовали формированию общественного понимания и принятия идеалов самопожертвования и заботы о ближнем. Эти женщины занимались не только организацией благотворительных акций, но и внедрением эффективных практик по социальной помощи, создавая тем самым основу для новых социальных стандартов.

Практики социального служения масштабировались и охватывали все большее количество представительниц российской провинции. Адресантами подаваемых прошений о зачислении в число сестер милосердия становились женщины различных возрастных и сословных групп, что говорит о всеобъемлющем масштабе интереса к общественно-полезному делу. Образование пензенского отделения Общества попечения о больных и раненых воинах открыло новую страницу в деле публичной реализации женщины. Чувствуя в себе потребность в посильной помощи ближнему и служении Отечеству, пензенские провинциалки выражают искреннюю готовность посвятить себя общественному служению. Такое общественное внимание, в свою очередь, способствовало разрешению проблемы ухода за жертвами военных конфликтов. Подготовка сестер милосердия разрешила проблему кадрового голода на фронте, сформировав к началу нового столетия базу младшего медицинского персонала.

Опыт деятельного сочувствия женщин выводит их из исключительно частной сферы в общественную жизнь, давая возможность социальной реализации. Возникшее в военное время движение сестер милосердия продолжает свое существование и вне войны, создавая, помимо нравственного, и профессиональное поле деятельности. В контексте развития российского социума в пореформенную эпоху этот процесс указывает на более глубокие трансформации общественного механизма в духе модернизации. В условиях реформ, направленных на обновление и улучшение социальной структуры,

движение сестер милосердия стало примером того, как новые формы общественного служения и активности могут способствовать изменению общественных норм и ценностей.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.».

Литература

- Адрес-календарь..., 1893** – Адрес-календарь служащих в Пензенской губернии за 1893 год: (приложение к Справочной книжке за 1893 г.). Пенза: Типография Губернского правления, 1893. 100 с.
- Батрова, Семенкова, 2022** – Батрова Я.С., Семянкова О.И. Повседневная переписка пензенской общины сестер милосердия российского общества красного креста в начале XX в. / *Современные технологии документооборота в бизнесе, производстве и управлении: Сборник научных статей по материалам XXII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*, Пенза, 22–23 апреля 2022 года / Под ред. Л.Р. Фионовой, О.И. Семянковой. Пенза: Пензенский государственный университет, 2022. С. 25-30.
- Белова, 2010** – Белова Е.Е. Сестры милосердия в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. № 2. С. 33-37.
- ГАПО** – Государственный архив Пензенской области.
- Иванова, 2002** – Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: женщины России в войнах. М., 2002. 266 с.
- Илинский, 1879** – Илинский П.А. Русская женщина в войну 1877-1878 гг. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей. СПб., 1879. 280 с.
- Ковригина, 2000** – Ковригина В.А. Здравоохранение / *Очерки русской культуры XIX в.* Т. 2: Власть и культура. М., 2000. С. 395-471.
- Конохова, 2012** – Конохова А.С. Сестры милосердия в годы революции и Гражданской войны // *Новейшая история России*. 2012. № 1. С. 91-99.
- Косетченкова, 2014** – Косетченкова Е.А. Аспекты женского медицинского профессионального образования в России в конце XIX– начале XX в. // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11-5. С. 1184-1187.
- Митерев, 1959** – 40 лет Советского Красного Креста. 1918-1958. [Глав. ред. и вступ. статьи Г.А. Митерев]; Испол. ком-т Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. М.: Медгиз, 1959. 224 с.
- Немирович-Данченко, 1911** – Немирович-Данченко В.И. Боевая Голгофа. СПб: Товарищество «Просвещение», 1911. 410 с.
- Общины..., 2019** – Общины сестер милосердия Российской империи в 1844-1917 гг.: Энциклопедический справочник / Под общ. ред. свящ. А. В. Постернака. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 608 с.
- Отчет..., 1901** – Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1900 год. Пенза: Типография Губернского правления, 1901. 47 с.
- Отчет..., 1910** – Отчет Пензенского местного управления Российского общества Красного креста за 1909 год. Пенза: Типография И. В. Сивохина, 1910. 19 с.
- Отчет..., 1912** – Отчет Пензенской общины сестер милосердия во имя Св. Ольги, состоящей под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны за 1911 год. Пенза: Губернская типография, 1912. 33 с.
- Телеграмма..., 1877** – *Пензенские губернские ведомости*. Пенза, 1877. № 118.
- Соколов, 2006** – Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII– конец XIX века). СПб., 2006.
- Соколова, 2013** – Соколова В. А. Организация общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста (1854-1918 гг.) // *Клио*. 2013. № 4 (76). С. 40–50.
- Томан, 2002** – Томан Иржи. Россия и Красный Крест (1917-1945) = La Russie et la Croix-Rouge (1917-1945): La Russie et la Croix-Rouge (1917-1945): Крас. Крест в революц. государстве. Деят-сть МККК в России после Октябр. революции 1917 г. 2. изд. М.: Междунар. ком. Красного Креста, 2002 (ГУП Чехов. полигр. комб.). 104 с.
- Тюстин, Шишкин, 2012** – Тюстин А.В., Шишкин И.С. Пензенская персоналия. Славу Пензы умножившие. Т. 2. (М–Т). М.: Локус Стэнди, 2012. 216 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.

References

- Adres-kalendar..., 1893** – Adres-kalendar sluzhaschikh v Penzenskoy gubernii za 1893 god: (prilozhenie k Spravochnoy knizhke za 1893 g.) [Letter-calendar of employees in the Penza province for 1893: (appendix to the Reference Book for 1893)]. Penza: Tipographia Gubernskogo pravleniya, 1893. 100 p. [in Russian]
- Batrova, Semenkova, 2022** – *Batrova, Ya.S., Semyankova, O.I.* (2022). Povsednevnyaya perepiska penzenskoi obshchiny sester miloserdiya rossiiskogo obshchestva krasnogo kresta v nachale XX v. [Everyday correspondence of the Penza community of Sisters of Charity of the Russian Red Cross Society at the beginning of the 20th century]. *Sovremennye tekhnologii dokumentooborota v biznese, proizvodstve i upravlenii: Sbornik nauchnykh statei po materialam XXII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*, Penza, 22–23 aprelya 2022 goda. Pod red. L.R. Fionovoi, O.I. Semyankovoi. Penza: Penza State University, pp. 25–30. [in Russian]
- Belova, 2010** – *Belova, E.E.* (2010). Sestry miloserdiya v period Russko-turetskoi voyny 1877–1878 gg. [Sisters of Charity during the Russo-Turkish War of 1877–1878]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2: 33–37. [in Russian]
- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State Archive of the Penza Region].
- Ilinskii, 1879** – *Ilinskii, P.A.* (1879). Russkaya zhenshchina v voynu 1877–1878 gg. Ocherk deyatel'nosti sester miloserdiya, fel'dsherits i zhenshchin-vrachei [Russian woman in the war of 1877–1878. Essay on the activities of sisters of charity, paramedics and women doctors]. SPb., 280 p. [in Russian]
- Ivanova, 2002** – *Ivanova, Yu.N.* (2002). Khrabreishie iz prekrasnykh: zhenshchiny Rossii v voynakh [The bravest of the beautiful: women of Russia in wars]. M., 266 p. [in Russian]
- Konokhova, 2012** – *Konokhova, A.S.* (2012). Sestry miloserdiya v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voyny [Sisters of Charity during the Revolution and Civil War]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 1: 91–99. [in Russian]
- Kosetchenkova, 2014** – *Kosetchenkova, E.A.* (2014). Aspekty zhenskogo meditsinskogo professional'nogo obrazovaniya v Rossii v kontse XIX– nachale XX v. [Aspects of women's medical professional education in Russia at the end of the XIX - beginning of the XX century]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 11–5: 1184–1187. [in Russian]
- Kovrigina, 2000** – *Kovrigina, V.A.* (2000). Zdravookhranenie [Public health]. Ocherki russkoi kul'tury XIX v. T. 2: Vlast' i kul'tura. M., pp. 395–471. [in Russian]
- Miterev, 1959** – 40 let Sovetskogo Krasnogo Kresta [40 years of the Soviet Red Cross]. 1918–1958. [Glav. red. ivstup. stat'i G. A. Miterev]; Ispol. kom-t Soyuza obshchestv Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesyatsa SSSR. M.: Medgiz, 1959. 224 p. [in Russian]
- Nemirovich-Danchenko, 1911** – *Nemirovich-Danchenko, V.I.* (1911). Boevaya Golgofa [Fighting Calvary]. SPb: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 410 p. [in Russian]
- Obshchiny..., 2019** – Obshchiny sester miloserdiya Rossiiskoi imperii v 1844–1917 gg.: Entsiklopedicheskii spravochnik [Communities of the Sisters of Charity of the Russian Empire in 1844–1917: Encyclopedic Reference]. Pod obshch. red. svyashch. A. V. Posternaka. M.: Izd-vo PSTGU, 2019. 608 p. [in Russian]
- Otchet..., 1912** – Otchet Penzenskoi obshchiny sester miloserdiya vo imya Sv. Ol'gi, sostoyashchei pod Avgusteishim pokrovitel'stvom Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Fedorovny za 1911 god [Report of the Penza community of Sisters of Charity in the name of St. Olga, consisting under the August patronage of Empress Alexandra Feodorovna for 1911]. Penza: Gubernskaya tipografiya, 1912. 33 p. [in Russian]
- Otchet..., 1901** – Otchet Penzenskogo mestnogo upravleniya Rossiiskogo obshchestva Krasnogo kresta za 1900 god [Report of the Penza Local Government of the Russian Red Cross Society for 1900]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1901. 47 p.
- Otchet..., 1910** – Otchet Penzenskogo mestnogo upravleniya Rossiiskogo obshchestva Krasnogo kresta za 1909 god [Report of the Penza Local Government of the Russian Red Cross Society for 1909]. Penza: Tipografiya I. V. Sivohina, 1910. 19 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Sokolov, 2006** – *Sokolov, A.R.* (2006). Blagotvoritel'nost' v Rossii kak mekhanizm vzaimodeistviya obshchestva i gosudarstva (nachalo XVIII– konets XIX veka) [Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (beginning of the XVIII – end of the XIX century)]. SPb. [in Russian]
- Sokolova, 2013** – *Sokolova, V.A.* (2013). Organizatsiya obshchin sester miloserdiya Rossiiskogo obshchestva Krasnogo Kresta (1854–1918 gg.) [Organization of the Sisters of Charity Communities of the Russian Red Cross Society (1854–1918)]. *Klio*. 4(76): 40–50. [in Russian]
- Telegramma..., 1877** – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. Penza. 1877. Nr. 118. [in Russian]
- Toman, 2002** – *Toman, Irzhi.* (2002). Rossiya i Krasnyi Krest (1917–1945): Kras. Krest v revolyuts. gosudarstve. Deyat-st' MKKK v Rossii posle Oktyabr. revolyutsii 1917 g. [Russia and the Red Cross: Red Cross in a revolutionary state. ICRC (International Committee of the Red Cross) activities in Russia after the October Revolution of 1917. M.: Mezhdunar. kom. Krasnogo Kresta, (GUP Chekhov. poligr. komb.). 104 p. [in Russian]

Tyustin, Shishkin, 2012 – Tyustin, A.V., Shishkin, I.S. (2012). Penzenskaya personaliya. Slavu Penzy umnozhevshie [Penza personnel. The glory of Penza multiplied]. T. 2. M.: Lokus Standi, 216 p. [in Russian]

Практики социального служения в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. (на примере Пензенского отделения Общества попечения о больных и раненых воинах и общины сестер милосердия)

Наталья Андреевна Коблова ^{a, *}

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется опыт участия женщин в деятельности Общества попечения о больных и раненых воинах на примере его Пензенского отделения. Отдельное внимание отводится социальному волонтерству женщин разных сословий в рамках Пензенской Общины сестер милосердия во имя Святой Ольги.

Источниковую базу исследования составили материалы делопроизводственной документации Пензенского отделения Общества попечения о больных и раненых воинах, статьи губернской периодики на тему деятельности местного дамского кружка при Обществе, отчет о деятельности местной Общины сестер милосердия, а также отчеты о деятельности местного отделения РОКК. Исследуются вопросы вступления в Общество, подготовки сестер милосердия, деятельность дамского кружка и местной Общины сестер милосердия.

Непосредственное участие пензенских дворянок в деле заботы о больных и раненых воинах явило собой эталонный образец поведения, сформировавший новые социальные стандарты. Готовность дам, не обремененных материальными заботами, служить обществу и заботиться о его благе способствовало формированию социальной ответственности и духовно-нравственной идентичности локального сообщества.

Анализ прошений пензенских провинциалок по вопросу вступления в сестры милосердия позволяет проанализировать их мотивы. Отмечается, что возможность деятельного сочувствия формирует новый облик женщины пореформенного периода и открывает перспективы ее социальной реализации.

Установлено, что внутренние и внешние вызовы пореформенной эпохи спровоцировали волну патриотических настроений, способствовавших консолидации российского общества и формированию новых видов взаимодействия между властью и социумом.

Ключевые слова: практики социального служения, конец XIX – начало XX вв., Российское общество Красного Креста, сестры милосердия, общины сестер милосердия, Пензенская губерния, благотворительность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nata_koblova@mail.ru (Н.А. Коблова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1805-1816
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1805

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of Toponymic Bindings in the Dating of Entries in the Diaries of Grand Duke Michael Alexandrovich and His Immediate Family

Dmitriy M. Sofjin ^{a, *}, Marina V. Sofjina ^{a, b}

^a Perm State National Research University, Russian Federation

^b Perm State Institute of Culture, Perm State National Research University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the toponymic bindings that accompanied the dating of the diary entries of Grand Duke Michael Alexandrovich. Since the author, a prominent representative of the Russian Imperial House, who was successor to the throne for some time, became a major military, state and public figure, his diaries should be recognized as a particularly valuable historical source. It is indicated exactly how the Grand Duke made bindings to the area where he was on a particular day, including during his travels. A comparison is made of the toponymic bindings given by Grand Duke Michael Alexandrovich with the presence and peculiarities of such bindings in the diaries of his closest relatives – parents (Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna), brothers (Emperor Nicholas II and Tsesarevich George Alexandrovich) and sisters (Grand Duchess Xenia Alexandrovna and Grand Duchess Olga Alexandrovna). The diaries of Grand Duke Michael Alexandrovich and his relatives have been deposited in the State Archive of the Russian Federation, in the personal provenance funds of the authors. Based on the comparative analysis, the greatest similarity of the style of toponymic bindings characteristic of Grand Duke Michael Alexandrovich is revealed with similar bindings of his father, Emperor Alexander III, and his younger sister, Grand Duchess Olga Alexandrovna, which confirms the statements found in the literature about the monarch's particularly close relations with younger children. The article is illustrated with fragments of the diaries of members of the Russian Imperial House. The study was conducted as part of a project of the Russian Science Foundation aimed at preparing for the scientific publication of the previously unpublished full text of the diary entries of Grand Duke Michael Alexandrovich during the years when he was successor to the throne.

Keywords: Russian Imperial House, Grand Duke Michael Alexandrovich, Alexander III, Nicholas II, successor, diary, toponym, State Archive of the Russian Federation.

1. Введение

С XIX в. практика ведения личных дневников получила чрезвычайно широкое распространение и в Европе, и в России. В полной мере сложившаяся традиция характерна для членов Российского Императорского Дома.

Часто встречающимся, хотя и необязательным, элементом при ведении дневников разными лицами стали топонимические привязки, которые делались при датировке дневной записи.

Великий князь Михаил Александрович (1878–1918), младший сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, был крупным военным, государственным и общественным деятелем. Он занимал посты члена Государственного Совета и Комитета министров, председателя Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III, покровителя Военского благотворительного общества Белого Креста, в 1899–1904 гг. был наследником российского престола, в годы Первой мировой войны возглавил Дикую дивизию, затем командовал

* Corresponding author

E-mail addresses: sofjindm@yandex.ru (D.M. Sofjin), mar-sofina@mail.ru (M.V. Sofjina)

корпусом, после чего был назначен генерал-инспектором всей русской кавалерии. Подобно своим родителям, а также обоим братьям и обеим сестрам, Михаил Александрович вел личные дневники, которые ввиду родственного и служебного положения автора следует признать особо ценным историческим источником. Великий князь Михаил Александрович был среди тех, кто использовал топонимические привязки при датировке.

2. Материалы и методы

В Государственном архиве Российской Федерации, в личном фонде великого князя Михаила Александровича, не считая раннего детского дневника за 1887 г., в котором присутствует немного записей, зато немало рисунков (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 3), отложилось два комплекса его памятных книжек и тетрадей с дневниковыми записями. Первый массив дневников охватывает период юности и молодости великого князя, с 1892 по 1903 гг. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 4–24), второй массив – записи в зрелом возрасте, в последние годы жизни, с 1915 по 1918 гг. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 134–136). Помимо дневников самого Михаила Александровича, в ходе исследования использованы в рамках применения метода сравнительного анализа дневники его ближайших родственников – отца, императора Александра III за 1883 и 1892 гг. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 274, 292), матери, императрицы Марии Федоровны за 1899 г. (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 33), старших братьев, императора Николая II за 1892 и 1894–1918 гг. (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227–229; Дневники императора..., 2011–2013) и цесаревича Георгия Александровича за 1894 г. (ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11), старшей сестры, великой княгини Ксении Александровны за 1892 и 1899–1901 гг. (ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 4, 13–15), и младшей сестры, великой княгини Ольги Александровны за 1899–1903 гг. (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 11–17). Сравнение дневников Михаила Александровича и его ближайших родственников позволит определить особенности стиля топонимических привязок, характерного для великого князя, а также степень сходства и различия со стилями членов его семьи.

3. Обсуждение

Великому князю Михаилу Александровичу посвящена достаточно обширная исследовательская литература. Наиболее обстоятельной работой стала монография В.М. Хрусталева, основанная на широком круге архивных источников, в том числе дневниках Михаила Александровича (Хрусталева, 2008). Помимо этого, следует выделить ряд других монографических исследований (Crawford, Crawford, 1998; Лыкова, 2010; Crawford, 2012; Почетный гражданин..., 2016; Жук, 2019; Перескоков, 2022), а также сборников статей (100-летняя годовщина..., 2018; Великий Князь..., 2021) и многочисленных отдельных публикаций в различных изданиях. В научной литературе представлен опыт осмысления и обобщения опубликованных работ о великом князе (Софьина, Софьин, 2023).

Ранее особенности топонимических привязок при датировках записей изучались лишь применительно к дневникам московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича (Софьин, Софьина, 2023). Документальному наследию его племянника, великого князя Михаила Александровича, в том числе дневникам, посвящен ряд статей (Перескоков, Перескокова, 2022; Лавренова и др., 2023а; Лавренова и др., 2023б). При этом вопрос о топонимических привязках, сопровождавших датировку дневниковых записей, ранее в исследованиях не поднимался. Не затрагивался данный аспект и при публикациях самих дневников Михаила Александровича за тот или иной период (Дневник и переписка..., 2012; Софьина, 2023а; Софьина, 2023б; Софьина, 2024).

4. Результаты

Для всех дневников великого князя Михаила Александровича (1892–1903 гг. и 1915–1918 гг.) характерен неизменный стиль топонимических привязок при датировках дневных записей. Михаил Александрович, датируя очередную запись, указывал пункт, где провел тот или иной день. Основными местами его проживания были Гатчинский дворец, дача Александрия в Петергофе и Аничков дворец в Санкт-Петербурге, которые он указывал при датировке как «Гатчино», «Александрия» и «Аничков» (см. Рисунок 1, 2).

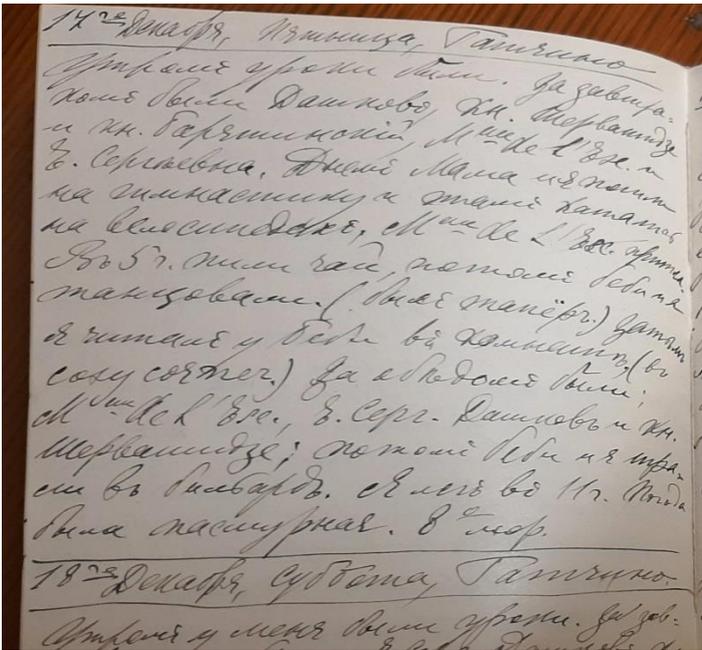

Рис. 1. Из дневника великого князя Михаила Александровича. 1899 г. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 16. Л. 45об.)

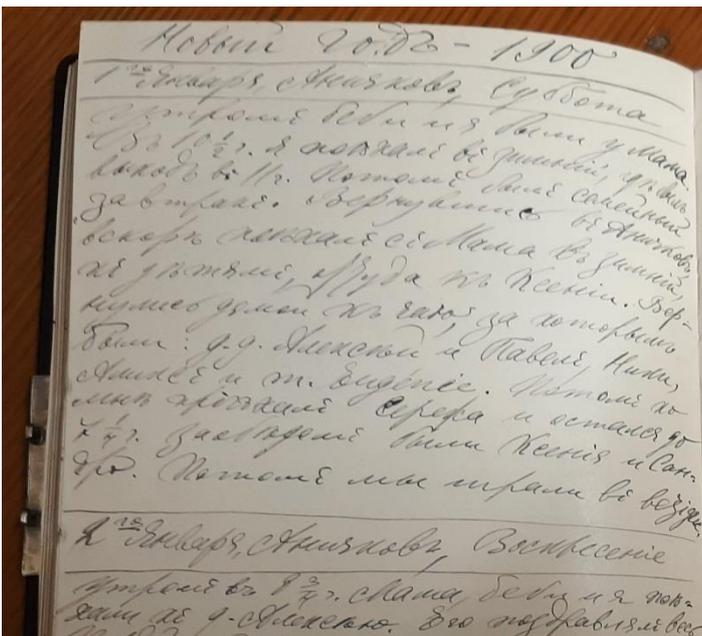

Рис. 2. Из дневника великого князя Михаила Александровича. 1900 г. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 16. Л. 53об.)

Будучи гвардейским офицером, великий князь в летние месяцы много времени проводил на учениях в Красном Селе, указывая в этих случаях топоним «Красное». При достаточно редком пребывании в Зимнем дворце (обычно во время суточных офицерских дежурств) великий князь в дневнике указывал «Зимний». Таким образом, при нахождении в столичном Санкт-Петербурге великий князь делал, как правило, привязку не к городу, а к конкретному дворцу.

Часто посещая вместе с матерью ее родину, Данию, Михаил Александрович проживал в трех королевских дворцах, делая топонимическую привязку в соответствии с их названием: «Бернсторф», «Фреденсборг», «Amalienborg», то есть первые две резиденции он обозначал кириллицей, а последнюю – латиницей (см. Рисунок 3, 4). Хотя Амалиенборг был городским дворцом и находился в самом центре Копенгагена, великий князь, проживая там, указывал рядом с датой именно дворец, а не датскую столицу, подобно тому, как, проживая в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге, тоже указывал дворец, а не город.

29го Августа, Воскресение
 Бернебург
 Утром у Мама, Мими,
 Динке и Кеския пово-
 алим впереди в зер-
 ках; Миску, Беви и я
 за ними. (Вма за утренней
 чай обеды.) На брашноме виле
 с Мими & Сандро. После
 завтрака нас все в саду
 фотграфироване в саду
 Давидовсе. В 3. Тория не
 поехали на велосипедаже мими
 Сорденби и гата...

Рис. 3. Из дневника великого князя Михаила Александровича. 1899 г. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 15. Л. 138)

16го Августа, Амалинбург, Среда,
 утром у Мама. В 3. М. вышло
 поехали на катансе. (В 4. М. вышло
 поехали с Мими & Динке.) М. про-
 ехали по стравной. М. в 4. М. вышло
 в 3. М. вышло катансе Мими
 Тория. В 4. М. вышло катансе Мими
 4. М. вышло катансе Мими
 в 3. М. вышло катансе Мими
 Мими & Мими от Тория
 и от Писка.

17го Августа, Амалинбург, Четверг,
 утром у Мама. В 3. М. вышло
 в 4. М. вышло катансе Мими
 Мими & Мими от Тория
 и от Писка.

Рис. 4. Из дневника великого князя Михаила Александровича. 1902 г. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 23. Л. 94об.)

Если великий князь Сергей Александрович указывал лишь место, где завершился его день и где он отходил ко сну, то Михаил Александрович, меня дислокацию, отмечал при датировке оба места, где начался, и где завершился его день, например: «Александрия и Красное», «Гатчино и Аничков» и т.п. (см. [Рисунок 5](#)). Приезжая в течение дня, к примеру, из Красного Села в Гатчину, а потом, возвращаясь обратно, великий князь Михаил Александрович мог указать: «Красное, Гатчино и Красное».

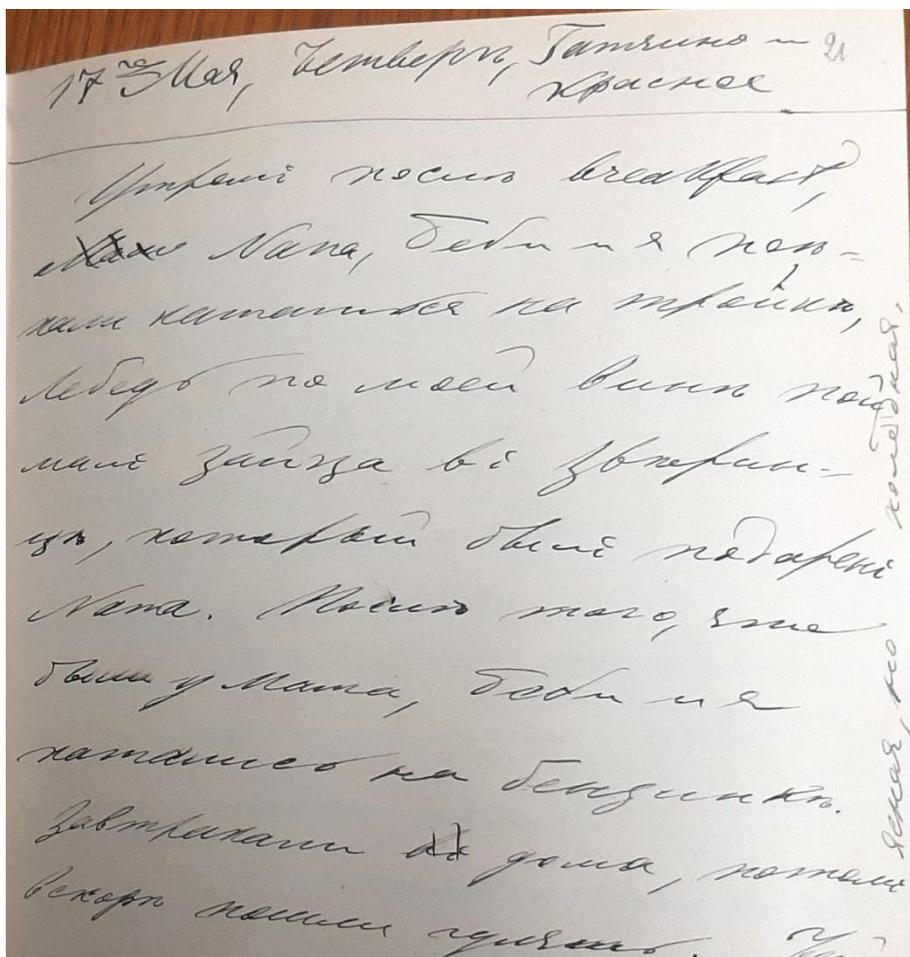

Рис. 5. Из дневника великого князя Михаила Александровича. 1901 г. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 20. Л. 21)

Покидая то или иное место на поезде, где ему предстояло провести ночь, великий князь отмечал это подобным образом: «Александрия и поезд». Если поездка на поезде длилась в течение одного или нескольких следующих дней, Михаил Александрович при датировке записи указывал только слово «Поезд». Подобным образом при путешествии на корабле вместо топонимической привязки указывалось название судна, например, «Броненосец Георгий Победоносец», «Полярная Звезда» (императорская яхта), «Зарница» (личная яхта Михаила Александровича). День прибытия в то или иное место после путешествия отмечался как, например, «Поезд и Гатчино» (см. [Рисунок 6](#)). Иногда великий князь, завершая путешествие, забывал сделать двойную привязку, не указав в тот день при датировке записи место прибытия.

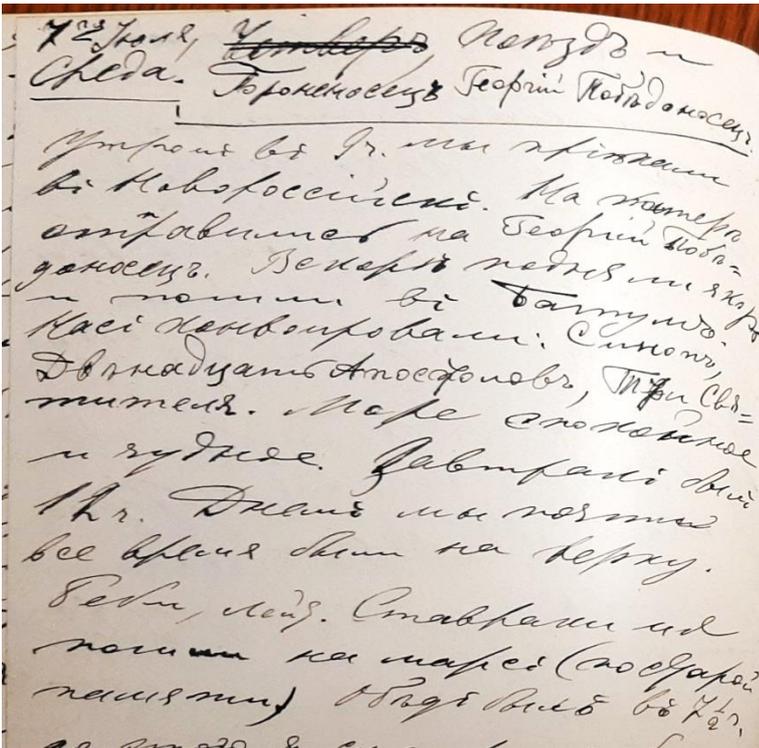

Рис. 6. Из дневника великого князя Михаила Александровича. 1899 г. (ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 15. Л. 107об.)

Находясь в одном и том же месте много дней подряд, Михаил Александрович все равно неизменно делал топонимическую привязку.

Примечательно, что его старший брат, император Николай II, при датировках дневниковых записей топонимических привязок вообще не делал (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227–229; *Дневники императора...*, 2011–2013) (см. *Рисунок 7*). Цесаревич Георгий Александрович указывал место по прибытии, и в последующие дни не дублировал эту привязку, пока не оказывался на новом месте (ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11) (см. *Рисунок 8, 9*). Великая княгиня Ксения Александровна делала топонимические привязки ежедневно, но указывала только одно место, в котором завершался ее день (ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 4, 13–15) (см. *Рисунок 10*). Только великая княгиня Ольга Александровна делала топонимические привязки в том же стиле, что и Михаил Александрович, указывая ежедневно места не только конца дня, но и его начала, если они отличались (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 11–17) (см. *Рисунок 11*).

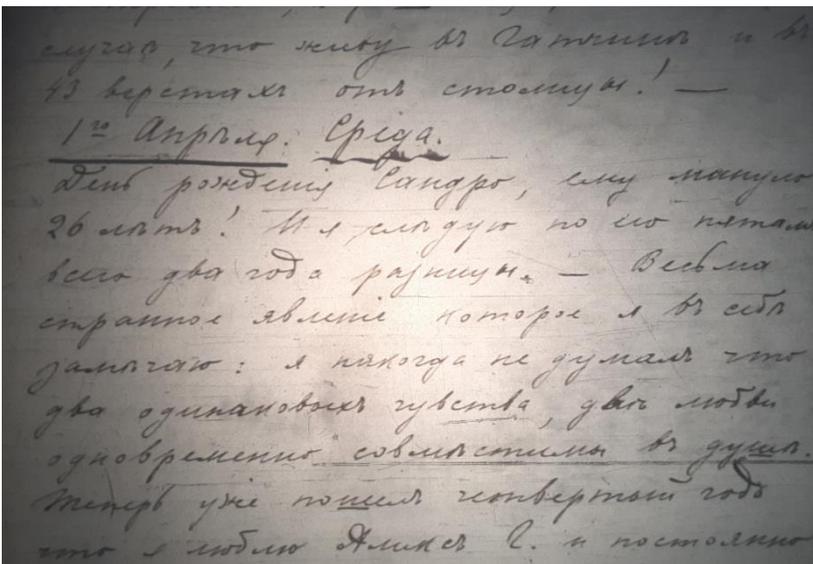

Рис. 7. Из дневника цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II). 1892 г. (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 228. С. 37)

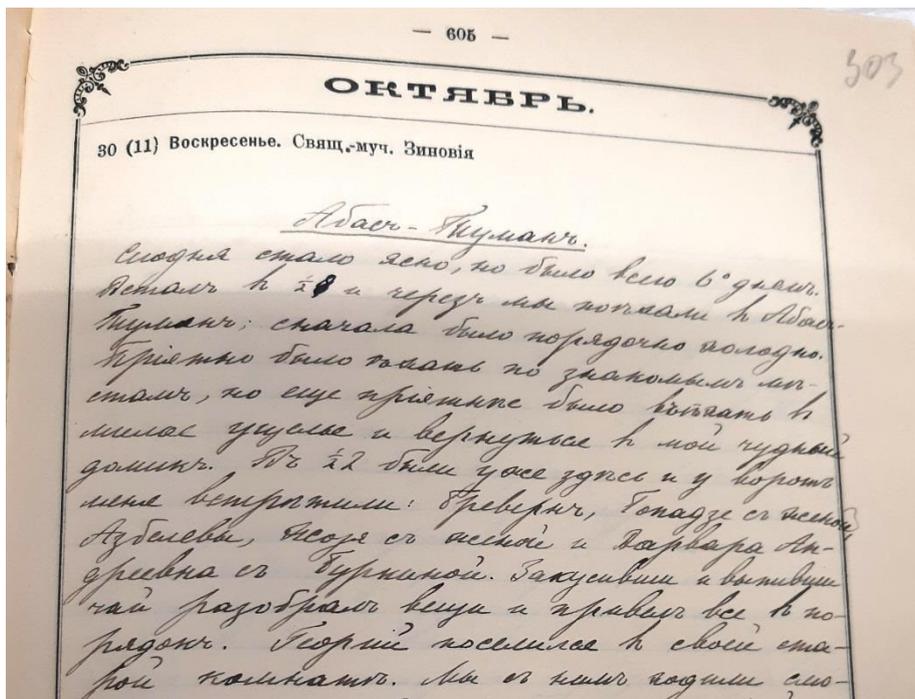

Рис. 8. Из дневника цесаревича Георгия Александровича. 1894 г. (ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 303)

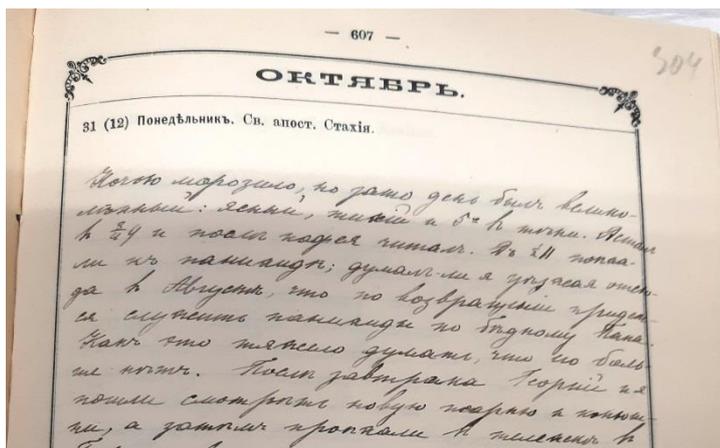

Рис. 9. Из дневника цесаревича Георгия Александровича. 1894 г. (ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 304)

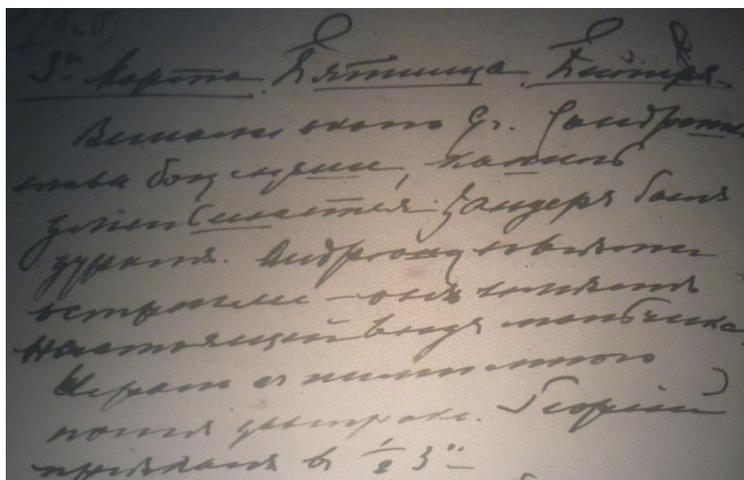

Рис. 10. Из дневника великой княгини Ксении Александровны. 1900 г. (ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 14. Л. 98)

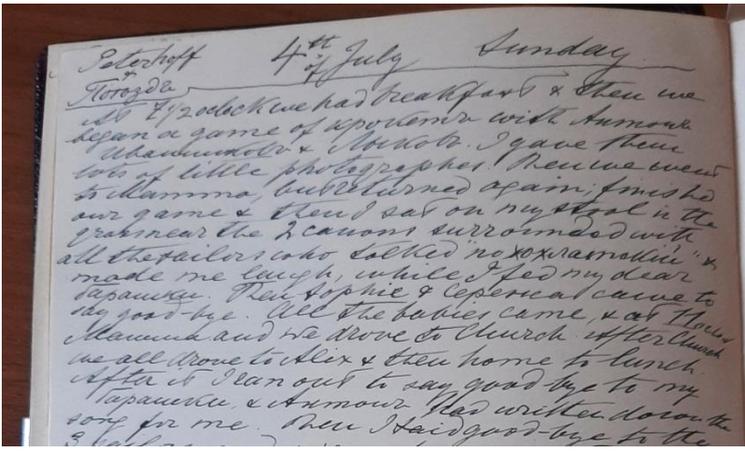

Рис. 11. Из дневника великой княжны Ольги Александровны. 1899 г. (ГАРФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 11. Л. 110б.)

Император Александр III также при перемене места делал двойную топонимическую привязку. Проживая в Санкт-Петербурге и его окрестностях, монарх указывал топоним однократно по прибытии на место и, находясь там, в последующие дни не дублировал эту информацию. Зато, будучи за пределами Санкт-Петербурга и его пригородов, Александр III указывал топоним ежедневно (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 274, 292) (см. Рисунок 12, 13). Императрица Мария Федоровна, как и ее старший сын, император Николай II, топонимический привязок не делала (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 33) (см. Рисунок 14).

		1883.	
АПРЬЛЬ	У т р о .	В е ч е р ь .	
Воскресенье 17	Помню рождение Великого князя Александра Александровича...	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Понедельник 18	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Понедельник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Понедельник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Вторник 19	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Вторник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Вторник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Среда 20	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Среда, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Среда, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Четверг 21	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Четверг, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Четверг, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Пятница 22	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Пятница, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Пятница, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Суббота 23	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Суббота, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Суббота, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Воскресенье 24	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Понедельник 25	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Понедельник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Понедельник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Вторник 26	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Вторник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Вторник, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Среда 27	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Среда, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Среда, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Четверг 28	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Четверг, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Четверг, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Пятница 29	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Пятница, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Пятница, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...
Суббота 30	Воскресенье, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Суббота, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...	Суббота, утром в Петербурге. Обедом в Михайловском саду...

Рис. 12. Из дневника императора Александра III. 1883 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 274. Л. 5)

		Москва 1883.	
МАЙ.		У т р о.	В е ч е р ь.
Москва	Вторникъ 17	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Среда 18	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Четвергъ 19	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Пятница 20	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Петербургъ	Суббота 21	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Воскресенье 22	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Понедельникъ 23	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Вторникъ 24	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Среда 25	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Четвергъ 26	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Москва	Пятница 27	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Петербургъ	Суббота 28	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Петербургъ	Воскресенье 29	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Петербургъ	Понедельникъ 30	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...
Петербургъ	Вторникъ 31	Вспоминанье... В 11 часовъ... В 12 часовъ...	В 10 часовъ... В 11 часовъ... В 12 часовъ...

Рис. 13. Из дневника императора Александра III. 1883 г. (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 274. Л. 6)

		У т р о.	
МАРТЬ.		Память преставления Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра II.	
ПОНЕДЕЛЬНИКЪ 1		I Kirke, I Fasting, I...	
ВТОРНИКЪ 2		I Kirke, I Fasting, I...	
СРЕДА 3		I Kirke, I Fasting, I...	
ЧЕТВЕРГЪ 4		I Kirke, I Fasting, I...	
ПЯТНИЦА 5		I Kirke, I Fasting, I...	
СУББОТА 6		I Kirke, I Fasting, I...	

Рис. 14. Из дневника императрицы Марии Федоровны. 1899 г. (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 33. Л. зоб.)

Таким образом, во всей семье Александра III и Марии Федоровны единого стиля топонимических привязок в дневниках придерживались только младшие дети, Михаил Александрович и Ольга Александровна. Наиболее близок по стилю топонимических привязок был к ним отец.

5. Заключение

Сравнительный анализ топонимических привязок в дневниках великого князя Михаила Александровича с подобными привязками в дневниках его ближайших родственников подтверждает встречавшиеся в источниках и литературе утверждения о наиболее тесной эмоциональной связи императора Александра III с его младшими детьми, Михаилом Александровичем и великой княжной Ольгой Александровной (Хрусталева, 2008: 17, 46, 51–52). Нельзя однозначно утверждать, что они были знакомы с личными дневниками отца, но вряд ли можно объяснить случайностью, что стиль топонимических привязок Александра III оказался практически идентичен стилю привязок его младшего сына и младшей дочери, при этом явным образом он отличается от стиля привязок других членов царской семьи. Как отмечено выше, жена Царя-Миротворца, императрица Мария Федоровна, и его старшие дети были приверженцами иных стилей ведения дневниковых записей.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01342 «Дневники наследника и великого князя Михаила Александровича, 1899–1903 гг.», <https://rscf.ru/project/23-28-01342/>

The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-01342 “Diaries of the Successor and Grand Duke Michael Alexandrovich, 1899–1903”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01342/>

Литература

Великий Князь..., 2021 – Великий Князь Михаил Александрович. Жизнь. Эпоха. Судьба: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции / под ред. В.М. Хрусталева и др. Брянск: Читай-город, 2021. 133 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Дневник и переписка..., 2012 – Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича, 1915–1918 / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталева. М.: ПРОЗАИК, 2012. 800 с.

Дневники императора..., 2011–2013 – Дневники императора Николая II, 1894–1918 / отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011–2013. Т. 1: 1894–1904. 2011. 1101 с.; т. 2, ч. 1: 1905–1913. 2013. 824 с.; т. 2, ч. 2: 1914–1918. 2013. 784 с.

Жук, 2019 – Жук Ю.А. Пермский пленник – Великий Князь Михаил Александрович. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. 360 с.

Лаврёнова и др., 2023а – Лаврёнова А.М., Софьина М.В., Софьин Д.М. Обзор личного фонда великого князя Михаила Александровича в Государственном архиве Российской Федерации. 1878–1918 гг. // *Вестник архивиста*. 2023. № 3. С. 906–921.

Лаврёнова и др., 2023б – Лавренова А.М., Софьина М.В., Софьин Д.М. Дневники великого князя Михаила Александровича: особенности их формы и содержания // *Вопросы истории*. 2023. № 12-2. С. 90–95.

Лыкова, 2010 – Лыкова Л.А. Пермь: Тайна гибели Михаила Романова: документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. М.: Достоинство, 2010. 72 с.

Перескоков, 2022 – Перескоков Л.В. Образ Великого Князя Михаила Александровича в контексте времени. Пермь: ИП «Дунаева Л.А.», 2022. 296 с.

Перескоков, Перескокова, 2022 – Перескоков Л.В., Перескокова А.В. Дневник Великого Князя Михаила Александровича, 1892 г.: мир великокняжеского детства // Под скипетром Романовых. К 300-летию провозглашения России Империей: материалы международной научно-практической конференции (г. Калининград, 4 июня 2021 г.; г. Пермь, 14–15 июня 2021 г.; г. Казань, 22 июля 2021 г.) / под ред. А.В. Громовой, С.В. Неганова. Пермь, 2022. С. 517–525.

Почетный гражданин..., 2016 – Почетный гражданин города Орла Великий Князь Михаил Александрович Романов / С.В. Фефелов, В.А. Ливцов, С.Н. Абакумов и др. Орел: Орлик, 2016. 82 с.

Софьин, Софьина, 2023 – Софьин Д.М., Софьина М.В. Особенности топонимических привязок при датировках записей в дневниках московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича / *Сигурд Оттович Шмидт: Педагог. Ученый. Просветитель: к 100-летию со дня рождения: сборник статей по материалам Международной научной конференции. Москва, 15–16 апреля 2022 г.* / Сост., отв. ред. В.И. Дурновцев. М.: РГГУ, 2023. С. 295–299.

Софьина, 2023а – Софьина М.В. Смерть цесаревича и восход нового престолонаследника: дневник Великого князя Михаила Александровича, 28 июня – 9 августа 1899 г. // *Культурный код*. 2023. № 1. С. 134–163.

Софьина, 2023б – Софьина М.В. Русский престолонаследник в гостях у датских родственников: из дневников великого князя Михаила Александровича, 10 августа – 21 сентября 1899 г. // *Культурный код*. 2023. № 3. С. 114–142.

Софьина, 2024 – Софьина М.В. «Вечер прошел по-обыкновенному»: поздняя осень в Дании глазами русского престолонаследника (дневник великого князя Михаила Александровича, 17 октября – 20 ноября 1899 г.) // *Культурный код*. 2024. № 1. С. 135–156.

[Софьина, Софьин, 2023](#) – *Софьина М.В., Софьин Д.М.* Великий князь Михаил Александрович: краткий обзор исследований // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 3 (14). С. 179-194.

[100-летья годовщина..., 2018](#) – 100-летья годовщина убийства Великого Князя Михаила Александровича: мемориальное издание: сборник материалов / под ред. С.В. Неганова. Пермь: ПермГАСПИ, 2018. 304 с.

[Хрусталеv, 2008](#) – *Хрусталеv В.М.* Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. 544 с.

[Crawford, 1998](#) – *Crawford R., Crawford D.* Michael and Natasha: The Life and Love of the Last Tsar of Russia. London: Phoenix Giant, 1998. XI, 448 p.

[Crawford, 2012](#) – *Crawford D.* The Last Tsar: Emperor Michael II. Edinburgh: Murray McLellan, 2012. 396 p.

References

[100-letnyaya godovshchina..., 2018](#) – 100-letnyaya godovshchina ubiistva Velikogo Knyazya Mikhaila Aleksandrovicha: memorial'noe izdanie: sbornik materialov [The 100th anniversary of the assassination of Grand Duke Michael Alexandrovich: Memorial edition: Collection of materials] (2018). Perm: PermGASPI. 304 p. [in Russian]

[Crawford, 2012](#) – *Crawford, D.* (2012). The Last Tsar: Emperor Michael II. Edinburgh: Murray McLellan. 396 p.

[Crawford, Crawford, 1998](#) – *Crawford, R., Crawford, D.* (1998). Michael and Natasha: The Life and Love of the Last Tsar of Russia. London: Phoenix Giant. XI, 448 p.

[Dnevnik i perepiska..., 2012](#) – Dnevnik i perepiska velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha, 1915–1918 [The diary and correspondence of Grand Duke Michael Alexandrovich, 1915–1918] (2012). М.: PROZAIK. 800 p. [in Russian]

[Dnevniki imperatora..., 2011–2013](#) – Dnevniki imperatora Nikolaya II, 1894–1918 [Diaries of Emperor Nicholas II, 1894–1918] (2011–2013). Moscow: ROSSPEN. Vol. 1 (2011): 1894–1904. 1101 p.; vol. 2, part 1 (2013): 1905–1913. 824 p.; vol. 2, part 2 (2013): 1914–1918. 784 p. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

[Khrustalyov, 2008](#) – *Khrustalyov, V.M.* (2008). Velikii knyaz' Mikhail Aleksandrovich [Grand Duke Michael Alexandrovich]. М.: Vechе. 544 p. [in Russian]

[Lavryonova et al., 2023a](#) – *Lavryonova, A.M., Sofina, M.V., Sofin, D.M.* (2023). Obzor lichnogo fonda velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha v Gosudarstvennom arkhive Rossiiskoi Federatsii. 1878–1918 gg. [Overview of the Personal Provenance Fond of the Grand Duke Michael Alexandrovich from the State Archive of the Russian Federation. 1878–1918]. *Vestnik arhivista*. 3: 906-921. [in Russian]

[Lavryonova et al., 2023b](#) – *Lavryonova, A.M., Sofina, M.V., Sofin, D.M.* (2023). Dnevnik velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha: osobennosti ikh formy i sodержaniya [The diaries of Grand Duke Michael Alexandrovich: the features of their form and content]. *Voprosy istorii*. 12-2: 90-95. [in Russian]

[Lykova, 2010](#) – *Lykova, L.A.* (2010). Perm': Taina gibeli Mikhaila Romanova: dokumenty, materialy sledstviya, dnevniki, vospominaniya [Perm: The mystery of Michael Romanov's death: documents, investigation materials, diaries, memoirs]. Moscow: Dostoinstvo. 72 p. [in Russian]

[Pereskokov, 2022](#) – *Pereskokov, L.V.* (2022). Obraz Velikogo Knyazya Mikhaila Aleksandrovicha v kontekste vremeni [The image of Grand Duke Michael Alexandrovich in the context of era]. Perm: IP "Dunaeva L.A.". 296 p. [in Russian]

[Pereskokov, Pereskokova, 2022](#) – *Pereskokov, L.V., Pereskokova, A.V.* (2022). Dnevnik Velikogo Knyazya Mikhaila Aleksandrovicha, 1892 g.: mir velikoknyazheskogo detstva [The diary of Grand Duke Michael Alexandrovich, 1892: the world of Grand Ducal childhood]. *Pod skipetrom Romanovykh. K 300-letiyu provozglasheniya Rossii Imperiei: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kaliningrad, 4 iyunya 2021 g.; g. Perm', 14–15 iyunya 2021 g.; g. Kazan', 22 iyulya 2021 g.)*. Perm. Pp. 517-525. [in Russian]

[Pochetnyi grazhdanin..., 2016](#) – Pochetnyi grazhdanin goroda Orla Velikii Knyaz' Mikhail Aleksandrovich Romanov [Honorary Citizen of the City of Oryol, Grand Duke Michael Alexandrovich Romanov]. Oryol: Orlik, 2016. 82 p. [in Russian]

[Sofin, Sofina, 2023](#) – *Sofin, D.M., Sofina, M.V.* (2023). Osobennosti toponimicheskikh privyazok pri datirovkakh zapisei v dnevnikakh moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha [Features of toponymic bindings in the dating of entries in the diaries of the Moscow Governor-General, Grand Duke Sergey Alexandrovich]. *Sigurd Ottovich Shmidt: Pedagog. Uchenyi. Prosvetitel': k 100-letiyu so dnya rozhdeniya: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 15–16 aprelya 2022 g.* Moscow: RSUH. Pp. 295-299. [in Russian]

[Sofina, 2023a](#) – *Sofina, M.V.* (2023a). Smert' tsesarevicha i voskhod novogo prestolonaslednika: dnevnik Velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha, 28 iyunya – 9 avgusta 1899 g. [The death of the Tsesarevich and the rise of a new Successor: The diary of Grand Duke Michael Alexandrovich, June 28 – August 9, 1899]. *Kul'turnyi kod*. 1: 134-163. [in Russian]

[Sofina, 2023b](#) – *Sofina, M.V.* (2023). Russkii prestolonaslednik v gostyakh u datskikh rodstvennikov: iz dnevnikov velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha, 10 avgusta – 21 sentyabrya 1899 g. [The Russian

Successor visiting Danish relatives: From the diaries by Grand Duke Michael Alexandrovich, August 10 – September 21, 1899]. *Kul'turnyi kod*. 3: 114-142. [in Russian]

Sofina, 2024 – Sofina, M.V. (2024). «Vecher proshel po-obyknovennomu»: pozdnyaya osen' v Danii glazami russkogo prestolonaslednika (dnevnik velikogo knyazya Mikhaila Aleksandrovicha, 17 oktyabrya – 20 noyabrya 1899 g.) [“The evening passes as usual”: Late autumn in Denmark through the eyes of the Russian Successor (the diary of Grand Duke Michael Alexandrovich, October 17 – November 20, 1899)]. *Kul'turnyi kod*. 1: 135-156. [in Russian]

Sofina, Sofin, 2023 – Sofina, M.V., Sofin, D.M. (2023). Velikii knyaz' Mikhail Aleksandrovich: kratkii obzor issledovaniia [Grand Duke Michael Alexandrovich: a brief overview of research]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*. 3(14): 179-194. [in Russian]

Velikii Knyaz'..., 2021 – Velikii Knyaz' Mikhail Aleksandrovich. Zhizn'. Epokha. Sud'ba: sbornik materialov Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Grand Duke Michael Alexandrovich. Life. Era. Destiny: collection of materials of the Interregional scientific and practical conference] (2021). Bryansk: Chitai-gorod. 133 p. [in Russian]

Zhuk, 2019 – Zhuk, Yu.A. (2019). Permskii plennik – Velikii Knyaz' Mikhail Aleksandrovich [Perm prisoner – Grand Duke Michael Alexandrovich]. Moscow; Berlin: Direktmedia Publishing. 360 p. [in Russian]

Особенности топонимических привязок при датировках записей в дневниках великого князя Михаила Александровича и его ближайших родственников

Дмитрий Михайлович Софьин ^{a,*}, Марина Владимировна Софьина ^{a,b}

^a Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

^b Пермский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются топонимические привязки, сопровождавшие датировки дневниковых записей великого князя Михаила Александровича. Поскольку автор, видный представитель Российского Императорского Дома, некоторое время бывший наследником престола, стал крупным военным, государственным и общественным деятелем, его дневники следует признать особо ценным историческим источником. Указывается, как именно великий князь делал привязки к местности, где находился в тот или иной день, в том числе во время путешествий. Проводится сравнение топонимических привязок, которые приводил великий князь Михаил Александрович, с подобными привязками в дневниках его ближайших родственников – родителей (императора Александра III и императрицы Марии Федоровны), братьев (императора Николая II и цесаревича Георгия Александровича) и сестер (великих княгинь Ксении Александровны и Ольги Александровны). Дневники великого князя Михаила Александровича и его родственников отложились в Государственном архиве Российской Федерации, в личных фондах авторов. На основе анализа дневниковых записей Михаила Александровича и его ближайших родственников выявляется сходство топонимических привязок из его дневников с подобными привязками из дневников его отца, императора Александра III, и младшей сестры, великой княгини Ольги Александровны, чем подтверждаются встречающиеся в литературе утверждения об особенно близких отношениях монарха с младшими детьми. Статья иллюстрируется фрагментами дневников членов Дома Романовых. Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда, направленного на подготовку к научному изданию ранее не публиковавшегося полного текста дневниковых записей великого князя Михаила Александровича за те годы, когда он был престолонаследником.

Ключевые слова: Дом Романовых, великий князь Михаил Александрович, Александр III, Николай II, наследник, дневник, топоним, Государственный архив Российской Федерации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sofjindm@yandex.ru (Д.М. Софьин), mar-sofina@mail.ru (М.В. Софьина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1817-1828
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1817

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Development of Aeronautics in the Russian Empire in the 1880s

Natalia Koptseva ^{a,*}, Ksenia Degtyarenko ^a, Ivan Makarchuk ^a, Tikhon Ermakov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article studies the history of aeronautics in the Russian Empire in the 1880s and the influence of this period on the formation of the Imperial Air Force in 1911. Based on the source analysis, the main lines of development of aeronautical military equipment in the Russian Empire in the 1880s, as well as the activities of key historical figures – P.A. Klinder, O.S. Kostovich and V.D. Spitsyn – on the creation of the Russian Society of Aeronautics in 1880, which in December of the same year, through their efforts, was transformed into the VII Aeronautics Department of the Imperial Russian Technical Society. Conclusions are made about the influence of historical events of the 1880s on the creation of the Imperial Air Force in 1911, the chief of which was Grand Duke Alexander Mikhailovich. It is shown that the basic ideas for the formation of the Imperial Air Force were laid down and developed in the 1880s, which was reflected in technical and publishing activities, recorded, among other things, in articles and correspondence of the Journal “Vozduhoplavitel’” (publisher Major General P.A. Klinder).

The history of aeronautics in the context of the history of science and technology of the Russian Empire in the 1880s is associated with its institutionalization, when the urgent need to solve state problems of scientific and technical development leads to the progressive transformation of aeronautics into a serious area of research related to the development of military technical equipment of the Russian army. Engineering and technical solutions created in these years are associated with the transition of design from balloons to heavier-than-air devices, including the first airplanes.

Keywords: history of technology, aeronautics, Russian Empire, 1880s, journal «Vozduhoplavitel'», Grand Duke Alexander Mikhailovich, P.A. Klinder, V.D. Spitsyn, Imperial Air Force.

1. Введение

К началу Первой мировой войны Российская империя имела самые большие воздухоплавательные военные силы в мире. Императорский военно-воздушный флот был создан в 1911 году, однако первые воздухоплавательные подразделения в русской армии были сформированы в 1885 году. Следовательно, к этому времени в Российской империи сложились государственно-военные и инженерно-технические предпосылки, которые позволили сформировать эти подразделения, включающие как военно-инженерные специалистов, так и соответствующую военно-воздушную технику. История российского воздухоплавания XIX – начала XX вв. – это история больших достижений науки и техники Российской империи в самой передовой отрасли в мире, связанной с покорением воздушной стихии и созданием новейшей техники, позволяющей решать многие проблемы мирного строительства обширного российского государства.

Значительную роль в становлении и развитии Императорского военно-воздушного флота сыграл великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя императора Николая II, шеф Императорского военно-воздушного флота. Во многом благодаря его организационным и

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko), faler2007@yandex.ru (I.Yu. Makarchuk), erm-tihon@mail.ru (T.K. Ermakov)

финансовым ресурсам к 1914 году императорский военно-воздушный флот имел 39 авиационных отрядов. Разумеется, эти значительные силы не появились на пустом месте: создание Императорского военно-воздушного флота имело достаточно длинную историю в предшествующие периоды, среди которых выделяются 1880-е годы, когда русские военные и технические специалисты создают научно-профессиональные сообщества с целью развития военной и технической воздухоплавательной техники.

К таким историческим событиям относится деятельность сначала Русского общества воздухоплавания, созданного в 1880 году, а затем VII воздухоплавательного отдела Императорского русского технического общества. Значительный исторический интерес представляет данный период истории воздухоплавания в Российской империи, поскольку именно в этот период закладываются основы ее будущего могущества воздухоплавания в первые десятилетия XX века.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для данного исследования выступают публикации журнала «Воздухоплаватель» (1880–1883 годы), издателем которого был русский военный инженер, генерал-майор Петр Александрович Клиндер (1835–1888), протоколы Русского общества воздухоплавания, мемуары основоположника российского воздухоплавания, великого князя Александра Михайловича (1866–1933) ([Воспоминания великого князя..., 2023](#)).

Исследование сосредоточено на выявлении особенностей истории российской воздухоплавательной техники периода 1880-х гг., а также на значении событий 1880-х гг. для формирования Императорского военно-воздушного флота начала XX века.

2.2. Базовым методом исследования выступает источниковедческий анализ. Было выполнено предварительное исследование ряда исторических источников конца XIX – начала XX вв., раскрывающих особенности формирования военной техники и военных инженеров-техников, способствующих созданию воздушных военных сил Российской империи. На этой основе выделен ряд релевантных источников, недостаточно изученных в современной истории науки и техники Российской империи, в том числе, публикации журнала «Воздухоплаватель», мемуары, протоколы Русского общества воздухоплавания, созданного усилиями П.А. Клиндера, О.С. Костовича и В.Д. Спицына, документы, связанные с деятельностью шефа Императорского военно-воздушного флота, великого князя Александра Михайловича. Данные источники были исследованы в контексте истории воздухоплавания в 1880-е годы и влияния данного периода на последующее создание Императорского военно-воздушного флота в 1911 году.

3. Обсуждение

История отечественного воздухоплавания начинает привлекать внимание исследователей уже в конце XIX века ([Эвальд, 1883](#)). Первые работы подобного толка были написаны с большим уклоном в технические особенности, а цель их заключалась не столько в том, чтобы создать стройное историческое описание процесса формирования воздухоплавания и его внедрения в актуальный социально-исторический контекст, сколько в том, чтобы представить ключевые технические изобретения и оценить степень их полезности для современных авторов воздухоплавания.

В дальнейшем история воздухоплавания в России начинает привлекать к себе внимание как собственно историческая проблема. В книгах В.Ф. Найденова, Р.А. Рынина ([Найденов, Рынин, 1911](#)), Н.М. Глаголева ([Глаголев, 1915](#)) акцент смещается от непосредственного технического описания ряда созданных аппаратов к описанию актуально-исторических причин появления и развития воздухоплавания. При этом историческая ситуация интересует авторов, скорее, как возможность объяснить современное состояние воздухоплавания, понять роль, которую оно играет в обществе.

В советский период история воздухоплавания становится значимой частью общей исторической науки, прежде всего, истории науки и техники. Во многом развитию исследований по истории воздухоплавания способствовали публикации документов ([Попов, 1956](#)), что значительно облегчало доступ к первоисточникам для всех заинтересованных в проблеме исследователей. Активно велись работы по проверке тех или иных исторических фактов, развивалась критика источников, что способствовало формированию источниковой базы для дальнейших обобщающих исследований.

На современном этапе исследований воздухоплавание рассматривается, в первую очередь, через призму отдельных исторических событий. Так, в статье А.И. Каширина, А.С. Семенова и В.В. Стреналука ([Kashirin et al., 2018](#)) раскрываются особенности применения воздухоплавательных аппаратов для военной разведки Российской империи рубежа XIX–XX веков. Характерны также современные исследования, посвященные проблемам военного использования летательных аппаратов в годы Первой мировой войны ([Зверева, Цепилова, 2023](#); [Chupin et al., 2023](#)). Интерес исследователей к этому периоду связан с тем, что российская авиация в это время активно развивается, поскольку технологические решения, связанные с проблемой создания летательных аппаратов, проверяются на практике. В условиях военного времени ярче проявляются социально-экономические закономерности, определившие принципы развития воздухоплавания в дальнейшем.

Многие исследователи занимаются более общими вопросами истории воздухоплавания и его развития (Романов, 2018), стремясь осветить динамику процесса во всей его сложности.

Историки обращают внимание на отдельные аспекты процесса формирования воздухоплавания как особого вида деятельности. Так, Б.П. Елисеев (Елисеев, 2023) рассматривает проблемы юридического спектра, анализируя историческое развитие правовой базы, регулировавшей полеты в Российской империи. Особое внимание уделяется социально-культурному контексту, влиявшему на издание тех или иных правовых актов. Ведутся источниковедческие исследования, примером которых выступает работа Н.И. Крижановского (Крижановский, 2023), посвященная анализу публицистического наследия М.О. Меньшикова. Современные исследования дополняются мемуарными и публицистическими источниками.

Появляются исследования, связанные с проблемами изменений в социальных институтах, связанных с появлением воздухоплавания и его развитием. В этом контексте выполнены работы А.Ю. Пиджакова и В.А. Хороших (Пиджаков, Хороших, 2011), А.В. Попова и О.Д. Федотовой (Попов, Федотова, 2021). Их труды посвящены проблеме формирования образовательных институтов авиационного образования, уникальных для Российской империи и связанных с восприятием опыта соседних стран.

Таким образом, исследования истории воздухоплавания в Российской империи являются весьма актуальными, поскольку связаны с целым рядом проблем и аспектов, последовательное рассмотрение которых позволит лучше понять не только тенденции развития самого воздухоплавания, но и общеисторические процессы, связанные с историей науки и техники в Российской империи последней трети XIX века.

4. Результаты

4.1. Основные технические устройства для воздухоплавания в России последней трети XIX в.

Изучая историю ключевых технических устройств, создававшихся в России последней трети XIX в., вслед за «Энциклопедией промышленности и техники» (Маркович, 1904; Koptseva et al., 2023) можно выделить три типа машин: аэростаты, управляемые аэростаты и летательные аппараты. Хронологически раньше появились аэростаты, поэтому именно они в рассматриваемый исторический период представляли собой наиболее разработанный тип устройств.

В отличие от тех аппаратов, которые начали изготавливаться еще в XVIII веке, новые аэростаты отличались большей высотой подъема и более надежной конструкцией, что было связано с активным развитием теории воздухоплавания, благодаря которой удалось определить оптимальную форму оболочки, а также с открытиями в области химии, которые позволили перейти от тепловых аэростатов к аэростатам газовым.

В первую очередь, аэростаты начинают использоваться в военном деле с целью разведки и обеспечения сигнальной связи между различными воинскими частями (Герман, 1901). Военные эксперты зачастую скептически относились к их использованию, поскольку свободнолетающие стратостаты были слабоуправляемыми, а так называемые «привязные» шары поднимались на относительно небольшую высоту, из-за чего не могли преодолевать серьезные преграды (например, высокие холмы) и были заметны противнику. Тем не менее, именно военные активно способствовали финансированию производства новых машин и инженерных решений в области конструирования новых, более устойчивых воздухоплавательных машин.

Большое внимание к аэростатам было приковано со стороны русского научного сообщества. Полет воздушного шара был важен исследователям не только как инженерная задача сама по себе, но, в первую очередь, как новый и эффективный инструмент научных исследований. Если раньше аэростат использовался преимущественно для изучения атмосферы, то с появлением более устойчивых конструкций он становится «новой точкой зрения». Специфический поворот заключается в том, что ученые начинают использовать аэростат не столько ради поиска оптимальной точки исследования, сколько ради поиска новой точки зрения, которой не существовало до сих пор. Показательно сообщение профессора Дмитрия Ивановича Менделеева (Менделеев, 1887) об использовании аэростата с целью наблюдения за солнечным затмением, которое осуществляется такими же методами, что и с земли, но с новой позиции для наблюдения.

Управляемые аэростаты в рассматриваемый период представляли собой своеобразное «промежуточное устройство». В ходе исторического развития воздухоплавания управляемый аэростат долгое время оставался предметом активного инженерного поиска. Военные и инженерные специалисты предполагали, что управляемый аэростат позволит достигнуть гораздо больших возможностей для использования данных устройств с целью военной разведки, тогда как прогнозы, связанные с активным использованием новой техники, были связаны с быстрыми передвижениями, что неизменно требовало управляемости.

В последней трети XIX века активность инженерных исследований, связанных с принципами управления аэростатом, несколько снизилась. Связано это было с тем, что конструирование опытных моделей таких машин требовало значительно больших ресурсов и затрат, чем обычных аэростатов,

а реальная польза казалась на этом этапе небольшой. Слабая маневренность новых машин делала их малоинтересными для военных, в то время как гражданские потребности вполне удовлетворялись привязными аэростатами (Эвальд, 1883: 129-131). В результате серьезное развитие управляемые аэростаты получают только в начале XX века, причем в военном отношении они все еще будут проигрывать привязным аэростатам (Вейгелин, 1940: 233), выполняя зачастую демонстрационную функцию.

Ключевые изменения происходили в области летательных аппаратов, к которым относились различные устройства тяжелее воздуха. Наиболее распространенными в это время становятся различные варианты планеров, возникающих на стыке самых первых летательных устройств, которые проектировались по аналогии с полетом птиц. В результате модель «крыльев» сменяет понимание особенностей единого крыла, которое создает подъемную силу благодаря углу атаки воздушного потока.

Тем не менее, создание планеров представляло в этот период времени, скорее, научный интерес, о чем говорит, например, содержание брошюры Н.А. Арендта (Арендт, 1888). Совершенно иначе обстояло дело с первыми самолетами, которые проектировались как машины на основе винта Архимеда, который, будучи способным создать подъемную силу в водной среде, мог по аналогии приводить в движение и устройство для полета в воздухе. В последней трети XIX века наиболее значимым подобным устройством в Российской империи являлся самолет Можайского (Зарубин, 1885), принципиальная схема которого многократно обсуждалась и совершенствовалась, а также предпринимались попытки построения его полноразмерной модели. Важно отметить, что к самолету Можайского было обращено серьезное внимание государственных структур, поскольку военные оценивали возможный успех от применения самолета в ходе боевых действий гораздо перспективнее, чем от применения аэростатов.

Таким образом, в последней трети XIX века в Российской империи сосуществовали два технологических режима, которые описывают общее состояние воздухоплавания. Во-первых, это доминирующий режим, связанный с использованием *аэростатов*. Как управляемые, так и неуправляемые аэростаты корректно оценивать как производные от технологического режима XIX века. В качестве подтверждения этому тезису можно привести проект «воздушной железной дороги» (Маркович, 1904: 86-88), который демонстрирует тесную связь уже сформированной модели отношений между транспортом и человеком и новыми возможностями для перемещения. Управляемый и/или неуправляемый аэростат – это своеобразный «поезд в небе» или «экипаж в небе».

При этом аппараты тяжелее воздуха относятся уже к следующему технологическому режиму, принцип работы которого значительно отличается от предшествующего. Размышляя о самолете Можайского, его современники практически не обращаются к опыту предшествующего технологического пространства, сосредоточив свое внимание на решении технических проблем. Последовательное развитие именно военной авиации придется уже на 1910-е годы и будет связано с формированием боевых частей, управляющих самолетами и ведущих воздушные бои. Новый технологический режим, сформированный в Российской империи к началу XX века, позволил освоить небо в качестве совершенно нового пространства человеческой жизни, а не как «дублира земли».

Новые исторические факты истории воздухоплавания в контексте истории науки, инженерии и техники Российской империи 1880-х годов содержатся в научно-технической периодике. Одним из релевантных и заслуживающих внимания исследователей источников является журнал «Воздухоплаватель».

4.2. Журнал «Воздухоплаватель» 1880–1883 гг. как источник по истории воздухоплавания в Российской империи

Журнал «Воздухоплаватель», издававшийся в 1880–1883 гг., является первым в России специализированным периодическим изданием в области воздухоплавания. Редактором-издателем журнала «Воздухоплаватель» был инженер-полковник (впоследствии генерал-майор (1887) Петр Александрович Клиндер (1835–1888).

Сроки выхода журнала обозначены в выпусках №1-8 как еженедельные, с №9 – «через каждые 20 дней, кроме месяцев июня и июля» (Воздухоплаватель, 1880b: 85). Журнал издавался крайне неравномерно. Значительная часть (15 из 20) выпусков была издана в 1880 г. На долю 1881–1883 годов приходится лишь 5 выпусков. После 15 выпусков 1880 года в последующие 2 года были изданы выпуски 16-19 (по 2 номера в год), изданный в 1883 году выпуск 20 стал заключительным. Впоследствии журнал с таким же названием будет выпускаться в 1903–1916 с постоянной регулярностью – 12 выпусков в год. Однако и издатели, и содержание нового «Воздухоплавателя» будут значительно отличаться от его предшественника.

В выпуске №13 на обложке появляется название журнала в переводе на иностранные языки (Рисунок 1), а с выпуска №16, вышедшего в 1881 году, меняется формат журнала: теперь каждая страница делится на 2 колонки, некоторые публикации сопровождаются переводом на английский и другие иностранные языки. Журнал имел научно-инженерное значение для зарубежных стран, в частности, Франции, где также в это время активно развивалось воздухоплавание:

«Все № “Воздухоплавателя” переводятся в Париже г-ном Адрианом де Мортилье, членом “Французского Общества Воздухоплавания”» ([Воздухоплаватель, 1880а: 78](#)).

Рис. 1. Фрагмент обложки журнала «Воздухоплаватель», № 13 за 1880 год

Во вступительной части 1 выпуска журнала «Воздухоплаватель» за 1880 год дается описание его предназначения. «Задачей нашего издания будет: служить полезными сведениями, справками, материалом и всякими новостями по воздухоплаванию, дать возможность интересующимся аэронавтическим искусством высказывать свои мнения и взгляды» ([Воздухоплаватель, 1880: 2](#)). Во 2 выпуске журнала за 1880 год опубликована программа содержания будущих выпусков: «I. Новые изобретения по воздухоплаванию. Опыты и предложения разных лиц; II. Обзор иностранных воздухоплавательных журналов; III. Культурное значение воздухоплавания. Состояние воздухоплавания в различных странах. Статистические сведения; IV. История военного воздухоплавания; V. Рассказы о наиболее замечательных воздушных полетах. Анекдоты и приключения; VI. Отчет о последнем поднятии в С.-Петербурге, или в другом месте; VII. Биографии и некрологи знаменитых воздухоплавателей; VIII. Библиографический обзор; IX. Успехи по Метеорологии; X. Справки и Объявления» ([Воздухоплаватель, 1880а: 9-10](#)).

В издании публиковались заметки о передовых отечественных и зарубежных исследованиях и изобретениях в области воздухоплавания, информационные сводки из газет и журналов, так или иначе касающиеся темы воздухоплавания. Авторами публикаций были известные энтузиасты русского воздухоплавания – Владимир Дмитриевич Спицын (1847–1915), Н.Н. Вакуловский (1852–1918), Т-ский (возможно под данным псевдонимом писал военный инженер Иустин Иванович Третесский) и другие. Активно освещалась деятельность важных для отечественного воздухоплавания ученых, изобретателей, инженеров Александра Федоровича Можайского, Дмитрия Ивановича Менделеева, Огнеслава Степановича Костовича, Михаила Тихоновича Лаврентьева (1834–1906) и ряда других.

В 5 выпуске журнала за 1880 год представлены «Выдержки из Устава и Правил “Французского общества воздухоплавания”» и состав «Французского общества» в 1880 году ([Воздухоплаватель, 1880с: 41-42](#)). В 12 выпуске публикуется состав Великобританского общества воздухоплавания, информация о Воздухоплавательном клубе в Лондоне и Лондонском воздухоплавательном клубе, основанном Чарльзом Спенсером ([Воздухоплаватель, 1880с: 113-114](#)). В «Прибавлении к №8 журнала «Воздухоплаватель» отмечается работа над уставом «Русского общества воздухоплавания», заявление датируется 29 мая 1880 года ([Воздухоплаватель, 1880е: 82](#)), а уже в 11 выпуске сообщается о деятельности по открытию Архангельского отделения Русского общества воздухоплавания, в выпуске №13 – о Товариществе практического воздухоплавания (г. Санкт-Петербург). Регулярно публикуются новостные известия о получении патентов «на новый способ управления аэростатами» (Бабе), «на новую воздухоплавательную машину» (Помэ) ([Воздухоплаватель, 1880b: 30](#)), «на аппарат для <...> полного управления и контролирования воздушных шаров» (Джексон) ([Воздухоплаватель, 1880d: 120](#)) и другую воздухоплавательную технику, сведения о концессии «на устройство правильного воздухоплавательного сообщения между Макао и Лиссабоном, основанного на метеорологических данных» (Де ла-Флоре) ([Воздухоплаватель, 1880b: 92](#)).

В журнале регулярно публиковались материалы о международных аэропутешествиях, исторических событиях в области воздухоплавания, случившихся до 1 января 1880 года, в том числе, о создании воздухоплавательных обществ, научно-образовательных учреждений и научных изданий,

таких как «Известия Французского Общества Воздухоплавания», «Аэронавт», «Аэростат» во Франции, «Годичный Отчет Общества Воздухоплавания Великобритании» и др.

Желая познакомить русских воздухоплателей с актуальными исследованиями их зарубежных коллег, издатели начинают 8 выпуск с переводной статьи французского профессора Дэлоне «Опыты воздухоплавания и воздушные шары» ([Опыты воздухоплавания..., 1880: 65-77](#)). Для реконструкции всемирной истории воздухоплавания в выпуске №9 опубликован фрагмент из книги «Воздухоплавание» (1856 г.) к моменту журнальной публикации уже скончавшегося генерал-лейтенанта Константина Ивановича Константинова (1818–1871), где описывается первое воздушное путешествие через пролив Ла-Манш пионеров воздухоплавания – французского аэронавта Жана-Пьера Франсуа Бланшара (1753–1809) и американского доктора Джона Джеффриса («Жеффри») (1744–1819) в 1785 году ([Первое воздушное..., 1880: 86-87](#)). В выпуске №13 вновь публикуется статья авторства генерал-лейтенанта К.И. Константинова «О парашютах» ([Константинов, 1880: 117-119; Константинов, 1880а: 133-135](#)). В №14 размещена заметка о саратовском авторе И.П. Ювенальеве и его сочинениях «Заметка о летании по воздуху» и «Описание аэровелосипеда и аэромотива», о чем было опубликовано также в газете «Саратовские Губернские Ведомости» ([Воздухоплаватель, 1880е: 130-131](#)).

Историки русского языка, отмечают, что именно на страницах этого журнала развернулось обсуждение слова *aviation* и его возможный перевод на русский язык ([Воздухоплаватель, 1882; Воздухоплаватель, 1883](#)), что стало первым появлением на русском языке слова «авиация» ([Санков, 1976](#)). Тем самым «Воздухоплаватель» (1880–1883) становится источником по истории терминов, связанных со сферой воздухоплавания и авиации ([Бурькин, 2003](#)).

Значение журнала как источника по истории российского воздухоплавания заключается в том, что здесь постоянно и подробно раскрывается научно-техническая деятельность отечественных ученых, изобретателей. Так, одной из постоянных тем журнала является «процесс создания новых шаров для воздухоплавания с целью проведения различных опытов». Именно здесь впервые публично было сказано о том, что «капитан 1-го ранга А.Ф. Можайский изобрел воздухоплавательное судно, которое должно плавать также без газа» ([Состояние воздухоплавания, 1880: 7](#)); в Санкт-Петербурге собирались съезды русских естествоиспытателей, на VI съезде «профессор Менделеев <...> представил интересные модели многих воздухоплавательных снарядов» ([Состояние воздухоплавания, 1880: 6](#)). Дмитрий Иванович Менделеев занимался также составлением «Истории воздухоплавания», средства от продажи издания планировалось вложить в формирование воздушного шара больших размеров для метеорологических наблюдений.

Регулярно в журнале публикуются актуальные научные статьи о теории и инженерной практике воздухоплавания. Так, на страницах выпуска №2, 3 и 4 за 1880 год размещена статья лейтенанта Владимира Дмитриевича Спицына «Несколько слов о воздухоплавании при помощи аппаратов тяжелейших воздуха» ([Спицын, 1880а: 15-20; Спицын, 1880б: 21-28; Спицын, 1880с: 30-35](#)), а в 7 выпуске – статья Т-ского, где представлены положения авторской теории полета птицы ([Т-ский, 1880: 59-64](#)), перекликающейся с теорией В.Д. Спицына. В 5 выпуске этого года опубликовано сообщение о том, что данная статья В.Д. Спицына издана отдельно в формате брошюры.

О том, что русское воздухоплавание было связано с военными задачами Российской империи, свидетельствует тот факт, что в выпусках №5 и 6 за 1880 год журнала была опубликована большая статья «О военном значении воздухоплавания» ([О военном значении..., 1880а: 37-40; О военном значении..., 1880б: 46-48](#)), в №7, 9, 10, 12, 15 – «История военного воздухоплавания» ([История военного воздухоплавания, 1880а: 57-59; История военного воздухоплавания, 1880б: 87-89; История военного воздухоплавания, 1880с: 93-95; История военного воздухоплавания, 1880д: 109-110; История военного воздухоплавания, 1880е: 135-136](#)).

Отдельным направлением издательской деятельности журнала были сообщения о событиях, открытиях, инженерной и производственной деятельности не только в воздухоплавании, но и в других областях, которые способствуют его развитию: создание газового завода при Донецкой железной дороге; предложение французских инженеров оснастить лодку аэростата эластичным матрасом (для более комфортной посадки на землю), а также резервуарами с горячей водой и сгущенным воздухом; создание шаров больших размеров; предложение корреспондента И.Е. Цуринова (г. Санкт-Петербург) об использовании дна из пробкового дерева вместо эластичного матраса; производство винта капитаном О.С. Костовичем в г. Санкт-Петербурге со способностью совершать 18 тыс. оборотов в минуту; сообщение Д.И. Менделеева «о сопротивлении среды»; планирование англичанами новой экспедиции к Северному полюсу с привлечением аэростата (7 января 1880 г.); намерение представителей Главной физической обсерватории Императорской Академии наук выпускать ежедневные прогнозы погоды; создание И.Е. Цуриновым воздухоплавательных уставов на разных языках (включая азиатские наречия и латышский язык); исследования М.А. Рыкачева особенностей полета, включая условия фиксации в воздухе машины, вращающей крыльями; рассказ о созданной французом Татеном искусственной «самолетающей птицы»; описание технического устройства недавно изобретенного барометра; сообщение о попытках Баумгартена взлететь на новом, созданном им воздухоплавательном снаряде.

Для журнала было характерно публиковать статьи инженерно-технического содержания. Так, 16 выпуск начинается с публикации «Воздухоплавательное судно, или аэроскаф капитана Костовича», где приводится описание технических характеристик данного изобретения ([Воздухоплавательное судно..., 1881: 141-143](#)). Публикация сопровождается изображением аэроскафа. Практически во всех выпусках отмечается военное значение воздухоплавания и возможный прорыв в развитии транспортной инфраструктуры Российской империи с его помощью. Так, 4 выпуск начинается с публикации о сокращении сроков почтового сообщения и охвате скорой почтой отдаленных территорий Восточной Сибири при использовании аэростатов и будущих усовершенствованных воздушных судов, а также о перспективах внедрения и развития воздухоплавательных аппаратов в военном деле, в том числе, в разведке.

Параллельно с формированием журнала проводилась масштабная работа по созданию «Русского общества воздухоплавания». Активное участие в этом принимал инженер-полковник Петр Александрович Клиндер. Данная работа также отражалась в выпусках журнала, где публиковались выдержки из протоколов бесед основателей Общества, рассказывалось о его членах и др.

Подробно в информационно-биографической справке раскрывается деятельность русского воздухоплавателя Михаила Тихоновича Лаврентьева ([Воздухоплаватель, 1880: 7-8](#)), в последующих выпусках неоднократно публикуются заметки о его опытах воздухоплавания, в том числе, совместно с его учеником Николаем Безсоновым. Раскрывается значение деятельности первого русского воздухоплавателя академика Императорской Академии наук Якова Дмитриевича Захарова (1765–1835), который совершил в 1804 году «воздушное путешествие, назначенное Императорской Академией Наук для учинения различных опытов и наблюдений в высшей части атмосферы» ([Воздухоплаватель, 1880a: 10](#)). В выпусках №10–11 опубликован исторический документ – рапорт академика Я.Д. Захарова «о последствии воздушного путешествия, совершившегося июня 30-го дня 1804 года» ([Воздухоплаватель, 1880f: 96-99](#); [Воздухоплаватель, 1880g: 102-107](#)).

Во 2 выпуске журнала «Воздухоплаватель» за 1880 год опубликована заметка адъютанта Главной физической обсерватории Августа Николаевича Барановского (1830–1897) о полете на воздушном шаре «Прогресс», совершенном им в июле 1879 года для проведения «метеорологических наблюдений в верхних слоях атмосферы» ([Барановский, 1880: 10-12](#)).

К этому же разряду публикаций можно отнести сообщение о том, что «крестьянин Тверской губернии А. Щеголов обратился в петербургскую городскую думу с заявлением, что им изобретена машина «двигатель», которая заменяет силу пара и людей, там, где требуется несколько человек. Машину эту приводят в движение 2 человека, которые могут управлять по сменно» ([Воздухоплаватель, 1880e: 79-80](#)), а также публикации о теории образования града, изобретении летательной механической птицы профессором Эдисоном, о работе кабинета для чтения изданий по воздухоплаванию в г. Санкт-Петербурге; об аэроплане Татена (который характеризуется как «летающий прибор, приводимый в движение машиной со сжатым воздухом») и ряд других заметок и статей ([Воздухоплаватель, 1880f: 99-100](#)).

Большинство выпусков журнала завершаются разделами с объявлениями, тематически поддерживающими специфику издания. Так, в объявлениях встречается информация о продажах парашюта или воздушного шара, о наличии изданий по воздухоплаванию в книжных магазинах г. Санкт-Петербурга, а также реклама таких периодических изданий, как «Технический сборник» и многое другое.

Сотрудниками редакции проводилась тщательная и планомерная работа по изданию научно-технической информации о процессах, связанных с изобретением новых форм, конструкций, механизмов в области воздухоплавания в Российской империи. Издатели считали важной работу по созданию соответствующих научно-технических и инженерных обществ и ассоциаций, журналов, публикации статей, монографий, всесторонне раскрывающих тему воздухоплавания.

5. Заключение

Развитие воздухоплавания в Российской империи второй половины XIX века обуславливает будущее лидерство Российской империи в создании Военно-воздушных сил в начале XX века под руководством великого князя Александра Михайловича. Это лидерство было обеспечено трудами многих людей: государственных деятелей, военных, инженеров, ученых, техников, изобретателей, а также издателей и просветителей, которые видели огромные перспективы инженерно-технического освоения воздушного пространства и стремились к мировому лидерству России в этой сфере.

Происходящие события отражались в новой периодике, источниковедческой потенциал которой является достаточно высоким. Так, журнал «Воздухоплаватель» может считаться передовым инженерно-техническим изданием, отражающим важные события в истории российского воздухоплавания 1880-х годов. Данное издание демонстрирует широкую проблематизацию воздухоплавания, характерную для передового инженерного мышления в Российской империи последней трети XIX века.

Литература

- Альмов, 1878** – Альмов И.П. К вопросу о воздухоплавании // *Кронштадский вестник*. 1878. № 134. С. 1-13.
- Арендт, 1888** – Арендт Н.А. О воздухоплавании, основанном на принципах полета и парения птиц. Симферополь, 1888. 96 с.
- Барановский, 1880** – Барановский А.Н. Воздушное путешествие г. Барановского в С.-Петербурге. *Журнал «Воздухоплаватель»*. 1880. № 2. с. 10-12.
- Биллярский, 1865** – Биллярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. Санкт-Петербург, 1865. 928 с.
- Бурыкин, 2003** – Бурыкин А.А. Об истории слов с компонентами авиа- и аэро- в русском языке конца XIX – начала XX века / *Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы*. СПб., 2003. С. 28-38.
- Вейгилин, 1940** – Вейгилин К.Е. Очерки по истории летного дела. Киев, 1940. 458 с.
- Воздухоплаватель, 1880–1881** – *Воздухоплаватель*. № 1–17. 1880–1881.
- Воздухоплаватель, 1880a** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 8.
- Воздухоплаватель, 1880b** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 9.
- Воздухоплаватель, 1880c** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 12.
- Воздухоплаватель, 1880d** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 13.
- Воздухоплаватель, 1880e** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 14.
- Воздухоплаватель, 1880f** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 10.
- Воздухоплаватель, 1880g** – *Воздухоплаватель*. 1880. № 11.
- Воздухоплаватель, 1882** – *Воздухоплаватель*. № 18–19.
- Воздухоплаватель, 1883** – *Воздухоплаватель*. № 20.
- Воздухоплавательное судно..., 1881** – Воздухоплавательное судно, или аэроскаф капитана Костовича // *Воздухоплаватель*. 1881. № 16. С. 141-143.
- Воспоминания великого..., 2023** – Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М.: издательство «Захаров», 2023. 528 с.
- Герман, 1901** – Герман Ю. Освещение местности и сигнализация при помощи воздушных шаров // *Военный сборник*. 1901. № 8. С. 84-91.
- Глаголев, 1915** – Воздушный флот: история и организация военного воздухоплавания. Под ред. Н.М. Глаголева. Петроград: тип. «Виктория», 1915. 110 с.
- Елисеев, 2023** – Елисеев Б.П. Становление отечественной гражданской авиации: юридические аспекты // *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*. 2023. № 26(1). С. 8-21.
- Желтова, 2021** – Желтова Е.Л. Воздухоплавание в России и Франции в 1783–1785 гг.: «Пересборка социального» // *Социология науки и технологий*. 2021. № 12(2). С. 7-25.
- Зарубин, 1885** – Зарубин П.А. Законы движения в воздухе летательных машин наилучших конструкций // *Записки Русского технического общества*. 1885. № 2. С. 1-15.
- Зверев, Цепилов, 2023** – Зверев В.О., Цепилов А.Е. Борьба с воздушной разведкой противника на Западе Российской империи (1912–1915 гг.) // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 1. С. 77-85.
- История военного воздухоплавания, 1880a** – История военного воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. 1880. № 7. С. 57-59.
- История военного воздухоплавания, 1880b** – История военного воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. № 9. С. 87-89.
- История военного воздухоплавания, 1880c** – История военного воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. 1880. № 10. С. 93-95.
- История военного воздухоплавания, 1880d** – История военного воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. 1880. № 12. С. 109-110.
- История военного воздухоплавания, 1880e** – История военного воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. 1880. № 15. С. 135-136.
- Константинов, 1856** – Константинов К.И. О воздухоплавании // *Морской сборник*. 1856. № 10. С. 9-10.
- Константинов, 1880** – Константинов К.И. О парашютах. *Журнал «Воздухоплаватель»*. 1880. № 13. с. 117-119.
- Константинов, 1880a** – Константинов К.И. О парашютах. *Журнал «Воздухоплаватель»*. 1880. № 15. с. 133-135.
- Крижановский, 2022** – Крижановский Н.И. С искренней заботой об отечестве: публицистика М.О. Меньшикова о развитии воздухоплавания // *Litera*. 2022. № 8. С. 112-131.
- Маркович, 1904** – Маркович Л.З. Воздухоплавание. Его прошлое и настоящее. Санкт-Петербург, 1904. 688 с.
- Менделеев, 1887** – Менделеев Д.И. О полете во время солнечного затмения 7 августа // *Журнал Русского физико-химического общества при С. Петерб. Универ.* 1887. № 7. С. 336.

Найденев, Рынин, 1911 – Русское воздухоплавание, история и успехи, мировое воздухоплавание и воздухоплавание в применении к военному и морскому делу. Под ред. В.Ф. Найденева, Н.А. Рынина. СПб.: Общественная польза, 1911. 30 с.

О военном значении..., 1880a – О военном значении воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. 1880. № 5. С. 37-40.

О военном значении..., 1880b – О военном значении воздухоплавания // *Воздухоплаватель*. 1880. № 6. С. 46-48.

Опыты воздухоплавания..., 1880 – Опыты воздухоплавания и воздушные шары. *Журнал «Воздухоплаватель»*. 1880. № 8. С. 65-77.

Пархимович, 2016 – Пархимович В.А. Авиация. История, события, факты. СПб.: Родная Ладога, 2016. 623 с.

Первое воздушное..., 1880 – Первое воздушное путешествие через Ламаншский пролив. *Журнал «Воздухоплаватель»*. 1880. № 9. С. 86-87.

Пиджаков, Хороших, 2011 – Пиджаков А.Ю., Хороших В.А. Зарождение авиационных обществ и авиационного образования в дореволюционной России // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. № 2: 60-70.

Попов, 1845 – Попов А.Ф. Об определении высот посредством бумажного змея // *Ученые записки, издаваемые Казанским университетом*. 1845. № III. С. 95-98.

Попов, 1875 – Попов А.Н. Москва в 1812 г. // *Русский архив*. 1875. № 9. С. 32.

Попов, 1956 – Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.: сборник документов и материалов. Под ред. В.А. Попова. М.: Оборонгиз, 1956. 952 с.

Попов, Федотова, 2021 – Попов А.В., Федотова О.Д. Подготовка первых российских авиаторов в зарубежных воздухоплавательных школах // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. № 2.

Романов, 2018 – Романов А.А. Из истории развития воздухоплавания и военной авиации в Российской Империи / Россия в XVIII–XX веках. Историко-культурные аспекты: сборник научных трудов. Под ред. С.П. Кострикова. М.: Государственный университет управления, 2018. С. 19-45.

Санков, 1976 – Санков В. Е. У истоков авиации: воздухоплавание и авиация в русской журналистике. М., 1976. 104 с.

Состояние воздухоплавания..., 1880 – Состояние воздухоплавания к 1-му января 1880-го года // *Воздухоплаватель*. 1880. № 1. С. 3-7.

Спицын, 1880a – Спицын В.Д. Несколько слов о воздухоплавании при помощи аппаратов тяжелейших воздуха // *Воздухоплаватель*. 1880. № 2. С. 15-20.

Спицын, 1880b – Спицын В.Д. Несколько слов о воздухоплавании при помощи аппаратов тяжелейших воздуха // *Воздухоплаватель*. 1880. № 3. С. 21-28.

Спицын, 1880c – Спицын В.Д. Несколько слов о воздухоплавании при помощи аппаратов тяжелейших воздуха // *Воздухоплаватель*. 1880. № 4. С. 30-35.

Т-ский, 1880 – Т-ский. Еще одна попытка разгадать неразгаданное // *Воздухоплаватель*. 1880. № 7. С. 59-64.

Эвальд, 1883 – Эвальд А.В. История воздухоплавания и его настоящее положение // *Записки русского технического общества*. 1883. № 2. С. 120-131.

Языков, 1840 – Языков Д.И. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. Санкт-Петербург, 1840. 126 с.

Chupin et al, 2023 – Chupin A.L., Bryukhovetskaya S.V., Medvedeva M.B., Kazenkov O. Yu. Military Aviation and the Aviation Industry of the Russian Empire in the First World War: Potential, Economic and Technological Solutions (according to Archival Documents) // *Bylye Gody*. 2023. 8(3): 1512-1521.

Kashirin et al., 2018 – Kashirin A. I., Semenov A.S., Strenaluk V.V. A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX - early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. № 48(2). Pp. 549-557.

Koptseva et al., 2023 – Koptseva N.P., Shpak A.A., Menzhurenko Y.N., Degtyarenko K.A. "Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge" (1901–1904) as a Source of the Russian History of Science and Technology // *Bylye Gody*. 2023. № 18 (1). Pp. 378-389.

Seredkina et al., 2023 – Seredkina N.N., Pchelkina D.S., Pimenova N.N., Zamaraeva Y.S. Scientific Research Directions by Russian Scientists at the end of the XIX century: Analysis of Publications of the Journal "Nauka i Zhizn" (1892) // *Bylye Gody*. 2023. № 18 (2). Pp. 869-881.

References

Alymov, 1878 – Alymov, I.P. (1878). K voprosu o vozduhoplavanii [On the issue of aeronautics]. *Kronshtadskij vestnik*. 134: 1-13. [in Russian]

Arendt, 1888 – Arendt, N.A. (1888). O vozduhoplavanii, osnovannom na principah poleta i parenija ptic [On aeronautics based on the principles of flight and soaring of birds]. Simferopol'. 96 p. [in Russian]

Biljarskij, 1865 – Biljarskij, P.S. (1865). Materialy dlja biografii Lomonosva [Materials for the biography of Lomonosov]. Sankt-Peterburg. 928 p. [in Russian]

- [Burykin, 2003](#) – *Burykin, A.A.* (2023). Ob istorii slov s komponentami avia- i aero- v russkom yazyke kontsa XIX - nachala XX veka [On the history of words with components avia- and aero- in the Russian language of the late 19th - early 20th centuries]. *Slovar' russkogo yazyka XIX veka. Problemy. Issledovaniya. Perspektivy*. SPb., pp. 28-38.
- [Chupin et al., 2023](#) – *Chupin, A.L., Bryukhovetskaya, S.V., Medvedeva, M.B., Kazenkov, O.Yu.* (2023). Military Aviation and the Aviation Industry of the Russian Empire in the First World War: Potential, Economic and Technological Solutions (according to Archival Documents). *Bylye Gody*. 18(3): 1512-1521.
- [Eliseev, 2023](#) – *Eliseev, B.P.* (2023). Stanovlenie otechestvennoj grazhdanskoj aviacii: juridicheskie aspekty [Formation of domestic civil aviation: legal aspects]. *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta grazhdanskoj aviacii*. 26(1): 8-21. [in Russian]
- [German, 1901](#) – *German, Ju.* (1901). Osveshhenie mestnosti i signalizacija pri pomoshhi vozdušnyh шаров [Illumination of the area and signaling using balloons]. *Voennyj sbornik*. 8: 84-91. [in Russian]
- [Glagolev, 1915](#) – *Glagolev, N.M.* (1915). Vozdušnyj flot: istorija i organizacija voennogo vozduhoplavanija [The Air Fleet: the history and organization of military aeronautics]. Petrograd: tip. «Viktorija». 110 p. [in Russian]
- [Istoriya voennogo vozdukhoplavanija, 1880a](#) – Istoriya voennogo vozdukhoplavanija [History of military aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 7: 57-59. [in Russian]
- [Istoriya voennogo vozdukhoplavanija, 1880b](#) – Istoriya voennogo vozdukhoplavanija [History of military aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 9: 87-89. [in Russian]
- [Istoriya voennogo vozdukhoplavanija, 1880c](#) – Istoriya voennogo vozdukhoplavanija [History of military aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 10: 93-95. [in Russian]
- [Istoriya voennogo vozdukhoplavanija, 1880d](#) – Istoriya voennogo vozdukhoplavanija [History of military aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 12: 109-110. [in Russian]
- [Istoriya voennogo vozdukhoplavanija, 1880e](#) – Istoriya voennogo vozdukhoplavanija [History of military aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 15: 135-136. [in Russian]
- [Jazykov, 1840](#) – *Jazykov, D.I.* (1840). Zapiski Zhelyabuzhskogo s 1682 po 2 ijulja 1709 [Notes of Zhelyabuzhsky from 1682 to July 2, 1709]. Sankt-Peterburg. 126 p. [in Russian]
- [Eval'd, 1883](#) – *Eval'd, A.V.* (1883). Istoriya vozduhoplavanija i ego nastojashhee položenie [History of aeronautics and its current status]. *Zapiski russkogo tehničeskogo obshhestva*. 2: 120-131. [in Russian]
- [Kashirin et al, 2018](#) – *Kashirin, A. I., Semenov, A.S., Strenalyuk, V.V.* (2018). A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 48(2): 549-557.
- [Konstantinov, 1856](#) – *Konstantinov, K.I.* (1856). O vozduhoplavanii [About aeronautics]. *Morskoj sbornik*. 10: 9-10. [in Russian]
- [Konstantinov, 1880](#) – *Konstantinov, K.I.* (1880). O parashyutakh [About parachutes]. *Vozduhoplavitel'*. 13: 117-119. [in Russian]
- [Konstantinov, 1880a](#) – *Konstantinov, K.I.* (1880). O parashyutakh [About parachutes]. *Vozduhoplavitel'*. 15: 133-135. [in Russian]
- [Koptseva et al., 2023](#) – *Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N., Degtyarenko, K.A.* (2023). “Industry and Technology: Encyclopedia of Industrial Knowledge” (1901–1904) as a Source of the Russian History of Science and Technology. *Bylye Gody*. 18(1): 378-389.
- [Krizhanovskij, 2022](#) – *Krizhanovskij, N.I.* (2022). S iskrennej zabotoj ob otechestve: publicistika M.O. Men'shikova o razvitii vozduhoplavanija [With sincere concern for the fatherland: M.O. Men'shikov's journalism on the development of aeronautics]. *Litera*. 8: 112-131. [in Russian]
- [Markovich, 1904](#) – *Markovich, L.Z.* (1904). Vozduhoplavanie. Ego proshloe i nastojashhee [Aeronautics. His past and present]. Sankt-Peterburg. 688 p. [in Russian]
- [Mendelev, 1887](#) – *Mendelev, D.I.* (1886). O polete vo vremja solnechenogo zatmenija 7 avgusta [On the flight during the solar eclipse of August 7]. *Zhurnal Russkogo fiziko-himičeskogo obshhestva pri S. Peterb. Univer.* 7: 336. [in Russian]
- [Najdenov, Rynin, 1911](#) – *Najdenov, V.F., Rynin, N.A.* (1911). Russkoe vozduhoplavanie, istorija i uspehi, mirovoe vozduhoplavanie i vozduhoplavanie v primenenii k voennomu i morskomu delu [Russian aeronautics, history and successes, world aeronautics and aeronautics as applied to military and maritime affairs]. SPb.: Obshhestvennaja pol'za. 30 p. [in Russian]
- [Opyty vozdukhoplavanija..., 1880](#) – Opyty vozdukhoplavanija i vozdušnye šary [Experiments in aeronautics and balloons]. *Vozduhoplavitel'*. 8: 65-77. [in Russian]
- [O voennom znachenii vozdukhoplavanija, 1880a](#) – O voennom znachenii vozdukhoplavanija [On the military significance of aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 5: 37-40. [in Russian]
- [O voennom znachenii vozdukhoplavanija, 1880b](#) – O voennom znachenii vozdukhoplavanija [On the military significance of aeronautics]. *Vozduhoplavitel'*. 6: 46-48. [in Russian]
- [Parhimovich, 2016](#) – *Parhimovich, V.A.* (2016). Aviaciya. Istoriya, sobytija, fakty [Aviation. History, Events, Facts]. SPb.: Rodnaya Ladoga, 623 p. [in Russian]
- [Pervoe vozdušnoe..., 1880](#) – Pervoe vozdušnoe puteshestvie cherez Lamanshskii proliv [The first air journey across the English Channel]. *Vozduhoplavitel'*. 9: 86-87. [in Russian]

- [Pidzhakov, Horoshih, 2011](#) – *Pidzhakov, A.Ju., Horoshih, V.A.* (2011). Zarozhdenie aviacionnyh obshhestv i aviacionnogo obrazovanija v dorevoljucionnoj Rossii [The emergence of aviation societies and aviation education in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2: 60-70. [in Russian]
- [Popov, 1845](#) – *Popov, A.F.* (1845). Ob opredelenii vysot posredstvom bumazhnogo zmeja [On determining heights using a kite]. *Uchenye zapiski, izdavaemye Kazanskim universitetom*. III: 95-98. [in Russian]
- [Popov, 1875](#) – *Popov, A.N.* (1875). Moskva v 1812 g. [Moscow in 1812]. *Russkij arhiv*. 9: 32. [in Russian]
- [Popov, 1956](#) – *Popov, V.A.* (1956). Vozduhoplavanje i aviacija v Rossii do 1907 g.: sbornik dokumentov i materialov [Aeronautics and aviation in Russia before 1907: collection of documents and materials]. M.: Oborongiz. 952 p. [in Russian]
- [Popov, Fedotova, 2021](#) – *Popov, A.V., Fedotova, O.D.* (2021). Podgotovka pervyh rossijskih aviatorov v zarubezhnyh vozduhoplavel'nyh shkolah [Training of the first Russian aviators in foreign aeronautical schools]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologija*. 221. 2. [in Russian]
- [Romanov, 2018](#) – *Romanov, A.A.* (2018). Iz istorii razvitija vozduhoplavanija i voennoj aviacii v Rossijskoj Imperii. Rossija v XVIII–XX vekah. Istoriko-kul'turnye aspekty: sbornik nauchnyh trudov [From the history of the development of aeronautics and military aviation in the Russian Empire. Russia in the XVIII–XX centuries. Historical and cultural aspects: collection of scientific papers]. Pod red. S.P. Kostrikova. – M.: Gosudarstvennyj universitet upravlenija: 19-45. [in Russian]
- [Sankov, 1976](#) – *Sankov, V.E.* (1976). U istokov aviatsii: vozdukhoplavanje i aviatsiya v russskoj zhurnalistike [At the origins of aviation: aeronautics and aviation in Russian journalism]. M., 104 p. [in Russian]
- [Seredkina et al., 2023](#) – *Seredkina, N.N., Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Y.S.* (2023). Scientific Research Directions by Russian Scientists at the end of the XIX century: Analysis of Publications of the Journal “Nauka i Zhizn” (1892). *Bylye Gody*. 18(2): 869-881. [in Russian]
- [Sostoyanie vozdukhoplavaniya..., 1880](#) – Sostoyanie vozdukhoplavaniya k 1-mu yanvarja 1880-go goda [The state of aeronautics as of January 1, 1880]. *Vozduhoplavel'*. 1: 3-7. [in Russian]
- [Spitsyn, 1880a](#) – *Spitsyn, V.D.* (1880). Neskol'ko slov o vozdukhoplavanii pri pomoshchi apparatov tyazheleishikh vozdukha [A Few Words about Aeronautics with Heaviest Air Vehicles]. *Vozduhoplavel'*. 2: 15-20. [in Russian]
- [Spitsyn, 1880b](#) – *Spitsyn, V.D.* (1880). Neskol'ko slov o vozdukhoplavanii pri pomoshchi apparatov tyazheleishikh vozdukha [A Few Words about Aeronautics with Heaviest Air Vehicles]. *Vozduhoplavel'*. 3: 21-28. [in Russian]
- [Spitsyn, 1880c](#) – *Spitsyn, V.D.* (1880). Neskol'ko slov o vozdukhoplavanii pri pomoshchi apparatov tyazheleishikh vozdukha [A Few Words about Aeronautics with Heaviest Air Vehicles]. *Vozduhoplavel'*. 4: 30-35. [in Russian]
- [T-skii, 1880](#) – *T-skii.* (1880) Eshche odna popytka razgadat' nerazgadannoe [Another attempt to solve the unsolved]. *Vozduhoplavel'*. 7: 59-64. [in Russian]
- [Vejgilin, 1940](#) – *Vejgilin, K.E.* (1940). Oчерki po istorii letnogo dela [Essays on the history of flying]. Kiev. 458 p. [in Russian]
- [Vospominaniya velikogo..., 2023](#) – Vospominaniya velikogo knyazya Aleksandra Mihajlovicha [Memories of Grand Duke Alexander Mikhailovich]. M.: Izdatel'stvo «Zaharov», 2023. 528 p. [in Russian]
- [Vozduhoplavel', 1880–1881](#) – *Vozduhoplavel'*. 1–17. 1880–1881. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880a](#) – *Vozduhoplavel'*. 8. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880b](#) – *Vozduhoplavel'*. 9. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880c](#) – *Vozduhoplavel'*. 12. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880d](#) – *Vozduhoplavel'*. 13. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880e](#) – *Vozduhoplavel'*. 14. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880f](#) – *Vozduhoplavel'*. 10. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1880g](#) – *Vozduhoplavel'*. 11. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1882](#) – *Vozduhoplavel'*. 18–19. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel', 1883](#) – *Vozduhoplavel'*. 20. [in Russian]
- [Vozdukhoplavel'noe sudno..., 1881](#) – Vozdukhoplavel'noe sudno, ili aeroskaf kapitana Kostovicha [Aeronautical vessel, or aerostate of Captain Kostovich]. *Vozduhoplavel'*. 16: 141-143. [in Russian]
- [Zarubin, 1885](#) – *Zarubin, P.A.* (1885). Zakony dvizhenija v vozduhe letatel'nyh mashin nailuchshih konstrukcij [Laws of motion in the air of flying machines of the best designs]. *Zapiski Russkogo tehničeskogo obshhestva*. 2: 1-15. [in Russian]
- [Zheltova, 2021](#) – *Zheltova, E.L.* (2021). Vozduhoplavanje v Rossii i Francii v 1783–1785 gg.: «Peresborka social'nogo». *Sociologija nauki i tehnologij*. 12(2): 7-25. [in Russian]
- [Zverev, Tsepilov, 2023](#) – *Zverev, V.O., Tsepilov, A.E.* (2023). Bor'ba s vozdušnoju razvedkoju protivnika na Zapade Rossijskoj imperii (1912-1915 gg.) [Combating enemy aerial reconnaissance in the West of the Russian Empire (1912-1915)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 1: 77-85. [in Russian]

К вопросу о развитии воздухоплавания в Российской империи в 1880-е годы

Наталья Петровна Копцева ^{а, *}, Ксения Александровна Дегтяренко ^а,
Иван Юрьевич Макарчук ^а, Тихон Константинович Ермаков ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье выполнено исследование истории воздухоплавания в Российской империи в 1880-е годы в аспекте влияния данного периода на формирование Императорских военно-воздушных сил в 1911 году. На основании источниковедческого анализа выявлены основные линии развития воздухоплавательной военной техники в Российской империи 1880-х гг. Также освещена деятельность ключевых исторических фигур – П.А. Клиндера, О.С. Костовича и В.Д. Спицына – по созданию Русского общества воздухоплавания в 1880 году, которое в декабре этого же года их усилиями было преобразовано в VII воздухоплавательный отдел Императорского русского технического общества. Сделаны выводы о влиянии исторических событий 1880-х годов на создание Императорских военно-воздушных сил в 1911 году, шефом которых был великий князь Александр Михайлович. Показано, что базовые идеи для формирования Императорских военно-воздушных сил были заложены и развиты в 1880-е гг., что нашло отражение в технической и издательской деятельности, зафиксированной, в том числе, в статьях и корреспонденциях журнала «Воздухоплаватель» (издатель генерал-майор П.А. Клиндер).

История воздухоплавания в контексте истории науки и техники Российской империи 1880-х годов связана с его институализацией, когда насущная необходимость решения государственных задач научно-технического развития приводит к поступательной трансформации воздухоплавания в серьезную область исследований, связанных с развитием военной технической оснащённости Русской армии. Инженерно-технические решения, созданные в эти годы, связаны с переходом конструирования от аэростатов к аппаратам тяжелее воздуха, в том числе, к первым самолетам.

Ключевые слова: история техники, воздухоплавание, Российская империя, 1880-е годы, журнал «Воздухоплаватель», великий князь Александр Михайлович, П.А. Клиндер, В.Д. Спицын, Императорский военно-воздушный флот.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева),
akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко), faler2007@yandex.ru (И.Ю. Макарчук),
erm-tihon@mail.ru (Т.К. Ермаков)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1829-1838
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1829

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Gendarmerie Supervision of Tomsk Students at the turn of the XIX–XX centuries

Peter P. Rumyantsev ^{a,*}

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

This article examines the practice of gendarmerie officials supervising the students of the city of Tomsk from the moment the first university appeared in the city until 1905. The choice of Tomsk is due to the fact that the first higher educational institution beyond the Urals, the Imperial Tomsk University, was opened there, which allowed Tomsk to turn into a major scientific and educational center of the Siberian region. Tomsk students played a big role in the life of the city and the entire region, took an active part in social and political life. The gendarmerie, which defended the Russian autocracy, closely monitored the student movement and took measures to combat it. In the course of the conducted research, it was possible to establish the causes of student protests in Tomsk and their participants, the main forms of student protests. It was also possible to determine the view of the gendarmes on the student movement, the degree of participation of the gendarmerie in restoring order during student unrest, and the proposals of the gendarmes to combat this phenomenon were identified. The main sources for writing this article are materials from the collections of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Tomsk Region, most of which were first introduced into scientific circulation. When working with historical sources, such scientific methods as narrative, historical-genetic and historical-comparative methods were actively used.

Keywords: corps of gendarmes, Siberian Gendarmerie district, gendarmes, Tomsk, Imperial Tomsk University, students, unrest, political investigation, supervision.

1. Введение

В 1880 г. в Российской империи произошла реформа правоохранительной системы, связанная с ликвидацией III отделения императорской канцелярии и созданием в составе Министерства внутренних дел Департамента государственной полиции (с 1883 г. – Департамента полиции), который стал преемником упраздненного III отделения и сосредоточил в своих руках весь политический сыск в империи. Отдельный корпус жандармов вошел в состав Департамента полиции и стал напрямую подчиняться руководству Министерства внутренних дел. Жандармерия стала главным органом политического сыска российского самодержавия, она внимательно следила за отдельными категориями граждан и проводила дознания по политическим преступлениям.

Со второй половины XIX в. российские студенты становятся активными участниками общественно-политической жизни в Российской империи. Если первоначально их требования носили преимущественно академический характер, т. е. были связаны с их повседневной жизнью и учебой, то ближе к концу века студенты начинают участвовать в политической борьбе. Достаточно быстро студенческое движение приняло массовый характер, а сами студенты являлись одними из главных участников освободительного движения в стране. Все сказанное было более чем достаточным, чтобы жандармское ведомство обратило пристальное внимание на студенчество, ведя за их жизнью пристальный надзор. В представленной статье речь пойдет об осуществлении сотрудниками

* Corresponding author

E-mail addresses: petroom@mail.ru (P.P. Rumyantsev)

жандармского ведомства надзора за томским студенчеством с момента появления высших учебных заведений на территории Томска и до 1905 г., т. е. до начала первой русской революции. Выбор Томска обусловлен появлением в нем первого университета за Уралом, что превратило город в центр развития науки и образования в Азиатской части Российской империи, а сами студенты являлись активными участниками в общественно-политической жизни как города, так и всего сибирского региона.

2. Материалы и методы

2.1. Основным материалом для написания статьи послужила жандармская документация, находящаяся на хранении в различных архивах. В первую очередь были задействованы материалы следующих фондов Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация): Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи (ф. 102) и Штаба Отдельного корпуса жандармов (ф. 110). В указанных архивных фондах хранятся рапорты жандармских чинов с мест, отчетная документация, предоставляемая жандармскими чинами своему руководству, внутриведомственная и межведомственная переписка. Также в работе были использованы материалы Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация): Томского губернского управления (ф. 3), Управления Западно-Сибирского учебного округа (ф. 126), Томского губернского жандармского управления (ф. 411). В перечисленных фондах содержится переписка жандармских чинов Томской губернии как со своим ближайшим начальством, представленным начальником Сибирского жандармского округа, так и руководством жандармского ведомства, а также межведомственная переписка с представителями региональной власти, администрацией томских вузов и Западно-Сибирского учебного округа. Изучение жандармской документации позволит рассмотреть различные аспекты осуществления надзора за российским студенчеством, увидеть взгляд жандармских чинов на причины студенческого движения, проследить предлагаемые жандармами меры борьбы с этим движением. Большинство использованных архивных документов впервые вводится в научный оборот. Также были привлечены различные нормативно-правовые акты, регулировавшие деятельность жандармских чинов по осуществлению ими политического сыска, в том числе и в области надзора за учащимися учебных заведений, участвовавшими в манифестациях и подозревавшимися в политической нелояльности.

2.2. Методологической базой исследования выступили нарративный, историко-генетический и историко-сравнительный методы. Первый из указанных методов дал возможность выявить причины возникновения студенческих волнений в Томске и принимаемые меры со стороны местной власти и правоохранительных органов, в том числе и жандармерии, для их устранения. Второй метод позволил выявить изменения в осуществлении жандармского надзора за томским студенчеством. И, наконец, с помощью последнего метода удалось, используя жандармскую документацию, установить особенности студенческого движения в Томске в указанный хронологический период.

3. Обсуждение

Жандармский надзор за российским студенчеством достаточно редко попадал в поле зрения отечественных исследователей. Из подобных работ можно выделить исследование Н.В. Логачевой (Логачева, 2011), где изучалась практика применения жандармами политического сыска за революционной активностью российского студенчества во второй половине XIX в., а также работу П.В. Краснова (Краснов, 2013), где исследовался взгляд сотрудников политической полиции на так называемый «студенческий вопрос» в последние два десятилетия XIX в. В ряде исследований по истории студенческого движения в Российской империи использовались материалы Департамента полиции (Гусятников, 1971). З.В. Перегудова в монографии о развитии политического сыска в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. приводила информацию о привлечении внимания политической полиции к студенческому движению в связи с его активизацией в указанный период времени (Перегудова, 2013: 76–80). В работах зарубежных исследователей по истории деятельности политической полиции в Российской империи студенческому движению уделено фрагментарное внимание (Daly, 1998; Daly, 2004; Lauchlan, 2002; Zuckerman, 1996).

Революционная деятельность томского студенчества рассматривалась в работах М.И. Матвеева, а также в изданиях, посвященных различным юбилейным датам из истории Томского университета, где приводилась информация о столкновениях студентов с чинами полиции и жандармерии и попытках последних пресечь выступления студентов (Матвеев, 1966; Томский университет..., 1980). В работах О.В. Ищенко жандармская документация привлекалась для исследования вопроса противостояния студенчества и преподавательского состава томских вузов с администрацией этих вузов, городскими и губернскими властями (Ищенко, 2006; Ищенко, 2009). На томских студентов исследователи обращали внимание как на участников общественно-политической жизни региона, приводили сведения об их основных требованиях и методах борьбы (Ищенко, 2010; Общественно-политическая жизнь..., 2013: 26, 99–102). В современных исследованиях встречается информация об участии жандармских чинов в наведении порядка во время студенческих волнений в первые годы функционирования Томского университета (Степнов, Фоминых, 2019). Таким образом, необходимо констатировать, что до настоящего времени практика осуществления жандармского надзора за

российским студенчеством не выступала в качестве специального объекта для научного исследования. В данной статье будет проведено исследование практики осуществления политического сыска жандармерией в отношении студенчества г. Томска.

4. Результаты

Первый вуз в Сибири, получивший название Императорского Сибирского университета, был учрежден по указу Александра II от 16 (28) мая 1878 г. в г. Томске в составе четырех факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского) (ПСЗРИ-2. Т. 53. Ч. 1 № 58527. С. 352-353). Однако прошло десять лет, связанных с многочисленными трудностями планирования, изыскания средств и строительства университетской инфраструктуры, прежде чем в 1888 г. университет был открыт в составе единственного факультета – медицинского, на первый курс которого приняли 72 чел. (Некрылов, 2010: 73-127). Немного ранее, в 1885 г., был образован Западно-Сибирский учебный округ, попечителем которого назначили В.М. Флоринского, одного из главных инициаторов открытия университета в Томске.

На втором учебном году в томском университете произошли первые инциденты в студенческой среде, которые в отечественной историографии расцениваются как политические акции (Матвеев, 1966: 39). В начале 1890 г. между попечителем Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринским и исключенным из университета студентом Святским (причина исключения – избивание им служителя при общежитии университета) произошел конфликт, в ходе которого последний, со слов самого Флоринского, угрожал ему расправой. Позже попечитель получил анонимное письмо, где сообщалось, что Святский готовит его (Флоринского) убийство. За исключенным студентом со стороны полиции и жандармерии был установлен тщательный надзор, однако никаких попыток с его стороны посягательства на жизнь Флоринского не было сделано, а вскоре он отбыл из Томска в Омск (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 88. Д. 174. Л. 1).

Осуществлявший надзор за Святским штаб-офицер для особых поручений при начальнике Сибирского жандармского округа подполковник В.М. Исполатов (в то время еще и временно исполнявший должность начальника Томского губернского жандармского управления) в своих рапортах директору Департамента полиции доносил, что 21 марта 1890 г. поздним вечером исполнявший должность томского губернатора председатель губернского правления Котюхов сообщил ему о полученном от московского губернатора сообщении, что в Томске может пройти сходка студентов. Эта информация получила подтверждение и из других источников. Губернские власти приняли меры для предотвращения сходки, в том числе Котюхов просил жандармского подполковника Исполатова отправить к 9 часам утра на следующий день в здание Юрточной полицейской части 10 жандармских унтер-офицеров в полном вооружении для оказания содействия полиции в случае возникновения студенческих беспорядков. Просьба была выполнена, однако беспорядков со стороны студентов так и не последовало. В следующем рапорте Исполатов сообщил, что его подчиненные установили, что 21 марта студенты в количестве около 40 чел. собирались в трактире в доме Хаймовича в районе Уржатки якобы для поздравления своих 13 товарищей, которые получили стипендии. Однако по информации, переданной старшему адъютанту Сибирского жандармского округа поручику Д.М. Залесскому одним из участников этого собрания, главным мотивом сходки было обсуждение вопроса о выражении сочувствия студентам Московского университета, требовавшим будто бы восстановления Университетского устава 1863 г. Кто-то из участвовавших в собрании смог убедить своих товарищей не составлять и не отправлять соответствующую петицию, т.к. это могло стать поводом к закрытию университета «как имеющего незначительное число студентов» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 88. Д. 190. Л. 1, 3–4).

В процессе межведомственной переписки выяснилось, что у томской губернской власти нет никаких распоряжений по поводу действий в случае возможных студенческих волнений, т. е. региональная исполнительная власть толком не знала, как поступать с участниками волнений в студенческой среде. В мае 1890 г. по просьбе министра народного просвещения И.Д. Делянова директор Департамента полиции П.Н. Дурново сообщил томскому губернатору Г.А. Тобизену, чтобы он в случае студенческих волнений и необходимости высылки студентов из города руководствовался циркулярами Департамента полиции №255 от 7 февраля и №1447 от 26 апреля 1883 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 88. Д. 190. Л. 5–7). Впоследствии томские власти будут использовать положения этих циркуляров во время студенческих выступлений.

Начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор Н.И. Александров, в специальном рапорте от 7 марта 1890 г. также сообщивший директору Департамента полиции о брожении в студенческой среде, присовокупил, что сам В.М. Флоринский остался недоволен действиями жандармских чинов, посчитав их недостаточными. Со слов жандармского генерала, Флоринский предложил, чтобы чины жандармского ведомства переписывали студентов, посещающих «известные сомнительные в политическом отношении дома, конечно, войдя туда лично», ссылаясь на то, что именно так поступают жандармские чины Казанского губернского жандармского управления под руководством их начальника, полковника Н.И. Гангардта (Флоринский с 1878 г. занимал должность заведующего одной из кафедр Императорского Казанского университета, живя на два города –

Казань и Томск). Александров пытался убедить попечителя учебного округа, что вход жандармского чина в какое-либо заведение для проведения там следственных действий возможен только при наличии достаточных доказательств, указывающих на преступность и неблагонадежность в политическом отношении лица, а перепись студентов может быть выполнена полицейскими чинами, т.к. вне стен университета студенты подчиняются общей полиции. Однако переубедить Флоринского так и не удалось, что заставило засомневаться и самого жандармского генерала Александра, который, чтобы развеять свои сомнения по этому вопросу, и обратился к высшему полицейскому начальству. Начальник Казанского губернского жандармского управления, полковник Гангардт на запрос директора Департамента полиции П.Н. Дурново ответил, что Флоринский, вероятнее всего, был кем-либо введен в заблуждение, т.к. такой способ осуществления надзора в Казани за студентами и другими неблагонадежными политическим лицами не практиковался ввиду полной, по его мнению, нецелесообразности. Дурново сообщил Александрову, чтобы он впредь не осуществлял таким образом надзор за студентами (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 88. Д. 174. Л. 2–6).

Произошедшие в начале 90-х гг. XIX в. выступления томского студенчества не имели массовый характер, но ситуация вскоре изменилась по следующим причинам. Во-первых, увеличилось количество студентов в г. Томске: в 1898 г. на базе университета был открыт второй факультет, юридический. К 1900 г. количество студентов университета составляло 549 чел., из них 156 студентов и 5 вольнослушателей учились на юридическом факультете, а остальные – на медицинском (Юридическое образование..., 1998: 8, 11). Немного ранее, 19 июля 1896 г., в торжественной обстановке прошла церемония закладки здания Томского технологического института, а его открытие состоялось в 1900 г. в составе двух отделений – механического и химического. К ним в 1901 г. добавилось горное отделение, а в 1902 г. – инженерно-строительное. Первый набор института составил 203 чел. (Астапенко, 2013: 29). Таким образом, в Томске открылось второе высшее учебное заведение за Уралом и первое по инженерно-техническому профилю, а сам город стал центром развития высшего образования и науки Азиатской России. Во-вторых, активизация студенческого движения в Томске была связана с вовлечением студентов на рубеже XIX–XX вв. в студенческие волнения, принявшие Всероссийский масштаб. Первая по времени Всероссийская студенческая забастовка состоялась в феврале-марте 1899 г. Началась она в Императорском Санкт-Петербургском университете, где учащиеся выступили против произвола властей по отношению к ним, создали в своей среде стачечный комитет, прекратили занятия до тех пор, пока правительством «не будут даны гарантии, что впредь так беззастенчиво и нагло не будут нарушаться элементарнейшие права человеческой личности», требуя предоставления учащимся «гарантий личной неприкосновенности». В достаточно быстрый срок стачка распространилась на другие учебные заведения всей империи, включая и Томск. Всего же в студенческом стачечном движении приняло участие до 25 тыс. учащихся, прежде всего, высших учебных заведений (Студенческое движение..., 1900: 5–7, 15).

Известия о студенческих беспорядках в Санкт-Петербурге дошли до Томска в конце февраля 1899 г. 24 февраля в одной из аудиторий университета прошла студенческая сходка, которая, по словам начальника Томского губернского жандармского управления полковника Н.Е. Новицкого, явилась неожиданностью для университетского начальства, почему оно никак не отреагировало на это собрание. Причиной сходки стало письмо с описанием студенческих беспорядков 8 февраля в столице. Его получил один из студентов, послание было прочитано перед собравшимися товарищами. После прочтения и обсуждения на сходке были приняты следующие решения: не посещать лекций, считать университет закрытым для учебы, требовать удовлетворения за оскорбления студентов Санкт-Петербургского университета. Эти и другие требования были подписаны участниками сходки в количестве 375 человек (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 621. Л. 5). С этого времени студенты стали придерживаться принятых решений, проводя свои собрания преимущественно в здании общежития. Со слов начальника жандармского управления, студенты не нарушали тишины и спокойствия, вели себя «замечательно сдержанно, выказывая пассивное сопротивление требованиям [университетского] начальства». Новицкому путем агентурных сведений удалось установить, что о решении не посещать занятия ввиду солидарности с другими высшими учебными заведениями империи томские студенты сообщили на семь частных адресов телеграммами. Их получили студенты различных высших учебных заведений (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 621. Л. 6–7).

Последовавшие дальше события в достаточной степени освещены в отечественной историографии, поэтому нет надобности подробно останавливаться на них (Матвеев, 1966: 41–46). Отметим, что за участие в студенческой забастовке в несколько партий было исключено из вуза в общей сложности 74 студента и 6 слушателей без права поступления в другие высшие учебные заведения империи. В большей массе они были отправлены к местам их постоянного проживания (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 621. Л. 9–10). По заявлению администрации Томского университета, все остальные студенты считались отчисленными и принимались обратно только при подаче индивидуальных прошений, которых к концу марта было подано 67. Через несколько месяцев состоялся самый маленький выпуск медицинского факультета: всего 7 человек получили дипломы врачей (Томский университет..., 1980: 39).

Ко времени возникновения студенческой забастовки 1899 г. управление Сибирского жандармского округа уже отсутствовало в Томске: с 1895 г. оно размещалось в Иркутске. По этой причине начальник округа не имел возможности быть в центре событий и оперативно на них реагировать. Начальник Томского губернского жандармского управления информировал его, как и начальство Отдельного корпуса жандармов, вместе с Департаментом полиции. Начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор С.А. Демидов был крайне обеспокоен возникшей в среде томских студентов забастовкой, узнав о ней из рапорта начальника Томского губернского жандармского управления, полковника Н.Е. Новицкого от 25 февраля (т. е. рапорт был составлен на следующий день после начала студенческих беспорядков). 5 марта секретарь при начальнике округа, надворный советник Н.Г. Косытрко спрашивал адъютанта Томского губернского жандармского управления, сообщена ли информация о студенческой сходке командиру Отдельного корпуса жандармов, на что пришел ответ, что начальник управления подробно сообщил командиру корпуса о беспорядках почтой (ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 58. Л. 21–22). Отсутствие в Томске начальника округа вынуждало Новицкого действовать самостоятельно.

В донесениях своему начальству полковник Н.Е. Новицкий ставил под сомнение целесообразность многих действий администрации университета. Так, в своих рапортах в Департамент полиции он указывал, что, по его мнению, высылка отчисленных студентов к местам их жительства за счет казны (отчисленные студенты получили билеты 3-го класса и 50 коп. суточных денег на время пути) принесла больше вреда, чем пользы, т.к. студентами такой шаг был воспринят за слабость или колебание начальства, что вело к дальнейшей активизации забастовки. По мнению начальника Томского губернского жандармского управления, отчисленных студентов следовало отправлять не массово и не открыто, т.к. это привело к многочисленному скоплению на вокзале людей, пришедших провожать бывших студентов, а сами проводы превратились в настоящую демонстрацию с обвинительными речами не только в адрес администрации вуза, но и против государственных порядков. Новицкий полагал бы целесообразным при выдаче полицией документов отчисленным студентам знакомить их с разъяснением Сената №2798 от 16 апреля 1887 г. к ст. 11 «Устава о воинской повинности» изд. 1897 г., согласно которому отсрочкой от призыва в армию они пользовались только на время учебы, а в случае ее окончания они должны были явиться на призывные участки. Жандармский полковник считал, что полиции следовало брать со студентов подписки об ознакомлении с этим положением, о чем он сообщил томскому губернатору (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Зч. 1 л. Б т. 11. Л. 46–46об., 54, 55).

Руководство Отдельного корпуса жандармов достаточно высоко оценило как указанные предложения Новицкого, так и его действия во время студенческих беспорядков, которые проходили исключительно в среде учащихся и не сопровождались какими-либо агрессивными действиями с их стороны. В апреле 1899 г. Новицкий в качестве награды получил орден Св. Станислава 2-й ст. Трудно заподозрить жандармского полковника в симпатиях к студентам, но вместе с тем необходимо отметить, что он старался по отношению к ним действовать рассудительно, пытаясь разобраться в деталях, прежде чем делать какие-либо поспешные выводы и что-либо предпринимать (накануне студенческих беспорядков Новицкому исполнилось 60 лет, за плечами у него имелся 26-летний стаж службы в жандармском ведомстве). В доказательство сказанного можно привести следующий пример. В конце 1899 г. от попечителя учебного округа он получил сведения, что в томском театре во время исполнения торжественного гимна «Боже, царя храни» студенты университета Белов Петр (3-й курс) и Писарев Александр (5-й курс) не встали со своих мест, что можно было расценить как акт политического протеста, учитывая, что после беспорядков студенты считались политически нелояльной категорией граждан, и указанных личностей можно было бы привлечь к ответственности. Новицкий тщательно исследовал эту ситуацию и пришел к выводу, что студенты поднялись со своих мест, но они находились на 3-м ярусе, занимая самую крайнюю ложу, и, чтобы смотреть на сцену, им надо было нагибаться и облакачиваться на барьер, поэтому публике могло показаться, что они сидят. Сам начальник Томского губернского жандармского управления был убежден, что в их действиях не было ни демонстративного, ни постороннего влияния, однако, по мнению жандармского полковника, студентам впредь следовало бы не подавать поводов заподозрить их в неуважении к власти (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1271. Л. 6–6об.).

По прошествии некоторого времени, имея возможность проанализировать ситуацию со студенческими беспорядками, в политическом обзоре Томской губернии за 1899 г. начальник местного жандармского управления, полковник Н.Е. Новицкий продолжал настаивать на слабой эффективности принятых администрацией вуза мер, утверждая следующее: «все старались устранить себя от всякой ответственности пред высшим начальством и в то же время не возбудить противу себя студентов и общество, а потому во всем являлась двойственность, что очень вредило делу». Жандармский начальник разделял общественное мнение, что если бы попечителем Западно-Сибирского округа продолжал оставаться В.М. Флоринский, то беспорядки не приняли бы такой большой размах, а то и вовсе могли и не произойти (сам Флоринский в 1898 г. покинул занимаемый пост, а вместе с ним – и Томск, в первых числах 1899 г. он скончался от паралича сердца) (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. 1ч. Д. 47. Л. 6–7).

После возобновления деятельности университета со стороны администрации вуза и других должностных лиц последовали организационные выводы. В мае 1899 г. управляющий Западно-Сибирским учебным округом сообщил начальнику Томского губернского жандармского управления, полковнику Н.Е. Новицкому, что, по предложению министра народного просвещения Н.П. Боголепова, предлагается совместно с представителями различных ведомств обсудить вопрос о принятии мер для устранения в будущем студенческих беспорядков. Зная, что Новицкому известны многие детали этих беспорядков, а также, вероятно, и их причины, попечитель обращался к нему за помощью в этом вопросе. Управляющий учебным округом сообщал, что 5/6 всех студентов живет на частных квартирах, поэтому нет возможности их контролировать, в то время как на квартирах студенты чаще всего собираются и обсуждают планы своих действий. Чиновник образовательного ведомства интересовался у главы жандармского управления, можно ли в Томске организовать надзор за условиями жизни студентов на частных квартирах, а также установить какой-либо контроль за влиянием на студентов со стороны различных неблагоприятных элементов городского населения (ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 58. Л. 134–135об.). К сожалению, не удалось обнаружить реакции Новицкого на эти предложения, но, учитывая его большой опыт жандармской службы, можно предположить, что вряд ли он поддержал предложение об организации надзора за всеми квартирами, где проживали студенты, ввиду большого количества студенческого контингента и незначительного количества жандармских сотрудников, которые могли бы вести указанный надзор.

Решением возникшего в конце XIX в. студенческого вопроса занимались первые лица правительства, включая министра финансов С.Ю. Витте, являвшегося в то время ключевой фигурой в высших эшелонах власти. Он и выступил с предложением об ужесточении репрессивных мер против лиц, виновных в организации беспорядков в студенческой среде, которых, по его мнению, следовало было привлекать к отбыванию воинской повинности (Андреев, 2012: 62; Корнев, 2020: 55–56). Предложение Витте было реализовано в издании «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из сих заведений за учинение скопом беспорядков» от 29 июля 1899 г. Согласно этому нормативному акту, студентов, отчисленных из вузов за организацию и участие в беспорядках, подлежало зачислять в армию для отбывания воинской повинности, несмотря на наличие у них какой-либо льготы или отсрочки. Срок службы для отчисленных таким образом студентов определялся от одного до двух лет, в отдельных же случаях для тех, кто принимал «особо вредное в беспорядках участие», срок службы мог быть увеличен до трех лет. При каждом вузе следовало было учредить особое совещание для рассмотрения дел по вышеперечисленным проступкам студентов. В состав этих совещаний входили попечителя учебного округа, являвшийся председателем совещания, а также преподаватели вузов и представители от трех министерств: внутренних дел, военного и юстиции (ПСЗРИ-3. Т. 19. Ч. 1 № 17484. С. 935). В октябре 1899 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев сообщил начальнику Томского губернского жандармского управления полковнику Н.Е. Новицкому, что он будет участвовать в заседаниях особого совещания как представитель от МВД (ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 58. Л. 179–179об.).

Следующий учебный год в Томском университете не был отмечен какими-либо выступлениями со стороны студентов. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев 31 мая 1900 г. сообщал ректору университета А.И. Судакову, что студенты были достаточно дисциплинированными, корректными, в поведении их не замечено намеренного игнорирования обязательных для них университетских правил. Однако, по мнению чиновника образовательного ведомства, ошибочно было считать, что в студенческой среде полностью исчезла атмосфера протеста: «сознания виновности в учиненных ими весной 1899 г. беспорядках, раскаяния в преступности и беспорядков в откровенных с ними беседах не наблюдалось». Исходя из такого положения, Лаврентьев призывал готовиться к возможным беспорядкам в будущем, а временное затишье следует использовать для разработки мер для их предотвращения (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 100. Л. 1–4, 30–30об.). В декабре 1900 г. состоялось несколько совещаний под председательством томского губернатора. На них присутствовал начальник Томского губернского жандармского управления, полковник Н.Е. Новицкий. Разрабатывался комплекс мер, направленных на предотвращение возможных студенческих беспорядков (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 484. Л. 4–4об.).

Однако разработанные меры не смогли предотвратить беспорядки в студенческой среде. Реакционная политика правительства по отношению к студенчеству стала причиной продолжения борьбы последних, которые боролись не только за академические права (например, за отмену приведенных Временных правил 1899 г.), а также за пересмотр Университетского устава 1884 г. В их среде все чаще звучали требования политического характера, в том числе о необходимости свержения самодержавия. В 1901 г. произошел очередной всплеск студенческих беспорядков, прокатившихся по многим городам империи. Томск не остался в стороне. В этот раз основными участниками протестов выступили студенты Томского технологического института. В феврале-марте 1901 г. они провели ряд сходок, требуя от администрации вуза отмены Временных правил 1899 г. и амнистии участникам всех предыдущих студенческих выступлений. 11 марта учащиеся обоих томских вузов провели первую общегородскую студенческую демонстрацию, в которой принимали участие и другие слои городского

общества. Ответом на это событие стало исключение из университета 29, а из института 23 студентов. Однако студенчество Томска, несмотря на такие репрессивные меры, продолжило борьбу за свои права (Ищенко, 2006: 255-258).

Чины Томского губернского жандармского управления во главе со своим начальником принимали активное участие в наведении порядка во время студенческих выступлений 1901 г. Обо всех событиях полковник Н.Е. Новицкий докладывал Департаменту полиции и начальнику Сибирского жандармского округа. Также он оперативно реагировал на распоряжения исполнявшего должность томского губернатора барона Д.Н. Дельвига о необходимости немедленного ареста и препровождения в Томскую пересыльную тюрьму исключенных из университета студентов. Жандармские чины участвовали в конвоировании исключенных студентов, сопровождая их до Омска или Красноярска, где местные жандармские управления, выдав бывшим студентам присланные томским губернатором проходные свидетельства, предоставляли им право продолжать путь до избранных ими мест жительства, но уже без конвоя (ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 9. Л. 33, 34, 195).

Начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор С.А. Демидов, несмотря на свою удаленность от студенческих волнений, проявлял активный интерес к этим событиям, постоянно обращаясь к полковнику Новицкому, своему подчиненному, запрашивая у него различные сведения, как, например, копию студенческой прокламации, экземпляры которой оказались разбросанными по улицам Томска 11 марта 1901 г., а также еще один подобный документ под названием «К сибирским рабочим», где содержался призыв к рабочему классу всей империи присоединиться к студенчеству в деле борьбы с самодержавием. Видимо, последний документ не заинтересовал жандармского окружного начальника, как собственно и студенческая прокламация, т.к. оба документа были возвращены Новицкому с формулировкой «по миновании надобности» без какого-либо комментария (ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 9. Л. 205, 241, 263).

За всеми студентами, исключенными из вузов за участие в беспорядках в феврале-марте 1899 г., согласно изданным в том же году циркулярам Департамента полиции, следовало было учредить негласный полицейский надзор, осуществляемый чинами полиции и жандармских управлений. Надзор прекращался в случаях обратного поступления поднадзорного лица в высшее учебное заведение, отбывания воинской повинности, поступления на государственную или общественную службу. За студентами, которые были отчислены из вузов за участие в беспорядках 1901 г., следовало учреждать негласное наблюдение, «направление к тому, чтобы они не оказывали вредного влияния на местную учащуюся молодежь и на среду рабочих, и в случае проявления ими такого влияния надлежит о сем сообщать Департаменту полиции» (Краткий систематический свод..., 1903: 85, 93). Видимо, последнее решение было связано с гораздо меньшим количеством исключенных студентов по сравнению с 1899 г., а высшее полицейское начальство не видело в них серьезной опасности.

В 1903 г. состоялось одно из самых крупных выступлений томского студенчества. 18 февраля студенты обоих томских вузов прошли по центральным улицам города. Один из студентов-технологов водрузил на палку кусок матери красного цвета, а из толпы постоянно выкрикивались лозунги политического характера, например, «Долой самодержавие!». По жандармским донесениям, всего в этом шествии приняло участие до 150 чел., из них многие были городскими обывателями, присоединившиеся к студентам. При этом жандармы констатировали, что встречный народ отнесся к студентам враждебно, называя их дармоедами, бездельниками и мерзавцами. Чины полиции пытались отнять красный флаг, но безуспешно. За Думским мостом в районе Обруба толпа была остановлена полицией, и здесь в 2 часа дня произошло столкновение, сопровождавшееся массовой дракой, где на стороне полиции действовали каменщики, приказчики, извозчики и прочие слои городского общества. Полиция забрала в участок 72 лица, из них 18 являлись студентами местного университета, а всего в этих беспорядках принял участие 61 студент университета (ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 111. Л. 35, 35об., 53). Активизация студенческого движения в Томске произойдет в 1905 г. в связи с началом первой русской революции. Студенты будут одними из основных ее участников.

5. Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Выступления томских студентов на рубеже XIX–XX вв. имели массовый характер. Со временем менялось содержание этих выступлений. Если первоначально они не выходили за рамки академических требований, то достаточно быстро они стали носить политизированный характер. Для томской власти студенческие волнения несли серьезную угрозу по причине присоединения к ним различных слоев городского общества, часть из которых сочувствовала студентам, а другая открыто поддерживала требования студентов и одобряла их действия. Серьезную опасность для власти представляла агитационная деятельность студентов, направленная в широкие массы населения, главным средством которой служило распространение листовок с антиправительственным содержанием.

Жандармские чины принимали активное участие в наведении порядка во время студенческих волнений, сообщали начальству как о своих действиях, так и о действиях, исходивших от студентов. Местные власти привлекали жандармских чинов для наведения порядка во время студенческих волнений, а также для разработки мер по их пресечению, что является свидетельством зависимости

исполнительной власти от жандармерии в решении данной проблемы. Сами жандармские чины имели свое представление о причинах и характере студенческих волнений, и оно часто не соответствовало позиции региональной власти. Следует отметить, что действия начальника Томского жандармского управления, полковника Н.Е. Новицкого свидетельствуют о том, что он по отношению к томскому студенчеству старался действовать взвешенно, разбираясь в деталях их поступков, чтобы наказание понесли те лица, кто действительно совершил правонарушения.

Жандармская документация конца XIX – начала XX вв. является важным историческим источником по изучению студенческого движения в Российской империи. Данный источник позволяет проследить эволюцию этого движения, выявить основные мотивы, которыми руководствовались студенты при организации выступлений, и определить основных участников этого движения.

6. Благодарности

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Литература

[Андреев, 2012](#) – Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой-весной 1899 года // *Российская история*. 2012. № 1. С. 59–68.

[Астапенко, 2013](#) – Астапенко С.С. Быт студентов Томского технологического института императора Николая II // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 4 (56), Т. 2. С. 29–32.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

[Гусятников, 1971](#) – Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М.: Мысль, 1971. 264 с.

[Ищенко, 2006](#) – Ищенко О.В. Студенческое движение в Томском технологическом институте в первые годы его существования (1901–1903 гг.) // *Известия Томского политехнического университета*. 2006. Т. 309, № 4. С. 255–262.

[Ищенко, 2009](#) – Ищенко О.В. Профессора и преподаватели томских вузов в условиях противостояния власти и студенчества на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 323. С. 149–151.

[Ищенко, 2010](#) – Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. 498 с.

[Корнев, 2020](#) – Корнев А.А. Студенческое движение 1899–1902 гг. в Петербурге в оценке высшей бюрократии // *Гуманитарный акцент*. 2020. № 4. С. 51–56.

[Краснов, 2013](#) – Краснов П.В. «Студенческий вопрос» и его истоки глазами служащих политической полиции Российской империи 80–90-х гг. XIX в. // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2013. № 6. С. 67–80.

[Краткий систематический свод..., 1903](#) – Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / Сост. полк. Добряков. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1903. 688 с.

[Логачева, 2011](#) – Логачева Н.В. Деятельность органов политического сыска среди студенчества в Российской империи во второй половине XIX века // *Вестник Самарского государственного университета*. 2011. № 1/2 (82). С. 70–74.

[Матвеев, 1966](#) – Матвеев М.И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966. 238 с.

[Некрылов, 2010](#) – Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.): в 2-х т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.

[Общественно-политическая жизнь..., 2013](#) – Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880–1919 гг.: хроника: в 3-х т. / Сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1. 398 с.

[Перегудова, 2013](#) – Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.

[ПСЗРИ-2](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1884.

[ПСЗРИ-3](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1885–1913.

[Степнов, Фоминых, 2019](#) – Степнов А.О., Фоминых С.Ф. По страницам штрафной книги: система наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору в Императорском Томском университете (1893–1899 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 443. С. 184–197.

- [Студенческое движение...](#), 1900 – Студенческое движение 1899 года / под ред. А. и В. Чертковых. 2-е изд. Purleigh (Maldon), 1900. 64 с.
- [Томский университет...](#), 1980 – Томский университет. 1880–1980 / сост. В.С. Синяев и др.; отв. ред. М.Е. Плотникова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 432 с.
- [Юридическое образование...](#), 1998 – Юридическое образование в Томском государственном университете: очерк истории (1898–1998 гг.) / под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 248 с.
- [Daly, 1998](#) – *Daly J.* Autocracy under Siege: Security Police and opposition in Russia. 1866–1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.
- [Daly, 2004](#) – *Daly J.* The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2004. 320 p.
- [Lauchlan, 2002](#) – *Lauchlan I.* Russian Hide-and-Seek: The Tsarist Secret Police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki: SKS, 2002. 405 p.
- [Zuckerman, 1996](#) – *Zuckerman F.S.* The Tsarist secret police in Russian society, 1880–1917. Basingstoke, Hants; L.: Macmillan press, 1996. 362 p.

References

- [Andreev, 2012](#) – *Andreev, D.A.* (2012). Studencheskie besporjadki i bor'ba v pravitel'stvennyh verhah zimoj-vesnoj 1899 goda [Student riots and struggle at the top of the government in the winter and spring of 1899]. *Rossijskaja istorija*. 1: 59-68. [in Russian]
- [Astapenko, 2013](#) – *Astapenko, S.S.* (2013) Byt studentov Tomskogo tehnologicheskogo instituta imperatora Nikolaja II [The life of students of the Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas II]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4, 2: 29-32. [in Russian]
- [Daly, 1998](#) – *Daly, J.* (1998). Autocracy under Siege: Security Police and opposition in Russia. 1866–1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 260 p.
- [Daly, 2004](#) – *Daly, J.* (2004). The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 320 p.
- [GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of Russian Federation].
- [GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tmsk region].
- [Gusjatnikov, 1971](#) – *Gusjatnikov, P.S.* (1971). Revoljucionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii. 1899–1907 [The revolutionary student movement in Russia. 1899–1907]. M.: Mysl', 264 p. [in Russian]
- [Ishhenko, 2006](#) – *Ishhenko, O.V.* (2006). Studencheskoe dvizhenie v Tomskom tehnologicheskom institute v pervye gody ego sushhestvovanija (1901–1903 gg.) [The student movement at the Tomsk Technological Institute in the early years of its existence (1901–1903)]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta*. 309, 4: 255-262. [in Russian]
- [Ishhenko, 2009](#) – *Ishhenko, O.V.* (2009). Professora i prepodavateli tomских вузов v uslovijah protivostojanija vlasti i studenchestva na rubezhe XIX–XX vv. [Professors and teachers of Tomsk universities in the conditions of confrontation between the government and students at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 323: 149-151. [in Russian]
- [Ishhenko, 2010](#) – *Ishhenko, O.V.* (2010). Studencheskaja i uchashhajasja molodezh' kak faktor obshhestvennogo dvizhenija i kul'turnoj zhizni Sibiri (konec XIX – nachalo XX v.) [Student and student youth as a factor of social movement and cultural life in Siberia (late XIX – early XX century)]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 498 p. [in Russian]
- [Uridicheskoe obrazovanie...](#), 1998 – Uridicheskoe obrazovanie v Tomskom gosudarstvennom universitete: ocherk istorii (1898–1998 gg.) [Law education at Tomsk State University: an Essay on History (1898-1998)]. Pod redakciej V.F. Volovicha. Tomsk, 1998. 248 p. [in Russian]
- [Kornev, 2020](#) – *Kornev, A.A.* (2013). Studencheskoe dvizhenie 1899–1902 gg. v Peterburge v ocenke vysshej bjurokratii [The student movement of 1899–1902 in St. Petersburg in the assessment of the higher bureaucracy]. *Gumanitarnyj akcent*. 4: 51-56. [in Russian]
- [Krasnov, 2013](#) – *Krasnov, P.V.* (2013). «Studencheskij vopros» i ego istoki glazami sluzhashhih politicheskoi policii Rossijskoj imperii 80–90-h gg. XIX v. [The "Student Question" and its origins through the eyes of employees of the political police of the Russian Empire in the 80s–90s of the XIX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki*. 6: 67-80. [in Russian]
- [Kratkij sistematičeskij svod...](#), 1903 – Kratkij sistematičeskij svod dejstvujushhih zakonopolozhenij i cirkuljarnyh rasporyazhenij, odnosjashhihsja do objazannostej činov gubernskih zhandarmskih upravlenij po nabljudeniju za mestnym naseleniem i po proizvodstvu doznanij [A brief systematic set of current legal provisions and circular orders relating to the duties of the ranks of the provincial gendarmerie departments for monitoring the local population and conducting inquiries]. Sostavitel' polk. Dobrjakov. S-Petersburg: Tipografiya Shtaba otdel'nogo korpusa zhandarmov, 1903. 688 p. [in Russian]
- [Lauchlan, 2002](#) – *Lauchlan, I.* (2002). Russian Hide-and-Seek: The Tsarist Secret Police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki: SKS, 405 p.
- [Logacheva, 2011](#) – *Logacheva, N.V.* (2011). Dejatel'nost' organov politicheskogo syska sredi studenchestva v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The activity of political investigation bodies

among students in the Russian Empire in the second half of the XIX century]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1/2 (82): 70-74. [in Russian]

Matveev, 1966 – *Matveev M.I.* (1966). *Studenty Sibiri v revoljucionnom dvizhenii* [Students of Siberia in the revolutionary movement]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 238 p. [in Russian]

Nekrylov, 2010 – *Nekrylov, S.A.* (2010). *Tomskij universitet – pervyj nauchnyj centr v aziatskoj chasti Rossii (seredina 1870-h gg. – 1919 g.): v 2-h t.* [Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919): in 2 vol.]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Vol. 1: 514 p. [in Russian]

Obshhestvenno-politicheskaja zhizn'..., 2013 – *Obshhestvenno-politicheskaja zhizn' v Tomskoj gubernii v 1880–1919 gg.: hronika: v 3-h t.* [Socio-political life in Tomsk province in 1880-1919: chronicle: in 3 vol.]. Sostaviteli V.P. Zinov'ev, O.A. Harus'. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Vol. 1: 398 p. [in Russian]

Peregudova, 2013 – *Peregudova, Z.I.* (2013). *Politicheskij sysk Rossii (1880–1917)*. 2-e izd., pererab. i dop. [Political Investigation of Russia (1880-1917)]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja entsiklopediya (ROSSPJeN), 519 p. [in Russian]

PSZRI-II – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2nd Collection]. St.-Petersburg, The printing house of the II Department of His Own Imperial Majesty's Office, 1830–1884. [in Russian]

PSZRI-III – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 3rd Collection]. St.-Petersburg, The printing house of the II Department of His Own Imperial Majesty's Office, 1885–1913. [in Russian]

Stepnov, Fominyh, 2019 – *Stepnov, A.O., Fominyh, S.F.* (2019). *Po stranicam shtrafnoj knigi: sistema nakazanij i praktiki soprotivlenija studenchestva disciplinarnomu nadzoru v Imperatorskom Tomskom universitete (1893–1899 gg.)* [Through the Pages of the Penal Book: The System of Punishments and the Practice of Students' Resistance to Disciplinary Supervision at the Imperial Tomsk University (1893–1899)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 443: 184-197. [in Russian]

Studencheskoe dvizhenie..., 1900 – *Studencheskoe dvizhenie 1899 goda* [The Student Movement of 1899]. Pod redakciej A. i V. Chertkovyh. 2-e izd. Purleigh (Maldon), 1900. 64 p. [in Russian]

Tomskij universitet..., 1980 – *Tomskij universitet. 1880–1980* [Tomsk University. 1880–1980]. Sostaviteli V.S. Sinjaev i dr.; otvetstvennyj redaktor M.E. Plotnikova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 432 p. [in Russian]

Zuckerman, 1996 – *Zuckerman, F.S.* (1996). *The Tsarist secret police in Russian society, 1880–1917*. Basingstoke, Hants; L.: Macmillan press, 362 p.

Жандармский надзор за томским студенчеством на рубеже XIX–XX вв.

Петр Петрович Румянцев ^{a, *}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье исследуется практика осуществления жандармскими чинами надзора за студенчеством города Томска с момента появления в городе первого университета и до 1905 г. Выбор Томска обусловлен тем, что именно там было открыто первое высшее учебное заведение за Уралом, Императорский Томский университет, что позволило Томску превратиться в крупный научно-образовательный центр сибирского региона. Томские студенты играли большую роль в жизни города и всего региона, принимали активное участие в общественно-политической жизни. Жандармерия, стоявшая на защите российского самодержавия, внимательно следила за студенческим движением, принимало меры по борьбе с ним. В ходе проведенного исследования удалось установить причины студенческих выступлений в Томске и их участников. Также удалось определить взгляд жандармов на студенческое движение, степень участия жандармерии при наведении порядка во время студенческих волнений. Были выявлены предложения жандармов по борьбе с этим явлением. Основными источниками для написания данной статьи послужили материалы фондов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Томской области. Большинство из данных материалов впервые введено в научный оборот.

При работе с историческими источниками активно использовались нарративный, историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Ключевые слова: корпус жандармов, Сибирский жандармский округ, жандармы, Томск, Императорский Томский университет, студенчество, волнения, политический сыск, надзор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petroom@mail.ru (П.П. Румянцев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1839-1846
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1839

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan

Saule K. Uderbayeva^a, Zhanibek A. Akimbek^{a,*}

^a Al Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The problem of how empires ruled in new territories remains significant. The Russian Empire chose the path of incorporating local elites into the regional power hierarchy. Using the biography of Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodja allows us to explore the models of governance of the Russian Empire and its collaboration with local elites in Turkestan. Examination of various stages of the Qadi makes it possible to analyze the policy of imperial power in dynamics. The tsarist administration took a pragmatic approach to governance, as maintaining control in the region was a priority.

Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodja emerges as a figure trying to balance between loyalty to the Russian authority and the intention of preserving his independence in local affairs. His biography shows the adaptation of local elites to new political realities to maintain their influence. Knowledge of Sharia and an official position enabled Qadi Bakhauddin Khodja to strengthen his position in society. This situation was unreliable, as the confrontation between different groups for the place of the parties was constant. In these conditions, the elites resorted to various methods to achieve their goals.

This study helps to reveal the complex and diverse aspects of imperial governance in Turkestan. The biography of Qadi reflects not only his own strategies of adaptation but also transformation processes of the political institutions in the region, where the interests of the state and local social groups were intertwined.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Sharia, power, Qazi, local elite, management strategies, conflict, intermediaries, corruption.

1. Введение

После установления контроля над Центральной Азией Российская империя приступила к укреплению своей власти, что было невозможно без взаимодействия с местными элитами. В этих условиях вырабатывались стратегии и механизмы взаимоотношений между государством и населением региона. Каждая из сторон преследовала свои интересы. Империя была заинтересована в интеграции края в общее политическое пространство. Местная элита старалась сохранить свое привилегированное положение в новой имперской реальности.

Биография казиза Бахауддина Ходжи Хусейн Ходжина является ярким примером для изучения этого вопроса. Его деятельность показывает, как влиятельные лица становились частью имперской власти, и каким образом складывались отношения между ними. Также его жизненный путь демонстрирует пути укрепления его собственного влияния в условиях новой власти. Ответы на эти вопросы помогают понять природу имперского управления, которая сочетала в себе разные стратегии. Данное многообразие стратегий и тактик дает возможность изучить характер власти Российской империи в Туркестанском крае.

* Corresponding author

E-mail addresses: akimbekzhanibek@gmail.com (Z.A. Akimbek)

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования являются архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Национального архива Узбекистана (Ташкент, Республика Узбекистан) и Туркестанского областного государственного архива (Шымкент, Республика Казахстан). В фондах указанных архивов сосредоточены материалы судопроизводства, жалобы на действия народных судей и делопроизводственные бумаги чиновников.

Биография Бахауддина Ходжи представляет собой case-study, поэтому мы обращаемся к методу «насыщенного описания» К. Гирца. Личность нашего героя служит связующим звеном для понимания того, как различные контексты переплетаются в имперской истории. Каждый новый этап его жизни демонстрирует влияние предыдущего индивидуального опыта на последующие процессы (Гирц, 2004).

Помимо специфических методологических подходов, при анализе был применен историко-биографический метод, используя который, мы изучили биографию казия в рамках политической и социальной истории Туркестанского края в имперский период. Это дает возможность изучить влияние его личных качеств на его посредническую роль между населением и империей. Сравнительный анализ позволяет сопоставить взаимодействие казиев с другими представителями местной элиты изучаемого региона, а также помогает определить уникальные и схожие черты его взаимодействия с властями Российской империи.

3. Обсуждение

Историография исследуемой проблемы довольно обширна. В ней можно выделить следующие две группы работ. В первой группе исследований рассматривается влияние Российской империи на местное право народов Центральной Азии и трансформация статуса народного судьи (бий, кази). Так, известный американский историк В. Мартин обращает внимание на изменение юридических практик казахов Среднего жуза в изучаемый период. В рамках имперских порядков казахи манипулировали нормами адата для достижения своих целей. Также ученый показывает, как утвержденный имперской администрацией бий использовал свои ограниченные полномочия в пользу своего рода. Наличие альтернативных путей (имперские суды, административные ресурсы) разрешения конфликтов размывало грань между судебной и политической властью (Martin, 2001: 156-163). Такого мнения придерживается и британский исследователь А. Моррисон, считающий, что казии, став частью местной администрации, использовали империю для укрепления собственной власти (Morrison, 2008: 182). Исследователь истории права народов Российской империи, итальянский историк П. Сартори, приходит к выводу о том, что взаимодействие жителей Туркестанского края с государством изменило их правовое сознание. Это способствовало увеличению ложных жалоб на народных судей, что отчасти мешало их авторитету. Однако уничтожение ханской власти и его суда Российской империей укрепило власть казиев, поскольку они монополизировали решение правовых вопросов (Sartori, 2017: 104-156). По мнению американского историка Р. Круза, Российская империя стремилась сохранить прежний порядок дел и участвовала в разрешении конфликтов по причине неустойчивости своей власти в крае (Crews, 2006: 259).

Изучение социальных групп и роли отдельных личностей в имперский период является актуальным направлением в исторической науке. В новейших исследованиях отмечается, что представители местной знати стали частью колониальной бюрократии и принимали активное участие в системе управления. Став волостными управителями, они взаимодействовали не только с администрацией, но и учитывали интересы местных групп. А Российская империя была заинтересована в помощи местных элит в управлении нового региона (Hallez, 2022: 21-44; Uderbaeva, 2023: 146-165). Историк США Ч. Стейнведель рассматривает отношение Российской империи к местным элитам как набор определенных стратегий и привилегий, которые держали регионы под властью царя, экономия государственных ресурсов (Steinwedel, 2016: 5).

Казахстанский ученый П. Шаблей на примере биографии петропавловского ахуна Сирадж ад-Дина ибн Сайфуллы ал-Кызылгьяри показывает, как местные посредники, пользуясь бюрократическими тонкостями, использовали государство для укрепления своего статуса и самостоятельно решали местные вопросы (Шаблей, 2012: 175-208). Американский историк И. Кэмпбелл рассматривает процесс взаимоотношения высшей власти с казахскими посредниками в динамике. Если до реформ второй половины XIX в. Российская империя полагалась на местных посредников для управления Казахской степью, то на рубеже XIX-XX вв. государство реализовывало свои политические цели, основываясь на уже накопленных знаниях о регионе. Ученый приходит к выводу о том, что на ранних этапах освоения степи Российская империя полагалась на казахских посредников, которые, в свою очередь, опосредованно оказывали влияние на политику местной администрации. (Campbell, 2017: 125-156).

4. Результаты

В декабре 1881 года пятидесятники г. Туркестана подали прошение на имя начальника Туркестанского уезда. Они обвиняли казиев Бахауддин Ходжа Хусейн Ходжина в превышении власти.

Кази Бахауддин Ходжа отправил своего младшего брата Акмалетдина с группой из 30-40 человек к дому Абдувалия, они причинили значительный материальный и физический ущерб и насильственно похитили его дочь. В дополнение к этому в прошении отмечалось, что кази самовольно прикладывает свою печать к разным бумагам, что вызывает конфликты в обществе. Жители выражали глубокое беспокойство уездному начальнику по поводу безнаказанности казиза и просили его отстранения от должности с уведомлением об этом военного губернатора Сыр-Дарьинской области.

Данное прошение подтолкнуло уездного начальника А.Г. Реймерса¹ провести расследование о случившемся и написать рапорт военному губернатору В.Н. Троцкому². Проведенное расследование показало, что Абдували Мухамет Алинов отдал свою дочь Шадман за Ахмета Ходжу Сеит-Ходжина. Однако его дочь уже состояла в браке с жителем Маргелана Нар Мухаметом Хаджи Мухамет Ибрагимовым, который отправился для совершения хаджа в Мекку. Десятилетнее отсутствие ее мужа послужило причиной заключения нового брака. Новый муж отдал отцу Шадман 850 рублей в виде калыма. Однако Абдували Алинов медлил отдавать свою дочь за Сеит-Ходжина, так как он узнал, что прежний муж Мухамет Ибрагимов вернулся из хаджа в Маргелан. Недовольный с задержкой Сеит-Ходжин обратился к казиу Бахауддину Ходже, который поручил своим людям забрать невесту в дом нового мужа. Однако позже она была освобождена Реймерсом, и ей было позволено вернуться к своему первому мужу в Маргелан.

В своем рапорте Реймерс выражал возмущение действиями казиза Бахауддина Ходжи, так как он вызвал «неудовольствие многих жителей гор. Туркестана, во главе своих представителей выборных пятидесятников». В качестве меры предлагалось освободить Бахауддина Ходжу от должности казиза, при этом он не лишился бы права быть избранным в будущих выборах народных судей. Однако начальник уезда считал, что «следовало бы привлечь его к более строгой законной ответственности». Военный губернатор Сыр-Дарьинской области посчитал предлагаемые меры уездного начальника слишком строгими и решил оставить казиза в должности, освободив его от всякой ответственности по этому делу, поскольку он верно служил в своей должности 24 года ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 794. Л. 28, 42об.-48об.](#)).

Это событие проливает свет на внутреннюю жизнь жителей Туркестанского края. С одной стороны, обвинение казиза³ демонстрирует противоборство местных групп за официальную должность в иерархии управления. С другой стороны, возникает возможность изучения моделей управления имперской администрации в крае. Прагматический подход военного губернатора иллюстрирует нам, что власти учитывали значение местных элит и стремились избежать дополнительной нестабильности в регионе. Сохраняя статус-кво, Российская империя придерживалась стратегии управления, направленной на поддержание порядка через компромиссы с местными лидерами, несмотря на внутренние проблемы и конфликты. Этот случай помогает понять, как имперская власть справлялась с конфликтами и управляла новыми территориями.

Решение военного губернатора об оставлении в должности казиза можно рассматривать как осознанное невмешательство империи во внутренние вопросы населения. Эта тактика возникла в условиях «стратегической неопределенности». Такая политика способствовала устойчивости имперского управления, так как неформальные связи с местными элитами были намного эффективнее на окраинах. Исследователи У. Абдурасулов и П. Сартори продемонстрировали это на примере анализа ситуации в Хивинском ханстве после смерти Рахим-хана в 1910 г. Российская империя выступала за принятие программы реформ в ханстве, которая противопоставлялась идее о полной аннексии ханства. Включение ханства в состав империи было встречено в штыки не только самой хивинской знатью, но и представителями высшей власти в Санкт-Петербурге. Статус протектората создал условия для возникновения взаимовыгодных отношений и общих интересов между различными группами империи и ханства. Такое положение сэкономило ресурсы метрополии и позволяло поддерживать стабильность ([Абдурасулов, Сартори, 2016: 118-164](#)).

Однако стоит отметить, что данный метод управления имел свою динамику развития, поскольку по мере укрепления имперской власти менялась роль местных элит. В первые годы включения новых земель царская администрация предпринимала осторожные шаги, так как опасалась возникновения недовольства населения и ограничивалась сбором информации о своих новых подданных. По мере накопления информации империя действовала более уверенно и меньше полагалась на посредников ([Campbell, 2017: 5-9](#)).

Несмотря на обещание автономии внутренней жизни мусульманского населения края, имперские реформы привнесли существенные изменения в функционирование правовых институтов. По Временному положению 1867 г. вводились в действие два вида судопроизводства для местного

¹ Алексей Густавович Реймерс (1842–1904) занимал должность Туркестанского уезда дважды: с 1872 по 1882 гг. и с 1885 по 1887 гг. С 1887 г. до ухода в отставку в 1889 г. он был начальником Казалинского уезда.

² Виталий Николаевич Троцкий (1835–1901) с 1878 по 1883 гг. был военным губернатором Сыр-Дарьинской области.

³ Кази (кади, قاضي - qāḍī) – судья, занимающийся разрешением споров на основе норм шариата.

населения в Туркестанском крае. Самоуправление кочевого населения включало должности волостного управителя и аульного старшины, а все споры решались в суде биев, если сумма не превышала 100 рублей. Оседлое население управлялось аксакалом.

Согласно статье 219 Временного положения, казием могло стать любое лицо, достигшее 25 лет, пользовавшееся уважением и доверием народа. Выбранное местным населением в качестве народного судьи лицо утверждалось военным губернатором области. Народный судья не получал жалованье от казны, но местное общество могло назначить им содержание по составленному общественному приговору. Уездный начальник выдавал казию бронзовый значок и печать. Казии также рассматривали только гражданские иски, сумма которых была аналогичной с судом биев. Остальные гражданские дела выше указанной суммы решались в съездах народных судей. Приведение в исполнение решения чрезвычайного съезда являлось обязанностью страшого аксакала. Все решения записывались в особой книге с приложением печати. Съезд имел право применять такие виды наказания, как арест, штраф, отдача на заработки и ссылка в Сибирь. Физическое наказание отменялось. Арестованные лица содержались в тюрьмах ([Материалы..., 1960: 298-302](#)).

Рассмотрение уголовных дел было прерогативой русского суда. Также дела между мусульманами и русскими решались в имперском суде. Кроме того, тяжбы между сартами (оседлое население Туркестанского края) и кочевниками тоже рассматривались в имперском суде ([Материалы..., 1960: 293-294](#)).

Бахауддин Ходжа Хусейн Ходжин был назначен казием г. Туркестана кокандскими властями и являлся кази-каляном (верховным судьей) ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 794. Л. 21, 210б.](#)). До российского завоевания казии назначались ханами. Подтверждением назначения являлся специальный ярлык (грамота). В нем могли быть прописаны особые полномочия судьи. Казии зависели от решения самого хана и в основном исполняли функцию нотариуса и советника. Вынесенный приговор являлся итогом судебного процесса, проведенного по приказу хакима или хана ([Sartori, 2017: 47-54, 101-103](#)).

Материалы первых выборов народного судьи Туркестана не были выявлены в архивных фондах, но уже упомянутая 24-летняя служба казия Бахауддина дает нам основание предполагать, что он получил большинство голосов пятидесятников и беспрепятственно был утвержден в этой должности. Этому могли способствовать личные отношения Бахауддина Ходжи с имперскими чиновниками. Как отмечает историк Джефф Сахадео, в первые годы завоевания Туркестана русская администрация опиралась на местных посредников, имевших значительное влияние. Соответственно, эта возможность помогала местным элитам в достижении личных целей ([Sahadeo, 2007: 85](#)). Сам кази Бахауддин Ходжа немало помог русским войскам, за что неоднократно был награжден. Так, за помощь в освобождении персидских рабов генерал М. Черняев наградил казия бархатным кафтаном и золотой медалью на Анненской ленте ([ЦГА РК. Ф. И-118. Оп. 1. Д. 22. Л. 170б.](#)).

Русская администрация широко практиковала привлечение местных посредников для управления новой территорией. Н. Остроумов¹ оставил ценные заметки о посреднической роли народных судей. Мухитдин Ходжа был сыном ишана и последнего кази-каляна Ташкента. Как отмечает автор, Мухитдин Ходжа успешно справлялся с ролью посредника между властью и народом. Личный авторитет казия помог внедрению имперских законов в Туркестанском крае. Кази был частым гостем в доме генерал-губернатора и возглавлял местную депутацию на мероприятиях.

Н. Остроумов в своем труде также упоминает Саттархана Абдулгафарова. До взятия Чимкента (ныне – Шымкент) русскими войсками в 1864 г. он два года являлся муфтием города. При царской власти Абдулгафаров служил переводчиком Сыр-Дарьинской поземельно-податной комиссии, казием Коканда и Чимкента, а также дослужился до чина губернского секретаря ([Остроумов, 1908: 125-137](#)). Военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н. Гродеков² прибегал к услугам Саттархана Абдулгафарова в сравнении английского перевода с арабским оригиналом труда по мусульманскому праву «Хидая» ([Савицкий, 1965: 24](#)).

Неудовлетворенное решением казия лицо могло обжаловать на съезде народных судей. Участники съезда избирали из своей среды председателя. Согласно архивным документам, обычно участники съезда выбирали председателем казия Бахауддина Ходжу ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 327. Л. 280б.; ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 811. Л. 3](#)). Н. Лыкошин³ отмечал, что «бессменный председатель

¹ Николай Петрович Остроумов (1846–1930) – востоковед, историк. Занимался изучением истории и культуры народов Туркестанского края. Был директором Туркестанской учительской семинарии и редактором «Туркестанской туземной газеты».

² Николай Иванович Гродеков (1843–1913) с 1883 по 1892 гг. являлся военным губернатором Сыр-Дарьинской области, а с 1906 по 1908 гг. генерал-губернатор Туркестанского края.

³ Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1923) – краевед и офицер. Автор переводов на русский язык восточных рукописей. Один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1895). Наряду с научной деятельностью занимал разные официальные должности в военно-народном управлении Туркестанского края. Был военным губернатором Самаркандской области (1914–1917).

утверждает за собой значение, во многом схожее с положением при мусульманском режиме «казы-каляна» или старшего казая» (Лыкошин, 1916: 91).

Областная администрация отрицательно относилась к выборам народных судей, приводя в пример традицию назначения казиев ханами и беками. По мнению чиновников, казиями становились лица, добившиеся «своей должности посредством интриг и подкупов, или же фанатиков мусульманства» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 60. Л. 23). Начальник Чимкентского уезда Н. Благовидов¹ писал в Сыр-Дарьинское областное правление, что распространение коррупции стало причиной падения авторитета народных судов среди населения. В результате люди начали подавать свои жалобы чиновникам. Благовидов отмечал, что уездная администрация не имела права вмешиваться в судебный процесс, и не было «физической возможности проверить каждую жалобу по существу дела, если бы даже допустить такое вмешательство» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 71. Л. 14, 15). С первых лет введения этой должности избранные народные судьи обвинялись в коррупции и разных незаконных действиях. Это позволило заинтересованным лицам или группам достигать своих личных целей.

При царской власти практика подачи ложных жалоб приобрела массовый характер. Этому способствовало незнакомство чиновников с жизнью местного населения. Порой власти сами поощряли подачу ложных жалоб, чтобы подорвать престиж народного суда, тем самым укрепив положение имперского судопроизводства. А местных жителей интересовала финансовая выгода этого дела (Sartori, 2017: 138-139).

В декабре 1888 г. возник спор между зрителями мечети Азрет Султан (мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) в г. Туркестане. Зрителями мечети являлись представители трех святых родов «Шейх-Ислам», «Накип» и «Азляр».² Раз в год на неделю открывалось помещение «хильват», где совершался зикр (многократное поминание Бога). Могила святого привлекала паломников со всей Центральной Азии, что обеспечивало значительные доходы для зрителей. Спор возник по причине борьбы за главное место зрителя мечети, которое принадлежало представителям рода «Азляр». Туркестанский участковый пристав передал это дело на рассмотрение казию Бахауддину Ходже, который постановил «председательствовать в хильвате всем трем родам, ... недовольных решением присудил при возбуждении новых споров подвергать семидневному аресту» и в случае необходимости само помещение закрыть. Возмущение действиями казая выразили не только прежние зрители, но и их сторонники, в числе которых были старший аксакал города, купцы и представители казахского населения. Они утверждали, что кази был лично заинтересован в этом предприятии, так как стремился предоставить место зрителя своему младшему брату Акмалетдину, выходцу из рода «Накип».

Согласно бывшему зрителю Атахана Ходжи Азляра Шарифа Ходжи Азлярова, он был лишен этой наследственной должности спустя 13 лет службы казием Бахауддином Ходжой, поскольку он отказался дарить ему лошадь. За отказ кази обвинил его в подстрекательстве населения к бунту и был помещен в тюрьму участковым приставом. По словам самого казая Бахауддина Ходжи, представители рода «Шейх-Ислам» и «Накип» «заявили ему, что они старше Азляра родом и выше образованием, а потому они имеют право на председательство в хильвате и долю от раздела приношений». По мнению казая, это требование не перечило нормам шариата, так как в нем не говорилось о наследственном владении места зрителя (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 90. Л. 20, 21, 34-39).

По заключению чиновников областной администрации, спор возник в результате разногласий между святыми родами, боровшимися за контроль над распределением поступающих пожертвований. Областное правление предписало передать это дело на рассмотрение съезда казиев в случае отсутствия мирового соглашения между сторонами. Бахауддин Ходжа Хусеин Ходжин не был привлечен к ответственности, поскольку к моменту рассмотрения дела он был снят с должности народного судьи (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 90. Л. 61-63). Он был отстранен от должности в октябре 1889 г. в связи с подтверждением факта получения взятки с жителей города по другим делам (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 86. Л. 4; ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 3. Д. 16. Л. 33).

Данный случай показывает, как кази Бахауддин Ходжа использовал свой статус и вынес решение в пользу своих сторонников. Заинтересованные лица могли извлекать выгоду, манипулируя нормами шариата. Во время власти ханов местное население не могло вмешиваться в процесс вынесения правовых заключений. С приходом русских возможность вынесения положительного решения стала доступной (Sartori, 2017: 303).

Сохранение существующего порядка было выгодным для администрации, так как это способствовало стабильности и поддержанию порядка, не требуя активного вмешательства. Власть видела это самым верным решением, поскольку альтернативного подхода в поддержании порядка и взаимодействия с местными институтами попросту не существовало (Мухаметшин и др., 2013: 95). Споры среди местных групп отражали более широкие социальные и политические процессы,

¹ Николай Ермолаевич Благовидов – начальник Чимкентского уезда (1883–1900).

² Представители святых родов «шайх ал-ислам», «накиб», «азизлар» являются потомками известного проповедника ислама среди тюркских народов, суфия Ходжи Ахмеда Ясави. Этот статус позволил выходцам из этих родов получить жалованные грамоты от разных центральноазиатских правителей на управление мавзолем Х.А. Ясави.

происходившие в регионе. Несмотря на вмешательство русской администрации в данное дело, характер ее поведения демонстрирует нам, что власти учитывали интересы элит и избегали возникновения крупных конфликтов. Также, на наш взгляд, осторожное отношение чиновников было обусловлено опасением потери контроля над городом, поскольку участниками события стали не только городские жители, но и казахи.

Лишение официальной должности не повредило общественному положению Бахауддина Ходжи Хусейн Ходжина В 1900 году он, будучи старшим мударрисом медресе «Шейх Бадаль Датха», по причине его ветхости просил о переносе преподавательской деятельности в аналогичное учебное заведение, принадлежавшее купцу 2-й гильдии Анарбаю Суфибаеву. Областное правление не удовлетворило это прошение, так как старший мударрис имел вредное влияние на «киргизское (казахское) население в смысле внушения религиозного фанатизма и ненависти к русскому правительству». Кроме того, с марта 1898 г. медресе Суфибаева было закрыто ввиду вреда для местных казахов. Главный инспектор училищ Туркестанского края предложил закрыть медресе «Шейх Бадаль Датха» и запретить Бахауддину Ходже заниматься преподавательской деятельностью. Опасаясь возможного недовольства населения, чиновники ограничились лишь заменой преподавателя, так как в случае закрытия учебного заведения местные жители могли отправить своих детей на обучение татарским или бухарским учителям. (НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 589. Л. 1, 3, 11).

Данный случай демонстрирует произошедшие изменения в имперской политике в отношении Туркестанского края. На рубеже XIX-XX вв. в политическом языке чиновников Российской империи начинают часто встречаться такие термины, как «панисламизм» и «фанатизм». Андижанское восстание Дукчи-ишана в 1898 г. только подтвердило эти опасения. Усилились наблюдения за жизнью мусульман, и любые их действия трактовались как угроза государственной власти (Бабджанов, 155-200). По замечанию И. Кэмпбелла, эти изменения отразились на отношении империи к местным посредникам (Campbell, 2017: 90).

С одной стороны, власти беспокоились усиления «религиозного фанатизма» казахов, а с другой, – была угроза религиозного влияния бухарских и татарских проповедников. Со второй половины XIX в. государство перестало рассматривать татарских мулл как проводников имперской политики, а с 1868 г. Казахская степь была выведена из юрисдикции Оренбургского муфтията. По мнению первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, татары и башкиры «всегда являлись самыми ревностными поборниками господства идей и порядков мусульманства» (НАУ. Ф. И-1. Оп. 19. Д. 818. Л. 23). Имперские чиновники и востоковеды считали, что казахи выделялись своей «индифферентностью» к исламу. Доказательством этого служили неисполнение пятикратного намаза и руководство в общественной жизни нормами адата, который не имел ничего общего с шариатом (Наливкин, 1913: 47-48). Поэтому следовало оградить казахов от пагубного влияния мусульманских народов. Империя позиционировала себя как защитника народов, подвергавшихся татарскому влиянию. Поэтому культурная борьба с панисламизмом стала историческим предназначением Российской империи на окраинах (Ремнёв, 2006: 276-277).

5. Заключение

В данном исследовании основные этапы биографии казия Бахауддина Ходжи Хусейн Ходжина были воссозданы в результате анализа выявленных архивных документов. Полученные данные демонстрируют разные модели реализации имперской власти в Туркестанском крае. Царской власти были свойственны адаптивность и прагматизм в зависимости от текущих условий. Изменение подходов управления было обусловлено желанием сохранения порядка и стабильности в регионе.

Такая гибкость была характерна и для местных элит. Являясь посредниками между новой властью и местным населением, она не только способствовала проведению имперских преобразований, но и преследовала собственные интересы, что нередко требовало обхода или манипуляций с новыми правилами. Взаимодействие между империей и местными элитами способствовало формированию уникальных административных моделей, основанных на компромиссах.

Это исследование позволяет глубже понять суть пересечения интересов империи и местных влиятельных групп и их взаимовлияния друг на друга. Изучение динамики имперских практик помогает не только при анализе истории Туркестанского края, но и в оценке влияния имперских порядков на развитие местных жителей.

Литература

Абдурасулов, Сартори, 2016 – Абдурасулов У., Сартори П. Неопределенность как политика: размышляя о природе российского протектората в Средней Азии // *Ab Imperio*. 2016. №3. С. 118-164.

Бабджанов, 2009 – Бабджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. 2009. №2. С. 155-200.

Гириц, 2004 – Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.

Лыкошин, 1916 – Лыкошин Н.С. Пол жизни в Туркестане: очерки быта туземного населения. Петроград, 1916. 415 с.

- Материалы...**, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
- Мухаметшин и др., 2013** – *Мухаметшин Ф.М., Абашинов С.Н., Арапов Д.Ю. и др.* Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М., 2013. 480 с.
- Наливкин, 1913** – *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. 115 с.
- НАУ** – Национальный архив Узбекистана.
- Остроумов, 1908** – *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1908. 288 с.
- Ремнёв, 2006** – *Ремнёв А.* Российская империя и ислам в казахской степи (60-80-е годы XIX века) / Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. М., 2006. 238-277 с.
- Савицкий, 1965** – *Савицкий А.П.* Саттархан Абдулгафаров – просветитель-демократ. Ташкент, 1965. 48 с.
- ТОГА** – Туркестанский областной государственный архив.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шаблей, 2012** – *Шаблей П.* Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызылгъари у казахов Сибирского ведомства: исламская биография в имперском контексте // *Ab Imperio*. 2012. №1. С. 175-208.
- Campbell, 2017** – *Campbell I.W.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London, 2017. 273 p.
- Crews, 2006** – *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, London, 2006. 463 с.
- Hallez, 2022** – *Hallez X.* Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonization tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868-1917) // *Archives de sciences sociales des religions*. 2022. №199. Pp. 21-44.
- Martin, 2001** – *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism. Richmond, 2001. 264 p.
- Morrison, 2008** – *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford, 2008. 364 p.
- Sartori, 2017** – *Sartori P.* Visions of Justice: Sharia and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, Boston, 2017. 392 p.
- Sahadeo, 2007** – *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington, 2007. 316 p.
- Steinwedel, 2016** – *Steinwedel C.* Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington, 2016. 383 p.
- Uderbaeva, 2023** – *Uderbaeva S.* The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration // *Oriente Moderno*. 2023. №2. Pp. 142-165.

References

- Abdurasulov, Sartori, 2016** – *Abdurasulov, U., Sartori, P.* (2016). Neopredelennost' kak politika: razmyshlyaya o prirode rossiyskogo protektorata v Sredney Azii [Uncertainty as Politics: Reflecting on the Nature of the Russian Protectorate in Central Asia]. *Ab Imperio*. 2: 118-164. [in Russian]
- Babadzhanov, 2009** – *Babadzhanov, B.* (2009). Andizhanskoye vosstanie 1898 goda i «musul'manskiy vopros» v Turkestane (vzglyady «kolonizatorov» i «kolonizirovannykh») [Andijan Uprising of 1898 and the “Muslim Question” in Turkestan (Views of the “Colonizers” and the “Colonized”)]. *Ab Imperio*. 2: 155-200. [in Russian]
- Campbell, 2017** – *Campbell, I.W.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London. 273 p.
- Crews, 2006** – *Crews, R.D.* (2006). For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, London. 463 p.
- Geertz, 2004** – *Geertz, C.* (2004). Interpretatsiya kul'tur [The Interpretation of Cultures]. М. 560 p. [in Russian]
- Hallez, 2022** – *Hallez, X.* (2022). Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonization tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868-1917) [Kazakh Political Practices and Structures Under Tsarist Colonization: Tribal and religious Facts in the Semireche Region (Turkestan, 1868-1917)]. *Archives de sciences sociales des religions*. 199: 21-44. [in French]
- Lykoshin, 1916** – *Lykoshin, L.* (1916). Pol zhizni v Turkestane: ocherki byta tuzemnogo naseleniya [Half of Life in Turkestan: Essays on the Life of the Native Population]. Petrograd. 415 p. [in Russian]
- Martin, 2001** – *Martin, V.* (2001). Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism. Richmond. 264 p.
- Materialy...**, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the Great October Socialist Revolution)]. Т. 1. Алма-Ата. 1960. 441 p. [In Russian]
- Morrison, 2008** – *Morrison, A.* (2008). Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford. 364 p.

- Mukhametshin et al., 2013 – Mukhametshin, F.M., Abashin, S.N., Arapov, D.Yu., Babadzhanov, B.M., Germanov, V.A., Ivanov, V.A., Shigabdinov, R.N. (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: Politika i islam v kotsce XVIII – nachale XXI veka [Russia and Central Asia: Politics and Islam from the Late XVIII to the Early XXI Century]. M. 480 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1913 – Nalivkin, V.P. (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [Natives then and now]. Tashkent. 115 p. [in Russian]
- NAU – Nacional'nyy arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Ostroumov, 1908 – Ostroumov, N.P. (1908). Sarty. Etnograficheskiye materialy [Sarts. Ethnographic materials]. Tashkent. 288 p. [in Russian]
- Remnev, 2006 – Remnev A. (2006). Rossiyskaya imperiya i islam v kazakhskoy stepi (60-80-ye gody XIX veka) [Russian Empire and Islam in the Kazakh Steppe (60-80s of the 19th century)]. Rasy i narody: sovremennyye etnicheskiye i rasovyye problemy: yezhegodnik. M. Pp. 238-277 p. [in Russian]
- Sahadeo, 2007 – Sahadeo, J. (2007). Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington. 316 p.
- Sartori, 2017 – Sartori, P. (2017). Visions of Justice: Sharia and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, Boston. 392 p.
- Savitsky, 1965 – Savitsky, A.P. (1965). Sattarkhan Abdulgafarov – prosvetitel'-demokrat [Sattarkhan Abdulgafarov – educator-democrat]. Tashkent. 48 p. [in Russian]
- Shablei, 2012 – Shablei, P. (2012). Akhun Siradz ad-Din ibn Sayfulla al-Kyzyl'yari u kazakhov Sibirskogo vedomstva: islamskaya biografiya v imperskom kontekste [Akhun Siraj ad-Din ibn Saifullah al-Kyzyl'yari among the Kazakhs of the Siberian Department: an Islamic Biography in an Imperial Context]. *Ab Imperio*. 1: 175-208. [in Russian]
- Steinwedel, 2016 – Steinwedel, C. (2016). Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington. 383 p.
- TOGA – Turkestanskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv [Turkestan Regional State Archive].
- TsGA RK – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- Uderbaeva, 2023 – Uderbaeva, S. (2023). The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration. *Oriente Moderno*. 2: 142-165.

Кази Бахауддин Ходжа Хусеин Ходжин в контексте имперской власти в Туркестанском крае

Сауле Карибаевна Удербаева^a, Жанибек Алтынбекович Акимбек^{a,*}

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. Актуальным остается вопрос, как империи управляли новыми территориями. Российская империя пошла по пути привлечения местных элит в региональную иерархию власти. На примере биографии казия Бахауддина Ходжи Хусеин Ходжина рассматриваются модели управления Российской империи и ее взаимодействие с местными элитами в Туркестанском крае. Изучение различных этапов жизни народного судьи дает возможность проанализировать политику имперской власти в динамике. Царская администрация проявляла прагматический подход в управлении, поскольку сохранение контроля над краем являлось первостепенной задачей. Эта особенность стала причиной выработки набора разных вариантов осуществления власти.

Наш герой выступает фигурой, пытающейся балансировать между лояльностью к властям Российской империи и стремлением сохранения своей самостоятельности в местных делах. Его биография показывает адаптацию местных элит к новым политическим реалиям в целях сохранения своего влияния. Знание норм шариата и официальная должность предоставили казию Бахауддину Ходже возможность укрепить свое положение в обществе. Однако это положение было шатким, поскольку противоборство разных групп за место было постоянным. В этих условиях элиты прибегали к разным способам достижения своих целей.

Настоящее исследование позволяет изучить особенности имперского управления в Туркестанском крае, которое отличалось своей сложностью и многообразием. Биография народного судьи освещает не только личные стратегии его приспособления к новым условиям, но и процесс трансформации политических институтов в Туркестанском крае, где переплетались интересы государства и местных социальных групп.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, власть, шариат, кази, местная элита, стратегии управления, конфликт, посредники, коррупция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akimbekzhanibek@gmail.com (Ж.А. Акимбек)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1847-1854
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1847

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Political and Legal Ideology of Siberian Regionalism in the late 19th – early 20th centuries: Interpretations of Modern Irkutsk Historiography

Alexander V. Golovinov ^{a, *}, Aigul Adilbayeva ^b, Alexander V. Chichulin ^c

^a Altai State University, Barnaul, Russian Federation

^b Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

^c P.A. Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk, Russian Federation

Abstract

This material is devoted to identifying the directions in understanding the essence of the political and legal ideology of Siberian regionalism within the framework of a set of works by Irkutsk scientists. In methodological terms, the study relies on the approaches of historical and typological tools, which are aimed at identifying narratives in the historiography of a separate topic, in our case – the ideology of Siberian regionalism (democratic regionalism). The theoretical basis of the work is the body of research works of East Siberian researchers published in the 21st century.

The authors note that in understanding the ideology of Siberian regionalism as a political phenomenon, one can talk about a number of traditions, approaches and even schools. This is not surprising, because the past and present of the Asian part of Russia are difficult to consider in isolation from the socio-political movement of regionalists. Therefore, in many cities of the "Eastern outskirts" this line of thought is the subject of scientific knowledge.

The article establishes that Irkutsk scientists have accumulated solid experience in comprehending the essence of the regionalist program. Glorious traditions in understanding the true integrative nature of the political doctrine of regionalists are presented today in numerous publications by L.M. Dameshek, I.L. Dameshek, A.A. Ivanova, Yu.A. Zulyar, A.S. Madzharova, V.N. Kazarina, S.I. Goldfarb, and others.

The authors state that a certain center for the study of Siberian democratic regionalism has been formed in Irkutsk. The basis for the formation of the East Siberian school of studying the phenomenon of the regionalist program is the continuity of generations and the localization of the work carried out. The approach of this group of researchers is original, which is expressed in the knowledge of general issues of the history of Siberia and the place of the regionalist movement in it.

Keywords: Siberian regionalism, historiography, history of political and legal doctrines, N.N. Kozmin, N.M. Yadrintsev, exile, Russian Empire.

1. Введение

В современной юридической науке история политико-правовой мысли традиционно относится к фундаментальным знаниям. Обращение к страницам интеллектуальной истории в сфере «политического» и «юридического» в научно-академическом смысле имеет непреходящую ценность. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Так, с точки зрения стихии реальной политики, любая грамотная и претендующая на успех государственно-управленческая стратегия или программа всегда имеет концептуальные основоположения. Конечно, выбор теоретического базиса в проведении политического и законодательного курса может быть обусловлен рядом причин: от социального заказа и конъюнктуры до реального оправдания тех или иных политических спекуляций. Потому,

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

к сожалению, доктринальные и идеологические основы политических тактик не могут гарантировать однозначный успех в претворении их в жизнь. Сложность заключается в том, что в истории политической и юридической мысли представлена сложная разноплановая палитра всех производных объектов рефлексии о политической сфере. Кроме того, субъект, трактующий ту или иную общественно-политическую концепцию или идею, сам является носителем определенного мировоззренческого кода. В конце концов, либерал видит одно, а консерватор – совершенно иное. Неслучайно студенты, получающие политологическое или юридическое образование, слушая курс лекций по таким дисциплинам, как «история политических и правовых учений» и «политическая философия», часто испытывают трудности при освоении этих фундаментальных знаний. В конечном счете, многие слушатели выражают неправомерный скепсис о целесообразности изучения данных предметов. В любом случае именно овладение основами политической и правовой мысли формирует профессиональное мировоззрение юриста и политолога.

В истории учений о политике и государстве многое зависит и от фокуса зрения познающего, потому те или иные сложившиеся или даже отсутствующие историографические подходы могут серьезно влиять на определение коренного, то есть истинного, смысла конкретной политической концепции. Предметная и методологическая направленность историографии политических и правовых учений разработана незначительно. Но именно историография помогает установить подходы ученых к общественно-политической мысли, их интерпретации и определить общее видение той или иной политической доктрины. Некоторые юристы, надо заметить, уже начали признавать историографию в качестве дисциплины историко-юридического профиля. В частности, авторитетный исследователь С.В. Кодан активно размышляет об актуальных проблемах историографии политических и правовых учений (Кодан, 2020).

В тоже время нельзя забывать, что совокупность представлений о политической сфере представляет собой совсем не однолинейный процесс. Детерминирующим фактором, как правило, выступают определенные традиции и следующие за ними новации в гносеологии политической мысли. К тому же идеи и идеалы сами по себе не формируются. Конгломерат представлений о политике и власти, являясь конечным пунктом интеллектуального путешествия, напрямую связан с пониманием творческого наследия мыслителей. В этом смысле историография, с одной стороны, задает направления в интерпретации учений в сфере политического, а с другой – демонстрирует успехи и неудачи в познании идей и концептов.

Полагаем, что свидетельством сложившихся традиций в познании социально-политических и правовых учений выступает, во-первых, наличие группы ученых, исследующих те или иные стороны мира политических идей; во-вторых, локализация их на территориальном уровне, как правило, в институционально-организационной форме, представленной учебными заведениями, лабораториями, кафедрами и др.

В понимании идеологии сибирского областничества как политического феномена можно говорить о целом ряде традиций, подходов и даже школ. Это неудивительно, ведь прошлое и настоящее Азиатской части России сложно рассматривать в отрыве от общественно-политического движения областников. Потому во многих городах Восточной окраины данное направление мысли выступает предметом научного познания.

2. Материалы и методы

Источниковой базой выступают материалы научных публикаций Восточно-Сибирских исследователей, опубликованные в XXI веке. Наиболее распространенное жанровое обличье данных источников представлено в монографиях, научных статьях, материалах и докладах научно-практических конференций.

Специфика историографического исследования требует применения общенаучных приемов познания. Так, письменно-материальные формы выявленных историографических источников обуславливают использование дедуктивного метода. Такой подход позволяет рассматривать их как целостность, исходящую от общего к частному, где «абстрактное» – это любые вопросы политико-правовой идеологии областничества, а «конкретное» – ее отдельные проявления.

Значение имел историко-типологический метод, который направлен на выявление направлений в историографии отдельной темы, в нашем случае – идеологии сибирского областничества.

3. Обсуждение

Иркутскими учеными накоплен солидный опыт в постижении сущности областнической программы. Столица Восточной Сибири и областничество имеют давнюю и крепкую связь. В свое время в Иркутске издавался рупор идеологии демократического регионализма – газета «Восточное обозрение». Г.Н. Потанина встречали в этом городе всегда радушно, лидер областнического движения даже был избран правителем Восточно-Сибирского отдела РГО. Здесь активно действовали такие «поздние» областники, как И.И. Серебреников, Н.Н. Козьмин и др.

Таким образом, благодарные потомки, в частности, на уровне научно-исследовательских разработок постигают истинные смыслы областнического учения. За последние годы сибирскому демократическому регионализму были посвящены труды таких авторитетных иркутских ученых, как Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Ю.А. Зуляр, А.А. Иванов, А.С. Маджаров, В.Н. Казарин, С.И. Гольдфарб, Н.Ф. Васильева, А.Н. Фаргышев, П.Л., Попов, А.А. Черенев, И.Г. Чередниченко и др.

В рамках настоящего исследования как раз ставится цель выявить и показать направления, специфику и сущностные характеристики трактовок идеологии сибирского областничества в работах современных иркутских ученых.

4. Результаты

Справедливости ради стоит заметить, что поистине выдающимся событием в «областниковедении» и историческом краеведении можно считать публикацию писем Григория Николаевича Потанина. Издание печатали по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета. Несколько томов ценных эпистолярных источников увидели свет в позднесоветский период отечественной политической истории. Кропотливая работа по составлению писем лидера движения областников, проделанная А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Ковалем, Я.Р. Кошелевым и Н.Н. Яновским в 1980-е гг., увенчалась публикацией пяти томов документов, проливающих свет на сущность областнической идеологии и переносающих читателя в мир Григория Николаевича Потанина и его соратников. Детальному анализу данную группу источников мы подвергать не будем, так это выходит за хронологические границы нашего исследования. Вместе с тем отметим, что в начале первого издания был размещен материал С.Ф. Коваля «Г.Н. Потанин – общественный и политический деятель» (Коваль, 1987).

Автор один из первых в отечественной историографии сделал акцент на политической биографии ученого и пришел к выводу о том, что выдающийся сибиряк был истинным демократом, разделял концепцию общинного социализма и союзно-федеративной государственности.

Славные традиции в понимании истинной интегративной природы политического учения областников представлены сегодня в многочисленных публикациях Л.М. Дамешек. Автор приходит к убедительному выводу о том, что развитие капиталистических отношений на исходе XIX в. серьезно повлияло на процесс формирования общественных движений в России. Областничество в рамках данного процесса трансформировалось в либеральную программу. (Дамешек, 2018: 35). Как резюмирует историк, областничество как идеология развивало парадигму автономии Сибири во главе с органом управления – Сибирской областной думой, действующей на федеративных началах подобно системе США (Дамешек, 2018: 281).

И.Л. Дамешек рассматривает в качестве идеологического ядра областнической программы «сибирские проблемы». Автор подчеркивает, что представители областничества критиковали имперскую колониальную политику. При этом же деятели областнического направления признавали, что патронаж со стороны метрополий способствует развитию колоний. Необходима правильная организация колониальной политики (Дамешек, 2018: 8). В целом автор позиционирует областническую идеологию как некую форму сибирского самосознания (Дамешек, 2019: 35).

Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек специально темой идеологической природы областнического движения не занимаются, но очень активно обращаются к этому феномену, исследуя имперский регионализм.

Другой представитель иркутской исторической школы, А.А. Иванов, известный и заслуженный специалист в области ссылки в Сибирь, также уделяет внимание демократическому регионализму вт. пол. XIX – нач. XX вв. (Иванов, 2022). Ученый на богатой фактологической базе демонстрирует один из генеральных концептов идеологии областников – критику политики штрафной колонизации Восточной окраины. Сибирский исследователь обнаруживает, что представители движения регионалистов в целом не отрицали и положительного влияния ссылки на жизнь отдаленного региона, но отмечали, что такое позитивное воздействие оставалось незначительным. Последствия государственной политики освоения сибирского макрорегиона, основывающейся преимущественно на больших потоках арестантских рот, были все же негативными. Собственно, одним из главных тезисов политико-правовой идеологии областников был концепт немедленной отмены ссыльной системы. Профессор Иркутского государственного университета много лет изучает ссылку в Сибирь. Теоретические знания и социологические сведения об этом уголовном наказании, накопленные Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным, всегда органично использует в своих исследованиях, тем самым попутно исследуя новые грани политико-правового учения областников. В общем, историк дает полные сведения об историографии уголовной и политической ссылки в Азиатскую часть Российской Империи, отводя определенное место регионалистскому общественно-политическому движению.

Характер и специфику отношений сибирских областников и политических ссыльных рассматривает Н.Ф. Васильева (Васильева, 2009). Обращаясь к историографии вопроса, автор анализирует работы Н.Ф. Чужак, М.В. Шиловского и М.Г. Сесюниной.

Оценивая советский подход к пониманию политико-правового наследия демократических регионалистов в Сибири, ученая приходит к выводу о том, что реально возможной точкой

соприкосновения сосланных ревнителей революции с областническими деятелями выступала сфера культуры и просветительства.

При этом данные группировки совершенно по-разному оценивали общедемократический характер прогрессивных сил того времени. Идеологические разногласия носили яркий и отчетливый характер, и советская историческая наука тогда акцентировала именно их без учета глубинных процессов в общественной жизни Сибири.

В работах отмеченного автора акцентируется, что ссылка в регион имела пестрый состав. Народники, сосланные в Сибирь, более сочувствовали областнической программе, чем лица, увлеченные идеями интернациональной революции.

Идейному наследию и жизнедеятельности отдельных представителей областнической политико-правовой идеологии также было посвящено немало работ иркутских ученых. Так, В.Н. Казарин, рассматривая вопросы административно-территориальных преобразований в восточной Сибири начала XX века, обратился к идейному миру и творчеству Н.Н. Козьмина – представителя позднего областничества (Казарин, 2009). Ученый отмечает вклад Николая Николаевича в качестве председателя секции по районированию Бурят-Монгольской автономной республики. По оценке историка, поздний областник скрупулезно подходил к национально-политическим вопросам. В частности, дискутировал на тему вхождения Бурят-Монголии в состав Лено-Байкальской области, будучи противником данной интеграции. Имея столичное высшее историческое образование, Н.Н. Козьмин увлеченно занимался этнографическими исследованиями, историей областничества и актуальными проблемами региона. Эти знания и опыт, как видно из работ В.Н. Казарина, послужили хорошим подспорьем в теме политико-административного устройства Востока страны. Понимание бытия демографических и этнокультурных проблем народов Сибири и всей Азии в целом позволило Н.Н. Козьмину актуализировать тему соотношения населения и территории на пространствах Восточносибирского региона.

Обращение к наследию младшего из областников, Николаю Николаевичу Козьмину, в среде иркутских интеллектуалов вполне закономерно. Дело в том, что судьба данного общественного деятеля была тесно связана со столицей Восточной Сибири. В былые годы он занимал должность профессора кафедры краеведения Иркутского государственного университета и руководил музеем областного уровня. Потому в силу объективных обстоятельств интерес к идейному наследию, общественно-политической и научно-публицистической деятельности ученого в среде иркутского научного сообщества видится закономерным.

Профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса Байкальского государственного университета Ю.В. Кузьмин политико-правовую идеологию сибирских областников также познает в фокусе деятельности Николая Николаевича. Ученый позиционирует представителя позднего областничества как сторонника демократического крыла в русской историографии (Кузьмин, 2016).

Исследователь отмечает, что Н.Н. Козьмина очень привлекала концепция «праотца» сибирского областничества А.П. Шапова с его нарочитой апологетикой истории народа, а не государства и производных от него институтов. Неординарность и даже трагичность судьбы этого дореволюционного историка притягивали внимание позднего областника. В целом, как считает современный ученый, по мнению Н.Н. Козьмина, А.П. Шапов стоял во главе самостоятельной исторической школы, имеющей органическую связь с народно-федеративной теорией Н.И. Костомарова и славянофильскими историософскими идеалами.

Считаем необходимым отметить, что генезис классического сибирского областничества связывают как раз с идейным наследием А.П. Шапова и Н.И. Костомарова. В этом смысле интерпретации историографических разработок Н.Н. Козьмина по поводу связи этих выдающихся умов своего времени логично становится объектом современных трудов Ю.В. Кузьмина.

Попытку реконструкции исторического метода Н.Н. Козьмина осуществил современный историк А.М. Курышов (Курышов, 2023), доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета. Как пишет ученый, конец жизни позднего областника был трагичным. Причина тому – приверженность к областническому движению и, как следствие, непризнание «прелестей» «Великого октября». Он работал даже в составе Временного Сибирского правительства.

Автор приходит к заключению о том, что Николай Николаевич был сторонником линейного исторического процесса. Для его работ характерны схематизация и периодизация, органика науки и практики. По мнению иркутского историка, научный марксизм и экономико-географический детерминизм не были чужды позднему областнику. Наоборот, к новаторским достижениям Н.Н. Козьмина автор приписывает то, что он был сторонником марксистского понимания истории без конъюнктурной подкладки, так сказать, по зову сердца. Трактовку событий прошлого он считал вторичной, слишком отстраненной от реалий. Потому исторический факт он боготворил. Поэтому ученый-областник никогда не подгонял факты под какую-либо доктрину, методологическую схему или концепцию. Материальные источники рассматривались им как объективная база в познании прошлого.

Интерес к жизни и профессиональной деятельности яркого представителя позднего этапа областнического движения характерен не только для среды профессиональных историков. Так,

ученый-экономист из Иркутска Д.Я. Майдачевский комплексно рассматривает успехи и достижения в области историко-экономических штудий Н.Н. Козьмина (Майдачевский, 2017). Автор замечает, что сам Николай Николаевич критиковал малообразованных ревнителей прошлого, которые заняты только коллекционированием фактов. Напомним, что известный иркутянин акцентировал фактологическое содержание исторического познания. Однако материальные источники не просто должны накапливаться в повествовании прошлого, их необходимо систематизировать и конструировать сообразно гносеологическим целям. Представитель экономической науки отмечает солидные достижения Н.Н. Козьмина в исторической реконструкции промышленной истории Сибири как результат тщательной проработки деталей исторического материала.

Как видим, позднего областника Николая Николаевича Козьмина широко исследуют на иркутской земле. Так, Ректор Байкальского государственного университета, профессор А.П. Суходолов, в составе коллектива авторов предпринял попытку показать динамику российской историографии в отношении творческой биографии и научного наследия профессора Н.Н. Козьмина (Суходолов, 2018). Доктор экономических наук приходит к выводу о том, что восстановление доброго имени ученого и введение в научный оборот творческого наследия Николая Николаевича Козьмина – необходимость современной историографии.

Отдельной темой в системе представлений о сибирском областничестве выступают его медийные проявления и роль в развитии местной периодической печати. Иркутские ученые С.И. Гольдфарб (Гольдфарб, 1997) и И.Г. Чередниченко (Чередниченко, 2004) рассматривают данный нарратив. Политико-правовые и социально-философские идеи представителей областнического движения были представлены по преимуществу в форме публицистических и журналистских материалов. Потому подобное историографическое направление позволяет также пролить свет на содержание и значение таких произведений.

Общая деятельность областнической газеты «Восточное обозрение», издававшейся изначально Н.М. Ядринцевым в столице Российской Империи, широко рассматривается в работе С.И. Гольдфарба. Интерес к изданию, очевидно, вызван не только сугубо научно-познавательными задачами, но и тем, что впоследствии газету перенесли в Иркутск. Автор акцентирует, что периодическое издание интегрировало на своих полосах всех областников, а также аккумулировало идейные положения программы регионалистов и поборников местного патриотизма. Газета в этом смысле выступала как площадка для проработки идеологии областничества и вместе с тем приобретала черты рупора пропаганды.

В трудах И.Г. Чередниченко подробно рассматривается лидер движения демократических регионалистов Н.М. Ядринцев как организатор и устроитель дореволюционных региональных медиа. Журналистская деятельность Николая Михайловича действительно представляет собой феноменальный успех в деле развития провинциальной прессы. Автор приходит к закономерному выводу о том, что подвижническая и самоотверженная работа идеолога областничества позитивно сказалась на формировании регионального самосознания.

А.С. Маджаров, известный специалист в области исторического учения А.П. Щапова, в своих работах реконструирует методологию познания прошлого этого мыслителя областнического направления (Маджаров, 2023). Ученый демонстрирует особую роль наследия А.П. Щапова в развитии народнической идеологии на основе парадигм демократической концепции истории Отечества.

Новым дыханием в понимании областнической программы можно считать политологические аспекты темы, выделяемые таким иркутским ученым, как Ю.А. Зуляр (Зуляр, 2022). Также в этом плане интересны работы А.Н. Фартышева (Фартышев, 2018), П.Л. Попова и А.А. Черенева (Попов, Черенева, 2022).

Данный нарратив интересен как самой постановкой вопроса, так и смелостью выводов. Областничество рассматривается в призме матрицы современной сибирской региональной политической культуры.

Сотрудники Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук П.Л. Попов и А.А. Черенев высказывают спорные, но имеющие право на существование тезисы о том, что областничество можно ставить в один ряд с революционными движениями либерально-демократического толка. Авторы отмечают западническую ориентацию основателей областничества. Конечно, не все областники были западниками, идеологическая основа этого течения политико-правовой мысли была эклектичной, соединяющей очень многие концептуальные схемы. Авторская позиция, безусловно, любопытна и нова, требует дальнейшей проработки и доказательственной базы, но вне всяких сомнений обладает научной объективностью, нацеливает и побуждает к дальнейшей дискуссии на эту тему.

5. Заключение

По итогам проведенного текстологического анализа историографических материалов по тематике политико-правовой идеологии сибирского областничества в рамках работ иркутских ученых можно прийти к ряду выводов.

Во-первых, в Иркутске сложился определенный центр по изучению демократического регионализма. Основанием, свидетельствующим о формировании восточносибирской школы изучения феномена областнической программы, выступает преемственность поколений и локализация проведенных работ.

Во-вторых, подходы данной группы исследователей обладают оригинальностью, что выражается в познании общих вопросов истории Сибири. Новаторским явлением можно считать географическое и политологическое прочтение идеологического содержания областничества. Также большое внимание иркутская школа «областниковедения» уделяет наследию поздних представителей областнической мысли, в частности, Н.Н. Козьмину, так как его общественная деятельность непосредственно была связана с историей Иркутска.

Литература

Васильева, 2009 – Васильева Н. Ф. Сибирский сепаратизм конца XIX – начала XX вв. и взаимоотношения сибирских областников и политических ссыльных: взгляд советских историков // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение»*. 2009. 1. С. 176-180.

Гольдфарб, 1997 – Гольдфарб С.И. Газета "Восточное обозрение" (1882-1906). Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 220 с.

Дамешек, 2018 – Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.): Монография. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. 358 с.

Дамешек, 2018 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.): Монография. Издание второе, испр. и доп. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. 416 с.

Дамешек, 2018 – Дамешек И.Л. Сибирские проблемы в идеологии областников // *Республике Бурятия - 95 лет: Сборник научных статей, Улан-Удэ, 30 мая 2018 года* / Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018. С. 7-8. DOI 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-7-8

Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / *Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX - начала XX веков: Коллективная монография* / Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019. С. 98-120

Зуляр, 2022 – Зуляр Ю.А. Регионализм как матрица современной сибирской региональной политической культуры / *Пятнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием; материалы Всероссийской социально-гуманитарной конференции*, Иркутск, 08–23 апреля 2022 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 225-241.

Иванов, 2022 – Иванов А.А. Историографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири // *Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX - начало XX века)*. Иркутск: Иркутский государственный университет. 2022. С. 134-210.

Казарин, 2009 – Казарин В. Н. Политические и национальные аспекты административно-территориальных преобразований в восточной Сибири в 20-е годы XX века. Идеи и проекты сибирских ученых и публицистов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2009. № 1. С. 139-156.

Коваль, 1987 – Коваль С.Ф. Г.Н. Потанин – общественный и политический деятель. *Письма Г.Н. Потанина*. Т. 1. Издательство Иркутского университета. 3-19.

Кодан, 2020 – Кодан С.В. Историография в структуре истории политических и правовых учений: предметная направленность, целевые установки, задачи и функции // *Genesis: исторические исследования*. 2020. №12. С. 126-137.

Курышов, 2023 – Курышов А.М. Исторический метод исследования Н. Н. Козьмина: общая характеристика // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023*. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. С. 52-61.

Кузьмин, 2016 – Кузьмин Ю.В. Историографические исследования профессора Н. Н. Козьмина // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016*. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. С. 512-517.

Маджаров, 2023 – Маджаров А.С. Метод Г. В. Плеханова в исследовании доктрин А. П. Щапова и Н. Г. Чернышевского (50-80-е гг. XIX в.) // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2023. Т. 10, № 3(39). С. 48-58. DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(3).48-58.

Майдачевский, 2017 – Майдачевский Д. Я. Н. Н. Козьмин как историк науки / *Восьмые востоковедные чтения БГУ: сборник научных трудов* / Байкальский государственный университет. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. С. 264-272.

Попов, Чернев, 2022 – Попов П.Л., Чернев А.А. К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 77. С. 51-59. DOI: 10.17223/19988613/77/6

Суходолов и др., 2018 – Суходолов А.П. Козырская И. Е., Кузьмин Ю.В. История изучения в российской историографии творческой биографии и научного наследия профессора Н.Н. Козьмина // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. С. 484-493.

Фартышев, 2018 – Фартышев А.Н. Развитие и позиционирование Сибири: геополитическая и геоэкономическая оценка приоритетности концепций: дис. канд. географ. Наук. Иркутск, 2018. 220 с.

Чередниченко, 2004 – Чередниченко И. Г. Сибирские областники о роли местной прессы в развитии регионального самосознания / *Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства*, Иркутск, 24–26 сентября 2004 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2004. С. 154-159.

References

Cherednichenko, 2004 – Cherednichenko, I.G. (2004). Sibirskiye oblastniki o roli mestnoy pressy v razvitiy regional'nogo samosoznaniya. [Siberian regionalists on the role of the local press in the development of regional self-awareness]. *Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva*, Irkutsk, 24–26 sentyabrya 2004 goda. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 154-159. [in Russian]

Dameshek, 2018 – Dameshek, I.L. (2018). Sibirskiye problemy v ideologii oblastnikov. [Siberian problems in the ideology of the regionalists]. *Respublike Buryatiya - 95 let: Sbornik nauchnykh statei*, Ulan-Ude, 30 maya 2018 goda. Nauch. red. B.V. Bazarov. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniya RAN, 2018. S. 7-8. DOI: 10.30792/978-5-7925-0521-6-2018-7-8 [in Russian]

Dameshek, 2018 – Dameshek, L.M. (2018). Sibirskiye «inorodtsy» v imperskoy strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.). [Siberian “foreigners” in the imperial strategy of power (XVIII – early XX centuries)]. *Monografiya*. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk». 358 p. [in Russian]

Dameshek, 2018 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2018). Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.). [Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822–1917)]. *Monografiya*. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk». 416 p. [in Russian]

Dameshek, 2019 – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i «sibirskiye voprosy». [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and "Siberian issues"]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX - nachala KhKh vekov: Kollektivnaya monografiya*. Nauchnyi redaktor L. M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichenoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]

Fartyshov, 2018 – Fartyshov, A.N. (2018). Razvitiye i pozitsionirovaniye Sibiri: geopoliticheskaya i geoekonomicheskaya otsenka prioritnosti kontseptsiy [Development and positioning of Siberia: geopolitical and geoeconomic assessment of the priority of concepts]: : dis. kand. geograf. Nauk. Irkutsk. 220 p. [in Russian]

Goldfarb, 1997 – Goldfarb, S.I. (1997). *Gazeta "Vostochnoye obozreniye" (1882-1906)* [Newspaper “Vostochnoye obozreniye” (1882-1906)]. Irkutsk: Izd-vo IGU. 220 p. [in Russian]

Ivanov, 2022 – Ivanov, A.A. (2022). Istoriograficheskoye osmysleniye problem politicheskoy i ugovolnoy ssylki v Sibir. [Historiographic understanding of the problems of political and criminal exile in Siberia]. *Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX - nachalo XX veka)*. Irkutsk, 134-210. [in Russian]

Kazarin, 2009 – Kazarin, V.N. (2009). Politicheskiye i natsional'nyye aspekty administrativno-territorial'nykh preobrazovaniy v vostochnoy Sibiri v 20-ye gody XX veka. Idei i proyekt sibirskikh uchenykh i publitsistov. [Political and national aspects of administrative-territorial transformations in Eastern Siberia in the 20s of the XX century. Ideas and projects of Siberian scientists and publicists]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 1: 139-156. [in Russian]

Kodan, 2020 – Kodan, S.V. (2020). Istoriografiya v strukture istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy: predmetnaya napravlenost', tselevyye ustanovki, zadachi i funktsii. [Historiography in the structure of the history of political and legal doctrines: subject focus, goals, tasks and functions]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 12: 126-137. [in Russian]

Koval, 1987 – Koval, S.F. (1987). G.N. Potanin – obshchestvennyy i politicheskiy deyatel [G.N. Potanin – public and political figure]. *Pis'ma G. N. Potanina*. T.1. Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. [in Russian]

Kuryshov, 2023 – Kuryshov, A.M. (2023). Istoricheskiy metod issledovaniya N. N. Koz'mina: obshchaya kharakteristika. [Historical research method of N.N. Koz'mina: general characteristics]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk : Baikal'skii gosudarstvennyi universitet. Pp. 52-61. [in Russian]

Kuzmin, 2016 – Kuzmin, Yu.V. (2016). Istoriograficheskiye issledovaniya professora N. N. Koz'mina. [Historiographic research of professor N.N. Koz'min]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2016*. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet. Pp. 512-517. [in Russian]

Madzharov, 2023 – Madzharov, A.S. (2023). Metod G. V. Plekhanova v issledovanii doktrin A.P. Shchapova i N. G. Chernyshevskogo (50-80-ye gg. XIX v.). [Method of G.V. Plekhanov in the study of the doctrines of A.P. Shchapov and N.G. Chernyshevsky (50-80s of the 19th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. T. 10. № 3(39): 48-58. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(3).48-58 [in Russian]

Maydachevsky, 2017 – *Maydachevsky, D.Ya.* (2017). N. N. Koz'min kak istorik nauki [N. N. Kozmin as a historian of science]. *Vos'mye vostokovednye chteniya BGU: sbornik nauchnykh trudov. Baikal'skii gosudarstvennyi universitet. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet.* Pp. 264-272. [in Russian]

Popov, Cherenev, 2022 – *Popov, P.L., Cherenev, A.A.* (2022). K probleme ob'yektivnykh predposylok sibirskogo separatizma. [On the Problem of Objective Prerequisites for Siberian Separatism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 77: 51-59. DOI: 10.17223/19988613/77/6

Sukhodolov i dr., 2018 – *Sukhodolov, A.P. Kozyrskaya, I.E., Kuzmin, Yu.V.* (2018). Istoriya izucheniya v rossiyskoy istoriografii tvorcheskoy biografii i nauchnogo naslediya professora N.N. Koz'mina. [History of the study in Russian historiography of the creative biography and scientific heritage of Professor N.N. Kozmin]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet. Irkutsk: Baikal State University,* pp. 484-493. [in Russian]

Vasilyeva, 2009 – *Vasilyeva, N.F.* (2009). Sibirskiy separatizm kontsa XIX – nachala XX vv. i vzaimootnosheniya sibirskikh oblastnikov i politicheskikh ssyl'nykh: vzglyad sovetskikh istorikov. [Siberian separatism of the late 19th – early 20th centuries and the relationship between Siberian regionalists and political exiles: the view of Soviet historians]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Politologiya. Religiovedenie».* 1: 176-180. [in Russian]

Zulyar, 2022 – *Zulyar, Yu.A.* (2022). Regionalizm kak matritsa sovremennoy sibirskoy regional'noy politicheskoy kul'tury [Regionalism as a matrix of modern Siberian regional political culture]. *Pyatnadtsatye Baikal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya: materialy Vserossiiskoi politologicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; materialy Vserossiiskoi sotsial'no-gumanitarnoi konferentsii, Irkutsk, 08–23 aprelya 2022 goda.* Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 225-241. [in Russian]

Политико-правовая идеология сибирского областничества конца XIX – начала XX вв.: интерпретации современной иркутской историографии

Александр Викторович Головинов ^{a,*}, Айгуль Серрикановна Адильбаева ^b,
Александр Владимирович Чичулин ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан

^c Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, Омск, Российская Федерация

Аннотация. Настоящий материал посвящен выявлению направлений в познании сущности политико-правовой идеологии сибирского областничества в рамках комплекса работ иркутских ученых. В методологическом отношении исследование опирается на подходы историко-типологического инструментария, который направлен на выявление нарративов в историографии отдельной темы, в нашем случае – идеологии сибирского областничества (демократического регионализма). Теоретической базой работы выступил корпус научно-исследовательских работ Восточно-Сибирских исследователей.

Авторы отмечают, что в понимании идеологии сибирского областничества как политического феномена можно говорить о целом ряде традиций, подходов и даже школ. Это неудивительно, ведь прошлое и настоящее Азиатской части России сложно рассматривать в отрыве от общественно-политического движения областников. Потому во многих городах Восточной окраины данное направление мысли выступает предметом научного познания.

В статье установлено, что иркутскими учеными накоплен солидный опыт в постижении сущности областнической программы. Славные традиции в понимании истинной интегративной природы политического учения областников представлены сегодня в многочисленных публикациях Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, А.А. Иванова, Ю.А. Зуляр, А.С. Маджарова, В.Н. Казарина, С.И. Гольдфарба и др.

Авторы констатируют, что в Иркутске сложился определенный центр по изучению сибирского демократического регионализма. Основанием, свидетельствующим о формировании восточносибирской школы изучения феномена областнической программы, выступает преемственность поколений и локализация проведенных работ. Подход данной группы исследователей обладает оригинальностью, что выражается в познании общих вопросов истории Сибири.

Ключевые слова: сибирское областничество, историография, история политических и правовых учений, Н.Н. Козьмин, Н.М. Ядринцев, ссылка, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1855-1863
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1855

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Level of Education of the Yakutsk Regional Administration in the late XIX – early XX centuries

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Galina M. Lushchayeva ^a, Oleg I. Savin ^a, Oleg G. Alekseev ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article tested the historical facts about the level of education of officials of the Yakutsk region in the late XIX – early XX centuries. We have identified regional peculiarities in the construction of the management system in the North-East of the Russian Empire. The object of the study is civil servants who held positions in the Yakutsk regional administration from 1887 until 1917. We have studied the biographies of clerical officials, assistant head clerks, head clerks, assistant clerks, clerks, secretaries, accountants, treasurers, senior supervisors, officials of special assignments, engineers. The purpose of the study is to establish the level of education of Yakut officials in these positions. The historical source was the formulary lists compiled during the specified chronological period. We have collected archival materials from the archive fund and 12 “Yakut Regional Administration” in the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). We examined more than 40 storage units, in which officials were identified who occupied places from a clerical servant to a position of rank IX inclusive. At the same time, it should be noted that the published lists of ranks in the department of the Ministry of Internal Affairs and other reference manuals contain information only about officials in senior positions and up to the XVIII class. Thus, the information presented in the article is unique and has not been presented anywhere before in historical science. The data on the level of education of employees of the Yakut regional administration from 1887 until 1917 analyzed by using mathematical and statistical methods. It was possible to establish numerically and percentage proportions of officials who were in the service after graduating from higher educational institutions (4.8 %), secondary (43.9 %), primary (41.5 %) and who did not have a certificate of education (9.6).

Keywords: bureaucracy, civil servants, civil service, regional authorities, educational institutions, level of education, Yakutsk region, Siberia, Russian Empire.

1. Введение

К началу XX в. Якутская область уже три столетия находилась в составе Российской империи, занимая громадное пространство – почти 3,5 млн. кв. км., что составляло 1/7 часть империи (Приклонский, 1896: 4-5). Система управления данной территории была одним из примеров реализации окраинной политики со стороны центра по отношению к власти на местах, представленной «коронной» и национальной администрацией. Последняя состояла из национальной элиты, функционировала на основании «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского, а вот система гражданской администрации, как и в других губерниях и областях Сибири, пополнялась в основном переведенными из других территорий чиновниками, соответствовавшими назначаемым должностям по чину, уровню образования, профессиональной специализации.

Цель статьи – осуществить количественный и качественный анализ уровня образования гражданских служащих Якутского областного управления как представителей бюрократии позднего периода Российской империи на должностях от канцелярского чиновника до XIV ранга.

* Corresponding author

E-mail addresses: me@karchaeva.ru (T.G. Karchaeva)

Хронологические рамки исследования (1887–1917 гг.) определены эпохой Иркутского генерал-губернаторства, в состав которого входила Якутская область, а также временем наибольшего доступа к получению образования в учебных заведениях Российской империи, Сибири и Якутской области, в частности.

2. Материалы и методы исследования

Главным источником проведенного исследования выступили формулярные списки чиновников с анкетными сведениями, составившимися по форме утвержденного бланка и имевшими обязательную графу с информацией о полученном образовании. Формулярные списки подняты из фонда №12 «Якутское областное управление» Национального архива Республики Саха (Якутск, Якутия). Данное учреждение до 1917 г. занималось приемом, переводом и увольнением чиновников, служивших в правительственных учреждениях Якутской области.

Заметим, в архивных документах Якутского областного управления ни одной годовой подборки формулярных списков за 1887–1917 гг. не отложилось, групповые формулярные списки также отсутствуют, а преобладают единицы хранения с индивидуальными формулярными списками и личными делами чиновников. Их максимальное количество в одном архивном деле – это две-три единицы. При этом, как известно, в конце XIX – начале XX вв. уже отсутствовала практика отсылки оригиналов или копий формулярных списков среднего и низшего звена провинциального чиновничества в Правительствующий Сенат. Тем самым архив делопроизводственных документов Якутского областного управления Национального архива Республики Саха (Якутия) является наиболее полным хранилищем формулярных списков чиновников, служивших на территории Якутской области в обозначенный исторический период.

Путем естественной выборки были рассмотрены формулярные списки и личные дела чиновника Якутской области, что может считаться вполне репрезентативным в связи с вышеуказанными обстоятельствами, а также, если учесть, что продолжительность службы одного чиновника на одном месте была достаточно длительной.

Так, в перечень проанализированных в данной статье государственных служащих вошел 41 чел. на «низших» должностях Якутской областной администрации до IX ранга включительно: канцелярские чиновники, помощники столоначальников, столоначальники, помощники делопроизводителей, делопроизводители, секретари, бухгалтеры, экзекуторы, старшие контролеры, чиновники особых поручений, инженеры (НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 1. Д. 15535. Л. 1-2 об.; Оп. 2. Д. 9039. Л. 1–2 об.; Оп. 2. Д. 9070. Л. 1–4об.; Оп. 2. Д. 10824. Л. 1-2 и др.).

Заметим, имена и биографические данные губернаторов и вице-губернаторов Якутской области (должности IV-V рангов по штатному расписанию), а также чиновников на должностях старшего советника и трех прочих советников, областного врачебного инспектора, ветеринарного инспектора, областного инженера (архитектора), а после 1898 г. – также Якутского полицмейстера и окружных исправников (должности VI-VIII рангов) публиковались в ежегодном издании «Список лицам, служащим по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах», представлявшем собой вторую часть списка чиновников Министерства внутренних дел и его ведомства. Названные чиновники из опубликованных списков высших чинов Министерства внутренних дел не вошли в предмет исследования данной статьи, а их изучение представляет задел на будущее.

Общенаучные и исторические подходы к исследованию (принципы историзма и объективизма, анализ, синтез, сравнение), математические и статистические методы позволили сделать выводы об уровне образования гражданских служащих Якутской области в 1887–1917 гг. Анкетные данные о чиновниках были занесены в единую электронную таблицу Excel, методом фильтрации проведен подсчет сведений об уровне образования, сроках обучения и наименовании учебных заведений. Составленные из общей таблицы Excel сводные таблицы позволили сделать выводы о влиянии уровня образования на служебную карьеру, а также об изменении уровня образования якутских чиновников в зависимости от возраста и социального происхождения.

3. Обсуждение

Исторические вопросы кадрового обеспечения государственной службы в Российской империи уже много десятилетий рассматриваются параллельно с другими темами по организации власти. Среди значимых научных работ данного направления можно назвать труды историков П.А. Зайончковского, Г.Ф. Быкони, В.А. Иванова и др. (Зайончковский, 1978; Быконя, 1985; Иванов, 1994). Разработанная в их научных работах методика анализа данных задала основы и принципы обработки формулярных списков и личных дел чиновников, адрес-календарей и списков чинов по ведомствам.

История провинциального чиновничества как самостоятельное научное направление приобрело должную популярность в 2000-х гг. Именно в это время появились публикации о чиновничестве как социальной группе со свойственными ей характеристиками (Писарькова, 2004; Поскачей, 2005; Токмакова, 2009). Относительно Сибири стоит упомянуть значимые для данного исследования научные работы Н.П. Матхановой, Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек, Д.Н. Гергилева,

которые дают ответы на вопросы о кадровой политике самодержавия на восточной окраине Российской империи (Терги́лев, 2018; Дамешек, Дамешек, 2020; Матханова, 2022).

Различные аспекты численности, формирования и социального состава коронной администрации Восточной Сибири – разрабатываемая тема красноярских историков Сибирского федерального университета (Карчаева, 2017; Karchaeva et al., 2019; Karchaeva et al., 2022; Karchaeva et al., 2024). Путем автоматизации обработки данных из формулярных списков и личных дел чиновников стали доступны исторической науке статистические сведения о кадровом составе сибирского чиновничества на примере в основном Енисейской губернской администрации.

Исследования по истории системы государственного и национального управления на территории дореволюционной Якутии проводятся при Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск). С целью выявления региональной специфики, например, якутским историком А.Д. Васильевым рассматриваются вопросы кадровой политики центра по отношению к местной власти в первой половине XIX в. (Васильев, 2019; Васильев, 2023). Предметом исследований историков Н.В. Третьяковой, А.И. Архиповой является деятельность генерал-губернаторов, социальный состав и портрет якутских губернаторов и вице-губернаторов (Третьякова, 2019; Третьякова, 2021; Архипова, 2022; Архипова, 2024а; Архипова, 2024б).

Таким образом, выбранная тема статьи по изучению уровня образования чиновников Якутской области в 1887-1917 гг. вполне актуальна и позволяет установить как общие черты, так и отличия в формировании кадрового аппарата провинциального чиновничества в поздний имперский период.

4. Результаты

4.1. Штатный состав чиновников Якутского областного управления

В дореволюционной России состав «коронной» администрации на местах определялся штатным расписанием на уровне закона. Согласно публикуемому в Полном собрании законов Российской империи штатам Якутского областного управления, в его состав по Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета «Оновых штатах учреждений ведомства Министерства внутренних дел в Восточной Сибири» от 11 ноября 1874 г. входило 39 членов (гражданский губернатор, старший советник, два советника, ассессор, восемь столоначальников, бухгалтер, контроллер и их помощники соответственно, четыре чиновника особых поручений, журналист, экзекутор (он же казначей), архивариус, областной старший землемер, младший землемер, областной медицинский инспектор, ветеринарный врач и его ученик). На писцов и канцелярские расходы выделялось 300 руб. (ПСЗ РИ, 1874: 523). Известно, что должность вице-губернатора была введена в 1883 г. (Приклонский, 1896: 194).

Дальнейшие изменения в штатном расписании Якутского областного управления происходили согласно примечаниям и приложениям к ст. 13, 82 «Учреждения Сибирского» (по продолжению 1895 г.), а также законоположений о штате межевых установлений в Сибири от 1 января 1896 г. (№12362), о применении судебных уставов от 3 мая 1896 г. (№12932) и об изменении порядка управления ветеринарной частью в губерниях и областях, состоящих в ведении Министерства внутренних дел от 28 апреля 1897 г. (№14004) (ПСЗ РИ, 1903: 155).

С принятием высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 17 марта 1903 г. «О преобразовании областных установлений ведомства Министерства Внутренних Дел в Якутской области» в состав новых штатов Якутского областного управления входило 45 членов. Вместо восьми столоначальников и такого же числа их помощников были введены в состав десять делопроизводителей, столько же помощников делопроизводителей, уже значились должности помощника врачебного инспектора, областного инженера и его помощника, второго бухгалтера и второго помощника бухгалтера, помощника журналиста. А количество писцов в Канцелярии определялось по требованию местного начальства в рамках выделенной денежной суммы (в 1903 г. она составляла 12 000 руб. в год вместе с канцелярскими расходами) (ПСЗ РИ, 1903: 155).

4.2. Правительственная политика в области образования для сибирских чиновников

В Якутской области (как отдаленной местности) весь дореволюционный период действовали привилегии для приезжих чиновников вплоть до 1917 г., например, деньги на проезд и обустройство на новом месте службы, льготный «пансион», получение образования детьми за счет казны и др. Однако при назначении на вакантные места в Якутском областном управлении не было каких-либо послаблений относительного соответствия ранга мундира рангу должности. Следовательно, могли быть назначены на места только те лица, которые имели соответствующий классный чин по Табели о рангах, который приобретался с учетом социального происхождения и уровня образования.

После 1856 г. в Российской империи одним из действовавших принципов комплектования местных правительственных аппаратов управления было правило, что поступление на действительную гражданскую службу лиц, окончивших какое-либо учебное заведение, происходило с утверждением «в том классном чине, на который им давало право их ученая степень, звание или аттестат заведения, в котором они обучались» (ПСЗ РИ, 1856: 1053).

Реализацию данного правила могут проиллюстрировать опубликованные данные (по России в целом) об уровне образования чиновников, поступивших на гражданскую службу в 1895 г.: «менее 3/5 пользовались правами госслужбы по праву происхождения, чуть более 2/5 принадлежали к сословиям, не имеющим таких прав, из них 1/4 поступили на службу благодаря получению высшего образования, и около 1/2 определены на должности независимо от происхождения (по наличию образования), при этом из последних 1/4 приняты на службу в привилегированные местности» (Белых, Дмитриев, 2021: 163). Заметим, что образовательный принцип получения чина и, следовательно, классной должности, заменил собой сословный принцип только в 1906 г., когда вступило в силу положение Совета министров о группировке канцелярских служащих для получения первого классного чина на два разряда в зависимости от полученного ранее образования: «I – со среднем образованием, II – не имевшие среднее образование» (Белых, Дмитриев, 2021: 165).

Названные основания поступления в действительную гражданскую службу на территории Якутской области, как и по всей Российской империи, действовали до 1917 г.

4.3. Статистический обзор уровня образования чиновников Якутского областного управления

Прошедшие автоматическую обработку данные об учебных заведениях, которые окончили служащие Якутского областного управления, позволяют сделать выводы об уровне образования провинциальных чиновников одной из наиболее удаленных местностей Российской империи в конце XIX – начале XX вв., а также рассмотреть территории, где они проходили обучение (Таблица 1).

Таблица 1. Уровень образования служащих Якутского областного управления, конец XIX – начало XX вв.

Получившие образование	Учебные заведения (место обучения)								Итого		Не окончен полный курс	
	Центральной России		Западного края		Сибири (кроме Якутии)		Якутской области					
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Высшее	1	2,4	0	0	1	2,4	0	0	2	4,8	0	0
Среднее	5	12,2	0	0	3	7,3	10	24,4	18	43,9	5	12,2
Начальное	8	19,5	2	4,9	3	7,3	4	9,8	17	41,5	4	9,8
Домашнее (сдан экзамен на чин)	–	–	–	–	–	–	4	9,8	4	9,8	–	–
Всего	14	34,1	2	4,9	7	17	18	44	41	100	9	22

Сост. по: НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 1. Д. 15535. Л. 1–2об.; Оп. 2. Д. 9039. Л. 1–2об.; Оп. 2. Д. 9070. Л. 1об.–2; Оп. 2. Д. 10824. Л. 1–2об.; Оп. 6. Д. 248. Л. 1–2об.; Оп. 6. Д. 641. Л. 1–2об.; Оп. 7. Д. 167. Л. 1–2об., Оп. 7. Д. 183. Л. 1–2об., Оп. 7. Д. 187. Л. 1–2об.; Оп. 7. Д. 436. Л. 1 об.–2; Оп. 11. Д. 14. Л. 1–2об.; Оп. 11. Д. 29. Л. 1–2об.; Оп. 11. Д. 37. Л. 1–2об.; Оп. 11. Д. 45. Л. 1–2об.; Оп. 11. Д. 50. Л. 7об.–8; Оп. 11. Д. 53. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 56. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 87. Л. 1 об.–2; Оп. 11. Д. 89. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 97. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 104. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 169. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 175. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 192. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 211. Л. 1 об.–2; Оп. 11. Д. 300. Л. 1об.–2; Оп. 11. Д. 309. Л. 1об.–2; Оп. 14. Д. 112. Л. 1об.–2; Оп. 14. Д. 121. Л. 1об.–2; Оп. 14. Д. 123. Л. 1об.–2; Оп. 14. Д. 124. Л. 1об.–2

Так, среди служащих Якутского областного управления (на должностях от канцелярского служащего до IX ранга включительно) окончили высшие учебные заведения только два чиновника из 41 рассмотренных:

– По формулярному списку 1917 г. чиновник особых поручений Карпов Иннокентий Дмитриевич (чин не указан) – 29 лет, сын хорунжего Якутского казачьего войска, после окончания в 1911 г. с дипломом второй степени Императорского Томского университета и года службы в Якутском городском пешем полку в 1913 г. поступил на должность помощника делопроизводителя Якутского областного управления, в 1915 г. уже заведовал Первым отделением, приказом Иркутского генерал-губернатора в 1916 г. назначен советником, в феврале 1917 г. заведовал Четвертым отделением, в марте 1917 г. резолюцией Исполнительного комитета общественной безопасности устранен от должности (НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 11. Д. 104. Л. 1–3);

– По формулярному списку 1916 г. приписанный к Якутскому областному управлению губернский секретарь Василий Сергеевич Задоровский (возрастом 28 лет, по сословно-социальному происхождению – сын крестьянина) в 1911 г. окончил с дипломом второй степени Императорский Казанский университет, переведен в Якутскую область с должности податного инспектора первого Архангельского участка, затем в Якутской области будет служить податным инспектором второго участка Якутской области (НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 11. Д. 89. Л. 1–3).

У основной массы служащих Якутского областного управления на должностях от канцелярского служителя до IX ранга включительно имелся средний уровень образования. Так, почти 44 % рассмотренных якутских служащих окончили такие учебные заведения, как губернская гимназия, прогимназия, духовная семинария, уездное училище, при этом 17 % не сумели по каким-либо причинам окончить полный курс наук.

Заметим, что больше половины служащих происходили из казачьих, мещанских и чиновничьих семей и окончили средние учебные заведения, непосредственно расположенные в г. Якутске: духовное училище, реальное училище, духовную семинарию, мужскую прогимназию. Примером, иллюстрирующим данный факт, может являться делопроизводитель, надворный советник Евгений Андреевич Кугаевский – сын обер-офицера, окончивший шесть классов Якутской прогимназии (НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 14. Д. 124. Л. 1 об.–8). В 1886 г., в возрасте 16 лет, он поступил на гражданскую службу в Якутское областное управление канцелярским служителем, в 1888 г. назначен помощником контроллера, в 1889 г. – контроллером, затем девять лет служил земским заседателем Олекминского округа, в 1908 г. переведен на должность делопроизводителя в Якутское областное управление. Заметим, что сохранившийся данный формулярный список – это копия 1910 г., выданная надворному советнику Е.А. Кугаевскому для предоставления в Якутское реальное училище для определения на обучение в данное заведение его 10-летнего сына Александра (1900 года рождения) (НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 14. Д. 124. Л. 106.–8).

Анализ формулярных списков служащих Якутского областного управления показал, что прочие чиновники (со средним уровнем образования) учились в г. Иркутске (губернской гимназии и военно-фельдшерской школе), Красноярской учительской семинарии, Оренбургском реальном училище, Казанском училище военного ведомства, Чугуевском пехотном училище, Рязанской прогимназии, Омской гимназии. Таким образом, можно считать, что они были родом именно из этих территорий и являлись переведенными в Якутскую область чиновниками, а гражданские учебные заведения преобладали над учебными заведениями военного профиля.

Если смотреть по хронологическому срезу, то в Якутском областном управлении начальные учебные заведения окончили почти 42% служащих. Разумеется, учебные программы, например, Якутского духовного училища, Иркутского, Касимовского, Витебского уездных училищ, Иркутского и Могилевского городских училищ не отвечали специализации и требованиям государственной службы. Однако можем предположить, что тех универсальных знаний и умений, формируемых в названных учебных заведениях, было достаточно, чтобы занимать должности от канцелярского чиновника до чиновника особых поручений включительно.

Заметим, по 10% служащих Якутского областного управления имели неоконченное начальное и домашнее образование. Среди них, например, журналист Якутского областного управления, канцелярский служитель Федор Алексеевич Аммосов (формулярный список 1914 г.). Он обучался в Якутском духовном училище, но полного курса наук не окончил, происходил из семьи чиновника (сын обер-офицера), для поступления на гражданскую службу им были выдержаны испытания в педагогическом совете Якутского реального училища (НАРС(Я). Ф. И 12. Оп. 11. Д. 14. Л. 6–7).

Важно, что уровень образования чиновников Якутского областного управления за рассмотренный хронологический период отличался от данных по провинциальным служащим, например, Курской губернии (исключая служащих на высших должностях): в начале XX в. среднее образование имели 57,7 % чиновников, высшее – 13,5 %, а число лиц с начальным было всего 12,7 %, кроме того, чиновники с домашним образованием отсутствовали (Карчаева, 2017: 140). Данное обстоятельство можно объяснить наличием в Центральной России большей конкуренции при поступлении на гражданскую службу, лучшим доступом к образованию среди представителей, например, дворянства и горожан, которые в основном и поступали на гражданскую службу в Центральной России.

В свою очередь, сравнивая показатели по Якутской области и Енисейской губернии, можно сказать, что у данной категории чиновников уровень образования был схожим: в Енисейской губернской администрации в 1915 г. с высшим образованием находились на службе 12,5 % чиновников, со средним – 40,6 %, начальным – 37,5 % (Карчаева, 2017: 140). Названные территории имели общие черты в построении системы управления в связи с отдаленностью от центра, климатическими условиями, сословно-социальным составом населения.

5. Заключение

Таким образом, зависимость чиновничества от уровня имевшегося образования сохранялась до 1917 г. Характеристикой развития Якутии в дореволюционный период можно считать наличие более широкого доступа к поступлению на гражданскую службу лиц, окончивших начальные учебные заведения или имевших домашнее образование. Анализ формулярных списков чиновников показал, что в Якутском областном управлении ту или иную должность от канцелярского чиновника до IX ранга включительно можно было занимать независимо от специализации. Выявленная гражданская направленность начальных и средних учебных заведений позволяла реализовываться на государственной службе, при этом учебные программы вряд ли составлялись с учетом понимания

специфики деятельности органов государственной власти. Однако уровень образования влиял на карьеру чиновников, открывая более широкие возможности после обучения в гимназиях, реальных училищах или даже в университетах для лиц податного состояния – крестьян, казаков, мещан.

Литература

- Архипова, 2019** – Архипова А.И. Губернаторский корпус Якутской области как отражение принципов кадровой политики российского правительства (середина XIX – начало XX в.) // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 12. С. 55-66.
- Архипова, 2022** – Архипова А.И. Социокультурный портрет вице-губернаторов Якутской области конца XIX – начала XX в. // *Известия ИГУ. Серия «История»*. 2022. Т. 39. С. 20-27.
- Архипова, 2024a** – Архипова А.И. Ревизионная деятельность генерал-губернаторов Якутской области (в середине XIX – начале XX в.) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2024. Т. 31. № 1. С. 52-58.
- Архипова, 2024b** – Архипова А.И. Коммуникации власти и общества на примере ревизий генерал-губернаторами Якутской области (середина XIX – начало XX в.) // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «История» 2024. Т. 47. С. 22-32.
- Белых, Дмитриев, 2021** – Белых А.А., Дмитриев А.Л. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке // *Экономическая политика*. 2021. Т. 16 (4). С. 144-169.
- Быконя, 1985** – Быконя Г.Ф. Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1985. 300 с.
- Васильев, 2019** – Васильев А.Д. Якутские областные начальники и их ближайшее окружение (первая половина XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2019. Т. 29. С. 65-71.
- Васильев, 2023** – Васильев А.Д. Чиновники особых поручений в системе местного управления Якутской области (вторая четверть XIX в.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2023. Т. 45. С. 16-26.
- Власть в Сибири..., 2005** – Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд. / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. Новосибирск: Сова, 2005.
- Гергилев, 2018** – Гергилев Д.Н. Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 2 (100). С. 41-45.
- Дамешек, Дамешек, 2020** – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Образы сибирских окраин империи как предмет зарубежной историографии XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2020. № 1 (37). С. 84-96.
- Зайончковский, 1978** – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Иванов, 1994** – Иванов В.А. Губернское чиновничество 50 – 60 гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга: Изд-во Калужск. пед инст-та им. К.Э. Циолковского, 1994. 232 с.
- Карчаева, 2017** – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822-1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.
- Матханова, 2022** – Матханова Н.П. Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2022. Т. 41. С. 14-21.
- НАРС(Я)** – Национальный архив Республики Саха (Якутия).
- Плех, 2019** – Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // *Вопросы истории*. 2019. № 11. С. 258-272.
- ПСЗ РИ, 1856** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 31 (1856). № 31237. Ч. 1: Законы.
- ПСЗ РИ, 1874** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 49 (1874). № 54030. Ч. 3: Штаты и табели.
- ПСЗ РИ, 1903** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 23 (1903). № 22662. Ч. 1: Законы.
- Писарькова, 2004** – Писарькова Л.Ф. Чиновник на службе в конце XVIII – середине XIX века // *Отечественные записки*. 2004. № 2. С. 358-370.
- Поскачей, 2005** – Поскачей Т.А. Социальная характеристика рязанского чиновничества в первой половине XIX вв. // *Аспирантский вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина*. 2005. № 6. С. 82-85.
- Приклонский, 1896** – Приклонский В.Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896. 320 с.
- Токмакова, 2009** – Токмакова Ю.Н. "От чистописания к юриспруденции"; проблема образовательного уровня провинциальных чиновников центральной России в первой половине XIX в. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2009. № 37. С. 65-71.
- Третьякова, 2019** – Третьякова Н.В. Вице-губернаторы Якутской области // *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 11. С. 57-62.

- Третьякова, 2021 – Третьякова Н.В. Учреждение должности вице-губернатора в Якутской области // *Эпоха науки*. 2021. № 28. С. 373-376.
- Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 188-197.
- Karchaeva et al., 2022 – Karchaeva T.G., Severyanov M.D., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 403-411.
- Karchaeva et al., 2024 – Karchaeva T.G., Luschaeva G.M., Novosel'tsev N.R., Severyanov M.D. “Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province) // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1407-1415.

References

- Arhipova, 2019 – Arhipova, A.I. (2019). Gubernatorskij korpus Yakutskoj oblasti kak otrazhenie principov kadrovoj politiki rossijskogo pravitel'stva (seredina XIX – nachalo XX v.) [Governor's Corps of the Yakutsk Region as a reflection of the principles of personnel policy of the Russian government (mid-19th – early 20th centuries)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 12: 55-66. [in Russian]
- Arhipova, 2022 – Arhipova, A.I. (2022). Sociokul'turnyj portret vice-gubernatorov Yakutskoj oblasti konca XIX – nachala XX v. [Sociocultural portrait of vice-governors of the Yakutsk region of the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 39: 20-27. [in Russian]
- Arhipova, 2024a – Arhipova, A.I. (2024). Revizionnaya deyatel'nost' general-gubernatorov Yakutskoj oblasti (v seredine XIX – nachale XX v.) [Audit activities of the governors-general of the Yakutsk region (in the middle of the XIX – beginning of XX centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 31(1): 52-58. [in Russian]
- Arhipova, 2024b – Arhipova, A.I. (2024). Kommunikacii vlasti i obschestva na primere revizij general-gubernatorami Yakutskoj oblasti (seredina XIX – nachalo XX v.) [Communications of power and society on the example of audits by the governors-general of the Yakutsk region (mid-19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 47: 22-32. [in Russian]
- Belykh, Dmitriev, 2021 – Belykh, A.A., Dmitriev, A.L. (2021). Obrazovanie i proiskhozhdenie: iz istorii grazhdanskoj sluzhby v Rossii v XIX veke [Education and origin: from the history of civil service in Russia in the 19th century]. *Ekonomicheskaya politika*. 16 (4): 144-169. [in Russian]
- Bykonya, 1985 – Bykonya, G.F. (1985). Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva [Formation of the military bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk. 300 p. [in Russian]
- Dameshek, Dameshek, 2020 – Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2020). Obrazy sibirskikh okrain imperii kak predmet zarubezhnoj istoriografii XX–XXI vv. [Images of the Siberian outskirts of the empire as a subject of foreign historiography of the XX–XXI centuries]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 1 (37): 84-96. [in Russian]
- Gergilev, 2018 – Gergilev, D.N. (2018). Istoricheskie osobennosti administrativnogo upravleniya vostochnoj Sibiri'yu (s 1822 g. do serediny XIX v.) [Historical features of the administrative administration of eastern Siberia (from 1822 to the middle of the XIX century)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (100): 41-45. [in Russian]
- Ivanov, 1994 – Ivanov, V.A. (1994). Gubernskoe chinovnichestvo 50 – 60 gg. XIX v. v Rossii. Istoriko-istochnikovedcheskie ocherki [Provincial bureaucracy 50-60 years XIX century. in Russia. Historical and source studies essays]. Kaluga. 232 p. [in Russian]
- Karchaeva et al., 2019 – Karchaeva, T.G., Gergilev, D.N., Luschaeva, G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. 51(1): 188-197.
- Karchaeva et al., 2022 – Karchaeva, T.G., Severyanov, M.D., Gryaznukhin, A. G., Gryaznukhina, T.V. (2022). “Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 403-411.
- Karchaeva et al., 2024 – Karchaeva, T.G., Luschaeva, G.M., Novosel'tsev, N.R., Severyanov, M.D. (2024). “Zealous Servants” of the State: About Officials and Their Awards in the XIX – early XX centuries (based on the Materials of the Yenisei Province). *Bylye Gody*. 19(3): 1407-1415.
- Karchaeva, 2017 – Karchaeva, T.G. (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [Yenisei provincial administration: number and composition (1822–1917)]. Krasnoyarsk. 252 p. [in Russian]
- Matkhanova, 2022 – Matkhanova, N. P. (2022). Chinovniki osobykh poruchenij v sisteme upravleniya Vostochnoj Sibiri XIX v. [Officials of special assignments in the management system of Eastern Siberia of the XIX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 41: 14-21. [in Russian]
- NARS(YA) – Nacional'nyj arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)].

Pisar'kova, 2004 – *Pisar'kova, L.F.* (2004). Chinovnik na sluzhbe v konce XVIII – seredine XIX veka [An official in the service at the end of the XVIII – mid-XIX century]. *Otechestvennye Zapiski*. 2: 358-370. [in Russian]

Plekh, 2019 – *Plekh, O.A.* (2019). Provincial'noe chinovnichestvo Rossii v pervoj polovine XIX v.: otechestvennaya istoriografiya konca XX – nachala XXI v. [Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the 19th century: domestic historiography of the late XX – early XXI centuries]. *Voprosy istorii*. 11: 258-272. [in Russian]

Poskachej, 2005 – *Poskachej, T.A.* (2005). Social'naya kharakteristika ryazanskogo chinovnichestva v pervoj polovine XIX vv. [Social characteristics of Ryazan bureaucracy in the first half of the XIX centuries]. *Aspirantskij vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 6: 82-85. [in Russian]

Priklonskij, 1896 – *Priklonskij, V.L.* (1896). Letopis' Yakutskogo kraja, sostavlenaya po oficial'nym i istoricheskim dannym [Chronicle of the Yakutsk Territory, compiled according to official and historical data]. Krasnoyarsk. 320 p. [in Russian]

PSZ RI, 1856 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie II. 1856. 31. № 31237.

PSZ RI, 1874 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie II. 1874. 49. № 54030.

PSZ RI, 1903 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1903. Sobranie III. 23. № 22662.

Tret'yakova, 2019 – *Tret'yakova, N.V.* (2017). Vice-gubernatory Yakutskoj oblasti [Vice-governors of the Yakutsk region]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 11: 57-62. [in Russian]

Tret'yakova, 2021 – *Tret'yakova, N.V.* (2021). Uchrezhdenie dolzhnosti vice-gubernatora v Yakutskoj oblasti [Establishment of the post of vice-governor in the Yakutsk region]. *Ehpokha nauki*. 28: 373-376. [in Russian]

Tokmakova, 2009 – *Tokmakova, Y.N.* (2009). "Ot chistopisaniya k yurisprudentsii": problema obrazovatel'nogo urovnya provintsial'nykh chinovnikov Tsentral'noj Rossii v pervoj polovine XIX v. ["From calligraphy to jurisprudence": on the problem of the educational level of provincial officials in Central Russia in the first half of XIX century]. *Magistra Vitae: ehlektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. 37: 65-71. [in Russian]

Vasil'ev, 2019 – *Vasil'ev, A.D.* (2019). Yakutskie oblastnye nachal'niki i ikh blizhajshee okruzhenie (pervaya polovina XIX v.) [Yakutsk regional chiefs and their closest circle (first half of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 29: 65-71. [in Russian]

Vasil'ev, 2023 – *Vasil'ev, A.D.* (2023). Chinovniki osobykh poruchenij v sisteme mestnogo upravleniya Yakutskoj oblasti (vtoraya chetvert' XIX v.) [Officials of special assignments in the local government system of the Yakutsk region (second quarter of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 45: 16-26. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1978 – *Zajonchkovskij, P.A.* (1978). Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M. 288 p. [in Russian]

Уровень образования чиновников Якутского областного управления в конце XIX – начале XX вв.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{a, *}, Галина Михайловна Луцаева ^a, Олег Игоревич Савин ^a, Олег Геннадьевич Алексеев ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотренные в статье данные об уровне образования чиновников Якутской области в конце XIX – начале XX вв. позволяют выявить региональные особенности в построении системы управления на Северо-востоке Российской империи. В объект исследования вошли государственные служащие, находившиеся на должностях в Якутском областном управлении в 1887–1917 гг. Среди них – канцелярские чиновники, помощники столоначальников, столоначальники, помощники делопроизводителей, делопроизводители, секретари, бухгалтеры, экзекуторы, старшие контролеры, чиновники особых поручений, инженеры. Целью исследования стало установление уровня образования «якутских» чиновников на указанных должностях. Историческим источником послужили формулярные списки и личные дела служащих, составленные в указанный хронологический период и находящиеся на хранении в архивном фонде №12 «Якутское областное управление» Национального архива Республики Саха (Якутия). Всего было рассмотрено более

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: me@karchaeva.ru (Т.Г. Карчаева)

30 единиц хранения, в которых выявлены чиновники, занимавшие места от канцелярского служителя до должности IX ранга включительно. При этом нужно заметить, что опубликованные списки чинов по ведомству Министерства внутренних дел и прочие справочные пособия содержат в себе сведения только о чиновниках на высших должностях и до XVIII класса включительно. Тем самым представленная в статье информация является уникальной и ранее нигде не представленной в исторической науке. Проанализированные путем использования математических и статистических методов данные об уровне образования служащих Якутского областного управления в 1887–1917 гг. позволили установить в числовом и процентном отношении доли чиновников, которые находились на службе после окончания высших учебных заведений (4,8 %), средних (43,9 %), начальных (41,5 %) и не имевших аттестат о полученном образовании (9,6 %).

Ключевые слова: чиновничество, государственные служащие, гражданская служба, областные органы власти, учебные заведения, уровень образования, Якутская область, Сибирь, Российская империя.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1864-1876
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1864

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Penetration of Russian and Foreign Capital into Turkestan in the late XIX – early XX centuries and Its Impact on Industrial Production

Nuriddin U. Musayev ^{a,*}, Ravshan B. Siddikov ^a, Abdikamil V. Narbekov ^a, Shermuxammad E. Ernazarov ^a

^aNUUz – National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article is devoted to the process of penetration of large Russian and foreign capital into the economy of Central Asia, where on the example of investments of financial and industrial group in different directions of industries in Central Asia. It is shown how the penetration of financial and industrial groups and branches of commercial banks into Turkestan from the 90s of the XIX century decisively changed the economy of Central Asian states. The creation of communications led to the strengthening of links between economically backward regions of the empire and the economy of the metropolis, pulling them into the all-Russian market, the emergence and development of a number of new industries for the region and even the exit of some of them (primarily related to cotton) outside the market of the empire. At the same time, in Turkestan, the Russian government for a long time deliberately restrained private initiatives in railway construction, preventing private capital from acquiring the qualities of an actor alongside the state. Although the government was committed to the construction of railways in the region at the expense of the treasury, from the 1870s it regularly received applications for the right to build railways on the terms of private concessions. It should be concluded that most of the projects preceded state decisions to build a particular railway line in Turkestan, as in the case of the extension of the Transcaspian railway line from Samarkand to Tashkent and Andijan.

The role of foreign capital in the regional dimension has been studied in depth. At the same time, railway construction in Turkestan had its own specific features, including a special approach of the state to the participation of private capital in the construction of railways in the region, which in the 1890s resulted in a course of actual restraint of private initiative in this area.

Keywords: capital, Turkestan, Russian Empire, Russian-Asian Bank, Nobel Brothers, territory, railway, government, bank, oil, expedition.

1. Введение

Территориальное разделение в XVIII веке Средней Азии на ханства, усиление конфликтов и вражды между ними привело к сокращению торговых связей с соседними странами, а жители погрязли в рутине повседневного быта. В результате снизились темпы развития сельского хозяйства и ремесленного производства. Феодалные распри увеличили спрос на сырье, необходимое для оборонных нужд. Обладая геополитическим расположением, Бухарский эмират экономически и в военном отношении был более могущественным, чем другие узбекские ханства в регионе. Кроме того, на территории Бухарского эмирата находились крупные месторождения золота, что позволяло ему занимать лидирующее положение. В начале XVIII века находившийся в Бухаре русский посол Флорио Беневени в своих посланиях оповещает императора Петра I об изобилии золота и других металлов в пустынных местностях страны, а также о том, что, несмотря на осведомленность местного населения

* Corresponding author

E-mail addresses: musaevnuriddin@gmail.com (N.U. Musayev), ravsidd@mail.ru (R.B. Siddikov), abdikamilnarbekov@gmail.com (A.V. Narbekov), shernazarov61@mail.ru (Sh.E. Ernazarov)

о золоторудных месторождениях, они не уделяют внимания организации промышленной добычи руды. Эту информацию подтвердили также принятый на российскую службу перс Сомонов и известный туркмен Ходжа Нафас. В целях уточнения сведений о возможности добычи золота в крае император Петр I в 1714 году отправляет в Среднюю Азию военную экспедицию А.Б. Черкасского. Однако эта экспедиция не достигла ожидаемых результатов: она была уничтожена хивинским ханом.

2. Материалы и методы

Источниковая база данной тематики достаточно широка. Основные материалы по данной теме собраны в Национальном архиве Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан), первичные материалы о проникновении российского и иностранного капитала в Туркестанский край хранятся в фонде И-1, фонде И-715 («Материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в разных архивах полковником Серебренниковым») и других фондах этого учреждения, в которых имеются сведения об экономическом положении среднеазиатских ханств периода конца XIX века. Особое значение в исследовании данного вопроса имеют мемуары путешественников и военных послов того периода, которые оставили важные сведения о политической, социально-экономической и культурной жизни народов современной Центральной Азии в XIX веке. В исследовании вопросов экономической жизни Туркестанского края конца XIX – начала XX вв. особое значение имеют исторические сведения в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация), в частности, в фондах 398 («Департамент земледелия министерства земледелия»), 404 («Хлопковый комитет при департаменте земледелия»), 23 («Министерство торговли и промышленности»), 595 («Волжско-Камский коммерческий банк»), есть сведения относительно хлопковой политики, объемов торговли и созданных промышленных предприятий.

При написании данной статьи авторы в качестве методологической основы использовали цивилизационный подход. Данный подход позволил осветить процессы экономического развития в представленном регионе. В ходе анализа основных событий авторы использовали несколько методов исторического познания, которые способствовали глубокому изучению данной проблеме и прийти к основополагающим выводам.

Использование историко-сравнительного метода позволило авторам научной статьи проанализировать экономическое положение в Среднеазиатских ханствах до и после проникновения российского капитала в промышленную сферу.

Историко-системный метод – один из основных методов исторического исследования, в котором реализуются принципы системного подхода. Данный метод был направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезис).

Посредством дедуктивного метода была изучена постановка проблемы, был осуществлен сбор информации, сформулированы гипотезы.

3. Обсуждение

Изучение вопросов промышленного развития Туркестанского края в конце XIX – начале XX вв. являлось актуальной проблемой для исследователей дореволюционного, советского и современного периодов. Объективный анализ исследований, посвященных данной научной проблеме, позволил проанализировать научные исследования, посвященные вопросам экономического развития Туркестанского края.

Среди работ, ставших основой историографии изучаемой проблемы, можно выделить научные исследования Н.И. Радзевича, В.В. Заорской и К.К. Александера. В опубликованных исследованиях, которые ограничивались статьями, освещались вопросы хлопкоочистительной и маслобойной промышленности. Критической оценкой данной работы является то, что в них имеются ограниченные сведения о ведущих отраслях промышленности края (Радзевич, 1894). Вместе с тем в представленных работах периода царской власти совмещены методы исторического и социологического исследования. Эти исследования дают представление о пути формирования «промышленного капитализма» в крае, а также раскрывают специфику краевой структуры промышленного производства (Заорская, Александера, 1915).

Богатым информационный потенциал имеют также исследования, выполненные в конце XIX – начале XX вв. В них авторы в большинстве случаев непосредственно участвовали в социально-экономической жизни края (Миддендорф, 1882). Особый интерес также вызывают исследования, где отмечено развитие торговли и ремесла после присоединения Туркестана Россией. В этих работах проанализированы торговые отношения российской империи с присоединенными территориями, отмечены строительство железных дорог и их последующая роль в становлении новой структуры производственно-экономических отношений (Масальский, 1892).

Усиление конфликтов в среднеазиатских ханствах в середине XIX века еще более увеличило спрос на оружие. Наряду с этим для удовлетворения потребностей населения, помимо сельского хозяйства, животноводства и ремесленничества, хан пытался оживить и торговлю. Торговцы вывозили за рубеж качественные ремесленные изделия. Бухарские купцы поставляли в Россию в

основном изделия из хлопка и ткани. Из России завозилась железная и медная руда. Из привозных металлов производились орудия труда и бытовые изделия, чеканились монеты. Хотя в ханствах добывались драгоценные металлы, в том числе золото и серебро, однако они не могли удовлетворить постоянно растущие потребности страны. Потребность страны в драгоценных металлах обеспечивалась за счет минералов, привозимых из Индии, Ирана и Китая. Эта проблема подробно была отражена в трудах О.Д. Чеховича, который анализировал различные аспекты экономического развития Туркестана (Чехович, 1954: 48).

Наиболее интересной, с точки зрения достоверности информации об исторических страницах Туркестана XIX в., представляется миссия Бутенева (август 1841 года). Хотя миссии не удалось установить торговые и дипломатические отношения с бухарским эмиром, она собрала важные географические, этнографические, природные и исторические сведения о хозяйственной жизни страны. Члены миссии провели геологические исследования в Зарафшанской долине и выяснили, что в этом районе имеются залежи железа, меди, угля, свинца, графита, бирюзы, а также золота и серебра. Результаты проведенных исследований были опубликованы в статьях К. Бутенева «О минеральных богатствах Бухары», «Рассуждения о способе закалки стали в Бухаре». Автор подчеркивал, что совершенствованию производства и использованию металлопродукции в стране уделялось мало внимания (Бутенев, 1842: 42-49).

Интересные факты о природных богатствах Туркестана и экономическом развитии края приводит в ряде своих произведений Н.Г. Маллецкий. Ссылаясь на факты и статистические данные, он утверждал, что в Ташкенте быстро развивались ремесленничество и торговля. В середине XIX века в Ташкенте, ставшем «Гамбургом» Средней Азии, сформировались и усовершенствовались прекрасные принципы самоуправления. Ремесленники, фермеры и купцы, объединенные в сильные торговые организации в Ташкенте, выполняли общественные работы по взаимному согласию (Малецкий, 1915: 33).

Таким образом, анализ литературы и научных исследований, посвященных вопросам становления новой структуры промышленного производства в Туркестанском крае, позволил сделать вывод о том, что историография данной научной проблемы представляла собой разные методологические подходы. Вместе с тем полностью не прослежено воздействие промышленного производства на жизнь населения. Слабо освещены вопросы инвестиционной политики, отрывочно показаны меры русского и иностранного капитала по развитию хлопководства.

4. Результаты

Во второй половине XIX века присоединенные Российской империей территории Туркестана стали активно изучаться учеными. Горный инженер Назаров оставил по этому поводу следующие сведения: «...Туркестан чрезвычайно богат полезными ископаемыми, почти никто не может даже представить себе, что в будущем этот край может оказаться на уровне стран с развитой горной промышленностью, как Урал или Бельгия накануне Первой мировой войны. Однако он уже давно является вторым Уралом или Бельгией. В то время, когда горнодобывающая промышленность края развивалась в международных масштабах, Российское государство находилось ещё в зачаточном состоянии, как пишет летописец, когда наши предки ещё не отказались от своих животных повадок» (НА Уз. Ф. 1. Оп. 25. Д. 185. Л. 1). Сохранившиеся здесь остатки древних рудников, а также отработанные шлаки свидетельствуют о том, что жители края занимались горнодобывающей деятельностью с древнейших времен.

После того как территории среднеазиатских государств были присоединены к Российской империи, российские промышленники начали разрабатывать нефтяные месторождения в Ферганской долине. В начале 1868 года в статье 1 «Торгового соглашения», подписанного генерал-губернатором Туркестана К.П. Кауфманом и Худаярханом, было оговорено, что «русским купцам будет предоставлена возможность свободно торговать во всех городах и кишлаках Кокандского ханства...». К.П. Кауфман просил Худаярхана разрешить русским промышленникам и предпринимателям заниматься горнорудным делом на территории ханства. В соответствии с соглашением разрешение давалось при условии, что 1/10 продукции рудников будет поступать в казну. Летом 1868 года купец Федоров получил от хана разрешение на использование нефтяного месторождения Мойбулок (НА Уз. Ф. 1. Оп. 15. Д. 18. Л. 5-9).

В Туркестане для проведения разведочных работ по поиску полезных ископаемых были задействованы ученые-геологи. В 1874 году один из известных ученых, И.В. Мушкетов, начал исследовательскую работу в крае по определенной системе. В 1874-1880 годах он изучил почти все области края и собрал научные сведения. Одновременно с И.В. Мушкетовым исследования проводили Г.Д. Романовский, Барбо-де-Марни, Д.Л. Иванов и др. В 1881 году И.В. Мушкетовым и Г.Д. Романовским была создана первая геологическая карта края (Власова и др., 1979: 31-32).

После создания в 1882 году Российского государственного геологического комитета И.В. Мушкетов был назначен на должность главного геолога Туркестанского генерал-губернаторства.

Больших успехов добились братья Роберт и Альфред Нобель, основавшие в 1871 году в городе Баку предприятия нефтяной промышленности. Они расширили свою предпринимательскую

деятельность и в 1876 году, продолжив бурение нефти на острове Челекен, расположенном в восточной части Каспийского моря, распорядились выкопать четыре неглубоких колодца по 40 сажень (1 сажень – 152 или 176 см.), где были обнаружены залежи нефти. Нефть из этих скважин добывалась почти 20 лет. Спустя 20 лет стали буриться скважины бакинского типа диаметром 18 дюймов (1 дюйм – 2,54 см.).

Вслед за братьями Нобелями промышленник С. Палашковский в 1882 году распорядился выкопать 14 колодцев в разных местах острова Челекен. В течение 12-ти лет он потратил 600 тыс. рублей на раскопки и был вынужден прекратить поиски в 1893 году после того, как ему не удалось найти нефтяное месторождение (Рожественский, 1909: 27). Чтобы покрыть часть затрат, С. Палашковский первым наладил добычу озокерита (горного воска) на острове Челекен, однако доходы от нее не покрыли его расходов.

Поиски С. Палашковским нефти в районах расположения туркменских селений Закаспийской области закончились безуспешно. К этим территориям относился также остров Челекен, на котором имелись маловодные источники и располагались туркменские села. Свободные территории по распоряжению военного губернатора области генерала А.А. Куропаткина были переданы в распоряжение государства. Несмотря на неудачи, «Товарищество братьев Нобель» продолжило исследование острова и продлило срок аренды до 1890 года. Они увеличили количество колодцев. Усилия по достижению цели дали свои результаты. В 1903-1905 гг. в трех скважинах на острове стала добываться нефть. В 1904 и 1905 гг. на первом участке было получено 360 пудов нефти, на втором – 240 пудов, на третьем участке (нефть била прямо из труб) – от 2 500 до 5 120 пудов нефти. Но к 1906 году из-за снижения цен на мировом рынке добыча нефти из скважин стала снижаться. За три недели на месторождениях было добыто 141,2 пудов нефти (НА Уз. Ф. 1. Оп. 13. Д. 617. Л. 53). Однако из-за высоких затрат на добычу нефти на месторождениях Челекена товарищество не выдержало конкуренции на внутреннем рынке страны.

Общество нефтяной промышленности Центрального Челекена в целях сохранения производственных предприятий обратилось к государству с просьбой передать в частную собственность на острове еще 225 десятин (1 десятина – 1,09 гектара) земель. Государство принимает постановление о передаче запрошенного обществом земельного участка в частную собственность. Хотя общество нефтяной промышленности Челекена получило необходимый земельный участок, работа в сфере добычи шла неудачно. В 1907 году одна из старых, заброшенных скважин компании «Братьев Нобель» была повторно пробурена на глубину до 77 сажень (НА Уз. Ф. 1. Оп. 17. Д. 838. Л. 6). Буровые работы завершились успешно. Из нее пробился нефтяной фонтан. После этого интерес к месторождению Челекен вновь возобновился. Остров снова стал привлекать к себе нефтепромышленников.

Хотя нефтяная промышленность Туркестана имела благоприятные возможности, она развивалась медленнее, чем другие промышленные центры. Причиной тому, помимо снижения нефтедобывающей мощности скважин, нехватки квалифицированной рабочей силы и отсутствия необходимого технического оборудования, явилось то, что товарищество «Братьев Нобель», учредив акционерное общество «Дагестан-Челекен», препятствовало работе других нефтяных компаний. В результате товарищество получает большую прибыль от продажи бакинской нефти через компанию «Чимен».

Товарищество «Братьев Нобель» в целях превращения нефтяных месторождений Туркестана в свою монополию построила нефтеперерабатывающий завод. От нефтяного месторождения «Чимен» к станции был проведен трубопровод. Завоз в этот край по железной дороге сырья, а не готовой продукции, и его переработка принесли компании «Братьев Нобель» большую прибыль. Чтобы укрепить свои позиции в Туркестане, эта компания продавала нефтепродукты на рынках края по относительно низкой цене. По данным одного из представителей химической промышленности Российской империи В.Н. Оглобина, весной 1913 года один пуд бакинской нефти продавался в Москве по цене в 50-53 копейки, а в Туркестане – за 45 копеек (Оглобин, 1914: 29).

Позднее рудники «Чимена» при посредничестве товарищества «Братьев Нобель» стали переходить в руки иностранных промышленников, не имевших права приобретать недвижимость в Туркестане. Помимо компании Нобеля, в туркестанскую нефть стали вносить инвестиции немецкий финансовый капитал, Русско-Азиатский банк, обслуживавший интересы французского капитала, а с 1909 года – и английский капитал. По сведениям С.П. Конопки, «предприятия нефтяной промышленности Майлисай в Наманганском уезде, принадлежавшие князю Хилкову и добывшие в 1909 году 40 тысяч пудов нефти, имеют блестящее будущее. В 1909 году эти предприятия были переданы наследницей Хилкова А.О. Валуевой английской акционерной компании под названием «Ферганское нефтяное общество с ограниченной ответственностью» (Конопка, 1912: 28).

На расширение Майлисайского нефтяного предприятия и увеличение добычи нефти общество выделило 2,5 млн рублей. Для этого в Лондоне были выпущены акции на сумму 8 млн рублей. «Однако, – пишет В.Н. Оглобин, – до 1913 года концессия не получила ни одного пуда нефти» (Оглобин, 1914: 31). После начала Первой мировой войны усиливается влияние английского капитала на туркестанскую нефть. Причиной этому стало то, что компания Нобеля разорвала связи с немецким банковским капиталом, который обеспечивал ее финансами, а также, что «французская банковская

группа через Русско-Азиатский банк добивалась значительных результатов на пути полной монополии российской нефти» (Ванаг, 1925: 134).

Освоение месторождений крупными компаниями или передача их на баланс не привели к существенным изменениям в эффективности добычи нефти. Конкуренция, продолжавшаяся между крупными фирмами, усилила в них кризисные процессы. Например, братья Нобель, купившие акции товарищества «Чимен», намереваясь установить монополию на туркестанском нефтяном рынке, не стали повышать эффективность ее производства. В результате 1915 год компания закончила с убытком в 1 520 тысяч рублей (их основной капитал составлял 2,5 млн рублей). Этот процесс продолжался и в последующие годы. По состоянию на 1 января 1917 года товарищество завершило хозяйственный год с убытком в 1 671 тысячу рублей (Вяткин, 1962: 79). Общество вошло в состояние кризиса.

На низкие темпы развития нефтяной промышленности Туркестана серьезно повлияло отсутствие спроса по сравнению с предложением. Построенные в регионе заводы и фабрики, а также железнодорожный транспорт, в основном использовали уголь и древесину. Местное население также покупало нефтяную продукцию в небольших количествах. Продажа туркестанской нефти в другие регионы Российской империи повышала на нее цену и не приносила прибыли.

Несмотря на то что во второй половине XIX века Российская империя стала все больше отставать от европейских стран в сфере производства, ускорился процесс проникновения в страну иностранного капитала. В результате в России усилилось сотрудничество банковского и промышленного капитала и возник финансовый капитал. Финансовый капитал тратил большие средства на захват новых рынков и овладение источниками сырья в колониях. Туркестанский край с его природными богатствами, дешевой рабочей силой и «непритязательным» рынком вызывал интерес у российского и зарубежного торгово-промышленного капитала. Советский историк М. Покровский, изучавший эту тему, подчеркивает следующее: «Нет никакого сомнения, что Средняя Азия, как и Кавказ, была завоевана в торговых и капиталистических целях» (Покровский, 1925: 120).

После завоевания Туркестанского края Российской империей резко сократился поток импортных товаров из зарубежных стран, этот рынок был закрыт для товаров из Великобритании. Началась эпоха монополии российской промышленной продукции. Русские купцы через Ташкент расширяли торговые связи с другими регионами края. Ташкентские купцы вместе с изделиями местных ремесленников продавали в другие области товары из России. Например, согласно сведениям 1874 года, караваны доставили в течение года всего текстильной продукции//тканей на 1 576 151 рублей, кожаных изделий – на 227 655 рублей, причем товар из Ташкента был доставлен в Оренбург караваном из 5 996 верблюдов, в Петропавловск – из 1 492 верблюдов, в Сырдарьинскую область – из 7 718 верблюдов, в Егтисув – из 1 950 верблюдов, в Бухару – из 143 верблюдов, в Кашгар – из 87 верблюдов, в то же время в Ташкент из Коканда были привезены товары на сумму 1 472 175 рублей, из Бухары – на сумму 186 827 рублей, из Кашгара – на сумму 29 524 рубля (Бойтуллаев, 1998: 75).

Усилился интерес европейских предпринимателей к туркестанским товарам. При посредничестве русских купцов туркестанские товары вывозились на европейские рынки. Впоследствии они сами выйдут на рынки Туркестана. Переселившиеся и обосновавшиеся в России в 50-х и 60-х годах XIX века немецкие промышленники, братья Вогауль, барон Кноп, француз Гурде и другие, получали на торговых отношениях большую прибыль. Прибывший в этот край в 1868 году немецкий предприниматель Г.Ф. Шота наладил производство колбас в Ташкенте. Впоследствии он также занимался горнорудным делом (НА Уз. Ф. 1. Оп. 17. Д. 11270. Л. 9).

Поскольку развитие торговли и промышленности в Туркестане требовало вложения больших денежных средств, российская промышленная буржуазия нуждалась в банковском капитале. 23 декабря 1874 года царь Александр II дал разрешение на открытие филиала государственного банка в Ташкенте. 10 мая 1875 года отделение банка начало свою работу (Гиндин, 1960: 29). Позже филиалы Государственного банка были открыты в городах Самарканд, Коканд, Бухара и Ашхабад. Несмотря на расширение банковских отделений, потребность в капитале купцов и промышленников не обеспечивалась в полной мере. Поэтому в стране стали создаваться частные коммерческие банки. При участии российских банков были созданы товарищества в хлопковой отрасли и первые монополии. В основном они занимались торговлей хлопком и определением цен на сырье. Позже были созданы синдикаты для покупки семян хлопчатника и установления цен на них. Таким образом, в крае сформировались финансовые олигархии (Ураков и др., 2024: 755-756).

После того как работы по строительству железной дороги были доведены до Самарканда, строительство ветки Самарканд – Андижан (вместе с ташкентской сетью) было временно приостановлено из-за финансовых трудностей. Однако Туркестанское генерал-губернаторство, представители местной буржуазии, а также русские и иностранные предприниматели потребовали довести строительство железной дороги до Ташкента и представили проекты. Но все предложенные проекты были отклонены. Принимая во внимание значение железнодорожной сети, императорское правительство решило построить дорогу за счет государственной казны, и строительные работы были поручены Министерству связи. 21 сентября 1895 года было дано официальное указание на строительство Самаркандско-Андижанской железной дороги (с Ташкентской веткой). Увеличилось

количество дорожных строителей. Летом 1896 года на Самаркандском участке строительства работало около 20 тысяч человек (НА Уз. Ф. 1. Оп. 13. Д. 5. Л. 167).

Строительство в Туркестане среднеазиатской железной дороги, затем ветки Ташкент – Оренбург и Термез – Каган и других железнодорожных веток в 1912-1915 гг. указывают на процесс усиления проникновения крупного капитала. Об уровне влияния железной дороги на экономическую жизнь края можно судить из отчета по Ферганской области. В нем отмечалось: «если за последние 15 лет в Ферганской области под влиянием строительства Самаркандско-Андижанской железной дороги было получено 1,8 миллиона пудов чистого хлопкового волокна, то к 1900 году этот показатель достиг цифры в 3896 тысяч пудов, а в 1906 году (после завершения строительства железной дороги Ташкент-Оренбург) – 6 762 тысячи пудов» (НА Уз. Ф. 1. Оп. 33. Д. 19. Л. 3).

Первые фирмы, занимавшиеся закупкой туркестанского хлопка, принадлежали текстильной промышленности метрополии. Они были образованы на базе таких компаний, как «Большая Ярославская мануфактура», «С. Морозов», «Н. Кудрин и К.» и др. (Федоров, 1898: 163). В зависимости от участия в торговле хлопком компании можно разделить на следующие три группы: 1) фирмы, поставившие волокно в европейскую часть России («Российская инвестиционная казначейская компания», «Товарищество «Кавказ и Меркурий»); 2) товарищества частных хлопковых заводов («Товарищество братьев Каменских»); 3) фирмы, владевшие хлопковыми полями, хлопкоочистительными фабриками и осуществлявшие различную сопутствующую деятельность («Большая Ярославская мануфактура», фирма Мейеркорга, фирма «Н. Кудрин и К.» и др.) (Мусаев, 1995: 91).

В Туркестане имелись благоприятные условия для развития промышленного производства. Во-первых, не было необходимости транспортировать сырье на большие расстояния; во-вторых, наличие дешевой рабочей силы; в-третьих, существование рынков, у которых была потребность в больших объемах импортных товаров. Поэтому метрополия старалась развивать капиталистическое производство в стране в соответствии со своими интересами.

Стоит также отметить, что российские промышленники, использовавшие имеющиеся в стране возможности в целях грабежа, за короткий период времени накопили большой капитал. Русская торгово-промышленная буржуазия заменила господствовавшие в Туркестане на протяжении веков феодальные отношения на капиталистическое производство. В конце XIX века ведущие отрасли народного хозяйства края (в первую очередь, хлопководство) были монополизированы, и за короткий период времени появились товарищества «Алексеев», «Андреев», «Братья Вадряевы», «Большая Ярославская мануфактура» и другие предприятия, специализировавшиеся на хлопкоочистительной промышленности (Материалы к характеристике..., 1911: 329).

Среди созданных в Туркестане фирм и компаний «Большая Ярославская мануфактура» лидировала по положению на хлопковом рынке и объему инвестиций. С 1881 по 1884 гг. товарищество закупало урожай местного хлопка под названием «гуза». Затем, с началом выращивания плодородного сорта американского хлопка «Упланд», спрос на туркестанский хлопок резко возрос. В 1884 году товарищество закупило в Ташкенте и Коканде около 40 тысяч пудов хлопка и 100 тысяч пудов – в Бухарском эмирате. К 1888 году товарищество закупило на рынках края для своей частной фабрики 450 тысяч пудов, а в 1889 году – до 590 тысяч пудов очищенного хлопка (Юлдашев, 1969: 106). В конце XIX века товарищество владело 450 гектарами земли в Сырдарьинской области и наряду с выращиванием хлопка занималось еще и продажей тканей.

Построенные в крае крупные фабрики являлись собственностью компаний, торговавших хлопком и, по словам А.П. Демидова, они были «в основном построены с целью быстрее очистить хлопок и продать его на рынке» (Демидов, 1926: 248). Строительство заводов в регионе указывает на то, что торговый капитал стал перерастать в промышленный. Привлечение банковского капитала в хлопковую/хлопкоочистительную промышленность Туркестана централизовало производство. В результате появились хлопкоочистительные заводы таких фирм и компаний, как кооператив Алексея в Андижане, «Братья Вадряевы» в Коканде, «Мануфактура Большого Ярославля» и целого ряда других. В 1917 году, накануне Октябрьской революции, в отраслях перерабатывающей промышленности края работало около 20 тысяч рабочих (Демидов, 1922: 156).

Для защиты русской буржуазии, которой было трудно конкурировать с крупными иностранными предпринимателями, после строительства Среднеазиатской железной дороги правительство ввело в «Положение об управлении Туркестанским краем» специальные статьи (207 и 262). Согласно Положению иностранным гражданам запрещалось владеть недвижимостью в крае. Однако это не могло предотвратить приток иностранного капитала в этот край. Они нашли способ обходить запрещающие статьи. Они получали российское гражданство и могли покупать недвижимость. Таким образом иностранный капитал продолжал вкладывать средства в промышленное производство Туркестана. В 1883 году Г.В. Дюршмидт, приехавший в Туркестан в качестве представителя иностранных инвесторов, занялся скупкой дешевых кишок скота, а затем построил в Самарканде кишечный завод. С 1888 года товарищество вело свою деятельность в областях Туркестана и Бухарском эмирате. Товарищество Г.В. Дюршмидта расширило свою

деятельность, занявшись закупкой каракуля, хлопка и другого сырья, доведя торговый оборот до 1 млн рублей (На рубеже, 1909).

Немецкий предприниматель Луи Зальм, бизнесмен, начавший свою деятельность в Туркестане в 1890 году, арендовал жилые дома, склады и заводы по производству кишок в Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях. На аренду недвижимости он расходовал 150 тысяч рублей (НА Уз. Ф. 1. Оп. 17. Д. 867. Л. 9; Оп. 12. Д. 179. Л. 29). Луи Зальм стал крупным производителем кишок. Конкуренция между Дюршмидтом и Зальмом за владение заводами по производству субпродуктов животного происхождения длилась почти три года и завершилась образованием «Товарищества Дюршмидт-Зальм». Накануне Первой мировой войны «Товарищество Дюршмидт-Зальм» стало монополистом, владевшим 15-ю из 19-ти зарегистрированных в крае заводов по очистке внутренностей животных, вытеснив с рынка конкурентов в этой области производства (Вексельман, 1961: 32). Продавая субпродукты на рынках Западной Европы и США, товарищество зарабатывало более ста тысяч рублей.

Иностранные инвесторы проникали в край также и с помощью российских банков. Основную часть средств российских банков составлял иностранный капитал. Например, 40 % акций «Российского внешнеторгового банка» принадлежало немецким инвесторам, 8 млн рублей акций капитала банка «Азов-Дон» принадлежало немецким банкам, 10 млн. рублей – французским и 4 млн рублей – другим иностранным банкам. Иностранный капитал составлял 40 % от общего капитала банка, 36,7 % – капитала «Русско-Азиатского банка», 79 % – «Объединенного банка», 59 % – «Российского торгово-промышленного банка», 40 % – «Банка Сибири» принадлежали иностранным, преимущественно французским, инвесторам. Большинство этих банков открыли филиалы в Туркестане. В 1910 году в крае действовало 47 отделений 15-ти коммерческих банков России (Заорская, 1915: 14).

«Русско-Азиатский банк» вел торговлю хлопком и зерном в Туркестане через свои отделения («Торговый дом братьев Вадьяевых», «Торговый дом Ю. Давыдова», «Торговый дом Потеляхова» и другие). На 5 октября 1910 года ссуда «Торгового дома братьев Вадьяевых» от банка составляла 4,7 млн рублей, а «Торгового дома Ю. Давыдова» – 1,7 млн рублей (Вексельман, 1961: 31-36). Торговля хлопком приносила большую прибыль для банка. Увеличение прибыли зависело от фирм, торгующих хлопком. Учитывая такое положение, руководство банка создало фирмы, специализировавшиеся на торговле хлопком. К примеру, 31 августа 1911 года «Торговый дом Л. Кнопа» выкупил 1 800 из 2 000 чеков товарищества «Андреев» за 2 655 000 рублей, и банк взял под свой контроль деятельность товарищества.

Учитывая экономический потенциал края, иностранные инвесторы в сотрудничестве с российским капиталом создавали совместные банки. Одним из них был французский коммерческий банк, созданный в 1903 году в сотрудничестве с Московским промышленным капиталом, который в основном торговал хлопком и мануфактурной продукцией. Совместный банк учредил в Туркестане частную торговую компанию, которая обеспечивала финансами хлопковые товарищества. Однако имперское правительство старалось удержать в своих руках торговлю и промышленное производство Средней Азии, различными путями препятствовало вхождению в край иностранного капитала. Предложения многих предпринимателей о дальнейшем развитии промышленности в Туркестане были не приняты («Материалы для...», 1917: 57-58).

Московский учетный банк и Московские купеческие банки, входившие в совместную банковскую группу и защищавшие интересы московского промышленного капитала, в 1905-1908 гг. открыли филиалы в Туркестане. В отличие от совместных банков, они опирались только на российский капитал. Московский Учетный банк, которым руководил барон А. Кноп, также финансировал текстильные предприятия (Цвибак, 1925: 47). Банк поставлял хлопковое сырье текстильной промышленности Центральных районов через 8 хлопкоочистительных заводов в Туркестане. Также он сотрудничал с товариществом «Большая Ярославская мануфактура». Московский учетный банк входит в состав товарищества «Бешбош» и вмешивается в дела масложировой промышленности края.

Банки, предоставляя финансы покупателям хлопка, вносили свой вклад в оборотный капитал фирм и способствовали развитию хлопкоочистительной промышленности. Доказательством является деятельность «Андреевского торгово-промышленного товарищества», которое было основано в 1905 году немецкими предпринимателями А.И. Зигелем, К.Ф. Рейнегагеном, баронами А.Н Кнопом и Ф.Н. Кнопом, Р.Р. Ферстером, Р.И. Провеларом и впоследствии работало под контролем «Русско-Азиатского банка». Кроме торговли хлопком, товарищество занималось производством и продажей масла и мыла. Оно захватило нефтяные месторождения. Оборотный капитал этого товарищества в 1911 году достиг 15-16 млн рублей (НА Уз. Ф. 1. Оп. 17. Д. 996. Л. 5).

На состоявшемся в Петербурге 22 июня 1915 года собрании акционерного общества московские капиталисты были исключены из общества «Санто», находившегося под влиянием петербургских капиталистов. Акции общества перешли в руки петербургских капиталистов (в основном «Русско-Азиатскому банку»). Хотя банк приобрел 1 000 акций, его влияние было большим. Например, общество «Санто» требует выплатить своим акционерам доход по акциям в размере 120 000 рублей за счет 1915 года. «Русско-Азиатский банк» получил прибыль в размере 78 000 тысяч рублей,

поступивших от 13 000 акций (Вяткин, 1962: 97). Посредством купленных им акций банк стал владельцем принадлежавших обществу рудников. В качестве инвестора нефтяных предприятий «Чимен» и «Челекен», принадлежавших товариществу братьев Нобель, он подчинил их своему влиянию. Активная политика банка сделала его одним из основных партнеров треста «Ойл».

Продолжавшаяся жесткая конкуренция между монополиями оказала большое влияние на экономическую жизнь края. То, что большинство текстильных предприятий центральных районов России работало на туркестанском хлопке, усилило их внимание к развитию хлопководства. В результате объем завозимого из края хлопка стал увеличиваться. Например, в 1890 году из Туркестана было ввезено 4 960 пудов хлопка (в том числе 3 896 пудов из Ферганской области), а в 1906 году эта цифра составила 9 013 тыс. пудов (в том числе 6 702 102 пуда из Ферганской долины) и 15 478 173 пуда в 1915 году (в том числе 8 931 234 пуда из Ферганской долины) (Кокандский биржевой..., 1917: 216). Общий объем ввезенного в 1880-1917 гг. хлопка составил 225,9 млн пудов (Ахмаджанова, 1969: 73). Несмотря на расширение хлопковых полей в крае и увеличение продажи хлопка, серьезные изменения в материальной жизни населения не наблюдались. Приток банковского капитала не улучшил положения дехкан. Российские банки давали кредиты только крупным фирмам Туркестана. Фирмы выдавали кредиты дехканским хозяйствам на ростовщических условиях (из расчета 60-80 %).

Конкуренция на хлопковом рынке отразилась на деятельности монополистических объединений и банков. Например, в 1914 году 5 крупных фирм, «Вл. Алексеев», «Братья Шлоссберги», «Московский торгово-промышленный кооператив», «Перс» и «Мануфактура Большого Ярославля», учредили акционерное общество «Бешбош» («Пять голов»). В это же время такие зарубежные кооперативы, как «Ступень и К.», «Якоби и Зорганин», боролись за управление в хлопкоочистительной и маслопроизводящей промышленности. Согласно сведениям А.Р. Демидова, в этой борьбе победу одержало акционерное общество «Бешбош» (Демидов, 1926: 248).

С 1888 года торговый дом «Братья Шлоссберги» стал крупным скупщиком хлопка. Он имел представительства в Самарканде, Коканде и Бухаре, через которые хлопок закупался в Андижане, Намангане, Коканде, Куве, Асаке, Самарканде, Каттакургане, Бухаре, Термезе, Каракуле и других городах. Если в 1889 году торговый дом купил 200 000 пудов хлопка, то в 1894 году – 443 750 пудов и в 1897 году – 1 395 750 пудов. Торговый дом осуществлял очистку и складывание в тюки закупленного хлопка на 12-ти арендованных предприятиях (НА Уз. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2517. Л. 2-3). Хотя в 1915 году торговый дом входил в состав монополистического объединения «Бешбош», он непрерывно расширял свою деятельность и к концу 1917 года продавал текстильным предприятиям Москвы ежегодно несколько тысяч пудов хлопка.

В развитии торговли хлопком и хлопкоочистительной промышленности в Туркестане особое место занимает торговый дом «Л. Кноп». Его основатель, немецкий барон Лев Герасимович Кноп, приняв российское подданство, в 1841 году переезжает в Москву. С 1852 года торговый дом занимался торговлей хлопком, тканями, производством сахара, позднее – банковским делом и промышленным производством. В 90-е годы XIX века, занимаясь торговлей хлопком в Туркестане, он не только открывал конторы в Намангане и Андижане, но и заключал прямые контракты с торговыми фирмами и хлопкоробами. Торговый дом купил два хлопкоочистительных завода в Кокандском уезде, где можно было очищать 355 000 пудов хлопка (НА Уз. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1163. Л. 70-71). Приобретение предприятий расширило сферу деятельности в торговле хлопком.

В начале XX века торговый дом выкупил большую часть акций ряда банков. Его члены работали в качестве управляющих и председателей банков. Например, Ф.Л. Кноп являлся членом правления Российско-Китайского банка и председателем Московского торгового банка; А.Л. Кноп занимал должность председателя Московского Учетного банка. С помощью банков торговый дом учредил акционерные торгово-промышленные общества. Например, в 1905 году торговый дом стал одним из учредителей торгово-промышленной компании «Андреев», основным капитал которой составлял 750 000 рублей. Капитал новой компании в 1906 году составлял 2 млн рублей. В 1907 году в сотрудничестве с Московским купеческим банком торговый дом начал заниматься торговлей хлопком. В Туркестане торговый дом предоставлял средства фирмам (Потеляховы, Вадьяевы, А. Симхаев и др.), имевшим хлопковые заводы.

В марте 1916 года торговый дом объединил подконтрольные ему предприятия и создал торгово-промышленное товарищество «Волокно». Директора товарищества Ф.Л. Кноп, А.Л. Кноп и А.Ф. Кноп сохранили контроль в своих руках. За счет собственных средств в 3,3 млн рублей товарищество продало продукции (в основном хлопка) на 80 млн руб. (Вексельман, 1987: 37). Одним словом, торговый дом «Л. Кноп» (позже фирма «Волокно») внес достойный вклад в развитие не только хлопководства, но и хлопкоочистительной промышленности края.

Наряду с хлопкоочистительной промышленностью в Ферганской области развивалось производство масла. С 1900 года в области один за другим запускаются в производство маслозаводы. Например, в 1900, 1902 и 1907 годах на средства промышленника А.М. Соловьева были построены и введены в эксплуатацию 3 крупных предприятия в городах Чуст, Наманган и Андижан (НА Уз. Ф. 837.

Оп. 32. Д. 18. Л. 2). Позже они были объединены с хлопкоочистительным заводом в городе Яркент, и в 1909 году была основана торгово-промышленная компания Туркестана (Ульмасов, 1960: 16).

Как и в хлопкоочистительной промышленности, проникший в промышленность по производству масла банковский капитал ускорил процесс ее монополизации. С 1910 года банки усиливают внимание к торговле хлопковым маслом. Только в Ферганской области работали 13 маслозаводов с выжимным гидравлическим прессом. На них было произведено 1,35 млн пудов рафинированного масла, 3 млн пудов жмыха, 4,5 млн пудов шелухи и 135 000 пудов линтового хлопка (НА Уз. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8437. Л. 118). В 1910 году Русско-Азиатский банк, приняв во внимание доходность сектора, заключил посреднический договор с торговыми домами «Братья Вадьяевы» и «Потеляхов», которые владели маслозаводами.

В 1911 году Русско-Азиатский банк расширил виды своей деятельности, купив большую часть акций компании Андреева, имевшей два маслозавода, и получил право на продажу семян, масла и другой продукции. Для сохранения своего господствующего положения в сфере промышленности по производству масла в ноябре 1911 года банк создал синдикат по закупке хлопковых семян. Хлопковый комитет при Московской бирже пришел к выводу о том, что товарищество «Андреев» является «синдикатом по покупке семян хлопчатника и продаже масла» (Улмасов, 1960: 16). В состав синдиката входили 3 местные фирмы: товарищество «К. Соловьев и К.», «Наманганское торгово-промышленное товарищество» и «Андреев».

Синдикат начал свою деятельность с захвата маслозаводов фирм и 6/7 части производства масла. Последующие усилия синдикат сосредоточил на получении права устанавливать рыночную цену на хлопковые семена. Фирмы теперь устанавливали цену на покупку и продажу хлопковых семян, исходя из своих возможностей. Такая ситуация увеличивала возможности фирм покупать семена на рынке хлопка, ограничивала деятельность фабрикантов, посредников и других, пытавшихся купить хлопковые семена самостоятельно. Третьим шагом монополизации производства масла стал полный контроль над установлением цен на хлопковые семена на рынке. Особенностью этой работы, которая осуществлялась по договоренности, является то, что она имела скрытый смысл (РГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 18. Л. 6; Д. 20. Л. 7). Такая ситуация привела к переходу производства масла в ведение 20 маслозаводов, связанных главным образом с коммерческими банками и крупными торговыми фирмами.

Хотя процесс монополизации производства масла в крае был достаточно обширным, процесс регулирования закупок семян хлопчатника еще не был завершен. Например, объединившиеся в синдикат маслопроизводители объявили, что будут покупать один пуд семян хлопчатника по 2 рубля 40 копеек. Наманганский завод «Ширкат», не входивший в синдикат, один пуд семян хлопчатника продавал по 3 рубля 60 копеек, то есть на 30 % дороже. Такое положение заставило всех производителей покупать семена хлопчатника у ростовщиков по 3 рубля 60 копеек (РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 446. Л. 13). Подобное самоуправство завода «Ширкат» было не единственным случаем в крае. Однако это касалось только 1/4 купленных семян. Оставшиеся 3/4 часть торговли семенами хлопчатника была решена в пользу заводов.

Участовавший в синдикате через компанию Андреева и свое отделение в Намангане «Русско-Азиатский Банк» не смог оживить дело. В результате деятельность синдиката продолжалась всего один год (до осени 1912 года), то есть до тех пор, пока от него не отделилось товарищество «К. Соловьев и К.». Причина распада синдиката заключается в том, что товарищество «К. Соловьев и К.», интересы которого противоречили банку, самостоятельно закупало семена хлопчатника на рынках края.

В развитии торговли хлопком и хлопкоперерабатывающей промышленности в Туркестане большое место занимали также фирмы, принадлежавшие местным предпринимателям. В 1897 году 56 из 85 заводов Ферганской области принадлежали местной буржуазии, а к 1911 году они уже владели 109 из 157 заводов (Вексельман, 1969: 65). Среди фирм, принадлежавших местным промышленникам, одной из крупнейших была фирма «Братья Вадьяевы», оборот которой в 1902 году составлял 70 000 рублей. Эта фирма ежегодно закупала в среднем 8,5 млн пудов хлопка и, переработав его, получала до 2,5 млн пудов волокна. Торговый дом, работая непосредственно с дехканами, выращивавшими хлопок, каждый год дехканам и хлопкоочистительным заводам выдавал кредит в размере 6-8 млн рублей. Торговому дому принадлежали 9 хлопкоочистительных, маслостручных и мыловаренных заводов, десятки зданий и большое хлопковое поле в Андижане. Его недвижимое имущество оценивалось более чем в 4 млн рублей.

До 1912 года торговый дом пользовался кредитом, выданным Кокандским отделением государственного банка в размере 250 тыс. рублей. В 1912 году в московском управлении государственного банка был открыт долговой документ на 1 млн рублей. «Русско-Азиатский банк», выделявший торговому дому Вадьяевых, по сравнению с другими банками, больше всех кредитов, впоследствии становится организатором «Торгово-промышленного товарищества Вадьяевых». Капитал товарищества составлял 3 млн рублей (Вяткин, 1962: 59). Данное предприятие установило прочные связи с крупной фирмой «Андреевское товарищество», которая занималась производством масла.

С целью установить единоличный контроль над хлопкоочистительной и масложировой промышленностью Туркестана в 1914 году 5 крупных фирм («Вл. Алексеев», «Братья Шлоссберги», «Московская торгово-промышленная компания», «Перс», «Большая Ярославская мануфактура») учредили акционерное общество «Бешбош». На момент образования общества под его контролем находились 39 хлопкоочистительных предприятий и 5 предприятий по производству хлопкового масла. Акции компании «Бешбош» были распределены следующим образом: 14/60 из них принадлежали «Торговому дому братьев Шлоссберг», 12/60 – «Московской торгово-промышленной компании», 11/60 – «Большой Ярославской мануфактуре», 9/60 – «Персидско-Среднеазиатской торгово-промышленной компании» (Сафаров 1920: 3).

Иностранные компании также расширяли свою экономическую деятельность в крае. Например, за доминирование в промышленности по обработке шерсти соперничали 5 крупных товариществ: «Русская шерсть», «Братья Асьевы», «Ступень и К.», «Якоби и Зорганин», «Эль Триллинг и сыновья». Основными пайщиками товариществ «Ступень и К.», «Якоби и Зорганин» были английский, американский, немецкий и бельгийский капиталы. Они вели активную деятельность на внутреннем, российском и мировом рынках.

Торгово-ростовщическая прослойка собственников, первоначально имевшая лидирующие позиции в закупках туркестанского хлопка, постепенно была вынуждена уступить место банковскому и промышленному капиталу. Однако некоторые исследователи, поверхностно изучавшие экономическую жизнь страны, не признавали господствующее положение банковского и промышленного капитала. Например, исследователь Г. Сафаров пришел к выводу о том, что капиталистические преобразования в Туркестане были крайне ограничены, буржуазный колониализм «смог насильственно перевести местное население от феодально-патриархального образа жизни только на уровень торгового капитализма».

Исследователь в основном изучал торгово-ростовщические отношения. Он не принял во внимание капиталистических рыночных отношений, которые начали формироваться в крае. Еще одна ошибка в теоретических выводах Г. Сафарова заключалась в том, что он считал, что любой капитализм, исходя из своих интересов, «препятствует» широкому пути исторического развития колониальных народов и не может внести принципиальных изменений в их метод «производства». Однако история показала, что владевшие колониями капиталистические страны не могут развиваться отдельно от захваченных ими территорий. Капитализм разрушает систему натурального хозяйства колониальных народов, развивает рыночные отношения и связывает их с мировым рынком.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что, несмотря на то что интерес к экономической и военной жизни среднеазиатских ханств вырос в годы правления Петра I, ее ассимиляция усилилась лишь с середины XIX века. Целью направленных в Туркестан экспедиций стала заинтересованность в добыче золота, серебра, железа, меди, свинца, ртути и других полезных ископаемых страны. Зная о большой потребности в нефти, компания «Братья Нобель» получила огромную прибыль, превратив Туркестанские нефтяные промыслы в свою монополию, продавая в стране нефтепродукты, добываемые на Кавказе и Челекене.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что во второй половине XIX века приток иностранного капитала в страну ускорился в связи с тем, что Российская империя все больше отставала от европейских стран в производстве. В частности, «Русско-Азиатский Банк» имел филиалы в таких крупных городах, как Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан, Наманган, Ашхабад, Мерв, Бухара, Новый Ургенч, а его оборот в 1913 году составил 30 млн рублей. Банк взял под свой контроль несколько предприятий и занимал ведущие позиции на рынке хлопка. Завершение Среднеазиатской железной дороги и создание ее дополнительных веток еще больше увеличили интерес других российских и иностранных банков к стране.

Изучение данной научной проблемы показывает, что колониальные власти способствовали внедрению промышленных технологий, современных средств связи и банковского дела, что способствовало возникновению национальной промышленности в Туркестане. Естественно, в это же время происходило и колониальное ограбление. Проникновение фабричного производства метрополий привело к деиндустриализации Туркестана, что означало упадок местного ремесленного производства. Целью метрополий была односторонняя аграрно-сырьевая специализация колониальной экономики ради более эффективного обслуживания собственных промышленных и финансовых потребностей.

Литература

Антипин, 1903 – Антипин В.Н. Закаспийская военная железная дорога (1880-1898). Санкт-Петербург, 1903.

Ахмаджанова, 1965 – Ахмаджанова З.К. К истории строительства железных дорог Средней Азии (1880-1917). Ташкент, 1965.

Бобобеков, 1996 – Бобобеков Х. Кўкон тарихи. Тошкент, 1996.

- Бойтуллаев, 1998 – Бойтуллаев Р. Тошкент савдоси сайёхлар нигоҳида // *Савдогар*. 1998. 13 октябрь.
- Бунаков, 1960 – Бунаков Е.В. Тенденции развития капиталистических отношений в Средней Азии накануне присоединения её к России / *Проблемы Востоковедения*. Москва, 1960.
- Бутенев, 1842 – Бутенев К. Заводское дело в Бухарии. Санкт-Петербург, 1842.
- Ванаг, 1925 – Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Москва, 1925.
- Власова и др., 1979 – Власова Э.Н., Деева Е.А., Кравец Л.Н., Файзиева. Формирование рабочего класса в дореволюционном Узбекистане. Ташкент, 1979.
- Вяткин, 1962 – Вяткин М.Н. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962.
- Вексельман, 1961 – Вексельман М.И. К вопросу о проникновении иностранного капитала в экономику Средней Азии до Первой мировой войны. Ташкент, 1961.
- На рубеже, 1909 – Газета «На рубеже». 1909. 18 марта.
- Гиндин, 1960 – Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. Москва, 1960.
- Демидов, 1926 – Демидов А.П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. Москва, 1922.
- Жамолхожи, 2004 – Жамолхожи И.Н. Фарғона водийсида нефтсаноатининг шаклланиш ва ривожланиш тарихи (1860-1917). Тошкент, 2004.
- Заорская, Александр, 1915 – Заорская В.В. и Александр А.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1915.
- Иванов, 1882 – Иванов Д.Л. Нефтяные источники Ферганской области // *Туркестанские ведомости*. 1882. С. 19-20.
- Кокандский биржевой..., 1917 – Кокандский биржевой комитет. Юбилейный отчет (1906-1916). Коканд. 1917.
- Конопка, 1912 – Конопка С.Р. Туркестанский край. Ташкент, 1912.
- Лаврентьев, 1930 – Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация в Средней Азии). Санкт-Петербург, 1930.
- Маллецкий, 1915 – Маллецкий Н.Г. Ташкент (Исторический очерк). Известия Ташкентской городской думы. 1915. № 2. С. 33.
- Материалы..., 1911 – Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Санкт-Петербург, 1911.
- Материалы..., 1890 – Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. 1. Новый Маргелан, 1890.
- Мусаев, 1995 – Мусаев Н.У. Туркистонда капиталистик ишлаб чикариш муносабатларининг вужудга келиши. Тошкент, 1995.
- НА Уз – Национальный архив Республики Узбекистан.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Оглобин, 1914 – Оглобин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. Ташкент, 1914.
- Покровский, 1925 – Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Ленинград, 1925.
- Рождественский, 1909 – Рождественский А. Материалы из истории нефтепромышленности на острове Челекен // *Закаспийское обозрение*. 1909, 16 сентября.
- Сафаров, 1920 – Сафаров Г. Колониальная революция. М., 1920.
- Спасский, 1925 – Спасский Г. Новейшее описание Великой Бухары (Азиатский вестник). 1925.
- Семёнов-Тяньшанский, 1888 – Семёнов-Тяньшанский П.П. Туркестан и Закаспийский край в 1888 году, по путевым впечатлениям. Санкт-Петербург. 1888.
- Федоров, 1898 – Федоров М.П. Хлопководство в Средней Азии. Санкт-Петербург, 1898.
- Цвибак, 1925 – Цвибак М. Из истории капитализма в России. Хлопчатобумажная промышленность XX века. Ленинград, 1925.
- Чехович, 1954 – Чехович О.Д. К истории Узбекистана XVIII в. Ташкент, 1954.
- Юлдашев, 1969 – Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 1969.
- Узбекская советская..., 1972 – Узбекская советская энциклопедия. Тошкент, 1972.
- Ульмасов, 1960 – Ульмасов А. Национализация промышленности в Советском Туркестане. Ташкент, 1960. С. 16.
- Urakov et al., 2024 – Urakov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B. The role of the Turkestan Governor-General in the foreign policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 755-756.

References

- Ahmadzhanova, 1965 – Ahmadzhanova, Z.K. (1965). K istorii stroitel'stva zheleznyh dorog Srednej Azii (1880-1917) [To the history of construction of railways in Central Asia (1880-1917)]. Tashkent. [in Russian]

- Antipin, 1903** – *Antipin, V.N.* (1903). Zakaspijskaya voennaya zheleznaya doroga (1880-1898) [Transcaspiian Military Railway (1880-1898)]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Bobobekov, 1996** – *Bobobekov, X.* (1996). Quqon tarixi [History of the construction of railways in Central Asia]. Toshkent. [in Uzbek]
- Boytullayev, 1998** – *Boytullayev, R.* (1998, 13 oktabr). Toshkent savdosi sayyohlar nigohida [The history of capitalist relations in Tashkent]. Savdogar. [in Uzbek]
- Bunakov, 1960** – *Bunakov, E.V.* (1960). Tendencii razvitiya kapitalisticheskikh otnoshenij v Srednej Azii nakanune prisoedineniya ee k Rossii [Trends in the development of capitalist relations in Central Asia on the eve of its annexation to Russia]. *Problemy Vostokovedeniya*. Moskva. [in Russian]
- Butenev, 1842** – *Butenev, K.* (1842). Zavodskoe delo v Buharii [Factory business in Bukhara]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Chekhovich, 1954** – *Chekhovich, O.D.* (1954). K istorii Uzbekistana XVIII v. [To the history of Uzbekistan of the XVIII century]. Tashkent. [in Russian]
- Demidov, 1922** – *Demidov, A.P.* (1922). Ekonomicheskie ocherki hlopkovodstva, hlopkovoj trgovli i promyshlennosti Turkestana [Economic essays on cotton growing, cotton trade, and industry in Turkestan]. Moskva. [in Russian]
- Fedorov, 1898** – *Fedorov, M.P.* (1898). Hlopkovodstvo v Sredney Azii [Cotton growing in Central Asia]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Gindin, 1960** – *Gindin, I.F.* (1960). Gosudarstvennyj bank i ekonomicheskaya politika carskogo pravitel'stva [The State bank and the economic policy of the Tsarist government]. Moskva. [in Russian]
- Ivanov, 1882** – *Ivanov, D.L.* (1882). Neftyanye istochniki Ferganskoj oblasti [Oil sources of the Fergana region]. *Turkestanskije vedomosti*. Pp. 19-20. [in Russian]
- Kokandskij birzhevoj..., 1917** – Kokandskij birzhevoj komitet. Yubilejnyj otchet (1906-1916) [Kokand stock exchange committee. Anniversary report (1906-1916)]. Kokand, 1917. [in Russian]
- Konopka, 1912** – *Konopka, S.R.* (1912). Turkestanskij kraj [Turkestan region]. Tashkent. [in Russian]
- Lavrent'ev, 1930** – *Lavrent'ev, V.* (1930). Kapitalizm v Turkestane (Burzhuznaya kolonizaciya v Srednej Azii) [Capitalism in Turkestan (Bourgeois colonization in Central Asia)]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Malletskij, 1915** – *Malletskij, N.G.* (1915). Tashkent (Istoricheskiy ocherk) [Tashkent (Historical essay)]. Izvestiya Tashkentskoy gorodskoy dumi. 2. P. 33. [in Russian]
- Materialy dlya medicinskoj..., 1890** – Materialy dlya medicinskoj geografii i sanitarnogo opisaniya Ferganskoj oblasti [Materials for Medical Geography and Sanitary Description of the Fergana Region]. T. 1. Novyj Margelan, 1890. [in Russian]
- Materialy..., 1911** – Materialy k harakteristike narodnogo hozyajstva v Turkestane [Materials for the Characteristics of the National Economy in Turkestan]. Sankt-Peterburg, 1911. [in Russian]
- Musaev, 1995** – *Musaev, N.U.* (1995). Turkistonda kapitalistik ishlab chikarish munosabatlarining vuzhudga kelishi [The History of Turkistan Capitalist Ishlab Chikarish Munosabatlarining Vujudga Kelishi]. Toshkent. [in Uzbek]
- Na rubezhe, 1909** – *Gazeta «Na rubezhe»*. 1909. 18 mart. [in Russian]
- NA Uz** – Natsional'niy arhiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].
- Oglobin, 1914** – *Oglobin, V.N.* (1914). Promyshlennost' i trgovlya Turkestana [Industry and Trade of Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- Pokrovskij, 1925** – *Pokrovskij, M.N.* (1925). Marksizm i osobennosti istoricheskogo razvitiya Rossii [Marxism and the Peculiarities of the Historical Development of Russia]. Leningrad. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv [Russian state historical archive].
- Rozhdestvenskij, 1909** – *Rozhdestvenskij, A.* (1909, 16 sentyabr). Materialy iz istorii neftepromyshlennosti na ostrove Cheleken [Materials from the History of the Oil Industry on Cheleken Island]. *Zakaspijskoe Obozrenie*. [in Russian]
- Safarov, 1920** – *Safarov, G.* (1920). Kolonial'naya revolyutsiya [Colonial Revolution]. Moskva. [in Russian]
- Semyonov-Tyan'shanskij, 1888** – *Semenov-Tyan'shanskij, P.P.* (1888). Turkestan i Zakaspijskij kraj v 1888 godu, po putevym vpechatleniyam [Turkestan and the Transcaspiian Region in 1888, Based on Travel Impressions]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Spasskij, 1925** – *Spasskij, G.* (1925). Novejshee opisanie Velikoj Buhary (Aziatskij vestnik) [The Latest Description of Great Bukhara (Asian Bulletin)]. [in Russian]
- Tsvibak, 1925** – *Tsvibak, M.* (1925). Iz istorii kapitalizma v Rossii [From the history of capitalism in Russia]. Hlopchatobumazhnaya promyshlennost' XIX veka. Leningrad. [in Russian]
- Ulmasov, 1960** – *Ulmasov, A.* (1960). Natsionalizatsiya promishlennosti v Sovetskom Turkestane [Nationalization of industry in Soviet Turkestan]. Tashkent. [in Russian]
- Urakov et al., 2024** – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The role of the Turkestan Governor-General in the foreign policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 755-756.

- [Vanag, 1925](#) – *Vanag, N.* (1925). Finansovyy kapital v Rossii nakanune mirovoj vojny [Financial capital in Russia on the eve of the world war]. Moskva. [in Russian]
- [Veksel'man, 1961](#) – *Veksel'man, M.I.* (1961). K voprosu o proniknovenii inostrannogo kapitala v ekonomiku Srednej Azii do Pervoj mirovoj vojny [To the issue of the penetration of foreign capital into the economy of Central Asia before the First World War]. Tashkent. [in Russian]
- [Vlasova i dr., 1979](#) – *Vlasova, E.N., Deeva, E.A., Kravec, L.N., Fajzieva* (1979). Formirovanie rabocheho klassa v dorevolucionnom Uzbekistane [Formation of the working class in pre-revolutionary Uzbekistan]. Tashkent. [in Russian]
- [Vyatkin, 1962](#) – *Vyatkin, M.N.* (1962). Monopolisticheskij kapital v Srednej Azii. Frunze [Monopoly capital in Central Asia]. [in Russian]
- [Yuldashev, 1969](#) – *Yuldashev, A.M.* (1969). Agrarnye otnosheniya v Turkestane (konets XIX – nachalo XX veka) [Agrarian relations in Turkestan (late XIX – early XX centuries)]. Tashkent. [in Russian]
- [Uzbekskaya sovetskaya..., 1972](#) – *Uzbekskaya sovetskaya entsiklopediya* [Uzbek Soviet Encyclopedia]. Toshkent, 1972. [in Russian]
- [Zaorskaya, Aleksandr, 1915](#) – *Zaorskaya, V.V., Aleksandr, A.A.* (1915). Promyshlennye zavedeniya Turkestanskogo kraja [Industrial establishments of the Turkestan region]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- [Zhamolxozhi, 2004](#) – *Zhamolhozhi, I.N.* (2004). Farrona vodijsida neft sanoatining shakllanish va rivozhlanish tarihi (1860-1917) [The History of the Agricultural Industry of the Turkestan Region (1860-1917)]. Toshkent. [in Uzbek]

Проникновение российского и иностранного капитала в Туркестан в конце XIX – начале XX вв. и его влияние на промышленное производство

Нуриддин Умурзакович Мусаев^{a,*}, Равшан Бердимуратович Сиддиқов^a, Абдикамил Вафаевича Нарбеков^a, Шермухаммад Эшбекович Эрназаров^a

^a НУУз – Национальный университет Узбекистана, Республика Узбекистан

Аннотация. Данная статья посвящена процессу внедрения крупного российского и иностранного капитала в экономику Средней Азии, где на примере инвестиций финансово-промышленной группы в разные направления отраслей экономики в Средней Азии показано, как проникновение с 90-х гг. XIX в. в Туркестан финансово-промышленных групп и отделений коммерческих банков решительно меняло экономику государств Средней Азии. Создание коммуникаций привело к усилению связей хозяйственно отсталых регионов империи с экономикой метрополии, втягиванию их в общероссийский рынок, появлению и развитию ряда новых для региона отраслей и даже к выходу отдельных из них (прежде всего, связанных с хлопком) за пределы рынка империи.

В то же время в Туркестане российское правительство долгое время сознательно сдерживало частные инициативы в сфере железнодорожного строительства, не давая частному капиталу приобрести качества актора. Хотя правительство придерживалось курса на строительство железных дорог в регионе на средства казны, с 1870-х гг. в его адрес регулярно поступали ходатайства на право создания железных дорог на условиях частной концессии. Следует вывод о том, что в большинстве своем проекты предваряли решения государства о строительстве той или иной железнодорожной линии в Туркестане, как в случае с продлением линии Закаспийской железной дороги от Самарканда до Ташкента и Андижана.

Изучена роль иностранного капитала в региональном измерении. Вместе с тем железнодорожное строительство в Туркестане имело свои специфические особенности, к числу которых относится особый подход государства к участию частного капитала в строительстве железных дорог в крае, который в 1890-е гг. вылился в курс фактического сдерживания частной инициативы в этой сфере.

Ключевые слова: капитал, Туркестан, Российская империя, Русско-Азиатский банк, Братья Нобель, территория, железная дорога, правительство, банк, нефть, экспедиция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: musaevnuriddin@gmail.com (Н.У. Мусаев), ravsidd@mail.ru (Р.Б. Сиддиқов), abdikamilnarbekov@gmail.com (А.В. Нарбеков), shernazarov61@mail.ru (Ш.Э. Эрназаров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1877-1887
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1877

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Practices of Adapting the Russian model of Administrative Management on the Territory of the Kazakh Steppe in the second half of the 19th century (based on materials from the Turgai Region)

Aigul Bimoldanova ^a, Maisara Bekmagambetova ^{b,*}, Ruslan Bekmagambetov ^b, Elmira Nauryzbayeva ^b

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanai Regional University, Kostanai, Republic of Kazakhstan

Abstract

The adoption of the “Steppe Regulation” in 1891 contributed to the completion of the formation of the Russian model of administrative management in the Kazakh steppe, but did not solve many problems with the practical implementation of local governance. The article attempts to consider the decisions of the Turgai region administration taken to organize the effective work of public institutions of the Kazakh nomadic volosts. The source base of the study was formed by regulatory and legal documents regulating the activities of local government bodies in the Kazakh steppe and office materials from the funds of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. The mechanisms for implementing the administrative policy of the Russian Empire in the national outskirts, in particular on the territory of the Turgai region in the second half of the 19th century are considered based on the methodological guidelines of the new social history and the new imperial history. The introduction of collegial bodies of volost and aul governance in the Kazakh steppe, in its content, extended the model of public administration carried out in the central provinces of the Russian Empire to Kazakh society, but problems arose that required local authorities to make decisions based on the specifics of local conditions. At the local level, there were difficulties in relations with Kazakh public officials, due to their lack of knowledge of the Russian language. Another problematic issue that required a solution, according to Russian officials, was the dominance of family ties in the formation of the apparatus for governing Kazakh nomadic volosts. Through a comparative analysis of the articles of the “Steppe Regulations” of March 25, 1891 and the Instructions to volost governors, aul elders, volost and aul congresses of the Turgai region of 1894, it is examined how these and other issues are resolved, how the model of Russian administrative management is adapted to local characteristics.

Keywords: Russian Empire, Kazakh steppe, Turgai region, local government, volost’s congress, aul’s congress, second half of the 19th century.

1. Введение

С принятием в 1891 году «Положения об управлении в Степных областях» (далее Положение 1891 г.) процесс внедрения общегосударственных административных институтов в Казахской степи подошел к практическому завершению. Он способствовал унификации системы местного управления. Как мы знаем, внедрение данной модели административного управления началось еще в 1867–1868 гг., но даже более чем 20-летний период апробирования нововведений и принятие Положения 1891 г. не решили существовавшие проблемы с практической реализацией административного управления в Казахской степи. Как отмечается в материалах протоколов заседания Тургайского Областного

* Corresponding author

E-mail addresses: aigul.bimoldanova@gmail.com (A. Bimoldanova), maisara75@mail.ru (M. Bekmagambetova), ruslan69_07@mail.ru (R. Bekmagambetov), elmira_kn@mail.ru (E. Nauryzbayeva)

присутствия, «неуверенность и неустойчивость в распоряжениях, происходящие от незнакомства с новыми порядками» вызвало сложности со стороны уездной администрации, особенно в таких важных вопросах, как, например, выборы общественных должностных лиц и проведение податной переписи кочевого населения ([Вопросы управления..., 1894: 1](#)).

В связи с этим 25 января 1894 года для обсуждения наболевших вопросов, а также с целью объединения действий уездной власти по возложенным на нее новым Положением 1891 г. обязанностям, устранения встречных затруднений и обмена практическими сведениями по управлению казахами областным губернатором был назначен съезд уездных начальников в Оренбурге, куда также были приглашены и сведущие, по мнению местной администрации, лица из казахов. При этом в протоколах заседания Областного присутствия отмечалось следующее: «как показал опыт, разъяснения затруднений по отдельным случаям, не вполне достигают цели по невозможности предусмотреть случаи, требующие руководящих указаний, а между тем по управлению областью настоят необходимость в разрешении разных существенных вопросов, требующих компетентных мнений со стороны представителей уездной власти» ([Вопросы управления..., 1894: 1](#)).

2. Материалы и методы

Материалами послужили протоколы заседаний Общего присутствия Тургайского Областного Правления 1894 года и Инструкция волостным управителям, аульным старшинам, волостным и аульным съездам Тургайской области (далее Инструкция 1894 г.). Нами привлечены неопубликованные делопроизводственные документы из фонда №25 «Тургайское областное правление» Центрального государственного архива Республики Казахстан (Республики Казахстан). Делопроизводственная документация Тургайского областного правления, содержащая подробные сведения о взаимодействиях чиновников различного ранга, дает возможность отследить административные практики управления на местах.

Вопросы, затронутые в данной работе, рассматриваются через такие методологические подходы, как новая социальная история и новая имперская история. Как отмечает Л. Репина, «изучение индивидуального поведения действующих лиц истории в «микроисторическом масштабе» позволяет лучше понять и макросоциальные процессы» ([Репина 2011: 88](#)). Через рассмотрение адаптивных практик местной администрации в конкретном регионе мы пытаемся понять механизмы функционирования имперского управления в целом. При этом мы считаем, что история империй – это не только история завоеваний, противостояния и насилия, это еще и история взаимодействия и сотрудничества. Исходя из этих методологических установок, мы сделали попытку изучить механизмы реализации административной политики Российской империи в национальных окраинах, в частности, на территории Тургайской области во второй половине XIX века, через конкретные практики адаптации системы управления к особенностям местных условий.

3. Обсуждение

Изучение системы местного управления в Российской империи в XIX – начале XX вв. вызывает большой интерес у исследователей. Увеличилось не только количество работ по данной проблематике, но и произошла смена методологических подходов. В региональном контексте интерес представляют работы Б.И. Борубашова ([Борубашев, 2008](#)), Г.Т. Бакиевой ([Бакиева, 2010](#)), Б. Жалсановой ([Жалсанова, 2012](#)), К.Н. Максимова ([Maximov, 2021](#)). В них рассматриваются проблемы развития и реформирования системы местного управления у кыргызов, татар, бурятов, калмыков.

В работах С.Н. Абашина ([Абашин, 2014](#)), Н.Г. Суворовой ([Суворова, 2006](#)), С.В. Любичанковского ([Любичанский, 2018](#)), Е.В. Безвиконой ([Безвиконая, 2005](#)), В.В. Гермизеевой ([Гермизеева, 2019](#)) фокус исследований по вопросам местного управления направлен на регионы, где в XIX – начале XX вв. также проживало казахское население. Например, Н.Г. Суворова описывает «различные административные практики, используемые местными властями в целях интеграции и унификации сельского населения Сибири в единое административно-правовое пространство Российской империи» ([Суворова, 2006: 160](#)). Исследования А.Ю. Быкова ([Быков, 2006](#)), Д.В. Васильева ([Васильев, 2016](#)), Ю.А. Лысенко ([Лысенко, Куликова, 2013](#)), Н.М. Емельяновой ([Емельянова, 2005](#)), К.Л. Васина ([Васин, 2008](#)) конкретно ориентированы на рассмотрение вопросов административного управления Казахской степью в XVIII – начале XX вв.

В работах казахстанских авторов, К.А. Жиренчина ([Жиренчин, 1996](#)), Б.М. Абдрахмановой ([Абдрахманова, 2010](#)), Ж.М. Джампеисовой ([Джампеисова, 2006](#)) Г.С. Султангалиевой ([Султангалиева, 2016](#)), Т.Т. Далаевой ([Далаева, 2015](#)), исследуется государственно-административная политика Российской империи в Казахской степи, и анализируются процессы реформирования местной административно-политической системы в целом. Однако большинство этих работ направлено на исследование общих характеристик административной унификации системы управления. В представленной же работе рассматриваются местные практики управления в конкретном регионе. Опора на методологию «новой социальной истории» и «новой имперской истории» ведет нас к смещению исследовательского взгляда при изучении местного управления на

процессы взаимодействия администрации и местного населения. Еще бы хотелось отметить, что Тургайская область практически не рассматривалась исследователями как отдельный объект исследования.

4. Результаты

Все важные административные вопросы местного управления в Российской империи рассматривались на заседаниях Общего Присутствия областного или губернского правления, которое являлось коллегиальным органом для решения текущих дел в как области, так и в губернии. Всего в период с 25 января по 12 февраля 1894 г. было проведено 12 заседаний, на которых подробно обсуждался вопрос об административном управлении в казахских кочевых волостях, и, в первую очередь, все, что касалось общественного управления: организация и проведение аульных и волостных съездов. В результате обсуждения была принята подробная инструкция применительно к Положению 1891 г., которая предназначалась волостным управителям, аульным старшинам, а также волостным управителям и аульным старшинам»; второй отдел – Наказ аульным съездам кибитковладельцев (*Прим.* кибитковладельцем считается каждый кочевник, имеющий отдельное жилище – кибитку, юрту, землянку, саклю или дом).

Цель нашей статьи – рассмотреть, какие решения предлагала местная администрация Тургайской области исходя из опыта управления на местах для организации работы общественных установлений казахских кочевых волостей. Поэтому мы подробно остановимся на анализе второго отдела данной Инструкции 1894 г.

В Положении 1891 г. указывалось, каким образом должен происходить отбор участников волостного и аульного съездов, и описывались их основные полномочия, но сама процедура организации и проведения аульных и волостных съездов подробно не была прописана (*Материалы по истории..., 1960: 391-392*). В данном документе прослеживается, что принятие решений по жизнедеятельности казахских кочевых общин должно было опираться на коллегиальные решения самих обществ. Однако каким образом эти процессы должны были осуществляться, не указано, поэтому решать эти вопросы приходилось областной администрации. В Инструкции 1894 г. авторы подробно расписали, как должен был формироваться состав участников аульного и волостного съездов, а также был определен круг лиц, которые не имели права участвовать в работе аульных и волостных съездов.

Аульный съезд состоял из кибитковладельцев аула. Для участия в аульных съездах ограничение устанавливалось для казахов, не имеющих собственных жилищ и, соответственно, не внесенных в списки налогоплательщиков. Еще одно ограничение было связано с возрастом. Те, кто не достиг совершеннолетия, т. е. 21-го года, не имели права участвовать в работе аульного съезда. «Также не имели права участвовать лица, состоящие под следствием или судом, по обвинению в преступлениях, влекущих за собою потерю всех особенных прав и преимуществ, или ограничение в них, или утратившие эти права и отданные под надзор полиции или общества по судебным приговорам, а также лишенные, по приговору аульного съезда, права голоса в течение времени до 3 лет» (*Вопросы управления..., 1894: 66*).

В Положении 1891 года права и обязанности волостных и аульных съездов были прописаны лишь в общем виде, и в статье 78 было лишь указано следующее: «Права, обязанности и круг действий.....волостного и аульного съездов определяются соответствующими постановлениями учреждений, общественного управления сельских обывателей в империи, с дополнениями, изложенными в нижеследующих статьях (79-85)» (*Материалы по истории..., 1960: 392-393*).

Поэтому в Инструкции 1894 г. эти аспекты проработаны более детально, отдельно прописаны права и обязанности аульных и волостных съездов. Дела, которые, подлежали введению и разрешению на аульных съездах, показаны в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Права и обязанности аульного съезда

А	Выборы аульного старшины, кандидата к нему, выборных на волостной съезд и смотрителей сенных складов в тех случаях, когда склады учреждены по одному на аул
Б	Об удалении из общества вредных и порочных членов его
В	О временном устранении киргизов от участия в сходах не более, как на три года
Г	Об увольнении из общества кибитковладельцев и о прием новых
Д	О назначении опекунов и попечителей и о поверке их действий
Е	Земельные распределение между кибитковладельцами аула различных угодий, разрешение возникающих при этом и во всякое другое время споров и предположений о сдаче свободных земель аула в аренду
Ж	О разделе аула на два или несколько аулов

З	О назначении: 1) жалованья аульному старшине и другим должностным лицам и 2) сборов на общественные нужды.
И	О раскладке кибиточной подати, областных и частных земских повинностей и сборов на общественные нужды
й	О распределении натуральных повинностей между населением аула и о способе исполнения сих повинностей наймом или по наряду
К	Об учете аульного старшины и, в подлежащих случаях, смотрителей сенных складов
Л	О принятии мере, согласно народных обычаев, к предупреждению и взысканию недоимок
М	Об употреблении принадлежащих аульному обществу сумм и капиталов
Н	Об обеспечении народного продовольствия: образовании хлебных и сенных запасов, распоряжение ими, распределение ссуд и пособий действительно нуждающимся и определении размера бедствия в неурожайные годы.
О	О призрении принадлежащих к аулу неимущих. Престарелых, увечных, вдов и сирот.
П	О ходатайствах об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте, а также принесении куда следует жалоб и просьбе по делам общества, чрез особых выборных, с выдачею им доверенностей, в форме приговоров
Р	О выдаче круговых ручательств по казенным, земским и частным подрядам
С	Все те дела, которые начальством будут переданы на обсуждение аульного общества

Часть вопросов, которые подлежали ведению аульного съезда, имеется в статьях Положения 1891 г., но в Инструкции 1894 г. дается информация о том, какие дополнительные вопросы может рассматривать аульный съезд, и также более подробно расписаны моменты, касающиеся окончательного принятия решений аульным съездом. Отдельно отмечено, в каком случае принимается решение, то есть какое количество голосов участников необходимо набрать для принятия решения. Для решения всех остальных дел необходимо было, чтобы на аульном съезде находилось не менее половины всех кибитковладельцев аула, причем приговоры принимались большинством голосов участвовавших на съезде лиц, а при разделении на две равные половины – по мнению той стороны, с которой согласится аульный старшина ([Вопросы управления..., 1894: 69-70](#)).

Уездная администрация при проведении аульных съездов часто сталкивалась с такими проблемами, как отсутствие части жителей аула по разным причинам. В примечании к §210 Инструкции 1894 г. указывалось, чтобы при подсчете голосов учитывались только прибывшие на съезд кибитковладельцы или заменяющие их совершеннолетние члены их семейств. Отлучающиеся на полгода и более кибитковладельцы и не имеющие в своей семье лиц, которые могли бы заменить их, имели право передавать свой голос на съезде кому-либо из своих одноаульцев, но с условием, чтобы было не более двух голосов – одного за себя и одного по уполномочию. О передаче голоса должно было быть объявлено волостному управителю и записано в особую книгу ([Вопросы управления..., 1894: 70](#)).

Ситуация, которая рассматривалась 22 апреля 1900 года на заседании Присутствия Тургайского областного правления, прекрасно иллюстрирует, что данные уточнения были важными для местных практик управления. На заседании рассматривался приговор общества №3 Кайдаульской волости Тургайского уезда по земельному спору между киргизами Кожабаевым и Алтынбековым, с одной стороны, и Конуспаевым, – с другой. Уездный начальник, не касаясь сущности приговора, опротестовывает его на том основании, что большинство подписавших приговор составляет не 2/3 всех кибитковладельцев, имевших право голоса, а 2/3 присутствовавших на съезде, что не соответствует §210 Инструкции ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 274. Л. 294-295](#)). И Тургайская областная администрация, поддерживая уездного начальника, принимает следующее решение: «отменить настоящий приговор, передать дело вновь на обсуждение аульного съезда, о чем дать знать Тургайскому уездному начальнику» ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 274. Л. 295](#)). На заседании Присутствия Тургайского областного правления от 30 октября 1900 г. также был отменен приговор аульного съезда №5 аула Сарыкопинской волости Тургайского уезда от 15 ноября 1899 г. о наделении киргизов Доспанова, Конакбаева и др. земель в связи с нарушением §210 Инструкции 1894 г. Приговор был постановлен числом голосов менее 2/3 членов всех кибитковладельцев ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 274. Л. 537-537об.](#)).

Главными вопросами для аульного съезда были вопросы избрания аульного старшины, кандидата к нему и выборных на волостной съезд. §212 Инструкции 1894 г. по выборам аульных старшин дублировал статью 64 Положения 1891 года, но было интересное дополнение, важное с точки зрения характеристики личных качеств служащих, чтобы это «были люди заслуживающие доверия, толковые, исполнительные и, по возможности, знающие русский язык» ([Вопросы управления..., 1894: 70-71](#)). Что касается волостных выборных от аулов, то в Положении 1891 года информации по этим лицам не было, кроме той, что они должны быть избраны «простым

большинством голосов, при условии, чтобы на аульных съездах участвовало не менее половины всех кибитковладельцев общества» ([Материалы по истории..., 1960: 391](#)). В Инструкции 1894 г. уточняется, что при выдвижении волостных выборных необходимо руководствоваться тем же общим правилом, чтобы избираемые «имели от роду не менее 25 лет» ([Вопросы управления..., 1894: 70](#)).

Одним из проблемных вопросов для областной и уездной администрации Тургайской области был вопрос о разделении казахских аулов. В Положении 1891 года об этом не упоминалось, а такие ситуации в Казахской степи возникали достаточно часто. Мы наблюдаем, что процедура разделения аулов подробно расписана в Инструкции 1894 г. в §220: «Когда в среде аульного общества возникнет желание разделиться на два или несколько аулов, то аульный съезд обсуждает основательность причин, побуждающих к разделу, обращая особенное внимание на то, не делается ли это для достижения каких-либо личных целей отдельных влиятельных лиц общества, не будет ли обременительно для населения нести новые расходы по содержанию должностных лиц и не произойдет ли чрезполосного пользования землею между новыми аулами». Только убедившись в том, что разделение будет полезно для населения, аульный съезд допускает такое разделение. ([Вопросы управления..., 1894: 73-74](#)). 14 января 1899 г. на заседании Общего Присутствия Тургайского Областного Правления рассматривался вопрос о разделении №6 аула Чубарской волости Кустанайского уезда на два самостоятельных аула. Необходимым условием для рассмотрения и утверждения аульных и волостных приговоров было предоставление оригиналов приговоров уездным начальником. При обсуждении этого вопроса областное правление обратило внимание на то, что решение должно быть принято 2/3 правоспособных кибитковладельцев из общего числа 281 ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 273. Л. 12-120б.](#)). Также областное правление обращало особое внимание на мотивы разделения аула: «разбросанность его на значительном пространстве, значительным числом кибиток, входящих в его состав и вытекающее отсюда затруднительном управлении этим обществом одному аульному старшине. Со стороны уездного начальника препятствий для разделения этого аульного общества не имеется». В связи с этим данное решение было утверждено Тургайским Областным Правлением ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 273. Л. 12-120б.](#)).

Если приговор аульного съезда, по мнению областной администрации, был составлен с нарушениями, то решение не утверждалось: «Рассмотрев вышеозначенный рапорт и приложенный при нем приговор постановлен с нарушением §204 и 210 Инструкции волостным управителям и аульным старшинам, а именно в ауле №1 числится всех кибитковладельцев 166, на сходе из было 108, но в этом числе было 19 малолетних, кои не имеют право по закону участвовать на сходах и таким образом на сходе при постановке приговора, не было законного числа лиц то есть 2/3 и кроме того в приговоре нет указания о размерах земельного отвода и об общем пользовании им, а потому руководствуясь статьей 36 Степного положения Областное Правление определяет: приговор от 28 мая 1897 года аульного схода №1 аула Аманкульской волости отменить согласно ст. 26 Степного положения, о чем с возвращением приговора дать знать Иргизскому уездному начальнику, предписав ему дело это вновь передать на обсуждение схода, с тем, чтобы при рассмотрении его был бы соблюден порядок, указанный в Инструкции» ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 272. Л. 94-940б.](#)).

В другом случае Актюбинский уездный начальник, прося Присутствие Тургайского областного правления об отмене приговора общества киргиз №3 аула Уйсылкаринской волости от 20 декабря 1899 года, постановленный по просьбе однообщественника их Иманбая Амалдыкова о водворении в их среду сына его Ирмагамбета, преданного Оренбургскому Окружному суду и еще не осужденного, апеллирует к тому, что приговор составлен вопреки §209 Инструкции волостных управителей и аульных старшин, волостным и аульным съездам. И Областное Присутствие своим решением от 25 февраля 1890 г отменяет аульный приговор ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 274. Л. 103-1030б.](#)).

Следующей ступенью коллегиальных органов местного управления были волостные съезды выборных. В Положении 1891 г. описывалась процедура выбора участников волостного съездов и были указаны их основные полномочия, но так же, как и в случае с аульными съездами, процедура организации и проведения волостных съездов подробно не была прописана ([Материалы по истории..., 1960: 392](#)).

В Инструкции 1894 г. отдельно были указаны дела, которые подлежали введению и решению на волостных съездах (см. [Таблица 2](#)).

Таблица 2. Права и обязанности волостного съезда

А	Избрание в должности волостного управителя, кандидата по нем, народных судей и волостного муллы
Б	Разделение волости на две
В	Сдача в аренду участков земли, состоящей в распоряжении волостного или аульных обществ
Г	Распределение земельных угодий между аулами волости и разрешение земельных споров между ними

Д	Избрание представителей на особые съезды для решения земельных споров между волостями и для распределения общих летовочных мест
Е	Учреждение волостных хлебозапасных магазинов и установление порядка заведывания ими
Ж	Назначение жалованья волостному управителю, суммы на наем писарей и рассыльных и всяких других сборов на общественные нужды волости
З	Раскладка кибиточной подати, земских и частных повинностей и сборов на общественные нужды между аулами волости, по благосостоянию их
И	Распределение натуральных повинностей между аулами волости
Й	Поверка действий и учет волостных должностных лиц
К	Дача доверенностей на хождение по общественным делам и принесение по таковым делам жалоб и просьбе через особых поверенных

Как видно из таблицы 2, первоочередной задачей в деятельности волостного съезда выборных, согласно Инструкции 1894 г., были дела по избранию в должности волостного управителя, кандидата по нем и народных судей, что полностью соответствовало статьям 69 и 80 Положения 1891 года.

Параграфы Инструкции 1894 г. по выборам волостного управителя, кандидата по нем дублировали статью 64 Положения 1891 года: «На все общественные должности избираются только кибитковладельцы, не лишенные права голоса на съездах и имеющие от роду не менее 25 лет» (*Материалы по истории...*, 1960: 291). Однако было важное дополнение, которое касалось необходимости знания должностными лицами русского языка: «При избрании же на должность волостного управителя, волостной съезд заботится, чтобы во главе управления волостью стояло лицо самое достойное, знакомое с нуждами и интересами населения и способное к управлению народом. Люди, получившие образование в русских учебных заведениях, или знающие русский язык, при одинаковых достоинствах, должны быть предпочтительнее неграмотным по-русски, или незнающим разговорного русского языка» (*Вопросы управления...*, 1894: 80). Практики местного управления показывают важность данного момента для местной администрации.

Аппарат волостного управления, помимо волостного управителя, включал должность кандидата по управителю, который также избирался на волостном съезде. В Инструкции 1894 г. имеется интересное дополнение относительно выборов кандидата к волостному управителю, которое отражает сложившуюся к этому времени ситуацию в аппарате волостного управления казахскими кочевыми волостями: «... часто должности волостного управителя и кандидата к нему занимали отец и сын, сын и отец, родные братья». (*Bimoldanova et al.*, 2018: 313). Тургайская областная администрация пытается ограничить тенденцию, когда обе должности в аппарате волостного управления занимают ближайшие родственники: «На должности кандидатов управителей избираются лица с такими же качествами, как и сами управители, но не допускаются ближайшие до 3 колена родственники лиц, избранных в управители» (*Вопросы управления...*, 1894: 81).

Следующий круг вопросов, решаемых выборными на волостном съезде, связан с деятельностью волостного правления (назначение жалованья волостному управителю, определение суммы на наем писарей, рассыльных и др.). Обсуждение размера жалованья волостному управителю и суммы на наем писарей и рассыльных производилось обычно один раз в три года, перед выборами. Волостной съезд при этом соображается с величиною волости и благосостоянием населения и определяет управителю жалованье не менее 300 руб. и не более 500 руб. и сумму на наем писарей и рассыльных – от 300 до 400 рублей. Этот пункт полностью соответствовал статье 71 Положения 1891 г. Все эти расходы выясняются и назначаются к сбору по приговорам волостного съезда на каждый год особо. (*Вопросы управления...*, 1894: 84). Окончательное утверждение жалования должностных лиц происходило на заседании Присутствия Тургайского областного правления. Например, 30 октября 1899 года были утверждены приговоры волостных съездов выборных по Иргизскому уезду о назначении содержания должностным лицам общественного управления на трехлетие с 1899 года (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 273. Л. 340-341*).

Как видно из таблицы 2, волостной съезд рассматривал также вопросы о разделении волостей. Как таковой вопрос разделения волостей в Положении 1891 г. не ставился, и были указаны лишь рекомендательные количественные показатели волостей: «число кибитковладельцев, входящих в состав волостей и аульных обществ, определяется Областным Правлением, но рекомендовано, чтобы число не превышало для волостей 2000, для аульных обществ 200 кибитковладельцев» (*Материалы по истории...*, 1960: 391).

Как показывают практики местного управления, этот вопрос достаточно часто возникал перед областными властями, и проблема разделения казахских кочевых волостей была связана не только с ростом численности населения. Фактическая власть в казахских волостях находилась обычно в руках одной или двух влиятельных и богатых семей. Если доминирующие в волости семьи имели равные позиции и не могли поделить власть, то они часто инициировали разделение существующих волостей и создание новых. В связи с этим в Инструкции 1894 г. подробно прописали, при каких условиях

возможно разделение волости на две, и каким образом это процесс должен осуществляться: «Когда большинство населения изъявит желание для общей пользы разделить волость на две, или об этом последует предложение со стороны начальства, то волостной съезд может возбудить об этом ходатайство при соблюдении следующих условий: в 1-х, чтобы в каждой, отделяемой в особую волость, части было, по возможности, не менее 1000 кибиток; во 2-х, чтобы при проведении новой волостной границы не было через полосного пользования землею и в 3-х, чтобы новые расходы по содержанию должностных лиц не были обременительны для той или другой отделяемой части, сообразно благосостоянию населения» (*Вопросы управления...*, 1894: 82). Несмотря на то что разделение волостей экономически было невыгодно для казахского населения, так как влекло за собой увеличение расходов на содержание местного управления, областная администрация для прекращения «партийной» вражды в большинстве случаев поддерживала эту инициативу. Например, Актюбинский уездный начальник поддерживает решение волостного съезда выборных Каратугайской волости о разделении этой волости на две. В приговоре волостного съезда от 17 февраля 1895 года подробно описывается, как принимается это решение «...будучи сего числа на волостном сходе более двух третей, в присутствии волостного управителя Калмана Жанабаева, где имели суждение, вследствие изъявления большинства населения желания для общей пользы разделить волость Каратугайскую на две; по обсуждению этого вопроса, мы вполне находим полезным принимая во внимание §241 Инструкции Волостным управителям и аульным старшинам разделить Каратугайскую волость на две...» (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 515а. Л. 12*). Необходимым условием для разделения волости на две в Инструкции 1894 года прописано, чтобы в каждой отделяемой в особую волость части было не менее 1 000 кибиток. В приговоре по разделению Каратугайской волости было указано, что в одной части остается 1 127 кибиток, а в другой – 1451 кибитка (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 515а. Л. 12*).

5. Заключение

С принятием Положения 1891 года процесс внедрения общероссийских административных институтов в Казахской степи подошел к практическому завершению и способствовал унификации системы местного управления. Но практики управления казахскими кочевыми волостями на местах требовали от областной администрации «простейшие и удобнейшие способы применения как Положения 1891 г., так и общих законов, для однообразного руководства по всей области». Сравнительный анализ статей Положения 1891 г и Инструкции 1894 года демонстрируют нам эти «простейшие и удобнейшие способы» управления, предложенные местными властями для адаптации данных документов к местным особенностям. В Положениях 1868 г. и 1891 г. в списке требований к кандидатам в волостные управители необходимость знания русского языка и русской грамоты не указывалась. Однако в условиях бюрократизации управленческого аппарата во второй половине XIX века это было большой проблемой для областной администрации, которую она пытается решить пока только на рекомендательном уровне. То, что местные власти не прибегают к жестким требованиям знания русского языка казахскими должностными лицами, объясняется тем, что это привело бы к нехватке служащих. Эти практики демонстрируют нам процессы приспособления к местным условиям. Еще один вопрос, который волновал областную администрацию, – это доминирование родственных связей при формировании аппарата управления казахскими кочевыми волостями. Областное правление пытается решить эту проблему путем запрета. В данном случае оно действует более категорично, так как влиятельные родовые группировки в казахских волостях препятствовали процессам администрирования.

Внедрение коллегиальных органов волостного и аульного управления распространяло модель общественного самоуправления, осуществляемую в центральных губерниях Российской империи, на Казахскую степь. Основными звеньями низового управления являлись волостной съезд, волостной управитель, аульный съезд и аульный старшина. Это были те уровни системы местного управления, на которые могли претендовать представители казахского населения. В ведении аульных и волостных съездов находился достаточно широкий круг вопросов, касающихся жизнедеятельности казахского общества. В первую очередь, это выборы должностных лиц, раскладка податей и общественных сумм на содержание аппарата местного управления, разделение аулов и волостей; во-вторых, вопросы, связанные с повседневной жизнедеятельностью казахских кочевых волостей. Окончательное утверждение решения этих вопросов находилось в компетенции областного правления, задача которого состояла в том, чтобы следить, не было ли нарушений при принятии коллегиальных решений. Осуществление контроля за деятельностью коллегиальных органов волостного и аульного управления в Казахской степи осложнялось кочевым образом жизни казахского населения и большими размерами территории волостей в Тургайской области, а в Положении 1891 года права и обязанности волостных и аульных съездов были прописаны лишь в общем виде, в связи с чем в Инструкции 1894 года Тургайское областное правление более детально прописало их права и обязанности, а также процедуру проведения этих собраний, что облегчало местным властям осуществление контроля за кочевым населением.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта АР19679853 «Российские имперские институты и органы местного управления на территории Тургайской области (1868–

1917 гг.): адаптивные практики колониальной системы» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абашин, 2014** – *Абашин С.Н.* Империя и местное самоуправление. Идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX начале XX веков // *Мой Ташкент*. 2014. 29 янв.
- Абдрахманова, 2010** – *Абдрахманова Б.М.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.
- Бакиева, 2010** – *Бакиева Г.Т.* Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX-начале XX в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: 2010. №1 (12). С. 156-164.
- Безвиконая, 2005** – *Безвиконая Е.В.* Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. Омск, 2005. 240 с.
- Борубашев, 2008** – *Борубашев Б.И.* Местное управление в Кыргызстане во второй половине XIX век. // *Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия Юридическая*. 2008. №3 (47). Алматы. С. 163-168.
- Быков, 2006** – *Быков А.Ю.* Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731-1917 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / С.-Петербург. Гос. Ун-т. Санкт-Петербург, 2006. 42 с.
- Васильев, 2016** – *Васильев Д.В.* Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики: XVIII – первая половина XIX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Самара, 2016. 655 с.
- Васин, 2008** – *Васин К.Л.* Административные и судебные реформы 60-90-х гг. XIX в. в степных областях Западной Сибири: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2008. 26 с.
- Вопросы управления..., 1894** – Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области, разрешенные в общем присутствии Тургайского областного правления с участием уездных начальников и сведущих лиц из киргизов в заседаниях с 25 января по 12-е февраля 1894 года: протоколы заседания по применению нового Степного положения Высочайше утвержденного 25-го Марта 1891 г. и Инструкция волостным управителям, аульным старшинам, волостным и аульным съездам Тургайской области. Оренбург: Типография П. Жаринова, 1894. VI, V, 142, 36, V, 154, [1] с.
- Далаева, 2016** – *Далаева Т.Т.* (Волостные съезды в Степном крае (кон. XIX – нач. XX вв.): практика проведения, участники и основные решения // *Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2016. №3 (50). С. 32-40.
- Джампеисова, 2006** – *Джампеисова Ж.М.* Казахское общество и право в пореформенной степи. – Алма-Ата, 2006. 269 с.
- Емельянова, 2005** – *Емельянова Н.М.* Интеграция казахского населения степных областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства в состав Российской империи: автореферат дис. ... канд. Ист. Наук: 07.00.02. Омск, 2005. 25 с.
- Жалсанова, 2012** – *Жалсанова Б.Ц.* История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск, 2012. 364 с.
- Жиренчин, 1996** – *Жиренчин К.А.* Политическое развитие Казахстана в XIX – нач. XX веков. Алматы, 1996. 352 с.
- Лысенко, Куликова, 2013** – *Лысенко Ю.А., Куликова М.В.* Система местного самоуправления в казахской. Степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII-середина XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета. Издательство: Алтайский государственный университет (Барнаул)*. 2013. № 4-1 (80). С.181-188.
- Материалы по истории..., 1960** – *Материалы по истории политического строя Казахстана / Отв. ред. С.З. Зиманов. Т. 1. Алма-Ата, 1960. 441 с.*
- Репина, 2011** – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
- Суворова, 2006** – *Суворова Н.Г.* Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 2. С. 160-173.
- Султангалиева, 2019** – *Султангалиева Г.С.* Волость, волостные управители Казахской степи в XIX в.: особенности функционирования / *Институты общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства Волго-Уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.): материалы Всероссийской научной конференции*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. С. 160-176.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Bimoldanova et al., 2018** – *Bimoldanova A.A., Dalayeva T.T., Bekmagambetova M.G.* Socio-Historical Portrait of the Kazakh Volost Rulers of the Steppe Region, the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2018. 47(1): 310-318.

Maximov, 2021 – *Maximov K.M.* The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 960-968.

References

Abashin, 2014 – *Abashin, S.N.* (2014). Imperiya i mestnoe samoupravlenie. Ideologiya reform v russskom Turkestane v konce XIX nachale XX vekov. [Empire and local self-government. The ideology of reforms in Russian Turkestan at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Moj Tashkent*. 2014. 29 yanv. [in Russian]

Abdrahmanova, 2010 – *Abdrahmanova, B.M.* (2010). Istoriya Kazahstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustrojstvo v XIX veke. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Karaganda, 242 p. [in Russian]

Bakieva, 2010 – *Bakieva, G.T.* (2010). Volostnoe upravlenie u sibirskih tatar vo vtoroj polovine XIX-nachale XX v. [Volost administration among the Siberian Tatars in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. Tyumen'. 1(12): 156-164. [in Russian]

Bezvikonnaya, 2005 – *Bezvikonnaya, E.V.* (2005). Administrativno-pravovaya politika Rossijskoj imperii v stepnyh oblastyah Zapadnoj Sibiri v 20-60-h gg XIX v. [Administrative and legal policy of the Russian Empire in the steppe regions of Western Siberia in the 20-60s of the 19th century]. Omsk, 240 p. [in Russian]

Bimoldanova et al., 2018 – *Bimoldanova, A.A., Dalayeva, T.T., Bekmagambetova, M.G.* (2018). Socio-Historical Portrait of the Kazakh Volost Rulers of the Steppe Region, the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 47(1): 310-318.

Borubashov, 2008 – *Borubashov, B.I.* (2008). Mestnoe upravlenie v Kyrgyzstane vo vtoroj polovine XIX veka [Local government in Kyrgyzstan in the second half of the 19th century]. *Vestnik KazNU im. Al'-Farabi. Seriya Yuridicheskaya*. 3(47). Almaty. Pp. 163-168. [In Russian]

Bykov, 2006 – *Bykov, A.Yu.* (2006). Rossijskaya pravitel'stvennaya politika v stepnyh oblastyah i transformaciya tradicionnogo kazahskogo obshchestva: 1731-1917 gg. [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society: 1731-1917]: avtoreferat dis. ... doktora istorich. nauk: 07.00.02. S.-Peterb. Gos. Un-t. Sankt-Peterburg, 42 p. [in Russian]

Dalaeva, 2016 – *Dalaeva, T.T.* (2016). Volostnye s'ezdy v Stepnom krae (kon. XIX – nach. XX vv.: praktika provedeniya, uchastniki i osnovnye resheniya [Volost congresses in the Steppe region (late 19th – early 20th centuries): practice, participants and main decisions]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki»*. 3(50): 32-40. [in Russian]

Dzhampeisova, 2006 – *Dzhampeisova, Zh.M.* (2006). Kazahskoe obshchestvo i pravo v poreformennoj stepi [Kazakh society and law in the post-reform steppe]. Alma-Ata, 269 p. [in Russian]

Emel'yanova, 2005 – *Emel'yanova, N.M.* (2005). Integraciya kazahskogo naseleniya stepnyh oblastej Zapadno-Sibirskogo general-gubernatorstva v sostav Rossijskoj imperii [Integration of the Kazakh population of the steppe regions of the West Siberian General Government into the Russian Empire]: avtoreferat dis. ... kand. Ist. Nauk: 07.00.02. Omsk, 25 p. [in Russian]

Lysenko, Kulikova, 2013 – *Lysenko, Yu.A., Kulikova, M.V.* (2013). Sistema mestnogo samoupravleniya v kazahskoj. Step'i: ideologiya reform i problemy realizacii (konec XVIII – seredina XIX v.) [The system of local self-government in the Kazakh. Steppes: ideology of reforms and problems of implementation (late 18th-mid 19th centuries)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. Izdatel'stvo: Altajskij gosudarstvennyj universitet (Barnaul). 4-1 (80): 181-188.

Materialy po istorii..., 1960 – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Otv.red. S.Z. Zimanov. T. 1. Alma-Ata, 1960. 441 p. [in Russian]

Maximov, 2021 – *Maximov, K.M.* (2021). The Modernization of Russian Statehood: National Outskirts in the Modernization Model of Russia at the beginning of the 20th century (on the Example of Kalmykia). *Bylye Gody*. 6(2): 960-968.

Repina, 2011 – *Repina, L.P.* (2011). Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. [Historical science at the turn of the XX-XXI centuries: social theories and historiographic practice.] M.: Krug", 2011. 559 p. [In Russian]

Sultangaliev, 2019 – *Sultangaliev, G.S.* (2019). Volost', volostnye upraviteli Kazahskoj stepi v XIX v.: osobennosti funkcionirovaniya [Volost, volost rulers of the Kazakh steppe in the 19th century: features of functioning.] *Instituty obshchinnogo samoupravleniya v social'noj zhizni mnogonacional'nogo krest'yanstva Volgo-Ural'skogo regiona (XVIII v. – 20-e gg. XX v.): materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. Pp. 160-176. [in Russian]

Suvorova, 2006 – *Suvorova, N.G.* (2006). Volost' kak instrument integracii russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. [Volost as a tool for the integration of the Russian and non-Russian population of Siberia at the end of the 18th – first half of the 19th centuries]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 160-173. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Vasil'ev, 2016 – Vasil'ev, D.V. (2016). Organizaciya administrativnogo upravleniya v Kazahskoj stepi: gosudarstvennaya politika i regional'nye praktiki: XVIII – pervaya polovina XIX v. [Organization of administrative management in the Kazakh steppe: state policy and regional practices: XVIII – first half of the XIX century]: diss. ... doktora istorich. nauk: 07.00.02. Samara, 655 p. [in Russian]

Vasin, 2008 – Vasin, K.L. (2008). Administrativnye i sudebnye reformy 60–90-h gg. XIX v. v stepnyh oblastyah Zapadnoj Sibiri: Akmolinskoj, Semipalatinskoj i Semirechenskoj [Administrative and judicial reforms of the 60–90s. XIX century in the steppe regions of Western Siberia: Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk]: avtoreferat dis. ... kand. Ist. Nauk: 07.00.02. Omsk, 26 p. [in Russian]

Voprosy upravleniya..., 1894 – Voprosy upravleniya, hozyajstva, suda i narodnogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti, razreshennye v obshchem prisutstvii Turgajskogo oblastnogo pravleniya s uchastiem uezdnyh nachal'nikov i svedushchih lic iz kirgizov v zasedaniyah s 25 yanvarya po 12-e fevralya 1894 goda: protokoly zasedaniya po primeneniyu novogo Stepnogo polozheniya Vysochajshe utverzhdennogo 25-go Marta 1891 g. i Instrukciya volostnym upravityelam, aul'nyim starshinam, volostnym i aul'nyim s"ezdnam Turgajskoj oblasti. [Issues of administration, economy, court and public education in the Turgai region, resolved in the general presence of the Turgai regional government with the participation of district commanders and knowledgeable persons from the Kyrgyz in meetings from January 25 to February 12, 1894]. Orenburg: Tipografiya P. Zharinova, 1894. VI, V, 142, 36, V, 154 p. [in Russian]

Zhalsanova, 2012 – Zhalsanova, B.C. (2012). Istoriya formirovaniya i razvitiya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v. [History of the formation and development of local self-government bodies of the Buryats in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk, 364 p. [in Russian]

Zhirenchin, 1996 – Zhirenchin, K.A. (1996). Politicheskoe razvitie Kazahstana v XIX – nach. XX vekov. [Political development of Kazakhstan in the nineteenth century - beginning XX centuries]. Almaty, 352 p. [in Russian]

Практики адаптации российской модели административного управления на территории Казахской степи во второй половине XIX в. (на материалах Тургайской области)

Айгуль Бимолданова ^a, Майсара Бекмагамбетова ^{b, *}, Руслан Бекмагамбетов ^b, Эльмира Наурызбаева ^b

^a Казахский Национальный Педагогический Университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынулы, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. Принятие «Степного положения» в 1891 г. способствовало завершению формирования российской модели административного управления в Казахской степи, но не решало многие проблемы с практической реализацией управления на местах. В статье осуществлена попытка рассмотреть решения администрации Тургайской области, предпринимаемые для организации эффективной работы общественных установлений казахских кочевых волостей. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность органов местного управления в Казахской степи и делопроизводственные материалы из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан. Механизмы реализации административной политики Российской империи в национальных окраинах, в частности на территории Тургайской области, во второй половине XIX века рассматриваются исходя из методологических установок новой социальной истории и новой имперской истории. Внедрение коллегиальных органов волостного и аульного управления в Казахской степи по своему содержанию распространяло модель общественного управления, осуществляемую в центральных губерниях Российской империи на казахское общество. Однако возникали проблемы, которые требовали от местных властей решений. На местах существовали трудности во взаимоотношениях с казахскими общественными должностными лицами, в связи с незнанием ими русского языка. Еще одним из проблемных вопросов, требующим своего решения, по мнению российских чиновников, было доминирование родственных связей при формировании аппарата управления казахскими кочевыми волостями. Через сравнительный анализ статей «Степного положения» от 25 марта 1891 г. и Инструкции волостным управителям, аульным старшинам, волостным и аульным съездам Тургайской области 1894 года рассматривается, как решаются эти и другие вопросы, как адаптируется модель российского административного управления к местным особенностям.

Ключевые слова: Российская империя, Казахская степь, Тургайская область, местное управление, волостной съезд, аульный съезд, вторая половина XIX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aigul.bimoldanova@gmail.com (А. Бимолданова), maisara75@mail.ru (М. Бекмагамбетова), ruslan69_07@mail.ru (Р. Бекмагамбетов), elmira_kn@mail.ru (Э. Наурызбаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1887-1897
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1887

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Dynamics of Religiosity in the Yenisei Province in the 19th century

Maria A. Kolesnik ^{a, *}, Natalia N. Pimenova ^a, Youlia N. Menzhurenko ^a, Natalia M. Leshchinskaia ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the dynamics of religiosity in the territory of Yenisei Province. This region was a space of integration of many faiths, therefore, it is relevant to study the interaction of different faiths: Orthodoxy and shamanism, beliefs of indigenous peoples of the North and Siberia, as well as the penetration of foreign religions (in particular, Muslimism, Judaism, Lutheranism and other Christian movements). To achieve this goal, the authors studied the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897 and “Statistical Review of Siberia” by Y.A. Gagemeister. The analysis of these sources allowed us to assess the general picture of confessional diversity of Yenisei province, to analyze the quantitative data reflecting the transformation of religiosity. We also studied the materials of the newspaper “Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti”, which was the official printed organ broadcasting reports on missionary and other activities of Orthodox priests. As a result of the research work, the authors recorded a number of factors that determine the specifics of the dynamics of religiosity in Yenisei province. On the one hand, of course, from year to year the growth of Orthodox Christians is recorded both at the expense of immigrants and among the indigenous inhabitants of the region, which is a natural fact, and there is such a factor as active missionary activities of Orthodox priests. But at the same time, significant factors are the peculiarities of the region itself as a space for exiles, as a free land for agrarian development, leads to the growth of the number of representatives of other religious movements, both traditional and non-traditional (mysticism, new sects).

Keywords: Yenisei Province, religion, dynamics of religiosity, population census, Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti.

1. Введение

Религиозность – один из сложнейших феноменов человеческой культуры, о котором идет множество дискуссий. Эти споры порой предполагают радикально противоположные позиции. При этом историческое значение различных проявлений религиозности сложно переоценить, и изучение ее динамики не утрачивает своей актуальности.

XIX век в Российской империи – время сложных трансформаций во всех сферах, в том числе связанных с изменениями границ территории, укреплением влияния административной власти в отдаленных регионах, например, в Енисейской губернии. Сибирские земли – уникальное пространство, где соседствовали коренные жители, добровольные переселенцы и вынужденные (ссылные). Каждое из этих сообществ было носителем своих особенных религиозных представлений, определяющих общую интегративную картину религиозности на территории Енисейской губернии.

Целью настоящего исследования является изучение динамики религиозности на территории Енисейской губернии в XIX веке. Актуальность данной работы определяется необходимостью дополнить уже существующие знания об исторических процессах, включая историю духовной культуры Российской империи XIX века в контексте развития ее сибирских земель.

* Corresponding author

E-mail addresses: masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik)

2. Материалы и методы

Для изучения динамики религиозности в Енисейской губернии XIX века были привлечены материалы из следующих источников: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, «Статистическое обозрение Сибири» Ю.А. Гагемейстера ([Гагемейстер, 1854а](#)), газета «Енисейские епархиальные ведомости». Первые два источника позволяют получить обобщенные данные о религиозности населения Енисейской губернии. «Енисейские епархиальные ведомости» – это газета, издаваемая Енисейской епархией. Анализ этого источника дает возможность уточнить информацию об исповедании православия – государственной религии Российской империи.

В ходе исследования в качестве основных применялись статистические методы и метод контент-анализа. Метод описательной статистики позволил изучить общие тенденции религиозной ситуации. С помощью анализа таблиц и применения сравнительного метода были зафиксированы точные количественные данные, определяющие изменения религиозности. Далее применение метода контент-анализа было необходимо для интерпретации статистических данных. Метод индукции был применен как способ подведения итогов и формулирования выводов о специфике динамики религиозности в Енисейской губернии и факторах, определяющих ее изменения.

3. Обсуждение

История религиозности в Российской империи является предметом разновекторных исследований. Многими авторами детально изучаются особенности функционирования и развития православной общины в Енисейской губернии, влияние миссионерской и просветительской деятельности православных священнослужителей на трансформацию религиозности в регионе, а также в целом влияние христианизации на уклад жизни жителей губернии ([Асочакова, 2009](#); [Катцина, 2015](#); [Шушканова, 2018](#); [Хаит, 2020](#); [Koptseva et al., 2022](#); [Razumovskaya et al., 2023](#); [Артамонова, Асочакова, 2024](#)). Особое внимание ученые уделяют изучению старообрядческой общины, так как она играла важную роль в развитии Енисейской губернии ([Стороженко, 2018](#)). Деятельность инородцев (неправославных религиозных конфессий на территории Енисейской губернии) изучается в контексте осмысления их влияния на религиозность в регионе и с точки зрения трансформации неправославных общин под влиянием местной культуры ([Константинова, 2020](#); [Хоменко, 2021](#); [Шершнева, 2023](#)). Особенный интерес вызывает период конца XIX – начала XX вв., когда был осуществлен переход от религиозной картины мира к атеистической. А.Ф. Гавриленков ([Гавриленков, 2015](#)) анализирует правовые аспекты регулирования религиозной жизни православных и иноверцев, уделяет особое внимание деятельности П.А. Столыпина, стремившегося к балансу православной основы российской государственности и к расширению границ религиозной свободы.

Таким образом, различные грани проявления религиозности в Енисейской губернии являются предметом многих исследований. При этом остается малоизученной ее динамика, зафиксированная в исторических документах того времени (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, газета «Енисейские епархиальные ведомости»).

4. Результаты

4.1 Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года как детальный источник о религиозности населения Енисейской губернии

Картину религиозного самоопределения населения Енисейской губернии конца XIX века раскрывает наиболее статистически выверенный источник – публикация результатов Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 году. Если в выпусках конца 1890-х годов были опубликованы первые варианты данных (в т.ч. результаты предварительных подсчетов, полученные по телеграфу от местных комиссий наиболее удаленных губерний и областей), то в последующих выпусках данные существенно уточнены. Например, общее количество населения Енисейской губернии в первом выпуске 1897 года ([Первая всеобщая..., 1897: 23](#)) указано на 10 259 человек меньше, чем в выпуске №73, целиком посвященном статистике по губернии и вышедшем в 1904 году ([Первая всеобщая..., 1904](#)).

Специфику религиозности жителей Енисейской губернии позволяет оценить специальный выпуск, собравший все полученные в ходе переписи данные по этой территории. В результатах переписи по Енисейской губернии фигурируют 14 видов вероисповедания: православные и единоверцы, старообрядцы и уклоняющиеся от православия, армяно-григориане (в оригинале – «армяно-грегориане»), армяно-католики, римско-католики, лютеране, реформаты, баптисты, меннониты (в оригинале – «менониты»), англикане, караимы, иудеи, магометане, буддисты и ламаиты. Учтены в статистических данных и наименьшие по численности в губернии религиозные направления, представители которых фигурируют в таблицах как «лица остальных христианских исповеданий» и «лица остальных нехристианских исповеданий» (сюда отнесено коренное население северных территорий Енисейской губернии).

Таблица №25 «Распределение по вероисповеданию и десятилетним возрастным группам» ([Первая всеобщая..., 1905: 180-185](#)), опубликованная в выпуске №73 по результатам переписи, фиксирует количество представителей тех или иных религий в каждом из округов Енисейской

губернии и их центров. При этом численность, приведенная в отношении округа, исключает численность находящегося в округе города, его центра. Анализ данных таблицы показывает, что наиболее малочисленной из религий в Енисейской губернии в конце века является буддизм. В целом его исповедуют из опрошенных только 28 человек. Лидирующие по представителям буддизма территории – это Красноярск и Енисейск среди городов (по 7 чел.) и Канский округ (6 чел.) среди округов. Но есть и менее представленные в губернии религиозные направления: менее 100 человек исповедовали в губернии ряд христианских направлений («армяно-григориане», «армяно-католики», «реформаты», «баптисты», «менониты», «англикане», «лица остальных христианских исповеданий»), а также караимизм. Самой многочисленной группой являются исповедующие православие – «православные и единоверцы». Их свыше 500 тысяч человек в губернии в целом. В соотношении с представителями других религий православные выступают подавляющим большинством и в каждой из отдельных территорий – округе, городе. Следующей по численности группой являются старообрядцы («старообрядцы и уклоняющиеся от православия»). Они единственные превысили отметку в 10 тысяч человек (12 077 чел. в губернии в целом). Среди оставшихся регистрируемых религий одинаково лидируют римская католическая церковь и иудаизм (свыше 6 тыс. чел. по губернии). Чуть уступает им группа людей, исповедовавших ислам (чуть больше 5 тыс. чел.). Также довольно большую группу представляют собой лютеране – их свыше 3 тысяч человек.

Представителей неучтенных нехристианских религиозных течений в целом по губернии насчитывалось чуть менее 2 тысяч, при этом они проживают не в городах, а в округах – Минусинском (44 чел.), Енисейском (360 чел.), а также в Туруханском крае (более 1,5 тыс. чел.). В этом случае речь идет о коренном населении территории Енисейской губернии, вероятно, исповедовавшем этнически исконную религию. Неслучайно регистрируются они в территориях, близких к Хакасии. По этой же причине большинство «остальных нехристиан» зарегистрировано в Туруханском крае – месте традиционного проживания таких коренных народов, как кеты, селькупы (остяки), эвенки (тунгусы).

Лидирующими по численности представителей отдельных религий были многонаселенные города и округа. Это Красноярск (население свыше 26 тыс. чел.) и Минусинский округ (172,5 тыс. чел.). Так, в Красноярске зарегистрированы самые крупные среди городских сообщества православных христиан, римско-католиков, лютеран, иудеев и такой малораспространенной в губернии религии, как караимизм, а также других направлений – армяно-григориан (Армянская апостольская церковь), баптистов, англикан и буддистов. Минусинский округ выступает на первом месте среди других по количеству групп православных и старообрядцев, римско-католиков, лютеран, иудеев, караимов, баптистов и англикан. По числу старообрядцев среди городов также лидирует центр округа – Минусинск, где также зарегистрирована крупнейшая городская группа лютеран. Наибольшая городская группа мусульман проживала в Енисейске (свыше 600 чел.).

Доминирующими религиозными конфессиями, присутствующими на всех территориях и имеющими наибольшую численность, выступают православие и старообрядчество, что было обусловлено активной деятельностью Русской православной церкви и тем, что Сибирь стала территорией, куда мигрировали старообрядческие семьи, образуя целые поселения. Римско-католики, согласно результатам переписи 1897 года, тоже достаточно широко были распространены по губернии: они присутствуют во всех территориях губернии, а в трех округах имеют численность свыше 1 000 человек (Канский, Красноярский, Минусинский округа).

4.2 Данные Русской православной церкви по Енисейской губернии XIX века

Главным источником по православию в Енисейской губернии выступает издание «Енисейские епархиальные ведомости». Здесь публиковались как официальные документы, относящиеся к различным сторонам деятельности епархии, так и статьи священников и миссионеров, выражающие их видение по той или иной проблеме, с которой представители духовенства сталкиваются в своем служении. На страницах этого издания приводится достаточно много сведений о церковно-приходских школах, что также можно рассматривать как показатель вовлеченности населения в миссионерскую деятельность православной церкви.

Во 2 и 4 выпусках 1886 года опубликованы общие положения о специфике церковно-приходских школ. На основании указа Енисейской духовной консистории от 27 сентября 1884 года в №3184 публикуются правила о церковно-приходских школах, в которых крестьянам предлагается организовать школы в каждом приходе. В соответствии с новыми правилами постепенно было открыто достаточно много школ уже в 1885 г.

В некоторых епархиях открываются при духовных семинариях так называемые образцовые школы с двух- и четырехлетним курсами взамен существовавших при этих заведениях воскресных школ. Цель открытия таких школ состояла в том, чтобы дать практическую подготовку воспитанникам семинарий для преподавания в церковно-приходских школах.

В 1 номере 1896 года опубликованы материалы, связанные со спецификой управления русскими школами. Русские школы, как и прежние латинские и славяно-латинские школы, были по преимуществу епархиальными учреждениями: они находились исключительно в ведении Епархиального начальства, были достоянием епархиального духовенства, для которого они преимущественно существовали и на средства которого содержались.

В 7-11 номерах 1896 года опубликованы сообщения о том, что, хотя духовенство положительно относилось к открытию собственных заказных русских школ и охотно брало на себя все тяготы их содержания, существовало немало лиц и обстоятельств, препятствующих поступлению детей в русскую школу. На страницах издания мы находим описания и мотивы подобных обстоятельств, а также статистику обучающихся отдельно по 1779–1808 годам.

В 6 выпуске 1896 года представлен Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности за 1894–1895 годы. Кроме того, в данном номере отражена статистика учащихся, число раскольников и иноверцев. В 13 номере за 1896 г. представлена более подробная информация о деятельности школ грамоты, их число по округам. Школ грамоты в отчетном году в Енисейской епархии числилось 33. Большая часть школ грамоты находится в деревнях. Только немногие школы открыты при церквях в селах. В 14-15 выпусках 1896 года сообщается, что с начала учебного года Высшим духовным правительством предположено открывать во всех епархиях второклассные школы. Многие учителя не соответствуют характеру народной среды, в которой им приходится жить и действовать. В 4 и 15 выпусках 1906 года ([От Енисейского..., 1906а: 103–104](#); [От Енисейского..., 1906б: 549](#)) опубликованы сведения о количестве выпускников церковно-приходских школ за 1905 год. Данные сведения представлены в [Таблице 1](#).

Таблица 1. По материалам, опубликованным в «Енисейских епархиальных ведомостях» о выпускниках церковно-приходских школ в 1905 г.

Церковно-приходская школа	Количество обученных девочек	Количество обученных мальчиков	Всего выпускников
Женская Всехсвятская церковно-приходская школа г. Красноярск	7	-	7
Базайская церковно-приходская школа	2	3	5
Всего:	9	3	12
Канский уезд			
Агинская	2	2	4
Канская городская	6	4	10
Новосельская	2	1	3
Мало-Уринская	3	2	5
Ашкаульская	3	-	
Браженская	1	3	4
Монашеская	-	4	4
Курьшинская	2	-	2
Иланская	-	1	1
Нижне-Ингашская	-	2	2
Нижне-Заимская	-	4	4
Шалаевская	-	2	2
Абанская	-	3	3
Ношинская	-	2	2
Ключевская	2	4	6
Бородинская	1	1	2
Ольгинская	1	5	6
Толстихинская	1	4	5
Рыбинская	2	-	2
Ново-Николаевская	1	1	2
Уярская	3	1	4
Ново-Александровская	-	4	4
Тертежская	3	3	6
Нагорновская	1	2	3
Ульяновская	-	4	4
Унерская	-	3	3
Перовская	3	2	5
Вершино-Рыбинская	-	2	2
Ивановская	-	2	2
Верхне-Уринская	1	1	2
Коростелевская	2	-	2
Усть-Ярульская	-	5	5

Церковно-приходская школа	Количество обученных девочек	Количество обученных мальчиков	Всего выпускников
Преображенская	-	6	6
Усть-Каначульская	-	2	2
Курайская	-	1	1
Михайловская	1	3	4
Шаломовская	1	1	2
Всего:	42	87	129

Необходимо отметить замечание, высказанное в одном из номеров ведомостей по поводу результативности работы церковно-приходских школ в губернии: «Вместе с этим Епархиальный Совет имел суждение о том, что во многих школах количество оканчивающих со свидетельствами учеников и учениц оказывается очень незначительным. Бывают случаи, когда в школах, обучающей 30-40 детей, оканчивают курс только один или два человека» (От Енисейского..., 1906с: 680).

В 1 выпуске 1886 г. сообщается, что у инородцев Минусинского округа еще в значительной степени практикуется шаманство, и среди них встречается немало шаманов. В 3 выпуске этого года продолжает раскрываться тема религиозности минусинских инородцев и их суеверий. Инородцы Минусинского округа почти все считаются христианами, однако, даже приняв крещение, они по-прежнему твердо веруют в могущество шаманов. Отмечается исключительно формальное отношение инородцев к православному духовенству и церкви. Религиозно-нравственные их понятия представляют собой смесь христианства с язычеством.

На страницах ведомостей 1906 г. часто встречаются сообщения о присоединенных к православию представителей иных вероисповеданий, в том числе и о крещении детей у родителей иной веры (Распоряжения..., 1906а: 186-189; Распоряжения..., 1906б: 222; Распоряжения..., 1906с: 474; Отдел официальный, 1906: 102-103). Статистика за 1905 г. выглядит следующим образом: из римско-католической веры – 8; из старообрядчества – 12; из лютеранства – 9; из иудаизма – 8; из ислама – 1. Отдельно сообщается о принятии православия двумя арестантами, чья принадлежность иному вероисповеданию не указывается. О переходе в православие в 1906 г. содержится одно сообщение о женщине из числа старообрядцев (Присоединение к православию, 1906: 518). Приводятся в ведомостях данные о количестве священников, дьяконов и псаломщиков в Енисейской епархии за 1906 г.: священников – 240, дьяконов – 50, псаломщиков – 240 (Журналы общеeparхиального..., 1906: 112).

В 15 выпуске за 1916 г. опубликована статья «Организация приходских сил как средство оживления приходской жизни», которая фиксирует кризис в приходах, содержит воззвание к священникам о том, что они должны вести свою работу иначе, нежели прежде, поскольку жизнь вокруг слишком динамично меняется, а служители церкви привыкли к старым методам работы с паствой (Свящ. Мокеев, 1916: 22-27).

В 23 выпуске 1916 г. интересна статья, посвященная рассуждениям о духовно-религиозном облике сибиряка. Автор приводит спор двух представителей православной церкви, отца Дикусара (Свящ. Дикусар, 1916а: 9-11) и матушки Ушаковой, утверждающих противоположные взгляды на религиозность сибиряков. В первом случае о. Дикусар сетует на индифферентность к религии у населения Сибири, во втором случае утверждается, что это крайне набожное население. Автор статьи разъясняет это противоречие следующим образом: «Енисейская губерния заселена частью коренными сибиряками-старожилами, – не помнящими и даже не слышавшими от своих дедов, когда их предки добровольно переселились в Сибирь, – и сибиряками-ссылными, уголовными преступниками, или их потомками во втором и третьем поколении. Эти два типа сибиряка могут стоять на разных ступенях нравственной жизни» (Дьякон Макаров, 1916: 21-29). Отмечается влияние на оба типа политических ссыльных, что может выразиться не просто в равнодушии к религии, но и в отрицании бытия Бога. Приводится факт о большей религиозности переселенцев до прибытия в Сибирь, о влиянии старожилов на ее утрату. О кризисе религиозности в 1916 г. говорится в ряде статей. В них обсуждаются средства привлечения паствы, к которым могут прибегнуть настоятели (Свящ. Щербаков, 1916: 14-19; Дьякон Дикусар, 1916б: 24-27; Свящ. Облакевич, 1916: 9-14; Свящ. Скрынченко, 1916: 16-21; Свящ. Катанов, 1916: 17-22). В ряде выпусков ведется подробный разбор учения адвентистов седьмого дня православными священниками. Учение, в котором акцент смещается в сторону ожидания Судного дня, очевидно, стало популярным, если ему уделено столько внимания, и воспринималось как конкурент Русской православной церкви (Струминский, 1916: 30-35).

4.3 Динамика религиозности населения Енисейской губернии в XIX веке

Динамику религиозности населения губернии демонстрирует сопоставление данных, зарегистрированных в течение XIX века. Важным источником в этом отношении, помимо данных Первой всеобщей переписи населения, выступает «Статистическое обозрение Сибири», составленное Ю.А. Гагемейстером (Гагемейстер, 1854а: прил. IV). Согласно этим статистическим материалам, прирост населения Енисейской губернии с 1820-х по 1850-е гг. в учете пяти округов (Ачинский,

Красноярский, Енисейский, Канский, Минусинский) составил 94 879 чел., т.е. численность увеличилась более чем в 1,5 раза (Гагемейстер, 1854а: прил. IV). Данные в публикации Ю.А. Гагемейстера (Гагемейстер, 1854а: прил. I) регистрируют представителей духовенства лишь в православной церкви. При этом наблюдается явная динамика среди населения, относящего себя к различным вероисповеданиям. Так, численность старообрядцев довольно резко возрастает к 1850-м годам: в сравнении с 1823 г. – почти в 18,5 раз. Небольшие цифры в отношении старообрядцев также могут свидетельствовать о том, что эти жители губернии признавались в собственных религиозных предпочтениях весьма неохотно.

Число мусульман, наоборот, снизилось за этот период: с 1823 года – в 2,6 раза. Численность населения, исповедующего иудаизм, возросло более чем в 2 раза: к 1851 году – 1 026 чел. Число неправославных христиан резко возросло в 1835 году – почти в 8 раз (1 688 чел.) с существенным (в 3,5 раза) перевесом мужского населения, но при этом к 1850-м годам наблюдается сокращение их числа в 1,5 раза (1 110 чел.). Буддисты зарегистрированы только в 1835 году (15 чел.). При этом в губернии регистрируются места богослужений недоминантных религий: 1 православная христианская церковь и 3 еврейских школы (Гагемейстер, 1854б: 103). Мечети и буддийские сооружения отсутствуют.

Данные статистики по исконному населению показывают, что численность коренных народов Енисейской губернии в течение первой половины XIX века остается стабильной, чуть прирастая (Гагемейстер, 1854а: прил. I). При этом с 1823 по 1835 гг. среди кочевых людей наблюдается увеличение количества христиан и сокращение иноверцев. В Таблице 2 дана статистика по религиозности в Енисейской губернии XIX в. (Гагемейстер, 1854б: 103; Первая всеобщая..., 1904: 180-185).

Таблица 2. Численность представителей различных религий в Енисейской губернии по сводным данным за XIX век

Вероисповедание в Енисейской губернии	1823 г.	1835 г.	1851 г.	1897 г.	
Население в целом	158 748	-	253 627	570 161	
Православные и единоверцы	144 838	190 448	242 817	534 571	
Старообрядцы и уклон. от правосл.	39	20	720	12 077	
Армяно-григориане	214	1 688	1 110	35	в целом 10 317
Армяно-католики				4	
Римско-католики				6 342	
Лютеране				3 871	
Реформаты				22	
Баптисты				19	
Меннониты				2	
Англикане				10	
Лица ост. христ. исповеданий				12	
Караимы				-	
Иудеи	487	1 126	1 026	6 167	
Магометане	656	489	247	5 027	
Буддисты и ламаиты	-	15	-	28	
Лица ост. нехрист. исповеданий	12 015	12 025	7 707	1 941	
	приведены как «язычники»				

Если сопоставить данные по статистике вероисповедания в губернии за XIX век, то очевидным становится следующее:

– С 1830-х годов регистрируется значительное снижение (более чем в 6 раз) количества так называемых «язычников», среди которых также и коренное северное, и сибирское население;

– Существенный рост наблюдается также среди православного и старообрядческого населения губернии: православные христиане – почти в 4 раза в сравнении с первой половиной века, а старообрядцы – почти в 310 раз, что может свидетельствовать о том, что старообрядческое население стало откровеннее говорить о своей вере, а также могло быть результатом переселения еще большего числа семей староверов в Сибирь;

- В 83 раза с начала века возросло количество представителей неправославных христианских течений, что чаще всего связывают с прибытием ссыльных;
- В 12 раз увеличилась группа иудеев в губернии;
- Более чем в 7,5 раз к концу века увеличилось число мусульман;
- Число буддистов выросло почти в 2 раза в сравнении с данными 1835 года, но осталось очень небольшим – менее 30 человек.

5. Заключение

В целом религиозная картина Енисейской губернии представлена результатами статистики первой половины XIX века и Первой всеобщей переписи населения Российской империи как весьма многообразная. Это многообразие сформировано рядом исторических и этнических условий. Этническое разнообразие как результат соседства коренного и доминирующего русского населения представлено в основном группами православных и старообрядцев.

Деятельность институтов православия в Енисейской губернии и их миссии в отдаленных территориях имеет длительную историю. Динамику по религиозности среди православного населения можно проследить, опираясь на данные по ситуации в религиозном образовании, отчетам о количестве представителей духовенства в губернии, отчетам о перешедших в православие из групп иного вероисповедания либо невоцерковленных людей. Статистические данные по истории становления духовного образования в Енисейской губернии показывают бурный рост учреждений подобного типа во всех уездах во второй половине XIX в. Служители церкви фиксируют индифферентность населения к религии, что можно считать и в статистических данных: количество выпускников, относящихся к ведению церкви, выглядит не слишком значительным (эту проблему отмечают и на официальном уровне). Желающих перейти в православие также не очень много, что подчеркивается именованим каждого с указанием его социального статуса и прежнего вероисповедания в некоторых разделах издания. Можно выделить следующие особенности динамики религиозности в Енисейской губернии XIX века.

1) Прирост количества православных при значительном сокращении «остальных нехристиан» может быть также следствием продолжения активного принятия христианства коренными народами Сибири и Севера в результате миссионерской деятельности священнослужителей.

2) Сильны при этом позиции распространенного среди коренного населения губернии язычества (большой интерес православные авторы проявляют к шаманским практикам). На рубеже XIX-XX вв. наблюдается значительный интерес со стороны населения в целом к неканоническим религиозным идеям и практикам (мистицизму и новым сектам).

3) Длительные процессы переселения старообрядцев в Сибирь, переселение крестьянских семей на свободные сибирские земли в результате отмены крепостного права.

4) Исторический статус Енисейской губернии как места ссылки. Так, еврейские религиозные общины начинают складываться в начале XIX века (в Красноярске для еврейской диаспоры было выделено место поселения у подножия Афонтовой горы) в связи с процессами переселения ссыльных. В результате иудейская молельня в Красноярске функционировала уже в 1820-х годах, а к 1840-м годам синагоги были построены в других городах (Канск, Ачинск, Енисейск). Представители западных ветвей христианства также обосновывались на территории губернии в результате ссылки – политической и уголовной. Например, среди волн миграции лютеран на территорию Енисейской губернии в качестве первой волны выделяется проезд ссыльных во второй половине XIX века. Актуальна причина ссыльного прибытия на берега Енисея и для представителей римской католической церкви.

5) Енисейская губерния как свободная земля привлекательна для аграрного переселения. Во второй половине XIX века на территории губернии, помимо русских крестьянских семей, добровольными переселенцами были и представители других этносов и религий.

Литература

Артамонова, Асочакова, 2024 – Артамонова Н.Я., Асочакова В.Н. Миссионерская деятельность в Енисейской епархии в конце XIX–начале XX в.: трудности и достижения // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2024. 19. 4. С. 126-136.

Асочакова, 2009 – Асочакова В.Н. К вопросу о периодизации миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. 3. 4. С. 15-18.

Валюх, 2014 – Валюх Е.П. Адаптация польских ссыльных в сибирском обществе (вторая половина XIX века) // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. ВП Астафьева*. 2014. №. 4 (30). С. 159-162.

Выдрин, 2016 – Выдрин Е.В. Миссионерская деятельность на севере Приенисейской Сибири в 1871-1917 гг. // *Енисейский Север: история и современность*. 2016. С. 70-85.

Гавриленков, 2015 – Гавриленков А.Ф. К вопросу о религиозной ситуации в Российской империи 1903–1917 гг. // *Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии*, 1916. 1 (1). С. 48-54.

Гагемейстер, 1854b – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Ч. III. СПб, 1854. 109 с.

Гагемейстер, 1854a – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. Часть II. СПб, 1854. 697 с.

Дьякон Макаров, 1916 – Дьякон Макаров П. О сибиряке // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 23. С. 21-29.

Журналы общепархиального..., 1906 – Журналы общепархиального XXXV съезда духовенства енисейской епархии // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 4. С. 112.

Катцина, 2015 – Катцина Т.А. Становление православных приходских попечительств в восточной Сибири (1864-1914 гг.) // *Человек в Российской повседневности: история и современность*. 2015. С. 38-42.

Константинова, 2017 – Константинова Н.А. Участие мусульман в аграрном переселении в Восточную Сибирь на рубеже XIX–XX веков // *Иркутский историко-экономический ежегодник. Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России*. 2017. С. 419-421.

Константинова, Бондаренко, 2020 – Константинова Н.А., Бондаренко О.В. Распространение ислама на территории Восточной Сибири в XIX - начале XX в // *Теории и проблемы политических исследований*. 2020. 9, 3А. С. 91-99.

От Енисейского..., 1906a – От Енисейского Епархиального Училищного Совета // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 4. С. 103-104.

От Енисейского..., 1906b – От Енисейского Епархиального Училищного Совета // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 15. С. 549.

От Енисейского..., 1906c – От Енисейского Епархиального Училищного Совета // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 20. С. 680.

Отдел официальный, 1906 – Отдел официальный // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 4. С.102-103.

Первая всеобщая..., 1897 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 1: Население городов по переписи 28-го января 1897 года: по уездам. СПб, 1897. 30 с.

Первая всеобщая..., 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 73: *Енисейская губерния*. СПб, 1904. 185 с.

Присоединение к православию, 1906 – Присоединение к православию // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 14. С. 518.

Распоряжения..., 1906b – Распоряжения Епархиального Начальства // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 7. С. 222.

Распоряжения..., 1906c – Распоряжения Епархиального Начальства // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 13. С. 474.

Распоряжения..., 1906c – Распоряжения Епархиального Начальства // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1906. 6. С. 186–189.

Свящ. Дикусар, 1916a – Свящ. Дикусар С. Несколько слов о религиозно-нравственном состоянии сибирского крестьянина и мерах к его улучшению // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 14. С. 9-11.

Свящ. Дикусар, 1916b – Свящ. Дикусар С. К вопросу об оживлении приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 19. С. 24-27.

Свящ. Катанов, 1916 – Свящ. Катанов В. К вопросу о возрождении приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 14. С. 17-22.

Свящ. Мокеев, 1916 – Свящ. Мокеев В. Организация приходских сил, как средство оживления приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 15. С. 22-27.

Свящ. Облакевич, 1916 – Свящ. Облакевич В. О возрождении приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 21. С. 9-14.

Свящ. Скрынченко, 1916 – Свящ. Скрынченко П. К вопросу об оживлении приходской жизни // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 13. С. 16-21.

Свящ. Щербаков, 1916 – Свящ. Щербаков М. К вопросу о возрождении прихода // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 20. С. 14-19.

Стороженко, 2018 – Стороженко А.А. Конфессиональные миграции старообрядцев «енисейского меридиана» во второй половине XIX-начале XX в. // *Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика*, 2018. С. 44-50.

Струминский, 1916 – Струминский К. Разбор вероучения адвентистов седьмого дня // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1916. 2. С. 30-35.

Терскова, Дворецкая, 2019 – Терскова А.А., Дворецкая А.П. Взаимоотношения православной церкви и общин баптистов в Енисейской губернии начала XX века // *Государство, Общество, Церковь в истории России XX-XXI веков*. 2019. С. 168-173.

- [Хоменко, 2021](#) – Хоменко Д.Ю. Лютеранские общины Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2021. 278 с.
- [Хоменко, 2021](#) – Хоменко Д.Ю. «Во избежание национальной розни с тамошними финнами»: организация духовного призрения лютеран Енисейской губернии во второй половине XIX в // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 468. С. 186-190.
- [Хребтов, 2024](#) – Хребтов М.Я. Проблематика религиозной культуры в современном научном пространстве // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2024. № 8 (2). С. 115-125.
- [Шершнева, 2023](#) – Шершнева Е.А. Положение мулл в мусульманских общинах Енисейской губернии во второй половине XIX - начале XX в. / *Этнические меньшинства в истории России: Материалы IV Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27–28 октября 2023 года*. 2023. С. 16-22.
- [Шушканова, 2018](#) – Шушканова Е.А. Жизнь сельского прихода России накануне революции 1917 г. (на примере Енисейской губернии) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 2018. 82. С. 53-67.
- [Khait et al., 2020](#) – Khait N.L., Dvoretzkaya A.P., Gergilev D.N., Konovalova O.V. Evolution of the Orthodox parish on the territory of Yenisei Siberia in the late 18th – first half of the 19th centuries // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. Pp. 1055-1064.
- [Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Menzhurenko Y.N., Pchelkina D.S. Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1693-1703.
- [Razumovskaya et al., 2023](#) – Razumovskaya V.A., Valkova Y.E., Koptseva N.P. The Translation of the Bible into the Languages of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and Far East: Describing the Current Situation // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. № 16 (4). Pp. 662-676.

References

- [Artamonova, Asochakova, 2024](#) – Artamonova, N.Y., Asochakova, V.N. (2024). Missionerskaya deyatelnost' v Yeniseyskoy yeparkhii v kontse XIX–nachale XX v.: trudnosti i dostizheniya [Missionary activity in the Yenisei diocese in the late 19th – early 20th centuries: difficulties and achievements]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 19. 4: 126-136. [in Russian]
- [Asochakova, 2009](#) – Asochakova, V.N. (2009). K voprosu o periodizatsii missionerskoy deyatelnosti Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Sibiri [On the issue of periodization of missionary activity of the Russian Orthodox Church in Siberia]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. 4. Pp. 15-18. [in Russian]
- [D'yakon Makarov, 1916](#) – D'yakon Makarov, P. (1916). O sibiryake [About the Siberian]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 23: 21-29. [in Russian]
- [Gagemeyster, 1854a](#) – Gagemeyster, Y.A. (1854). Statisticheskoye obozreniye Sibiri, sostavlennoye po vysochayshemu yego imperatorskogo velichestva poveleniyu, pri Sibirskom komitete, deystvitel'nyim statskim sovetnikom Gagemeysterom. Chast' II. [Statistical review of Siberia, compiled by His Imperial Majesty's highest order, under the Siberian Committee, by actual state councilor Hagemeister. Part II]. SPb. 697 p. [in Russian]
- [Gagemeyster, 1854b](#) – Gagemeyster, Y.A. (1854). Statisticheskoye obozreniye Sibiri, sostavlennoye po vysochayshemu yego imperatorskogo velichestva poveleniyu, pri Sibirskom komitete, deystvitel'nyim statskim sovetnikom Gagemeysterom. Ch. III. [Statistical review of Siberia, compiled by His Imperial Majesty's highest order, under the Siberian Committee, by actual state councilor Hagemeister. Part III]. SPb, 109 p. [in Russian]
- [Gavrilenkov, 2015](#) – Gavrilenkov, A.F. (2015). K voprosu o religioznoy situatsii v Rossiyskoy imperii 1903–1917 gg. [On the issue of the religious situation in the Russian Empire 1903-1917]. *Teologicheskiy vestnik Smolenskoj Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii*. 1(1): 48-54. [in Russian]
- [Hrebtov, 2024](#) – Hrebtov, M.Ya. (2024). Problematika religioznoj kul'tury v sovremennom nauchnom prostranstve [The problems of religious culture in the modern scientific space]. *Severnye Arhivy i Ekspedicii*. 8 (2): 115-125. [in Russian]
- [Katsina, 2015](#) – Katsina, T.A. (2015). Stanovleniye pravoslavnykh prikhodskikh popечitel'stv v vostochnoy Sibiri (1864–1914 gg.) [Formation of Orthodox parish trusteeships in Eastern Siberia]. *Chelovek v Rossiyskoy pousednevnosti: istoriya i sovremennost'*. Pp. 38-42. [in Russian]
- [Khait et al., 2020](#) – Khait N.L., Dvoretzkaya, A.P., Gergilev, D.N., Konovalova, O.V. (2020). The Evolution of the Orthodox Parish on the Territory of Yenisei Siberia in the late XVIII – first half of the XIX century. *Bylye gody*. 57(3): 1055-1064.
- [Khomenko, 2021](#) – Khomenko, D.Y. (2021). Lyuteranskiye obshchiny Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: diss. ... kand. ist. nauk. [Lutheran communities of the Yenisei province in the second half of the 19th – early 20th centuries: diss. ... cand. of history]. Krasnoyarsk. 278 p. [in Russian]

Khomenko, 2021 – *Khomenko, D.Y.* (2021). «Vo izbezhaniiye natsional'noy rozni s tamoshnimi finnami»: organizatsiya dukhovnogo prizreniya lyuteran Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [To avoid national strife with the local Finns: organization of spiritual care for Lutherans of the Yenisei province in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 468: 186-190. [in Russian]

Konstantinova, 2017 – *Konstantinova, N.A.* (2017). Uchastiye musul'man v agrarnom pereselenii v Vostochnuyu Sibir' na rubezhe XIX–XX vekov [Participation of Muslims in Agrarian Migration to Eastern Siberia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik. Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, Regional'nyy tseñtr nauchnykh issledovaniy ekonomicheskoy istorii Rossii*. Pp. 419-421. [in Russian]

Konstantinova, Bondarenko, 2020 – *Konstantinova, N.A., Bondarenko, O.V.* (2020). Rasprostraneniye islama na territorii Vostochnoy Sibiri v XIX – nachale XX v. [The spread of Islam in Eastern Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 9, 3A: 91-99. [in Russian]

Koptseva et al., 2022 – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Y.N., Pchelkina, D.S.* (2022). Periodicals of the Russian Empire beginning XIX century as a Source on the History of Siberian Art. *Bylye Gody*. 17(4): 1693-1703. [in Russian]

Ot Yeniseyskogo..., 1906b – Ot Yeniseyskogo Yeparkhial'nogo Uchilishchnogo Soveta [From the Yenisei Diocesan School Council]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 15: 549. [in Russian]

Ot Yeniseyskogo..., 1906c – Ot Yeniseyskogo Yeparkhial'nogo Uchilishchnogo Soveta [From the Yenisei Diocesan School Council]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 20: 680. [in Russian]

Ot Yeniseyskogo..., 1906a – Ot Yeniseyskogo Yeparkhial'nogo Uchilishchnogo Soveta [From the Yenisei Diocesan School Council]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 4: 103-104. [in Russian]

Otdel ofitsial'nyy, 1906 – Otdel ofitsial'nyy [Official department]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 4: 102-103. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya ..., 1897 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda. Vyp. 1: Naseleniye gorodov po perepisi 28-go yanvarya 1897 goda: po uyezdám [The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Part 1: Population of Cities According to the Census of January 28, 1897: by Districts]. SPb, 18897. 30 p. [in Russian]

Pervaya vseobshchaya ..., 1904 – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda. Vyp. 73: Yeniseyskaya guberniya. [The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Issue 73: Yenisei Province]. SPb., 1904. 185 p. [in Russian]

Prisoyedineniye k pravoslaviyu, 1906 – Prisoyedineniye k pravoslaviyu [Joining Orthodoxy]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 14. Pp. 518.

Rasporyazheniya..., 1906b – Rasporyazheniya Yeparkhial'nogo Nachal'stva [Orders of the Diocesan Administration]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 7: 222. [in Russian]

Rasporyazheniya..., 1906a – Rasporyazheniya Yeparkhial'nogo Nachal'stva [Orders of the Diocesan Administration]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 6: 186-189. [in Russian]

Rasporyazheniya..., 1906c – Rasporyazheniya Yeparkhial'nogo Nachal'stva [Orders of the Diocesan Administration]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 13: 474. [in Russian]

Razumovskaya et al., 2023 – *Razumovskaya, V.A., Valkova, Y.E., Koptseva, N.P.* (2023). The Translation of the Bible into the Languages of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and Far East: Describing the Current Situation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16 (4): 662-676.

Shershneva, 2023 – *Shershneva, Ye.A.* (2023). Polozheniye mull v musul'manskikh obshchinakh Yeniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX v. [The position of mullahs in the Muslim communities of the Yenisei province in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Etnicheskkiye men'shinstva v istorii Rossii: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 27–28 oktyabrya 2023 goda*. Pp. 16-22. [in Russian]

Shushkanova, 2018 – *Shushkanova, Ye.A.* (2018). Zhizn' sel'skogo prikhoda Rossii nakanune revolyutsii 1917 g. (na primere Yeniseyskoy gubernii) [Life of a rural parish in Russia on the eve of the 1917 revolution (using the Yenisei province as an example)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 82: 53-67. [in Russian]

Storozhenko, 2018 – *Storozhenko, A.A.* (2018). Konfessional'nyye migratsii staroobryadtsev «yeniseyskogo meridiana» vo vtoroy polovine XIX-nachale XX v. [Confessional migrations of Old Believers of the “Yenisei meridian” in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Migratsionnyye protsessy v Sibiri: narody, kul'tury, gosudarstvennaya politika*. Pp. 44-50 [in Russian]

Struminskiy, 1916 – *Struminskiy, K.* (1916). Razbor veroucheniya adventistov sed'mogo dnya [Analysis of the doctrine of Seventh-day Adventists]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 2: 30-35. [in Russian]

Svyashch. Dikusar, 1916a – *Svyashch. Dikusar, S.* (1916). Neskol'ko slov o religiozno-nravstvennom sostoyanii sibirskogo krest'yanina i merakh k yego uluchsheniyu [Few words on the religious and moral state of the siberian peasant and measures for its improvement]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 14: 9-11. [in Russian]

- Svyashch. Dikusar, 1916b** – *Svyashch. Dikusar, S.* (1916). K voprosu ob ozhivlenii prikhodskoy zhizni [On the question of revitalizing parish life]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 19: 24-27. [in Russian]
- Svyashch. Katanov, 1916** – *Svyashch. Katanov, V.* (1916). K voprosu o vrozozhdenii prikhodskoy zhizni [On the issue of the revival of parish life]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 14: 17-22. [in Russian]
- Svyashch. Mokeyev, 1916** – *Svyashch. Mokeyev, V.* (1916). Organizatsiya prikhodskikh sil, kak sredstvo ozhivleniya prikhodskoy zhizni [Organization of parish forces as a means of revitalizing parish life]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 15: 22-27. [in Russian]
- Svyashch. Oblakevich, 1916** – *Svyashch. Oblakevich, V.* (1916). O vrozozhdenii prikhodskoy zhizni [On the revival of parish life]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 21: 9-14. [in Russian]
- Svyashch. Shcherbakov, 1916** – *Svyashch. Shcherbakov, M.* (1916). K voprosu o vrozozhdenii prikhoda [On the issue of the revival of the parish]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 20: 14-19. [in Russian]
- Svyashch. Skrynchenko, 1916** – *Svyashch. Skrynchenko, P.* (1916). K voprosu ob ozhivlenii prikhodskoy zhizni [On the question of revitalizing parish life]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 13: 16-21. [in Russian]
- Terskova, Dvoretzkaya, 2019** – *Terskova, A.A., Dvoretzkaya, A.P.* (2019). Vzaimootnosheniya pravoslavnoy tserkvi i obshchin baptistov v Eniseyskoy gubernii nachala XX veka [Relationships between the Orthodox Church and Baptist communities in the Yenisei province at the beginning of the 20th century]. *Gosudarstvo, Obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov*. 2019. Pp. 168-173. [in Russian]
- Valyukh, 2014** – *Valyukh, Ye.P.* (2014). Adaptatsiya pol'skikh ssyl'nykh v sibirskom obshchestve (vtoraya polovina XIX veka) [Adaptation of Polish exiles in Siberian society (second half of the 19th century)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. VP Astaf'yeva*. 4(30): 159-162. [in Russian]
- Vydrin, 2016** – *Vydrin, Ye.V.* (2016). Missionerskaya deyatel'nost' na severe Priyeniseyskoy Sibiri v 1871-1917 gg. [Missionary activity in the north of Yenisei Siberia in 1871-1917]. *Yeniseyskiy Sever: istoriya i sovremennost'*. Pp. 70-85. [in Russian]
- Zhurnaly obshcheyeparkhial'nogo..., 1906** – Zhurnaly obshcheyeparkhial'nogo XXXV s"yezda dukhovenstva yeniseyskoy yeparkhii [Journals of the general diocesan XXXV congress of the clergy of the Yenisei diocese]. *Yeniseyskiye yeparkhial'nyye vedomosti*. 1906. 4. P. 112.

Динамика религиозности в Енисейской губернии XIX в.

Мария Александровна Колесник ^{a, *}, Наталья Николаевна Пименова ^a,
Юлия Николаевна Менжуренко ^a, Наталья Михайловна Лещинская ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению динамики религиозности на территории Енисейской губернии. Данный регион являлся пространством интеграции множества вероисповеданий, в связи с чем актуально исследование взаимодействия различных конфессий: православия и шаманизма, верований коренных народов Севера и Сибири, а также проникновения инородческих религий (в частности, мусульманства, иудаизма, лютеранства и других христианских течений). Для достижения поставленной цели в ходе исследования авторами были изучены материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и «Статистическое обозрение Сибири» Ю.А. Гагемейстера. Исследование названных источников позволило оценить общую картину конфессионального разнообразия Енисейской губернии, сделать анализ количественных данных, отражающих трансформацию религиозности. Также были изучены материалы газеты «Енисейские епархиальные ведомости», которая являлась официальным печатным органом, транслирующим отчеты о миссионерской деятельности православных священников. В результате проведенной исследовательской работы авторами был зафиксирован ряд факторов, определяющих специфику динамики религиозности в Енисейской губернии. С одной стороны, безусловно, от года к году фиксируется рост православных за счет переселенцев и среди коренных жителей региона, что является закономерным фактом. Здесь работает такой фактор, как активная миссионерская деятельность православных священников. Но в то же время существенными факторами являются особенности самого региона как пространства для ссыльных, а также как свободной земли для аграрного освоения, что приводит к росту числа представителей иных религиозных традиционных и нетрадиционных (мистицизм, новые секты) направлений.

Ключевые слова: Енисейская губерния, религия, динамика религиозности, перепись населения, Енисейские епархиальные ведомости.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1898-1909
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1898

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Meeting Chaired by Nicholas II on the Revision of the Fundamental State Laws: Formation and Composition (March–April 1906)

Sergey V. Kulikov ^{a,*}

^a St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

For the first time in scientific historiography, with the involvement of previously unknown archival documents that are stored in the GARF and RGIA, the process of preparing a Meeting chaired by Nicholas II on the revision of Fundamental Laws (April 1906) is considered. The course of the Meeting and its results were greatly influenced by the circumstances of the formation of the Meeting and its composition. The author analyzes the bureaucratic practices inherent in the process of preparing the Meeting. The initiation of the Meeting and the appointment of its members are being studied, which Nicholas II and the S.Y. Witte, were directly involved in. Special attention is paid to the implementation of the function of control over the preparation of the Meeting, which was the competence not only of the tsar and the Prime Minister, but also of P.A. Kharitonov, who was in charge of the office work of the Meeting. The mechanisms of both information support for the activities of the Meeting and business communication between its members and Kharitonov are being investigated. The article considers the political differentiation that manifested itself among the members of the Meeting already at the stage of its preparation, including due to the ideological heterogeneity of the materials that were provided to the monarch and royal dignitaries. It is concluded that the formation and composition of the Meeting testifies to the high level of political culture of the bureaucratic elite of the Russian Empire at the beginning of the XX century.

Keywords: Meeting, Fundamental laws, Emperor, Council of Ministers, State Chancellery, liberalism, conservatism.

1. Введение

Важнейшим этапом в истории конституционной реформы 1906 г. было Совецание по пересмотру Основных государственных законов, которое заседало под председательством Николая II в Царском Селе в апреле 1906 г. Ход этого Совецания освещался историками дореволюционными – В.М. Гессеном (Гессен, 1916b: 1354-1356) и В.В. Водовозовым (Водовозов, 1917: 183-187), советскими – Н.Г. Королевой (Королева, 1982: 81-82) и Р.Ш. Ганелиным (Ганелин, 1984: 288-296; Ганелин, 1996: 526-530), постсоветскими – И.А. Христофоровым (Христофоров, 2005: 407-408) и К.А. Соловьевым (Соловьев, 2016: 278-279) и зарубежными, прежде всего – М. Шефтелем (Szeftel, 1976: 63-70). Все перечисленные историки опирались на единственный источник – протоколы Совецания, опубликованные в 1906 г. в нескольких экземплярах (Протоколы..., 1906), а после Февральской революции – в журнале «Былое» (Водовозов, 1917: 188-245). Однако до сих пор не удавалось рассмотреть как обстоятельства образования, так и личный состав Совецания, хотя они, очевидно, оказали большое влияние на ход Совецания и на его итоги. Некоторое внимание данной теме уделили только В.М. Гессен (Гессен, 1916a: 1321; Гессен, 1916b: 1353-1354), В.В. Водовозов (Водовозов, 1917: 184) и М. Шефтель (Szeftel, 1976: 63). Ситуация в историографии обуславливается,

* Corresponding author

E-mail addresses: sergeykulikov70@mail.ru (S.V. Kulikov)

прежде всего, ситуацией с источниками, которые являлись недоступными для исследователей как до, так и после Февраля 1917 г.

2. Материалы и методы

«К сожалению, – писал В.В. Водовозов в конце 1917 г., – большевистский переворот затруднил доступ в архивы, почему работу над “Делом о пересмотре Основных законов” приходится отложить до лучшего для исторической работы времени» (Водовозов, 1917: 183). Этого времени историк не дождался. «Я, – признавался двумя годами позднее Н.С. Таганцев, – не мог получить в Архиве Государственного совета переданные в него из Государственной канцелярии дела, относящиеся к этим заседаниям» (Таганцев, 1919: 10). В.В. Водовозов и Н.С. Таганцев имели в виду документы, ныне хранящиеся в фонде совещаний, образованных при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (РГИА. Ф. 1544). В этом фонде находятся документы, отложившиеся в результате деятельности Петра Алексеевича Харитоновича – автора первоначального проекта Основных законов, составленного им в ноябре-декабре 1905 г. по заказу Николая II, и члена-делопроизводителя Совещания под августейшим председательством по пересмотру Основных законов. Это официальная, полуофициальная и частная переписка, как подлинники, так и отпуски, памятные записки, проекты Основных законов и их редакции, разного рода справочные материалы. Кроме того, документы, необходимые для изучения образования и состава Совещания, находятся в фондах Государственной канцелярии Российской государственной исторической архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (РГИА. Ф. 1162), руководитель которой, барон Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт, участвовал в подготовке Основных законов в январе-феврале 1906 г. и являлся членом апрельского Совещания. Документы, связанные с образованием и составом Совещания, отложились и в фонде Совета министров (РГИА. Ф. 1276), поскольку в нем под руководством премьер-министра графа С.Ю. Витте обсуждался проект Основных законов в марте 1906 г. Документы, необходимые для раскрытия темы статьи, хранятся также в фондах Министерства юстиции (РГИА. Ф. 1405), И.Л. Горемыкина (РГИА. Ф. 1626) и Библиотеки царскосельского Александровского дворца Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) (ГАРФ. Ф. 543). Документы из перечисленных фондов использованы далее, причем их исследование базировалось на методологии диахронного и синхронного анализа и «плотного описания» (thick description). Диахронный анализ позволил расчленить процесс образования Совещания и формирования его состава на цепочку стадий, значимых для целей исследования, и выявить ключевых акторов этого процесса. Синхронный анализ дал возможность сравнить поведение ключевых акторов и оценить удельный вес их ролей на каждой стадии. Применение «плотного описания» помогло интерпретировать бюрократический контекст, в котором происходило образование Совещания и формирование его состава и действовали ключевые акторы.

3. Обсуждение

Что же писали те немногие историки, которые занимались этой темой? Как отмечал В.М. Гессен, «в самом начале 1906 г.» Николай II и председатель Государственного совета граф Д.М. Сольский предполагали, что после переработки проекта Основных законов в Государственной канцелярии и в Совете министров состоится его окончательное обсуждение в Государственном совете (Гессен, 1916a: 1321). Однако это намерение не получило осуществления, поскольку в ходе конституционной реформы «отношение правительства к Государственному совету старого устройства становится явно-отрицательным». Согласно Манифесту 20 февраля 1906 г., новому Государственному совету в законодательстве предоставлялись равные права с Государственной думой. «При таких условиях, – справедливо замечал В.М. Гессен, – участие дореформенного Госуд[арственного] совета в обсуждении новых Основных законов, при полном устранении от такого участия Думы, в непродолжительном времени созываемой, – являлось бы, действительно, по многим соображениям неудобным» (Гессен, 1916b: 1353-1354).

По мнению В.В. Водовозова, на составе Совещания сказалось «торжество реакции», а потому «либеральные члены из общества В.О. Ключевский, Д.Н. Шипов, А.И. Гучков приглашены не были», как и те «сановные лица», кто «состоял в подозрении либерализма», а именно – главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер, к этому времени уже потерявший свой пост в кабинете С.Ю. Витте, министр народного просвещения граф И.И. Толстой и член Государственного совета Н.С. Таганцев. «Зато, – отмечал историк, – силы реакционеров были пополнены великим князем Николаем Николаевичем, бывшим министром юстиции гр[афом] К.И. Паленом и государственным секретарем бароном Ю.А. Икскулем» (Водовозов, 1917: 184). Этот вывод получил большое распространение в последующей историографии как советской, так и постсоветской, хотя, как будет видно из дальнейшего изложения, он нуждается в существенной корректировке.

Развивая мнение В.М. Гессена, М. Шефтель резонно подчеркивал: «Представление проекта в реформированный Государственный совет потребовало бы аналогичного представления в Государственную думу. Это дало бы последней (а также Государственному совету) функции Учредительного собрания, а этого император и большинство его советников не приняли бы. С другой

стороны, участие старого законосовещательного Государственного совета в подготовке конституции полностью настроило бы общественное мнение против него» (Szeftel, 1976: 63). Следовательно, оставалось образовать Совещание под председательством императора, как это уже делалось в июле и декабре 1905 и в феврале 1906 г., когда подобные совещания окончательно обсуждали Учреждение законосовещательной Государственной думы, новый избирательный закон и новые учреждения законодательной Думы и Государственного совета.

4. Результаты

При обсуждении в марте 1906 г. проекта Основных законов в Совете министров его председатель граф С.Ю. Витте, вспоминая министра народного просвещения графа И.И. Толстой, говорил: «каждому члену Совета будет предоставлена возможность высказаться перед Государем, так как Его Величество имеет намерение созвать Особое совещание в Царском, куда-де будут приглашены все министры и некоторые сановники по указанию Государя» (Толстой, 2002: 229). Однако Витте выдавал желаемое за действительное.

Во всеподданнейшем докладе 19 марта 1906 г. премьер-министр, сообщив Николаю II, что Совет министров «окончил рассмотрение вопроса об издании Основных законов и проект таковых», уведомлял его, что соответствующая Мемория «будет окончена и подписана во вторник к полудню». С.Ю. Витте просил принять его «ввиду спешности дела» во вторник, 21 марта, для представления Мемории и проекта. Царь ознакомился с этим докладом 20 марта и положил на нем резолюцию: «Завтра, во вторник, в 6 час[ов]» (Совет министров..., 1990: 360). Граф собирался «всеподданнейше» представить так называемый проект Совета министров, который появился после переработки министрами проекта Государственной канцелярии, подготовленного в январе-феврале 1906 г. на базе первоначального проекта, созданного в ноябре-декабре 1905 г. товарищем (заместителем) государственного секретаря П.А. Харитоновым по заказу царя (Куликов, 1998: 98-99).

Днем 21 марта до встречи с Николаем II С.Ю. Витте не знал точно, будет ли проект Основных законов обсуждаться в Государственном совете, поскольку написал тогда управляющему делами Комитета министров Э.Ю. Нольде: «На случай, если Государь повелит слушать в Гос[ударственном] совете, чтобы не терять время, переговорите с бароном Иксулем, чтобы набрали Меморию» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 86). Однако «переговаривать» с государственным секретарем бароном Ю.А. Иксулем фон Гильденбандтом не пришлось, так как вечером 21 марта Николай II «принял Витте» (Дневники императора Николая II..., 2013: 120). Очевидно, что именно тогда и было решено созвать Совещание под августейшим председательством. Во всяком случае, в его протоколах прямо указано, что высочайшее повеление об образовании Совещания «последовало по Мемории Совета министров» (Русский конституционализм..., 2001: 101). Работая над мемуарами, Витте уже не помнил подробностей этого, так как писал, что монарх собрал Совещание «в конце марта или начале апреля» (Из архива С.Ю. Витте..., 2003b: 466). К концу марта, как представляется, относится решение вопроса о составе Совещания.

Сохранился недатированный список, написанный рукой Николая II: «Члены Совещания по пересмотру Основных законов. В[еликий] к[нязь] Михаил Александрович. В[еликий] к[нязь] Николай Николаевич. Граф Сольский. Статс-секр[етарь] Фриш. Граф Витте. Граф Пален. Голубев. Сабуров. Стишинский. Бар[он] Иксуль. Бар[он] Фредерикс. Граф Ламздорф. Редигер. Бирилев. Дурново. Акимов. Кн[язь] Оболенский (напротив С.Ю. Витте написал: «Алексей». – С.К.). Философов» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 142). Итак, членами Совещания, согласно царскому выбору, стали: великие князья Михаил Александрович и Николай Николаевич, председатель Государственного совета граф Д.М. Сольский, председатели его Департамента гражданских и духовных дел и Департамента законов И.Я. Голубев и Э.В. Фриш, члены Государственного совета – граф К.И. Пален, А.А. Сабуров и А.С. Стишинский, председатель Совета министров граф С.Ю. Витте, министры: Императорского двора и уделов – барон В.Б. Фредерикс, военный – генерал-лейтенант А.Ф. Редигер, морской – вице-адмирал А.А. Бирилев, иностранных дел – граф В.Н. Ламздорф, внутренних дел – П.Н. Дурново и юстиции – М.Г. Акимов, обер-прокурор Св. Синода князь А.Д. Оболенский, государственный контролер Д.А. Философов и государственный секретарь барон Ю.А. Иксуль фон Гильденбандт.

Из 14-ти членов Совета министров не стали членами Совещания пять человек: министр путей сообщения К.С. Немешаев, исправляющий должность главноуправляющего землеустройством и земледелием А.П. Никольский, министр народного просвещения И.И. Толстой, управляющий Министерством торговли и промышленности М.М. Федоров и министр финансов И.П. Шипов. В отличие от декабрьского и февральского совещаний (Высшие и центральные..., 1998: 60-61, 62) в апрельском Совещании Совет министров были не в полном составе. С.Ю. Витте и здесь изменила память, поскольку он писал, что на этом Совещании «присутствовали: министерство, значительное число членов Государственного совета, в том числе ... граф Игнатъев – все по приглашению Его Величества, затем великие князья Владимир Александрович, Николай Николаевич и Михаил Александрович со своим не то воспитателем, не то советником генералом Потоцким» (Из архива С.Ю. Витте..., 2003b: 466). В действительности состоящий в распоряжении великого князя генерал

А.В. Чарторийский, как и член Государственного совета граф А.П. Игнатъев, присутствовал на июльском, декабрьском и февральском совещаниях, а в апрельском Совещании не участвовал.

«Витте, – вспоминал И.И. Толстой, – уверял меня, что он ни при чем в вопросе нашего устранения и что “триажем” занялись в Царском. Весьма возможно, что это так и было». Впрочем, Толстой намекал на причастность к его неприглашению премьера, поскольку признавал, что «имел намерение возражать против текста Основных законов, и Витте знал об этом» (Толстой, 2002: 229). А.Ф. Редигер относил Толстого к министрам «либерального и даже левого направления» (Редигер, 1999: 474). При обсуждении проекта Основных законов в Совете министров «возражали большей частью», кроме Толстого, А.Д. Оболенский, М.М. Федоров и Д.А. Философов (Менделеев, 2017: 201). Оболенский, по наблюдениям Витте, представлял собой «тип петербургского великосветского титулованного либерала, но никогда не забывающего “свою линию удобств и выгод”» (Из архива С.Ю. Витте..., 2003b: 355). Федоров запомнился Редигеру как человек «вполне либерального, но без всяких крайностей, направления» (Толстой, 2002: 223). Философов характеризовался Витте как «принципиальный либеральный деятель» (Из архива С.Ю. Витте..., 2003b: 449). Тем не менее, Оболенский и Философов стали членами Совещания, а значит, дело было не только в либеральных взглядах неприглашенных министров, но и в личных вкусах Витте. Член Государственного совета А.А. Половцов, участвовавший в февральском Совещании, не попал на апрельское Совещание «вследствие, – записал он 10 апреля 1906 г., – вражды составлявшего список Витте» (Половцов, 2014: 513). Во всяком случае, помимо Николая II, к формированию личного состава апрельского Совещания, несомненно, был причастен и премьер.

Вывод В.В. Водовозова о том, что назначением членами Совещания великого князя Николая Николаевича, графа К.И. Палена и государственного секретаря барона Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта «силы реакционеров были пополнены» (Водовозов, 1917: 184), нуждается в существенной корректировке. О Николае Николаевиче, действительно, «шла молва как о реакционере», однако в 1905 г., свидетельствовал хорошо его знавший генерал Ю.Н. Данилов, в великом князе «совершился весьма значительный внутренний политический сдвиг: из сторонника крайнего, мистически-религиозного самодержавного монархизма или даже царизма он стал на путь конституционализма» (Данилов, 2006: 45, 101). К реакционерам нельзя причислить и К.И. Палена, поскольку в заседании 16 февраля 1906 г. Совещания, обсуждавшего новые учреждения Государственной думы и Государственного совета, он доказывал, что Манифест 17 октября 1905 г. имеет конституционный характер (Русский конституционализм..., 2001: 89). Всего менее реакционером был и Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт, который являл собой «благонамеренного либерала» (Из архива С.Ю. Витте..., 2003b: 465). Либеральная бюрократия получила на Совещании весьма солидное представительство. К ней относились также Д.М. Сольский (Львов (Клячко), 1928: 29), Э.В. Фриш (Крыжановский, 1997: 124), И.Я. Голубев (Гурко, 2000: 99) и А.А. Сабуров (Из архива С.Ю. Витте..., 2003b: 450). И.Я. Голубев, Ю.А. Икскуль фон Гильденбандт, К.И. Пален, А.А. Сабуров и Э.В. Фриш являлись еще и членами Юридического общества при Петербургском университете (Юридическое общество..., 1902: 2, 96, 113, 115, 120, 122), т. е. были юристами-экспертами.

Из 18-ти членов Совещания его консервативное крыло образовывали семь человек: М.Г. Акимов, А.А. Бирилев, П.Н. Дурново, В.Н. Ламздорф, А.Ф. Редигер, А.С. Стишинский и В.Б. Фредерикс. Впрочем, умеренными консерваторами являлись Фредерикс (Лопухин, 2008: 78) и Редигер (Редигер, 1999: 284). На тот момент самыми консервативными участниками Совещания были П.Н. Дурново (Толстой, 2002: 224) и А.С. Стишинский (Таганцев, 1919: 12), к которым примыкал М.Г. Акимов (Толстой, 2002: 226).

Докладные записки великим князьям Михаилу Александровичу и Николаю Николаевичу (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 145) и письма другим членам Совещания (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 144) С.Ю. Витте отправил 29 марта 1906 г. Адресаты премьера извещались, что император «соизволил» назначить под своим личным председательством Совещание по пересмотру Основных государственных законов, повелев передать о приглашении «к присутствованию в означенном Совещании, о дне коего, по воследовании Высочайших указаний, последует особое извещение» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 95). К письмам прилагались печатные экземпляры проекта Основных законов, подготовленного Советом министров (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 146–1510б.), проекта статьи 60а о порядке совершения государственных займов, составленной уже после обсуждения Основных законов кабинетом (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 152), Мемории Совета министров (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 153–157), проектов Манифеста об издании Основных законов, №1 (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 158–1580б.) и №2 (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 159–1590б.) и проекта Указа Правительствующему Сенату на случай, если издания новых Основных законов не последует (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 160–163). Кроме того, всем членам Совещания разослали сравнительное изложение проектов Государственной канцелярии и Совета министров (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 164). Указ Сенату был подготовлен по причине особого мнения А.Д. Оболенского, выступавшего в Совете министров против издания новых Основных законов (Куликов, 2016: 626), и подразумевал внесение в прежние Основные законы новелл, вызванных Манифестом 17 октября 1905 г.

Во всеподданнейшем докладе 29 марта 1906 г. С.Ю. Витте предложил возложить делопроизводство в Совещании на Э.Ю. Нольде и П.А. Харитонову, «принимавших участие, – отмечал премьер, – в изложении проекта Основных законов на основании бывших в Совете министров суждений» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 143). В проекте доклада вместо приведенной фразы – другая: «принимавших непосредственное участие в составлении проекта» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 140–140об.), что не соответствовало действительности, поскольку первоначальный проект составил в ноябре-декабре 1905 г. по заказу Николая II именно П.А. Харитонов. Вместе с тем Витте, представляя «материалы, подлежащие обсуждению Совещания», докладывал императору, что его повеление о назначении членами Совещания «доведено до сведения» великих князей и «объявлено» остальным членам Совещания (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 143–143об.). Под «материалами» Витте имел в виду сохранившиеся в личном архиве Николая II печатные экземпляры проектов Совета министров (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 11–35об.) и статьи 60а (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 177), Мемории Совета министров (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 183–187), проектов Манифеста №1 (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 204–204об.) и №2 (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 205–205об.) и Указа Сенату (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 206–209), а также сравнительное изложение проектов Государственной канцелярии и Совета министров (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 36–51, 52–67). Судя по всему царь изучал «материалы» два дня, поскольку записал 29 марта: «Занимался до часа», а 30 марта: «Еле управился к вечеру с делами» (Дневники императора..., 2013: 122).

На всеподданнейшем докладе С.Ю. Витте Николай II 31 марта положил две резолюции: «Делопроизводство возложить на сен[атора] Харитонova и чинов Госуд[арственной] канц[елярии]» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 143). Следовательно, царь отдал предпочтение не Э.Ю. Нольде, а П.А. Харитонову по аналогии с предыдущими совещаниями, июльским, декабрьским и февральским, в которых последний также являлся членом-делопроизводителем. Позднее для занятий по делопроизводству апрельского Совещания в него был командирован помощник статс-секретаря Государственного совета А.Ф. Трепов (Русский конституционализм..., 2001: 102), старший брат дворцового коменданта генерала Д.Ф. Третьякова, принадлежавшего к числу ближайших советников императора.

Вторая резолюция Николая II на всеподданнейшем докладе С.Ю. Витте гласила: «Пригласить бар[она] Будберга и Танеева» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 143). Первый был главноуправляющим Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, второй – Собственной Его Императорского Величества канцелярией. Их появление среди членов Совещания было связано не только с их должностным положением, но и с их политическими взглядами. Во время подготовки Манифеста 17 октября 1905 г. А.А. Будберг 15 октября по заказу Николая II составил его проект, в котором император объявлял об осуществлении конституционной реформы (Островский, Сафонов, 1997: 395, 408). А.С. Танеев же был известен тем, что, по воспоминаниям министра внутренних дел А.Н. Хвостова, «заигрывал» «с либеральной частью общества» (Падение царского режима..., 1924: 28).

В тот же день, 31 марта 1906 г., Николай II положил и третью резолюцию на адресованном ему 24 марта письме профессора Киевского университета О.О. Эйхельмана. Оно сопровождало составленные профессором «Соображения о новом изложении Основных государственных законов Российской империи» и сам их проект, отличавшийся либеральностью (Куликов, 2019: 82–99). Резолюция царя постановляла: «Пригласить Эйхельмана в Совещание» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 24–26об.). Премьер не преминул вызвать профессора в Петербург.

Одновременно С.Ю. Витте сообщил П.А. Харитонову 31 марта: «Сегодня я получил повеление Его Величества, дабы Вы вели делопроизводство Совещания об Основных законах, которое состоится под председательством Государя Императора» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 23). В тот же день о первых двух резолюциях Николая II Харитонов, по поручению графа, уведомил помощник управляющего делами Комитета министров и управляющий делами Совета министров Н.И. Вуич (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 1). Одновременно Харитонов получил отпуски с докладных записок Витте великим князьям и с его писем остальным членам Совещания и имевшиеся в Канцелярии Комитета министров экземпляры материалов, разосланных членам Совещания (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 2). Этими материалами были: по 50 экземпляров – проекта Совета министров, сравнительного изложения проектов Государственной канцелярии и Совета министров и Мемории Совета министров и по 30 экземпляров – проектов Манифеста №1 и №2, Указа Сенату и статьи 60а (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 164). Тогда же, 31 марта 1906 г., о назначении их членами Совещания и о посылке его материалов Харитонов сообщил А.А. Будбергу, А.С. Танееву и О.О. Эйхельману (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 76–76об.).

Пока формировался состав Совещания, И.Я. Голубев как его член обратился к П.А. Харитонову 30 марта 1906 г. с просьбой прислать «в возможной скорости выработанный Вами или Государственной канцелярией проект Законов Основных. Он нужен мне, – объяснял Голубев свою просьбу, – для исполнения мною служебных обязанностей» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 460). Голубев получил проект не Государственной канцелярии, который действительно базировался на проекте Харитонova, а Совета министров как самый последний и после ознакомления с ним уже на

следующий день прислал товарищу государственного секретаря проекты трех новых статей (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 461). Два первых проекта, которые либерализовали проект статьи 60а о совершении государственных займов (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 341), Харитонов сообщил Д.М. Сольскому, Э.В. Фришу и С.Ю. Витте (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 341). Другой проект Голубева дополнял статью 17 проекта Совета министров о царских имуществах (Куликов, 2004: 55) и имел целью установление границы между двумя их видами – составляющих личную собственность и относящихся к должности императора (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 342), что стало актуальным в связи с превращением Николая II в конституционного монарха. Проект этой статьи Харитонов сообщил Д.М. Сольскому, Э.В. Фришу и В.Б. Фредериксу.

Свои соображения по поводу статьи 17 прислал С.Ю. Витте 1 апреля и министр Двора, который признавал «более соответственным» изложить ее в новой редакции (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 810б.), которая в целом соответствовала предложениям И.Я. Голубева. На письме В.Б. Фредерикса Витте оставил помету: «Переслать П.А. Харитонову» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 80), однако в итоге сделал это 1 апреля не подчиненный премьеру по Канцелярии Совета министров, а он сам (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 167). Все предложения Голубева и Фредерикса Совещание по пересмотру Основных законов позднее приняло во внимание.

Готовя Николая II к председательствованию в Совещании, П.А. Харитонов представил императору 3 апреля при всеподданнейшей записке обширные печатные материалы (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 169). Этими материалами были в хронологическом порядке прежние Основные законы издания 1892 г. (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 170-208), т. е. их последнего издания, Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 239–246об.), Мнение Государственного совета 6 июня 1905 г. «Об устранении отступлений в порядке издания законов» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 177), Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 229-230), Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 231–231об.) и сопровождавший его Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 232-233), Указ 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 234–235об.), т. е. о преобразовании Совета министров, узаконения 20 февраля 1906 г. (Манифест и указы Сенату о реформировании Государственного совета и Государственной думы и новое Учреждение Государственной думы) (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 209–228об.), Указ 8 марта 1906 г. об утверждении Правил (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 236–236об.) и сами Правила 8 марта 1906 г. «О порядке рассмотрения росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 237–238об.), и Указ 30 марта 1906 г. «О компетенции и составе Комитета финансов» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 247–247об.). Перечисленные акты вместе и каждый из них в отдельности знаменовали реформирование государственного строя Российской империи, а потому было вполне логично, что Харитонов отправил их царю перед открытием Совещания, которое имело целью завершить это реформирование.

К законодательным актам товарищ государственного секретаря приложил брошюру «К вопросу о законах общих для Империи и Великого княжества Финляндского» (СПб., 1906) (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 248-289) и печатные копии писем О.О. Эйхельмана Николаю II от 24 марта (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 292-294), «Соображений» профессора (до статьи 63) (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 295-336) и письма В.Б. Фредерикса С.Ю. Витте от 1 апреля (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 290-291), а также список членов Совещания (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 337). Характерно, что в личном архиве монарха сохранились только копии письма Эйхельмана (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 172-174), его «Соображений» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 132-171) и письма Фредерикса (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 210-211). Печатные копии письма профессора (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 92-94) и «Соображений» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 142-183) Харитонов разослал членам Совещания также 3 апреля (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 141). Судя по всему Николай II изучал материалы Харитонova не только 3, но и 4 апреля, когда записал: «Весь вечер занимался» (Дневники императора..., 2013: 123). Изучали эти материалы и члены Совещания, в частности, министр внутренних дел.

П.Н. Дурново 4 апреля прислал П.А. Харитонову замечания на проект Совета министров, к подготовке которых был причастен помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С.Е. Крыжановский, назначенный 2 апреля товарищем министра внутренних дел. Он вспоминал, что в составлении Основных законов участия «не принимал, если не считать редактирования замечаний, сделанных П.Н. Дурново на проект этих законов» (Крыжановский, 2009: 87-88). Не исключено, что свои замечания руководитель МВД подготовил с ведома Николая II, который 3 апреля «после чая принял Дурново» (Дневники императора..., 2013: 123). К чему же сводились его замечания?

Министр внутренних дел обосновывал новые редакции нескольких статей проекта Совета министров, а именно – 11, о власти царя в области верховного управления, 15, о праве монарха назначать служащим содержание и пенсии, 60а, о совершении государственных займов, 61,

об определении ежегодного контингента новобранцев, и 69, о политической ответственности министров перед императором (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 338–338об., 338об.–339, 339–339об., 340). Все замечания П.Н. Дурново имели крайне консервативный характер, обеспечивая царю полновластие в области верховного управления за счет полномочий Государственной думы. Однако, как отмечал С.Е. Крыжановский, эти замечания не имели, «впрочем, последствий за неприятием их» (Крыжановский, 2009: 88). Действительно, на окончательный текст новых Основных законов замечания Дурново не повлияли.

Между тем состав Совещания пополнил еще и родной дядя Николая II, а именно великий князь Владимир Александрович. Вопрос об этом был решен, судя по всему, 3 апреля 1906 г., когда Владимир Александрович и его сын Андрей Владимирович «завтракали» у царя (Дневники императора..., 2013: 123). Назначение великого князя означало усиление либерального крыла Совещания, поскольку Владимир Александрович «скорее склонялся к либеральному образу мышления» и «часто» «строго осуждал меры, принятые ультраконсервативной партией» (Извольский, 1989: 178–179), выступая после издания Манифеста 17 октября 1905 г. за «необходимые для России коренные реформы» (Толстой, 2002: 31–32). Характерно, что одним из самых близких к нему сановников был один из самых либеральных министров кабинета С.Ю. Витте – И.И. Толстой.

О своем решении ввести Владимира Александровича в состав Совещания монарх сообщил С.Ю. Витте 4 апреля, когда «принял» его в шесть часов вечера (Дневники императора..., 2013: 123). В тот же день чиновник Канцелярии Комитета министров, один из секретарей Витте, П.П. Менделеев по поручению премьера написал П.А. Харитонову, что императору «благоугодно» пригласить к участию в Совещании «по рассмотрению Основных законов» Владимира Александровича. Через Менделеева Витте просил Харитонova сообщить об этом великому князю, с предупреждением, что все необходимые материалы по данному делу будут представлены великому князю товарищем государственного секретаря (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 343–343об.). Впрочем, о назначении членом Совещания Витте сообщил Владимиру Александровичу уже 4 апреля (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 7. Л. 169), Харитонов же исполнил поручение премьера на следующий день (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 344).

Кроме того, 5 апреля товарищ государственного секретаря разослал печатные экземпляры «Соображений» О.О. Эйхельмана (до статьи 105) (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 349–415), взамен разосланных 3 апреля (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 346), Николаю II (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 68–131) и членам Совещания (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 185–251). «Соображения» Эйхельмана царь, очевидно, читал 5 апреля, когда он «занимался». Тогда же в семь часов вечера монарх «принял» Д.Ф. Трепова (Дневники императора Николая II..., 2013: 123) и, несомненно, с ним и решил вопрос о дате открытия Совещания.

С.Ю. Витте 6 апреля «по высочайшему повелению» направил П.А. Харитонову «срочное» письмо (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 419), в котором сообщал: «Государь Император назначил Совещание по Основным законам [на] пятницу, в 9 часов вечера. Благоволите сделать распоряжения» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 420–421). Во всеподданнейшем докладе 6 апреля Харитонов, напомнив Николаю II, что на завтра назначено Совещание под его председательством «по пересмотру Основных государственных законов», информировал царя о представлении ему, в дополнение к уже присланным материалам, предложенных П.Н. Дурново изменений и дополнений «некоторых статей» проекта Основных законов. Находившиеся далее слова «выработанного Советом министров» Харитонов зачеркнул, тем самым оттеняя свой авторский приоритет относительно первоначального проекта (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 422). К докладу было приложено сравнительное изложение соответствующих статей и предложений Дурново (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 423–428). Печатную копию его письма Харитонову от 4 апреля последний отправил и членам Совещания (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 272–273). Замечания Дурново Николай II читал вечером 6 апреля, когда записал: «Занимался до 8 час[ов] и после обеда» (Дневники императора..., 2013: 123). Тем временем происходило информирование членов Совещания о царском волеизъявлении.

Извещение о первом заседании Совещания П.А. Харитонов разослал 6 апреля великим князьям (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 430) и остальным его членам (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 429). В извещении говорилось: «Заседание Совещания, под Личным Его Императорского Величества председательством, по пересмотру Основных государственных законов назначено завтра, в пятницу, 7 апреля, в 9 час. вечера, в Царском Селе. Отправление поезда из С.-Петербурга в Царское Село последует от Императорского павильона Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (Царскосельская линия) в 8 ч. 15 м. вечера» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 5. Д. 26. Л. 5). В тот же день, 6 апреля, Харитонов сообщил гофмаршалу графу П.К. Бенкендорфу дату и время первого заседания Совещания и список его членов (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 431–432). От Гофмаршальской части Министерства Двора зависела непосредственная организация работы Совещания.

Подготовку документальной базы Совещания П.А. Харитонов завершил в день его открытия, 7 апреля, когда при всеподданнейшем докладе представил Николаю II проект Основных законов, извлеченный из «Соображений» О.О. Эйхельмана (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Л. 179). Проект тогда же был разослан членам Совещания (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1346. Л. 253–271). Формирование

же состава Сопещания завершилось уже после его первого заседания, 8 апреля, когда в шесть часов вечера царь «принял» члена Государственного совета И.Л. Горемыкина (*Дневники императора...*, 2013: 123). По сведениям А.А. Половцова (согласно его дневниковой записи за 10 апреля), Горемыкин убеждал императора «оставить неприкосновенными теперешние законы, доколе не выяснится характер и деятельность Думы, а затем изменить Основные законы согласно обстоятельствам» (Половцов, 2014: 513). Таким образом, Горемыкин выказал себя сторонником сохранения прежних Основных законов, однако – не безусловным, поставив решение вопроса об издании новых Основных законов в зависимость от ситуации в нижней палате, открытие которой должно было состояться 27 апреля.

Монарх нашел позицию бывшего министра внутренних дел заслуживающей обсуждения и 8 апреля написал С.Ю. Витте: «Прошу пригласить в завтрашнее заседание моего Сопещания Ивана Логгиновича Горемыкина. Я имел его в виду, но пропустил при составлении списка членов этого Сопещания. Николай» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 456). Означало ли приглашение Горемыкина, что царь, если он не имел «в виду» этого сановника ранее, хочет избежать издания новых Основных законов? Представляется, что нет, поскольку Горемыкин не являлся безусловным противником их издания, а, кроме того, аналогичную позицию занимал и такой либеральный сановник, как А.Д. Оболенский. Если бы Николай II действительно не хотел издавать Основные законы, то назначил бы членами апрельского Сопещания заведомых противников конституционной реформы, например, графа А.П. Игнатьева, участвовавшего в июльском, декабрьском и февральском сопещаниях, однако император этого не сделал.

Царское письмо П.А. Харитонов получил от С.Ю. Витте в полдень 9 апреля 1906 г. (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 455), после чего сообщил Горемыкину об объявлении премьером высочайшей воли о том, что заседание Сопещания состоится вечером того же дня, и о препровождении адресату материалов, относящихся к данному делу (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 461). Этими материалами были все те документы, которые Харитонов рассылал членам Сопещания с 29 марта (РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 277. Л. 1-84), а также письмо, «Сопображения» и проект О.О. Эйхельмана (РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 278. Л. 1-89). Тем самым завершилось и формирование состава Сопещания.

5. Заключение

В ходе конституционной реформы 1906 г. выявилась политическая неоднородность бюрократической элиты Российской империи, а именно существование в ней либерального и консервативного крыла. Естественно, что либерализм сановников был умеренным, т. е. монархическим, однако это дает поводы для постановки проблемы монархического конституционализма. Николай II балансировал между этими крыльями и, в конечном итоге, склонялся, как правило, на сторону первого из них. Это обстоятельство отразилось на образовании и составе Сопещания по пересмотру Основных государственных законов. Отказавшись от внесения их проекта в законосовещательный Государственный совет и провоцирования тем самым общественного недовольства, император, однако, исходил из того, что конституция должна быть октроированной, и потому остановился на обсуждении проекта в бюрократическом Сопещании, а не в Государственной думе, не желая придавать ей функции Учредительного собрания.

Состав Сопещания Николай II, не без участия С.Ю. Витте, сформировал из либеральных и консервативных сановников, причем последние составляли меньшинство, тем более что членами Сопещания царь не назначил тех, кто в трех предыдущих сопещаниях под августейшим председательством (в июле и декабре 1905 и в феврале 1906 г.) зарекомендовал себя как ортодоксальные консерваторы. Уже на стадии подготовки Сопещания обозначили себя три точки зрения на конституционную реформу: либеральная, консервативная и аполитичная. Первую в своих замечаниях на проект Основных законов выразил И.Я. Голубев, вторую – П.Н. Дурново, третью – В.Б. Фредерикс.

Сам процесс подготовки Сопещания протекал под общим контролем Николая II и С.Ю. Витте и под непосредственным наблюдением члена-делопроизводителя Сопещания П.А. Харитонova. Товарищ государственного секретаря сумел наладить эффективную работу механизмов как информационного обеспечения деятельности Сопещания, так и деловой коммуникации между собой и его членами. Бюрократические практики, характерные для процесса подготовки Сопещания, не только достигли высокого уровня функциональности и рационализации, но и оперативно предоставили его членам, начиная с императора, обширную и гетерогенную в идеологическом отношении документальную базу. Вот почему анализ образования и состава Сопещания свидетельствует еще и о высоком уровне политической культуры бюрократической элиты Российской империи начала XX в.

Литература

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Водовозов, 1917 – Водовозов В.В. Царскосельские сопещания. II. Протоколы секретного Сопещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // *Былое*. 1917. № 4 (26). С. 188-245.

- Высшие и центральные..., 1998** – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917 гг. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. 301 с.
- Ганелин, 1984** – *Ганелин Р.Ш.* Часть вторая. Царизм и 1905 год. Глава 5. Реформа Государственного совета и принятие Основных законов / Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. С. 273-299.
- Ганелин, 1996** – *Ганелин Р.Ш.* Часть шестая. Реформы в период революции. Шаг к конституционной монархии. Глава 3. От Манифеста 17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. Принятие Основных законов и отставка первого российского кабинета / Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 523-536.
- Гессен, 1916a** – *Гессен В.М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) // *Право*. 1916. № 22. Стб. 1321-1331.
- Гессен, 1916b** – *Гессен В.М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) // *Право*. 1916. № 23. Стб. 1353-1357.
- Гурко, 2000** – *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 808 с.
- Данилов, 2006** – *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. М. – Жуковский: Кучково поле, 2006. 477 с.
- Дневники императора..., 2013** – Дневники императора Николая II (1894 – 1918). В 2 т. Т. 2. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2013. 824 с.
- Из архива С.Ю. Витте, 2003** – Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 646 с.
- Извольский, 1989** – *Извольский А.П.* Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. 192 с.
- Королева, 1982** – *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905 – 1907 гг. М.: Наука, 1982. 184 с.
- Крыжановский, 1997** – *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // *Вопросы истории*. 1997. № 2. С. 115-130.
- Крыжановский, 2009** – *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб.: Издательство «Российской национальной библиотеки», 2009. 228 с.
- Куликов, 1998** – *Куликов С.В.* Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / *Русское прошлое*. Историко-документальный альманах. 1998. Кн. 8. С. 91-164.
- Куликов, 2004** – *Куликов С.В.* Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // *Нестор*. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. № 4. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 29-64.
- Куликов, 2016** – *Куликов С.В.* Оболенский Алексей Дмитриевич / Россия в 1905–1907 гг. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2016. С. 621-627.
- Куликов, 2019** – *Куликов С.В.* Оттон Эйхельман и его проект Основных государственных законов 1906 г.: по новым документам // *Петербургский исторический журнал*. 2019. № 2. С. 82-99.
- Лопухин, 2008** – *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2008. 536 с.
- Львов (Клячко), 1928** – *Львов (Клячко) Л.М.* Звездная палата // *Минувшие годы*. 1928. № 3. С. 13-38.
- Менделеев, 2017** – *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. 1864 – 1933. М.: Кучково поле, 2017. 750 с.
- Островский, Сафонов, 1997** – *Островский А.В., Сафонов М.М.* 15-17 октября 1905 г. В царской резиденции (из записок А.А. Будберга) // *Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов*. Вып. 1. СПб., 1997. С. 391-412.
- Падение царского режима, 1924** – Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.-Л., 1924-1927. Т. 1. М.-Л.: Государственное издательство, 1924. 432 с.
- Половцов, 2014** – *Половцов А.А.* Дневник. 1893 – 1909. СПб.: Алетейя, 2014. 702 с.
- Протоколы..., 1906** – Протоколы заседаний Совещания под личным Его Императорского Величества председательством по пересмотру Основных государственных законов. 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 г. СПб.: Государственная типография, 1906. 94 с.
- Редигер, 1999** – *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999. 574 с.
- Русский конституционализм..., 2001** – Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. Сборник документов. М.: Гардарики, 2001. 489 с.
- Свод законов..., 1892a** – Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Государственная типография, 1892. 759 с.
- Свод законов..., 1892b** – Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2. СПб.: Государственная типография, 1892. 215 с.

Совет министров..., 1990 – Совет министров Российской империи. 1905 – 1906 гг. Документы и материалы. Л.: Наука, 1990. 473 с.

Соловьев, 2016 – Соловьев К.А. Часть третья. Реформы в 1905 – 1914 гг. Глава 3. Основные государственные законы / Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4 т. Т. 3. Вторая половина XIX – XX в. М.: РОССПЭН, 2016. С. 274-286.

Таганцев, 1919 – Таганцев Н.С. Пережитое. В 2 вып. Вып. 1. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. 224 с.

Толстой, 2002 – Толстой И.И. Мемуары. М.: Индрик, 2002. 463 с.

Христофоров, 2005 – Христофоров И.А. Глава 7. От самодержавия к думской монархии. «однородное правительство» С.Ю. Витте, революция и «конституционные» реформы // Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 406-409.

Юридическое общество..., 1902 – Юридическое общество при Императорском С.-Петербургском университете за двадцать пять лет (1877 – 1902). СПб.: Сенатская типография, 1902. 164 с.

Szeftel, 1976 – Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma monarchy. Bruxelles: Les Editions de la Librairie Encyclopédique, 1976. 517 p.

References

Danilov, 2006 – Danilov, Yu.N. (2006). Velikii knyaz' Nikolai Nikolaevich [Grand Duke Nikolai Nikolaevich]. М. – Zhukovskii: Kuchkovo pole, 477 p. [in Russian]

Dnevnik imperatora..., 2013 – Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894 – 1918) [Diaries of Emperor Nicholas II (1894-1918)]. V 2 t. T. 2. V 2 ch. Ch. 1. М.: ROSSPEN, 2013. 824 p. [in Russian]

Ganelin, 1984 – Ganelin, R.Sh. (1984). Chast' vtoraya. Tsarizm i 1905 god. Glava 5. Reforma Gosudarstvennogo soveta i prinyatie Osnovnykh zakonov [Part two. Tsarism and 1905. Chapter 5. The reform of the State Council and the adoption of Fundamental Laws]. Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917. L.: Nauka: 273-299. [in Russian]

Ganelin, 1996 – Ganelin, R.Sh. (1996). Chast' shestaya. Reformy v period revolyutsii. Shag k konstitutsionnoi monarkhii. Glava 3. Ot Manifesta 17 oktyabrya 1905 g. k Tret'eiyun'skomu perevorotu 1907 g. Prinyatie Osnovnykh zakonov i otstavka pervogo rossiiskogo kabineta [Part six. Reforms during the revolution. A step towards a constitutional monarchy. Chapter 3. From the Manifesto of October 17, 1905 to the Third June Coup of 1907. The adoption of Fundamental Laws and the resignation of the first Russian cabinet]. Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoj Rossii. SPb.: Dmitrii Bulanin: 523-536. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gessen, 1916a – Gessen, V.M. (1916). Chetyre redaktsii (K istorii teksta Osnovnykh zakonov) [Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws)]. Pravo. 22: 1321-1331. [in Russian]

Gessen, 1916b – Gessen, V.M. (1916). Chetyre redaktsii (K istorii teksta Osnovnykh zakonov) [Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws)]. Pravo. 23: 1353-1357. [in Russian]

Gurko, 2000 – Gurko, V.I. (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 808 p. [in Russian]

Iz arkhiva S.Yu. Vitte, 2003 – Iz arkhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya. Rasskazy v stenograficheskoi zapisi. Rukopisnye zametki [From the archive of S.Y. Witte. Memories. The stories are in shorthand. Handwritten notes]. V 2 t. T. 2. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2003. 646 p. [in Russian]

Izvol'skii, 1989 – Izvol'skii, A.P. (1989). Vospominaniya [Memoirs]. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 192 p. [in Russian]

Khristoforov, 2005 – Khristoforov, I.A. (2005). Glava 7. Ot samoderzhaviya k dumskoj monarkhii. «odnorodnoe pravitel'stvo» S.Yu. Vitte, revolyutsiya i «konstitutsionnye» reformy [Chapter 7. From autocracy to the Duma monarchy. "homogeneous government" by S.Y. Witte, revolution and "constitutional" reforms]. Pervaya revolyutsiya v Rossii: vzglyad cherez stoletie. М.: Pamyatniki istoricheskoi mysli: 406-409. [in Russian]

Koroleva, 1982 – Koroleva, N.G. (1982). Pervaya rossiiskaya revolyutsiya i tsarizm. Sovet ministrov Rossii v 1905 – 1907 gg. [The first Russian Revolution and tsarism. The Council of Ministers of Russia in 1905 – 1907]. М.: Nauka, 184 p. [in Russian]

Kryzhanovskii, 1997 – Kryzhanovskii, S.E. (1997). Zametki russkogo konservatora [Notes of a Russian conservative]. Voprosy istorii. 2: 115-130. [in Russian]

Kryzhanovskii, 2009 – Kryzhanovskii, S.E. (2009). Vospominaniya. Iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiiskoi imperii [Memoirs. From the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last Secretary of State of the Russian Empire]. SPb.: Izdatel'stvo «Rossiiskoi natsional'noi biblioteki», 228 p. [in Russian]

Kulikov, 1998 – Kulikov, S.V. (1998). Novye materialy k istorii sozdaniya Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov 1906 g. [New materials for the history of the creation of the Fundamental State

- Laws of 1906]. *Russkoe proshloe. Istoriko-dokumental'nyi al'manakh*. 8: 91-164. [in Russian]
- [Kulikov, 2004](#) – *Kulikov, S.V.* (2004). Institut ekspertizy pri sozdanii Osnovnykh zakonov 1906 g. Neopublikovannye dokumenty [Institute of Expertise in the creation of the Fundamental Laws of 1906. Unpublished documents]. *Nestor № 4. Ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. Nauka i vlast'. Istochniki, issledovaniya, retsenzii*. SPb.: Nestor-Istoriya: 29-64. [in Russian]
- [Kulikov, 2016](#) – *Kulikov, S.V.* (2016). Obolenskii Aleksei Dmitrievich [Obolensky Alexey Dmitrievich]. *Rossiya v 1905–1907 gg. Entsiklopediya*. M.: ROSSPEN: 621-627. [in Russian]
- [Kulikov, 2019](#) – *Kulikov, S.V.* (2019). Otton Eikhel'man i ego proekt Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov 1906 g.: po novym dokumentam [Otton Eichelman and his draft Fundamental State Laws of 1906: according to new documents]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2: 82-99. [in Russian]
- [Lopukhin, 2008](#) – *Lopukhin, V.B.* (2008). Zapiski byvshego direktora Departamenta Ministerstva inostrannykh del [Notes of the former director of the Department of the Ministry of Foreign Affairs]. SPb.: Nestor-Istoriya, 536 p. [in Russian]
- [L'vov \(Klyachko\), 1928](#) – *L'vov (Klyachko), L.M.* (1928). Zvezdnaya palata [Star Chamber]. *Minuvshie gody*. 3: 13-38. [in Russian]
- [Mendeleev, 2017](#) – *Mendeleev, P.P.* (2017). Svet i teni v moei zhizni. Obryvki vospominanii. 1864 – 1933 [Light and shadows in my life. Fragments of memories. 1864-1933]. M.: Kuchkovo pole, 750 p. [in Russian]
- [Ostrovskii, Safonov, 1997](#) – *Ostrovskii, A.V., Safonov, M.M.* (1997). 15-17 oktyabrya 1905 g. V tsarskoi rezidentsii (iz zapisok A.A. Budberga) [October 15-17, 1905 In the royal residence (from the notes of A.A. Budberg)]. *Angliiskaya naberezhnaya, 4. Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov*. Vyp. 1. SPb.: 391-412. [in Russian]
- [Padenie tsarskogo rezhima, 1924](#) – Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychnoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva [The fall of the tsarist regime. Verbatim reports of interrogations and testimony given in 1917 to the Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government]. V 7 t. M.-L., 1924-1927. T. 1. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 432 p. [in Russian]
- [Polovtsov, 2014](#) – *Polovtsov, A.A.* (2014). Dnevnik. 1893 – 1909 [Diary. 1893 – 1909]. SPb.: Aleteiya, 702 p. [in Russian]
- [Protokoly..., 1906](#) – Protokoly zasedanii Soveshchaniya pod lichnym Ego Imperatorskogo Velichestva predsedatel'stvom po peresmotru Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov. 7, 9, 11 i 12 aprelya 1906 g. [Minutes of the meetings of the Meeting under the personal chairmanship of His Imperial Majesty on the revision of the Basic Fundamental Laws. April 7, 9, 11 and 12, 1906]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1906. 94 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rediger, 1999](#) – *Rediger, A.F.* (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [The story of my life. Memoirs of the Minister of War]. V 2 t. T. 1. M.: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 574 p. [in Russian]
- [Russkii konstitutsionalizm..., 2001](#) – Russkii konstitutsionalizm: ot samoderzhaviya k konstitutsionno-parlamentskoi monarkhii. Sbornik dokumentov [Russian Constitutionalism: from Autocracy to Constitutional-parliamentary monarchy. Collection of documents]. M.: Gardariki, 2001. 489 p. [in Russian]
- [Solov'ev, 2016](#) – *Solov'ev, K.A.* (2016). Chast' tret'ya. Reformy v 1905 – 1914 gg. Glava 3. Osnovnye gosudarstvennye zakony [Part Three. Reforms in 1905 – 1914. Chapter 3. Fundamental State laws]. *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX v.* V 4 t. T. 3. Vtoraya polovina XIX – XX v. M.: ROSSPEN: 274-286. [in Russian]
- [Sovet ministrov..., 1990](#) – Sovet ministrov Rossiiskoi imperii. 1905 – 1906 gg. Dokumenty i materialy [Council of Ministers of the Russian Empire. 1905 – 1906 Documents and materials]. L.: Nauka, 1990. 473 p. [in Russian]
- [Svod zakonov..., 1892a](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. T. 1. Ch. 1. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1892. 759 p. [in Russian]
- [Svod zakonov..., 1892b](#) – Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. T. 1. Ch. 2. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1892. 215 p. [in Russian]
- [Szeftel, 1976](#) – *Szeftel, M.* (1976). The Russian Constitution of April 23, 1906. Political institutions of the Duma monarchy. Bruxelles: Les Editions de la Librairie Encyclopédique, 517 p.
- [Tagantsev, 1919](#) – *Tagantsev, N.S.* (1919). Perezhitoe [The experience]. V 2 vyp. Vyp. 1. Pg.: 18-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 224 p. [in Russian]
- [Tolstoi, 2002](#) – *Tolstoi, I.I.* (2002). Memuary [Memoirs]. M.: Indrik, 463 p. [in Russian]
- [Vodovozov, 1917](#) – *Vodovozov, V.V.* (1917). Tsarskosel'skie soveshchaniya. II. Protokoly sekret'nogo Soveshchaniya v aprele 1906 g. pod predsedatel'stvom byvshego imperatora po peresmotru Osnovnykh zakonov [Tsarskoye Selo meetings. II. Minutes of a secret Meeting in April 1906 chaired by the former emperor on the revision of the Fundamental Laws]. *Byloe*. 4 (26): 188-245. [in Russian]
- [Vysshie i tsentral'nye..., 1998](#) – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801 –

1917 gg. T. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdeniya. [Higher and central state institutions of Russia. 1801 – 1917 Vol. 1. Higher state institutions]. SPb.: Nauka, 1998. 301 p. [in Russian]

Yuridicheskoe obshchestvo..., 1902 – Yuridicheskoe obshchestvo pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete za dvadtsat' pyat' let (1877 – 1902) [Law Society at the Imperial St. Petersburg University for twenty-five years (1877-1902)]. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1902. 164 p. [in Russian]

Совещание под председательством Николая II по пересмотру Основных государственных законов: образование и состав (март–апрель 1906 г.)

Сергей Викторович Куликов^{а, *}

^а Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Впервые в научной историографии с привлечением неизвестных ранее архивных документов, которые хранятся в ГАРФ и РГИА, рассматривается процесс подготовки Совещания под председательством Николая II по пересмотру Основных государственных законов. Совещание заседало в Царском Селе в апреле 1906 г. Его значение определяется тем, что в результате 23 апреля 1906 г. царь утвердил новые Основные законы, ставшие первой российской действующей конституцией. Естественно, что на ход Совещания и на его итоги большое влияние оказали обстоятельства образования Совещания и его состав. Исходя из важности данной проблемы, автор анализирует бюрократические практики, свойственные процессу подготовки Совещания. В связи с этим изучаются инициирование Совещания и назначение его членов, к чему были непосредственно причастны Николай II и председатель Совета министров граф С.Ю. Витте. Особое внимание уделяется реализации функции контроля над подготовкой Совещания, что входило в компетенцию не только царя и премьер-министра, но и товарища (заместителя) государственного секретаря П.А. Харитонов, который заведовал делопроизводством Совещания. Исследуется механизмы как информационного обеспечения деятельности Совещания, так и деловой коммуникации между его членами и Харитоновым. Рассматривается политическая дифференциация, проявившаяся в среде членов Совещания уже на стадии его подготовки, в том числе и вследствие идеологической гетерогенности материалов, предоставленных монарху и царским сановникам. Делается вывод о том, что образование и состав Совещания свидетельствуют о высоком уровне политической культуры бюрократической элиты Российской империи начала XX в.

Ключевые слова: Совещание, Основные законы, император, Совет министров, Государственная канцелярия, либерализм, консерватизм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergeykulikov70@mail.ru (С.В. Куликов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1910-1919
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1910

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reflection of the Topic of Public Education on the Pages of the Newspaper “Terskiye Vedomosti” in 1907–1912

Lina R. Gaunova ^a, Yuzanna M. Azikova ^a, Peter A. Kuzminov ^{a,*}, Zareta H. Soblirova ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reflection of complex problems of education in the post-revolutionary period on the pages of the official regional newspaper “Terskiye Vedomosti”. Despite the status of this periodical, articles often appeared on its pages critically highlighting the problems of modern schools, including Gorskaya, the shortcomings of the educational system and the influence of the political situation in the region on the quality of student education. The identified publications emphasized the importance of national education of the mountain peoples and the adaptation of curricula to local peculiarities. Their analysis has allowed us to deepen our understanding of the educational policy pursued in the region.

Special attention is paid to the problems of introducing universal primary education, the difficulties in organizing the school network, and the lack of trained local teachers. Specific examples of publications that activate the attention of the public, district and regional administrations to topical issues in the field of education are given.

By publishing articles, notes, and essays on the state of children's education in schools on the pages of the Tersk Vedomosti, the editorial board formed an active civic position among readers towards the surrounding reality, contributed to the development of public thought, raised questions about the need to modernize traditional relations, and attracted the advanced part of the population to participate in the transformation of society.

Keywords: Periodical press, Terskiye Vedomosti, public education, the North Caucasus, universal primary education, the Caucasian Educational District, the Third State Duma.

1. Введение

С момента своего становления образование, а затем и печать стали основными факторами развития общества. Во второй половине XIX – начале XX вв., когда грамотное население Терской области получило доступ к массовой печатной продукции, периодические издания стали важнейшим общественным инструментом распространения пропаганды образовательных идей и методик.

Первый номер газеты «Терские ведомости» вышел 1 января 1868 г. на пике либеральных преобразований 50–70-х годов XIX в. на Северном Кавказе. Помимо новостей и политики, газета уделяла внимание вопросам образования и просвещения. В статьях и обзорах издания часто поднимались проблемы воспитания, нехватки учебных заведений, низкой квалификации учителей, социального неравенства в образовании и др.

Анализ этих материалов помогает понять потребности местного населения в образовании, оценить провалы и успехи, трудности, связанные с их реализацией, в контексте реформаторских усилий нарождающейся интеллигенции горских народов.

Таким образом, изучение публикаций в газете «Терские ведомости», посвященных проблемам образования, просвещения, культуры дает возможность реконструировать исторический контекст

* Corresponding author

E-mail addresses: petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

попыток проведения образовательных реформ начала XX века, что обуславливает актуальность данного исследования.

2. Материалы и методы

Материалами для статьи послужили многочисленные выпуски газеты «Терские ведомости» за 1907–1912 гг.

Газета начала свою творческую жизнь с 1 января 1868 г. во Владикавказе, изначально выходя один раз в неделю. С 1884 г. она стала выходить дважды в неделю, а в 1892 году благодаря растущей популярности «Терские ведомости» начали печататься три раза в неделю. С июля 1901 г. новые выпуски стали доступны ежедневно. В мае 1917 г. газета была переименована в «Терский вестник», последний выпуск которого вышел 31 декабря 1917 г. Газета публиковала официальные и неофициальные известия из жизни Российской империи, Кавказа, Терской области, а также актуальные новости, освещала общественные события, культурные мероприятия, вопросы местного самоуправления, этнографические и исторические очерки и исследования и др.

Важными источниками процесса реконструкции образовательного пространства являются опубликованные результаты деятельности Государственной Думы Третьего созыва ([Закон..., 1912; О реформе..., 1911](#)) и др.

Методологической основой исследования стал комплекс современных общенаучных исторических принципов и методов, дающих возможность многогранного анализа роли газеты в актуализации проблем образования северокавказской провинции.

Принцип историзма стал для нас основой при изучении публикаций, освещающих социально-политическую и образовательную ситуацию в Терской области после снижения амплитуды революционных выступлений в стране.

Принцип системности дал возможность рассмотреть народное образование у горских народов как формирующуюся систему, обусловленную параметрами имперского образовательного пространства.

Метод контент-анализа позволил изучить количественные параметры содержания выпусков «Терских ведомостей», показать влияние политических процессов в стране и в крае на качество публикуемых статей о проблемах просвещения.

Историко-генетический метод помог выявить особенности развития народного образования, нашедшего детальное отражение на страницах «Терских ведомостей».

3. Обсуждение

Несмотря на то что газета «Терские ведомости» являлась одним из ведущих периодических изданий на Северном Кавказе, нами выявлено ограниченное число исследований, посвященных ее истории и анализу проблем образования. Общее представление об истории газеты дает статья К.У. Таутиева и Ф.С. Киреева ([Таутиев, Киреев, 2015](#)), где в самой общей форме дана характеристика содержания газеты. Авторы знакомят нас с редакторами, которые внесли наибольший вклад в развитие «Терских ведомостей».

Изучением системы народного образования в начале XX века на Кавказе занималось немало ученых ([Cherkasov, 2023; Natolochnaya et al., 2022; Shevchenko et al., 2016](#)), однако в этих исследованиях не затрагивались вопросы освещения школьного дела в периодической печати. Изучением периодики на Кавказе занимались А.М. Мамадалиев, В.С. Никитина, Н.В. Свечникова и И.Ю. Черкасова. Под их авторством вышла статья ([Mamadaliyev et al., 2022](#)), посвященная педагогической периодической печати в 1867–1916 гг.

Значимость периодической печати как исторического и историографического источника отражена в исследовании Х.Р. Никаева ([Никаев, 2013](#)), который под руководством профессора П.А. Кузьмина предпринял попытку обосновать возможность трансформации газетных статей из исторических источников в историографические.

Хронологические границы исследования связаны с деятельностью Третьей Государственной Думы, поскольку именно в этот период на страницах периодических изданий особенно ярко отражена широкая палитра подходов в освещении вопросов образования. В этом отношении нам интересны статьи Е.И. Головач ([Головач, 2008](#)) и А.В. Калачева ([Калачев, 2014](#)). Они посвящены анализу образования в 1907–1912 гг. в России. Интерес вызывает исследование А.В. Овчинникова ([Овчинников, 2000](#)), посвященное работе Третьей Государственной Думы. Автор исследует противоречивый характер работы думских комиссий и приходит к выводу о том, что, несмотря на незаконченность многих предложенных в тот период реформ, они сумели сформировать нормативно-правовую основу для последующих преобразований в области начального образования.

4. Результаты

Газета «Терские ведомости» – официальный орган областной администрации и кавказского наместничества – была важным источником информации и для местного населения, отражая культурную, образовательную и социальную динамику региона. На ее страницах публиковались

статьи, освещающие экономические, общественные и культурные аспекты жизни Терской области, включая этнографические очерки, описания местных традиций и обычаев (Программа..., 1868: 1), а также аналитические материалы об экономическом развитии региона.

Печатное пространство газеты было разделено на две неравные части – официальную и неофициальную. В первой, значительно меньшей по объему, размещались распоряжения, приказы, назначения на должности, присвоение наград военнослужащим и чиновникам. Во второй – телеграфные сообщения, местные новости, обстоятельные статьи по жизни и быту народов Центрального Кавказа, театральные заметки, объявления, некрологи и др. За время существования газеты у нее сменилось множество редакторов, каждый из которых внес свой вклад в ее развитие. К сожалению, выявить в архивохранилищах г. Владикавказа, где издавалась газета, материал о работе редакционной коллегии пока не удалось.

Первым редактором стал Адыль-Гирей Кешев, известный просветитель, знаток жизни горцев, который в своих публикациях по этнографии и истории абазин и кабардинцев дал детальную картину повседневной жизни горцев (Таугиев, Киреев, 2015: 260). Интересно, что, по данным Р.Х. Хашхожевой, должность редактора он занял 3 августа 1867 г. (Хашхожева, 2000: 110), а первый номер газеты вышел 1 января 1868 г., то есть пять месяцев будущий редактор потратил на формирование коллектива сотрудников редакции, подписание договора о публикации газеты в типографии и др.

П.А. Кузьминов предложил расширить известный кавказоведам список опубликованных статей Адыль-Гирей Кешева и внес в него объемную статью анонимного автора «Освобождение крестьян в туземном населении Терской области» (Освобождение..., 1868: 2-3; Освобождение..., 1868а: 3; Кузьминов, 2020: 39-42).

Коллеги Кешева. Николай Благовещенский, Евгений Максимов и др., внесли свой вклад в развитие газеты, добавляя новые рубрики и увеличивая частоту выхода номеров (Таугиев, Киреев, 2015: 261).

Важной темой для обсуждения на страницах периодической печати в начале века было народное образование. Особенно интересен в этом отношении период 1907–1912 гг. – время работы Третьей Государственной Думой, позже получившей название «Думы народного просвещения» (Овчинников, 2000: 73).

Основные вопросы, рассматриваемые думными комиссиями, касались внедрения всеобщего начального образования. Хотя Дума не смогла принять окончательный вариант соответствующего законопроекта, за время ее деятельности были утверждены несколько «мелких» законов, которые заложили правовую основу дальнейших образовательных реформ в России (Головач, 2008: 30).

На Кавказе в начале 1907 г. ситуацию в области народного образования можно назвать непростой. Дело в том, что в некоторых регионах «градус» революционной активности еще не снизился, вспыхивали локальные восстания, протесты и выступления молодежи, в том числе учеников, с антиимперскими высказываниями, а школы, училища, гимназии оставались штаб-квартирами оппозиционных активистов. Подобная атмосфера не позволяла начать реализацию крупных преобразований в повседневной жизни, культуре, образовании, но это не мешало освещать их в периодической печати.

Проигранная Русско-японская война (1904–1905 гг.) и страшные события революции (1905–1907 гг.) побудили известного юриста, профессора, публициста В.Д. Каткова откровенно высказать свои политические убеждения, свое отношение к деятельности сил, поставивших на повестку дня уничтожение законной власти. В статье «Школа и воспитание» от 1 августа 1907 года он рассуждает о причинах поражения в войне с Японией и заявляет о том, что ответственность за это лежит на необразованных «прапорщиках запаса», которые не имеют, в силу низкого уровня образования, представления о субординации, верности присяге, поэтому только «развращают армию». Виновата в этом современная школа, которая не только ничему не учит, но и «убивает веру в Бога, разрушает основы народной морали, опаивает неустановившуюся молодежь социалистическими и абстрактными политическими усилиями» (Школа и воспитание, 1907: 1-2).

Развил эту мысль анонимный автор в статье от 15 августа 1907 г. Он отметил, что за последние несколько лет обучение в школе отошло на второй план, уступив место революционным идеям, которые заполнили умы учеников. Автор жалуется на то, что школы превратились в центры революционной деятельности, где учащиеся не брезгают участием в убийствах представителей власти и грабежах почтовых карет и банков. Несмотря на это, ученики осознают важность получения диплома и тех прав, которые он предоставляет, поэтому они все равно стремятся его получить. Это, по мнению автора, приведет к тому, что «врачи станут морить своих пациентов, архитекторы будут строить картонные домики, которые будут валиться и давить людей». Автор настаивает на том, что школа должна служить исключительно науке, и в ней не должно быть места политике (К началу..., 1907: 3).

Интересна статья, опубликованная 18 апреля 1907 года. Автор, освещая амплитуду политической активности старшеклассников реальных училищ и гимназий, пишет, что в таком «развращенном» поведении виновны не только ученики, но и учителя, которым недостает

понимания, что такое «национальная школа». Аноним рассуждает о том, что у России есть своя история, которая сформировала менталитет народа, его восприятие науки и образования; именно это должно стать основой воспитания будущих поколений. Ребенок не только индивид, он еще и член того социального организма, в рамках которого будет протекать его жизнь, поэтому важно учитывать уровень развития культуры и особенности жизни в конкретном социуме, и только тогда школа станет «национальной» (Школа должна..., 1907: 1).

В процессе изложения материала автор пришел к выводу о том, что, если школа забывает свои национальные задачи, она воспитывает людей, которые нигде в мире не находят себе родной среды, так как реальный мир построен не на космополитических началах, а на основах государственной и национальной обособленности (Школа должна..., 1907а: 1).

Такой же политизированной, как и в Центральной России, была ситуация на Кавказе. В 1907 г. на пост Попечителя Кавказского учебного округа был назначен статский советник Н.Ф. Рудольф, которому было дано поручение «оздоровить» кавказскую школу и избавить ее от революционного элемента. Пресса не раз восхваляла нового Попечителя, называя его «сторонником дела, а не слова» (Владикавказ, 1909: 2).

Его работа началась с публикации в официальных органах печати на Кавказе, в том числе и в «Терских ведомостях» с обращения «Г. г. Начальникам учебных заведений и учреждений Кавказского учебного округа» (Г. г. Начальникам..., 1907: 3). Попечитель напомнил читателям о том, что развитие народного образования зависит от совместной работы не только учащегося или окружного персонала, но и от представительных учреждений, и любых лиц, заинтересованных в продвижении школьного дела.

Не забыл Попечитель затронуть и проблему нравственного развития молодежи, заявив, что «внедрение в образовательный процесс принципов правильного воспитания и обучения, возможно лишь при условии отсутствия чрезмерных притязаний и нетерпимости, при уважении к мнению других и при неуклонном следовании целям, поставленным школой. Для достижения успеха в этом деле педагогический состав должен быть в курсе потребностей местного населения, а учебно-административные органы округа должны активно способствовать открытию образовательных учреждений» (Г. г. Начальникам..., 1907: 3). В заключение Н.Ф. Рудольф выразил надежду, что это обращение приведет к установлению с ним живой связи, которую он обещает поддерживать.

Считаем, что этот призыв должен был успокоить местное население, обосновать перспективы развития образования, а также успокоить тех, кто за прошедшие неспокойные годы потерял уверенность в интеллектуальных возможностях кавказской школы давать глубокие знания.

Таким образом, несмотря на то, что после третьеиюньского переворота страну захлестнула волна официально-охранительной идеологии, Попечитель Кавказского учебного округа отстаивает приоритет развития знаний у школьников, а не верноподданнических настроений.

После 1907 г. количество статей, посвященных воспитанию в школах, заметно падает, уступив место другой, более актуальной теме – введению всеобщего начального образования.

Проект введения всеобщего начального обучения был разработан в 1906 году либеральным министром И.И. Толстым, который допускал определенную возможность равного участия государства и местных властей в развитии школьной сети, тем самым должны были учитываться особенности регионов и многонационального населения страны. Однако активно проект начал обсуждаться только в период работы Третьей Государственной думы. Ввиду изменения политической обстановки подготовленный проект необходимо было переработать, но острые партийные разногласия в думских комиссиях не позволяли ратифицировать закон. Тем не менее, 3 мая 1908 г. император Николай II утвердил документ, который некоторые исследователи называют «финансовым законом о введении всеобщего начального образования» (Калачев, 2014: 16).

В соответствии с ним ежегодно на всеобщее начальное обучение выделялись дополнительные средства в размере 6,9 млн рублей. Закон определял порядок расходования этих средств на строительство и оснащение школ, а также на предоставление пособий земствам, городским и сельским обществам (Закон..., 1912: 166-167).

Проблема организации школьной сети в регионах должна была решаться местными органами власти, в связи с этим Попечитель Кавказского учебного округа периодически созывал для обсуждения общих вопросов образования представителей общественных организаций и учебных заведений. Новая форма общения вызвала интерес у образованной части населения Кавказа, была поддержана интеллигенцией, способствовала открытому обсуждению этих вопросов на страницах «Терских ведомостей».

В одном из номеров, в статье под заголовком «Всеобщее обучение на Кавказе», неизвестный автор рассуждает, с какими проблемами столкнется учебный округ при осуществлении своей политики. Он выделяет три задачи, которые необходимо решить для успешной реализации реформы: 1) увеличить количество учителей из местной среды; 2) создать новую учебную программу, которая будет подстраиваться под нужды горского населения; 3) учебники для школ должны быть переработаны с учетом культурных особенностей региона (Всеобщее обучение..., 1908: 1-2). Автор статьи утверждает, что эти меры позволят интегрировать горское общество в систему светского

образования, при этом сохранив уникальную идентичность местного компонента. По всей видимости, аноним был представителем автохтонного кавказского населения, имел достаточно высокий интеллектуальный уровень, работал в областных структурах образования края. Отсюда – четкая постановка наиболее значимых вопросов в деле обучения детей.

Для реконструкции системы школьного образования в исследуемый период большой интерес представляет публикация активного общественного деятеля станицы Ессентукской, Кавказских Минеральных вод, генерал-майора артиллерии в отставке Николая Лаврентьевича Решетина. Данная публикация посвящена школьному делу в Терской области в 1909 году. Вопросы образования были для него не чужими, поскольку после окончания Михайловской артиллерийской академии в Петербурге он преподавал в Казанском пехотном юнкерском училище.

Серьезно работая над статьей, он привлек массу опубликованного материала, в том числе закрытый для общественности отчет Попечителя Кавказского учебного округа, что позволило ему включить в свое исследование множество статистических данных, раскрывающих образовательную политику в регионе. О значимости данной публикации говорит то, что она была помещена в 6-ти выпусках «Терских ведомостей» и размещалась на первых страницах газеты (Решетин, 1910: 2; Решетин, 1910a: 2; Решетин, 1910b: 1; Решетин, 1910c: 1; Решетин, 1910d: 2; Решетин, 1910e: 1).

В начале статьи Н.Л. Решетин выражает сомнение в возможности в ближайшей перспективе ввести всеобщее обучение. Обосновывая это положение, автор приводит отрывок из отчета Попечителя, в котором говорится о сложности работы в регионе, поскольку здесь отсутствуют земства как легитимные органы самоуправления. Перегруженность работой аппарата Дирекции народных училищ, недостаток подготовленных кадров для управления школьным делом в области и отсутствие альтернативного общественного учреждения, отстаивающего интересы населения, значительно ухудшают эффективность работы чиновников, что замедляет процесс разработки финансового плана введения всеобщего начального образования. Однако, несмотря на эти сложности, отчет фиксирует определенные достижения в области школьного дела.

Решетин приводит официальные данные по всем типам учебных заведений, дополняя их собственными комментариями, которые интересны с точки зрения выяснения отношения автора к освещаемому вопросу и расширения познавательных функций анализируемых статей.

Рассматривая ситуацию по организации среднего образования в Терской области, он приходит к выводу о том, что реальные училища являются наиболее подходящим типом учебных заведений для Северного Кавказа. Доказывая это, автор приводит данные статистики: в отчетном году (1909) было подано 1 060 заявок на поступления в реальные учебные заведения, из-за сложности экзаменов 311 человек выбыл, а 43-м пришлось отказать из-за недостатка мест (Решетин, 1910: 2), т. е. одна треть желающих получить среднее образование была лишена этой возможности. Хотя, с другой стороны, благодаря открытию двух новых училищ, в том числе и в слободе Нальчик, общий прирост учеников-реалистов в Терской области увеличился на четверть (Решетин, 1910: 2).

Количество средних женских учебных заведений за 1909 г. не изменялось: в Терской области работало 6 гимназий и 1 прогимназия. Как и в случае, описанном ранее, количество желающих поступить было намного больше, т. е. из 1 026 поданных заявлений поступило всего 540, т. е. 52 %.

Также обстояли дела и во Владикавказской женской прогимназии, где из-за ограниченного количества мест из 144 заявившихся девушек было отказано 89-ти, т. е. 61 % был лишен возможности получить хорошее образование. Такой наплыв заявлений автор объясняет низкой стоимостью обучения. Отсюда обоснованный вывод – в Терской области необходимо строить и развивать именно такие доступные по стоимости школы (Решетин, 1910a: 2).

Интересны рассуждения Решетина о необходимости открытия учительских семинарий в Терской области, поскольку их здесь вообще не было. Основная проблема, по мнению автора статьи, – это многонациональный состав региона, что затрудняет открытие школ и постановку преподавания в уже имеющихся учебных заведениях. В Терской области своих учителей нет, следовательно, местное население обучают русские или осетинские педагоги, которые не всегда понимают своих воспитанников и, как следствие, не могут наладить эффективный учебный процесс. Отсюда разочарование местного населения в светской школе и недовольство учителями. Единственный выход, который видит автор, – дать горцам учителей из их же среды, для чего необходимо открыть учительские семинарии в Грозном, Хасав-Юрте или Ведено (Решетин, 1910b: 1). Предложение – замечательное, но реализовать его администрация области в тех условиях не смогла.

Освещая сложившуюся ситуацию в начальных школах области, Н.Л. Решетин обращает внимание на Грозненское Мариинское училище, куда трудно поступить из-за недостатка в нем свободных мест. Вместе с тем автор утверждает, что такие учебные заведения бессмысленны, поскольку учебный процесс в них ведется по устаревшей учебной программе, не дающей ни законченного образования, ни возможности поступить в среднее учебное заведение (Решетин, 1910c: 1).

Давая краткую характеристику городских училищ, он замечает, что большинство учащихся в них – русские, в то время как горцы представлены в основном осетинами-христианами; мусульман же учится всего 20 человек.

Большее количество мусульман обучается в горских школах, которых на момент составления отчета было две¹ (г. Назрань и г. Грозный). Решетин указывает на неудовлетворительную постановку учебы в этих школах, но подчеркивает доступную стоимость обучения, что было притягательным фактором для горцев (Решетин, 1910d: 2).

Особенно отставного генерала интересовали промышленные училища и низшие ремесленные школы, которые, по его мнению, могли бы сыграть большую роль в жизни местного населения, насыщая рынок недостаточными товарами. В связи с этим он предложил открыть в области небольшие учебные заведения, где смогут обучать различным ремеслам – сапожному, портняжному, столярному и т.д. Эти школы будут полностью самокупаемые за счет продажи собственных изделий, поэтому возможно сделать их бесплатными (Решетин, 1910e: 1).

Таким образом, автор, хотя и не делает четких выводов о причинах низкого уровня грамотности среди горцев, но ясно передает общественное беспокойство по поводу нехватки школ и малого количества мусульман среди учащихся. Цель публикации – привлечь внимание не только широкого круга читателей, но и учебной администрации области и Кавказского наместничества к актуальным проблемам образования. Комментарии придают статье не просто форму сухого отчета, а превращают ее в исследование, автор которого искренне заинтересован в судьбе жителей региона. Публикация этого острого материала в «Терских ведомостях» свидетельствует о понимании проблемы не только редакцией, но и администрацией области.

В первой половине 1912 г. закон о всеобщем начальном образовании так и не был выработан ввиду острых партийных разногласий по этому вопросу в Государственной Думе, однако газета тщательно следила за их обсуждением, в связи с чем часто публиковала хронику работы Государственной Думы (Общая хроника..., 1912: 1; Общая хроника..., 1912a: 1).

Не менее остро в «Думе народного просвещения» стоял вопрос о реформировании средней школы. Основные направления предполагаемых реформ заключались в увеличении количества средних учебных заведений, особенно в отдаленных районах (О реформе..., 1911: 169), а также в уравнивании статуса гимназического и реального образования (Овчинников, 2000: 78).

Это направление совпадало с интересами Кавказского учебного округа, поскольку Попечитель Н.Ф. Рудольф прилагал усилия для расширения сети средних учебных заведений, ориентированных на приобретение практических навыков. К ним он относил реальные, промышленные, сельскохозяйственные и ремесленные училища. Поэтому неслучайно редакция «Терских ведомостей» широко освещала эти события на страницах газеты.

Так, например, статья, освещающая торжество закладки здания для реального училища во Владикавказе, была опубликована на первой странице газеты (Торжество закладки..., 1909: 1-2), а торжество закладки Нальчикского реального училища было опубликовано в трех выпусках (Торжество закладки..., 1911: 2-3; Торжество закладки..., 1911a: 2; Торжество закладки..., 1911b: 2). В них напечатаны выступления окружной и областной администрации, передовой интеллигенции, увидевшей в «храме науки» ростки глубоких будущих преобразований в области сближения Кабарды и России.

17 августа 1910 г. в газете была напечатана заметка «Среднее учебное заведение в станице» под псевдонимом Б. Ш. Возможно, это Борис Ширинкин, бывший редактор Терских ведомостей. В ней говорится о жителе ст. Ермоловской, Льве Ивановиче Баскакове, который пожертвовал станичному обществу свою усадьбу и другие постройки. В дарственной он написал: «Усадьба предназначается исключительно для постройки на ней сельскохозяйственного среднего учебного заведения с ремесленным и техническим отделениями...» (Среднее учебное..., 1910: 2). Конечно, это единичный случай, дошедший до нас, но он показывает глубокую заинтересованность местных жителей в развитии образования в регионе.

Роль частной благотворительной инициативы также находила свое место в периодической печати. Меценаты и общественные организации вносили значительный вклад в финансирование школ, особенно в удаленных районах области, тем самым поддерживая развитие школьного строительства.

5. Заключение

Газета «Терские ведомости», несмотря на свой официальный статус, была важным культурным и информационным источником для жителей региона. Анализируя ее материалы, можно проследить эволюцию взглядов на образование и школьное воспитание в Кавказском регионе. Для публикаций начала XX в. характерны темы, связанные с революционными настроениями среди учащихся. Опубликованные на страницах газеты, эти проблемы приобретали общественный резонанс, дискутировались, выносились решения, требующие реакции областных чиновников.

Приведенный материал свидетельствует о том, что, несмотря на сложную обстановку в области, сфера образования развивалась. Этому способствовала деятельность Третьей «Думы народного просвещения», а также активная деятельность Попечителя Кавказского учебного округа и областной

¹ Горская школа в слободе Нальчик в 1909 г. была преобразована в Реальное училище. – Авт.

и окружной администрации. Но главным инициатором в деле образования было местное население, которое просило, умоляло, требовало открытия новых школ, училищ, гимназий. Это находило отражение на страницах периодической печати, вследствие чего «Терские ведомости» стали организатором становления системы народного образования, платформой для дискуссий о методах обучения и воспитания.

Таким образом, материалы, посвященные вопросам становления образования и опубликованные в газете «Терские ведомости», являются ценным историческим источником, отражающим текущие события и помогающим понять социальные и культурные изменения в регионе.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 9.07.2024.

Литература

- Владикавказ..., 1909 – Владикавказ. 20 ноября // *Терские ведомости*. 1909. 21 ноября. № 135. С. 2.
- Всеобщее обучение..., 1908 – Всеобщее обучение на Кавказе // *Терские ведомости*. 1908. 9 августа. №173. С. 1-2.
- Г. г. Начальникам..., 1907 – Г. г. Начальникам учебных заведений и учреждений Кавказского учебного округа // *Терские ведомости*. 1907. 1 сентября. № 189. С. 3.
- Головач, 2008 – Головач Е. И. Вопросы народного образования в третьей Государственной Думе // *Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина*. 2008. № 3(20). С. 27-30.
- Закон..., 1912 – Закон 3 мая 1908 г. об отпуске 6.900.000 р. на нужды начального образования / Народное образование и церковное достояние в III-й Государственной Думе Текст: речи, доклады, статьи Е. П. Ковалевского / сост. А. А. Ольгинский. Типография И.В. Леонтьева. 1912. С. 166–167.
- К началу..., 1907 – К началу учебного года // *Терские ведомости*. 1907. 15 августа. № 189. С. 3.
- Калачев, 2014 – Калачев А.В. Проблема введения всеобщего начального образования в России на рубеже XIX – XX вв. / *Тенденции развития психологии, педагогики и образования: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции*. Казань, 2014. С. 14-17.
- Кузьминов, 2020 – Кузьминов П.А. Авторизация статьи А.-Г. Кешева / *Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания advanced science: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. 5 ноября 2020 г. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2020. С. 39-42.
- Никаев, 2013 – Никаев Х.Р. Материалы периодической печати как исторический источник // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. №9. С.73-80.
- О реформе..., 1911 – О реформе средней школы. 11 марта 1911 г. / Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 3-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1911. Т. 4. С.158-170.
- Общая хроника..., 1912 – Общая хроника. Законопроект о всеобщем обучении // *Терские ведомости*. 1912. 12 февраля. №33. С. 1.
- Общая хроника..., 1912a – Общая хроника. Законопроект о всеобщем обучении // *Терские ведомости*. 1912. 21 февраля. №40. С. 1.
- Овчинников, 2000 – Овчинников А.В. Дума народного просвещения // *Педагогика*. 2000. № 8. С. 73-79.
- Освобождение..., 1868 – Освобождение крестьян в туземном населении Терской области // *Терские ведомости*. 1868. 11 января. №46. С. 2-3.
- Освобождение..., 1868a – Освобождение крестьян в туземном населении Терской области // *Терские ведомости*. 1868. 25 января. №48. С.2.
- Программа, 1868 – Программа // *Терские ведомости*. 1868. 1 января. №1. С. 1.
- Решетин, 1910 – Решетин Н. Л. Школьное дело в Терской области в 1909 году // *Терские ведомости*. 1910. 20 июня. №131. С. 2.
- Решетин, 1910a – Решетин Н.Л. Школьное дело в Терской области в 1909 году // *Терские ведомости*. 1910. 24 июня. №134. С. 2.
- Решетин, 1910b – Решетин Н.Л. Школьное дело в Терской области в 1909 году // *Терские ведомости*. 1910. 25 июня. №135. С. 1.
- Решетин, 1910c – Решетин Н.Л. Школьное дело в Терской области в 1909 году // *Терские ведомости*. 1910. 26 июня. №136. С. 1.
- Решетин, 1910d – Решетин Н.Л. 1910 Решетин Н. Школьное дело в Терской области в 1909 году // *Терские ведомости*. 1910. 27 июня. №137. С. 1.
- Решетин, 1910e – Решетин Н.Л. Школьное дело в Терской области в 1909 году // *Терские ведомости*. 1910. 4 июля. №142. 1910. С. 1.

- Среднее учебное..., 1910** – Среднее учебное заведение в станице // *Терские ведомости*. 1910. 17 августа. №176. С. 2.
- Таутиев, Киреев, 2015** – *Таутиев К.У. Киреев Ф.С.* Терские ведомости: из XIX в XXI век / *Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие: межвузовский сборник научных трудов*. Том Выпуск XIII–X. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2015. С. 259-268.
- Торжество закладки..., 1909** – Торжество закладки здания для первого реального училища // *Терские ведомости*. 1909. 14 октября. №119. С. 1-2.
- Торжество закладки..., 1911** – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. 1911. 21 июля. №154. С. 2-3.
- Торжество закладки..., 1911a** – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. 1911. 22 июля. №155. С. 2.
- Торжество закладки..., 1911b** – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. 1911. 24 июля. №156. С. 2.
- Хашхожева, 2000** – *Хашхожева Р. Х.* Адъль-Гирей Кешев / *Поиски и находки. Избранные статьи*. Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 103-156.
- Школа должна быть национальной, 1907** – Школа должна быть национальной // *Терские ведомости*. 1907. 18 апреля. № 88. С.1.
- Школа должна..., 1907a** – Школа должна быть национальной // *Терские ведомости*. 1907. 19 апреля. № 89. С. 1.
- Школа и воспитание, 1907** – Школа и воспитание // *Терские ведомости*. 1907. 1 августа. № 167. С. 1-2.
- Cherkasov, 2023** – *Cherkasov A.A.* Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). 18(1): 465-474.
- Mamadaliyev et al., 2022** – *Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- Natolochnaya et al., 2022** – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Dyuzhov A.V., Petrova S.P.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 189-198.
- Shevchenko et al., 2016** – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2016. 40 (2): 363-372.

References

- Cherkasov, 2023** – *Cherkasov, A.A.* (2023). Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System. *Bylye Gody*. 18(1). 18(1): 465-474.
- G. g. Nachal'nikam..., 1907** – G. g. Nachal'nikam uchebnykh zavedenii i uchrezhdenii Kavkazskogo uchebnogo okruga [To the heads of educational institutions and institutions of the Caucasian Educational District]. *Terskie vedomosti*. 1907. 1 sentyabrya. № 189. P. 3. [in Russian]
- Golovach, 2008** – Golovach, E.I. (2008). Voprosy narodnogo obrazovaniya v tret'ei Gosudarstvennoi Dume [Issues of public education in the Third State Duma]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamyakina*. 3(20): 27-30. [in Russian]
- K nachalu..., 1907** – K nachalu uchebnogo goda [By the beginning of the school year]. *Terskie vedomosti*. 1907. 15 avgusta. № 189. P. 3. [in Russian]
- Kalachev, 2014** – *Kalachev, A.V.* (2014). Problema vvedeniya vseobshchego nachal'nogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX – XX vv. [The problem of the introduction of universal primary education in Russia at the turn of the XIX – XX centuries]. *Tendentsii razvitiya psikhologii, pedagogiki i obrazovaniya: Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno–prakticheskoi konferentsii*. Kazan'. Pp. 14-17. [in Russian]
- Khashkhozheva, 2000** – *Khashkhozheva, R.Kh.* (2000). Adyl'-Girei Keshev [Adyl-Giray Keshev]. *Поиски и находки. Избранные стат'и. Нal'chik: El'brus*. Pp. 103-156. [in Russian]
- Kuz'minov, 2020** – *Kuz'minov, P.A.* (2020). Avtorizatsiya stat'i A.-G. Kesheva [Authorizing the article by A.-G. Keshev]. Aktual'nye problemy sovremennogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya advanced science: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 5 noyabrya 2020 g. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, pp. 39-42. [in Russian]
- Mamadaliyev et al., 2022** – *Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867-1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.

- [Natolochnaya et al., 2022](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Dyuzhov, A.V., Petrova, S.P.* (2022). To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 17(1): 189–198.
- [Nikaev, 2013](#) – *Nikaev, Kh.R.* (2013). Materialy periodicheskoi pechati kak istoricheskii istochnik [Periodical press materials as a historical source]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 9: 73–80. [in Russian]
- [O reforme..., 1911](#) – O reforme srednei shkoly. 11 marta 1911 g. [About the reform of secondary schools. March 11, 1911]. *Gosudarstvennaya дума. Sozvyv 3-i. Sessiya 3-ya. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam*. SPb., 1911. T. 4. Pp. 158–170. [in Russian]
- [Obshchaya khronika..., 1912](#) – Obshchaya khronika. Zakonoproekt o vseobshchem obuchenii [The general chronicle. The bill on universal education]. *Terskie vedomosti*. 1912. 12 fevralya. №33. P. 1. [in Russian]
- [Obshchaya khronika..., 1912a](#) – Obshchaya khronika. Zakonoproekt o vseobshchem obuchenii [The general chronicle. The bill on universal education]. *Terskie vedomosti*. 1912. 21 fevralya. №40. P. 1. [in Russian]
- [Osvobozhdenie..., 1868](#) – Osvobozhdenie krest'yan v tuzemnom naselenii Terskoi oblasti [Liberation of peasants in the native population of the Tersk region]. *Terskie vedomosti*. 1868. 11 yanvarya. №46. Pp. 2–3. [in Russian]
- [Osvobozhdenie..., 1868a](#) – Osvobozhdenie krest'yan v tuzemnom naselenii Terskoi oblasti [Liberation of peasants in the native population of the Tersk region]. *Terskie vedomosti*. 1868. 25 yanvarya. №48. P. 2. [in Russian]
- [Ovchinnikov, 2000](#) – *Ovchinnikov, A.V.* (2000). Duma narodnogo prosveshcheniya [The Duma of National Education]. *Pedagogika*. 8: 73–79. [in Russian]
- [Programma, 1868](#) – Programma [Program]. *Terskie vedomosti*. 1868. 1 yanvarya. №1. P. 1. [in Russian]
- [Reshetin, 1910](#) – *Reshetin, N.L.* (1910). Shkol'noe delo v Terskoi oblasti v 1909 godu [School business in the Tersk region in 1909]. *Terskie vedomosti*. 20 iyunya. №131. p. 2. [in Russian]
- [Reshetin, 1910a](#) – *Reshetin, N.L.* (1910). Shkol'noe delo v Terskoi oblasti v 1909 godu [School business in the Tersk region in 1909]. *Terskie vedomosti*. 24 iyunya. №134. P. 2. [in Russian]
- [Reshetin, 1910b](#) – *Reshetin, N.L.* (1910). Shkol'noe delo v Terskoi oblasti v 1909 godu [School business in the Tersk region in 1909]. *Terskie vedomosti*. 25 iyunya. №135. P. 1. [in Russian]
- [Reshetin, 1910c](#) – *Reshetin, N.L.* (1910). Shkol'noe delo v Terskoi oblasti v 1909 godu [School business in the Tersk region in 1909]. *Terskie vedomosti*. 26 iyunya. №136. P. 1. [in Russian]
- [Reshetin, 1910d](#) – *Reshetin N. L.* 1910 *Reshetin N.* Shkol'noe delo v Terskoi oblasti v 1909 godu [School business in the Tersk region in 1909]. *Terskie vedomosti*. 1910. 27 iyunya. №137. P. 1. [in Russian]
- [Reshetin, 1910e](#) – *Reshetin, N. L.* (1910). Shkol'noe delo v Terskoi oblasti v 1909 godu [School business in the Tersk region in 1909]. *Terskie vedomosti*. 4 iyulya. №142. 1910. P. 1. [in Russian]
- [Shevchenko et al., 2016](#) – *Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V., Emelyanova, O.V.* (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*. 40 (2): 363–372.
- [Shkola dolzhna..., 1907](#) – Shkola dolzhna byt' natsional'noyu [The school must be national]. *Terskie vedomosti*. 1907. 18 aprelya. № 88. P. 1. [in Russian]
- [Shkola dolzhna..., 1907a](#) – Shkola dolzhna byt' natsional'noyu [The school must be national]. *Terskie vedomosti*. 1907. 19 aprelya. № 89. P. 1. [in Russian]
- [Shkola i vospitanie, 1907](#) – Shkola i vospitanie [School and education]. *Terskie vedomosti*. 1907. 1 avgusta. № 167. Pp. 1–2. [in Russian]
- [Srednee uchebnoe..., 1910](#) – Srednee uchebnoe zavedenie v stanitse [Secondary educational institution in the village]. *Terskie vedomosti*. 1910. 17 avgusta. №176. P. 2. [in Russian]
- [Tautiev, Kireeva, 2015](#) – *Tautiev, K.U., Kireeva, F.S.* (2015). *Terskie vedomosti: iz XIX v XXI vek* [Terskiye vedomosti: from the XIX to the XXI century]. *Zhurnalistika XXI veka: istoricheskii opyt i souremennoe razvitiye: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Tom Vypusk XIII–X. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitet im. K.L. Khetagurova. Pp. 259–268. [in Russian]
- [Torzhestvo zakladki..., 1909](#) – Torzhestvo zakladki zdaniya dlya pervogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the first real school]. *Terskie vedomosti*. 1909. 14 oktyabrya. №119. Pp. 1–2. [in Russian]
- [Torzhestvo zakladki..., 1911](#) – Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the Nalchik Real School]. *Terskie vedomosti*. 1911. 21 iyulya. №154. Pp. 2–3. [in Russian]
- [Torzhestvo zakladki..., 1911a](#) – Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the Nalchik Real School]. *Terskie vedomosti*. 1911. 22 iyulya. №155. P. 2. [in Russian]
- [Torzhestvo zakladki..., 1911b](#) – Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the Nalchik Real School]. *Terskie vedomosti*. 1911. 24 iyulya. №156. P. 2. [in Russian]

Vladikavkaz..., 1909 – Vladikavkaz. 20 noyabrya [Vladikavkaz. November 20th]. *Terskie vedomosti*. 1909. 21 noyabrya. № 135. P. 2. [in Russian]

Vseobshchee obuchenie..., 1908 – Vseobshchee obuchenie na Kavkaze [Universal education in the Caucasus]. *Terskie vedomosti*. 1908. 9 avgusta. №173. Pp. 1-2. [in Russian]

Zakon..., 1912 – Zakon 3 maya 1908 g. ob otpuske 6.900.000 r. na nuzhdy nachal'nogo obrazovaniya [The law of May 3, 1908 on the vacation of 6,900,000 rubles for the needs of primary education]. *Narodnoe obrazovanie i tserkovnoe dostoyanie v III–i Gosudarstvennoi Dume Tekst: rechi, doklady, stat'i E.P. Kovalevskogo*. Sost. A. A. Ol'ginskii. Tipografiya I.V. Leont'eva. Pp. 166-167. [in Russian]

Отражение темы народного образования на страницах газеты «Терские ведомости» в 1907–1912 гг.

Лина Ризуановна Гаунова ^a, Юзанна Мартиновна Азикова ^a, Пётр Абрамович Кузьминов ^{a, *}, Зарета Хасанбиевна Соблирова ^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется отражение сложных проблем образования в постреволюционный период на страницах официальной областной газеты «Терские ведомости». Несмотря на статус данного периодического издания, на его страницах часто появлялись статьи, критически освещающие проблемы современной школы. В выявленных публикациях подчеркивалась важность национального воспитания горских народов и адаптации учебных программ к местным особенностям. Их анализ позволил углубить наше понимание образовательной политики, проводимой в регионе.

Особое внимание уделено проблемам внедрения всеобщего начального образования, сложности в организации школьной сети, нехватке подготовленных местных учителей. Приведены конкретные примеры публикаций, активизирующих внимание общественности, окружной и областной администрации к актуальным проблемам в сфере образования.

Публикуя на страницах «Терских ведомостей» статьи, заметки, очерки о состоянии обучения детей в школах, редакция формировала у читателей активную гражданскую позицию к окружающей действительности, способствовала развитию общественной мысли, ставила вопросы о необходимости модернизации традиционных отношений, привлекала передовую часть населения к участию в преобразовании общества.

Ключевые слова: Периодическая печать, «Терские ведомости», народное образование, Северный Кавказ, всеобщее начальное обучение, Кавказский учебный округ, Третья Государственная Дума.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1920-1930
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1920

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of the Participation of the Simbirsk Nobility in the Development of the Public Charity System in the Russian Empire at the beginning of the XXth century

Oleg R. Khasyanov ^{a, b, *}

^a Ulyanovsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Ulyanovsk, Russian Federation

^b Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the role of the Simbirsk nobility in the development of the public charity system in the Russian Empire during the early twentieth century, based on a wide range of archival sources and modern historical data a period of significant socio-political transformation. The author discusses various ways in which members of the noble class participated in providing social support for various segments of society, including establishing all-Russian professional educational institutions in the region. The nobility's charitable efforts extended beyond supporting the “first class” and included assistance for other social groups as well. Funds from the most successful members of the nobility supported vocational schools, public canteens, alms houses, and dormitories, and other institutions. During the years of famine and typhus epidemic, a number of representatives of the nobility organized free canteens for the peasants, provided them with clothes and food. By participating in the activities of public organizations, representatives of the nobility promoted the opening of educational institutions for peasant children. General N.D. Seliverstov established a charitable complex in the Simbirsk province, which included an almshouse, a prototype of a modern kindergarten and a school for children of cloth factory workers, a vocational school. In order to preserve the class identity and educate the children of poor nobles of corporate values and moral principles inherent in the “noble estate” at the end of the XIX century, a boarding house was established, maintained at the expense of the provincial noble assembly and the state. A hostel was organized for elderly nobles in need. The financing of charitable assistance was also carried out at the expense of funds received by the noble society for organizing literary evenings and concerts. The amount of financial support provided by benefactors depended largely on the economic status of these individuals. The author comes to the conclusion that the charitable activities of the nobility during this period were predominantly religious in nature.

Keywords: nobility, public charity, charity, social support, boarding house, almshouse, charity, donation, support for the hungry.

1. Введение

Стабильное функционирование государственных институтов во многом зависит не только от экономической и политической системы, но и социального благополучия различных социальных групп. Неоднородность социальной структуры общества, формируемая различием доступа социальных субъектов к материальным благам, определяет жизненные траектории индивидов и социальных групп. Социальное благополучие определяется материальным благополучием, уровнем образования, здоровьем и т.д. В силу различных обстоятельств человек или социальная группа могут оказаться в затруднительных финансовых обстоятельствах и вместе с тем не иметь доступа к образованию и медицинским помощи.

* Corresponding author

E-mail addresses: oleg-has@yandex.ru (O.R. Khasyanov)

В период социальных трансформаций, культурных и политических преобразований, затрагивающих основы существующей общественной модели увеличивается количество людей, нуждающихся в социальной помощи и поддержке. Переход России в конце XIX – начале XX вв. от традиционного общества к модерну активизировал множество социально-экономических, политических и культурных процессов. С одной стороны, бурные социально-политические изменения привели к модернизации политической системы и формированию парламентаризма, с другой, – шел процесс эрозии сословной стратификации: на смену сословному делению общества приходили классы. Но даже к периоду революционных потрясений 1917 г. данные процессы не были завершены (Миронов, 2000: 9).

Становление классового общества в Российской империи сопровождалось разорением служилого «благородного сословия» – дворянства. В частности, большинство владельцев дворянских хозяйств европейской России к началу XX века так и не встало на путь капиталистической модернизации технологических процессов (Корелин, 1979; Барина, 2006). Можно вспомнить героиню пьесы А.П. Чехова «Вишней сад» А.Л. Раневскую, которая продолжала жить в иллюзорном мире блеска дворянских усадеб и не желала искать себя в новой социальной реальности, требующей от представителей дворянства новых техник социального действия и экономического поведения.

Одной из важнейших характеристик российского общества, по мнению Н.О. Лосского, является поиск «выдающейся доброты» (Лосский, 1957: 9). Эта идея находит свое воплощение в религиозности и в поиске «абсолютного добра». Поиск добра, возможно осуществить только через соборность, а она достигается через помощь своему ближнему.

В начале XX века в Российской империи активное развитие получает такое направление социально-гражданской ответственности, как «общественное призрение» или благотворительная деятельность (Ульянова, 2000: 171). В российской общественной традиции имеется многовековой опыт благотворительной деятельности, который не был востребован в советское время.

В советский период изучение частной благотворительности и деятельности частных благотворительных организаций не вписывалось в идеологические рамки социальной модели социалистической республики, и научная разработка данной проблемы табуировалась. В официальном советском дискурсе господствовал тезис о том, что при социализме нет «бедных, убогих, несчастных» (Городецкая, 1996: 128), и, следовательно, отпадала необходимость всестороннего изучения дореволюционного опыта генезиса и эволюции системы общественного призрения в Российской империи.

Природа бедности кроется в различных причинах социально-культурного и экономического характера, но вместе с тем наличие социальных групп, нуждающихся в социальной помощи, актуализирует проблему изучения исторического опыта организации благотворительной деятельности.

В статье на основе изучения материалов по истории Симбирской губернии предпринята попытка всестороннего анализа благотворительной деятельности симбирского дворянства в период конца XIX – начала XX вв.

Современное развитие отечественного и мирового исторического знания, основанного на антропологическом повороте, ставит перед исследователями задачу анализа личных мотивов и побудительных факторов участия социальных субъектов в благотворительной деятельности, меценатстве и филантропии, настраивая исследовательскую оптику на микроуровень. Как отмечают многие исследователи, по масштабам финансирования частной благотворительной деятельности, особенно в сфере образования, Симбирская губерния к началу XX века уступала только столицам – Санкт-Петербургу и Москве (Алексеева, 2013: 126).

2. Материалы и методы

При написании статьи использован широкий круг архивных материалов и периодических изданий Симбирской губернии, раскрывающих региональные особенности благотворительной деятельности представителей дворянского сословия. В Государственном архиве Ульяновской области (Ульяновск, Российская Федерация) проведена исследовательская работа с документами следующих фондов: Ф. 40 – Симбирское женское общество Христианского милосердия (документы об избрании последней представительницы древнего симбирского дворянского рода Киндяковых Е.М. Перси-Френч председателем Совета общества), Ф. 45 – Симбирское губернское дворянское депутатское собрание (представлены документы о строительстве пансиона-приюта для детей неимущих дворян, о суммах на содержание гимназического пансиона и стипендиатов дворянства; дела об организации подписки по сбору средств в пользу жителей города, пострадавших от пожаров, на сооружение памятников царю Петру I, царице Марии Федоровне, адмиралу П.С. Нахимову, писателю И.А. Гончарову), Ф. 76 – Канцелярия Симбирского губернатора, Ф. 46 – Симбирская губернская земская управа (документация об открытии профессиональных учебных заведений, кустарных мастерских, инструкторских школ; переписка по вопросам устройства школ, больниц, общественного призрения детей), Ф. 88 – Симбирское губернское правление (выявлены дела, отражающие особенности сословного управления в губернии, об имуществе и опеке дворян, прошение губернского предводителя дворянства В.Н. Поливанова о Симбирской губернской ученой архивной комиссии и ее

работе; сведения о пожертвованиях на содержание больниц и иных социальных учреждений), Ф. 175 – Симбирское ремесленное училище графа В.В. Орлова-Давыдова Министерства торговли и промышленности.

В теоретическом отношении представленные результаты исследования базируются на общенаучных методах познания: анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение.

Специально-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, идеографический) и междисциплинарный дискурс позволили выявить эволюцию и многогранность форм участия в благотворительной деятельности представителей дворянского сословия в зависимости от изменений социально-экономической конъюнктуры.

Историко-генетический метод, предполагающий выявление причинно-следственных связей, позволил проследить формирование многообразных форм участия представителей дворянского сословия в деятельности по общественному призрению нуждающихся.

Историко-сравнительный метод позволил выявить вклад представителей Симбирского дворянства в оказание мер социальной поддержки различным сословным группам российского общества в контексте социально-экономического развития российского государства. Данные, полученные на основе этого метода, позволили сделать вывод о всесословной направленности благотворительной деятельности «благородного сословия».

Идеографический метод, который еще называют повествовательно-описательным, позволяет описывать многообразные формы общественного призрения и направления участия представителей дворянства в благотворительной деятельности конца XIX – начала XX века.

Исследование базируется на общенаучных принципах объективности, системности и на принципе историзма, рассматривающем любое явление и процесс в динамике. Историзм помогает нам выявить изменения в сфере оказания социальной помощи нуждающимся, определить трансформации в системе благотворительной деятельности, оказываемой сословными институтами.

3. Обсуждение

Интерес к изучению благотворительной деятельности как особой формы социальной активности появляется еще в дореволюционной России. Исследователей волновали вопросы организации и функционирования системы общественного призрения (Кафтанов, 1889; Общественное и частное, 1907; Максимов, 1894). На данном этапе изучения проблемы была сделана попытка определения понятийного аппарата проблемного поля общественного призрения, благотворительности и филантропии (Дерюжинский, 1897; Исаков, 1884).

В советский период изучению благотворительности как особого социального феномена не уделялось должного внимания, а проблема участия представителей дворянского сословия фактически табуировалась, так как противоречило идеологическому пониманию сословия как реакционной группы дореволюционного российского общества. Благотворительность различных социальных групп рассматривалась фрагментарно, в контексте деятельности буржуазных и консервативных партий (Думова, 1988; Непролетарские партии, 1988), развития системы учреждений здравоохранения, образования (40 лет..., 1959; Митерев, 1961; 100 лет..., 1967).

Трансформация общественно-политической системы Советского Союза во второй половине 80-х годов XX века сформировала новый социальный интерес к вопросам изучения проблемы социальной помощи и поддержки. В социально-гуманитарном знании появляются работы, посвященные исследованию природы и сущности благотворительности в истории российского государства, а также были сделаны попытки смыслового и семантического наполнения терминов и понятий, характеризующих ценностное значение благотворительной деятельности. Так, М.В. Фирсов под социальным призрением предлагает понимать системно организованную государством или обществом помощь нуждающемуся населению (Фирсов, 1997). Т.Б. Кононова, критикуя данное определение, призывает понимать под данным термином «законом, установленную организованную помощь нуждающимся, осуществляемую особыми лицами на основе специального законодательства из расчета экономической государственной выгоды» (Кононова, 2002).

Именно в перестроечный и постсоветский период появляются многочисленные научные изыскания, раскрывающие различные аспекты деятельности дворянства в экономической, культурной и общественной сфере (Барина, 2002; Барина, 2006; Дементьева, 1999; Кабытов, 1990; Кабытова, 1997; Савельев, 1994; Хасянов, 2009; Чуйкина, 2006). В частности, в работах Е.П. Бариновой исследована проблема трансформации системы ценностных установок дворянского сословия в период революционных вихрей начала XX столетия, эволюция общественно-политических взглядов и моделей жизненных траекторий (Барина, 2008). Именно ею сделан вывод о том, что благотворительная деятельность сословия была детерминирована сложными социально-экономическими процессами, протекающими в российском обществе. Создаваемые кассы взаимопомощи должны были не только помогать нуждающимся представителям дворянского сословия, но и способствовать погашению кредитных обязательств заемщиков Дворянского банка, тем самым сохраняя земельные угодья в дворянских руках.

Во многих статьях современных исследователей, посвященных анализу функционирования институтов социального презрения, подчеркивается их монословный характер (Барина, 2021: 18). В работе Е.П. Вьюнник рассмотрены вопросы правового обеспечения установления сословной опеки над несовершеннолетними дворянами, оставшимися без попечения родителей (Вьюнник, 2011).

Основные направления деятельности благотворительных заведений ведомства учреждений Императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества отражены в статье С.В. Ширяевой (Ширяева, 2013). Роль и место императорской семьи Романовых в сфере благотворительности исследованы в монографии А.Р. Соколова и И.В. Зимина (Соколов, Зимин, 2015). Авторы отмечают, что со второй половины XIX века происходит эволюция учебно-воспитательного призрения, курируемого императорской семьей. Оно постепенно эволюционирует от сословного характера к всеобщему, а бурные модернизационные трансформации рубежа веков ставили задачу усовершенствования и расширения социальной помощи (Соколов, Зимин, 2015: 363).

4. Результаты

К началу XX века Симбирская губерния представляла типичный аграрный регион Российской империи. Удельный вес дворянского сословия составлял 2% в сословной структуре региона, что превышало общероссийские показатели. В Губернскую дворянскую родословную книгу было внесено 826 родов. Среди них – представители знатнейших фамилий империи: Орловы-Давыдовы, Бестужевы, Оболенские, Столыпины, Карамзины, Пазухины, Ухтомские, Мещеряковы и т. д.

В дореформенный период, когда дворянское производство базировалось на использовании труда крепостного крестьянства, представители симбирского дворянства значительные капиталы тратили на различные развлечения и совершенствование архитектурного облика дворянских усадеб. В пореформенный период, особенно в начале XX века, губернское дворянское депутатское собрание основные финансовые средства расходовало на выплаты пенсий и пособий представителям сословия, которые оказались на грани разорения. Только за 1907 год на эти нужды было выделено более 3 500 руб. (ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 635. Л. 11). Для сравнения, даже к началу 1910 года среднегодовая заработная плата для мужчин, занятых в сельскохозяйственной отрасли региона, составляла 70 руб., а для женщин – 39 руб. (Статистический ежегодник..., 1911: 54).

Сохранение исторической памяти и сословной идентичности признавалось наиболее важной задачей, которая стояла перед дворянским сословием в начале XX века. Данную задачу невозможно было решить без развитой системы сословного образования, т.к. «воспитание детей в сословном духе способствовало воспроизводству корпоративных связей» (Барина, 2021: 21). Региональные корпоративные сословные организации массово высказывались о необходимости создания сети образовательных и воспитательных учреждений, пансионатов, интернатов, в которых осуществлялась бы социализация подрастающего поколения дворян на основе корпоративно-сословной этики и ценностно-мировоззренческих установок служения государству и обществу.

Во время работы Особого совещания по делам дворянского сословия губернские предводители дворянства неоднократно высказывались за восстановление дворянских пансионатов-приютов на основе государственного финансирования их содержания (Барина, 2009: 81). Государство ответило на чаянья дворянства Законом 25 мая 1899 г. о предоставлении губернским дворянским собраниям права учреждать сословные пансионаты-приюты на паритетных началах государства и «первенствующего сословия». В некоторой степени данный закон у представителей сословия вызвал разочарование: государство обязалось взять на себя только 50 % финансирования содержания пансионатов, остальные средства должны были изыскать сословные дворянские учреждения (ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 622. Л. 45). К этому времени в Российской империи действовали пансионаты-приюты, учрежденные на средства дворянских корпоративных собраний в Курске, Калуге, Москве, Саратове и Смоленске (Поливанов, 1908: 8). Представители дворянства различных регионов жертвовали значительные капиталы на строительство пансионатов-приютов: Э.Д. Нарышкин – в Тамбове, В.В. Левашов – в Орле, Н.Д. Чертков – в Воронеже и др. (Барина, 2008: 70-71).

На основе положений Закона от 25 мая 1899 г. дворянскими собраниями 21 губернии были «возбуждены ходатайства» об учреждении пансионатов-приютов на содержание 1 500 обучающихся (Поливанов, 1908: 4). К 1907 г. государство выделило на строительство зданий дворянских пансионатов-приютов 2 512 984 р. (Поливанов, 1908: 8).

Открытие дворянского пансионата-приюта состоялось 16 декабря 1903 г. Для размещения образовательно-воспитательного учреждения было построено специальное здание, которое примыкало к зданию Дворянского собрания.

В открытии приюта принимали участие симбирский губернатор С.Д. Ржевский, вице-губернатор А.А. Арцыбашев, губернский предводитель дворянства В.Н. Поливанов, представители Земств, общественных организаций. Архиепископ Симбирский и Сызранский Никандр в своей проповеди подчеркнул, что освящаемое сооружение призвано служить местом «духовного воспитания детей местного дворянства» (Симбирский дворянский..., 1904: 1). Губернский предводитель дворянства В.Н. Поливанов в своей торжественной речи указал на важность функционирования данного воспитательного учреждения как средства формирования «русского

мировоззрения, основанного на исторически сложившихся устоях русской жизни. Бог, Царь и Родина всегда служили основанием верований и правового порядка наших предков» ([Симбирский дворянский..., 1904: 13](#)).

Как и многие дворянские пансионы-приюты Российской империи, открытые в начале XX века, пансион симбирского дворянства содержался в равных долях на средства государственной казны и губернского дворянского собрания.

В правилах симбирского пансиона-приюта был определен круг лиц, кто мог бесплатно содержаться в данном заведении. Это дети потомственных дворян, внесенных в родословную книгу Симбирской губернии и занимающих выборные должности в корпоративных институтах и органах местного самоуправления или имеющих стаж трудовой деятельности в данных учреждениях не менее 9 лет. Также это сыновья недостаточных дворян, проживающих в сельской местности и занятых хозяйственным производством в сельскохозяйственной отрасли; малолетние дворяне-сироты, предки которых владели земельной собственностью в губернии. На платной основе услугами учреждения могли свободно пользоваться дети всех потомственных дворян ([Симбирский дворянский..., 1904: 1](#)).

В пансионе было предусмотрено размещение 41 воспитанника. На стипендию симбирского дворянства обучались 38 пансионеров, 2 – на стипендию самарского дворянства, 1 – на стипендию дворянства Симбирского уезда ([ГАУО. Ф. 45. Оп.1. Д. 635. Л. 55](#)).

Стремясь формировать гармоничную и всесторонне развитую личность, с 1905 г. попечительский совет пансиона-приюта вводит в учебно-воспитательный план дополнительные занятия по музыке, фехтованию, танцам, декламации и пению ([ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 622. Л. 60](#)). Музыка должна была спасать юные души от «от дурного общества и многих пороков, лишённые счастья находить наслаждение в музыкальных красотах» ([ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 622. Л. 60](#)). Для занятия музыкой на средства дворянского общества были приобретены мандолины, балалайки и два рояля. Музыкальными инструментами можно было пользоваться не только во время занятий музыкой, но и в любое свободное время ([ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 622. Л. 60](#)).

Необходимо отметить, что образовательный процесс в пансионах-приютах, полностью контролировался государственными инстанциями. Дворянское собрание уделяло внимание не только образованию и воспитанию подрастающего поколения неимущих дворян, но и оказывало различную помощь престарелым членам дворянского общества, выдавало ссуды и пособия. 19 сентября 1895 г. в Симбирске было открыто дворянское общежитие для содержания больных, немощных и престарелых одиноких дворян. Губернское Дворянское собрание брало на себя обязательство по содержанию данного учреждения, в бюджете было выделено целевое финансирование. Так, на очередном заседании губернского дворянского собрания, проходившего 19 декабря 1898 г., депутатами было пожертвовано 788 руб. в фонд общежития. В 1900 г. супругой губернского предводителя дворянства М.Н. Поливановой был организован ряд культурных мероприятий (концертов, литературных вечеров, выставок), на которых для нужд общежития было собрано 7 049 руб. ([Памятная книжка..., 1902: 182](#)). Духовным завещанием дворянина А.И. Кочергина губернскому дворянскому обществу на содержание общежития было передано 25 000 руб. ценными бумагами ([ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 635. Л. 24](#)).

Экономически успешные представители дворянского сословия жертвовали капиталы не только на сословные нужды, но и реализовывали себя в лоне всесословной благотворительности. Несмотря на то что в экономическом отношении к началу XX в. симбирское дворянство становилось маломощным, и численность дворянского населения губернии сокращалась, представители сословия вносили значительный вклад в развитие системы общественного призрения ([Казанцева, 2000: 61](#)).

История ремесленного училища для детей-сирот в Симбирске тесно связана с именем дворянина М.В. Лебедева. Выходец из дворянства на протяжении пятидесяти лет служил канцелярским чиновником в государственных учреждениях губернского города. Несмотря на скромный достаток, он считал своим долгом пожертвовать накопленный капитал на общественные нужды, прежде всего, на образование для детей. В 1893 г. ему это удалось, и накопленные средства (76 тыс. руб. серебром) он передал городу в пользу открытия ремесленного училища его имени ([Гауз, 2000: 11](#)). Особенностью этого заведения оставался его контингент – дети-сироты, т.е. самые незащищенные слои российского общества. Ученики могли освоить три ремесла: столярное, портняжное и сапожное дело. В конце XIX века на полном обеспечении было 25 учеников, а внутри здания висел портрет благотворителя/попечителя Михаил Васильевича Лебедева ([Гауз, 2000: 11](#)).

Другой дворянин А.Ф. Ржевский пожертвовал Сызранскому земству флигель стоимостью 2 тыс. руб. для организации приюта для неизлечимо больных ([ГАУО. Ф. 137. Оп.1. Д. 180, Л. 15](#)). На средства дворянки М.А. Амбразанцевой-Нечаевой в 1908 году была открыта и содержалась до революционных погромов 1917 г. детская амбулатория со стационаром на 20 мест. С 1911 г. при стационаре стали оказывать гинекологическую и акушерскую помощь крестьянкам ([ГАУО. Ф. 88. Д. 1450. Л. 1, 2, 38](#)).

В селе Усолье Сызранского уезда действовал целый комплекс благотворительных учреждений графа Орлова-Давыдова, учрежденный его наследником генерал-лейтенантом Н.Д. Селиверстовым. В Карсунском уезде Симбирской губернии действовала Румянцевская суконная фабрика, вокруг которой сложился целый рабочий поселок. Владелец предприятия генерал Н.Д. Селиверстов особое

внимание уделял образованию своих рабочих и их детей. Им было открыто Ремесленное училище Н.Д. Селиверстова, которое полностью он финансировал за свой счет, а затем – за счет завещанного им капитала. Обучение в училище было направлено на овладение обучающимися рабочими профессиями: столярным и слесарно-токарным ремеслом, навыками, требующимися для работы на железной дороге и в сельском хозяйстве ([Временные правила..., 1902: 169](#)). Отсутствие сословных ограничений при поступлении на учебу делало училище привлекательным не только для детей Румянцевской фабрики и всего Румянцевского крестьянского общества, которые имели преимущества в зачислении ([Временные правила..., 1902: 169](#)), но и для жителей близлежащих территорий. Обучение для детей было бесплатным.

Содержание образовательной программы строилось таким образом, что абитуриенты должны были обладать при поступлении определенным уровнем знаний. Так, при училище была открыта подготовительная трехлетняя школа, окончание которой позволяло поступать без экзаменов в училище. Все остальные (выпускники начальных, церковно-приходских школ) выдерживали конкурсные испытания ([Временные правила..., 1902: 169](#)). Немалое значение уделялось здоровью абитуриентов и общей физической форме, которая не должна была препятствовать освоению ремесленной специальности.

Образовательная программа включала в себя две траектории: трехлетний курс обучения для мальчиков и девочек по программе начальных училищ и четырехлетний курс ремесленного училища для юношей. Именно на четвертом году обучения учащиеся осваивали навыки практической работы на промышленных предприятиях, в ремесленных мастерских. Аттестат ремесленного училища Селиверстова выдавался после успешной годовой практики на фабричном производстве.

Учебное заведение давало знания по широкому кругу общеобразовательных дисциплин: Закона Божьего, русского языка, арифметики, основ геометрии, отечественной истории и географии, рисования и черчения ([Временные правила..., 1902: 170](#)). Среди специальных дисциплин выделяются счетоводство, физика, технология дерева и металлов, техническое черчение, слесарно-токарное и столярное ремесла ([Временные правила..., 1902: 170](#)).

Обучение девочек сопровождалось приобретением ими навыков рукоделия и кустарного промысла. Данными навыками они могли воспользоваться в свободное от сельскохозяйственных и домашних работ время ([Временные правила..., 1902: 172](#)). Свои изделия они могли бы реализовывать на местном рынке в рамках торговли в ярмарочные и базарные дни.

Благодаря влиятельным почитателям, среди которых были Петр Петрович Семенов (член Государственного совета), Александр Дмитриевич Протопопов (наследник генерала Н.Д. Селиверстова), Ольга Павловна Протопопова ([Благотворительные заведения..., 1902: 168](#)), училище смогло активно развиваться и внести свой вклад в образование жителей Симбирской губернии.

Благотворительный комплекс состоял из приюта для «призрения» бедных женщин и малолетних детей, мужская и женская больница на 6 коек, ремесленное училище, которое к 1916 г. насчитывало 225 учеников. Из них 81 – ученик получал полный пансион, а остальные посещали только занятия ([ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 336. Л. 310б.](#)).

Во время борьбы с последствиями голода 1892 г., вызванного неурожаем, член уездного попечительства Буинского уезда С.П. Боклевский, увидев крайнюю нужду местного населения, выхлопотал разрешение на выдачу из государственных запасов одежды крестьянским детям ([ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 336. Л. 310б.](#)). В 1894 г. положение населения, страдающего голодом, ухудшилось эпидемией холеры и сыпного тифа. Князем АН. Ухтомским для прекращения эпидемии и предупреждения распространения в среде голодающего сельского населения цинги были открыты две бесплатные столовые для безземельных крестьян трех сел Карсунского уезда: Бугурны, Репьевки и Анненково ([ГАУО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 3](#)).

Значительный вклад в развитие системы общественного призрения региона внес наследник генерала Н.Д. Селиверстова А.Д. Протопопов – последний министр внутренних дел Российской империи, крупнейший помещик и промышленник, депутат III и IV Государственной думы.

Как отмечалось ранее, в селе Румянцево Карсунского уезда при одноименной суконной фабрике действовал комплекс благотворительных заведений имени Н.Д. Селиверстова. Все они решали социальные задачи и способствовали повышению производительности труда и качества выпускаемой продукции.

Для рабочих суконной фабрики и их семей все созданные благотворительные учреждения были бесплатными, на безвозмездной основе они предоставляли услуги неимущим членам Румянцевской крестьянской общины. Списки неимущих в социальной и финансовой помощи обновлялись регулярно и утверждались попечителями. Для того чтобы попасть в списки нуждающихся, требовалось соответствовать одной из категорий: нетрудоспособное население, отработавшее не менее 12 лет на предприятиях в Румянцево; неизлечимые больные, работающие или работавшие ранее на Румянцевской фабрике; обедневшие дворяне, оставшиеся без работников; вдовы и дети (малолетние) бывших служащих фабрики ([Временные правила..., 1902: 173-174](#)).

В богадельню на круглосуточный уход принимались только лица, потерявшие в силу различных обстоятельств свое жилье или неизлечимо больные. В основном в богадельне содержалось

не более 10 человек ([Благотворительные заведения..., 1915: 29](#)). Для других лиц, которых попечительство признавало нуждающимися и вносило в специальные списки, предусматривалось выделение финансовой поддержке в размере от 3 до 20 руб. Иногда, в особо тяжелых случаях, размер помощи мог быть увеличен до 35 руб. ([Временные правила..., 1902: 172](#)).

Кроме богадельни и больницы, в состав благотворительного комплекса входил прототип современного детского дошкольного учреждения для дневного «призрения детей» при временном отсутствии родителей, занятых в фабричном производстве ([Памятная книжка..., 1902: 171](#)). Детей обучали грамоте и навыкам ремесленного производства. Для детей, оставшихся без попечительства взрослых, был предусмотрен интернат.

Открытая амбулатория позволяла повысить качество оказываемой помощи на селе, а богадельня – решить вопрос с бродяжничеством и попрошайничеством. Повышению грамотности и культурного уровня жителей Румянцевской общины способствовала открытая библиотека-читальня ([Благотворительные заведения..., 1915: 29](#)). Амбулаторией, библиотекой-читальней имели право пользоваться не только рабочие Румянцевской суконной фабрики, но и члены их семей, рабочие Румянцевской экономии и члены крестьянского общества.

А.Д. Протопопову принадлежит заслуга в открытии еще одного учебного заведения. В Карсуне было открыто реальное училище. В.Н. Поливанову и А.Д. Протопопову в 1914 г. было присвоено звание почетных граждан уездного города Карсуна ([Кузнецов, 2007: 16-17](#)).

Уездный училищный совет, куда входили представители симбирского дворянства, большое внимание уделял развитию рабочих профессий, которые требовались для быстро развивающейся промышленности региона. Это обстоятельство с 1904 г. поставило на повестку дня вопрос открытия ремесленных классов при народных училищах ([Громова, 2003: 29](#)). Благодаря председателю Земской управы Л.И. Афанасьеву, который считал такие классы хорошей дополнительной подготовкой для крестьянских детей, вопрос получил свое положительное развитие. Выделенных Министерством просвещения средства в размере 8 800 рублей хватило для открытия специализированных ремесленных классов в четырех училищах. Столярный класс был открыт при Тетюшском народном училище, при Тагайском формировали компетенции в области кузнечно-слесарного ремесла, при Кадышевском обучали колесно-экипажным навыкам, а при Подкуровском крестьянские дети получали основы корзиночного кустарного производства.

В организации ремесленных классов оказали помощь местные дворяне. Большетархоновское колесно-экипажное отделение при Кадышевском училище было открыто при финансовой и организационной помощи со стороны уездного дворянина А.Д. Шидловского и местного учителя С.Я. Гурьянова при поддержке волостного правления.

С разрешения дворянина Ю.Н. Языкова в Тагайском училище стал трудиться мастер Н.С. Дордио (из низшей школы сельскохозяйственных мастеров). Благодаря личной заинтересованности Л.И. Афанасьева в Тушне был открыт ремесленный класс ([Громова, 2003: 30](#)). А вот в Подкуровке возникли трудности с поиском земли для строительства здания под нужды ремесленного класса, поэтому он открылся только в 1909 г., и это несмотря на то обстоятельство, что сам Афанасьев был одним из Попечителей Подкуровского училища (25 рублей в год).

На средства нескольких благотворителей, в том числе председателя Земской управы Л.И. Афанасьева, в 1900 г. в Симбирске открылось Коммерческое училище 2-го разряда. Реальное образование, получаемое в училище, делало его привлекательным для учеников. Тот факт, что училище вошло в число 37-ми реальных заведений по стране и стало вторым в Поволжье, способствовало повышенному вниманию со стороны благотворителей. Содержание учебного заведения требовало финансовых вложений, которые складывались из ассигнований/пожертвований Городской думы, Губернского и уездного земств, дворянского и купеческого обществ. Основной контингент обучающихся составляли дети крестьян и мещан. Так, по данным на 1904 г., из 200 учащихся 26 учеников были выходцами из дворян, 31 – дети купеческого сословия.

Коммерческое училище в Симбирске играло роль аккумулятора педагогической мысли. По инициативе Училищного совета в августе 1904 г. был проведен уездный съезд учителей. Для обсуждения проблемных вопросов собралось более 100 педагогов из народных училищ уезда. Городской голова Л.И. Афанасьев лично присутствовал на многих заседаниях, а губернский инспектор народных училищ И.В. Ишерский в своем отчете за год назвал учительский съезд событием губернского масштаба ([Громова, 2003: 32](#)).

5. Заключение

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что симбирское дворянство на рубеже XIX-XX вв. вносило значительный вклад в развитие системы благотворительности в регионе. Крупнейшие землевладельцы губернии выделяли капиталы и оказывали финансовую поддержку различным социальным группам, а сама благотворительная деятельность во многом не имела сословного характера. В период сложных природных катаклизмов (голод, засуха, эпидемия) представители дворянского сословия осознавали свою социальную ответственность перед

экономически нуждающимися группами и выделяли денежную, продовольственную помощь, строили и содержали различные учреждения, реализующие меры социальной поддержки.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации в 2024 году (тема НИР «Механизмы передачи исторической памяти как основа формирования патриотических установок молодежи в исторической ретроспективе и условиях современной ситуации (региональный аспект)»).

Литература

- 100 лет..., 1967 – 100 лет Красного Креста в нашей стране. М., 1967. 298 с.
 40 лет..., 1959 – 40 лет Советского Красного Креста. 1918–1958. М., 1959. 221 с.
 Алексеева, 2013 – Алексеева М.Н. Благотворительная деятельность в образовании Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Волгоградского государственного педагогического университета*. 2013. № 7 (82). С. 126–130.
 Баринава, 2002 – Баринава Е.П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара, 2002. 361 с.
 Баринава, 2009 – Баринава Е.П. Дворянские съезды о проблемах образования в России // *Вестник СамГУ*. 2009. № 7. С. 79–86.
 Баринава, 2006 – Баринава Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006. 379 с.
 Баринава, 2008 – Баринава Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. 351 с.
 Баринава, 2021 – Баринава Е.П. Социальные практики дворянских организаций в 1897–1916 гг. // *Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки*. 2021. № 4 (44). С. 18–31.
 Благотворительные заведения..., 1915 – Благотворительные заведения Н.Д. Селиверстова / Обзор Симбирской губернии за 1914 г. Симбирск, 1915. 43 с.
 Временные правила..., 1902 – Временные правила ремесленного училища Селиверстова Н.Д. // Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1902 г. Симбирск, 1902. 382 с.
 Вьюнник, 2011 – Вьюнник Е.П. Процедура и практика установления и снятия опеки в пореформенный период для несовершеннолетних дворян, оставшихся без попечения родителей (на материалах Курской губернии) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2011. № 13 (108). С. 119–125.
 Гауз, 2000 – Гауз Н. Завещание Михаила Лебедева. // *Ульяновск сегодня*. 2000. 24 ноября. С. 11.
 ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
 Городецкая, 1996 – Городецкая И.Е. Возрождение благотворительности в России // *Мировая экономика и международные отношения*. 1996. № 12. С. 127–134.
 Громова, 2007 – Громова Т.А. Городской голова Леонид Иванович Афанасьев. Ульяновск, 2003. 160 с.
 Дементьева, 1999 – Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века. Дисс. канд. истор. наук. Самара, 1999. 236 с.
 Дерюжинский, 1897 – Дерюжинский В.М. Заметки об общественном призрении. М., 1897. 115 с.
 Думова, 1988 – Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. 246 с.
 Исаков, 1884 – Исаков Н. Из бумаг Н.В. Исакова по вопросу об отношении государства к общественному призрению. М., 1884. 288 с.
 Кабытов, 1990 – Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990. 146 с.
 Кабытова, 1997 – Кабытова Е.П. Кризис русского дворянства. Самара, 1997. 143 с.
 Казанцева, 2000 – Казанцева С. Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Диссертация кандидата исторических наук. Самара, 2000. 237 с.
 Кафтанов, 1888 – Кафтанов Н.Н. Общественная благотворительность в России к 1889 г. М., 1888. 80 с.
 Кононова, 2002 – Кононова Т.Б. Особенности развития благотворительности в России. М., 2002. 111 с.
 Корелин, 1979 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. 304 с.
 Кузнецов, 2007 – Кузнецов А.А. Образование для всех // *Мономах*. 2007. № 1. С. 16–17.
 Лосский, 1957 – Лосский Н.О. Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне, 1957. 152 с.
 Максимов, 1894 – Максимов Е.Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894. 277 с.
 Миронов, 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX в.) СПб., 2000. Т. 1. 583 с.

- [Митерев, 1961](#) – *Митерев Г.А.* Советский Красный Крест – помощник органов здравоохранения. М., 1961. 12 с.
- [Непролетарские партии..., 1989](#) – Непролетарские партии России в трёх революциях. М., 1989. 245 с.
- [Общественное и частное..., 1907](#) – Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. 296 с.
- [Памятная книжка..., 1902](#) – Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1902 г. Симбирск, 1902. 382 с.
- [Поливанов, 1908](#) – *Поливанов В.Н.* Доклад IV съезда Уполномоченных Объединенного дворянства по вопросу о Пансионах-Приютах. СПб., 1908. 215 с.
- [Савельев, 1994](#) – *Савельев П.И.* Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994. 365 с.
- [Симбирский дворянский..., 1904](#) – Симбирский дворянский Пансион-приют имени императора Николая II. Симбирск, 1904. 224 с.
- [Соколов, Зимин, 2015](#) – *Соколов А.Р., Зимин И.В.* Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь российского императорского двора. М., СПб. 2015. 604 с.
- [Статистический ежегодник..., 1911](#) – Статистический ежегодник Симбирской губернии за 1910 г. Симбирск, 1912. 319 с.
- [Ульянова, 2000](#) – *Ульянова Г.Н.* Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 164-217.
- [Фирсов, 1997](#) – *Фирсов М.В.* Введение в теоретические основы социальной работы. М., 1997. 126 с.
- [Хасянов, 2009](#) – *Хасянов О.Р.* Экономическая, общественная и культурная жизнь провинциального дворянства в начале XX века (на материалах Симбирской губернии). Дисс. канд. истор. наук. Ульяновск, 2009. 231 с.
- [Чуйкина, 2006](#) – *Чуйкина С.А.* Дворянская память: бывшие в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). СПб., 2006. 259 с.
- [Ширяева, 2013](#) – *Ширяева С.В.* Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX – начала XX вв. // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* 2013. № 4. С. 34-43.

References

- [100 let..., 1967](#) – 100 let Krasnogo Kresta v nashei strane [100 years of the Red Cross in our country]. М. 298 p. [in Russian]
- [40 let..., 1959](#) – 40 let Sovetskogo Krasnogo Kresta. 1918–1958 [40 years of the Soviet Red Cross. 1918–1958]. Moscow. 221 p. [in Russian]
- [Alekseeva, 2013](#) – *Alekseeva, M.N.* (2013). Blagotvoritel'naya deyatelnost' v obrazovanii Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Charitable activity in the education of the Simbirsk province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 7(82): 126- 130. [in Russian]
- [Barinova, 2002](#) – *Barinova, E.P.* (2002). Vlast' i pomestnoe dvoryanstvo Rossii v nachale XX veka [Power and the local nobility of Russia at the beginning of the XX century]. Samara. 361 p. [in Russian]
- [Barinova, 2006](#) – *Barinova, E.P.* (2006). Rossiiskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: sotsiokul'turnyi portret [The Russian nobility at the beginning of the XX century: a socio-cultural portrait]. Samara. 379 p. [in Russian]
- [Barinova, 2008](#) – *Barinova, E.P.* (2008). Rossiiskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik [The Russian nobility at the beginning of the XX century: economic status and socio-cultural appearance]. М. 351 p. [in Russian]
- [Barinova, 2009](#) – *Barinova, E.P.* (2009). Dvoryanskie s'ezdy o problemakh obrazovaniya v Rossii [Noble congresses on the problems of education in Russia]. *Vestnik SamGU.* 7: 79-86. [in Russian]
- [Barinova, 2021](#) – *Barinova, E.P.* (2021). Sotsial'nye praktiki dvoryanskikh organizatsii v 1897-1916 gg. [Social practices of noble organizations in 1897-1916]. *Vestnik MPGU. Seriya: Istoricheskie nauki.* 4(44): 18-31. [in Russian]
- [Blagotvoritel'nye zavedeniya..., 1915](#) – Blagotvoritel'nye zavedeniya N.D. Seliverstova [Charitable institutions of N.D. Seliverstov]. Simbirsk, 1915. 43 p. [in Russian]
- [Chuikina, 2006](#) – *Chuikina, S.A.* (2006). Dvoryanskaya pamyat': byvschie v sovetskom gorode (Leningrad, 1920-30-e gody) [Noble memory: the former in the Soviet city (Leningrad, 1920-30s)]. SPb. 259 p. [in Russian]
- [Dement'eva, 1999](#) – *Dement'eva, E.Yu.* (1999). Provintsial'noe dvoryanstvo Srednego Povolzh'ya pervoi poloviny XIX veka [Provincial nobility of the Middle Volga region of the first half of the XIX century]. Diss. kand. istor. nauk. Samara. 236 p. [in Russian]
- [Deryuzhinskii, 1897](#) – *Deryuzhinskii, V.M.* (1897). Zametki ob obshchestvennom prizrenii [Notes on public charity]. М. 115 p. [in Russian]

- Dumova, 1988** – *Dumova, N.G.* (1988). Kadetskaya partiya v period Pervoi mirovoi voyny i Fevral'skoi revolyutsii [The Cadet Party during the First World War and the February Revolution]. M. 246 p. [in Russian]
- Firsov, 1997** – *Firsov, M.V.* (1997). Vvedenie v teoreticheskie osnovy sotsial'noi raboty [Introduction to the theoretical foundations of social work]. M. 126 p. [in Russian]
- GAUO** – Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti [State Archive of the Ulyanovsk region].
- Gauz, 2000** – *Gauz, N.* (2000). Zaveshchanie Mikhaila Lebedeva [The Testament of Mikhail Lebedev]. Ul'yanovsk segodnya. 24 noyabrya. P. 11. [in Russian]
- Gorodetskaya, 1996** – *Gorodetskaya, I.E.* (1996). Vozrozhdenie blagotvoritel'nosti v Rossii [The revival of charity in Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 12: 127-134. [in Russian]
- Gromova, 2007** – *Gromova, T.A.* (2003). Gorodskoi golova Leonid Ivanovich Afanas'ev [Mayor Leonid Ivanovich Afanasyev]. Ul'yanovsk. 160 p. [in Russian]
- Isakov, 1884** – *Isakov, N.* (1884). Iz bumag N.V. Isakova po voprosu ob otnoshenii gosudarstva k obshchestvennomu prizreniyu [From the papers of N.V. Isakov on the question of the attitude of the state to public opinion]. M. 288 p. [in Russian]
- Kabytov, 1990** – *Kabytov, P.S.* (1990). Russkoe krest'yanstvo v nachale XX veka [The Russian peasantry at the beginning of the twentieth century]. Saratov. 146 p. [in Russian]
- Kabytova, 1997** – *Kabytova, E.P.* (1997). Krizis russkogo dvoryanstva [The crisis of the Russian nobility]. Samara. 143 p. [in Russian]
- Kaftanov, 1888** – *Kaftanov, N.N.* (1888). Obshchestvennaya blagotvoritel'nost' v Rossii k 1889 g. [Public charity in Russia by 1889]. M. 80 p. [in Russian]
- Kazantseva, 2000** – *Kazantseva, S.G.* (2000). Razvitie blagotvoritel'nosti v Samarskoi i Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The development of charity in Samara and Simbirsk provinces in the second half of the XIX – early XX centuries]. Diss. kand. istor. nauk. Samara. 237 p. [in Russian]
- Khasyanov, 2009** – *Khasyanov, O.R.* (2009). Ekonomicheskaya, obshchestvennaya i kul'turnaya zhizn' provintsial'nogo dvoryanstva v nachale XX veka (na materialakh Simbirskoi gubernii) [The economic, social and cultural life of the provincial nobility at the beginning of the XX century (based on the materials of the Simbirsk province)]. Diss. kand. istor. nauk. Ul'yanovsk. 231 p. [in Russian]
- Kononova, 2002** – *Kononova, T.B.* (2002). Osobennosti razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii [Features of the development of charity in Russia]. M. 111 p. [in Russian]
- Korelin, 1979** – *Korelin, A.P.* (1979). Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii 1861-1904 gg.: sostav, chislennost', korporativnaya organizatsiya [Nobility in post-reform Russia 1861-1904: composition, number, corporate organization]. M. 304 p. [in Russian]
- Kuznetsov, 2007** – *Kuznetsov, A.A.* (2007). Obrazovanie dlya vsekh [Education for all]. *Monomakh*. 1: 16-17. [in Russian]
- Losskii, 1957** – *Losskii, N.O.* (1957). Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]. Frankfurt-na-Maine. 152 p. [in Russian]
- Maksimov, 1894** – *Maksimov, E.D.* (1894). Istoriko-statisticheskii ocherk blagotvoritel'nosti i obshchestvennogo prizreniya v Rossii [Historical and statistical essay on charity and public charity in Russia]. SPb. 277 p. [in Russian]
- Mironov, 2000** – *Mironov, B.N.* (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVII – nachalo XX v.). [Social history of Russia during the Empire period (XVII – early XX centuries)]. SPb. T. 1. [in Russian]
- Miterev, 1961** – *Miterev, G.A.* (1961). Sovetskii Krasnyi Krest – pomoshchnik organov zdravookhraneniya [Soviet Red Cross – assistant to health authorities]. M. 12 p. [in Russian]
- Neproletarskie partii..., 1989** – Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh [Non-Proletarian parties of Russia in three revolutions]. M. 1989. 245 p. [in Russian]
- Obshchestvennoe i chastnoe..., 1907** – Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii [Public and private charity in Russia]. SPb., 1907. 296 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1902** – Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii na 1902 g. [Commemorative book and address calendar of the Simbirsk province for 1902]. Simbirsk, 1902. 382 p. [in Russian]
- Polivanov, 1908** – *Polivanov, V.N.* (1908). Doklad IV s"ezda Upolnomochennykh Ob"edinennogo dvoryanstva po voprosu o Pansionakh-Priyutakh [Report of the IV Congress of Commissioners of the United Nobility on the issue of Boarding Houses]. SPb. 215 p. [in Russian]
- Savel'ev, 1994** – *Savel'ev, P.I.* (1994). Puti agrarnogo kapitalizma v Rossii. XIX vek (po materialam Povolzh'ya) [The ways of agrarian capitalism in Russia. XIX century (based on materials from the Volga region)]. Samara. 365 p. [in Russian]
- Shiryayeva, 2013** – *Shiryayeva, S.V.* (2013). Osnovnye tendentsii razvitiya chastnoi blagotvoritel'nosti v Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vv. [The main trends in the development of private charity in the Russian Empire of the XIX – early XX centuries]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 4: 34-43. [in Russian]

[Simbirskii dvoryanskii..., 1904](#) – Simbirskii dvoryanskii Pansion-priyut imeni imperatora Nikolaya II [Simbirsk noble Boarding House named after Emperor Nicholas II]. Simbirsk. 1904. 224 p. [in Russian]

[Sokolov, Zimin, 2015](#) – Sokolov, A.R., Zimin, I.V. (2015). Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovykh. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo imperatorskogo dvora [Charity of the Romanov family. XIX – early XX centuries. Daily life of the Russian Imperial Court]. M. SPb. 604 p. [in Russian]

[Statisticheskii ezhegodnik..., 1911](#) – Statisticheskii ezhegodnik Simbirskoi gubernii za 1910 g. [Statistical yearbook of the Simbirsk province for 1910]. Simbirsk, 1911. 319 p. [in Russian]

[Ul'yanova, 2000](#) – Ul'yanova, G.N. (2000). Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoe prizrenie v Rossii XIX – nachala XX veka. Institutsional'noe razvitiye v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva [Charity and public charity in Russia of the XIX – early XX century. Institutional development in the context of civil society formation]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. 1997–1998 gg. Vyp. 2. M. Pp. 164–217. [in Russian]

[Vremennye pravila..., 1902](#) – Vremennye pravila remeslennogo uchilishcha Seliverstova N.D. (1902) [Temporary rules of the vocational school of Seliverstov N.D.]. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii na 1902 g.* Simbirsk. 382 p. [in Russian]

[V'yunnik, 2011](#) – V'yunnik, E.P. (2011). Protседura i praktika ustanovleniya i snyatiya opeki v poreformennyi period dlya nesovershennoletnikh dvoryan, ostavshikhся bez popecheniya roditelei (na materialakh Kurskoi gubernii) [The procedure and practice of establishing and removing guardianship in the post-reform period for minor nobles left without parental care (based on materials from the Kursk province)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 13(108): 119–125. [in Russian]

К вопросу об участии симбирского дворянства в развитии системы общественного призрения в Российской империи начала XX века

Олег Ренатович Хасянов ^{a, b, *}

^a Ульяновский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, Российская Федерация

^b Ульяновский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе широкого круга архивных источников и современных данных исторической науки анализируется роль симбирского дворянства в развитие системы общественного призрения Российской империи в период масштабных социально-политических трансформаций начала XX в. Автором представлены различные направления участия представителей дворянского сословия в деятельности по оказанию мер социальной поддержки различным слоям общества и становлению в регионе всесословных профессиональных образовательных учреждений. Дворянство в благотворительной деятельности уделяло внимание оказанию помощи не только представителям «первенствующего сословия», но и представителям других социальных групп. На средства наиболее успешных представителей дворянства региона содержались ремесленные училища, образовательные учреждения, общественные столовые, богадельни, общежития и т.д. В годы голода и эпидемии тифа многие представители дворянства организовали для крестьян бесплатные столовые, а также выделяли им одежду, продукты. Участвуя в деятельности общественных организаций, представители дворянства содействовали открытию образовательных учреждений для крестьянских детей. Генералом Н.Д. Селиверстовым в Симбирской губернии был учрежден благотворительный комплекс, в состав которого входила богадельня, прототип современного детского сада, и школа для детей рабочих суконной фабрики, а также ремесленное училище. Для сохранения сословной идентичности и воспитания в детях неимущих дворян корпоративных ценностей и нравственных устоев в конце XIX века был учрежден пансион-приют, содержавшийся на средства губернского дворянского собрания и государства. Для нуждающихся пожилых дворян было организовано общежитие. Размер финансовой помощи, оказываемой благотворителями, во многом зависел от экономических возможностей данных лиц. Финансирование благотворительной помощи осуществлялось и за счет средств, получаемых дворянским обществом за организацию литературных вечеров, концертов. Автором сделан вывод о том, что благотворительная деятельность дворянства в рассматриваемый период носила всесословный характер.

Ключевые слова: дворянство, общественное призрение, благотворительность, социальная поддержка, пансион-приют, богадельня, благотворительная деятельность, пожертвование, поддержка голодающих.

* Корреспондирующий автор

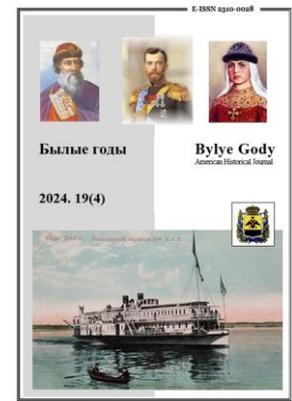
Адреса электронной почты: oleg-has@yandex.ru (О.Р. Хасянов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1931-1945
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1931

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Issue of the Scale of the Russian Tea Market at the beginning of the 20th century

Mahfuza B. Mamatova ^{a,*}, Olga P. Kobzeva ^b, Nigora S. Uroкова ^a, Nodirakhon A. Vaisova ^b

^a KSU – Karshi state university, Republic of Uzbekistan

^b NUUZ – National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article studies the changes in the development of tea trade and tea market of the Russian Empire in the early XX century. It draws attention to the fact that by the end of the XIX century Russia became the world's leading exporter of tea. Relying mainly on archival sources, the key role of tea in the system of customs taxation of the Russian Empire and its importance as the main commodity of mass consumption is analyzed.

It is emphasized that the main part of tea imported to the Russian Empire, went by sea through the European borders, although during this period imports of tea through the Asian borders increased significantly. The trade involved imported teas from China, India, Ceylon, as well as Russian teas cultivated in the Caucasus. Baih teas supplied from China, where Russian merchants established numerous tea firms, were in great demand. It is noteworthy that Chinese teas were supplied mainly through Hangzhou, the largest port city in the Russian-Chinese tea trade.

Over time, imports of Indian and Ceylon teas increased significantly; despite their higher cost, they gradually displaced Chinese teas due to their higher quality. This shift in consumer preferences emphasized the growing demand for Indian and Ceylon teas in the Russian Empire.

The article also discusses the emergence of Russian tea plantations in the Caucasus region, which marked the beginning of domestic tea production to supply the empire's inhabitants. On the eve of the October coup of 1917, the Russian Empire strengthened its position as the main consumer and intermediary of tea in the world market.

In conclusion, this study highlights the dynamic evolution of the tea market in the Russian Empire, reflecting consumption patterns and their changes, the dynamics of trade with different tea-producing regions, and the emergence of domestic production.

Keywords: Russian Empire, tea market, tea trade, tea companies, Great Britain, Caucasus, world market, borders, customs, taxes and duties, mercantilism, trade repressions.

1. Введение

Впервые китайский чай был привезен в Россию в 1567 году казачьими атаманами Петровым и Ялышевым, которые долгое время жили в Китае и познакомились с его обычаями и традициями. В 1618 году китайское посольство преподнесло ящики с чаем царю Алексею Михайловичу в Москве, но лишь после подписания Нерчинского договора в 1689 году небольшие партии чая стали поступать в Россию по сухопутному пути через Монголию и Сибирь.

Большая часть китайского чая для российского рынка первоначально поступала по суше караванным путем, а затем – по Сибирской железной дороге. В дополнение к сухопутному экспорту в

* Corresponding author

E-mail addresses: maxfuzamamatova@gmail.com (M.B. Mamatova),
kobzeva75@internet.ru (O.P. Kobzeva), nigoraurokova787@gmail.com (N.S. Uroкова),
vaisovanodirabegim86@gmail.com (N.A. Vaisova)

60-х годах XIX века Российская империя начала отправлять чай по морю через Суэцкий канал в Одессу – крупный порт на Черном море. Эти поставки были, однако, небольшими до конца 80-х годов XIX века, когда российский экспорт с морского побережья вырос, поскольку Великобритания постепенно уступила свои китайские рынки хорошо зарекомендовавшим себя и быстро растущим российским фирмам, которые к концу 90-х годов XIX века полностью контролировали их.

Импорт чая имел большое значение в российской внешней торговле. Начиная с 1894 года в Российской империи сформировался крупнейший чайный рынок, и российский экспорт впервые превысил британский. Это преимущество сохранялось вплоть до Октябрьского переворота 1917 года и установления Советской власти.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования, которое характеризует особенности чайного рынка Российской империи в начале XX века, обширна и представлена разноплановыми и разновременными материалами. В качестве источников привлечены архивные документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Национального архива Республики Узбекистана (Ташкент, Узбекистан). Данные о российском чайном рынке, по данным Департамента Таможенных Сборов, хранятся в фонде Ф. 32 («Подборка вырезок из журнала «Промышленность и торговля» о мировом чайном рынке 1908–1910 годов) Российского государственного исторического архива.

Большое значение в освещении темы имеют отчеты, рапорты, записки, ведомости Азиатского отделения Департамента налогов и сборов, свидетельствующие о привозе чая через Хивинскую и Бухарскую сухопутные границы. Данные документы хранятся в Национальном архиве Республики Узбекистан (Ташкент). Глубже изучить тему исследования и прийти к логичным и достоверным выводам позволило использование ряда исторических методов.

В частности, при изучении исторических источников и историографии вопроса использовался системный подход, что способствовало более глубокому и всестороннему раскрытию картины изменения масштабов чайного рынка Российской империи. Архивные документы были изучены и проанализированы с помощью метода объективности, что позволило реалистично оценить проблемы формирования и развития чайного рынка, рассмотреть выгоды, приносимые чайной торговлей. Метод хронологической последовательности позволил показать поэтапный рост объемов импорта чайной продукции в Российскую империю. Сравнительный анализ статистических данных способствовал выявлению различных видов (сортов) чайной продукции и показателей их востребованности на российском рынке. Применение метода актуализации позволило определить последствия расширения масштабов чайного рынка империи в экономической жизни, а также его влияния на политику, в частности, на примере ответных мер на торговые репрессии Великобритании. С помощью типологического метода проведен анализ подходов, используемых для решения проблем развития и специфики транспортных коридоров по ввозу чая. Сопоставление официальных документов о чае и торговле и импорте чайной продукции с материалами периодической печати стало возможным благодаря проведенному контент-анализу.

3. Обсуждение

В XIX веке появляются первые исследования о чайном растении, производстве чайной продукции, потреблении и торговле чаем. Это, например, работы Н. Крит ([Крит, 1864](#)) и А.П. Субботина ([Субботин, 1892](#)). XX век характеризуется началом сложения историографических школ, изучавших историю чая и чаеоторговли, существенно расширяется их географическая принадлежность и характер подходов к изучаемым вопросам. Можно выделить представителей западной (Ж.С. Кюд, У. Юкерс ([Ukers, 1935](#)), П.Ж. Гриффитс) и восточной историографических школ (У. Цзюэнун, К. Окакура и др.).

Особняком стояли исследования советских ученых, чьи труды иногда несли в себе идеологический налет и были обусловлены заданностью тематик (А.Ф. Губаревич-Радобильский, М.Е. Синюков, В.Н. Любименко ([Любименко, 1919](#)), К.В. Катц ([Катц, 1927](#)), М.И. Сладковский ([Сладковский, 1974](#)) и др.).

В конце XX – начале XXI века историография чая и чаеоторговли все более отходит от географического принципа к проблемному. Одни и те же вопросы, связанные с чайной продукцией и чайными рынками, становятся объектами изучения как в Европе и США, так и в странах Азии. В частности, отметим американских и европейских ученых, таких, как М. Эйвери ([Martha Ayvery, 2003](#)), К. Фауст ([Фауст, 2019](#)), М.А. Стандер ([M.A. Stander, 2019](#)), Жан де Бернарди ([Bernardi, 2022](#)). Их труды посвящены истории китайско-русской чайную торговли. Отметим и российских исследователей: В.В. Похлебкин ([Похлебкин, 1999](#)), И.А. Соколов ([Соколов, 2008](#)), К.А. Абдрахманов ([Абдрахманов, 2022](#)). Они рассматривают вопросы русского чая и истории чайных путей. Нельзя не отметить китайских и японских авторов: Лю Цзайци ([Лю Цзайци, 2010](#)), Чартай Ханонгнуч ([Khanongnuch, 2017](#)), Ван Вик ([Van Wyk, 2017](#)), К. Окакура ([Окакура, 2023](#)), Миао-Миао Ли ([Miao-Miao Li, 2024](#)). Они изучают русско-китайскую чайную торговлю. Приведем имена узбекских авторов:

О.П. Кобзева (Кобзева, 2013), М.Б. Маматова (Маматова, 2023), Д. Ураков (Urakov, 2024). Их труды в основном посвящены истории чайной торговли на Великом Шелковом пути и узбекской чайной культуре.

4. Результаты

В XVIII веке чай поступал в Россию из Китая и с европейских ярмарок. Сухопутный караванный путь из внутреннего Китая через пустыни, степи и горы был крайне сложен. Это был один из «старых» путей, действовавших с начала XVIII века. Климатические условия в ряде областей Монголии, через который везли чай, были экстремальные (Соколов, 2008: 53-55).

К концу XIX века существовало не менее 12 ключевых маршрутов, по которым чай попадал в Российскую империю (Маматова, 2022: 92-96). Транспортировка осуществлялась в «цибиках» (оплетенных камышом и обшитых кожей ящиках). Чай поступал в Россию из Китая напрямую как караванами по суше, так и, позднее, по морю до дальневосточных портов. Среди караванных путей было несколько маршрутов, на которых Кяхта (город в Бурятии) была наиболее крупным центром (Соколов, 2008: 53-55).

Со второй половины XIX века чай начали активно доставлять в Одессу морем. Периодически действовали пути доставки чая из Великобритании и кругосветными экспедициями.

Также необходимо добавить, что около 30% чая ввозилось в Российскую империю нелегально: 1) напрямую из Китая; 2) через Среднюю Азию; 3) по пути из Великобритании (через Финляндию), а также по ряду других контрабандных каналов (Соколов, 2008: 53-55). Контрабанда чая шла через Австрию и Польшу (Абдрахманов, 2022: 268).

В начале XX века, по данным Департамента таможенных сборов Российской империи, ценность (в тыс. руб.) ввезенного к России чая и процентное отношение ее к объемам всех ввезенных жизненных припасов растительного происхождения (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1) представляется следующим образом (Рисунок 1).

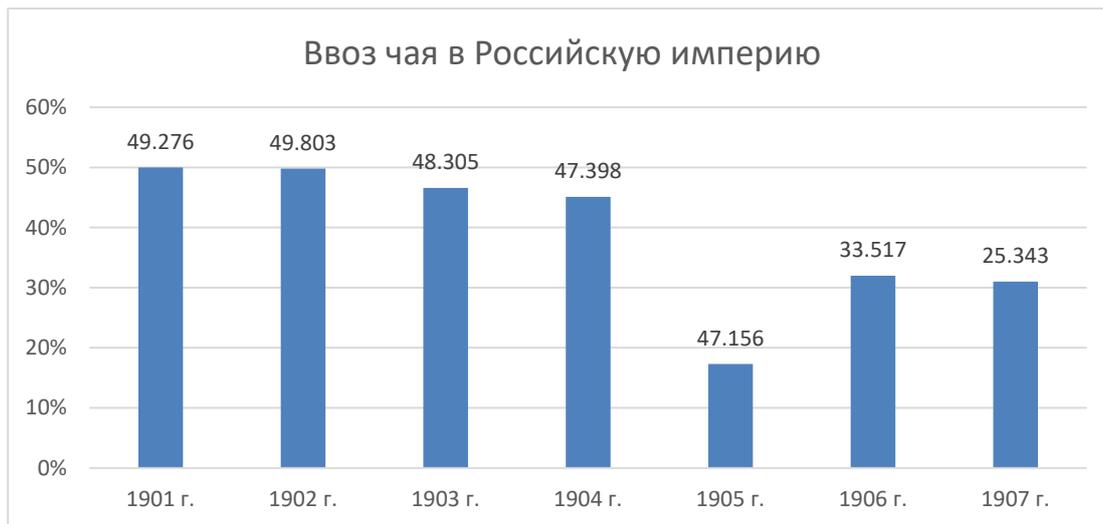

Рис. 1. Ввоз чая в Российскую империю через Азиатскую (1901–1905 гг.) и Европейские границы (1906-1907 гг.) (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1)

Эта диаграмма показывает, что в начале XX века среди продуктов колониальной торговли чай по своим объемам составлял почти половину ввоза в Российскую империю.

Еще большее значение ввоз чая имел для российского фиска. Таможенная пошлина на чай байховый была установлена на Европейской границе в 31 р. 50 к. с пуда, а на Азиатской – в размере 25 р. 50 к. На чай кирпичный (плиточный) пошлина на Азиатской границе равнялась 15 р. с пуда (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1). Общая сумма пошлины с чая в тыс. руб. и ее процентное отношение ко всему валовому таможенному доходу видны из следующей диаграммы (Рисунок 2).

Рис. 2. Пошлина с чая по валовому таможенному доходу через Азиатскую (1901-1905 гг.) и Европейскую границы (1906-1907 г., январь – сентябрь) (РГИА. Ф.32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1)

Если не принимать во внимание 1904 и 1905 гг. как исключительные по своим условиям, то пошлина на чай давала ежегодно государству не менее 3/4 всех его таможенных доходов. Кроме того, из этой диаграммы видно, что абсолютная сумма пошлины с чая росла из года в год, за исключением 1905 г.

На примере Азиатской таможни видно, что, например, в Ашхабадскую таможню пошлина поступала главным образом за чай, потребляемый населением южной России, в том числе Хивинского оазиса и Амударьинского отдела. Пошлины на привозные чаи, взимаемые в колониальный период, были весьма умеренные. Однако только в 1903–1904 гг. поступление пошлинных сборов удвоилось. Девяносто процентов этих пошлинных доходов давал чай (Адрес-справочник..., 1910: 33-34).

Важная роль, которую чай играл в таможенном обложении, несомненно, находилась в связи с тем, что он представлял собой необходимый продукт широкого массового потребления. Однако величина потребления чая в России в 1900-1907 гг. отнюдь не была так велика, как в других странах (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1). Это видно из нижеследующей таблицы, в которой приводятся данные за ряд лет о ввозе чая (в тыс. пуд.) в Россию и о числе фунтов чая в Великобритании, приходящихся на одного человека в каждой из этих стран (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительные данные по России и СКВ по числу фунтов чая, приходящихся на одного человека (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1).

Страны		1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907 (9 мес.)
Российская империя	Вообще (т.пуд)	2.901	3.493	3.487	3.755	3.674	3.369	3.254	3.761	2.786
	Душевое потребление (т.пуд)	0.88	1.04	1.02	1.08	1.04	0.93	0.89	1.01	-
Соединенное Королевство Великобритании	Вообще (т. пуд)	-	-	-	7.000	7.018	7.058	7.125	7.429	7.535
	Душевое потребление (т.пуд)	-	-	-	6.66	6.63	6.60	6.78	6.78	6.83

Данные этой таблицы позволяют сделать следующие выводы.

1) Ввоз чая в Россию увеличился за десятилетие (1897–1906 гг.) на 1 030 тыс. пуд. или почти на 38 %, причем увеличение в течение 1898-1901 гг. равнялось 28 %, а в течение 1902-1906 гг. – только 8 %.

2) Душевое потребление чая в СКВ более чем в 6,5 раз превышало потребление чая в России. Это обстоятельство показывает, что в то время чай в России далеко еще не являлся предметом первой необходимости для населения, как в некоторых других странах.

Население южных территорий Российской империи, в том числе Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского и Хивинского ханства, насчитывало около 9-10 млн, что было меньше населения всей империи в 14 раз. А потребление чая на душу населения в Центральной Азии было почти в три раза больше, чем в России. Цифра около 400 тыс. пудов чая, ввозимого в Туркестанский край, составляла одну пятую от 2 млн пуд. байхового чая, потребляемого всей Российской империей, кроме Туркестана ([Адрес-справочник Туркестанского края, 1910: 34](#)).

Умеренный пошлинный тариф, вызвавший столь значительное потребление чая в Центральной Азии, мог бы послужить хорошим примером и для Европейской России, где пошлина составляла иногда 200% от стоимости продукта, чем тормозила его потребление ([Адрес-справочник Туркестанского края, 1910: 34](#)).

Судя по сведениям Департамента таможенных сборов, ввоз чая различных сортов в Российскую империю по всем таможенным был следующим ([Таблица 2](#)).

Таблица 2. Таможня по границам Российской империи ([РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 10б.](#))

По границам	По Европейской границе (в тыс. пуд.)	По Азиатской границе (в тыс. пуд.)	Всего (в тыс. пуд.)
1906 г.	1.813	1.290	3.103
1907 г.	1.385	1.700	3.085

Как видно, общее количество привезенного чая за год изменилось незначительно: уменьшилось в 1907 г. лишь на 18 т. пудов против 1906 г., зато сильно изменилось соотношение привоза по Европейской и Азиатской границам. Привоз по Европейской границе с 58 % в 1906 г. упал в 1907 г. до 45 %; по Азиатской границе привоз, наоборот, увеличился с 42 % в 1906 г. до 55 % в 1907 г. Это явление, несомненно, находилось в зависимости от, во-первых, восстановления движения по Восточно-Китайской и Сибирской железным дорогам после эвакуации Российских войск из Маньчжурии; во-вторых, от разницы таможенных пошлин на чай по этим границам: 31 р. 50 к. по Европейской и 25 р. 50 к. по Азиатской за пуд байхового чая.

Влияние отмеченных причин отражено в следующей таблице, демонстрирующей привоз чая по Азиатской границе по сортам (тыс. п.) ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Привоз чая по Азиатской границе по сортам ([РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 2](#))

По сортам	Байховый	Кирпичный	Плиточный	Зеленый	Всего
1906 г.	297	714	9	270	1.290
1907 г.	405	999	25	273	1.700

Из этой таблицы видно, что кирпичный чай находился в большом спросе в 1906-1907 гг. (55 % всего чая в 1906 г. и 59 % – в 1907 г.). Если байховые и зеленые чаи были в одинаковом спросе в 1906 г., то в 1907 г. привоз байхового чая был на 132 тыс. п. больше, чем зеленого. Можно сказать, что из всех европейских стран главными потребителями чая являлись Соединенное Королевство Великобритании и Российская империя, и цены на чай определялись, с одной стороны, спросом на чай в этих странах, а с другой – сбором чая в Китае и Индии.

В 1904 г. Департамент таможенных сборов (Азиатское отделение) разрешил беспошлинный транзит чая через Батум, а также через Иркештам в Кашгар (Китай) при следующих условиях:

1. Каждая подобная партия товара должна была сопровождаться консульскими удостоверениями об их китайском происхождении;

2. Отправители чая должны были вносить во впускную таможню залог в размере пошлины по тарифам европейской торговли, а за зеленые чаи – в размере пошлины по льготному центральноазиатскому тарифу, т. е. по 12 р. за пуд. Залог возвращался по получении впускной таможней уведомления Кашгарского таможенного пункта о прибытии транспорта в полном соответствии с данными провозного свидетельства;

3. Доставка транзитного груза от впускной таможни до места назначения должна была осуществляться в шестимесячный срок ([НА Уз. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 17. Л. 1](#)).

Согласно сведениям Департамента таможенных сборов, ввоз чая в Россию в 1905–1907 гг. выражался в следующих цифрах ([Таблица 4](#)).

Таблица 4. Ввоз чая в Российскую империю по границам (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 3)

Сорт чая	1907 г.	1906 г.	1905 г.
По Европейской границе: пуды			
Байховый (черный)	1.622.761	1.659.369	1.543.153
Кирпичный	37.041	449.743	588.825
Плиточный	22.910	11.529	12.563
По Кавказской границе: пуды			
Байховый (черный)	3.589	2.842	3.461
Зеленый: всех сортов	1.165	4.852	2.455
Кирпичный	19.096	20.216	71.234
По Среднеазиатской границе: пуды			
Черный	47.658	45.381	33.444
Зеленый: всех сортов	346.220	340.470	287.672
По западной русско-китайской границе: пуды			
Байховый (черный и пр.)	5.358	2.877	3.736
Кирпичный	14.660	7.227	8.161
По таможенным учреждениям Сибири и Приамурья: пуды			
Байховый (черный и пр.)	560.283	1.255.764	246.757
Кирпичный	1.676.305	1.846.758	440.417
Плиточный	28.509	61.231	9.381
Итого по всем границам:			
Байховый (черный и пр.)	2.239.649	3.002.252	1.830.631
Кирпичный	1.741.102	2.326.523	1.111.165
Плиточный	51.419	72.760	21.944
Зеленый: всех сортов	347.385	345.322	290.127
Всего ввезено чая разных сортов	4.379.555	5.746.857	3.253.867

Как видно из этих данных, в 1907 г. общее количество ввезенного чая уменьшилось по сравнению с 1906 г. на 1 367 302 пуда.

Это уменьшение объясняется тем, что после окончания Русско-японской войны ввоз чая увеличился через Владивосток, поэтому 1906 г. нельзя считать среднестатистическим годом по ввозу чая.

Нужно отметить, что значимой причиной успеха русских чаоторговцев являлось открытие новых транспортных маршрутов. Традиционные сухопутные маршруты (Ханькоу – Кяхта) заменили новые водные маршруты, проходившие по рекам и морю. По Янцзы чайный груз доставлялся в Шанхай, оттуда по морю – в Тяньцзинь и далее – во Владивосток. Также был освоен морской путь от Шанхая до Одессы (Лю Цзайци, 2010: 67). Благодаря новым морским маршрутам удалось сократить стоимость перевозок, а прибыль от чайной торговли возросла. В 1905 г. после завершения строительства Транссибирской железной дороги чай из Ханькоу и Янлоудуна стал перевозиться в европейскую Россию из Владивостока по железной дороге, и по мере роста значения морского транспорта старый сухопутный маршрут из Ханькоу до Кяхты постепенно приходил в упадок (Лю Цзайци, 2010: 68).

По данным источников, основными портами ввоза чая в Россию являлись Владивосток (расположенный на берегу Японского моря, где находилась восточная конечная станция Транссибирской магистрали), Батум и Одесса (на Черном море) и Санкт-Петербург (на Балтике) (Ukers, 1935: 55).

Таблица 5. Стоимость ввезенного чая через Европейскую и Кавказско-Черноморскую границы (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 3)

	1902	1903	1904	1905	1906	Сред. за 5 лет	1907
Чай всякий, кроме кирпичного (тыс. р.)	26.126	25.919	28.188	27.989	30.704	27.905	29.553
Кирпичный чай (тыс. р.)	2.00	500	1.800	5.280	3.760	2.168	393

Из [Таблицы 5](#) видно, что кирпичный чай составлял 8 % ввезенного чая за 5 лет (1902–1906 гг.) через Европейскую и Кавказско-Черноморскую границы.

Как указывалось в обзоре чайного рынка, в 1907 г. наблюдалось уменьшение общего количества ввезенного в Россию чая по сравнению с 1906 г. (4 379 555 п. против 5 746 857 пуд., т. е. меньше на 1 367 302 пуда). Это становится очевидным из нижеследующей [таблицы 6](#).

Таблица 6. Привоз чая в Российскую империю по границам (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 30б.)

Годы	По всем границам ввезенный в пудах чай	По тамож. учр. Сибири и Приамурья ввезенный в пудах чай	По всем гран., исключая тамож. учр. Сибири и Приамурья, ввезенный в пудах чай
1904	3.368.581	1.195.889	2.172.692
1905	3.253.867	696.555	2.557.312
1906	5.764.857	3.163.753	2.583.104
1907	4.379.555	2.265.097	2.114.458

По данным таблицы видно, что в 1904 году 35 % чая ввозилось через Сибирскую и Приамурскую таможи. В 1905 году эта цифра составила 21 %, 55 % – в 1906 г. и 52 % – в 1907 г.

Исходя из данных Департамента таможенных сборов Российской империи приведем цифры ввоза в Россию чая с учетом таможенных пошлин по Европейской границе с включением Черноморской границы Кавказского края в тыс. пудов ([Таблица 7](#)).

Таблица 7. Ввоз чая в Россию по Европейской и Азиатской границам (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5)

	По Европейской границе	Чай всякий	по Московской там.	по СПб. портовой там.	по СПб. сухоп. там.	по Одесской там.	по прочим там.	
		1907 (в марте)	146	116	5	2	22	1
1908 г. (в марте)	136	113	2	2	13	6		
1907 г. (с 1 января по 1 апреля)	426	320	16	5	76	9		
1908 г. (с 1 января по 1 апреля)	398	314	8	7	55	14		
	По Азиатской границе	чай байховый	кирпичный	плиточный чай	зеленый чай всех сортов			
		1907 г. (в марте)	30	109	52	30		
		1908 г. (в марте)	67	135	26	34		
		1907 г. (с 1 января по 1 апреля)	110	297	78	93		
		1908 г. (с 1 января по 1 апреля)	139	366	69	112		

Видно, что Московская таможня была основной на Европейской границе (ввоз составлял 75 и 79 % всего чая в 1907–1908 гг.), Одесская таможня была следующей по объему. По Азиатской границе в основном ввозился кирпичный чай, почти половина всех сортов (байховый, плиточный и зеленый).

Представляют интерес собранные в Тебризе данные относительно чайной торговли в Персии, которая, как известно, потребляла огромное количество чая. В одну только смежную с русскими владениями Азербайджанскую провинцию в 1907–1908 гг. чая было ввезено на сумму 7 198 818 перс. кранов (1 кран = 20 коп.). В Персию поставлялись преимущественно дешевые сорта цейлонского чая,

отправляемые из Британской Индии. Русский чайный транзит в Персию в 1906-1907 гг. равнялся 32 % от всего ввоза (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5).

Исходя из политики меркантилизма в целях поддержки русских пароходных предприятий, которые вели торговлю с Дальним Востоком, комитетом Добровольного Флота было подано ходатайство о разрешении ему перегружать прибывающие в Одессу на его пароходах чай, предназначенные к доставке в Санкт-Петербург, непосредственно на пароходы Русского Общества Пароходства и Торговли для дальнейшей перевозки. Этим отступлением от существующих правил транзитной перевозки товаров из Одессы в Санкт-Петербург был допущен транзит грузов из Одесской таможни в Санкт-Петербургскую лишь железнодорожным путем для того, чтобы все совершаемые морским путем перевозки чая в Санкт-Петербург не перешли к иностранным пароходствам (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 60б.).

Некоторые цены на ввозимый чай можно проследить по документам Санкт-Петербургской чайной биржи. Так, в 1908 г. чай в коже, получаемый через Кяхту, шел по 120-170 р. за ящик, цейлонский – 1 р. 60-70 коп., японский – 1 р. 10-50 коп. и плиточный – 90-98 коп. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 70б.).

По сведениям из Томска, цена за ящик чая в 72 доски была 62-96 руб., за ящик чая в 80 досок – 65-135 р. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 70б.).

Ввоз в Россию чая, очищенного таможенною пошлиною, по Европейской границе (с включением Черноморской границы Кавказского края), по данным Департамента таможенных сборов, выражался в следующих цифрах (Таблица 8).

Таблица 8. Ввоз чая в Россию по Европейской и Азиатской границе (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 70б.)

	По Европейской границе	Чай всякий (в тыс. пудов)	Сверх того по Азиатской границе				
			чай байховый (в тыс. пудов)	кирпичный (в тыс. пудов)	плиточный (в тыс. пудов)	зеленый всех сортов (в тыс. пудов)	Чай всякий (в тыс. пудов)
1907 г. (в сентябре)		124	38	145	2,4	20	170,4
1908 г. (в сентябре)		106	39	142	1,6	16	198,6
1907 г. (с 1 января по 1 октября)		1.080	316	1.059	19,8	222	1.616,8
1908 г. (с 1 января по 1 октября)		1.060	327	1.112	18,9	222	1.679,9

Из Таблицы 8 видно, что в октябре 1907 года через Азиатскую границу было ввезено на 536 тыс. пудов чая больше, чем через Европейскую границу. В 1908 г. ввоз чая через Азиатскую границу составил на 619 тыс. пудов больше, чем через Европейскую.

По данным Уильяма Юкерса, который описал чайный рынок XIX-XX вв., большая часть чая, экспортируемого в Россию, шла по морю в Одессу или во Владивосток, а затем – по Транссибирской магистрали. Фрахт по железной дороге оплачивался по весу (примерно девять центов золотом за фунт) от Владивостока до Москвы. Поэтому чай для отправки в Россию в основном упаковывали в лакированные сундуки. Пробовали использовать пакеты, но оказалось, что чай в них быстро портится. Тысячи сундуков чая также перевозились в Бухару и на Кавказ сухопутным путем через Ганьсу и Синкианг (Ukers, 1935: 26).

Ввоз в Российскую империю хуасяна (чайных листов высоких и средних сортов) из Калькутты и Коломбо в течение всего 1907 г. увеличивался.

С точки зрения практиков чайного дела, 1908 год был для России тяжелым. Приходилось продавать чай, закупленные по высоким ценам в 1907 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 8-80б.). Самыми «ходовыми» сортами у крупнейших фирм, сильно конкурирующих между собою, являлись цейлонский и китайский по 1 р. 60 к. и китайский по 2 р. Это этикетные цены. Перепродавцам же делали скидки: основную – на 1 р. 60 к. (20%), на 2 р. (25%) и дополнительную (за выборку известного количества, за наличный расчет и т. д.). Ввиду этого цена нетто для денежного покупателя определялась вполне точно. Покупатель отдавал чай потребителю с самой ничтожной надбавкой, и последний платил за 1 фунт 1 р. 60 к. Таким образом, продавец с трудом решался прибавить что-нибудь к этой цене, в особенности в тех регионах, где чай составлял существенный предмет потребления, например, в Оренбургской губернии, Уральской степи и т. п. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 8-80б.). Необходимо отметить, что в качестве чая потребитель разбирался как нельзя

лучше, и все крупные фирмы следили за тем, чтобы не уронить в качественном отношении своего товара и не дать возможности восторжествовать своим конкурентам. Таким образом, в 1908 г. прибыльность чайного дела завесила почти исключительно от степени выгоды закупки чая.

3.1. Китайские чай

По данным материалов Российского государственного исторического архива, 70 % всего количества потребляемого в Российской империи байхового чая привозилось из Китая, поэтому русская чайная торговля сильно зависела от торговли чаем на китайских рынках (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 8).

В этом контексте приведем данные из отчетов ханькоуского представителя российской чайной фирмы «Молчанов, Печатнов и К^о»: «Байховые чай идут в Российскую империю преимущественно из Китая (2/3-остальная треть из Индии и Цейлона). Поэтому положение китайских чайных рынков имеет, без сомнения, большое влияние на положение торговли байховыми чаями в России. Общее поступление на китайские рынки чаев 1-го, 2-го и 3-го сборов к половине декабря 1907 г. равнялось 730 660/2 ящ., против 645 331/2 ящ. в 1906 г., т. е. предложение чаев увеличилось на 13 %. Из этого количества куплено было различными фирмами для отправки в 1907 г. 698 256/2 ящ. против 548 261/2 ящ. в 1906 г., или больше на 27%, причем на долю русских фирм приходилось около 2/3 всего купленного чая» (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 1-10б.). За период с мая до половины сентября 1907 г. русские фирмы успели отправить из Ханькоу на пароходах в Россию следующее количество китайских чаев (Таблица 9).

Таблица 9. Количество отправленных китайских чаев в Россию в 1907 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 10б.)

Порты-города	в Одессу	в Санкт-Петербург	во Владивосток	в Николаевск (порт южной Украины)	Итого
Количество (в пудах)	338.066	27.178	357.000	103.351	825.090

Таким образом, в 1907 г. китайские чай поступали в основном из Владивостока (43 %), Одессы (41 %) и Николаевска (12 %).

Ханькоу был крупнейшим экспортным китайским чайным рынком до 1918 г. Большая часть чая, отправляемого по суше из Китая и предназначенного для России, отправлялась по маршруту Ханькоу – Тенцин – Калган – Кяхта. Чай отправляли из Ханькоу в Тяньцзин по морю. Оттуда на джонках по реке Пэй-хо доставляли в Тунчоу, откуда по суше верблюдскими караванами отправляли в Калган и Кяхту. Иногда караваны формировались в Тяньцине. Там были офисы и склады русских купцов (Ukers, 1935: 25). Там же взимались таможенные сборы и выдавались разрешения на проход караванов.

Относительно кирпичного черного чая можно отметить, что материал, из которого он изготавливался (хусян), в 1907 г. было куплено тремя русскими фирмами (Молчановым, Кузнецовым и Литвиновым) на китайских рынках в количестве 23 тыс. пикблей (1 пикбле=147 фунт) или около 845 тыс. пуд., т. е. на 12 % меньше, чем в 1906 году. Цены на хусян в 1907 г. были не выше цен 1906 г., т. е. 19-21 лань (28 руб. 50 к. – 31 руб. 50 к.) за пикблей для высшего сорта и 8-10 лань (12-15 руб.) для низших сортов. Кроме того, для кирпичного обыкновенного чая (Рисунок 3) в 1907 г. было куплено материала упомянутыми фирмами 85 тыс. пик., около 310 тыс. пуд., т. е. на 80 % больше, чем в 1906 г., по ценам вначале более низким, а потом более высоким, чем в 1907 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 10б.).

Рис. 3. Русский кирпичный чай (вид спереди и сзади) (Ukers, 1935:98)

Торговый дом «С.В. Литвинов и К^о» сообщал, что русскими фирмами, имеющими в Китае свои фабрики, было произведено за первое полугодие 1908 г. плиточного и кирпичного чаев 167 894 м. против 208 366 м. в 1907 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5 об.).

В 1908 г. из Ханькоу и Куцияна было отправлено чая кирпичного черного в Российскую империю через Владивосток и Николаевск меньше, чем в 1907 г. (Таблица 10).

Таблица 10. Ввоз китайского кирпичного чая в 1908 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5 об.)

Порты	Владивосток	Николаевск-на-Амуре	Хакодат	Шанхай	Нагасаки
чая кирпичного черного	108.461	19.969	185	128.615	отправок не было
более или менее против 1907 г.	-27.552	-14.307	+125	-171.083	
чая кирпичного обыкновенного	32.942	2.040	-	-	-
более или менее против 1907 г.	+19.677	-7.981			

Отправки в те же города пекинского зеленого и плиточного чая выразились в следующих цифрах: пекинского зеленого – 1 301 м. (меньше) в 1908 г. против 1 980 м. в 1907 г. и плиточного – 2 996 м. в 1908 г. против 5 710 м. в 1907 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5 об.)

Цены на китайские чай в Санкт-Петербурге были следующие: Нинчжоу – 1 р. 35-80 к., Кимын и Кинтук – 1 р. 25-80 к., Монинг и Онфа – 1 р. 4-55 к., Сушонг – 1 р. 8-20 к. и Цветочный – 2 р. 25 к. или 4 р. за фунт (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 7).

3.2. Индийские чай

В 1898 году чай составлял практически половину общей стоимости индийского импорта в Российскую империю (Chadwick, Black, 1917: 7).

Привоз индийского чая через Азиатские границы, в частности через Бухарскую таможню, постепенно уменьшался. В первой половине 1900-1901 г. через Бухарскую таможню ввезли соответственно 29 777 и 39 657 пудов индийского чая (НА Уз. Ф. И-188. Оп. 1. Д. 3. Л. 277).

Импорт индийских товаров, в особенности чая, повысился с 10 % в 1903–1904 гг. до 59 % в 1908–1909 гг., а стоимость чая возросла от 22 % в 1903–1904 гг. до 81% в 1908–1909 гг. (Таблица 11).

Таблица 11. Объемы и стоимость экспорта индийских товаров, в том числе чая, из Индии в Российскую империю за 1903-1904 и 1909-1910 годы (Chadwick, Black, 1917: 28).

1903–1904	420	527,7	41	117,2
1904–1905	350	388,6	83	219,9
1905–1906	197	397,9	89	280,8
1906–1907	316	502	114	367,7
1907–1908	447	657	137	463,7
1908–1909	283	691,5	166	560,8
1909–1910	423	584	93	327,8

Значительно увеличился ввоз чая в Россию в 1906-1907 гг. непосредственно из Индии и с острова Цейлона. Цены на этих двух рынках за весь 1907 год держались на очень высоком уровне: приблизительно на 25-30 % выше цен 1906 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 10б.).

В 1906-1907 годы в торговле кирпичным чаем произошли важные изменения. Все большим спросом в России начал пользоваться чай, приготовленный из индийского и цейлонского материала (хуасяна). Хотя этот чай стоил дороже чая из китайского материала, но благодаря своему высокому качеству он быстро завоевал прочное положение на Кяхтинском и Сибирских рынках, причем на последних он вытесняет даже китайские байховые чаи.

Россия, имевшая громадный спрос на индийские и цейлонские чаи, перенесла значительную часть своих сделок с Лондонского рынка в Коломбо и Калькутту. Так, из Коломбо для русского рынка

в 1907 году на аукционах было закуплено 17,7 мил. англ. фунтов против 12,7 мил. англ. фунтов в 1906 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 2).

Растущее из года в год потребление индийских и цейлонских чаев в России и конкуренция их с китайскими чаями сталкивались с сильной разницей в таможенном обложении этих чаев. Для китайских чаев эта пошлина была равна 31 р. 50 к. с пуда, для индийских и цейлонских она составляла 33 р. Увеличение пошлины на 1 р. 50 к. для чаев из английских владений объяснялось таможенной репрессией, которой русское правительство ответило на английские репрессии по отношению к русскому сахару (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 2). В 1907 году Россия присоединилась к Брюссельской сахарной конвенции, таким образом, русский сахар получил доступ в Англию наравне с сахаром, поступающим из других стран.

По результатам Калькуттского чайного сезона 1908 года по сравнению с 1906 и 1907 годами было отправлено в млн англ. фунтов следующее количество чая (Таблица 12).

Таблица 12. Чайный сезон в Калькутте (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 20б.)

Отправлено	1905/1906 (в милл. англ. фун.)	1906/1907 (в милл. англ. фун.)	1907/1908 (в милл. англ. фун.)
В Англию	146.2	156.0	152.0
В Россию	9.4	16.5	21.7
В Австралию	6.2	8.8	10.3
В Америку	1.7	1.5	2.5
В другие страны	20.4	21.2	13.9
Итого	183.9	204.1	200.4

Как видно из Таблицы 12, в сезон 1907/1908 гг. из Калькутты было отправлено чая на 3,7 мил. англ. фунтов менее, чем в сезоне 1906/1907 года, но на 16,5 мил. англ. фунтов более, чем в 1905/1906 гг. Распределение вывоза по странам показывает, что главным потребителем индийских чаев являлось Соединенное Королевство, куда было отправлено свыше 75% всего чая в 1907/1908 гг. Вывоз индийских чаев в Россию обнаруживает постоянный рост, так как материал для кирпичных чаев, хусян индийский, предпочитался на российских рынках хусяну китайскому. Такое же неуклонное повышение ввоза индийских чаев наблюдается в то время для Австралии и отчасти для Америки.

3.3. Цейлонские чаи

В 1907 г. в Россию было ввезено из Коломбо цейлонского чая 220 тыс. пуд, т. е. на 33 % больше, чем в 1906 г., а из Калькутты индийского чая – 152 тыс. пуд., т. е. на 83 % больше, чем в 1906 г. Цены на эти чаи в 1907 г. на местах были следующими: на цейлонский – 27-39 лань (40 руб. 50 к. – 58 руб. 50 к.) за пиккуль, а на индийский – 27-36 лань (40 руб. 50 к. – 54 руб.) за пиккуль, что на 10-12 лань (15-18 руб.) или на 30-37 % выше, чем в 1906 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 10б.).

В соответствии с тем, что предложение в 1908 году превышало предложение 1907 года, цены на некоторые, особенно низкие, сорта чаев несколько понизились по сравнению с прошлыми ценами, но средняя цена равнялась 42 центам за англ. фунт, тогда как в 1907 году в те же время она равнялась 40 центам.

Вывоз чая из Цейлона в 1908 г. можно проследить по Таблице 13.

Таблица 13. Вывоз чая из Цейлона (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 2 об.)

Вывоз в страны	в Англию (мил. англ. фун.)	в Россию (мил. англ. фун.)	Всего (мил. англ. фун.)
1907	8.4	0.9	11.9
1908 (с 1-го января по 10 февраля)	6.5	1.6	9.6

Отсюда видно, что чая было вывезено из Цейлона в 1908 году (до 10 февраля) на 2,3 мил. англ. фунтов меньше, чем в 1907 г. Уменьшение коснулось главным образом вывоза в Соединенное Королевство, тогда как вывоз в Россию возрос почти на 77 %. Это последнее обстоятельство объясняется, помимо отмеченного нами ранее широкого распространения в России цейлонского чая, тем, что многие русские чайные фирмы начали торговать непосредственно с Коломбо, минуя Лондон.

Вывоз чая с Цейлона, по сведениям торгового дома «Молчанов, Печатнов и К^о», с 1 января по 19 июня 1908 г. выразился в 82 247 109 англ. ф. против 85 781 912 англ. ф. за соответствующий период 1907 года. Из этого количества было вывезено в Англию 52 169 078 англ. ф. (против 55 397 993) и в Россию 9 461 725 англ. ф. (против 8 686 464) в 1908 году (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5).

Рост потребления цейлонского чая в России выражается за тот же период времени (1896–1907) (Рисунок 4).

Рис. 4. Ввоз цейлонского чая в Российскую империю (в англ. фунтах)
(РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5 об.)

На [Рисунке 4](#) видно, что цейлонские чаи закупались в большом количестве (более чем 10 миллион ф.) начиная с 1902 г.

Общий вывоз чаев с Цейлона составил за первые 9 месяцев 1908 года 131 038 084 англ. ф. против 135 584 604 ф. в соответствующий период 1907 г., т. е. сократился на 4 504 520 ф. В Россию, по данным английской статистики, ввезено было из этого количества 14 902 635 англ. ф против 15 325 621 англ. ф. в предшествующем году. Общий вывоз из Калькутты и Читагонга в 1908 г. по сравнению с 1907 г. увеличился, хотя и незначительно. В Россию индийских чаев ввезено было почти такое же количество, как и в 1907 г. (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 8).

3.4. Русский чай

Разведение чайных плантаций в России связывают с первыми посадками чайных кустов в 1833 г. в окрестностях Эчмиадзина на Кавказе. С 1840-х годов чай культивировался в Сухуме, а затем в Озургетах. Более серьезные опыты начались с 1883 года, а с 1886 года чай стали высаживать уже в более широких объемах, что можно сравнить с промышленным характером ([Субботин, 1892: 34-37](#)).

В обзоре журнала «Промышленность и торговля» отмечено, что первый сбор русского чая на закавказских плантациях дал в 1908 году прекрасные результаты: «сбор обильный, чай высокого качества» (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5об.).

Сравнительные данные производительности чайных плантаций на Цейлоне и на Кавказе по истечению 13-ти лет с очевидностью доказывали преимущества Кавказа. Батумская плантация К.С. Попова дала на 13-й год около 146 ф. с акра, тогда как на Цейлоне с акра получается всего лишь 14-15 ф., т. е. почти в десять раз менее (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 5). По сообщению «Торгово-промышленной газеты», вопрос о дальнейших работах по культивированию чайного куста в Закавказье должен был обсуждаться с лондонскими чаепромышленниками, причем в Лондоне был план образовать для этой цели акционерное общество.

Общая площадь чайных плантаций в 1908 г. в Батумской области составляла свыше 450 десятин, считая плантации Удельного Ведомства, частновладельческие и крестьянские (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 6).

Местные промышленники указывали, что «желательно учредить на Кавказе опытную чайную лабораторию и увеличить число местных инспекторов. Эти меры не замедлили бы значительно подвинуть вперед юную, но многообещающую отрасль русского промышленного земледелия. С одной десятины чайной плантации получается в Закавказье около 4 000 фунтов зеленого листа, которого требуется 4 1/4 (4,25) фунта для получения одного фунта чая. Таким образом, десятина дает приблизительно 1 000 фунтов чая. При нынешней расценке зеленого листа по 13 коп. фунт плантации приносят от 400 до 500 руб. с десятины: если бы цена на лист и понизилась, то все же доходность десятины не могла бы ни в коем случае упасть ниже 200-150 руб., что же вполне удовлетворяет закавказского крестьянина» (РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2404. Л. 6об.).

В начале XX века существовали два типа чайных плантаций в Закавказье – крупные и мелкие. В 1914 году площадь чайных плантаций равнялась 839 десятинам, из них половина приходилась на долю двух крупных хозяйств, а другая половина находилась в руках 248 кустарей. Обе группы выработали в 1914 году 334 000 фунтов чая (РГИА. Ф. 566. Оп. 26. Д. 1393. Л. 5об.).

5. Заключение

Таким образом, изучив обзоры русского чайного рынка, можно выделить главные моменты, характеризующие состояние и развитие чайной торговли в начале XX века. В их ряду наиболее важными являются неуклонное увеличение ввоза чая и значительный рост общего потребления его в Российской империи при крайне ничтожном душевом; упадок ввоза по Европейской границе и увеличение его по Азиатской в связи с постепенным установлением нормальных условий движения по Восточно-Китайской и Сибирской железным дорогам; увеличение непосредственного ввоза в Российскую империю индийских и цейлонских чаев.

В начале XX века, будучи выше по качеству, хотя в то же время и намного дороже, индийские и цейлонские чаи завоевали себе прочное положение на Российских чайных рынках и стали даже вытеснять китайские байховые чаи.

Опыты над культивированием русского чая начались на Кавказе в 30-х годах XIX века. В 1908 году сбор русского чая на Батумской плантации К.С. Попова был в 10 раз больше, чем на Цейлоне.

Российская империя являлась основным мировым потребителем чайной продукции до Первой мировой войны. В то время ежегодное потребление чая в России составляло около 190 млн фунтов. После 1917 года российский чайный рынок рухнул, и русские чайные фирмы начали закрываться. Только с 1921 года Россия вновь стала выступать в качестве покупателя чайной продукции.

Литература

Абдрахманов, 2022 – Абдрахманов К.А. Чайная торговля в Российской империи в середине XIX века // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 9. С. 253-281.

Адрес-справочник..., 1910 – Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г. картой края и объявлениями. Ташкент: Издание Сырдарьинск. областн. статистическ. комитета, 1910. 208 с.

Лю Цзайци, 2010 – Лю Цзайци. Чайная торговля между Россией и Китаем // *Мир Евразии*. 2010. № 3 (10). С. 58-63.

Любименко, 1919 – Любименко В.Н. Чай и его культура в России. Петроград: 1-ая государственная типография, 1919. 82 с.

Катц, 1927 – Катц К.В. Чаеовары (чай, кофе, какао и суррогаты) и сахар. М.: Центросоюз, 1927. 140 с.

Кобзева, 2023 – Кобзева О.П., Джалилов О.З. Страницы истории Великого Шелкового пути: шелк, специи и чай. Монография. Т.: Университет, 2013. 140 с.

Крит, 1864 – Крит Н. Материалы для обсуждения вопросов о чайной торговле. СПб.: б/и, 1864. 375 с.

Маматова, 2022 – Маматова М.Б. Северный чайный путь и изучении его истории. // *Взгляд в прошлое*. 2022. № 2. С. 92-96.

Маматова, 2023 – Маматова М.Б. Чай в истории народов Узбекистана. Монография. Ташкент: «Elnur-Print», 2023. 132 с.

НА Уз – Национальный архив Республики Узбекистан.

Похлебкин, 1999 – Похлебкин В.В. Чай и водка в истории России. Красноярск; Новосибирск, 1995. 464 с.

РГИА – Российский Государственный исторический архив Российской Федерации в городе Санкт Петербурге.

Сладковский, 1974 – Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука, 1974. 367 с.

Соколов, 2008 – Соколов И.А. Пути транспортировки чая в Российскую империю и внутри неё: конец XVIII – начало XX веков // Соколов И. А. Чай и водка в русской рекламе XIX – начала XX веков. М.: Спутник+, 2008. 104 с.

Субботин, 1892 – Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. Санкт-Петербург: Изд. А.К. Кузнецова, 1892. 722 с.

Фауст, 2019 – Фауст К. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина. История российско-китайских отношений в XVIII-XIX веках. М.: ЗАО Центрполиграф, 2019. 447 с.

Chadwick, Black, 1917 – Chadwick D.T., Black G.W. Report on Indo-Russian trade. Simla: Government central press, 1917. 432 p.

Chartchai Khanongnuch, 2017 – Chartchai Khanongnuch, Kridsada Unban, Apinun Kanpiengjai, Chalermpong Saenjum. Recent research advances and ethno-botanical history of miang, a traditional fermented tea (*Camellia sinensis* var. *assamica*) of northern Thailand. *Journal of Ethnic Foods*. 2017. Vol. 4. Is. 3. Pp. 135-144.

Bernardi, 2022 – Jean DeBernardi, Junhong Ma. History, creativity, and value: The modern making of Gold Jun Mei tea. *Asian Journal of Social Science*. 2022. Vol. 50. Is. 3. Pp. 195-205.

Stander, 2019 – Stander M.A., Brendler T., Redelinghuys H., Van Wyk B.-E. The commercial history of Cape herbal teas and the analysis of phenolic compounds in historic teas from a depository of 1933. *Journal of Food Composition and Analysis*. 2019. Vol. 76. Pp. 66-73.

Ayvery, 2003 – Martha A. The Tea Road: China and Russia meet across the steppe. China: Intercontinental Press, 2003. 198 p.

Miao-Miao Li, 2024 - Miao-Miao Li, Muditha K. Meegahakumbura, Moses C. Wambulwa, Kevin S. Burgess, Michael Möller, Zong-Fang Shen, De-Zhu Li, Lian-Ming Gao. Genetic analyses of ancient tea trees provide insights into the breeding history and dissemination of Chinese Assam tea (*Camellia sinensis* var. *assamica*) // *Plant Diversity*. 2024. Vol. 46. Is. 2. Pp. 229-237.

Urakov, 2024 – Urakov Dilshodbek J., Gabrielyan Sofya I., Khaynazarov Bakhromjon B. The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2). Pp. 750-762.

Van Wyk, 2017 – Van Wyk B.-E., Gorelik B. The history and ethnobotany of Cape herbal teas. *South African Journal of Botany*. 2017. Vol. 110. Pp. 18-38.

Ukers, 1935 – Ukers W.H. All about tea. Vol. 2. NY: The tea and coffee trade journal company, 1568 p.

References

Abrahmanov, 2022 – Abrahmanov, K.A. (2022). Chaynaya trgovlya v Rossiyskoy imperii v seredine XIX veka [Tea trade in the Russian Empire in the mid-19th century]. *Nauchnye dialog*. 11(9): 253-281. [in Russian]

Adres-spravochnik..., 1910 – Adres-spravochnik Turkestanskogo kraja s illyustratsiyami, kalendarem na 1910 g. kartoy kraja i ob'yavleniyami [Address- directory of Turkestan region with illustrations, calendar for 1910, map of the region and announcements]. Tashkent, 208 p. [in Russian]

Chadwick, Black, 1917 – Chadwick, D.T., Black, G.W. (1917). Report on Indo-Russian trade. Simla: Government central press, 432 p.

Chartchai Khanongnuch, 2017 – Chartchai, Khanongnuch, Kridsada, Unban, Apinun, Kanpiengjai, Chalermpong, Saenjum. (2017). Recent research advances and ethno-botanical history of miang, a traditional fermented tea (*Camellia sinensis* var. *assamica*) of northern Thailand. *Journal of Ethnic Foods*. 4(3): 135-144.

Faust, 2019 – Faust, K. (2019). Velikiy trgovyiy put' ot Peterburga do Pekina Istoriya rossiysko-kitayskix otnosheniy XVIII-XIX vekax [The Great Trade Route from St. Petersburg to Beijing. History of Russian-Chinese relations in the XVIII-XIX centuries]. M., 447 p. [in Russian]

Bernardi, 2022 – DeBernardi, J., Ma, J. History, creativity, and value: The modern making of Gold Jun Mei tea. *Asian Journal of Social Science*. 50(3): 195-205.

Katts, 1927 – Katts, K.V. (1927). Chaetovary (chay, kofe, kakao i surrogaty) i sakhar [Tea products (tea, coffee, cocoa and surrogates) and sugar]. M., 140 p. [in Russian]

Kobzeva, 2013 – Kobzeva, O.P., Dzhaililov, O.Z. (2013). Stranitsy istorii Velikogo Shelkovogo puti: shelk, spetsii i chai. Monografiya. Tashkent, 140 p. [in Russian]

Krit, 1864 – Krit, N. (1864). Materialy dlya obsuzhdeniya voprosov o chaynoy trgovle [Materials for discussion on the tea trade]. Sankt-Petersburg, 375 p. [in Russian]

Lyu Tszaytsi, 2010 - Lyu Tszaytsi. Chaynaya trgovlya mejdu Rossiey i Kitayem [Tea trade between Russia and China]. // *Mir Yevrazii*. 2010. № 3 (10). Pp. 58–63. [in Russian]

Lyubimenko, 1919 – Lyubimenko, V.N. (1919). Chay i ego kul'tura v Rossii [Tea and its culture in Russia]. Sankt-Petersburg, 82 p. [in Russian]

Stander, 2019 – Stander, M.A., Brendler, T., Redelinghuys, H., Van Wyk, B.-E. (2019). The commercial history of Cape herbal teas and the analysis of phenolic compounds in historic teas from a depository of 1933. *Journal of Food Composition and Analysis*. 76: 66-73.

Mamatova, 2022 – Mamatova, M.B. (2022). Severnyi chaynyi put' i izuchenii ego istorii [The Northern Tea Road and the study of its history]. *Vzglyad v proshloe*. SI-2: 92-96. [in Russian]

Mamatova, 2023 – Mamatova, M.B. (2023). Chai v istorii narodov Uzbekistana. Monografiya. Tashkent, 132 p. [in Russian]

Ayvery, 2003 – Ayvery, M. (2003). The Tea Road: China and Russia meet across the steppe. China: Intercontinental Press, 198 p.

Miao-Miao Li, 2024 - Miao-Miao, Li, Muditha, K. Meegahakumbura, Moses C. Wambulwa, Kevin S. Burgess, Michael Möller, Zong-Fang Shen, De-Zhu Li, Lian-Ming Gao. (2024). Genetic analyses of ancient tea trees provide insights into the breeding history and dissemination of Chinese Assam tea (*Camellia sinensis* var. *assamica*). *Plant Diversity*. 46(2): 229-237.

NA Uz – Natsional'nyi arxiv Respubliki Uzbekistan [National Archives of the Republic of Uzbekistan].

Pokhlebkina, 1999 – Pokhlebkina, V.V. Chay i vodka v istorii Rossii [Tea and vodka in the history of Russia]. Krasnoyarsk; Novosibirsk, 1995. 464 p. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy Gosudarstvennyi istoricheskiy arhiv Rossiyskoy Federatsii v gorode Sankt-Peterburge [Russian State Historical Archives of the Russian Federation in the city of Sankt-Petersburg].

Sladkovskiy, 1974 – *Sladkovskiy, M.I.* (1974). Istoriya torgovo-ekonomicheskix otnosheniy narodov Rossii s Kitayem [History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China]. USSR Academy of Sciences. Institute of the Far East. Moscow, 367 p. [in Russian]

Sokolov, 2008 – *Sokolov, I.A.* (2008). Puti transportirovki chaya v Rossiyskuyu imperiyu I vntri neyo: konets XVIII - nachalo XX vekov [Routes of tea transportation to and within the Russian Empire: late 18th - early 20th centuries]. Chay i vodka v russkoy reklame XIX – nachala XX vekov. M., 104 p. [in Russian]

Subbotin, 1892 – *Subbotin, A.P.* (1892). Chay i chaynaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya [Tea and tea trade in Russia and other states: production, consumption and distribution of tea]. Sankt-Petersburg, 722 p. [in Russian]

Urakov, 2024 – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.

Van Wyk, 2017 – *Van Wyk, B.-E., Gorelik, B.* (2017). The history and ethnobotany of Cape herbal teas. *South African Journal of Botany*. 110: 18-38.

Ukers, 1935 – *Ukers, W.H.* (1935). All about tea. Vol. 2. NY: The tea and coffee trade journal company, 568 p.

К вопросу о масштабах российского чайного рынка в начале XX века

Махфуза Б. Маматова ^{a,*}, Ольга П. Кобзева ^b, Нигора С. Урокова ^a, Нодирахон А. Ваисова ^b

^a КГУ - Каршинский государственный университет, Республика Узбекистан

^b НУУз – Национальный университет Узбекистана, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье изучаются изменения в развитии чайной торговли и чайного рынка Российской империи в начале XX века. Обращается внимание на то, что уже к концу XIX века Россия становится ведущим мировым экспортером чая. Опираясь преимущественно на архивные источники, авторы анализируют ключевую роль чая в системе таможенного налогообложения Российской империи и его значение как основного товара массового потребления.

Основная часть ввозимого в Российскую империю чая шла морскими путями через европейские границы, хотя в этот период заметно увеличился импорт чая через азиатские границы. В торговле участвовали привозимые чаи из Китая, Индии, Цейлона, а также российские чаи, культивируемые на Кавказе. Большим спросом пользовались байховые чаи, поставляемые из Китая, где русские купцы основали многочисленные чайные фирмы. Примечательно, что китайские чаи поставлялись преимущественно через Ханьчжоу – крупнейший город-порт в русско-китайской чайной торговле.

Со временем импорт индийских и цейлонских чаев значительно вырос. Несмотря на более высокую стоимость, они постепенно вытесняли китайские чаи из-за их более высокого качества. Этот сдвиг в потребительских предпочтениях подчеркнул растущий спрос на индийский и цейлонский чай в Российской империи.

В статье также рассматривается появление русских чайных плантаций в Кавказском регионе, что ознаменовало начало отечественного производства чая, предназначенного для снабжения жителей империи. В канун Октябрьского переворота 1917 года Российская империя укрепила свои позиции в качестве главного потребителя и посредника чая на мировом рынке.

В заключение следует отметить, что данное исследование подчеркивает динамичную эволюцию чайного рынка в Российской империи, отражающую модели потребления и их изменения, динамику торговли с различными чаепроизводящими регионами и становление внутреннего производства.

Ключевые слова: Российская империя, чайный рынок, чайная торговля, чайные компании, Великобритания, Кавказ, мировой рынок, границы, таможня, налоги и сборы, меркантилизм, торговые репрессии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maxfuzamatova@gmail.com (М.Б. Маматова),
kobzeva75@internet.ru (О.П. Кобзева), nigoraurokova787@gmail.com (Н.С. Урокова),
vaisovanodirabegim86@gmail.com (Н.А. Ваисова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1946-1957
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1946

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Formation of Civic Identity in the “Poteshnie” Movement in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Part 1

Ivan A. Bulatov ^{a,*}, Daria N. Kovaleva ^a

^aYuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russian Federation

Abstract

The “poteshnie” movement was initiated by Emperor Nicholas II in 1909 with the aim of introducing basic military training in villages. The active phase of the movement spanned five years, during which several stages were completed. In the early stages, “poteshnie” detachments spontaneously formed in both military units and various departments related to children's education. By the middle of 1911, an official regulation was introduced, outlining the guidelines for creating and managing these detachments. In the summer of 1913, the third stage began, where the responsibility for the physical development and initial military training of children shifted to schools. As a result, interested departments redirected their attention to establishing similar activities within schools, while scouts emerged outside educational institutions offering more engaging programs for teenagers. This led to the gradual disappearance of the “poteshnie” movement.

The article specifically explores the system of national and patriotic education developed within the framework of the “poteshnie” movement. The paper concludes that while the prevailing view in historiography sees the “poteshnie” as an independent extracurricular children's movement, it is also partially correct to consider them as the initial stage of introducing compulsory gymnastics lessons and the military system in schools.

However, it is important to note that the system of national education within the “poteshnie” movement was not fully developed and primarily followed the “official nationality theory” proposed by Uvarov.

Keywords: poteshnie, young pathfinders, out-of-school education, the Russian Empire, military training, national education, civic identity, A.A. Lutskevich, G.A. Zakharchenko, S.I. Nazimov.

1. Введение

Патриотическое воспитание молодежи является актуальной задачей человечества с момента появления первых государств. Оно должно привить подрастающему поколению понимание ценности своей страны, а также воспитать солидарность со своими согражданами, то есть сформировать гражданскую идентичность. Это было востребовано и в поздней Российской Империи, которая сталкивалась как с внутренними вызовами революций, так и с внешними трудностями в виде войн. Внешкольные детские объединения, из которых самым массовым в 1909–1913 гг. было движение потешных, могли помочь в решении этой задачи, параллельно занимаясь физическим развитием детей и начальной военной подготовкой.

2. Материалы и методы

Несмотря на то что движение потешных существовало около пяти лет, оно оказалось широко освещено в источниках, как опубликованных, так и архивных. К первым относятся материалы в прессе («Потешный», «Русский спорт», «Сибирские вопросы», «Уральская жизнь») и ведомственных изданиях: Священного синода, управления железных дорог и т.д. В них публиковались официальные

* Corresponding author

E-mail addresses: bulatovivan64@gmail.com (I.A. Bulatov), bulatovivan64@gmail.com (D.N. Kovaleva)

распоряжения и указы, относящиеся к потешным. Также отдельные министерства и ведомства издавали собственные положения об устройстве отрядов потешных или отчитывались о проведенных с ними мероприятиях ([Потешные..., 1912](#); [Исторический очерк..., 1911](#); [Инструкция по обучению..., 1911](#)). Интересные сведения предоставляют и мемуары участников детских движений того времени, из которых особенно выделяются воспоминания основателей потешничества – А.А. Луцкевича ([Луцкевич, 1912](#)) и скаутизма – О.И. Пантюхова ([Пантюхов, 1969](#)).

Основными хранилищами неопубликованных материалов по исследуемой теме являются Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) и Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). В РГВИА особый интерес представляет фонд 2000, в котором хранится переписка военного ведомства относительно внедрения потешного движения, а также материалы по работе межведомственной комиссии под руководством генерала Леша, которая разрабатывала регламент уроков военного строя и гимнастики. Тут следует уточнить сложность со ссылками на материалы этой комиссии, значительная часть которых хранится в деле 795. До листа 55 нумерация в этом деле идет правильно, а потом, когда появляются сведения о комиссии, она начинается заново и доходит до листа 23, после чего возвращается к прежней нумерации. Чтобы избежать путаницы, в ссылках на материалы с новой нумерацией после номера листа будет ставиться литера «н». В ГАРФ материалы по потешным располагаются в разных фондах, из которых особенно следует выделить фонд 543 «Коллекция рукописей царскосельского дворца», фонд 110 «Штаб отдельного корпуса жандармов», фонд 1463 «Коллекция отдельных документов личного происхождения».

При работе над статьей привлекались разнообразные методы. Прежде всего, это методы историзма, в рамках которого потешные изучаются как феномен своей эпохи, и историко-генетический метод, через призму которого детское движение рассматривалось в своем развитии со всеми изменениями. Также в работе использовался историко-антропологический подход, позволяющий лучше понять ту повседневность, в которой существовали потешные, а также с его помощью можно оценить вклад отдельных личностей в развитие этого движения.

3. Обсуждение

Движение потешных исторически оказалось в тени своих наследников – скаутов. Это наложило определенный отпечаток на исследования данного движения. Так, в Советском Союзе в нач. 20-х гг. шла полемика о применимости скаутских методов в работе пролетарской детской организации, а вот потешные игнорировались как исчезнувшие до того, как стали полноценно функционировать ([Крупская, 1959: 13](#)). Первые работы, посвященные истории потешных, появились в эмиграции «первой волны» и принадлежали публицистам, связанным с детскими движениями (скаутами) и Национальной организацией русских разведчиков (НОРР). Последние считали себя духовными преемниками потешных. В силу этого они трактовали потешных как самобытную и первую в мире систему воспитания детей ([Булатов, Быстрова, 2021: 49-50](#)). НОРР фактически прекратила свое существование после Великой Отечественной войны, и их историографическая традиция прервалась. Скауты же смотрели на данное движение как на сиюминутное проявление казенного патриотизма, сводившееся к шагистике и парадам. Эту точку зрения озвучивал глава русских скаутов О.И. Пантюхов ([Пантюхов, 1947: 4](#); [Пантюхов, 1969: 216](#)). Впоследствии историки скаутизма озвучивали сходные позиции, хотя и более подробно освещали причины исчезновения потешных ([Кудряшов, 2005: 28-30](#)). В рамках такого подхода потешные воспринимались или как досадная помеха скаутам в начале пути, или как организация-предшественник, подготовившая почву для расцвета скаутской организации.

В XXI в. движение потешных все чаще становится объектом специализированных исследований ([Листопадов, 2015](#); [Гефнер, 2010](#)) или обобщающих работ по детским организациям начала XX в. ([Булатов, 2023: 68-81](#); [Игишев, 2019](#); [Твердюкова, 2023](#)).

4. Результаты

На рубеже XIX-XX вв. в Европе увеличился интерес к физическому воспитанию и военной подготовке подрастающего поколения. Это вытекало из ряда явлений, характерных для эпохи модерна, а именно из появления национальных государств и массовых призывных армий, роста числа внесловных школ, популяризации массового спорта и гимнастики. Работа с детьми шла двумя путями: через внедрение уроков физического воспитания и военной подготовки в школьную программу и путем создания внешкольных организаций. Второе направление в итоге привело к созданию скаутской организации, на чьей методологии были основаны самые массовые детские движения XX в. Данные тенденции не обошли стороной и Российскую Империю, в которой до торжества скаутинга успело возникнуть и зачахнуть самобытное движение потешных.

Появлению специализированных движений в России предшествовала дискуссия о путях физического развития детей, разгоревшаяся в указанный период. Массовый призыв в армию показал плохое состояние здоровья среднего призывника ([Кудряшов, 2005: 25](#); [Ярославец, 2014: 5](#)), а поражение в Русско-японской войне еще больше обострило данный вопрос. Это объясняет, почему именно военному ведомству было поручено заняться детьми ([Jones, 2004: 58](#)).

Одним из направлений оздоровления молодежи было вовлечение подростков в спортивные и гимнастические общества. Особо в этом плане выделялось сокольское движение. Это была гимнастическая система, пришедшая в Россию из Чехии и довольно быстро набравшая популярность. Другим направлением оздоровления детей было привнесение спорта, гимнастики и знаний о гигиене в школьную программу. Сразу нужно отметить, что в потешных ротах, о которых речь пойдет далее, гимнастика была обязательной частью программы.

Третьим направлением оздоровления молодежи и допризывной военной подготовки стали внешкольные детские организации. В Европе они прошли два этапа: прямолинейные военизированные объединения и более тонкие в педагогическом плане организации нового типа, апогеем которых стал скаутинг. Россия тоже прошла два этих этапа, но первый из них был преодолен быстрее, чем в Европе, примерно за 5 лет, и это как раз были потешные.

Основоположниками потешничества, равно как и детских движений в России вообще, можно считать Николая II и инспектора народных училищ Антиоха Андреевича Луцкевича. Начало было положено 8 января 1908 г. императорской официальной запиской о необходимости обучения детей строю и гимнастике при школах. В журнале «Потешный» приводилась дополнительная информация об этом распоряжении, в частности говорилось, что первоначально оно было сформулировано в записной книжке царя, а позже он вырезал страницу оттуда и передал в качестве своего повеления военному министру, который для воплощения царского замысла должен был объединить усилия с министром народного просвещения и с обер-прокурором Святейшего Синода (Редакция, 1910: 6).

Первым на высочайшее повеление отреагировал инспектор народных училищ в Бахмуте А.А. Луцкевич. Это был уже не молодой человек (1846–1912) черносотенных убеждений. Первую русскую революцию он встретил на аналогичной должности в Одессе, однако впоследствии был переведен в Бахмут, что являлось серьезным понижением. Перебравшись на новое место, он с горечью отмечал революционные настроения в «переполненных разноплеменным сбродом рабочих» близлежащих населенных пунктах (Луцкевич, 1912: 14). Желание противостоять росту этих настроений, помноженное на кипучую энергию, предопределило, почему именно он встал у истоков нового патриотического движения. В историографии есть две версии о начале работы А.А. Луцкевича: весна 1908 г. (Игишев, 2019: 30; Листопадов, 2015: 403) или весна 1909 г. Первая точка зрения, судя по всему, опирается на статью в журнале «Потешный», где говорилось, что 23 апреля 1908 г. детская рота Луцкевича, обученная строю и обмундированная, принимала участие в военном параде (Редакция..., 1910: 6). Однако из воспоминаний самого Луцкевича мы видим, что осенью 1908 г. он за свой счет открыл образцово-показательное училище. И только весной следующего года при училище появился «класс военного строя и гимнастики» (Луцкевич, 1912: 31). Сам же инициатор этого класса вспоминал, что впервые «военную игру» устроил еще в 1875 г. в Черкассах (Твердюкова, 2023: 926). Информация о новом почине была оперативно доведена до императора, который 6 мая 1909 г. через военного министра передал благодарность А.А. Луцкевичу. Первое время эта инициатива оставалась незамеченной общественностью. Прорыв в развитии движения произошел после парада, 22 мая 1910 г. На нем Луцкевич лично презентовал императору свою роту. На площадке Большого Царскосельского дворца под музыку собственного оркестра дети продемонстрировали строевую подготовку, сокольскую гимнастику и хоровое пение. Помимо императора, его супруги и наследника, наблюдали за парадом великий князь Борис Владимирович, военный министр и другие высшие военные и дворцовые чины (Редакция..., 1910: 7). Луцкевичу удалось установить хорошие отношения с новым военным министром В.А. Сухомлиновым, который впоследствии участвовал в его судьбе (Твердюкова, 2023). И даже после смерти первопроходца «потешного» дела министр проявлял внимание к первому классу военного строя и гимнастики. В частности, в феврале 1913 г. он обратился к бахмутскому голове с просьбой изыскать деньги на означенный отряд. Просьба была выполнена, а отрядное знамя, ружье, которое на параде осматривал царь, поместили на почетное место в городской думе (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 27-290б.).

Парад 22 мая 1910 г. был подробно описан в специализированной прессе, и после него стали основываться новые отряды, а уже 1 октября 1910 г. появился журнал «Потешный», в котором освещались будни движения и печатались развлекательные и познавательные материалы для детей. До этого главным рупором потешничества являлся журнал «Русский спорт».

Интересно, что первое время термин «потешные» не использовался. Судя по всему, его автором был не Луцкевич, так как применительно к его объединению и к первым последователям применялось название «классы военного строя». В официальных документах также встречался термин «дружинники» (Потешные..., 1912: 19). Одно из первых упоминаний собственно «потешных» мы находим в журнале «Русский спорт» от 13 июня 1910 г. В заметке сначала вспоминались потешные полки Петра Великого, а далее переходили к формирующемуся «потешному полку маленьких стрелков» капитана Кравца (Потешный полк..., 1910: 8-9).

«Потешные» так и не стали централизованной организацией, хотя на заре движения и обсуждалась возможность создать особое управление потешными войсками (Редакция..., 1910: 8). Скорее, это было общее название для весьма разнообразных детских объединений по всей стране со сходной системой воспитания. Их работа регламентировалась и стимулировалась несколькими

официальными документами. 28 июня 1910 г. был выпущен приказ по военному ведомству №299, в котором говорилось о том, что военные части должны всячески помогать «классам военного строя», работающим поблизости от них ([Народные классы..., 1910: 4](#)). Вскоре такие же указания дали морской министр ([Классы военного..., 1910а](#)) и шеф пограничной стражи министр финансов ([Классы военного..., 1910б](#)). Осенью 1910 г. министр народного просвещения разослал попечителям учебных округов циркуляр о целесообразности введения в средних учебных заведениях обучения военному строю ([Обучение учащихся..., 1910: 4](#)). Совет Императорского человеколюбивого общества 19 ноября 1910 г. принял «Положение о Первой дружине военного строя и гимнастики Императорского человеколюбивого общества» ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 15-18н](#)). Региональные чиновники также проявляли инициативу. Например, 10 мая 1911 г. попечитель Киевского учебного округа выпустил «Инструкцию по обучению военному строю и гимнастике» ([Инструкция по обучению..., 1911](#)).

Следующим этапом в формализации «потешного» движения стало создание в феврале 1911 г. межведомственной комиссии для разработки официального Положения. Утверждена Советом министров эта комиссия была чуть позже – 22 марта 1911 г. ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 177](#)). Возглавил ее генерал-лейтенант Леонид Вильгельмович Леш. В комиссии были представлены делегаты от Министерства народного просвещения, МВД, Святейшего Синода, Морского министерства, Министерства торговли и промышленности, Военного министерства, Ведомства учреждений императрицы Марии. А во второй половине марта великая княгиня Мария Павловна добилась участия представителя от возглавляемого ею Императорского российского пожарного общества (ИРПО) ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 340, 342; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 796. Л. 3, 6](#)). Основными задачами, поставленными перед комиссией, была выработка общего регламента по военно-патриотической работе с учащимися и не учащимися детьми, определение необходимого для этой задачи финансирования и подготовка учебника, соответствующего предварительно выработанному регламенту. Для определения бюджета запросы были разосланы в ведомства, участвовавшие в комиссии.

21 мая 1911 г. Совету Министров было представлено «Положение о подготовке к военной службе в учебных заведениях и вне их», пояснительная записка к нему и программа подготовки молодежи к военной службе. Однако данные о суммах, необходимых для внедрения занятий в учебных заведениях, запаздывали, не был также определен учебник, соответствующий разработанной программе. По этой причине министры предоставили на Высочайшее одобрение только часть, посвященную внешкольной работе, так как она не требовала государственного финансирования и должна была идти за счет частных средств ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 177-178](#)).

Что касается вопроса о сумме, необходимой для внедрения новых уроков в школах, то он затягивался. В ноябре 1911 г. в заинтересованные ведомства были разосланы запросы о том, сколько потребуется средств одномоментно для запуска занятий и впоследствии ежегодно для их оплаты. Информация запрашивалась отдельно для учебных заведений разного типа ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 1н](#)). Императорское человеколюбивое общество откликнулось 19 ноября 1911 г., а сведения из МВД пришли только 25 июня 1912 г. ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 15, 19-22н](#)). В Комиссии информацию обобщили, и 20 июля 1912 г. военному министру было доложено о необходимости единовременного отпуска из казны 25 491 388 рублей на сооружение и оборудование помещений, а также на закупку ружей, флажков и т.д. Дальнейшие ежегодные расходы должны были составлять 6 806 697 рублей ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 24н](#)). Завершающим штрихом стала подготовка к изданию учебника, что вскоре было сделано, и 1 августа 1912 г. деятельность комиссии завершилась ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 131](#)).

Чуть подробнее следует остановиться на упомянутом «Положении о подготовке к военной службе в учебных заведениях и вне их», которое было утверждено императором 18 июля 1911 г. «Положение» радикально меняло всю систему работы с детьми. Одним из главных нововведений стал перевод работы с детьми на частные пожертвования. Помимо этого, нужно отметить переход управления от военных к гражданским чиновникам. Отставные и действующие офицеры все еще могли заниматься с молодежью, но также в «Положении» перечислялись всевозможные общества, обладающие таким правом, а в заключительном пункте говорилось о том, что и все благонадежные люди могли быть допущены к этой работе, что максимально расширяло список, давая право претендовать на создание отрядов даже крестьянам. Но одобрить создание отряда теперь мог только местный губернатор или градоначальник, равно как и закрыть уже существующий. Военное ведомство, которое засыпало письмами по открытию новых отрядов, с этого момента перенаправляло всех просителей к местным властям. Происходил разрыв с военными и на символическом уровне: запрещалась любая форма с военными элементами. Единственным разрешенным к использованию флага становился национальный триколор. Регламентировался и состав движения. Теперь его членами могли стать только «русские подданные, не старше 15 лет» и не обучающиеся в учебных заведениях. Работа с потешными могла вестись только на русском языке.

Как говорилось ранее, толчком к развитию движения послужил парад 22 мая 1910 г. После него многочисленные исполнительные чиновники и военные, а также патриотичные общественники, начали создавать объединения, подобные роте Луцкевича. Одним из первых отреагировал

попечитель петербургского учебного округа граф Мусин-Пушкин, по указанию которого на лето были введены бесплатные занятия гимнастикой и военным строем в Таврическом саду ([Класс военного..., 1910: 6](#)). Тут сразу следует оговориться, что зачастую потешные представляли собой не постоянно действующий отряд, а группу, собираемую на какой-то срок для обучения строю или под какое-то торжественное событие. Пример последнего мы находим в мае 1913 г. в Переяславле-Залесском, где в свое время водным забавам со своими потешными предавался юный Петр I. Местный губернатор решил к празднованию 300-летия дома Романовых собрать отряд морских потешных из 60 крестьянских детей 8-12 лет. Их обучили управлению шлюпками и строю, сшили красивую форму и презентовали царю ([Терещенко, 1935](#)). Примером же временных занятий служат семеновские потешные при Сергиевской школе трезвости, работа с которыми шла с 26 июня по 22 августа 1910 г. и была закончена торжественным смотром ([Классы военного..., 1910d](#)). Этот проект широко освещался в прессе и привлек внимание высшего руководства страны, поэтому на нем имеет смысл остановиться подробнее.

Начальниками проекта «русской военной потешной школы» в Сергиевом Посаде первоначально выступили иеромонах Сергиевского монастыря о. Павел (Горшков), капитан лейб-гвардии Семеновского полка С.И. Назимов и штабс-капитан 1-го понтонного батальона В.А. Ершов-Павлович ([Российская военно-потешная..., 1910](#)). Последний вскоре оставил эту инициативу и в пригороде Усть-Ижоры при помощи местного священника организовал отряд потешных сапер ([Классы военного..., 1910a](#)). Непосредственным инициатором выступил о. Павел, увидевший бахмутских потешных во главе с А.А. Луцкевичем и загоревшийся идеей этого «великого русского дела». Павел был видным общественником, основал в 1905 г. первую «русскую сергиевскую школу трезвости», в которой бесплатно учились дети пьяниц. Также в этой школе с малолетства детей приучали к мысли о вреде алкоголя. Потешный отряд должен был усилить работу по пропаганде ЗОЖ среди молодежи. Именно о. Павел привлек, как он выразился, «своего питомца» капитана Ершова-Павловича в качестве наблюдателя. От него требовалось приезжать раз в неделю и проводить смотр в то время, как непосредственно строем занимался регент школы Д.Н. Ребенко. Однако детей на этом этапе было всего 12 человек, и тогда он обратился за помощью к капитану С.И. Назимову. Тот, посмотрев на обстановку, вскоре вернулся в сопровождении двух инструкторов, барабанщика и флейтиста. Подражая Гамельнскому крысолову, они на музыку привлекли окрестную детвору. А уже через пять дней после этого сбора, 29 июня, на них приехал посмотреть министр Сухомлинов ([Иеромонах Павел, 1910](#)). Позже в работу включился и командир Семеновского полка, на тот момент генерал-майор Е.Ф. Новицкий. Что интересно, спустя 20 лет, в 1930 г., Новицкий писал, что этот почин в подчиненном ему полке можно считать и началом скаутинга в России. Также любопытно, что, по воспоминаниям генерала, о. Павел и капитан Назимов первоначально за одобрением обратились непосредственно к военному министру Сухомлинову, и тот уже перенаправил их к командиру семеновцев.

На эту затею офицеры-семеновцы выделили деньги из своего общего фонда, некоторые вызвались помогать лично, также для поддержки были направлены унтер-офицеры и барабанщик. Генерал Новицкий настолько проникся затеей, что по просьбе правления Общества трезвости разработал устав потешных и передал его военному министру, который, однако, не пустил его в широкий оборот ([Классы военного..., 1910c](#); [Новицкий, 1930](#)). Неудивительно, что это начинание попало в поле зрения императора. Так, вскоре в прессе появилась информация о том, что Николай II на докладе о появлении этого отряда написал: «Радуюсь возникновению роты 'Потешных Семеновцев'. Благодарю искренне офицеров л.-гв. Семеновского полка за их полезное содействие» ([Рота «Потешных, 1910](#)). Вскоре ребята были показаны царю вживую: на красносельский лагерный сбор 21-го июля 1910 г. капитан Назимов взял своих подопечных, которые были замечены и государем ([Парад..., 1910](#)).

Хотелось бы подробнее остановиться на личности С.И. Назимова, главного специалиста по потешным. Его как эксперта публиковали в специализированной прессе и привлекали к многочисленным инспекциям, в рамках которых он «наводил ужас и трепет на провинциальные школы» ([Новицкий, 1930: 23](#)). Сами инспектируемые об офицере-семеновце отзывались благожелательно: в Хабаровске отмечали, что «смотры, устраиваемые им учащейся молодежи, его глубоко патриотические бодрящие речи вызвали везде взрывы патриотических чувств» ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 110](#)). Не позднее июля 1911 г. Назимов получил чин полковника и должность инспектора потешных войск ([К параду..., 1911](#)). Новоиспеченный полковник, поднаторев в придворном искусстве, просил напоминать монарху о себе даже министров. Например, проведя инспекцию потешного дела в учебных заведениях южных железных дорог, он отправил телеграмму министру путей сообщения с крайне высокой оценкой проверяемых, что было «результатом распоряжений и указаний» министра, о чем полковник и просил уведомить государя ([РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 40-43](#)).

Выполнял он и личные указания царя. Проведя общероссийскую инспекцию, он подал 25 июля 1911 г. всеподданейший доклад по предварительному осмотру постановки обучения военному строю и гимнастике в организациях «потешных или юных разведчиков» ([ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 61](#)). Таким образом он мог влиять на позицию царя по потешному вопросу и способствовать отдельным

карьерам, упоминая тех или иных руководителей в докладе, попавшем на стол царя. В ноябре 1911 г. под предлогом необходимости направить полковника Назимова в Харьков для постановки там обучения военному строю и гимнастике в учебных заведениях было предложено прикомандировать его к Главному управлению Генерального Штаба. В полку он состоял 14-м штаб-офицером, что означало наличие свободного времени, однако ему хотелось большей самостоятельности в передвижениях. В этом запросе начальник генштаба отказал. Тогда министр Сухомлинов с этой просьбой пошел к государю, и в итоге все разрешилось личным царским вмешательством. 22 ноября было дано высочайшее разрешение Назимову отлучаться для занятий с потешными без откомандирования от полка (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 221-227об.). Министр напоминал императору о семеновском полковнике и другими способами. Например, 10 января 1912 г. он передал Николаю II написанный Назимовым и капитаном Яцко учебник «Русское Потешное Войско», за что государь изволил благодарить этих офицеров (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 333). Показателем востребованности Назимова служит то, что к В.А. Сухомлинову обратились лично министр торговли С.И. Тимашев (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 240-242) и князь Д.П. Голицын (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 331-332), главноуправляющий ЕИВ канцелярии по учреждениям императрицы Марии, с просьбой, чтобы полковник проинспектировал подведомственные им учебные заведения, на что было дано согласие.

Полковник Назимов сумел выстроить хорошую карьеру на репутации главного специалиста по потешным. В результате этой деятельности он приблизился к императору, завел хорошие отношения с министром Сухомлиновым и дворцовым комендантом Воейковым. Во время Первой мировой войны это позволяло ему держаться вдали от фронта и при этом получать награды. Однако это же сыграло и против него. Военный министр Временного правительства А.И. Гучков, уже приняв решение о своей отставке, обратился к командиру семеновцев, генералу Новицкому, с просьбой отправить в отставку Назимова. Обосновал он свой поступок в интервью журналисту газеты «Новое время» (Последнее распоряжение..., 1917). Полковник Назимов статьей оскорбился и грозился подать в суд на бывшего министра, на что неожиданно отреагировали его сослуживцы. Они отправили письма А.И. Гучкову и в газеты, в которых информировали, что по ряду вопросов готовы свидетельствовать в пользу Гучкова (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 237. Л. 1-2). Что интересно, позднее его брат, П.И. Назимов, также полковник Семеновского полка, был занесен в черную книгу этой части (Тарасов, 2019).

Помимо маленьких семеновцев, вокруг столицы стали появляться и другие потешные отряды. 29 мая по инициативе командира Кронштадтского порта вице-адмирала И.Н. Вирена был создан кронштадтский детский батальон, состоящий из 284 мальчиков 8-14 лет, к осени увеличившийся до 520 человек. Как юные семеновцы, этот батальон состоял при местном попечительстве о народной трезвости (А.П., 1910). 6 июля 1910 г. была открыта «школа военного строя и гимнастики» в Петергофе. Инициатором выступил командир 148-го Каспийского полка, полковник Кордюков. Приобщился к этому почину и начальник дворцового управления, генерал-майор Лермонтов, возглавивший комитет при этой школе (Потешные роты..., 1911). В Красном Селе работой с детьми озаботился лично командир гвардейского корпуса, генерал-адъютант Данилов (Классы военного..., 1910а). В Павловске стяг потешного полка был освящен 15 августа (Классы военного..., 1910с). В Царском Селе еще до приезда Луцкевича начал работу с детьми поручик лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества батальона О.И. Пантюхов, считающийся основателем скаутинга в России.

Потешные отряды были при Одесском сводном полке, Черниговском гусарском полке, 76-м пехотном Кубанском полке, 42-м Стрелковом полке в Томске, 50-м Белостокском полке в Севастополе, 7-й Сибирской стрелковой дивизии в Иркутске, суворовские потешные возникли в Москве при 11-м гренадерском Фанагорийском полке. Появлялись они и при гимназиях, церковно-приходских школах, институтах, приютах, училищах, пожарных частях и т.д. (Гэфнер, 2010: 164; Высочайший смотр..., 1911: 610-611; Внутренние известия, 1910; Томское «потешное»..., 1911; В.С., 1911: 16; Севастопольские потешные..., 1911: 16; Потешные..., 1911). География не ограничивалась только центральными губерниями, отряды возникали и на окраинах империи: в Верхнеудинске (Улан-Удэ) (Сформирование 2 рот..., 1911: 15), во Владивостоке (Приказ юным разведчикам..., 1911), в Баку при Каспийской флотилии (Бакинские..., 1911: 15). В Тифлисе летом 1911 г., по оценке одного из местных руководителей, было около 1 000 потешных (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 52). Потешный артиллерийский взвод появился в далеком Харбине. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов загорелся идеей создать потешный полк в Ташкенте (В.С.Е., 1911: 11), в сентябре 1910 г. в Ашхабаде был создан 1-й Закаспийский потешный полк в составе 32-х офицеров и 916 юношей от 10 до 20 лет (1-й Закаспийский..., 1910).

Не только Сухомлинов, но и другие министры продвигали эту затею. Министр путей сообщения С.В. Рухлов такую задачу поставил перед начальниками железных дорог. Выделялся рвением на этом поприще начальник юго-западных ж/д К.С. Немешаев (Классы военного..., 1910а). Для демонстрации его достижений даже была опубликована красочная брошюра «Потешные юго-западных железных дорог». Не менее масштабно развернулись потешные на Среднеазиатской железной дороге. В июле железнодорожное руководство обратилось к начальнику жандармского полицейского управления,

охранявшему эту дорогу, с просьбой выделить унтер-офицеров для преподавания в общеобразовательных железнодорожных училищах физических упражнений. Благо незадолго до этого, 15 июня 1910 г., был выпущен циркуляр Управления железных дорог, разрешавший жандармам за добавочное вознаграждение работать с детьми. Учеба в большинстве железнодорожных училищ должна была идти без специальных гимнастических снарядов, ограничиваясь строевой подготовкой 3-4 раза в неделю по часу (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15785. Л. 1, 106.). Нужно отметить, что железнодорожное ведомство выступило главным проводником потешничества в Средней Азии, охватив все основные станции. Привлекали жандармов к работе с детьми и в железнодорожных училищах на другом конце империи, на Ливаво-Роменской дороге (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15785. Л. 9).

И.Г. Щегловитов, министр юстиции, ввел «обучение военному строю в колониях малолетних преступников» (Классы военного..., 1910d). Министерство внутренних дел разрешало своим жандармам и конной полицейской страже преподавать военный строй и гимнастику, помимо железнодорожных училищ, также в церковно-приходских и школах министерства народного просвещения (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 780. Л. 1-206.). Священный синод, не желая ударить в грязь лицом, не позднее ноября 1910 г. утвердил постановление синодального училищного совета о создании комиссии для выработки плана по внедрению занятий военным строем и гимнастикой в церковных школах (Военный строй..., 1910). Организовывало потешных и ведомство учреждений императрицы Марии, детские приюты которого существовали по всей стране, в т.ч. и в селах. Это направление возглавил пехотный штабс-капитан В.В. Тарасов, который до этого уже преподавал гимнастику в московских заведениях ведомства. Зимой 1910–1911 гг. он ввел обучение военному строю в приютах столицы и некоторых других городов (К параду..., 1911; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 304-30406.).

Особняком стояли юные пожарные. Их первая группа в составе 40 человек была создана брандмейстером А.Г. Кривошеевым летом 1910 г. в Саблино под Санкт-Петербургом. Туда принимались мальчики 10-17 лет, которые, помимо традиционных военного строя и гимнастики, изучали и пожарное дело. Что немаловажно, это была не декоративная затея, молодежь привлекалась для подсобных работ: качание и подвозка воды, охрана пожитков погорельцев, сдерживание любопытной толпы и т.д. (Юные пожарные, 1910; Юные разведчики..., 1910) В литературе встречается информация, что всего к 1912 г. было около 6 тысяч потешных пожарных (Мельник, 2017: 17).

В конце 1912 г. в Императорском российском пожарном обществе было выработано положение о детских учебных пожарных отрядах (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 23). Далее требовалось одобрение вышестоящих инстанций. Министерство внутренних дел было не против и переслало его на согласование в военное ведомство, которое в апреле 1913 г. также заявило об отсутствии возражений (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 32), и 13 мая 1913 г. это положение было принято. Согласно документу, целью отрядов было обучение детей безопасному обращению с огнем, подготовка их к борьбе с пожарами и развитие необходимых для этого качеств (Мельник, 2017: 17).

К декабрю 1912 г. в верхах окончательно сложилось мнение о том, что физическое воспитание и начальную военную подготовку следует упорядочить и передать в ведение школ. Потешные становились неактуальными, однако сохранялись другие общественные организации, занимавшиеся физическим развитием молодежи, прежде всего, общество «Сокол» и «юные разведчики», которых также требовалось взять под правительственный контроль. Создание нового органа исполнительной власти было запланировано, но требовало тщательной подготовки, в силу чего император решил доверить переходный период ответственному человеку. На эту роль 7 декабря 1912 г. был намечен командир лейб-гвардии гусарского его величества полка, свиты его величества, генерал-майор Владимир Николаевич Воейков (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 93). Его официальное назначение главнонаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской Империи произошло 7 июня 1913 г. Генерал был из близкого окружения Николая II, к тому же увлекался спортом, в частности, в 1912 г. стал почетным председателем Российского олимпийского комитета (РОК). Новое назначение способствовало укреплению его позиций при дворе. Так, 28 июля 1913 г. он получил право обращаться напрямую к императору со всеподданейшим докладом (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 99-101).

По первоначальному плану императора, сформулированному в конце 1912 г., от Воейкова требовалось подготовить проект физического развития населения и представить его в совет министров. На это предусматривался и отдельный бюджет (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 93-94). Но уже 13 июля генерал Воейков видел свою цель не в подготовке предложений, а в реальном руководстве, которое заключалось в правильной постановке физического развития детей с дошкольного возраста, а также в развитии организаций, направленных на поддержание здоровья в зрелом возрасте. Для этого он планировал решить ряд задач: 1) разработать и внедрить методы физического развития в соответствии с наукой и региональными особенностями империи; 2) подготовить для этого преподавательский состав; 3) объединить деятельность частных спортивных обществ (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 96-98, 102).

Из предложенного плана видно, что физическое развитие детей (в которое входила и начальная военная подготовка) было решено передать в школы, в силу чего бюджетное финансирование внешкольных организаций становилось неактуальным. Интересно, что уже современники осознавали происходящие изменения. В газете «Туркестанский курьер», в выпуске до 31 октября 1913 г., была заметка, где из назначения Воейкова делался вывод о сворачивании работы с потешными, так как теперь физическим воспитанием займутся учебные заведения (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 800. Л. 86). Это было тем проще, что во многих местах, например, в Казанском учебном округе, не позднее 1911 г. потешные уже проводили свои занятия военным строем при школах, привлекая инструкторов из близлежащих военных частей (ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 708; ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 794. Л. 1).

5. Заключение

Практически одновременно с потешными зародилось и движение «юных разведчиков». Последние в итоге и заняли нишу внешкольного воспитания, став скаутами-разведчиками. Однако было бы неверно считать, что потешные подготовили почву только для скаутов. Со стороны правительства изначально существовал запрос на максимальный охват детей уроками гимнастики и начальной военной подготовки. Общественное движение, пускай и с большим государственным участием, не могло выполнить эту задачу. В силу этого формат потешных был признан неэффективным, и работу с детьми в данном направлении решили перенести в школы. Часть людей, заявивших о себе работой с потешными, оказалась востребована и в новом направлении деятельности. Самым ярким примером тут выступает полковник Назимов. Что касается попыток потешных остаться на поле внешкольной работы, тут они действительно были вытеснены скаутами, сохранившись в небольшом количестве преимущественно на окраинах империи. Однако, говоря о таком краткосрочном явлении, как потешные, нужно помнить о его неоднородности на разных этапах.

Первый этап, с весны 1909 г. по 18 июля 1911 г., – это был период стихийного роста организации. Еще не было никаких правил по организации новых отрядов, однако энтузиасты и карьеристы, увидев благоволение императора, с большой энергией принялись за дело. На этом этапе началась законотворческая работа межведомственной комиссии под руководством генерала Л.В. Леша, призванная урегулировать это стихийное движение.

Второй этап длился с 18 июля 1911 г. до 7 июня 1913 г. Начался он с утверждения императором Положения, подготовленного комиссией Леша. Данное Положение регулировало работу с потешными вне школ. В силу этого разрозненное движение приобретает единообразный вид. В это время комиссия продолжает работу, в частности, готовит общий учебник для потешных и проводит оценку необходимого финансирования для внедрения уроков военного строя и гимнастики в школах империи.

Третий этап связан с назначением генерал-майора В.Н. Воейкова главнаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской Империи. Говоря современным языком, он должен был контролировать внедрение уроков физкультуры во всех мужских учебных заведениях, а также координировать деятельность частных обществ по физическому развитию населения. Таким образом, допризывную подготовку и укрепление здоровья детей было решено сделать задачей школы, в силу чего государственная поддержка потешничества стала неактуальной. Внешкольные организации, занимающиеся физическим и духовным развитием детей («Сокол» или скауты), теперь становятся общественной инициативой, хотя и находятся под присмотром генерала Воейкова и вовлекают в свои ряды представителей власти вплоть до царской семьи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00156, <https://rscf.ru/project/24-28-00156/>

Литература

- 1-й Закаспийский, 1910 – 1-й Закаспийский потешный полк // Потешный. 1910. № 4. С. 12.
 А.П., 1910 – А.П. Кронштадтский детский батальон // Потешный. 1910. № 5. С. 15-17.
 Бакинские..., 1911 - Бакинские потешные // Потешный. 1911. № 17-18. С. 15-17.
 Булатов, 2023 – Булатов И.А. Национальное воспитание в русских детских организациях первой половины XX в. Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2023. 456 с.
 Булатов, Быстрова, 2021 – Булатов И.А., Быстрова Ю.М. Несколько слов о дате возникновения Национальной организации русских разведчиков // Вопросы национальных и федеративных отношений. Т. 11. № 1 (70). М., 2021. С. 46-55.
 В.С., 1911 – В.С. Потешные роты суворовцев // Потешный. 1911. № 7. С. 16-17.
 В.С.Е., 1911 – В.С.Е. «Потешные» в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 11. С. 9-25.
 Военный строй..., 1910 – Военный строй в церковных школах // Потешный. 1910. № 4. С. 16.
 Внутренние известия..., 1910 - Внутренние известия // Потешный. 1910. № 2. С. 18.
 Высочайший смотр..., 1911 – Высочайший смотр потешным в Петербурге // Нива. 1911. № 33. С. 610-611.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

- Гефнер, 2010 – Гефнер О.В. Военные и патриотическое воспитание молодёжи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // *Вестник Омского университета*. 2010. № 2 (56). С. 162-172.
- Игишев, 2019 – Игишев В.Г. История развития молодёжных движений в России // *Академия профессионального образования*. 2019. № 4 (83). С. 27-38.
- Иеромонах Павел, 1910 – *Иеромонах Павел*. Как я устроил роту «потешных-семеновцев». Письмо I-е // *Потешный*. 1910. № 2. С. 16.
- Инструкция по обучению..., 1911 – Инструкция по обучению военному строю и гимнастике в низших учебных заведениях Киевского учебного округа. Киев, 1911.
- Исторический очерк..., 1911 – Исторический очерк первого в Одессе Потешного батальона при Одеском союзе русских людей. Одесса, 1911.
- К парад, 1911 – К парад потешных войск // *Потешный*. 1911. № 17-18. С. 19.
- Класс военного..., 1910 – Класс военного строя и гимнастики // *Русский спорт*. 1910. № 25. С. 6.
- Классы военного..., 1910a – Классы военного строя и гимнастики // *Русский спорт*. 1910. № 32. С. 5.
- Классы военного..., 1910b – Классы военного строя и гимнастики // *Русский спорт*. 1910. № 34. С. 3.
- Классы военного..., 1910c – Классы военного строя и гимнастики // *Русский спорт*. 1910. № 35. С. 5.
- Классы военного..., 1910d – Классы военного строя и гимнастики // *Русский спорт*. 1910. № 36. С. 3.
- Крупская, 1959 – Крупская Н.К. О юках // Педагогические сочинения в 10 т. Т. 5. М.: АПН СССР, 1959. С. 12-15.
- Кудряшов, 2005 – Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2005. 598 с.
- Листопадов, 2015 – Листопадов Д.Ю. Лагеря «потешных» войск в 1910-1913 гг. / *Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков*. Материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. 2015. С. 403-408.
- Луцкевич, 1912 – Луцкевич А.А. Бахмутские «потешные». Бахмут, 1912. 62 с.
- Мельник, 2017 – Мельник О.Е. Организация деятельности дружин юных пожарных: инструктивно-методическое издание для руководителей, организаторов и кураторов дружин юных пожарных. Железногорск: Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2017. 164 с.
- Народные классы..., 1910 – Народные классы военного строя // *Русский спорт*. 1910. № 28. С. 4.
- Новицкий, 1930 – Новицкий Е. Страничка из истории скаутизма // *Часовой*. 1930. № 35. С. 22-23.
- Обучение учащихся..., 1910 – Обучение учащихся военному строю // *Русский спорт*. 1910. № 43. С. 4.
- Пантюхов, 1947 – Пантюхов О.И. Из истории русского скаутизма // *Опыт*. 1947. № 5. С. 4.
- Пантюхов, 1969 – Пантюхов О.И. О днях былых. Malewood, NJ, 1969. 315 с.
- Парад..., 1910 – Парад в высочайшем присутствии // *Русский спорт*. 1910. № 31. С. 5.
- Последнее распоряжение..., 1917 – Последнее распоряжение А.И. Гучкова // *Новое время*. 2 (15) мая 1917 г. № 14766. С. 3.
- Потешные..., 1911 – Потешные в Иркутске // *Потешный*. 1911. № 16. С. 19.
- Потешные роты, 1911 – Потешные роты // *Уральская жизнь*. 1911. № 146. С. 2.
- Потешные..., 1912 – Потешные юго-западных железных дорог. Киев, 1912. 27 с.
- Потешный полк, 1910 – Потешный полк маленьких стрелков (письмо из Павловска) // *Русский спорт*. 1910. № 24. С. 8-9.
- Приказ юным разведчикам, 1911 – Приказ юным разведчикам № 21 // *Русский спорт*. 1911. № 15. С. 13.
- Редакция, 1910 – Редакция. К нашим читателям // *Потешный*. 1910. № 1. С. 6-8.
- Российская военно-потешная..., 1910 – Российская военно-потешная школа // *Русский спорт*. 1910. № 28. С. 5.
- Рота «Потешных Семеновцев», 1910 – Рота «Потешных Семеновцев» // *Русский спорт*. 1910. № 29. С. 5.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Севастопольские потешные..., 1911 – Севастопольские потешные роты // *Потешный*. 1911. № 10. С. 16-17.
- Сформирование 2 рот..., 1911 – Сформирование 2 рот потешных в городе Верхнеудинске // *Потешный*. 1911. № 10. С. 15-16.
- Тарасов, 2019 – Тарасов К.А. Полковник П.И. Назимов. Биография семеновца-изгоя / *Военная история России XIX–XX веков*. Материалы XII Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2019 г. СПб., 2019. С. 299-316.
- Твердюкова, 2023 – Твердюкова Е.Д. «В Вас только одним нашел я поддержку в осуществлении Высочайшей идеи»: переписка организатора первого народного класса строя и гимнастики А.А. Луцкевича с военным министром В. А. Сухомлиновым // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13. № 4. С. 925-939.
- Терещенко, 1935 – Терещенко С. Морские потешные // *Часовой*. 1935. № 141-142. С. 15-17.
- Томское «потешное»..., 1911 – Томское «потешное» войско // *Потешный*. 1911. № 7. С. 15.
- Юные пожарные, 1910 – Юные пожарные // *Потешный*. 1910. № 1. С. 16.

[Юные разведчики..., 1910](#) – Юные разведчики в гостях у пожарных // Потешный. 1910. № 11. С. 19.

[Ярославец, 2014](#) – *Ярославец*. Отношение гимнастических обществ к физическому развитию в школе // *Сокол*. 2014. №3. С. 5.

[Jones, 2004](#) – *Jones D.R.* Forerunners of the Komsomol: scouting in Imperial Russia / Schimmelpenninck van der Oye D., Menning B. *Reforming the Tsar's army: military innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 56-81.

References

[1-i Zakaspiiskii..., 1910](#) – 1-i Zakaspiiskii poteshnyi polk [1st Transcaspiian Poteshnyi Regiment]. *Poteshnyi*. 1910. 4: 12. [in Russian]

[A.P., 1910](#) – *A.P.* (1910). Kronshtadtskii detskii batal'on [Kronstadt Children's Battalion]. *Poteshnyi*. 5: 15-17. [in Russian]

[Bakinskie..., 1911](#) – Bakinskie poteshnye [Baku poteshnye]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 15-17. [in Russian]

[Bulatov, 2023](#) – *Bulatov, I.A.* (2023). Natsional'noe vospitanie v russkikh detskikh organizatsiyakh pervoi poloviny XX v. [National education in Russian children's organizations of the first half of the XX century]. Saratov. 456 p. [in Russian]

[Bulatov, Bystrova, 2021](#) – *Bulatov, I.A., Bystrova, Yu.M.* (2021). Neskol'ko slov o date vozniknoveniya Natsional'noi organizatsii russkikh razvedchikov [A few words about the date of the National Organization of Russian Intelligence Officers]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. T. 11. 1(70): 46-55. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]

[Gefner, 2010](#) – *Gefner, O.V.* (2010). Voennye i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX v.: «poteshnoe» dvizhenie v gorodakh Zapadnoi Sibiri [Military and patriotic education of youth at the beginning of the XX century: the "poteshnoe" movement in the cities of Western Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2(56): 162-172. [in Russian]

[Ieromonakh Pavel, 1910](#) – *Ieromonakh Pavel* (1910). Kak ya ustroil rotu «poteshnykh-semenovtsev». Pis'mo I-e [Hieromonk Paul. How I set up a company of "funny Semenovites". Letter I-e]. *Poteshnyi*. 2: 16. [in Russian]

[Igishev, 2019](#) – *Igishev, V.G.* (2019). Istoriya razvitiya molodezhnykh dvizhenii v Rossii [The history of the development of youth movements in Russia]. *Akademiya professional'nogo obrazovaniya*. 4 (83): 27-38. [in Russian]

[Instruktsiya po obucheniyu..., 1911](#) – Instruktsiya po obucheniyu voennomu stroyu i gimnastike v nizshikh uchebnykh zavedeniyakh Kievskogo uchebnogo okruga [Instructions for training in military formation and gymnastics in lower educational institutions of the Kiev educational district]. Kiev. [in Russian]

[Istoricheskii ocherk, 1911](#) – Istoricheskii ocherk pervogo v Odesse Poteshnogo batal'ona pri Odesskom soyuze russkikh lyudei [A historical sketch of the first Poteshnyi battalion in Odessa at the Odessa Union of Russian People.]. Odessa. 1911. 16 p. [in Russian]

[Jones, 2004](#) – *Jones, D.R.* (2004). Forerunners of the Komsomol: scouting in Imperial Russia. *Schimmelpenninck van der Oye D., Menning B. Reforming the Tsar's army: military innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the revolution*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 56-81.

[K paradu..., 1911](#) – K paradu poteshnykh voisk [To the parade of poteshnykh troops]. *Poteshnyi*. 1911. 17-18: 19. [in Russian]

[Klass voennogo..., 1910](#) – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. 1910. 25: 6. [in Russian]

[Klassy voennogo, 1910a](#) – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. 1910. 32: 5. [in Russian]

[Klassy voennogo, 1910b](#) – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. 1910. 34: 3. [in Russian]

[Klassy voennogo..., 1910c](#) – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. 1910. 35: 5. [in Russian]

[Klassy voennogo, 1910d](#) – Klassy voennogo stroya i gimnastiki [Classes of the military formation and gymnastics]. *Russkii sport*. 1910. 36: 3. [in Russian]

[Krupskaia, 1959](#) – *Krupskaia, N.K.* (1959). O iukakh [About iuk's]. *Krupskaia N.K. Pedagogicheskie sochineniia*. V 10 t. T. 5: 12-15. [in Russian]

[Kudriashov, 2005](#) – *Kudriashov, Yu.V.* (2005). Rossiiskoe skautskoe dvizhenie [Russian scout movement]. Arkhangelsk. 593 p. [in Russian]

[Listopadov, 2015](#) – *Listopadov, D.Yu.* (2015). Lagerya «poteshnykh» voisk v 1910-1913 gg. [Camps of "poteshnykh" troops in 1910-1913]. *Gosudarstvo, obschestvo, tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov. materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2 ch.*: 403-408. [in Russian]

[Lutskevich, 1912](#) – *Lutskevich, A.A.* (1912). Bahmutskie «poteshnye» [Bahmut's poteshnye]. Bakhmut. 62 p. [in Russian]

- Mel'nik, 2017** – *Mel'nik, O.E.* (2017). Organizatsiya deyatelnosti druzhin yunyh pozharnykh: instruktivno-metodicheskoe izdanie dlya rukovoditelei, organizatorov i kuratorov druzhin yunyh pozharnykh [Organization of activities of young firefighters' teams: instructional and methodological publication for leaders, organizers and curators of young firefighters' teams]. Zheleznogorsk. 164 p. [in Russian]
- Narodnye klassy..., 1910** – Narodnye klassy voennogo stroya [The popular classes of the military system]. *Russkii sport*. 1910. 28: 4. [in Russian]
- Novitskii, 1930** – *Novitskii, E.* (1930). Stranichka iz istorii skautizma [A page from the history of scouting]. *Chasovoi*. 35: 22-23. [in Russian]
- Obuchenie uchashchikhsya..., 1910** – Obuchenie uchashchikhsya voennomu stroyu [Teaching students' military formation]. *Russkii sport*. 1910. 43: 4. [in Russian]
- Pantuhoff, 1947** – *Pantuhoff, O.I.* (1947). Iz istorii russkogo skautizma [From the history of Russian scouting]. *Opyt*. 5: 5-6. [in Russian]
- Pantyukhov, 1969** – *Pantyukhov, O.I.* (1969). O dnyakh bylykh [About the days gone by]. Maplewood, NJ. 315 p. [in Russian]
- Parad..., 1910** – Parad v vysochaishem prisutstvii [Parade in the highest presence]. *Russkii sport*. 1910. 31: 5. [in Russian]
- Poslednee rasporyazhenie, 1917** – Poslednee rasporyazhenie A.I. Guchkova [The last order of A.I. Guchkov]. *Novoe vremya*. 2 (15) maya 1917 g. 14766: 3. [in Russian]
- Poteshnye roty..., 1911** – Poteshnye roty [Poteshnye companies]. *Ural'skaya zhizn'*. 1911. 146: 2. [in Russian]
- Poteshnye..., 1911** – Poteshnye v Irkutске [Poteshnye in Irkutsk]. *Poteshnyi*. 1911. 16: 19. [in Russian]
- Poteshnye..., 1912** – Poteshnye yugo-zapadnykh zheleznykh dorog [Poteshnye South-Western Railways]. Kiev. 1912. 27 p. [in Russian]
- Poteshnyi polk..., 1910** – Poteshnyi polk malen'kikh strelkov (pis'mo iz Pavlovsk) [The Poteshnyi Regiment of little Riflemen (letter from Pavlovsk)]. *Russkii sport*. 1910. 24: 8-9. [in Russian]
- Prikaz yunym razvedchikam..., 1911** – Prikaz yunym razvedchikam № 21 [Order to young scouts No. 21]. *Russkii sport*. 1911. 15: 13. [in Russian]
- Redaktsiya..., 1910** – *Redaktsiya*. K nashim chitatel'nyam [Editorial office. To our readers]. *Poteshnyi*. 1910. 1: 6. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Rossiiskaya voenno-poteshnaya..., 1910** – Rossiiskaya voenno-poteshnaya shkola [Russian military-poteshnaya school]. *Russkii sport*. 1910. 28: 5. [in Russian]
- Rota «Poteshnykh..., 1910** – Rota «Poteshnykh Semenovtsev» [The Company of the "Poteshnykh Semenovites"]. *Russkii sport*. 1910. 29: 5. [in Russian]
- Sevastopol'skie poteshnye, 1911** – Sevastopol'skie poteshnye roty [Sevastopol poteshnye companies]. 1911. *Poteshnyi*. 10: 16. [in Russian]
- Sformirovanie 2 rot, 1911** – Sformirovanie 2 rot poteshnykh v gorode Verkhneudinske [Formation of 2 poteshnykh companies soldiers in the city of Verkhneudinsk]. *Poteshnyi*. 1911. 10: 15. [in Russian]
- Tarasov, 2019** – *Tarasov, K.A.* (2019). Polkovnik P.I. Nazimov. Biografiya semenovtse-izgoya [Colonel P.I. Nazimov. Biography of the outcast Semenovite]. *Voennaya istoriya Rossii XIX–XX vekov*. Materialy XII Mezhdunarodnoi voenno-istoricheskoi konferentsii. *Sankt-Peterburg*. [in Russian]
- Tereshchenko, 1935** – *Tereshchenko, S.* (1935). Morskie poteshnye [Sea poteshnye]. *Chasovoi*. 141-142: 15-17. [in Russian]
- Tomskoe «poteshnoe», 1911** – Tomskoe «poteshnoe» voisko [Tomsk "poteshnoe" army]. *Poteshnyi*. 1911. 7: 15. [in Russian]
- Tverdyukova, 2023** – *Tverdyukova, E.D.* (2023). «V Vas tol'ko odnom nashel ya podderzhku v osushchestvlenii Vysochaishei idei»: perepiska organizatora pervogo narodnogo klassa stroya i gimnastiki A.A. Lutskevicha s voennym ministrom V. A. Sukhomlinovym [“I found only one support in you in the implementation of the Highest idea”: correspondence between the organizer of the first national class of the system and gymnastics A.A. Lutskevich and the Minister of War V. A. Sukhomlinov]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 13 (4): 925-939. [in Russian]
- V.S. Poteshnye roty, 1911** – V.S. (1911). Poteshnye roty suvorovtsev [Poteshnye Suvorov companies]. *Poteshnyi*. 7: 16-19. [in Russian]
- V.S.E., 1911** – V.S.E. (1911). «Poteshnye» v Sibiri [“Poteshnye” in Siberia]. *Sibirskie voprosy*. 11: 9-25. [in Russian]
- Vnutrennie izvestiya, 1910** – Vnutrennie izvestiya [Internal news]. *Poteshnyi*. 1910. 2: 18. [in Russian]
- Voennyi stroi, 1910** – Voennyi stroi v tserkovnykh shkolakh [Military system in church schools]. *Poteshnyi*. 1910. 4: 16. [in Russian]
- Vysochaishii smotr, 1911** – Vysochaishii smotr poteshnym v Peterburge (1911). [The highest review of poteshnyi in St. Petersburg]. *Niva*. 1911. 33: 610-611. [in Russian]

Yaroslavets, 2014 – Yaroslavets (2014). Otnoshenie gimnasticheskikh obshchestv k fizicheskomu razvitiyu v shkole [The attitude of gymnastic societies to physical development in school]. *Sokol*. 3: 5. [in Russian]

Yunye pozharnye, 1910 – Yunye pozharnye [Young firefighters]. *Poteshnyi*. 1910. 1: 16. [in Russian]

Yunye razvedchiki..., 1910 – Yunye razvedchiki v gostyakh u pozharnykh [Young scouts visiting firefighters]. *Poteshnyi*. 1910. 11: 19. [in Russian]

Формирование гражданской идентичности в «потешном» движении в Российской Империи в начале XX в. Часть 1

Иван Александрович Булатов ^{a,*}, Дарья Николаевна Ковалева ^a

^a Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Российская Федерация

Аннотация. Движение потешных появилось в 1909 г. для осуществления желания императора Николая II о введении начальной военной подготовки в деревнях. Активная фаза деятельности этого движения заняла пять лет, и за это время было пройдено несколько этапов. На первом из них отряды потешных возникали стихийно как при военных частях, так и во всех ведомствах, связанных с обучением детей. С середины 1911 г. появилось официальное положение, регламентирующее создание отрядов потешных. Третий этап начался летом 1913 г., когда функции потешных по физическому развитию детей и их начальной военной подготовке были переданы школам. Заинтересованные ведомства в силу этого переносили свое внимание на налаживание такой работы с детьми в школах, а вне учебных заведений появились скауты, предлагавшие подросткам более интересную программу, в силу чего потешные практически полностью исчезли. В статье особо рассматривается вопрос о системе национального и патриотического воспитания в рамках движения потешных.

В работе делается вывод о том, что преобладающий в историографии взгляд на потешных как на самостоятельное внешкольное детское движение является частично верным. Его также следует рассматривать как начальный этап внедрения в школах обязательных уроков гимнастики и военного строя. Система же национального воспитания в движении потешных не была разработана и в основном повторяла теорию «официальной народности» Уварова.

Ключевые слова: потешные, юные разведчики, внешкольное воспитание, военная подготовка, национальное воспитание, гражданская идентичность, Российская Империя, А.А. Луцкевич, Г.А. Захарченко, С.И. Назимов, национальное воспитание, гражданская идентичность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bulatovivan64@gmail.com (И.А. Булатов)

bulatovivan64@gmail.com (Д.Н. Ковалева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1958-1966
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1958

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of the Conversion Plan of the Public Steamship Company on the Yenisey River in 1914

Evgeny A. Akhtamov ^{a,*}, Denis N. Gergilev ^{a,b}, Tatyana V. Izluchenko ^{a,b}, Daria N. Nesterenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

River communication has played a crucial role since the beginning of Siberia development. In the early 20th century, during the Russo-Japanese War, it became evident that the capacity of the railway was insufficient to meet the needs of the civilian population as well as the army's needs in the east. The problem of transport could be partially solved by the river fleet, for which ships were purchased for navigation on Yenisey. After the war, these ships were transferred to the administration of the established Public Steamship Company on the Yenisey River. The ships were to be transferred to private shipping companies. However, the results of the Steamship's activities confirmed the need for a river connection for the local population: not only for the development of industry and trade, but also for the social and cultural development in the region. As a result, the government has decided to refrain from privateering. The Ministry of Transport has proposed to put the activity of the ferry on commercial bases, which would reduce its dependence on finance from the treasury and bring funds for its further development. The object of this article is a program of transformation of the Public Steamship Company on the Yenisei river, which provided for greater freedom of its commercial activities. The authors note that the activities of the Steamship were supposed to be expanded on those sections of Yenisey where the presence of private steamers was insufficient. Thus, the activities of the public steamship company should not be in competition with private steamers.

Keywords: Public shipping on the Yenisei river, Ministry of Railways, conversion, transport, navigation, Yenisei province.

1. Введение

Проблема доступности транспортного сообщения для Сибири имела не только народно-хозяйственное, но культурно-социальное значение. Опыт деятельности Срочного казенного пароходства на Енисее это только подтвердил и побудил правительство отказаться от первоначального плана по передаче пароходства в частные руки, сохранив его в государственной собственности. Причина этого была в том, что, имея присутствие на рынке речных перевозок, правительство могло эффективнее регулировать местные тарифы, влиять на динамику развития пароходного сообщения, а также на развитие промышленности и торговли в регионе. Проблема заключалась в том, что пароходство существовало на средства казны и не имело собственных средств для своего развития. В связи с этим в Министерстве путей и сообщения возник проект реформирования Срочного казенного пароходства на реке Енисей с тем, чтобы придать его деятельности коммерческий характер. Целью данной статьи является освещение условий

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

реорганизации Срочного казенного пароходства на реке Енисей. Ранее данная тема не была отражена в исторической литературе.

2. Материалы и методы

Источниковой базой данного исследования стали законодательные акты Российской империи, опубликованные материалы Министерства путей сообщения, в частности, Проект «О преобразовании Енисейского казенного пароходства» ([О преобразовании..., 1914](#)), подготовленный Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог. Представляют интерес экономические обоснования перевода деятельности пароходства на коммерческую основу, описания особенностей местной торгово-промышленной жизни, а также роли Северного морского пути в жизни региона. Значимым представляется то, что этот документ, ранее не нашедший отражения в исторической литературе, является примером государственной политики в сфере развития водного транспорта Сибири накануне Первой мировой войны. При подготовке статьи также использовались материалы периодической печати – журнала «Водные пути и шоссейные дороги» – издания Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог, на страницах которого также нашли отражение проблемы преобразования Енисейского казенного пароходства.

В основе исследования лежат методы исторической науки, а также принципы научной объективности и историзма. Принцип историзма в сочетании с системным методом позволил рассмотреть в динамике развитие пароходства с учетом взаимосвязи с местными условиями. Историко-генетический метод также позволил определить причины изменения позиции Государственной Думы по отношению к существованию Срочного казенного пароходства на Енисее, а также закономерности развития пароходного сообщения.

3. Обсуждение

Проблемы транспортного сообщения поднимались исследователями еще в начале XIX века. Так, Н.В. Семивский ([Семивский, 1816](#)) в своей работе обращался к проблеме развития судоходства в Сибири, преимущественно ее восточной части. Большое внимание в его работе было уделено судоходству по Байкалу и Ангаре. В труде П.А. Словцова «Историческое обозрение» рассмотрена история крупнейших сибирских городов: Иркутска, Красноярска, Енисейска, Тобольска, Томска. Значительное внимание в работе уделено роли судоходства по сибирским рекам, в том числе, по Енисею ([Словцов, 1844](#)). Крупным исследователем проблем судоходства в Сибири был А.М. Сибиряков. Он изучал проблему организации судоходства по Енисею и Северному морскому пути ([Сибиряков, 1881](#); [Сибиряков, 1893](#); [Сибиряков, 1907](#)). Представляет интерес то, что зарубежные авторы также проявляли интерес к проблемам судоходства в Сибири. Так, в работе «Правительственная помощь торговому судоходству» М. Дж. Гросвенор ([Grosvenor, 1916](#)) изучил опыт организации пароходного сообщения в Сибири, а именно виды помощи, размер дотаций, выделяемых правительством для развития пароходных компаний, а также их эффективность.

В послереволюционные годы, когда перед советским государством стояла задача восстановления экономики, публиковались работы преимущественно технического или экономического содержания. К таким работам можно отнести труд А.М. Вихмана ([Вихман, 1919](#)). В последующем в связи с изменением социально-экономических и политических условий стали появляться исторические работы. Крупные исследования по истории транспорта Сибири принадлежат авторству В.Ф. Борзунова. В 1960-е годы была опубликована работа по истории речного транспорта ([Борзунов, 1967](#)). Крупным исследованием истории судоходства стала работа «Речное судоходство в России», выполненная коллективом авторов под редакцией М.Н. Чеботарева ([Чеботарев, 1985](#)). В работе освещена история развития речного транспорта до 1917 года.

В последние десятилетия интерес к проблеме судоходного сообщения по Енисею остается высоким. Большим вкладом в историографию проблемы стали работы В.Н. Большакова «Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в.» ([Большаков, 1991](#)), «Участие государства в функционировании водного транспорта Сибири в XIX в.» ([Большаков, 2007](#)). В работе «Экономика Сибири: 1900–1928 гг.» авторы наряду с вопросами экономической жизни рассматривают сухопутные и водные пути сообщения ([Винокуров, Суходолов, 1996](#)).

История судоходства на Енисее современных зарубежных авторов интересует больше в контексте истории арктических плаваний, что также включает и навигацию в низовьях Енисея ([Остренг и др., 2013](#)). Значительное внимание в зарубежной историографии уделяется истории освоения Северного морского пути ([Окхузен, Ниелсен, 2022](#)).

Этот период отмечен значительным количеством статей по этой тематике, предметом изучения которых становилось как сообщение по Обь-Енисейскому каналу, так и навигация по Северному морскому пути ([Носова, 1994](#); [Агеев, 2010](#)). В статье Н.В. Гониной «Становление Енисейского пароходства в 1861–1914 гг.» рассмотрены проблемы развития судоходного сообщения на Енисее ([Гонина, 2010](#)). Влияние Енисейского пароходства на развитие местных промыслов изучено в статье С.Т. Гайдина и Г.А. Бурмакиной ([Гайдин, Бурмакина, 2016](#)). Роль водных путей для развития регионов Сибири рассмотрена в статье Е.В. Соколовой ([Sokolova, 2023](#)). Источниковедческое

исследование отдельных аспектов проблемы проведено в статье Е.А. Сертаковой, А.А. Ситниковой, Ю.С. Замараевой (Sertakova et al, 2021). Вопросы регулирования правительством тарифов, а также последствия тарифной политики для развития торговли и промышленности в Сибири, рассмотрены в статье О.М. Долидович, В.И. Федоровой, А.С. Жулаевой (Dolidovich et al., 2019).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема развития пароходного сообщения по сибирским рекам неизменно привлекает внимание отечественных и зарубежных авторов.

4. Результаты

В период Русско-японской войны Министерством путей сообщения с Высочайшего разрешения для помощи перегруженной Сибирской железной дороге при перевозке грузов на Восток в 1905 году за границей была приобретена флотилия судов для реки Енисей в составе шести пароходов. Было закуплено четыре буксирных парохода, названных «Енисейск», «Туруханск», «Красноярск» и «Минусинск», один паровой катер и два паровых лихтера «Ангара» и «Лена». Из самоходного флота были приобретены девять грузовых барж (О преобразовании..., 1914: 1). Летом 1905 года флотилия прибыла в устье Енисея. Закупленные суда использовались, главным образом, для нужд железной дороги. Они были заняты на перевозках груза, доставляемого к устью Енисея Северным морским путем.

После окончания Русско-японской войны Высочайшим постановлением 9 января 1907 года суда Енисейской флотилии были переданы для создания срочного пароходного сообщения по Енисею и Оби от Тобольска к устью Оби. Вместе с тем ввиду коммерческого характера такого предприятия было признано необходимым принять самые решительные меры к организации пароходного сообщения при помощи частных предпринимателей, «хотя бы с восполнением от казны» (О преобразовании..., 1914: 1). 23 марта 1908 года были утверждены условия передачи судов в частную собственность. В этот период суда находились в управлении Министерства путей сообщения и были заняты на перевозках государственных и частных грузов, а также на перевозке пассажиров.

В 1908 году пароход «Ангара» был переведен на реку Обь, а в 1909 году он был передан частному предприятию. В навигации 1907 и 1908 гг. пароходством на Енисее ежегодно совершалось по шесть срочных рейсов от Красноярска к устью Енисея до реки Глубокой. Расстояние составляло 2 291 верст. В этих перевозках были задействованы пароходы «Лена», «Енисейск» и «Туруханск». Пароход «Красноярск» совершал несрочные рейсы в верхней части Енисея. В навигацию 1907 года было перевезено около 600 тысяч пудов казенных и частных грузов (в том числе 377 тыс. пудов в верхней части Енисея) и до 2 000 пассажиров, а в навигацию 1908 года – 682 тыс. пудов (в том числе 510 213 пудов в верхней части Енисея) и свыше 3 200 пассажиров (О преобразовании..., 1914: 2).

В навигацию 1909 года вследствие убыли из состава флотилии пароходов «Красноярск» и «Минусинск», затонувших во время весеннего ледохода, пароходством было совершено только шесть срочных низовых рейсов оставшимися тремя пароходами флотилии. При этом было перевезено 359 440 пудов груза и 3 054 пассажира (О преобразовании..., 1914: 2).

В навигацию 1910-1913 годов пароходством совершалось ежегодно по пять низовых рейсов от Красноярска к устью Енисея и далее – до острова Диксон (2 471 верста) пароходами «Туруханск» и «Лена». Также пароходом «Енисейск» совершались несрочные рейсы в средней части Енисея между Красноярском и Енисейском и частично Минусинском. В навигацию 1910 года было перевезено 473 739 пудов груза и 3 851 пассажир; в навигацию 1911 года – 617 253 пуда груза (в том числе 427 730 пудов в средней части Енисея) и 3 483 пассажира; в навигацию 1912 года – 443 903 пуда (в том числе 271 945 пудов в средней части Енисея) и 7 036 пассажиров; в навигацию 1913 года – около 662 205 пудов груза, в том числе особым рейсом парохода «Енисейск» – 103 тыс. пудов груза (71 тыс. пудов вверх и 32 тыс. пудов вниз по Енисею) норвежской акционерной компании, доставившей морской груз в устье Енисея на морском пароходе «Коррект» (О преобразовании..., 1914: 2).

Содержание казенного пароходства приносило казне ежегодно чистого убытка: в 1907 году – 144 306 рублей 29 копеек, в 1908 году – 136 395 рублей 43 копейки, в 1909 году – 142 298 рублей 89 копеек, в 1910 году – 112 628 рублей 53 копейки, в 1911 году – 93 914 рублей 59 копеек, в 1912 году – 97 006 рублей 30 копеек и в 1913 году – 41 927 рублей 89 копеек (О преобразовании..., 1914: 3).

Одновременно, по согласованию с Министерством путей сообщения, пароходство осуществляло перевозки по заказам частных пароходных компаний. В 1910 году Министерство путей сообщения внесло на законодательное рассмотрение представление №3801 от 31 марта 1910 года о передаче пароходного сообщения Сибирскому обществу пароходства, промышленности и торговли.

Однако это представление было отклонено Государственной думой. При этом, по указанию Государственной думы, в 1910 году в Красноярске прошло особое совещание под председательством Енисейского губернатора с участием представителей ведомств, городских общественных управлений, торговых и пароходных предприятий. Целью совещания стала выработка наиболее выгодных для казны и наиболее соответствующих особенностям местной промышленности и торговой жизни условий содержания срочного пароходного сообщения на Енисее.

Срочное совещание признало необходимым установить на Енисее два типа срочных рейсов, а именно четыре низовых, специально – грузовых для удовлетворения потребностей

преимущественно рыбной промышленности, а также для снабжения продовольствием инородцев. Для этого предусматривались рейсы от Красноярска до низовьев реки Енисей и до острова Диксон и Юракской губы и обратно. Также было предложено осуществлять по восемь-девять легких почтовых рейсов от Красноярска до Туруханска и далее – до Гольчихи и обратно для обслуживания срочным сообщением, главным образом, средней части Енисея. Четыре рейса в низовой части Енисея предполагалось совершать судами казенной Енисейской флотилии, причем с каждым низовым рейсом за паракором должно было идти не менее двух барж большого типа. Для совершения верховых рейсов предприниматель должен был иметь почтово-пассажирский пароход, соответствующий следующим требованиям: средняя скорость в сутки (учитывая остановки и задержки) должна была быть не менее 200 верст, грузоподъемность – не менее 4 000 пудов, классных пассажирских мест – не менее 30, палубных – не менее 120 ([О преобразовании..., 1914: 3](#)). Предпринимателю вменялось в обязанность не вести торговлю в пределах Енисейской губернии и для участия в промышленных предприятиях спрашивать разрешения губернатора Енисейской губернии.

В 1913 году Министерство Путей Сообщения внесло представление в Государственную Думу №5908 от 27 марта 1913 года о передаче содержания срочного парокордного сообщения по Енисею частному предпринимателю. Но 29 ноября и этот законопроект на заседании Государственной Думы был отклонен со следующей формулировкой: «Признавая, что правильно организованное парокордство по реке Енисею имеет громадное культурное и экономическое значение для Сибири и, считая необходимым, в целях ограждения местного населения от возможной эксплуатации частными парокордовладельцами, сохранить существующее на означенной реке казенное парокордство, с тем, чтобы ведомство безотлагательно озаботилось испрашением средств на его реорганизацию и содержание, Государственная Дума переходит к очередным делам» ([О преобразовании..., 1914: 4](#)).

До этого времени парокордство на Енисее находилось в управлении ведомства путей сообщения и содержалось как казенное хозяйственное предприятие. Предполагалось, что это казенное предприятие будет действовать временно, до передачи енисейской флотилии в частные руки, следовательно, на его содержание средства запрашивались в сметном порядке лишь на самое необходимое. В результате к 1913 году суда флотилии нуждались в капитальном ремонте, также требовалось его пополнение новыми судами и оборудованием.

В Министерстве путей сообщения было понимание, что для успешной эксплуатации Енисейского парокордства в будущем необходимо реорганизовать его деятельность таким образом, чтобы она более соответствовала коммерческим началам. Также было необходимо усилить и улучшить судовой состав парокордства.

Цель казенного парокордства на Енисее определялась как удовлетворение местных потребностей торгово-промышленной жизни Приенисейского низового края, лишенного других, кроме водного пути, сообщений. Также необходима была перевозка грузов, поступающих на Енисей Северным морским путем. К этому времени уже был накоплен опыт мореплавания по Северному морскому пути. Министерство путей сообщения учитывало опыт норвежской акционерной компании, которая доставила в устье Енисея и вывезла оттуда свыше 103 тысяч пудов груза ([О преобразовании..., 1914: 5](#)). Считалось, что открытие Северного морского пути к устью Енисея создаст возможность экспорта в Европу зерна, леса, а также импорта сельскохозяйственной техники, различных товаров, которые не производились в Енисейской губернии. Это должно было дать толчок к развитию производительных сил Азиатской России. Отмечалось, что для дальнейшего развития экономики Сибири желательно продолжить рейсы казенного парокордства по Енисею и в верхней части Енисея от Красноярска до Минусинска и далее, ближе к пределам Монголии. В этом виделась возможность вывоза из Урянхайского края сырых товаров и перевозки их по Енисею, а затем морским путем – в Европейские порты.

В начале XX века судокордство на границе с Монголией считалось невозможным ввиду существования в этой части реки Большого порога (в 135 верстах от границы Урянхайского края). Но и плавание в верхней части Енисея от деревни Означенной до Большого порога (140 верст) также было связано со значительными затруднениями ввиду крайней извилистости реки, быстроты течения и обилия порогов, самым значительным из которых был Джойский. Немногочисленные опыты плавания к Большому порогу показывали, что при скорости течения 12 верст в час может с трудом подниматься только один пароход в час. Сплав с баржей признавался возможным, но только с использованием приспособлений для регулирования скорости. Судокордство в верхней части Енисея выше деревни Означенной (117 верст выше Минусинска) в то время было осуществимо только с помощью туерной цепи, проложенной на наиболее затруднительных участках реки. Также рассматривалась возможность постройки шлюзов на Большом пороге, однако на это требовались значительные средства. Признавалось, что организация рейсов выше деревни Означенной может иметь характер только опытного плавания ([О преобразовании..., 1914: 6](#)).

Представляет интерес то, что касалось рейсов в средней части Енисея, между Енисейском и Минусинском. Признавалось, что ввиду наличия на этом участке частного парокордства конкуренция с ним казенного парокордства может нанести ущерб частной предприимчивости. Поэтому рейсы казенного парокордства в этой части реки признавались возможными там, где они были необходимы в качестве содействия низовым перевозкам парокордства, а также перевозке грузов, вывозимых и

ввозимых на реку Енисей Северным морским путем. Также признавалось, что рейсы казенного пароходства должны служить регулятором тарифов частных пароходных предприятий в целях устранения наблюдавшейся в то время монополизации этими предприятиями пароходного дела на среднем Енисее.

В Министерстве путей сообщения отмечалось, что в соответствии с новыми задачами Енисейского пароходства и расширением пределов его коммерческой деятельности его эксплуатация должна быть поставлена на организованных коммерческих началах. До 1914 года казенное пароходство на Енисее подчинялось общим требованиям, установленным для хозяйственных казенных предприятий как в отношении расходования отпускаемых на содержание пароходства средств, так и в отношении отчетности и контроля поступлений доходов в казну. Такой порядок связывал свободу коммерческой деятельности пароходства и не способствовал увеличению его оборотов. Для эффективного функционирования пароходства как коммерческого предприятия все операции казенного пароходства должны проводиться на коммерческих основаниях.

Для этого Министерством Путей Сообщения был выработан проект положения, касающегося Енисейского пароходства в соответствии с утвержденным положением о Добровольном флоте, действующим на коммерческих основаниях, под высшим надзором Министра торговли и промышленности и совершающем обязательные пароходные рейсы при ежегодной субсидии от казны ([Собрание узаконений..., 1912: 1350](#)). Согласно положению, целью Енисейского пароходства было обеспечение почтово-пассажирского и грузового сообщения по Енисею. Пароходство находилось в ведении Управления внутренними водными путями и шоссейными дорогами Министерства путей сообщения. При этом управление делами пароходства осуществлялось чиновниками этого Управления, которые содержались за счет средств пароходства ([Преобразование Енисейского..., 1914: 302](#)).

По возникающим претензиям пароходство отвечало всем своим имуществом. При этом средства пароходства складывались из единовременного пособия от казны на оборудование пароходства, ежегодное пособие от казны, доходы от коммерческих операций, движимое и недвижимое имущество пароходства.

Для организации пароходного сообщения пароходству предоставлялось право приобретать в собственность, строить и арендовать строения, мастерские, пароходы, суда, пристани и иное необходимое движимое и недвижимое имущество.

В вопросе управления пароходством отмечалось, что при сравнительной незначительности коммерческих оборотов Енисейского пароходства нет необходимости в создании особого правления для заведывания делами пароходства. Считалось целесообразным управление делами пароходства возложить на ответственного управляющего. Управляющий должен был подчиняться непосредственно Министерству путей сообщения ([Преобразование Енисейского..., 1914: 303](#)).

Согласно особой инструкции Министерства путей сообщения, на управляющего ложилась обязанность по заведованию и распоряжением личным составом, делами, имуществом и капиталами пароходства. Одновременно над пароходством сохранялось общее руководство со стороны Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог. Министр путей сообщения назначал управляющего, также он определял размер жалования, которое управляющий должен был получать из сумм пароходства. Управляющий должен был не менее двух раз в год созывать совещания из представителей местных правительственных учреждений, общественных организаций и заинтересованных лиц для обсуждения мероприятий пароходства. Участие общественного элемента в обсуждении важнейших мероприятий пароходства должно было способствовать достижению задачи пароходства по обслуживанию нужд края. Устанавливаемая периодичность созыва совещаний (не менее двух раз в год) должна была гарантировать населению осуществление тех направлений деятельности пароходства, которые наиболее соответствуют местным нуждам. В целях ведомственного надзора за деятельностью пароходства предполагалось предоставить Управлению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также начальнику Томского округа путей сообщения право ревизорских проверок имущества, капиталов и деятельности пароходства ([Преобразование Енисейского..., 1914: 303](#)).

Для удовлетворения торговых и промышленных нужд края и снабжения населения низовых областей требовалось совершение не менее шести рейсов в низовья Енисея в год. Это количество рейсов совершалось казенным пароходством при помощи трех пароходов до аварии судов флотилии в 1909 году. В 1914 году срочное казенное пароходство на Енисее совершало эти рейсы двумя пароходами – «Туруханск» и «Лена». При этом из-за недостатка пароходов первые два рейса были укороченными. Другие рейсы, в интересах обслуживания рыболовных артелей, могли следовать до острова Диксон. Отмечалось, что для обслуживания промышленных нужд края необходимо было иметь три парохода, чтобы они совершали шесть рейсов в нижнем течении Енисея. Также отмечалось, что для перевозки по Енисею морских грузов массой не более 120 тыс. пудов необходимо иметь один пароход, чтобы буксировать за собою три лихтера большого типа с грузом до 100 тыс. пудов. Остальные 20 тыс. пудов могут быть погружены на лихтера, отправляемые из низовьев Енисея с рыбным грузом за буксиром прочих пароходов ([О преобразовании..., 1914: 10](#)).

Таким образом, пароходству требовалось еще два парохода. В интересах сокращения единовременных затрат на первое время предлагалось приобрести только один новый пароход – для перевозки морских грузов, и временно поставить на ту же линию третий пароход флотилии – «Енисейск», обслуживавший рейсы между Енисейском и Красноярском. Однако это предложение делалось с оговоркой: пароход «Енисейск» не мог полностью считаться пригодным для плавания в низовьях Енисея ввиду недостаточной крепости корпуса, изношенности механизмов и недостаточной устойчивости. Поэтому в 1914 году на пароход были поставлены новые котлы и проведено укрепление корпуса.

В целом четыре парохода, предназначенные для плавания в низовьях Енисея, могли бы совершать ежегодно до 10 рейсов от Красноярска до низовьев Енисея. Таким количеством рейсов могли быть частично удовлетворены культурно-административные нужды Туруханского края. На средней части Енисея, между Енисейском и Минусинском, количество рейсов должно было быть не менее 16-ти в навигацию, считая рейс туда и обратно, в том числе шесть рейсов до деревни Означенной. Для совершения этих рейсов пароходству было необходимо приобрести два новых парохода. Также отмечалось, что желательнее приобрести пароходы буксиро-пассажирские, принимающие до 500 пассажиров, а также достаточной силы, чтобы буксировать за собой против течения две баржи с грузом в 60 тыс. пудов, скоростью хода в тихой воде с баржами в среднем 13 верст в час. При этом средняя скорость течения реки в среднем течении Енисея составляла около 5-6 верст в час. Применение двух пароходов такого типа должно было дать возможность перевозки в течение навигации достаточного количества пассажиров, переселенцев и грузов (О преобразовании..., 1914: 14).

Интерес представляет то, что перед заказом пароходов управление внутренних водных путей проводило сравнение стоимости и сроков постройки судов среди разных компаний, в том числе между российскими и иностранными. При этом предпочтение отдавалось российским предприятиям. В целом единовременные затраты Енисейского казенного пароходства на покупку судов были оценены в один буксирно-пассажирский пароход для рейсов в низовьях Енисея – 440 тыс. рублей; два буксирно-пассажирских парохода для рейсов между Енисейском и Минусинском – 560 тыс. рублей (О преобразовании..., 1914: 16).

Общие расходы пароходства по проекту должны были составлять расходы на содержание администрации – 95 457 рублей, содержание и действие судов – 316 623 рубля, амортизационные и страховые отчисления – 120 920 рублей, делопроизводство – 15 000 рублей (О преобразовании..., 1914: 20).

Предполагаемые доходы пароходства рассчитывались исходя из того, что общий грузооборот пароходства, исходя из грузоподъемности судов, не мог превышать 1 300 000 пудов. Общее количество пассажиров не могло составлять более 16-ти тысяч человек. Эти цифры рассчитывались с учетом пароходов, которые пароходство должно было приобрести. Согласно существовавшим тарифам, каждый пуд груза приносил доход в размере 10 копеек, а каждый перевезенный пассажир – в размере 2 рублей 50 копеек. Таким образом, валовый доход Енисейского пароходства от перевозки 1 300 000 пудов груза должен был составить 130 000 рублей и от перевозки 16 000 пассажиров – 40 тыс. рублей. Общий доход от перевозок должен был составить 170 000 рублей. Доход от остальных операций пароходства, включая буксировку судов, сдачу в аренду свободных барж, хранение грузов должен был составить 10 000 рублей. Доход от погрузочно-разгрузочных работ – 26 000 рублей. Таким образом, общий доход пароходства должен был составить 206 000 рублей. Таким образом, пароходство не могло осуществлять свою деятельность без государственного субсидирования. Сумма, получаемая пароходством из казны, должна была составить 342 тыс. рублей, включая 9 тыс. рублей на содержание особого делопроизводства при Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог (О преобразовании..., 1914: 21). Согласно проекту, эту субсидию пароходству предполагалось установить на срок не менее 10 лет, причем отпуск субсидии в полном объеме предполагался не ранее 1916 года. К этому сроку было возможно рассчитывать на завершение постройки судов и ввод в эксплуатацию прочего оборудования.

5. Заключение

Проект Министерства путей сообщения по организации деятельности Срочного казенного пароходства на Енисее на основаниях, более приближенных к коммерческим, несмотря на значительные траты на закупку новых судов для пароходства на первоначальном этапе, в перспективе позволял сократить издержки государственной казны на содержание пароходства. Осуществление проекта началось в 1914 году, когда за границей в связи с загруженностью отечественных предприятий военными заказами были закуплены суда для навигации в Енисейском бассейне. Первая мировая война и последующие революционные события не позволили проекту осуществиться в полной мере. Стоит отметить, что внимание государства к развитию водного сообщения в рассматриваемый период позволило создать необходимую инфраструктуру и материальную базу для дальнейшего развития пароходного сообщения в Енисейском бассейне.

Литература

- Агеев, 2010** – Агеев И.А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX - начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2010. № 1(9). С. 22-26.
- Большаков, 1991** – Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1991. 215 с.
- Большаков, 2007** – Большаков В.Н. Участие государства в функционировании водного транспорта Сибири в XIX в. Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII - нач. XX в. Томск, 2007. С.126-133.
- Борзунов, 1967** – Борзунов В.Ф. Борьба пароходных компаний за перевозки пассажиров и грузов сибирской магистрали в конце XIX в. // *Труды. Серия историческая. Т. 7. История, археология и этнография Дальнего Востока.* 1967. С. 73-81.
- Винокуров, Суходолов, 1996** – Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900-1928. Комитет по высшей школе Российской Федерации, Иркутская государственная экономическая академия. Новосибирск: Наука, Сибирская изд. фирма РАН, 1996. 320 с.
- Вихман, 1919** – Вихман А.М. Изыскание порта в устье реки Енисея 1916 года / Сост. начальник изыскания инженер путей А. М. Вихман. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1919. 33 с.
- Гайдин, Бурмакина, 2016** – Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Влияние пароходства на развитие рыболовного и охотничьего промыслов в Енисейской губернии (1863-1917 гг.) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки».* № 3. 2016. С. 14-23.
- Гонина, 2020** – Гонина Н.В. Становление Енисейского пароходства в 1861-1914 гг. // *Научное обозрение Саяно-Алтая. Выпуск 8. Серия: История.* № 4 (28). 2020. С. 19-25.
- Носова, 1994** – Носова Е.А. Северный морской путь и хлебная торговля сибирского купечества (вторая половина XIX в.) // *Предпринимательство в Сибири: Материалы научной конференции.* Барнаул, 1994. С. 65-68.
- О преобразовании..., 1914** – О преобразовании Енисейского казенного пароходства. Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог. 28 июня 1914 года. № 15076. Санкт-Петербург. Типография Министерства Путей Сообщения (Товарищества И.Н. Кушнерева и Ко). 44 с.
- Преобразование Енисейского..., 1914** – Преобразование Енисейского казенного пароходства // *Водные пути и шоссейные дороги.* 1914. № 6. С. 302-304.
- Семивский, 1817** – Семивский Н. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб.: Воен. тип. Гл. Штаба его Имп. Вел., 1817. 186 с.
- Сибиряков, 1881** – Сибиряков А.М. Плавание парохода "Оскар Диксон" в 1880 году к устьям Енисея. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и Ко, 1881. 7 с.
- Сибиряков, 1893** – Сибиряков А.М. К вопросу о внешних рынках Сибири. О малоизвестных волоках Сибири. Санкт-Петербург: тип. газ. "Новости", 1893. 23 с.
- Сибиряков, 1907** – Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
- Словцов, 1844** – Словцов П.П. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб. : Тип. Карла Крайя. 1844. 524 с.
- Собрание узаконений..., 1912** – Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената. 1912. 3954 с.
- Чеботарев и др., 1985** – Чеботарев М.Н. Речное судоходство в России. Чеботарев М.Н., Амусин М.Д., Богданов Б.В. Москва: Транспорт. 1985. 352 с.
- Dolidovich et al., 2019** – Dolidovich O.M., Fedorova V.I., Zhulaeva A.S. Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War // *Bylye Gody.* 2019. 51(1): 395-405.
- Grosvenor, 1916** – Grosvenor M.J. Government aid to merchant shipping. Washington. Government Printing Office. 1916. 266 p.
- Nielsen, Okhuizen, 2002** – Nielsen J.P., Okhuizen E. From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Boston: Brill. 2002. 533 p.
- Ostreng et al, 2013** – Ostreng W., Eger K.M., Floistad B., Jorgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlaender-Larsen M., Wergeland T. Shipping in Arctic Waters. A Comparison of the Northeast, North west and Trans Polar Passages. Springer Berlin Heidelberg. 2013. 414 p.
- Sertakova et al, 2021** – Sertakova E.A., Sitnikova A.A., Zamaraeva Y.S. Sources on the History of the Yenisei Peoples of the Russian Empire (on the Example of the Analysis of Materials from the Newspaper "Krasnoyarets") // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 2034-2042.
- Sokolova, 2023** – Sokolova E.V. The Role of State Policy and Free Colonization in the Formation of the Rural Settlement Network of the Middle Irtysh Region in the 16th – early 20th centuries (on the Materials of Modern Historiography) // *Bylye Gody.* 2023. 18(3): 1064-1077.

References

- Ageev, 2010** – Ageev, I.A. (2010). Ob'-Eniseiskii kanal v transportnoi sisteme Sibiri (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) [Ob-Yenisei Canal in the Transport System of Siberia (Second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univertsiteta. Istoriya*. 1(9): 22-26. [in Russian]
- Bol'shakov, 1991** – Bol'shakov, V.N. (1991). Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri XIX v. [Essays on the history of river transport in Siberia in the 19th century]. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otdelenie. 215 p. [in Russian]
- Bol'shakov, 2007** – Bol'shakov, V.N. (2007). Uchastie gosudarstva v funktsionirovanii vodnogo transporta Sibiri v XIX v. [State participation in the functioning of water transport in Siberia in the 19th century]. *Regional'nye osobennosti upravleniya gosudarstvennym khozyaistvom Rossii XVIII - nach. XX v.* Tomsk. Pp. 126-133. [in Russian]
- Borzunov, 1967** – Borzunov, V.F. (1967). Bor'ba parokhodnykh kompanii za perevozki passazhirov i gruzov sibirskoi magistrali v kontse XIX v. [The struggle of shipping companies for the transportation of passengers and cargo on the Siberian railway at the end of the 19th century]. *Trudy. Seriya istoricheskaya. T. 7. Istoriya, arkhologiya i etnografiya Dal'nego Vostoka*. Pp. 73-81. [in Russian]
- Chebotarev et al., 1985** – Chebotarev, M.N., Amusin, M.D., Bogdanov, B.V. (1985). Rechnoe sudokhodstvo v Rossii [River navigation in Russia]. Moskva: Transport. 352 p. [in Russian]
- Dolidovich et al., 2019** – Dolidovich, O.M., Fedorova, V.I., Zhulaeva, A.S. (2019). Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War. *Bylye Gody*. 51(1): 395-405.
- Gaidin, Burmakina, 2016** – Gaidin, S.T., Burmakina, G.A. (2016) Vliyanie parokhodstva na razvitie rybolovnogo i okhotnich'ego promyslov v Eniseiskoi gubernii (1863-1917 gg.) [The influence of shipping on the development of fishing and hunting industries in the Yenisei province (1863-1917)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*. 3: 14-23. [in Russian]
- Gonina, 2020** – Gonina, N.V. (2020). Stanovlenie Eniseiskogo parokhodstva v 1861-1914 gg. [Formation of the Yenisei Shipping Company in 1861-1914]. *Nauchnoe obozreniye Sayano-Altaya. Vypusk 8. Seriya: Istoriya*. 4 (28): 19-25. [in Russian]
- Grosvenor, 1916** – Grosvenor, M.J. (1916). Government aid to merchant shipping. Washington. Government Printing Office. 266 p.
- Nielsen, Okhuizen, 2022** – Nielsen, J.P., Okhuizen, E. (2022). From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia. Boston: Brill, 533 p.
- Nosova, 1994** – Nosova, E.A. (1994). Severnyi morskoi put' i khlebnaya trgovlya sibirskogo kupechestva (vtoraya polovina XIX v.) [The Northern Sea Route and the grain trade of Siberian merchants (second half of the 19th century)]. *Predprinimatel'stvo v Sibiri: Materialy nauchnoi konferentsii*. Barnaul. Pp. 65-68. [in Russian]
- Ostreg et al, 2013** – Ostreg, W., Eger, K.M., Floistad, B., Jorgensen-Dahl, A., Lothe, L., Mejlaender-Larsen, M., Wergeland, T. (2013). Shipping in Arctic Waters. A Comparison of the Northeast, North west and Trans Polar Passages. Springer Berlin Heidelberg. 414 p.
- O preobrazovanii..., 1914** – O preobrazovanii Eniseiskogo kazennogo parokhodstva [On the transformation of the Yenisei state shipping company.]. Upravlenie vnutrennikh vodnykh putei i shosseinykh dorog. 28 iyunya 1914 goda. № 15076. Sankt-Peterburg. Tipografiya Ministerstva Putei Soobshcheniya (Tovarishchestva I.N. Kushnereva i Ko). 44 p. [in Russian]
- Preobrazovanie Eniseiskogo..., 1914** – Preobrazovanie Eniseiskogo kazennogo parokhodstva [Transformation of the Yenisei state shipping company]. *Vodnye puti i shosseinye dorogi*. 6: 302-304. [in Russian]
- Semivskii, 1817** – Semivskii, N. (1817). Noveishie, lyubopytnye i dostovernye povestvovaniya o Vostochnoi Sibiri [The latest, curious and reliable stories about Eastern Siberia]. SPb. : Voenn. tip. Gl. Shtaba ego Imp. Vel. 186 p. [in Russian]
- Sertakova et al, 2021** – Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A., Zamaraeva, Y.S. (2021). Sources on the History of the Yenisei Peoples of the Russian Empire (on the Example of the Analysis of Materials from the Newspaper "Krasnoyarsk"). *Bylye Gody*. 16(4): 2034-2042.
- Sibiriyakov, 1881** – Sibiriyakov, A.M. (1881). Plavanie parokhoda "Oskar Dikson" v 1880 godu k ust'yam Eniseya [Voyage of the steamship "Oscar Dixon" in 1880 to the mouth of the Yenisei]. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i Ko, 7 p. [in Russian]
- Sibiriyakov, 1893** – Sibiriyakov, A.M. (1893). K voprosu o vneshnikh rynkakh Sibiri. O maloizvestnykh volokakh Sibiri [On the issue of foreign markets of Siberia. About the little-known portages of Siberia]. Sankt-Peterburg: tip. gaz. "Novosti", 23 p. [in Russian]
- Sibiriyakov, 1907** – Sibiriyakov, A.M. (1907). O putyakh soobshcheniya Sibiri i morskikh snosheniyakh ee s drugimi stranami [About the routes of communication between Siberia and its maritime relations with other countries]. Sankt-Peterburg: tip. M.M. Stasyulevicha, 199 p. [in Russian]

[Sobranie uzakonenii..., 1912](#) – Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [Collection of laws and orders of the Government, published under the Governing Senate]. Otdel I. Sankt-Peterburg: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata. 3954 p. [in Russian]

[Sokolova, 2023](#) – *Sokolova, E.V.* (2023). The Role of State Policy and Free Colonization in the Formation of the Rural Settlement Network of the Middle Irtysh Region in the 16th – early 20th centuries (on the Materials of Modern Historiography). *Bylye Gody*. 18(3): 1064-1077.

[Slovtsov, 1844](#) – *Slovtsov, P.P.* (1844) Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia]. T. 2. SPb. : Tip. Karla Kraiya. 524 p. [in Russian]

[Vikhman, 1919](#) – *Vikhman, A.M.* (1919) Izyskanie porta v ust'e reki Eniseya 1916 goda [Survey of the port at the mouth of the Yenisei River in 1916]. Nachal'nik izyskaniya inzhener putei A. M. Vikhman. Krasnoyarsk : Eniseiskaya gubernskaya tipografiya. 33 p. [in Russian]

[Vinokurov, Sukhodolov, 1996](#) – *Vinokurov, M.A., Sukhodolov, A.P.* (1996). Ekonomika Sibiri: 1900-1928 [Economy of Siberia: 1900-1928]. Komitet po vysshei shkole Rossiiskoi Federatsii, Irkutskaya gosudarstvennaya ekonomicheskaya akademiya. Novosibirsk : Nauka, Sibirskaya izd. firma RAN. 320 p. [in Russian]

Особенности плана преобразования Срочного казенного пароходства на реке Енисей в 1914 году

Евгений Александрович Ахтамов ^{a,*}, Денис Николаевич Гергилев ^{a,b},
Татьяна Владимировна Излученко ^{a,b}, Дарья Николаевна Нестеренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. С начала освоения Сибири в условиях отсутствия надежных транспортных коммуникаций речное сообщение играло важнейшую роль. В начале XX века, во время Русско-японской войны, стало очевидно, что пропускной способности железной дороги недостаточно, чтобы удовлетворить нужды гражданского населения, а также обеспечить потребности армии на востоке. Проблему транспортного сообщения частично мог решить речной флот, для чего были закуплены суда для судоходства по Енисею. По окончании войны эти суда были переданы в ведение созданного Срочного казенного пароходства на реке Енисей. В дальнейшем предполагалось передать суда в частные пароходные компании. Однако результаты деятельности Срочного казенного пароходства только подтвердили необходимость речного сообщения для местного населения. Это было важно не только для развития промышленности и торговли, но также и для социального и культурного развития региона. В результате правительством было принято решение воздержаться от передачи судов в частные руки. Министерство путей сообщения предложило поставить деятельность пароходства на коммерческие основания, что снизило бы его зависимость от финансирования из казны, принесло бы необходимые средства для его дальнейшего развития. Объектом изучения данной статьи является программа преобразования Срочного казенного пароходства на Енисее, предусматривавшая большую степень свободы его коммерческой деятельности, а также наращивание оборотов. Авторы отмечают, что деятельность Срочного казенного пароходства предполагалось расширить на тех участках Енисея, где присутствие частных пароходных компаний было недостаточным. Таким образом, деятельность казенного пароходства не должна была составить конкуренцию частным пароходным компаниям. Также авторами отмечены мероприятия, направленные на усиление флота Срочного казенного пароходства на Енисее.

Ключевые слова: Срочное казенное пароходство на Енисее, Министерство путей сообщения, преобразование, перевозки, судоходство, Енисейская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1967-1974
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1967

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charity Activities of the Kazakh Population during the First World War

Makhabbat M. Kozybayeva ^{a,*}, Sulushash R. Sarmanova ^b, Khalil B. Maslov ^a, Aidyn S. Zhuniskhanov ^c

^a LN. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Siberian branch of D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Omsk, Russian Federation

^c Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article, the authors study the features of the charitable activities of the Kazakh population during the First World War. The assistance of the Kazakh population was diverse and was expressed both in monetary donations to military hospitals and infirmaries, and in spiritual support for soldiers and their families, in caring for wounded soldiers. Fundraising was mainly carried out during fairs, as well as during a number of cultural events. At the same time, assistance was provided both through government agencies and through various committees and public organizations. In general, the Kazakhs actively collected funds to help the front, while the bulk of cash receipts were voluntary donations. The authors note that the Kazakh periodical press often published information about the assistance provided by the population of Kazakhstan to war participants and war victims. The authors conclude that the intensification of charitable activities of the population of Kazakhstan and the Kazakh intelligentsia in mid-1916 is associated with the processes of mobilizing Kazakhs for rear work in the First World War. Here, the population's assistance was provided through the Foreign Department of Zengor, which managed to organize the uninterrupted delivery of food, clothing, letters and other correspondence to the front. To send large and heavy loads to the front line, it was only necessary to notify the head of the Foreign Department by telegram in advance. In general, charity played an important role in maintaining the physical and moral strength of the people, and contributed to the strengthening of patriotism and creative upsurge.

Keywords: charitable activities, World War I, assistance to the front, Islam, Kazakh population, public organizations, charity evenings, voluntary donations, mobilization, rear work.

1. Introduction

In recent years, the study of charitable activities during World War I has gained increasing relevance and importance. Charitable societies are voluntary associations created to provide selfless assistance to those in need. In the Russian Empire, such societies began to emerge most actively in the late 19th century. One of the reasons for the rise of the charitable movement in the early 20th century was World War I, one of the largest military conflicts in human history. World War I left an indelible mark on the fates of many countries and peoples, and the Russian Empire and its inhabitants were no exception. In various regions of the country, the onset of the war was accompanied by a surge of patriotism and loyalty towards the emperor from the population, as well as an increase in military charity.

The phenomenon of charity during World War I played a crucial role in providing aid to soldiers on the front lines, their families, and the wounded. Its significance in societal life is difficult to overestimate. Charitable

* Corresponding author

E-mail addresses: koz.mahabbat_85@mail.ru (M.M. Kozybayeva),
kurmanova-slu@mail.ru (S.R. Sarmanova), khalil.maslov@mail.ru (Kh.B. Maslov),
aidun1985@gmail.com (A.S. Zhuniskhanov)

societies, from their inception, primarily focused on collecting voluntary donations for the front. This activity had its own distinctive features. Two trends were observed in the charity of this period. On one hand, there was a search for more effective forms of assistance for those affected by the war through interactions among government representatives, public organizations, and private individuals. On the other hand, the charitable process became politicized due to growing distrust in the authorities during the war, exacerbated by numerous difficulties and contradictions inherent in any such endeavor (Gritsaeva, 2008: 118).

At the end of the 19th and the beginning of the 20th century, charity also emerged as a significant public phenomenon in Kazakhstan. It is important to note that with the onset of World War I, Muslims were among the first in the country to organize charitable movements in support of wounded soldiers and their families. The Kazakhs of the steppe region of the Russian Empire were notably active in this regard, where the establishment of charitable organizations had unique features influenced by the traditional practice of mutual aid. Therefore, studying the charitable practices of the Kazakh population during World War I and analyzing their contributions to maintaining the physical and spiritual strength of soldiers holds significant scientific and civic value.

2. Materials and methods

The issues of charitable activities of the population of Kazakhstan are disclosed in the source base. In particular, during the preparation of the article, a large layer of sources identified in foreign and domestic archives was involved. In particular, documents from the collections of the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation), the State Archive of the Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation), and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almata, Kazakhstan) are of great value on the topic of research. Archival documents made it possible to reveal the features of the charitable activities of the population of Kazakhstan during the First World War.

In addition, archival materials published in collections of documents are of great value on the topic of the study. In particular, the collection of documents "Alash-Orda" (Alash-Orda, 1992) presents documents on the history of the "Alash" movement and the government of Alash-Orda, including on the charitable activities of the population during the First World War. The collection of documents "Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane" (Vosstanie..., 1960) contains information about the popular uprising of 1916 in certain regions of Central Asia and Kazakhstan, including punitive actions of the tsarist government against the rebels and assistance of the population to mobilized workers for rear work. Valuable sources on the charitable activities of the population during the war are contained in personal sources and memoirs presented in the collected works of the leader of the national intelligentsia A. Bukeikhan (Bokeikhan, 2018) and others. In addition, an important source on the topic of the study was the periodical press of that time, including the magazine "Aiqap" (Troitsk, 1915), the newspapers "Qazaq" (Orenburg, 1916–1918), "Semipalatinsk telegraph" (Semipalatinsk, 1914–1915) and others. They contained articles and summaries with reports on assistance to soldiers and their dependents and other significant information on the provision of charitable assistance to the front. However, it should be noted that the materials of the periodical press are disjointed and require further research in the context of studying the issue of mobilization and participation of Kazakhs in the First World War.

Charitable activities are the focus of various disciplines and have an interdisciplinary nature. To methodologically understand and describe the phenomenon of charity during World War I, research from historical, sociological, anthropological, psychological, political, and pedagogical perspectives is necessary. All these areas are integrated into a unified research program.

The methodological basis of this study is the systemic approach, which allows for presenting the charitable activities of the Kazakh population during World War I as a cohesive object with its own internal connections and processes.

Contemporary historical science offers new approaches to studying the charitable practices of the Kazakh population during World War I, incorporating interdisciplinary and systemic perspectives. Our chosen approach will not only supplement national history but also reveal processes occurring in the Russian Empire on a micro level and their impact on everyday life. The study of the phenomenon of charity, in our opinion, will address several pressing and debated issues, such as the motives of participants in charitable movements, the subjects and objects of charitable activities, and so on. Introducing new materials on regional charitable practices into scientific discourse will facilitate comparative-historical research.

An important aspect of scientific knowledge is the principles of historicism and objectivity. The principle of historicism allows for the study of Kazakh charitable activities during World War I in the historical context of the period under investigation. Based on the principle of objectivity, an attempt was made to conduct an objective and reliable scientific analysis of various aspects of charitable activities in Kazakhstan during wartime. The materials from periodical press, which form the core of the research, also include diverse genres and sources, requiring an objective and differentiated approach to their study.

3. Discussion

The experience of charitable activities among the Kazakh population of the Russian Empire during World War I has been studied in a rather fragmented manner in the scientific literature. Specifically, Russian

historians have explored various aspects of this issue in the context of charitable activities of the Muslim population during World War I. For instance, S.M. Iskhakov's works illustrate the evolution of Russian Islam's attitudes towards World War I, focusing on soldiers, intellectuals, clergy, public, and political figures (Iskhakov, 2004; Iskhakov, 2018). L.R. Gataullina investigates the attitudes of Russian Muslims towards World War I based on the analysis of Tatar press materials from 1914–1915 (Gataullina, 2008). D. Aropov's research examines aspects of the political and cultural life of Muslims in Russia and their participation in military actions during World War I (Arapov, 2014). V.G. Sobolev's article addresses the "Muslim question" in the Russian Empire during World War I, including charitable practices among Muslims, based on materials from the Russian State Historical Archive (Sobolev, 2015). R.A. Tsiunchuk's works explore the activities of the Muslim faction of the Fourth State Duma on the eve of and during World War I (Tsiunchuk, 2015). M.V. Shilovskii's studies cover various aspects of life in certain regions of Russia during World War I, including participation in charitable activities, with a focus on Siberia (Shilovskii, 2015). T.E. Pokotilova's research broadly addresses the characteristics of charitable assistance to those affected by World War I, examining public and state cooperation (Pokotilova, 2023).

In contrast, the participation of Kazakhs in the 1916 uprising as an initial stage of the national liberation movement in Central Asia against the Russian Empire during the mobilization for rear-line work in World War I has been more extensively studied. The specifics of the political and socio-economic situation in Kazakhstan during the 1916 uprising are detailed in the works of Kazakh researchers such as S.D. Asfendiyarov (Asfendiyarov, 1936), K.T. Tursunov (Tursunov, 1962), B.S. Suleimenov and V.Y. Basin (Suleimenov, Basin, 1977), among others. T.V. Kotyukova's works, which study the "Muslim question" in Turkestan in the early 20th century, are of particular interest (Kotyukova, 2010). The characteristics of addressing the national question through the creation of ethnic military formations in the Russian army during World War I are explored by the authors of a collective monograph edited by N.V. Podpryatov (Natsionalnyi vopros..., 2017). Researchers S. Zhusip and Kh. Maslov have studied the historical aspects of Kazakh participation in World War I after mobilization for rear-line work (Zhusip, Maslov, 2021).

However, dedicated scientific works on the charitable activities of the Kazakh population during World War I are virtually absent. There are only a few works by V. Kashlyak (Kashlyak, 2002; Kashlyak, 2004), P. Shabley (Shabley, 2013; Shabley, 2020), and others researchers, focusing on charitable activities in Semipalatinsk during World War I. These authors analyze archival materials to highlight the main directions of charitable activities in Semipalatinsk, including fundraising for wounded soldiers and prisoners of war during World War I.

Thus, a significant amount of material has been accumulated that reflects various aspects of the life of the Kazakhs in the steppe region of the Russian Empire. However, the charitable activities of the Kazakh population in aiding those affected by World War I have not yet been the subject of dedicated research. Therefore, this article represents one of the first attempts at a scientific analysis of this issue as a distinct scholarly problem, based on a comprehensive examination of existing sources.

4. Results

The period from the late 19th to the early 20th century is marked by a rise in the number of charitable societies and organizations, driven by the events of World War I. World War I, which took place from 1914 to 1918, involved numerous countries across all continents. Major empires such as the British Empire, France, Germany, the Russian Empire, Austria-Hungary, the Ottoman Empire, and others were engaged in the conflict. The war's onset in Russia sparked a wave of patriotic fervor and support for the authorities, what was accompanied by mass demonstrations of support and a readiness among the people to serve their country. During the war, a unique experience in providing charitable aid to the army was accumulated through the efforts of public organizations and private individuals. From their inception, charitable societies focused on collecting voluntary donations for the front.

A manifestation of patriotic sentiment was the charitable support for the army from numerous public organizations and private individuals. Muslims were actively involved in collecting aid for soldiers, their families, refugees, and the wounded. With the war's onset, Muslim clergy and society began to reconsider their isolationist policies, which had been influenced by the colonial policies of the Tsarist administration, in favor of supporting the Russian Empire (Shilovskii, 2015: 269). The leadership of the Muslim faction in the State Duma declared that "Muslims are ready for any sacrifice and, in full unity with all Russian citizens, will fight to the end and defend the honor and integrity of Russia" (Kotyukova, 2010: 102). Early in the war, Muslim committees and charitable societies began to form in various corners of the Russian Empire to raise funds for medical supplies for the wounded and to organize Muslim hospitals. Petrograd became the center for charitable assistance, where in September 1914, the "Society for the Assistance of Wounded Soldiers and Their Families" was established (Petrograd musulman komitetinen, 1915: 2).

From the beginning of World War I, Kazakhs, like representatives of other peoples of the Russian Empire, joined in supporting the government. Analysis of materials shows that the Kazakh population of Kazakhstan actively engaged in collecting aid for soldiers and the families of those conscripted for the war from the very start of the conflict. For instance, a note from September 15, 1914, in the magazine "Aiqap" reported on the charitable activities of Kazakhs from the Turgay and Ural regions and the Bukey Orda.

For example, Kazakhs in the Turgay region collected money from every household to send a sanitary unit of 50 beds to the front and planned to gather 500 horses from the region. Kazakhs from the Bukey Orda, gathered in a mosque on the occasion of Imam Abdigappar's pilgrimage, collected 116 rubles for the war. According to the information from Mullah Dossan Amanshin, beys, elders, and intellectuals from the Kazakh community in the Ural region met on September 5, 1914, to pray for the health of the Tsar and a successful outcome of the war, and proposed collecting one ruble from each family to assist the children of deceased soldiers and wounded soldiers. Thus, during the war, Kazakhs, acting as a unified entity, provided diverse forms of aid to the front. Kazakhs operated under the principle that while others were dying in the war, it was the duty of the people to care for the remaining children (*Sogys ham qazaq, 1914: 2*).

Frequently, donations were collected during cultural and mass events. Residents of Semipalatinsk and Zaisan, for instance, initiated charitable literary evenings, concerts, and theatrical performances. The funds raised were sent to support the Muslim hospital in Petrograd. On February 2, 1915, local Muslims in Zaisan, following a call from Semipalatinsk residents, gathered at a madrasa to discuss ways to raise funds for the organization of the Petrograd Muslim hospital. The meeting was attended by 113 people who decided to elect a committee from among themselves, granting it the authority to seek funds as it saw fit. As a result of the meeting, Ahmed-Zaki Akhtyamov, the imam of the Tatar mosque, was elected chairman of the committee (*Korrespondentsiya, 1915: 4*). Following the meeting, Muslims in Zaisan began actively working to raise funds to aid wounded soldiers. Concerts, plays, and other events were organized. A separate concert and play were held for Muslim women, resulting in the collection of 330 rubles (*Korrespondentsiya, 1915a: 4*).

On February 13, 1915, in Semipalatinsk, a literary charity evening was organized by the local Kazakh intelligentsia at the club of clerks. The event was organized by the first Kazakh journalist, Nazipa Kulzhanova. The evening was mentioned in the magazine "Aiqap" and in the newspapers "Qazaq", "Semipalatinsk Telegraph" and other periodicals. The event featured a presentation on Kazakh literature by the renowned Kazakh lawyer, barrister, and board member of the Muslim Charitable Society of Semipalatinsk, Raiymzhan Marsekov (*Gabdulzhaparov, 1914: 4*). The evening also included an «aitys» (a poetic oral competition) between the popular singer from the steppes, Sary, and the famous Kazakh singer, Birjan Salo. In the second part of the evening, Nazipa Kulzhanova, Tair Zhomartbaev, Mustakym Maldybaev, and Kanysh Satpayev recited poems by well-known Kazakh poets. The evening concluded with songs and a display of illustrations depicting Kazakh heroes in armor and Kazakh women in traditional costumes. The total amount raised from the event was 917 rubles and 69 kopecks. Of this, 277 rubles and 69 kopecks went to organizational expenses, while the remaining 640 rubles were divided equally. One half was sent to the Muslim hospital in Petrograd, and the other half was distributed to needy Kazakh students (*M.M., 1915: 77-79*).

Another form of charity involved theatrical performances organized by Kazakh youth. On January 6, 1916, with permission from the city authorities, Kazakh youth performed with a Kazakh theater at a public gathering in the city of Atbasar. The performance was directed by Sadyk Meshembaev. Since there was no suitable theatrical script in Kazakh, the youth read "Baqytsyz Jamal" by Myrzhakyp Dulatov, although it was not originally written for theater. The performance involved 25 actors, including 17 young men and 8 young women. During the performance, tea and «kumys» (fermented mare's milk) were served to the audience. The performance was very successful and attracted a large number of satisfied viewers. The total income was 513 rubles and 83 kopecks. Half of the proceeds from the performance were donated for war relief, while the other half went to support needy students (*Shopanov, 1916: 2*).

The organization of such cultural and mass events as part of charitable actions also contributed to changing the status of Kazakh women. This was because women were particularly active in organizing charity events. In Semipalatinsk, Zaisan, and other cities, women participated in performances despite prohibitions from Muslim clergy. In Semipalatinsk, charitable evenings for returning soldiers, the sick, and those unable to work were also organized by students of the girls' gymnasium (*TsGA. F. 15. Op. 2. D. 52. L. 15*).

Kazakh periodicals frequently reported on the aid provided by the population of Kazakhstan to war participants and those affected by the war. Significant information is found in reports from high-ranking officials. For example, according to a report on aid collected among Kazakhs in the Ural region for war participants and those affected by the war, from May 9 to July 23, 1915, the region's population provided aid totaling 18,874 rubles and 98 kopecks. Among other sources, funds collected by activists at the Ural and Temir fairs were noted (*Sogysqa qazaq komegi, 1915: 2*). Activists often included intellectuals: educated, respected, and authoritative figures in the region, as well as aksakals (elders). The military governor of the Ural region, Lieutenant General S.S. Khabalov, in decree No.28 dated August 12, 1915, stated that during the summer fair, Kazakh natives of the region, such as Khalel Dosmukhamedov, Zhakysgali Myrzagaliev, Dauletyar Mendybaev, Orynbasar Zholdasbaev, Zhalgozha Mergenov, and Zhanabas Asenov, distinguished themselves in collecting aid for military needs. He expressed his sincere gratitude and recognition for their achievements in charity. According to the report of the governor of Semipalatinsk province, by July 19, 1915, Kazakhs from the province had provided aid totaling 22,615 rubles and 37 kopecks for military needs. This amount included funds collected from Kazakhs across 33 districts, at the Alekseev Fair, and individual donations from private individuals—1,548 rubles and 60 kopecks (*Sogysqa qazaq komegi, 1915a: 2*).

Overall, Kazakhs actively organized collections to support the front from the start of World War I. As reports from governors show, the majority of monetary contributions came from voluntary donations.

For instance, the report from the governor of the Turgay region, published in the newspaper "Qazaq" on February 9, 1916, reflected the amount of aid provided by Kazakhs in the region through the governor from the beginning of the war until February 1, 1916 (Table 1).

Table 1. Donations from the Kazakh Population of the Turgay Region During World War I (Torgai oblysy, 1916: 2)

District	Number of Houses	From November 1, 1914 to January 1, 1916		From January 1 to February 1, 1916		Total Collected by November 1, 1914	
		Rubles	Kopecks	Rubles	Kopecks	Rubles	Kopecks
Kustanai	25865	38011	44	4000		57670	79
Aktobe	28824	17938	71	4000		48248	61
Turgay	17545	31080		4000		41857	80
Irgiz	20912	9623	89	4000		34515	44
From Private Individuals		7737	94			9048	94
						191341	58

This table summarizes the donations made by the Kazakh population of the Turgay region during World War I. The data includes contributions collected from various districts and private individuals over different periods.

From the data in the table, it is evident that, for example, residents of the Kustanai district collected significant sums for the front: from November 1, 1914, to January 1, 1916, 38,011 rubles and 44 kopecks were collected, and from January 1 to February 1, 1916, 4,000 rubles. The total amount collected, including what was gathered before November 1, 1914, was 57,670 rubles and 79 kopecks. In total, the population of the Turgay region donated 191,941 rubles and 58 kopecks for the needs of the front during World War I. In addition to monetary donations, the Kazakhs of Turgay region also sent 500 horses, 12 yurts, and 30,000 hides to assist the front. If these contributions are added to the main monetary donations, it is estimated that around 300,000 units of clothing were provided. Thus, approximately 300,000 Kazakhs from the Turgay region contributed through the governor, not counting the help provided through various committees. Based on the data about the assistance from the Turgay region, one can estimate the scale of support provided by other regions of Kazakhstan (Torgai oblysy..., 1916: 2).

Undoubtedly, the mobilization of Kazakhs for rear work during World War I significantly influenced the intensification of charitable activities among the population of Kazakhstan and the Kazakh intelligentsia by mid-1916. In Kazakhstan, a complex situation arose due to the decree issued by Emperor Nicholas II on June 25, 1916, regarding the mobilization of male "alien" populations aged 19 to 43 for labor in constructing defensive structures near the front lines during World War I (Sobranie zakoneni..., 1916: 1747). According to some sources, more than 500,000 people were to be requisitioned from Turkestan and the Steppe region. Under this decree, Kazakhs, like other "aliens," were required to perform rear duties throughout the Russo-German War along the Western, Northwestern, and Northern fronts from Minsk and Kiev to Riga (Sarmanova et al., 2023). This decree also led to a widespread uprising among the indigenous population in most territories of Central Asia and Kazakhstan, highlighting the crisis of the entire Russian colonial policy (OGA00. F. 10. Op. 2. D. 242. L. 2-5). Kazakh leader Ali Khan Bukeykhan wrote in October 1917 that in this European war, they "fight for the freedom of small nations, so small nations should demand that they fulfill their promises" (GATO. F. P-552. Op. 1. D. 774. L. 73-74).

Despite the tense situation, fundraising for the front continued. An issue of the newspaper "Qazaq" on July 15, 1916, provides detailed information on the funds raised by Kazakhs from the Zaysan district of the Semipalatinsk region for the World War I front. Kazakhs from the Kenderlyk volost collected 4,000 rubles, from the Kabarasuk volost – 2,720 rubles, from the Chilik volost – 8,000 rubles, from the Terisaryk volost – 1,900 rubles, and from the Kalzhyr volost – 3,195 rubles. In total, according to the newspaper, residents of the Zaysan district collected 19,815 rubles (Sogysqa qazaq komegi, 1916: 2).

On August 7, 1916, a private meeting of representatives from the Turgay, Ural, Akmolinsk, Semipalatinsk, and Semirechensk regions was held in Orenburg to discuss the damage caused to agriculture due to the mobilization of men for rear work. The meeting was attended by leaders of the Alash movement, A. Bukeykhan and M. Dulatov. After discussing the causes of the spontaneous uprising, the participants concluded that the people had risen not so much against the decree itself but against the abuses of the colonial administration that had overstepped in implementing the "highest decree." As a result of the meeting, a petition was submitted to the government suggesting postponing the call-up of workers based on regional economic conditions, primarily recruiting non-family men, and establishing a committee to review the mobilization lists (Alash-Orda, 1992: 5-10).

According to the petition, mobilized Kazakh workers should have the right to form labor groups, access medical care, and be under the management of urban and local union institutions – Zemgor (the All-Russian

Zemstvo Union for the aid to sick and wounded soldiers and the All-Russian Union of Cities, created in 1914 to support the Tsarist regime in organizing rear services for the war). Free wagons for transporting clothing and provisions should be provided, and two representatives from each volost should be given passes ([Alash-Orda, 1992: 9-10](#)).

As a result of the meeting, an appeal by Ali Khan Bukeykhan, Akhmet Baytursynuly, and Mirzhakyp Dulatuly to the Kazakh people was published in the August 11, 1916 issue of the newspaper "Qazaq" under the heading "To the Citizens of Alash!" It contained a call to comply with the decree to avoid severe punishment from the government. Thus, the leaders of the Alash movement, warning of the dangers and possible losses from further resistance to mobilization, showed sincere concern for the interests of the Kazakh people in a difficult situation ([Galikhan, Mirjakyp, Akhmet, 1916: 1](#)).

By late September 1916, in compliance with the imperial decree, the first trains with Kazakhs and other "aliens" – Sart, Buryats, Kyrgyz, and others – departed for the Western Front through Petrograd. They were met at the station by Ali Khan Bukeykhan, Mustafa Shokay, Salimgerei Zhanturin, and Kazakh students studying in universities in Petrograd, Moscow, Kiev, and elsewhere. They compiled lists of mobilized individuals with addresses for dispatching rear duty on the three fronts to inform their families. The trains with "aliens" were then accompanied by translators, instructors, and mullahs. The last freight cars contained the horses of the mobilized Kazakhs ([Zhusip, Maslov, 2021: 107](#)).

From September to December 1916, A. Bukeykhan met several times in Moscow with the head of the Zemgor united committee, Prince G.E. Lvov, regarding the transfer of Kazakh cavalymen to the organization's jurisdiction ([Galikhan, 1916: 2](#)). Bukeykhan and his group freely visited their compatriots at their places of service in the front zone. In early 1917, they visited Kazakh cavalymen "requisitioned" from the Turgay, Ural, Semipalatinsk regions, and Astrakhan province. Reports about the service of Kazakh laborers at the front included their addresses ([Galikhan et al., 1917: 3](#)). The Department of Aliens managed to organize uninterrupted delivery to the front of products totaling up to 800-1000 poods, including live stock, clothing, letters, and fresh issues of the newspaper "Qazaq." To send large and heavy cargoes to the front line, it was only necessary to notify the head of the Department of Aliens by telegram ([Bokeikhan, 1917: 2](#)).

Tamimdar Safiev, serving as a representative of the Western Front Committee of Zemgor in the 7th Company, testified to the organization of people's aid for sending food to the front. He wrote: "The people did not forget their cavalymen mobilized to the front. Food intended for Kazakh cavalymen of the 7th Company arrived wagon by wagon. Smoked horse meat – kazy, kart, bags of butter, and much more. After going to Minsk a couple of times, I brought food that had arrived from the steppes. The cavalymen divided it among themselves" ([Safiev, 2015: 3](#)).

While in the front zone with young compatriots, the leaders of Alash, as representatives of the Kazakh people, closely monitored the development of the internal political situation in Russia. The February Revolution found tens of thousands of mobilized workers en route to the front. One of the witnesses of this scene was M. Shokay, who encountered the stranded workers in Penza, Syzran, and Samara. Despite the difficult situation in 1917, one of the frequently raised issues by Kazakh intelligentsia representatives on high political platforms was the demand for the immediate return of mobilized Kazakh workers to rear duties and the cessation of further mobilization. For example, this demand was adopted as a resolution by the All-Kazakh Congress, which took place from April 2 to 8, 1917, in Orenburg, with delegates from six Kazakh regions of the Steppe and Turkestan regions, as well as Tatar, Bashkir, Cossack, and Uzbek delegates ([GARF. F. P667. Op. 1. D. 23. L. 16](#)).

5. Conclusion

Thus, the population of Kazakhstan actively participated in charitable activities during World War I. The assistance provided by the Kazakh people was diverse and included both monetary donations to military hospitals and field units, and spiritual support for soldiers and their families, care for wounded soldiers, and the organization of various cultural and public events. By mid-1916, the mobilization of Kazakhs for rear work during World War I significantly influenced the intensification of charitable activities among the population and the Kazakh intelligentsia. Overall, charity played a crucial role in maintaining the physical and moral strength of the people, contributing to their creative upliftment.

6. Acknowledgements

This work was carried out as part of the grant-funded project by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan AP13067722 "Mobilization of Kazakhs for Rear Work during World War I: New Facts and Materials".

References

- [Alash-Orda, 1992](#) – Alash-Orda: Sbornik dokumentov [Alash-Orda: Collection of documents]. Sostavitel N. Martynenko. Almaty, 1992. 192 p. [in Russian]
[Arapov, 2014](#) – *Arapov, D.Yu.* (2014). Musul'mane Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Muslims of Russia during the First World War]. Islam v mul'ti-kul'turnom mire: Musul'manskie dvizheniya i

- mekhanizmy vosproizvodstva ideologii islama v sovremennom informatsionnom prostranstve: sb. st. Kazan: Izd-vo KFU. Pp. 418-425. [in Russian]
- Asfendiyarov, 1936** – *Asfendiyarov, S.D.* (1936). Natsional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 goda v Kazakhstane [The National Liberation Uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]
- Bokeikhan, 1917** – *Bokeikhan, A.* (1917). Eskererlik is [Registered case]. *Qazaq*. № 218. 16 fevralya. P. 2. [in Kazakh]
- Bokeikhan, 2018** – *Bokeikhan, A.* (2018). Shygarmalary – Sochineniya [Writings]. Astana: «Alashorda» Kogamdyk kory. T. 8. 340 p. [in Kazakh, in Russian]
- Gabdulzhaparov, 1914** – *Gabdulzhaparov* (1914). Pismo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Semipalatinskii krai*. № 30. 6 fevralya. P. 4. [in Russian]
- Galikhan i dr., 1917** – *Galikhan, Myrzagazy, Tel, Musa, Khasen* (1917). Kunbatys maidannan. Zhumysshylar zhaiynan. [Sun from the Western Front. About workers]. *Qazaq*. № 212. P. 3. [in Kazakh]
- Galikhan, 1916** – *Galikhan* (1916). Maskeu (zhumysshylar khakynda) [Moscow (in the case of workers)]. *Qazaq*. № 211, 31 dekabrya. P. 2. [in Kazakh]
- Galikhan, Mirjakyp, Akhmet, 1916** – *Galikhan, Mirjakyp, Akhmet* (1916). Alashtyn azamatyna! [To the citizen of Alash!]. *Qazaq*. № 192, 11 avgusta. P. 1. [in Kazakh]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region].
- Gritsaeva, 2008** – *Gritsaeva, A.N.* (2008). Ispytaniya otechestvennoi blagotvoritelnosti v gody Pervoi mirovoi voyny (1914-1917) [The trials of domestic charity during the First World War (1914-1917)]. *Prepodavatel XXI vek*. 2: 118-122. [in Russian]
- Iskhakov, 2004** – *Iskhakov, S.M.* (2004). Rossiiskie musul'mane i revolyutsiya (vesna 1917 g. – leto 1918 g.). [Russian Muslims and the Revolution (spring 1917 – summer 1918)]. Moskva, 598 p. [in Russian]
- Iskhakov, 2014** – *Iskhakov, S.M.* (2014). Mirovaya voyna i musul'manskaya obshchestvennost v Rossii [The World War and the Muslim community in Russia]. *Vestnik TvGU. Ser.: Istoriya*. 4: 23-37. [in Russian]
- Kashlyak, 2002** – *Kashlyak, V.N.* (2002). Semipalatinsk. Tri veka istorii [Semipalatinsk. Three centuries of history]. Novosibirsk. 368 p. [in Russian]
- Kashlyak, 2004** – *Kashlyak, V.N.* (2004). Khramy Semipalatinska: proshloe i nastoyashchee: (khronologiya sobytii) [Temples of Semipalatinsk: past and present: (chronology of events)]. Semipalatinsk, 610 p. [in Russian]
- Korrespondentsiya, 1915** – Korrespondentsiya. g. Zaisan [Correspondence. Zaisan cities]. *Semipalatinskii telegraf*. 1915. № 42. 24 fevralya. P. 4. [in Russian]
- Korrespondentsiya, 1915a** – Korrespondentsiya. g. Zaisan [Correspondence. Zaisan cities]. *Semipalatinskii telegraf*. 1915. № 64. 21 marta. P. 4. [in Russian]
- Kotyukova, 2010** – *Kotyukova, T.V.* (2010). «Musul'manskii vopros» v Turkestane v nachale XX veka [The “Muslim question” in Turkestan at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. 9: 97-112. [in Russian]
- M.M., 1915** – *M.M.* (1915). Qazaqsha bastapky oiyn [The first game in Kazakh]. *Aiqap*. № 5. 15 marta. Pp. 77-79. [in Kazakh]
- Natsionalnyi vopros..., 2017** – Natsionalnyi vopros i etnicheskie voinskie formirovaniya russkoi armii v gody pervoi mirovoi voyny: monografiya [The national question and ethnic military formations of the Russian army during the First World War: monograph]. N.V. Podpryatov, M.G. Suslov, M.V. Shilovskii, R.O. Saakyan, N.P. Kartseva, N.A. Kopylov, D.M. Sof'in, A.D. Poperechnaya. Perm, 2017. 374 p. [in Russian]
- OGA00** – Obedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- Pervaya mirovaya voyna, 2014** – Pervaya mirovaya voyna i natsionalnyi vopros [The First World War and the national question]: sb. statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Perm, Perm. gos. nats. issl. un-t, 22-23 maya 2014 g.). Perm, 2014. 193 p. [in Russian]
- Petrograd musul'man komitetinen, 1915** – Petrograd musul'man komitetinen [Petrograd Muslim Committee]. *Qazaq*. 1915. № 140. 8 iyulya. P. 2. [in Kazakh]
- Pokotilova, 2023** – *Pokotilova, T.E.* (2023). Blagotvoritelnaya pomoshch postradavshim v khode Pervoi mirovoi voyny: primery obshchestvenno-gosudarstvennogo sotrudnichestva [Charitable assistance to victims of the First World War: examples of public-state cooperation]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 10(4): 614-620. DOI: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.8> [in Russian]
- Rossiya nachala XX veka..., 2021** – Rossiya nachala XX veka v preddverii i v khode Pervoi mirovoi voyny (1913-1917) [Russia at the beginning of the 20th century on the eve and during the First World War (1913-1917)]. M., 2021. 126 p. [in Russian]
- Safiev, 2015** – *Safiev, T.* (2015). 1916 zhyl okigasy [The story of 1916]. *DANakaz*. №5 (19). P. 2. [in Kazakh]
- Sarmanova et al., 2023** – *Sarmanova, S.R., Kozybayeva, M.M., Maslov, K.B.* (2023) Activities of the national intelligentsia to organize assistance to the Kazakhs mobilized for rear work during the First World War. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 144(3): 39-50. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-144-3-39-50>

- Shabley, 2013** – *Shabley, P.S.* (2013). Ocherk po istorii musulmanskikh obshchin Semipalatinska (konets XVIII-XIX vv.). [An essay on the history of the Muslim communities of Semipalatinsk (late XVIII-XIX centuries)]. Kostanai, 76 p. [in Russian]
- Shabley, 2020** – *Shabley, P.S.* (2020). Istoriya tatarskoi obshchiny Semipalatinska [The history of the Tatar community of Semipalatinsk]. *Istoricheskaya etnologiya*. T.5. 1: 75-94. DOI: 10.22378/he.2020-5-1.75-94 [in Russian]
- Shilovskii, 2015** – *Shilovskii, M.V.* (2015). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir [The First World War of 1914-1918 and Siberia]. Otv. red. V.P. Zinovev; Ros. Akad. Nauk, Sib. otd-nie, Institut istorii. Novosibirsk, 330 p. [in Russian]
- Shopanov, 1916** – *Shopanov, D.* (1916). Atbasarda teatr [Atbasar Theatre]. *Qazaq*. № 166, 24 yanvarya. P. 2. [in Kazakh]
- Sobranie uzakonenii..., 1916** – Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitelstva [Collection of laws and orders of the Government]. Otdel 1. № 182, 6 iyulya 1916 g., P. 1747. [in Russian]
- Sogys ham qazaq, 1914** – Sogys ham qazaq [The war and the Kazakhs]. *Aiqap*. 1914. № 17. 15 sentyabrya. P. 2. [in Kazakh]
- Sogys ham qazaq, 1915** – Sogys ham qazaq [The war and the Kazakhs]. *Qazaq*. 1915, № 147. 29 avgusta. P. 2. [in Kazakh]
- Sogyska qazaq komegi, 1915** – Sogysqa qazaq komegi [Kazakh assistance to the war]. *Qazaq*. 1915. № 144. 8 avgusta. P. 2. [in Kazakh]
- Sogyska qazaq komegi, 1915a** – Sogysqa qazaq komegi [Kazakh assistance to the war]. *Qazaq*. 1915. № 147. 29 avgusta. P. 2. [in Kazakh]
- Sogyska qazaq komegi, 1916** – Sogysqa qazaq komegi [Kazakh assistance to the war]. *Qazaq*. 1916. № 189. 15 iyulya. P. 2. [in Kazakh]
- Suleimenov, Basin, 1977** – *Suleimenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1977). Vosstanie 1916 goda v Kazakhstane (prichiny, kharakter, dvizhushchie sily) [The uprising of 1916 in Kazakhstan (causes, character, driving forces)]. Alma-Ata, 164 p. [in Russian]
- Torgai oblysy..., 1916** – Torgai oblysy qazaqtarynyn sogys bastalgannan beri gubernator arqyly memleketimizge bergen komekterinin esep-kisaby [Calculation of the assistance provided by the Kazakhs of the turgai region to the state through the governor since the beginning of the war]. *Qazaq*. 1916. № 168. 9 fevralya. P. 2. [in Kazakh]
- TsGA** – Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Tsiunchuk, 2015** – *Tsiunchuk, R.A.* (2015). Musulmanskaya fraktsiya IV Gosudarstvennoi Dumy nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny [The Muslim faction of the IV State Duma on the eve and during the First World War]. Pervaya mirovaya voina i Gosudarstvennaya Duma: materialy mezhd. nauch. konf. (g. Kazan, 17–18 okt. 2014 g.). M. Pp. 211-220. [in Russian]
- Tursunov, 1962** – *Tursunov, Kh.T.* (1962). Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane [The 1916 Uprising in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, 426 p. [in Russian]
- Vosstanie..., 1960** – Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane: Sb. Dokumentov [The Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan: Collection of documents]. Otv. red. A.V. Pyaskovskii. M., 1960. 794 p. [in Russian]
- Zhusip, Maslov, 2021** – *Zhusip, S., Maslov, Kh.* (2021). Istoricheskie aspekty uchastiya kazakhov v Pervoi mirovoi voine [Historical aspects of the Kazakhs' participation in the First World War]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «edu.e-history.kz»*. №3 (27). [Electronic resource]. URL: <https://edu.ehistory.kz/ru/publications/view/1666> [in Russian]

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1975-1986
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1975

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charitable and Volunteer Practices in the Conditions of the First World War (based on the Materials of the Southern Rear Provinces – Rostov-on-Don, Astrakhan, Tsaritsyn, Kuban Volosts)

Irina N. Litvinova ^{a, *}, Oksana A. Karagodina ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article highlights important aspects of the results of search and research work with the materials of the newspaper fund of the Russian National Library (St. Petersburg) and documents of the archival funds of Rostov-on-Don, Saratov (southern counties) on the problem of charity and volunteerism during the World War I, which took place in the southern cities of the country. The time frame is the study of social practices that existed in the first years of the war (1914–1915) in the province. The authors consider the forms of information work with the population in war conditions, as well as the agitation appeals of government structures to compatriots typical for this time, who called for unity on the basis of common goals and values. It was revealed that the government encouraged patriotic and philanthropic upsurge in provincial society and co-financed the work of individual charitable associations. The following forms of charitable activity are characterized: financial, material, volunteer, as well as the types of the most common mass actions aimed at solving existing problems of material and financial support for the army and war victims, including from "fraternal Slavic" countries. It is determined that the most effective form of work in the field of philanthropy was the newly created societies and committees of a social orientation at the first stage of the World War. Public structures have become the "pinnacle" for the implementation of joint activities of citizens on a voluntary basis in Rostov-on-Don, Novocherkassk, Astrakhan, Tsaritsyn, Kuban region. At the same time, the public club fees, which were elementary for the arrangement and cost of implementation, had their effect and provided a worthy contribution to the support of the army and the civilian population in war conditions.

Keywords: World War I, patriotic agitation, appeals, assistance, charitable practices, volunteering, southern cities, civil society.

1. Введение

1 августа исполнилось 110 лет со дня начала Великой войны, которую в России называли Второй Отечественной. Период мировой войны охарактеризовался значительными нововведениями. Прежде всего, это было связано с глобальными масштабами ведения боевых действий, внедрением новой техники и передовых способов вооруженных операций, направленных на уничтожение живой силы и материальных средств противника. Однако наряду с существенными новшествами и переменами появились совершенно новые подходы и средства ведения операций, не связанные с боевыми действиями. Данные методы были нацелены на психологическое воздействие на врага, отчасти на своих граждан – жителей тыла и на воинов, находившихся на передовой линии фронта. Это так называемая информационная составляющая войны, актуальная на современном этапе, но, как и прежде, сосредоточенная на подавлении моральных сил противника и утрате его способности к сопротивлению и, напротив, на укреплении боевого духа, упорства и стремления к победе фронтовиков-соотечественников, а в гражданском обществе – на упрочении чувства патриотизма и

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina)

долга перед воинами-защитниками. Подобная деятельность подразумевала распространение в социуме доходчивых взглядов, аргументов и ярких фактов, целенаправленно оказывающих влияние на сознание и настроения людей.

Особую актуальность результатов патриотической агитации в историческом прошлом приобретали всеобщие отклики населения, выразившиеся в виде активной благотворительной помощи на нужды войны, больным и раненым воинам, их семьям. Данные практики не утратили свою остроту и важность в наши дни, несмотря на появление новейших технологий в сфере связи и массовых коммуникаций. В целом подобная деятельность периода Мировой войны в наши дни характеризуется как «латентное воздействие информации на индивидуальное, групповое и массовое сознание при помощи методов пропаганды, манипулирования с целью формирования новых взглядов на социально-политическую организацию общества через изменение ценностных ориентаций и базовых установок личности» (Кунакова, 2012: 93).

Ключевую роль в управлении информационным процессом играли люди, т. е. кадры, ставшие новаторами в профессиональной деятельности или, согласно современной интерпретации, – в сфере публичной коммуникации и освоении эффективных приемов во благо осуществления внутренней политики государства. В частности, при ставке Верховного Главнокомандующего было создано Бюро печати, которое готовило агитационную продукцию и распространяло ее по всей стране, а также собирало информацию, поступающую из стран военного блока союзников, как и государств-противников. Впоследствии стали появляться различные варианты «прикрепления» корреспондентов ведущих российских и иностранных газет к Ставке Верховного Главнокомандующего (Абдрашитов, 2015: 6).

Решению задач по развитию боевого духа и укреплению ценностного сознания способствовали приемы и средства работы с населением, отличавшиеся своим разнообразием и, в первую очередь, при помощи печатной продукции – газет, журналов, листовок, плакатов военной и социальной тематики. Широкое распространение получили устные краткие, но эмоциональные выступления риториков, несших в массы необходимую и нужную Ставке и правительству информацию повсеместно: в общественных организациях, заводских цехах, в гимназиях и училищах, театрах и электро-театрах, на городских площадках. Однако чаще использовались такие формы обращения к согражданам, как призывы на тех же плакатах и в газетах, побуждающие к какому-либо действию по оказанию поддержки армии и населению, пострадавшему от войны. Некоторые новые общественные структуры именно таким образом, с помощью призывов в печати, и обращались к соотечественникам: призыв Отдела пропаганды идей «Общества 1914 г.», призыв Общества «За Россию», Общества «Война и мир» (Призыв..., 1916; Призыв Общества..., 1916; Устав..., 1914).

Призывы к населению часто встречаются в региональной прессе Астрахани, Ростова-на-Дону, Саратова, Таганрога, Царицына, Новочеркасска. Прежде всего, они взывают о помощи в форме массовых сборов денежных средств и вещей на нужды фронтовиков и раненых, находившихся на лечении в лазаретах, для других конкретных категорий или же в пользу запланированных мероприятий.

Подобная форма коммуникации с населением использовалась губернскими комитетами земского и городского союзов, городскими управами, дамскими комитетами и местными комитетами Красного Креста. Самые же лаконичные из них – «На табак воинам!», «Саратов – вечным воинам». Или можно привести пример более многословного призыва о сборе средств: «Астрахань – населению разоренных окраин. Желających участвовать в сборах просят ПРИДТИ СЕГОДНЯ 28 мая в дом г. Губернатора от 10 до 2–х ч. дня» (Астрахань – населению, 1915: 1).

Интерес для нашего исследования представляют волонтерские и благотворительные практики, имевшиеся в городах Области войска Донского, Кубани, Астрахани и уездов Саратовской губернии как результаты и итоги призывов и агитационной пропаганды в российском обществе. Данный авторский подход, который мы относим к новизне, отражает реальные исторические события, связанные с ростом добровольной активности соотечественников, их консолидации на основе общественной и частной благотворительности в условиях войны. Статья вводит в научный оборот новые первоисточники, составленные непосредственно участниками событий и добровольных мероприятий времен Мировой войны, в частности, это отчеты Татьянинского Донского областного комитета, Царицынского Дамского комитета, отчеты по именным койкам; материалы докладов Комитета Марии Павловны и другое. Все это делает тему исследования актуальной и востребованной в наши дни.

2. Материалы и методы

Источниковую основу исследования составляют материалы фондов Российской национальной библиотеки – газетный фонд, а также доклады, журналы комитетов, плакаты; источники из Государственного архива Ростовской области (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация) и Государственного архива Саратовской области (г. Саратов, Российская Федерация), где отложились документы общественных и общественно-государственных структур, оказывавших помощь населению в условиях Первой мировой войны. В качестве важных источников по проблеме

исследования стали рубрики газет «Местный отдел» или «Краевая хроника» в «Вестниках» – Астраханском, Саратовском и газете «Приазовский Край» за 1914–1916 гг. (обычно это 3-я или 4-я страницы изданий). В материалах данных разделов отражены важные факты из значимых событий и повседневной жизни провинциального общества южных городов. Прежде всего, это множество патриотических призывов губернских властей и структур, различных комитетов и обществ к населению по оказанию помощи гражданским и воинам; опубликованные отчеты по кружечным и вещевым сборам, отчеты по содержанию именных коек. Из материалов ГАРО в статье нашли отражение документальные источники фонда №444 «Донской областной отдел Всероссийского Комитета помощи пострадавшим от войны» (Татьянинский Комитет); из документов ГАСО – материалы фонда №176 «Саратовское губернское по делам об обществах присутствие» (благотворительные общества южного волжского уезда – г. Царицына).

В процессе исследования применялся документальный анализ архивных и опубликованных источников по заявленной теме, методом которого является познание документированной информации в целях извлечения исторически значимых сведений. Проведен анализ собранного фактологического материала, содержащегося в документах по благотворительным и волонтерским практикам периода Первой мировой войны, бытовавшим в южных регионах страны. Сами документы используются в качестве первоисточника информации. В работе использовались логические методы дедукции и индукции, историко-системный метод исследования, т.к. любая благотворительная структура представляет собой систему и подчиняется определенным законам внутренним (уставу) и внешним (Временные Правила об обществах и союзах, Верховный Комитет, распоряжения правительства, губернских и областных властей). Благотворительная организация или комитет как система активно взаимодействуют со средой и другими обществами социальной направленности, имеют с ними много общего и включены в единое целое общей системы. Методологической базой работы стали принципы научного исследования: историзм и объективизм, которые позволяют видеть исторические процессы, происходившие в гражданском обществе в условиях войны в их реальном развитии и взаимосвязи.

3. Обсуждение

Феномен отечественной благотворительности периода Первой мировой войны на сегодняшний день является востребованной темой для исследователей. Значимый интерес вызывают направления, формы общественной и частной помощи, а также конкретные категории населения, кому устремлена была эта весомая поддержка от сограждан. С драматическими событиями Первой мировой войны была связана организация многих обществ, комитетов и волонтерских групп, состоявших при них. Исследования общественных организаций, их социальных практик, направленных в помощь населению, пострадавшему от военных действий, нашли отражение в трудах известных в России и за рубежом ученых – Г.Н. Ульяновой (Ульянова, 2005; Ульянова, 2014) и А.С. Тумановой (Туманова, 2012). В монографии Г.Н. Ульяновой проанализированы законодательные основы функционирования благотворительных обществ и реализации частных пожертвований, а также рассмотрены региональные особенности развития филантропии. Заслуженой является впервые воссозданная «национальная модель довоенной российской благотворительности» и данная ей оценка (Ульянова, 2005). Достижения автора мы также связываем с определением и обоснованием трех основных этапов в формировании общественных организаций в России пореформенного периода. В частности, благотворительные практики периода Первой мировой войны относятся к третьему этапу (1906–1917 гг.), начало которого связано с принятием Временных Правил об обществах и союзах (1906 г.) и признанием на государственном уровне важной роли «общественной самодеятельности», что особенно ярко выразилось в военные годы. Г.Н. Ульянова подчеркивает, что связанная с образом действий и поступков филантропическая активность гражданского общества во время Первой мировой войны достигла небывалого подъема (Ульянова, 2014). Исследователь А.С. Туманова анализирует проблему функционирования общественных организаций, рассматривая их как базовую составляющую «мобилизованного общества» времен Первой мировой войны. Для нашего исследования наибольший интерес представляют авторские характеристики деятельности публично-правовых структур военных лет (ВЗС, Земгор, ВПК), но также обществ частной инициативы (Туманова, 2012). Автору на основании целого пласта источников удалось воссоздать «жизненный цикл организованного военного социума» и проанализировать результаты его жизнедеятельности.

Вопросам информационной войны и пропаганды стран-участниц Первой мировой войны, причем с обеих сторон, посвящена работа Э.Е. Абдрашитова (Абдрашитов, 2015). Автор подчеркивает значимость пропагандистской работы в условиях войны, а также важность таких качеств, как грамотность и профессионализм тех, кто занимался ее реализацией на местах. Как мы понимаем, нужны были подготовленные специалисты в городских и волостных отделах, чего зачастую не было. Тем не менее, мы не разделяем мнение автора о том, что «Власти России не до конца осознавали важность укрепления пропагандистской работы как внутри страны, так и за ее пределами», и его неоднократное подчеркивание неудачи российской пропаганды «из-за социокультурных

особенностей русского общественного сознания», выражаясь конкретно, из-за поголовной неграмотности населения (Абдрашитов, 2015: 8).

Исследованный материал, т. е. многие отчеты публичных сборов и конкретных организаций в помощь воинам и населению, верноподданнические письма в редакции газет от представителей донского и кубанского казачества, работников железных дорог, служащих торговых домов и других учреждений, а также опубликованные письма-благодарности от фронтовиков за заботу, свидетельствуют об обратном. Мы настаиваем на противоположном мнении: результаты агитационной пропаганды в социуме были вполне успешны, особенно в первые два года войны.

Из зарубежных авторов для нас наибольший интерес представляют научные труды А. Линденмайер – американского профессора университета Вилланова. Автор опубликовала ряд работ, посвященных вопросам истории российской благотворительности, и в статьях задавала тон дискуссионным вопросам. Например, «комитеты и общества, которые в регионах возглавляли губернаторы и их супруги, – кого они представляют – государство или общество?» (Линденмайер, 2008: 98). Автором была затронута проблема благотворительной деятельности периода Мировой войны. Подчеркивалось, что после принятия Временных правил благотворительный сектор развивался высокими темпами, практически в каждом из губернских и областных центров к 1917 г. действовало по несколько десятков благотворительных заведений и организаций (Линденмайер, 2008).

Следовательно, проблематика благотворительности, ее развития в тяжелейших условиях Мировой войны нашла отражение в трудах известных российских и зарубежных авторов. Тем не менее, вопросам о бытовавших в провинции благотворительных и волонтерских практиках, имевших особый южный колорит, посвящено мало научных трудов. В этой связи наше исследование, выполненное на основе новых документальных источников, может представлять интерес как для историков, краеведов, так и для сотрудников благотворительных организаций и специалистов социальной сферы.

4. Результаты

В рамках информационной составляющей в условиях войны следует отметить главные задачи агитационной пропаганды – донесение населению «правильных» взглядов на происходящие события. Разумеется, эти задачи предполагали укрепление ценностей, направленных, прежде всего, на высмеивание трусости, глупости и жадности врага, его армии и, напротив, восславление подвига русских воинов посредством наглядных материалов. Среди агитационных приемов важное место занимали карикатурные сатирические картинки и традиционные лубки (Михаленко, 2023: 55). Отметим еще одно новшество: до Первой мировой войны яркие красочные плакаты использовались в основном для рекламы продукции торгово-промышленных фирм, но в рассматриваемый период плакаты, в первую очередь, стали средствами агитации против врага. Все значимые мероприятия массового сбора не обходились без оформления плакатами столов и отведенных мест, где стояли кружки или где волонтеры принимали вещи и продукты. Сами кружечные сборы, связанные с военной тематикой, имели собственные марки, привязанные к определенным общественным организациям и комитетам, а волонтерам-сборщикам повязывалась широкая лента через плечо обязательно с надписью темы сборов – «Нахичевань – беженцам армянам» или «Царицын – Сербии» и др.

Сегодня средства наглядной агитации, в т.ч. открытки или письма-секретки, значки и марки кружечных сборов являются ценными и интересными источниками по изучению социальной истории Первой мировой войны и процессов, происходивших в обществе. Как было отмечено, важными источниками по исследованию филантропических практик является местная хроника, публиковавшаяся в газетах, материалы которых охватывают сведения о прошедших или будущих мероприятиях, а также патриотические призывы к населению о помощи армии, лазаретам, пострадавшим от войны категориям населения. Главное, печать содержит итоги таких призывов – отчеты, находящиеся в открытом доступе, по массовым сборам и конкретным событиям. Открытки и плакаты социально-патриотической тематики вызвали сочувствие и сопереживание у сограждан за судьбу Отечества, Русскую Армию, за «братьев славян», детей воинов, что способствовало подъему патриотических настроений у населения.

Важную лепту в укреплении духовно-нравственных устоев общества вносили священнослужители своими наставлениями и проповедями на приходах, в храмах, работой приходских попечительских советов. Например, только в Астраханской епархии в ноябре 1914 г., т. е. через три месяца после начала войны, действовало уже 200 попечительных советов «о семействах лиц, призванных в ряды войск». Их работа «выразилась в сборах пожертвований и выдаче пособий 1810 семействам, в размере 4288 р. 11 к.» (Ведомство Православного..., 1914: 181). Однако тема «Православная Церковь в годы Первой мировой» войны столь глубока, что требует отдельного рассмотрения.

В первые годы войны предпринимаемые меры агитационной пропаганды были весьма действенны и отличались высоким духом патриотизма в гражданском обществе, преданностью Отечеству и стремлением отстаивать его интересы вплоть до победного конца. Вот, например, обычное рекламное объявление о торговле, опубликованное в «Астраханском Вестнике»: «Патриотические открытки (народный юмор) с карикатурами на военные темы, с текстом. Пишите

только на них. Распространяйте их в возможно большем количестве!» ([Патриотические открытки, 1915: 4](#)). В следующих номерах «Вестника» рекламируются патриотические пластинки и ноты, открытки с карикатурами на Кайзера, открытки со стихами того же торгового дома. Еще заметка: «Императорское патриотическое общество в Петрограде предложило на днях А.Ф. Грицыной в ст. Цимлянкой Донской обл., продажу патриотических марок 1, 3, 7, 10-копеечного достоинства, доход с которых поступает в пользу раненых воинов (Соб. кор.)» ([Патриотические марки, 1914: 4](#)).

Среди просмотренных и изученных источников из многих вариантов обращений к населению, на наш взгляд, наиболее эмоционально окрашен для восприятия августовский призыв 1914 г. Городской управы Ростова-на-Дону: «Граждане Ростова! В Великий момент, переживаемый нашей дорогой Родиной, Городское Управление обращается к Вам с горячим призывом о единении. Тысячи наших сограждан призваны под славные знамена русской армии, защищать Отечество и веру от дерзкого нападения врагов. Наша обязанность обеспечить исполнение их Святого долга». Далее идет призыв к согражданам исполнить свой долг также честно и прийти на помощь их семьям: «Жертвуйте кто, чем и сколько может – всякая жертва Благо! Нужны большие средства: деньги, одежда, съестные припасы» ([Ведомости..., 1914: 1](#)).

Результаты откликов в обществе на патриотические призывы к соотечественникам по укреплению высокого духа гражданственности отчасти проявлялись в форме создания новых общественных социальных объединений в виде добровольческих и филантропических союзов и других форм социальных практик. С началом войны общество было вынуждено перестроить свою деятельность в сфере институтов общественной самоорганизации различных направлений (медицинских, благотворительных, попечительных, просветительских) и быть «мобилизованным» для обеспечения нужд армии и раненых бойцов, семей фронтовиков. Многие новые общества были ориентированы на помощь конкретным категориям населения. Например, «Попечительный Комитет по оказанию помощи беднейшим семьям призванных на действительную службу нижних чинов» (с. Басы Черноярский уезд Астраханской губернии), «Саратовский Дамский Комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам» или приметное для нашего времени название организации «Царицынское Общество по призрению и попечению детей воинов 2-ой Отечественной войны». Достойный внимания факт: среди учредителей последнего из названных обществ по призрению детей значатся три представителя разных сословий: врач А.П. Попов в чине надворного советника (соответствует потомственному дворянству), крестьянин В.П. Баланин и купец второй гильдии И.К. Мухин ([ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 527. Л. 1, 4](#)).

Методы информационной пропаганды, агитационно-патриотические воззвания и эмоциональные речи риториков, способствовали сплочению сограждан. Это было время активного формирования волонтерских групп при благотворительных структурах, общин сестер милосердия при местных отделениях Общества Красного Креста. В то же время в иерархическом обществе в процессе работы в благотворительных организациях, при проведении публичных акций происходило объединение граждан на основе единых целей. В этой связи вполне разделяем мнение автора И.Б. Беловой о том, что в период Мировой войны «претерпела изменения организационная сторона благотворительности, что выразилось, прежде всего, в массовом приближении "обывателя" к участию в благотворительной деятельности, ставшей важной составляющей общественной жизни военного периода» ([Белова, 2012](#)).

События того времени, как и судьбы воинов и союзных держав, волновали простых обывателей. В краевых хрониках газет имеется немало информации об отклике народа на военные события того времени. Приведем один лишь примечательный факт из газеты «Приазовский край», сохраняя орфографию. «Попечительством хутора Морозова, Донской области было собрано 480 пудов гирки и гарновки (казачьи термины – сорта пшеницы в южной России). Из них 80 пудов роздано семьям воинов... Вырученные за продажу хлеба 350 руб. отосланы окружному атаману в пользу раненых воинов. Попечительством хутора собрано по подписному листу И.А. Игнатъева в пользу пострадавшей Сербии 13 руб.50 коп.». Казалось бы, где Сербия и далекие Балканы, и где находится этот хутор Морозов станицы Николаевской? ([Для армии и Сербии, 1914: 4](#)).

Следовательно, агитационно-патриотическая работа возымела свое действие на формирование в стране масштабной филантропической деятельности как посредством общественных ассоциаций, так и тщанием частных лиц. Уже в первые дни войны 1914 г. стали учреждаться общества, содействующие поддержке армии и семьям призванных на войну для оказания медицинской помощи больным и раненым. В губернских центрах юга с новой силой возобновилась работа отделений «Общества повсеместной помощи раненым на войне солдатам и их семьям» (основано еще в начале 1906 г.), руководили которыми, как правило, губернаторы и вице-губернаторы.

Перестраивалась экономика. Почти за год до создания ВПК в первые же недели войны хозяева 53 предприятий Области Войска Донского заявили о своей готовности работать на военные заказы ([Немова, 2015](#)). Все было подчинено военному времени, которое стало настоящим испытанием на прочность для волонтерских групп и активистов общественных комитетов, организаций. Для координации усилий государственной и общественной деятельности был организован

Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, который возглавляла императрица Александра Федоровна.

Отделения комитетов великих княгинь Елизаветы Федоровны, Марии Павловны, княжны Татьяны Николаевны вели огромную работу в регионах. Источниками денежных средств отделений столичных союзов в южных губерниях, как и комитетов княгинь, являлись правительственные субсидии, т. е. ассигнования Верховного Совета, и, конечно же, отчисления местных организаций земств и городов, благотворительные сборы.

Материалы о деятельности Комитета Марии Павловны значительно реже встречаются в литературе в сравнении с Елизаветинским, Татьянинским или Романовским комитетами. Тем не менее, это была значимая структура для раненых воинов, находившихся на выписке из лазаретов. Организация снабжала одеждой выбывших по ранению воинов нижних чинов и выписанных из лазаретов для отправки домой. Сохранились агитационные плакаты и открытки того времени, призывающие население участвовать в сборах одежды и кружечных сборах на данные цели (см. [Рисунок 1, 2, 3](#)).

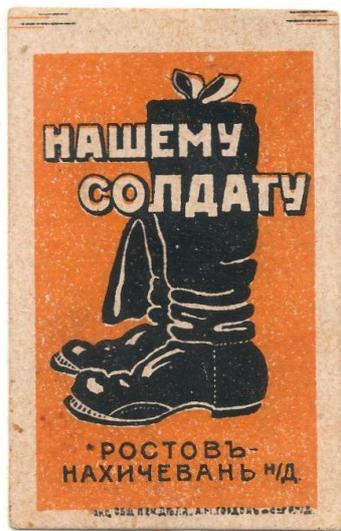

Рис. 1, 2. Плакаты кружечного сбора на теплые вещи. Ростов-на-Дону. 1915 г.

Рис. 3. Кружечный сбор «День флагов», Август 1914 г.

Особо острая необходимость имелась в приобретении теплых вещей для зимнего времени воинам, демобилизованным по ранению, «...отправляемых на родину навсегда с военной службы». Комитет занимался организацией пошива и приобретением у населения ватных пальто, шуб и

полушубков, перчаток, шапок и др. (Доклад..., 1915: 20). На каждом эвакуационном пункте и крупных железнодорожных вокзалах городов имелись вещевые склады этой структуры. В Докладе Комитету Марии Павловны о проделанной работе за 2,5 месяца нового 1915 г. особо обозначено высокое качество верхней одежды, поступавшей со складов вокзалов Астраханской и Саратовской губерний, отдельно отмечено качество и комплектность экипировки для донских и волжских казаков, приготовленных и собранных членами дамских организаций Астрахани и Саратовской губернии. Причина несоответствия обмундирования, выдаваемого со многих других складов, состояла в том, что казачья одежда, особенно зимняя, отличалась особым кроем, а «форма должна соответствовать казачьему, а не армейского образцу» (Доклад..., 1915: 24).

Первая мировая война оказала большое влияние на трансформацию гендерных ролей и на формирование нового социального статуса женщин. Следует отметить, что женщины занимали значимое место в процессе донесения важной информации обществу, в том числе посредством наглядной агитации с помощью той же печатной продукции – газетных заметок и статей, а также распространением плакатов, раздачи листовок, а при массовых сборах – марок, открытых писем (открыток). Причем последние пользовались у населения особой популярностью: «открытки успешно продавались миллионными тиражами на почте и в магазинах, на ярмарках и выставках разного профиля» (Громова, 2018).

При организации кружечных и тарелочных сборов в обмен на пожертвования волонтеры вручали гражданам флажки, значки и, в зависимости от времени года, бумажные или живые цветы. По существу кружечный или тарелочный сбор представлял собой вид массового сбора денег на благотворительные цели, причем начало ему положено в империи еще в 1840-х гг. Однако наибольшую распространенность и широкий размах кружечные сборы получили во время мировой войны опять-таки не без помощи воздействия информации «на индивидуальное, групповое и массовое сознание методами агитационной пропаганды». В регионах за губернаторами была закреплена надзорная функция по осуществлению социальной деятельности общественной и частной благотворительности, в том числе за всеми мероприятиями массовых сборов и пожертвованиями в пользу благотворительных структур (Ануфриев, 1916: 27). Участники сборов проверялись на благонадежность, особенно представители беженских национальных организаций. Помогала информационная пропаганда – официально объявленные в прессе и на плакатах афишных тумб даты и места массовых сборов средств и вещей, особенно приуроченные к тезоименитству или ко дню рождения особ императорского дома. Так, например, в конце весны 1915 г. состоялся масштабный трехдневный уличный вещевой и кружечный сбор, организованный Комитетом Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Сбор был приурочен ко дню рождения Татьяны Николаевны (29 мая по старому стилю) и длился с 29 по 31 мая «во всех городах и местечках Российской империи» (ГАРО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 19. Л. 10). Имеются сведения о количестве денежных средств, собранных Донским областным отделением Комитета – всего 10 434 руб. 10 ¹/₂ коп. В том числе самая большая сумма поступила от сборов 2-го Донского окружного комитета – 3 815 руб. 21 коп. Новочеркасским окружным комитетом было собрано 1 611 руб. 75 ¹/₂ коп., Таганрогским – 1 491 руб. 07 коп., Константиновским – 1 111 руб. 54 коп., Донецким – 966 руб. 53 коп., Сальским – 786 руб. 12 коп., Александро-Грушевским – 442 руб. 73 коп., Усть-Медведицким – 193 руб. Свою лепту в общий сбор также внесло Романовское благочиние – 12 руб. 15 коп. (ГАРО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 19. Л. 1).

Помимо денежных средств, окружными и местными комитетами были собраны различные вещи: ситцевые и шелковые платки, полотенца, полушалки, шали, юбки, платья, кофты, жилетки, пальто, кальсоны, брюки, мужские и женские сорочки, детские платья, детские туфли, «теплушки», «завески», «настольники», скатерти, простыни, тужурки.

Итоги сборов, распространения лотерей, билетов по квитанционным книжкам подлежали строгой отчетности, но были в свободном доступе для наблюдения общественности, т.к. отчеты публиковались в газетах. В частности, результаты дня кружечного сбора 27 апреля 1915 г. «Астрахань – увечным воинам» составили 9 672 р. 33 к., здесь «участвовало более 800 кружек». Подведение итогов этого сбора в газете заняло колонку на двух страницах, причем с указанием суммы каждого номера кружки, от №1 до №830 (Астрахань – увечным, 1915: 4). В декабрьских номерах газет подводились итоги деятельности многих общественных структур и проводимых акций, мероприятий. На наш взгляд, для исследователей представляют интерес материалы о содержании именных коек – это еще одно новшество социальной помощи населения в годы Первой мировой войны. Приведем сведения из отчета казначея «Комитета по оказанию помощи раненым и больным воинам» городов Ростова и Нахичевани-на-Дону. В отчете за даты с 1-го по 18 декабря 1915 г. значатся на содержании одного из лазаретов «постоянные кровати», отмечено, что это – четвертый взнос, в основном по 60 руб., на содержание коек. Всего перечислено 20 постоянных жертвователей, среди которых фамилии частных лиц и представителей торгово-промышленных фирм: «от торгового дома «С. Генч-Оглуев и И. Шапошников» четвертый взнос выражен был 240 руб., такую же сумму составил четвертый взнос от Акционерного общества табачной фабрики «В.И. Асмолов и К°», от Дамского кружка 136 пехотного Таганрогского полка – 60 руб. (Именные койки, 1914: 4).

Во многих мероприятиях военного времени дамы и барышни принимали участие на волонтерских началах. Женщины активно проявляли свои организаторские способности в деле развития благотворительных структур, в подготовке волонтеров для организации тех же массовых сборов денежных средств и всех необходимых вещей с целью оказания материальной помощи армии и соотечественникам, пострадавшим от военных действий. Обществом Красного Креста и женскими общественными организациями шла подготовка девушек для служения в лечебных стационарах в качестве сестер милосердия по уходу за ранеными.

Дамским общественным структурам, действующим в южных районах страны, посвящено недостаточно исследовательских работ. Тем не менее в отчетах центральных комитетов отмечается труд астраханских и ростовских дамских организаций, устроивших на собственные средства швейные мастерские, склады с необходимыми вещами для фронтовиков, также для раненых, находившихся на излечении. Подчеркивается высокая организация госпитальных попечительств в губерниях (Астрахань, Саратов, Ростов-на-Дону) и эффективность их работы в области «удовлетворения материальных нужд госпиталей и в том числе в деле вещевого помощи, уходящим на родину раненым» (Доклад..., 1915: 26). Особо отмечена деятельность Астраханского Дамского Комитета, действовавшего при городской управе и возглавляемого супругами губернатора и вице-губернатора С.И. Соколовской и Е.К. Максимовой. Как отмечается, «дамы организовали работу в тесном взаимодействии с губернским Воинским начальником, и взяли на себя бесплатное снабжение одеждой раненых, находившихся на излечении в лазаретах» (Доклад..., 1915: 23).

Впервые авторам удалось разыскать сведения о двух дамских казачьих кружках, но их действовало больше в волостях и городах Области Войска Донского и на Кубани. В частности, найдена следующая информация о работе такой организации в г. Новочеркасске – столице Донского казачества: «Дамский казачий кружок на 6-ой неделе (поста) отправляет пасхальные подарки донским казакам на передовые позиции на Восточно-пруссском фронте. Желаящие послать подарки в виде белья, сапог, чая, сахара, табаку, сала, колбас, запеченных яиц и куличей, благоволят передать посылаемое не позже 10 марта». Далее указан адрес сбора (Дамский казачий..., 1915: 4).

Как правило, сферой деятельности дамских комитетов и кружков являлись: организация сборов денежных средств, теплых одеял, табака, чая, продуктов, перевязочных материалов, упаковка собранного и отправка в воинские части, а также пошив белья для лазаретов. При всем том дамские организации порой решали более ответственные задачи. Согласно материалам документального источника, 3 августа 1914 г. в Царицыне на собрании из 11 женщин, которые в основном были женами крупных коммерсантов и гласных городской думы, решено было создать «Дамский комитет» под председательством Н.В. Рудухиной. На ее призыв к общественности «широкой волной потекли пожертвования деньгами, материалом и женским трудом по изготовлению белья и одежды» (Отчет Царицынского..., 1915: 3). На следующем заседании дамы постановили оборудовать лазарет для раненых на 25 коек с операционной, перевязочной, кабинетом врачей, с подсобными помещениями – ванной комнатой, кухней и столовой. На данный призыв откликнулись 6 врачей, «с предложением работать бесплатно», т. е. на волонтерских началах. Был приглашен фельдшерский, сестринский и «низший» персонал. Все эти сведения «запротоколированы 16 августа 1914 г.» (Отчет Царицынского..., 1915: 3). К концу года под патронатом Комитета действовало уже два лазарета на 45 коек. Примечательны факты: 2-этажное здание для лазарета №1 и большое помещение для лазарета №2 были переданы Дамскому комитету на безвозмездной основе. По лазарету №1 Комитету сделан «подарок» коммерсантами Гурьевым М.В. с супругой и врачами Галиновской С.И. с Шапиро Л.Б.; по лазарету №2 – помещение получено «от А.К. Репникова и гг. офицеров 187 Аварского полка (бывшее Офицерское Собрание)» (Отчет Царицынского..., 1915: 4).

Женщины-волонтеры работали в пунктах сбора и на складах хранения всего собранного от населения – предметов одежды, гигиены, продуктов для фронтовых частей. Вещи необходимо было принять, осмотреть, рассортировать, а затем упаковать в ящики для отправки в воинские части. Например, неделя сбора теплых вещей для фронтовиков в Астраханской губернии должна была проходить в октябре 1914 г., с 19-го по 26-е число, однако поступление вещей из уездов продлилось до середины января следующего года. Всего волонтерами было заготовлено и упаковано теплых вещей, а также табака, папирос, чая, кисетов и др. в количестве 1 738 ящиков. Добровольческий труд представительниц женских организаций в пунктах приема начинался с 6 ч. утра и длился до 8 ч. вечера (Отчет Астраханского..., 1915: 4). Наибольшую активность в данном мероприятии проявили Дамский кружок Реального училища, руководитель О.П. Ленс, «Дамский комитет по изготовлению теплых вещей для армии», председательница – Е.К. Максимова (она же впоследствии председатель Правления «Астраханского общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям»); «Армянское женское Благотворительное Общество» – председательница Л.И. Меликенцева и другие организации. Всего же данное мероприятие дало «прихода в рублях» с учетом поступивших вещей – 51 893,44 руб. (Отчет Астраханского..., 1915: 10). Это была значительная цифра в условиях военного времени.

5. Заключение

Таким образом, анализ фактологического материала документальных источников позволил выявить основные тенденции в сфере социальной поддержки жертв военных действий – формы и направления помощи, бытовавшие в южных тыловых провинциях. В первые годы Мировой войны государство и гражданское население сконцентрировали совместные усилия на оказании помощи армии, раненым воинам и всем категориям населения, пострадавшим от военных действий. Принимаемые правительством меры в сфере агитационно-патриотической работы с населением оказались действенными, и верноподданнический дух был характерен для представителей всех сословий, а само гражданское общество отличалось высоким подъемом патриотических чувств, преданностью Отечеству и стремлением отстаивать его интересы вплоть до победного конца. Плакаты, открытки патриотического содержания, материалы рубрик газет того периода, значки и марки кружечных сборов являются ценными и интересными источниками для изучения социальной истории Первой мировой войны и происходивших процессов в рядах гражданского населения южных российских городов. В то же время они стали прямыми свидетельствами бытовавших в то время волонтерских и благотворительных практик в сфере общественной инициативы. Граждане, стремясь отозваться на нужды своего Отечества, на основе общих интересов массово включались в реализацию общественно значимых целей – публичные сборы необходимых средств и вещей в пользу воинов и их семей, раненых, беженцев. Причем действовали они не только под патронатом августейших особ, но и самостоятельных местных организаций. Весомый вклад в поддержку жертв войны внесли дамские комитеты и кружки.

Принципиально не рассматриваем в нашей статье вопросы о массовых беспорядках, недовольствах населения дороговизной продуктов, дефицитом сахара и медных монет на последнем для России этапе войны, особенно в период правления Временного правительства. Этой тематике посвящено достаточно литературы как советского, так и постсоветского периода.

Достоверно известно из источников, что массовые сборы в пользу пострадавших категорий населения продолжались в церквях до конца 1917 г., как и молебны о спасении державы Российской и утлении раздоров.

Во всех экстремальных и сложных для страны ситуациях в разные эпохи филантропические цели были близки подавляющему большинству граждан России.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-28-01304 «Волонтерские и благотворительные практики российского общества в экстремальных условиях жизнедеятельности (первая четверть XX и XXI веков): сравнительный анализ».

Литература

Абдрашитов, 2015 – Абдрашитов Э.Г. Формирование пропагандистского аппарата в годы Первой мировой войны (опыт России и зарубежных стран) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2015. № 3. С. 5-9.

Ануфриев, 1916 – Ануфриев Н.П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России / *Вопросы административного права*. Кн. 1. Москва: Т-во Тип. А.И. Мамонова, 1916. С. 15-45.

Астрахань – населению, 1915 – Астрахань – населению // *Астраханский Вестник*. 1915. 28 мая.

Астрахань – увечным, 1915 – Астрахань – увечным // *Астраханский Вестник*. 1915. 29 апреля.

Белова, 2012 – Белова И.Б. Благотворительность в Российской провинции в период Первой мировой войны: региональный аспект. Studylib [Электронный ресурс]. URL: https://studylib.ru/doc/2315485/belova-i.b.-blagotvoritel._nost._v-rossijskoj-provincii-v (дата обращения: 08.08.2024).

Ведомости..., 1914 – *Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Управы*. № 14 от 14 августа 1914 г.

Ведомство Православного..., 1914 – Ведомство Православного исповедания // *Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. № 4. Заседание 13 ноября. 1914 г.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Громова, 2018 – Громова А.В. Российская благотворительность под покровительством императорского дома Романовых. Пермский государственный архив социально-политической истории [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/doklady-romanovskie-hteniya-2019-2/gromova-statya.html> (дата обращения: 08.08.2024).

Дамский казачий..., 1915 – Дамский казачий кружок // *Приазовский край*. 1915. 6 марта.

Для армии и Сербии, 1914 – Для армии и Сербии // *Приазовский край*. 1914. 27 декабря.

Доклад..., 1915 – Доклад Главноуполномоченного Сенатора Белецкого Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Марии Павловне, от 15 марта 1915 года / *Материалы, относящиеся к*

деятельности Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны по снабжению одеждою нижних чинов, увольняемых на родину из всех лечебных заведений Империи. Петроград. Государственная Типография. 1915. 35 с.

[Именные койки, 1914](#) – Именные койки // *Приазовский Край*. 1914. 24 декабря.

[Кунакова, 2012](#) – *Кунакова Л.Н.* Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // *Альманах современной науки и образования*. 2012. № 6 (61). С. 93-96.

[Линденмайер, 2008](#) – *Линденмайер А.* Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. 436 с.

[Михаленко, 2023](#) – *Михаленко Н.В.* Принципы подготовки агитационных плакатов Первой мировой войны // *Парадигма: философско-культурологический альманах*. 2023. № 39. С. 53-60.

[Немова, 2015](#) – *Немова В.В.* Организация благотворительной помощи на Дону солдатам в годы Первой мировой войны / *Вопросы исторической науки: материалы III Международной научной конференции*. Москва, 2015. С. 106-109.

[Отчет Астраханского..., 1915](#) – Отчет Астраханского губернского комитета по организации недели сбора теплых вещей, белья, табаку и прочего для отсылки в действующую армию, на передовые позиции. 1915. 67 с.

[Отчет Царицынского..., 1915](#) – Отчет «Царицынского Дамского Комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам». С 5-го августа 1914 г. по 1-е января 1915 г. 1915. 37 с.

[Патриотические марки, 1914](#) – Патриотические марки // *Астраханский Вестник*. 1914. 21 декабря.

[Патриотические открытки, 1915](#) – Патриотические открытки // *Астраханский Вестник*. 1915. 10 марта.

[Призыв Общества..., 1916](#) – Призыв Общества «За Россию». Москва, 1916.

[Призыв..., 1916](#) – Призыв Отдела пропаганды идей «Общества 1914 г.». Петроград, 1916.

[Туманова, 2014](#) – *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.

[Ульянова, 2005](#) – *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи: XIX - нач. XX в.: монография. Ин-т рос. истории. Москва: Наука, 2005. 415 с.

[Ульянова, 2014](#) – *Ульянова Г.Н.* Филантропическая активность общества / *Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис*. Москва, 2014. С. 446-468.

[Устав..., 1914](#) – Устав общества «Война и мир». Петроград, 1914.

References

[Abdrashitov, 2015](#) – *Abdrashitov, E.G.* (2015). Formirovanie propagandistskogo apparata v gody Pervoi mirovoi voiny (opyt Rossii i zarubezhnykh stran) [Formation of the propaganda apparatus during the First World War (experience of Russia and foreign countries)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 3: 5-9. [in Russian]

[Anufriev, 1916](#) – *Anufriev, N.P.* (1916). Pravitel'stvennaya reglamentatsiya obrazovaniya chastnykh obshchestv v Rossii [Government regulation of the formation of private societies in Russia]. *Voprosy administrativnogo prava*. Kn. 1. Moskva: T-vo Tip. A.I. Mamontova. Pp. 15-45. [in Russian]

[Astrakhan' – naseleniyu, 1915](#) – Astrakhan' – naseleniyu [Astrakhan – to the population]. *Astrakhanskii Vestnik*. 1915. 28 maya. [in Russian]

[Astrakhan' – uvechnym, 1915](#) – Astrakhan' – uvechnym [Astrakhan – to the crippled]. *Astrakhanskii Vestnik*. 1915. 29 aprelya. [in Russian]

[Belova, 2012](#) – *Belova, I.B.* (2012). Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi provintsii v period Pervoi mirovoi voiny: regional'nyi aspekt. Studylib [Charity in the Russian province during the First World War: regional aspect]. [Electronic resource]. URL: https://studylib.ru/doc/2315485/belova-i.b.-blagotvoritel._nost._v-rossijskoj-provincii-v (date of access: 08.08.2024). [in Russian]

[Damskii kazachii..., 1915](#) – Damskii kazachii kruzhok [Ladies' Cossack Circle]. *Priazovskii krai*. 1915. 6 marta. [in Russian]

[Dlya armii i Serbii, 1914](#) – Dlya armii i Serbii [For the army and Serbia]. *Priazovskii Krai*. 1914. 27 dekabrya. [in Russian]

[Doklad..., 1915](#) – Doklad Glavnoupolnomochennogo Senatora Beletskogo Eya Imperatorskomu Vysochestvu Velikoi Knyagine Marii Pavlovne, ot 15 marta 1915 goda [Report of the Chief Commissioner Senator Beletsky to Her Imperial Highness Grand Duchess Maria Pavlovna, dated March 15, 1915]. *Materialy, otnosyashchiesya k deyatelnosti Komiteta Eya Imperatorskogo Vysochestva Velikoi Knyagini Marii Pavlovny po snabzheniyu odezhdoyu nizhnikh chinov, uvol'nyaemykh na roдинu iz vsekh lechebnykh zavedenii Imperii*. Petrograd. Gosudarstvennaya Tipografiya. 1915. 35 p. [in Russian]

[GARО](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archives of the Rostov Region].

[GASO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of the Saratov region].

Gromova, 2018 – *Gromova, A.V.* (2018). Rossiiskaya blagotvoritel'nost' pod pokrovitel'stvom imperatorskogo doma Romanovykh [Russian charity under the auspices of the imperial house of the Romanovs]. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. [Electronic resource]. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/doklady-romanovskie-chteniya-2019-2/gromova-statya.html> (date of access: 08.08.2024). [in Russian]

Imennye koiki, 1914 – Imennye koiki [Named beds]. *Priazovskii Krai*. 1914. 24 dekabrya. [in Russian]

Kunakova, 2012 – *Kunakova, L.N.* (2012). Informatsionnaya voina kak ob"ekt nauchnogo analiza (ponyatie i osnovnye kharakteristiki informatsionnoi voiny) [Information war as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information war)]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 6(61): 93-96. [in Russian]

Lindenmaier, 2008 – *Lindenmaier, A.* (2008). Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: Novye dokumenty i issledovaniya [Charity in the history of Russia: New documents and research]. SPb.: Nestor-Istoriya, 436 p. [in Russian]

Mikhlenko, 2023 – *Mikhlenko, N.V.* (2023). Printsipy podgotovki agitatsionnykh plakatov Pervoi mirovoi voiny [Principles for the preparation of campaign posters of the First World War]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh*. 39: 53-60. [in Russian]

Nemova, 2015 – *Nemova, V.V.* (2015). Organizatsiya blagotvoritel'noi pomoshchi na Donu soldatam v gody Pervoi mirovoi voiny [Organization of charitable assistance on the Don to soldiers during the First World War]. *Voprosy istoricheskoi nauki: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moskva. Pp. 106-109. [in Russian]

Otchet Astrakhanskogo..., 1915 – Otchet Astrakhanskogo gubernskogo komiteta po organizatsii nedeli sbora teplykh veshchei, bel'ya, tabaku i prochego dlya otsylki v deistvuyushchuyu armiyu, na peredovye pozitsii [Report of the Astrakhan provincial committee on organizing a week of collecting warm clothes, linen, tobacco and other things for sending to the army, to the forefront]. 1915. 67 p. [in Russian]

Otchet Tsaritsynskogo..., 1915 – Otchet «Tsaritsynskogo Damskogo Komiteta po okazaniyu pomoshchi bol'nym i ranenym voynam» [Report of the "Tsaritsyn Ladies' Committee for assistance to sick and wounded soldiers"]. S 5-go avgusta 1914 g. po 1-e yanvarya 1915 g. 1915. 37 p. [in Russian]

Patrioticheskie marki, 1914 – Patrioticheskie marki [Patriotic stamps]. *Astrakhanskii Vestnik*. 1914. 21 dekabrya. [in Russian]

Patrioticheskie otkrytki, 1915 – Patrioticheskie otkrytki [Patriotic cards]. *Astrakhanskii Vestnik*. 1915. 10 marta. [in Russian]

Prizyv Obshchestva..., 1916 – Prizyv Obshchestva «Za Rossiyu» [Call of the Society "For Russia"]. Moskva, 1916. [in Russian]

Prizyv..., 1916 – Prizyv Otdela propagandy idei «Obshchestva 1914 g.» [Call of the Propaganda Department of the "Society of 1914"]. Petrograd, 1916. [in Russian]

Tumanova, 2014 – *Tumanova, A.S.* (2014). Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 327 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2005 – *Ul'yanova, G.N.* (2005). Blagotvoritel'nost' v Rossiiskoi imperii: XIX - nach. XX v.: monografiya [Charity in the Russian Empire: XIX - beginning XX century: monograph]. In-t ros. istorii. Moskva: Nauka, 415 p. [in Russian]

Ul'yanova, 2014 – *Ul'yanova, G.N.* (2014). Filantropicheskaya aktivnost' obshchestva [Philanthropic activity of the society]. Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis». Moskva. Pp. 446-468. [in Russian]

Ustav..., 1914 – Ustav obshchestva «Voina i mir» [Charter of the Society "War and Peace"]. Petrograd, 1914. [in Russian]

Vedomosti..., 1914 – *Vedomosti Rostovskoi-na-Donu Gorodskoi Upravy* [Statements Rostov-on-Don City Council]. № 14 ot 14 avgusta 1914 g. [in Russian]

Vedomstvo Pravoslavnogo..., 1914 – Vedomstvo Pravoslavnogo ispovedaniya Department of the Orthodox Confession]. *Zhurnal Verkhovnogo Soveta po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voynu, a takzhe semei ranenyykh i pavshikh voynov*. № 4. Zasedanie 13 noyabrya. 1914 g. [in Russian]

Благотворительные и волонтерские практики в условиях Первой мировой войны (на материалах южных тыловых провинций – Ростова-на-Дону, Астрахани, Царицына и волостей Кубани)

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}, Оксана Александровна Карагодина ^a

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова), karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина)

Аннотация. Статья освещает важные аспекты результатов поисково-исследовательской работы с материалами газетного фонда Российской национальной библиотеки (СПб) и документами архивных фондов г. Ростова-на-Дону, г. Саратова (южных уездов) по проблеме благотворительности и волонтерства периода Первой мировой войны. Авторами рассмотрены формы информационной работы с населением в условиях войны, а также характерные для данного времени агитационные призывы властных и общественных структур, взывавших к сплоченности граждан на основании единых целей и ценностей. Выявлено, что власть поощряла патриотический и филантропический подъем в провинциальном обществе и софинансировала работу отдельных благотворительных ассоциаций. Охарактеризованы формы благотворительной деятельности (финансовая, материальная, волонтерская), а также виды наиболее распространенных массовых акций, направленных на решение существовавших проблем по материальному и финансовому обеспечению армии и жертв войны, в том числе из «братских славянских» стран. Определено, что наиболее эффективной формой работы в сфере филантропии являлись вновь созданные на первом этапе Мировой войны общества и комитеты социальной направленности. Общественные структуры стали «вершиной» для осуществления совместной деятельности граждан на добровольной основе в Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Астрахани, Царицыне, Кубанской области. В то же время публичные кружечные сборы имели свой эффект и обеспечивали достойный вклад в дело поддержки армии и гражданского населения в условиях войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, патриотическая агитация, призывы, помощь, благотворительные практики, волонтерство, южные города, гражданское общество.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1987-1994
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1987

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Quality of Life of the Lower Ranks as a Factor in the Combat Readiness of the Russian Army during the First World War

Pavel S. Seleznev ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The presented study examines the impact of the quality of life of the lower ranks of the Russian Imperial Army during the First World War on their combat effectiveness. The research methodology is based on elements of comparative diachronic, genetic and structural analysis. The source base of the work was formed by involving two groups of sources - previously unpublished materials from the funds of the Russian State Military Historical Archive (Moscow, Russian Federation) and personal sources. The author concludes that the quality of life significantly affected the combat effectiveness of the lower ranks of the Russian army during the First World War, but for most of this chronological period it was not of decisive importance. Noticeable problems with the equipment of trenches and shelters, shortages of footwear and other items of clothing, living conditions during the movement of large masses of troops, as well as the ability to quickly maintain contact with relatives through correspondence were significantly felt in the active army even before the start of the supply system crisis in late 1916 – early 1917. But until the autumn of 1916, there were no widespread trends in the troops towards a decline in morale, refusal to participate in combat operations, etc. It is also important to note that before the food crisis in the rear in late 1916 – early 1917, problems with the supply of food to the troops were not systemic. Quality of life could only become a critical factor in ensuring the combat readiness of the lower ranks after the beginning of 1917, when the consequences of the general economic crisis associated with the disruption of the supply of basic necessities to the population were superimposed on the general fatigue of servicemen from the protracted nature of the hostilities, associated with the lack of a clear understanding among soldiers and non-commissioned officers of the prospects for ending the conflict in the foreseeable future.

Keywords: World War I, quality of life, supply, lower ranks, combat readiness, soldiers, non-commissioned officers.

1. Введение

Традиционно тема качества жизни нижних чинов Русской императорской армии в период Первой мировой войны исследовалась преимущественно в рамках изучения влияния этого фактора на политический процесс либо в контексте изысканий по истории повседневности, носящих во многом, скорее, реконструкторский характер (т. е. ориентированных на описание и фиксацию фактов без дальнейшей глубокой аналитической обработки). Как следствие, вопрос о влиянии качества жизни на боеспособность нижних чинов, в особенности в разрезе состояния конкретных воинских формирований, исследовался чаще всего лакунарно.

Также для изучения данной темы характерен достаточно высокий уровень политизации. В рамках дискуссии вокруг ревизии научного наследия советской историографической традиции ее участники зачастую стремятся не столько к достоверной оценке доступного источникового материала, сколько к опровержению выводов исследователей, которых они рассматривают в качестве своих

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev)

политических оппонентов (как правило, это характерно для заочных диспутов между противниками и симпатизантами коммунистической идеологии и/или Советского Союза).

Все это обуславливает высокую актуальность заявленной темы и необходимость проведения дополнительных изысканий в данном направлении.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования была сформирована за счет использования двух групп источников:

– Неопубликованных ранее материалов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва, Российская Федерация): документы Канцелярии Военного министерства, Главного штаба, Главного управления Генерального штаба, Главного интендантского управления, Военно-политического и гражданского управления при Верховном Главнокомандующем и пр.;

– Источников личного происхождения (мемуаров и дневников М.М. Богословского, М.М. Винавера, И.И. Колышко, А.В. Бельгарда, М. Палеолога, А.И. Деникина и др.) (Бельгард, 2009; Богословский, 2011; Винавер, 1926; Деникин, 1990; Колышко, 2009; Палеолог, 1991).

Методологическая основа исследования выстроена за счет комбинации элементов диахронного анализа (давшего возможность изучить динамику качества жизни в армии и ее особенности на конкретных участках фронта), генетического анализа (позволившего изучить факторы качества жизни военнослужащих с учетом специфики обстоятельств их происхождения) и структурного анализа (применявшегося в рамках систематизации ключевых детерминант качества жизни нижних чинов в действующей армии).

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема исследовалась преимущественно либо в контексте изучения власти и политических партий относительно вопросов обеспечения армии, либо в рамках обобщения личного опыта участников боевых действий (Балашев, 1915; Кондурушкин, 1915; Ксюнин, 1916; Муйжель, 1915). Данные исследования чаще всего испытывали на себе влияние социально-политической конъюнктуры и страдали от отсутствия широкой источниковой базы. Помимо того, выводы их авторов чаще всего можно было экстраполировать только на ситуацию на конкретных участках фронта на протяжении ограниченного хронологического отрезка. Также имело место влияние цензуры и самоцензуры.

В советский период вопросы качества жизни нижних чинов в период Первой мировой войны изучались в контексте влияния на политический процесс, а также в рамках оценки результатов военных реформ и реализации программ подготовки армии к «большой войне» (Авдеев, 1982; Аврех, 1989; Алексеева, 1990; Алкснис, 1927; Ахун, Петров, 1929; Вержховский, 1964; Зайончковский, 1926; Лаверычев, 1967; Никитин, 1949; Флоринский, 1988; Черменский, 1976; Шепелев, 1987). При этом исследователи были вынуждены адаптировать свои выводы к положениям официальной идеологии, что предполагало приведение оценок в соответствие с мнениями представителей руководства партии большевиков-современников Первой мировой войны.

Большинство современных исследователей затрагивают вопросы качества жизни нижних чинов в русле оценки влияния этого фактора на динамику общественных настроений, эффективность агитационно-пропагандистских мероприятий и развитие внутриэлитных конфликтов по кадровым и иным управленческим решениям (Авилов, 2016; Айрапетов, 2003; Айрапетов, 2014; Аксенов, 2020; Асташов, 2012; Белова, 2011; Булдаков, 2014; Гайда, 2008; Залесский, 2000; Иванов, 2006; Кряжев, 2000; Меннинг, 2016; Тютюкин, 2008; Шацко, 2000; Шелохаев, 1996; Юдин, 2014).

Соответственно, заявленная тема достаточно редко подвергалась изучению в качестве самостоятельного предмета исследования. Также можно отметить, что на протяжении периода развития ее историографии исследователи чаще всего испытывали в той или иной форме воздействие социально-политической конъюнктуры.

Все это свидетельствует о необходимости проведения дополнительных изысканий по данной теме.

4. Результаты

Одним из специфических элементов системы качества жизни нижних чинов на фронте являлось состояние оборонительной линии, с точки зрения удобства нахождения внутри ее элементов. Так, окопы зачастую рыли «в песке», не укрепляя их должным образом, вследствие чего в траншеях часто имели место обвалы земли. Также в окопах появлялось большое количество воды, удалять которую солдатам приходилось вручную, при помощи ведер (количество доступных насосов было крайне ограничено). В первую очередь, это касалось подразделений, дислоцированных в районе Полесья – региона, для которого в целом характерно широкое распространение болотистых почв. Высокий уровень сырости способствовал тому, что солдаты иногда были вынуждены неделями ходить в грязной одежде (что в сочетании с низкой периодичностью смены белья крайне негативно

отражалось на их самочувствии) (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 217, 219; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 274об., 285–288).

Недостаточно оборудованные укрепления также минимизировали для нижних чинов возможность защиты от холода, жары и ветра. Согласно донесениям цензоров, в переписке с родными нижние чины зачастую ставили сырость в окопах в один ряд с обстрелами противника в качестве угрозы для жизни, а некоторые даже выражали надежду на то, что ранение может избавить их от необходимости терпеть соответствующие лишения (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 503; Д. 2937. Л. 120–122об.; Д. 3856. Л. 55–57об.; Д. 3863. Л. 265об., 266, 271, 276об., 294, 358, 359).

Личное время военнослужащих, предназначенное для отдыха, приходилось расходовать на проведение саперных работ, сложность которых зачастую существенно возрастала из-за отсутствия или дефицита необходимых инструментов (особенно остро это ощущалось в ходе боевых действий в 1915 г.). Ситуацию усугубляло то, что саперные работы зачастую приходилось вести под обстрелами, совершая переходы протяженностью 10–15 километров до передовой линии и обратно, в том числе и в ночное время. В некоторых случаях дополнительное оборудование окопов сочеталось с проведением учений, что увеличивало степень физического истощения нижних чинов (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 110, 111, 123, 125, 187, 188, 230; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3858. Л. 31, 32; Д. 3863. Л. 289–291об.).

Вплоть до сентября 1916 г. остро стоял вопрос наличия внутри оборонительных линий достаточного количества укрытий: частые изменения линии фронта препятствовали строительству долговременных сооружений. Следствием этого становилась высокая скученность людей в землянках и ухудшение санитарных условий. Дороговизна либо отсутствие свечей и керосина приводили к тому, что в землянках возникали проблемы с освещением. Как следствие, сокращалось время на проведение занятий с личным составом, исчезала возможность для чтения газет и писем. Особенно остро проблемы с освещением ощущались в частях, относившихся к Северному фронту в осенний период (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 135, 184, 187об., 188; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2933. Л. 202, 235, 751; Д. 2937. Л. 198; Д. 3856. Л. 287–288об.; Д. 3863. Л. 51, 187, 188, 415–415об.).

Хуже всего оборонительные укрепления подготавливались на Юго-Западном фронте. Здесь обозначенные недостатки были ликвидированы как массовое явление только к осени 1916 г. На прочих участках Восточного фронта европейского театра военных действия русское командование сумело исправить ситуацию ко второй половине весны 1916 г. (Палеолог, 1991: 170; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 127, 171; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 910, 917, 918; Д. 2937. Л. 9, 312, 339; Д. 3856. Л. 22, 23).

Недостатки системы оборонительных сооружений усиливала специфика погодных условий. Основная масса призывников состояла из выходцев из великорусских губерний, для которых была характерна устойчивость погодных условий. Однако в случае Прибалтики, Украины и Белоруссии климатические условия часто менялись, что создавало дополнительный дискомфорт для личного состава (Кольшко, 2009: 135; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 331–335; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 597–598об.).

Низкое качество большинства прифронтовых дорог и дефицит транспортных средств, ощущавшийся на протяжении большей части периода боевых действий, существенно отражались на качестве жизни нижних чинов в период активных передвижений воинских частей. Так, солдаты и унтер-офицеры были вынуждены за несколько дней пересекать пространство протяженностью до 200–300 километров. Во время переходов военнослужащие часто лишались обуви из-за того, что она приходила в негодность, а оперативно заменить ее не представлялось возможным из-за отсутствия запасов. В процессе движения войск далеко не всегда командование должным образом обеспечивало питание и ночлег нижних чинов, результатом чего становился рост числа заболевших. Перевозка воинских частей по железной дороге также была сопряжена с существенным снижением качества жизни. В условиях дефицита вагонов, подвижного состава и топлива военнослужащим зачастую приходилось ехать в условиях большой скученности (иногда – стоя) без обогрева (Деникин, 1990: 115; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 2935. Л. 642, 643; Д. 2937. Л. 157, 158, 279, 280, 282, 302, 339, 345, 366, 420; Д. 3856. Л. 170б.,; Д. 3863. 134, 298, 396).

Значимой проблемой на протяжении всего периода боевых действий оставалась нехватка дров во многих подразделениях, что затрудняло приготовление горячей пищи и организацию обогрева личного состава (Винавер, 1926: 90; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 222, 241; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 642, 683; Д. 2937. Л. 157, 174).

Длительное время система интендантств достаточно успешно справлялась со снабжением войск продовольствием, в особенности по сравнению с периодом Русско-японской войны. Нормы довольствия в действующей армии гарантировали энергоемкость ежедневного рациона военнослужащих на уровне приблизительно 4,4 тыс. килокалорий. Помимо того, в течение второй половины 1915 г. верховное командование прибегло к крупномасштабной реквизиции продуктов питания на оставляемых противнику территориях. Также военнослужащие активно использовали возможность приобретать еду у гражданского населения за наличные деньги. Иногда нижние чины получали возможность питаться за счет местных жителей во время праздников. Имелись и случаи мелкого мародерства во время стоянок вблизи населенных пунктов (Богословский, 2011: 78; Головин,

2001: 89; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 26-29, 30, 45; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 151. Л. 449,450; Д. 2935. Л.75-776об.).

Однако постепенно на снабжение армии начали влиять общие для продовольственного рынка кризисные тенденции, связанные с ростом масштабов спекуляции зерном, нехваткой подвижного состава, вагонов и топлива, ростом загруженности железных дорог и срывом заготовки продуктов по линии министерства земледелия. Зима 1916-1917 гг. была отмечена резким снижением качества и количества поступающих в войска продуктов питания. Как отмечали военные цензоры, в декабре 1916 – январе 1917 гг. число писем в тыл, содержавших упоминания о нехватке продовольствия в войсках, во многих частях превысило уровень 80 % от общей массы исходящей корреспонденции. Накануне Февральской революции прирост числа писем с жалобами на плохое питание или даже полное отсутствие новых поставок продовольствия более чем в 20 раз превысил аналогичный показатель периода начала войны (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 2, 36об., 7, 99об., 200, 202, 419; Д. 3863. Л. 163об., 189об., 190).

При этом вплоть до осени 1915 г. цензорами было зафиксировано всего несколько жалоб на систематическую нехватку либо плохое качество продуктов питания. Упоминания эпизодических проблем, оперативно устраненных командованием, в данном случае не учитываются. При этом следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о фронтовых частях, а не о тыловых соединениях (последние снабжались продовольствием заметно хуже) (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 188-190; Д. 561. Л. 39, 207, 212; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л.420, 421).

Затем количество жалоб выросло до более 10 в месяц в среднем. Но с конца июня 1916 г. число жалоб на проблемы с обеспечением продовольствием начало постепенно увеличиваться. Пика показатель достиг в январе 1917 г., когда только из одних только соединений Юго-Западного фронта поступило более 50-ти сообщений. Жалобы касались как сокращения реального размера выдаваемых продовольственных норм, так и изменения их структуры (в частности, привычные крупы заменялись бобовыми, а мясо и птица – дешевыми видами рыбы) (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 9-11; Д. 3863. Л. 17, 18, 188об., 195-199).

Большое влияние на качество жизни солдат и унтер-офицеров оказывала ситуация со снабжением войск одеждой и обувью. К моменту начала войны интендантство было ориентировано на то, что конфликт будет носить интенсивный, но краткосрочный характер, в силу чего долгосрочные планы военного руководства не предполагали создания дополнительных запасов обуви и обмундирования. Как следствие, уже зимой 1914-1915 гг. возникли ошутимые проблемы с поставками теплой одежды (в первую очередь, теплых шинелей) в войска. Ситуацию усугубляло то, что в начальный период войны боевые действия носили преимущественно маневренный характер, результатом чего становились проблемы с логистикой. Роль негативного фактора, повлиявшего на качество вещевого обеспечения, играло также сравнительно невысокое качество организации процесса стирки одежды. Оно влекло за собой не только консервацию затруднений с распространением паразитов (вшей), но и заметно растягивало период предоставления сменной одежды, включая исподнее белье (Бельгард, 2009: 123; Головин, 2016: 112; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 125-128, 225, 242; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2931. Л. 76, 78; Д. 2935. Л. 338, 401, 478, 683).

К моменту завершения «великого отступления» 1915 г. качество вещевого довольствия нижних чинов продолжало оставаться значимой проблемой. По большей части соответствующие недостатки являлись прямым результатом планирования высшего командования в довоенный период, но в отдельных случаях имело место и недобросовестное отношение к обязанностям со стороны высших офицеров, возглавлявших конкретные части. Так, имели место случаи того, что командование передавало большую и лучшую часть одежды в условные «смотровые» части, чтобы произвести положительное впечатление на руководство конкретной армии или фронта (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 47, 65-68об., 79, 85, 100; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 292-307).

Высшее военное руководство прилагало усилия для исправления ситуации, однако приоритетный характер затруднений со снабжением войск оружием и боеприпасами в априорном порядке придавал проблеме обеспечения вещевым довольствием второстепенный характер. В данном случае важно отметить, что, несмотря на масштабы распространения проблем с качеством, наличием и стиркой одежды, сами нижние чины в переписке с родными не относили их к числу основных (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 337; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 377;. Д. 3871. Л. 4, 15, 29, 70-71).

Куда больше их волновали, например, вопросы обеспечения обувью. Необходимость часто совершать дальние пешие переходы и распространение сырости в окопах превращало наличие обуви нужного качества в значимую проблему. В отдельных случаях имел место и дефицит портянок. При этом дефицит сырья и проблемы с логистикой приводили к тому, что во многих соединениях, в особенности в летнее время, появлялись целые «босые команды» на уровне рот. Проблему пытались решить за счет поставок в армию обмоток и ботинок, но это не оказало существенного влияния на ситуацию из-за падения качества обуви. Как результат, во время длительного ухудшения погоды и в ходе активного маневрирования воинских частей резко возрастало число жалоб со стороны нижних чинов на качество обуви, сопровождаемое упоминанием увеличения количества заболевших либо

получивших травмы военнослужащих (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 36–39; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 49, 70об., 82, 102, 227).

Значимым фактором качества жизни нижних чинов являлась и работа почты. Постепенно усиление цензуры и рост дефицита транспорта способствовали тому, что средняя продолжительность периода получения письма уже к концу 1915 г. увеличилась до трех недель. При этом зачастую цензоры осознанно задерживали отправку писем, рассчитывая, что это приведет к снижению актуальности потенциально ценной для противника информации (РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 275–281; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 192; Д. 2935. Л. 52–55, 583, 584, 912–917). В источниках также фиксируются случаи пропажи денежных вложений. В некоторых случаях и вовсе имело место уничтожение корреспонденции с фронта. Значимое воздействие на самочувствие войск также оказывали факты задержки, пропажи либо повреждение посылок, многие из которых доставлялись с опозданием в 4–6 месяцев (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 219–225; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 256–259; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 380, 380об.).

В целом можно отметить, что первоначально нижние чины достаточно редко заостряли внимание на обозначенных негативных моментах качества жизни на фронте в рамках переписки с родными и презентовали их комплексным образом. В течение первого года войны доля писем, содержащих признаки угнетенного состояния, по данным цензоров, менялась в пределах от 2 % до 4 % в зависимости от конкретного фронта. Однако с конца 1915 г. ситуация начала постепенно меняться в сторону ухудшения. Резкий характер данная тенденция приобрела осенью 1916 г., когда доля писем с признаками угнетенного состояния начала стремительно расти (по ряду почтовых контор показатель увеличился более чем до 20 %). При этом нельзя сказать, что именно низкий уровень отдельных показателей качества жизни был ведущей детерминантой этого процесса. Лейтмотивом писем негативного плана являлась, скорее, усталость от затяжного характера конфликта. В пределах Одесского военного округа в октябре 1916 г., например, доля писем соответствующего содержания достигала 50 %. Одновременно среди воинских подразделений начали распространяться специфические настроения, носители которых выражали готовность участвовать в оборонительных боях («держат фронт»), но отказывались переходить в наступление (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 112, 114об., 117–119).

В соответствии с данными отчетов цензоров по конкретным армиям за период с октября 1916 по январь 1917 г., нижние чины указывали в качестве причин недовольства войной ее продолжительность и отсутствие четких перспектив ее завершения в обозримой перспективе (данный тезис встречался в пределах от 55 до 70 % общего числа писем в тылу). Условные лишения как причина недовольства отмечались лишь в трети отправленных домой сообщений (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 112–126).

5. Заключение

На основании этого мы приходим к выводу о том, что качество жизни существенным образом влияло на боеспособность нижних чинов Русской императорской армии в период Первой мировой войны, но на протяжении большей части обозначенного временного отрезка не имело определяющего значения. Существенные проблемы с оборудованием укрытий, нехваткой обуви и одежды, условиями жизни в ходе транспортировки войск, а также возможностью оперативно поддерживать связи с домом посредством переписки, значимо ощущались в действующей армии еще до начала кризиса снабжения зимы 1916–1917 гг. Однако вплоть до осени 1916 г. в войсках в массовом порядке не фиксировались тенденции к падению морального духа, отказу от участия в боевых действиях и т.д. Также важно отметить, что до начала продовольственного кризиса в тылу в конце 1916 – начале 1917 гг. проблемы со снабжением войск продуктами питания не носили системного характера.

На основании этого можно предположить, что качество жизни могло обрести характер критически значимого фактора при обеспечении боеготовности нижних чинов лишь после начала 1917 г., когда последствия общего кризиса экономики, связанного с нарушением снабжения населения предметами первой необходимости, наложились на общую усталость военнослужащих от затяжного характера боевых действий.

Литература

- Авдеев, 1982 – Авдеев В.А. После Мукдена и Цусимы // *Военно-исторический журнал*. 1982. № 8. С. 2–9.
- Авилов, 2016 – Авилов Р.С. Военные реформы в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны (1910 – лето 1914 гг.) // *Русский сборник*. 2016. № XIX. С. 416–477.
- Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
- Айрапетов, 2003 – Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
- Айрапетов, 2014 – Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014.

- Алексеева, 1990** – Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг. Л., 1990.
- Аксенов, 2020** – Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Алкнис, 1927** – Алкнис Я.Я. Подготовка к войне и вопросы комплектования армии / Война и революция. М., 1927. № 6. С. 6-46.
- Асташов, 2012** – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012.
- Ахун, Петров, 1929** – Ахун М., Петров В. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929.
- Балашев, 1915** – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
- Белова, 2011** – Белова И.Б. Первая Мировая война и российская провинция (1914 – февраль 1917 г.). М.: АИРО-XXI, 2011.
- Бельгард, 2009** – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
- Богословский, 2011** – Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.
- Булдаков, 2014** – Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2014. № 4. С. 4-22.
- Верховский, 1964** – Верховский Д.В. Первая мировая война. М., 1964.
- Винавер, 1926** – Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
- Гайда, 2008** – Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) / *Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка*. М., 2008. С. 647-656.
- Головин, 2001** – Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
- Головин, 2016** – Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2016.
- Деникин, 1990** – Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990.
- Зайончковский, 1926** – Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне. Планы войны. М., 1926.
- Залесский, 2000** – Залесский К.А. Первая мировая война. М., 2000.
- Иванов, 2006** – Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2006.
- Кольшко, 2009** – Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009.
- Кондурушкин, 1915** – Кондурушкин В. Вслед за войной. Пг., 1915.
- Кряжев, 2000** – Кряжев Ю.Н. Военно-политическая деятельность царя Николая II 1904–1914 гг. Курган, 2000.
- Ксюнин, 1916** – Ксюнин А. Народ на войне. Пг., 1916.
- Лаверычев, 1967** – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Меннинг, 2016** – Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861 – 1914. М., 2016.
- Муйжель, 1915** – Муйжель В. С железом в руках, с крестом в сердце. Пг., 1915.
- Никитин, 1949** – Никитин Е.Ф. Русская армия накануне первой мировой империалистической войны. Л., 1949.
- Палеолог, 1991** – Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Тютюкин, 2008** – Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны – к Великой революции / Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 120-160.
- Флоринский, 1988** – Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.
- Черменский, 1976** – Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- Шаццо, 2000** – Шаццо К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
- Шелохаев, 1996** – Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1996. № 7. С. 130-137.
- Шепелев, 1987** – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
- Юдин, 2014** – Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны // *Вестник МГИМО*. 2014. № 4. С. 17-25.

References

- Airapetov, 2003** – Airapetov, O.R. (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu (1907–1917) [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working for the Front and the Revolution (1907–1917)]. М. [in Russian]

- Airapetov, 2014** – *Airapetov, O.R.* (2014). Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). Vol. 1. 1914 god. Nachalo [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917)]. T. 1. 1914. Start]. M. [in Russian]
- Akhun, Petrov, 1929** – *Akhun, M., Petrov, V.* (1929) Tsarskaya armiya v gody imperialisticheskoi voiny [Tsarist army during the imperialist war]. M. [in Russian]
- Aksenov, 2020** – *Aksenov, V.B.* (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918). [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914-1918)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p. [in Russian]
- Alekseeva, 1990** – *Alekseeva, I.V.* (1990). Agoniya Serdechnogo soglasiya: tsarizm, burzhuaziya i ikh soyuzniki po Antante. 1914–1917 gg. [The agony of cordial consent: tsarism, the bourgeoisie and their allies in the Entente] L. [in Russian]
- Alksnis, 1927** – *Alksnis, Ya.Ya.* (1927). Podgotovka k voine i voprosy komplektovaniya armii [Preparation for war and questions of staffing the army]. *Voina i revolyutsiya*. M. 6: 6-46. [in Russian]
- Astashov, 2012** – *Astashov, A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. [Propaganda on the Russian front during the First World War]. M.: Spetskniga, 400 p. [in Russian]
- Avdeev, 1982** – *Avdeev, V.A.* (1982). Posle Mukdena i Tsusimy [After Mukden and Tsushima]. *Voennno-istoricheskii zhurnal*. 8: 2-9. [in Russian]
- Avilov, 2016** – *Avilov, R.S.* (2016). Voennye reformy v Priamurskom voennom okruge nakanune Pervoi mirovoj vojny (1910 – leto 1914 gg.) [Military reforms in the Amur Military District on the eve of the First World War (1910 – summer 1914)]. *Russkii sbornik*. XIX: 416-477. [in Russian]
- Avrekh, 1985** – *Avrekh, A.Ya.* (1985). Raspad tret'eiyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
- Avrekh, 1989** – *Avrekh, A.Ya.* (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [sarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
- Balashov, 1915** – *Balashov, I.P.* (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg. [in Russian]
- Bel'gard, 2009** – *Bel'gard, A.V.* (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Belova, 2011** – *Belova, I.B.* (2011). Pervaya Mirovaya vojna i rossijskaya provinciya (1914 – fevral' 1917 g.). [First World War and the Russian province (1914 – February 1917)]. M.: AIRO-XXI, 228 p. [in Russian]
- Bogoslovskii, 2011** – *Bogoslovskii, M.M.* (2011). Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Diaries (1913-1919): From the collection of the State Historical Museum]. M. [in Russian]
- Buldakov, 2014** – *Buldakov, V.P.* (2014). Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroenij [August 1914: the nature of «patriotic» sentiments]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 4: 4-22. [in Russian]
- Chermenskii, 1976** – *Chermenskii, E.D.* (1976). IV Gosudarstvennaya дума i sverzhenie tsarizma v Rossii [Chermensky E.D. IV State Duma and the overthrow of tsarism in Russia]. M. [in Russian]
- Denikin, 1990** – *Denikin, A.I.* (1990). Put' russkogo oficera [The path of the Russian officer]. M.: Prometheus. [in Russian]
- Florinskii, 1988** – *Florinskii, M.F.* (1988). Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoi mirovoj vojny [The crisis of public administration in Russia during the First World War]. L. [in Russian]
- Gaida, 2008** – *Gaida, F.A.* (2008). Byurokrat glazami liberala: rossiiskoe pravitel'stvo v vospriyatii parlamentskoi oppozitsii (1911–1917 gg.) [Bureaucrat through the Eyes of a Liberal: The Russian Government as Perceived by the Parliamentary Opposition (1911–1917)]. Petr Andreevich Zaionchkovskii. Sbornik statei i vospominanii k stoletiyu istorika. M. Pp. 647-656. [in Russian]
- Golovin, 2016** – *Golovin, N.N.* (2016). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne [Russia in the First World War]. Moscow: Veche, 560 p. [in Russian]
- Ivanov, 2006** – *Ivanov, A.A.* (2006). Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.) [The Last Defenders of the Monarchy: The Right Faction of the IV State Duma during the First World War (1914 – February 1917)]. SPb. [in Russian]
- Kolyshko, 2009** – *Kolyshko, I.I.* (2009). Velikii raspad: Vospominaniya [The Great Decay: A Memoir]. SPb. [in Russian]
- Kondurushkin, 1915** – *Kondurushkin, V.* (1915). Vsled za voinoi [Following the war]. Pg. [in Russian]
- Ksyunin, 1916** – *Ksyunin, A.* (1916). Narod na voine [People at war]. Pg. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Menning, 2016** – *Menning, B.U.* (2016). Pulya i shtyk. Armiya Rossiiskoi imperii 1861 – 1914 [Bullet and bayonet. Army of the Russian Empire 1861 – 1914]. M. [in Russian]
- Muizhel', 1915** – *Muizhel', V.* (1915). S zhelezom v rukakh, s krestom v serdtse [With iron in their hands, with a cross in their heart]. Pg. [in Russian]

- Nikitin, 1949** – *Nikitin, E.F.* (1949). Russkaya armiya nakanune pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny [The Russian army on the eve of the First World Imperialist War]. L. [in Russian]
- Paleolog, 1991** – *Paleolog, M.* (1991). Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny [Tsarist Russia during the World War]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 240 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Shatsilo, 2000** – *Shatsillo, K.F.* (2000). Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. M. [in Russian]
- Shelokhaev, 1996** – *Shelokhaev, V.V.* (1996). Liberaly i massy v gody Pervoi mirovoj voiny [Liberals and masses during the First World War]. *Voprosy istorii*. 7: 130-137. [in Russian]
- Shepelev, 1987** – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914]. L. [in Russian]
- Tyutyukin, 2008** – *Tyutyukin, S.V.* (2008). Rossiya: ot Velikoj vojny – k Velikoj revolyucii [Russia: from the Great War to the Great Revolution]. *Voina i obshchestvo v XX veke: v 3 kn. Kn. 1*. M.: Nauka. Pp. 120-160. [in Russian]
- Vinaver, 1926** – *Vinaver, M.M.* (1926). Nedavnee. Vospominaniya i kharakteristiki [Recent. Memories and characteristics]. Parizh. [in Russian]
- Yudin, 2014** – *Yudin, N.V.* (2014). Patrioticheskij pod"em v nachale Pervoj mirovoj vojny [Patriotic upsurge at the beginning of the First World]. *Vestnik MGIMO*. 4: 17-25. [in Russian]

Качество жизни нижних чинов как фактор боеспособности русской армии в период Первой мировой войны

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования подвергнут изучению вопрос относительно влияния качества жизни нижних чинов Русской императорской армии в период Первой мировой войны на их боеспособность. Методология исследования сформирована за счет использования элементов диахронного, генетического и структурного анализа. Источниковая база работы была сформирована посредством привлечения двух групп источников: не публиковавшихся ранее материалов фондов Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва, Российская Федерация) и источников личного происхождения.

Автор приходит к выводу о том, что качество жизни значимым образом влияло на боеспособность нижних чинов русской армии в период Первой мировой войны, однако на протяжении большей части данного хронологического отрезка не имело определяющего значения. Ощутимые проблемы с оборудованием окопов и укрытий, дефицитом обуви и иных элементов вещевого довольствия, условиями жизни в ходе передвижений крупных масс войск ощущались в действующей армии еще до начала кризиса системы снабжения в конце 1916 – начале 1917 гг. Но вплоть до осени 1916 г. в войсках в массовом порядке не фиксировались тенденции к падению морального духа, отказу от участия в боевых действиях и т.д. Также важно отметить, что до начала продовольственного кризиса в тылу в конце 1916 – начале 1917 гг. проблемы со снабжением войск продуктами питания не носили системного характера. Качество жизни могло обрести характер критически значимого фактора при обеспечении боеготовности нижних чинов лишь после начала 1917 г., когда последствия общего кризиса экономики, связанного с нарушением снабжения населения предметами первой необходимости, наложились на общую усталость военнослужащих от затяжного характера боевых действий.

Ключевые слова: Первая мировая война, качество жизни, снабжение, нижние чины, боеготовность, солдаты, унтер-офицеры.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев)